

Лм 39

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

ТРУДЫ ОТДЕЛА ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

XLIV

ЛЕНИНГРАД
«НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1990

Редколлегия:

Д. М. Булапин, Д. С. Лихачев (ответственный редактор), *М. А. Салмина*

Серия основана в 1934 г.

Т $\frac{4603020101-666}{042(02)-90}$ 733-90(1)

© Издательство «Наука», 1990 г.

**ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ МАТЕРИАЛЫ
ДЛЯ «СЛОВАРЯ КНИЖНИКОВ И КНИЖНОСТИ
ДРЕВНЕЙ РУСИ»**

Писатели и поэты XVII в.

Аверкий (ум. ок. 1692) — земский дьячок Благовещенского погоста на р. Ваге, автор памятных записей с 1661 по 1691 г. и, возможно, краткого летописца под заглавием «О начале великого княжения Московскаго». Эти тексты обнаружены М. Н. Тихомировым в рукописи ГИМ, собр. Барсова, № 2014, л. 1—21 об. Общерусский летописец был первоначально доведен до 1629 г., а затем продолжен тем же автором, делавшим в разное время записи до 1682, 1689 и, наконец, до 1691 г. (л. 1—12 об.). Памятные записи делались периодически, на отдельных листочках, с 1661 по 1691 г. (л. 13—21 об.). «Непосредственность и свежесть» записей, посвященных главным образом событиям в Важском уезде, и Благовещенском погосте в частности, заслужили высокую оценку исследователей. Язык автора лаконичен и точен, определения емки. Записи сливаются в живую летопись административного, хозяйственного и культурного быта погоста как центра уезда и процветающего торгового пункта у «большой дороги». Сочинение А. является важным памятником развития самосознания у торгово-промышленного населения экономически активных районов Русского государства во второй половине XVII в. Характерно упоминание автора в статье о построении в 1670—1671 гг. «на Благовещенском погосте для торгу благовещенских ярманок Гостина двора» о том, что он не взял денег за свое участие в этой важной для развития погоста работе. В отличие от более ранних местных летописцев А. в своем рассказе принимает в расчет и действия московской администрации.

Особого внимания заслуживает весьма обширная в сравнении с другими записями повесть о Московском восстании, охватывающая события в столице с апреля до середины мая 1682 г. Судя по палеографическим признакам, она была написана еще до 10 июля 1682 г., вскоре после первой вспышки восстания (л. 18—21). А. вполне благожелательно изложил ту оценку начальных событий восстания, которую выдвинули и широко распространяли поднявшиеся на вооруженное выступление против «царских изменников и всему Московскому государству разорителей» служилые и посадские люди столицы. Важно отметить, что и в последующей статье о казни Хованских 26 сентября 1682 г. автор не принял правительственной интерпретации этого события, направленной против восставших (л. 21). Вслед за тем благовещенский летописец вновь вернулся к местным делам, лишь один раз упомянув о рождении царевича Алексея Петровича, причем с крупной ошибкой в дате (1685 вместо 1690 г.). Запись 1693 г., которой заканчивается сочинение А., была сделана уже другим человеком (л. 21 об.).

Соч.: Тихомиров М. П. Заметки земского дьячка второй половины XVII века // ИА. 1939. Т. 2. С. 93—100.

Лит.: Буганов В. И. 1) Летописные известия о Московском восстании 1682 г. // Новое о прошлом нашей страны: Сб. статей. М., 1967. С. 314—315; 2) Московские восстания конца XVII века. М., 1969. С. 17, 28, 156—157; Богданов А. П. Начало Московского восстания 1682 г. в современных летописных сочинениях // Летописи и хроники. 1984 г. М., 1984. С. 133—136.

А. П. Богданов

Авраамий (в миру Афанасий) (ум. весной 1672) — юродивый, затем инок, раннестарообрядческий писатель и поэт. А. был земляком, учеником и духовным сыном протопопа *Аввакума*, который так писал о нем в Житии: «До иночества бродил босиком . . . в одной рубашке и зиму и лето. . . Плакать zelo же был охотник: и ходит и плачет. А с кем слово молыт, и у него слово тихо и гладко, яко плачет. . .» (РИБ. Л., 1927. Т. 39. Стб. 57). А. принадлежал к типу «интеллигентных» юродивых. Видимо, бродя по монастырям, он имел доступ к их книжным богатствам (это можно утверждать наверное применительно к Троице-Сергиеву монастырю, предположительно — к Иосифо-Волоколамскому). Ко времени возвращения Аввакума из Сибирской ссылки А. жил в Москве, в хоромах боярыни *Феодосии Морозовой*, где нашла приют целая община юродивых — А., Киприан, Федор.

Через несколько месяцев после возвращения, 29 августа 1664 г., Аввакум был снова сослан, на этот раз на Мезень. Царь и боярская партия, убедившись в невозможности примирения с «ревнителями древлего благочестия», обрушили на них репрессии. Адепты старой веры нуждались в новых руководителях, могущих высказаться устно и письменно по обрядовым и догматическим вопросам. А. явно подходил для этой роли, но он должен был отказаться от юродства, поскольку традиции «подвига» запрещали писательство. Поэтому ранней весной 1665 г. А. уехал из Москвы в какой-то монастырь, где и свершилось превращение юродивого в чернеца.

В Москву А. вернулся весной 1667 г. (через Владимир) и сразу возглавил здесь общину староверов. Сколь высоко стоял его «учительный» авторитет, ясно из приписки А. к письму дьякона *Федора* из Пустозерска: «Сие послание от лица священнаго диакона Федора чернец Авраамий, прочет, любезно целовав, и рукою своею подписал, яко хотящим спастися тако достоит веровати воистину. . .» (Материалы для истории раскола. . . 1881. Т. 6. С. XVII, 79). Эта приписка — так называемое «свидетельствование», т. е. подтверждение вероучительного достоинства текста.

После пострига А. не забыл, однако, своего прежнего оружия в борьбе с никонианами — устного слова. И в это время он воспринимается единомышленниками прежде всего как реальный проповедник, защитник «истинной веры» при помощи устного слова. В своем письме 1666 г. протопоп Аввакум пишет А.: «Любо мне, что ты еретиков побеждаешь, среди торга их, псов, взущаешь. Аще бы я был с тобою, пособил бы тебе хотя немного. . .» (М а л ы ш е в В. И. Три неизвестных сочинения протопопа Аввакума и документы о нем // Докл. и сообщ. филол. ин-та ЛГУ. Л., 1951. Вып. 3. С. 264). Такое понимание борьбы прежде всего как прения, спора с противником повлияло на позицию и приемы А. как писателя. Именно самому факту прения уделяет он внимание в написанном до 1670 г. «Послании к христоролюбцу». Здесь А. не только указывает основные источники из Писания, откуда можно почерпнуть доказательства для ответа противникам, но и обращает внимание адресата на поведение во время прения, на форму, в которой прение должно вестись, на случаи, когда от прения можно уклониться, а когда нельзя. В этом послании А. буквально создает «сценарий» прения, дает образцы «реплик» в форме прямой речи и «ремарок» — действий во время этих «реплик». Как образец ведения прения с противниками можно рассматривать и написанное позднее сочинение «Вопрос и ответ», к работе над которым А. обращался дважды.

А. тайно переписывался с пустозерскими узниками, и это его погубило. Ночью 8 февраля 1670 г. его взяли под стражу, отобрав при обыске письма Аввакума и другие «возмутительные» бумаги (А. был хранителем нелегальной рукописной библиотеки и архива московской общины). А. был заключен на Мстиславском дворе; допрашивали его в Чудовом патриаршем монастыре. На допросах он держался твердо, отговариваясь

скудоумием и беспамятством, а если и называл имена, то это были имена умерших людей, которым он не мог повредить. Несколько раз А. увещевали митрополит Крутицкий и Коломенский Павел, будущий патриарх, а тогда архимандрит Чудова монастыря *Иоаким* и другие иерархи, уговаривая принять новые обряды. Споры были жаркими, и дело иногда доходило до рукоприкладства. «И Павел митрополит, — пишет А., — . . . яко зверь разпыхался, и не усидел на месте своем и, пришед близ мене, взял мя левою своею рукою за бороду, правую же нача мя по ланитам бити, и збил с меня на пол клобук, и камилавку, и мантию, и просто-власа водя мя за бороду по полате. . . » (Материалы для истории раскола. . . Т. 7. С. 267). Видя, что от уговоров мало толку, иерархи приказали расстричь А.

В заключении его держали строго: окна чулана, где он сидел, заколотили досками, чтоб он не мог сноситься со своими доброхотами. Потом его перевели в другую избу, «от начальников подале», и там А., по его словам, скоро «с караулщиками попризнался».

И в тюрьме А. продолжает писать и поддерживать связь с *Аввакумом* и другими единомышленниками. Он создает «Послание к некоему боголюбцу» (полная редакция), в котором отвечает на полученные еще до заключения под стражу вопросы и рассказывает об аресте и допросах «властьми». Это послание было, вероятно, отправлено на Мезень Ивану Аввакумовичу, а оттуда в Пустозерск протопопу Аввакуму (о нем упоминает Аввакум в своем *Житии*). По черновым записям к этому сочинению А. создает в публицистических целях текст сокращенной редакции «Послания к боголюбцу» и другие произведения: «Вопрос и ответ», «Послание к боярыне Морозовой», «Послание к дщери Христовой»; в это же время А. пишет знаменитую челобитную к царю.

Непримиримый и резко обличительный тон челобитной, по-видимому, решил судьбу А. На Болотной площади — против Кремля, за Москвой-рекой, куда выходил государев сад, где устраивали кулачные потехи и где казнили еретиков и разбойников, — А. был сожжен.

Его главное произведение — историко-полюемический сборник «Христианоопасный щит веры против еретического ополчения» (1667—1669), куда кроме его собственных сочинений вошли сочинения Аввакума, дьякона Федора, *Ивана Неронова* и др., а также «слова» Иоанна Златоуста, *Максима Грека*, Сказание о Флорентийском соборе *Симеона Суздальца*, выписки из Большого катехизиса, Кормчей и другие тексты старой и новой традиций. Предисловия, предпосланные А. сборнику, «пристяжения» к отдельным главам, целенаправленные переработки текстов при включении их в сборник несомненно свидетельствуют о том, что «Христианоопасный щит веры» представляет собой единое по замыслу произведение, фиксирующее эпизоды и этапы борьбы первых старообрядцев с официальной церковью и государством. Это — один из первых образцов старообрядческой книги как историко-литературного жанра.

Этот сборник предваряется двумя стихотворными предисловиями. Второе из них А. заимствовал из «Книги о вере», опустив два последних стиха, а остальные воспроизведя почти буквально. Первое предисловие — это компиляция из вирш «*Кирилловой книги*». А. как поэт принадлежит к «приказной школе» (многие ее участники оказались в оппозиции к *Никону*).

Как стилист А. не был последователем своего учителя Аввакума. Если первый пропагандирует (в теории и практике) установку на «природный русский язык», т. е. на просторечие, то А. ориентируется на «словенский язык», который «широк есть и великославен, совокупителен и умилен, и совершен паче простаго и лятцакаго обретається, и имеет в себе великую похвалу». Но «словенский язык» А. не тяжеловесен, он гибок, он позволяет А. рисовать выразительные картины русской жизни эпохи раскола.

Соч.: Материалы для истории раскола за первое время его существования / Под ред. Н. И. Субботина. М., 1885. Т. 7; 1887. Т. 8; Смирнов П. С. Внутренние вопросы в расколе в XVII веке: (Исследования из начальной истории раскола по вновь открытым памятникам, изданным и рукописным). СПб., 1898; Барсков. Памятники.

Лит.: Демин Н. Расколоучитель старец Авраамий // Учебно-богословские и церковно-проповеднические опыты студентов Киевской духовной академии 67 курса. Киев, 1914, С. 124—232; Робинсон А. Н. Жизнеописание Аввакума и Епифания. М., 1963. Комментарии; Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII века. Л., 1973. С. 82—100; Лихачев Д. С., Панченко А. М. «Смеховой мир» Древней Руси. Л., 1976. С. 96—99; Бунов Н. Ю. Книготворчество московских старообрядцев XVII века // Русские книги и библиотеки в XVI—первой половине XIX века. Л., 1983.

А. М. Панченко, Н. В. Шухтина

Авраамий (в миру Алексей Иванович Венгерский) (ок. 1635—после 1702) — один из руководителей раннего урало-сибирского старообрядчества, автор не дошедших до нас полемических сочинений. Происходил из семьи служилых сибирских людей. Его отец Иван Венгерский был тобольским сыном боярским, в начале 30-х гг. XVII в. исполнял обязанности приказчика Ницынской слободы. В 50-х гг. XVII в. А. был поверстан в тобольские дети боярские, а около 1658 г. постригся в монахи Троицкого Кондинского монастыря. «Постригал ево черный поп Василей. . . И в том. . . монастыре жил он десять лет» (ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 1350, л. 292 об.). В период своего пребывания здесь А. познакомился с монастырской библиотекой, о составе которой дает представление опись 1673 г. (ГПБ, собр. Русского археологического общества, № 30, л. 3 об., 5 об.— 6 об.). Тогда же А. сблизился со своим будущим сподвижником — черным попом Иваном Кондинским («Иванищем»), строителем монастыря, исполнявшим обязанности настоятеля. По его поручению А. в середине 60-х гг. XVII в. ездил в Москву «бить челом» о монастырских нуждах (ЦГАДА, ф. 214, оп. 3, стб. 1237, л. 255, 486—488). Вскоре после возвращения из столицы он в конце 1667 или в начале 1668 г. появился в Тобольске, вступил в «спор о вере» с властями, за что его сослали в Туруханский Троицкий монастырь. Через некоторое время А. «по отпуску» удалось вернуться в Кондинскую обитель, после чего он вместе с «Иванищем» переехал в Троицкую Кондинскую пустынь на р. Исети. Это место становился одним из центров урало-сибирского раскола. Здесь, в частности, Иван Кондинский постриг под именем Даниила бывшего попа тюменской Знаменской церкви Доментиана, который вернулся на родину из ссылки в Пустозерск, куда он был отправлен в 1665 г. вместе с попом *Лазарем* и бывшим патриаршим подьяком *Федором Трофимовым*. Являясь духовным отцом Доментиана-Даниила, а также будучи, как и А., противником самосожжений, «Иванище» отказался дать благословение бывшему тюменскому попу на «гарь» в его пустыни на р. Березовке (состоялась в ночь на 6 января 1679 г.). По этому же поводу к А. и Ивану Кондинскому, вероятно, обращались крестьяне исетской деревни Мостовки, приготовившиеся в конце марта 1679 г. во главе с *Иваном Бархатовым* к самосожжению. В конце 1670-х—начале 1680-х гг. А., придерживавшийся теории «чувственного антихриста», очевидно, ведет полемику с неизвестным старообрядческим писателем из Далматовского Успенского монастыря, являвшимся автором послания «Об антихристе и тайном царстве его», в котором обосновывалась теория «духовного антихриста» (Смирнов П. С. Внутренние вопросы в расколе в XVII веке. СПб., 1898. С. 019—034).

В 1682 г. А. и Иван Кондинский оказались в Утяцкой слободе Тобольского уезда, где в конце декабря того же года произошло новое массовое самосожжение, явившееся откликом на стрелецкое восстание в Москве. Незадолго до этого А. вместе с одним из организаторов выступления слободчиком Федором Иноземцевым написал не дошедшую до нас

«сказку» от имени собравшихся в слободе; «. . . а в сказке их написано, за чем они, Федка с товарищи, крест не целовали и впредь они великим государем креста целовать не хотят же; а за чем они, Федка с товарищи, не целуют, и то написано в их сказках, за их руками» (ДАИ. СПб., 1867. Т. 10. С. 9). По аналогии с другими подобного рода идеологическими памятниками старообрядческого протеста (ср., например: П о к р о в с к и й Н. Н. Тарское «противное письмо» 30 мая 1722 г. // Культурное наследие Древней Руси: Истоки; Становление; Традиции. М., 1976. С. 412—417) можно предположить, что «сказка» А. и Федора Иноземцева, теоретически обосновывавшая категорический отказ от присяги новым царям Ивану и Петру, имела ярко выраженную эсхатологическую окраску. Не исключено, что именно в Утяцкую слободу было адресовано отправленное из Пустозерска послание протопопа *Аввакума*, в котором он благословлял собравшихся на добровольную смерть (см.: Л о п а р е в Х. М. Оразительное писание о новоизобретенном пути самоубийственных смертей: Вновь найденный старообрядческий трактат против самосожжений 1691 г. СПб., 1895. С. 19 (ПДПИ; Вып. 108); Ш а ш к о в А. Т. Послание сибирской «братии» протопопа Аввакума и его адресаты // Памятники литературы и общественной мысли эпохи феодализма. Новосибирск, 1985. С. 96).

После Утяцкой «гари» А. и Ивану Кондинскому пришлось скрываться. 15 января 1683 г. одна из тобольских военных команд схватила в деревне Гилевой Тюменского уезда (на Дальних Кармаках) доверенного человека А. Ивана Коробейникова, у которого, очевидно, хранилась часть совместной библиотеки А. и Ивана Кондинского, однако арестованного вместе с книгами отбили местные крестьяне (ДАИ. Т. 10. С. 10—12). Некоторое время «крышющиеся старцы» жили в Тюменском уезде на р. Ирмю, а около 1686—1687 гг. они переехали на пустынные острова среди лесных Бахметских болот за Дальними Кармаками, где «Иванище» умер и был похоронен.

В эти годы, как сообщает урало-сибирское старообрядческое сочинение XVIII в. «Рукопись о древних отцах», А. через своего посланца Ивана Коробейникова устанавливает контакты с видным донским (впоследствии ветковским) расколоучителем черным попом *Феодосием*.

Тогда же разворачивается его полемика о допустимости самосожжений и о сущности антихриста с другим идеологом урало-сибирского старообрядчества — бывшим «садчиком» (слободчиком) верхотурской Красноярской слободы, а затем верхотурским атаманом беломестных казаков Яковом Борисовым сыном Лепихиным, о чем сообщает в своих «Сибирских посланиях» их обличитель тобольский митрополит *Игнатий Римский-Корсаков* (Послания блаженного Игнатия, митрополита Сибирского и Тобольского, изд. в «Православном собеседнике». Казань, 1855. С. 13, 169—172). Впрочем, разногласия во взглядах не мешали А. и Я. Б. Лепихину сотрудничать. Так, по свидетельству того же Игнатия, по их инициативе был создан под Тюменью старообрядческий собор, к которому они «написаша рукою своею скверною на Святыю Церковь хулы многия, яко воду многу, и, ругающеса, написаша Церковь Святую, и учителя своего, искони злаго врага диавола, аки змия, оплетшася окрест ея и исплювающа яд свой на Святыя тайны Святаго Тела и Крове Христовы». Этот сюжет Я. Б. Лепихин, «яко сам сый быв иконник», изобразил к тому же «в лицах» на особом листе, «и сим листом превращаше окаянный простыня сельныя жители» (Там же. С. 15—16). Упомянутое Игнатием агитационно-пропагандистское сочинение появилось, очевидно, около 1690 г., так как именно к этому времени относятся документальные известия о том, «что в Тоболском уезде и иных сибирских городов Тоболского розряду в слободах и в деревнях многие крестьяне воруют, чинят в тех слободах и в деревнях сходы без указу великих государей своим самовольством, и составляют неведомо какие писма, и с теми составными писмами бе-

гают. . . И от того во многих слободах и в деревнях те воры и составщики в крестьянх чинят смуту болшую и раскол» (ЦГАДА, ф. 1111, оп. 1, д. 19, л. 31). На рубеже XVII и XVIII вв. А. налаживает также связь с Керженцем.

В январе 1702 г. специальный отряд стрельцов, посланный тюменским воеводой О. Я. Тухачевским, разгромил скиты А. на островах. А. и его сподвижник старец Варлаам (в миру сын тюменского конного казака Василий Афанасьев сын Черепашков) были арестованы. Вместе с конфискованной библиотекой, состоявшей из 22 рукописных и старопечатных книг, их доставили в Тюмень. По дороге группа вооруженных старообрядцев во главе с тюменским конным казаком Елисеем Кокшаровым пыталась отбить арестантов, однако в их руки попали лишь «пустынные» книги, которые вскоре вместе с «отбойщиками» были доставлены в тюменскую приказную избу (ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 1350, л. 292—293 об.). В апреле того же года А. был отправлен в архиерейский дом в Тобольск, откуда ему через некоторое время удалось бежать. Он вернулся в свою старую пустынь на Ирюм; вновь собранную библиотеку А. благословил перед смертью своему преемнику иноку Тарасию. Тело А. по его завещанию было перенесено на Дальние Кармаки и похоронено на острове рядом с Иваном Кондинским.

Лит.: Б е л и к о в Д. Н. Старинный раскол в пределах Томского края. Томск, 1905. С. 5—7; О г л о б л и н Н. Старец Авраамий Венгерский: (Очерк из жизни старообрядцев начала XVIII века) // На сибирские темы: Сборник в пользу Томских воскресных школ и Гоголевского народного дома. СПб., 1905. С. 92—115; П о к р о в с к и й Н. Н. Новые сведения о крестьянской старообрядческой литературе Урала и Сибири XVIII века // ТОДРЛ. Л., 1976. Т. 30. С. 170—173; Ш а ш к о в А. Т. 1) Две сибирские библиотеки XVII в. // 3-я Всесоюз. науч. конф. «Книга в России до середины XIX века»: Тез. докл. Л., 1985. С. 60—62; 2) Антицерковные выступления тюменских старообрядцев во второй половине XVII века // 400 лет Тюмени. История и современность: Тез. докл. и сообщ. гор. науч. конф. Тюмень, 1986. С. 7; П и х о я Р. Г. Общественно-политическая мысль трудящихся Урала (конец XVII—XVIII вв.). Свердловск, 1987. С. 41—44, 54—56, 82, 192.

А. Т. Шашков

Авраамий (в миру Андрей Карамышев) (ум. 1726) — монах Далматовского Успенского монастыря, переводчик с польского языка на русский сочинения Иоанникия Галытовского «Лебедь с перием» (1679) и автор Предисловия к нему. Рукопись — автограф А. (БАН, 17.7.18) — была написана в начале 20-х гг. XVIII в. Предисловие содержит панегирическое посвящение Петру I, в котором восхваляются его военные успехи в борьбе с турками и шведами, император ставится выше героев древности, а за его любовь к Отечеству сравнивается с «жалостливой» птицей лебедем. После посвящения в книге помещены «Рифмы» *Симеона Полоцкого* на рождение царевича и великого князя Петра Алексеевича. В обращении к царю А. говорит, что перевод был сделан им с печатной книги неизвестного автора, неизвестно когда напечатанной. Чуть позже на отдельном листе кем-то было написано полное название книги с указанием об издании ее в Черниговской типографии Лазаря Барановича в 1709 г.

Свой перевод А. сумел передать Петру I следующим способом. 25 января 1724 г. в Далматовском монастыре он «сказал за собою государеву дело». 7 марта того же года А. был прислан в Тобольск к митрополиту Антонию Стаховскому, где «объявил своеручное писмо к его императорскому величеству на деле пушек на полулисте и шесть полдестевых тетратей уставного и скорописного писма руки его». После допроса «с истязанием» «онные его писмо и тетради и допросные речи за его рукою» были посланы в Синод, а сам А. был «удержан» в Тобольском Знаменском монастыре. 20 мая 1724 г. Синод распорядился письмом А. «о деле пушек» (в котором, очевидно, речь шла о каких-то махинациях далматовского архимандрита *Исаака* в связи с приобретением для монастырских укреплений пушек

на Каменском заводе) и его тетради «о чести лебязьего пера» направить в «артиллерскую канцелярию» (ЦГИА, ф. 796, оп. 5, № 257, л. 1—4 об.). Из Артиллерийской канцелярии тетради А., содержащие перевод и Предисловие, были переданы в библиотеку Петра I.

Сам А. 21 сентября 1724 г. был переведен в Тобольский надворный суд для следствия, где его донос был признан ложным. Через три с половиной месяца его вновь отправили «для содержания до указа его императорского величества в Тобольский архиерейский приказ», а оттуда — в Далматовский монастырь «на смирение». Однако монастырские власти добились его перевода в Тюменский Рафаилов монастырь. Выехать туда А. не пришлось: претерпев во время следствия немало пыток, он, очевидно, заболел и вскоре скончался (Филиал Государственного архива Курганской области в г. Шадринске, ф. 224, оп. 1, № 97, л. 1—3; № 167, л. 26 об.).

Лит.: Описание документов и дел, хранящихся в Архиве Святейшего Правительствующего Синода. СПб., 1880. Т. 4. Стб. 255; Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР. М.; Л., 1956. Вып. 1: XVIII век. С. 116, 259, 420; Библиотека Петра I: Указатель-справочник / Сост. Е. И. Боброва. Л., 1978. С. 28; Описание Рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР / Сост. И. Ф. Мартынов. Л., 1980. Т. 4, вып. 2: Стихотворения, романсы, поэмы и драматические сочинения. XVII—первая треть XIX в. С. 89—90; Sch m ü c k e r - B r e l o e r M. Zur Rezeption des «Lebed's periem. . .» von Ioannikij Galatovskij // Slavistische Studien zum IX. Internationalen Slavistenkongress in Kiev. 1983. Köln; Wien, 1983. S. 465—494.

А. Т. Шапков

Агафоник (XVII в.) — священник, автор посланий и поучений. Биографических сведений об А. не сохранилось. Н. К. Никольский пытался отождествить его с подьячим Агафонином Тимофеевым (Послание. . . С. 393), в котором А. Прозоровский видит отца *Сильвестра Медведева* (см.: Прозоровский А. Сильвестр Медведев. М., 1896. С. 50—51); однако ни в одном сочинении А. не указывает своего отчества, так что оно предположительно. Н. Ф. Каптерев (Патриарх Никон. . . С. 90—92) ранее высказал гипотезу о том, что под именем А. скрывался царский духовник *Стефан Вонифатьев*.

Послания и поучения А. связаны с церковной полемикой 1640-х—начала 1650-х гг.: послание кир Иакову по грамматическим вопросам (не ранее 2 июля 1645 г. — См.: Никольский Н. К. Послание. . . С. 392), послание архиепископу суздальскому *Серапиону* о единогласном пении (не позже 1651 г.), послание митрополиту новгородскому *Никону* об обращении на восток при чтении псалмов (не позже 1652 г.). Последнее сохранилось в сборнике, написанном рукой А. (ГБЛ, ф. 218, № 180, 1651—1652 гг.), где, возможно, ему же принадлежат сочинения «Почтение в неделю 2-ю» на текст из 67-го псалма, «О милостыни», «О церкви, како молиться в церкви», «О пении церковном», «Спорные речи о единогласном пении». Здесь же им переписаны перевод грамоты константинопольского патриарха Парфения (1651 г.) и ряд сочинений о церковном пении и порядке службы; Н. К. Никольский (Послание. . . С. 391—392) указывал сделанные А. выписки в других рукописях.

Характер созданных и переписанных А. сочинений показывает, что это скорее всего был священник (поскольку о священниках он пишет: «мне подобнии»), проживавший в Москве (Каптерев Н. Ф. Патриарх Никон. . . С. 90; Никольский Н. К. Послание. . . С. 392), хорошо известный как Серапиону («ведая твое, святителю божий, ко мне, нищему, милостивное права человеколюбнаго»), так и Никону («паче же нас и сам не невеси»). А. тесно связан с греками: в послании Никону он ссылается на служение иерусалимского патриарха Паисия («сему мы самослышатели и самовидатели есмы»), на разговоры с греками («со многими епископы греческими беседовахом мы и братия наша»); в свой сборник включает

написанные в Москве проповеди и послания Гавриила, митрополита Назаретского; грамматические сочинения читает у бывшего в Москве архимандрита афонского монастыря Верховных апостол (Никольский Н. К. Послание. . . С. 390—391). Грекофил по своим убеждениям, А. особенно высоко ставит авторитет афонских монахов, упоминая их вслед за вселенскими патриархами, ранее церковью болгарской и сербской (Послание Никону); вместе с тем он неоднократно ссылается на церковный опыт Малой России.

Сочинения А. свидетельствуют о начитанности их автора, который широко привлекает для своих целей тексты Писания, отцов церкви, жития святых, проложные и патериковые легенды, «Книгу о вере», *Стоглав*, *Хронограф* (см. *Хронограф русский*). Отразившие основные вопросы полемики накануне реформы сочинения А. в дальнейшем большого распространения не получили. Они известны в единичных списках; Послание Никону, как и другие памятники из сборника А., не публиковались.

Соч.: Преображенский А. В. Вопрос о единогласном пении в русской церкви XVII в. СПб., 1904 (ПДПИ; Т. 155); Никольский Н. К. Послание Агафоника к кир Иакову по грамматическим вопросам (половины XVII века) // Историко-литературный сборник: Посвящается В. И. Срезневскому. Л., 1924. С. 390—400.

Лит.: Калитерев Н. Ф. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. Сергиев посад, 1909. Т. 1. С. 87—92.

Е. К. Ромодановская

Адриан (в миру Андрей) (1627—1700) — последний досинодальный патриарх московский (1690—1700), автор посланий и грамот. До восшествия на патриаршую кафедру был митрополитом казанским и свияжским (1686—1690), а еще ранее — иеромонахом Чудова монастыря в Москве. Многочисленные грамоты и послания А. адресованы *Афанасию Холмогорскому*, *Варлааму Ясинскому*, И. С. Мазепе, *Феодосию Углицкому*, Лазарю Барановичу, *Митрофану Воронежскому* и др. Большая часть этих посланий сохранилась в сборнике 1700 г. под названием «Икона» (известны два близких по времени списка начала XVIII в.: ГПБ, собр. Погодина, № 1115 и ЦГИА, ф. 834, оп. 2, № 1734; из более поздних списков отметим: БАН, 34.666; 16.3.12; ГБЛ, собр. Ундольского, № 210). Послания опубликованы выборочно. Сохранились письма А. к Петру I, не одобрявшему его деятельность. В 1697 г. А. составил духовное завещание (опубликовано Г. А. Скворцовым). Наиболее известные сочинения А. — Послание о брэдобритии (опубликовано дважды) и «О святых судах», а также службы св. Донату, Ипатии и Даниилу Переяславскому. У А. была келейная библиотека, в составе которой находились не только богослужебные книги и богословские труды, но и светские сочинения, в том числе переведенные с польского («География» Яна Ботера, «*Великое Зерцало*», «Проблемата») и оригинальные (*Хронограф*, сочинение о св. Троице *Ермолая-Еразма*, Латухинская Степенная книга в особой авторской редакции, труды *Ивана Хворостинина*, «Хрисмологион» *Николая Спафария* и др.). Среди печатных книг у А. были голландская Библия Пискатора с виршами *Мардария Хонькова* и «Венец веры кафолические» *Симеона Полоцкого*. Сохранились гравированные прижизненные изображения А.

Соч.: О св. судах // Калачев Н. О значении Кормчей в системе русского права. М., 1850. Приложение. С. 11—80 (по списку ГБЛ, собр. ОИДР, № 257); Архив Юго-Западной России. Киев, 1872. Ч. 1, т. 5. С. 439—452 (послания, включенные в сборник «Икона»); Грамоты патриарха Адриана и архиепископа Холмогорского Афанасия о Соловецком монастыре // ПДПИ. СПб., 1879. Вып. 3. С. 5—38; Скворцов Г. А. Патриарх Адриан, его жизнь и труды в связи с состоянием русской церкви в последние десятилетия XVII в. Казань, 1913. (Завещание А. и Послание о брэдобритии).

Лит.: Евгений (Болховитинов). Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина греко-русской церкви. 2-е изд. СПб., 1827. Т. 1. С. 19—20; Строев. Словарь. С. 12—13; Филарет. Обзор. С. 256—257; Венгеров С. А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. Пг., 1889. Вып. 1. С. 128—133; Цветаев Д. Литературная борьба с протестантством в Московском государстве. М., 1887. С. 169—172; Викторов А. Е. Описи рукописных собраний в книгохранилищах Северной России. СПб., 1890. С. 17; Петухов Е. В. Очерки из литературной истории Синодика. СПб., 1895. С. 18—20; Портрет петровского времени: Каталог выставки. Л., 1973. С. 224—225; Белобрава О. А. К истории библиотеки патриарха Адриана // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 33. С. 406—414.

О. А. Белобрава

Акундинов (Акиндинов, Анкидинов, Анкудинов) **Тимофей Демидович** (1617—1654) — самозванец, выдававший себя то за сына, то за внука (по женской линии) царя Василия Шуйского и претендовавший на московский престол, автор писем и стихотворной декларации. Родился в Вологде, в семье стрельца, который служил у архиепископа Варлаама и одновременно вел торговлю холстом. 19 лет А. был в «пищиках» в вологодской съезжей избе. Переехав в Москву, стал подьячим в приказе Новой Чети, где ему покровительствовал известный администратор и дипломат дьяк Иван Патрикеев.

Около 1643 г. А. бежал в Польшу. Подьячий Константин Евдокимов Конюхов (Конюховский), бежавший вместе с ним и сопроводивший его в странствиях, показал позднее под пыткой, что в ночь перед побегом А. сжег свой дом — вместе с нелюбимой женой, которую там намеренно запер, прежде вывезя детей к подьячему Ивану Пескову. Трудно сказать, соответствует ли это действительности. По-видимому, бегство А. и Конюхова из Москвы было как-то связано с опалой, которая постигла их покровителя Ивана Патрикеева после его неудачной поездки в Данию за женой для царевны Ирины Михайловны (посольство вернулось в сентябре 1642 г.).

В Польше А. объявил себя гонимым царевичем. Есть сведения, что он был представлен королю и взят на дворцовое содержание. Однако после вмешательства русских послов А. пришлось уехать в Турцию. В Царьграде он старался заручиться поддержкой султана, для чего, между прочим, «побусурманился». Но и принятие магометанства мало ему помогло. С помощью сербов самозванец в 1648 г. перебрался в Рим, где ходатайствовал перед папой о признании своих прав на московский трон, взамен обещая обратить русских в католическую веру (сам А. здесь перешел в католичество и, как отмечают источники, принимал «сакрамент»).

Когда и эти надежды потерпели крушение, он через Австрию, Венгрию и Польшу уехал на Украину к Богдану Хмельницкому. Московские представители настойчиво хлопотали о выдаче беспокойного авантюриста. Хмельницкий отказал, сославшись на то, что у него на Украине, как и в области Войска Донского, всякому пришлому «вору» жить вольно. Тем не менее А., наслышанный о непостоянном праве гетмана, отправился в новые скитания.

Мятежи, вспыхнувшие в 1650 г. в Пскове и Новгороде, вселили в самозванца надежду, что позиции новой русской династии все еще шатки. А. добрался до Ревеля, откуда собирался «шпиговски или лазутчески» пересылать в Псков пропагандистские «грамотки». Однако мятежи были тотчас подавлены, и А. в 1651 г. переехал из Ревеля в Швецию, где в который раз переменил веру (на этот раз он перешел в лютеранство), затем жил в Нарве и Кенигсберге. Но конец авантюры был уже близок.

В 1652 г. шведские власти позволили людям русского посланника схватить в Ревеле Конюхова, который 28 мая был доставлен в Москву. А. (в обмен на некоторые торговые уступки) выдала в 1653 г. Голштиния, где он пытался найти новое убежище. По дороге пленник тщетно пытался покончить с собой, в Москве был допрошен в застенке, отрекся на очной

ставке от своей матери инокини Стефаниды (в миру Соломонида) и четвертован.

А. был образованным и одаренным человеком. Конохов рассказывал, что А. еще в Москве «звездочетные книги читал и остроломейского ученья держался . . . и в Литве он и досталь того научился». Литературное наследие А. довольно обширно. В основном это — эпистолярная проза, в том числе письма и послания к Конохову, к дубровницкому князю Милутину, к русскому резиденту при Богдане Хмельницком Василию Унковскому и другим адресатам. Письма А. — не столько документы, сколько публицистика. Поскольку он старался доказать, что законно претендует на московский трон, то и письма свои стилизовал как «царские письма». Стилизация эта, естественно, опиралась не на реальные тексты, вышедшие из-под пера членов царствующего дома, а на представления самого А. о том, как должен говорить и писать монарх. А. придумывает некий «царский язык» — макаронический, ритмизованный, изобилующий метафорами. Эти образцы «царского языка» чрезвычайно важны для изучения психологии и истории русского самозванства, потому что из всех самозванцев только А. оставил столь обширное эпистолярное наследие.

А. вошел также в историю русской книжной поэзии. 11 декабря 1646 г. он подал в Царьграде русским послам написанную неравносложными стихами декларацию, в которой заявлял о законности своих притязаний (декларация сохранилась в делах Посольского приказа и была обнаружена в 1960-х гг. Ю. Б. Симченко). В декларации есть очевидные полонизмы («я естем», «Польска»), однако и метрика ее, и стилистика в общем типичны для приказной школы (А. был подьячим и вращался в той же среде, что и приказные поэты). Однако русским послам в Царьграде декларацию подавал не подьячий, а «государевич», как выражался А. Значит, мерную речь он тоже считал разновидностью «царского языка». Как известно, царь *Михаил Федорович* ценил искусство слагать вирши. Может быть, А. полагал (ошибочно или нет?), что царь Михаил и сам пробует свои силы в стихотворстве, — тогда стихотворная декларация поддельного «государевича» становится понятной и как памятник «царского языка».

До сих пор наследие А. издано только частично и исследовано явно недостаточно. Между тем его надо изучать в целом (эпистолярную прозу, поэзию, вымышленные родословные, поддельные грамоты) — и не только как исторический источник, а как литературную «игру в царя».

Соч.: Шмурло Е. Ф. Римская курия на русском православном Востоке в 1609—1654 годах. Прага, 1928. С. 174—180, 279; Мошин В. А. 1) Руски самозванца и Дубровник // Историчк зборник. Загреб, 1952. Т. 5, № 1—2. С. 71—84; 2) Из переписки самозванца Тимошки Акундинова // ТОДРЛ. Л., 1964. Т. 24. С. 309—313; Русская силлабическая поэзия XVII—XVIII вв. / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. А. М. Панченко. Л., 1970. С. 85—90, 366 (Б-ка поэта. Большая сер.).

Лит.: Соловьев С. В. Тимошка Акиндинов: Одинадцатый самозванец // Финский вестн. Гельсингфорс, 1847. № 13. С. 1—38; № 14. С. 1—34; Соловьев С. М. История России с древнейших времен. СПб., 1894. Кн. 2, т. 6—10. Стб. 1286, 1497—1500, 1601—1608, 1644—1649; Пирлинг П. Исторические статьи и заметки. СПб., 1913. С. 172—173; Мошин В. А. Из истории сношений римской курии, России и южных славян в середине XVII в. // Международные связи России до XVII века. М., 1961. С. 491—511; Чистов К. В. Русские народные социально-утопические легенды XVII—XIX вв. М., 1967. С. 70—78; Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII века. Л., 1973. С. 78—81.

А. М. Панченко

Александр (в миру Алексей) (первая половина XVII в.) — инок, автор Жития Иринарха Затворника. В Житии своего учителя Иринарха — затворника Ростовского Борисоглебского монастыря — А. мало что сообщил о самом себе. Из Жития ясно лишь, что автор, узнав о затворничестве Иринарха, пожелал и сам подвизаться так же. Придя к Иринарху, он стал

просить постричь его в иноческий чин и взять к себе в ученики. Иринарх с радостью принял его, и А. был пострижен. С тех пор инок А. в течение 30 лет был неотлучным учеником Иринарха до самой смерти последнего в 1616 г. Из Жития известно также, что А. по поручению Иринарха трижды ходил в Москву. Первый раз (в 1608 г.) он сопровождал своего учителя к царю Василию Ивановичу, которому Иринарх шёл сообщить о своем видении, предвещавшем разорение Московского царства ляхами. Вторым раз А. приходил в Москву к князю Михаилу Скопину-Шуйскому за честным крестом Иринарха, которым последний благословлял князя на борьбу с литовцами в 1610 г. С такой же целью приходил А. и к князю *Дмитрию Пожарскому*, но в этот раз у него было и дополнительное поручение: он ходатайствовал перед князем Пожарским об освобождении Борисоглебского монастыря от доставки припасов для войска по причине разорения монастыря литовскими интервентами.

Житие Иринарха было написано А. по завещанию учителя и, как предполагает В. О. Ключевский, вскоре после кончины Иринарха в 1616 г.: «Одно из посмертных чудес, приложенных к житию, помечено 1653 г., а последнее — 1693 г., но по изложению их видно, что они записывались позднее жития постепенно, разными людьми и даже в разных местах» (К л ю ч е в с к и й. Древнерусские жития. С. 323). Поскольку Житие написано человеком, близко знавшим Иринарха, прожившим с ним рядом целых 30 лет, неудивительно, что в нем много фактических сведений об Иринархе, в том числе и о годах его жизни, предшествовавших пострижению. Постригся Иринарх на 30-м году жизни в Ростовском Борисоглебском монастыре и начал подвижничество свое тем, что стал ходить босой и в рубище, чем навлек на себя гонения и преследования со стороны иноков монастыря. Гонения вынудили Иринарха покинуть Борисоглебский монастырь, и некоторое время он жил в Авраамиевом Ростовском монастыре. Спустя три года новый настоятель Борисоглебского монастыря возвратил Иринарха в его прежнюю обитель. Здесь в возрасте 38 лет Иринарх затворился в келье, приковал себя цепью к стулу, повесил на себя вериги, тяжесть которых постоянно увеличивал. С исторической точки зрения наиболее интересны те подробности биографии Иринарха, которые связаны со Смутным временем. Автор Жития использует мотив видения, так популярного в Смутное время. Однажды в «тонком сне» видел Иринарх Москву в огне и во власти ляхов. Понуждаемый «гласом» и советом настоятеля монастыря, он отправился в Москву к царю Василию Ивановичу, дабы рассказать ему о видении. Далее А. сообщает много подробностей из жизни Иринарха в период польской интервенции, которые, видимо, призваны показать историческую роль старца в деле освобождения России от польских интервентов. Автор Жития, например, подробно рассказывает о приходе в монастырскую келью Иринарха «свирепого» пана Микульского, а позднее Сапеги, передает происходивший между ними и Иринархом диалог. Оба поляка испытывали старца вопросом, какого царя он признает. И оба получили одинаковый ответ: «Я живу в России и признаю русского. Другого же не знаю». Особенно тронут был твердостью, смелостью старца, его подвижничеством Сапега, который не только без гнева выслушал совет Иринарха покинуть Россию, но и прислал ему 5 рублей денег, строго запретив полякам тревожить обитель. Автор Жития приписывает Иринарху и более значительные заслуги. По его мнению, благословение Иринархом князей Скопина-Шуйского и Дмитрия Пожарского сыграло большую роль в победе этих князей над интервентами.

В Житии перечислены чудеса, совершенные Иринархом при жизни, а также посмертные чудеса. Причем в некоторых списках все чудеса перечислены в конце Жития, после сообщения о смерти Иринарха, в других же вначале идут чудеса, совершенные при жизни, затем следует сообщение о смерти Иринарха, после чего перечисляются посмертные чудеса.

Текстологическое исследование списков Жития Иринарха не проведено (списки перечислены у В. О. Ключевского и Н. П. Барсукова). Нет и научного издания Жития. В отрывках оно опубликовано В. М. Ундольским в ЧОИДР, по двум редакциям — в РИБ; пересказано близко к тексту с заменой устарелых выражений Амфилохием. Ср. краткий пересказ Жития у Филарета («Русские святые», под 13 января) и в «Словаре историческом о святых».

Соч.: У н д о л ь с к и й В. М. Библиографические разыскания. М., 1846. С. 62—68; Г о л с т о й М. Древние святые Ростова Великого. Приложение 2. Отрывки из современного жития преподобного Иринарха Затворника // ЧОИДР. 1847. № 2, отд. 1. С. 63—67; А м ф и л о х и й, архимандрит. Жизнь преп. Иринарха затворника Ростовского Борисоглебского монастыря. М., 1863; Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени. 2-е изд. СПб., 1909 (РИБ; Т. 13).

Лит.: Словарь исторический о святых, прославленных в российской церкви, и о некоторых подвижниках благочестия, местно чтимых. СПб., 1836. С. 122—123; К л ю ч е в с к и й. Древнерусские жития. С. 323; Б а р с у к о в. Источники агиографии. Стб. 224—225; Ф и л а р е т. Обзор. С. 313.

Л. В. Соколова

Александр (30 XI 1603—17 XII 1678) — епископ Вятский и Великопермский, автор «Отписки» царю, письма Паисию Газскому, вопросов и ответов к Собору 1666 г., а также службы Логину Коряжемскому и «Сказания о зачале Николо-Коряжемского монастыря». Будущий епископ А. родился в г. Сольвычегодске, в 1631 г. постригся в монахи в Николо-Коряжемском монастыре, в 1643 г. избран игуменом, а в 1651 г. назначен архимандритом в Спасо-Каменный монастырь на Кубенском озере. 3 июля 1655 г. рукоположен патриархом *Никоном* в епископа Коломенского и Каширского взамен лишнего епархии и сосланного епископа Павла Коломенского. 5 декабря 1657 г. А. переведен во вновь образованную Вятскую епархию, куда прибыл 4 апреля 1658 г. Вятским епископом он оставался до 8 января 1674 г., когда самовольно ушел на покой в Николо-Коряжемский монастырь, где принял схиму и скончался (даты рождения и смерти А. устанавливаются по Кормовой книге Николо-Коряжемского монастыря).

Из всех членов русского епископата, не считая рано умершего епископа Павла Коломенского, А. был наиболее близок к старообрядческой партии, на церковных соборах исподволь отстаивал ее интересы, а после ухода Никона с московского патриаршества (в июне 1658 г.) открыто выразил свое несогласие с церковными реформами, проведенными патриархом. Вынужденный следовать церковной дисциплине, А. неизменно ставил свои подписи под решениями соборов и на словах признавал реформированные книги и обряды, хотя в своей епархии всячески тормозил проведение реформ в жизнь. У А. в Москве и на Вятке находили прибежище гонимые старообрядцы, как, например, игумен Феокист, которому епископ давал списывать важные государственные документы. Старообрядческие руководители присылали А. для отзывов и исправлений свои сочинения (Материалы для истории раскола. . . Т. 1. С. 313—314), просили собрать те или иные материалы для обличения обрядовых нововведений Никона и исправленных при нем богослужебных книг. Собранные А. материалы старообрядцы широко использовали. Так, среди отобранных властями у игумена Феокиста при его аресте документов упомянуты сочинения, написанные, как пояснил Феокист, епископом А.: «Две тетради о сложении перстов крестнаго знаменья, собрание Олександра, епископа Вятского» (Материалы. . . Т. 1. С. 324, № 6); «Грамота Александра Вятского. . . да тут же вопрос о нынешнем настоящем времени и ответ Александра епископа напротив того же вопросу, полтора столбца» (Там же. С. 331, № 43).

Среди столбцов московского Успенского собора имеется текст сличения Службника, напечатанного при патриархе Никоне (М., 1658) со Службником Филаретовской печати (М., 1623) (ГИМ, собр. столбцов Успенского

собора, № 165). На обороте этого столбца написана челобитная от 1663 г., адресованная А. Как можно полагать, сличение служебников было осуществлено лично А. в названном году или несколько раньше (отрывок этого сочинения издан Н. И. Субботиным в т. 8 «Материалов. . .» под названием «Сличение Филаретовского служебника с Никоновским, сделанное для Александра епископа Вятского»).

Особое место в изучении творческого наследия А. имеет рукописный сборник ГБЛ, Рогожское собр., № 667, в котором собраны многочисленные материалы, относящиеся к идеологической борьбе 60-х гг. XVII в. Один из двух почерков этого сборника идентичен почерку А., известному по его подписям под решениями церковных соборов 1660 и 1667 гг. Об участии А. в создании сборника свидетельствуют и имеющиеся в нем (л. 316 об.) записи: «Приписано рукою архиерея. Смиранный Александр Вятцкий» и др. (Б у б н о в. Книготворчество. . . С. 27—28, 35—36).

В 1662 г. А., откликнувшись на обращение царя *Алексея Михайловича* к церковным иерархам, подал царю свою «Отписку» по поводу «клятвы» (проклятия), наложенной опальным патриархом Никоном на митрополита Сарского и Подонского *Питирима* («местоблюстителя патриаршего престола»), а также на боярина, окольникего Семена Лукьяновича Стрешнева. Эта «Отписка» была подана царю на лобном месте 8 июля 1662 г. (ГБЛ, Рогожское собр., № 667, л. 191—199 об. — нач.: «Благоверный и христороубивый . . . Алексей Михайлович . . . Богомолец твой государев вяцкий епископ Александр, бога моля, челом бьет. . .»). Исследовавший это сочинение Н. Гиббенет отметил, что названная челобитная А. является откликом на призыв Паисия Газского к русским архиереям побудить царя к скорейшему избранию нового патриарха: «Почему вы, пастыри церкви, не бережете патриаршего престола и не радуете об избрании патриарха? Это ваше дело и радение». «Послание Александра Вятского к царю, — пишет далее Н. Гиббенет, — почти все основано на мнениях и заключениях Паисия Лигарида и даже в подражание сочинению последнего разбито на 30 пунктов» (Г и б е н е т Н. Историческое исследование. . . Ч. 2. С. 18. — Исследуя названное послание, Н. Гиббенет пользовался неизвестным нам списком сочинения, подписанным именем А., и принадлежность сочинения этому автору не вызывала у него сомнения). Несколько позднее, в 1669 г., это же сочинение А. использовал старообрядческий писатель инок *Авраамий*, включивший его в несколько переработанном виде в составленный им сборник «Христианоопасный щит веры против еретического ополчения», изданный Н. И. Субботиным по списку ГИМ, Синодальное собр., № 641 (Материалы. . . Т. 7. С. XIII—XXIV, 112—150). По этому же списку еще раньше сочинение было издано Н. С. Тихонравовым под названием «Обличение на Никона патриарха, написанное для царя Алексея Михайловича». В старообрядческой рукописи БАН, собр. Дружинина, № 729 (772), л. 83—83 об. есть такой отзыв об этом сочинении: «Тако же Александр, епископ Вятский, на соборе страхом подписался, но последи плакаше и рыдаше, новин весьма ненавидаше. Свидетельствуют о сем явственно того писание жалобное к царю, подавше на Никона во 171-м году, в нем же Никоновы прегорчайшия плоды изъяви, како Никон печатные книги издаде, мятежа и смущения полны. . .». С делом о Никоновой «клятве» связано, по-видимому, и письмо А. к митрополиту Паисию Газскому, написанное тогда же: «Собрание смиренного Александра противо клятвы Никоновы», сопровождаемое «вопросными столбцами» к митрополиту (ГБЛ, Рогожское собр., № 667, л. 303—316).

Внимание исследователей до сих пор не привлекало еще одно сочинение А. Это «Вопросы к собору наименьшего из архиереев» (ГБЛ, Рогожское собр., № 667, л. 430—437 об.). К сожалению, это сочинение, содержащее 28 вопросов (из 51?), в названном списке не имеет конца, так как рукопись дефектна. Хотя «Вопросы» не имеют подписи, их несомненно задавал со-

бору иерархов епископ А., который и ранее любил себя называть «наименьшим из архиереев». В сочинении не только ставятся вопросы, но и даются на них ответы, т. е. оно написано в форме диалога. В предисловии автор просит архиереев рассмотреть и утвердить его ответы, написанные против «неправедно мудрствующих церкви». Здесь разбираются изменения, внесенные реформаторами в символ веры в книгах «новой печати», в обряд крещения для переходящих в православие «римлян и униатов», вопрос о несогласии новопечатных книг (изданных после 1654 г.) со старыми и между собою. В ответах А. собору разбираются Треник 1658 г., Скрижалъ 1656 г., Шестоднев 1660 г., критикуется патриарх Никон за строительство собственных патриарших монастырей и др. Очевидно, сочинение было написано накануне Собора 1666 г. и вопросы А. были обращены к его участникам (см.: Б у б н о в Н. Ю. Источники. . . С. 7—8). Возможно, что именно об этом сочинении говорится в «росписи» бумаг игумена Феокиста: «. . . столпчик, вопросы Александра епископа от всего освященного собора (ко всему освященному собору), писан на черных столбцах и на лоскутах, пятьдесят один вопрос о церковных вещах» (Материалы. . . Т. 1. С. 330—331, № 40; оригиналы столбцов хранятся в ГИМ, собр. Успенского собора, № 176, 178 и 179). По-видимому, еще один список этого сочинения А. сохранился в составе рукописи ГИМ, Синодальное собр., № 294, где на л. 76—125 находится «Вопросы, предложенные Московскому собору владык Александром, епископом Вятским, о новоисправленном Потребнике» (всего 26 вопросов), а на л. 125—180 содержится 21 вопрос того же А.: «О несогласии церковных книг между собою» (см. в описании А. В. Горского и К. И. Невоструева). Это и другие сочинения А. послужили, как можно думать, поводом для разбора его дела на одном из заседаний Собора 1666 г.: «Приглашен бысть и предста вядкий епископ Александр и вопрошен о писании си, еже он писа, обхуждая святого символа благоисправление, такожде и новопечатных книг праведное напечатание и иных чинов церковных благоустроение. И он не отрекся писания своего, точию моляше удостоверитися о непогрешении новоисправленных книг и святого символа». А. написал «Покаянный свиток» собору, после чего был прощен (см.: Материалы. . . Т. 2. С. 79).

Помимо вышеназванных сочинений, посвященных полемической борьбе двух церковных группировок в ходе церковной реформы патриарха Никона, имя А. связано с созданием некоторых литературно-агиографических произведений, посвященных Николо-Коряжемскому монастырю. Так, И. М. Верюжский приписывает А. создание службы местному святому Логину Коряжемскому, написанной около 1650 г. (В е р ю ж с к и й И. М. Исторические сказания. . . С. 486). Наблюдения над текстом «Сказания о зачале Николо-Корежемского монастыря и начальнике его старце Логине» позволили А. Н. Власову установить принадлежность этого крупного памятника русской агиографии перу А. (Б у б н о в Н. Ю., В л а с о в А. Н. Александр Вятский. . . С. 378).

Епископ А. имел большую библиотеку. Видимо, большую ее часть он пожертвовал «на свое обещание» в Николо-Коряжемский монастырь, куда с 1657 по 1674 г. от него поступило 37 книг и рукописей (см. Кормовую книгу Николо-Коряжемского монастыря). Современное местонахождение семи из этих книг известно (см.: Н и к о л ь с к и й. Рукописная книжность. С. 28—29). Еще шесть рукописных книг удалось разыскать и идентифицировать их принадлежность к библиотеке А. в недавнее время (см.: Б у б н о в Н. Ю., В л а с о в А. Н. Александр Вятский. . . С. 378).

Соч.: Летописи Тихонравова. М., 1868. Т. 5, отд. 2. С. 163—178; Материалы для истории раскола за первое время его существования / Под ред. Н. Субботина. М., 1875. Т. 1. С. 313—314, 324, 330—331; 1876. Т. 2. С. 79; 1885. Т. 7. С. XIII—XXIV, 112—150; 1887. Т. 8. С. XII—XIII, 131—136.

Лит.: Горский А. В., Невоструев К. И. Описание славянских рукописей Московской синодальной библиотеки. М., 1862. Отд. 2, ч. 3. С. 439—441; Верюжский И. М. Исторические сказания о жизни святых. Вологда, 1880. С. 486; Гиббнет Н. Историческое исследование дела патриарха Никона. СПб., 1882. Ч. 1—2. С. 18 и др.; Строев. Словарь. С. 14; Срезневский В. И. Сведения о рукописях . . . поступивших в Рукописный отдел БАН в 1900 и 1901 гг. СПб., 1901. С. 123—125, № 8 и прилож. 1, с. 186—189 (Кормовая книга Николо-Коряжемского монастыря); Вережгин А. С. Из истории Вятской иерархии: Первый епископ вятский Александр (1658—1674) // Труды Вятской ученой архивной комиссии. Вятка, 1909. Вып. 2. С. 7—8; Бубнов Н. Ю., Копанев А. И. Археографические экспедиции 1966 и 1967 гг. в Медвежьегорский (Заонежье), Пудожский и Беломорский районы Карельской АССР и Архангельскую область // Сборник статей и материалов по книговедению. Л., 1970. Вып. 2. С. 327—336; Бубнов Н. Ю. 1) Источники по истории формирования идеологии раннего старообрядчества: Автореф. дис. . . канд. ист. наук. Л., 1975. С. 7—8; 2) Книготворчество московских старообрядцев XVII века // Русские книги и библиотеки в XVI—первой половине XIX века. Л., 1983. С. 27—28, 35—36; Бубнов Н. Ю., Власов А. Н. Александр Вятский — писатель и книжник XVII века // ТОДРЛ. Л., 1987. Т. 41. С. 375—380.

Н. Ю. Бубнов

Александр (вторая половина XVII в.) — строитель Киржачского Благовещенского монастыря, автор редакции *Жития Даниила Переяславского* и письма архимандриту Троицкого Данилова монастыря в Переславле-Залесском Варфоломею. Время, когда А. подвизался в монастыре, может быть определено только большим интервалом: в книге И. Ф. Токмакова годы его правления не обозначены (Токмаков И. Ф. Историко-статистическое описание города Киржача (Владимирской губернии). М., 1884. С. 10), в справочнике П. М. Строева его имя вовсе отсутствует; предшественник А. — Антоний — упоминается под 1654 г., а преемник — Иоасаф — под 1700 г. (Строев П. М. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877. Стб. 701; Токмаков И. Ф. Историко-статистическое описание. . . С. 10). Датировать работу А. над *Житием Даниила* несколько точнее помогает переписка редактора с давним благословением на переработку *Жития* архимандритом Варфоломеем, который управлял Даниловым монастырем с 20 марта 1675 г. до 1701 г., когда был смещен за попытку укрыть часть денег, оставшихся после И. П. Барятинского (см.: Свирелин А. И. Историко-статистическое описание Переславского Троицкого Данилова монастыря. М., 1860. С. 87; Строев П. М. Списки иерархов. . . Стб. 668; Добронравов В. Г. История Троицкого Данилова монастыря в г. Переславле Залесском. Сергиев Посад, 1908. С. 61, примеч. 1). Переписка, дважды опубликованная А. И. Свирелиным и перепечатанная С. И. Смирновым (последний уже не нашел подлинника в архиве Данилова монастыря), включает письмо Варфоломея, где архимандрит беспокоится, как идет редакторская работа («о том преподобнаго житии к нам известно ничего не бывало»), и успокоительный ответ редактора, который пересылает при нем первую часть своего труда.

Созданную А. новую — пятую по счету — редакцию *Жития Даниила* С. И. Смирнов отождествил с тем вариантом жизнеописания святого, который читается в трех рукописях XVIII в.: из библиотеки Данилова монастыря, № 14; ГБЛ, ф. 310, собр. Ундольского, № 1026; ГИМ, собр. Уварова, № 185. В последней рукописи начало текста воспроизводит первоначальную редакцию (в справочнике Н. П. Барсукова и в книге А. Кадлубовского редакция А. смешана с первоначальной редакцией *Жития*: Барсуков. Источники агиографии. Стб. 147; Кадлубовский А. Очерки по истории древнерусской литературы житий святых. 1—5. Варшава, 1902. С. 273, примеч. 1). К числу особенностей редакции А., отмеченных С. И. Смирновым, относятся замена слова «старец» выражением «преподобный отец наш Даниил», распространение названий глав и некоторое перераспределение материала между ними, лексические замены. Поскольку в перечисленных рукописях читаются вторичные редак-

ции Повести о обретении мощей Даниила (вторая сокращенная редакция по терминологии С. И. Смирнова) и Чудес Даниила (полная редакция по терминологии С. И. Смирнова), исследователь полагает, что автором этих редакций также был А. Из текстов данииловского цикла, которые можно приписать А., полностью в книге С. И. Смирнова издана только вторая сокращенная редакция Повести о обретении мощей; из Жития в обработке А. учитываются лишь отдельные варианты, а его редакция Чудес используется для исправления основного списка.

Соч.: С в и р е л и н А. И. 1) О начале и устройении Переславского Даниилова монастыря (при жизни преподобного Даниила). М., 1863. С. 86—88; 2) Житие преподобного отца нашего Даниила, Переславского чудотворца. 2-е изд. Переславль-Залесский, 1894. С. 54—55; С м и р н о в С. И. Житие преподобного Даниила, Переяславского чудотворца, Повесть о обретении мощей и Чудеса его. М., 1908.

Д. М. Буланин

Александр (ум. 1699) — уроженец Углича, архимандрит Иосифо-Волоколамского монастыря (1682—1685), затем архиепископ Великоустюжский и Тотемский (1685—1699), автор духовного завещания, книголюб. Духовное завещание написано А. 13 мая 1699 г. и содержит перечень имущества, в том числе книг, входивших в его келейную библиотеку и предназначенных владельцем для передачи в великоустюжский Успенский собор. При А. была расширена епархия (присоединен город Яренск с уездом), для чего владыка дважды выезжал в Москву. Сохранились грамоты, отписки, письма и челобитные от А. и к А.: одни о хозяйственных делах (постройка церквей, наказания казначею, уничтожение кабака у женского Спасского монастыря), другие по разбору жалоб (о сборе недоимок, о кражах, о пьянствующих попах) и др. (см.: Акты Холмогорской и Устюжской епархии. Ч. 1. 1500—1699 гг. // РИБ. СПб., 1890. Т. 12). В сфере внимания А. находились также меры по сохранению церковных книг (осуждены случаи хищения книг и подчистки текстов). Личные вкусы А. характеризует интерес к собиранию книг: так, в 1690 г. по его указу из соборной церкви Сольвычегодска была затребована в Великий Устюг книга Козмы Индикоплова «для списания». Некоторые книги А. приобретал, другие заказывал переписать, а «Небо новое» вывез из Иосифо-Волоколамского монастыря (в подстрочной записи владелец назван его архимандритом). Келейные книги А. помечены либо 1692, либо 1699 г. Судя по составу келейной библиотеки (38 рукописных и 26 печатных книг), он был сторонником церковных реформ, не чуждым «латынской премудрости». Наряду с Катехизисом, Толковым Апостолом, сочинениями Дионисия Ареопажита среди рукописных книг А. находятся «Зерцало богословия» Кирилла Транквиллиона, «Небо новое» Иоанникия Галытского, перевод Церковной истории Барония, «*Великое Зерцало*», «*Проскитинтарий*» (с приемом о вере) *Арсения Суханова*, *Космография*, *Азбуковник*. В числе печатных книг А. ряд сочинений *Симеона Полоцкого* («Обед душевный», «Вечеря душевная», «Псалтирь на виршах», «Жезл правления», Повесть о Варлааме и Иоасафе), «Мир с богом человеку» *Иннокентия Гизеля*, «Руно орошенное» *Димитрия Ростовского*, Лексикон Памвы Берынды, а также две цельногравированные голландские книги: Атлас Фредерика де Вита (1688) и Библия Пискатора (1643). Рукописные книги А. хранятся в Устюжском собр. РО БАН СССР (один сборник — в ГПБ, ОЛДП, Q.201), местонахождение книг кириллической печати и Атласа не установлено; Библия Пискатора с русским прозаическим рукописным текстом находится в Великоустюжском краеведческом музее.

Соч.: Копия с духовного завещания пресвященнаго Александра, архиепископа Великоустюжского и Тотемского // Румовский Н. Описание Великоустюжского Успенского собора. Вологда, 1862. Приложение XVII. С. 54, 124—127.

Лит.: С у в о р о в Н. Об иерархах бывшей Великоустюжской епархии // Вологодские епархиальные ведомости: Прибавления. 1869. № 13. С. 472—473; Стр о е в П. М. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877. Стб. 183,

734; Степановский И. К. Вологодский сборник. Историко-археологический сборник. Вологда, 1890. С. 28, 466—472; Лопарев Х. Описание рукописей имп. ОЛДП. СПб., 1893. Ч. 2. С. 280—281, № 201; Бочановский Вл. К истории просвещения в Древней Руси XVII века: Книги в Устюге Великом. СПб., 1892; Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела БАН СССР. М.; Л., 1956. Вып. 1.: XVIII в. С. 177—178; Власов А. Н. 1) Типы Устюжской четвей книги в XVII век // 3-я Всесоюз. науч. конф. АН СССР «Книга в России до середины XIX века»: Тез. докл. Л., 1985. С. 47—48; 2) Проблемы развития книжной и литературной традиции Великого Устюга и Сольвычегодска в XIV—XVII вв. (На материале рукописей и цикла литературных памятников Великоустюжского и Сольвычегодского происхождения): Автореф. дис. . . . канд. филол. наук. Л., 1985. С. 5, 7 и др.

О. А. Белоброва

Александр (ок. 1674—III 1720) — дьякон, старообрядец-попoveц, глава одного из нижегородских керженских скитов, автор послания. Посадский человек из костромского пригорода Нерехта. В 1701—1702 гг. был дьяконом церкви Владимирской Божией матери в Нерехотском женском монастыре. В нижегородские старообрядческие скиты ушел вместе с женою, которая там приняла пострижение. Сам А. был пострижен в ските попа Лаврентия, и около 1710 г., после смерти Лаврентия, сделался главою этого скита. С именем А. связаны так называемые «Дьяконовы ответы» — развернутый трактат в защиту старообрядчества, который был составлен в ответ на вопросы, заданные в 1716 г. старообрядцам Чернораменских скитов игуменом Питиримом, в скором будущем епископом Нижегородским, искоренявшим по поручению светского и духовного начальства «раскол» в Нижегородском крае. «Дьяконовы ответы» — плод коллективного труда керженских старообрядцев. Над их составлением трудился и настоятель Выговского беспоповского общежительства *Андрей Денисов*, для которого эта работа стала подготовкой к работе над знаменитыми «Поморскими ответами» (перечень списков «Дьяконовых ответов» дан в кн.: Дружинин. Писания старообрядцев. С. 346—347). Из сочинений самого А. известно послание на Ветку от 20 февраля 1716 г., которое он написал совместно со священниками *Андреем* и *Герасимом*. Послание было вызвано вопросами Питирима и требовало от ветковцев ответа на отдельные из них. Опубликовано по единственному известному списку ГИБ, О. 1.489, л. 75 об.—76 об.

После подачи в 1719 г. ответов архиепископу Питириму (см.: Объявление, како преосвященный Питирим, епископ Нижегородский и Алатарский, с раскольническими учителями при собрании множайшем духовнаго и мирскаго чина людей разменялся вопросами и ответами, и что при том говорено и учинено, и кто при том собрании людей были // ДРВ. 2-е изд. М., 1790. Ч. 15. С. 405 и след.) дьякон А. оказался в Петербурге под следствием и был публично казнен за веру в Нижнем Новгороде (см.: Полн. собр. законов Российской империи. Т. 6. Ст. 3522: указ 13 февраля 1720 г.).

Соч.: Смирнов П. С. Из истории раскола первой половины XVIII века. СПб., 1908. С. 147—149.

Лит.: Б<ровкович> Александр. Описание некоторых сочинений, написанных русскими раскольниками в пользу раскола. СПб., 1861. Ч. 2. С. 131—304; Есипов Г. Раскольничьи дела XVIII столетия. СПб., 1861. Т. 1. С. 622—650; Смирнов П. С. Споры и разделения в русском расколе в первой четверти XVIII века. СПб., 1909. С. 119—120, 268—279.

Н. В. Понярко

Александр Мезенец (Стремоухов) (XVII в.) — монах звенигородского Савво-Сторожевского монастыря, выдающийся русский музыкальный теоретик, справщик певческих книг, один из авторов, составитель и редактор трактата «Извещение о согласнейших пометах», автор виршей, книгописец. В научных исследованиях имеется целый ряд сведений о нем, нуждающихся в пересмотре.

А. происходил из новгород-северского дворянского рода Стремоуховых, особенно выдвинувшегося на ратной казачьей службе в ходе отражения нашествий вооруженных отрядов из Речи Посполитой и Крыма в первой половине XVII в. Родился (вероятно, в самом начале столетия) в семье Ивана Стремоухова. Росписи служилых людей по Новгороду-Северскому первой четверти XVII в. действительно упоминают двух или трех человек с таким именем. Время и место пострига А. в монахи не установлено. В своих виршах он отметил «случайность» возникновения его «клиросского прозвания» «Мезенец». Старцем Савво-Сторожевского монастыря А. М. стал не с 1668 г. (Н. Д. Успенский), а значительно раньше: уже во второй половине 1640-х гг., пребывая в этом монастыре, А. М. вместе с другими писцами-клирошанами занимался написанием крюковых сборников. Среди сохранившихся певческих книг монастырской библиотеки обнаружено шесть рукописей, в создании которых он принял участие (ЦГАДА, ф. 381, № 286, 291, 317—319, 324). А. М. обладал изящным полууставным почерком, владел искусством оформления книги. Утвердившееся в научной литературе мнение, что он «изобрел» признаки, которые писались чернилами непосредственно на знаменах и должны были заменить киноварные литерные пометы для облегчения нотопечатания, а также что признаки эти появились не ранее 1668 г., противоречит источникам. Из рукописей Савво-Сторожевского и некоторых других скрипториев видно, что признаки употреблялись писцами и певцами во второй половине 40-х—начале 50-х гг., следовательно, развитие системы признаков и системы помет шло параллельно, это — два самостоятельных пути в совершенствовании древнерусских нотаций. Связывать же признаки только с именем А. М. нельзя, так как они содержатся в рукописях, написанных разными писцами, включая А. М., примерно в одно время.

Об участии А. в деятельности Первой московской комиссии по исправлению раздельноречных певческих книг (1652—1654) можно говорить лишь предположительно, учитывая, что к началу 50-х гг. он являлся прекрасным книгописцем, служил в одном из лучших монастырских хоров, был в курсе новейших достижений искусства и теоретических работ по совершенствованию нотаций, наконец, принимая во внимание хорошую осведомленность А. М. о Первой комиссии, нашедшую отражение в написанном им спустя полтора десятилетия предисловии к трактату. Документального же основания для такого утверждения, широко вошедшего в исследование без какой-либо аргументации, до сих пор не найдено. Сообщение Н. Д. Успенского, что А. М. с 1657 г. стал справщиком Московского Печатного двора, источниками опровергается: почерк росписей за жалованье начавшего служить на Печатном дворе с сентября 1657 г. «старца Александра» отличается от почерка А. М., но аналогичен почерку справщика Александра Шестакова (ЦГАДА, ф. 1182, оп. 1, № 55, л. 333 об.; № 64, л. 4 об.).

Специальная самостоятельная работа А. М. по редактированию раздельноречных певческих книг приходится на время после Первой комиссии, когда русские мастера, по замечанию самого А. М., начали «всяк от себе исправляти на правую речь пение». В середине 60-х гг. мастер занимался этой работой, обосновавшись у князя Ю. С. Урусова, «в дому его славнейшем и благознаменитом». Молодой князь был большим любителем, «тщателем» профессионального пения и, по всей вероятности, решил способствовать исправлению певческих книг, не дожидаясь, когда снова (после Первой комиссии) за дело примутся высшие власти, поэтому А. М. видел в Урусове «новоизбранна в пении прилежателя, добре пекущегося о исправлении, книжного любопытательства рачении». Итогом или одним из итогов редакторской работы А. М. в княжеском доме явился сборник, содержащий основные певческие книги — Ирмологий, Октоих, Обиход, — исправленные «с древних знаменных письменных певчих преводов». Книгу написал сам А. М. и предварил ее виршами, в которые кроме панегирических

строк в честь Урусова и сведений о создании сборника включил автобиографические данные (ГИМ, Синодальное собр., певч., № 728, л. 1—1 об.). Рукопись была закончена в июне 1666 г. Оставив после некоторых разделов росписи латиницей с указанием родовой фамилии, А. М. преподнес сборник князю. Однако уже в 1667 г. Ю. С. Урусов сделал вклад этой книгой в Столбенскую пустынь, очевидно, по случаю канонизации основателя последней Нила (Там же. Вкладная запись на л. 2—22).

В своем предисловии к музыкально-теоретическому трактату «Извещение о согласнейших пометах» А. М. писал, что разрозненная деятельность по исправлению певческих книг мастеров, среди которых были и «малочуенши», привела к тому, что «и во единой церкви не токмо трием или многим, но и двема пети стало согласно невозможно» (Азбука. . . С. 1—2 по пагинации Памятника). По указу царя *Алексея Михайловича* митрополит Сарский и Подонский Павел, возглавлявший Московский Печатный двор, собрал новую, Вторую комиссию, куда включил, не считая А. М., еще пятерых «дидаскалов»: *Александра Печерского, Федора Константинова, Фаддея Никитина*, Григория Носа и Кондрата Ларионова. В составе комиссии А. М. проработал с 8 февраля 1669 г. по 1 мая 1670 г. (см.: П а р ф е н т ь е в Н. П. О деятельности комиссий. . . С. 134—136). Основываясь на древнейших «харательных» певческих рукописях и «новосправленных» непевческих печатных книгах, комиссия произвела окончательную правку раздельноречных текстов песнопений и унификацию нотного материала (в качестве образца был представлен Ирмологий), обсудила и обобщила теоретические вопросы знаменного пения (результаты вошли затем в трактат), предложив для решения проблемы нотопечатания в России ввести во всеобщее употребление признаки. У нас нет оснований утверждать, что А. М. возглавлял эту комиссию, хотя такое мнение бытует в научных трудах. Судя по документам Книгопечатного приказа, А. М. официально никак не выделялся среди других справщиков-дидаскалов, имел равное с ними жалованье. По окончании совместной деятельности мастеров (к маю 1670 г.) А. М. не был зачислен в штат Печатного двора, как, скажем, старец Александр Печерский. По-видимому, имея на руках результаты общих музыкально-теоретических изысканий представителей разных школ, А. М. сразу же приступил к написанию трактата.

Опираясь на хорошо известные певцам после Первой комиссии киноварные пометы, А. М. изложил разработанные дидаскалами теоретические вопросы, включая положения о системе признаков и о взаимозаменяемости ее с системой помет. Трактат начинается предисловием с описанием истории музыкальной реформы и завершается акростихом, из которого следует, что над руководством «трудился Александр Мезенец и прочие» (Азбука. . . С. 23—24 по пагинации Памятника). Но текст предисловия и особенно заключительные вирши правильно связывать только с именем А. М. Имея руководство, мастера-печатники могли начать изготовление наборной «азбуки» крюковых знаков, что вскоре и было выполнено. 11 марта 1671 г. митрополит Павел приказал пожаловать деньгами наборщика Ивана Варфоломеева, «что надзирал у дела знаменные азбуки заводу» и «стою новою знаменною азбукою набрал образец, словолитца Ивана Андреева «за дело новые формы, и пунсонов сталных, и матерц медных, и знамени новые певчие азбуки», а также иных мастеров (ЦГАДА, ф. 1182, № 68, л. 221, 238; № 69, л. 46). Поскольку в начале 1671 г. набор «новых» (призначных) знамен был готов, то можно полагать, что «Извещение» А. М. написал до 1671 г. Примечательно, что 15 декабря 1670 г. на основании царского указа А. М. наградили 10 р. (Там же. № 68, л. 215 об.); возможно, это было связано с завершением им трактата. Наиболее вероятной датой написания «Извещения», таким образом, является не 1668 г. (С. В. Смоленский), а вторая половина 1670 г.

8 января 1673 г. А. М. получил на Печатном дворе 10 р. жалования как «праворечного пения справщик» (ЦГАДА, ф. 1182, № 68, л. 331).

Очевидно, в 1672 г. он какое-то время выполнял работу Александра Печерского, который должен был надзирать за правильностью печатного воспроизведения нотированных текстов, но с сентября 1674 г. либо из-за преклонного возраста, либо в связи со смертью выбыл из штата. В дальнейшей связи А. М. с Печатным двором не возобновлялась.

В период работы во Второй комиссии и позднее А. М., видимо, жил на подворье Савво-Сторожевского монастыря в Москве; в сохранившихся росписях старцев самого монастыря (с 1672 г.) его имя отсутствует (ЦГАДА, ф. 1199, оп. 1, № 1, л. 21—27, 33—50, 68—78 и др.). Похоже, мастер не стремился к возвращению в свою обитель. Так, в 70-х гг. он собрал и написал «для себя» сборник нотированных стихов покаянных, среди которых привлекает внимание сатирический стих о монастырском житии на 4-й глас: «Вспомянух житие свое клироское. . . / В монастыре убо игумени с иноками, келари и казначей, / Вкупе же подкеларники, и чашники, и соборные старцы / Горделивые, самолюбием вси одержимии, / Сребролюбием обьяшася, и братоненавидением сошлетошася, / И скупостию связашася, и лукавством помрачашася. . .» (ЦГАДА, ф. 188, № 947, л. 170 об.—173). Если стих и не сочинен самим А., то включение его в сборник ясно выразило отношение мастера к предмету, о котором идет речь в произведении.

Живя в 70-х гг. в Москве, А. М. занимался и обучением певческому искусству. Своему ученику (или одному из своих учеников) подьячему Ямского приказа Павлу Черницыну как «красногласовного пения рачителю» мастер «во учении» подарил певческую книгу, сопроводив ее стихотворным «Предмовлением» (июнь 1677 г.). Рукопись эта вопреки утверждениям С. В. Смоленского (см.: С м о л е н с к и й С. В. О древнерусских певческих нотациях. С. 35—36) написана не почерком А. М.; лишь несколько приплетенных в конце тетрадей выполнено самим дидакалом. Интересно, что вирши вписал на вклеенный в начало рукописи лист также не А. М., но тот человек, который сделал и запись о продаже подьячим книги в 1681 г. дьяку московского Ивановского монастыря П. Г. Серкову. Этим писцом, скорее всего, являлся ученик мастера П. Черницын. Стилистически и композиционно «Предмовление» чрезвычайно близко виршам к сборнику князя Ю. С. Урусова. Здесь есть хвалебные строки о Черницыне, биографические данные об А. М., не противоречащие сказанному в виршах в 1666 г., история дарения книги и появления стихотворения (ГИМ, Синод. певч., № 98, л. 1—1 об.). Представители рода Черницыных, как и Стремуховых, находясь на ратной, в том числе казачьей, службе, активно участвовали в военных действиях с Речью Посполитой в начале XVII в., что, может быть, и послужило сближению А. М. с его учеником.

Более поздних сведений об А. М. нет. По-видимому, вскоре после обучения в 1677 г. П. Черницына мастера не стало. В. М. Металлов, ссылаясь на статью П. А. Бессонова, называет датой смерти А. М. 30 января 1676 г. (М е т а л л о в В. М. К вопросу о комиссиях. . . С. 449). Однако П. А. Бессоновым эта дата указывается в связи с кончиной царя Алексея Михайловича (Б е с с о н о в П. А. Знаменательные годы. . . С. 300).

Соч.: Азбука знаменного пения (Извещение о согласнейших пометах) старца Александра Мезенца (1668-го года) / Изд. С. В. Смоленский. Казань, 1888. С. 1—24 (пагинация Памятника); В и к т о р о в А. Е. Описи рукописных собраний в книгохранилищах Северной России. СПб., 1890. С. 201—202; С м о л е н с к и й С. В. О древнерусских певческих нотациях. СПб., 1901. С. 35—37; П а р ф е н т ь е в Н. П. Выдающийся деятель русской музыкально-книжной культуры XVII в. Александр Мезенец (Стремухов). В печати.

Лит.: У н д о л ь с к и й В. М. Замечания для истории церковного пения в России. М., 1846. С. 13—14; С а х а р о в И. П. Исследования о русском церковном песнопении. М., 1849. С. 26—33; Б е с с о н о в П. А. 1) Калики переходные. М., 1864. Вып. 6. С. VII—XIV; 2) Знаменательные годы и знаменитейшие представители последних двух веков в истории церковного русского песнопения // ПО. 1872. Вып. 2. С. 290—311; Р а з у м о в с к и й Д. В. Богослужбное пение православной греко-российской

церкви. М., 1886. С. 50; Смоленский С. В. 1) Общий очерк исторического и музыкального значения певческих рукописей Соловецкой библиотеки и «Азбуки певчей» Александра Мезенца. Казань, 1887. С. 9, 14—17; 2) О собрании русских древне-певческих рукописей в московском Синодальном училище церковного пения. — Отд. оттиск из «Русской Музыкальной газеты». 1899. С. 60, 62; Игнатъев А. А. 1) Церковно-правительственные комиссии по исправлению богослужебного пения русской церкви во второй половине XVII в. Казань, 1910. С. 34—46; 2) Богослужебное пение православной русской церкви с конца XVI до начала XVIII в. Казань, 1916. С. 205—207; Металлов В. М. 1) Русская симеография. М., 1912. Табл. СІХ—СХІІІ; 2) К вопросу о комиссиях по исправлению богослужебных певческих книг русской церкви в XVII в. // Богословский вестник. 1912. Вып. 6. С. 448—450; Бражников М. В. Древнерусская теория музыки. Л., 1972. С. 328—368; Музыкальная эстетика России XI—XVII вв. / Сост. А. И. Рогов. М., 1973. С. 96—102; Успенский Н. Д. Мезенец (в миру — Стремоухов) Александр // Музыкальная энциклопедия. М., 1976. Т. 3. Стб. 493; Парфентьев Н. П. 1) О деятельности комиссий по исправлению древнерусских певческих книг в XVII в. // АЕ. 1984. М., 1986. С. 128—139; 2) Автографы выдающегося русского музыкального теоретика XVII в. Александра Мезенца (Стремоухова). В печати.

Н. П. Парфентьев

Александр Печерский (в миру Андриан) (ум. в начале 1670-х) — монах, справщик Московского Печатного двора, автор записей «спорных речей» патриарха *Никона* с *Иваном Нероновым*, показаний о переписке Н. А. Зюзиной с Никоном, один из соавторов музыкально-теоретического трактата «Извещение о согласнейших пометах».

Сведений о раннем периоде жизни и деятельности А. П. не найдено. Происходил, он, по-видимому, из духовного сословия. В 1640—1641 гг. был назначен попом соборной церкви Рождества Богородицы, «что у государя на Сенях», с окладом «за годовые и причастные сукна» 4 р. В это время А. П. еще не был монахом, носил мирское имя. С 1647—1648 гг. стал протопопом той же придворной церкви (ЦГАДА, ф. 396, оп. 2, № 536, л. 24—25; № 539, л. 24 об.—25). В период церковных реформ являлся сторонником патриарха Никона. На соборе в июле 1653 г. он записывал «спорные речи» Ивана Неронова с Никоном, причем Неронов укорил его: «Что ты, брате Андрияне, мои речи пишешь-де все? А что вы говорите с патриархом всякие неподобные речи, и тех ни единой речи не пишешь» (Материалы для истории раскола за первое время его существования / Под ред. Н. Субботина. М., 1875. Т. 1. С. 50). С сентября 1655 г. Никон указал ему, «рождественскому протопопу», «быть у книжного печатного дела» с окладом 40 р. Справщиком Московского Печатного двора он прослужил около года (ЦГАДА, ф. 1182, оп. 1, № 55, л. 72—72 об., 147 об.). Затем удалился из столицы в нижегородский Печерский монастырь, где и принял монашество. Во вкладной книге этого монастыря записан его вклад, возможно, сделанный в связи с постригом: 19 августа 1656 г. «дал вкладу старец Александр, прежде бывший рождественский протопоп, что был у государя на Сенях», ordinarily, фереиз с золочеными пуговицами и охабень — все стоимостью 20 р. (Титов А. А. Вкладная книга нижегородского Печерского монастыря // ЧОИДР. 1898. Кн. 1. С. 24). Уже в начале 1661 г. А. П. снова находился в Москве, поселившись, по всей вероятности, в Чудовом монастыре. По традиции за ним закрепилось прозвище, образованное от названия места пострига — Печерского монастыря в Нижнем Новгороде. Предположение о «западнорусском» происхождении А. П. на основании его прозвища, высказанное К. В. Харламповичем (см.: Харлампович К. В. Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь. Казань, 1914. Т. 1. С. 455), следовательно, неверно.

С 1 марта 1661 г. теперь уже старцем А. вновь был зачислен в справщики Московского Печатного двора на сей раз с окладом 130 р., с 1663 г. — 40 р. «серебряными деньгами» (ЦГАДА, ф. 1182, оп. 1, № 60, л. 498 об.; № 64, л. 3 об., 94). 19 декабря 1664 г. с него взяты показания о переписке боярина Н. А. Зюзиной с оставившим патриаршество Никоном. В своих

письмах с целью примирения царя и патриарха Зюзин добился приезда Никона 18 декабря из Воскресенского монастыря в столицу. А. П. указал, что был «в мире» духовником семьи Зюзина, поэтому боярин и обратился к нему с просьбой сказать, кто бывает у Никона. А. П. «чаял, что то все по указу великого государя», и назвал подьякона Никиту Никитина; тот и отвозил письма Зюзина бывшему патриарху, сам же А. П. ничего «не писывал» (Дело о патриархе Никоне / Изд. Археографической комиссией. СПб., 1897. С. 190—194). Об этих событиях с упоминанием А. П. поведал и биограф Никона *Иван Шушерин* (Ш у ш е р и н И. Известие о рождении и воспитании и о жизни святейшаго Никона, патриарха Московского и всея России. М., 1890. С. 47—53), а также рассказал в своей «сказке» *Феодор Константинов* (Дело о патриархе Никоне. С. 178). На Печатном дворе А. П. служил, по-видимому, до 1667 г.: в окладных и расходных книгах Книгопечатного приказа более позднего времени (1667—1668) его имя не встречается (ЦГАДА, ф. 1182, оп. 1, № 68, 71). Здесь он работал вместе с известными справщиками *Арсением Сухановым*, *Арсением Греком*, *Дионисием Греком* и несомненно прекрасно изучил богослужебную книгу. Поэтому, когда встал вопрос о созыве Второй комиссии по исправлению русских певческих книг, в число шести ее «дидаскалов» попал и А. П. — старец Чудова монастыря.

К своей деятельности в комиссии при Московском Печатном дворе он приступил 8 февраля 1669 г. Основной его обязанностью, очевидно, было редактирование литературных (гимнографических) текстов песнопений. Вместе с тем нельзя исключать участие А. П. в составлении теоретического трактата комиссии «Извещение о согласнейших пометах», в заключительном акrostихе к которому указано: «Трудился Александер Мезенец и прочий» (Азбука знаменного пения (Извещение о согласнейших пометах) старца Александра Мезенца / Изд. С. В. Смоленский. Казань, 1888. С. 23—24 по пагинации Памятника). С прекращением совместной работы членов Второй комиссии к маю 1670 г. А. П. по-прежнему оставался при Печатном дворе. Регулярно получая на «поденной корм» жалованье раз в три—четыре месяца (5.4—7.4 р.) и именуясь «наречного пения справщиком», он прослужил здесь еще более года (ЦГАДА, ф. 1182, оп. 1, № 68, л. 186 об., 213 и др.). Вероятно, А. П. продолжал правку раздельноречных книг и должен был надзирать за правильностью печатного воспроизведения нотированных текстов. В это время он находился скорее всего в преклонном возрасте. Нередко в книгопечатном приказе деньги для него получали другие люди. В последний раз жалованье на него с 1 июня по 1 сентября 1671 г. «взял» книгохранитель Печатного двора Иван Архипов (там же, л. 246). Далее имя А. П. из документов исчезает.

Лит.: Р а з у м о в с к и й Д. В. Богослужебное пение православной греко-российской церкви. М., 1886. С. 50; П а р ф е н т ь е в Н. П. О деятельности комиссий по исправлению древнерусских певческих книг в XVII в. // АЕ. 1984. М., 1986. С. 134—138.

Н. П. Парфентьев

Алексей (XVII в.) — монах Ярославского Толгского монастыря, составитель Сказания о явлении и чудесах иконы Толгской Богоматери. Возникновение культа богородичной иконы, связанной с основанием Толгского монастыря, относится к XIV в. (1314 г.). Служба явлению иконы Богоматери Толгской приурочена к 8 августа. В Сказании рассказывается, как икона явилась архиепископу Ростовскому Трифону, когда он путником заночевал под Ярославлем, близ моста через Волгу; на этом месте закладывается церковь, а позднее монастырь. В Сказании 27 чудес от иконы с датами от 1392 по 1688 г. Среди исцеленных жители Соловков, Москвы, Ярославля; несколько случаев воскрешения, спасения утопающих, избавления от глухоты, слепоты, пьянства; нетленность иконы

обнаруживается в пожаре. В риторической части Сказания приведены аналогии, свидетельствующие о начитанности автора: упоминается Мария Египетская, перешедшая реку Иордан «немокрыми ногами», Антоний Новгородский, приплывший от Рима «на камени» через «морскую пучину» (см. *жития Марии Египетской, Антония Римлянина*) и др.

Соч.: Служба пресвятой Богородице в честь и память явления чудотворной ее иконы, нарицаемая Толгская. М., 1854.

Лит.: Исторические материалы Толгского монастыря // Ярославские епархиальные ведомости. Часть неофиц. 1880. № 35. С. 273—280; К о н д а к о в Н. П. Иконография Богоматери; Связи греческой и русской иконописи с итальянской живописью раннего Возрождения. СПб., 1910. С. 64—65.

О. А. Белоброва

Алексей Михайлович (10 III 1629—29 I 1676) — русский царь с 1645 г., автор нескольких литературных произведений. Период правления А. М. был насыщен различными событиями и важными изменениями в жизни России: расширилась территория государства, оформилось крепостное право (Соборное уложение 1649 г.), Украина была воссоединена с Россией (1654), подавлена Крестьянская война под руководством С. Т. Разина (1670—1671), произошел раскол русской православной церкви. Являясь наследником престола, А. М. получил прекрасное для того времени образование, мало чем отличавшееся от образования среднего русского интеллектуала, которых можно было встретить как среди знати и дворянства, так и среди духовенства и крестьян.

Литературное наследие А. М. многообразно: обширная переписка, оригинальные произведения в прозе и стихах, мемуары, составительская работа и т. д. Особенно ярко литературное мастерство А. М. проявилось в его письмах. Известно свыше ста посланий царя его родным и близким ему людям. Самое раннее относится к 1646 г., а самое позднее написано за год до кончины государя.

Достаточно полно представлена переписка А. М. с *Афанасием Ивановичем Матюшкиным*, думным дворянином, стольником, двоюродным братом и другом детства А. М. 25 писем царя и пять ответных посланий, изданных с большими купюрами ввиду ветхости списков, рисуют картину взаимоотношений этих людей. Оба они увлекались соколиной охотой, тематика которой доминирует в большей части переписки. А. М., в совершенстве зная охотничий чин, наполняет свои письма охотничьими терминами. Иногда царь выходит за рамки официального тона, называя А. И. Матюшкина «братом», поверяет ему интимные стороны дворцовой жизни. Большая часть писем сопровождается собственноручными царскими приписками, а ряд посланий полностью написан царем.

Любопытны письма А. М. патриарху *Никону*. Среди них особое место занимает так называемый «Статейный список», который фактически является мемуарным произведением царя. В 1652 г. после обновления Успенского собора было решено приумножить его святыни перенесением туда останков патриархов *Иова*, *Гермогена* и невинно убиенного митрополита *Филиппа*, за мощами которого Никон отправился в Соловецкий монастырь. В его отсутствие в Москве умер патриарх *Иосиф*. Царь сначала извещает об этом Никона в кратком письме, а затем в большом послании, «Статейном списке», подробно анализирует происшедшие события, достигая при этом редкой для XVII в. степени «самовыявления» (Е. В. Дупечкина). Не исключено, что «Статейный список» был составлен по просьбе самого Никона.

Не меньший интерес представляют два письма А. М. в Казань тамошнему воеводе, ближнему боярину князю *Н. И. Одоевскому*. В первом из них царь рассказывает о принесении в столицу мощей митрополита Филиппа, в другом утешает князя после кончины его старшего сына, комнатного

стольника Михаила. Письма Н. И. Одоевскому свидетельствуют о начитанности А. М. в церковной словесности, в них он приводит целые разделы из житий святых. Замечательно, что сохранились ответы на оба послания, в которых Н. И. Одоевский извещает царя о делах в Казани и благодарит за оказанное ему внимание.

В совершенстве владея эпистолярным канонам, А. М. излагал свои мысли простым и ясным языком, при этом любил пофилософствовать в рамках общепринятой морали и религиозности. Житейская мудрость, широко представленная в письмах, позволяла иногда А. М. вставать над своим положением главы государства, например, когда он утешал А. Л. Ордина-Нащокина, узнав об измене его сына Воина, перебежавшего в Польшу.

Наконец, самый значительный и интересный пласт переписки представляют письма царя своему семейству. Подавляющее большинство из них относится к периоду Польского и Ливонского походов А. М. 1646—1656 гг. По характеру содержания все послания походят друг на друга, каждое из них содержит краткий отчет о передвижении русских войск и военных столкновениях. Таким образом, царские письма представляют собой ценнейший источник по истории русско-польской войны. Из приписок, сделанных рукой царя, видна искренняя забота А. М. о своих родных. Обращаясь к своим сестрам, царь пишет: «Да не покиньте, светы мои, жену и детей моих милостию и любовью для Христа, не оскорбите меня и их. Кто у нас по Бозе? Ей, никого нет! А чаю и у вас по Бозе кроме нас нет же. А потом вам, светом моим, челом бью».

Кроме писем А. М. современникам сохранилось также составленное им описание военных походов в Польшу, правда, оно не было доведено до конца. Известны примеры стихотворчества А. М., в одном из стихотворений читается акростих, что было модно в русской поэзии того времени. По мнению ряда исследователей, А. М. принимал активное участие в составлении таких литературных произведений XVII в., как «*Урядник Сокольничьего пути*», а также новой редакции Сказания об успении Богородицы. Рукопись последнего произведения, сохранившаяся среди бумаг приказа Тайных дел, была тщательно изучена С. А. Белокуровым, что позволило ему определить, сколь велика была степень участия А. М. в работе над ней, и назвать его духовным писателем. А. М. создал два приказа, литературный характер которых очевиден: целью одного из них (Записного приказа) было «записывать степени и грани царственные» начиная с правления Федора Ивановича и до 1657 г.; а во втором (приказе Тайных государевых дел) велись также и «Дневальные записки» — своеобразная хроника частной жизни царя. Исследователи на многих примерах отмечали активное участие А. М. в делопроизводстве московских приказов (часть документов писал сам, другие диктовал, неоднократно их редактировал), чем он разительно выделялся среди правивших до него государей. Уместно упомянуть, что А. М. был заказчиком первых пьес русского театра («*Артаксергово действо*» и др.).

С. Ф. Платонов, характеризуя литературное мастерство А. М., писал: «Он был прекрасно знаком с литературой того времени и до тонкости усвоил себе книжный язык. В серьезных письмах и сочинениях царь любил пускать в ход книжные обороты, употреблять цветистые афоризмы . . . каждый афоризм продуман, из каждой фразы глядит живая мысль». Сам А. М. в духе того времени призывал новгородского митрополита Никона (будущего патриарха) не погнушаться его «рукописанием непутным и несогласным». В отечественной историографии оценка литературного творчества А. М. неоднозначна: все дореволюционные историки (С. М. Соловьев, И. Е. Забелин, В. О. Ключевский, С. Ф. Платонов и др.) высоко оценивали его, а историки и литературоведы советского периода почти не обращались к нему, считая его малозначительным. Вопрос этот может решиться только при условии всестороннего изучения письменного наследия А. М., а изучено оно недостаточно полно. Пока можно отметить, что

А. М., имея вкус к литературной работе, очень здраво оценивал свое мастерство, которое, конечно, не идет ни в какое сравнение с творчеством его современника протопопа *Аввакума*, но в то же время является ярким примером письменной культуры России XVII в.

Соч.: Собрание писем царя Алексея Михайловича / Изд. П. Бартенев. М., 1856; Письма русских государей и других особ царского семейства. Т. 5. Письма царя Алексея Михайловича. М., 1896; Дневальные записки приказа Тайных дел 7165—7183 гг. / С предисл. С. А. Белокурова // ЧОИДР. 1908. Кн. 1, 2; «Изборник»: (Сборник произведений литературы Древней Руси). М., 1969. С. 567—575.

Лит.: М е д о в и к о в П. Историческое значение царствования Алексея Михайловича. М., 1854; С о л о в ъ е в С. М. История России с древнейших времен. М., 1961. Кн. 5—6; Белокуров С. А. 1) О записном приказе («записывати степени и грани царственных» 1657—1659 гг.) // ЧОИДР. 1900. Кн. 3, отд. 2. С. 55—84; 2) Сказание об успении пресв. Богородицы, правленное царем Алексеем // Б е л о к у р о в С. А. Из духовной жизни московского общества XVII в. М., 1902; РБС (Алексинский—Бестужев-Рюмин). СПб., 1900. С. 23—25; П л а т о н о в С. Ф. Лекции по русской истории. СПб., 1901. С. 331—339; Г у р л я н д И. Я. Приказ великого государя Тайных дел. Ярославль, 1902; Д е р ж а в и н а О. А., Д е м и н А. С., Р о б и н с о н А. Н. Появление театра и драматургии в России XVII в. // Первые пьесы русского театра. М., 1972; Д у ш е ч к и н а Е. В. Царь Алексей Михайлович как писатель: (Постановка проблемы) // Культурное наследие Древней Руси: Истоки; Становление; Традиции. М., 1978. С. 184—188; Л и х а ч е в Д. С., П а н ч е н к о А. М., П о н ы р к о Н. В. Смех в Древней Руси. Л., 1984. С. 135—139.

В. К. Зиборов, С. В. Лобачев

Алманзенев Иван Фомин (XVI—первая половина XVII в.) — англичанин, автор статейного списка, переводчик. А. служил в Москве «у государевых дел» с 1580-х гг. до середины XVII в. А. приехал в Россию юношей, видимо, вместе с доктором Робертом Якобом (Романом), лейб-медиком английской королевы Елизаветы I, в качестве толмача. С конца XVI в. до самой смерти А. служил в Москве в Посольском приказе сначала толмачом, а затем переводчиком. Сохранились его челобитные 1589 и 1632 гг. В первой он сообщает о знании русского и иностранных языков и просит назначить ему жалование, а также предоставить поместье. Во второй он пишет о длительности службы в России, о ранениях, полученных в 1591 г., «когда приходил под Москву Крымский царь» (хан Казы-Гирей), и в 1606 г. во время восстания И. И. Болотникова; здесь же он упоминает об участии в обороне Холмогор от польско-шведских интервентов.

Наряду с обязанностями переводчика А. выполнял дипломатические поручения московского правительства: в 1614 г. он был послан гонцом в Вену к австрийскому императору по поводу титула царя *Михаила Федоровича* в связи с его избранием на царство. Миссия гонца оказалась нелегкой, ему пришлось против воли задержаться в Вене до 1617 г. Сохранился Статейный список о посольстве к императору Матвею, в составе которого читаются «памяти», «отпуски»-наказы послам от московских властей, проезжие грамоты («датцкому Хрестьянусу королю», «Саскому князю», в Любек и Гамбург, «в Галанскую землю» и др.). А. и подьячим Первым-Михайловым составлена отписка о задержке в Вене и Праге в 1616 г. Путь посла лежал от Москвы в Архангельск. Дальнейшие события всего 1617 г. описаны в тексте, в котором А. упоминается в 3-м лице (возможно, эти дневниковые записи принадлежат подьячему Первому-Михайлову). В конце статейного списка находятся переводы грамот, полученных А. в Вене и Праге, и «востовой список» о политически важных известиях (о вывозе шведами из Новгорода пушек, о контактах шведского короля с Нидерландами, о приходе татар на Польскую землю, о взаимоотношениях «турского» царя с кизыбашским и т. д.). В 1621 г. А. посетил Данию в составе посольства князя А. М. Львова в связи с попыткой Москвы породниться с датским двором; в 1640 г. уже в преклонном возрасте он был вновь послан в Данию, чтобы собрать сведения о королевиче датском Вальдемаре.

В 1606—1607 гг. по указанию Василия Шуйского А. совместно с дьяком *Михаилом Юрьевым* перевел «Воинскую книгу» Л. Фронспергера (F r o n s -

perger L. Kriegsbuch. Frankfurt, 1596). Перевод сохранился в двух частях (ч. 1 — рукопись Казанской научной библиотеки им. Н. И. Лобачевского, Отдел рукописной и редкой книги, № 4550; ч. 2 — рукопись ГПБ, F.IX.19); он не издан и не исследован в целом, хотя о нем сообщал еще А. И. Соболевский, сопоставлявший фрагменты 2-й части с текстом «Устава ратных, пушечных и других дел, касающихся до воинской науки», в переводе 1621 г. *Онисима Михайлова Радишевского*.

Соч.: Статейный список 1614 г. // ПДС. СПб., 1852. Т. 2. Стб. 1144—1212.

Лит.: Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1961. Кн. 5. С. 229—230; Соболевский. Переводная литература. С. 103—104, 106; Райнов Т. И. Наука в России XI—XVII вв. М.; Л., 1940. С. 334—349; Волков Л. В. О переводчиках научной литературы // Естественно-научные представления Древней Руси: Сборник статей. М., 1978. С. 148—155.

О. А. Белоброва

Алферьев-Безнин Семен, Романов сын (ок. 1560—ок. 1610) — дворянин, писатель-агиограф. Происходил из захудалого боярского рода. Отец А.-Б. Роман Васильевич Алферьев-Напокин (кстати, неграмотный) в конце царствования *Ивана Грозного* был печатником и думным дворянином, мать приходилась сестрой опричникам П. Г. и Б. Г. Совиным (см.: Кобрин В. Б. Состав опричного двора Ивана Грозного // АЕ за 1959 г. М., 1960. С. 50, 51, 74). Упоминается в источниках с осени 1580 г., когда участвовал в церемонии царской свадьбы (ДРВ. М., 1790. Ч. 13. С. 114). В 1581 г. являлся «дворовым» жильцом, годом позже значится в списке дворовых, приказных, служилых людей (см.: Сторожов В. Н. Материалы для истории русского дворянства. М., 1908. Вып. 2. С. 60). Вероятно, входил в состав опричного двора в конце его существования. С 1584—1585 гг. «п даче» владел поместьем в Козельском уезде (см.: Земельные пожалования в Московском государстве при царе Владиславе / Под ред. и с предисл. Л. М. Сухотина. М., 1911. С. 79) и в боярских списках значился выборным дворянином по Козельску. А.-Б. принадлежали также обширные поместья в Вяземском и Старицком, а совместно с братом Василием — в Московском и Звенигородском уездах, причем они совершили обмен землями с правителем *Борисом Годуновым* (см.: Голоховастов Д. П. Акты, относящиеся до рода дворян Голоховастовых. М., 1848. С. 78—80; ср. с. 82, 83). В 1590—1592 гг. в качестве письменного головы принимал участие в походах против шведов (ГПБ, Эрмитажное собр., № 390, л. 742, 785 об.; Q. IV. 103, л. 708; ГПБ, собр. Горского, № 16, л. 291). В 1590—1597 гг. был приставом у иранских, грузинских, австрийских, турецких дипломатов, прибывших в Россию. Участвовал в деятельности Земского собора, избравшего Годунова на трон, и подписался под *Грамотой утвержденной об избрании на царство Бориса Годунова* 1599 г. (ААЭ. СПб., 1836. Т. 2. С. 44, 50). В 1596—1598 гг. был воеводой в Монастыревском, в 1599—1600 гг. в Цареве-Борисове, который «ставил» вместе с Б. Я. Бельским. Неоднократно затевал местные споры, и небезуспешно (см.: Русский исторический сборник. М., 1838. Т. 2. С. 169, 173, 209; ср. с. 173—174; БАН, 32.12.18, л. 510 об., 523 об., 540—540 об.; ГПБ, Эрмитажное собр., № 441, л. 87 об.; ЛОИИ, к. 238, оп. 1, № 518, л. 490, 493 об.—494 и др.). Из челобитной брата А.-Б. Василия (1611) известно, что, «розъяряся без милости», царь Борис отобрал у них верейскую вотчину, дав взамен пустоши в Звенигородском уезде и 300 р. (Акты, относящиеся к истории Западной России. СПб, 1851. Т. 4. С. 405—406). Летом 1605 г. А.-Б. сопровождал бывшего «великого князя» Симеона Бекбулатовича, вызванного ко двору Самозванца. В 1607 г. участвовал в неудачном для царских войск сражении на Пчельне (см.: Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции / Собр. и изд. А. Попов. М., 1869. С. 333) и — «у государева знамени» — в походах на Алексин (где был на время оставлен), а также на Тулу. Умер

бездетным до 24 ноября 1610 г., когда выслуженные поместья А.-Б. по «листу» Сигизмунда III были переданы его родственникам, или даже до 20 сентября того же года, когда ранее принадлежавшее ему вяземское поместье отобрали у подьячего Ф. Пахомова и по распоряжению польского короля отдали дьякам С. Дмитриеву и А. Царевскому (БАН, собр. Строганова, № 23, ч. 3, л. 2; Акты. . . Т. 4. С. 348, 384); не значится А.-Б. и в боярском списке 1610—1611 гг. Имя его внесено в синодик Чудова монастыря (ГПБ, F.IV.194, л. 94 об.).

Известные произведения А.-Б. написаны в соавторстве с иноком Троицкого Давилова монастыря в Переславле-Залесском *Сергием* (В. О. Ключевский не прочь отождествить его со старцем Сергием, который в 1579—1586 гг. был архимандритом этой обители).

Перу А.-Б. и Сергия принадлежит служба святому Даниилу Александровичу, первому московскому князю, написанная по поручению патриарха *Иова*. Впрочем, есть мнение, что эта служба относится к концу XVII в., ибо содержит упоминания о «наших благоверных царях», правящих страной (Амфилохий, М. А. Салмина; приведенный вывод не отвергал и Н. П. Барсуков). Но в конце службы Даниилу Александровичу сказано, что она составлена «тщанием и труды» А.-Б. и Сергия. Вероятно, указания на ныне царствующих православных государей были внесены в текст службы позднейшим редактором.

Служба Даниилу Александровичу составлена по традиционной схеме и с использованием обычных для таких сочинений художественных средств. Но наряду с устойчивыми литературными формами здесь встречаем образы, ранее не пользовавшиеся широкой популярностью: например, представленный в разных вариантах образ света (святой именуется светлым светильником, светильником света, сравнивается со «светолучным» солнцем, «пресветлой» звездой). Порой авторы службы рифмуют глаголы: ритмическая проза должна была усилить эмоциональное воздействие произведения.

Согласно позднему легендарному жизнеописанию угличского князя Романа Владимировича (см.: *Житие Романа Угличского*), «тщанием и труды» А.-Б. и Сергия были «сотворены стихиры и каноны», а также первое житие (с изложением «чудес») этого святого, погибшее при разорении Углича в Смутное время (Повесть о чудесах св. благоверного князя Романа, Угличского чудотворца. Ярославль, 1874. С. 21); по-видимому, тогда была утрачена и служба Роману Владимировичу. Его «чудотворения», по сообщению неизвестного агиографа, начались 3 февраля 1605 г. (в источниках и литературе иногда указываются ошибочные даты — 1595, 1597 гг.), и вскоре для освидетельствования мощей и «чудес» новоявленного святого в Углич прибыла комиссия во главе с казанским митрополитом Гермогеном. Ее «отписка . . . с Углича» адресована уже Лжедмитрию I (см.: *Опись архива Посольского приказа 1626 года*. М., 1977. Ч. 1. С. 318—319), поэтому можно думать, что житие Романа и служба ему были написаны накануне или в начале царствования Самозванца, тем более что до 1 сентября 1605 г. А.-Б. являлся приставом у Симеона Бекбулатовича.

Соч.: Амфилохий. Летописные и другие древние сказания о св. благоверном вел. князе Данииле Александровиче. М., 1875. С. 20—38.

Лит.: Ключевский. Древнерусские жития. С. 316—318; Барсуков. Источники агиографии. Стб. 145—146, 466—467; Савелов Л. М. Родословные записи. М., 1906. Вып. 1. С. 47; Мордовина С. П., Станиславский А. Л. Состав особого двора Ивана IV в период «великого княжения» Симеона Бекбулатовича // АЕ за 1976 г. М., 1977. С. 153—193.

Я. Г. Солодкин

Андрей Савинов Пос[т]ников (вторая половина XVII в.) — царский духовник, переводчик и книгописец. С 1660 г. А. С. был священником

в Замоскворечье, с 1666 г. стал протопопом московского Благовещенского собора в Кремле и духовником царя *Алексея Михайловича* до самой его смерти (1676 г.) А. С. был образованным человеком, он составил или перевел в 1673—1674 гг. сочинение об Италии историко-географического характера (собр. Баузе, № 292). В 1671 г. переписал «Космографию» Мартина Бельского в русском переводе (собр. Баузе, № 281); в 1673 г. его «тщанием и снисканием» была переписана рукопись, содержащая «Изложение на лютеры» (ГПБ, собр. ПДА, № 79); им также переписаны Толковая Псалтирь, Толкование Олимпиодора на книгу Иова и др. Под присмотром А. С. около 1677 г. был завершён перевод сборника «*Великое Зерцало*» с польского оригинала. По заказу А. С. было украшено напрестольное евангелие (Успенский А. И. Царские иконописцы и живописцы: Словарь. М., 1910. Т. 2. С. 51). А. С. поддерживал дружеские отношения с патриархом *Никоном*. Он крестил Петра I и царевну Наталью Алексеевну. Жил А. С. на широкую ногу, с большим размахом вел строительство каменной церкви Григория Неокесарийского, при которой устроил семейную усыпальницу. Невзлюбивший его патриарх *Иоаким* в отсутствие царя посадил А. С. на цепь за его «протопопово неустовство» (однако через сутки освободил, следуя царской воле). После смерти Алексея Михайловича Иоаким лишил А. С. священства, предал его анафеме и сослал в Кожеезерский монастырь, где тот, по-видимому, и умер. Переводы А. С. не изданы.

Лит.: К а р а з и н В. Каталог славяно-русским рукописям (погибшим в 1812 г.) профессора Баузе // ЧОИДР. 1862. Кн. 2: Смесь. С. 68, 69; Л е о н и д, архимандрит. Духовники великих князей и царей московских всея России // Там же. 1876. Кн. 1: Смесь. С. 218—219; Ш л я п к и н И. А. Димитрий Ростовский и его время (1651—1709 гг.). СПб., 1891. С. 142; Б е л я е в М. Исторические сведения о московской замоскворецкого сорока Григорие-Неокесарийской при Полянке церкви. М., 1894. С. 32—34, 62—67; И з в е к о в Н. Д. Духовник царя Алексея Михайловича протопоп Андрей Савинович Постников // Христ. чт. 1902. Т. 213, ч. 1. С. 126—139; Н и к о л ь с к и й. Рукописная книжность. С. 55; Д е р ж а в и н а О. А. «Великое зеркало» и его судьба на русской почве. М., 1965. С. 5, 29; Л у п о в С. П. Книга в России в XVII веке. Л., 1970. С. 177, 178, 180, 184; М о и с е е в а Г. Н. «Собрание российских древностей» профессора Баузе // ТОДРЛ. Л., 1980. Т. 35. С. 338, 341.

О. А. Белоброва

Антоний (вторая половина XVII в.) — архимандрит Муромского Спасского монастыря (с 1658 по 1662 гг.; см. Строев П. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877. Стб. 677), автор сочинений против никонианского исправления книг. Будучи в заключении и лишенный священнического сана, подал челобитную царю *Алексею Михайловичу*, в которой обличал исправление текстов богослужебных книг вообще и символа веры в частности. По содержанию челобитной видно, что она написана не в монастырском заточении. А. просил царя: «Уж ли, государь, обители такой не стало, где меня, бедного, смирить и душу мою от грех освободить?». Из содержания челобитной следует, что А. приписывалась со стороны властей некая «подметная челобитная», писанная якобы одной рукой с «бунтовым листом». Оправдываясь в непричастности к этой челобитной, А. писал: «. . . как был на Москве бунт. а я, нищий, в то лето от светлыя недели до сырныя на Москве не был. Посылан был из Чудова монастыря на низ. А была со мною посылана монастырская казна для покуцки, тысяча рублей». Как оказался А. связан с Чудовым монастырем и о каком бунте идет речь, неизвестно. Накануне собора 1666 г. А. находился в Рождественском монастыре г. Владимира, где в апреле 1666 г. дал показание архимандриту этого монастыря Филарету о том, что придерживается новоправленных текстов и обрядов. До Рождественского монастыря А. сидел в Москве «за караулом на Мстиславском дворе». Возможно, оттуда он и послал челобитную царю. Сохранилось письмо А.

к боярыне *Феодосии Морозовой*, посланное также из заключения, с благодарностью за присланную милостыню.

На соборе 1666 г. А. принес раскаяние за «челобитную великому государю, и тетради, и которыя писма моя рука ни есть» (у него было сочинение о сложении перстов для крестного знаменья), не был предан анафеме, но «ради совершеннаго исправления» послан в Кирилло-Белозерский монастырь.

Соч: Материалы для истории раскола за первое время его существования / Под ред. Н. Субботина. М., 1874. Т. 1. С. 451—457; 1886. Т. 8. С. XII, 113—130.

Лит.: Материалы для истории раскола за первое время его существования / Под ред. Н. Субботина. М., 1876. Т. 2. С. 117.

Н. В. Понырко

Арсений (в миру Антон Суханов) (конец XVI — первая четверть XVII в.—14 VIII 1668) — монах, церковный деятель и дипломат, книжник, автор «Прений с греками о вере», «Проскинитария», записки «О чинах греческих вкратце» и др. Биография и литературное наследие А. детально исследованы С. А. Белокуровым. А. родился, вероятно, в Соловском уезде, где его отец Путило Елизарьев Суханов владел деревней, но в 1622 г. был уже разорен и «волочился меж двор на Туле». Младший брат А. в 1631—1647 гг. служил толмачом татарского языка в Посольском приказе, там же с 1666 г. служил его племянник Юрий Суханов. Таким образом, А — представитель семьи служилых дворян. Разорение семьи предопределило его уход в Коломенский Голутвин монастырь где он до пострижения занимал должность дьячка; постригшись, был посвящен в дьяконы.

В 1633 г. А. служит в Москве в должности архидьякона при патриархе *Филарете*, исполняя обязанности его личного секретаря и хранителя патриаршей ризной казны. После смерти Филарета в 1634 г. оставляет это место и поселяется в Чудовом монастыре, находящемся на территории Кремля. В должности архидьякона А. присутствует на приемах иностранных послов и участвует в соборах. Эти обстоятельства, а также его личные способности определили приобщение А. к политической и дипломатической деятельности. Более десяти лет его жизни прошли в путешествиях, во время которых он выполнял как церковные задания патриархов — сначала *Иоасафа*, *Иосифа*, а затем *Никона*, — так и политические поручения правительства.

В 1637—1640 гг. А. — участник посольства в Грузию, возглавляемого князем *Федором Федоровичем Волконским-Шеридой*; во главе духовных лиц посольства стоял архимандрит Иосиф. Посольство решало вопрос о подданстве кахетинского царя Теймураза Московскому государству, а духовные лица собирали сведения о Грузии и ее церковной жизни. Результаты посольства были изложены в статейном списке, в составлении которого, возможно, принимал участие и А. (ЦГАДА, ф. 110: Сношения с Грузией, оп. 1, д. 3: 1635—1641 гг.; д. 4: 1637—1640 гг.) Между 1642 и 1645 гг. А. был посвящен в иеромонахи и назначен на почетную должность строителя Богоявленского монастыря, расположенного вблизи Кремля и приписанного к Троице-Сергиевой лавре.

В 1649 г. А. вместе с иерусалимским патриархом Паисием отправляется на Восток, в Иерусалим. Однако государственные дела, а именно переговоры с Богданом Хмельницким о присоединении Украины и хлопоты о выдаче самозванца *Тимофея Анкундинова*, заставили его в 1650 г. прервать поездку и вернуться в Москву. В эти же годы А. посетил Молдавию и Валахию, где в Терговицах состоялся его диспут по богословским, обрядовым, историко-хронологическим вопросам с находившимся там иерусалимским патриархом Паисием, митрополитом Власием и другими церковными лицами — греками. Отчет об этой поездке был подан статейным списком в Посольский приказ, а диспут описан в «Прениях с греками о вере».

В 1651—1653 гг. А. продолжил путешествие на Восток; целью поездки было знакомство с греческим богослужением, отличающимся от принятого в то время на Руси. Путешествие подробно описано А. в сочинении, названном «Проскинитарий» (греч. *προσκινητήρις* — поклонник). По дороге в Иерусалим А. посетил Константинополь, острова Средиземного моря, Египет — Александрию и Каир. Путешествие было опасным, так как посол в монашеском платье двигался по землям, находящимся под властью турок. В Килии во время осмотра турецкой стражей корабля А. вынужден был надеть чалму и выдать себя за мусульманина, чтобы избежать репрессий и конфискации имущества.

В 1653—1655 гг. А. по поручению Никона, готовящего исправление богослужебных книг, едет на Афон для покупки греческих и славянских рукописей и книг. В разных монастырях Афона А. отобрал и отослал в Москву около 500 рукописей. Из них 48 уже в 1658 г. были взяты на Печатный двор для справок. Некоторые книги учебного характера предназначались для греко-латинской школы, открытой в Москве в 1653 г. *Арсением Греком*. Поездка А. на Афон была последним его путешествием. В биографии Никона, написанной *Иваном Шустерным*, упоминается о том, что А. в 1657 г. привез патриарху модель Иерусалимского храма Воскресения господня, послужившую образцом для постройки Воскресенского храма в Новом Иерусалиме под Москвой. Однако Белокуров не нашел никаких других сведений об этой поездке А. Возможно, модели Воскресенского и других иерусалимских храмов были доставлены в Москву кем-то другим. В то же время в «Проскинитарии» дано такое точное и подробное описание палестинских святынь с обозначением их размеров, что оно могло удовлетворить строителей Воскресенского Новоиерусалимского собора.

С 1655 по 1660 г. А. занимает должность келаря Троице-Сергиевой лавры. С 1661 по 1664 г. он живет в Москве, в Богоявленском монастыре и заведует Московским Печатным двором, где в это время идет интенсивная работа по изданию книг, исправленных по новым переводам. В 1664 г. А. оставляет эту должность и доживает свой век на покое в Троице-Сергиевой лавре, где он умер и был похоронен близ Серапионовой часовни.

Литературное наследие А. представлено деловыми и публицистическими памятниками. В «Прениях с греками о вере», явившихся, возможно, ответом на «Книгу о вере», А. отстаивает чистоту русского православия и его обрядов — двуперстия, сугубой аллилуйи, крещения посредством погружения и прочего и едва ли не объявляет современных ему греков еретиками. Эта точка зрения не нашла поддержки правительства, поэтому в «Проскинитарии» А. не высказывает своих взглядов столь открыто, ограничившись, казалось бы, бесстрастным изложением событий путешествия и описанием святынь. Это дало повод некоторым исследователям предположить, что А. не является автором «Прений», а другим — говорить об изменении его взглядов. Однако при более пристальном рассмотрении «Проскинитария» все же очевидно отрицательное отношение А. к представителям восточной православной церкви в Палестине, которых он упрекает в небрежном хранении иерусалимских церквей, в нарушении поста. Осуждение отразилось и в той тщательности, с которой А. отмечал отличия русского богослужения от греческого. Со скрытой враждебностью относился А. и к иерусалимскому патриарху Паисию, которого он подозревал в интригах и участии в убийстве константинопольского патриарха Парфения. То что А. не менял своих взглядов, подтверждает и написанная им в Москве в 1655 г. записка «О чинах греческих вкратце».

«Прения» и некоторые места «Проскинитария» как нельзя более отвечали воззрениям старообрядцев и были использованы в их сочинениях (например, в «Поморских ответах»). Однако сам А. не примкнул к приверженцам старой веры. Служебная карьера его, казалось бы, шла вразрез с его религиозно-догматическими взглядами: он стал сподвижником патриарха Никона, а после удаления последнего способствовал проведению

реформы, возглавляя дело по исправлению книг. По-видимому, обрядовая сторона не играла для А. решающей роли. Его интересы были шире. Важно, что А. был образованным книжником. Еще в Коломенском Голутвином монастыре он занимался перепиской книг (известно написанное им «Старчество» — ГБЛ, собр. ОИДР, № 250). Будучи архидьяконом, он покупал рукописи и заказывал их писцам: в его библиотеке были рукописи XV—XVII вв. — патерики, сочинения отцов церкви, четыре сборники. Он знал греческий и латинский языки. В «Проскинитарии», описывая монастырскую библиотеку, где «книг греческих, латинских, словенских, печатных и письменных, и всяких премудрых философских без числа много, драгоценных книг». Рукописи, купленные им в афонских монастырях, свидетельствуют о его энциклопедических интересах. Среди отобранных им книг самые разнообразные сочинения античности и средневековья: «Илиада» и «Одиссея» Гомера, «Труды и дни» Гесиода, идиллии Феокрита, трагедии Софокла и Эсхила, драмы Эврипида и комедии Аристофана, басни и жизнеописание Эзопа, речи Демосфена и Эсхина, философские труды Аристотеля и Платона, исторические сочинения Иосифа Флавия и хронографы, географии Страбона и Павсания, трактат по медицине Диоскорида, рукописи по астрономии, грамматике, лексиконы и пр.

А. было присуще активное отношение к книге, о чем свидетельствуют собственноручные записи и примечания, сделанные на полях принадлежащих ему книг (см., например, рукопись ГПБ, F.XVII.17). Возможно, если бы А. не провел большую часть своей жизни в путешествиях, он примкнул бы к какой-либо поэтической школе, так как версификаторство было ему не чуждо: получив в 1655 г. назначение в келари Троице-Сергиевой лавры, он пишет на одной из рукописей благодарственные вирши Никону, заканчивающиеся словами: «Тыя, российский патриарх, мира победитель Никон с миром возводит в премирну обитель» (ГБЛ, собр. Троице-Сергиевой лавры, № 189, л. 395). Занимался А. и переводами — известен текст переведенного им с греческого «Проречения над гробом Константина Великого». Кроме того, перу А. принадлежит большое количество чисто деловых документов — грамот, челобитных, отписок, которые он подавал царю, в Посольский приказ, в патриаршую канцелярию.

Статейный список, поданный А. в Посольский приказ в 1650 г., подробно описывает путешествие с 10 мая 1649 г. по 8 декабря 1650 г. Он издан Белокуровым по двум спискам, один из которых хранился в Посольском приказе (ЦГАДА, ф. 52: Сношения России с Грецией, оп. 1, стб. 7157 г., № 8). Написанные в результате этой же поездки «Прения с гречами о вере» встречаются в нескольких десятках списков, но нигде не носят этого названия; так как все сочинения А. объединены в общих сборниках, то «Прения» обозначены либо как «Проскинитарий», либо как Статейный список, а подчас вообще не имеют заглавия и сразу начинаются с даты: «158-го марта в 30 день, едуци с Москвы живоначальные Троицы Сергиева монастыря старец Арсений Суханов. . .». В основу публикации «Прений» Белокуров положил авторский список, поданный А. в Посольский приказ, восемнадцать других списков учтены в разночтениях. Этот текст можно считать первой редакцией, списки которой по характеру разночтений Белокуров разделил на три вида (см.: Б е л о к у р о в С. А. Арсений Суханов. Ч. 2. С. XXI—XXVII). Вторая редакция «Прений» создана в среде старообрядцев и характеризуется дополнениями, размещенными по всему тексту. По составу этих дополнений вторая редакция делится на три вида (Белокуров называет их редакциями) — Соловецкий середины XVII в., Московский 1665 г. и Московский, возникший до 1665 г. (Б е л о к у р о в С. А. Арсений Суханов. Ч. 2. С. XXXVII—LXIV).

В «Проскинитарии» А. описан второй этап его путешествия на восток — 1651—1653 гг. По определению Белокурова «Проскинитарий» имеет две редакции. Подробная редакция представлена всего одним неисправным

списком (ГПБ, собр. СПб. ДА, № 317, XVII в.). Несколько десятков остальных списков относятся к сокращенной редакции, два из них (ГИМ, Синодальное собр., № 574 и 575 — см.: В и к т о р о в А. Е. Алфавитный указатель славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. М., 1858. С. 5—6) — с пометами А. Возможно, что список № 575, украшенный заставкой с золотом, был подан патриарху Никону (см.: Б е л о к у р о в С. А. Арсений Суханов. Ч. 1. С. СXXXVIII—CXLVIII). Эти списки легли в основу издания Н. И. Ивановского 1889 г. По мнению Белокурова, обе редакции авторские, причем более полная, подробная редакция — первоначальная, она предназначалась патриарху Иосифу, умершему в 1652 г. во время путешествия А.; сокращенная же редакция была составлена уже в Москве для патриарха Никона летом 1653 г. Согласно духу времени из нее были исключены отзывы о греках. «Проскинитарий» состоит из трех частей. Первая — Статейный список, продолжающий Статейный список 1649—1650 гг. Вторая часть озаглавлена: «Собрано от писаний о граде Иерусалиме, и о имени его, откуда прият таково прозвание, и о горе Голгофе, и о гробе Христове, и о воскресении, и о церкви Воскресения Христова, и о мерах их, и о прочих святых местах известное написание» (или короче: «О граде Ерусалиме и о еже внутрь и окрест его святых местах»). Третья часть — «Тактикон, еже есть Чиновник, како греки церковный чин и пение содержат».

После 1653 г. А. была составлена записка «О чинах греческих вкратце», использующая текст «Проскинитария». Она заменяет обширный «Проскинитарий», является дополнением к «Прениям» и распространена в большом количестве списков. Записка существует в двух редакциях. Первая редакция представляет собой приложение к «Прениям» и переписывается в рукописях вместе с ними. Эта редакция подразделяется на две группы, одна из которых — древнейшая, а другая исправлена и дополнена старобрядцами, в то же время текст ее сильно сокращен. Вторая редакция встречается значительно реже. Это самостоятельное литературное произведение, имеющее собственное заглавие, введение, послесловие. Ее текстуальные дополнения совпадают с Соловецким видом второй редакции «Прений».

Произведения А. стоят на грани деловой письменности и публицистики: «Прения» относятся к жанру полемической публицистики; «Проскинитарий» — записки путешественника, близкие по своей литературной манере как к «хожениям», так и к статейным спискам, но также с чертами публицистики; записка «О чинах» — публицистический трактат. В сочинениях А. в лаконичной вопросно-ответной форме изложены беседы на обрядово-богословские темы, которые он вел в Терговицах и Иерусалиме. Большое место в его писаниях занимают наблюдения русского путешественника, осматривающего новые города, обращающего особое внимание на их военные укрепления; привлекают его достопримечательности — египетские пирамиды под Каиром, обелиски с иероглифами в Александрии и среди них столп, поставленный, по преданию, над гробом Александра Македонского; попутно сообщаются легенды, связанные с тем или другим местом.

Соч.: «Статейный список 1649—1650 гг.», «Прения с греками о вере», «О чинах греческих вкратце», челобитные, отписки и проч. // Христ. чт. 1883. Ч. 2. Июль—декабрь. С. 670—738; Проскинитарий Арсения Суханова // ППС. СПб., 1889. Т. 7, вып. 3 (21). С. 1—359; Б е л о к у р о в С. А. Арсений Суханов. М., 1891. Ч. 1 (ЧОИДР. 1891. Кн. 1—2); 1894. Ч. 2 (ЧОИДР. 1894. Кн. 2).

Лит.: Служебник. М., 1655. Предисловие. Л. 30—34; С о л о в ь е в С. М. История России с древнейших времен. СПб., 1861. Т. 11. С. 284—285, 468, примеч. 65; Б е л о к у р о в С. А. Поездка старца Арсения Суханова в Грузию (1637—1640) // Христ. чт. 1884. Март—апрель. С. 443—488; Н и к о л а е в с к и й П. Ф. Московский Печатный двор при патриархе Никоне // Христ. чт. 1891. Январь—февраль. С. 171—174; Июль—август. С. 181—185; М е л ь н и к о в Ф. Е. Свидетельство Арсения Суханова о крещении греков. М., 1913; Ш е н г и н М. XII том русских рукописей из «Каталога астрологических рукописей»: Автореферат // Вестник древней истории. М., 1939. № 1 (6).

С. 181—185; А л ь ш и ц Д. Н. Египет глазами русского путешественника // Звезда. 1958. № 8. С. 183—185; С л у х о в с к и й М. Н. Библиотечное дело в России до XVIII в. М., 1968. С. 119—122; Л у п п о в С. П. Книга в России в XVII веке. Л., 1970. С. 126, 174—177; К а г а н - Т а р к о в с к а я М. Д. Младшие редакции «Повести о двух посольствах» // ТОДРЛ. Л., 1976. Т. 30. С. 302; Ф о н к и ч Б. Л. Греческо-русские культурные связи в XV—XVII вв. (Греческие рукописи в России). М., 1977. С. 68—103; К л о с с Б. М. Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII веков. М., 1980. С. 274—278; Б о г д а н о в А. П. Автограф «Прений с греками о вере» Арсения Суханова // Источниковедение отечественной истории: Сборник статей 1989. М., 1989. С. 175—205.

М. Д. Каган

Арсений Грек (ок. 1610—после 1666) — иеромонах, учитель риторики, переводчик. Родился в Солуни; образование получил в Венеции и Риме, завершив его в Падуанском университете, где изучал философию и медицину. Вернувшись в Грецию, в 23 года принял монашество, после чего жил при дворах правителей Молдавии, Валахии, Польши. В 1649 г. в Киеве встретился с иерусалимским патриархом Паисием и в его свите приехал в Москву. Остался в Москве учителем риторики, но преподавал недолго (были два ученика), так как патриарх Паисий на пути из Москвы прислал письмо, где сообщал об А. Г.: «. . . прежде был иноком и священником, и сделался бусурманом, потом бежал к ляхам и у них обратился в униата, способен на всякое злое безделие». За «многие ереси» был сослан в Соловецкий монастырь, где пробыл до 1652 г., когда патриарх *Никон* вызвал его в Москву и поставил во главе греко-латинской школы (в Кремле, «близ патриаршего двора»), которая была прообразом Славяно-греко-латинской академии, хотя просуществовала недолго. В 1654 г. стал справщиком Московского Печатного двора, возглавив дело по исправлению книг. После падения патриарха *Никона* занимался описанием патриаршей библиотеки и переводами книг. В 1662 г. против А. Г. снова завели дело в приказе Тайных дел (причина неясна), и в следующем году он опять оказался в Соловецком монастыре. Последнее известие об А. Г. относится к 1666 г., когда по распоряжению *Алексея Михайловича* его освободили. Претворявший в жизнь идеи никоновской книжной «справы», А. Г. стал одиозной фигурой в глазах старообрядцев, которые отзывались о нем в очень резкой форме («исполнен скверны и смрада езуитских ересей»).

Наиболее значительной была деятельность А. Г. как переводчика. Попав в Москву, он не знал русского языка, о чем говорят его подписи в следственном деле 1649 г., сделанная по-гречески, и присутствие на допросах переводчика. За время пребывания в Соловецком монастыре А. Г. достаточно полно усвоил русский язык. Первые его переводы с греческого появились в книге «Скрижаль», опубликованной в Москве в 1655—1656 гг. Эта книга представляет собой сборник произведений древнерусской и греческой литературы, а также различных документов, которые объясняли и утверждали нововведения патриарха *Никона* в церковную жизнь православной России. В «Скрижали» А. Г. бесспорно принадлежат переводы следующих произведений: «Предзрение главизное на едину куюждо бываемых скрижалей и таинств в божественном священнодействии, собранное от Иоанна иереа Нафанаила» (компиляция из сочинений *Николая Кавасила* и других произведений), «Дамаскина монаха, иподиакона и студита слово в поклонение честнаго и животворящаго креста» (перевод из сборника произведений писателя XVI в. *Дамаскина Студита*), «*Николаа священнаго Малакса протопопа Наиплийскаго о знаменовании соединяемых перстов. . .*» (перевод из греческого Ирмология). В 1656 г. А. Г. сделал новый перевод *Требника*, дополненный новыми церковными чинопочитаниями. В 1660 г. вышла в свет книга «*Анфологион, си есть Цветословие: страдалчества и мучения святых великомученицы Екктерины, и святаго великомученика Феодора Стратилата, и житие святаго и преподобнаго Алексия*

человека Божия, вкупе избранныя и полезныя главизны и учительныя словеса от духоносных и премудрых учителей церковных. . .». В этой книге, цель которой была подобна цели издания «Скрижали», помещено предисловие, где сообщается о переводах, принадлежащих перу А. Г. («переведена суть и исследована с еллиногреческаго языка на славенский монахом Арсением Греком»); к ним относятся произведения, перечисленные в заглавии, а также с ними «вкупе и четверострочия Григория Богослова с главизнами Максима Исповедника о любви». «Житию Алексея человека божия» в составе «Анфологиона» посвящена специальная работа В. П. Адриановой, где подробно исследован вопрос об истории текста этого произведения и его перевода. А. Г. перевел его из сборника житий, написанного Агасием Критским и впервые изданного в Венеции в 1644 г. (из заглавия этого сборника А. Г. взял и название для своего сборника); «Житие» в переводе А. Г. с 1660 г. помещалось в печатных Прологах; перевод его был известен в болгарских списках, а также отразился в сербском духовном стихотворении о св. Алексее. По отношению к другим произведениям, помещенным в «Анфологионе», предполагается активная редакторская работа А. Г. Начиная с издания 1662 г. в Прологах печаталось *Житие Феодора Стратилата* в его переводе. Наибольшую популярность у русских читателей имел перевод Хроники Псевдо-Дорофея Монемвасийского, выполненный в основном А. Г. при участии архимандрита Святогорского монастыря *Дионисия Грека* в 1665 г. В Хронике излагается всемирная история, в то же время в ней подробно рассказывается об учреждении патриаршества в России. Перевод Хроники готовился по нескольким спискам, но издание осуществлено не было. Сохранились авторские экземпляры рукописей с корректорской и редакторской правкой (ГИМ, Синодальное собр., № 343; ГПБ, F.IV.574). А. Г. переводил в основном с книг XVI—XVII вв., изданных в Венеции на новогреческом языке (А. И. Соболевский, В. П. Адрианова). Для переводов А. Г. характерны дословность и буквальность в передаче текста, приводившие иногда к потере смысла фразы; многие специальные термины он транслитерировал. Буквальность перевода особенно видна при передаче сложных слов, когда А. Г. создавал искусственные выражения, например: «неначаемое», «плачевословие», «лженевестная» и др. А. И. Соболевский невысоко оценивал переводческое мастерство А. Г., отзываясь о нем следующим образом: «Арсений Грек, хотя много переводивший, но до конца жизни плохо владевший церковно-славянским языком и писавший на нем неправильно . . . не мог дать удовлетворительных переводов». Другие исследователи считают, что его переводы соответствовали нормам церковно-славянского языка.

Соч.: Скрижаль. М., 1655—1656; Анфологион. М., 1660.

Лит.: Е в г е н и й. Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина греко-российской церкви. 2-е изд. СПб., 1827. Т. 1. С. 48—50; Арсений Грек при патриархе Никоне // ПС. 1858. Ч. 3. С. 328—353; К а п т е р с в Н. Следственное дело об Арсении Греке и ссылке его в Соловецкий монастырь // ЧОЛДП. 1881. Июль. С. 70—96; К о л о с о в В. Старец Арсений Грек // ЖМНП. 1881. Сентябрь. С. 77—93; Б е л о к у р о в С. Адам Олеарий о греко-латинской школе Арсения Грека в Москве в XVII в. М., 1888; С о б о л е в с к и й. Переводная литература. С. 289, 296, 310, 326, 327, 333, 338, 342, 345, 356, 365; Ш л я к и н Н. Грамота об Арсении Греке 1651 г. // Библиографическая летопись. Пг., 1915. Ч. 2, разд. «Статьи и сообщения». С. 63—64; А д р и а н о в а В. П. Житие Алексея человека божия в древней русской литературе и народной словесности. Пг., 1917. С. 107—114; Л е б е д е в а И. П. 1) Греческая хроника Псевдо-Дорофея и ее русский перевод // ТОДРЛ. М.; Л., 1965. Т. 21. С. 302—305; 2) Греческие и русские списки хроники Псевдо-Дорофея в собраниях БАН СССР // Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописной и редкой книги БАН СССР. М.; Л., 1966. С. 20—37; 3) Поздние греческие хроники: (Историко-культурное значение и переводы). Автореф. дис. . . канд. филол. наук. Л., 1967; Ф о н к и ч Б. Л. Греческо-русские культурные связи в XV—XVII вв.: (Греческие рукописи в России). М., 1977. С. 108—110, 112—125, 164—166, 177—186; С а з о н о в а Л. И. Повесть об Алексее Римском в третьем—пятом изданиях Пролога и политический смысл темы Алексея в литературе 1660—1670 годов // Литературный сборник XVII века Пролог. М., 1978.

С. 99—106; Демин А. С. Писатель и общество в России XVI—XVII веков: (Общественные настроения). М., 1985. С. 132—139, 314, 315, 327—329; Румянцев В. С. Народное антицерковное движение в России в XVII веке. М., 1986. С. 94, 102, 113, 115.

В. К. Зиборов

Архиов Федор (XVII в.) — толмач Посольского приказа, участник московского посольства в Англии в 1645—1646 гг., возглавленного Г. С. Дохтуровым, составитель статьи «Роспись городу Лундану и всей Аглинской земли». Статья А., обнаруженная в Солигаличском сборнике XVIII в., представляет собой записи очевидца, облеченные в форму похвалы, в которой сообщается о теплом климате Англии («Зимы нет . . . снегу николи не бывает»), об архитектуре каменной и деревянной, о вымощенных камнем улицах, об оживленной торговле, о зверинце, о церковном колокольном звоне, об изобилии храмов («больше 300»), обозначенных словом «черни» (от church), о приютах («двор для бедных людей»), о приветливости жителей («люди у них добре ласковы во всей земли, любительны. . .»). Ценность этого описания, сделанного еще до лондонского пожара 1666 г., бесспорна. Принадлежность «Росписи» А. доказал ее публикатор З. И. Рогинский.

Соч.: Рогинский З. И. Лондон 1645—1646 годов: Новые источники о поездке гонца Г. С. Дохтурова в Англию. Ярославль, 1960. С. 10—15.

Лит.: Алексеев М. П. Русско-английские связи (XVIII—1-я половина XIX в.). М., 1982. С. 52—56 (ЛН. Т. 91).

О. А. Белоброва

Афанасий (в миру Алексей Артемьевич Любимов) (1641—6 IX 1702) — первый архиепископ Холмогорский и Важеский, автор нескольких литературных сочинений и посланий, один из просвещенных и деятельных людей своего времени, знал латинский и греческий языки. Его интересы простирались на многие области человеческого знания: астрономию, медицину, архитектуру, географию. А. имел большую по тем временам библиотеку, включавшую рукописные и печатные книги, в том числе и иностранных языках. Убежденный грекофил, традиционалист в сфере религии, а также многих сторон русского быта, А. в то же время был открыт многим новым веяниям времени, сочувственно относился к петровским преобразованиям, увлекался техническими новинками Запада. А. вел переписку с патриархом *Иоакимом* и его преемником *Адрианом*, митрополитом Тобольским и Сибирским *Игнатием*, монахом Чудова монастыря *Евфимием*, князьями Ф. М. Апраксиным и А. П. Прозоровским, боярином К. Ф. Нарышкиным, справщиками Печатного двора *Николаем Семеновым Головиным* и *Федором Поликарповым* и другими духовными и светскими лицами.

А. родился в г. Тюмени Тобольской губернии. Первое влияние на формирование его характера и любовь к книжности оказала, по-видимому, его мать Пелагея, в будущем — игуменья Параскева в Тюменском Алексеевском женском монастыре. В 1666 г. А. принял постриг в Далматовском Успенском монастыре. Духовным наставником его был основатель монастыря — старец Далмат, сльвший книжником. Он оказал значительное влияние на судьбу А., характер его интересов и будущих литературных занятий. Биограф А. В. М. Верюжский, ссылаясь на свидетельство А. А. Матвеева, полагал, что А. некоторое время принадлежал к расколу. Идеологию раскола исповедовал и игумен монастыря Исаак, с которым А. был в близких отношениях (см.: Верюжский В. М. Афанасий. . . С. 11—13). Вскоре, однако, А. обращается к православию. Об этом свидетельствует тот факт, что в том же 1666 г. А. становится крестовым иеродьяконом в доме тобольского архиепископа *Корнилия*. В 1668 г. А. сопро-

вождал Корнилия в Москву. Приблизив к себе А., тобольский архиепископ разглядел в нем человека достаточно образованного, сведущего в вопросах богословия, обладающего энергичным и твердым характером. На него он мог надежно опираться в своей церковной деятельности. При архиерейском доме А. пребывал до 1674 г., затем он возвращается в Далматовский монастырь, а в 1675 г. становится его игуменом. По поручению Корнилия (теперь уже митрополита) осуществляет контроль над церковной деятельностью не только в Далматовском монастыре, но и в окрестных приходах, в частности следит за единообразием богослужения в соответствии с новоисправленным Служебником, а также занимается хозяйственными делами; Корнилий возлагал на А. и решение некоторых спорных вопросов, касавшихся внутримонастырских конфликтов (см.: В е р ю ж с к и й В. М. Афанасий. . . С. 17—20). В 1677 г. по неизвестным причинам А. был сослан в Енисейский острог в Спасский монастырь, однако в декабре того же года получил прощение от митрополита Корнилия и возвратился в монастырь (Архангельские губернские ведомости. 1870. № 51).

В августе 1679 г. А. навсегда покидает монастырь. По поручению Далмата он отправляется в числе других посланцев в Москву с челобитной к царю (челобитная игумена Исаака с братией опубликована: ЧОИДР. 1886. Кн. 4. С. 18—24). В Москве А., очевидно, произвел хорошее впечатление своей начитанностью и был приближен к патриарху Иоакиму. В должности патриаршего крестового иеромонаха А. пребывал до 1682 г. В марте 1682 г. он был возведен в сан архиепископа и назначен во вновь образованную Холмогорскую епархию. Столь высокое назначение было признанием его незаурядных способностей в делах церкви, широкой начитанности, искусственности в вопросах догматики; немаловажное значение при этом имели и его опыт службы в Сибири (см.: Г о л у б ц о в А. П. Чиновники. . . С. XII), и его грекофильские симпатии, которые были по душе патриарху Иоакиму. По мысли В. М. Верюжского (Афанасий. . . С. 31), последнее обстоятельство было решающим фактором, определившим выбор А. на холмогорскую архиепископию. Посвящение А. состоялось 19 марта, однако события, последовавшие за смертью царя *Феодора Алексеевича* (27 апреля), задержали его отъезд в Холмогоры до 10 сентября. Все это время А. принимает деятельное участие в московской жизни: присутствует при выносе тела покойного царя в Архангельский собор, служит обедню и панихиду по умершему государю, участвует в праздничных богослужениях по случаю Пасхи, 25 июня — в венчании на царство Иоанна и Петра Алексеевичей, а 5 июля — в знаменитых прениях православных иерархов с раскольниками, состоявшихся в Грановитой палате в присутствии царского семейства. Ссылаясь на свидетельства современников, В. М. Верюжский отмечал (Афанасий. . . С. 42), что А. в этом диспуте заметно выделялся среди других иерархов знанием церковных догматов, полемическими способностями и твердостью характера. Очевидно, это обстоятельство и побудило патриарха Иоакима обратиться к А. с поручением составить «Увет духовный», который был написан А. за 50 дней. 27 августа 1682 г. Московский Печатный двор приступил к его изданию, а к 20 сентября «Увет духовный» был напечатан тиражом в 1200 экземпляров (Б е л о к у р о в С. А. Кто автор Увета духовного? С. 164—166).

В Холмогоры А. прибыл 18 октября 1682 г. Здесь он энергично принимается за устройство церковного управления в епархии: ведет решительную борьбу с расколом, обращаясь за содействием к местным священникам и светским властям; в июне 1683 г. лично посещает Соловецкий монастырь. А. стремится к единообразию в отправлении церковных обрядов, неуклонно следуя московскому образцу. С этой целью при архиерейском доме велись подробные записи служб в хронологической последовательности (см.: Г о л у б ц о в А. П. Чиновники. . . с. IX); приходские церкви были снабжены по инициативе А. новоисправленными книгами (см.: В е р ю ж с к и й В. М. Афанасий. . . С. 37С).

Не только церковные и административные вопросы занимали А., он живо интересовался и государственными делами. Деятельная натура А., его сочувственное отношение к начинаниям Петра I снискали расположение к нему царя. Приезжая в Архангельск, Петр I неизменно встречался с А.; во время второго приезда царя (1694 г.) А. сопровождал его в Соловецкий монастырь. Описание посещений Петром I Архангельска сохранилось в записках «О высочайших пришествиях великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича . . . из царствующаго града Москвы на Двину к Архангельскому городу, тоекратно бывших. . .» (М., 1783), приписываемых А. (Ф и л а р е т. Обзор. С. 255). А. поддерживал стремление Петра I получить для России выходы к морю. Во время азовских событий (1695—1696) он внимательно следит за их ходом, ведет переписку с архангельским воеводой Ф. М. Апраксиным. Все материалы, касающиеся азовских походов, собирает в единое целое под названием «Вести из-под Азова» (В е р ю ж с к и й В. М. Афанасий. . . С. 534—535). В ходе подготовки Северной войны А. по поручению царя собирает сведения, касающиеся пограничных земель и путей, ведущих к шведской столице, на основе которых составляет «Описание трех путей из России в Швецию», где ставит практическую задачу: познакомить русских с городами, селениями, укреплениями — местами будущих военных действий (см.: Ш а с к о л ь с к и й И. П. «Описание трех путей». . . С. 458). С конца 1700—начала 1701 г. властями делаются распоряжения о строительстве в Березовском устье Двины крепости для обороны Архангельска от ожидавшегося нападения шведского флота. 12 июня 1701 г. она была торжественно заложена с благословения холмогорского архиерея (О высочайших пришествиях. . . С. 56—58). На строительство Новодвинской крепости из архиерейского дома были сделаны щедрые пожертвования строительными материалами и деньгами; участие А. в этом строительстве было отмечено благодарственной царской грамотой (см.: В е р ю ж с к и й В. М. Афанасий. . . С. 545).

А. принадлежат большие заслуги в истории развития книжной культуры и архитектуры на севере Русского государства. С самого начала его архиешкопства (особенно в первое десятилетие) в Холмогорах и его окрестностях начинается каменное строительство (см.: Б у л к и н В. А., О в с я н н и к о в О. В. Из истории. . .). А. проявляет большой интерес к архитектурному искусству, из патриаршей библиотеки получает специальную книгу по архитектуре, рисунки, лично наблюдает за строительными работами (см.: Г о л у б ц о в А. П. Чиновники. . . С. XVI; Т и т о в А. А. Летопись Двинская. Запись под 1685 г. и др.). *Летописец Двинской* сообщает и о том, что при архиерейском доме существовала иконописная мастерская, где работала группа искусных изографов, имена которых называет летопись (Т и т о в А. А. Летопись Двинская. С. 57). Здесь сообщается также и о переписке книг, которая постоянно велась в доме архиерея под непосредственным руководством А. Он был хорошо знаком с книгохранилищем Чудова монастыря, откуда брал книги для переписки (см.: Г о л у б ц о в А. П. Чиновники. . . С. XXVII). Иногда книги переписывались в Москве, куда А. не раз приглашался патриархами Иоакимом и Адрианом по церковным делам (Двинской летописец сообщает о переписке в 1697 г. Евангелия из Чудова монастыря: Т и т о в А. А. Летопись Двинская. С. 100). За книгами А. обращался также в Соловецкий и Сийский монастыри, отдавая предпочтение более древним и исправным рукописям. К писцам А. предъявлял высокие требования: точное следование оригиналу, строгое соблюдение правил орфографии; большое внимание уделялось внешнему оформлению рукописей, их реставрации (см.: К у к у ш к и н а М. В. Монастырские библиотеки. . . С. 187—190). М. В. Кукушкина на основе палеографического изучения книг архиерейской библиотеки сделала вывод о сложившейся в конце XVII в. книгописной школе А. со своеобразными традициями в письме и искусстве оформления книги (Там же. С. 195).

При всем многообразии интересов главным увлечением А. всегда оставалась книга, как писал В. М. Верюжский: «Стремление к образованию, книжности составляет основной мотив его жизни» (Афанасий. . . С. 26). При архиерейском доме помещалась собранная им библиотека, в которой насчитывалось около 490 томов, половину которых составляли рукописи (Там же. С. 574). Впоследствии библиотека А. поступила в Архангельскую духовную семинарию (В и к т о р о в А. Е. Описи рукописных собраний в книгохранилищах Северной России. СПб., 1890. С. 3), несколько рукописей попали в собрание Ф. А. Толстого (И к о н н и к о в В. С. Опыт русской историографии. Киев, 1892. Т. 1, кн. 2. С. 1076). Большая часть рукописей бывшей архиерейской библиотеки находится ныне в БАН в составе Архангельского собрания (см.: Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии наук. Вып. 2. XIX—XX вв. М.; Л., 1958. С. 154—156; К у к у ш к и н а М. В. Монастырские библиотеки. . . С. 186). А. был не только увлеченным собирателем и читателем книг, но и сам много писал. Расцвет его писательской деятельности приходится на холмогорский период жизни. В Холмогорах были созданы почти все его сочинения, исключая «Увет духовный», написанный А. в Москве незадолго до отъезда в Холмогорскую епархию. Однако писать А. начал, по-видимому, еще в Сибири, в стенах Тюменского Далматовского монастыря. В. М. Верюжский называл компилятивное Толкование на Псалтырь, составленное А. в 1666 г. (Афанасий. . . С. 11). Исследователь предполагал также, что и «Шестоднев» был написан А. во время его жизни в монастыре, в первый год пострижения, когда он еще исповедовал идеологию раскола. Основанием для этой гипотезы послужил факт последовательного написания в старообрядческой огласовке этикетной формулы «Во веки веком» в сборнике, содержащем список «Шестоднева». Сборник, которым пользовался В. М. Верюжский, принадлежал архиерейской библиотеке, ныне хранится в БАН (Архангельское собр. С. 279). В. М. Верюжский вслед за П. В. Знаменским ошибочно считал этот список автографом А. Кроме списка БАН известны еще два списка «Шестоднева»: ГПБ, собр. Соловецкого монастыря, № 991/1100; ГБЛ, собр. Ундольского, № 186. Текстологический анализ этих списков выявляет ряд ошибочных чтений в списке БАН, которые не могут принадлежать автору. Что касается датировки памятника, то вопрос этот остается открытым, хотя некоторые особенности текста «Шестоднева» дают основание предположительно отнести его создание к более позднему времени — жизни А. в Холмогорах (см.: П а н и ч Т. В. Особенности «Шестоднева». . .). Проблемы источников «Шестоднева» касался П. В. Знаменский, отметив компилятивный характер сочинения и зависимость от текста шестоднева *Толковой палеи* (З н а м е н с к и й П. В. Шестоднев. . . С. 572). «Шестоднев» был составлен А. на основе имевших хождение на Руси памятников подобного жанра: шестодневов Василия Великого и Иоанна экзарха Болгарского. Он использовал также «Богословие» Иоанна Дамаскина (в частности, его космологию) и сочинения других отцов церкви, ибо как сам заметил: «Мы же елика сила собрахом». Обнаруживая немалую зависимость от источников, А. в рамках традиционного жанра сумел сказать и свое слово. В его «Шестодневе» нашли отражение естественнонаучные и космологические представления образованного человека Московской Руси конца XVII в. «Шестоднев» не издад.

Многое, что вышло из-под пера А., в той или иной мере было откликом на современные ему события или церковную полемику того времени. Так, «Увет духовный» написан по горячим следам событий, разыгравшихся 5 июля, участником которых был А. «Увет» был издан от имени патриарха Иоакима, которого долгое время числили автором сочинения. С. А. Белокуров высказал предположение о принадлежности «Увета духовного» А., выдвинув ряд веских аргументов (Кто автор Увета духовного? С. 173—177). В. М. Верюжский подтвердил это предположение, сославшись на

грамоту А. архангельским стрельцам от 23 апреля 1683 г., где он прямо пишет о своем авторстве (Афанасий. . . С. 606). В «Увете духовном» А. на основе многочисленных выписок из древних греческих и славянских книг разбирает и опровергает челобитную раскольников, которая была подана в Грановитой палате. Как противораскольническое сочинение «Увет духовный» использовался и в XVIII в., было несколько его переизданий. Сочинение известно и в списках, сделанных с печатного издания 1682 г.: ГБЛ, ф. 310, № 1079; ф. 178, № 6429; БАН, собр. Археографической комиссии, № 95 (223); БАН, 33.6.21 (Сев. 495).

Богословско-полемический характер имеют и два других сочинения А.: «Книга православного исповедания», или «Книга о пресуществлении», и «Щит веры». Черновой автограф «Книги православного исповедания» датирован 20 декабря 1688 г., он хранится в БАН в составе Архангельского собрания (С. 170). По этой рукописи сочинение было издано в 1899 г. М. Сменцовским в приложении к его исследованию «Братья Лихуды». «Щит веры» (1690 г.) не был издан, хотя готовился для печати с благословения главы русской церкви (См.: Г о р с к и й А. В. и Н е в о с т р у е в К. И. Описание славянских рукописей Московской Синодальной (патриаршей) библиотеки. М., 1862. Т. 4, отд. 3. С. 497—503). В этих сочинениях нашла отражение церковная полемика конца XVII в. по догматическому вопросу о времени пресуществления святых даров в чине литургии; спор отражал борьбу двух непримиримых противников — грекофилов и латинствующих. Будучи убежденным грекофилом, А. выступает в «Книге православного исповедания» в защиту православной точки зрения, подкрепляя свои рассуждения многочисленными выписками «от апостольских и отеческих догмат и писаний», ибо для него, как заметил М. Сменцовский, «неуклонная верность преданию — это единственно надежный путь для решения спорного вопроса» (Братья Лихуды. С. 173). «Щит веры» был составлен А. не только против латинской точки зрения на время пресуществления, но и с целью опровержения других католических и протестантских идей, проникших на Русь в XVII в. Авторство А. было установлено не сразу. Некоторые исследователи предполагали участие в составлении «Щита веры» братьев *Лихудов* (С а в в а, архимандрит. Указатель для обозрения Московской патриаршей (ныне Синодальной) ризницы и библиотеки. М., 1858. С. 271; С м е н ц о в с к и й. Братья Лихуды. С. 242—243), другие приписывали памятник их ученикам *Николаю Головину* и *Федору Поликарпову* (Ф и л а р е т. Обзор. С. 245). П. М. Строев в атрибуции «Щита» колебался между А. и патриархом Иоакимом (Словарь. С. 32, 124). А. Е. Викторов указал на рукопись «Жития и духовного завещания Московского патриарха Иоакима», в последней части которого, написанной в форме послания к А., сообщается о том, что «Щит веры» был составлен А. по благословию Иоакима (В и к т о р о в А. Собрание рукописей И. Д. Беляева. М., 1881. С. 18—19). Издание «Жития и завещания Иоакима» (СПб., 1879) утвердило в науке факт авторства А. М. Сменцовский выделил две редакции «Щита» — краткую, первоначальную, и распространенную (включившую «Акос» и «Диалоги» Лихудов), создание которой он относил ко времени после 1693 г. на том основании, что в нее вошли отрывки из святоотеческих сочинений, переведенных в 1693 г. (Братья Лихуды. С. 242, примеч.). В. М. Верюжскому были известны восемь списков «Щита», составление памятника он относил к началу 1690 г. (Афанасий. . . С. 629—630). «Щит веры» известен в списках: БАН, П. I. В., № 8; ГБЛ, Музейное собр., № 4445 (извлечения); ГБЛ, собр. Румянцева, № 471; ГБЛ, собр. Егорова, № 1152, 1570; ГИМ, Синодальное собр., № 310; ГИМ, собр. Барсова, № 474, 475; ГПБ, F.I.186; ГПБ, собр. Титова, № 1243 (3245); ГПБ, Q.1.1430.

Среди литературных сочинений А. есть и труды светского характера. К ним относится «Описание трех путей из России в Швецию». Долгое время был известен лишь один список сочинения в сборнике начала XVIII в.

из собрания Ф. А. Толстого (ГПБ, Ф. XVII. 10), на основании которого считалось, что «Описание» было составлено А. в 1701 г. (в заглавии памятника в этом списке есть дата: «Лета господня 1701, месяца марта»). Список был опубликован в 1838 г. П. Г. Бутковым и в 1908 г. В. М. Верюжским в приложении к жизнеописанию А. В 1960 г. Л. А. Дмитриев опубликовал новый список «Описания» из рукописного сборника начала XVIII в., хранящегося в библиотеке Саратовского университета (собр. И. А. Шляпкина, 329.530). На основании имеющейся в названии даты («Сочинися же сие самем пресвященным архиепископом 1700 марта дня») и некоторых разночтений Л. А. Дмитриев датировал памятник мартом 1700 г., сделав предположение, что дата в списке ГПБ, Ф. XVII.10 является опиской, а сам список представляет более позднюю переработку «Описания» по сравнению со списком из собрания Шляпкина. Ныне известен еще один список памятника, читающийся в сборной рукописи конца XVII—начала XVIII в. (ГПБ, СПб. ДА, № 424), который представляет собой тот же вид «Описания», что и список из собрания Шляпкина. Текстологический анализ имеющихся списков сочинения дает возможность выделить две его редакции: первоначальную (ГПБ, СПб. ДА, № 424, и СГУ, собр. Шляпкина, 329.530) и сокращенную (ГПБ, Ф. XVII.10), сделанную, вероятно, самим автором до осени 1702 г. (см.: П а н и ч Т. В. «Описание трех путей». . .).

А. проявлял также большой интерес к медицине. Свидетельство тому — составленный им в 1695 г. Лечебник («Реестр из дохтурских наук. . .»), включающий 55 глав. Здесь описываются рецепты и способы приготовления различных лекарств (эликсиров, мазей и т. д.). Ныне известно 5 списков Лечебника: ГБЛ, собр. Ундольского, № 699, л. 1—27; ГБЛ, Музейное собр., № 10 417, л. 65—77 об.; № 1675, л. 1 (имеется только начало сочинения); ГПБ, собр. Соловецкого монастыря, № 30/1489, л. 1—26; ГПБ, Q.VI.13. Экземпляр Лечебника, по-видимому, был подарен двинскому воеводе Ф. М. Апраксину, так как в двух из дошедших до нас списков (оба списка из Музейного собр. ГБЛ) имеется посвящение ему в начале сочинения. Лечебник был издан В. М. Флоринским по списку ГПБ, собр. Соловецкого монастыря, № 30/1489.

Известны и поучительные сочинения А.: «Слово пастыря ко овцам, внегда ему отходити от стада» (опубликовано В. М. Верюжским: Афанасий. . . С. 139—141), несколько посланий, в том числе окружных: «Окружное послание к пастве» 1696 г. (Верюжский В. М. Афанасий. . . С. 129—134; П о с т н и к о в С. Афанасий. . . С. 23—42) и 1697 г. (Архангельские епархиальные ведомости. 1900. № 18. С. 484—485). Первое широко распространено в списках конца XVII—XVIII в.: БАН, Архангельское собр. С. 261; БАН, Архангельское собр. С. 162; БАН, 33.15.18 (Нов. 398); БАН, Архангельское собр. Д 486; БАН, Архангельское собр. Д 487; БАН, Архангельское собр. Д 488; БАН, Архангельское собр. Д 489; ГБЛ, собр. Отдела рукописей, № 443; ГПБ, собр. Вяземского, Q.233; ГПБ, собр. Соловецкого монастыря, № 665/723.

Соч.: Увет духовный. М., 1682; переиздания: М., 1753; М., 1791; О высочайших пришествиях великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича . . . из царствующего града Москвы на Двину к Архангельскому городу, троекратно бывших; о нахождении шведских неприятельских кораблей на ту же Двину к Архангельскому городу; о зачати Новодвинской крепости и о освящении нового храма в сей крепости. М., 1783; Описание трех путей из России в Швецию. . . / Подгот. к печати П. Г. Бутковым // Журнал Министерства внутренних дел. СПб., 1838. Ч. 29. С. 260—295; П о с т н и к о в С. Афанасий, первый архиепископ Холмогорский и Важеский // Странник. 1866. Т. 4. Октябрь. С. 23—42 («Окружное послание к пастве» 1696 г.); Ф л о р и н с к и й В. М. Русские простонародные травники и лечебники. Казань, 1879. С. 211—229 («Реестр из дохтурских наук. . .»); С м е н ц о в с к и й М. Церковно-исторические материалы (дополнительные приложения к исследованию «Братья Лихуды»). СПб., 1899. С. 44—70 («Книга о пресусствлении»); В е р ю ж с к и й В. М. Афанасий, архиепископ Холмогорский, его жизнь и труды в связи с историей Холмогорской епархии за первые 20 лет ее существования и вообще русской церкви в конце XVII века. СПб., 1908. С. 656—665 («Описание трех путей из России в Швецию. . .»); Д м и т р и е в Л. А.

Новый список «Описания трех путей» Афанасия Холмогорского // АЕ за 1958 год. М., 1960. С. 335—349.

Лит.: Записки русских людей / Изд. И. П. Сахаровым. СПб., 1841; З н а м е н с к и й П. В. Шестоднев Афанасия, архиепископа Холмогорского // Странник. 1883. Декабрь. С. 565—594; Б е л о к у р о в С. А. Кто автор Увета духовного? // Христ. чт. 1886. Т. 2. С. 163—177; Т и т о в А. А. Летопись Двинская. М., 1889; Описание мужского Далматовского Успенского монастыря и бывшего приписным к нему женского Введенского монастыря. Екатеринбург, 1891; С м е н ц о в с к и й М. Братья Лихуды. СПб., 1899; Г о л у б ц о в А. П. Чиновники Холмогорского Преображенского собора. М., 1903; Р у н к е в и ч С. Г. Архиереи Петровской эпохи в их переписке с Петром Великим. СПб., 1906. Вып. 1; Ш а с к о л ь с к и й И. П. «Описание трех путей» Афанасия Холмогорского // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 14. С. 457—460; С е р б и н а К. Н. Двинской летописец // ВИД. Л., 1973. Т. 5. С. 196—219; Б у л к и н В. А., О в с я н и к о в О. В. Из истории каменного строительства в конце XVII в. в Нижнем Подвинье // Средневековая Русь. Памяти Н. Н. Воронина. М., 1976. С. 344—352; К у к ш и н а М. В. Монастырские библиотеки Русского Севера. Л., 1977. С. 185—197; О в ч и н н и к о в а Е. С. Атрибуция двух портретов петровского времени // На рубеже двух веков: Из истории преобразований петровского времени. М., 1978. С. 106—112 (Труды ГИМ; Вып. 47); П а н и ч Т. В. 1) Особенности «Шестоднева» Афанасия Холмогорского // Источники по истории русского общественного сознания периода феодализма. Новосибирск, 1986. С. 5—24; 2) Мироздание в представлении книжника XVII века: (На материале Шестоднева Афанасия Холмогорского) // Научный атеизм, религия и современность. Новосибирск, 1987. С. 305—321; 3) «Описание трех путей из России в Швецию» Афанасия Холмогорского: (К истории текста памятника) // Публицистика и исторические сочинения периода феодализма. Новосибирск, 1989. С. 96—110.

Т. В. Панич

Афанасий (вторая половина XVII в.) — дьякон Спасского, что на дворце, собора, автор «Обличения на новопотаенных волков, ходящих в одеждах ловчих, кои . . . но истине поборателей называют латынниками, варварами, уншатами, псами и блядословцы» (1688).

Сочинение А. направлено против «Акоса» братьев *Иоанникия* и *Софрония Лихудов* в защиту латинского мнения о времени пресуществления святых даров в таинстве евхаристии. На основании «покаянного исповедания» единомышленника *Сильвестра Медведева* священника *Саввы Долгого*, давшего показание о «хульных тетрадах» Сильвестра Медведева на братьев Лихудов (см.: Остен: Памятник русской духовной письменности XVII века. Казань, 1865. С. 106), а также на основании предположения представителя греческой партии, чудовского инока *Евфимия*, некоторые исследователи приписывали «Обличение» Сильвестру Медведеву (см.: П р о з о р о в с к и й. Сильвестр Медведев. С. 579, примеч. 19). Но от Сильвестра Медведева дошло другое полемическое сочинение против «Акоса», написанное в том же 1688 г., что и «Обличение», — «Известие истинное православным и показание светлое о новом правлении в Московском царствии книг древних. . .»; к нему и следует отнести подследственное свидетельство Саввы Долгого.

В то же время Сильвестр Медведев, старец Арсений, Лаврентий Бурмистров называют автором «Обличения» дьякона А. (см.: Розыские дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках. СПб., 1884. Т. 1. Стб. 544, 554—555, 572). Розыские дела о Федоре Шакловитом показали, что дьякон А. был человеком близким Сильвестру Медведеву и писал свое «Обличение» в трапезной келье Сильвестра (по показанию старца Арсения, «тетрадок с сорок или больше»). Набело переписывали «тетрадки» двое «гуляющих людей», а раздавали их в народ сам дьякон А., Савва Долгий и Сильвестр Медведев.

Полемическим ответом со стороны греческой партии на «Обличение» дьякона А. было сочинение чудовского инока Евфимия «Показание истины, или на псонестовное брехание ответ мудрейших учителей Иоанникия и Софрония самобратов Лихудиев», в котором Евфимий называет «Обличение» «неистовнобреханием на святую восточную церковь». Перечень списков «Обличения» дан в книге А. Прозоровского (Сильвестр Медведев. С. 578).

Соч.: П р о з о р о в с к и й А. Сильвестр Медведев: (Его жизнь и деятельность). М., 1896. С. 584—593; см. также с. 277—280, 577—584.

Лит.: Шляпки И. А. Св. Дмитрий Ростовский и его время (1651—1709 гг.). СПб., 1891. С. 153—157; Семеновский М. Братья Лихуды. СПб., 1899. С. 189—191.

Н. В. Полярко

Байков Федор Исаакович (ок. 1612—1663/1664) — воевода, автор статейного списка посольства в Пекин в 1654—1658 гг., записанного в Москве в приказе Большого дворца с его слов (сам он был неграмотен, а в составе его посольства не было писцов). Б. был боярским сыном, его отец — выходец из великолукских служилых людей. Б. в 1628 г. был жильцом и стольником при дворце патриарха *Филарета*. С 1635 г. Б. служил в разряде дворян, был воеводой в Валуйках, в Малгазее. Путешествие в Китай было предпринято Б. из Тобольска «для государева торгового промысла», и хотя оно не было результативным, впечатления путешественника оказались ценным историко-географическим материалом, обогатившим как древнерусскую литературу «о чужих землях», так и европейскую: статейный список Б. использовал Н. Витсен в труде «Северная и Восточная Татария» (Амстердам, 1702). Путь Б. прошел вверх по Иртышу, через западный и юго-западный Алтай и от Черного Иртыша вдоль пустыни Гоби вплоть до Камбалыка (Пекина). Рассказ Б. отличается точностью и ясностью описания рек, степей, гор, поселений, городов, обычаев, торговли. Названа китайская стена, впервые в русской письменности упомянут чай, которым угощали посла, описана пустыня Гоби. В статейном списке фигурируют глинобитные жилища, лавки, базары, восточные товары и цены на них, зонты («солншники бумажные желтые»), носилки для воевод, описан характерный орнамент: «. . . а на платьях и на сосудах деланы всё змеи» и т. п. Пребывание Б. в Пекине длилось целый год, причем «с двора ходить русских людей не пускали, заперты были, что в тюрьме». Из-за отказа посла выполнить унизительный ритуал земных поклонов его не допустили к богдыхану и даже вернули ему подарки («поминки»). Статьиный список Б. исследован главным образом с точки зрения исторической географии и этнографии.

Соч.: ДРВ, 2-е изд. М., 1788. Ч. 4. С. 120—142; Сибирский вестник. СПб., 1820. Ч. 11, кн. 8. С. 113—136; кн. 9. С. 137—166; Сахаров И. Сказания русского народа. СПб., 1849. Т. 2. С. 125—134; Демидова Н. Ф., Мясников В. С. Первые русские дипломаты в Китае: («Роспись» И. Петлина и статейный список Ф. И. Байкова). М., 1966. С. 113—145; Русско-китайские отношения в XVII веке. М., 1969. Т. 1: 1608—1683. С. 169—199.

Лит.: Бантыш-Каменский Н. Н. Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619—1792 гг. Казань, 1862. С. 8—11; Лебедев Д. М. География в России XVII века. М.; Л., 1949. С. 120—126 и след.; Банников А. Г. Первые русские путешествия в Монголию и Северный Китай. М., 1954. С. 26—44; Андреев А. И. Очерки по историко-географии Сибири. 2-е изд. М.; Л., 1960. Вып. 1: XVII век. С. 72—73, 166—167; Демидова Н. Ф. О вариантах статейного списка посольства Ф. И. Байкова в Китай // Вопросы социально-экономической истории и историко-географии периода феодализма в России: Сб. статей. М., 1961. С. 270—280.

О. А. Белоброва

Бархатов Иван (вторая половина XVII в.) — крестьянин Исетского острога Тюменского уезда, старообрядец, один из авторов «Сказки» крестьян д. Мостовки. Обстоятельства появления этой «Сказки» таковы. В конце января или начале февраля 1679 г. в исетскую деревню Мостовку Тюменского уезда приехал с 30 служилыми людьми приказчик Мехонской слободы Гаврила Буткеев, который участвовал в правительственном розыске в связи с массовым старообрядческим самосожжением на р. Березовке в Тобольском уезде в пустыни Даниила-Доментяна, произошедшим в ночь на 6 января 1679 г. Выгнав в лес раздетых жителей, он стал «вымучивать» «по полтине с человека со всяя деревни» (ДАИ. Т. 8. С. 220). Притеснениям со стороны Буткеева были также подвергнуты крестьяне Мехонской слободы, которые в знак протеста 4 февраля того же года «засели в избу» и приготовились к «гари» (Там же. С. 248). Эти события послужили

поводом для активной старообрядческой агитации, которую стали вести в окрестных деревнях пашенные крестьяне Б., Ивашка Казанец и «утеклец» из Данииловой пустыни гулящий человек Васька. 14 марта посланный с военной командой из Исетского острога драгунский капитан Степан Поляков схватил в Мостовке Б. и Ваську и под охраной отправил в Тобольск. Однако родной брат Б. Ганка Бархатов «с товарищи, человек с двадцать и болши», отбили на дороге арестантов у провожатых и заперлись в Мостовке «во двор человек с сорок и болши». Во время своих действий они служилих людей «бранили и еретиками и богоотступниками называли и антихристовыми слугами», а Б. именовали «наставником своим и учителем» (Там же. С. 218—219).

Власти вскоре поняли, что появилась угроза нового самосожжения. С затворцами были начаты переговоры, в результате чего в последних числах марта 1679 г. «по ведению» Б. ими была написана на имя царя *Федора Алексеевича* «Сказка». В ней жители Мостовки в яркой публицистической форме излагали причины того, почему они заперлись и готовы «во огни гореть, якоже и у Данила священноинока», причем четко выраженные социальные мотивировки тесно переплетались здесь с грамотной построенной, основанной на свидетельствах из старопечатных и рукописных книг системой доказательств в защиту «старой веры». В числе этих доказательств содержится ряд примеров из Пролога и Толкового Евангелия, оправдывающих самосожжения, которые, возможно, были заимствованы из какого-то неизвестного старообрядческого сочинения, специально посвященного этой проблеме.

Соч.: ДАИ. СПб., 1862. Т. 8. С. 219—222.

Лит.: Ш и ш о н к о В. Пермская летопись с 1263—1881 г. Пермь, 1884. Четвертый период: С 1676—1682 г. С. 364—365; Са по ж н и к о в Д. И. Самосожжение в русском расколе (со второй половины XVII века до конца XVIII). М., 1891. С. 11—14; Б е л и к о в Д. Н. Старинный раскол в пределах Томского края. Томск, 1905. С. 6—7; С о л о в ь е в С. М. История России с древнейших времен. М., 1962. Т. 13. С. 241—243; Ш а ш к о в А. Т. Послание сибирской «братии» протопопа Аввакума и его адресаты // Памятники литературы и общественной мысли эпохи феодализма. Новосибирск, 1985. С. 87—90; П и х о я Р. Г. Общественно-политическая мысль трудящихся Урала (конец XVII—XVIII в.). Свердловск, 1987. С. 45—52.

А. Т. Шаиков

Бегичев Иван Иванович (XVII в.) — стольник, автор послания, адресованного Семену Лукьяновичу Стрешневу (имя автора приведено в тайнописи «простой литореей»). Послание сохранилось в двух списках XVII и XVIII вв. (БАН, собр. Яцимирского, № 38 и ГИМ, собр. Забелина, № 49); в более раннем адресат не назван («имярек»). Публикатор послания по списку XVII в. А. И. Яцимирский считал его автором Ивана Кузьмича Бегичева, московского дворянина, убитого на пути в Царьград в 1624 г. Более основательно атрибуция И. Е. Забелина, приписавшего послание Б. патриаршему (1627—1629), а затем царскому (1636—1640) стольнику. И. Е. Забелин датировал послание 1643 г., когда Б. бежал в Литву, по-видимому, стремясь скрыться от наказания за дерзость в споре со знатным собеседником обнаруженный исследователем документ свидетельствует о возвращении Б. в Москву в 1646 г. и о восстановлении его в правах владельца икон в драгоценных окладах.

Послание Б. написано после ссоры между двумя светскими лицами, участниками охоты («. . . егда с тобою аз шествовахом из вотчины твоей, зовомья Черная грязь, на лов зверesk. . .»). Ссора возникла из-за несогласия в толковании текста Библии (Исх. 33, 23), буквального у С. Л. Стрешнева и более тонкого, индикаторного у Б.

Наиболее важно в послании Б. противопоставление книг «божественных» сочинениям иного рода (не одобряемым автором послания): это «баснословные повести, глаголемые еже о Бове Королевиче и мнящихся вами душеполезные быти, иже изложено есть от младенец, иже О куре и о лице и о прочих иных таковых же баснословных повестей и смехотворных

писм». Осознание разницы между литературой «божественной» и более демократической, обмирщенной указывает на распространение последней, свидетельствует о ее проникновении в читательскую среду знати и о формировании определенных эстетических норм и вкусов в Московской Руси середины XVII в. Упоминание *Повести о Бове* — первое ее отражение в письменности.

Соч.: Я ц и м и р с к и й А. Н. Послание Ивана Бегичева о видимом образе божием // ЧОИДР. 1898. Кн. 2 (185), разд. 2. С. 1—13.

Лит.: З а б е л и н И. Е. Заметка о послании Ивана Бегичева // Археологические известия и заметки. М., 1899. № 1—2. С. 1—8; История русской литературы. М.; Л., 1948. Т. 2, ч. 2. С. 153; История русской литературы. М.; Л., 1958. Т. 1. С. 303—304.

О. А. Белоброва

Белобочкий Ян (Андрей Христофорович) (XVII в.) — переводчик, писатель. Поляк по происхождению, шляхтич Перемышльского повета, Б. родился в середине XVII в. В юные годы был связан с кальвинистами в Слуцке и Торуне, с 1665 г. странствовал по Западной Европе, побывал в Германии, Франции, Италии и Испании для «научения философских и богословских наук», учился в Вальядолидском университете. В 1680 г. приехал через Ригу в Смоленск, где подвергся преследованию со стороны местных иезуитов. В феврале 1681 г. с епископом Смоленским Симеоном прибыл в Москву в надежде получить место в создававшейся здесь академии. По наущению *Сильвестра Медведева* другой выходец из Польши Павел Негребецкий подал на него донос, обвиняя Б. в ересях и призывая «кровью изыскать» на нем «хулы и лукавства». Вызванный к патриарху, Б. был признан еретиком и обязался осудить католические и протестантские ереси; последующие нападки на его «Исповедание веры» со стороны Сильвестра Медведева последствий не имели. В 1682 г. Б. принял православие, получив в крещении имя Андрей, и после испытания в Посольском приказе в знании латинского, французского и итальянского языков был взят на службу и причислен к кормовщикам московского чина. В Москве Б. женился, занимался преподаванием латинского языка П. М. Апраксину и другим дворянам Нарышкинского круга. В 1685 г. принимал участие в диспуте по богословским и философским вопросам с братьями *Иоаннием* и *Софронием Лихудами* и был ими уличен в ереси. В январе 1686 г. приписан в качестве переводчика к Великому посольству Ф. А. Головина, принимал участие в переговорах с иезуитами, представлявшими китайскую сторону. В начале 1691 г. вернулся в Москву; в 90-х гг. иеромонах Чудова монастыря *Евфимий* доносил патриарху, что Б. «тоже мудрствует и прелщает и доднесь». Прямых свидетельств о последних годах жизни Б. нет; судя по косвенным данным, он умер в начале XVIII в. (вероятно, после 1712 г., когда была напечатана в Петербурге его «Краткая беседа милости со истиною...»).

О литературной деятельности Б. до прибытия в Москву сведений нет. Его «Исповедание веры» (на польском языке и в русском переводе — единственный список: ГИМ, Синодальное собр., сб. № 1) датируется маем 1681 г. и вызвано обвинениями в ереси; в нем он утверждал возможность спасения и в православии, и в католицизме и в духе гуманистически-реформационных теорий считал необходимым в вопросах веры следовать внутреннему побуждению («толцанию» Духа святого). Приписываемый Б. трактат «О безразличии церквей» не обнаружен, никаких сведений о нем в современных Б. свидетельствах нет, — очевидно, это и есть соответствующий раздел «Исповедания веры». В 1684—1685 гг. Б. создает перевод книги «О последовании Христу» Фомы Кемпийского (сохранились две первые книги перевода, перевод третьей книги, очевидно, не был завершен); переводу предпослано оригинальное предисловие и стихотворные посвящения (единственный список: ГИМ, Синодальное собр., № 825). Датированная 1685 г. «Краткая беседа милости со истиною о божии милосердии и мучении» — возможно, перевод (с латинского или польского?),

оригинал которого не обнаружен, — представляет собой стихотворный (писанный неравносложными рифмованными стихами) диалог, заканчивающийся выводом о всеобщем прощении грешников («Милость вся побеждает, все грехи покрывает милость»), что свидетельствует о близости Б. к радикальным идеям европейского свободомыслия XVI—XVII вв. Краткая беседа имела значительное распространение (учтено 19 списков) и была напечатана в Петербургской типографии в 1712 г. в количестве 100 экз., из которых ни один до сих пор не обнаружен. В 1737 г. библиотекарем Академии наук А. И. Богдановым был сделан список с издания 1712 г.: БАН, 16.16.21. Написанная после возвращения из Китайского посольства «Риторика Раймунда Люллия» — пособие по церковному и светскому красноречию, созданное Б. на основе логического учения средневекового философа Раймунда Люллия (каталонец Рамон Лулл; 1235—1315) и его новейших комментаторов, в том числе Генриха Корнелия Агриппы Неттсгеймского и Джордано Бруно (учтено 9 списков, в том числе: БАН, Архангельское собр. С. 149). Главное стихотворное произведение Б. — «Пентатеугум, или Пять книг кратких о четырех вещах последних, о суете и жизни человека» (единственный список: ГИМ, собр. Уварова, № 472/268) — силлабическая поэма в 5 частях (664 стиха), опыт перенесения на русскую почву европейского барокко. Поэма представляет собой вольный перевод с польского. В основу перевода положены стихи немецких латинских поэтов-иезуитов М. Радера («Погребальный плач», «Страшный суд»), И. Нисса («Вечные адские мучения», «Вечная радость блаженных») и Я. Бальде («О суете мира») в польском переводе З. Брудецкого, но с использованием также и латинских оригиналов. Несмотря на обилие полонизмов, «Пентатеугум» представляет собой значительный памятник русской силлабической поэзии конца XVII в. (он датируется примерно серединой 1690-х гг.). Автор стремился приблизить стихи поэтов-иезуитов к русскому читателю, вводя русские реалии; впервые в русской силлабике применена перекрестная рифма. Самое популярное среди русских читателей сочинение Б. — «Великая и предивная наука Раймунда Люллия» (1698—1699; учтено более 55 списков, в том числе: ГПБ, Ф. III.1) — оригинальное переложение логико-философских идей «великого искусства» Раймунда Люллия и его поздних толкователей, попытка представить всеобъемлющий метод познания и легкого усвоения наук; большое внимание уделено в книге переводу и истолкованию важнейшей философской терминологии. «Великая наука» имела большой успех в демократических читательских кругах; в 1725 г. Андрей Денисов создал ее сокращенный вариант, получивший распространение в старообрядческой среде (учтено 7 списков, в том числе: БАН, 16.15.19). Вероятно, под влиянием успеха «Великой науки» Б. создал в начале XVIII в. (предположительно около 1707 г.) перевод «Краткого искусства» — «Краткую науку Раймунда Люллия» (учтено 10 списков, в том числе: ГПБ, собр. Тиханова, № 216). Видимо, последним по времени произведением Б. является краткое сочинение по риторике «Книга философская, сложенная философом Андреем Христофоровичем» (единственный список: ГПБ, собр. Вяземского, О. XXVIII). «Люллианские» сочинения Б. (прежде всего «Великая наука» и «Риторика») способствовали распространению логико-философских идей западно-европейского люллианства. Б.-философ — эпигон расхожих идей европейского свободомыслия XVII в. Противопоставление философии богословию, утверждение «со-вечности» и «соприсущности» природы («естества») богу свидетельствовали о влиянии пантеистической философии на мировоззрение Б., а его идеи равенства исповеданий, соблюдения заповедей «по естеству» отражали воздействие идей «естественной», «прирожденной» религии и вели к веротерпимости, предвосхищая в известной мере религиозную политику Петра I. В то же время привязанность к средневеково-ренессансной традиции, чуждой научным и просветительским задачам Петровской эпохи, привела к тому, что «Вели-

кая наука» не дошла до печатного станка и оказалась на обочине историко-литературного развития России XVIII в.

Соч.: Краткая беседа милости со истиною о божии милосердии и мучении. СПб., 1712; Книга сия философская, сложенная философом Андреем Христофоровичем. Литогр. изд. СПб., 1878 (ОЛДП; Т. 18); Г о р ф у н к е л ь А. Х. «Пентатеугум» Андрея Белобоккого: (Из истории польско-русских литературных связей) // ТОДРЛ. М.; Л., 1964. Т. 21. С. 39—64; Русская силлабическая поэзия XVII—XVIII вв. / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. А. М. Панченко. Л., 1970. С. 218—249 («Пентатеугум»).

Лит.: Н о в и к о в Н. И. Опыт исторического словаря о российских писателях. СПб., 1772; С у б о т и н Н. Ян Белободский и Павел Негрубецкий: Эпизод из истории религиозных споров в России в конце XVII века // Прибавления к Творениям св. отцов за 1862 г. М., 1862. Ч. 21. С. 569—614; Ц в е т а е в Д. В. Памятники к истории протестантизма в России. М., 1888. Ч. 1. С. 196—242; Б е з о б р а з о в а М. О «Великой науке» Раймунда Люллия в русских рукописях XVII века // ЖМНП. 1896. № 2. С. 383—399; С о б о л е в с к и й А. И. 1) Западное влияние на литературу Московской Руси XV—XVII веков // ВАИ. СПб., 1899. Вып. 11; 2) Переводная литература. С. 158, 159, 174, 175, 204, 205, 442, 443; С о в и ц к и й Д. Русский гомилет начала XVIII века Иоаким Богомолевский. Киев, 1902 (реп. А. И. Соболевского см.: ЖМНП. 1903. № 3. С. 182—185); С о л о в о в Н. Философия Раймунда Люллия и ее автор // ЖМНП. 1907. № 8. С. 331—338; Н и к а н о р, архимандрит. «Великая наука» Раймунда Люллия в сокращении Андрея Денисова // ИОРЯС. 1913. Т. 18, кн. 2. С. 10—36; Х а р л а м п о в и ч К. В. Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь. Казань, 1914. Т. 1; Р а й к о в Б. Е. Очерки по истории гелиоцентрического мировоззрения в России. 2-е изд. М.; Л., 1947; З у б о в В. П. К истории русского ораторского искусства конца XVII—первой половины XVIII в. Русская люллианская литература и ее назначение // ТОДРЛ. М.; Л., 1960. Т. 16. С. 288—303; Г о р ф у н к е л ь А. Х. 1) Андрей Белобоккий — поэт и философ XVII—начала XVIII в. // ТОДРЛ. М.; Л., 1962. Т. 18. С. 188—213; 2) «Великая наука» Раймунда Люллия и ее читатели // XVIII век. М.; Л., 1962. Сб. 5. С. 336—348; 3) Незвестное издание петровской эпохи // Гнига: Исследования и материалы. М., 1962. Сб. 6. С. 123—131; A n g u l E. Barok polski między Madrytem i Moskwą: Kilka uwag i propozycji // Literatura—komparatystyka—folklor. Warszawa, 1968; П а н ч е н к о А. М. Русская стихотворная культура XVII века. Л., 1973. С. 204—207; S u c h a n e k L. 1) Thanatos i eschatologia: Z obserwacji nad poezją baroku rosyjskiego // Rocznik Komisji historycznoliterackiej. Wrocław, 1974. Т. 12. С. 3—21; 2) Rosyjski poemat eschatologiczny epoki baroku // Slavica Orientalis. 1975. N 1. S. 39—46; 3) Poesja zaobna baroku rosyjskiego // Prace historycznoliterackie. Kraków, 1975. Z. 33. S. 33—46. К а м и н ь с к а А. О языке перевода «Пентатеугума» Андрея Белобоккого: (К вопросу о польско-русских литературных и языковых связях) // Slavica Wratislaviensia. Wrocław, 1977. Т. 12. С. 133—145; В о м п е р с к и й В. П. Стилистическая теория А. Х. Белобоккого // Лингвистические аспекты исследования литературно-художественных текстов. Калинин, 1979. С. 9—29.

А. Х. Горфункель

Белоус Леонтий Петрович (вторая половина XVII в.) — составитель и автор рукописного сборника, написанного в Стокгольме в 1665 г. и хранящегося в БАН, 32.5.7. (см.: Исторические сборники XV—XVII вв.: Описание Рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР. М.; Л., 1965. Т. 3, вып. 2. С. 171—173), автор читающегося в этом сборнике Плача о реке Нарове.

Б. — житель города Ругодива (Нарвы), с 1581 г. принадлежавшего шведам, присоединившим в 1611 г. к своему владению и находящуюся на правом берегу р. Наровы крепость Ивангород. Во второй половине XVII в. многочисленное русское население этих мест подвергалось под властью шведов всевозможным притеснениям: русские выселялись в Ивангородскую сторону; для поселения им предоставлялся не сам город, а только посад; для построек отводились низкие, неудобные места. Немецкие и шведские бюргеры ограничивали торговлю русских купцов, не возвращали долгов, грабили имущество православных церквей. В грамоте 1664 г. на имя короля Карла XI Б. жаловался на неравноправное положение русских купцов по сравнению с немцами, которые «из немецкой земли приехали богаты, а ничего нам в долг не пособляют, чтобы на ноги человеку исправитца и стать, но во всем порчи доищут, ино как королевское величество нам тем не поможет, что волности в торговли по-прежнему, так в конец нашим детям погибнуть от них» (л. 36 об.). Особенно ухудшилось положение русских в 1655 г., когда Швеция готовилась к войне с Россией. Нарва укреплялась как передовой пункт обороны, военные

поборы ложились тяжелым бременем на горожан, на Ивангородском посаде конфисковывались пустующие дома, в основном принадлежавшие русским. Война длилась с перерывом с 1656 до 1661 г. В 1658 г. князь Хованский выжег предместья Нарвы, в этот же год город посетила чума, в июле 1659 г. Нарва пострадала от большого пожара. На 60-е гг. приходится время регентства вдовы короля Карла X и матери Карла XI Гедвиги Элеоноры; часть грамот, помещенных в сборнике, подписана ее именем.

Сборник Б. был написан им собственноручно для своего друга и родственника Федора Ергина (Яргина). В Предисловии к сборнику Б. подчеркивает эту дружбу: «И то zde явилосе mezi нашей любви Яргина з Белоусом . . . да и дружеством совокупилися, ще жинами и ест друзи»; «Да и то лежит не токмо mezi, но бы да и так и в корне укоренилосе в наших наследниках: дружеско бо жити праведным и истинным союзом». Другое обращение Б. к Федору названо «Приветствие к сротству».

Содержание сборника можно разделить на две части — деловую и литературную. В деловой части приводятся переводы с грамот шведских королей, их «привелеи» русским купцам и королевские грамоты ругодивским и ивангородским генерал-губернаторам по челобитным русских людей. Часть грамот Карла X и Карла XI (вернее, матери-регентши последнего) напечатана по этому сборнику в ААЭ (СПб., 1836. Т. 4. С. 112—113, 183—185). Несколько документов касаются непосредственно Федора Ергина: Указ Карла XI 29 ноября 1664 г. по спорному делу между Федором Ергинным и Кондратием Тимофеевым о наследстве Пегра Китаева (л. 42 об.), перевод с грамоты Карла XI генерал-губернатору Бентгорну по делу Федора Ергина «в Каплинской кабале» от 2 декабря 1665 г. (л. 45). Не исключено, что и другие грамоты, приведенные в сборнике (всего около 30), интересовали Федора Ергина — о переселениях, о суде, о соляной торговле. Интересен список с грамоты из 6 пунктов, поданной Б. и Ждановым Карлу XI в 1664 г. Главный пункт документа посвящен вопросу о выселении русских: им было отведено место на Ивангородской стороне выше пристани, где грузят суда, за полмили от города, что было небезопасно в случае военных действий. Кроме того, в грамоте шла речь и о других проблемах — о трудностях торговли, о церковной земле и монастырской мельнице, об отмене извозной повинности, о представительстве в Думе от русского посада для защиты интересов русского населения и соблюдения королевских «привелеев». Остро стоял вопрос о религиозном неравноправии православных: правительство принимало ряд мер, поощряющих переход русских в лютеранство, запрещало ставить новые церкви; Б. в своей грамоте обращал внимание правительства на нехватку в Ижорской земле священников и просил отпустить из плена попов и дьяконов. В середине сборника Б. много чистых листов (3—7, 9—19, 22, 23, 28—31, 33, 34, 38, 39, 46—75, 76—79, 82—85, 87, 88), возможно, оставленных еще для каких-то копий или записей.

Трудно сказать, был ли сам Б. купцом. В сборнике нет никаких сведений о его собственных торговых интересах. Скорее, он был близок к деловым приказным кругам. Ему были доступны архивные документы в Стокгольме. Копии этих документов иллюстрированы в сборнике заставками, инициалами, изображением королевских печатей; выполненные масляными красками, золотом, они, по мнению исследовавшего сборник Д. С. Лихачева, воспроизводили украшения подлинных королевских указов. Интерес Б. к геральдике подтверждается и дважды воспроизведенным гербом шведских королей — на переплете сборника и на л. 20 об. — в сопровождении королевского титула. В записи на л. 90 о смерти отца Б. Пегра Павлова сына Белоуса 19 января 1666 г. сказано, что это произошло в Стокгольме, «в дому Власа толмача».

Литературная часть сборника намного меньше деловой. В нее входят три обращения к Федору Ергину: «Предисловие», «Приветствие к сротству» и «Приветствие другу». Они написаны в витийственной манере с ши-

роким применением аллегорий и образов из Священного писания. Однако не исключено, что в завуалированной форме в них передана и деловая информация. Так, в «Предисловии» сообщается о самом факте составления сборника копий и приводится дата этой работы: «Да для любви Белоусов не отказал и Еригину дружественную титулу ему положил на бумаги. И послано, что есте писано в Стокхольме в 7174 году ноября месяца 28 д. 1665»; в «Приветствии к сротству» упоминается о каком-то разорении; в «Приветствии другу», возможно, обсуждаются политические или деловые шаги, принятые друзьями: «. . . разума окруженные стены тверды, любовьию убо умудрихся и союза еще тверда», «о истинне не молчит, а наученным разума ведает правду. Кто ли взыде от леторасли, но любовьию свяжем протших. . .». Содержание этих маленьких посланий могло быть понятно только посвященному.

Главным литературным памятником сборника является Плач о реке Нарове («О плач Наровеск») (л. 89 об.), сочиненный Б. Как и предыдущие послания, Плач написан в витийственной манере. Патетическое обращение к реке «О преславная Нарова» встречается в небольшом сочинении девять раз. По мнению Д. С. Лихачева, Плач многими чертами напоминает акафист и представляет собой пример использования церковно-богослужебной формы в произведении светского содержания, что характерно для XVII в. Б. интересовался формами литургических сочинений: в сборнике следом за раскрашенным рисунком «София созда себе дом» (л. 80) им переписаны Тропарь Софии премудрости божией, глас 4; Кондак, глас 4 (л. 80 об.) и Тропарь святых Софии, глас 1; Кондак, глас 8 «под возбранной» (л. 81).

Плач о реке Нарове посвящен тем же бедам русских, о которых говорилось в грамоте Б., — выселению из родных мест: «О преславная Нарова, аще забудем тебя, егда изведени с плачем и воплем многим, иж срамляются суседи наши зрети ны в толиком смирении и безъчестьи и срамоте». Автор горюет о реке Нарове, питавшей тех, кто населял ее берега: «О преславная Нарова, от твоего недра изято бестрашнаго бога изволением на пищу плоти человечестей», но теперь «в недре твоём уселися населницы».

Весь сборник написан белорусской скорописью XVII в., содержит белорусизмы и украинизмы. Это указывает на белорусское происхождение Б. По свидетельству Д. С. Лихачева, «главный интерес Плача и сборника в целом в том, что он отражает литературную культуру тех областей Русского государства, которые почти на столетие оказались оторваны от него и тем не менее сохраняли с ним живую идейную связь».

Соч.: Л и х а ч е в Д. С. Плач о реке Нарове 1665 г. // ТОДРЛ. М.; Л., 1948. Т. 6. С. 333—338.

Лит.: П е т р о в А. В. Город Нарва, его прошлое и достопримечательности. СПб., 1901. С. 161—178; История Эстонской ССР (с древних времен до наших дней) / Под ред. Г. И. Наана. Таллинн, 1952. С. 99—101, 109.

М. Д. Каган

Богданов Федор Григорьевич (вторая половина XVII в.) — стольник, переводчик. В 1676 г. в Москве перевел с польского языка труд Петриция по экономике (P e t r u s S. *Ekonomika Arystotelesowa albo racrej nauka domowego gospodarstwa*. Kraków, 1601, 1618). Перевод носит заглавие «Экономики Аристотелесовой, сиречь домостроения . . . книги двою», содержит прибавления («придания») переводчика о семье, о воспитании. Текст не получил широкого распространения, известен в 2—3-х списках XVII в.: собр. Баузе, № 268, 233; а также XVIII в.: ГБЛ, собр. Пискарева, № 627. Перевод не издан.

Лит.: Ш л я п к и н И. А. Св. Дмитрий Ростовский и его время (1651—1709 гг.). СПб., 1891. С. 86; С о б о л е в с к и й. Переводная литература. С. 45, 116; К а р а з и И. В. Каталог славяно-российским рукописям (погибшим в 1812 году) профессора

Баузе // ЧОИДР. 1862. Кн. 2: Смесь. С. 64, 67; В и к т о р о в А. Е. Каталог славяно-русских рукописей, приобретенных Московским Публичным и Румянцевским музеями в 1868 г. после Д. В. Пискарева. М., 1871. С. 53—54.

О. А. Белоброва

Боголеп Адамов (вторая половина XVII в.—13 I 1726) — епископ Великоустюжский и Тотемский, автор «Хронографца», книголюб. В 1680—1690-х гг. Б. А. — иеромонах, а после кончины патриарха *Адриана* — казначей Чудовского монастыря, откуда, вероятно, около 1714 г. переведен уставщиком в Александро-Невский монастырь; 29 января 1719 г. был хиротонисан в епископы Великоустюжские и Тотемские. В Устюжском районном краеведческом музее сохранилась грамота, подписанная архиепископом Б. А. (Документальные материалы, № 3, от 20 июня 1725 г. — подлинник с печатью), других же сведений о получении им этого звания нет. В литературе известен в основном как книголюб и переписчик книг. Иеромонаху Б. А. принадлежал список «Зрелища жития человеческого», сделанный примерно в конце 1680—начале 1690-х гг. (ГПБ, Q.XV.103). Казначеем Б. А. были сделаны владельческие записи еще на трех рукописях конца XVII в., в том числе на списках новых переводов «Хрисмология» и «Зеркала богословия», отмечены и три рукописи епископа Б. А.

Бросающаяся в глаза задержка в продвижении Б. А. по служебной лестнице в последней четверти XVII в., сменившаяся быстрым взлетом в петровское время, была связана, по-видимому, с его взглядами. Они нашли отражение в историко-публицистическом «Хронографце», написанном им примерно в 1688 г. (между осенью 1687 и летом 1689 г.) на основе *Летописного свода патриаршего 1680-х гг.* и дополненным оригинальными летописными записями XVII в. Повествование ведется с древнейших времен и оканчивается статьей о регентстве царевны *Софьи Алексеевны*, о которой автор, несмотря на враждебность к ней патриарха *Иоакима*, отзывается с большим уважением. Другим примером расхождений во взглядах с патриархом является приведенная в «Хронографце» похвала царю *Феодору Алексеевичу* за утверждение проекта Славяно-греко-латинской академии. Похвала эта воздавалась вскоре после того, как в результате продолжительной борьбы Иоакиму «со товарищи» удалось похоронить проект заведения в России «училища свободных мудростей». Сравнительное изучение текста показывает, что оппозиционность Б. А. имела идеологические корни: в своем «Хронографце» он развивает отвергнутую еще *Никоном* мысль о переходе центра православия из Греции в Россию, основанную на теории «Москва — третий Рим» (вполне в духе *Арсения Суханова*). Как известно, эта мысль была органически связана с утверждением о потере греками благочестия, вследствие чего они «и царскую Божию погубиша власть», она подрывала саму основу позиции Иоакима, пытавшегося идеей «учиться у греков» приостановить процесс развития европейского образования в России. Если Б. А. и не выражает в своем сочинении явно антигреческих взглядов, то к идее сохранения греками благочестия относится весьма скептически, начисто отрицая за ними «первенство» в религии.

«Хронографец» открывал собой сборник, формировавшийся автором в 1690-х гг., и дал ему свое название (ГБЛ, ф. 218, Пост. 1963 г., № 61.1, л. II, 1—44). В сборник вошли еще несколько написанных рукою Б. А. статей: выписки из принадлежавшего ему списка «Хрисмология», доведенные до 1670 г. (л. 77—86 об., ср.: ГИМ. собр. Уварова, № 1325, л. 216), списки с переводов греческих посланий *Никону* и *Алексею Михайловичу* об отсылавшихся в Россию церковных реликвиях (л. 88—107) и список великих князей и царей, погребенных в Архангельском соборе (с 6840 по 7200 г. — л. 108—111). Все они датируются 1690-ми гг. и представляют собой материалы для подкрепления взглядов, изложенных в «Хронографце». Кроме того, в сборник были включены Краткий летописец рус-

ских князей и царей (от Рюрика до 1696 г. — л. 45—55 об.) и Краткий летошпеец российских патриархов (до 1700 г. — л. 57—59), выпись из «Помянника киевского» 1704 г. (л. 62—76), трактат о церковной хронологии (с таблицами — л. 114—162, 174 об.—180 об.), пасхальная азбука (л. 166—173 об.), переписанные другими лицами в первые годы XVIII в. Эти статьи уже не имеют полемиической направленности, отражая лишь разносторонние интересы собирателя книг. Четкой идейной направленности лишена также и другая редакция «Хронографца» в белой рукописи Государственного литературного музея (инв. № 50909/38, л. 135—145), сзданная не позднее августа 1689 г.

Соч.: Богданов А. П. «Хронографец» Боголепа Адамова // ТОДРЛ. Л., 1988. Т. 41. С. 381—399.

Лит.: Строев П. М. 1) Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877. Стб. 735; 2) Словарь. С. 307; Никольский Рукописная книжность. С. 128—129.

А. П. Богданов

Болотников Иван Исаевич (ум. 1608) — предводитель восстания крестьян и холопов 1606—1607 гг., автор «подметных листов», крепостной холоп князя А. А. Телятевского. Б. в молодости бежал к казакам в степь, был захвачен в плен татарами и продан в рабство в Турцию. В Турции несколько лет работал на галерах, пока не был освобожден немецкими корабельщиками и перевезен в Венецию, где услышал о «чудесных изменениях», происшедших на родине в начале 1606 г., о растущем народном протесте, восстании 17 мая против Лжедмитрия I и избрании на царство Василия Шуйского. Европейские странствия Б. — от Турции до Венеции — завершились его переходом через Германию и Польшу в Россию. Перед тем как покинуть Польшу Б. виделся с новым Самозванцем, выдававшим себя за царевича Дмитрия Ивановича (по предположению И. И. Смирнова, с политическим авантюристом М. А. Молчановым, с которым позднее, в ходе восстания, Б. переписывался и поддерживал связь). Начавшаяся летом 1606 г. на юге России крестьянская война охватила огромную территорию, и в октябре отряды восставших, которые возглавил Б., осадили Москву. Потерпев 2 декабря 1606 г. поражение под стенами столицы, войска Б. отступили к Калуге и, успешно выдержав там осаду царской армии, в мае 1607 г. одержали блестящую победу. Далее Б. повел войска в Тулу на соединение с отрядами «царевича» Петра Федоровича. В июне 1607 г. отряды Б. были осаждены в Туле армией Василия Шуйского, и 10 октября под тяжестью длительной осады, голода и наводнения Тула пала. Б. был сослан в Каргополь, ослеплен и утоплен.

В качестве идеологического оружия Б. использовал письменную и устную агитацию, рассылая в Москву и окрестные города свои прокламации, так называемые подметные (воровские) листы. Тексты «листов» Б. не сохранились, но содержание их может быть в какой-то мере восстановлено по другим источникам (грамотам патриарха *Гермогена*, свидетельствам иностранцев, документам Разрядного приказа, древнерусским литературным памятникам, описывающим эти годы). «Листы» из подмосковного села Коломенского призывали «боярских холопов» и городские низы столицы к восстанию против бояр и крепостничества («побивати своих бояр . . . гостей и всех торговых людей побивати. . .»), к целованию креста «царю Дмитрию», которого они «сказывают . . . жива», и требовали выдать по именам тех бояр и «лучших» горожан, которые покушались на «прежнего государя». Агитационное воздействие «листов» Б., судя по росту волны восстания, было огромно. Оно зависело не только от социальной остроты и антифеодальной направленности призывов, но также и от эмоциональной выразительности, простоты и убедительности их языка. О форме «листов» можно говорить лишь предположительно: очевидно, они

были близки к грамотам агитационного характера, которыми усиленно обменивались русские города в 1608—1612 гг., особенно в канун формирования первого и второго народных ополчений. Выступая, как все восставшие крестьяне, под лозунгом «за хорошего царя», Б. считал себя «большим воеводой» царя Дмитрия и «боярином» царевича Петра, племянника царя Дмитрия (избранника терских казаков Илейки Муромца), готового пойти на помощь царю Дмитрию против «лихих» бояр. Следует при этом учитывать, что в представлении восставших идеальный «царь Дмитрий» ничего общего не имел с историческим Лжедмитрием I и был в их глазах жертвой «лихих» бояр, которые помешали ему облагодетельствовать народ. Верил ли сам Б. в истинность царя Дмитрия, этот вопрос остается открытым, но он действительно безуспешно ожидал прихода царя Дмитрия и во время осады Москвы, и в осажденной Туле.

Лит.: ААЭ. СПб., 1836. Т. 2. № 57. С. 129; № 58. С. 132; № 203. С. 254; Прил. 4. С. 552—554; Смирнов И. И. 1) Английское известие 1607 г. о восстании Болотникова // ИЗ. М., 1942. Т. 13. С. 302; 2) Восстание Болотникова. 1606—1607. М., 1951. С. 138—143, 282—287, 423, 501—511, 544—555; Тихомиров Н. М. Новый источник по истории восстания Болотникова // ИА. М., 1951. Т. 6. С. 116; Зимин А. А., Королёва Р. Т. Документы Разрядного приказа // ИА. М., 1953. Т. 8. С. 26, 51; Назаревский А. А. Очерки из области русской исторической повести начала XVII века. Киев, 1958. С. 10—14.

Н. Ф. Дробленкова

Бурцов Василий Федоров (первая половина XVII в.) — московский типограф-издатель. В 1626/27—1631/32 гг. служил при князе Р. Болховском писцом в Епифанском, Веневском и Тульском уездах и с Иваном Загряжским — в Соловьевском уезде (Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV—XVII вв. М., 1975. С. 74). В начале 30-х гг. поступил из подьячих на службу на Московский Печатный двор. По предположению А. С. Зерновой, начинал печатать на одном из станов типографии, на что указывают особенности в оформлении ранней работы мастера — Псалтири конца 1632 или начала 1633 г. (издание определено и датировано по шрифту и орнаменту А. С. Зерновой — см.: Орнаментика. . . С. 23—24). Однако вскоре Б. обособился от Печатного двора. По приказу патриарха *Филарета* в 1632—1633 гг. ему была выдана из средств Патриаршего разряда и из книжного Печатного приказа субсидия (1132 р. 5 алтын) на устройство «новой штаббы». Она разместилась в «одиноконной горнице» с двумя станами (ЦГАДА, ф. 1182, оп. 1, кн. 15, л. 2 об., 25 об., 30 об.). В послесловии к Часовнику 1633 г. об учреждении типографии сказано: «Составися сия новая штабба, сиречь печатных книг дело. . .». В других изданиях отделение называется «друкарней нового заводу», «новой штаббой словесного изображения» (Канонник 1641 г.; Требник 1642 г.). В документах Б. упоминается как подьячий «нового Печатного завода» (см.: Беляев И. С. Росписной список Москвы, 1638 // Труды московского отдела Русского Военно-исторического общества. М., 1911. Т. 1. С. 7). Под руководством Б. работали 25 мастеровых. Выплатив ссуду (причем часть долга Б. погасил книгами из своего собрания), он стал арендатором типографии. Б. был не только мастером печатного дела, но и резчиком типографских букв и носил особый титул «подьячего азбучного дела». Ему было положено жалование 60 р. в год (см.: ЦГАДА, ф. 1182, оп. 1, кн. 15, л. 67 об.—68, запись от 1633 г.).

Оценивая роль Б. в книжном деле, Евгений Болховитинов и Филарет Гумилевский включали его в число русских издателей и писателей, приписывая ему авторство Букваря 1634 г. Согласно другому мнению (см. статьи в «Энциклопедическом словаре» Брокгауза и Ефрона и в РБС), Б. заведовал в типографии лишь технической стороной дела; справщиками и редакторами книг, вышедших из «штаббы», были другие лица. В послесловии к Требнику 1642 г. сказано: «Спотруди же ся в сей типографии,

сиречь в печатном тиснении . . . и во всяком составлении . . . Василей Федоров сын Бурцов». По-видимому, Б. руководил книгоиздательским процессом на всех его этапах — от составления книги до выпуска ее в свет. И в этом смысле фигура Б. сопоставима с крупнейшими восточнославянскими просветителями конца XVI—первой половины XVII в. — *Иваном Федоровым, Онисимом Радишевским, Кириллом Транквиллионом Ставровецким*. Б. был последним деятелем Печатного двора, имевшим должность книгопечатного мастера, т. е. руководителя печатными работами. После него Печатным двором и его станами управлял Приказ. С окончанием работ в 1642 г. Б. не отдал и не продал свой инвентарь Печатному двору. Шрифты, печатные доски, большая часть печатных украшений были утрачены навсегда. Последнее известие о Б. относится к 1647—1648 гг., когда мастер продал на Печатный двор из своей книжной коллекции несколько пергаменных рукописей на изготовление фрашкетов (см.: Покровский А. А. Древнее псковско-новгородское письменное наследие. М., 1916. С. 197).

Б. выпускал ежегодно 2—3 издания, в то время как Печатный двор выпускал в этот же период от 5 до 7 изданий. Принято считать, что из «штамбы» Б. вышло 17 изданий (описание их см. в «Сводном каталоге» А. С. Зерновой). В настоящее время на основании опубликованных архивных данных число их можно увеличить до 20: предполагается, что кроме известного Часовника от 30 IX 1633 г. имелось еще одно издание книги от 14 IV 1633 г. (тираж 1175 экз.) и что до Букваря 1634 г. существовали еще два издания того же года (см.: Новые материалы для описания изданий Московского Печатного двора. Первая половина XVII в.: В помощь составителям сводного каталога старопечатных изданий кирилловского и глаголического шрифтов / Сост. И. В. Поздеева. М., 1986. С. 34, № 61; С. 16, № 67, 68). Неучтенное ранее издание Часовника (от 14 IV 1633 г.) можно отождествить, по-видимому, с экземпляром ГБЛ, инв. № 8954.

Несомненно, что Б. хорошо знал издания Ивана Федорова и частично воспроизвел их репертуар; кроме упомянутых Псалтири и Часовника он напечатал буквари, Апостол и Евангелие учительное. Возможно, на издание Святцев его натолкнула напечатанная Иваном Федоровым «Хронология» Андрея Рымши. Издания Б. снабжены послесловиями, в которых указано имя издателя: «. . . труды и тщанием многогрешнаго Василия Федорова сына Бурцова и прочих сработников» (Букварь 1634 г.). Эта черта, столь характерная для первых русских печатников (Иван Федоров, *Петр Мстиславец, Андроник Невежа* и др.), не привилась в московском печатном деле. В XVII в. она наблюдается кроме бурцовских в изданиях О. М. Радиевского (1606—1610) и в книгах *Симеона Полоцкого*, выпущенных Верхней типографией (1679—1683). Имея тесные связи с украинско-белорусским книгопечатанием, Б. ориентировался на широко распространенную в нем практику подписания изданий.

Книги Б. характеризуются многими новаторскими чертами и в содержании, и в оформлении. Безусловной заслугой мастера является издание им первых в Московском государстве букварей. Букварь 1634 г. сразу приобрел большую популярность и служил основным пособием для обучения грамоте до конца 50-х гг. XVII в. В послесловии сказано, что он предназначался «малым детям в научение». Существует предположение, что издание было предпринято для обучения грамоте пятилетнего царевича *Алексея Михайловича* (см.: Хмырев М. Д. Царь Алексей Михайлович и его время. 1629—1676: Правоописательный очерк // Древняя и Новая Россия. СПб., 1875. Сб. № 9. С. 30; Забелин И. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. М., 1915. Т. 1, ч. 2. С. 146). В содержании и структуре Букваря 1634 г. обнаруживается близость к львовской азбуке Ивана Федорова. В первой части содержится материал, необходимый для овладения грамотой: алфавит, двух- и трехбуквенные слоги (в соответствии с буквослагательным методом обучения), названия чисел, надстрочных

знаков («имена просодиям верхним»), знаков препинания, сведения («от книги осмочастныя, сиречь грамматики») о склонении имен существительных и прилагательных, о спряжении глагола. Во второй части пособия — подборка текстов для чтения: молитвы, притчи царя Соломона, этические рекомендации («образ есть отцем, хотящим благочестно воспитовати чада»). В отличие от львовской азбуки Ивана Федорова в Букварь Б. включены также трактат Черноризца Храбра «Сказание, како состави святыи Кирил философ азбуку по языку словеньску» и Житие Кирилла. В 1637 г. Б. выпустил дополненное новыми статьями издание «Букварь языка славенска, сиречь начало учения детем, хотящим учиться чтению божественных писаний с молитвами и со изложением кратких вопросов о вере». По сравнению с другими бурцовскими изданиями Букварь 1637 г. имеет не только послесловие, но и «предисловие вкратце первоучебней сей малей книжице азбуце». В нем высоко оцениваются достоинства «словенского» (русского) языка, который уравнивается в правах с древнейшими и «священными» языками (еврейским, греческим, латинским). Здесь же описывается распространенный в то время процесс обучения детей грамоте: «. . . русстий сынове младыя дети первые починают учиться по сей составней словеньстей азбуце по ряду словам и потом, узнав письмена и слоги и изучив сию малую книжицу азбуку, начинают учить Часовник и Псалтырю и прочая книги». За прозаическим предисловием следует написанное риторическими двоестрочиями (говорным стихом) поучение «младым отрочатам» («Сия зримая малая книжица, 17 двоестрочий»). В нем говорится о значении грамоты и пользе учения. Это первое стихотворное сочинение русского автора, появившееся в печати. Существует мнение, что автором этих вирш был сам Б. (см., например: К и с е л е в Н. П. О московском книгопечатании. . . С. 159). После наставления ученикам в качестве фронтисписа помещена гравюра, на ней изображена сценка из школьной жизни: учитель сечет розгами ученика. Букварь 1637 г. неоднократно перепечатывался в XVII—XIX вв., в том числе — старообрядцами в московской единоверческой типографии в 1885 г. Он являлся авторитетным учебным пособием и служил образцом для составителей других букварей XVII в.

Впервые в истории восточнославянского книгопечатания Б. издал Святыи (1639). Это было первое московское миниатюрное издание (в шестнадцатую долю листа). Такого рода издания были характерны для Украины и Белоруссии данного периода.

Издания Б. образуют особую группу среди русских старопечатных книг. По наблюдениям А. С. Зерновой и А. А. Сидорова, в них сочетаются традиции московского, белорусского и украинского книгопечатания. В московском стиле выдержаны многие заставки, инициалы. Одна из заставок подражает заставке 1610 г. *Ивана Невежи*. Вместе с тем Б. первый вводит в московскую печатную книгу наборный орнамент, столь привычный в украинской и белорусской книге. Начиная с 1634 г. в изданиях Б. появляются такие элементы в оформлении, которые свидетельствуют о связи с типографией белорусского печатника Спиридона Соболя. Группа заставок, инициалы, наборные украшения, встречающиеся в книгах московского мастера, восходят к Молитвослову, напечатанному в Кутейнской типографии Соболя в 1631 г. Шрифт трех малоформатных книжиц Б. (Святыи 1639 г., Канонник 1641 г., Требник 1642 г.) точно совпадает с мелким шрифтом, которым Соболев печатал на Украине и в Белоруссии. Б. скопировал также два алфавита инициалов, использованных Иваном Федоровым в острожской Библии; инициалы острожского типа имеются в Псалтыри 1634 и 1636 гг., Псалтыри с воследованием 1638 г. Новшеством для русских старопечатных книг явилось применение мастером с 1637 г. концовок, самая изящная из них напоминает киевские украшения. В одном из своих последних изданий (Каноннике 1641 г.) Б. ввел титульный лист по примеру украинских и белорусских книг, где титульные листы употре-

блялись уже в XVI в. Однако в московских изданиях титульный лист регулярным явлением стал позднее, начиная с Евангелия 1657 г.

Книги Б. имеют ряд типографских особенностей, введенных в практику Печатного двора с 1623 г. Под наборной полосой (издания в восьмерку), на корешковом сгибе (издания в лист), на верхнем поле (издания в четверку или в восьмерку) проставлены сокращенные обозначения имен — «тередорщичьи имена», т. е. имена печатников. Например, Часослов 1637 г. печатали Петр и Козьма, Букварь 1634 г. — Ждан, Осип, Григорий (?) или Петр (?). Б. продолжил также практику подписания изданий мастеровыми людьми (наборщиками, тередорщиками, батырщиками, разборщиками), удостоверявшими правильность текста и полноту экземпляра. Об этом говорят записи: «Смотрел Матюшка», «Деменко Яковлев», «Олексеев», «Гаврилка Георгий». Книги Б. печатались в две краски, в два проката: сначала киноварью, затем черной краской.

В изданиях Б. имеются индивидуальные особенности, отличающие их от продукции Печатного двора. Так, опечатки в тиражах бурцовских книг не забеливались, как было принято на Печатном дворе, а исправлялись, как это характерно для Украины, от руки чернилами при помощи наклеек, выскабливания букв, слогов. Отдельные листы заменялись «картоном» («четвертка»). Так, в Букваре 1634 г. имеется картоп (четвертка) — л. 29, 32, 87, 88. На некоторых экземплярах изданий Евангелия учительного 1639 г. (ГБЛ, инв. № 1633, 1664, 8697) и Псалтири 1640 г. (ГБЛ, инв. № 3910, 9066) встречается отпечатанный киноварью или чаще черной краской знак (на первом или последнем листе, на верхнем или нижнем поле), напоминающий по рисунку цифры 7148, которые могут быть прочитаны как дата: от сотворения мира 7148 (1640). В таком случае Б. впервые в истории печатной книги кирилловского шрифта ввел обозначение года арабскими цифрами. В типографии Б. использовался шрифт, не характерный для московских изданий предшествующего и последующего времени; он отличался от шрифтов, употреблявшихся на Печатном дворе и по рисунку, и по размеру (62 мм и 87 мм, на Печатном дворе — 90 мм). В «штанбе» Б. был свой словолитец Любимко Лазарев. Обычный завод изданий — 1200 экз. Но, вероятно, буквари, часовники, Канонник, Святцы печатались тиражом 2400 экз., как это характерно для данных изданий, выпущенных Печатным двором в первой половине XVII в. Издания Б. не являются редкостью.

Печатник не имел продолжателей и подражателей, лишь с 50-х гг. в обиходе Печатного двора получает широкое применение введенная им манера наборных украшений.

Соч. (типографские работы): Псалтирь, М., 1633, 1634, 1636, 1640; Часовник. М., 1633 (два издания), 1637; Букварь (Азбука). М., 1634 (три издания), 1637; Мисья служебная, сентябрь. М., 1636; Служебник. М., 1637; Псалтирь с исследованием. М., 1638; Апостол. М., 1638; Евангелие учительное. М., 1639; Святцы. М., 1639; Шестоднев. М., 1640; Канонник. М., 1641; Требник. М., 1642.

Лит.: Сын Отечества. СПб., 1821. Ч. 74, № 52. С. 270; Е в г е и й. Словарь. Т. 1. С. 67—68; Ф и л а р е т. Обзор. С. 224; Энциклопедический словарь. Т. 5. Буны—Вальтер / Брокгауз и Ефрон. СПб., 1891. С. 54; РБС: «Бетанкур—Бякстер». СПб., 1908. С. 504; П о к р о в с к и й А. А. Печатный Московский двор в первой половине XVII в. М., 1913. С. 58—59; С и д о р о в А. А. 1) История оформления русской книги. М.: Л., 1946. С. 96—104; 2) Древнерусская книжная гравюра. М., 1951. С. 186—194; 3) Е р н о в а А. С. 1) Орнаментика книг московской печати XVI—XVII веков. М., 1952. С. 23—25; 2) Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI—XVII веках. М., 1958. № 101—117. С. 42—46; К и с е л е в Н. П. О московском книгопечатании XVII века // Книга: Исслед. и материалы. М., 1960. Сб. 2. С. 135—136, 158—159; От азбуки Ивана Федорова до современного букваря. М., 1974. С. 21—25; Н е м и р о в с к и й Е. Л. Азбучного дела подъячий: (О Василии Бурцеве-Протопопове) // Рус. речь. 1984. № 4; Идентификация экземпляров московских изданий кирилловского шрифта 2-й половины XVI—XVIII вв.: Метод. Рекомендации / Сост. А. А. Гусева. М., 1990.

Л. И. Сазонова, А. А. Гусева

Варлаам Ясинский (1627—22 VIII 1707) — митрополит Киевский, автор посланий, поучений, силлабических стихов, предисловия к Четвым Минеям *Димитрия Ростовского* и др. Место рождения В. Я. неизвестно. Первоначальное образование он получил в Киевской Братской коллегии, очевидно, при ректорстве Лазаря Барановича, с которым впоследствии у В. Я. прослеживаются самые близкие отношения. Летом 1651 г. коллегия опустела из-за нападения на Киев войска литовского гетмана Яна Радзивилла, занятия в ней временно прекратились; следовательно, учиться здесь В. Я. мог только до 1651 г. Свое образование он продолжал в западных школах. Н. И. Петров высказал предположение о том, что курс риторики В. Я. слушал в Ельбинге, а философии — в Ольмюце (около 1657 г.). Затем он учился в Краковской Академии. В Киев В. Я. возвратился между 1660 и 1665 гг. Судя по письмам к нему Лазаря Барановича, он в этот период имел непосредственное отношение к деятельности Киево-Печерской типографии, возможно, заведовал ею (см.: Письма Лазаря Барановича. С. 18—24). 13 ноября 1665 г. В. Я. был уже избран игуменом Киево-Братского монастыря и ректором Киевской коллегии. (Поздравительное послание Лазаря Барановича по случаю ректорства В. Я. датируется 6 января 1666 г. Это объясняется скорее всего тем, что посвящение в игумены и благословение на ректуру совершалось позже избрания). Сделавшись киево-братским игуменом и ректором, В. Я. принял за восстановление коллегии, пострадавшей во время страшного разорения Киева войсками Петра Дорошенко в начале 1665 г. (предшественник В. Иоанникий Голытовский вынужден был оставить опустевшую коллегия). Вследствие неопределенного в это время положения Киева между Россией и Польшей В. Я. старался утвердить положение коллегии, обращая то к московскому, то к польскому правительству за поддержкой. Он отправлял воспитанников коллегии в западноевропейские высшие школы для завершения образования, создавая таким образом будущую профессуру коллегии. В 1673 г. В. Я. отказался от должности игумена и ректора — после того как при опустошительном набеге поляков на монастырское имение Новоселки были убиты трое иноков Киево-Братского монастыря. Братия монастыря каким-то образом ставила их смерть в вину В. Я. После добровольного оставления игуменства и ректорства В. Я. определен в официальную должность проповедника в Киево-Печерскую лавру при архимандрите Иннокентии Гизеле. В марте 1680 г. он вместе с иеромонахом Паисием выполнял миссию лаврского посланника в Москву с просьбами о милостях Киево-Печерскому монастырю. Среди прочих просьб Иннокентия Гизеля к московскому патриарху *Иоакиму* была и просьба о присылке *Великих Миней Четвых* для подготовки задуманного Иннокентием киевского издания Житий святых. В. Я. получил скорописные Четвы Миней с Московского Печатного двора и привез их в Киев. В 1680 г. В. Я. был возведен в игумены Пустынно-Николаевского монастыря в Киеве. В 1683 г., после смерти Иннокентия Гизеля, его избрали архимандритом Киево-Печерской лавры. Патриарх Иоаким выразил желание лично рукоположить вновь избранного архимандрита, но В. Я. не пожелал ехать в Москву (в это время как раз происходили оживленные переговоры между Россией и Польшей, и не было еще вполне ясно, к кому отойдет Киев). В. Я. принял рукоположение на архимандрию от своего учителя и покровителя архиепископа Черниговского Лазаря Барановича. Когда в 1684 г. стало определяться, что Киев останется за Москвой, В. Я. пришлось приложить немалые усилия, дабы вернуть себе расположение патриарха Иоакима и получить от него благословенную грамоту на архимандрию. В оппозицию к Москве В. Я. встал и в момент избрания в киевские митрополиты Гедерона Четвертинского, так как избрание это было связано с подчинением киевской митрополии московскому патриарху. В. Я. был во главе не сочувствовавших этому делу представителей высшего киевского духовенства. Правда, когда в мае 1686 г. окончательно решился вопрос о Киеве в пользу

России, он стал искать примирения с Москвой. Ходатаем за В. Я. в примирении был гетман Иван Мазепа. В. Я. пришлось снарядить посольство от лавры в Москву, с которым он отправил письма на имя царей Петра и Иоанна, царевны *Софьи Алексеевны* и князя В. В. Голицына, наполненные выражением полной преданности и льстивыми словами. Вместе с письмами каждому из адресатов было послано по экземпляру сочинения В. Я., только что напечатанного в типографии Киево-Печерской лавры, «Три венца молитвенные». Вслед первому в Москву отбыло второе посольство. Оба посольства были приняты в Москве благосклонно благодаря покровительству В. В. Голицына. В 1690 г. после смерти Гедеона Четвертинского В. Я. был избран в митрополиты киевские (31 августа), новый патриарх *Адриан* совершил его посвящение в Москве. Будучи митрополитом, В. Я. продолжал осуществлять свою просветительскую деятельность. На епархиальном киевском соборе 1691 г. были оглашены от его имени «Заповеди духовенству, по которым всякому протопопу киевской митрополии предписывалось иметь у себя книгу Иоанникая Голятовского «Мир с богом человеку», а также регулярно проводить испытания рядового духовенства в знании этой книги. «Заповеди» возлагали на протопопов обязанности следить за тем, чтобы священники отдавали своих детей на обучение в Киевскую коллегию. Митрополит В. Я. был ревностным покровителем коллегии. Он заботился о прискании для нее учителей, ходатайствовал перед московским правительством о даровании коллегии материальных средств и различных прав, по его хлопотам в 1701 г. она наконец получила от Петра I права академии. В этом деле ходатаем перед царем был его ученик и постриженник, бывший преподаватель Киевской коллегии Стефан Яворский, в то время вновь поставленный митрополит рязанский (о роли В. Я. в духовной и писательской карьере Стефана писал Феофилакт Лопатцкий в биографическом «Сказании о писателе книги сея», предваряющем «Камень веры» Стефана Яворского). Последние годы жизни В. Я. одолевала старческая немощь. Из-за нее он уже в 1695 г. просил Петра I об учреждении себе помощника, коадьютора киевской митрополии, каковым в конце концов и был назначен в 1701 г. Захарий Корнилович, игумен переяславский. В последние годы В. Я. был так слаб, что его приходилось носить в церковь. Побывавший в Киеве в 1701 г. старообрядческий паломник ко святым местам калужанин старец Леонтий (*Иоанн Лукьянов*) написал о В. Я., увидев его во время соборной службы: «Старехонек, миленькой, а охоч до органистова пения» (см.: РА. 1863. Вып. 1. Стб. 50). Похоронен В. Я. в Великом (Богородичном) храме Киево-Печерской лавры. Стефан Яворский, преданный его ученик, написал при жизни В. Я. три панегирика в его честь на латинском и польском языках (см.: 1) *Hercules post Atlantem infracto virtutum robore honorarium pendus sustinens*. Чернигов, (1684); 2) *Arctos et antarctos caeli rossiaci*. (Киев: тип. Лавры), 1690 (в издании имеется изображение герба Ясинских); 3) *Pelnia księzusa w Klegnocie swięcącego z trzech luminarzow Barlaamow...* (Киев: тип. Лавры), 1691 — латинские и польские вирши в честь В. Я. См. также: Запорожская Я., Исаченко Я. Пам'ятки книжкового мистецтва: Каталог стародруків, виданих на Україні. Книга перша (1574—1700). Львов, 1981. С. 99, № 620; С. 103, № 663; С. 105, № 671). Он же сочинил эпитафию В., предназначавшуюся, возможно, для надгробного памятника (ее атрибуцию и издание см.: Еремин И. П. К вопросу о стихотворениях Феофана Прокоповича // ТОДРЛ. М.; Л., 1960. Т. 14. С. 506—510).

Писательскую деятельность В. Я. начал после возвращения из Западной Европы в Киев. Лазарь Баранович в одном из ранних своих писем к В. Я., которое может быть датировано временем около 1686 г. или несколько раньше, упоминает о присланных ему неких «тетрадках», называя их «первыми опытами» В. Я. «Первые опыты» вызвали одобрение Лазаря и побудили его разразиться торжественной тирадой в пользу писательского труда («Спеш, любезный, и управляйся с этим делом божим, потому что

слово божие действенно, и десница господня за каждую черную букву готовит для тебя светлые звезды» — Письма Лазаря Барановича. С. 18—19 — опубликовано в русском переводе с польского). Может быть, называя некоторое время спустя В. Я. «плодоносною ветвью своего винограда» (Там же. С. 37), Лазарь Баранович имел в виду именно этот период творческого общения с ним, а возможно, и более ранние контакты в стенах Киево-Братской школы.

Н. И. Петров предположительно атрибутировал В. Я. проповеднические произведения, сохранившиеся в рукописном сборнике южнорусского письма (см. статью Н. И. Петрова). Опыты В. Я. в силлабическом стихотворстве впервые были опубликованы в 1669 г. в виде предисловия под названием «На автора сей книги» к «Мессии правдивому» Иоанникия Голятовского. В 1675 г. им была написана стихотворная эпитафия киевскому митрополиту Иосифу Нелюбович-Тукальскому. В ответ на царский подарок — присланную ему книгу *Симеона Полоцкого* «Обед душевный» — В. Я. в 1681 г. отослал царю *Феодору Алексеевичу* благодарственное письмо, завершающееся короткими приветственными виршами. В 1688 г. В. Я. была издана книга «Три венца молитвенные», предназначенная для подношения царям Иоанну и Петру и царевне Софье. В ней гравированные изображения святых патронов русских царей и царицы сопровождалось каждое тринадцатью силлабическими четверостишиями. Как уже говорилось, это издание было переслано автором в Москву. В. Н. Перетц вслед за П. П. Пекарским (см.: П е к а р с к и й П. П. Наука и литература в России при Петре Великом. СПб., 1862. Т. 2. С. 58) предположительно атрибутировал В. Я. сборник вирш «Венец молитв седмичных двенадцат звездный. . .», дважды изданный киевской типографией — в 1694 и 1702 гг. Кроме того, В. Н. Перетц считал принадлежащими В. Я. рукописные вирши «О полунощнице и утрени». Издатели сочинений Ивана Величковского атрибутируют этот стих Ивану Величковскому, так же как и ряд вирш из вышеназванного «Венца молитв седмичных». К полемическим произведениям В. относится сохранившееся в рукописном виде «Prawdiwa wiaga» (см.: П е т р о в Н. И. Описание рукописных собраний, находящихся в городе Киеве. М., 1899. Вып. 2, № 477. С. 157—158; 1904. Вып. 3, № 480—484. С. 205—206). Автор анонимной статьи «Из прошлого киевской епархии. . .» в «Киевских епархиальных ведомостях» указал на найденное в архиве Киевской духовной консистории письмо современника В. Я. иеромонаха Феофана Гирского, из которого видно, что автором «Prawdiwa wiaga» был В. Я., написавший этот труд в 1676 г. Сочинение представляет собой разбор католического учения об исхождении святого духа от отца и сына и о главенстве римских пап. Н. И. Петров высказал догадку о том, что В. Я. могут быть приписаны четыре статьи на польском языке из сборника Киево-Софийского собора, № 488 л. 73—76 (см.: П е т р о в Н. И. Описание рукописных собраний. . . Вып. 3. С. 207). Автор статьи «Из прошлого Киевской епархии. . .» указывал на книгу летописных записей, которую вел В. Я. (она содержала в себе печатные календарные таблицы годов, начиная от рождения Христова, под некоторыми годами В. Я. собственноручно отмечал различные события); нынешнее местонахождение ее неизвестно. В. Я. приписывалось «Изображение дел Московского патриаршего собора» (см.: Ф и л а р е т. Обзор. С. 294—295; Б у д о в н и ц. Словарь. С. 34), в действительности ему не принадлежащее. Он был непосредственным организатором и покровителем издания Четких Миней Дмитрия Ростовского. Первая книга (1689) вышла с обширным его предисловием.

Кроме того, сохранилась большая переписка В. Я. — его письма, послания, челобитные, грамоты. См.: Памятники, издаваемые Комиссиею для разбора древних актов. Киев, 1846. Т. 2. С. 325 (послание к Стефану Яворскому 1701 г. с ходатайством за Академию); Летопись событий в Юго-Западной России в XVII веке / Сост. Самоил Величко, бывший канцеля-

рист войска Запорожского, 1720. Киев, 1855. Т. 3. С. 227—233, 285—286, 348—352 (послания царям Иоанну и Петру, патриарху Адриану, гетману Мазепе, Прокопию Колячинскому); Киевский собор 1691 г. // Киевские епархиальные ведомости. 1865. № 8, отд. 2. С. 313—329 («Заповеди» собора); М и л о р а д о в и ч Г. А. Любеч, Черниговской губернии, Городницкого уезда — родина преподобного Антония Печерского // ЧОИДР. 1871. Кн. 2, отд. 1. С. 44—46 (грамоты жителям Любеча в связи с обновлением Любечкой иконы Божией матери); Архив Юго-Западной России. Киев, 1871. Ч. 1, т. 4. С. 82—84 (письмо к Самуилу Шумлянскому); 1873. Ч. 1, т. 5. С. 214—216, 217—226, 276—290, 302—309, 317—319, 338—342, 367—391, 411—417) (письма патриархам Иоакиму и Адриану); Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России. СПб., 1872. Т. 7. С. 68—83; 1877. Т. 9. С. 256—258 (документы и письмо к А. Л. Ордину-Нащокину); Памятники, издаваемые Киевскою комиссиею для разбора древних актов. Киев, 1898. Т. 1. С. 466—468 (воззвание о пожертвованиях в пользу Киево-Братского училища и монастыря, 1671 г.); Письмо митрополита киевского Варлаама Ясинского к Петру I о переяславском епископстве // Киевская старина. 1904. Т. 85. Май. С. 53—55; Иван Величковский: Твори. Київ, 1972. С. 154—155 (письмо к Лазарю Барановичу по поводу гибели трех монахов в Новоселках).

Соч.: Г о л я т о в с к и й И. Мессия правдивый. Киев: тип. Лавры, 1669. л. 9 об. (стихи «На автора книги сей»); 2-е изд. 1672; Три венца молитвенныи. Киев: тип. Лавры, 1688; Дмитрий Ростовский. Книга житий святых. Киев: тип. Лавры, 1689. Л. 2—4 нн. (Предисловие к читателю); Венец молитв седмичных двенадесат звездный. . . Киев: тип. Лавры, 1694; 2-е изд. 1702; Рукописная заметка о киевском митрополите Иосифе Нелюбович-Тукальском (из архива Киево-Выдубицкого монастыря) // Киевские епархиальные ведомости. 1878. № 13, отд. второй. С. 396—398 (стихотворная эпитафия); О. Л. Письмо и стихи Варлаама Ясинского // Киевская старина. 1890. Т. 28. Март. С. 537—539 (письмо и стихи царю Федору Алексеевичу); С о б о л е в с к и й А. Неизданное произведение Варлаама Ясинского // ЧИОНЛ. Киев, 1900. Кн. 14. Вып. 1, отд. 3. С. 26—28 (коммент. В. Я. к знамени, явившемуся в Венгрии в 1671 г.); П е р е т ц В. Н. 1) Новые труды по источниковедению древнерусской литературы: Критико-библиографический обзор. I—VIII. Киев, 1905. С. 31 (вирши «О полунощнице и утении»); 2) Отчет об экскурсии семинария русской филологии в С.-Петербург. 23 февраля—3 марта 1913 г. Киев, 1913. С. 29—31 (несколько вирш из предположительно приписываемого В. «Венца молитв седмичных»); 3) Исследования и материалы по истории старинной украинской литературы XVI—XVIII веков // СОРЯС. Л., 1929. Т. 1, вып. 3. С. 91—92 (вирши «О полунощнице»); Т и т о в Ф. Материалы для истории книжной справи на Україні в XVI—XVIII вв.: Всезбирка предмов до українських стародруків. Київ, 1924. С. 445—450 (предмова к Четьим Минеям Дмитрия Ростовского)

Лит.: А с к о ч е н с к и й В. Киев с древнейшим его училищем, академиею. Киев, 1856. Ч. 1. С. 211—228, 245—262, 289—290; Ч. 2. С. 6, 495—496; Р о д о с к и й С. Стефан Яворский, митрополит рязанский и муромский, эрзарх и местоблюститель Всероссийского патриаршего престола // Странник. 1863. Ноябрь. С. 33; Г о в о р с к и й К. Алфавитный список некоторых дворянских фамилий, ныне существующих в западных губерниях России. . . // Вестник Западной России: Историко-литературный журнал, издаваемый К. Говорским. Год третий. 1864. Октябрь. Т. 1. С. 201; Письма Лазаря Барановича. Чернигов, 1865. С. 18—24, 28—29, 37, 54—55, 73—74, 92—94, 108—109, 117—118, 181—182, 189—190, 224—225, 248; Труды КДА. 1879. Кн. 11. Протоколы. С. 245—249; Р о д о с с к и й А. Две надписи на старопечатных книгах XVII столетия // Христ. чт., 1880. Март—апрель. С. 491—494; В о с т о к о в А. Акт избрания Варлаама Ясинского архимандритом Киево-Печерского монастыря // Киевская старина. 1887. Июнь и июль. С. 573—576; Ш л я п к и н И. А. Св. Дмитрий Ростовский в его время (1651—1709). СПб., 1891. С. 36—46, 123—128, 182—256, 355; Приложения. С. 12—14; П е т р о в Н. И. 1) Новооткрытый киевский проповедник второй половины XVII в. // Труды КДА. 1892. № 5. С. 93—123; 2) Киевская Академия во второй половине XVII века. Киев, 1895. С. 24—37; Труды КДА. 1894. № 1. Протоколы. С. 257—259; П р о з о р о в с к и й А. Сильвестр Медведев (его жизнь и деятельность): Опыт церковно-исторического исследования // ЧОИДР. 1896. Кн. 3, отд. 3. С. 303—312; М а л е в а н с к и й Ф. Киевский митрополит Варлаам Ясинский. 1690—1707 // Киевские епархиальные ведомости. 1897. № 18. С. 818—829; Г о л у б е в С. Т. Киевская Академия в конце XVII и начале XVIII столетия // Труды КДА. 1901. № 11. С. 306—407; Труды КДА. 1904. № 11. Приложения. С. 387—390; Из прошлого Киевской епархии: Варлаам Ясинский, митрополит киевский и галицкий и Малая Россия (1690—1707) // Киевские епархиальные ведомости. 1905. № 12—50. Часть неофиц. С. 286—289, 309—317, 335—339, 360—369, 400—411, 455—461, 481—486, 508—515, 535—

540, 558—565, 581—585, 606—611, 629—636, 653—657, 678—684, 702—708, 729—735, 771—781, 804—811, 834—839, 859—864, 882—886, 1229—1234, 1268—1273; Х а р л а м о в и ч К. В. Малороссийское влияние на великороссийскую церковную жизнь. Казань, 1914. Т. 1. С. 447; Т и т о в Ф. Типография Киево-Печерской лавры: Исторический очерк (1606—1616—1916). Киев, 1916. Т. 1. С. 312, 371—385, 396, 400—401; Українські письменники. С. 611—616. Иван Величковский: Творч / Вступ. ст. С. И. Маслова, В. П. Колосовой и В. И. Крעותня; Подгот. текста и коммент. В. П. Колосовой и В. И. Крעותня. Київ, 1971. С. 17—27, 58—59, 67—70, 93—104, 176—177; П а н ч е н к о А. М. Русская стихотворная культура XVII века. Л., 1973. С. 157—158.

Н. В. Поньрко

Василий Гагара (первая половина XVII в.) — торговый человек, автор *Хождения*. Волжанин В. Г. был, по его словам, «родом плесянин (т. е. из Плеса. — О. Б.), житием казанец». В 1634—1637 гг. он совершил паломничество из Казани в Иерусалим, Египет, Синай через Грузию и составил описание своего хождения, получившее дополнительную литературную обработку. Рассказ об этом путешествии содержит его личные впечатления волжанина, показывает его осведомленность в книжных легендах, отражает зависимость от услышанных им устных рассказов. Примечательно описание Тифлиса и Мцхета, египетских пирамид и египетского инкубатора, крокодила в Ниле и др. В *Хождении* В. Г. необычна биографичность рассказа: в нем причудливо сочетаются описания виденных «чудес», торговых сделок и природных богатств в чужих краях. Наблюдательный паломник заметил новое в отношениях к Турции со стороны Крыма, Валахии. Изложение отличается простотой и безыскусственностью деловой московской речи XVII в. Рукописная традиция *Хождения* В. Г., представленного двумя редакциями, насчитывает около 20 списков XVII—XVIII вв. В прибавлениях к *Хронографу Русскому* встречается краткий отрывок из первой редакции «О казанце о Василии» с описанием только Грузии и Араратских гор. Литературная история *Хождения* В. Г., исследованного по 10 спискам, нуждается в более полном изучении.

Соч.: Путешествие Василия Гагары в 1634 году // Сказания русского народа, собранные И. Сахаровым. СПб., 1849. Т. 2, кн. 6. С. 109—122; Иерусалимское хождение // ВОИДР. М., 1851. Кн. 10, разд. III. Смесь. С. 14—23; Житие и хождение в Иерусалим и Египет казанца Василия Яковлева Гагары 1634—1637 гг. / Под ред. С. О. Долгова / ИПС. СПб., 1891. Т. 11, вып. 3; О казанце о Василии // П о л и о в А. Н. Обзор хронографов русской редакции. М., 1869. Вып. 2. С. 252—256.

Лит.: А д р и а н о в а - П е р е т ц В. П. 1) Хождение в Иерусалим и Египет Василия Гагары // Сборник Российской Публичной библиотеки. Игр., 1924. Т. 2, вып. 1: Материалы и исследования. С. 230—247; 2) Путешествия первой половины XVII в. // История русской литературы. М.; Л., 1948. Т. 2, ч. 2: Литература 1590—1690-х годов. С. 123—126; П о л и е в к т о в М., Н а т а д з е Г. Старый Тифлис в извещениях современников. Тифлис, 1929. С. XII—XIII, 11—13; Ш е п е л е в а Л. С. Культурные связи Грузии с Россией в X—XVII веках // ТОДРЛ. М.: Л., 1953. Т. 9. С. 297—322; Р у х а д з е Т. С. Из истории грузино-русских литературных связей (XVI—XVIII вв.): Автореф. дис. . . . докт. филол. наук. Тбилиси, 1962. С. 16; Д а н и л о в В. В. О жанровых особенностях древнерусских «хождений» // ТОДРЛ. М.; Л., 1962. Т. 18. С. 21—37; Ц и н ц а д з е Я. З. Сведения Василия Гагары и Арсения Суханова о Грузии XVII в. Тбилиси, 1965. На груз. яз.; М о р о з о в А. А. Заметки о «хождении» Василия Гагары // Československa rusistika. 1969. Т. 14. № 4. С. 145—150; S e e m a n n K.-D. Die altrussische Wallfahrtsliteratur: Theorie und Geschichte eines literarischen Genres. München, 1976. С. 318—334, 437—438, 456; Б е л о б р о в а О. А. О ленинградских списках древнерусских хождений в Грузию // Русская и грузинская средневековые литературы. Л., 1979. С. 168—170.

О. А. Белоброва

Василий Титов (ок. 1650—ок. 1715) — крупнейший композитор эпохи барокко, писавший также силлабические стихи. Музыковеды атрибутируют ему и музыку, и текст одного из ранних русских кантов «Все языци руками плещите, Все Иаковлю блгу воскликните. . .», введенного в научный обиход А. В. Позднеевым. Этот кант, встречающийся в рукописных

сборниках с последней четверти XVII в. (шифры см. в статье А. В. Позднеева — ТОДРЛ. Т. 17), имеет акrostих «по виршам», т. е. по первым буквам каждого двустишия — «Василии». Кант насчитывает 8 двустиший (слоговая длина строк 10+11), одно из них выполняет функции рефрена (в декламации) и припева (в вокальном исполнении). По содержанию кант состоит из двух почти равных частей. Первая представляет собой переложение начала 46-го псалма, вторая — «приветство» царю *Феодору Алексеевичу* (значит, кант сочинен между 1676 и 1682 гг.). Отождествление названного в акrostихе Василия с В. Т., конечно, гипотетично, но вполне корректно.

Во-первых, В. Т. действительно писал стихи: в подносном царевне *Софье Алексеевне* экземпляре «Псалтыри рифмотворной» *Симеона Полоцкого*, положенной на музыку В. Т. (БАН, Петровское собр., 16.15.11), есть стихотворное предисловие «Пресветлой дщери пресветлаго царя, Многих царств и княжеств и земель государя. . .». В то время при дворе не было поэта, который бы мог сочинить такие «плохие» стихи, ибо версификационная культура была очень высокой, даже изощренной. Предисловие выдает руку дилетанта, а профессиональный композитор В. Т. и был в поэзии дилетантом. Дилетантизмом отмечен и текст канта с акrostихом «Василии». Это текст также низкого словесного качества — низкого в сравнении с творениями *Германа* и других авторов Новоиерусалимской школы. Особенно сказывается это в непрофессиональной технике окончаний; в коротком канте наряду с достаточными, обычными тогда созвучиями употреблены также бедные рифмы и рифмоиды: превышний — страшнейший, Иаковли — возлюбви, велию — достоянию.

Во-вторых, то, что известно о жизни В. Т., не противоречит атрибуции. В документах он появляется впервые в 1678 г. в качестве государева певчего дьяка хора царя Федора Алексеевича. Возможно, что это назначение связано с сочинением канта «Все языци руками плещите, Все Иаковлю богу воскликните. . .». Как раз в это время царь Федор стал покровительствовать Новоиерусалимскому монастырю. К 8 июня 1678 г., на Федора Стратилата, когда праздновались именины государя, Герман создает кант «Федор славный воевода». Быть может, к этой дате приурочен и кант с акrostихом «Василии».

В том же качестве с 1682 г., когда было установлено «двоецарствие», В. Т. служит в хоре царя Ивана Алексеевича. Свержение правительства царевны Софьи Алексеевны не прошло бесследно для В. Т. На некоторое время имя его исчезает из списка государевых певчих дьяков и снова появляется среди них (это опять-таки хор царя Ивана) только в 1693—1694 гг. Возможно, В. Т. трудные для него годы прожил вне Москвы, в одном из провинциальных монастырей.

К этому времени В. Т. пользуется заслуженной славой первенствующего русского композитора. Он пишет множество концертов, например «Златокванную трубу восхвалим днесь. . .» (Иоанну Златоусту), «Всем скорбящим радости. . .» (Богородице), на Полтавское торжество. Его музыкальная деятельность, в первую очередь музыка к силлабическим текстам «Псалтыри рифмотворной» Симеона Полоцкого, сыграла роль в подготовке реформы русского стиха, проведенной впоследствии В. К. Третьяковским и М. В. Ломоносовым: при вокальном исполнении псалмов происходило упорядочение акцентов с явной тенденцией к хореизации стиха, особенно в размерах с четным числом слогов.

Соч.: Позднеев А. В. Никоновская школа песенной поэзии // ТОДРЛ. М.: Л., 1961. Т. 17. С. 420—421.

Лит.: Р а з у м о в с к и й Д. В. Государевы певчие дьяки XVII века // Сборник на 1873 год, изданный Обществом древнерусского искусства при Московском публичном музее. М., 1873; П о з д н е е в А. В. 1) Рукописные песенники XVII—XVIII веков: (Из истории песенной силлабической поэзии) // Учен. зап. Моск. заоч. пед. ин-та. М., 1958. Т. 1. С. 18; 2) La poésie des chansons russes aux XVII-e et XVIII-e siècles //

Revue des études slaves. Paris, 1959. Т. 36, fasc. 1—4. Р. 30; 3) Просветительство и книжная поэзия конца XVII—начала XVIII века // Проблемы русского просвещения в литературе XVIII века. М.; Л., 1961. С. 109; П р о т о п о в В. В. Музыка на Полтавскую победу // Памятники русского музыкального искусства. М., 1973. Вып. 2; К е л д ы ш Ю. В. История русской музыки. М., 1983. Т. 1. С. 239; К о п ы л о в а В. С., П а н ч е н к о А. М. Роль музыки в тонизации русского стиха // XVIII век. Л., 1986. Сб. 15.

А. М. Панченко, М. А. Салмина

Василий Тюменец (первая половина XVII в.) — казачий атаман, автор рассказа о путешествии в Монголию. Совместно с Иваном Петровым участвовал в 1616 г. в посольстве из Москвы в Монголию; со слов В. Т. и Ивана Петрова (оба были неграмотны) в Посольском приказе в Москве был записан по их возвращении рассказ о путешествии из Тобольска по Оби до Томска, из Томска по степям Киргизии и Монголии («Киргицкая», «Табынская», «Саянская», «Матцкая» и др. земли). В этом рассказе отмечены суровая природа («поля и горы каменные, а реки . . . бродовые»), кочевой образ жизни («переходят где кому место полюбитца; «угодей никаких нет, и хлеб не родитца»), в том числе царские кочевья Алтын-хана, необычные жилища и храмы («поставили им избу особную полстяную», «мечеть зделана полстяная, а на верху ее крест, а по стенам . . . образы, писаны на харяхъ»). Наблюдательные посланники сообщили, как и где проходил их прием у Алтын-хана (сидевшего «ноги подогбав» на коврах и «войлоках ординьских»), с каким уважением отнесся монгольский хан к московскому царю, чем и как потчевал и одаривал своих гостей. В расспросных речах В. Т. и Ивана Петрова сохранились известия о Китайском государстве и о соседних землях — «про люди и про их веру, и про богомолство, и про язык, и хлеб у них родитца ли ини нет», о военном деле, о торговле и т. п.

Соч.: Ф и ш е р И. Э. Сибирская история. СПб., 1774. Кн. 1. С. 254—264; А н д р е в и ч В. К. История Сибири. СПб., 1889. Ч. 1. Приложение 1. С. 206—210; П о к р о в с к и й Ф. П. Путешествие в Монголию и Китай сибирского казака Ивана Пеглина в 1618 г. // ИОРЯС. 1913. Кн. 4. С. 270—282; Русско-китайские отношения в XVII веке: Материалы и документы. М., 1969. Т. 1. С. 46—49.

Лит.: История русской литературы. М.; Л., 1948. Т. 2, ч. 2. С. 118—119; Очерки русской литературы Сибири. Новосибирск, 1982. Т. 1. С. 82—84.

О. А. Белоброва

Венюков Никифор Данилович (вторая половина XVII в.) — подьячий Посольского приказа, автор статейных списков и составленного около 1685—1686 гг. «Описания новые земли Сибирского государства, в которое оно время и каким случаем досталось за Московское государство и какое той земле положение». Будучи подьячим с 1660-х гг., участвовал в ряде посольств: в 1672 г. — в Константинополь при после В. А. Даудове; в 1675—1678 гг. — в Китай через Сибирь при посланнике *Николае Спафарии*. В 1685—1687 гг. вместе с Иваном Федоровым В. был гонцом в Китай (в результате переговоров в декабре 1687 г. была снята осада с крепости Албазин). Сохранилось письмо В. и Фаворова от февраля 1687 г. в Посольский приказ к Ф. А. Головину с описанием поездки в Пекин. Опытный подьячий, В. участвовал в составлении статейных списков названных выше посольств. Возможно, это послужило подготовкой для «Описания новые земли Сибирского государства», сочинения анонимного, но давно приписываемого В. Это историко-географическое произведение открывается рассказом о покорении Сибири Ермаком. Повествование насыщено перечнем земель, народов, встреченных на пути людей, в том числе иезуитов. Текст «Описания» изучался преимущественно географами и этнографами, которых интересовали маршруты и обитатели Сибири и Китая. «Описание» привлекло внимание современников, как отечествен-

ных, так и иностранцев, оно переписывалось и переводилось на иностранные языки. Известны 6 близких по времени русских списков конца XVII—начала XVIII в., в том числе один с латинскими и немецкими приписками; кроме того, дошел один список на немецком языке. Текст «Описания» был известен Н. Витсену, опубликовавшему в 1692 г. в Амстердаме труд «Norden Oost-Tartarie».

«Описание» впервые полностью издано в немецком переводе XVII в. Бюшингом в 1785 г.; древнерусский текст опубликован дважды — в 1890 и 1907 гг.

Язык и стиль В. не изучены. Большая часть его трудов не опубликована (например, статейные списки посольства в Константинополь в 1672 г., в Китай в 1685—1687 гг. и др.).

Соч.: В и т с е н N. Magazin für die neue Historiae und Geographie. 1785. Т. 18. С. 83—100; Описание новой земли, сиречь Сибирского царства (по рукописи Румянцевского музея № ССХСIV, л. 1—19) // Т и т о в А. Сибирь в XVII веке: Сборник старинных русских статей о Сибири и прилежащих к ней землях / Изд. Г. Юдин. М., 1890. С. 55—101; Сибирские летописи. СПб., 1907. С. 367—397.

Лит.: В и т с е н N. Norden Oost-Tartarie. Amsterdam, 1692; Б е л о к о у р о в С. А. О Посольском приказе. М., 1906. С. 140; Б а х р у ш и н С. В. 1) Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв. М., 1928. С. 180—186; 2) Научные труды. М., 1955. Т. 3, ч. 1. С. 43—48; Л е б е д е в Д. М. География в России XVII века (допетровской эпохи). М.; Л., 1949. С. 200—203; А н д р е е в А. И. Очерки по источниковедению Сибири. 2-е изд. М.; Л., 1960. Вып. 1: XVII век. С. 57, 69—71, 76, 82, 92, 160, 204, 223; Русско-китайские отношения в XVII веке. М., 1969. Т. 1. 1608—1683. С. 335—336, 346, 438; 1972. Т. 2. 1686—1691. С. 770; В е с е л о в с к и й С. Б. Дьяки и подьячие XV—XVII вв. М., 1975. С. 90; Очерки русской литературы Сибири. Новосибирск, 1982. Т. 1. С. 82—84. Б е л о б о р о д о в С. А. Новые биографические материалы о Н. Д. Венюкове // Письменность и книгопечатание: (Информационные материалы). Тюмень, 1989. С. 28—30.

О. А. Белоброва

Верецагин Иван Васильев (вторая половина XVII в.) — книгописец, служивший в Посольском приказе в Москве в 1670-х гг. Известны переписанные им подносные экземпляры книг, создававшихся по инициативе боярина А. С. Матвеева: в 1672 г. «Книга об избрании на царство Михаила Федоровича» (Музей Московского Кремля, собр. Гос. Оружейной палаты), в 1672—1673 гг. «Книга о сивиллах» *Николая Спафария* (ГБЛ, собр. Румянцева, № 227); в 1673 г. его же «Василиологион» (ЦГАДА, Древлехранилище, отдел V, рубр. II, д. 44), в 1674 г. еще два списка того же сочинения (один из них: ЦГАДА, собр. МГАМИД, № 33), в 1675 г. «Александрия» (БАН, собр. П I Б 99).

Лит.: Книга избрания и венчания на царство царя и великого князя Михаила Федоровича. М., 1856; ДАИ. СПб., 1857. Т. 6. С. 188—200, № 43; Палеографические снимки с русских рукописей XII—XVII веков / Изд. СПб. Археолог. ин-том; Под ред. А. И. Соболевского. СПб., 1901. Табл. XLII; К у д р я в ц е в И. М. «Издательская» деятельность Посольского приказа: (К истории русской рукописной книги во второй половине XVII века) // Книга: Исследования и материалы. М., 1963. Сб. 8. С. 179—244.

О. А. Белоброва

Викентий (вторая половина XVII в.) — архимандрит Троице-Сергиева монастыря, агиограф и книгописец. Начал свою карьеру игуменом Николаевского Угрешского монастыря (1666—1672), затем был архимандритом Владимирского Рождественского монастыря (1672—1674), а 1 сентября 1674 г. переведен к Троице. На двадцатилетний период настоятельства В. приходится заметный рост политического авторитета Сергиевой обители, которая в критических ситуациях оказывалась надежным убежищем для представителей царствующей династии: в 1682 г., находясь за монастырскими стенами, правительство успешно справилось с «Хованщиной», а в 1689 г., во время борьбы с царевной *Софьей Алексеевной*, здесь укры-

вался юный Петр. При архимандрите В. разворачивается интенсивное строительство, монастырь обогащается такими, например, первоклассными произведениями искусства, как несохранившийся «Корноухий» колокол, отлитый мастером Федором Моториным в 1683 г. (см.: С п и р и н а Л. М. О колоколах Троице-Сергиева монастыря // Колокола. История и современность. М., 1985. С. 125—126), или дарохранительница, «построенная» в 1688 г. (см.: В з д о р н о в Г. И. К вопросу об архитектурных моделях в XVII веке (дарохранительница 1688 года) // Сообщения Загорского государственного историко-художественного музея-заповедника. Загорск, 1960. Вып. 3. С. 191—195). Однако жизнь в многолюдной подмосковной киновии казалась В. слишком суетной; в послесловии к переписанной им *Повести о житии Александра Невского* архимандрит жалуется: «Се уже имам десятое лето во святом дому сем, во всяком изобилии и упокоении, без благих дел и душевного попечения». Когда представилась возможность — 22 апреля 1694 г., В. вернулся «на обещание свое» во Владимир.

В. принадлежит сокращенная переработка Жития Александра Невского в редакции *Ионы Думина*, составленная им в 1672 г. на месте упокоения мощей святого князя — в Рождественском монастыре. Об этом сообщает послесловие к Житию в редакции В., опубликованное П. М. Строевым по списку Владимирской семинарии, № 266, нынешнее местонахождение которого неизвестно. Здесь автор объясняет причины, побудившие его заняться правкой сочинения Ионы: по разумению архимандрита, прежние редакции произведения содержали элементы, которые «не суть приличны» в агиобиографии князя — «о иных великих князех, о их страдании от безбожных агарян и о их мужестве» и др. Поэтому В. исключил из своей версии эпизоды, имеющие слишком отдаленное отношение к прославляемому Житием герою. Кроме этой сокращенной редакции В. принадлежит также служба Александру Невскому (см.: Н и к о л ь с к и й К. Обзорные богослужебных книг православной Российской церкви по отношению их к церковному уставу. СПб., 1858. С. 401). Ни то, ни другое произведения не изданы. Помимо названного списка Владимирской семинарии переделка Жития известна еще в нескольких рукописях (перечень их дан в кн. В. Мансикки), в том числе в собственноручной копии В. 1683 г. (ГБЛ, ф. 310, собр. Ундольского, № 275); в списке XVIII в. (ГПБ, собр. ПДА, № 273) текст памятника наращен дополнительными чудесами.

В. разделял традиционный для братии Троице-Сергиевой лавры пиетет перед *Максимум Греком*. Существовала переписанная им книга с сочинениями опального афонского старца, выписки из которой читаются в рукописи XVIII в. ГБЛ, ф. 722, собр. единичных поступлений рукописных книг древней традиции, № 250 (описание см.: Новые поступления // Записки Отдела рукописей ГБЛ. М., 1986. Вып. 45. С. 93 — «... и та книга келейная бывшего Маркела, митрополита Казанского, письменная в полдествь, а писана в Троицком Сергиеве монастыре лета 7199 . . . Викентием архимандритом»).

Рукой В. скопирован также сборник, содержащий службы и *жития Серапиона Новгородского* и Стефана Махрищского (ГБЛ, ф. 304, собр. Троице-Сергиевой лавры, № 637) и датирующийся 1677 г. Известны, кроме того, две рукописи с канонами Сергию Радонежскому, которые В. вложил в 1688—1689 гг. в Троицкий монастырь: БАН, 17.12.15 (Осн. 787); 17.12.16 (Осн. 788).

Лит.: Славяно-русские рукописи В. М. Ундольского, описанные самим составителем и бывшим владельцем собрания. М., 1870. Стб. 214; С т р о е в П. М. 1) Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877. Стб. 140, 206, 663; 2) Словарь. С. 321—322; Г о р с к и й А. В. Историческое описание Свято-Троицкой Сергиевы лавры. М., 1890. Ч. 1. С. 148—156; Ч. 2 (Приложения к Историческому описанию Свято-Троицкой Сергиевы лавры архимандрита Леониды). С. 10; М а н

с и к к а В. Житие Александра Невского. СПб., 1913. С. 200—203. Приложения. С. 125 (ПДПИ. Т. 180); Бу л а н и н Д. М. Владимирский Рождественский монастырь как культурный центр Древней Руси // ТОДРЛ. Л., 1981. Т. 36. С. 74—75.

Д. М. Буланин

Виниус Андрей Андреевич (1641—начало 1717) — сын перешедшего в православие и записанного в московские дворяне голландского купца и промышленника Андреаса (Андрея Денисовича) Виниуса, устройства первых железных заводов в России — на реке Большая Тулица под Тулой и на реке Ваге, притоке Сев. Двины, у Шенкурска. В 1664 г. младший В., «гостиной сотни торговый человек», взят в Посольский приказ переводчиком голландского языка, но уже в 1672—1674 гг. возглавляет русское посольство, направленное в Англию, Францию и Испанию с предложением союза против турок, напавших на польскую Украину.

По возвращении из посольства В. пожалован в московские дворяне, а в 1675 г. — в думные дьяки и поставлен во главе почтового дела, которым и ведал более четверти века при четырех правительствах. На этой должности В., начав введением формы для ямщиков и металлических сейфов для перевозки почты, установил учет и регулярную пересылку внутренней и внешней почтовой корреспонденции, упорядочил почтовые и весовые сборы, а впоследствии учредил и ряд новых почтовых линий: от Москвы до Архангельска (1693), от Москвы к Азову (1695—1696) и от Москвы до Воронежа (1700). В 1698 г. устанавливается Сибирская почта (до Тобольска).

Одновременно как дьяк Посольского приказа и знаток европейских языков В. был обязан просматривать поступающие иностранные — немецкие, голландские, а также французские, итальянские, польские и шведские — газеты и отбирать материалы для перевода и чтения царю и его ближайшему окружению и для «курантов». Это были по преимуществу сведения о внутреннем и внешнеполитическом положении европейских государств, о законодательных и дипломатических мероприятиях их правительств, о военных событиях и народных волнениях, о международной торговле, о событиях западноевропейской придворной и церковной жизни, а также сообщения о примечательных случаях естественно-научного характера.

В 1677 г. к прежним обязанностям В. прибавились новые. Он — дьяк Аптекарского приказа и добивается заметного улучшения аптекарского дела: следит, чтобы лекари и аптекари были обеспечены всем необходимым, вводит продажу населению лекарств из царской аптеки и набирает «в аптекарское научение» учеников из русских. Выполняет В. и ряд других кратковременных административно-хозяйственных и политических поручений, отмечается знаками особой милости царя *Феодора Алексеевича*. В частности, в 1689—1692 гг. В. возглавлял Новгородский приказ, а в 1693 г. направлен в инспекционную поездку по Украине для выяснения настроений населения.

В начале 90-х гг. В. замечен молодым Петром I и вскоре становится одним из видных его сотрудников. В 1695—1696 гг., во время Азовского похода, В. — сведущий и важный корреспондент царя: через него Петр I ведет военные заготовки дома и делает заказы за границей, получает сведения о столичных и зарубежных новостях, а также «куранты», через него передает повеления и поручения. Интенсивная переписка В. с царем продолжается и во время заграничного путешествия Петра I в 1696—1697 гг. по ряду стран Западной Европы, куда царь направился инкогнито в составе посольства Головина и Лефорга. В этот период В. — одно из довереннейших лиц царя, который пишет В. (часто симпатическими чернилами) о таких делах, какие не доверяет никому, а соблюдение инкогнито монарха придает переписке непринужденную простоту и фамильярность тона.

В 1694 г. В. вступает также в заведование Сибирским приказом и прежде всего стремится установить строгий надзор за сибирскими воеводами, оградить интересы казны от безудержных хищений. Составленные В. «таможенные статьи» определяют размеры пошлин, предписывая «лишних цен для большого пошлинного сбора таможенным головам отнюдь на товары и запасы не накладывать и тем торговых и всякаго чина людей не грабить, и не оскорблять и не отгонять», сурово пресекая поборы сибирских воевод с купцов и торговых каразанов. В то же время В. налагает запрет на скупку и вывоз бобровой пушнины за границу.

В 1696 г. по распоряжению В. тобольский житель «боярский сын» *Семен Ремезов* приступает к составлению «Чертежной книги Сибири», содержащей чертежи всех сибирских земель, рек, и дорог, планы городов, которая была закончена им в 1701 г. В. учреждает сибирскую почту, печется об устройстве дорог, развитии торговли, занимается церковными делами. Следует отметить его внимание к нуждам коренного населения Сибири, заботы, чтобы «иноземскаго роду не малилось», и в частности запрет продавать или отдавать детей в холопы. Наконец, на средства Сибирского приказа В. иногда давал образование одаренным молодым абортенам из нерусских. Особенно заботится В. о поисках в Сибири железных и серебряных руд и развитии промышленности. При нем открывается множество рудных приисков и основан ряд горных заводов на Урале: Невьянский пушечный завод — в 1699 г., Каменский чугуноплавильный завод — в 1700 г. и Алапаевский — в 1703 г.

С начала Северной войны со Швецией, после поражения русской армии в сражении под Нарвой в ноябре 1700 г. и потери всей артиллерии (180 орудий), В. фактически возглавляет Пушкарский (Артиллерийский) приказ и становится творцом новой русской артиллерии, отлив за два с половиной года более 600 орудий. В 1701 г. на Пушкарском дворе В. открыта навигаторская и артиллерийская школы. Это — время расцвета В., видного и влиятельного вельможи. Вместе с тем обремененный делами и поручениями 60-летний старик изнемогает от работы, но, пользуясь большими доходами, не отказывается ни от одной из должностей, что в конце концов приводит к служебным упущениям, неаккуратности и губительным промедлениям. Летом 1703 г. В. из-за должностных упущений отставлен от Аптекарского и Сибирского приказов, хотя все еще заведует литьем пушек. Еще прежде у него была взята большая часть «почт». А три года спустя, находясь в войсках при Гродно, В. внезапно, без разрешения царя, уехал в Кенигсберг и оттуда — в Голландию.

Возвратившись в 1708 г., он получил прощение царя, который вернул ему конфискованное имущество и чин думного дьяка и засадил за переводы трактатов по механике, фортификации, артиллерии, устава судебных воинских прав, составление голландского словаря. В 1710—1717 гг. В. выполняет также дипломатическое поручение, состоя для «советов о государственных делах» при гетмане Скоропадском.

Литературные и научные интересы сопутствовали В. в течение всей его долгой царевой службы. Он интересуется светской и церковной историей, вопросами нравственно-этическими и политическими, пишет сочинения по географии, составляет и чертит географические карты, выступает с проектом создания галерного флота, разрабатывает административные положения, занимается разнообразными переводами и компиляциями, пишет вирши. Библиофил и полиглот, он собрал огромную по тем временам личную библиотеку, включавшую несколько сот книг на голландском, немецком, латинском, французском, польском, эстонском и русском языках, и значительную коллекцию гравюр и рисунков, поступившую впоследствии в библиотеку Академии наук (см.: ЛО Архива АН СССР, ф. 158, оп. 1, № 212).

Первая из известных работ В. — компилятивное «Избрание от святых, божественных и царственных книг, памяти ради», содержавшее:

беседу отца с сыном о догматах веры, о страхе божьем, о власти монарха, которому «достоит три вещи в незабытной памяти имети: первое — яко человек владеет, второе же — яко власть сия, временна сущи, истлеывает; владети же не лютостию, но им же быша радостни вси, восхищаемы доброумием и милосердием», а также наставления о суетности и опасности земного величия, о благодати и премудрости. Далее следуют выписки из отцов церкви, беседа царьградского патриарха Геннадия с турецким султаном Морат-Магметом, сведения из церковной истории, сказание *Ивана Пересветова* о царе турецком Магмете, события из русской истории со времени взятия Казани.

К тому же времени относится пространная работа «О столицах нарочитых городов и славных государств, и земель, и островов, и проливов и знатных мест сухими и водными путями, колико имут расстояние Российского государства от . . . града Москвы, по алфавиту расписано переводчиком Andrieiem Andrieiewym synom Winiusom». Работа состоит из двух разделов: указания путей следования и расстояния от Москвы до разных русских городов — в первом разделе, и иностранных — во втором. В конце книги добавлены справки о полагающихся прогонах до тех или иных мест.

В конце 1668 г. В. подал в Посольский приказ проект создания военного и торгового галерного флота на Каспии для развития торговли с прикаспийскими народами и Индией и увеличения государственных доходов, а также для защиты торговых судов от морского разбоя.

Несомненный интерес представляют отчеты В. о его посольстве. Внимательный наблюдатель, В. сообщает из-за границы о внутреннем и внешнеполитическом положении государств, через которые ему пришлось следовать, о ходе военных действий между Францией и Голландией и вызванных ими дипломатических шагах и мероприятиях разных европейских правительств, о событиях и внутренних распрях в Польше и посреднических усилиях римского папы, об отношениях европейских государств с турками и проч. Отчеты В. отличаются также чрезвычайной ясностью стиля, точностью и удобопонятностью языка. Так, например, излагается характеристика государственного строя Англии: «Правление Английского королевства, или, как общим именем именуют, Великой Британии, есть отчасти монархально (единовластно), отчасти аристократно (правление первых людей), отчасти демократно (народоправительно). Монархально есть потому, что имеют англичане короля, который имеет отчасти в правлении силу и повеление, только не самовластно. Аристократно и демократно есть потому: во время великих дел, начатия войны или учинения мира, или поборов каких денежных, король созывает парламент, или сейм. Парламент делится на два дома: один называют вышним, другой — нижним домом. В вышнем собираются сенаторы и шляхта лучшая изо всей земли; в другом собираются старосты мирских людей всех городов и мест, и хотя что в вышнем доме и приговорят, однако без позволения нижняго дома совершить то дело невозможно, потому что всякие поборы денежные зависят от меньшаго дома. И потому вышний дом может назваться аристократия, а нижний — демократия. А без повеления тех двух домов король не может в великих делах никакого совершенства учинить».

В 1674 г., по возвращении из посольства, В. переводит с немецкого пространный сборник басен с историческими и легендарными примерами: «Зрелище жития человеческого, в нем же изъяснены суть дивные беседы животных, со истинными к тому приличными новостями в научение всякого чина и сана человеком». Оригинал перевода — «Theatrum Morum, artliche Gespräch der Thier mit wahren Historien der Menschen zur Lehr», составленное и напечатанное в 1608 г. в Праге, или его возможное переиздание. Сюжеты басен традиционны, две трети из них принадлежат Эзопу. Что касается примеров (или «прилогов», как называет

их В.), то их основной источник — сообщения и свидетельства длинного ряда античных и средневековых писателей и анналистов от Геродота и Тита Ливия до Иоанна Куспиниана и Лаврентия Сурия. При этом примечательно, что весь реестр обличаемых пороков — от мелкого тщеславия, алчности, лживости, двоедушия, подозрительности, черной неблагодарности и до вероломства, отступничества, предательства, мстительности и необузданной жестокости — иллюстрируется прежде всего деяниями правителей и монархов — персидских, иудейских, египетских, греческих, римских, византийских, турецких и проч. Множество «прилогов» связано с событиями политической и вооруженной борьбы с Востоком — с походами Александра Македонского, римскими завоеваниями в Передней Азии и Северной Африке, крестовыми походами в Палестину, борьбой Византии и балканских государств с турками-османами и т. п. Рядом с внешнеполитической тематикой выступают и вопросы внутренней политики. Картины социального гнета и протеста, тирании властителей и возмущения рабов оборачиваются проблемами взаимоотношений монарха и подданных, природы государственной власти, экономического и политического положения классов, суда и социальной справедливости и др. Эти проблемы привлекали В. и прежде в его компилятивном «Избрании от святых, божественных и царственных книг, памяти ради».

Насыщенность беллетризованными историческими сюжетами придавала «Зрелищу» немалую познавательную ценность даже при узкодидактической их интерпретации. Однако первый план тут все же занят идеологическими мотивами. Политическим идеалом представляется правление «тихого» государя, «иже правяше люди своя во блазе, со всякою тихостию и кийждому суд творяше праведный». Это и в интересах монарха, ибо «благое состояние князей и государей состоится во благоденствии подданных их». Но та же идея выдвигается и в более экспансивной форме: «. . . сие яростию правящим реку, яко не толикую силу имут, яко тии, иже тихостию и рассуждением управляют своя люди». Многократно повторяется тема «малых подданных», которые «могут во время подобно, яко же и великия, помощь государем своим сотворити». Однако тщетно надеяться на монаршью благодарность: «. . . аще кто время свое туне изживет во дворех великих и службы служит великия, ожидая себе воздаяния, — таковии состареются, воздаяния же немногия получают». И вообще «близость царская — яко близость огня».

Эмоциональная взволнованность отмечает текст В., когда предметом его оказывается социальная несправедливость. Но перевод В. далек от оправдания социального бунта или тем более от побуждения к нему: «. . . не подобает человеку гордостию восставати на государя своего, зане таковии вси погибают лишением чести, имения и живота своего». Мотивы народного возмущения и постигающего тиранию возмездия даются не в наставляющих сентенциях, а только в «прилогах» и только как уроки истории.

В напряженной обстановке последней трети XVII в., на фоне непрекращающихся народных восстаний, войн с Турцией и складывающейся абсолютистской монархии, перевод В. неизбежно порождал ассоциации с русскими событиями, и последующая судьба памятника свидетельствует о самом живом внимании к нему современников. Сохранившиеся списки этого перевода, выполненного в строгом и вместе удобопонятном стиле книжной славяно-русской речи и занимающего более сотни листов с оборотом ин-кварто, исчисляются многими десятками. Из них более 40 принадлежат концу XVII—началу XVIII в. Встречаются также списки, писцы которых вносили в «Зрелище» басни из других переводов, дополняя их «прилогами» из русской истории.

В 1712 г. выходит и печатное издание «Зрелища», набранное гражданским шрифтом. Однако из текста перевода устранил ряд басен, «прилоги»

которых очевидно ассоциировались с современными событиями, либо даже с обстоятельствами семейной жизни самого Петра I, так что в печатном «Зрелище» оставалось лишь 125 басен (из 134 первоначальных). Несмотря на значительный тираж (500 экз.), ни одного экземпляра этого издания ныне не сохранилось, хотя известны несколько его рукописных копий (лучшая — из собр. Киево-Печерской лавры, № 373/126, в ЦНБ АН УССР). Впоследствии печатное «Зрелище» послужило сюжетным источником ряда притч А. П. Сумарокова.

В последние годы жизни В. по распоряжению царя продолжал заниматься переводами и трудился над составлением голландского словаря. В 1708 г. им переведен трактат по механике, а в следующем году — учебник по теории и практике артиллерийской стрельбы «Описание артиллерии», напечатанный в 1710 г. в Москве. Два года спустя закончен трижды переизданный в 1714—1716 гг. перевод «Книги ордера или во флоте морских прав», посвященной вопросам военно-морского законодательства.

Соч.: Обнорский С. П. и Бархударов С. Г. Хрестоматия по истории русского языка. М., 1949. Ч. 2, вып. 1. С. 31—53; Статейный список посольства Винуса // ПДС. СПб., 1856. Т. 4. Стб. 803, 827, 852—912, 925—946.

Лит.: Федоров Б. Беседа русского старца с сыном своим // Отеч. зап. СПб., 1824. Ч. 18, кн. 50; Козловский И. П. Андрей Винус, сотрудник Петра Великого (1641—1717). СПб., 1911 (в дополненном виде включено в кн.: Козловский И. П. Первые почты и первые почтмейстеры в Московском государстве. Варшава, 1913. Т. 1); Доронков И. М. В. «Книга Винуса». Памятник русского собирательства XVII—XVIII вв.; // Изв. АН СССР. Сер. 7. Л., 1929. № 3. С. 215—230; Быкова Т. А. Затерянное издание «Зрелища жития человеческого» // Описание изданий гражданской печати. 1708—январь 1725 г. М.; Л., 1955. Приложение II; Левинсон Н. Альбом «Книга Винуса» — памятник художественного собирательства в Москве XVII века // Ежегодник ГИМ за 1961 год. М., 1962. С. 71—98; Тарковский Р. Б. 1) «Зрелище жития человеческого» // ТОДРЛ. Л., 1969. Т. 24. С. 249—253; 2) Старшие русские переводы как сюжетные источники притч А. П. Сумарокова // Там же. 1976. Т. 26. С. 85—92. Казакова Н. А. А. Винус и статейный список его посольства в Англию, Францию и Испанию в 1672—1674 гг. // ТОДРЛ. 1985. Т. 39. С. 348—364.

Р. Б. Тарковский

Возницын Прокофий Богданович (вторая половина XVII в.) — дипломат, автор писем. Из подъячих московских приказов В. вышел в дипломатии петровской поры. Наиболее известны его участие в качестве третьего посла в «Великом посольстве» 1697 г. и представительство при заключении перемирия с турками в Карловичах в 1699 г.

Сохранились письма Петра I 1698—1699 гг., адресованные В., сохранились и письма самого В. из Вены, из Карлович (десять из них адресованы царю Петру I, одно — «дохтуру» Петру Посникову, несколько писем — Ф. А. Головину). Эти письма, насыщенные политическими новостями, сохраняют форму челобитных, в которых автор называет себя «убогой твоей государев раб Пронка», «недостойный раб Пронка Возницын» и т. п. Некоторые слова автор пишет латинскими буквами, часть писем написана тайнописью — «цыфирью». Среди обычных для посольских отчетов терминов («посольский стан», «запрос» и др.) в письмах В. встречаются новые: «армистициум», «ратификация» и др. Дипломатическую школу В. прошел на службе в Посольском приказе (с 1667 по 1690-е гг.), в должности гонца в Венецию и Польшу (1670-е гг.), в посольстве к турецкому султану и др. Его дипломатические заслуги не были оценены из-за наговоров и наветов Емельяна Украинцева.

Соч.: ПДС. СПб., 1867. Т. 8. С. 749—1414; 1868. Т. 9. Стб. 235—239; Письма и бумаги императора Петра Великого. СПб., 1883. Т. 1. С. 691, 700, 709, 743, 745, 746, 752, 753, 762.

Лит.: Бантыш-Каменский Д. Словарь достопамятных людей. М., 1836. Ч. 1. С. 305—318; Белокуров С. А. О Посольском приказе. М., 1906. С. 125—

126; Богословский М. М. Петр I. М., 1940. С. 367—369, 378; Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV—XVII вв. М., 1975. С. 101.

О. А. Белоброва

Гадзалавский (Гадзяловский) Стахий (вторая половина XVII в.) — переводчик Посольского приказа в Москве с 1667 г. до конца XVII в. (упоминается по 1689 г.). Переводил с польского и латинского. Перевел с польского издания 1683 г. книгу Иоанникия Галятовского «Алкоран Махметов» — полемическое сочинение против магометан (ГПБ, F.XVII.19) и изданный в Кракове труд о выезде лошадей *Hirrica albo nauka o koniach. . . W Krakowie, S. a.* (перевод 1685 г., известен в списках ГПБ, Q.X.8 и ГПБ, F.X.1). Брат Г. Иван Гадзалавский был царским иконописцем, учеником *Симона Ушакова* (сохранилась челобитная Ивана 1670 г. с упоминанием Г.). Г. обучал русскому или польскому языку шведского посла в Москве *И. Спарвенфельда* и продал ему рукописный латинско-русский словарь. Среди вывезенных Спарвенфельдом русских рукописей в одном из сборников сохранился список перевода Г. «Алкоран Махметов». Переводы Г. не опубликованы.

Лит.: Шляпки И. А. Св. Дмитрий Ростовский и его время (1651—1709 гг.). СПб., 1891. С. 90, 133; Соболевский. Переводная литература. С. 42, 112; Бурунов С. А. О Посольском приказе. М., 1906. С. 132; Успенский А. И. Царские иконописцы и живописцы XVII в.: Словарь. М., 1910. Т. 2. С. 57; Nilsson N. A. Russian Heraldic Virši from the 17th Century. Uppsala, 1964. P. 68—69.

О. А. Белоброва

Герасим Фирсов (ум. IX 1667 г.) — соловецкий старец и идеолог старообрядческого движения на его раннем этапе. В монастырь пришел, по-видимому, из Москвы в конце 40-х гг. XVII в., где и принял пострижение. Г. Ф. не пользовался в монастыре хорошей репутацией, «был хитрым и лукавым монахом необузданного и буйного нрава, любил выпить и был нечист на руку» (Никольский Н. К. Сочинения . . . С. IV). Не сложились у него поначалу отношения и с соловецким архимандритом Ильей (1652—1659), на которого он подал две челобитные патриарху *Никону*. Первая из них не сохранилась, со второй Г. Ф., покинув для этого монастырь, приехал в Москву (Материалы для истории раскола. . . Т. 3). Однако Никон посчитал обвинения Г. Ф. против архимандрита вздорными, и жалобщик был бит плетьюми на Патриаршем дворе, а затем временно отдан «под начал» в Николо-Корельский монастырь. По возвращении на Соловки Г. Ф. некоторое время был на должности приказного старца в монастырских береговых усольях и на рыбных ловлях, а в 1658 г. становится соборным старцем и ближайшим советником настоятеля монастыря. Такая перемена в отношениях Г. Ф. с архимандритом Ильей может быть объяснена неприязнью их обоих к патриарху *Никону* и отрицательным отношением к начатой им церковной реформе. Летом 1655 г. Соловецкий монастырь посетил глава старообрядческой оппозиции протопоп *Иван Неронов*, принятый с почетом архимандритом и братией. Во время посещения монастыря или позднее Иван Неронов мог попросить архимандрита Илью или самого Г. Ф. собрать материалы, подтверждающие истинность древних книг и обрядов и в осуждение проводимой патриархом *Никоном* церковной реформы (см.: Бунов Н. Ю. Книга раннего старообрядчества. С. 37). Результатом предпринятой Г. Ф. исследовательской работы стало появление его известного богословского сочинения «О сложении перстов десных руки», написанного с использованием материалов обширной соловецкой библиотеки.

После смерти архимандрита Ильи соловецким архимандритом был избран Варфоломей (1660—1667). Тогда же, в 1660 г., в монастырь приехал «на покой» бывший архимандрит монастыря Саввы-Сторожевского *Никанор*, имевший, по-видимому, надежду на свое избрание соловец-

ким настоятелем. Г. Ф., еще ранее состоявший в дружеской переписке с Никанором и информировавший последнего о событиях в монастыре, возглавил вместе с ним оппозицию против Варфоломея, считавшегося нетвердым в «старой вере». Г. Ф. явился главным инициатором и составителем Челобитной к царю, поданной в 1666 г. от имени большой группы соловецких иноков и содержащей жалобы на архимандрита (Материалы для истории раскола. . . Т. 3. С. 47—66). В том же году Г. Ф. был вызван в Москву на церковный собор для «увещевания», где он довольно неожиданно для судивших его архиереев принес покаяние в своих старообрядческих «заблуждениях». Решением собора он был отправлен для «испытания» «под начал» в Иосифо-Волоколамский монастырь, где ему было поручено написать «обличение» на свои прежние «письма». Однако последовавшая вскоре смерть не дала Г. Ф. осуществить обещанное.

Современники Г. Ф., как и писатели, жившие позднее, сходятся на том, что влиятельное положение этому старцу удалось завоевать не только своим активным участием в политической жизни монастыря, но и пером, которое помогло ему получить авторитет в религиозных вопросах. «При жизни Герасима соловецкие старцы были прекрасно знакомы не только с мелким характерным почерком его, но и с его своеобразным слогом и с литературными приемами. . .» (Н и к о л ь с к и й Н. К. Сочинения. . . С. IX). Уведомляя архимандрита Варфоломея о поданном на него доносе, соловецкий келарь Савватий писал: «А иные, государь, статьи писали коварственным своим умыслом, что и в ум не вместится — самым мелким писмом Герасима Фирсова, на пяти столбцах написано» (Материалы для истории раскола. . . Т. 3. С. 72).

Главным сочинением Г. Ф., утвердившим за ним славу и авторитет богослова как среди старообрядцев, так и в кругах церковников, явилась его книга «О сложении перстов, еже которыми персты десныя руки подobaет всякому православному христианину вообразати на себе знамение честнаго креста» (изд. Н. К. Никольским). Побудительным толчком к созданию сочинения могла быть, как уже говорилось, просьба протопопа Ивана Неронова. Об этом свидетельствует косвенно и начало сочинения: «Понеже прошение твое бысть и понудил мя еси, еже дати тебе написано твердое и известное свидетельство от божественных писаний о сложении перстов десныя руки. . .». Характерно также, что список этого сочинения имелся в архиве игумена Феокиста, бывшего, как известно, ближайшим сподвижником и «секретарем» Ивана Неронова (Материалы для истории раскола. . . Т. 1. С. 323. № 22). Однако непосредственным поводом для создания сочинения явилась насущная необходимость для старообрядцев дать обстоятельный ответ на статью о троеперстии, помещенную патриархом Никоном в антистарообрядческом сборнике «Скрикаль», вышедшем в свет в 1656 г., ссылки на листы которого имеются в сочинении Г. Ф. Поскольку в челобитной соловецких попов, поданной в 1658 г., уже упомянуты «тетради на крест» Г. Ф., последнее сочинение можно датировать периодом вскоре после 1656 г. (Н и к о л ь с к и й Н. К. Сочинения. . . С. XVIII). Авторитет сочинению Г. Ф. несомненно придавало и то обстоятельство, что автор широко пользовался библиотекой Соловецкого монастыря, на книги которой он делал ссылки в своем труде (автограф хранится: ГПБ, Соловецкое собр., № 901). Сочинение Г. Ф. о крестном знамении высоко ценилось старообрядцами, распространялось в списках и было издано в Супрасле.

Помимо названных сочинений Г. Ф. принадлежит литературный цикл, связанный с памятью митрополита *Филиппа II*, причисленного церковью к лику святых. Это написанная им Служба на перенесение мощей святого Филиппа, законченная незадолго до 1652 г., Похвальное слово на перенесение мощей митрополита (написано по поводу перенесения мощей святого в Москву, осуществленного патриархом Никоном в 1652 г.), а также небольшое проложное *Житие Филиппа митрополита*, составлен-

ное тогда же по поручению епископа Никодима и представляющее собой переработку уже имевшегося в монастыре жития этого святого, написанное в конце XVI в. (изд. Н. К. Никольским). Кроме того, Г. Ф. принадлежит Похвальное слово Иоанну Лествичнику, отличающееся «цветистой искусственностью и богатством риторических фигур». Сочинение разделено на 30 статей, соответствующих 30 главам «Лествицы», а также лестнице христианских добродетелей, и относится, видимо, к раннему периоду творчества писателя (изд. Н. К. Никольским). Одним из сравнительно поздних произведений Г. Ф. является написанное им «Показание от божественных писаний» — обширное послание, отправленное автором архимандриту Никанору в Саввин-Сторожевский монастырь (изд. Н. К. Никольским). Это послание интересно тем, что в нем автор перечисляет свои литературные труды и просит Никанора похлопотать перед патриархом Никоном об официальном признании своих сочинений, посвященных митрополиту Филиппу и Иоанну Лествичнику. Возможно, что именно неудача в этих хлопотах толкнула Г. Ф. в лагерь противников патриарха и предпринятой им церковной реформы. В целом сочинения Г. Ф. с литературной стороны интересны как незаурядные образцы высокого книжного стиля, тяготеющего к церковно-богослужебному, книжному языку. В то же время в произведениях Г. Ф. чувствуются типичные для книжников его времени черты, в частности критический подход к источникам, стремление «испытывать» как божественное писание, так и писания современных ему «учителей». Этим он близок как к более поздним представителям литературы старообрядческой, так и к тем писателям древнейшей эпохи славяно-русской книжности, которые требовали свободного и «разумного» освоения духа (а не буквы) христианского учения (Н и к о л ь с к и й Н. К. Сочинения. . . С. XLII).

Соч.: Сборник. Супрасль, <1789>. Л. 92 об.—154; Материалы для истории раскола за первое время его существования / Под ред. Н. Субботина. М., 1878. Т. 3. С. 47—66; Н и к о л ь с к и й Н. К. Сочинения соловецкого инокса Герасима Фирсова по неизданным текстам. ОЛДП. СПб., 1916.

Лит.: А л е к с а н д р Б р о в к о в и ч. Описание некоторых сочинений, написанных русскими раскольниками в пользу раскола. СПб., 1861. Ч. 2. С. 62—72; Материалы для истории раскола за первое время его существования / Под ред. Н. Субботина. М., 1874. Т. 1. С. 326 и др.; В л а д и м и р о в П. В. Очерки по истории литературного движения на севере России // ЖМНП. 1879. Т. 205; Деяния собора 1666 г. М., 1881. С. 35; Дополнение 5. С. 458; Сы р ц о в И. И. Возмущение соловецких монахов старообрядцев в XVII веке. Кострома, 1881. С. 123—130; С т р о е в. Словарь. С. 61—62; М а к а р и й <Б у л г а к о в>. История русской церкви. СПб., 1883. Т. 16. С. 635, 637; Описание рукописей Соловецкого монастыря, находящихся в библиотеке Казанской Духовной академии. Казань, 1885. Ч. 2. С. 570; Д р у ж и н и н. Писания старообрядцев. С. 263—264; В ы с о ц к и й Н. Г. Герасим Фирсов // РБС: Гааг—Гербель. М., 1914. С. 478—480; Б у б н о в Н. Ю. 1) Книга раннего старообрядчества // Книговедение и его задачи в свете актуальных проблем советского книжного дела: Тез. Второй Всесоюз. науч. конф. по пробл. книговедения. Секция рукописной книги. М., 1974. С. 37; 2) Писатели-старообрядцы Соловецкого монастыря // Книга и книготорговля в России в XVI—XVIII вв. Л., 1984. С. 39—41.

Н. Ю. Бубнов

Герман (ум. 11 XII 1681) — архимандрит Воскресенского Новоиерусалимского монастыря, виднейший поэт школы этого монастыря. Г., по-видимому, поселился здесь вместе с Никоном, после того как последний 10 июля 1658 г. самовольно оставил архипастырский престол и Москву. Юным иподьяконом и келейником патриарха, безбородым и круглолицым, Г. предстает на известной картине первой половины 1660-х гг. (приписывается голландскому художнику на русской службе Д. Вухтерсу). По монастырской легенде XIX в. (ЧОИДР. 1874. Кн. 3, отд. 1. С. 22), картина изображает назидательную беседу Никона после служения в Голгофской церкви. Г. держит раскрытую книгу, по которой Никон и поучает братию. В Новом Иерусалиме Г. достиг высших монастырских должностей: строителя (в 1673—1675 гг. и — после перерыва — с 1678 г.), архимандрита (за год с лишком до смерти). Служебные дела Г. не всегда

шли гладко. Временная отставка Г. с должности строителя воследовала из-за учиненного им «с товарищи» какого-то «бою и срыва казенной печати», за что Г. в мае 1676 г. публично, на глазах всей братии, был подвергнут телесному наказанию. В Новом Иерусалиме Г. и похоронен (в церкви Всех Святых). На каменной плите над его могилой была высечена стихотворная эпитафия, сочиненная преемником Г. архимандритом *Никанором* (часто ошибочно считается автоэпитафией). В ней отмечена близость Г. к Никону («Бяше ученик его бывый присный»). Об этой близости пишет также *Иван Шушерин*, автор Жития Никона.

Действительно, Г. неизменно пребывал верным своему патрону. 30 ноября 1666 г. Никон служил последнюю литургию в Голгофской церкви (ему предстояло ехать на церковный собор в Москву). Присланный за опальным патриархом спасский архимандрит Сергей затеял с ним громкий и бранчивый спор. Именно Г. было приказано выгнать спорщика из храма, и любимец патриарха выполнил поручение. В 1680 г. Г. — в числе подписавших челобитную о возвращении Никона из Кирилло-Белозерского монастыря в Новый Иерусалим (патриарх *Иоаким* не дал на это разрешения). 25 августа 1681 г. Г. в присутствии царя *Феодора Алексеевича* отпевал тело Никона, который, получив наконец позволение воротиться в основанную им обитель, умер по дороге туда, близ Ярославля. Г. был автором двух стихотворных эпитафий Никону, вырезанных на надгробных камнях.

В последние годы жизни Г. пользовался покровительством царя *Феодора Алексеевича*, который выказал интерес и благосклонность к Новому Иерусалиму летом 1678 г. 5 сентября царь со всей родней впервые провел здесь три дня, а в следующие годы еще шесть раз посетил монастырь. Г. читал государю орации, за что и бывал жалован (например, назавтра после похорон Никона царь «пожаловал архимандриту Герману своей государевой конюшни иноходца бура, и архимандрит Герман великому государю кланялся в землю» — ЧОИДР. 1874. Кн. 3, отд. 1. С. 53; в другой раз по царскому повелению для Германа была «построена драгоценная архимандричья шапка»). По-видимому, при *Феодоре Г.* поддерживал творческие контакты с *Симеоном Полоцким*, *Сильвестром Медведевым*, *Карioniом Истоминым* и другими поэтами этого круга.

В эпитафии *Никанора* прямо сказано о том, что Г. был поэтом («Изрядная сочини псалмопения»). Ему принадлежат стихотворные переложения псалмов (например, 140-го: «Господи! Возвах к тебе, услыши мя») и духовные песнопения, приуроченные либо к храмовым праздникам, либо к другим событиям (перечень см.: Позднее в А. В. Песняк-акrostихи. . . С. 365—366). Г. пользовался изосиллабической версификацией, прекрасно владел разными строфическими формами, особенно любил акrostих, в частности рифмованный: «Плавая водою, | омываема тою, | зря ту умерша, | писаша вирша, Герман ридая, | поя и вздыхая»; «Воскресением | и обновлением | писа веселяся | монах Герман моляся | монах у ркеста | тем и не преста»; «День празднества | велия торжества | празднуя писаше | Герман ликоваше» и т. п. Функции акrostиха в ново-иерусалимской гимнографии несколько изменились по сравнению с эпистолиями приказной школы. Г. и поэты его круга отвели акrostиху роль передатчика информации об авторе текста. Наряду с рифмованными фразами Г. сообщает о себе различные сведения прозой — о монастырской карьере («типикарь», «уставщик», «убоги чернец», «иеромонах», «строитель»), о принадлежности к братии иерусалимской обители («Воскресенский»), наконец, о своем здоровье («маия месяца болезнен»). Это разнообразие сведений стало возможным благодаря техническому совершенству акrostиха, который содержал до трех и более фраз, стихотворных и прозаических. Так, в рукописи (ГБЛ, Музейное собр., № 9498, текст под № 124) богородичный гимн «Радуйся, благодатная, аггел царю дарованная» написан в 7 столбцов, так что повторяющийся акrostих-рефрен

читается слева направо вниз под прямым углом, снизу вверх налево также под прямым углом, зигзагом и т. д. Внизу по трем строкам слева направо — дополнительное акростишное двустушие: «Господ(ь) с тобою | Герман пою». В одной из эпитафий Никону Г. воспользовался двумя акростихами: первый («Герман написа») читается «по виршам» (т. е. по начальным буквам двустуший), второй — по конечным буквам («В славу си отца»).

Г. был также музыкантом-исполнителем (певчим, регентом хора, лютнистом), видимо, композитором. Мелодии его гимнов, сочиненные в партесном стиле, бесспорно принадлежат одному автору, скорее всего самому Г.

Сохранилось завещание Г. (ГБЛ, собр. Вахрамеева, № 451). Из него и других материалов явствует, что у Г. была хорошая библиотека, включавшая кроме русских изданий книги на греческом, латинском и польском языках. Г. завещал их Ивану Шушерину и перодьякону Дамаскину (оба оставили заметный след в литературе XVII в.).

Соч.: Бессонов П. Калитки переходные. М., 1863. Вып. 3. № 187; Вып. 4, № 229, 278, 346; Вып. 5. № 404, 416; Русская силлабическая поэзия XVII—XVIII вв. Л., 1970. С. 96—103, 367—368.

Лит.: Ш у ш е р и н И. Жизнеописание патриарха Никона. М., 1830; Л е о н и д. Историческое описание ставропигиального Воскресенского, Новый Иерусалим именуемого, монастыря // ЧОИДР. 1874. Кн. 3, 4; П о з д н е е в А. В. 1) Рукописные песенники XVII—XVIII веков: (Из истории песенной силлабической поэзии) // Учен. зап. Моск. заоч. пед. ин-та. М., 1958. Т. 1. С. 5—112; 2) Песни-акростихи Германа // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 14. С. 364; 3) Никоновская школа песенной поэзии // Там же. 1961. Т. 17. С. 419—428; 4) Поэт XVII века Герман: (Мастер акростиха) // Československá rusistika. Praha, 1969. R. 14, N 4. S. 150—158; Ч и ж е в с к и й Д. И. Акростихи Германа и старорусские акростихи // Ibid. 1970. R. 15, N 3. S. 102—104; П а н ч е н к о А. М. Русская стихотворная культура XVII века. Л., 1973. С. 103—115.

А. М. Панченко

Гивнер (Гибнер) Юрий Михайлович (иначе Хюфнер Георг) (ум. 1691) — руководитель придворного театра, составитель пьесы «Темир-Аксаково действо», переводчик календаря. Г. — уроженец Саксонии, выехавший в Польшу в 1649 г. и захваченный в русский плен в 1656 г. В Москве Г. был определен В. Брюсом в качестве учителя латинского и немецкого языков в Немецкой слободе. Здесь Г. женился и вошел в круг помощников пастора *И. Г. Грегори*, руководившего первым придворным театром в Москве. В 1675—1676 гг. Г. сам заведовал театром и осуществил в этот короткий период несколько постановок, в том числе переведенную им (и составленную из разных источников) пьесу «Темир-Аксаково действо». С 1679 г. до смерти, последовавшей в 1691 г., Г. служил переводчиком Посольского приказа в Москве. В 1683 г. он был послан с П. И. Потемкиным во Францию и Испанию, но вернулся в Москву до окончания службы, за что был наказан. В 1690 г. Г., лютеранин, был уличен по жалобе польского резидента в оскорблении приезжих иезуитов. Выступал Г. (совместно с *Иваном Тяжкогорским*) и против протестанта Квирина Кульмана, осужденного в Москве за «еретичество». Известен переведенный Г. текст Календаря на 1690 г. шведского математика Я. Г. Фохта (перевод дошел в списке ГПБ, Q.IV.357).

Лит.: С о б о л е в с к и й. Переводная литература. С. 135; Б е л о к у р о в С. А. О Посольском приказе. М., 1906. С. 131; Ц в е т а е в Дм. Памятники к истории протестантизма в России. Ч. 1. // ЧОИДР. М., 1883. Кн. 3. С. 135; РБС: Герберский—Гогенлоз. М., 1916. С. 173—174; П а р ф е н о в А. Т. К вопросу о первоисточниках «Темир-Аксакова действа» // Вестн. МГУ. М., 1969. № 2. С. 16—30 (Сер. 10: Филология); Русская драматургия последней четверти XVII и начала XVIII в. [Ранняя русская драматургия (XVII—первой половины XVIII в.)]. М., 1972. С. 6, 10, 295, 296, 312 (публ. и коммент. «Темир-Аксакова действа»).

О. А. Белоброва

Гозвинский Федор Касьянович (вторая половина XVI—начало XVII в.) — переводчик Посольского приказа. Г. был выходцем из Юго-Западной Руси. Пребыванию в одной из юго-западных школ обязан Г. основательным знанием и церковнославянского, и древнегреческого языков, а также некоторым знакомством с латынью. Знание им языков особо отмечает неизвестный автор в послании к патриарху *Гермогену*: «. . . а тот толмач Феодор не одному языку горазд, но и паче еллинскому и латинскому вящи учен». Польский язык Г. знал с детства.

19 октября 1607 г. в Москве Г. закончил перевод «Притчей, или Баснословия Езопа Фриги» (145 басен), впоследствии более известный как «Книга, глаголемая Езоп». Оригинал перевода — так называемая Аккурсиана, сложившаяся в Византии в XIV в. (по другому мнению — в IX в.) и переработанная в духе «аттицизма», наиболее поздняя из прозаических версий Езопа, опубликованная в 1479—1480 гг. в Милане итальянским гуманистом Боно Аккурсием и многократно затем переиздававшаяся типографиями Западной Европы.

Вместе с «Притчами» Г. перевел и суждения о басне из риторических прогимнасов римского ритора Автония (III—IV вв. н. э.), за три четверти века до *Иоанникия* и *Софрония Лихудов* и за полтора года до Ломоносова познакомив русского читателя с теоретической характеристикой жанра, классификацией и определением его разновидностей, особо выделив назначение сентенции. Жанровая природа басни раскрывалась и стихотворным предисловием переводчика — сочиненными Г. «Виршами на Езопа»:

... Пиша притчами сими зверския нравы,
И в них изображает человеческия sprawy:
Птицами и рыбами поставль основание
И надбасным творит нам истолкование.
Притча к притчам — сказание и глагол притчи,
И в притчах притчюслагатель глаголет вещи.

Глумление сея притчи не в глумех,
Но утешительное прочитание в разумех;
Нравоучительная к нам сей беседеует
И в притчах полезная к житию дарует. . .

Небезынтересны «Вирши на Езопа» и как один из ранних опытов ученой поэзии с преднамеренной игрой смысловыми оттенками слов, столкновением их внутренних форм, нагнетением антитез, сопоставлений и подчеркивающих повторений.

Тогда же Г. перевел и баснословное жизнеописание Езопа, составленное, как полагают, византийским монахом Максимом Планудой. В Петровскую эпоху этот перевод был дважды издан в числе первых книг гражданской печати: в 1712 г. — в Москве и в 1717 г. — в Петербурге.

Осуществленный в приказной среде перевод Эзоповых басен примечателен как отражение возрождающегося с начала XVII в. интереса к светским беллетристическим жанрам, когда в центре повествования оказывается не религиозный долг христианина, а отношение человека к себе и себе подобным. Естественно, что секуляризация нравственно-дидактической тематики вызывала враждебное отношение к эзоповской басне московской церкви.

Перевод Г. интересен и как факт истории русского литературного языка, представляя одну из ранних попыток приспособления книжнославянской речевой культуры к требованиям новой исторической эпохи — неизбежному расширению социальных функций письменной речи, и в частности попытку приспособления церковнославянского языка к светской семантике и его освобождения от наиболее архаичных лексических элементов.

Наконец, труд Г. примечателен как один из образцов профессионального древнерусского перевода, в котором пословная полнота семантического отражения текста-источника и — как правило — лексическое

и конструктивное соответствие переводного текста оригиналу сочетаются с многообразными приемами приспособления иноземного рассказа к привычным повествовательным и стилистическим формам древнерусской литературы и к психологии русских читателей.

Перевод Г. быстро приобрел широкое распространение. Его популярность подтверждается как числом известных списков (27) и средой их бытования, так и дальнейшей историей повествовательного приспособления к литературным вкусам и представлениям древнерусских читателей. Помимо двух авторских редакций перевода — предварительной (ГИМ, собр. Уварова, № 170) и нескольких видов основной (вид А — ГПБ, собр. Погодина, № 1964; ГИМ, Музейское собр., № 1626; ГБЛ, собр. Тихонравова, № 229; вид Б — ГПБ, Q.XVII.272; вид В — ГПБ, собр. Погодина, № 1604; вид Г — ГБЛ, собр. Тихонравова, № 249) — последовательно появляются одна идеологическая и четыре стилистические.

Идеологическая редакция (ГПБ, собр. Вяземского, O.LXVIII) создается во второй четверти XVII в., представляя попытку приспособления перевода Г. к духовной атмосфере Московской Руси, и определяется устранением из текста перевода мотивов и эпизодов, противных православию, либо ловким преобразованием их.

Наиболее ранняя из стилистических редакций возникает в середине XVII в. и выделяется детализацией и развитием прежних, а то и включением в басенные рассказы новых сюжетных эпизодов (списки не сохранились, реконструируется сопоставлением текстов других редакций). К середине XVII в. складывается также сводная редакция (Швеция, б-ка Вестероской гимназии, cod. Ad.10; копия — ГПБ, собр. Сухтелена, F.XIV.5). Тогда же появляется еще одна стилистическая редакция басен с присущим ей подчеркиванием логических связей и мотивировок развития действия (вид А — ГПБ, собр. Титова, № 1903; ГБЛ, собр. Ундольского, № 690; вид Б — ГИМ, Музейское собр., № 2684; вид В — ГБЛ, Музейное собр., № 3254). К концу XVII в. относится последняя редакция перевода с характерными для нее прибавлениями к басенному рассказу заключительных эпизодов (ГИМ, собр. Барсова, № 2325). Общие масштабы изменений текста «Притчей» таковы, что в последней редакции практически уже каждое третье полнозначное слово представало как то или иное поновление последовательных редактур и переписок.

Летом 1609 г. Г. перевел «Тропник» папы Иннокентия III, однако не с латинского оригинала «De contemptu mundi sive de miseria humanae conditionis», а с его польского перевода «Tropnik, albo mała droga do zbawienia». Язык «Тропника» — ученый и соответственно характеру памятника риторически напряженный, сложный. Списков этого перевода — множество.

Для истории авторского самосознания на Руси небезынтересна завершавшая перевод «Тропника» моноримическая запись Г. о себе как о переводчике:

В премудростех славимый
И в разуме хвалимый,
Честностию же чести честно почитаемый,
Во своих бо сих делах художно познаваемый,
Понеже трудолюбно подвигаемый
И усердно совершаемый,
Богом же самем наставляемый —
Феодор Касиянов сын Гозвинский,
Греческих слов и польских переводчик.

Соч.: Буслаяев. Историческая хрестоматия. Стб. 1409—1414 (13 басен); ПЛДР. XVIII в. М., 1989. Кн. 2. С. 27—55.

Лит. Русские переводы Езоповых басен в начале и в конце XVII в. // Рус. вестн. СПб., 1842. Т. 5, № 2, отд. 2. С. 174—179; Пыпин А. Н. Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских. СПб., 1857. С. 169—174; Соловьевский. Переводная литература. С. 203, 380—381; История русской литературы. М.; Л., 1948. Т. 2, ч. 2. С. 112—113; Тарковский Р. Б. 1) «Притчи, или

Баснословие Эзопа Фриги» в списках XVII—начала XVIII века: (Техника перевода. Язык. Стил. История текста). Л., 1972; 2) О системе пословного перевода в России XVII в. // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 29. С. 243—256; 3) Старший русский перевод басен Эзопа и переписчики его текста. Л., 1975; 4) Эстетическая ассимиляция басенного жанра: (Повествовательные редакции первого перевода Эзопа) // Новые черты в русской литературе и искусстве (XVII—начало XVIII в.). М., 1976. С. 186—230.

Р. Б. Тарковский

Голицын Василий Васильевич (1639, по другим данным — 1633 или 1643—21 IV 1714) — князь, библиофил и автор грамоток. Г. получил блестящее образование, выделявшее его среди московской знати; владел польским и латинским языками. Начал службу при государевом дворе в стольниках, исполняя ряд почетных придворных обязанностей — чапника (1658), государева возницы (1666). По словам смоленского митрополита Симеона, сообщение которого записал датский дипломатический представитель Горн, Г. обнаружил свои честолюбивые замыслы в последние годы царствования *Алексея Михайловича* (см.: *Возгри н В. Е.* Источники по русско-скандинавским отношениям XVI—XVIII вв. // Рукописные источники по истории Западной Европы в архиве ЛОИИ. Л., 1982. С. 154). Так или иначе, именно к этому времени относятся первые успехи Г. на служебном поприще. В конце 1675 г. Г. был послан с полком на Украину «для бережения городов от прихода турецкого салтана»; в разрядной записи о приеме послов, состоявшемся за день до смерти царя (29 января 1676 г.), Г. упомянут первым среди стольников выборной сотни. Взлет служебной карьеры Г. связан с правлением *Феодора Алексеевича*. Г. был первым, кого молодой царь пожаловал в бояре (4 мая 1676 г.) (ЦГАДА, ф. 210. Боярские книги, № 7, л. 23; Боярские списки, № 14, л. 2 об.). Одновременно с первым воеводским назначением он получил и почетный дипломатический титул наместника черниговского, введенный специально для него (ЦГАДА, ф. 166, оп. 1, № 4, л. 17). После этого Г. был послан на Украину уже как личный представитель царя при русском войске. Ему должны были писать «о вестях» другие воеводы, в том числе и командующий русским войском боярин князь Г. Г. Ромодановский. В 1676 г. Г. находился «с полком» в Путивле, в 1677 г. — там же и в других «малороссийских городах». После сдачи в плен гетмана П. Дорошенко Г. была пожалована гетманская булава (вторую он получил при отпращивании в Первую крымский поход). После возвращения в Москву в 1678—1680 гг. возглавлял Владимирский судный приказ, с которым при Г. были соединены дела Челобитенного приказа (Архив ЛОИИ, ф. 36 (Воронцовы), оп. 1, № 681: Г.-Ф. Миллер. История о жизни и государствовании царя Федора Алексеевича, л. 37 об.). В 1679 г. вновь назначен воеводой на Украину, служил в Севске, Путивле (см.: ДРВ. 2-е изд. М., 1791. Ч. 17. С. 284—362; ср.: ЦГАДА, ф. 210: Столбцы Московского стола, № 1037, столпик 2, л. 1—45); вернулся в Москву в 1681 г. прославленным полководцем и сразу занял заметное место в ближайшем окружении царя. Сближился с незнатными придворными *Феодора Алексеевича* (Языковыми, Лихачевыми), выступившими в конце 70-х—начале 80-х гг. инициаторами реформ. После царского указа 1681 г., отменившего «враждотворное местничество», возглавил Ответную палату (комиссию «ратных и земских дел»), которой была поручена подготовка этой реформы (см.: *Седов П. В.* Социально-политическая борьба в 70—80-х гг. и отмена местничества: Дис. . . . канд. историч. наук. Л., 1985. С. 114—119). Во время московского восстания 1682 г., когда посольский дьяк Ларион Иванов был убит стрельцами, Г. возглавил Посольский приказ. В дальнейшем примкнул к окружению царей Ивана и Петра, был с ними в Савинском и Троицком походах (см. его переписку с находившимся в Москве Е. И. Украинцевым: Восстание в Москве 1682 г.: Сб. документов. М., 1976. № 40—48. С. 60—69). На следующий день после казни Хованских назначен «дворовым воеводой», возглавил собравшееся в Троице для подавления московского вос-

станция дворянское ополчение. 19 октября 1682 г. Г. был пожалован Царственные большие печати и государственных великих посольских дел оберэгателем — почетным титулом, который до него носил лишь *А. Л. Ордин-Нащокин* (ЦГАДА, ф. 141, № 123 (1683 г.), 2 л.). Возглавив с 20 декабря 1682 г. основные военные приказы — Иноземский и Рейтарский (а также — с декабря 1682 г. — Пушкарский приказ, которым он уже руководил в 1676—1677 гг.), Г. сосредоточил в одном лице руководство вооруженными силами и дипломатией. После окончательного оформления режима регентства царевны *Софьи Алексеевны* (1683) стал фактическим главой Русского государства. Важнейшим внешнеполитическим достижением Г. было заключение в 1686 г. «Вечного мира» с Польшей, укрепившего международное положение России и изменившего соотношение сил в правящих верхах (см. дело о награждении Г. в связи с заключением Вечного мира: ГБЛ, ф. 29, № 104, 114 л.; частично опубликовано: ВОИДР. М., 1850. Кн. 5: Смесь. С. 1—10). Г. удалось преодолеть сопротивление старомосковского боярства, выступившего в Думе против «западнического» курса правительства регентства (П. И. Прозоровский, Ф. П. Салтыков). Заключение договора привело к сближению Г. с патриархом *Иоакимом* — покровителем «нарышкинской партии», объединявшей сторонников малолетнего Петра. Сблизившийся с патриархом «латинист» Г. покровительствовал грекам *Иоанникию и Софронию Лихудам*, сыграл большую роль в организации Славяно-греко-латинской академии (1687) и даже дал деньги на строительство здания для этого первого в России высшего учебного заведения (см.: Розанов Н. П. Законодательский монастырь и Славяно-греко-латинская академия: Исторический очерк. — ГБЛ, собр. Розанова, п. 1, № 4, л. 5—5 об.). Согласно свидетельству современника-иностранца, Г. выписал из Греции «большое число хороших книг» для академии (N e u i l l e, de la. Relation curieuse et nouvelle de Moscovie. Paris, 1698. P. 175; см. также: С л у х о в с к и й М. И. Из истории книжной культуры России: Старорусская книга в международных культурных связях. М., 1964. С. 95—96).

Неудачный исход Крымских походов 1687 и 1689 гг. послужил прологом падения Г. После переворота 1689 г., приведшего к власти Нарышкиных, Г. с сыном были лишены боярских чинов и посланы в Каргополь (см.: Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках. СПб., 1883. Т. 3. Стб. 3—4). 1 июля 1691 г. Г. отправлен с семьей в Пустозерск, до следующей весны пробыл в Мезени, а затем жил на Кевроле до 1694 г. Последние годы провел в Пустозерске. Умер на Пинежском волоке, похоронен в Красногорском монастыре (дата смерти — 1713 г., — указанная в ряде биографий, неправильна; см.: Петровский С. Кн. В. В. Голицын // РС. 1877. Т. 19, № 5. С. 133—135).

В состав библиотеки опального Г. входили: 1) Евангелие, переписанное царевной Софьей Алексеевной (ИРЛИ, Древлехранилище, Карельское собр., № 241; библиография см.: М а л ы ш е в В. И. Древлехранилище Пушкинского Дома: Литература 1965—1974 гг. Л., 1978. С. 13, 15, 85); 2) Сборник сочинений *Николая Спафария*, положенный «на помин души» в Антониево-Сийский монастырь (БАН, Архангельское собр., С. 129). Этот сборник был вскоре переписан в монастыре (БАН, Архангельское собр., Д. 429), тем самым было положено начало северорусской рукописной традиции произведений Спафария, принадлежавших до этого исключительно к столичной, придворной культуре (о сборниках см.: Строев. Словарь. С. 262—263; В и к т о р о в А. Е. Описи рукописных собраний в книгохранилищах Северной России. СПб., 1890. С. 32—33, 102; К у к у ш к и н а М. В. Монастырские библиотеки Русского Севера: Очерки по истории книжной культуры XVI—XVII веков. Л., 1977. С. 152; Б е л о б р о в а О. А. О прижизненных сборниках сочинений Николая Спафария // Материалы и сообщения по фондам ОРРК БАН СССР. Л., 1978. С. 129—137). Книги, принадлежавшие Г., вероятно, мо-

гут быть выявлены и в других монастырских книгохранилищах Русского Севера, и прежде всего — в библиотеке Красногорского Богородицкого монастыря (БАН, Архангельское собр., Кр.).

Судьба московской библиотеки Г. неизвестна. Она была описана вместе со всем конфискованным имуществом (см.: Розыскные дела о Федоре Шакловитом. . . СПб., 1893. Т. 4), но в Оружейную палату с другими голицынскими пожитками не поступила (ЦГАДА, ф. 396, оп. 2, ч. 2, № 938 (276)). Опись библиотеки Г. неоднократно была предметом специального изучения (см.: Ба к л а н о в а Н. А. Русский читатель XVII века // Древнерусская литература и ее связи с новым временем. М., 1967. С. 156—193; Л у п ц о в С. П. Книга в России в XVII веке. Л., 1970. С. 107—110). Библиотека хранилась в «верхней крестовой палате» и «нижней крестовой палате» голицынского дома в Охотном ряду и насчитывала 93 книги. По своему составу она ближе к собраниям библиофилов петровского времени, чем к библиотекам средневековых книжников: печатные книги преобладают здесь над рукописными, а светская литература — над религиозной.

В описи библиотеки Г. находятся и книги, «построенные» под его непосредственным наблюдением в книгописной мастерской Посольского приказа (см.: К у д р я в ц е в И. М. «Издательская» деятельность Посольского приказа: (К истории русской рукописной книги во второй половине XVII века) // Книга: Исследования и материалы. М., 1963. Сб. 13. С. 179—244; М о р о з о в Б. Н. Из истории русской переводной научной и технической книги в последней четверти XVII—начале XVIII в. (Архив переводчиков Посольского приказа) // Современные проблемы книговедения, книжной торговли и пропаганды книги. Междувед. сб. науч. раб. М., 1983. Вып. 2. С. 107—124). Это относится прежде всего к «писменной» «Истории Эфиопии» Иова Лудольфа, латинское издание которой было привезено в Россию в 1684 г. Перевод был выполнен по личному распоряжению Г. (см.: Relation du voyage en Russie fait en 1684 par Laurent Rinhuber publiée pour la première fois d'après les manuscrits originaux qui se conservent à la Bibliothèque ducale publique de Gotha. Berlin, 1883). Единственный список перевода (ГПБ, F.IV.105) восходит к библиотеке Д. М. Голицына, что свидетельствует о возможной взаимосвязи библиотек «канцлера предпетровской поры» и верховника, на которую указывала О. А. Белоброва.

Г. принадлежал частный скрипторий, на что указывают записи в тексте ряда так называемых сборников Курбского: «185-го генваря в 22 день писана сия книга в дому боярина князя Василья Васильевича Голицына, глаголемая сия книга История» (Л у р ь е Я. С., Р ы к о в Ю. Д. Археографический обзор // Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. М., 1981. С. 278, 281, 282, 308—310). Отталкиваясь от этой записи, американский историк Э. Кинан выдвинул предположение о том, что Г. был одним из анонимных создателей цикла произведений, связанных с именем А. М. Курбского (критику этой концепции см.: С к р ы н н и к о в Р. Г. Переписка Грозного и Курбского: Парадоксы Эдварда Кинана. Л., 1973). Кинан настаивает на связи посланий Курбского с кругом идей самого Г. (K e e n a n E. L. The Kurbskii—Groznyi Apocrypha. The Seventeenth-Century Genesis of the «Correspondence» Attributed to Prince A. M. Kurbskii and Tsar Ivan IV. Cambridge (Mass.), 1974. P. 88, 93). Однако единственным источником, дающим представление о политических идеях «канцлера предпетровской поры», является рассказ о преобразовательном плане Г., записанный иностранным дипломатом Невиллем после 1689 г. (N e u v i l l e, de la. Relation curieuse. . . P. 175—176, 215—219; Н е в и л л ь де ла. Записки о Московии // РС. 1891. Т. 72. С. 265, 276). В «сборнике Курбского» из Отдела редкой книги Центральной научной библиотеки Харьковского государственного университета им. А. М. Горького, ггг № 129, сейфовый № 168/с (отождествлен Г. Н. Моисеевой со

списком из библиотеки Г.) нет ряда ранних произведений Курбского, например посланий Вассиану (см.: О с и п о в а К. С. «История о великом князе Московском» Андрея Курбского в Голицынском сборнике // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 33. С. 296—307). Между тем именно в посланиях Вассиану содержится та резкая критика социально-экономического строя Московской Руси, которая была созвучна кругу идей Г. Эти факты заставляют критически отнестись к предположению Кинана о «секретной публицистической деятельности» Г. (К e e n a n Е. L. The Kurbskii—Groznyi Aposrupha. P. 93).

Заслуживает внимания эпистолярный архив Г., состоящий из более 140 писем, сохранившийся в рукописи ГБЛ, ф. 29, № 136 [Муз. 1640] (см.: В и к т о р о в А. Собрание рукописей И. Д. Беляева. М., 1881. С. 117) и в ф. 210 из собрания ЦГАДА. Переписка Г. является уникальным для XVIII в. собранием частных писем, но «грамотки» самого Г. занимают в нем достаточно скромное место. Переписка первоначально хранилась в личном архиве Г., а позже попала из него в архив Разрядного приказа. Судьба прочих документов из конфискованного в 1689 г. родового архива Голицыных неизвестна. Исследовавший его опись Б. Н. Морозов выявил только один документ (жалованную грамоту), предположительно восходящий к этому архиву (М о р о з о в Б. Н. 4) К изучению описей частных архивов XVI—XVII вв. // Вопросы источниковедения и историографии истории СССР (дооктябрьский период): Сб. ст. М., 1981. С. 84—85; 2) Частные архивы XVII века: Дис. . . . канд. ист. наук. М., 1984. Т. 2. С. 9).

Соч.: Переписка В. В. Голицына / Изд. И. Д. Беляев // ВОИДР. 1849. Кн. 4, отд. 3. С. 65—66; 1850. Кн. 5, отд. 3. С. 11—12; Кн. 6, отд. 3. С. 22—34; Кн. 7, отд. 3. С. 67—76; Кн. 8, отд. 3. С. 50—54; 1852. Кн. 12, отд. 3. С. 33—54; Кн. 13, отд. 3. С. 25—36; Князь Василий Васильевич Голицын: Письма к князю разных лиц в 1677 г. / Сообщ. А. Востоков // РС. 1888. Т. 57, № 3. С. 735—738; Князь Василий Васильевич Голицын: Письма к нему Боева, Баклановского и Леонтьева в 1677 г. / Сообщ. А. Востоков // РС. 1889. Т. 63, № 7. С. 129—132; Грамотки XVII—начала XVIII века. М., 1969. № 237—287. С. 127—154; Московская деловая и бытовая письменность XVII века. М., 1968. № 2—15. С. 16—35.

Лит.: Записки о роде князей Голицыных // ДРВ. 2-е изд. М., 1791. Ч. 17. С. 205—214; М а л и н о в с к и й А. Ф. Биографические сведения о кн. В. В. Голицыне // Труды и летописи ОИДР. М., 1837. Т. 7 (часть его неопубликованного труда «Биографические сведения о управлявших в России иностранными делами министрах» — ГБЛ, ф. 178 (Н. П. Румянцев), № 266, л. 35—54); Т е р е щ е н к о А. В. Опыт обозрения жизни сановников, управлявших иностранными делами в России. СПб., 1837. Ч. 1; С е р ч е в с к и й Е. Н. Записки о роде князей Голицыных. СПб., 1853. С. 16—38; С е м е в с к и й М. И. Современные портреты Софии Алексеевны и В. В. Голицына. Б. м., 1859; В г р i с к п е г А. Beitrage zur Kulturgeschichte Russlands im XVII Jahrhundert. Leipzig, 1887; Г о л и ц ы н Н. Н. 1) Материалы для полной родословной росписи князей Голицыных: Корректированное издание. Киев, 1889. С. 11 (в Науч. 6-ке Гос. Эрмитажа, РН 55.2.44 находится экземпляр с рукописными дополнениями автора); 2) Род князей Голицыных: Материалы родословные. СПб., 1892. Т. 1. С. 124; 3) Указатель имен личных, упомянутых в дворцовых разрядах. СПб., 1912; Ш м у р л о Е. Голицын Василий Васильевич // Энцикл. Словарь / Брокгауз и Ефрон. СПб., 1893. Т. 9: Гоа—Гравер. С. 47—48; [D a n i l o v N. N.] 1) V. V. Golitsyn bis zum Staatsstreich von Mai 1682 // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Breslau; München, 1936. Jhrg. 1, H. 1. S. 1—33; 2) Vasilij Vasil'evič Golitsyn (1682—1714) // Ibid. Jhrg. 2, H. 2. S. 539—596; Б о г о я в л е н с к и й С. К. 1) «Ховалдына» // ИЗ. М., 1941. Т. 10. С. 180—224; 2) Приказные судьи XVII в.: Список. М.; Л., 1946. С. 245—246; Б е л о в М. И. К истории дипломатических отношений в период Крымских походов (1686—1689 гг.) // Учен. зап. ЛГУ. Л., 1949. № 112. Сер. ист. наук, выш. 14. С. 154—188; Б а б у ш к и н а Г. К. Международное значение Крымских походов 1687 г. и 1689 г. // ИЗ. М., 1950. Т. 33. С. 158—172; Г р е к о в И. Б. «Вечный мир» 1686 г.: Автореф. дис. // Краткие сообщения Института славяноведения. М., 1951. № 2. С. 85—98; Б у г а н о в В. И. 1) Московские восстания конца XVII века. М., 1969; 2) Канцлер предпетровской поры // ВИ. 1971. № 10. С. 144—156; Б о г д а н о в А. П. Летописные и публицистические источники по политической истории России конца XVII в.: Автореф. дис. . . . канд. ист. наук. М., 1983; Памятник общественно-политической мысли в России конца XVII века: Литературные павегирики / Подгот. текста, предисл., коммент. А. П. Богданова. М., 1983. Ч. 1—2.

А. С. Лавров

Головин Николай Семенов (ум. 1716) — ученик *Иоанникия* и *Софрония Лихудов*, преподаватель Славяно-греко-латинской академии, переводчик, поэт. Г. участвовал в переводе книги Лихудов «Акос» под именем Николая Семенова (ГИМ, Синодальное собр., № 299). Инициалами Н. С. обозначено участие Г. в переводе «Енхиридиона» Досифея, патриарха Иерусалимского (с общей правкой *Евфимия Чудовского*) (ГИМ, Синодальное собр., № 308). С 1698 г. — справщик Московского Печатного двора. В прошении Евфимия Чудовского на имя патриарха *Адриана* об издании книг (ГИМ, Синодальное собр., № 179, 310) содержится рекомендация «справщиком, добре знающим еллинославенский глас, Николаю и Феодору», т. е. Г. и *Феодору Поликарпову*. Сохранились книги, принадлежавшие Г.: например, греческая рукопись 1629 г. «Поучения от евангелия» с владельческой записью (ГПБ, Софийское собр., № 1312). Совместно с Федором Поликарповым в 1695 г. поднес патриарху Адриану стихотворное приветствие («Приветства, стихосочиненная на рождество по плоти Господа нашего Иисуса Христа» — БАН, 16.14.24, л. 507—517 об., с подписями-автографами). Текст приветствия не публиковался; кроме названного читался в недошедшем до нас сборнике (собр. Толстого, отд. II, № 220, л. 486). В 1712 г. Г. участвовал в правке печатной Библии 1663 г. для ее переиздания (ГИМ, Синодальное собр., № 4—11), здесь он назван справщиком.

Лит.: Строев. Словарь. С. 237; Филарет. Обзор. С. 63; Азбучный указатель имен русских деятелей для составления «Биографического словаря». СПб., 1887. Ч. 1: А—Л. С. 164. (Сб. Рус. ист. о-ва. Т. 60); Сменцовский М. Братья Лихуды. СПб., 1899; Соболевский И. Переводная литература. С. 121, 287, 351, 355; Исторические сборники XV—XVII вв. (Описание РО БАН СССР). М.; Л., 1965. Т. 3, вып. 2. С. 267; Белоброва О. А. Кипрский цикл в древнерусской литературе. Л., 1972. С. 21.

О. А. Белоброва

Голосов Лукьян Тимофеевич (1620-е—раньше самого конца 1682) — поэт. Отец его, скончавшийся на службе в Астрахани либо в последние дни 1646 г., либо в начале 1647 г., был видным администратором: за «крымскую службу» (за успешное посольство в Крым вместе с Прокопием Соковниным) его в 1634 г. пожаловали из подьячих в дьяки, потом он ведал Галицкой и Владимирской четами, служил в приказах Литовских полоничных дел, Сыскном, Каменном, Печатном, «У вечного поминка», в Новгородской чети. Сын пошел по стопам отца и сделал очень хорошую карьеру. Начав в первой половине 40-х гг. с подьяческих должностей, Г. в 1653 г. уже дьяк Патриаршего разряда, где служит (с перерывами) около десяти лет. Затем он — в Посольском приказе (с 1667 г. думный дьяк), ведает Галицкой и Владимирской четами, Малороссийским приказом и др. Г. выполнял ответственные поручения, дважды был в составе полномочных посольств в Польшу (в 1674 г. с боярином кн. *Н. И. Одоевским*, в 1678 г. с боярином И. В. Бутурлиным). Согласно переписным книгам 1677—1678 гг. за Г. числилось 70 дворов в Московском уезде, в Алексине, на Белоозере, во Владимире, в Белеве. К 1682 г. Г. дослужился до чина думного дворянина и сыграл заметную роль в бурных событиях этого года. Летом стрельцы, переименовавшие себя в «надворную пехоту», фактически владели Москвой. 20 августа царевна *Софья Алексеевна* с царями Иваном и Петром, со всем двором уехала из столицы. Из монастыря Саввы-Сторожевского были разсланы грамоты с указом о сборе ратных людей (т. е. дворянского ополчения) для борьбы с «изменниками». 17 сентября в селе Воздвиженском казнили князя *И. А. Хованского* с сыном и тремя с лишком десятками выборных стрельцов, «выманенных» из Москвы. Но исход борьбы оставался неясным. Правительство, укрывшееся 18 сентября в Троице-Сергиевом монастыре, через гонцов сносилось с еще не покорившимися стрельцами. 20 сентября Г. был послан с грамотами патриарху *Иоакиму* (он оставался в столице)

и всем стрелецким полкам «и их, служивых, уговаривал. И в грамотах им писано, чтоб они великим государем служили верно и от смятения престали и сполохов и страхования в царствующем граде не чинили, и что князь Иван да князь Андрей Хованские за измену казнены, а тое не вступалися. . . А служивым . . . государскаго гнева и опалы не было, и были б без смущения на их царскую милость надежны, а для челобитья дел своих, кому надобно, шли бы в поход» (к Троице) («Созерцание краткое лет 7190 и 191 и 92, в ниже что содеяся во гражданстве»). Ясно, что Г. не только пользовался доверием правительства, но и был популярным в Москве человеком.

С Москвой связана вся его жизнь. По семейным связям Г. принадлежал к интеллигентной столичной верхушке. Из следственного дела 1650 г. мы узнаем о культурной ориентации Г. В деле была «замешана» московская учащаяся молодежь: Г. (тогда он назывался «Лучкой»), Степан Алябьев, Иван Засецкий, дьячок Благовещенского собора Костка Иванов. В этом кружке шли толки о Ф. М. Ртищеве, только что пригласившем из Киева *Епифания Славеницкого* и *Арсения Корецкого-Сатановского* и построившем для них Андреевский монастырь в своем имении на Воробьевых горах. Молодежь была недовольна тем, что Ф. М. Ртищев «учится греческой грамоте, а в той грамоте еретичество есть». Алябьев показал на допросе, что когда в Москве жил пресловутый *Арсений Грек*, он, Степан, хотел было у него поучиться латыни, а как этого ренегата сослали на Соловки, он, Степан, учиться перестал и азбуку изодрал, потому что начали ему говорить его родные да Лучка Голосов с Ивашкой Засецким: «Перестань учиться по-латыни, дурно это, а какое дурно, того не сказали». Из дела ясно, что Ф. М. Ртищев подыскивал учеников для киевлян, живущих в Андреевском монастыре; это были почти сплошь подьячие (традиция делать подьячих студентами сохранилась и позднее — ведь в Заиконоспаской школе *Симеона Полоцкого* слушали курс подьячие Приказа тайных дел, собственной канцелярии государя). Г., конечно, понимал, что приглашение Ф. М. Ртищева — это в сущности приказ, но все-таки пытался сопротивляться. Г. говорил дьячку Константину Иванову: «Извести-де протопопу, что-де он, Лучка, у киевских чернецов учиться не хочет, старцы-де не добрые, он-де в них добра не познал, и добраго ученья у них нет; ныне-де он манит Федору Ртищеву, боясь его, а впредь-де учиться никак не хочу. Поехал-де учиться (в Киев. — *А. П.*) Порфирко Зеркальников, да Иван Озеров, а грамоту-де проезжую Федор (Ртищев. — *А. П.*) промыслил доучиваться у старцев у киевлян по-латыни». Не названный по имени протопоп, чьей поддержкой пытался заручиться Г., — это протопоп Благовещенского собора и царский духовник *Стефан Воиофатьев*, глава «боголюбцев», «ревнителей древлего благочестия».

Из последующей биографии Г. ясно, что он не был невеждой и обскурантом (как можно было бы заключить из следственного дела). Значит, Г. примыкал к «боголюбцам» — к *Авакуму*, жившему тогда в столице, *Ивану Неронову* и др. Но это было, так сказать, «культурное сочувствие» — без стойкости, без религиозной убежденности. Недаром после того как *Никон* стал патриархом, мы находим подле него Г. Он пишет за патриарха грамоты, и очень важные (ср. «утешительную» грамоту от 1 декабря 1657 г. валашскому воеводе Стефану по поводу убийства турками константинопольского патриарха и нескольких греческих архиереев, а также о позволении Газскому митрополиту Паисию Лигариду приехать в Россию, с просьбой оказать ему вспоможение; на грамоте, данной в подлиннике 10 мая 1656 г., скрепа: «диак Лукьян Голосов»). Близость к Никону означала и близость к «нехаям», киевским старцам, ибо Епифаний Славинецкий был в сущности тем человеком, который проводил правку богослужебных книг. Но и близость к патриарху была относительной: когда в 1658 г. *Никон* самовольно оставил патриарший престол, Г. не пострадал. Его перевели в Мастерскую палату, т. е. «поближе» к царю и его семейству,

которых Мастерская палата непосредственно обслуживала. К этому времени за Г., видимо, уже прочно утвердилась репутация грамотея. 21 декабря 1662 г. ему (с другими лицами) «государь указал сидеть в патриархове деле и выписывать из правил», т. е. составить записку касательно сложного и канонически неясного положения русской церкви, которая осталась без окормления (хотя Никон, сложивший с себя полномочия, и не отказался от патриаршего сана). Создается впечатление, что Г. предпочитал плыть по течению. Его симпатии принадлежали тем, кто был в данный момент у власти: сначала протопопу Стефану Воинову, потом Никону и Епифанию Славинецкому, потом царю и настроенному против поверженного Никона царскому окружению. При царе *Феодоре Алексеевиче* и во время правления Софьи Г. держал их сторону, а значит, сторону «латинствующих», Симеона Полоцкого и *Сильвестра Медведева*. (Может быть, Г. соприкасался какое-то время и с новоиерусалимскими поэтами. В переписной книге Московского уезда 1678 г. указано: «А что к Воскресенскому ж монастырю, по указу блаженные памяти великого государя и по изложению святейших патриархов дано вотчин, великаго государя жалованья, и купленных сел и деревень, и какие в них люди живут: под Воскресенским монастырем слободка Служня на реке Истре, что бывала деревня Реткина, а куплена у думнаго дьяка Лукьяна Голосова». Сделка эта состоялась около 1667 г., к которому отсылают слова «по указу блаженные памяти великаго государя и по изложению святейших патриархов», т. е. приехавших в Москву судить Никона вселенских патриархов.)

К 1682 г. относятся «Диалоги о премудрости воплощения сына божия», поднесенные Г. царевне Софье. Судя по рукописи, это обширное силлабическое произведение исполнялось во время рождественских праздников. По композиции оно было типичным для жанра диалога и распределялось между двенадцатью «отроками» (видимо, учениками Заиконоспасской школы, которой ведал Сильвестр Медведев, или между малыми певцами, «недоростками» церковного хора). Из «Диалогов о премудрости воплощения сына божия» очевидно, что Г. хорошо усвоил и силлабическую версификацию, и основные правила риторики. Диалог занимал большое место в структуре барочного школьного театра. В XVII в. его часто смешивали с декламацией, хотя в его основе лежал спор, словесный конфликт, в то время как декламация была распространенным описанием. В диалоге в большей степени, нежели в декламации, присутствовали элементы театральности, хотя диалог не имел строго описанных сценических норм, не нуждался в особом поэтическом вымысле, и по мнению театральных деятелей, произносился, а не разыгрывался. Как правило, исполнявшие диалог «строки» не наряжались в театральные костюмы.

После 1682 г. Г. сходит со сцены.

Соч.: Шляпкин И. А. Царевна Наталья Алексеевна и театр ее времени // ПДЦ. СПб., 1888. Т. 128. С. 41—68.

Лит.: «Созерцание краткое лет 7190—92» Сильвестра Медведева: По списку Григоровическому. Киев, 1895. С. 126; Дело о патриархе Никоне / Изд. Археографической комиссии. СПб., 1897. С. 429, № 117; Каптерев Н. Ф. 1) Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. Сергиев Посад, 1909. Т. 1. С. 73; 2) Патриарх Никон и его противники в деле исправления церковных обрядов. Сергиев Посад, 1913. С. 145; Богоявленский С. К. Приказные судьи XVII века. М.; Л., 1946. С. 106—107; Буганов В. И. Московские восстания конца XVII века. М., 1969. С. 288, 301, 303; Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII века. Л., 1973. С. 110—111, 211; Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV—XVII вв. М., 1975. С. 123—124.

А. М. Панченко

Горчак Стефан Стефанович (первая половина XVII в.) — священник, поэт, один из первых по времени участников «приказной школы». Известны написанные им в Москве стихотворные эпистоли: иеромонаху Федору Кузьмичу (относится, видимо, к самому началу 1630-х гг., во вся-

ком случае до смерти патриарха *Филарета*, т. е. до 1 октября 1633 г.), иноку-справщику *Арсению Глухому* (видимо, 1636—1637 гг.), некоему старцу Венедикту (1630-е гг.).

Из посланий ясно, что Г. входил в ближайшее окружение Филарета, который привлек его к реорганизации Книжной справы, когда патриарх решил резко активизировать работу Печатного двора (между 1630 и 1640 гг. было выпущено в полтора с лишком раза больше изданий, нежели в предыдущее десятилетие). Г. звал живущего в Казани образованного Федора Кузьмича в Москву:

Сопребываем же ныне с преждереченным твоим другом вкупе,
желаем же тя паки видети с собою во едином в купе
у государева дела, у книжнаго правления,
чтобы нам единодушно быти у его царскаго повеления.
И аще всемилостливый бог благоволит
и великий государь и отец его великий святитель повелит,
чаем, что желанная сия нами збудутся. . .

Этот вызов мог быть сделан только близким Филарету человеком, «Преждереченный друг», — очевидно, Арсений Глухой, тоже высоко ценивший казанского «доброразумного мужа»:

Сказа же нам про тебе содружебник твой, тезоименит доблести,
ты бо издавна его знаеш в велицей добрей бодрости,
ему же нелепо и просто нарекование замарай. . .

Арсений — «доблестный», Глухой — действительно «нелепо и просто нарекование». Из эпистолии Арсению Глухому видно, что Г. связывали с ним личная дружба и общие литературные интересы (коззи «ненавистников» заставили адресата уехать из столицы в какую-то дальнюю обитель, где его собирался навестить Г.).

Позиция Г., как и пристало сотруднику Филарета и сподвижнику Арсения Глухого, питомца *Дионисия Зобинского*, — консервативно-просветительская позиция. Эта группировка, заботившаяся об автономии московской интеллигенции, усердно трудившаяся на поприще книгопечатания, культивировавшая новую для России книжную поэзию, в то же время помнила заветы *Максима Грека* и противилась культурным контактам с Западом. По старой традиции Г. именует свое творчество «плетением»: «О том себе на нас не позазри, что тако тебе плетем» (Федору Кузьмичу); «И моли тя, да не зазриши сему нашему плетению» (Арсению Глухому) (ср.: М а т х а у з е р о в а С. «Слагати» или «ткати»? (Спор о поэзии в XVII в.) // Культурное наследие Древней Руси. М., 1976. С. 195—200).

Поэтическая техника Г. — та же, что у других авторов «приказной школы». Его «двоестрочные согласия» находятся в рамках «относительного силлабизма». Он пользуется прозаическим акростихом (эпистолии Федору Кузьмичу и Венедикту) и парной рифмой (мужской, женской, дактилической) суффиксально-флексивного типа (впрочем, есть исключения: держи—вожи; человек—рэк (род. п. от «река»); нўжа—досўжа; кнїги—верїги; Арсєнию—разумєнию; ббжию—поднбжию).

Соч.: Голубев И. Ф. Два неизвестных стихотворных послания первой половины XVII в. // ТОДРЛ. М.; Л., 1961. Т. 17. С. 391—413 (послание Арсению Глухому без атрибуции Г.); Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII века. Л., 1973. С. 38—39, 49—50, 68—71, 77, 244—245 (эпистолии Федору Кузьмичу и выдержки из эпистолии старцу Венедикту).

А. М. Панченко

Грамотин Иван Тарасевич, сын Курбатов (во иночестве Иоиль) (ум. 23 IX 1638) — печатник, думный дьяк, автор одной из редакций *Сказания о битве новгородцев с суздальцами*. Жизнь Г. неразрывно связана

со службой в московских приказах. Родившись в семье дьяка и начав службу подьячим, он в 1595 и 1599 гг. ездил с посольством к императору. В 1603 г. стал дьяком Поместного приказа. Находясь в войске, направленном в 1604 г. в северские города против Самозванца, перешел на сторону Лжедмитрия, который пожаловал его думным дьяком. При Василии Шуйском служил дьяком в Пскове (1606—1608), а после его падения перешел на службу к полякам, которые сделали его печатником и поставили во главе Посольского и Поместного приказов. В избирательной грамоте царя *Михаила Федоровича* Г. назван изменником, но к 1618 г. смог оправдаться и до 1626 г. служил думным дьяком в приказах Посольском и Новгородской чети. В 1626 г. попал в опалу за то, что «будучи, у государева дела . . . указа не слушал, делал их дела без их, государева, указа самовольством и их, государей, своим самовольством и упрямством прогневал. . .». Только после смерти патриарха *Филарета* Г. вернулся в Москву, где в 1634 г. снова стал думным дьяком приказов Посольского и Новгородской чети, ведая ими до 1637 г. Перед смертью принял монашество в Троице-Сергиевой лавре, где и похоронен. Один из биографов Г. дал ему следующую характеристику: «Муж государственный, царедворец ловкий, пронырливый, обесславивший имя свое гнусною изменою и постыдным себялюбием» (Д. Н. Бантыш-Каменский). Еще в конце XIX в. существовал портрет Г., находившийся в Московском главном архиве Министерства иностранных дел.

Написанная Г. — шестая по счету — редакция Сказания представлена пятью списками (перечень их см. в кн. Л. А. Дмитриева и в картеке Н. К. Никольского — БАН). Разностороннюю характеристику работы Г. над Сказанием дал Л. А. Дмитриев. Как и другие варианты Сказания, редакция Г. помещается в сборниках житий под датой 27 ноября и озаглавлена «Воспоминание преславнаго чудесе, бывшаго от иконы пресвятыя владычицы нашеа Богородицы и преснодевы Марии в Великом Новеграде» (нач.: «Кто изглаголет силы Господни и слышаны сотворит все хвалы Его. . .»). После риторического вступления следует рассказ о чудесном знамении: «Во странах великаго Российскаго царствия бы некий град, зовомый Великий Новъград, преславен во всех градах Руския державы. . .». Принадлежащая перу Г. редакция Сказания характеризуется витиеватым даже выпрепным стилем, обилием подробностей при описаниях. Г. положительно оценивает «самовластие» Новгорода, чем отличается от автора той редакции Сказания, которая читается в Степенной книге. Согласно Л. А. Дмитриеву, Г. работал над текстом Сказания между 1634—1638 гг. Эта точка зрения основана на тонком анализе заглавия в некоторых списках, где Г. назван Тарасьевичем, а право писаться полным отчеством он получил в 1634 г. Сказание в редакции Г. остается неопубликованным.

Кроме Сказания перу Г. принадлежат два письма, написанных им в 1610 г. литовскому канцлеру Л. И. Сапеге. В первом письме, отправленном из Москвы в сентябре и подписанном «печатник великий монархии Московские», Г. сообщает Сапеге о принесении присяги королевичу Владиславу («. . . бояре и всех станов люди королевича Владислава Жигимонтовича обрали государем и крест целовали: сподевамыся вперед вшекого добра»); здесь же Г. уверяет своего адресата в верности ему: «Прошу вашей милости, розскаж ми себе, ваша милость, служити, а я борзо рад». Во втором письме, имеющем точную дату — 16 декабря, он сообщает об убийстве Самозванца в Калуге: «Про Калужского естъ новишы добрые, же его забито, о чем до короля его милости будут писать бояре. . .». Тон этого письма да и подпись («зычливый приятель и слуга») иные, чем в первом, так как Г. узнал об охлаждении к нему Сапеги, почему и спешит задобрить его посылкой подарка: «Сказал мне слуга мой, же вапей милости надобно кожух горпостайной: послал до вашей милости с паном Чичериным рачь, ваша милость, малый упоминок приняти, а я много челом бью».

В письмах Г. много полонизмов, по стилю они разительно отличаются от Сказания, что объясняется прежде всего разностью жанров этих произведений.

Соч.: АИ. СПб., 1841. Т. 2: 1598—1613 гг. № 300. С. 357; № 308. С. 365—366.
Лит.: Бантыш-Каменский Д. Н. Словарь достопамятных людей Русской земли. СПб., 1847. Ч. 2. С. 153—156; Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1961. Кн. 5 (т. 9—10); Пуцилло М. П. Думный дьяк Иван Тарасевич Грамотин (1606—1638) // Древняя и новая Россия: Ежемесячный исторический иллюстрированный сборник. СПб., 1878. № 6. С. 123—126; Московский главный архив Министерства иностранных дел: Портреты и картины, хранящиеся в нем. М., 1899. Вып. 1; Дмитриев Л. А. Житийные повести Русского Севера как памятники литературы XIII—XVII вв. Л., 1973. С. 98, 99, 111, 141, 142, 284; Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV—XVII вв. М., 1975. С. 129—131.

В. К. Зиборова

Григорий Яковлев (в старообрядческом крещении Харитоний) (1703—1756?) — старообрядец-поморец, автор «Извещения праведного о расколе беспоповщины». Г. Я., выходец из Новгорода, правнук архимандрита Юрьева монастыря Иова Бухвостова, воспитанник Выговского старообрядческого общежительства. В 1713 г. родители Г. Я. пришли в Выговское общежительство. В общежительстве Г. Я. исполнял должность псаломщика, канонархиста, головщика. Грамматике и риторике учился у *Трифона Петрова*. Занимался также иконописанием. В Выговском монастыре прожил около 20 лет. Затем переселился в один из скитов общежительства — Сергиев, где правил службу в часовне. В скиту произносил по праздникам проповеди, посещал с проповедями другие скиты. Перед началом правительственного следствия, ведшегося комиссией Квашнина-Самарина, Г. Я. покинул Выг. Он побывал у старообрядцев Новгорода, Старой Руссы, ездил в Польшу, Лифляндию и Курляндию, затем поселился в Москве, где проповедовал учение поморцев среди старообрядцев федосеевского толка. Из Москвы Г. Я. вернулся на Выг, но пробыл здесь недолго; в 1748 г. он порвал со старообрядчеством и присоединился к официальной церкви, написав перед этим свое сочинение — донос на старообрядцев — «Извещение праведное о расколе беспоповщины» («Испытание о раскольнических мнениях и испытание о единой соборной и православной церкви, вкупе и извещение праведное о расколе беспоповщины, в лето 1748-е, нелицемерное мое и чистое пред господом богом, многогрешнаго Григория Яковлева сына»). О жизни Г. Я. после присоединения к официальной церкви нет сведений. Известно только, что он был пострижен в архимандриты монастыря святого Даниила в Переславле-Залесском. По предположению Н. И. Субботина архимандрит Гермоген, поступивший в 1755 г. в настоятели Переславль-Залесского монастыря, и есть Г. Я. Архимандрит Гермоген скончался в 1756 г. в Воскресенском монастыре.

Сочинения, написанные Г. Я. старообрядцем не дошли до нас. Павел Любопытный, старообрядческий библиограф начала XIX в., в присутствии ему витиеватом и туманном стиле называет 5 таких сочинений (см. кн. В. Г. Дружинина). Сам Г. Я. в своем доносе Синоду писал, что, живя в Выговском общежительстве, он сочинил «псалмы две . . . похвальные о лжеучителях Андрее и Даниле, и распустил в народ».

«Извещение праведное о расколе беспоповщины» — единственное дошедшее до нас сочинение Г. Я. Здесь излагается история поморского толка старообрядцев, даны подробные сведения об отдельных выговских деятелях, их сочинениях, библиотеке, высказаны соображения о способах искоренения «раскола». Для историка старообрядчества сочинение Г. Я. — ценнейший источник.

Соч.: Бывшего беспоповца Григория Яковлева Извещение праведное о расколе беспоповщины / Изд. Н. Субботиним. М., 1888 (отд. оттиск из № 3—18 журн. «Братское слово» за 1888 г.).

Лит.: Дружинин. Писания старообрядцев. С. 268—269.

Н. В. Понырко

Гумбертов Менадр (ок. 1665—после 1727) — болгарский богослов, автор «Манифеста с прошением» (1726) и адресат старообрядческих ответов на его 13 вопросов (1727). Г. — уроженец «бывшаго столичнаго града земли болгарской Тернова», в 1673 г. отдан родителями «в школу в научение грамоты», где изучил «слоги» и, по его словам, «прочих свободных наук отчасти коснухся». Около 1698 г., уже после смерти родителей, Г. решает заняться поисками истинной веры, так как видит «многшее неустроение в обрядах церковных». Он совершает путешествие в Рим, в Грецию (в том числе в Константинополь), в Россию (в Киев и в Москву), где знакомится с обрядами, беседует с богословами, изучает книги, однако везде встречает церковные раздоры и «несогласие в керимониях» и в догматах. Возвращаясь в 1726 г. из России на родину, Г. вступает в контакт со старообрядцами и передает им свой «Манифест с прошением», где излагает причины своих скитаний и перечисляет вопросы о вере. Ответы на его вопросы составлены, судя по косвенным признакам, польскими федосеевцами (на это, в частности указывают: 1) беспоповская тенденция ответов; 2) неоднократное подчеркивание вынужденного «чужестранствия» их авторов; 3) категоричное отстаивание написания имени Христа на «титле пилатовой» в форме «ІНЦІ», характерное для федосеевцев; 4) обширное цитирование новгородских и псковских материалов, книг украинской и литовской печати, использование «Хроники Мацея Стрыйковского, фактов из польской и литовской истории и др.). Основным источником для их составления послужили знаменитые «Поморские ответы», включая дословно переписанные в ответах Г. статьи, посвященные разоблачению антистарообрядческих подлогов, — «Сборное деяние на еретика Мартина» и «Требник митрополита Феогноста».

В XVIII—XIX вв. данный памятник старообрядческой полемической литературы неоднократно переписывался, но издан не был; в рукописной традиции известны следующие его списки: 1) ГПБ, собр. Погодина, № 1257; 2) БАН, собр. Дружинина, № 12; 3) ИРЛИ, Новгородско-Псковское собр., № 2; 4) ГПБ, собр. Вяземского, О. XIV; 5) Уральский гос. ун-т, Нижнетагильское собр., № 88р/239; 6) ГВЛ, собр. Рогожского кладбища, № 832; 7) ГИМ, собр. Уварова, № 482.

Лит.: Лео н и д. Систематическое описание славяно-русских рукописей собрания графа А. С. Уварова. М., 1893. Ч. 1. С. 568—569; Описание рукописей князя Павла Петровича Вяземского. СПб., 1902. С. 503—504; Дру ж и н и н. Писания старообрядцев. С. 86; П а н ч е н к о А. М. Рукописные книги Локвианского и Чихачевского районов Псковской области // ТОДРЛ. М.; Л., 1961. Т. 17. С. 559; Б у д о в н и ц. Словарь. С. 57, 164; Ш а ш к о в А. Т. Максим Грек в старообрядческой рукописной традиции XVIII в. Урала, Поморья и Сибири // Из истории духовной культуры дореволюционного Урала. XVIII—начало XX века. Свердловск, 1979. С. 34—35; И в а н о в а К. Български, сръбски и молдово-влахийски кирилски ръкописи в сбирката на М. П. Погодин. София, 1981. С. 473—474.

А. Т. Шашков

Даниил Викулин (1653—1733) — основатель Выго-Лексинского старообрядческого общежития, автор духовного завещания и прощального слова. Именем Д. В. называли толк старообрядцев-беспоповцев, ведущий свое начало из Выговского монастыря, — данилов, даниловщина (он же: поморское согласие). Первые 29 лет своей жизни Д. В. провел в Новгороде и в селе Шунгском, расположенном вблизи г. Олошца. Здесь он исполнял службу церковного дьячка. Очевидно, Д. В. стал учить народ старой вере еще будучи дьячком церкви Шунгского погоста. Когда в 80-х гг. XVII в. разгорелось преследование старообрядцев в Новгородской митрополии, Д. В. попал под гонение. Была снаряжена команда из духовных лиц, чиновников и солдат для сыска в Олошских пределах соловецких старцев и дьячка Шунгского погоста Д. В., «сеющих раскол» среди населения. Д. В. вынужден был покинуть дом и начать скитальческую жизнь «в пустынях» близ Белого моря и Онежского озера. Укрываясь в лесах,

он близко сошелся с такими видными представителями раннего старообрядчества, как дьякон *Игнатий Соловецкий*, дьякон Пимен, с инокami Корнилием Выговским, Кириллом Сунарецким, игуменом Досифеем. Историк Выговского монастыря, *Иван Филиппов* называет Д. В. «учеником и сообщником» игумена Досифея, его духовным сыном. В эту пору своей жизни Д. В. был сторонником и, очевидно, проповедником самоосожжений и самоистреплений. В 1691 г. инок *Еефросин*, полемизируя против «самоубийственных смертей», обращался к Д. В.: «И ты, су, Данило, Шунгской шумитель, полно шуметь и развратно учить, чтоб тебе, бедному, за неправое то учение вечно не гореть» (Отразительное писание о новоизобретенном пути самоубийственных смертей: Вновь найденный старообрядческий трактат против самоосожжений 1691 года / Сообщ. Х. Лопарева. СПб., 1895. С. 46 (ПДП; Т. 108)). Известное послание уставщика выговского общежительства *Петра Прокофьева*, в котором одобряются самоубийства «по нужде», было написано по поручению Д. В. (см. кн. П. С. Смирнова). Иван Филиппов сообщил, что Д. В. был духовным сыном Игнатия Соловецкого, организатора, вдохновителя и участника «гари» в Палеостровском монастыре. После самоосожжения Игнатия Д. В. около 10 лет скитался «в пустыне», сначала у Белого моря, потом у р. Выг, «в малом общежительстве живя». Вокруг него образовался небольшой коллектив, представляющий определенную силу. Когда один из приверженцев этого коллектива, старец Питирим, был арестован и направлен под конвоем в Олонец, Д. В. послал пятерых своих «смелых и скорых ногами человек», которые отбили старца. В это время Д. В. вывез «в пустыню» свою сестру вместе с мужем и детьми.

В 1694 г. Д. В. вместе с *Андреем Денисовым* основал на р. Выг из своих приверженцев и сообщников общежительство, которое в течение его долгой жизни развилось в крупнейший культурный центр русского старообрядчества. С самого начала и до конца своих дней Д. В. вместе с Андреем Денисовым стоял во главе Выговского общежительства. Активный, деятельный и талантливый Андрей Денисов преобладал в руководстве, но за Д. В. всегда оставался духовный авторитет. Монастырский собор закрепил за Андреем Денисовым звание настоятеля. Но Д. В. всю жизнь был при нем вторым настоятелем общежительства. Когда в 1730 г. умер Андрей Денисов и его преемником стал *Семен Денисов*, это происходило с благословения и повеления Д. В. И при Семене Денисове вплоть до своей смерти в 1733 г. Д. В. был как бы вторым настоятелем. История Выговской пустыни именует скончавшегося Д. В., как и братьев Денисовых, киновиархом. Кроме сказанного из биографических фактов о Д. В. известны следующие: он имел дочь Анастасию, проживавшую в Выго-Лексинском общежительстве; примерно около 1719 г. он подвергся аресту на Петровских заводах в связи с намечавшимся правительственным розыском по Выговскому общежительству. Старообрядцы при содействии начальника Петровских заводов Геннинга свели розыск на нет и добились указа об освобождении Д. В. В общежительстве Д. В. имел много духовных детей (см.: История Выговской старообрядческой пустыни / Изд. по рукописи Ивана Филиппова. СПб., 1862. С. 35—44, 84—87, 95—98, 152—156, 207, 250—257).

Так же как в настоятельской деятельности, Д. В. уступал бойким братьям и в литературной сфере. Из-под его пера вышли два деловых послания на Лексу о «неполезных дружбах» между постниками, духовное завещание и предсмертное прощальное слово. В духовном завещании и прощальном слове Д. В. вполне отразилась многовековая традиция духовных завещаний. Сочинения Д. В. не издавались. Перечень его сочинений и их списков см. в кн. В. Г. Дружинина.

Лит.: Пыпина А. Н. Сводный старообрядческий синодик: Второе издание синодика по четьрем рукописям XVIII—XIX вв. А. Н. Пыпина. СПб., 1883. С. 30, 40 (изд. ПДПИ); Резневский В. И. К истории поморского согласия: 1. Лек-

синский летописец // Материалы к истории и изучению русского сектантства и раскола / Под ред. В. Бонч-Бруевича. СПб., 1908. С. 276—277; Смирнов П. С. 1) Споры и разделения в русском расколе в первой четверти XVIII века. СПб., 1909. С. 359—362, 081—086; 2) Лексинская беспоповичинская пустынь в первое время ее существования // Христ. чт. 1910. Март. С. 315—318; Дружинин. Писания старообрядцев. С. 74—77.

Н. В. Поньрко

Даниил Матвеев (1687—1776) — выговский писатель и иконописец, принадлежал к верхушке, управлявшей Выговским старообрядческим монастырем. Родом из г. Каргополя, сын иконописца. Выгорецкий летописец сообщает, что Д. М. «в пустыни поживе 74 лета» (Бывшего беспоповца . . . Извещение. . . Приложение. С. 154), а это значит, что он пришел в общежительство в возрасте 15 лет. По словам бывшего выговского общежителя, присоединившегося к официальной церкви, *Григория Яковлева*, иконы письма Д. М. имелись во всех выговских часовнях. Грамматике и риторике Д. М. учился у *Андрея* и *Семена Денисовых*. Он участвовал в составлении «Поморских ответов» и в диспуте с иеромонахом Неофитом (см. статью *Андрей Денисов*). В 1739—1744 гг. во время правительственного следствия над Выговским общежительством ездил в Петербург с челобитьем к императрице Елизавете Петровне.

Д. М. является автором нескольких посланий; обширного сочинения, направленного против антистарообрядческих «Скрижали», «Жезла правления» *Симеона Полоцкого* и «Увета духовного» *Афанасия Холмогорского*; полемического ответа главе старообрядцев федосеевского толка *Илье Ковылину* по поводу невозможности браков в старообрядчестве. Ему принадлежат также несколько надгробных слов, написанных по правилам изучавшейся на Выгу риторике: надгробное слово, посвященное *Даниилу Викулину*, на текст «Даждь нам помощь от печали», надгробное слово, посвященное *Семену Денисову*, на текст «Кто есть человек иже поживет и не узрит смерти» и торжественное слово, обращенное к *Семену Денисову* в день его кончины, «Келейное и последнее отцеви присноглаголася приветствие». Сочинения Д. М. не опубликованы. Перечень сочинений и их списков см. в кн. В. Г. Дружинина.

Лит.: История Выговской старообрядческой пустыни / Изд. по рукописи Ивана Филиппова. СПб., 1862. С. 151, 216, 383, 397, 408, 416, 417, 454, 458, 472; Сводный старообрядческий синодик: Второе издание синодика по четырем рукописям XVIII—XIX вв. А. Н. Пыпина. СПб., 1883. С. 31; Бывшего беспоповца *Григория Яковлева* Извещение праведное о расколе беспоповичины / Изд. Н. Субботиным. М., 1888. С. 84—86, 110—111; Дружинин. Писания старообрядцев. С. 200—205.

Н. В. Поньрко

Даудов Василий Александрович (ум. ок. 1701) — перс, принявший православие в Москве около 1656 г. (до крещения его называли на Руси «Алимарцан Бабаев сын»), автор статейных списков. Д. был вывезен из Персии московским посольством. В Москве Д. сначала служил толмачом в Посольском приказе: он владел персидским, турецким, татарским и, по-видимому, русским и армянским языками. Затем Д. стал возглавлять посольства. Так, он совершил ряд дипломатических поездок в Константинополь (в 1667, 1669, 1672, 1679 и 1696 гг.). Совместно с М. Ю. Касимовым Д. выехал с посольством в Бухару и Хиву (1675). Выезжал он и в города Терки (1690), Азов (1696). Неоднократно Д. вывозил из иностранных государств пленных русских (из Турции, Хивы, Бухары). По возвращении из посольств Д. представлял в Москве статейные списки, составлявшиеся им совместно с подьячим (например, о поездке в Константинополь в 1672 г. с подьячим *Никифором Венюковым*). Некоторые статейные списки не сохранились в полном составе (например, о поездке в Хиву и Бухару в 1675—1678 гг.). Известно жизнеописание Д., дошедшее в списке XVIII в. под названием «Выезд из Персии и службы стольника *Василья Александровича*

вича Даудова). Повествование ведется в третьем лице. Описан приезд в Москву, крещение, перечислены основные этапы службы в послых, названы маршруты и даты посольств, приведены имена их участников, описаны нелегкие обстоятельства посольских выездов: «. . . и живот свой мучили шесть недель», «. . . и азовские янычары . . . хотели . . . их, Василья и Никифора, бить до смерти. . .», «. . . великия жары были, а девять ден воды не показали». Вывезенные из неволи русские пленники названы по именам и по их географической принадлежности: «Ростовского уезду села Великого», «московского стрельца», «рязанца» и др. Из документов известно, что наряду с посольской службой Д. периодически выполнял и административные обязанности: в 1674 г. он был воеводой в Яренске, в 1680 г. — в Чаронде, в 1688 г. — в Скопине. Участвовал Д. и в военных походах — Троицком (1683 г.) и Крымском (1687 г.).

Соч.: Д. Л. Автобиография В. А. Даудова // РА. 1899. Кн. 2. С. 1—20; Г у х м а н С. Н. «Выезд ис службы ис Персии стольника Василья Александровича Даудова» — литературный памятник конца XVII века // ТОДРЛ. Л., 1989. Т. 42. С. 374—388.

Лит.: С е л и ф о н т о в Н. Очерк служебной деятельности и домашней жизни стольника и воеводы XVII столетия Василья Александровича // ЛЗАК. СПб., 1871. Вып. 5. С. 1—196; Л е б е д е в Д. М. География в России XVII века. М.; Л., 1949. С. 111—112.

О. А. Белоброва

Джемс Ричард (род. ок. 1592) — англичанин, находившийся в России (Архангельске, Холмогорах, Москве) в 1618—1619 гг. и составивший «Русско-английский словарь-дневник» (автограф в Бодлеянской библиотеке в Оксфорде), к которому присоединена запись шести русских песен на русском языке. До приезда в Россию Д. окончил Оксфордский университет (1614 г.), принял сан священника, посетил Уэльс, Шотландию и др., был в Гренландии; составил англо-саксонский и саксонско-латинский словари. Сделанные им транскрибированные по-английски записи русских слов свидетельствуют о владении латынью и греческим, немецким, французским, голландским, испанским языками (это подтверждается современниками Д.). По возвращении из России Д. прославился в Англии как археолог, поэт и критик, ученый-филолог. Открытие записной книжки — «Русско-английского словаря-дневника» Д. — было сделано И. Х. Гамелем (см.: Tradescant der altere 1618 in Russland. . . Geschichtliche Beitrage, mitgethellt von Dr. J. Hamel. St. Petersburg, 1847). Филологическое изучение словаря-дневника Д. началось еще в XIX в. (Ф. И. Буслаев, Л. Н. Майков) с песен, записанных в конце рукописи и впервые опубликованных П. К. Симоном в 1907 г. Как показало исследование Б. А. Ларина (1959 г.), словарь-дневник содержит ценный материал о русском и английском разговорных языках, о быте и нравах торгово-ремесленной среды Русского Севера первой четверти XVII в. Записи песен сохранили образцы исторического и лирического жанров. О происхождении и месте этих песен в истории русского фольклора высказаны принципиально различные суждения: П. К. Симоном вслед за Ф. И. Буслаевым, Н. С. Тихомировым Л. Н. Майковым считал их народными, т. е. принадлежащими крестьянскому устно-поэтическому творчеству. В. В. Данилов (1935) выдвинул взгляд на песни Джемсова сборника как на произведения авторские, возникшие в городской приказной среде Москвы первых двух десятилетий XVII в. Он предложил также конкретную датировку песен: например, в песне о походе крымцев речь идет, по его мнению, о походе на Москву 1598, а не 1572 г., как считалось ранее; две песни о *Ксении Годуновой* В. В. Данилов отнес вслед за Вс. Миллером ко времени перезахоронения гробов Годуновых в Троице-Сергиевом монастыре в 1606 г.; песню о смерти М. В. Скопина-Шуйского связал с «семибоярщиной» в 1611 г., песню о возвращении из польского плена митрополита *Филарета*

датировал 1619 г., а песню «Бережечик зыблется» приписал книжным людям эпохи Смуты. Этот взгляд на песни, записанные для Д., утвердился на долгие годы. В 1958 г. Л. С. Шпетаев выступил с аргументированными соображениями об устно-поэтической природе трех из шести песен сборника Д. («Бережочек зыблется» и две песни о Ксении Годуновой). Русское наследие Д. почти не учтено в английской литературе о нем.

Соч. (записи): Гамель И. Х. Великорусские песни: из записок бакалавра Ричарда Джемса. 1619—1620 г. // ИпоРЯС. СПб., 1852. Т. 1. Прибавления. Стб. 5—10; Симоны П. К. Великорусские песни, записанные в 1619—1620 гг. для Ричарда Джемса на крайнем Севере Московского царства. СПб., 1907; Ларин Б. А. Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса (1618—1619 гг.). Л., 1959 (с фототипическим изданием); Демократическая поэзия XVII века. М.; Л., 1962. С. 23—25 (Б-ка поэта. Большая сер. 2-е изд.); Песни, записанные для Ричарда Джемса в 1619—1620 гг. // ПЛДР: Конец XVI—начало XVII в. М., 1987. С. 536—540, 615—616.

Лит.: Буслев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. СПб., 1861. Т. 1. С. 529; Майков Л. Н. О старинных рукописных сборниках народных песен и былин // ЖМНП. 1880. Ч. 212. С. 196—216; Милер В. Ф. Исторические песни русского народа XVI—XVII вв. Пгр., 1915. С. 627—629; Данилов В. В. Сборники песен XVII столетия — Ричарда Джемса и П. А. Квашина // ТОДРЛ. М.; Л., 1935. Т. 2. С. 165—180; Адрианова-Перетц В. П. Народное творчество начала XVII в. // Русское народное поэтическое творчество. М., 1953. Т. 1. С. 371—372; Шпетаев Л. С. Заметки о песнях, записанных для Ричарда Джемса // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 14. С. 304—308.

О. А. Белоброва

Дикенсон Андрей (конец XVII в.) — «иноземец», переводчик дидактико-эмблематического сборника, составленного испанским писателем Диего да Сааведра Фахардо (1584—1648) и выдержавшего несколько изданий. А. И. Соболевский считал, что в основе древнерусского перевода лежало амстердамское посмертное издание 1659 г. с гравюрами: *Idea principis christiano-politici 101 symbolis expressa a Didaco Saavedra Faxardo (Amstelodami; 1659)*. М. П. Алексеев уточнил оригинал перевода, указав более раннее немецкое издание также с гравюрами: *Abriss eines christlichen Politischen Printzens in 100 Sinnbildern zuvor auss dem spanischen und Lateinischen nun ins Deutsche versetzt*. In Amsterdam bei Joh. Janssonin dem Jüngerem, 1655. Перевод Д. охватывает первые 8 символов. Он известен в двух списках конца XVII в. (ГПБ, собр. ПДА, № 419) и начала XVIII в. (ГПБ, Q.II,36), озаглавлен: «Образец крестьянского политического князя. Сто един пример. Хорошие, сиречь добрые симбальские наречии. Писал сию книгу Дидако Сааведра Факсарду, шпанский рыцарь. Прежде сего шпанский язык, латинской и цесарской переведен на русский. А переводил перевотчик иноземец Андрей Дикенсон. Печатано в Амстердаме, у Егана Янсонюса младаго». Оба списка перевода сопровождаются рисунками — перерисовками гравюр. Труд Д. Сааведры Фахардо принадлежит литературе барокко и его перевод способствовал распространению в Московской Руси барочных эмблем с девизами. Перевод Д. не публиковался. В начале XVIII в. по заказу Петра I труд Сааведры Фахардо вновь переводился на русский язык Феофаном Прокоповичем (перевод, кроме предисловия, также не опубликован).

Лит.: Пекарский П. П. Наука и литература в России при Петре Великом. СПб., 1862. Т. 1. С. 214—216; Соболевский. Переводная литература. С. 161—162; Алексеев М. П. Очерки истории испано-русских литературных отношений XVI—XIX вв. Л., 1964. С. 30—32; Морозов А. А. Эмблематика барокко в литературе и искусстве петровского времени // XVIII век. Сб. 9: Проблемы литературного развития в России первой трети XVIII века. Л., 1974. С. 184—226; Алексеев М. П. Русская культура и романский мир. Л., 1985. С. 31—33.

О. А. Белоброва

Дионисий Зобнинский (в миру Давид) (ок. 1570—1633) — архимандрит Троице-Сергиева монастыря, автор (совместно с Авраамием

Палицыным) патриотических посланий в русские города периода борьбы против польско-литовской интервенции начала XVII в., участник сверки и исправления богослужебных книг. Источники биографии Д. З. — его Житие, составленное *Симоном Азарьиным*, Сказание Авраамия Палицына и Записка *Ивана Шевелина (Наседки)*.

Д. З. происходил из посадской среды, он родился в Ржеве, ребенком перевезен родителями в Старицу. Здесь он обучался грамоте у монахов Гурия Ржевитина и *Германа Тулунова* Стариченина. После женитьбы Д. З. стал священником в селе Никольском под Старицей; через 6 лет, после смерти жены и детей, он постригся в монахи в Успенском Старицком монастыре (ок. 1601—1602 гг.). Здесь Д. З. вскоре был назначен казначеем, а затем и архимандритом; отсюда он ездил в Москву за книгами. Около 1610 г. Д. З. стал архимандритом Троице-Сергиева монастыря — вскоре после снятия с него 16-месячной осады польско-литовских интервентов. Монастырским властям — архимандриту Д. З. и келарю Авраамию Палицыну — выпало немало забот по восстановлению разоренного хозяйства лавры, по перестройке крепостных стен и других строений. В тот же период, в 1610—1611 гг., от имени Д. З. и Авраамия Палицына составляются и рассылаются по городам грамоты с призывом идти на помощь Москве. Вместе с грамотами патриарха *Гермогена* троицкие послания сыграли немалую роль в идеологической подготовке второго земского ополчения, освободившего Москву от интервентов. Сохранились далеко не все послания Д. З.; о некоторых, наиболее ранних, только упоминается в Сказании Авраамия Палицына. В настоящее время известны списки трех посланий — от июня 1611 г., от октября 1611 г. и от апреля 1612 г.; все они опубликованы в XIX в.

В литературном отношении троицкие грамоты-послания Д. З. следуют традиции агитационных воззваний, рассчитанных на восприятие со слуха. Текст грамот Д. З. изобилует риторическими вопросами («где иноки . . . сединами цветущие, и инокини, добродетелями украшены, не все ли до конца разорено и обругано злым поруганием?», «где народ общий христианский?» и т. д.), примерами из священной истории, подобранными с целью призвать к объединению ополченцев — защитников Москвы и т. п. В оценке троицких грамот и их роли среди исследователей еще в XIX в. не было полного единодушия. Взгляд на Д. З. как на оригинального писателя в советское время был предложен О. А. Державиной, предположившей, что он был автором первых шести глав Сказания Авраамия Палицына (эта точка зрения не принята в дальнейших исследованиях, например, в работах Я. Г. Солодкина).

Особое место в биографии Д. З. занимает работа по исправлению богослужебных книг (1616—1618) — Требника, Цветной триоди, Октоиха, Общей и месячной минеи, Псалтыри, Канонника. Начатая по инициативе боярина Бориса Михайловича Салтыкова, эта работа, выполнявшаяся в Троицком монастыре, не была согласована с митрополитом Ионой, и по окончании ее Д. З. и его помощники были обвинены в ереси, их исправления (например, исключение слов «и огнем» из молитвы на освящение воды в навечерие богоявления) были осуждены на церковном соборе 1618 г. По решению собора Д. З. и его сотрудники были отлучены от церкви, Д. З. был назначен денежный штраф (500 р.) и высылка в Кирилло-Белозерский монастырь (замененная высылкой в Новоспасский монастырь). Благодаря вмешательству иерусалимского патриарха Феофана, приехавшего в 1619 г. в Москву, Д. З. был реабилитирован и возвращен в Троице-Сергиев монастырь, архимандритом которого он оставался до самой смерти. Биограф, он же бывший келейник Д. З., Симон Азарьин сообщил в Житии, что только при его настоятельстве в Троице-Сергиевом монастыре стали переписывать сочинения *Максима Грека*, тогда же была приведена в порядок могила писателя близ Духовской церкви. Вскоре после смерти Д. З. в Троицком монастыре и в Тверском крае возникло местное почитание

бывшего архимандрита, появились его иконописные изображения и миниатюры с его «портретом».

Соч.: СГГД. Т. 2. № 275; ААЭ. Т. 2. № 190, 202.

Лит.: К о я л о в и ч М. О. Дионисий, архимандрит Троицкого Сергиева монастыря: (Исторический очерк) // Странник. 1862. С. 20—32; К е д р о в С. И. Авраамий Палицын // ЧОИДР. 1880. Кн. 4. С. 71—76; С к в о р ц о в Д. Дионисий Зобнинский, архимандрит Троице-Сергиева монастыря (ныне лавры). Тверь, 1890; Н и к о л ь с к и й Н. К. К истории наказаний писателей в XVII веке // Библиографическая летопись. 1914. Т. 1. С. 126—128; Д е р ж а в и н а О. А. «Сказание» Авраамия Палицына и его автор // Сказание Авраамия Палицына. М.; Л., 1955. С. 16—63; Б е л о б р о в а О. А. 1) Портретные изображения Дионисия Зобнинского // Сообщения Загорского музея-заповедника. Загорск, 1960. Вып. 3. С. 175—180; 2) Автограф Дионисия Зобнинского // ТОДРЛ. М.; Л., 1961. Т. 17. С. 388—390; К а ш к а р о в Ю. Кто был автором первых шести глав «Сказания» Авраамия Палицына? // Науч. докл. высшей школы: Филол. науки. 1964. № 4. С. 109—117.

О. А. Белоброва

Дмитрий Ерофеев (первая половина XVIII в.) — старообрядец-выговец, составитель «Собрания вкратце о браце Андрея Феолога». Рукой Д. Е. писано несколько деловых бумаг, касающихся сношений Выговского общечуждательства с местным ландратом, одна из них датирована 1726 г. (см.: Д р у ж и н и н В. Г. Несколько автографов писателей старообрядцев. СПб., 1915. С. 14, табл. XVI, XVII). Почерк Д. Е. встречается в черном выговском сборнике упражнений по риторике, принадлежащем ученикам *Семена Денисова* и выполненном в 1725 г.: ГПБ, О.ХVII. 51, л. 1—6 об., 42—45. Существует также выговский сборник сочинений по риторике, включающий в себя *Риторику Софрония Лихуда*, отрывки из *Риторики Раймунда Люллия* и *Козьмы Афоноверского*, переписчиком которого является Д. Е.: ГПБ, собр. Погодина, № 1659, первая четверть XVIII в.

«Собрание вкратце о браце» — не суть сочинение самого Д. Е. Это запись «словес» *Андрея Денисова*, высказанных на каком-то «совете», состоявшемся в 1712 г. В совете помимо Андрея Денисова участвовали следующие лица: Иван Акиндинов, *Михаил Вышатын* и некий Спиридон Иванович, «просветивший светом благочестия всю Украйну». Упоминание о *Михаиле Вышатине* как о путешественнике «до Иерусалима и до прочих Палестинских стран» позволяет датировать «Собрание» временем после 1732 г., когда *Михаил Вышатын* уже умер в Палестине. В этом сочинении решается характерный для старообрядческой полемики вопрос о том, как следует относиться к браку, если жених и невеста «разных вер», и выносятся следующий совет: «. . .сии суд и наказание по правилам воспримут». «Собрание вкратце о браце Андрея Феолога» не опубликовано. Списки его указаны в кн. В. Г. Дружинина.

Лит.: С м и р н о в П. С. Споры и разделения в русском расколе в первой четверти XVIII века. СПб., 1909. С. 106, 256—257; Д р у ж и н и н. Писания старообрядцев. С. 88.

Н. В. Понырко

Долгов (Долгово) Петр Васильевич (ум. 1678) — подьячий, затем (с 1677 г.) дьяк Посольского и Малороссийского приказов, переводчик. С 1672 по 1674 гг. участвовал в «строении» (составлении) совместно с *Николаем Спафарием* книг исторического светского содержания. Среди них «Титулярник», «Книга избранная вкратце о девяти мусах и о седмих свободных художествах», «Хрисмологион», «Книга о сивиллах», «Василиологион». Мера участия Д. в «составлении» перечисленных книг точно никем не определена. Вероятнее всего, он помогал Спафарию в технике перевода (записывал с его слов?) с иноязычных источников на русский язык, которым Спафарий в первые годы пребывания на Руси владел слабо. Воз-

можно также, что Д. принимал участие в составлении статейного списка посольства в Персию в 1675—1676 гг. князя Бориса Мышецкого, которого он сопровождал (статейный список не опубликован). Сохранился рукописный сборник сочинений и переводов Николая Спафария с дорожными записями, сделанными Д. во время этого посольства (ГБЛ, Вологодское собр., № 170). Автографы Д. сохранились в архивных документах (ЦГАДА).

Лит.: ДАИ. СПб., 1857. Т. 6. С. 188—200; Кудрявцев И. М. 1) Артаксерксово действо: Первая пьеса русского театра XVII в. / Подгот. текста, ст. и коммент. И. М. Кудрявцева. М.; Л., 1957. С. 90—98; 2) «Издательская» деятельность Посольского приказа: (К истории русской рукописной книги во второй половине XVII века) // Книга: Исслед. и материалы. М., 1963. Сб. 8. С. 179—244; Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV—XVII вв. М., 1975. С. 155; Белоброва О. А. Об автографах Николая Спафария // ТОДРЛ. Л., 1981. Т. 36. С. 259—265.

О. А. Белоброва

Долгоруков Владимир Михайлович (или Григорий Федорович) (конец XVII—начало XVIII в.) — князь, один из 50 стольников и спальников Петра I, отправленных за границу в 1697 г. для обучения архитектуре и морскому делу. Находясь в Венеции, Д. составил (или указал составить) выборочные переводы с итальянского из труда Палладио и других авторов: «Архитектура цыvilная, выбрана из Палладиума, славнаго архитектора и из иных многих архитекторов славных от математики». Рукопись с переводами и чертежами (ЦГАДА, собр. МГАМИД, № 258/463) «писана в Венеции 1699 месяца сентября учением и тщанием будучи тамо господина князя Долгорукова, а по русскому календару 7206». Этот факт переводческой деятельности так называемых «пенсионеров» Петра I не учтен в литературоведении. Текст перевода не опубликован.

Лит.: Пекарский П. Наука и литература в России при Петре Великом. Т. 1. Введение в историю просвещения в России XVIII столетия. СПб., 1862. С. 220; Шляпки И. А. Св. Димитрий Ростовский и его время (1651—1709). СПб., 1891. С. 93; Белокуров С. А. О библиотеке московских государей в XVI столетии. М., 1899. Приложения. С. CCCLXVII; Шилков В. Русский перевод Витрувия начала XVIII века // Архитектурное наследство. Л.; М., 1955. Сб. 7. С. 89; Тиц А. А. Неизвестный русский трактат по архитектуре // Русское искусство XVIII века: Материалы и исследования. М., 1968. С. 17—31; Евсина Н. А. Архитектурная теория в России XVIII века. М., 1975.

О. А. Белоброва

Дори Иван (первая половина XVII в.) — переводчик, в 1637 г. в Посольском приказе в Москве перевел совместно с Богданом Лыковым «Космографию» Гергарда Меркатора (1512—1594), изданную на латинском языке в Амстердаме под заглавием «Atlas sive Cosmograficae meditationes de fabrica mundi et fabricati figura» (известны 5 изданий, вышедших в период 1606—1623 гг.) и содержащую 230 глав. В этом труде после введения описываются Европа, Африка, Азия, Америка и расположенные там страны, в том числе Московия. Сохранившиеся списки древнерусского перевода «Космографии» Меркатора XVII и XVIII вв. входили в состав царской и патриаршей библиотек, переписывались в сборники, в частности географического содержания. Текст перевода полностью не публиковался. Труд Меркатора был положен в основу компилятивного сочинения «Космография 1670 года в 76-ти главах» (см.: *Космография*).

Соч.: Попов А. Н. Обзор хронографов русской редакции. М., 1869. С. 190—191 (введение к «Космографии» Меркатора).

Лит.: Евгений. Словарь. Т. 2. С. 37; Пекарский П. П. Наука и литература при Петре Великом. М., 1862. Т. 1. С. 334—344; Соболевский. Переводная литература. С. 59—60, 65; Шляпки И. А. Св. Димитрий Ростовский и его время (1651—1709). СПб., 1891. С. 81; Глускина С. М. 1) Космография Богдана Лыкова 1637 г.: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1949;

2) Космография 1637 года как русская переработка текста «Атласа» Меркатора // Палеографический сборник. М.; Л., 1954. Кн. 3. С. 79—99.

О. А. Белоброва

Дорохин Федор Феокистов (XVII в.) — сын боярский, возможный автор «Описания Турецкой империи». Д. был родом из Ельца; в 1660 г. под г. Чудновым он попал в плен к крымским татарам; был продан в 1662 г. туркам в Константинополь. Д. служил в турецком войске до 1674 г., когда ему удалось, уплатив выкуп (150 левов), выехать в Киев с торговыми людьми. По мнению П. Сырку, Д. возможный автор и составитель «Описания Турецкой империи», изобилующего личными наблюдениями и несущего черты труда военно-географического и топографическо-статистического характера. Помимо Турции описаны Иерусалим, Египет и Африканское побережье, города и острова Малой Азии. «Описание» известно в одном списке, без упоминания имени его составителя; биография Д. изложена в «Донесении» киевского воеводы Ю. П. Трубецкого. Своеобразие «Описания» заключается в отсутствии упоминаний христианских святынь — храмов, мощей, икон и т. п., обычных в древнерусских хождениях. «Описание» замечательно также точным указанием расстояний между городами и селами, крепостями и естественными рубежами (горами, реками); повсюду Д. различает состав населения (турки, арабы, туркмены, курды, греки, албанцы, сербы, русские, венгры и др.).

Соч.: Описание Турецкой империи, составленное русским, бывшим в плену у турок во второй половине XVII века / Под ред. П. А. Сырку // ППС. СПб., 1890. Вып. 30.

Лит.: Белоброва О. А. Черты жанра «хождений» в некоторых древнерусских письменных памятниках XVII века // ТОДРЛ. Л., 1972. Т. 27. С. 257—272.

О. А. Белоброва

Досифей (Дософтей) (1624—1694) — митрополит Молдавский (Сочавский), переводчик. Д. родился в Молдавии, получил образование в одной из духовных школ (в Яссах, Киеве или Львове?); в 1658 г. был епископом Хушским, в 1659 г. — Романским. С 1671 г. по 1686 г. Д. занимал митрополичью кафедру Молдавии (с перерывом на 1673—1675 гг., когда он удалялся в Польшу). В этот период Д. усиленно заботился о просвещении, в частности о книгопечатании; по его просьбе из Москвы в Яссы было прислано оборудование типографии (сохранились письма Д. 1679 г., адресованные московскому патриарху *Иоакиму* и *Николаю Спафарию* — см.: АИ. Т. 5. № 50; в Молитвеннике 1681 г. сохранилось печатное указание о привозе из Москвы типографии). В 1684 г. Д. отправился с молдавскими боярами в Москву, но не доехал дальше Киева из-за эпидемии чумы. Целью поездки было испрошение помощи и заступничества у московских царей Иоанна и Петра в борьбе против турок.

С 1686 г. Д. оставил Молдавию и переехал в Польшу, захватив мощи Иоанна Сочавского и архив митрополии при отступлении войск Яна Собесского под натиском турок. Здесь Д. проводит остаток жизни вплоть до 1694 г. (в научной литературе встречается ошибочное мнение, будто Д. переехал в Москву, где умер в 1711 г.). Этот период жизни Д. носит характер изгнания.

Д. знал греческий, латинский, славянский и другие языки и отличался широкой образованностью. Он перевел на румынский и молдавский несколько книг. Вслед за Яном Кохановским в 1660—1670 гг. Д. составил Рифмованную псалтырь (издана в Уневе в 1673 г.) силлабическим стихом различных размеров; тогда же им был переведен акафист Богородице. С греческого языка Д. перевел чин литургии (издан в 1679 г.). В 1680 г. Д. напечатал Псалтырь со славянско-румынскими параллельными прозаическими текстами, в 1681 г. — молитвенник с добавлением рифмованной

хронологии молдавских господарей. В 1682 г. Д. выпустил «Молдавские минеи», переведенные с греческого и славянского языков, и «Паремии», а также «Октоих» и литургию (сохранились в отрывках). Все эти книги набраны и изданы кириллицей, причем в переводах изобилуют славянские слова и выражения. Названные труды Д. принадлежат истории румынской и молдавской литературы.

После переезда в Польшу Д. переводит на славянский язык с новогреческого патристические и догматические сочинения. Это прежде всего творения Симеона Солунского (по ясскому изданию 1683 г.). Сохранился перевод — автограф Д. (б-ка Киево-Софийского собора, № 161/38), выполненный в 1690—1693 гг., и список с него (ГИМ, Синодальное собр., № 727) с правой переводчика (сочинения Симеона Солунского перепечатали в конце XVII в. в Москве и чудовский монах *Евфимий*, и *Николай Спафарий* по тому же ясскому изданию 1683 г.; оба перевода независимы). Тогда же Д. перевел 12 посланий Игнатия, архиепископа антиохийского, несколько полемических статей о времени пресуществления святых даров (компиляция из разных авторов, в их числе Германа, константинопольского патриарха, Иоанна Златоуста, Василия Великого и др. — ГИМ, Синодальное собр., № 436, автограф Д.; известны еще 3 списка). Известны также переводы Д.: 35 «слов» Иоанна Златоуста (ГИМ, Синодальное собр., № 446, автограф Д. с посвящением царям московским Иоанну и Петру), два «слова» Ефрема Сирина, жития св. Онуфрия, Панкратия Тавроменийского, Михаила Малейна, статья о сивиллах с параллельными греческим, латинским, молдавским и славянским текстами (все — кириллицей!) (б-ка Киево-Софийского собора, № 161/38) и статья «Уставы или заповеди святых апостол» (б-ка Киево-Софийского собора, № 232/61). Все эти переводы не опубликованы. Переводы Д., достигавшие Москвы еще при его жизни, переписывались; особенный интерес к ним проявили в Киеве конца XVII—начала XVIII в. Среди его переводов, хранящихся в Библиотеке Академии наук Румынии, — Хронограф Матфея Кигалы (№ 3456).

Из обширного литературного наследия Д., стоявшего на стыке русско-украинско-молдавско-румынской культуры XVII в., в новое время опубликованы его единичные письма к Николаю Спафарию (1679 г.) и к патриарху Иоакиму (1679, 1683 гг.).

Соч.: Psaltirea în versari 1673 / Ed. critică de N. A. Ursu. Cu un cuvint înainte de Justin Moisescu. Jasu, 1974; Dosoftei. Opere / Ed. N. A. Ursu. București, 1978. Vol. 1.

Лит.: Чебан С. Н. Досифей — митрополит сочавский и его книжная деятельность. Киев, 1915; Соболевский. Переводная литература. С. 300, 303, 307, 319, 321; Шляпкин И. А. Св. Димитрий Ростовский и его время (1651—1709). СПб., 1899. С. 129, 223—224; Misterski H. Psaltirea în versuri metropolitului moldawskiego Dosoftei'a a Psalterz Dawidów Jana Kochanowskiego. Poznań, 1970; Двойченко-Маркова Е. М. Из истории русско-румынской культурных взаимосвязей XVII века // Русская литература на рубеже двух эпох (XVII—начало XVIII в.). М., 1971. С. 271—273; Dosoftei. 1624—1693: Bibliogr. Aniversari UNESCO. București, 1974; Dictionarul Literaturii române de la origini pînă la 1900. București, 1979. P. 296.

О. А. Белоброва

Дохтуров Герасим Семенович (XVII в.) — дворянин московский, в 1645—1646 гг. гонец (посланник) московского правительства в Англию, автор статейного списка о посольстве. Целью посольства было оповещение о воцарении *Алексея Михайловича* после смерти *Михаила Федоровича* и разведывание «всяких вестей» из области международной политики. Посещение Англии московским посольством пришлось на период острого конфликта между королем Карлом I и парламентом; в результате Д. не был допущен к королю и оставался в течение полугода гостем купеческих торговых компаний. В статейном списке Д. содержится описание морского

пути (с штормовыми бурями) от Архангельска до берегов Англии, сведения о причинах борьбы между королем и парламентом, характеристика парламента, где гонца принимали с почетом, рассказ об обмене речами и т. п. В литературном отношении статейный список вполне традиционен.

Д. упоминается в дипломатических и административных документах с 1642 по 1676 г.; он участвовал в посольствах в Данию, Швецию, Польшу; с 1666 г. числился думным дьяком; сын Д. Степан — стряпчий, позднее стольник, известен владельческим книжным знаком 1671 г., вклеенным в список Степенной книги (БАН, 32.8.4, л. 7 об.; воспроизведение см.: Щ а п о в Я. Н. К истории русского книжного знака конца XV—XVI вв. // Рукописная и печатная книга. М., 1975. С. 92).

Соч.: Рогинский З. И. Поездка гонца Герасима Семеновича Дохтурова в Англию в 1645—1646 гг. Ярославль, 1959 (по списку ЦГАДА).

Лит.: Алпатов М. А. Что знал Посольский приказ о Западной Европе во второй половине XVII в. // История и историки. Историография всеобщей истории: Сб. статей. М., 1966. С. 102—108; Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV—XVII вв. М., 1975. С. 158—160 (с родословной схемой Дохтуровых).

О. А. Белоброва

Дуров Александр Степанович (ум. после 1671) — думный дьяк, составитель (совместно с Лаврентьем Кологривовым) статейных списков о посольствах в Крым в 1628 и 1630 гг. (не опубликованы); составитель, совместно с боярином князем А. Н. Трубецким и окольным Р. М. Стрешневым Переписной книги домового казны патриарха *Никона* в 1658 г. Во время поездок в Крым Д. был еще подьячим; в дальнейшем он служил в разные годы дьяком Ямского, Конюшенного, Стрелецкого приказов, дьяком Новой Чети, Приказа ратных дел, Приказа Большого прихода, участвовал в походе под Смоленск в 1632 г., в 1634—1635 гг. был в Казани, в 1643 г. служил при полковых воеводах в Туле и Белгороде, участвовал в 1654 г. в царском походе в Вязьму. В 1665 г. Д. был пожалован в думные дьяки Стрелецкого приказа. Последнее упоминание о нем в документах относится к 1671 г.

Текст Переписной книги домового казны патриарха *Никона* (давно введенный в круг документальных источников по истории русской культуры XVII в.) составлен по систематико-топографическому принципу: перечислены образа, кресты, ковчеги, панагии, сосуды, пелены, облачения, оклады, книги печатные и рукописные («писмяные»), утварь и другие предметы, относящиеся к имуществу сначала Казенного приказа, затем домового и патриаршей казны. Примечателен перечень официальных грамот, списки книг и рукописей на русском, греческом, латинском языках, в том числе приобретенных с помощью *Арсения Грека* и *Арсения Сузанова*, — всего 1384 книги; интересно упоминание коллекции западноевропейских гравюр («двести семьдесят листов фряжских»), чертежей и географических карт, произведений прикладного искусства, живописи и т. п. В перечне книг указаны их размеры («в десть», «в полдесть», «в четверть»), сохранность («ветха», «горелая»), переплеты («в коже», «в досках»), особенности письма или печати («письмо мелкое», «мелкой печати», «устав малой», «скорописная»), материал («на харатье, свитком», «писана по телятине»), место издания («печать Вилинская», «печать Киевская»). Столь же грамотно описаны седла и уздечки, оружие, запасы бумаги («пятнадцать дестей бумаги болшие александрейские»), воска, ладана, железа и т. п. Из Переписной книги следует, что именитые участники составлявшейся Д. описи выполняли охранные функции: запечатывали особо ценные предметы («ящик с мошми за печатью боярина князя Алексея Никитича Трубецкого», «ящик с лекарством за печатью околничего Родиона Матвеевича Стрешнева»). Ценность Переписной книги в том, что она со-

хранила опись патриаршей библиотеки, раскрыла механику изготовления подписей под ставлеными грамотами («станок, что печатывал ставленные грамоты, вместо подписи патриарховы руки», «печать делана с руки Никона патриарха ставленным грамотам»), назвала и более ранние описи: «. . . после Иосифа патриарха домово́й казны», «патриарха Филарета Никитича . . . домово́й келейно́й казне».

Соч.: Переписная книга домово́й казны патриарха Никона, составленная в 7166 году по повелению царя Алексея Михайловича / Сообщ. И. Д. Беляевым // ВОИДР. М., 1852. Кн. 15. Материалы. С. 1—134.

Лит.: Викторoв А. Е. Обзорение старинных описей патриаршей ризницы. М., 1875; Белокурoв С. А. О библиотеке московских государей в XVI столетии. М., 1898; Лупoв С. П. Книга в России в XVII веке. Л., 1970. С. 175; Веселoвский С. Б. Дьяки и подьячие XV—XVII вв. М., 1975. С. 164—165.

О. А. Белоброва

Евстратий (первая четверть XVII в.) — автор «Повести о некоей брани». Биографические сведения о Е. чрезвычайно скудны. Они ограничены почти исключительно теми неопределенными известиями, которые содержатся в тексте «Повести». Само имя Е. стало известно благодаря сделанной им и сохранившейся в конце двух из трех известных списков «Повести о некоей брани» приписке, зашифрованной числовой литореей. Обнаруживший в списке середины XVII в. из архива Выдубецкого монастыря (ГПБ, собр. ОЛДП, О.272) и расшифровавший ее С. Ф. Платонов заметил после этой шифрованной записи еще одну криптограмму, которая читается как «Стефанов». Объединив их, он решил, что полное имя автора повести Е. Стефанов. Однако он не обратил внимания на то, что вторая криптограмма написана в другой системе тайнописи, лигатурной скорописной вязью, и отделена от текста проблами пера, которые, вероятно, являются пробными попытками изобразить ее. Кроме того, С. Ф. Платонов не имел возможности сравнить список Выдубецкого монастыря с другими списками: в опубликованном им в РИБ списке ГПБ, F.IV.222 нет окончания «Повести», а список Флорищевой пустыни (Владими́ро-Суздальский историко-художественный и архитектурный музей-заповедник, инв. № 5636/396) не был ему известен. Между тем в наиболее раннем, начала XVII в., списке Флорищевой пустыни имеется только первая шифрованная запись, криптограммы «Стефанов» в нем нет. С. Ф. Платонов ошибочно объединил имена разных людей: имя автора Повести, зашифрованное числовой литореей, и имя писца Выдубецкого списка, который оставил свою подпись.

Суждения исследователей о социальной принадлежности Е. предположительны и противоречивы. Они сходятся только в том, что с большей или меньшей ясностью вытекает из содержания «Повести»: в 1608 г. Е. служил в Посольском приказе. Однако С. Ф. Платонов допускал, что Е. мог быть и монахом. А. А. Назаревский высказал гипотезу, согласно которой автор, будучи в момент описанных в Повести событий приказным человеком, в скором времени постригся в монахи. Основания для такого предположения он видел в стилистических особенностях «Повести», которая обнаруживает хорошее знакомство автора с церковной литературой, и в туманном сообщении Е. в конце «Повести» о том, что он написал ее по повелению «понуdivшего его» игумена некоей «честной обители». Некоторые дополнительные сведения дает запись на титульном листе *Азбуковника* ГПБ, Q.XVI.21, написанного, как доказала О. А. Белоброва, тем же Е. Из нее выясняется, что искусно украшенный *Азбуковник* Е. написал в 1621 г. в Соли Вычегодской для «Ивана Петрова сына (X)ори(ы)гина».

Единственное самостоятельное произведение Е. — «Повесть о некоей брани, належашей на благочестивую Россию грех ради наших, и о видении некоего знамения в нынешнем последнем роде нашем» — была написана,

по общему мнению исследователей, вскоре после избрания царем *Михаила Федоровича*. Ценность «Повести» как исторического источника невелика, зато, по словам А. А. Назаревского, она «богата фантастическим вымыслом и литературными домыслами своего автора». По своему содержанию она сближается с жанром «видений», поскольку основу «Повести» составляет рассказ о знаменательном видении, которое имело место за несколько лет до ее появления. Летом 1608 г. Е. был послан с толмачом Посольского приказа Григорием Крокольским из осажденной войсками Лжедмитрия II Москвы в другие города «на собрание чина воинского». На пути из Александровской слободы в Переславль-Залесский они обратили внимание на облака в виде готовых растерзать друг друга льва во главе других зверей и змея, окруженного малыми змеями. Спутник Е. истолковал это видение как противоборство царя Василия Шуйского и Лжедмитрия II, а исход видения как знамение скорой гибели их обоих.

Однако «Повесть» Е. заметно отличается от других повестей о «видениях» обширным, предваряющим видение описанием исторической обстановки, в которой оно состоялось. Этот рассказ с большой наглядностью раскрывает политические симпатии Е. Виновниками бедственного положения страны он считает «польских и литовских людей» и казаков, избравших из своего круга лжецаря и замысливших «Российское государство расхитити и себе богатство тлеемое века сего приобрести».

Е. — явный приверженец царя. Он выразил свое расположение к бывшему монарху, поместив его полный торжественный титул и генеалогическую справку, согласно которой Василий Шуйский был прямым преемником русских царей. Говоря о свержении и пленении Шуйского, Е. откровенно выражает сожаление о его судьбе и осуждение в адрес заговорщиков.

Начало «Повести» свидетельствует о принадлежности Е. к приказному миру, поскольку написано языком торжественных грамот того времени. Рассказ о разорении России, «видение» и его истолкование, выраженное в диалогической форме, изложены, по словам А. А. Назаревского, сравнительно «простым, но все же книжным языком, с обилием славянизмов». Завершают стилистическую характеристику «Повести» патетические восклицания автора, книжные сравнения, многочисленные цитаты из библейских текстов и заключительная молитва, в которой находится традиционная уничижительная формула с просьбой Е. к читателям не бранить его за возможное «недостаточное умение», ибо «не во Офиных ростох, ни у философов учихся, но невежда сый».

С. Ф. Платонов и А. А. Назаревский оценили литературную одаренность Е. очень невысоко. С. Ф. Платонов, которого «Повесть о некоей брани» интересовала в первую очередь как исторический источник, считал, что она «не обладает ни внутренней стройностью, ни внешней правильностью изложения», и ее появление объяснял «игрой праздного воображения», а не последствиями политического и нравственного кризиса. Для А. А. Назаревского свидетельством слабости литературного таланта Е. послужила пестрота стиля «Повести». Такое представление об авторе «Повести о некоей брани» вызвало возражение О. А. Белобровой, которая указала на широкую образованность Е., начитанность «в сочинениях философского и грамматического порядка», отметила тонкий художественный вкус «каллиграфа». Вызывает сомнение и предложенное С. Ф. Платоновым объяснение причины появления «Повести». Анализируя ее содержание с целью датировки, он сам указывал, что в момент написания «Повести» ни политический, ни нравственный кризисы еще не миновали: «Для них (современников. — Г. Е.) в первые годы новой династии смута еще не кончилась, и они могли молиться о ее окончании именно так, как молился автор Повести». Более того, как раз в эти годы жанр «видений», отражая общественные настроения, получил наибольшее распространение:

1611 г. — *Повесть о видении мнишу Варлааму в Великом Новгороде*, в 1611 г. — «Казанское сказание», в которое полностью вошла «Повесть о видении некоему мужу духовну» протопопа *Терентия*, в эти же годы были написаны *Повести о видениях во Владимире* и в Нижнем Новгороде (см. статью *Григорий*).

Вопреки мнению С. Ф. Платонова композиционная структура «Повести о некоей брани» проникнута внутренней логикой повествования. Общее объяснение государственных неурядиц божьим наказанием за грехи, содержащееся в пространным вступлении, предваряет конкретизированное описание политической обстановки в стране, необходимое Е., чтобы объяснить свое присутствие в том месте, где случилось «видение», ради которого написана вся «Повесть». Завершается «Повесть» сообщением об обстоятельствах ее написания и молитвой Е. к богу о защите страны, помощи новому царю и о личном спасении.

Вряд ли может служить доказательством несостоятельности литературного дарования Е. стилистическая неоднородность «Повести». Сочетание стилей разных жанров свойственно многим литературным памятникам начала XVII в. и было, по-видимому, общепризнанной этической нормой.

Соч.: РИБ. СПб., 1891. Т. 13. Стб. 249—260; Платонов С. Ф. Повесть о некоей брани // *Старина и новизна: Ист. сб.* СПб., 1911. Кн. 15. С. 20—33; Белоброва О. А. К изучению «Повести о некоей брани» и ее автора Евстратия // *ТОДРЛ. Л., 1970. Т. 25. С. 150—161.*

Лит.: Платонов С. Ф. Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века как исторический источник. 2-е изд. СПб., 1913. С. 146—153; История русской литературы. М.; Л., 1948. Т. 2, ч. 2. С. 50—51; Назаревский А. А. Очерки из области русской исторической повести начала XVII столетия. Киев, 1958. С. 146—154; Енин Г. П. О выдубецком списке «Повести о некоей брани» и ее авторе // *Источниковедение литературы Древней Руси. Л., 1980. С. 137—142.*

Г. П. Енин

Евфросин (вторая половина XVII в.) — старообрядческий писатель, автор «Отразительного писания о новоизобретенном пути самоубийственных смертей» (1691), полемиического трактата, направленного против учителей и последователей самосожжения в старообрядчестве. В 1667 г. Е. находился в Курженской обители, близ г. Повенца, где был близок к знаменитому вождю старообрядчества игумену Досифею. Игумен Досифей был учителем и, вероятно, духовным отцом Е. Х. М. Лопарев и В. О. Ключевский называли Е. строителем Курженской обители. В этом сомневался П. С. Смирнов, не видевший оснований утверждать, что строитель Курженской пустыни Евфросин и Е., автор «Отразительного писания», — одно лицо. Из текста «Отразительного писания» видно только то, что его автор был учеником Досифея. В приписке к «Отразительному писанию» значится: «. . . списано с тетрадей, с Минаина приносу, с Руси, с Калуги и з Билева, письма старца Евфросина». Следовательно, в 1691 г., когда писан трактат, Е. жил в пределах Калуги и Билева. П. С. Смирнов предполагал, что автор «Отразительного писания» был тем Евфросином, под предводительством которого среди старообрядцев Керженца был «сход» на старца Онуфрия по поводу сомнительных писем протопопа *Аввакума*, и что по имени этого Евфросина в начале XVIII в. назывался старообрядческий толк «евфросиновщина». Трактат Е. известен в одном списке — ГПБ, собр. ОЛДП, О.СХХI (5839), — опубликованном Х. М. Лопаревым.

Как явствует из текста самого трактата, Е. кроме «Отразительного писания» написал еще несколько обличительных сочинений, которые сейчас неизвестны: «столбец», содержащий в себе ответ по поводу самосжигательного учения Ивана Коломенского (по поручению игумена Досифея), «взыскание» на лжеучение Поликарпа, послание к Онуфрию с обличением самосжигательства, краткий ответ самосжигателям (резюме «Отразитель-

ного писания» — «вкратце скорости ради»). Все исследователи, писавшие об «Отразительном писании», отмечали сходство его стиля со стилем протопопа Аввакума.

Соч.: Л о п а р е в Х. М. Отразительное писание о новоизобретенном пути самоубийственных смертей: Вновь найденный старообрядческий трактат против самоожжения 1691 года. СПб., 1895. Т. 108. (ПДП).

Лит.: К л ю ч е в с к и й В. О. Новооткрытый памятник по истории раскола // БВ. 1896. № 3. С. 440—499; С м и р н о в П. С. Внутренние вопросы в расколе в XVIII веке. СПб., 1898. С. LXXIV—LXXXI; Е л е о н с к а я А. С. «Отразительное писание инок Евфросина» как памятник русской публицистики конца XVII в. // Учен. зап. МГПИ им. В. И. Ленина, 1970. № 363. С. 304—314; П о н ы р к о Н. В. Сочинение старца Леонтия и школа протопопа Аввакума // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 33. С. 156—163.

Н. В. Поньрко

Епифаний Пельшемский (последняя четверть XVII в.) — инок, один из литературных деятелей старообрядческого Поморья, житель лесного скита на Пельшемском волоке в Тотемском уезде, деятельный сторонник «старой веры»; создал и хранил скитский архив, переписывал рукописи, сочинения современных полемистов, писал собственные сочинения. Е. был тесно связан с *Аввакумом*, Соловецким монастырем, старцем Досифеем; был арестован, по-видимому, в 1688 г. вместе с товарищем Исачкой Дружининым и доставлен с иконами и книгами, захваченными в ските, в Тотемскую приказную избу. Дальнейшая его судьба неизвестна. Сохранились два письма Е. в единственном списке конца XVII в. — ГПБ, О. XVII.37, л. 36—36 об.: одно (предположительно датируется 1688 г.) повествует об аресте и заключении, другое (дата не определена) направлено некоей «Антониде Афанасьевне» и долгое время приписывалось перу известного *Епифания* Соловецкого, «духовного отца» Аввакума и его пустозерского «соузника».

Соч.: Б о р о з д и н А. К. Источники первоначальной истории раскола: XX. Послание инок Епифания к Антониде Афанасьевне // Христ. чт. 1889. № 1. С. 240; С а р а ф а н о в а (Д е м к о в а) Н. С. 1) Письмо неизвестного лица из заточения (1685 г.) // ТОДРЛ. М.; Л., 1960. Т. 16. С. 481—483; 2) Из истории ранней старообрядческой литературы: III. О старце Епифании Пелшемском, последователе Аввакума, тезке Соловецкого инок Епифания // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 28. С. 390—392.

Лит.: М а л ы ш е в В. И. О некоторых предложениях по изучению литературного наследия протопопа Аввакума: Приложение 2 // Пути изучения древнерусской литературы и письменности. Л., 1970. С. 117—118 (сведения об аресте Е. по материалам подлинного «дела» XVII в. см.: ЦГАДА, ф. 159, оп. 1, № 2225).

Н. С. Демкова

Злобин Михаил (первая половина XVII в.) — подьячий, поэт приказной школы. Согласно «росписному списку Москвы» 1638 г. у З., служившего тогда подьячим Посольского приказа, был двор в Москве. З. принадлежал к большой приказной семье, остававшейся, впрочем, на вторых ролях в столичной бюрократии (в XVII в., преимущественно в первой его половине, известно до десятка подьячих З., достигавших дьячества лишь в исключительных случаях и служивших в приказах Большого Дворца, Владимирском судном, Поместном, Посольском, Счетном, Хлебном, Ямском, а также писцами на посылках в разных городах и уездах «для межavanja», «для посольской размены» и т. п.).

По семейным, служебным и личным связям З. принадлежал к тому же кругу московской интеллигенции первой половины XVII в., что и большинство стихотворцев приказной школы. Как и справщику *Саватию*, ему покровительствовали влиятельный администратор и дипломат 20—30-х гг. дьяк Василий Львович Волков и, по всей видимости, начальник приказа Большого Дворца князь Алексей Михайлович Львов. Есть осно-

вания полагать, что З. как поэт и человек близко сошелся со справщиком Савватием. Особенно тесные отношения связывали З. с дьяком *Алексеем Саввичем Романчуковым*, также поэтом, блестящим русским интеллигентом 30-х гг.

В рукописях дошло несколько стихотворных эпистолий З. (полностью или фрагментарно). Они написаны, по-видимому, в первой половине 30-х гг. XVII в. Как явствует из акростихов, эти эпистолии адресовались дьякам В. Л. Волкову и А. С. Романчукову. По технике и художественному качеству стихотворения З. типичны для продукции приказной школы: З. использует тот же «относительно силлабический» стих, ту же регулярную парную рифму, преимущественно грамматическую, снабжает свои эпистолии тем же неизменным акростихом, представляющим собой этикетное прозаическое обращение (например: «Василию Львовичю Михалко Злобин челом биет»).

Однако в корпорации приказных поэтов З., насколько можно судить по немногим известным его произведениям, стоял особняком, играл специфическую, из ряда вон выходящую роль. Он избрал литературное и бытовое амплуа весельчака, добровольного шута, потешавшего своих коллег по службе и писательскому ремеслу. Об этом говорит акростихная фраза в одной из эпистолий к А. С. Романчукову, замечательная свободным ерническим тоном: «Алексей Савич, пожалуй Михалку винца, как тебе бог известит» (слабость к «винцу» была свойственна и другим представителям рода З.; про одного из них, подьячего Семена Злобина, который в 1674—1675 гг. вместе с *И. А. Желябужским* описывал дворцовые села в Юрьеве Польском, было известно, что он падок на винное зелье, «пьет и от питья болен и в делах неисправен»).

В своих стихотворных эпистолиях поэты приказной школы чаще всего просили адресатов о покровительстве и «щедротстве». З. в этом смысле не составляет исключения, однако и в этих просьбах он оригинален. Не считаясь с этикетом «челобитья», З. пишет о своих нуждах прямо, без обиняков, хотя это наигранная, натужная, полупьяная прямота:

Промысли, гсударь, мою грешною головою,
Да и сам воздарен будещи от бога многою мздою,
Где бы, гсударь мой благий, в местечко сести, —
Нужно убо есть, воистинну нужно неимущему безо мзды
влести. . .

Эпистолии З. не изданы, читаются в рукописях: ГБЛ, собр. Тихонова, № 380, л. 112—112 об.; БАН, Архангельское собр., № 527, л. 99—100 об.; ЦГАДА, д. 181, № 250/455, л. 235 (316)—238 об. (319), 264 (344)—267 об. (347).

Лит.: Беляев И. С. Росписной список Москвы 1638 г. // Труды Московского отделения Русского Военно-исторического о-ва. М., 1911. Т. 1. С. 17; Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII века. Л., 1973. С. 39—42; Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV—XVII вв. М., 1975. С. 197.

А. М. Панченко

Злобин Федор Иванович (конец XVII в.) — составитель нравоучительного сборника и автор особой версии «*Троянской истории*» *Гвидо де Колумна*. Единственное биографическое сведение о З. может быть извлечено из записи в сборнике БАН, Архангельское собр. С. 160, л. 205, из которой следует, что сборник этот («таковы тетраги») «писал збирая от святых писаний памятью и устроева на ползу человеком . . . Федор Иванов, сын Злобин, бывшего астраханскаго архиепископа Пахомна брат двоюродной, будучи в скорби своей, марта в 2 день прошлаго 180-го» (т. е. 1672 г.).

Сборник содержит «Предисловие к православным читателям», оглавление книги, названной составителем «Стезя животная» («или путеѣ мал от смерти к животу ведый»). Она включает четыре главы (слова): слово первое «о благодости ига Христова и о тяжести ига мирскаго и о прочитании книжном»; слово второе «на первый полк мира, на славолюбие и гордость»; слово третье «на второй полк мира, сребролюбие, глаголю и немилосердие, еже есть корень всем злым нашим»; слово четвертое «на третий полк мира, на чревообъядение глаголю и пьянство и на вожделение плотских сладострастей иже и сластолюбие наречется». После этих основных глав сборника (они занимают л. 8—161 об.) в нем следуют статьи, не отмеченные в оглавлении: «Молитва и благодарение ко господу богу», где автор благодарит бога, который «. . . благоизволил . . . мене грешнаго начало сотворити писанию книги сея, и сподобил мя . . . своим милосердием и свершити ю», и просит прощения за свое «дерзнутие», т. е. смелость написать это сочинение, после чего читается заключительная запись в традиционных выражениях, где автор радуется окончанию своего труда, а далее — стих, прославляющий «здравие», которое «мнози» не ценят, ибо «в целости быти всяк себя чает». (Не содержится ли в этом намек на болезнь автора, которая, возможно, способствовала его писательским занятиям?).

Затем в сборнике следуют еще четыре статьи, написанные, как можно думать по характеру их содержания и стилистическим особенностям, тем же автором: 1) «Писание се предаю на восприятие честных рук твоих, православный читателю, написанное многогрешною рукою мужа юридива»; 2) «Паки же и сие написание пред лицом честности твоея предлагаю, в нем же содержится описана суета скверных дел моих и прочих подобных мне грешников»; 3) «Слово о чудных божиих творениях видимыя твари»; 4) «От того же паки слова ко православным и боголюбезным читателям». Заключает сборник уже упомянутая запись, в которой автор называет себя.

Имя З. встречается также в акrostихе, который предварял текст «Троянской истории» в списке XVIII в. На него обратил внимание владелец списка И. А. Шляпкин, который и предположил, что З. явился переводчиком с польского языка той версии «Троянской истории», которая была опубликована в 1709 г. Однако сейчас установлено, что данная версия, несмотря на свои существенные редакционные и особенно идеологические отличия, восходит в конечном счете к переводу латинского текста «Троянской истории», осуществленному в конце XV—начале XVI в.

Есть основание считать, что З. — составитель сборника, включающего «Стезю животную», и создатель особой версии «Троянской истории» (названной нами Печатной редакцией) — одно лицо. Во-первых, акrostих содержит слова: «Феодор Злобин сию историю написал памятию», что напоминает запись в сборнике БАН. Во-вторых, З. пишет вирши: вирши есть в сборнике БАН, тексту «Троянской истории» также предшествует стихотворное «Предисловие читателю», виршами написаны и первые строки некоторых статей, входящих в сборник. Так, статья «Писание се предаю. . .» начинается словами: «Болезнь нудит мя вещати, недостойство же мое повелевает ми молчати. Скорбь сердца моего поревает мя рещи, грехи же мои възбращают ми о том небрещи». В-третьих, в той же статье мы находим развернутое описание бури, которое дословно повторяет аналогичное описание в Печатной редакции «Троянской истории», тогда как в других версиях этого памятника описание бури текстуально другое. В-четвертых, дух сборника, где все статьи носят аскетический характер (автор призывает покаяться в грехах и побуждает постоянно осознавать свою греховность, предуготовляться к страшному суду и т. п.), сходен с общим направлением переработки «Троянской истории», из текста которой (в ее Печатной редакции) устранены все сюжетные мотивы, повествующие о чувственной любви героев, и иные сюжетные линии, не имеющие прямого

отношения к описанию Троянской войны. Однако объективная оценка З. может быть получена только тогда, когда будут обнаружены источники «Стези животной» и сопутствующих ей статей и определен объем и характер их редакторской переработки.

Сборник БАН является копией со сборника, составленного З. Копия эта сделана в 1692 г. для *Афанасия*, архиепископа Холмогорского и Важского, что явствует из владельческой записи на рукописи. В. Верюжский допускал даже, что сборник был переписан самим Афанасием (Верюжский В. М. Афанасий, архиепископ Холмогорский: Его жизнь и турды. . . СПб., 1908. С. 599), причем не в 1692, а в 1693 г., когда Петр I посетил Архангельск, ибо во владельческой записи указано: «. . . списана в походе великого государя у града Архангельска в 200 г.». Известна и еще одна копия с этого сборника (без записи З.) — рукопись БАН, Архангельское собр., Д. 484.

Лит.: Шляпкин И. О переводчике «Троянской истории» // Библиограф. 1887. № 8—9. С. 95—96; Творогов О. В. 1) Древнерусский перевод «Троянской истории» Гвидо де Колумна и издание 1709 г. // ТОДРЛ. Л., 1971. Т. 26. С. 64—71; 2) Редактор XVII века // Поэтика и стилистика русской литературы. Л., 1971. С. 48.

О. В. Творогов

Золотарев Петр Алексеевич (вторая половина XVII в.) — «митрополичий сын боярский», автор Золотаревского (Астраханского) летописца, известного также как Сказание о взятии Астрахани Степаном Разиным. О З. известно немного: во время Крестьянской войны под предводительством Степана Разина он состоял при астраханском и терском митрополите Иосифе как «митрополичий сын боярский», был очевидцем взятия Астрахани в 1670 г. и убиения митрополита повстанцами. 11 июля 1672 г. З. участвовал в «розыске по делу об убиении» митрополита Иосифа и записывал показания очевидцев событий соборных священников Кирилла Елисеева и Петра Иванова (текст розыска издан в 1842 и 1962 гг.). Через 7 лет (в 1679 г., как указывают некоторые списки Золотаревского летописца) по поручению воеводы П. М. Салтыкова он завершает на основании всех собранных им материалов подробную историю астраханских событий 1667—1671 гг.

Различаются Краткое и Пространное сказания о взятии Астрахани Разиным, принадлежащие перу З. Краткое сказание представляет собой запись расспросных речей по делу об убиении митрополита Иосифа; оно имеет две редакции. Первая редакция — это подлинная запись расспросных речей в двух вариантах: черновом (ЛОИИ, ф. Астраханской приказной палаты, № 87, л. 1—18) и беловом (Астраханский облгосархив, ф. Астраханской приказной избы, оп. 1, № 79, л. 1—14). Вторая редакция Краткого сказания носит следы литературной обработки XVIII в. (ГИМ, собр. Уварова, № 263, л. 1—16). Пространное сказание, описывающее астраханские события с мая 1667 по ноябрь 1671 г., является собственно Золотаревским летописцем (в рукописи он называется «Астраханский летописец»). Согласно классификации Л. З. Мильготинной Золотаревский летописец, известный в 21 списке, представлен четырьмя редакциями (описание списков см. в работах М. Сменцовского и Л. З. Мильготинной). Имеется критическое издание только первой редакции — по трем спискам, старший из которых (ГИМ, Музейское собр., № 1481) датируется концом XVII в. Остальные редакции публиковались по случайным спискам, а вторая редакция не издана вообще.

З. описывает восстание Разина с правительственной точки зрения, называя повстанцев «ворами», «изменниками» и «богоотступниками», а митрополита и бояр — «новыми страстотерпцами». Тем не менее Золотаревский летописец является ценным историческим источником, содер-

жащим сведения очевидцев и включающим целый ряд документов — царских грамот, писем, «дел».

Этот поздний летописец представляет собой сочетание летописных погодных статей, включающих памятники деловой письменности, и агнографических приемов изложения с включением в текст «видений», «знамений» и проч. Художественную выразительность и сюжетную остроту Золотаревского летописца высоко оценил А. Ф. Писемский, переложивший содержание древнерусского памятника в своем путевом очерке об Астрахани 1857 г. (П и с е м с к и й А. Ф. Путевые очерки // Морской сборник. СПб., 1857. № 2. С. 244—253; то же: Собр. соч. М., 1982. Т. 2).

Соч.: АИ. СПб., 1842. Т. 4. С. 482—495; Попов А. Н. История возмущения Стеньки Разина // Рус. беседа. СПб., 1857. Т. 1 (кн. 5). С. 47—104; Т. 2 (кн. 6). С. 19—90 (отд. изд.: Материалы для истории возмущения Стеньки Разина. М., 1857. С. 241—261); Сахаров В. Н. Памятник местной старины, хранящийся в библиотеке Астраханской духовной семинарии: Рукопись Петра Золотарева // Астраханский сборник, изд. Петровским обществом исследователей Астраханского края. Астрахань, 1896. Вып. 1. С. 145—166 (исрепечатка текста и статьи из газ. «Волга» (1864, № 27, 28, 30, 34, 40) и «Астраханских Епархиальных ведомостей» (1878, № 1—3, 11, 13, 18)); Пальмов Н. К. Материалы для жизнеописания святителя Иосифа убиенного, митрополита астраханского и терского // Труды КДА. 1912. № 12. С. 650—672 (отд. изд.: Киев, 1913); Распространенные речи астраханских соборных попов Г. Елисеева и П. Иванова об обстоятельствах казни астраханского митрополита Иосифа (№ 192) // Крестьянская война под предводительством Степана Разина: Сб. документов. М., 1962. Т. 3. С. 243—220, 411; Летописное сказание Петра Золотарева. Первая редакция. Муз. 1481. — Увар. 547. — Акад. 313 (публ. Л. З. Мильготинной) // ПСРЛ. М., 1968. Т. 31: Летописцы последней четверти XVII в. С. 7—9, 206—233.

Лит.: Евгений. Словарь. Т. 1. С. 231—232; Иконников. Опыт по исторпографии. 1908. Т. 2, кн. 2. С. 1864; Сменцовский М. Степан Разин в науке, литературе, искусстве // Каторга и ссылка. 1932. № 7. С. 199—200; Тихомиров Б. Источники по истории разинщины // ПИ. М.; Л., 1933. Сб. 1. С. 58—63 (Труды Моск. историко-архивного ин-та АН СССР; Т. 9); Лихачев Д. С. Исторические повести 1670—1680-х годов // История русской литературы. М.; Л., 1948. Т. 2, ч. 2. С. 270—274; Будо в н и ц. Словарь. С. 107, 293; Шмидт С. О. Сказание о взятии Астрахани в летописной традиции XVII—начала XVIII в. // Труды Моск. историко-архивного ин-та АН СССР. М., 1963. Т. 17: Вопросы источниковедения истории СССР. С. 397—398; Мильготина Л. З. О редакциях и списках Золотаревского сказания // Летописи и хроники: Сб. ст. 1973 г. М., 1974. С. 317—327.

А. Г. Бобров, Н. Ф. Дробленкова, М. А. Салмина

Иаков (вторая половина XVII в.) — священник из Великого Устюга, автор Повести о Соломонии бесноватой (датирована М. О. Скрипилем 1671—1680 гг.). Согласно некоторым спискам Повести (ГБЛ, собр. Ундольского, № 645; ИРЛИ, собр. Перетца, № 224 и др.) И. являлся попом Спасо-Преображенского женского монастыря Великого Устюга. Другие биографические сведения об И. отсутствуют.

Как полагает А. Н. Власов, И. — последний редактор Иоанно-Прокопьевского цикла (*Житий Прокопия и Иоанна Устюжских*), в состав которого входит Повесть в качестве одного из чудес святых. Вслед за Н. Коноплевым А. Н. Власов атрибутирует И. и другие чудеса Прокопия и Иоанна, приуроченные к 50—70-м гг. XVII в.

В основе Повести лежат народно-мифологические представления, хорошо известные христианской литературе (см., например, *Житие Василия Нового*, персонаж которого, Феодора, упоминается в Повести), о сожительстве женщин с бесами. Повесть состоит из двух частей: описание мучений Соломонии от бесов и рассказ героини перед «освященным собором» о своем исцелении.

Характерные для Повести ригористические обрядовые тенденции (повесть соблюдения чистоты церковных обрядов, обращения к героине заповеди святых «креститься истово и разумно» и др.) позволили Ф. И. Буслаеву отметить в рассказе о «бесноватой» отражение идеологических споров периода церковного раскола. А. М. Ремизов причислял И. к сторонникам

«древлего благочестия», а М. О. Скрипиль считал автора Повести противником старообрядчества, изобразившим в образе бесов раскольников. Однако близость некоторых мотивов Повести идеологии официальных церковных кругов второй половины XVII в. все же не дает оснований для безоговорочного причисления Повести к произведениям, имеющим антистарообрядческую направленность. Объективно в Повести присутствуют лишь недовольство автора нарушением правил церковной обрядности и проповедь необходимости их соблюдения, носящие достаточно общий религиозно-дидактический характер.

История изучения Повести свидетельствует о возможности двоякого понимания ее художественной природы. Демонологические мотивы Повести трактовались и как вполне достоверное описание аксессуаров кликушества (А. В. Амфитеатров), и как литературный вымысел, иносказание (И. С. Некрасов, М. О. Скрипиль). Многие особенности Повести (упоминание ряда священников из Великого Устюга второй половины XVII в., отражение характерных для Великого Устюга исторических реалий и др.) позволяют видеть в истории о «бесноватой» изображение какого-то реального эпизода религиозной жизни Великого Устюга 60—70-х гг. XVII в. Вместе с тем роль автора Повести не может быть сведена, вопреки мнению А. В. Амфитеатрова, к простой фиксации болезненных видений кликуши. Признаки художественного творчества в Повести обнаруживаются в «рационалистическом подходе автора к композиции» (Н. С. Демкова), в очевидной ориентации И. как на традиционные агиографические жанры помертного чуда, богородичной легенды, видения, мученичества, так и на поэтику фольклорных жанров — прежде всего народного суеверного рассказа (быличку, бывальщину).

Повесть известна в двух основных редакциях: пространной, или «житийной» (представлена списками: ГПБ, Соловецкое собр., № 220/220, л. 130—183 об.; ГБЛ, собр. Егорова, № 1794, л. 129—182 об.; собр. Овчинникова, № 332, л. 185—235 об. и др.), и краткой (ГПБ, Q. XVII.27, л. 1—23 об.; БАН, 16.6.2, л. 162—195 об.; ИРЛИ, Пинежское собр., № 442 л. 375—396 и др.). Пространная редакция создана самим И. и включена в состав Жития Прокопия Устюжского в качестве одного из чудес Прокопия и Иоанна. Краткая редакция, утрачивающая связь с Житием, лишена религиозно-дидактических отступлений пространной редакции и ряда повторений однотипных сюжетных звеньев. В краткой редакции наблюдается, таким образом, развитие черт новеллистичности, роднящих Повесть с оригинальной и переводной беллетристикой переходного периода.

В XX в. Повесть была пересказана А. М. Ремизовым. ;

Соч.: ПЛ. СПб., 1860. Вып. 1. С. 153—168; Житие преподобного Прокопия Устюжского / Изд. ОЛДП. СПб., 1893. Вып. 103. С. 143—195.

Лит.: Некрасов И. С. Женский литературный тип Древней Руси // Филол. зап. 1864. Вып. 3. С. 131—134; Буслев Ф. И. Мои досуги. М., 1886. Ч. 2. С. 11—12; Веселовский А. Памятники литературы повествовательной // Галахов А. История русской словесности, древней и новой. 3-е изд. М., 1894. Т. 1, отд. 1. С. 483—485; Коноплев Н. Святые Вологодского края // ЧОИДР. 1895. Кн. 4, отд. 4. С. 21—23, 101—102; Амфитеатров А. Соломония бесноватая // Амфитеатров А. И черти, и цветы. СПб., 1913. С. 1—59; Рязановский Ф. А. Демонология в древнерусской литературе. М., 1915. С. 45—46, 71—73, 104, 113; Скрипиль М. О. Повесть о Соломонии // Старинная русская повесть: Ст. и исслед. М.; Л., 1941. С. 197—215; Ремизов А. М. Бесноватые: Савва Грудцын и Соломония. Париж, 1951. С. 7—9, 91—93; Демкова Н. С., Дмитриева Р. П., Салимина М. А. Основные пробелы в текстологическом изучении оригинальных древнерусских повестей // ТОДРЛ. М.; Л., 1964. Т. 20. С. 153—154; Истоки русской беллетристики. Л., 1970. С. 513, 519—524; Власов А. П. К вопросу о происхождении цикла сказаний о Прокопии и Иоанне Устюжских // Литература Древней Руси: Источниковедение. Л., 1988. С. 156—159.

Иван Иванов Плешков (вторая половина XVII в.) — предполагаемый автор повести о Нило-Сорском ските, писец рукописи ГИМ, собр. Щукина, № 212, 1674 г., где эта Повесть находится. Содержание книги разнородно. В первой ее части видное место занимают сочинения *Нила Сорского* (Предание, Устав, три послания и Завещание), статьи о жизни и правилах Нило-Сорской пустыни, а также типичные для келейного чтения монахов-созерцателей произведения Иллариона Великого, Григория Синаита и др. Вторая же часть рукописи целиком посвящена хозяйственной жизни Кирилло-Белозерского монастыря: здесь находятся «Книги кормовые Кириллова монастыря», где подробнейшим образом расписано, чем и когда надо кормить и поить иноков; здесь находится также «Книга келарская роскодная: поколкo по службам дают запасу», где указано, сколько, кому, в каких случаях и какого следует выдавать и посылать продовольствия; здесь находятся и записи некоторых соборных монастырских решений, касающихся хозяйства. Что это именно оригинал, а не копия книги монастырского хозяйственника, показывает и внешний вид рукописи: она заключена не в доски с застешками, как это свойственно предназначенным для книжных полок манускриптам, а в мягкий кожаный переплет с клапаном, как у конверта, с опоясывающей кожаной же завязкой.

В конце рукописи писец назвал себя «грешным в человецех тотмянином дьячком Ивашкой Ивановым сыном Плешковым». Допущение, что он и является автором Повести о Нило-Сорском ските, единственный список которой находится в его рукописи, может объяснить многое в самой этой Повести: в ней говорится исключительно об организационной стороне жизни скита (нет даже намекa на «духовно-портретные» зарисовки подвижников, какие бывают, например, в патериках) — о расстановке келий, о снабжении продовольствием, о лесе, ягодах, о том, где можно и где нельзя рубить деревья, о порядке приема новичков, ухода за больными, особенностях распорядка церковной службы, топке печей, о том, что в ските живет одно светское лицо, которое заботится об иноках. По-видимому, дьячок И. П. родом из Тотмы до того, как стать келарем Кирилло-Белозерского монастыря (каковым он был, судя по второй части книги), находился на службе у монахов Нило-Сорской пустыни.

Соч.: Прохоров Г. М. Повесть о Нило-Сорском ските // Памятники культуры. Новые открытия. 1976. М., 1977. С. 12—20.

Г. М. Прохоров

Иван Слободской (вторая половина XVII—первая половина XVIII в.) — певчий и чтец вологодского архиепископа, затем унженский земский комиссар, автор краткого вологодского летописца и службы Галактиону Вологодскому. Биографические сведения о И. С. немногочисленны. Вологжанин родом, И. С. в 1696—1697 гг., будучи «во услужении» при вологодском и белозерском архиепископе Гаврииле, являлся очевидцем освидетельствования мощей Галактиона Вологодского (как сообщает в предисловии к службе этому святому). В январе 1701 г. написал от имени крестьянина И. Силуянова «запись» с обещанием содержать жену после ее пострижения в монастыре. В марте 1707 г. «справил» отписку о принятии «на Вологде» в Казенный приказ оброчных денег с Обнорской волости (см.: Описание собрания свитков, находящихся в Вологодском Епархиальном древлехранилище. Вологда, 1899. Вып. 1. С. 39; 1901. Вып. 4. С. 63). В начале XVIII в. был послан в Монастырский приказ хлопотать «о келейных (вологодского «владыки». — Я. С.) и о иных зборных денгах» (см.: Сборник старинных бумаг, хранящихся в музее П. И. Щукина. М., 1897. Ч. 3. С. 128). Являясь земским комиссаром в г. Улже, И. С. «приложил» к гробу святого Макария золотой крест «с чернами» (до октября 1727) и передал органы игумену Макарьевского Унженского монастыря Алек-

сандру, настоятельство которого относится к октябрю 1727—середине января 1728 г. (см.: Х е р с о н с к и й И. К. Летопись Макариева Унженского монастыря Костромской епархии. Кострома, 1892. Вып. 2. С. 93, 94).

В 1716 г. И. С. составлен краткий летописец, сохранившийся в единственном списке третьей четверти XVIII в. (БАН, 45.4.13, л. 74—77 об.). Этот летописец, который автор адресовал будущим «рачителям» изучения вологодской старины, за исключением известий о смертях *Василия III*, *Ивана Грозного*, его сына *Федора*, *Михаила Федоровича* и *Алексея Михайловича* содержит сведения о прошлом Вологодского края. В первой статье летописца сообщается об основании выходцем из Глушицкого монастыря Герасимом Троицкой обители (1146—1147), в заключительной читаем о кончине в 1676 г. царя Алексея. Наиболее позднее событие из упомянутых в летописце — смерть бывшего вологодского архиепископа Симона на его «обещании» в Спасо-Прилуцком монастыре 29 апреля 1685 г. И. С. сообщает о сооружении и освящении храмов в Вологде и ее окрестностях, эпидемиях и налогах, поставлениях и кончинах местных архиепископов. Наиболее подробно он рассказывает про строительство в Вологде при Иване IV (об этом говорится в 5 из 27 статей летописца).

В предисловии к летописцу, из которого узнаем о времени возникновении памятника и его авторе, указаны источники: летописи, хронографы, «сенадишные записки» (по Н. А. Казаковой, синодики, но, скорее, это материалы церковного делопроизводства). В летописце использованы Сказание о Каменном монастыре *Паисия Ярославова* и дополнения к летописному своду 1497 г. Из последнего источника (вологодского происхождения) в сочинение И. С. попали известия о возведении в Вологде Софийского собора. По-видимому, его автор обращался к житиям «вологодских чудотворцев» и местным летописцам. Так, об основании Герасимом Троицкой пустыни у Кайсарова ручья И. С. мог узнать из Жития этого святого и «вологодских старинных летописцев» (см.: ГПБ, собр. СПб. ДА, № 270, т. 2, л. 346). В летописце И. С. отразились и народные предания об Иване Грозном, в частности его намерении уехать в «Поморские страны» (судя по сообщениям современников-иностранцев, речь шла об Англии).

Вероятно, в середине XVIII в. появился второй вид, а затем (на рубеже XVIII—XIX столетий, не ранее 1782 г.) новая редакция памятника. В них опущен ряд известий летописца И. С. и включены дополнительные свидетельства о прошлом Вологодского края (см.: Новая историческая летопись // Вологодские губернские ведомости. 1857. № 6. Часть неофиц. С. 28—30; ПСРЛ. Л., 1982. Т. 37. С. 195—199). Летописец И. С. лег в основу и других краеведческих трудов второй половины XVIII—XIX вв.

В 1717 г. (по данным И. Верюжского, в Унже) по поручению вологодского епископа Павла И. С. написал службу Галактиону Вологодскому. Н. Коноплев, ссылаясь на список из библиотеки Спасо-Прилуцкого монастыря (№ 37/36, л. 282—301), атрибутировал И. С. житие этого святого. Однако, как выяснил В. О. Ключевский, оно создано во второй трети XVII в. (так считают и И. Верюжский, Филарет (Гумилевский), Леонид). Возможно, И. С. составлена новая редакция жития Галактиона Вологодского.

Из челобитной И. С. (1700) известно, что ему принадлежали «певчие нотные 8 книг», которые он дал «на список» в Вологде *Игнатию Римскому-Корсакову* (см.: О г л о б л и н Н. Н. Библиотека Сибирского митрополита Игнатия. 1700 г. // Библиограф. 1892. № 8—9. С. 288).

Соч.: ПСРЛ. Л., 1982. Т. 37. С. 194—195.

Лит.: <Суворова Н. И.> Вологодский летописец. Вологда, 1874. С. 1, 2; <Верюжский И.> Исторические сказания о жизни святых, подвизавшихся в Вологодской епархии, прославляемых всею церковью и местно чтимых. Вологда, 1880. С. 624—625; Коноплев Н. Святые Вологодского края. М., 1895. С. 106—108; Иконников. Опыт по историографии. Т. 2, кн. 2. С. 1441; Каза-

к о в а Н. А. 1) Летописные известия и предания о пребывании Ивана IV в Волостде // ВИД. Л., 1978. Вып. 10. С. 202—204; 2) Вологодское летописание XVII—XVIII вв. // Там же. 1981. Вып. 12. С. 86—90; В а с и л ь е в Ю. С. Летописное наследие Поморья // Там же. 1979. Вып. 11. С. 39, 40.

Я. Г. Солодкин

Иван Спиридонов Соболев Могилевец (первая половина XVII в.) — толмач, в 1630—1640-х гг. пересказал со слов приезжих греков историю о греческом иерее-вероотступнике. Устный рассказ И. С. сохранился в записи неизвестного современника (ГБЛ, собр. Большакова, № 320, XVII в., л. 20—26 об.). В этой записи названа дата — 1634 г. и приведены две ссылки на источник рассказа: «Слышах повесть сию от грек чрез толмача Ивана Спиридонова сына Соболева Могилевца. . .» и «Имя же им невозможно ми было уведать, слышах бо повесть сию от толмачев греческих, а писания о сем не ведах, но памяти ради краткостию написал, еже слышах. А сие дело учинилося во 142 (1634) году». Сюжет рассказа о раскаявшемся вероотступнике и жестоком его наказании достаточно типичен для средневековой литературы. Причина вероотступничества в данном повествовании — любовь к дочери турецкого паши священника-грека, ради которой он на целое десятилетие становится «басурманом» и сановником при паше.

При встрече бывшего иерея с юношей-христианином из церковного причта возникает перебранка с проклятиями, после которой причетник заболевает («начат . . . скорбети телом»). Не получив исцеления у врачей, юноша обращается к патриарху константинопольскому; тот советует больному получить «разрешение от проклятия» у «прельстившегося иерея». Удивленный неопит-басурманом потихоньку от всех в конюшне вместо храма выполняет необходимый обряд («молитву разрешения по греческому обычаю»). Юноша выздоравливает, благодарит патриарха, а своему исцелителю дарит коня. «Прельщенный иерей», исраженный силой своей молитвы, отступает от мусульманской веры несмотря на жестокую расправу: его сажают на кол, возят «по граду и по торжищу», а через три дня полумертвого бросают в море. Греки подбирают его тело и погребают «не в коем месте честно». Этот рассказ известен в единственном списке, в котором ощущается некоторая зависимость от греческой лексики и топонимии: священник именуется только иереем, Царьград — Константинополем.

И. С. был сыном Спиридона Соболя, печатника в Киеве, Могилеве, Буйничах в 1630-х гг. Его брат Евтихий Соболев в 1632 г. был студентом Киевской лаврской гимназии, участвовавшим в декламации перед киевским митрополитом Петром Могилой* панегирика «Евхаристириона» (см.: З а п а с к о Я., И с а е в и ч Я. Пам'ятки книжкового мистецтва: Каталог стародруків, виданих на Україні. Кн. 1 (1574—1700). Львів, 1981. С. 53, № 228). В работе К. Г. Гуслистога (Вопросы истории Украины и этническое развитие украинского народа (период феодализма). Киев, 1963. С. 76) сообщено, что «в 1647 г. киевский писатель Иван Спиридонович Соболев перевел в Москве для Посольского приказа латинскую книгу „Индийское царство“». А. И. Соболевский (Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков. М., 1903. С. 44) приписывал перевод этой книги греку Венедикту.

Соч.: Перетц В. Н. Рассказ о потурчившемся в раскаявшемся иерее // Библиографическая летопись. Пг., 1917. Т. 3. С. 161—167 (изд. ОЛДП).

Лит.: Георгиевский Г. П. Рукописи Т. Ф. Большакова, хранящиеся в имп. Московском и Румянцевском музеях. Пг., 1915. С. 285—286.

О. А. Белоброва

Иван Философ (первая четверть XVIII в.) — старообрядец, автор «грамотки» о способе каждения за богослужением (1711). Вопрос о спо-

собе каждения был актуален для внутренней борьбы в старообрядчестве в первой половине XVIII в. Представители толка дьяконовцев отстаивали способ каждения, с которым боролись ветковские старообрядцы. Судя по тому, что ветковский старец Сергей обращался к И. Ф. с просьбой разрешить сомнения по поводу правильного способа каждения (ответом на этот вопрос и была «грамотка»), И. Ф. был авторитетным лицом в старообрядчестве. В пользу авторитетности его фигуры свидетельствует и то, что в полемике между собой и дьяконовцы, и ветковцы (как явствует из «Предувещания», памятника, направленного ветковцами против дьяконовцев) одинаково пытались опереться на его мнение. В ответе Сергию И. Ф. поддерживал дьяконовский способ каждения, но ветковцы в «Предувещании» пытались объяснить, что его слова следует толковать в пользу их способа. Сочинение не опубликовано. Оно дошло в рукописи ГПБ АН УССР, собр. Киевской духовной академии, № 273 (0.8.41) («Книжица о каженши»), л. 8—8 об.

Лит.: Смирнов П. С. 1) Из истории раскола первой половины XVIII в. СПб., 1908. С. 190—191; 2) Споры и разделения в русском расколе в первой четверти XVIII в. СПб., 1909. С. 273.

Н. В. Поньрко

Игнатий (ум. 4 III 1687) — черный дьякон Соловецкого монастыря, писатель и идеолог старообрядческого движения. И. впервые упоминается в источниках начиная с 1666 г., когда он принял активное участие в спорах об исправлении богослужебных книг и обрядов и идеологической борьбе, развернувшейся в стенах Соловецкого монастыря накануне Соловецкого восстания 1667—1676 гг. Уже в это время И. выступил проповедником особого учения о «правильном» написании титла на кресте Христовом «ИХЦС» («Исус Христос Царь Славы») вместо еретического и глумливого — по его мнению — написания «ИНЦИ» («Иисус Назарянин Царь Иудейский»). Учение это нашло последователей среди соловецких монахов и было вкратце изложено И. в его челобитной, адресованной царю *Алексею Михайловичу* (изд. П. С. Смирновым).

В конце 1666 или в начале следующего 1667 г., накануне «запора» подвергнувшегося осаде царскими войсками мятежного Соловецкого монастыря, И., следуя пророчеству местного юродивого Гурия, с группой монахов покинул монастырь. С этого момента главным его занятием становится пропаганда идей старообрядчества и собственного учения о титле на кресте. Хорошо знавший И. инок *Евфросин*, примирившийся впоследствии с церковью, писал о нем в 1691 г.: «Книгам был читатель, и охочь, и досуж, а мудрованейце иное имел, и бог знает какое: титлу на кресте не принимал и велику книгу на то собрал» (Е в ф р о с и н. Огразительное писание. . . С. 25—26). Инок Евфросин рассказывает типичный случай, происшедший с И., который некогда в Пошехонье «к дворянину Федору . . . на двор взшел и на крыльце увидел распятие с титлоу {еретическою. — Н. Б.). Верняся назад и не поклоняся кресту, пошел и „недостойт, — рекл, — с сими человеки молитиси и ясти“» (Там же. С. 26). Около двадцати лет И. спасался от преследований, ведя жизнь странствующего проповедника, укрываясь сначала в Спасском монастыре возле Каргополя, затем в Курженской обители и других местах. В эти годы он встречался и вел переписку с игуменом Досифеем, иноком Корнилием и другими руководителями старообрядческого движения, являясь фактическим главой старообрядцев в Поморье.

Самым крупным догматическим сочинением И. является, по-видимому, «Книга о титле на кресте», которая, по свидетельству инок Евфросина, «широко обносилась во христианех». Книга эта дошла до нас, вероятнее всего, лишь в отрывках, как, например, в рукописи ИРЛИ, Усть-Цилемское собр., № 19, где она имеет заголовок «О титле». Небольшой фрагмент из нее издан П. С. Смирновым.

Наряду с учением о титле на кресте дьякон И. был проповедником широко распространенного в эти годы старообрядческого учения о последнем времени и пришествии антихриста применительно к переживаемому страной острому периоду церковной реформы. Жестокое преследование сторонников «старой веры» духовными и светскими властями привело И. к убеждению, что с 1666 г. «на Москве царствует Титин», т. е. преисподний бес, и единственным спасением от его пут является самоожжение. Начавшись в Поволжье еще в начале 70-х гг. как реакция на преследования старообрядцев, коллективные самоожжения вскоре перекинулись в Поморье. Активно участвуя в пропаганде среди местных крестьян этой крайней формы социально-религиозного протеста, И. стал организатором самого крупного самоожжения, происшедшего 4 марта 1687 г. в Палеостровском монастыре, специально захваченном старообрядцами для этой цели. Палеостровский монастырь был избран старообрядцами не случайно. Именно здесь, согласно распространенной легенде, был убит и сожжен по приказанию патриарха Никона первый мученик за «старую веру» епископ Павел Коломенский. В организованной И. гари, забравшей 2700 жертв, погиб и он сам, заслужив в среде своих последователей славу мученика палеостровского.

Из литературного наследия, относящегося к последним годам жизни И., наибольший интерес представляет челобитная — плач о погубленном монастыре, обращенная к царю *Феодору Алексеевичу* от имени «последнего оставца соловецкого» (1676). В челобитной образно, с приведением малоизвестных подробностей описано взятие Соловецкого монастыря воеводой Иваном Мещериновым и последовавшие за этим казни его защитников (изд. Н. Ю. Бубновым). Последним по времени написания сочинением И. является его «Исповедание» (1682), представляющее собой своеобразную «прокламацию социального отчаяния низов России . . . решившихся в своей оппозиции к феодальному государству на крайнюю меру — на самоожжение» (Демкова. «Исповедание». . . С. 318—324).

Старообрядческие писатели XVIII в. (*Семен Денисов* и др.) знали и широко использовали в своих сочинениях рукописное наследие И.

Соч.: Смирнов П. С. Внутренние вопросы в расколе в XVII веке. СПб., 1898. С. XXXI; Приложение. С. 016—018, 045—047; Бубнов Н. Ю. Незвестная челобитная дьякона Игнатия Соловецкого царю Федору Алексеевичу / Рукописное наследие Древней Руси. Л., 1972. С. 92—114; Демкова Н. С. Из истории ранней старообрядческой литературы: IV. «Исповедание» Игнатия Соловецкого (1682 г.) и отклики современников на разгром Соловецкого монастыря царскими войсками в 1776 г. // ТОДРЛ. Л., 1983. Т. 37. С. 318—324.

Лит.: Евфросин. Отразительное писание о новоизобретенном пути самоубийственных смертей / Сообщ. Х. Лопарева; СПб., 1895. С. 25—28 (изд. О.ДП); Дружинин. Писания старообрядцев. С. 175—176; Зеньковский С. Русское старообрядчество: Духовные движения семнадцатого века. Мюнхен, 1970.

Н. Ю. Бубнов

Игнатий (вторая половина XVII в.) — переводчик, скрывший свое имя в тайнописи типа описательной цифровой системы в тексте перевода «Годовых деяний, церковных . . . Цесаря Барония», выполненного с краковского издания XVII в.: «Преведена сия книга с польскаго языка на словенский со друкованныя книги в Кракове, по благословению преосвященнейшаго Иосифа митрополита рязанского и муромского в лето. . . 7187-го . . . 1678-го года. Переводившаго сию книгу имя его седмеролитерно, троесложно, в нем же убо четыре гласных и три согласных, пачало и приемлет от перваго гласнаго, число же его суть 8» (ГПБ, Ф. 1.273, конец XVII—начало XVIII в., л. 764—764 об.). Из записи явствует, что заказчиком перевода был Иосиф, митрополит рязанский и муромский, который в 1677 г. принимал участие в «досмотре» мощей Анны Кашинской и в обсуждении «подлинности» *Жития Анны Кашинской*.

Лит.: К а л а й д о в и ч К., Стр о е в П. Обстоятельное описание славяно-русских рукописей, хранящихся в Москве в библиотеке . . . Ф. А. Толстова. М., 1825. С. 147; С о б о л е в с к и й А. И. Славяно-русская палеография. 2-е изд. СПб., 1908. С. 113; С п е р а н с к и й М. Н. Тайнопись в юго-славянских и русских памятниках письма. М., 1929. С. 121.

О. А. Белоброва

Игнатий Трофимов (1674—1761) — старообрядец-федосеевец, известный своим участием в спорах с представителями поморского старообрядческого согласия из-за надписи на кресте Христовом и полемикой с поповцами Керженца, автор послания и сочинения о поклонах и каждении. В 1715 г. И. Т. жил в селе Лыбовке Псковского уезда — федосеевском центре, основанном *Феодосием Васильевым*. По-видимому, это было его постоянное местопребывание, так как в 1726 г. он, судя по упоминанию в источниках, находился в том же селе. Когда возникла полемика федосеевцев со старообрядцами-поповцами по поводу священства в старообрядчестве и в Лыбовке появился поповский проповедник Матвей Андреев, то главным его оппонентом со стороны федосеевцев стал И. Т. В трех известных «беседах» (1722 и 1733 гг.) Матвея Андреева он фигурирует как основное лицо, с кем ведется спор. В 1733 г., опровергая антипоповщинское учение федосеевцев, Матвей Андреев написал специальное послание И. Т., в котором среди прочего говорилось, что последний ездил «по градам и всем странам, уча людей. Поморское сочинение «О начале раздора федосеевых с выгорецким общежитием и о причине того, чего ради оный бысть» (опубликовано: П о п о в Н. Материалы для истории беспоповщинских согласий в Москве // ЧОИДР. 1869. Кн. 2: Смесь. С. 100—106), описывая споры о надписи на иконе распятия, определяет его как федосеевского «учителя». В ходе этих споров И. Т. дважды побывал на Выгу: в 1719 г. и в 1736 г. В 1744 г. И. Т., находясь в Москве, участвовал в полемике на ту же тему с московскими поморцами и бывшими там выговцами, в частности *Даниилом Матвеевым*. Сохранилось послание И. Т. на Выг, писанное в 1745 г. (БАН, собр. Дружинина, № 127 (стар. № 160), л. 300—301 об.; см. также: П е т р о в Н. Описание рукописей церковно-археологического музея при Киевской духовной академии. Киев, 1875. С. 274), где он, доказывая правоту начертания на иконе распятия Христова букв ИИЦІ, утверждал, что неприятие такого начертания пошло среди поморцев от их «отца» *Игнатия Палеостровского*. Ответ на это послание был написан Даниилом Матвеевым. Кроме того, дошло еще одно сочинение И. Т. — о поклонах и каждении, оно сохранилось в списке ГПБ, О.1.358, л. 1 об.—4 об. Сочинения И. Т. не изданы.

Лит.: Д р у ж и н и н В. Г. 1) «Священноперей» Матвей Андреев, его беседы с беспоповцами и послания к ним. СПб., 1908. С. 1—2; 2) Писания старообрядцев. С. 202, 257.

Н. В. Поньрко

Иевлев Алексей Иванович (XVII в.) — дьяк, автор статейного списка. Совместно со стольником Никифором Толочановым И. в 1650—1652 гг. участвовал в Посольстве к имеретинскому царю Александру III. Составил литературную обработку статейного списка посольства. По определению М. А. Полиевктова, это редакция С, дошедшая в ряде списков и опубликованная по списку ГИМ, Синодальное собр., № 541 Н. И. Новиковым в ДРВ и М. А. Полиевктовым. Остальные списки (XVII в. — ГИМ, Чудовское собр., № 363 и БАН, Тек. пост., № 92; XVIII в. — БАН, 16.2.9; ЛОИИ, ф. 36, кол. Воронцовых, оп. 1, № 181; собр. Шодуара (местонахождение неизвестно); начало XIX в. — ГПБ, Q.IV.32) при публикации текста не учитывались.

Соч.: ДРВ. 2-е изд. М., 1788. Ч. 5. С. 135—252; Полиевктов М. А. Посольство стольника Толочанова и дьяка Иевлева в Имеретию. Тифлис, 1926. С. 114—192; Статьи́ный список посольства в Имеретию в 1650—1652 г., составленный Але-

ксем Изветным / Рус. текст с груз. пер., обзорные рукописей подгот. к изд. И. З. Цинцадзе. Тбилизи, 1969 (текст на рус. и груз. яз.).

Лит.: Полюевктов М. А. К вопросу об авторе «статейного списка С» по-сольства Толочанова и Исвлева // Сообщения Груз. филиала АН СССР. 1940. Т. 1, № 1. С. 81—85; Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV—XVII вв. М., 1975. С. 215; Белоброва О. А. О ленинградских списках древнерусских хожд-члий в Грузию // Русская и грузинская средневековые литературы. Л., 1979. С. 171—173

О. А. Белоброва

Иерофей Андреев (начало XVIII в.) — старообрядец-поповец, автор сочинения в защиту спорных писаний протопопа *Аввакума*. В старообрядческой рукописи, где излагаются перипетии споров из-за догматических рассуждений протопопа Аввакума, И. А. назван бельцом. «Денежного двора кучиной» назвал И. А. старообрядческий поп Яков Семенов, когда давал в 1719 г. показания в Приказе церковных дел о совершившихся им грехах в среде московских старообрядцев. И. Т. Посошков в написанном около 1710 г. «Зеркале очевидном», перечисляя старообрядческих «лжеучителей» на Москве, дважды упомянул И. А. как «винововозникнувшего», сообщив при этом, что имел с ним прения.

Сохранившиеся документы о И. А. касаются событий 1706—1710 гг. и характеризуют его как яростного защитника догматических рассуждений Аввакума. Известно, что споры о спорных письмах Аввакума возникли в старообрядчестве в два последних десятилетия XVII в. Часть старообрядцев во главе со старцем Онуфрием признавала рассуждения Аввакума, касавшиеся учения о Троице, о воплощении Иисуса Христа, о сошествии его в ад (те, прогив кого выступал в свое время диакон *Феодор*), за догматически непогрешимые и даже воздавала им почести, часть же хулила эти сочинения как еретические и добивалась того же от онуфриевцев. В XVII в. споры из-за Аввакумовых писем происходили на Керженце, где находился скит старца Онуфрия. Около 1706 г. они вспыхнули с новой силой в самой Москве. Здесь в это время И. А. учил: «. . . светлея солнца писма Аввакумовы и вси добры». И. А. выступил с поддержкой Аввакумова рассуждения о Троице, соглашаясь с выражением Аввакума и повторяя, что «три цари небесныя особно сидят», он высказывался также о том, что четвероконечный крест есть только ветхозаветная «сець». «Аще крест Христов се называешь, — писал он о четвероконечном кресте, — то я блядью римскою без сомнения называю. . . Хотя и было древле на церквах сим образом, и то было неведением: дураков-то и тогда немало было», — эти положения И. А. проповедовал «в домах и на торгу, и паче привлачая к себе торговых людей и иных». Распространял он свою проповедь не только устным путем, но и письменным: «. . . своею рукою писал те речи». Противники И. А. собрали воедино его писания и устные выступления, и полученные из них тезисы из 25 «статей» были предъявлены ему на соборе, созванном в Москве 19 января 1706 г. специально для этого случая. Соборные прения кончились безрезультатно; и противники И. А., и его сторонники «разыдошася вси каждо восвоеси». Второе собрание состоялось 21 мая 1706 г. На нем противники онуфриевцев требовали, чтобы были «отложены» «спорныя нецерковныя писма Аввакумовы и Иерофеевы». Сторонники же И. А. говорили, что не подобает этого делать, «страдалец бо велик писал те писма». Дело кончилось тем, что И. А. написал своею рукою «письмо мировое», в котором соглашался «отложить» Аввакумовы писма, но все же «хулы на них никаковы не положил», вопреки требованию своих оппонентов. После этого собора И. А. специально ходил совещаться к своему единомышленнику старцу Онуфрию на Керженец. Подробности об этом совещании неизвестны. Известно только, что в промежутке между 1706 и 1708 г. Онуфрий читал по многим скитам на Керженце «писма» самого И. А. (в чем впоследствии каялся). Во время прений 1708 г. в Онуфриевом ските, когда против И. А. и Онуфрия выступил *Тимфей Лысенин*, в скором будущем основоположник толка дьяконовщины, Онуф-

рий, от которого добивались осуждения И. А., так аттестовал своего единомышленника: «Аз Иерофея знаю, он добрый человек и мудрой, от юности своея пошел за Писанием».

Весь 1708 г. на Керженце при активном руководстве Тимофея Лысенина происходили сходы старообрядцев, на которых читали «письма» Аввакума и И. А. и обличали их. Некто Иван Ильин на одной из таких сходов разордал писания И. А. Многолетние споры с Онуфрием кончились победой его противников: Онуфрий не только отверг письма Аввакума как неприемлемые, но и проклял их как еретические. Как поступил И. А., неизвестно. О дальнейшей его судьбе сведений нет.

Сочинения И. А. в своем оригинальном виде не сохранились. В рукописи ГПБ, собр. Погодина, № 1256, стб. 1338—1341 дошли только те 25 «статей», названные здесь «Исповеданием Иерофеевым» («Сие исповедание Иерофеево, еже он таковая 25 глав, истину со лжею и ложь со истинною вкупе поставляя, прочитал. . .»), которые, как явствует из дальнейших пояснений этой рукописи, были собраны воедино из писаний и устных выступлений И. А. его противниками. «Главы» эти имеют конспективный, или тезисный, характер. Вообще, данная рукопись, содержащая в стб. 1265—1677 обширный рассказ о расприх в старообрядчестве из-за догматических рассуждений протопопа Аввакума, является единственным источником сведений как о И. А., так и о его сочинении. Но сведения эти изложены с точки зрения противников его учения и потому односторонни. «Исповедание Иерофеево» опубликовано по рукописи Погодинского собрания.

Соч.: Материалы для истории раскола за первое время его существования / Под ред. Н. Субботина. М., 1887. Т. 8. С. 247—249.

Лит.: Е с и п о в Г. Раскольничьи дела XVIII столетия. СПб., 1861. Т. 1. С. 233; Зеркало очевидное И. Т. Посожкова / Изд. А. Царевского. Казань, 1898. Вып. 1. С. 110, 242; С м и р н о в П. С. 1) Внутренние вопросы в расколе в XVII веке. СПб., 1898. С. 216—237; 2) Из истории раскола первой половины XVIII в. СПб., 1908. С. 100—102; 3) Споры и разделения в русском расколе в первой четверти XVIII в. СПб., 1909. С. 262—263, 311—329, 0126.

Н. В. Поньрко

Иларион (ум. 4 VI 1673) — митрополит Рязанский и Муромский, автор грамоты, приветственного слова и духовного завещания. И. был священником в селе Лысково под Нижним Новгородом (см. свидетельства протопопа *Аввакума* и дьякона *Федора*), овдовев, принял пострижение в монастыре Макария Желтоводского, до 1656 г. был архимандритом этого монастыря (см.: *Д о б р о т в о р с к и й*. Описание. . . С. 84). В 1656—1657 гг. И. игуменствовал в нижегородском Печерском монастыре, а в 1657 г. поставлен в архиепископы рязанские патриархом *Никоном*. В 1667 г. (по другим сведениям — в 1669 г.) И. наречен митрополитом Рязанским и Муромским. И. известен как один из главных поборников церковной реформы патриарха *Никона*. Современники считали его вместе с митрополитом Павлом Крутицким столпами Собора 1666—1667 гг. против старообрядцев. В сочинениях вождей старообрядчества — протопопа Аввакума, дьякона Федора, инока *Авраамия* — имя И. как лютого их врага встречается часто. Нижегородское село Лысково, где И. священничествовал в свое время, свело его с теми, против кого ему пришлось подвизаться в Москве. Протопоп Аввакум вспоминал о своей «древней любви» с И. и, обращаясь к нему в «Книге бесед», писал: «Иларион, мой друг, архиепископ рязанский . . . на Павла митрополита что глядишь, тот не жывал духовно. . . А ты, милая голова, нарочит бывал, и бесов молитвою прогонял. Помнишь, камением-тем в тебя бросали на Лыскове-том у мужика-тово, как я к тебе приезжал. . .». Очевидно, лысковские знакомства (а с этим селом были кроме Аввакума связаны еще *Иван Неронова*, Павел Коломенский и *Никон*) ввели И. в круг ревнителей благочестия, на нижегородское происхождение большинства членов которого первым обратил внимание еще Н. Ф. Каптерев.

Будучи одним из самых деятельных участников собора 1666—1667 гг., И. на этом же соборе (вместе с Павлом Крутицким) отказался подписать приговор о низложении патриарха Никона по причине несогласия с формулировкой этого документа о превосходстве царской власти над патриаршей. И. и Павел Крутицкий требовали исправления этого места в приговоре. В скором времени, правда, обоим архиереям пришлось просить прощения у собора и царя за выказанную смелость и поставить свою подпись под актом о никоновом низложении, но в результате их выступления формулировка в приговоре была изменена в том смысле, что царь имеет преимущества в делах политических, а патриарх — в церковных.

«Ради тщания, трудов и потов», которые И. положил на соборе против старообрядцев, он (а вместе с ним все его преемники по рязанской кафедре) был удостоен права служить в сакко и носить белый клобук, о чем свидетельствует грамота 1667 г. за подписью вселенских патриархов Паисия Александрийского, Макария Антиохийского и *Иоасафа II* Московского и всея Руси. Стало быть, инцидент с отказом подписать акт о Никоне не имел для И. серьезных последствий.

Об И. известно, что, будучи уже архиепископом, он учился греческому языку у прибывшего в Москву грека, архимандрита *Дионисия*, деятельнейшего участника собора 1666—1667 гг. (об этом греке среди старообрядцев ходила дурная слава). Приверженность И. к новой образованности проглядывает за его словами, сказанными во время допроса старцу Авраамью: «А вы, брате Авраамей, конечно за неведение погибаете. Не учая риторства, ни философовта, ниже граматического здравого разума стяжали есте, а начнете говорить выше ума своего». Надо полагать, что с приверженностью к образованности связаны и близкие отношения И. с *Симеоном Полоцким*. После отъезда И. в Рязань отношения его с Симеоном Полоцким поддерживались путем переписки и отличались такой близостью, что Симеон позволял себе оказывать покровительство лицам, искавшим благосклонного внимания рязанского митрополита.

28 мая 1673 г. после повторных просьб к царю и патриарху И. был отпущен с митрополичьей кафедры на покой в Макариев Желтоводский монастырь. Для почетных проводов царь предоставил ему военный конвой. На пути И. скончался. Он погребен в рязанском соборе архангела Михаила.

Кроме короткой грамоты 1664 г. о том, можно ли священнослужителям поставить архиереем (в связи с делом патриарха Никона), писанной в ответ на запрос царя, от И. дошли приветственное слово, сказанное при встрече на пути под Москвой прибывших на Русь восточных патриархов Макария Антиохийского и Паисия Александрийского, и духовное завещание. Приветственное слово написано пышным украшенным стилем Симеона Полоцкого. Духовное завещание, составленное в привычных традициях этого жанра, несколько отличается от завещаний большинства духовных русских церковных иерархов короткой концовкой, представляющей собой как бы пастырскую проповедь на тему: «Братия мои возлюбленные, помните выну последняя (т. е. кончину) и веки не согрешите».

Соч.: Воздвиженский Т. Историческое обозрение рязанской иерархии. М., 1820. С. 136—140 (духовное завещание); Материалы для истории раскола за первое время его существования / Под ред. Н. Субботина. М., 1876. Т. 2. С. 153—155 (приветственное слово); Дело о патриархе Никоне / Изд. Археографической комиссии. СПб., 1897. С. 120 (грамота).

Лит.: Добротворский С. Описание нижегородского Печерского первоклассного мужского монастыря: Отд. оттиск на «Нижегородских губернских ведомостей». 1849. № 28—43. С. 81—82; Материалы для истории раскола. . . М., 1881. Т. 6. С. 195, 200—201; 1885. Т. 7. С. 391—394; Макарий (Булгаков). История русской церкви. СПб., 1883. Т. 12. С. 754—760; Татарский И. Симеон Полоцкий. М., 1886. С. 101—102; Каптерев Н. Ф. 1) Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. Сергиев Посад, 1912. Т. 2. С. 7—27, 88—93, 227—250, 369—372; 2) Патриарх Никон и его противники в деле исправления церковных

обрядов: Время патриаршества Иосифа. Сергиев Посад, 1913. С. 119; Памятники истории старообрядчества XVII в. Л., 1927. Стб. 336, 751 (РИБ. Т. 39); Понырко Н. В. Жизнь протопопа Аввакума как духовное завещание // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 39. С. 379—387.

Н. В. Понырко

Илья Федоров (XVII в.) — арзамасский дьякон, составитель и писец рукописного сборника «о разных составех» (1669). статьи которого посвящены книгописному делу и содержат указы-рецепты для приготовления чернил, киновари, красок, перьев, бумаги и, в частности, «Учение заставничного письма» — своеобразный трактат об украшении рукописи заставками. Из текста «Учения» следует, что в распоряжении мастера должны были находиться инструменты, обычные как для древнерусского писца («правило» (линейка), лоцильный зуб, «железо» для чистки бумаги от клея, краски), так и для орнаменталиста-золотописца («кружало» (циркуль), кисть, раковина, графья или свайка). Ряд терминов в «Учении» обычен для древнерусской иконописи: белила, левкас, золото, вохра, бакан, синь, лазорь, сурик, комедь и др. Сообщаются рекомендации для композиционного размещения «заставицы» и особо «великой заставицы» на листе бумаги: с помощью кружала и с разметкой «накрест и вдоль и поперек»; указываются допустимые сочетания красок для рамок («окольного узора», «опушки»), для растительного орнамента («корень и ветвь и стебель и круги») рекомендуется пробелка как стилистический прием, сообщены некоторые технические правила для прочности письма заставок.

Соч.: С и м о н и П. К. Старинный трактат о письме заставок // Сборник статей в честь академика А. И. Соболевского. Л., 1928. С. 81—86.

Лит.: Б е л о б р о в а О. А. Из истории нижегородской художественной культуры XVII века // В памяти Отечества: Материалы научных чтений. Горький, 1989. С. 145—158.

О. А. Белоброва

Иннокентий Гизель (ок. 1600—18 XI 1683) — архимандрит Киево-Печерской лавры, духовный писатель и историк. Родился в Пруссии в реформатской семье, юношей принял православие. В 1642 г. после окончания Киево-Могилянского коллегиума уехал учиться за границу, а в 1648—1650 гг. был ректором этого коллегиума, где читал курс философии. В 1654 г. И. Г. приезжал в Москву обсуждать вопрос о правах малороссийского духовенства. С 1656 г. и до конца жизни был архимандритом Киево-Печерской лавры. Печерский архимандрит являлся активным сторонником воссоединения Украины с Россией. В день похорон над могилой И. Г. произнес речь *Димитрий Ростовский*.

Перу И. Г. принадлежат несколько богословских полемических произведений: «Мир с богом человеку, или Покаяние святое, примиряющее богу человека. . .» и «Об истинной вере», или «Ответ иезуиту Бойме о власти папы» (последнее на польском языке). «Мир с богом человеку» является наиболее значительным произведением в литературном наследии И. Г. (оно дважды издавалось при его жизни). В этом трактате, посвященном вопросам морали, автор подробно систематизирует и анализирует грехи людей всех социальных слоев (от князя до писца и воина) и возрастов. В. Н. Перетц, тщательно изучив это произведение, назвал его «кодексом морали мещанства». Другие исследователи считают, что в этой работе нашли отражение идеи раннего гуманизма. Сохранились письма И. Г. Он, например, находился в личной переписке с царем *Алексеем Михайловичем*. И. Г. принимал участие в изданиях *Патерика Киево-Печерского*, вышедшего в 1661 г., и других изданий Киево-Печерской лавры. Для русской истории и литературы наиболее значительным является участие И. Г. в составлении «Синописа» — первого печатного отечественного исторического произведения (в издании 1680 г. сочинение озаглавлено: «Синопис, или Краткое собрание от различных летописцев, о начале славянорусского народа, и первоначальных князих богоспасаемого града Киева . . .

до пресветлаго и благочестиваго государя нашего царя и великаго князя Феодора Алексеевича. . .»). Степень участия И. Г. в работе над текстом «Синописа» является спорным вопросом в отечественной историографии: долгое время Печерского архимандрита считали автором этого произведения (С. М. Соловьев и др.), потом появились работы, полностью отрицающие его авторство (А. С. Лаппо-Данилевский и др.); наиболее распространённой является точка зрения об активной составительской и редакторской работе И. Г. над текстом этого произведения (И. П. Еремин, С. Л. Пештич). Спорность вопроса о степени участия И. Г. в работе над «Синописом» основана прежде всего на слабой изученности истории его текста, например считается, что первое издание появилось в 1674 г., но существуют указания на издания 1670 и 1672 гг.; недостаточно полно изучен вопрос о дополнениях, которые делались почти в каждом издании XVII в. Издание 1680 г., представленное тремя разновидностями, легло в основу почти всех последующих перепечаток, оно по сравнению с первым изданием расширено почти вдвое (в него в числе других дополнений было включено популярное древнерусское произведение *Сказание о Мамаевом побоище*). Основными источниками «Синописа» были «Хроника» *Мацея Стрыйковского*, Густынская летопись и другие летописи. В тексте «Синописа» много различного рода поздних «баснословий», особенно в ранней истории славян: само название «славяне» производится здесь от слова «слава», Александр Македонский, по мнению автора, не только знал о славянах, но и оказывал им помощь. Все внимание составителя обращено к событиям Киевской Руси, об истории Северной России говорится мало и неполно. Популярность «Синописа» была огромной: в течение XVII—XIX вв. он выдержал около 30 изданий (перечень их дан в кн.: Библиография русского летописания / Сост. Р. П. Дмитриева. М.; Л., 1962. С. 5—6). Более ста лет он служил учебной книгой по истории России, пока на смену ему не пришел «Краткий Российский летописец» М. В. Ломоносова. Уже в XVII в. «Синопис» был переведен на греческий и латинский языки. Секрет успеха «Синописа» заключался в том, что текст его был проникнут идеей исторической необходимости воссоединения Малой России с Великой (И. П. Еремин). Профессиональные историки по-разному оценивали значение «Синописа» как исторического произведения: одни считали его чтением для мещан (Н. И. Новиков), другие — «первым младенческим несвязным лепетом русской историографии у нас на севере и юге» (С. М. Соловьев), третьи — произведением, способствовавшим превращению исторических знаний в науку (С. Л. Пештич). Влияние «Синописа» на русскую литературу бесспорно: почти все русские поэты и писатели XVIII в. черпали из него историческую канву своих произведений.

Соч.: Мир с богом человеку. Киев: тип. Лавры, 1669; 1671; Синопис. Киев: тип. Лавры, 1674; Письма Иннокентия Гизеля // Труды Киевской духовной академии. 1865. № 7. С. 354—364; «Лист» печерского архимандрита Иннокентия Гизеля на сбор милостыни для выкупа у татар пленников // Киевская старина. 1895. Т. 48. Февраль (документы, известия, заметки). С. 53—54.

Лит.: Сумцов Н. Ф. Иннокентий Гизель: (К истории южнорусской литературы XVII века) // Киевская старина. 1884. Октябрь. С. 183—226; РБС: Ибаи—Ключарев. СПб., 1897. С. 116; М а с л о в С. И. К истории изданий киевского «Синописа» // Статьи по славянской филологии и русской словесности: Сб. ст. в честь акад. А. И. Соболевского. Л., 1928. С. 341—346; Е р е м и н И. П. К истории общественной мысли на Украине второй половины 17 в. // ТОДРЛ. М.; Л., 1954. Т. 10. С. 212—222; П е ш т и ч С. Л. «Синопис» как историческое произведение // Там же. 1958. Т. 15. С. 284—298; Українські письменники. С. 288—290; П е р е т ц В. Н. Исследования и материалы по истории старинной украинской литературы XVI—XVIII веков. М.; Л., 1962. С. 183—205; История философии в СССР. М., 1968. Т. 1. С. 393—395; М о и с е в а Г. Н. Древнерусская литература в художественном сознании и исторической мысли России XVIII века. Л., 1980. С. 9, 42, 144, 182—184, 219.

В. К. Зиборов

Иоаким (в миру Иван Савелов) (6 I 1621—17 III 1690) — патриарх всея Руси, автор поучений, полемических произведений и посланий.

Происходил из дворян, ведших свою родословную из Великого Новгорода, где их предок был посадником. Находясь на военной службе в «киевских странах» и узнав о смерти жены и детей, в 1652 г. постригся в монахи в киевском Межигорском монастыре. Покинув Украину в 1657 г., И. сначала по приглашению патриарха *Никона* поступил иноком в Валдайский Иверский монастырь, а потом, в 1664 г., стал архимандритом Московского Чудова монастыря, откуда поставлен в 1672 г. митрополитом Новгородским. С 1672 г. и до конца жизни возглавлял русскую церковь, принимал самое активное участие в политической и общественной жизни, во многом ее определяя. Похоронен в Успенском соборе. Существовал прижизненный портрет И., который находился в доме князя *В. В. Голицына* («персона, писана по холстам»).

Человек волевой, целеустремленный, в чем-то жестокий, патриарх И. был ярким традиционалистом, активным борцом с западным влиянием как в политике, так и в культуре, стремившимся противопоставить польско-латинскому влиянию ориентацию на греческую церковь. В быту его непримиримость доходила до фанатизма: И. отказывался обедать за одним столом с иностранцами, запрещал обращаться к немецким врачам, громил «еллинский, блуднический, гнусный обычай» брить бороду. Он боролся и со старообрядцами, но, по мнению последних (диакон *Федор Иванов*), действовал не по собственному убеждению, что подтверждается его ответом на вопрос царя *Алексея Михайловича* о вере: «Аз-де, государь, не знаю ни старья веры, ни новья, но что велят начальницы, то и готов творити и слушати их во всем». Петр I в борьбе за престол в лице патриарха нашел активного союзника. На последнем возглавляемом им соборе в 1690 г. И. добился безусловного осуждения латинствующих: был наложен запрет на произведение известных деятелей украинской церкви — Петра Могилы, *Симеона Полоцкого*, Лазаря Барановича и др. По мнению некоторых исследователей, после смерти И. обсуждался вопрос о его канонизации.

Среди современников было распространено мнение, будто патриарх, только став монахом, обучился грамоте. Это служило поводом для пренебрежительных отзывов со стороны врагов И. («патриарх Иоаким мало и грамоте умеет»), а современные исследователи на том же основании высказывали предположение, что авторами произведений, подписанных И., были *Евфимий Чудовский* и *Карион Истомир* (Р. К. Агаркова, Л. И. Сазонова). Однако в Житии патриарха, составленном после его смерти *Игнатием Римским-Корсаковым* — близким к И. человеком, утверждается, что в детстве, «егда приспе время, вдаша его (патриарха. — *В. З.*) в научение грамоте, и божию благодатью, изучися писанию книжнаго чтения».

Все произведения И. появлялись как отклики на актуальные события политической и церковной жизни. Многие из его работ печатались в Московской типографии. К 1682 г. относится публикация двух наиболее известных произведений И., направленных против раскольников. В «Слове на Никиту Пустосвята», появившемся в связи с восстанием 1682 г., И. отстаивает право официальной церкви самой решать вопросы о вере: «. . мнози неразумливые человецы всякаго чина — священники, монахи, и прости, по монастырям и пустыням, во градах, во домах прелстипаша, мнящесе быти во Святом писании разумни». Слово было издано в окружении разных текстов, поэтому различают пространный и краткий варианты издания (нач.: «Понеже вседержавный всех сущих тварей владыка Иисус Христос. . .»). Краткий вариант отличается от пространного следующим: в первом помимо работы И. была помещена челобитная к нему *Никиты* 1681 г., а во втором к этим произведениям добавлены покаянное послание Никиты собору 1667 г., разрешительная грамота собора Никите и челобитная Никиты вселенским патриархам и собору. Тогда же было опубликовано одно из главных антираскольнических произведений XVII в. — «Увет духовный» *Афанасия Холмогорского*, который долгое время приписывался И., так как в состав «Увета» вошло его «Возглашение увещательное

всему российскому народу» (нач.: «Всем людем Божиим православным христианам во всем российском государстве всякаго чина и возраста. . .»). Название другой известной антираскольнической книги того же Афанасия «Щит веры» было дано ей И. («ей же титулу блаженнейший и всесвятейший Иоаким патриарх положи, нарече „Щит веры“»), причём это название объяснялось следующим образом: «Сим щитом, читатели православнии, от блядословцев защищайтесь». На следующий год после подавления восстания 1682 г. И. опубликовал «Слово благодарственное о избавлении церкви от отступников», где описывается ход событий, когда восставшие «во град Кремль ити устремилися и по палатам царским с свирепством и великим шумом приити не убоялися».

В 1677 г. было опубликовано поучение, «возбуждающее люди до молитвы и поста во время нахождения супостатов» (нач.: «Благодать и мир бога Отца вседержителя и едиnorodного его Сына. . .»). С именем патриарха связывают документы церковно-служебного характера: чин поставления священника, подготовленный к печати в 1679 г., но не изданный; чин поставления архиепископа 1682 г.: чин мироварения («Сочинение святого мира»), составленный в марте 1683 г. 27 апреля 1682 г., в день смерти царя *Феодора Алексеевича*, патриарх возглавил деятельность избирательного собора, и в результате «единодушнаго согласия и сердечнаго единомыслия» царем избрали Петра (сохранился акт собора под названием «Воззвание патриарха Иоакима ко всем государственным чинам и к народу»). Кроме перечисленных произведений до нас дошло много грамот И.: они частично опубликованы, но изучены недостаточно полно (перечисляются в хронологической последовательности по изданиям ААЭ и АИ): 1) грамота о запрещении печатать на бумажных листах изображений святых и торговать немецкими печатными листами с подобными изображениями (после 1674 г. — ААЭ. Т. 4. № 200); 2) грамота архимандриту Кирилло-Белозерского монастыря Никите о запрещении инокам Ферапонтова монастыря именовать монаха Никона письменно и устно «святейшим патриархом» (январь 1675 г. — ААЭ. № 204); 3) грамота в Кирилло-Белозерский монастырь о переделке печей в келиях бывшего патриарха Никона и о постройке для него особой поварни (5 июля 1676 г. — ААЭ. № 243); 4) богомольная грамота игумену Иоасафу Воскресенского монастыря в Карачеве о молебствии и пощении по случаю войны с турками и крымскими татарами (26 августа 1678 г. — ААЭ. № 226); 5) грамота к царям Петру и Иоанну Алексеевичам о посылке книги «Увет» и об отправлении к ним митрополита Суздальского Илариона с ходатайством за виновных стрельцов (25 сентября 1682 г. — ААЭ. № 260); 6) грамота митрополиту Новгородскому *Корнилию* о рассылке книг «Увет» по церквам и монастырям его епархии (17 октября 1682 г. — АИ. Т. 5. № 98); 7) наказная грамота в Галич (14 июля 1685 г. — ААЭ. Т. 4. № 285); 8) грамота митрополиту Новгородскому *Корнилию* с разрешением постройки православных церквей в Польше и Швеции и о поставлении к ним священников и дьяконов (21 июня 1686 г. — АИ. Т. 5. № 142); 9) грамота митрополиту Новгородскому *Корнилию* о наблюдении за церквами в русских городах, отошедших по мирным договорам к Польше и Швеции (30 августа 1689 г. — АИ. № 188). Многие послания и грамоты И., объединенные по тематическому принципу, вошли в состав сборника под названием «Икона, или Изображение великие соборные церкви всероссийскаго и всех северных стран патриарша престола приключенных дел в разные времена и лета» (опубликованы только документы, относящиеся к управлению киевской митрополией: Архив Юго-Западной России. Ч. 1, т. 5). «Икона», составленная в 1700 г. неизвестным автором, представляет собой сборник документов патриархов И. и *Адриана*, относящихся к управлению отдаленными епархиями, и писем этих патриархов к представителям других православных церквей. 29 посланий, грамот и писем И., вошедших в состав «Иконы», помещены в разделе под названием «О Киевской Малороссийской митро-

полии, како подсудствовася всероссийскому патриаршу престолу, вдовствовавши многая лета, ведение известно». Они написаны в 1683—1689 гг. и обращены ко многим адресатам: константинопольским патриархам Иакову и Дионисию, гетману Самойловичу, архиепископу Черниговскому Лазарю Барановичу, архимандриту Киево-Петчерской лавры *Варлааму Ясинскому* и др. Кроме этого в «Икону» были помещены 14 писем И. к различным адресатам, в которых затрагивались самые разнообразные вопросы церковной жизни (письма не напечатаны, перечень их приложен к изданию в «Архиве Юго-Западной России»). Два произведения И. вошли в состав сборника Евфимия Чудовского «Остен», который посвящен вопросу о времени пресуществления святых даров, а именно: 1) послание митрополиту Киевскому Гедеону и архиепископу Черниговскому Лазарю Барановичу о «тетраде», изданной в 1668 г. под названием «Выклад о церкви и церковных речах» (3 февраля 1688 г.); 2) слово поучительное, произнесенное на Соборе 1690 г. (весь сборник «Остен» долгое время приписывался И., поэтому в издании памятника на фронтиспise помещен его портрет с факсимиле подписи). Перед смертью И. по традиции написал духовное завещание, где пространно поучал русских людей бороться против иностранного влияния, напоминая, что сам всегда боролся с этим («егда на Крымских татар Росийския царствия полки ходиша, аз смиренный . . . молих и доносих началствующим . . . еже бы еретикам, иноверцам над христианы в полках начальниками не быти»). Не удовлетворяясь воспоминаниями, он перед смертью закликает, «еже бы иноверцам еретикам костелов римских, кирак немецких и татаром мечетей в своем царствие и обладание всеконечно не давати строити нигде, и новых латинских иностранных обычаев и в платии премен по иноземским не вводити».

Исследователи предполагают участие И. в создании целого ряда других произведений XVII в. — Иоакимовской летописи (С. К. Шамбинаго), Краткого летописца новгородских владык (Л. В. Черепнин), *Летописи Новгородской Забелинской* (С. Н. Азбелев), *Летописи Мазуринской* (В. И. Корецкий). При активной поддержке И. в 1681 г. на Печатном дворе начала действовать школа «греческого чтения, языка и письма», имевшая в 1686 г. 233 ученика, а в 1687 г. в Заиконо-Спасском монастыре открылась Славяно-греко-латинская академия во главе с братьями *Лихудами* (И. сам выбирал место для строительства здания академии, следил за постройкой). Литературное наследие патриарха И. изучено недостаточно полно.

Соч.: Последование молебного пения и поучение «во время нахождения супостатов». М., 1677; Слово на Никиту Пустосвята. М., 1682 (в 1721 и 1753 гг. переиздано в Москве); Увет духовный. М., 1682. Л. 1—83 об.; Слово благодарственное патриарха Иоакима об избавлении от отступников. М., 1683; 1688; ДРВ. СПб., 1774. Ч. 4. С. 111—139 (духовное завещание); ААЭ. СПб., 1838. Т. 4. С. 252—255, 289—290, 303, 305, 310, 312—315, 322, 371—372, 422—424, 442—444; АИ. СПб., 1842. Т. 5. С. 154—155, 243—244, 325; Устрялов Н. История царствования Петра Великого. СПб., 1858. Т. 2. С. 467—477 (духовное завещание); Остен. Казань, 1865; Архив Юго-Западной России. Киев, 1872. Ч. 1, т. 5: Акты, относящиеся к делу о подчинении Киевской митрополии Московскому патриарху. С. 35—438; Житие и завещание святейшаго патриарха Иоакима. СПб., 1879. № 47. С. 102—144 (духовное завещание) (изд. ОЛДП).

Лит.: Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1962. Кн. 7. С. 123. 476—478, 569 и др.; Баранович Л. Письма Лазаря Барановича. Чернигов, 1865; Гаврилов А. Литературные труды патриарха Иоакима. СПб., 1872; Смирнов П. Иоаким патриарх Московский. М., 1881; Белокуров С. А. Сильвестр Медведев об исправлении богослужебных книг при патриархе Никоне и Иоакиме. СПб., 1885; Строев. Словарь. С. 124—132; Филарет. Обзор. С. 249—250; Барсуков А. П. Всероссийский патриарх Иоаким Савелов. СПб., 1891; РБС (Иван—Ключарев). СПб., 1897. С. 174—177; Браиловский С. Н. Один из «Пестрых» XVII столетия. СПб., 1902. С. 140—143; Хоменко Л. И. Список ученых трудов Л. М. Савелова. М., 1915; Черепнин Л. В. 1) «Смута» и историография XVII в.: (Из истории древнерусского летописания) // ИЗ. 1945. Т. 14. С. 119—127; 2) Земские соборы русского государства в XVI—XVII вв. М., 1978. С. 351—352, 355—357, 365—367; Шамбинаго С. К. Иоакимовская летопись // ИЗ. 1947. Т. 21. С. 254—270; Азбелев С. Н. Новгородские летописи XVII века. Новгород, 1960. С. 61—65, 74; Панченко А. М. Квирин Кульман и чешские

братья» // ТОДРЛ. М., 1963. Т. 19. С. 330—347; И р ж и Д. Современное состояние Великой России, или Московии // ВИ. 1968. № 4. С. 143; Б у г а н о в В. И. 1) Московские восстания конца XVII века. М., 1969. С. 11, 221—223 и др.; 2) Отечественная историография русского летописания: Обзор советской литературы. М., 1975. С. 189, 191, 196, 293, 294; Л у п о в С. П. Книга в России в XVII веке. Л., 1970. С. 139, 140, 142 и др.; Описание рукописного отдела БАН. Л., 1974. Т. 3, вып. 3. С. 88, 106, 122, 174—180; Р о б и н с о н А. Н. Борьба идей в русской литературе XVII в. М., 1974. С. 222 и др.; Е л е о н с к а я А. С. Русская публицистика второй половины XVII века. М., 1978. С. 99, 100; Ч е р н а я Л. А. Кавычные Прологи конца XVII—начала XVIII века и характер их правки (6, 8, 9, 10 и 11-е издания Пролога) // Литературный сборник XVII века Пролог. М., 1978. С. 132—141; Очерки русской культуры XVII века. М., 1979. Ч. 2. С. 151, 156, 164, 216; Описание рукописей Чудовского собрания. Новосибирск, 1980. С. 165—169; Б о г д а н о в А. П. Политическая гравюра в России периода регентства царевны Софьи Алексеевны // Источниковедение отечественной истории: Сб. статей 1981. М., 1982. С. 225—246; В о р о н о в а Л. Б. Археографический обзор списков сочинений Игнатия Римского-Корсакова // Исследования по истории общественного сознания эпохи феодализма в России. Новосибирск, 1984. С. 201; М о р д в и н о в а С. Б. Историко-художественные предпосылки возникновения и развития портрета в XVII в. // От средневековья к Новому времени: Материалы и исслед. по русскому искусству XVIII—первой половины XIX века. М., 1984. С. 18; Д е м и н А. С. Писатель и общество в России XVI—XVII веков: (Общественные настроения). М., 1985. С. 223—240, 305, 330, 336, 337; П о н ы р к о Н. В. Житие Аввакума как духовное завещание // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 39. С. 381; С е д о в П. В. О боярской попытке учреждения наместничества в России в 1681—1682 гг. // Вестн. ЛГУ. 1985. № 9. С. 25—29 (Сер. ист., яз., лит. Вып. 2); К л и м е н к о А. А. Здесь учился М. В. Ломоносов // Памятники науки и техники. 1985. М., 1986. С. 192; Р у м я н ц е в а В. С. Народное антицерковное движение в России в XVII веке. М., 1986. С. 69, 210, 236.

В. К. Зиборова

Иоанн (первая половина XVII в.) — инок Арсеньева Комельского монастыря, автор Жития Арсения Комельского. Первоначальная редакция Жития стореда вместе с монастырской церковью в 1596 г. После этого в «дохее» (кладовой) монастыря нашли «малу хартию» с заметками о жизни Арсения, — возможно, ту фактографическую основу, на которой было создано первоначальное Житие. «Игумен же и братия меня, убогого раба Иоанна, — пишет о своей редакции И. (из этой записи и известно его имя), — понудиша житие свягата преписати. Аз же о преподобнем житии распросив и хартию преписав, а иныя многия чудеса своима очима видех истинно, толико мало потщахся написати житие и чудеса свягата вкратце». По оценке В. О. Ключевского, действительно, «рассказ его при своей простоте не богат подробностями, сух и отрывочен» (нач.: «Слава тебе, Христе Боже, сотворшему всяческая. . .»).

Арсений был последним из основателей в Комельском лесу новых монашеских обителей. Уроженец Москвы (вторая половина XV в.) из рода бояр Сахарусовых, он постригся в монахи в Троице-Сергиевом монастыре, в 1525 г. был возведен там на игуменство, но в 1529 г., тяготясь своей должностью, ушел на Север, побродил там и обосновался наконец в глухом болотистом месте в Олоновом конце Комельского леса, при слиянии рек Леша и Кохтыш, в сорока верстах от Вологды. Однако ему начали вредить окрестные крестьяне, стремившиеся воспрепятствовать появлению нового монастыря. После того как ими был убит живший с Арсением келейный старец, он был вынужден оттуда уйти. Отойдя за тридцать верст, Арсений поселился в Шилегорском лесу на р. Шингор и жил там в одиночестве до 1538 г., когда во время набега казанских татар многие жители окрестных сел и деревень укрылись у него в лесу, а некоторые после этого остались там жить. Тогда он вернулся в Комельский лес, на землю в котором сумел получить жалованную грамоту, отстроил там монастырь, завел скот, хозяйство и в 1539 г. с благословения Вологодского и Великопермского епископа Алексея основал общежитие; в 1541 г. освятил новопостроенную церковь. Умер 24 августа 1550 г. Завершают Житие семнадцать чудес, относящихся к 1602—1657 гг., «но последние из них, по-видимому, — считает В. О. Ключевский, — приписаны к Житию после». Очевидно, одновременно с Житием была написана Служба Арсению. Списки и Жития, и Службы редки.

Но существует список Жития, сделанный в первой половине XVII в.: ГПБ, ф. 354, № 65. Известен и список начала XVIII в.: ГИМ, собр. Уварова, № 1247 (107) (134), л. 47—64. И. Верюжский (Исторические сказания. . . С. 474) сообщает, что видел в монастыре Службу Арсению в списке XVII в. Научного издания посвященных Арсению Комельскому произведений нет.

Лит.: Ключевский И. Древнерусские жития. С. 333; Верюжский И. Исторические сказания о жизни святых, подвизавшихся в Вологодской епархии, прославляемых всею церковью и местно чтимых. Вологда, 1880. С. 457—474; Барсуков. Источники агрографии. Стб. 57—58; Коноплев Н. Святые Вологодского края // ЧОИДР. 1895. Кн. 4, отд. 4: Исследования. С. 72—76.

Г. М. Прохоров

Иоани (третья четверть XVII в.) — инок свияжского Успенского монастыря, автор Жития Германа, архиепископа Казанского. Заглавие Жития называет его автора и вдохновителя: «Месяца ноеврия в 6 день. Житие и страдалчество иже во святых отца нашего Германа архиепископа градома Казани и Свияжска. Списано по благословению господина Лаврентия архиепископа, градом Казани и Свияжска митрополита, убогим рабом Иоанном» (нач.: «Уме промыслительный мой! К тебе убо в настоящее время беседую. . .») (ГПБ, Q.1, № 775, начало XVIII в., 158 л.; Житие предваряется здесь Службой Герману, а завершается «Сказанием от чудес святаго Германа» с двумя продолжениями; начала рукописи недостает). Г. Елисеев и Н. П. Барсуков знали только один хранившийся в кафедральном Благовещенском соборе г. Казани список (тоже со Службой), где имя автора, судя по тому, что эти учешые считали его неизвестным, указано не было (кроме того, они были знакомы с переводом Жития на современнй русский язык, сделанным архимандритом свияжского Богородицкого монастыря Иеронимом и хранившимся в этом монастыре). В. О. Ключевский пользовался списком ГИМ, собр. Уварова, № 792, XVIII в., л. 70—267 с именем автора. Благословивший написание Жития архиепископ Лаврентий был митрополитом Казанским в 1657—1673 гг. — так определяется время работы И. Сведения о втором архиепископе Казанском, основателе Свияжского монастыря Германе (ум. 1568), сообщил И., по его словам, тот же владыка Лаврентий. Сведения эти скудны, неточны и хронологически сбивчивы. Автор жалуется на отсутствие старых записей о Германе. Житие пространно за счет торжественного красноречия. Тем не менее оно является важным историко-литературным памятником, представляя собой запись преданий об известном церковно-политическом деятеле эпохи *Ивана Грозного*, которого *Андрей Курбский* считал жертвой этого царя. Происходивший из рода Садыревых-Полевых, потомков князей Смоленских, Герман, как и его отец Филофей Полев и, вероятно, какой-то родственник *Нил Полев*, был постриженником Иосифо-Волоколамского монастыря в тот период (30-е гг. XVI в.), когда этот монастырь был одним из ведущих церковно-политических центров страны. В 1554 г. Герман привез из Москвы с собора осужденного за ересь на заключение в этом монастыре Матвея Башкина; в следующем году он основал Свияжский монастырь в Казанской епархии, а в 1564 г. стал митрополитом Казанским и Свияжским. Через два года после смерти митрополита *Афанасия* Иван Грозный вознамерился возвести на митрополию Германа, но после беседы с ним отказался от этого намерения и изгнал его из митрополичьих палат. На суде над митрополитом *Филиппом II*, как сообщается в Житии, один Герман заступился за него. Причиной смерти Германа, последовавшей в этом же году в Москве, Житие позволяет считать скорее мор, нежели казнь от царя. В 1592 г. мощи Германа были перенесены в Свияжск. Запись чудес у его гроба, начатая И., была продолжена в 1675—1679 гг. «с любопытной, — как отмечает В. О. Ключевский, — заметкой о раскольниках в Казанском крае». Житие не излано.

Лит.: Елисеев Г. Жизнеописания святителей Гурия, Германа и Варсонофия, казанских и свияжских чудотворцев. Казань, 1847. С. 31—48; Ключевский И. Древнерусские жития. С. 342; Барсуков Источники агиографии. Стб. 129—130.

Г. М. Прохоров

Иоани (середина или вторая половина XVII в.) — священник села около Кирилло-Челмогорского монастыря, автор описания чудес Кирилла Челмогорского. Первоначальные записки о Кирилле Челмогорском, как сообщает И., пропали при литовском разорении монастыря в Смутное время. О Кирилле он знает только то, что тот пришел «на Челму гору» (в пятидесяти верстах от Каргополя на р. Онеге) «на лето 6824-е», т. е. в 1316 г., и прожил там пятьдесят два года в одиночестве, поскольку братии не собирал и монастыря не устраивал. После его смерти (8 декабря 1367 г.) остались возведенная им церковь Богоявления, часовня и келья, которые несколько лет оставались пустыми. Затем туда пришел из Новгорода инок Серапион с товарищами, но через три года они покинули это глухое место, которое вскоре было вновь заселено неким монахом Арсением и его товарищами. Те распахали и засеяли землю, вместо сожженной молнией церкви Кирилла возвели другую, Успенскую; число братии стало быстро увеличиваться и к 1419 г. достигло восьми десятков человек. Они возвели новую церковь Богоявления с приделом великомученицы Екатерины и, вызвав из Новгорода искусного иконографа Иоанна, «повелеша ему написати образ преподобного отца Кирилла». Люди, знавшие Кирилла в жизни, нашли сходство между образом и оригиналом; от образа тут же начались чудеса. Далее следуют рассказы о чудесах, написанные, по оценке В. О. Ключевского, витиевато, но дающие возможность составить некоторое представление о жизни обители до середины XVII в. Списки Жития, как замечает В. О. Ключевский, чрезвычайно редки. Сам он пользовался списком из принадлежащей ему поморской рукописи. Н. П. Барсуков указывает списки ГИМ, собр. Барсова, № 70, 72, 308, XVII—XVIII вв. и сообщает, что «Я. И. Бередников в бытность свою в 1834 г. в Челмогорском монастыре напел там список жития святого, писанный в XVII веке» (Жизнь и труды П. М. Строева. СПб., 1878. С. 269—270).

Соч.: Докучаев-Басков К. А. // Христ. чт. 1889. № 3—4.

Лит.: Ключевский В. О. Древнерусские жития. С. 320—322; Барсуков И. Источники агиографии. Стб. 309; Докучаев-Басков К. А. Подвижники и монастыри Крайнего Севера: История Челменской пустыни // Христ. чт. 1889. № 9—10. С. 43—114.

Г. М. Прохоров

Иоани (вторая половина XVII в.) — коломенский священник, автор «Слова улична» и «Спора православных с лютыми капитоны» — богословско-полемических трактатов, сохранившихся в списке ГПБ, собр. Погодина, № 1560, Сборник-конволют, XVII в., л. 82—87 об., 88—102 об. «Слову уличну», полное название которого: «Слово улично священника Иоанна от божественного писания на лживую повесть» (нач.: «Не в научных человеческия, по апостолу Павлу, премудрости словесех. . .»), предшествует «Список с подметной повести писма руки Исидора Крючкова», где говорится о близком конце света (см. статью Крючков *Исидор*). Из «Слова улична» следует, что житель Коломны Исидор Крючков «винился во архиепископше приказе на Коломне» и что он принадлежит, на взгляд автора, к «капитонам», «мутящим» церковь. Касаясь предсказания конца света, И. отвечает, что человек не может «ведати ум господень». Непосредственно за «Словом уличным» в рукописи следует заголовок «На мутителей согласия единства церквей — лукава иерея Игнатия с единомысленики его» (л. 88), после которого идет перечень нескольких псалмов, и лишь затем — «Спор православных с лютыми капитоны о правой вере, ею же действует божия церковь». Из сохранившегося в списке ГИМ, Синодаль-

ное собр., № 14 (3) дела о коломенских попах И. и Игнатии ясно, что «лукавый иерей Игнатий» — поп той же коломенской Воскресенской церкви Игнатий Осипов. Спор между ними начался в 1661 г. и закончился в 1676 г. В эти годы и был, очевидно, написан И. «Спор православных с лютыми капитоны». «Спор» написан в форме диалога (нач.: «Православный: Рци ми, капитоне, како веруеши. От дел твоих покажи ми. . .») и касается вопросов, по каким книгам служить — старым или новым, как креститься, крестить, венчать, исповедовать и т. п. Тональность местами резкая («Капитон: Убо престани, мужичей сын. . .»; «Православный: . . . С вас же отметников и лживых пророк снят будет овчия кожи и внутренней волчия нрава хищный обычай обнажится всем. . .»). Оба трактата не изданы.

Лит.: Смирнов П. С. Внутренние вопросы в расколе XVII века: Исследование из начальной истории раскола по вновь открытым памятникам, изданным и рукописным. СПб., 1898. С. СХХ.

Г. М. Прохоров

Иоанн Васильевич Шевелев-Наседка (в монашестве Иосиф) (ок. 1570—ок. 1660) — священник, справщик Московского Печатного двора, писатель и публицист. Родился в селе Клементьево около Троице-Сергиевой лавры, где с 1608 по 1619 г. был священником. Очевидец и участник так называемого Смутного времени. Патриарх *Филарет* перевел И. В. в Москву, поставив его священником церкви Благовещения, «что у государей на сених». В 1621—1622 гг. И. В. участвует в посольстве в Данию, целью которого было сватовство царя *Михаила Федоровича* к племяннице короля Христиана IV. В 1626 г. назначен соборным ключарем Большого Успенского собора. С 1638 (?) и до 1652 г. был справщиком Московского Печатного двора. В 1649 г. становится главным справщиком после *Михаила Рогова*, в этом же году овдовел, в связи с чем принял монашество. В 1651 г. у И. В. возник конфликт с патриархом *Никоном* по вопросу об исправлении богослужебных книг: Никон требовал исправлять книги по греческим оригиналам, И. В. греческого не знал, а о греках говорил, что «они во греху позакоснели . . . и в неволи пребывают». В результате в 1652 г. И. В. был отправлен в заточение в Кожеезерский монастырь. Последнее известие о И. В. относится к 1654 г., когда его вызывали в Москву для дачи показаний по делу *Ивана Неронова*.

Все литературное творчество И. В. неразрывно связано с политическими и общественными событиями его времени. В 1611—1612 гг. он, находясь в Троице-Сергиевской лавре, помогал архимандриту *Дионисию* в составлении патриотических грамот. В 1615—1616 гг. вместе с архимандритом *Дионисием* и старцем *Арсением Глухим* принимал участие в исправлении богослужебных книг (Служебник, Октоих, Требник и др.). В тексте Требника в предложении «Сам и ныне Владыка, освяти воду сию Духом твоим и огнем» справщики убрали выражение «и огнем», что послужило поводом к созыву двух церковных соборов — 1618 и 1619 гг. Активное поведение И. В. на этих соборах может служить характерной чертой его темперамента («митрополиту Ионе и архимандритам и честным протопопам, спираючись, очи слиноми забрызгал»). После соборов писатель составил сочинение в 40 главах «Изысканное от многих божественных книг свидетельство о прикладе огня», где подводятся итоги многолетней полемики об исправлении богослужебных книг. После поездки в Данию появилось одно из лучших его произведений «Изложение на люторы» (1623), которое долгие годы было общепризнанным образцом антилютеранской полемики. Лучшими страницами этого произведения являются личные впечатления автора о пребывании в Дании, среди других его источников следует отметить «Просветитель» *Иосифа Волоцкого*. За свою работу И. В. получил в награду «пяты аршин сукна лундышу вишневого». Позднее он написал два поэтических комментария к этому

произведению: «Написание о лютом враге Мартине, в лепоту рещи — о блядивом сыне, иже вся своя ереси в все концы ввел и всех их во дно адово свел» (1639) и «О римских и латынских папежах, аки о бесовских мрежах: ими же человеческия души уловляются и во адово дно низпосылаются». В 1627 г. И. В. вместе с игуменом московского Богоявленского монастыря *Ильей* составил сочинение в 49 главах «Свиток укоризны Кириллу Транквиллину погрешительным его словесем, блужения его ересем. . .», в результате чего книгу Транквиллиона сожгли. Являясь одним из справщиков, принимал активное участие в интенсивной деятельности Московского Печатного двора, редактируя и составляя книги (с 1645 по 1652 г. было выпущено 85 изданий). Например, в 1644 г. вместе с Михаилом Роговым, *Шестаком Мартемьяновым* и старцем *Савватием* И. В. составил «Кириллову книгу». В 1644—1645 гг. в связи со сватовством датского королевича Вальдемара к дочери царя Михаила Федоровича И. В. выступил с неоконченным произведением «Списание богородичного ключаря Ивана на королевичева немчина Матвея», посвященным вопросу о перекрещивании королевича. Последняя литературная работа И. В. относится к 1648—1649 гг., когда он написал обширное дополнение к Житию Дионисия Зобниновского, составленному *Симоном Азарьиным*. Будучи хорошим начетчиком, талантливым самоучкой, И. В. восполнял отсутствие необходимых для полемики знаний (он не знал ни греческого, ни латинского языков) своим литературным темпераментом, позволяя сильные выражения в адрес противников. Большинство работ И. В. представляют собой тематические компиляции, в которые широко привлекались малороссийские произведения и которые отличаются растянутостью слога и неясностью смысла. Зато при описании событий, очевидцем которых был он сам, язык его становится сочным и метким. Творчество И. В. изучено недостаточно полно, часть произведений остается неопубликованной.

Соч.: Кириллова книга. М., 1644; Памятники прений о вере, возникших по делу королевича Вальдемара и царевны Ирины Михайловны // Собр. А. Голубцовым // ЧОИДР. 1892. Кн. 2, отд. 2. С. 1—350; Сатира XI—XVII веков. М., 1987. С. 363—379.

Лит.: Ц в е т а е в Д. Литературная борьба с протестантами в Московском государстве. М., 1887; Г о л у б ц о в А. 1) К вопросу об авторе, времени написания, цели и составе «Изложения на люторы» // Прибавления к изданию творений святых отцов в русском переводе. 1888. Кн. 3. С. 152—176; 2) Прения о вере, вызванные делом королевича Вальдемара и царевны Ирины Михайловны. М., 1891; С к в о р ц о в Дм. Дионисий Зобниновский, архимандрит Троице-Сергиевской лавры. Тверь, 1890; П л а т о н о в С. Ф. Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII в. как исторический источник. 2-е изд. СПб., 1913. С. 374—377; РБС: Наакс—Николай Николаевич Старший. СПб., 1914. С. 105—110; Краткая литературная энциклопедия. М., 1968. Т. 5. Стб. 122—123; Д е м и н А. С. Писатель и общество в России XVI—XVII веков.: (Общественные настроения). М., 1985. С. 302—305; Р у м я н ц е в В. С. Народное антицерковное движение в России в XVII в. М., 1986. С. 31, 44—45, 48, 50, 63, 90.

В. К. Зиборов

Иоанн Лукьянов (старец Леонтий) — автор Хождения в Иерусалим в 1701—1703 гг., в рукописной традиции имеющего заглавие «Описание пути ко святому граду Иерусалиму от Москвы до Киева, от Киева до Воложской земли, от Воложской земли до Дуная, великия реки, и от Дуная до Царя-града, и от Царя-града до святого града Иерусалима . . . хождение во Иерусалим с Москвы старца Леонтия». Из 13 известных списков Хождения только в одном (ГПБ, F.IV.319) автор его обозначен как московский священник, в 10 других списках автором назван старец Леонтий (в двух списках утрачено начало, где указывается имя). Подлинность имени доказана М. И. Лилеевым, которому удалось отыскать и опубликовать подорожную на имя священника И. Л., выданную в 1701 г. для проезда в Иерусалим. Возможно, что имена И. Л. и старца Леонтия в разное время носило одно лицо. И. Л. мог стать старцем Леон-

тием либо при перекрещивании, либо при пострижении. Все, что мы знаем об И. Л. — Леонтии, известно с его же слов, из текста Хождения. Он был родом из Калуги, в декабре 1701 г. отправился с какими-то спутниками (о которых ничего не известно) в путешествие из Москвы в Иерусалим. Путь его лежал через Украину, Валахию, Царьград. В Иерусалиме он пробыл 14 недель и вернулся назад. Хождение заканчивается возвращением И. Л. в г. Нежин. М. И. Лилеев отождествлял старца Леонтия с ветковским старообрядческим священником Леонтием, известным по судебным документам 70-х гг. XVII в. Такое отождествление приходится считать только догадкой, поскольку никаких фактов в его пользу, кроме общей принадлежности к старообрядчеству и близости к Калуге, не обнаружено. На принадлежность автора Хождения к старообрядчеству указывают следующие признаки: 1) отношение к двуперстии — паломник собирал свидетельства в его пользу; 2) при описании Царьграда он критиковал иерархию и обряды греческой церкви с последовательно старообрядческих позиций.

Сочинение И. Л. примечательно близостью его стиля к стилю протопопа *Аввакума*.

Соч.: Соболевский С. А. Путешествие в святую землю священника Лукьянова // РА. 1863. Вып. 1. Стб. 21—64; Вып. 2. Стб. 113—159; Вып. 3. Стб. 223—263; Вып. 4. Стб. 305—344; Вып. 5. Стб. 385—416; 2-е изд. // РА. 1866.

Лит.: Лилеев М. И. К вопросу об авторе «Путешествия во Св. землю» 1701—1703 г. московского священника Иоанна Лукьянова, или старца Леонтия // ЧИОНЛ. Киев, 1895. Т. 9, отд. 2. С. 25—41; Семенов К.-Д. Die altrussische Wallfahrtsliteratur. München, 1976. S. 366—376; Поньрко Н. В. Сочинение старца Леонтия и школа протопопа Аввакума // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 33. С. 156—163; Травников С. Н. Историческая основа «Путешествия» Иоанна Лукьянова // Факт, домысел, вымысел в литературе. Иваново, 1987. С. 52—64.

Н. В. Поньрко

Иоанникий Грек (первая половина XVII в.) — келарь московского Новоспасского монастыря (1619—1630), приехавший в Москву в 1619 г. с иерусалимским патриархом Феофаном, автор «Скаски Новоспасского монастыря келаря греченина Иоанникия про монастыри, имеющиеся в Цареграде, Иерусалиме и во всей греческой области», которая была записана со слов патриарха. Считавшаяся утерянной «Скаска» сохранилась в документах Посольского приказа (ЦГАДА, ф. 52, оп. 1, д. 1629 г., № 22, 11 л.), не опубликована. Текст «Скаски» дошел без начальных строк; он содержит перечень православных греческих монастырей Царьграда, Иерусалима, Антиохии, Синайской и Афонской гор с указанием их властей и топографических примет. Например: в Царьграде назван «Монастырь Ивана Предтечи, что близко Балутцких ворот стоит, за городовою стеною, на самом море, а в нем 2 священника же, черной и белой, да два дьякона, да стариц до 20 человек»; «В Ерусалиме внутри города против патриархова двора монастырь Успения пречистыя Богородицы, а в нем игуменья, да стариц с 50»; «...на той (Афонской. — О. Б.) горе начальной большой монастырь святого Офонася Офонского, а на ней монастырей з 22 и болша. . .» и др. В ряде случаев сообщается о неосведомленности И. Г.: «А подлинно он во Антиохее не знает, потому что не бывал»; или: «Синайская гора . . . монастырей на тое горе с 4, а имена их и сколько в них братья, того не ведает, сам не бывал». Поскольку И. Г. был «роспрашиван» почти через 10 лет после приезда в Москву, в «Скаске» отмечается: «А иных он монастырей во Цареграде имянно не помнит, а иных и не знает, потому что он во Цареграде жывал мало. . .».

Известия И. Г. дополнены в рукописи приписками, сообщающими данные о «милостыне» греческим монастырям и духовным властям, оказанной посольством Трифона Коробейникова (ср. отчет Трифона Коробейникова в розданной царской милостыни — ППС. СПб., 1888. Вып. 27.

С. 84—103). Например, после упоминания Иерусалимского монастыря св. Екатерины приписано: «А прежь сего с Трифоном послано дать 30 старцам 60 золотых. . .»; о монастырях мученицы Пелагеи, Феодора Стратилата, Василия Кесарийского и др. в приписках сказано: «В Трифонове скаске не написан»; названы и дары, отосланные к царьградскому и иерусалимскому патриархам: «500 золотых угорских, да 40 соболей. . .» и т. д.

Встречаются в «Скаске» и сведения о расстояниях: «А Ерусалим стоит от Царьграда далеко, сухим путем до него ходу до 60 дней, а морем ходят смотря по погоде»; «. . .от Ерусалима ходу днища з два»; «Афонская гора от Царьгорода верст 300 блиско Селуня града. . . а ходение морское ближе, а сухим путем до нея недель с 6. . .».

Назначение «Скаски» скорее всего чисто деловое, для упорядочения раздачи пожертвований («милостыни») властям греческих православных монастырей со стороны Московского царя и патриарха. Отсутствие в «Скаске» легендарных известий о греческих обителях, достаточно распространенных на Руси, подтверждает это так же, как и характерная зависимость от делового отчета, а не от Хождения Трифона Коробейникова.

«Скаска» И. Г. представляет интерес как пример записи устного рассказа (скорее всего на греческом языке) в переводческой среде Посольского приказа в первой трети XVII в. Поскольку одного из братьев Лихудов называли иногда Иоанникий Грек, А. И. Соболевский не сумел отличить первого от второго и ошибочно приписал старшему роль редактора славянского перевода литургии апостола Иакова, выполненного еще Евфимием Тырновским.

Еще один устный рассказ И. Г. — о христианских святынях в Грузии — был записан за ним в 1624 г. (Полиевктов М. Материалы по истории грузинско-русских взаимоотношений. 1615—1640. Тбилиси, 1937. С. 95—97).

Лит.: Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вв. М., 1903. С. 286, 292, 391; Каптерев Н. Ф. Характер отношений России к православному Востоку в XVI и XVII столетиях. 2-е изд. Сергиев Посад, 1914. С. 169—172, 176—178; Белобрава О. А. Кипрский цикл в древнерусской литературе. Л., 1972. С. 17—18.

О. А. Белобрава

Иоасаф I (вторая половина XVI в.—28 XI 1640) — патриарх всероссийский, автор грамот. И. был родом из боярских детей, монашеское пострижение принял в Соловецком монастыре, некоторое время служил в Новгороде при митрополите *Исидоре* (ум. в 1619), бывшем до 1604 г. соловецким игуменом. В 1621 г. И. был возведен в архимандриты Псково-Печерского монастыря, а в 1627 г. стал псковским архиепископом. Здесь он в 1632 г. подвергся кратковременной патриаршей опале за то, что подписался под челобитной псковичей царю о том, «чтобы немцам в Пскове не быть» (немцы прибыли с грамотой о свободной торговле в городе и разрешением на постройку там немецкого двора). В Москве челобитная была воспринята как сопротивление верховной власти, и патриарх *Филарет* «отнял благословение и службу» у архиепископа. Но в скором времени от патриарха было получено разрешение (вслед за тем, как псковичи, отправив три тысячи рублей царю, добились, чтобы немцам было велено строить гостинный двор за пределами города). 6 февраля 1634 г. И. был поставлен в патриархи всероссийские. В Хронографе архиепископа *Пахомия* о поставлении И. читаем: «В лето 7142 . . . поставлен бысть на великий престол московского государства в патриархи Пскова и Великих Лук Иоасаф архиепископ по изволению царя Михаила Федоровича всеа Руси и по благословению Филарета патриарха, понеже был дворовой сын боярской, во нравах же и житии добродетелен был,

а ко царю не дерзновенен» (см.: Попов А. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в Хронографы русской редакции. М., 1869. С. 318). Есть основания полагать, что «недерзновенность ко царю» и смиренный нрав и определили выбор Филарета Никитича, опасавшегося, как бы те исключительные отношения между царем и патриархом, которые в период его патриаршества были естественным следствием родственных отношений между отцом и сыном, не перешли к его преемнику и не стали ограничителем царской власти.

Первое из дошедших до нас писаний И. — это его грамота, посланная 14 сентября 1635 г. в Сийский монастырь о снятии святительского сана с бывшего суздальского архиепископа Иосифа и о его отправке в Соловецкий монастырь. Другое сочинение И. — его ответ на вопрос царя *Михаила Федоровича* о том, что следует предпринять против крымского хана. Это короткое послание явственно подтверждает ту характеристику, которую сам царь дал И., когда извещал восточных патриархов о его избрании, называя «мужем благоразумным, правдивым, благоговейным и наученным всякой добродетели». Вот как отвечал И. царю в своем послании: «И я, богомolec твоей государев Иоасаф патриарх, со всем освященным собором даем мысль свою . . . глава бо еси всем, покажи, государь, ревность и благочестие, чтобы тебе, государю, своих посланников . . . от бесерменских рук и злаго мучения . . . свободить, а царская твоя государева казна тем скудна не будет. . . А в украинских городех пристойно тебе, государю, устроить ратных людей, конных и пеших. . . А за мучение твоих государевых людей крымским послом что учинити, и о том нам, богомольцем твоим . . . написати не пристойит, занеже, государь, на отмщение врагов, что над ними учинити, бывает твое государево царское благоразсмотрительство . . . а не нашего чину, твоих, государевых, богомольцов». Широко известна Память И. тиуну Манойлову и поповскому старосте попу Панкратию от 14 августа 1636 г. о прекращении в московских церквях разного рода бесчинств. Между 1635 и 1637 гг. И. составил «Лествицу влаstem», закрепив ею своего рода местничество в среде высшего духовенства, основанное на установлении иерархии между русскими монастырями.

То исправление и печатание книг, которое происходило на Московском Печатном дворе в период патриаршества И., не может быть не связанным с его именем, хотя сам патриарх в справе участия не принимал. В отличие от книг, издававшихся при патриархе Филарете, на которых значится, что они «свидетельствованы» патриархом, в книгах Иоасафовой печати имеются только указания на издание по его «благословению».

В место своего пострижения, Соловецкий монастырь, И. почти ежегодно давал вклады церковными облачениями, печатными книгами, деньгами. Погребен И. в московском Успенском соборе.

Соч.: ААЭ. СПб., 1836. Т. 3. № 264. С. 401—405 (Память тиуну Манойлову); Досифей, архимандрит. Географическое, историческое и статистическое описание . . . Соловецкого монастыря. М., 1858. Ч. 3. С. 263—267 («Лествица влаstem»); Мнение Иоасафа патриарха и всего священного собора // Записки Отделения русской и славянской археологии имп. Русского археологического общества. СПб., 1861. Т. 2. С. 372—374 (послание к царю); РИБ. СПб., 1875. Т. 2. № 160. Стб. 551—555 (грамота в Сийский монастырь).

Лит.: Досифей, архимандрит. 1) Летописец Соловецкий на четыре столетия от основания Соловецкого монастыря до настоящего времени, то есть с 1429 по 1847 год. М., 1847. С. 48, 63—64; 2) Географическое, историческое и статистическое описание . . . Соловецкого монастыря. М., 1853. Ч. 1. С. 93, 219, 227—228; Макарий (Булгakov). История русской церкви. СПб., 1882. Т. 11, кн. 2. С. 85—95; Каптерев Н. Ф. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. Сергиев Посад, 1909. Т. 1. С. 8.

Н. В. Понырко

Иоасаф (в миру Иоанн Кириаков) (ум. 27.07.1644) — уставщик и книгохранитель Троице-Сергиева монастыря. Родился в семье Балах-

нинского протопопа Кириака. В 1617 г. И. сделал вклад в Троицкий монастырь: дал книгу Кормчую ценой 10 р. В качестве книгохранителя И. упоминается с 1632 по 1644 г. При нем в книгохранительницу Троице-Сергиевой лавры поступило более 80 книг (а всего там насчитывалось тогда более 600 книг) — так записано в Описи 1641—1643 гг. (ркл. Загорского музея, № 289, л. 271—344). Сохранилось несколько рукописных книг, входивших в келейную библиотеку самого И., судя по записям на них: Устав церковный, начало XVII в. (ГБЛ, ф. 304, № 248), Обиходник, начало XVII в. (ГБЛ, ф. 304, № 252), Святцы, начало XVII в. (ГБЛ, ф. 304, № 366), сборник крюковой, XVII в. (ГБЛ, ф. 304, № 449) и рукопись XVI в. Служба и житие Александра Свирского (ГБЛ, ф. 304, № 528). В записях на некоторых книгах этого же собрания И. называют мирским именем, например: «Продал сию книгу поп Семен Николска Кирьякову сыну протопопу» («О постничестве» Василия Великого — ГБЛ, ф. 304, № 132, XVI в.); или: «Книга Ивана Кирьякова» (Дионтра Филиппа Философа — ГБЛ, ф. 304, № 193, XVI в.), «Иван Кирьяков» (Минея служебная, месяц февраль — ГБЛ, ф. 304, № 528, XVI в.). Некоторые книги И. отличаются совершенством письма и художественного оформления, как, например, Минея служебная 1505 г. (ГБЛ, ф. 304, № 466), переписанная *Михаилом Медоварцевым*. Дата смерти И. обозначена на одной из принадлежавших ему книг; та же дата записана и в Синодике Троице-Сергиева монастыря (ГБЛ, ф. 178, № 8666, л. 287).

Лит.: А р с е н и й, иеромонах. Летопись наместников, келарей, казначеев, ризничих, экономов и библиотекарей Свято-Троицкой Сергиевой лавры // ЛЗАК за 1865—1866 гг. СПб., 1868. Вып. 4. С. 123; А р с е н и й и И л а р и й, иеромонахи. Описание славянских рукописей библиотеки Свято-Троицкой Сергиевой лавры. М., 1878. Ч. 1. С. XII, 97, 101, 128, 190; Ч. 2. С. 28—29, 30—31, 121—122, 151—152, 157—158, 171, 216; 1879. Ч. 2. С. 216; Л е о н и д, архимандрит. Списание погребенных в Троицкой Сергиевой лавре от основания оной до 1880 года. М., 1880. С. 79, 90; У х о в а Т. Б. Каталог миниатюр, орнамента и гравюр собраний Троице-Сергиевой лавры и Московской духовной академии // Зап. Отдела рукописей ГБЛ. М., 1960. Вып. 22. С. 100, 136; Д м и т р и е в а Р. П. Светская литература в монастырских библиотеках // ТОДРЛ. Л., 1968. Т. 23. С. 157; П о п е с к у Т. А. Основные источники XVII века по истории библиотеки Троице-Сергиева монастыря // Книгопечатание и книжные собрания в России до середины XIX в. Л., 1979. С. 26—38.

О. А. Белоброва

Иоасаф Константиновский (в священниках Иоанн Алексеев, сын Попов) (вторая половина XVII в.) — иеромонах, книгохранитель Троице-Сергиева монастыря. Прозвище Константиновский И. получил, по-видимому, от названия села Константиновского Переславского уезда, откуда был родом и где он был священником, пока не овдовел и не постригся в монахи. И. К. состоял книгохранителем в 1673 г.; с 1674 по 1700 г. был ризничим в том же Троице-Сергиевом монастыре. Судя по Описи Троице-Сергиева монастыря 1641—1643 гг. и по другим данным, в Ризнице находились наиболее ценные книги, как рукописные, так и печатные, главным образом богослужебного содержания или связанные с местным культом (ср. лицевой список *Жития Сергия Радонежского* и др.). В 1690 г. И. К. построил в родном селе каменную церковь Сретения с приделом во имя Афанасия и Кирилла, а в 1699 г. участвовал в освящении храма в селе Матвеевском того же Переславского уезда.

Лит.: А р с е н и й, иеромонах. Летопись наместников, келарей, казначеев, ризничих, экономов и библиотекарей Свято-Троицкой Сергиевой лавры // ЛЗАК за 1865—1866 гг. СПб., 1868. Вып. 4. С. 106—107, 124; Описание славянских рукописей библиотеки Свято-Троицкой Сергиевой лавры. М., 1878. Ч. 1. С. VIII.

О. А. Белоброва

Иоасаф Луковниковский (вторая половина XVI в.) — монах Волоколамского монастыря, книжник. О нем сохранились известия по описи

книг Волоколамского монастыря 1573 г. с дополнениями до 1602 г. (ГБЛ, собр. Горского, № 37; содержание описи с некоторыми комментариями пересказано: ЧОИДР. М., 1847. № 7. Отд. 4. С. 1—16); на л. 9—10 о И. сказано, что во время его игуменства в 1591 г. было установлено всеобщее празднование *Иосифу Волоцкому* и что скончался И. в 1606 г. В описи под 1597 (7105) г. перечислено 14 книг И. как его «дача по душе» в монастырскую библиотеку. И. назван здесь «бывшим игуменом» с упоминанием прозвища. Как игумен монастыря он назван в приписках к рукописям (ГИМ, Епархиальное собр., № 404; ГБЛ, Волоколамское собр., № 593, 591) — по его благословию «чел книги Василий Курицын». Под руководством И. в 1591 г. была сделана перепись книг библиотеки Волоколамского монастыря, сохранившаяся в рукописи ИРЛИ, Древлехранилище, оп. 26, отд. пост., № 20, л. 115—225 об. («Лета 7099-го генваря в 26 день по государеве цареве и великого князя Феодора Ивановича всея Руси грамоте пречистые Богородицы Иосифова монастыря игумен Иасаф з братиею переписав в книгохранилище <так!> книги» — л. 115).

Лит.: Строев П. М. 1) Словарь. С. 158; 2) Описание рукописей монастырей Волоколамского, Новый Иерусалим, Саввино-Сторожевского и Пафнутьево-Боровского. СПб., 1891. С. 163, 180.

Р. П. Дмитриева

Иоасаф Тумской (в священниках Иоанн) (середина XVII в.) — книгохранитель Троице-Сергиева монастыря, упоминающийся в 1648 и 1649 гг. До пострижения был священником в селе Шухобалове приселка Тумы, пострижен в 1645 г. (см.: Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. М., 1987. С. 207, 215, 226).

Лит.: Арсений, иеромонах. Летопись наместников, келарей, казначеев, ризничих, экономов и библиотекарей Свято-Троицкой Сергиевой лавры // ЛЗАК за 1865—1866. СПб., 1868. Вып. 4. С. 124; Описание славянских рукописей библиотеки Свято-Троицкой Сергиевой лавры. М., 1878. Ч. 1. С. VII—VIII.

О. А. Белоброва

Иона Маленький (XVII в.) — черный диакон Троице-Сергиева монастыря, составитель Хождения в Иерусалим и Царьград в 1649—1652 гг. Из трех с половиной лет путешествия, в которое И. М. пустился из Москвы, сопровождая патриарха иерусалимского Паисия, русский паломник около двух лет провел в «Мунтянских землях», откуда только в 1651 г. он направился к Царьграду и Иерусалиму. На пути к христианским святыням И. М. останавливался в Силистрии, Варне, затем на о-ве Милитине и в других местах. Описание Иерусалима в Хождении И. М. выполнено по маршрутному принципу: описываются низкие стены города, затем церковь Воскресения Христова (отмечено почитание представителями «разных вер»), гроб Христов (отмечен костел фрягов, гробницы французских «князей Балдавинов»; русские иконы, присланные от московского царя *Михаила Федоровича*); иерусалимские монастыри, в том числе «иноверные» (фряжский, армянский); св. Сион, превращенный в турецкую мечеть; Елеонская гора, где турки собирали у паломников «яфимки»; Вифания, Вифлеем и т. д. В Хождении описывается обратный путь — через Кипр, Лаодикию, Миры Ликийские, о-ва Хиос, Милитин, Царьград, Измаил и «Волоскую землю» к Москве. Описание христианских святынь наряду с личными впечатлениями паломника несут печать знакомства автора с Хождением игумена *Даниила*. Начало Хождения отмечено повествовательностью (совершить паломничество автор пригласил патриарх иерусалимский Паисий, которому И. М. показывал в Троице-Сергиевой лавре Успенский собор). Хождение И. М. не получило широкого распространения, возможно, из-за более обстоятельного Хождения

Арсения Сузанова. В жанре паломнической литературы XVII в. Хождение И. М. весьма типично. Сведений об И. М. (кроме указанных в Хождении) нет.

Соч.: К о р к у н о в И. Путешествие к святым местам, совершенное в XVII столетии иеродиаконем Троицкой лавры. М., 1836; С а х а р о в И. П. Сказания русского народа. СПб., 1849. Кн. 8. С. 159—168; Л е о н и д, архимандрит. Хождение в Иерусалим и Царьград черного дьякона Троице-Сергиева монастыря Ионы по прозвищу Маленького. 1648—1652. СПб., 1882 (ПДП. № 35); Д о л г о в С. О. Повесть и сказание о походе в Иерусалим и во Царьград Троицкого Сергиева монастыря черного дьякона Ионы по реклому Маленького. 1649—1652 гг. // ППС. СПб., 1895. Вып. 42.

Лит.: П о н о м а р е в А. И. Иерусалим и Палестина в русской литературе. . . СПб., 1877. С. 9; С е е м а н К.-D. Die altrussische Wallfahrtsliteratur. München, 1976. S. 344—347.

О. А. Белоброва

Иона Сысоевич (ок. 1607—20 XII 1690) — митрополит Ростовский и Ярославский, автор посланий. Будущий Ростовский митрополит родился в семье священника Сысоа, служившего на погосте близ деревни Ангелово неподалеку от Ростова. А. А. Титов вычитал в одном из сказаний об Исае Ростовском, будто на месте деревни находилось прежде языческое капище, а Ангеловым ее нарек святитель, когда сокрушил здесь идола (см.: Т и т о в. Митрополит. . . С. 88—89). Первоначально И. С. был иноком угличского Воскресенского монастыря, затем стал настоятелем ростовского Белогостицкого, наконец, в 1646—1652 гг. — архимандритом ростовского Богоявленского Авраамиева монастыря. В 1652 г. поставлен патриархом *Никоном* в митрополиты Ростовские и Ярославские; до 5 июля 1690 г. ушел на покой и в том же году скончался (см.: С т р о е в П. М. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877. Стб. 340, 333). Амвросий (Орнатский) ошибочно датирует кончину И. С. 1691 г. (История российской иерархии. 2-е изд. М., 1822. Ч. 1. С. 122).

Митрополит принимал активное участие в церковно-политической жизни, присутствовал на важнейших московских соборах второй половины XVII в. Непродолжительное время — с августа по декабрь 1664 г. — И. С. даже возглавлял русскую церковь, заняв место блюстителя патриаршего престола, когда его предшественник на этом посту *Питирым* стал Новгородским митрополитом. Отрешен от наместничества за то, что, подав дурным пример церковному причту, принял благословение патриарха Никона, внезапно явившегося в Москву в ночь с 17 на 18 декабря 1664 г. и вторгшегося в Успенский собор. Созванный 10 февраля 1665 г. по этому делу собор постановил, что митрополит недостоин впредь оставаться местоблюстителем, причем провинившийся должен был подтвердить собственноручно написанным клятвенным свидетельством, что с бывшим патриархом он не имел «никакого согласия и совета», но принял благословение «напрасным его пришествием утрашився ужасом одержим» (свидетельство издано в кн.: Дело о патриархе Никоне / Изд. Археографической комиссии. СПб., 1897. С. 176). Случай в Успенском соборе послужил поводом для догадки Н. Н. Воронина, будто Ростовский митрополит всю жизнь оставался сторонником теократических идей Никона, сначала явным, а впоследствии тайным; за отсутствием фактов эта мысль, получившая широкое хождение в научной литературе, не нашла дальнейшего развития. Резкие выпады против бывшего патриарха, которыми насыщена грамота И. С. о незаконном проклятии Крутицкого митрополита Питирыма, безусловно противоречат выводам Н. Н. Воронина.

Своей славой у потомков, как и у современников, И. С. обязан прежде всего многочисленным памятникам архитектуры, которыми он украсил Ростов и окрестности. Размах строительной деятельности митрополита породил легенды, причем в одной из них его затеи не без основания расцениваются как недостаток приличествующего иерарху смирения.

Однажды, гласит предание, когда митрополит сокрушался по поводу невыполнения каких-то работ, случилось быть у него ростовскому юривому Афанасию. «Ах, Иона, Иона! — изрек Афанасий. — Что ты хлопочешь? В твоих постройках и церквах по времени одни воробьи будут жить» (Т и т о в А. А. Ростовская и Ярославская старина. Ярославль, 1887. Вып. 1. С. 16—17). На своей родине, в Ангелово, И. С. возвел огромный деревянный храм, в котором, по преданию, было 365 окон и множество переходов; церковь сгорела от молнии еще в XVII в. В Ростове им воздвигнуты следующие каменные постройки (перечисляю их по кн.: Б е з с о н о в С. В. Ростов Великий. М., 1945. С. 10): 1) Введенская трапезная церковь в Авраамиевом монастыре (1650); 2) Никольская церковь в том же монастыре (1655); 3) Благовещенский собор Белогостицкого монастыря (1657); 4) Михайло-Архангельская церковь в том же монастыре (1658); 5) стены и башни митрополичьего дома (1670—1675); 6) Воскресенская церковь митрополичьего дома (1670); 7) церковь Григорьевского затвора там же (1670); 8) Белая, отдаточная, и Ионинская палаты (1672—1680); 9) церковь Спаса на Сенях (1675); 10) Сретенская церковь, звонница, декоративное убранство ворот и трапезной Борисоглебского монастыря (1680); 11) звонница Ростовского собора (1680—1682); 12) собор Петровского монастыря (1682—1684); 13) церковь Иоанна Богослова в митрополичьем доме (1683); 14) Троицкий собор в Зачатьевском монастыре (1686—1691). Некоторые другие ростовские здания по времени и стилю также относят к строительству И. С. В Угличе И. С. построил комплекс Рождественского монастыря (1674), а в Ярославле — митрополичий дом с церковью Леонтия (1690). Многие постройки И. С. были украшены фресками, наделены щедрыми митрополичьими вкладками.

Зодчество было не единственным увлечением Ростовского иерарха. В построенном им кремле И. С. разбил висячий сад (см.: С в и р и н А. Н. Корбуха. Сергиев Посад. 1925. С. 7—8). Он обладал и незаурядным музыкальным слухом: большой любитель колокольной музыки, митрополит создал знаменитые по всей Руси ростовские звоны. Колокола Ростовской звонницы в большинстве своем отлиты мастерами И. С. (перечень их см.: Т ю н и н а М. Н. Ростовские колокола и звоны // Колокола: История и современность. М., 1985. С. 140), самый большой из них строитель Ростовской митрополии назвал в честь своего отца «Сысоем». По-видимому, И. С. сочинил и музыку нескольких звонов — недаром один из них называется «ионинским» (см.: С м о л е н с к и й С. О колокольном звоне в России. СПб., 1907 — отд. оттиск из «Русской музыкальной газеты» (1907. № 9—10. С. 6)).

О литературных интересах И. С. нам известно немного. Скрепленные его именем тексты можно выстроить в следующую иерархию в порядке возрастания в них литературного начала. На нижней ступени этой иерархии будут находиться сказка, в которой митрополит объясняет свое поведение в памятную декабрьскую ночь 1664 г. (издана в кн.: Дело о патриархе Никоне. С. 128), и стереотипная декларация-исповедание, в котором Ростовский владыка наряду с другими участниками Собора 1666 г. должен был засвидетельствовать, что он признает православие восточных патриархов, греческих богослужебных книг и истинность собора 1654 г. (издано в кн.: Материалы для истории раскола за первое время его существования / Под ред. Н. Субботина. М., 1876. Т. 2. С. 37—38; Дело о патриархе Никоне. С. 252—253).

Памятником непримиримости митрополита к врагам церкви являются его отписки в Москву 1657 г. по делу Силки Богданова с учениками — объявившихся в Ростове противников никоновских реформ (издание см.: Судные процессы XVII—XVIII в. по делам церкви / С предисл. Е. В. Барсова // ЧОИДР. 1882. Кн. 3. С. 3—4, 12; Р у м я н ц е в а В. С. Народное антицерковное движение в России в XVII в. М., 1986. С. 223—224), а свидетельством административной распорядительности иерарха — благо-

словенные грамоты и написанные по его грамотам «памяти». К первым относятся: 1) Благословенная грамота на построение новой церкви во имя Знамени Богородицы, данная 24 июня 1659 г. Романовского уезда николаемскому попу Никифору (издана в кн.: Т и т о в А. А. Рукописи славянские и русские, принадлежащие И. А. Вахрамееву. Сергиев Посад, 1897. Вып. 4. № 80. С. 101—103); 2) Благословенная грамота в Спасо-Ярославский монастырь о служении архимандриту литургии «на ковче с рипидами и со осенением свещным», данная в 1666 г. (не издана, читается в рукописи XIX в. ГИМ, собр. Вахрамеева, № 1087, л. 217, содержащей царские грамоты в Спасо-Ярославский монастырь; описание см.: Т и т о в А. А. Рукописи славянские и русские. . . М., 1906. Вып. 5. С. 211); 3) Благословенная грамота на обновление церкви Обнорского Воскресенского монастыря, данная 16 декабря 1686 г. игумену Никону (издание см.: Благословенная грамота преосвященного Ионы, митрополита Ростовского и Ярославского, на обновление церкви Обнорского Воскресенского монастыря, где ныне существует приходская Воскресенская церковь, в которой почивают мощи преподобного Сильвестра // Ярославские епархиальные ведомости. 1860. № 33. Часть неофиц. С. 309—310); 4) Благословенная грамота на построение в Ярославле каменной церкви во имя Сошествия святого Духа, данная 8 сентября 1688 г. попу Макарию (издание см.: Благословенная грамота Ростовского митрополита Ионы Сысоевича 1688 г. на постройку теперешней каменной церкви Сошествия св. Духа // Ярославские епархиальные ведомости. 1873. № 48. Часть неофиц. С. 388—389). Из числа вторых, которые были составлены митрополитом в «савторстве» с дьяками его канцелярии, сохранились следующие документы: 1) Память в Кирилло-Белозерский монастырь о совершении водоосвящения в навечерии праздника Богоявления, от 1 января 1656 г. (издание см.: ААЭ. Т. 4. № 333. С. 495); 2) Память о запрещении скomorохам и медвежьим поводчикам промышлять в Устюжском и Сольвычегодском уездах, от 23 октября 1657 г. (Там же. Т. 4. № 98. С. 138—139); 3) Память в Сольвычегодск и Лузскую Пермцу с повелением поститься и совершать молебны по случаю войны с турками и крымскими татарами, от 19 октября 1678 г. (Там же. Т. 4. № 229. С. 315—317); 4) Память в Усольский уезд с объявлением о смерти царицы Агафии Симеоновны и царевича Илии Федоровича, от 7 сентября 1681 г. (ДАИ. СПб., 1862. Т. 8. № 102. С. 327—328); 5) Память архимандриту Сольвычегодского Введенского монастыря Иосифу о наблюдении за монастырским благочинием, от февраля 1682 г. (ААЭ. Т. 4. № 253. С. 355—356).

Дошли до нас и письма И. С. — непритязательная записка священнику ярославской церкви Дмитрия Солунского Иоанникию с благодарностью за присланную рыбу (см.: Серебриков С. Два письма: Преосвященного Ионы, митрополита Ростовского и Ярославского, и назначая его иеромонаха Вассиана, писанные в 1673 году в Ярославль к священнику Дмитриевской церкви Иоанникию // ВОИДР. 1849. Кн. 3. Смесь. С. 2—3), а также три письма, адресованные светским или церковным властям и строже придерживающиеся эпитолярного этикета: 1) Письмо Илье Даниловичу Милославскому с просьбой содействовать удалению из Ростова дьяка Митрофана Никифорова, 1663 г. (см.: Письмо Ростовского митрополита Ионы к тестю царя Алексея Михайловича Илье Даниловичу Милославскому / Сообщ. В. Борисов // ЧОИДР. 1848. Год третий. № 5. Смесь. С. 56; Грамотки XVII—начала XVIII века. М., 1969. № 457. С. 282—283); 2) Письмо Вологодскому архиепископу Симону о присылке росписи церквей и монастырей Пошехонского уезда, после 22 декабря 1675 г. (см.: Суворов Н. Отпись Ростовского митрополита Ионы к Вологодскому архиепископу Симону, в которой уведомляет о получении им вышеприсланной патриаршей грамоты и просит о присылке к нему росписи церквей и монастырей Пошехонского уезда, 1676 <так!> года // Ярославские епархиальные ведомости. 1864. № 47. Часть

неофиц. С. 463—464); 3) Письмо патриарху *Иоакиму* в ответ на запрос, как поступить с Кириллом Полуектовичем Нарышкиным, который был насильно пострижен в 1682 г. и не желает вести монашеский образ жизни, после 22 ноября 1684 г. (издание письма патриарха и ответа И. С. см.: Л е с т в и ц ы н В. Переписка патриарха Иоакима с митрополитом Ионою Сысоевичем // Ярославские губернские ведомости. 1873. № 10. Часть неофиц. С. 52—53; № 12. С. 62—63). Для характеристики И. С. как литератора всего интереснее последнее письмо, в котором митрополит проявил себя знатоком канонической литературы, настаивая на недопустимости возвращения монаха в мир. В ответ на просьбу патриарха найти исторические прецеденты сложившейся ситуации («где-либо кто в таковых случаях правило обрете или бытие летописное чита сему подобное») Ростовский владыка ссылается на судьбу патриарха *Филарета*, приводит эпизод из *Жития Николая Мирликийского* и делает многочисленные выписки из печатной Кормчей. Между прочим, в грамотах И. С. фигурируют и другие издания Печатного двора — исправленный Служебник и «Молебное пение, певаемое во время брани» (М., 1678).

Пожалуй, с большим основанием, чем перечисленные документы, к литературным текстам могут быть причислены две изданные в ААЭ пастырские грамоты И. С. — богомольная грамота в Кирилло-Белозерский монастырь, извещающая о победе над поляками (декабрь 1654 г.), и направленная туда же грамота с требованием соблюдать единогласие и пользоваться новыми печатными служебниками (октябрь 1657 г.). В полной мере писательские способности Ростовского владыки проявились в Окружном послании, написанном им при восшествии на митрополичий престол и причисляемом к лучшим образцам этого жанра (это произведение, изданное в АИ, митрополит Евгений ошибочно приписал *Ионе Думину*: Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина греко-русской церкви. 2-е изд. СПб., 1827. Т. 1. С. 304), и в грамоте о недействительности клятвы, возложенной Никоном на митрополита Питирима, которую, как и другие иерархи, И. С. должен был составить в 1662 г. и которая остается замечательным по страстности и яркости образов публицистическим памятником (изданы лишь выдержки, которые приводит в своей челобитной царю *Иван Геронов*: Материалы для истории раскола. . . 1874. Т. 1. С. 184—185; полностью читается в рукописи ГБЛ, ф. 256, собр. Румянцева, № 376; описание см.: В о с т о к о в А. Х. Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музеума. СПб., 1842. С. 560—561).

По данным автора статьи о портрете И. С., Ростовский митрополит является также автором надписи при кресте на Крестобогородской горе и грамоты о молебне по случаю рождения царевны Наталии Алексеевны. Разносторонне одаренный владыка не чужд был и версификаторства; во всяком случае, предание донесло до нас его трехстишие, адресованное князю Михаилу Михайловичу Темкину Ростовскому: «На своем дворичке люю колоколишки, и дивятся людички» (И з р а л и е в А. Ростовские колокола и звоны. СПб., 1884. С. 5). Повесть о обретении мощей Даниила Переяславского позволяет думать, что И. С. записывал или редактировал уже записанные чудеса этого святого, мощи которого он свидетельствовал в 1652 г. О результатах освидетельствования митрополит направил царю и патриарху специальную «епистолию», которая пока не обнаружена (см.: С м и р н о в С. И. Житие преподобного Даниила, Переяславского чудотворца, Повесть о обретении мощей и Чудеса его. М., 1908. С. XXXIII—XXXVI).

Не исключено, что обнаружение описи келейной рухляди И. С. (ГИМ, Синодальное собр., № IV, л. 396—405; описание см.: П р о т а с ь е в а Т. Н. Описание рукописей Синодального собрания (не вошедших в описание А. В. Горского и К. И. Невоструева). М., 1973. Ч. 2. С. 108) расширит существующие представления о культурном наследии

Ростовского митрополита. Известен автограф И. С. (воспроизведен в кн.: Т и т о в А. А. Рукописи славянские и русские. . . М., 1892. Вып. 2. Табл. 4), а также современный портрет владыки.

Соч.: ААЭ. СПб., 1836. Т. 4. № 80. С. 118—120; № 335. С. 499—500; АИ. СПб., 1842. Т. 4. № 62. С. 172—177.

Лит.: Портрет Ростовского митрополита Ионы // Ярославские губернские ведомости. 1855. № 10. Часть неофиц. С. 65—67; Ма к а р и й (Б у л г а к о в). История русской церкви. СПб., 1883. Т. 12. С. 480—497; Ф и л а р е т. Обзор. С. 235; Т и т о в А. А. 1) Митрополит Иона III Сысоевич и его постройки в Кремле Ростова Великого // ИВ. 1885. Т. 22. Октябрь. С. 88—101; 2) Ростовская иерархия: Материалы для истории русской церкви. М., 1890. С. 71—73; Летопись о ростовских архиереях / С примеч. А. А. Титова. СПб., 1890 (изд. ОЛДП. Т. 94). С. 13—14; РБС: Ибак—Ключарев. СПб., 1897. С. 318; ПБЭ. СПб., 1906. Т. 7. Стб. 288—289; В о р о н и н Н. Н. Ростовский «кремль» // Из истории докапиталистических формаций. М.; Л., 1933. С. 655—680; П у ц к о В. Г. Ростовский потир митрополита Ионы // СА. 1971. № 4. С. 250—255.

Д. М. Буланин

Иона Филиппов Суровцын (XVII в.) — инок Синеезерской Троицкой пустыни, автор Жития Евфросина Синеезерского, написанного в 1650 г. Свое имя автор дал криптограммой в записи по окончании Жития. Евфросин Синеезерский был основателем (в 1600 г.) Синеезерского, близ Устюжны Железнопольской, монастыря. В 1612 г. он был убит ватагой поляков, осаждавших Устюжну и пришедших в монастырь для грабежа и разбоя. Житие писано, как сказано в авторской приписке к нему, при втором настоятеле Синеезерского монастыря Моисее. Автор ссылается на рассказы людей, знавших Евфросина Синеезерского; гибель подвижника он описывает со слов некоего мирянина Емельяна Сумина, отец которого Иван Сума, укравшийся во время Смуты вместе со многими другими пришельцами в стенах монастыря, был среди избитых поляками и из груды мертвых тел, сам полумертвый, видел мученическую кончину Евфросина. Житие — гармоничный образец произведения агиографического жанра, в меру украшенного, с необходимым набором этикетных приемов в композиции, сюжете и языке, с привлечением необходимого фактического материала; его автор искусно владел мастерством агиографа. Единственный известный список Жития принадлежал Синеезерской пустыни, откуда он был выписан в Археографическую комиссию для подготовки его издания, затем снова возвращен в Синеезерскую церковь. В настоящее время местонахождение рукописи неизвестно.

Соч.: Житие преподобного Евфросина Синеезерского / Подгот. к печати С. А. Адрианов // ЛЗАК. СПб., 1901. Вып. 13. С. 1—32.

Лит.: А м в р о с и й. История русской иерархии. М., 1822. Т. 6. С. 108—112; Б а р с у к о в. Источники агиографии. Стб. 192—193; Я к о в ц е в с к и й Г. Исторические сведения о Синеозерской пустыне Устюженского уезда, Новгородской губернии и ее основателе св. преподобномученике Евфросине, Новгородском чудотворце. Новгород, 1912.

Н. В. Понирко

Иосиф (первая половина XVII в.) — архимандрит Троицкого Данилова монастыря в Переславле-Залесском, автор Слова о явлении преподобного Даниила Переславского (вариант: «Чудо о сыне боярском»). Поставленный архимандритом из патриарших ризничих, И. управлял Даниловым монастырем, по П. М. Строеву, с 1637 г. по 14 марта 1639 г. (С т р о е в П. М. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877. Стб. 667; Азбучный указатель имен русских деятелей для Русского биографического словаря. СПб., 1887. Ч. 1. С. 344 (Сб. РИО; Т. 60)), по А. И. Свирелину — в 1637—1642 гг. (С в и р е л и н А. И. 1) Историко-статистическое описание Переславского Троицкого Данилова монастыря. М., 1860. С. 86; 2) О начале. . . С. 83); иных биографических сведений о нем не сохранилось. В Слове рассказывается о видении,

бывшем сыну боярскому Алексею Андрееву Юрьеву, который пришел помолиться ко гробу Даниила Переяславского и узрел преподобного лежащим поверх раки. Записку («написание») об этом видении Алексей Юрьев «предаде архимандриту Иосифу»; однако в старшем списке Слова (ГБЛ, ф. 310, собр. Ундольского, № 301) читается «предаде ми», из чего С. И. Смирнов резонно заключил, что И. и является автором рассказа. В рукописях Слово предваряет Повесть о обретении мощей Даниила Переяславского.

Соч.: Смирнов С. И. Житие преподобного Даниила, Переяславского чудотворца, Повесть о обретении мощей и Чудеса его. М., 1908. С. 81—82.

Лит.: Свириели А. И. 1) О начале и устройстве Переяславского Данилова монастыря (при жизни преподобного Даниила). М., 1863. С. 83; 2) Житие преподобного отца нашего Даниила, Переяславского чудотворца. 2-е изд. Переяславль-Залесский, 1894. С. 52—53.

Д. М. Буланин

Иосиф (вторая половина XVII—начало XVIII в.) — игумен Угрешского Николаевского монастыря (1688—1691), архимандрит Спасо-Ярославского монастыря (1691—1699), а в 1700—1709 гг. архимандрит Иоанно-Предтечева Краснослободского Темникова монастыря, автор духовного завещания, владелец обширной келейной библиотеки. На полях своих книг он составил владельческие биографические записки, а около 1704 г. составил пространное духовное завещание, которое вписал на полях цельногравированной Библии Пискаatora (сохранились разрозненные листы в двух хранилищах: Ветхий Завет — в ГМИИ им. А. С. Пушкина, инв. № 125027—125159, всего 133 л.; Новый Завет — в ГБЛ, ф. 722, № 93, 176 л.). В этом завещании, сохранившемся не полностью, перечислены земельные угодья, различное имущество, в том числе колокола, церковная утварь, облачения, иконы, книги и др.

Значительную часть библиотеки И. составляют книги богослужебные: «12 книг печатных месячных миней», «охтай, треоди посная, цветная, печатная же», «требники киевский . . . московский». Названы «Ефрем со аввою, Лествица, Кормчая, Сборник, Маргарит, Благовестник. . . Апостольския беседы . . . Библия четья печатная». Среди рукописей — «Зерцало Великое, Гранограф, Пандект. . . Звезда пресветлая. . . Многоценной бисер, два Алфавита» и др. Судя по записям, И. приобретал книги: например, у ярославца, посадского человека Васки Перфильева он купил в июне 1695 г. два Хронографа XVII в. (ныне в ГИМ, собр. Уварова, № 1347 (7) и 1368 (8)). В том же году была приобретена в церковную книгохранилищницу Толковая псалтирь, переписанная в Москве в 1676 г. (Ярославский музей-заповедник, № 918 (304)). Библиотеки и их судьбы интересовали И., судя по биографическому сообщению в духовном завещании: «. . . видех в степенных монастырех писемейныя книги соблюдаем более семисот лет в целости достойно. . .». В духе строгой бережливости высказывался И. в своих записях на книгах — например, на рукописи Тактикона Никона Черногорца (конец XVII в.) (Киев, ЦНБ АН УССР, собр. Макария, № 14 и 15 (Аа 178 и 179)): «. . . а из сея церкви всех моих прикладных книг в дома мирския не давать и по кельям чернецам не давать же книг, занеже мирския люди брали книги и много за ними книг пропало, а чернецы крали книги и уносили. . .» (запись цит. по: Лебеде в А. Н. Надписи на старинных книгах. М., 1896. С. 5; Лупов С. П. Книга в России в XVII веке. М., 1970. С. 78). Еще более решительно И. запрещал в своем духовном завещании давать книги «детем в научение», «робятам во училище». Интерес И. к отечественной истории проявился в затребовании из Владимира «железной стрелы великого князя Андрея Боголюбского», которая, судя по сообщению ярославского Хронографа с дополнениями (ГПБ, F.IV. 679, 1720 г., л. 646), была прислана в Спас-

ский Ярославский монастырь в 1695 г. Ряд книг из библиотеки И. сохранился в Ярославском музее-заповеднике.

Соч.: Сакович А. Г. 1) Неизвестный экземпляр Библии Пискатора из собрания ГМИИ // Тез. докл. науч. сессии, посвящ. итогам работы Гос. музея изобраз. искусств им. А. С. Пушкина за 1980 год. М., 1981. С. 15—17. 2) Библия Пискатора и ее владлец. В печати.

Лит.: Строев П. М. 1) Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877. Стб. 205, 337; 2) Словарь. С. 354; Отчет имп. Публичной библиотеки за 1886 год. СПб., 1888. С. 149—164; Петров Н. И. Описание рукописных собраний, находящихся в городе Киеве. М., 1891. Вып. 1. С. 26; Леонид, архимандрит. Систематическое описание славяно-русских рукописей собрания графа А. С. Уварова. М., 1894. Ч. 3. С. 34—37, 56—60, № 1347 (7), 1368 (8); Зап. Отдела рукописей ГБЛ. М., 1981. Вып. 42. С. 168, № 93; Выставка новых поступлений 1970—1980 гг.: Каталог (ГМИИ им. А. С. Пушкина). М., 1982. С. 119, 184; Сакович А. Г. Народная гравированная книга Василия Кореня. 1692—1696. М., 1983. С. 41.

О. А. Белоброва

Иосиф (середина XVI—начало XVII в.) — монах, келейник патриарха *Иова*, один из авторов Истории о разорении русском. Может быть отождествлен с Иосифом Траханиотовым, присутствовавшим в марте 1604 г. на приеме Иовом грузинских послов (см.: Белокуров С. А. Сношения России с Кавказом. М., 1889. Вып. 1. С. 407). Согласно кормленной книге Галицкой четверти 1603—1604 гг. этот старец Чудова монастыря (являвшегося патриаршей резиденцией) получил деньги за своего родного брата Никифора Васильева сына и поручился за племянника Семена Никифорова сына Траханиотова (см.: Сухотин Л. М. Четвертки Смутного времени (1604—1617). М., 1912. С. 5). Судя по документам и родословцам, на светском поприще И. выступал как Иван Васильев сын Траханиотов. Старший сын боярина Василия Юрьевича Малого Траханиота, одного из руководителей земской думы в начале опричнины, он упоминается в источниках с осени 1576 г., когда был назначен головой в поход к Кольвани. Из разрядных книг известно, что в апреле 1577 г. И. как земский дворянин посылался для сбора ратных людей в Обонежскую пятину Новгородского уезда. Назначенный спустя месяц вторым воеводой передового полка в Калуге, он вступил в местнический спор с князем В. Д. Хилковым, чем вызвал «кручину» *Ивана IV*. В конце его царствования И. был наместником в Стародубе. В феврале 1585 г. он стал казначеем, причем в перечнях «начальствующих» Казенного двора неизменно называется первым. По А. А. Зимину, в 1589 г. И. являлся также думным дворянином (Зимин А. А. В канун грозных потрясений: Предпосылки первой Крестьянской войны в России. М., 1986. С. 199), но это указание не подтверждается источниками. И. принимал участие в возведении *Иова* на патриарший престол, приемах иноземных послов, походе 1590 г. против шведов в Прибалтику (ГПБ, собр. Эрмитажное, № 390, л. 736). В 1591—1592 гг. выполнял дипломатическую миссию в Крыму. Совместно с братом Никифором владел землями в Подмосковье (см.: Павлов-Сильванский В. Б. Явочный список вотчинных владений Московского уезда писцов 1584—1586 гг. Т. А. Хлопова «с товарищи» // Источниковедение отечественной истории. 1984. М., 1986. С. 242, 247). Вероятно, в 1594 г. подвергся опале и был отправлен на воеводство в город Лозву в Сибири, где оставался до весны 1598 г. Сохранилась одна отписка И. пельмскому воеводе П. М. Шаховскому, в которой находим пример рифмованной прозы (РИБ. СПб., 1875. Т. 2. Стб. 149—150; Миллер Г. Ф. История Сибири. М.; Л., 1937. Т. 1. С. 377—378). В сибирском летописном своде конца XVII в. говорится об основании И. Верхотурья и его воеводстве там (Книга записная. Томск, 1973. С. 7), но это известие опровергается документами. И. подписал Утвержденную грамоту об избрании *Бориса Годунова* на трон, в которой значится среди участников Земского собора

1598 г. (ААЭ. СПб., 1836. Т. 2. С. 44, 50). В 1600—1601 гг. он являлся «объезжим головой» в Китай-городе. Вскоре после этого постригся в монахи, по-видимому, в Чудовом монастыре, с которым Траханиоты были связаны с конца XV в. (в синодике этой обители имя И. появилось еще до того, как он стал иноком; см.: ГПБ, F.IV.194, л. 74 об.). И. не последовал за Иовом в старицкий Успенский монастырь, но, будучи известен особой близостью к опальному патриарху, вероятно, в 1605 г. был выслан из Москвы. Не исключено, что из-под пера И. вышла «*Повесть, како отомсти*» (ее автор — троицкий монах, ранее принадлежавший к кремлевскому духовенству). Как и в «Истории Иосифа о разорении русском», в этой повести подчеркнуто коварство Бориса Годунова, отмечено, что никто не знает, сколько людей он погубил, сообщается о расправе Лжедмитрия I с его семьей (Т а т и щ е в В. Н. История Российская. Л., 1968. Т. 7. С. 367, 385; Б у г а н о в В. И., К о р е ц к и й В. И., С т а н и с л а в с к и й А. Л. «Повесть, како отомсти» — памятник ранней публицистики Смутного времени // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 28. С. 242, 243). В «Повести, како отомсти» приведены и оригинальные сведения о скитаниях Григория Отрепьева по провинциальным обителям, быть может, восходящие к материалам патриаршего розыска 1604—1605 гг. В таком случае допустимо полагать, что при Самозванце И. оказался в Троице-Сергиевом монастыре, а после воцарения Шуйского вернулся в Чудов монастырь. По предположению В. И. Корецкого, он занимался летописанием в окружении *Гермогена*. Возможно, И. умер не ранее весны 1613 г., ибо в татищевском списке текст Истории обрывался на описании воцарения *Михаила Федоровича*. Согласно родословцам И. имел сына Даниила, который в других источниках не упоминается.

Лит.: Т а т и щ е в В. Н. История Российская. М.; Л., 1962. Т. 1. С. 84; К о р е ц к и й В. И. 1) «История Иосифа о разорении русском» — летописный источник В. Н. Татищева // ВИД. Л., 1973. Вып. 5. С. 251—252, 259, 284; 2) История русского летописания второй половины XVI—начала XVII в. М., 1986. С. 36, 114, 229.

Я. Г. Солодкин

Иосиф Афанасьев (XVII в.) — выученик Типографского училища (Верхней школы) в Москве 1680-х гг., обучавшийся у братьев *Иоанникия* и *Софрония Лихудов* греческому языку и риторике, автор «ораций» и переводчик. Еще в ученические годы И. А. вместе с сотоварищами (*Федором Поликарповым*, *Николаем Головиным*, *Алексеем Барсовым*, *Федотом Агеевым* и монахом *Иовом*) составлял приветствия — «орации» патриарху *Иоакиму* (1689) и патриарху *Адриану* (1691). В том же 1691 г. И. А. в числе других учеников Лихудов выполнял перевод с новогреческого двух полемических сочинений. Это «Егхейридион, сиречь Сечиво или Мечец, посещающий калвинское умовредие» и «Опровержения калвинских глав» (иначе: «Противоглаголения на изложенное исповедание христианской веры») Мелетия Сирига, критского иеромонаха (ум. в 1662 г.). Этот ученический перевод сохранился в черновом экземпляре с инициалами каждого из переводчиков на начальных листах тетрадей и с правкой *Евфимия Чудовского* (ГИМ, Синодальное собр., № 158). «Орации» и переводы И. А. не опубликованы.

Лит.: С м е н ц о в с к и й М. Братья Лихуды. СПб., 1899. С. 64, 72, 82, 232; С о б о л е в с к и й. Переводная литература. С. 351.

О. А. Белоброва

Иосиф Владимиров (XVII в.) — иконописец из Ярославля, с 1640-х по 1660-е гг. работавший в Москве, автор Послания *Симону Ушакову*. И. В. участвовал в выполнении стеной живописи Успенского и Архангельского соборов Московского Кремля и храмов Ростова Великого. Он

писал иконы для церкви св. Троицы в Никитниках в Москве (сохранилась икона «Сошествие св. Духа на апостолов» с подписью автора в виде клейма на обороте) и для Покровского собора. И. В. расписывал знамена в Оружейной палате. В 1660—1664 гг. он трудился на Московском Печатном дворе в качестве знаменщика (рисовальщика). В составе Сийского иконописного подлинника XVII в. (ГПБ, собр. ОЛДП, F.88, л. 92) сохранилась прорись с изображением «Нерукотворного Спаса» с упоминанием в польской надписи имени И. В., «зографа, москвита». Этот рисунок И. В. был издан в Вене в 1663 г. в виде листка. Е. С. Овчинникова и А. И. Рогов установили, что в Москве И. В. общался с австрийским художником Пюннманом, сопровождавшим посольство Адама Олеария. Е. С. Овчинникова приписывает И. В. рисунок плана Москвы, включенный в гравированную старцем Зосимой композицию титульного листа к московской печатной Библии 1663 г. В 1897 г. Н. П. Лихачевым были выявлены иконы XVII в. с поддельными подписями «государева изографа» И. В. В научной литературе И. В. иногда называют учеником Симона Ушакова, в то время как он был его современником, другом и единомышленником. Царскому изографу Симону Ушакову адресовал И. В. свое Послание — своеобразный трактат по искусству. Долгое время написание трактата относили к 1660-м гг.; А. А. Салтыков убедительно уточнил датировку — 1656—1658 гг. Это сочинение И. В., полностью опубликованное Е. С. Овчинниковой в 1964 г., дошло в 5 списках XVII—XIX вв. Оно состоит из двух частей. Одна посвящена обзору взглядов на искусство, почерпнутых из авторитетных источников (патристики, Священного Писания, грамматических трудов, сочинений о почитании икон и др.). В другой части излагается спор И. В. с сербским архидиаконом Плешковичем, осуждавшим новое западное направление иконописи Москвы XVII в. И. В. в своем трактате выдвигает понятие «живоподобия» и внешней (плотской) красоты; он пишет о портретах царских особ и о «персонографии», допуская письмо с натуры. И. В. подвергает резкому осуждению иконы ремесленного уровня («плошье»), написанные в селах Шуе, Палехе, Холуе, зато хвалит некоторые западные образцы живописи и методы обучения мастеров западного толка. Цитируемые И. В. источники свидетельствуют о начитанности и образованности автора и о его западной («латынской») ориентации. Значение Послания И. В. в том, что это сочинение является одним из первых эстетических трактатов XVII в.

Соч.: Буслаяев. Историческая христоматия. Стб. 1450—1454 (отрывки); Мастера искусства об искусстве. М.; Л., 1937. Т. 4. С. 19—26 (отрывки); 2-е изд. М.; Л., 1969. Т. 6. С. 31—44; История эстетики: Памятники мировой эстетической мысли. М., 1962. С. 441—454 (в пер. на соврем. рус. яз.); Овчинникова Е. С. Иосиф Владимиров: Трактат об искусстве // Древнерусское искусство. XVII век. М., 1964. С. 9—61 (по списку ГИМ, собр. Уварова, № 915, с разночтениями по другим спискам).

Лит.: Сахаров И. П. Исследования о русском иконописании. СПб., 1849. Кн. 2. С. 63; Забелин И. Е. Материалы для истории русской иконописи // ВОИДР. М., 1850. Кн. 7. С. 8, 13, 24, 27; Ровинский Д. А. История русских школ иконописания до конца XVII в. // Зап. Рус. Археолог. о-ва. СПб., 1856. Т. 8. С. 1—196 (переиздано под названием: Ровинский Д. А. Обзорение иконописания в России до конца XVII века. СПб., 1903. С. 8, 51, 126, 127, 141); Буслаяев Ф. И. Русская эстетика XVII века // Буслаяев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. СПб., 1861. Т. 2. С. 397—408 (переиздано в кн.: Сочинения Ф. И. Буслаяева. СПб., 1910. Т. 2. С. 423—424); Румянцев В. Е. Сведения о гравировании и граверах при Московском Печатном дворе в XVI и XVII столетиях. М., 1870. С. 19; Филимонов Г. Д. Симон Ушаков и современная ему эпоха русской иконописи // Сборник на 1873 год, изданный Обществом древнерусского искусства. М., 1873. С. 67—68, 80—83; Собоко Н. П. Словарь русских художников. СПб., 1895. Т. 2, вып. 1. Стб. 527; Покровский Н. В. Сийский иконописный подлинник. СПб., 1896. Вып. 2. С. 51—52 (ПДПИ. Вып. 113); Лихачев Н. П. Царский «изограф» Иосиф и его иконы. СПб., 1897; Дмитриев Ю. Н. Теория искусства и взгляды на искусство в письменности Древней Руси // ТОДРЛ. М.; Л., 1953. Т. 9. С. 97—116; Ровинсон А. Н. Идеология и внешность. (Взгляды Аввакума на образы и искусство) // Там же. М.; Л., 1966. Т. 22. С. 353—381; Овчинникова Е. С. Загадочные монограммы: (О художественном творчестве Иосифа Влади-

мирова) // Русская литература рубежа двух эпох (XVII—начало XVIII в.). М., 1971. С. 247—263; С а л т ы к о в А. А. Эстетические взгляды Иосифа Владимировича (по «Посланию к Симону Ушакову») // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 28. С. 271—288.

О. А. Белоброва

Исаак (в миру Иван Дмитриевич Мокринский) (ум. 1724) — архимандрит Далматовского Успенского монастыря, автор Известия об основании Далматовского монастыря и нескольких челобитных. Отец И. Дмитрий Иванович Мокринский (в иночестве Далмат), происходивший из рода тобольских служилых людей, принял постриг в невянском Богоявленском монастыре, а в 1644 г., прибрав обманным путем владения татарского мурзы Илигея, основал на р. Исети Успенскую Далматовскую пустынь, превратившуюся впоследствии в один из крупнейших в Зауралье монастырей. В отличие от этой версии, изложенной в составленном И. Известии, В. Н. Татищев на основании каких-то недостоверных слухов сообщает, что Далмат в миру был священником Демианом, который, впад в раскол, ушел в пустынь, где прожил 10 лет, после чего был обращен в православие тобольским архиереем и, узнав о смерти жены, принял монашество (Т а т и щ е в В. Н. Избранные произведения. С. 252).

И., служивший в Тобольске, овдовев, около 1650 г. постригся в основанном отцом монастыре, более 10 лет исполнял здесь обязанности чтеца, в 1666 г. стал иеромонахом, а через год — игуменом. Вместо него чтецом в монастыре был назначен его духовный сын *Афанасий* (будущий архиепископ Холмогорский и Важеский). Около 1668—1669 гг. И., очевидно за связь с раскольниками, был отстранен от игуменства и лишь в 1675 г. назначен строителем монастыря с разрешением совершать некоторые службы и принимать на исповедь духовных детей. В августе 1677 г. он вновь попал в опалу и вместе с Афанасием, являвшимся тогда игуменом, был сослан «за церковные вины» в Енисейский Спасский монастырь, откуда оба они через год были возвращены. И. опять назначили игуменом, но без права вести службу и принимать на исповедь мирян. В 1682 г. он по распоряжению тобольского митрополита *Павла* принимает участие в «увещевании» собравшихся в Утяцкой слободе раскольников, но безуспешно: в декабре того же года здесь произошло массовое самосожжение (ГБЛ, ф. 173, собр. МДА. 1, № 628, л. 141—142). В 1685 г. с И. окончательно снимают все запрещения, но при условии, «чтоб расколов никаких не творил» (см.: К р и в о щ е к о в А. Далматовский монастырь как оплот русского владычества и православия // Вестник Оренбургского учебного округа. Уфа, 1914. № 5. С. 210). Слухи о тайной принадлежности И. к расколу отразил донос далматовского постриженника, бывшего игумена невянского Богоявленского монастыря Евсевия Легонова, написанный уже после смерти архимандрита, где, в частности, говорится, что И. «расколник, под видом благочестия прикрывшийся, и злолихоимец и грабитель, а отец того И. Долмат, которой заводил монастырь, был злой расколник и святых тайн не приобщался, так и душу свою без покаяния, удаляясь от святых церкви, изверже», как, впрочем, и его сын И., выплюнувший перед смертью святое причастие, чему свидетелем якобы был сам Легонов (ЦГИА, ф. 796, оп. 7, № 40, л. 91, об.—92).

В 1702 г. в связи с проводимой в Сибири централизацией церковного управления И. был поставлен в архимандриты, а в его подчинении помимо Далматовского оказались Тюменский Преображенский, Рафайлов, Николаевский Верхотурский, а позднее и Невьянский Богоявленский монастыри.

И. оставил заметный след в истории Далматовского монастыря. При нем велось широкое каменное строительство, расширились земельные владения, значительно увеличилась монастырская библиотека, куда он сам давал книжные вклады. По сообщению В. Н. Татищева, впервые побывавшего в Далматовском монастыре в 1721 г., И. был владельцем уникальной рукописи — Летописца Тобольского ротмистра *Станкевича*, скопи-

рованного историком и использовавшегося им в своих сочинениях (Татищев в В. Н. История Российская. М.; Л., 1962. Т. 1. С. 20. Л., 1968. Т. 7. С. 438). После смерти И. оригинал Летописца попал в монастырскую книгохранительницу, откуда его в 1736 г. увез В. Н. Татищев и передал в числе других своих книг в библиотеку Екатеринбургской горной школы. Нынешнее местонахождение этой рукописи неизвестно. Татищевская копия, очевидно, погибла в 1750 г. (см.: Манькова И. Л., Шашков А. Т. Летопись ротмистра Станкевича и В. Н. Татищева // Исследования и исследователи Оренбургского края. XVIII—начало XX в.: Материалы регион. науч. конф. Свердловск, 1983. С. 155—157).

Известие об основании Далматовского монастыря (сохранилось в копии XVIII в. — ГИМ, Синодальное собр., № 843, л. 1—2) было написано И. между 1708 и 1711 гг. в связи с сильным пожаром, уничтожившим часть монастырского архива, и имело своей целью обоснование и подтверждение прав монастыря на земельные владения, поэтому в произведении логически выделяются две части: 1) подробный рассказ о старце Далмате и об основании им монастыря и 2) перечень и краткая характеристика производившихся правительством переписей монастырских земель. Относясь в целом к жанру исторической повести, Известие вместе с тем испытало на себе сильное влияние агиографического канона.

Челобитные, составлявшиеся И. на имя царей по разным поводам, имеют в своей начальной части довольно устойчивый элемент — краткий очерк истории Далматовского монастыря, где акцент делается на бедствиях и трудностях, которые выпали на долю монастырской братии.

Соч.: Тихомиров Н. И. К истории Далматовского монастыря // ЧОИДР. М., 1886. Кн. 4, отд. 5. С. 18—24 (челобитная И. 1679 г. на имя царя Федора Алексеевича о пожаловании монастырю книг).

Лит.: Самойлов Н. Историческое описание Далматовского Успенского монастыря. М., 1830; Шшонко В. Пермская летопись с 1263—1881 г. Пермь, 1885. Пятый период: С 1682—1725 г. С. 119—120; Дмитриев А. Пермская старина. Пермь, 1900. Вып. 8. С. 103—107; Плотинов Г. С. Описание мужского Далматовского Успенского монастыря и бывшего приписным к нему женского Введенского монастыря. 4-е изд. Екатеринбург, 1906; Верюжский В. М. Афанасий, архиепископ Холмогорский, его жизнь и труды в связи с историей Холмогорской епархии за первые 20 лет ее существования и вообще русской церкви в конце XVII в. СПб., 1908. С. 9—14, 20—22; Протасьева Т. Н. Описание рукописей Синодального собрания (не вошедших в описание рукописей А. В. Горского и К. И. Невоструева). М., 1973. Ч. 2. С. 44, 133; Татищев В. Н. Избранные произведения. М., 1979. С. 252—253; Гузнер И. А. Книжное собрание В. Н. Татищева в составе библиотеки Екатеринбургской горной школы // Сибирское собрание М. Н. Тихомирова и проблемы археографии. Новосибирск, 1981. С. 164; Манькова И. Л., Шашков А. Т. Библиотека Далматовского монастыря в XVII—первой четверти XIX в. // Общественно-политическая мысль дореволюционного Урала. Свердловск, 1983. С. 47—56.

И. Л. Манькова, А. Т. Шашков

Исидор (середина XVI в.—10 IV 1619) — митрополит Новгородский и Великолукский, автор поучения, грамот и писем, библиофил. Происхождение И. неизвестно. Согласно «данной» А. П. Клепшина в Троице-Сергиев монастырь в 1593—1594 гг. являлся келарем этой обители (см.: Шумakov С. А. Тверские акты. Тверь, 1896. Вып. 1. С. 111; ГБЛ, ф. 303, № 539, л. 77). По записи на списке *Жития Сергия Радонежского*, принадлежавшем *Авраамью Палицыну*, И. вместе с Палицыным и Илией по распоряжению царя тогда же был переведен в Троицу из Соловецкого монастыря (см.: Летописец Соловецкий с 1429 по 1847 год. 4-е изд. М., 1847. С. 70, примеч.). Относительно «старца Аврамея» это известие неверно, Илия же в челобитной на имя Василия Шуйского относил свой перевод в Троицу к 1592—1593 гг. (ГПБ, Соловецкое собр., № 18/1477, л. 196 об.). Возможно, И. стал троицким келарем именно тогда. По-видимому, он был постриженником Соловецкого монастыря и в начале 1590-х гг. занял среди его братии заметное место. В мае 1597 г. И. возвращается в Соловец-

кую обитель в качестве ее игумена (см.: Кукушкина М. В. Библиотека Соловецкого монастыря в XVI в. // АЕ за 1971 год. М., 1972. С. 351). Участвовал в работе земского собора, избравшего *Бориса Годунова* на трон (ААЭ. Т. 2. С. 42; ЧОИДР, 1912. Кн. 2. Смес. С. 40). 6 февраля 1603 г. в Москве «рукою» патриарха *Иова* хиротонисан в митрополиты новгородские и великолукские, причем, как подчеркнуто в кратком летописце новгородских владык, «избрал его на митрополию сам . . . царь и великий князь Борис Федорович» (Новгородские летописи. СПб., 1879. С. 150; ср. с. 351). В апреле 1604 г. приводил к присяге на верность новому царю Федору Борисовичу армию под Кромами, сражавшуюся с войсками Самозванца (РИБ. СПб., 1909. Т. 13. Стб. 40; ПСРЛ. М., 1965. Т. 14. С. 64). 1 июня 1606 г., во время «междупатриаршества», венчал на царство Василия Шуйского, а затем участвовал в церемонии поставления на патриарший престол *Гермогена* (ААЭ. Т. 2. С. 104—106; Творения святейшаго Гермогена, патриарха Московского и всея России. М., 1912. С. 105, 106). По сообщениям В. Н. Татищева, И. «очень дружно жил» со вторым новгородским воеводой М. И. Татищевым и в 1608 г., когда тот вместе с М. В. Скопиным-Шуйским бежал из города, упросил новгородцев обратиться к ним с «молением» о возвращении (Татищев В. Н. История Российская. М.; Л., 1966. Т. 6. С. 324—325; ср.: ПСРЛ. Т. 14. С. 85). Вслед за П. Г. Любомировым, однако, нельзя говорить, что И. «усмирил мятеж в Новгороде» (см.: Русская энциклопедия. СПб., Б. г. Т. 9. С. 71). Во время штурма Новгорода шведами (16 июля 1611 г.) устроил крестный ход. По свидетельству *Летописца Нового*, И. стоял «на градской стене, поя молебны»; увидев же «крепкое стоятельство» софийского протопопа Амоса, бывшего тогда у него «в запрещении», «прости и благослови его за очи, зря на двор его» (ПСРЛ. Т. 14. С. 114; Новгородские летописи. С. 353). Вскоре И. вместе с воеводой И. Н. Большим Одоевским сдал Кремль шведскому военачальнику Я. П. Делагарди и подписал с ним договор о приглашении «на Новгородское государство, также, буде похотят, на Владимирское и на Московское государство, государем царем и великим князем всея Руси» одного из шведских королевичей. В период шведской оккупации Новгорода (1611—1617) И., входя в состав местной русской администрации, участвовал в переговорах об избрании на престол «Новгородского государства» Густава Адольфа, а затем Карла Филиппа. С И. поддерживало связи руководство Второго ополчения, «земские власти» известили его об освобождении Москвы в 1612 г. (ДАИ. СПб., 1846. Т. 1. С. 285—294). В связи с тем что шведский принц не торопился в Новгород, а оккупанты чинили там грабежи и насилия, не останавливаясь и перед разорением церквей и монастырей, И. склонился к мысли о необходимости признания власти московского государя. В царской грамоте новгородцам, составленной по случаю заключения Столбовского мира со Швецией, дается высокая оценка «паству» И., он был приглашен в Москву «царские очи видети» (АИ. СПб., 1841. Т. 3. С. 453—455). При освобождении Новгорода И. устроил крестный ход, он встречал прибывших туда из Столбова русских послов (Новгородские летописи. С. 445—446; РИБ. Т. 13. Стб. 134); вероятно, вскоре после этого побывал в Москве. Считается, что И. просил *Михаила Федоровича* отпустить его «на покой» в Соловецкий монастырь. Вызванный царем в столицу (возможно, в связи с приездом в Россию иерусалимского патриарха Феофана), И. умер там на Соловецком подворье; по завещанию погребен в новгородском Софийском соборе.

И. принадлежит сочинение «Новопоставленному иерею на поучение себе и своим детем духовным», написанное в традициях учительного красноречия (ГБЛ, собр. Большакова, № 318, л. 273—280). Им (или в его канцелярии) составлены грамота в Соловецкий монастырь, разоблачающая Лжедмитрия I (январь 1605 г.; видимо, этот документ основан на материалах патриаршего розыска о Самозванце), грамоты о наделении

землей митрополичьих приказных (так называемые поместные) и о сборе «софийской дани», грамота о молитве за царя Василия по поводу победы над восставшими в 1607 г., включающая послание Гермогена. В известном Строгановском сборнике начала XVII в. находим грамоту И. в Ярославль, призывающую власти Второго ополчения избрать на русский престол шведского королевича (ГПБ, О.IV.17, л. 487 об.—492; остается неопубликованной). В сохранившихся письмах И. идет речь о его вкладах в Соловецкий монастырь. От имени И. и других «чинов» «Новгородского государства» составлены челобитная шведскому королю Густаву Адольфу и грамота Михаилу Федоровичу (см.: ДАИ. СПб., 1846. Т. 2. С. 43—47; Ф и г а р о в с к и й В. А. О грамоте новгородского правительства в Москву в 1615 г. // Новгородский исторический сборник. Л., 1937. Вып. 2. С. 73—82).

По признанию *Ивана Тимофеева*, его «Временник» написан «повелением» И.: тот «начати принуди (дьяка. — Я. С.) иже богонаказательных в Рустей земли вещей», отклонив возражения «списателя» (Временник Ивана Тимофеева. М.; Л., 1951. С. 149—150, 326—327; ср. с. 433). Однако подобно В. О. Ключевскому нельзя полагать, будто И. принадлежит замысел «Временника» (К л ю ч е в с к и й В. О. Соч. М., 1959. Т. 7. С. 443); вероятно, митрополит знал о литературных занятиях Тимофеева, начавшихся гораздо раньше окончания шведского «плена», и предложил ему объединить разрозненные заметки, уделив в своем труде особое место судьбе Новгорода в годы Смуты.

И. известен щедрыми вкладами в Соловецкий монастырь. Помимо денег и «рухляди» он прислал туда немало книг. По подсчету А. И. Лилова, владельческие записи И. имеются в семи рукописях соловецкой библиотеки; очевидно, он передал в близкую ему обитель и ряд других книг. Среди оказавшихся на Соловках рукописей И. — два Евангелия, Псалтирь, Лествица толковая, три Триоди, Круг миротворный, Требник, Стихирарь, *Житие Иоанна*, а также Евфимия и Ионы, новгородских архиепископов, сборник, содержащий *Житие Иоанна Златоуста*, послание *Сильвестра* князю А. Б. Горбатову и другие произведения (см.: К у к у ш к и н а М. В. Собрания книг, поступившие в Соловецкую библиотеку в виде вкладов // Русские библиотеки и частные книжные собрания XVI—XIX веков. Л., 1979. С. 83, 85; ЛОИИ, к. 2, № 137, л. 140, 150, 155; № 141, л. 147 об., 154 об., 161, 169 и др.). И. был владельцем чина коронации Бориса Годунова (ГПБ, Соловецкое собр., № 1184/1294 — по записи на рукописи ее следовало «положить в Софийском доме»), а также экземпляра первопечатного Апостола (см.: Н е м и р о в с к и й Е. Л. Возникновение книгопечатания в Москве: Иван Федоров. М., 1964. С. 271, 276).

Соч.: СГГД. М., 1819. Ч. 2. С. 588—591; ААЭ. СПб., 1836. Т. 2. С. 81—84; Д о с и ф е й (Н е м ч и н о в). Географическое, историческое и статистическое описание ставропигиального первоклассного Соловецкого монастыря. М., 1836. Ч. 3. С. 193—214; АИ. СПб., 1841. Т. 2. С. 112—113, 221—222, 340—341, 372—373, 397—398.

Лит.: Д о с и ф е й (Н е м ч и н о в). Географическое, историческое и статистическое описание. . . М., 1836. Ч. 1. С. 95—96; (Л и л о в А. И.) Библиотека Соловецкого монастыря // ПС. 1859. Ч. 1. Февраль. С. 200—201; Ст р о е в П. М. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877. Стб. 36, 816; РБС. СПб., 1897. Т. 8. С. 148—149; ПБЭ. Пг., 1904. Т. 5. Стб. 1070—1071; З а м я т и н Г. А. К вопросу об избрании Карла Филиппа на русский престол (1611—1616 г.). Юрьев, 1913.

Я. Г. Солодкин

Кашиевский Петр (вторая половина XVII в.) — поступивший в русскую службу выходец из Польши, ротмистр рейтарского отряда, расквартированного в Симбирске (по снятии осады Степана Разина), переводчик трех книг прозаических басен: Эзопа, Бабрия и Абстемия (1675) — собрания, превзошедшего по составу как переводы Ф. Гозвинского и А. Виниуса вместе взятые, так и любое из печатных изданий этого жанра в России

вплоть до 20-х гг. XIX в. Оригинал перевода — отмеченное социальными и политическими идеями польского Ренессанса краковское издание «Przy-
powieści Aezopowe, z Łacińskiego na Polskie z pilnością przełożone. Przy-
dane są k temu przypowieści z Gabryela Greka y Laurenthego Abstemiusa»
(примерно 1600 г.), из 339 басен которого К. отобрал и перевел 260.

Естественно, что в силу идейно-политических и философско-религиоз-
ных различий польских и русских государственных и теологических док-
трин подобное предприятие требовало сугубой осторожности и многих
перемен и исправлений от переводчика, если он вообще рассчитывал на
свободное обращение своего перевода, так что в тексте К. опущена едва
не четверть басен оригинала и переработаны десятки других, предосуди-
тельно ассоциировавшихся с внутренней или внешней политикой москов-
ского государства. Опускались басни антиклерикального порядка,
а также с античными мифологическими сюжетами, если их не удавалось
приноровить к православному миропониманию; снимались рассказы скаб-
резно-эротического, неблагочинного толка. Вместе с тем заострялось
внимание к социальным вопросам — и ряд фабул отвергнут как раз по-
тому, что не отвечал социальным или нравственным представлениям К.
Но тем самым русский перевод обрел приметно большее внутреннее един-
ство, нежели его польский источник.

Многokrатно и в разнообразных связях звучит осуждение социаль-
ного угнетения и правовой несправедливости как неизбежного следствия
имущественного неравенства в мире, отравленном всеобщей алчностью,
стяжательством, завистью и сословной спесью, чванством и лакейской
угодливостью, равно как корыстной лживостью, несоответствием слова
и дела и поголовной готовностью к лжесвидетельству и обману. Чело-
веческая природа неизменна: носители зла — деятельны, агрессивны и
неискоренимы, а бытие превратно. Отсюда мотивы неуверенности в бу-
дущем, настроения социального консерватизма и практицизма, подозри-
тельность и недоверие к новшествам, настойчивые побуждения к преду-
смотрительности, призывы к смиренной умеренности, терпению, доволь-
ству малым и тем, что есть, наставления держаться своего сословного круга,
не искать покровительства и не полагаться на поддержку сильнейших
и тем более остерегаться конфликтов с ними, а также быть осмотрительным
в друзьях и не принимать личину за сущность.

Соответственно представляется и шкала социальных и нравственных
ценностей, в основе которых — доброе учение, честное ремесло, усерд-
ный труд, а также верность долгу, умение постоять за себя, справедли-
вость и сострадание к слабейшим. Высшее же из благ — независимость
человека, независимость как от вельможного произвола, так и от собствен-
ных соблазнов и прежде всего — соблазна стяжательства и тщеславия.

Позициям здравого смысла отвечают и повествовательно-художествен-
ные предпочтения К., неизменно придерживающегося трезвой действитель-
ности, ее реальных зависимостей и отношений. Из перевода устраня-
ется все не соответствующее повседневному опыту, несообразное, ухищ-
ренное, будь то хотя бы самые знаменитые сюжеты вроде басни о двух
недрузьях на тонущем корабле, из которых одного вполне утешает созна-
ние, что другой захлебнется несколькими минутами прежде, или басни
о хозяине, пересаживающем отягченную плодами старую яблоню под свои
окна, и прочие подобные потешки. При всей условности жанровых ситуа-
ций и масок они выступают у К. только как знаки аллегории, но не гипер-
трофированной карикатуры. И гротеск, и карикатура равно претят К.
Отвергаются также басни, весь эффект которых в находчивой игре слов,
неожиданном пуанте, никак, разумеется, не разрешающем реальной
жизненной коллизии, типа басни о холопе, утаившем от пана сердце за-
битого кабана и уверявшем, что у столь глупого животного сердца и
не могло быть, и т. п. Шутовской юмор не забавляет симбирского рот-
мистра. Напротив, бережно сохраняются басни, где ловкие отговорки

и паясничанье резко осуждаются, а то и боком выходят его затейникам. Не передаются надуманные этиологические сюжеты типа басни о нетопыре, чайке и репейнике, как и басни с нестаточными конфликтами.

Из текста переведенных басен решительно устраняются гротескные порождения художественной фантазии, вроде кульминационного финала притчи «О лакомом и завидливом» — просьбы завистника к богу лишить его одного глаза, лишь бы конкурент потерял оба. Частные же несообразности выправляются по ходу рассказа.

Не тешит К. читателя и заботами об особой занимательности и «художественности» повествования, сжимая фавулу до конфликтного ядра, — лишь бы его достало для нравственного заключения. Ужимаются контексты с любыми формами чужой речи, сокращаются и даже снимаются композиционные повторения, опускаются несущественные для конфликта детали и вообще то, что естественно подсказывается представлениями и опытом читателя.

Возрастает плотность повествования и полновесность фразы: местоимения вытесняются полнозначными словами, из определений предпочтаются лишь простые количественные акценты; отвлеченные суждения замещаются бытовой идиомой, поговоркой; психологические мотивы и побуждения персонажей — поступком.

Но все это изменения в басенном рассказе, тогда как в составе сентенций преобладают трансформации уточняющего или существенно дополняющего, а также модального характера, начиная от этической коррекции польского оригинала и до полного изменения его толкований. Здесь К. не отказывает себе в праве на собственное слово, нередко совершенно отличное от текста источника. В простейших случаях это включение нравственной оценки там, где оригинал ограничивался житейским или социальным обыкновением. Заостряются прежние оценки. Нравственные наставления подкрепляются соображениями причинно-целевого и вообще экспрессивно-обосновывающего порядка, оценочными сравнениями, антитезами, остро направленными вопросами и т. п. Иными, далеко не всегда соответствующими оригиналу предстают экспрессивные формы морализации — энергия, динамизм и модально-психологическая окрашенность суждений, напряженно-категоричных, предостерегающих, требующих, императивных. Нарастают обобщенно-личные формы адресации к читателю. Вместе с тем все надуманное, парадоксальное замещается простым и очевидным. Какая-либо недосказанность, даже восполняемая отсылкой к сюжету басни, заменяется исчерпывающим и законченным выводом из этой басни. Всякая двойственность, альтернативная неопределенность снимается в пользу однозначных и непреложных формул. Вероятное или предпологаемое трансформируется в действительное и очевидное. И если обыкновение оборачивалось его оценкой, то обвинение становится приговором.

Самое же характерное то, что эту непрерываемую категоричность настойчиво пронизывают социальные мотивы. Всеобщие, отвлеченно-безусловные ценности переводятся в сопоставление, а то и поляризацию этих ценностей в условиях социального контекста. Смещается морально-этическая призма оценок: на место психологического, «всечеловеческого» становится социально обусловленное и сословно характеризующее. И пусть оригинал уверяет, что «когда бедняк видит большую нужду другого, тогда ему и свои лишения милее сносить и принимать», К. переводит иначе: «. . . когда бедный и нужный человек видит большую инаво, нежели свою, нужу, такожде ему в нужи хочет пособити, аки и самый себе». Но главное — сменяются источники, критерии и субъекты оценки, которая, по К., предопределяется отнюдь не очевидностью факта и тем более не аргументами индивидуума, но социумом. Там, где польский текст полагает, что, «если кто может что показать делом, — и что ему до свидетелей?» — К. уверен: «. . . когда кого похвалят люди, сам себе никако похвалы прибавить не может». Там же, где оригинал занят выяснением психологиче-

ских мотивов поведения, К. может вообще не интересоваться поведением как таковым: он утверждает только неизбежную обоснованность, а потому и непреложность социальной оценки. Наконец, в экспрессивном преломлении повествовательного материала явственно различаются собственный голос, а подчас и судьба симбирского ротмистра.

К. не был ни профессиональным переводчиком, стремившимся к старательной передаче оригинала, ни особенно образованным человеком. Он — носитель смешанного польско-русского двуязычия при исходной польской основе, так что в раннем списке его перевода (ГПБ, Q.XV.16, с владельческой записью 1684 г.) нетрудно набрать не одну сотню примеров польских грамматических форм и конструкций, а в словнике — более сотни лексических полонизмов. И тем не менее К. не отказать в несомненном литературном даровании. Но стремительность и краткость его басенного рассказа не обычна ни для русских повествовательных традиций, ни для практики московских переводов, так что усилия последующих переписчиков оказались направлены не столько на изгнание полонизмов, сколько на придание тексту К. привычной нарративной обстоятельности и художественной аранжировки, что весьма заметно во втором и последнем известном списке этого перевода (ГПБ, собр. Колобова, № 607, первой трети XVIII в.). Однако для завершения этого процесса не оставалось исторического времени. В судьбы прозаической басни вторгается печатный станок, тиражирующий уже и новые переводы, и с той или иной избирательностью прежние, допетровские, и даже питающий рукописное бытование жанра. В XVIII в. списки с печатных изданий прозаической басни встречаются много чаще, нежели с рукописных протографов. Но доступ к печатному станку для лингвистически неустроенного текста К. был закрыт.

Лит.: Пыпин А. Н. Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских. СПб., 1858. С. 172—173; Андрианова-Перетц В. П. Басни Эзопа в русской юмористической литературе XVIII века // ИОРЯС. 1929. Т. 2, кн. 2. С. 377—400; История русской литературы. М.; Л., 1948. Т. 2, ч. 2. С. 411—412; Тарковский Р. Б. 1) Басня в России XVII—начала XVIII века // Науч. докл. высшей школы: Филол. науки. 1966. № 3. С. 97—109; 2) Старший русский перевод басен Эзопа и переписчики его текста. Л., 1975. С. 15—18, 39—41, 186—190; Истоки русской беллетристики. Л., 1970. С. 540—541.

Р. Б. Тарковский

Кичигин Иван Несторович (вторая половина XVII в.) — суздальский сын боярский, на протяжении многих лет составлял обширную историческую компиляцию, неутомимо разыскивая для нее новые источники (ГПБ, собр. Погодина, № 1953, 155 л.). В сборник, к работе над которым К. согласно его собственноручной записи (подтверждающейся датировкой бумаги) приступил в феврале 1675 г., вошло прежде всего несколько отредактированное «Избрание вкратце из книги, глаголемыя Космографии, еже глаголется описание света». Извлечения из «Степенной новгородской книги Софейского дому, из Рюриковой степени» и из *Летописи Новгородской Уваровской* (от крещения Владимира до 29 января 1676 г. «выписано из новгородского летописца Антоновского монастыря книги»), повесть о Новгородском погроме *Ивана IV*, выписки из *Повести временных лет* с добавлениями и «выписка из летописных книги» за 1544—1587 гг. («Списывано в Новгороде, в Лисе монастыре, в лета 7187 году, месяца октоврия, в 28 день, суздальской архиепископль сын боярский Иван Кичигин своими многогрешными руками») составили вторую по времени часть сборника. Третья группа выписок делалась составителем и работавшими по его заданию писцами в 1690—1694 гг. Это извлечение из Синописа (из древней части), анекдоты из жизни Сократа («Написася сия книжица история из римских дей в лета 7199 году, месяца сентеврия, в 14 день» — «выписано из книги Ногетма») и *Повесть о царице и львице* («Списася история сия в лето 7202-го году, месяца июля, дня 11-го»). Кроме того, труд К.

периодически пополнялся отдельными летописными заметками, например подробной записью о казнях «изменников — бояр и думных людей» в Москве в 1682 г. Компилятивная деятельность К., продолжавшаяся почти 20 лет, свидетельствует о возросшем интересе к летописанию низшего слоя российского дворянства в последней четверти XVII в. Труд К. не издан.

Лит.: Азбелев С. Н. Новгородские летописи XVII века. Новгород, 1960. С. 257—261.

А. П. Богданов

Козырев Иван (середина XVII в.) — новгородский книжник, составитель разъяснений к переводу «Диалектики» Иоанна Дамаскина и автор автобиографической статьи «Увещение о летописце». В этой статье, сохранившейся в трех списках (ГИМ, Синодальное собр., № 933, л. 365—368 об.; ГПБ, собр. Погодина, № 1655, л. 200—201; ГПБ, Q.XVII.118, л. 155—155 об. — ни один из списков не является автографом) и почти целиком напечатанной в работе Д. С. Бабкина (как показала сверка текста — с ошибками), от первого лица подробно рассказывается о трудах К. по растолкованию перевода «Диалектики»; книжник вдумывался в смысл текста, «изъясняя светлость глагол чертами, запятыми и точками, еще же и оглавление наложих по числу цифирных мудрости». Далее К. сообщает о несчастях, которые обрушились на его голову: «Силными святыми века сего за ивещение слова божия предан бых во узы яко злодей и связан железы лютости»; несмотря на эти гонения, он благополучно закончил свою работу.

Свое имя и «порекло» К. скрыл цифирной тайнописью, которой завершается «Увещение» (в сборнике ГПБ, Q.XVII.118 тайнопись попала в другое место — на л. 63); здесь же указано, что он «житель Великаго Новграда» (в Погодинском сборнике — «бывый житель Великаго Новграда»). Указания списков подтверждаются тем, что новгородцы и псковичи с именами Козыря, Козырев известны с XVI в. (см.: Веселовский и С. Б. Ономастикон: Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М., 1974. С. 148). В начале статьи К. указал дату окончания своего труда: «В лето осмыа тысящи 144 (в Погодинском сборнике — 145. — Т. Б.) слово последнее начах в месяце июлии 28 и скончах, богу помагающе, августа 8»; завершается «Увещение» традиционной просьбой исправлять ошибки. Слова «Увещения» относительно напастей, преследовавших новгородского книжника, которые можно было бы считать топомом, как оказалось, имеют под собой реальную основу. В. И. Аннушкин прочел часть замаранного текста, который в Синодальном сборнике следовал за тайнописью на л. 369. Здесь, между прочим, говорилось, что К. был «торгового чину человек» и что «за некое дерзновение слова» он был сослан на Соловки, «тамо неколико лет поживе в заточении и сконча. И поведают о нем некий мнози — хитр бе божественным писанием, украшен внешней философии».

К. не преувеличивал своих заслуг по истолкованию текста «Диалектики»: результаты его труда наглядно видны в списке «Диалектики», который входит в Синодальный сборник и поля которого заполнены кинноварными примечаниями (в «Диалектику», входящую в рукопись ГПБ, Q.XVII.118, разъяснения К. не включены; в Погодинском сборнике «Диалектики» вовсе нет, так как это один из «Строевских сборников», л. 200—201 представляют собой в нем самостоятельный фрагмент). Д. С. Бабкин пытался атрибутировать К. создание всего Синодального сборника-конволюта и считал его автором читающихся в этом сборнике предисловий к «Риторике», приписываемой Новгородскому и Великолуцкому митрополиту *Макарию*, и к «Диалектике». Однако, как выяснилось, предисловия заимствованы тут из «Сказания о семи свободных мудростех». Части Сино-

дальнего сборника, как установил В. И. Аннушкин, соединил под одним переплетом не К., а диакон Артемий Спиридонов; произошло это между 1636 г., когда К. завершил работу над «Диалектикой», и 1679 г., когда сборник продала вдова Артемия.

Соч.: Бабкин Д. С. Русская риторика начала XVII в. // ТОДРЛ. М.; Л., 1951. Т. 8. С. 327—328.

Лит.: Ягич И. В. Рассуждения южнославянской и русской старины о церковно-славянском языке // Исследования по русскому языку. СПб., 1895. Т. 1. С. 998—999; Пруссак А. В. Описание азбуковников, хранящихся в рукописном отделении имп. Публичной библиотеки. Пг., 1915. С. 21—22 (ПДПИ; Т. 186); Описание рукописей Синодального собрания (не вошедших в описание А. В. Горского и К. И. Невоструева) / Сост. Т. Н. Протасьева. М., 1973. Ч. 2. С. 76—77; Гаврюшин Н. К. «Книга диалектичныя глубины. . .» // Современные проблемы книговедения, книжной торговли и пропаганды книги. М., 1983. Вып. 2. С. 97—98; Аннушкин В. И. 1) Редакции «Риторик» начала XVII в. // Древнерусская литература: Источниковедение. Л., 1984. С. 237—238; 2) Композиция и терминология первой русской «Риторики» // Риторика и стиль. М., 1984. С. 44—45; Буланина Т. В. Риторика в Древней Руси. Сведения о теории красноречия в русской письменности XI—XVI веков: Автореф. дис. . . канд. филол. наук. Л., 1985. С. 18.

Т. В. Буланина

Коренев Иоанникий Трофимович (ум. 1680—1681) — теоретик музыки, поэт и, видимо, композитор. А. В. Позднеев ввел в научный обиход духовный кант «Услыши, боже, моления моя, Приими во уши пресвятая твоя. . .», в котором использованы начала и мотивы 60-го псалма, а также христианские темы (земное служение Иисуса Христа, Троица и др.). Кант состоит из 64 стихов (11-сложник, парная рифма). В музыкальном изложении кант имеет куплетную форму, так что и стихотворный текст можно считать строфическим (11 четверостиший). Акrostих: «У всемогущаго бога просящи милости, диакон Аникии скорби, господа поя, писаше». Тожество «диакона Аникия» с Иоанникием Корневым не вызывает сомнений.

По данным В. В. Протопопова (он использовал документы Оружейной палаты — ЦГАДА, ф. 396, № 542, 549), в 1666 г. «у великого государя на сенях в соборе Сретения господня» служил «дьячок Аниска». В 1672 г. он из причетников стал «диакonom Аникием». Известно, что *Н. П. Дилецкий*, самый крупный из барочных теоретиков музыки, автор «Муסיкийской грамматики», работал «во 187 (1679) году в дому диакона Аникия Трофимова, сына Коренева». Главное из сочинений последнего — трактат «Муסיкия», в котором доказываются эстетические преимущества нового гармонического стиля, основанного на мажорном и минорном трезвучии, перед демественным многоголосием, критикуемым как «несогласное».

Свою «Муסיкию» автор предварил стихотворным предисловием с акrostихом «Диакон Аникий Трофимов, сын Коренев» (ГБЛ, ф. 205, отд. 1, № 146). Совмещение занятий музыкой и поэзией — типичное для конца XVII в. явление. Так, и музыку и стихи сочинял *Герман*, учеником которого, возможно, был К.

Лит.: Муסיкийская грамматика Николая Дилецкого: Посмертный труд С. В. Смоленского, изданный на средства председателя ЛДП С. Д. Шереметева. СПб., 1910. С. 5—6; Позднеев А. В. 1) Рукописные песенники XVII—XVIII веков: (Из истории песенной силлабической поэзии) // Учен. зап. Моск. гос. заоч. пед. ин-та. М., 1958. Т. 1. С. 18; 2) Песни-акrostихи Германа // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 14. С. 365; 3) La poésie des chansons russes aux XVIIe et XVIIIe siècles // Revue des études slaves. Paris, 1959. Т. 36, fasc. 1—4. P. 30; 4) Никоновская школа песенной поэзии // ТОДРЛ. М.; Л., 1961. Т. 17. С. 421—422; 5) Просветительство и книжная поэзия конца XVII—начала XVIII века // Проблемы русского просвещения в литературе XVIII века. М.; Л., 1961. С. 109; 6) Стихосложение в песенной поэзии XV—XVII веков // Вопросы русской литературы. Львов, 1970. Вып. 3 (15). С. 47, 53; Протопопов В. В. Н. Дилецкий и его русские современники // Памятники русского музыкального искусства. М., 1979. Вып. 7. С. 555—562.

А. М. Панченко, М. А. Салмина

Котов Федот Афанасьевич (первая половина XVII в.) — московский купец, автор «Хожения» из Москвы в Персию в 1623 г. Путь К. на Восток лежал по Волге до Астрахани, затем по Каспийскому морю на Дербент, далее по суше через Шемаху до Исфахана. Обратная дорога проходила через Армению, Турцию и далее на север. К. был подготовлен к поездке на Восток, судя по записям в его отчете персидских, армянских, турецких и грузинских числительных, по уменью переводить меры восточного купечества на русские. Помимо интереса к торговле К. проявил в своем описании наблюдательность к природе, к рекам, горам, морю, к климатическим особенностям восточных краев, к плодородию земли. Подробно описаны своеобразные черты персидской архитектуры, переправы, быт и праздники мусульман, костюмы тюркских и закавказских народов и т. д. Сохранились три списка «Хожения» К. одной редакции, все они опубликованы.

Соч.: Беляев И. Д. «О ходу в Персидское царство и из Персиды в Турскую землю и в Индею и в Урмуз, где корабли приходят» // ВОИДР. 1852. Кн. 15. С. 1—22; М. П. - и й. Хождение на Восток Ф. А. Котова в первой четверти XVII в. // ИОРЯС. СПб., 1907. Т. 12, кн. 1. С. 67—125; Хождение купца Федота Котова в Персию / Публ. Н. А. Кузнецовой. М., 1958 (с пер. на рус. яз.).

О. А. Белоброва

Кровкова Агафья Григорьевна (конец XVII в.) — жена стольника, думного дворянина (генерала) Матвея Осиповича Кровкова (ум. 1700), автор 12 писем. Письма К. обращены к Прасковье Андреевне Хованской, жене князя *Петра Ивановича Хованского*, брата *Андрея Ивановича* и сына *Ивана Андреевича Хованских*, казненных правительством царевны *Софьи Алексеевны* 17 сентября 1682 г. Письма К. сохранились в составе архива П. И. Хованского, содержащего кроме писем его и его семьи переписку с родственниками, знакомыми и прислугой. Архив П. И. Хованского был конфискован в 1682 г., после казни его отца и брата, в поисках у него «подметных» противоправительственных писем, и эта дата является нижней границей написания всех писем К.

Темы, затрагиваемые в письмах К., касаются не только повседневного семейного быта и личных переживаний автора. Письма ее, создавая в совокупности своеобразный психологически сложный женский автопортрет, являются также ценным историческим свидетельством о быте и нравах людей времени так называемой «Хованщины» и содержат повествование о семейной трагедии, о разорении вследствие солдатского «правежа» семьи московского «генерала»-стольника и о предпринимаемых его женой попытках вернуть семье ее прежнее положение в обществе. Средства, с помощью которых К. пытается, по ее выражению, «вытащить» свою семью «из грязи» и «ада», превращаются фактически в разоблачение самопроизвола, бюрократизма, взяточничества, казнокрадства и всякого рода интриг.

Особой эмоциональной выразительностью выделяются письма К., рассказывающие о последствиях для семьи второго Чигиринского похода 1678 г., в котором принимал участие М. О. Кровков, состоявший на службе у боярина Г. Г. Ромодановского (№ 139. С. 414—416. № 140. С. 416—417 и др.). К. так описывает П. А. Хованской возвращение мужа в Москву: «А про меня, государыня моя, изволишь спросить, и я с печали одва жива: Матвея Осиповича привезли со службы великого государя из-под Чигирина замертво, одва жив лежит на смертной постеле; што оборотим с боку на бок, то и есть, а сам ничем не владеет, ни руками, ни ногами» (№ 135. С. 412). Причина такого состояния генерала выясняется из последующих писем его жены: «. . . Матвей Осипович на правеже от солдатского челобитья забит до смерти; по се ж число ровно пять недель живот свой мучит. Били челом и написали челобитную всем полком, подали за руками, и, против их челобитья, им выдали голову а иску их десять тысяч

по се число, июня по седьмое число, заплачено шесть тысяч двести рублей, а не доплачено четыре тысячи с лишком» (№ 139. С. 415). В изображении К. дело с «правежем» ее мужа осложнено интригой В. А. Змеева, который избежал иска вдвое большего размера: «А на Матвея Осиповича посяг Бенедикт Андреевич Змеев. Дело показано было ему, и они, солдаты, ему пригрозили . . . Вяткою, написали на него челобитную в двадцати тысячах. И он, их побоявся, и над Матвеем Осиповичем так учинил, выдал его головою» (Там же. С. 416).

В отличие от остальных писем, в большинстве своем также оформленных в виде челобитных-прошений, ее письма о «правеже» обладают особо сильной эмоциональной окрашенностью и уничижительным тоном начиная с адресата: «Государыне моей, милостивой матке, кнеине Парасковье Андреевне — нищая и беспомощная, на свете не надобная и в конец разоренная Матвеева женишка Осиповича Кровкова Агашка челом бьет» (№ 139. С. 414). Изображение психологического состояния автора усилено контрастным сопоставлением: «Нажитков моих на веку только один сын, и тот от страху пропал безвестно, и я пуще с умом разорилась. И слуху не было. Я чаела, что не жив» (№ 140. С. 416). Напряженность психологической ситуации передается пересказом «вещего» сна: «Пожалуй, вытащи нас из ада! Помнишь ли, свет мой, как буйволы пили воду, а свины их поели и землю подрыли? Все сбылось. А ты меня за руку вытащила. Ты сидела на кровати высоко, а я потонула в грязи. Пожалуй, вытащи, дай за себя вечно бога молить! . . .» (№ 139. С. 416).

К. просит, чтобы «боярин-князь Петр Иванович . . . пожаловал скупил с правежу, а в заклад» предлагается: «. . . извольте взять деревнишки муромския, или подмосковную, или двор московской» (№ 140. С. 417). Прощение завершается мольбой: «Помилуй, матушка, дайте вместо смерти живот! . . . Помилуй, вытащи из грязи! . . .» (Там же). Письмо № 139, раскрывающее ряд имен лиц, имевших отношение к «делу» М. О. Кровкова, сохранилось вопреки воле его автора, просившего П. А. Хованскую: «Изволь, свет моя, письмо прочетчи, изодрать» (Там же. С. 416).

Соч.: Частная переписка князя Петра Ивановича Хованского, его семьи и родственников / Изд. Г. Г. Лукьянов // Старина и новизна. М., 1905. Т. 10. С. 406—417 (№ 129—140).

Лит.: Кровков Матвей Осипович // РБС. СПб., 1903. Т. 9. С. 445—446; Б у д о в н и ц. Словарь. С. 215, 358.

Н. Ф. Дробленкова

Кропоткин Михаил (вторая половина XVII в.) — князь, до 1690 г. комнатный стольник при царском дворе, переводчик. Известны его переводы с польского и пересказы (в том числе виршами) отрывков из «Географии» Яна Ботера и из *Хроники Александра Гваньини*, толкующих о Лютере, Кальвине и о пагубности их учений. Известен также его перевод сочинения Симона Старовольского «Двор турецкого салтана и о чину и о строении его во Царегороде». Все эти переводы выполнены К. довольно неумело; они сохранились в сборнике, его автографе (ГБЛ, собр. Пискарева, № 173 (Муз., № 608)), в предисловии («предмове») которого сообщается время работы над переводами — 1690—1691 гг. и место — Белгород. К. с семьей был направлен сюда на службу в полк к воеводе Б. П. Шереметеву в наказание за поездку в 1690 г. в Вологду к сосланному князю В. В. Голицыну с деньгами и письмами от царевны *Софьи Алексеевны* (первоначально князю К. за этот поступок грозило битье кнутом и ссылка). Сборник К. предназначался П. Ф. Колычеву в Петербург и, очевидно, был составлен в первом десятилетии XVIII в. Кроме того, в предисловии К. упоминает выполненный им перевод сборника Апофегмата, местонахождение которого неизвестно. Переводы К. не опубликованы, только его вирши частично изданы Покровским.

Соч.: Покровский Н. Борьба с протестантскими идеями в петровское время и князь Михаил Кропоткин // Рус. вестн. 1872. Т. 172. Сентябрь. С. 224—234.

Лит.: Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках. СПб., 1888. Т. 3. Стб. 1097, 1117, 1126, 1144, 1170, 1207, 1208, 1241, 1469—1470, 1471—1472; Соловьевский. Переводная литература. С. 57, 91.

О. А. Белоброва

Крючков Исидор (вторая половина XVII в.) — житель города Коломны, автор сочинения о близкой кончине мира. В 1665 г., 19 февраля, он подбросил на полки овощного ряда, где бывало много народа, тетрадь или листки со своим сочинением. Текст этих листков дошел до нас в рукописи второй половины XVII в. (ГПБ, собр. Погодина, № 1560, л. 81—81 об.), переписанный вместе с полемическим сочинением священника *Иоанна* «Слово улично», обличающим творение К. как «лживую повесть», излагающую взгляды «капитонов» — раскольников. Из сочинения *Иоанна* известна дата появления «Повести» в Коломне и дальнейшая судьба ее автора, не ограничившегося распространением своих взглядов в подметном сочинении, но писавшего углем на стенах Вознесенской церкви подобные же «грозы». К. был привлечен в Коломенский архиепископский приказ, где его сочинение было рассмотрено Леонтием Брюзгиным. Автор поначалу, «оторопев, помысли скрыти и учел заперитися вопрошающим о ней», но затем, осмелев, принес тетради *Иоанну*.

Сочинение К. — один из ранних эсхатологических опытов. Оно по характеру своему отличается от сочинений старообрядцев, так как не содержит характерных для последних теоретических обоснований грядущего прихода антихриста и кончины мира. Начало дошедшего до нас текста несколько испорчено. В целом он составлен в виде отписки «ис Полимитарского града Сичелеского государства». В ней рассказывается, что в «Полимитарский град» пришли два старца, назвавшиеся пророками и посланные, по их словам, богом Саваофом. Босые, с непокрытыми головами, в платье «незнакомом», «яко нигде такова не обретохом», питающиеся только хлебом и водой, они чудесным образом подкрепили свою проповедь о близкой кончине мира: из «Полимитарского града» они собирались уехать в Рим, но предоставленное им «возило» на глазах у всех разбилось «во мгновении ока». Проповедовали же они, что в 169 (1661) г. будет великая война во всем свете, в 170 (1662) г. не будет пастыря, в 171 (1663) г. «немногия люди Христа спознают», в 172 (1664) г. будет трясение, в 173 (1665) г. гнев божий во всей вселенной, в 174 (1666) г. будет Африка гореть и реки кровью потекут, в 175 (1667) г. «востанет муж велик», в 176 (1669) г. бог в Троице един будет «во всем свете», в 178 (1670) г. светила небесные угаснут и будет «едино стадо и един пастырь» и придет день страшного суда.

Это произведение, несомненно испытавшее влияние Апокалипсиса и его толкований — *Слова святого Ипполита* и «Слова о втором пришествии . . . и о страшном суде» Палладия Мниха, хорошо известных на Руси в середине XVII в. не только в рукописных списках, но и в печати (см.: Соборник. М., 1647. Л. 120—140, 141—157 об.), все же больше напоминает светскую легенду. Трудно сказать, был ли К. старообрядцем, ибо его представления о предшествующих концу света знамениях в деталях отличаются от старообрядческих сочинений, хотя с последними его сближает указание на точный год конца света (у старообрядцев назывался и 1670, и 1688, и 1699 гг.) и фигуры двух старцев-пророков, легко отождествляемых с упомянутыми в главе II Апокалипсиса ветхозаветными пророками Енохом и Ильей. Однако был ли К. старообрядцем или нет, его сочинение рассматривалось на фоне старообрядческой эсхатологии и вполне укладывалось в ее схему. Характерна для старообрядческой традиции и рукописная форма выступления К. — тетради, или листки, типичные для старообрядческой пропаганды.

В начальной части сочинения К. многое неясно. Что означает название «Полимитарский град»? Следует ли видеть в нем в сочетании с Сицилий-

ским государством искаженное название города Палермо или можно искать его значение в греческом слове *πολύβδος* — «широко известный», «всеми восхваляемый» град? Не находят также объяснения слова «отпущены к вам лучшими достоинству Ухарския земли» и обращение «Подкорою, великому учителю святых Иерусалимских веры».

Соч.: Бычков А. Ф. Описание церковно-славянских и русских рукописных сборников имп. Публичной библиотеки. СПб., 1882. Ч. 1. С. 209—210; Новые материалы для истории старообрядчества XVII—XVIII веков / Собр. Е. В. Барсовым. М., 1890. С. VIII, 156—157.

Лит.: Смирнов П. С. Внутренние вопросы в расколе в XVII в. СПб., 1898. С. СХХ, 18—20, 25, 35, 37, 40, 41, 45, 46, примеч. 22, 48 и 28, 76—77.

М. Д. Каган

Куракин Иван Семенович (ок. 1575—1632) — князь, боярин, автор «Чаши государя нашего царя и великого князя Михаила Федоровича всея России». Правнук родоначальника Куракиных, А. П. Кураки Булгакова, К. упоминается в источниках с лета 1594 г., когда в чине стольника был рындой на приеме послов австрийского императора (см.: Разрядная книга 1559—1605 гг. М., 1974. С. 299). Три года спустя, получив то же назначение, вступил в местнический спор с князем Ю. Н. Трубецким, покинул Москву, за что был «отставлен» и даже «сидел в подклете» (Там же. С. 303; Разрядная книга 1550—1636 гг. М., 1976. Т. 2, вып. 1. С. 130, 147). Был головой в «серпуховском» походе *Бориса Годунова* (лето 1598 г.), принимал участие в его избрании на трон (ААЭ. СПб., 1836. Т. 2. С. 43; ср. с. 49). При царе Борисе, будучи по-прежнему стольником (среди 19 стольников, перечисленных в боярском списке 1598—1599 гг., К. назван 11-м — см.: Боярские списки последней четверти XVI—начала XVII в. и роспись русского войска 1604 г. М., 1979. Ч. 1. С. 180), встречал в Москве шведского королевича и английского посла, в период вторжения Лжедмитрия I (против которого выставил 32 «конных» ратника. См.: Там же. М., 1979. Ч. 2. С. 27) был направлен в Тулу для «осаднава дела». Очевидно, перешел на сторону Самозванца, во время похода которого от Кром к Москве (через Тулу) являлся (согласно разрядным книгам) первым воеводой полка правой руки. Лжедмитрий I пожаловал К. боярское звание (вероятно, в 1605 г. См.: Берх В. Н. Царствование царя Михаила Феодоровича и взгляд на междуцарствие. СПб., 1832. Ч. 2. С. 76) и назначил наместником и воеводой в Смоленск. В мае 1606 г., возможно, участвовал в заговоре против Самозванца и выступал за ограничение власти нового царя Василия Шуйского, который, передав К. вотчину убитого фаворита «расстриги» П. Ф. Басманова, оставил его на воеводстве в Смоленске. Осенью 1607 г. К. находился уже в столице. О его деятельности в период борьбы московского правительства с войсками Лжедмитрия II читаем в *летописцах Новом, Пискаревском и Бельском, Казанском сказании, Хронографе Столярове*. В декабре 1607 г. К. в сторожевом полку послан из Москвы к Брянску, осажденному отрядами «Вора». Выйдя к Десне, он поставил острог и сумел переправить запасы продовольствия и вооружения в город. Из-под Брянска войска К. отошли в Карачев, затем он был отозван в Москву, а весной 1608 г. направлен в Болхов. Командовавший «воровской» армией гетман Р. К. Ружинский послал ему и князю В. В. Голицыну грамоту как «сродичем, братье нашей», т. е. гедиминовичам, призывая присоединиться к Лжедмитрию II (РИБ. СПб., 1875. Т. 2. Стб. 218—221), но эта грамота не возымела действия. В первый день Болховского сражения (30 апреля 1608 г.) во главе сторожевого полка контраатаковал силы «Вора», восстановив положение. Во время тушинской осады Москвы, как считает И. С. Шепелев, был одним из ближайших соратников Шуйского, которому доводился родственником (сестра К. Мария Семеновна являлась женой И. П. Буйносова-Ростовского, брата царицы. См.: Са в е л о в Л. М. Страничка из истории Смутного времени: Царица Мария

Петровна Шуйская // РА. 1914. № 2. С. 222). В июне 1608 г. во главе большого полка выступил «из Дорогомилова» против гетмана А. Лисовского, двигавшегося к Москве из Коломны, и на Москве-реке, «на Медвежьем броду», нанес ему поражение. Впрочем, в некоторых «кразрядах» отмечено, что ратники К. «заблудились» и остановились и подлинным победителем «воров» считается князь Б. М. Лыков (см.: Б е л о к у р о в С. А. Разрядные записи за Смутное время (7113—7121 гг.). М., 1907. С. 176, 253). По расспросным речам московских выходцев в Тушино, К. «прямил» Лжедмитрию II (АИ. СПб., 1841. Т. 2. С. 250), но едва ли это так. Обороняя столицу от «воров», К. командовал войсками у Покровских ворот, в феврале 1609 г. действовал в Бронницах, близ Москвы (Рус. ист. сб. М., 1838. Т. 2. С. 271); в июне того же года участвовал в разгроме тушинцев возле «царствующего града». Осенью 1609 г. в качестве «прибыльного воеводы» послан из Москвы в Александрову слободу к М. В. Скопину-Шуйскому и под его началом вел наступление на Троице-Сергиев монастырь и Москву. В феврале 1610 г. освободил Дмитров от войск гетмана Я. П. Сапеги, в следующем месяце во главе передового полка вступил в столицу. Вероятно, не входил в состав «семибоярщины», принявшей власть после падения Шуйского. В августе 1610 г. был назначен «оберегать» Москву от отрядов Лжедмитрия II (РИБ. СПб., 1872. Т. 1. Стб. 661). Осенью того же года от короля Речи Посполитой Сигизмунда III получил «лист» на «маетности» в Смоленском уезде и вел следствие по делу о расхищении казны бывшей царицей Марией Петровной (см.: Акты, относящиеся к истории Западной России. СПб., 1851. Т. 4. С. 364; С а в е л о в Л. М. Страничка из истории. . . С. 222—229, 231—233). Активный сторонник кандидатуры Сигизмунда III на русский престол (а не его сына Владислава, как утверждает Е. К. Ромодановская), К. «с русскими и литовскими людьми» 11 февраля 1611 г. был разбит ополченцами под Владимиром и отступил обратно в Юрьев Польский (а по свидетельству *Авраамия Палицына*, назвавшего его воеводой поляков и русских изменников, — в Москву. См.: Сказание Авраамия Палицына. М.; Л., 1955. С. 213), затем, до начала марта, во главе польско-литовского отряда прибыл «на Киржач» (ААЭ. Т. 2. С. 306—307, 324). В июне 1611 г. король щедро пожаловал его деньгами и землями в Муромском и Пошехонском уездах; руководитель оккупационной администрации в Москве А. К. Гонсевский и Сигизмунд III отмечали его «верную службу» (Акты. . . Т. 4. С. 396, 403; Земельные пожалования в Московском государстве при царе Владиславе 1610—1611 гг. / Под ред. и с предисл. Л. М. Сухотина. М., 1911. С. 50—53, 120, 124, 129 и др.). Из описи посольского архива 1626 г. известно, что король писал К. «белорусским письмом» о приведении населения Русского государства к присяге «на ево имя», обещая новые почести (см.: Опись архива Посольского приказа 1626 года. М., 1977. Ч. 1. С. 124). В декабре 1611 г. К. был назначен дворецким в Казанский дворец; в конце января следующего года вместе с другими московскими боярами подписал грамоты в Кострому, Ярославль и Переславль-Залесский с призывом сохранять верность королевичу Владиславу (Сб. имп. Рус. ист. о-ва. СПб., 1913. Т. 142. С. 292, 298, 299). Накануне сдачи Кремля К. был выдан интервентами ополченцам; по мнению А. А. Семина, в декабре 1612 г. уехал из Москвы, вернувшись туда к моменту избрания на престол *Михаила Федоровича* (см.: З а м я т и н Г. А. К истории Земского собора 1613 г. // Труды Воронеж. гос. ун-та. Воронеж, 1926. Т. 3. С. 1; С е м и н А. А. Политическая борьба в Москве в период подготовки и деятельности Земского собора 1613 г. // Государственные учреждения и классовые отношения в отечественной истории. М.; Л., 1980. Вып. 2. С. 237). Участник Земского собора 1613 г., К., видимо, был противником кандидатуры Михаила Романова (см.: Л ю б о м и р о в П. Г. Очерк истории нижегородского ополчения 1611—1613 гг. Переизд. М., 1939. С. 221; С т а н и с л а в с к и й А. Л., М о р з о в Б. Н. Повесть о Земском соборе 1613 года³//

ВИ. 1985. № 5. С. 92, 93). Согласно Е. Ф. Тураевой-Церетели, он мог быть в числе претендентов на трон (см.: В а с е н к о П. Г., П л а т о н о в С. Ф., Т у р а е в а - Ц е р е т е л и Е. Ф. Начало династии Романовых: Исторические очерки. СПб., 1912. С. 139). Вряд ли это суждение справедливо, ибо К. скомпрометировал себя сотрудничеством с оккупантами и принадлежал к младшей ветви своего рода. По «земляному» боярскому списку весны 1613 г. К. являлся одним из крупнейших русских феодалов (имел свыше 3.5 тыс. четвертей вотчинной земли). В начале царствования Михаила Федоровича возглавлял Владимирский судный приказ. В 1614 г. находился «за Москвою-рекою» с отрядом служилых и черных людей на случай вторжения крымских и ногайских татар и наряду с другими боярами подписал грамоту к польским «радным» панам, разоблачавшую действия Сигизмунда III в отношении России. Новгородские послы, вернувшиеся весной 1615 г. из Москвы, назвали К. в числе главных советников Михаила Романова (см.: Ф о р с т е н Г. В. Политика Швеции в Смутное время // ЖМНП. 1889. № 10. С. 204, примеч. 2). В марте 1615 г. К. вел переговоры с англичанином Д. Мериком, посредником в русско-шведских переговорах. Вскоре после этого (до сентября того же года) он был назначен воеводой в Тобольск, где пробыл до весны 1620 г. Это назначение рассматривается в литературе как почетная ссылка. По предположению Г. П. Георгиевского, К. впал в немилость, будучи сторонником женитьбы царя на М. И. Хлоповой, одновременно с которой он якобы оказался в Сибири. В действительности К. погал туда примерно на год ранее первой невесты Михаила Федоровича, еще до того, как тот решил вступить в брак. Возможно, правительство сочло необходимым удалить К. из Москвы после того, как во время русско-польских переговоров под Смоленском вскрылись новые факты, свидетельствовавшие о его верной службе королю. Согласно сибирскому летописному своду конца XVII в., где подчеркнуто, что до К. в Тобольске бояр «не бывало», в ноябре 1621 г. туда прибыл князь Ф. А. Елецкой и «сыскивал про» К. и «иных сибирских воевод» (Книга записная. Томск, 1973. С. 16, 20). Быть может, обнаруженные злоупотребления послужили причиной опалы, в которой К. находился до смерти. Кроме того, из более позднего местнического дела А. Н. Трубецкого с Ф. С. Куракиным, племянником К., узнаем о том, что в период вторжения в Россию Владислава (1617—1618) К., по официальной версии «советник» интервентов, «радовался и ожидал на Московское государство всякого дурна» (М а р к е в и ч А. И. О местничестве. Киев, 1879. Ч. 1. С. 473—474). Учтем и то, что в октябре 1621 г. Земский собор принял решение объявить войну Речи Посполитой (см.: СГГД. М., 1822. Ч. 3. С. 227—233). Как опальный К. не значится в боярских книгах и «наличных» боярских списках 20-х—начала 30-х гг. XVII в. Известно, что в феврале 1627 г. он находился в заключении (см.: РИБ. СПб., 1884. Т. 9. Стб. 459); по царскому указу его имущество стало распродаваться. Погребен в Троице-Сергиевом монастыре, куда дал богатые вклады по жене Елене Ивановне, урожденной Турениной (детей от нее не имел).

И с точки зрения политической, и с точки зрения литературной представляет интерес сочинение К. «Чаша государя нашего царя и великого князя Михаила Федоровича всея России», которое приписывается ему на основании заглавия в рукописи ГБЛ, собр. Румянцева, № 1529, XVIII в., л. 199 об.—201: «Сказать Чаша государева, слог Ивана Семеновича Куракина». Поскольку в тексте Чаши содержится пожелание царю «видети отца своего», патриарха *Филарета*, который с 1613 по 1619 г. был в польском плену, произведение К. датируют 1613—1619 гг. Он в это время находился в Тобольске, и возможно, что «Чаша государева» — своего рода попытка вернуть себе царское расположение. Особенностью Чаши, созданной К., по сравнению с другими памятниками этого жанра (см. статью *Чаши государевы заздравные*) является ее пышное панегирическое начало. Обычное начало, в котором называются имя и титул государя,

в чью честь возглашается Чаша (например: «Чаша государева, царя, великого князя Ивана Васильевича всея России»), здесь чрезвычайно пространено и превращено в двестиый панегирик: «Великие и превысочайшия, и пресветлыя, и преславно красноседательныя царския степени величества, великаго и свыше прехвальнаго государя нашего, царя крепкаго, царя сильнаго, царя премудраго, царя на степенех высоты преукрашеннаго милостию, царя начального судом, царя праведнаго, и пресвятою греческою верою на великое Российское государство богом избранного царя, и светозарным светом на нас сияющего и непрестанно красноцветущею зарею облистающего, и пресветлою зарею над нами красновозсиявшаго, великаго государя нашего царя и великого князя Михаила Федоровича. . . » и т. д. Содержание Чаши (благопожелания) можно условно разделить на две части: оригинальную и заимствованную из Чаши Бориса Годунова. В оригинальной части есть как благопожелания, постоянные для жанра Чаши (чтобы царь был «здрав и счастен, и недругом своим страшен на неисчетныя лета», чтобы недруги государевы «все покорились под его царскую высокую руку . . . и к нему . . . вины свои принесли, и головы свои под его царской меч подклонили. . .»), так и принадлежащие К.: чтобы вернулся патриарх Филарет и чтобы бог даровал царю «в сочтание цесарска браку» наследника — «благородное семя».

Вторая часть благопожеланий заимствована из Чаши Бориса Годунова. Эта часть содержит следующие пожелания царю: чтобы церкви были тихи и немятежны, чтобы христианская вера «сияла на всей вселенной . . . яко же и под небесем пресветлое солнце», чтобы трепетали враги «от потрясения его царского меча и храбрска подвига», чтобы государство Российское «было в строении, и в смирении, и во всяком благодарственном исполнении», после чего следовали пожелания «неисчерпаемой милости» всем, а «повинным милостива пощада и долготерпение», впервые встречающиеся в Чаше Бориса Годунова, включенной в состав Хронографа 1620 г.

Стиль «Чаши государевой» неоднороден. Начало ее — пышное, риторичное — выдержано в стиле русского исторического повествования XVI—XVII вв. Основная часть написана более просто, но с использованием традиционных, в том числе и риторических, оборотов. По предположению А. С. Орлова, Чаша, сложенная К., «едва ли предназначалась для церковного обихода: она содержит указания на краткий срок, когда могла произноситься, и на такие временные обстоятельства, которые не подлежали обязательному воспоминанию» (Чаши. . . С. 19). Однако текст этот нуждался в минимальной переработке, чтобы стать пригодным для многократного чтения. В переработке его, сохранившейся в рукописи ГПБ, Софийское собр., № 1499, сделаны лишь следующие изменения: пожелание, чтобы вернулся патриарх Филарет, заменено пожеланием, чтобы царь от всех великих государей почитаем был «со отцем своим и богомольцем великим государем святейшим патриархом Филаретом Московским и всея Русии», а пожелание, чтобы «русские воры, которые всчали междуусобную брань . . . к нему, великому государю нашему, вины свои принесли; и головы свои под его царской меч подклонили», убрано вообще, видимо, как не отвечающее уже политической обстановке в стране.

Документы, составленные К. в бытность его воеводой в Смоленске и Тобольске (порой в соавторстве с другими лицами), литературного интереса не представляют — это сугубо деловые письма. Отписка К. в Москву и его грамота («лист») к оршанскому старосте А. И. Сапеге, написанные в июле 1606 г., посвящены положению в Смоленском уезде и пограничным спорам (см.: АИ. Т. 2. С. 81—82; Сб. имп. Рус. ист. о-ва. М., 1912. Т. 137. С. 287—289). В отписках К. из Тобольска, адресованных в Посольский приказ и приказ Казанского дворца воеводам Пелыма, Томска, Кетского и Туринского острогов, его «памяти» енисейскому приказному человеку М. Трубчанинову (1616—1620) говорится о сношениях с калмыками и

Китаем, путях в Мангазею, точнее, их сокрытие от иностранцев, о попытке привести под «государеву царскую высокую руку» сибирскую народность нярамзу, об обеспечении служилых людей, сборе дани (см.: РИБ. Т. 2. Стб. 1049—1056, 1070—1072; М и л л е р Г. Ф. История Сибири. М.; Л., 1937. Т. 1. С. 451; 1941. Т. 2. С. 239—244, 247—251; Русско-монгольские отношения. 1607—1636: Сб. документов. М., 1959. С. 45—50, 69, 86—87; Русско-китайские отношения в XVII веке. М., 1969. Т. 1. С. 44, 55—56, 90—91, 95—96). Одна из отписок К. времени его воеводства в Тобольске в рукописи конца 20-х—начала 30-х гг. XVII в. разделяет повести о Смутном времени (см.: ГПБ, собр. Соловецкого монастыря, № 880/990, л. 234—241 об.; К у к у ш к и н а М. В. Семен Шаховской — автор Повести о смуте // Памятники культуры. Новые открытия. 1974. М., 1975. С. 77). В сборнике ГИМ, собр. Уварова, № 1408 (150), относящемся к XVII в., «Чаше государевой» предшествует статья о переписке его с правительством по делам «Мунгальской» земли (1619). Лишена художественных достоинств и челобитная К. Сигизмунду III от июня 1611 г. (Земельные пожалования. . . С. 50).

Соч.: Георгиевский Г. П. Чаша государева: Литературный памятник XVII века // Старина и новизна. М., 1907. Кн. 42. С. 307—319; Орлов А. С. Чаши государевы. М., 1913. С. 18—19, 43—46.

Лит.: РБС: Кнаппе—Кюхельбекер. СПб., 1903. С. 581; Платонов С. Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI—XVII вв. Переизд. М., 1937. С. 227, 273, 275, 314, 330, 336, 338, 343, 346, 347, 360, 407, 426; Богоявленский С. К. Приказные судьи XVII века. М.; Л., 1946. С. 170, 266; Бахрушин С. В. Научные труды. М., 1955. Т. 3. С. 91, 92, 116, 262, 268, 271; Шепелев И. С. Освободительная и классовая борьба в Русском государстве в 1608—1610 гг. Пятигорск, 1957. С. 51—53, 55, 58, 72, 89, 115, 124, 125, 426, 428—430, 432, 492, 509—511; Русско-китайские отношения в XVII веке. М., 1969. Т. 1. С. 7, 527; Ромодановская Е. К. Русская литература в Сибири первой половины XVII в.: (Истоки русской сибирской литературы). Новосибирск, 1973. С. 32; Очерки русской литературы Сибири. Новосибирск, 1982. Т. 1. С. 63.

Л. В. Соколова, Я. Г. Солодкин

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ ДЛЯ «СЛОВАРЯ КНИЖНИКОВ И КНИЖНОСТИ ДРЕВНЕЙ РУСИ»

- ААЭ — Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею Академии наук. СПб., 1836. Т. 1—4.
- Адрианова-Перетц и Покровская В. Ф. Древнерусская повесть. М.; Л., 1940. Вып. 1.
- АЗР — Акты, относящиеся к истории Западной России. СПб., 1846—1853. Т. 1—5.
- АИ — Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1841—1842. Т. 1—5.
- Барсков. Памятники — Барсков Я. Л. Памятники первых лет русского старообрядчества. СПб., 1912.
- Барсуков. Источники агнографии — Барсуков Н. П. Источники русской агнографии. СПб., 1882.
- БВ — Богословский вестник, издаваемый Московской духовной академией.
- Будовниц. Монастыри на Руси — Будовниц И. У. Монастыри на Руси и борьба с ними крестьян в XIV—XVI веках (по житиям святых). М., 1966.
- Будовниц. Словарь — Будовниц И. У. Словарь русской, украинской, белорусской письменности и литературы до XVIII века. М., 1962.

Китаем, путях в Мангазею, точнее, их сокрытию от иностранцев, о попытке привести под «государеву царскую высокую руку» сибирскую народность нярамзу, об обеспечении служилых людей, сборе дани (см.: РИБ. Т. 2. Стб. 1049—1056, 1070—1072; Миллер Г. Ф. История Сибири. М.; Л., 1937. Т. 1. С. 451; 1941. Т. 2. С. 239—244, 247—251; Русско-монгольские отношения. 1607—1636: Сб. документов. М., 1959. С. 45—50, 69, 86—87; Русско-китайские отношения в XVII веке. М., 1969. Т. 1. С. 44, 55—56, 90—91, 95—96). Одна из отписок К. времени его воеводства в Тобольске в рукописи конца 20-х—начала 30-х гг. XVII в. разделяет повести о Смутном времени (см.: ГПБ, собр. Соловецкого монастыря, № 880/990, л. 234—241 об.; Кукушкин А. М. В. Семен Шаховской — автор Повести о смуте // Памятники культуры. Новые открытия. 1974. М., 1975. С. 77). В сборнике ГИМ, собр. Уварова, № 1408 (150), относящемся к XVII в., «Чаше государевой» предшествует статья о переписке его с правительством по делам «Мунгальской» земли (1619). Лишена художественных достоинств и челобитная К. Сигизмунду III от июня 1611 г. (Земельные пожалования. . . С. 50).

Соч.: Георгиевский Г. П. Чаша государева: Литературный памятник XVII века // Старина и новизна. М., 1907. Кн. 12. С. 307—319; Орлов А. С. Чаши государевы. М., 1913. С. 18—19, 43—46.

Лит.: РБС: Кнаппе—Кюхельбекер. СПб., 1903. С. 581; Платонов С. Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI—XVII вв. Переизд. М., 1937. С. 227, 273, 275, 314, 330, 336, 338, 343, 346, 347, 360, 407, 426; Богоявленский С. К. Приказные судьи XVII века. М.; Л., 1946. С. 170, 266; Бахрушин С. В. Научные труды. М., 1955. Т. 3. С. 91, 92, 116, 262, 268, 271; Шепелев И. С. Освободительная и классовая борьба в Русском государстве в 1608—1610 гг. Пятигорск, 1957. С. 51—53, 55, 58, 72, 89, 115, 124, 125, 426, 428—430, 432, 492, 509—511; Русско-китайские отношения в XVII веке. М., 1969. Т. 1. С. 7, 527; Ромодановская Е. К. Русская литература в Сибири первой половины XVII в.: (Истоки русской сибирской литературы). Новосибирск, 1973. С. 32; Очерки русской литературы Сибири. Новосибирск, 1982. Т. 1. С. 63.

Л. В. Соколова, Я. Г. Солодкин

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ ДЛЯ «СЛОВАРЯ КНИЖНИКОВ И КНИЖНОСТИ ДРЕВНЕЙ РУСИ»

- ААЭ — Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею Академии наук. СПб., 1836. Т. 1—4.
- Адрианова-Перетц и Покровская. Древнерусская повесть — Адрианова-Перетц В. П. и Покровская В. Ф. Древнерусская повесть. М.; Л., 1940. Вып. 1.
- АЗР — Акты, относящиеся к истории Западной России. СПб., 1846—1853. Т. 1—5.
- АИ — Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1841—1842. Т. 1—5.
- Барсков. Памятники — Барсков Я. Л. Памятники первых лет русского старообрядчества. СПб., 1912.
- Барсуков. Источники агиографии — Барсуков Н. П. Источники русской агиографии. СПб., 1882.
- БВ — Богословский вестник, издаваемый Московской духовной академией.
- Будовниц. Монастыри на Руси — Будовниц И. У. Монастыри на Руси и борьба с ними крестьян в XIV—XVI веках (по житиям святых). М., 1966.
- Будовниц. Словарь — Будовниц И. У. Словарь русской, украинской, белорусской письменности и литературы до XVIII века. М., 1962.

- Б у с л а е в.** — Б у с л а е в Ф. И. Историческая хрестоматия церковнославянского и русского языков. М., 1861.
Историческая хрестоматия
- ВАИ** — Вестник археологии и истории, издаваемый Археологическим институтом.
- В л а д и м и р о в.** — В л а д и м и р о в П. В. Обзор южнорусских и западнорусских памятников письменности от XI до XVII столетия. Киев, 1890.
Обзор памятников
- В о с т о к о в.** — Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музея, составленное Александром Востоковым. СПб., 1842.
Описание
- Г о л у б и н с к и й.** — Г о л у б и н с к и й Е. История русской церкви. М., 1900—1917. Т. 1—2.
История церкви
- Г о л у б и н с к и й.** — Г о л у б и н с к и й Е. История канонизации святых в русской церкви. М., 1903.
История канонизации
- ГПНТБ** — Государственная Публичная научно-техническая библиотека Сибирского отделения АН СССР (Новосибирск).
- ДАИ** — Дополнения к актам Историческим, собранные и изданные Археологической комиссией. СПб., 1846—1875. Т. 1—12.
- ДРВ** — Древняя российская вивлиофика. 2-е изд. Н. И. Новикова. М., 1788—1791. Ч. 1—20.
- Древности** — Древности: Труды Московского Археологического общества. М., 1865—1904. Т. 1—20.
- Д р у ж и н и н.** — Д р у ж и н и н В. Г. Писания русских старообрядцев. СПб., 1912.
Писания старообрядцев
- Е в г е н и й.** — Е в г е н и й (Б о л х о в и т и н о в). Словарь русских светских писателей, соотечественников и иностранцев, писавших в России. М., 1845. Т. 1—2.
Словарь
- ЗНТШ** — Записки Научного товариства ім. Шевченка (Львов).
- ЗООИД** — Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1884—1919. Т. 1—33.
- ИА** — Исторический архив: Сборник (с 1936 по 1954); Журнал (с 1954 по 1962).
- ИВ** — Исторический вестник.
- И к о н н и к о в.** — И к о н н и к о в В. С. Опыт русской историографии. Киев, 1892—1908. Т. 1—2.
Опыт по историографии
- КДА** — Киевская духовная академия.
- К л ю ч е в с к и й.** — К л ю ч е в с к и й В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871.
Древнерусские жития
- ЛГПИ** — Ленинградский государственный педагогический институт им. А. И. Герцена.
- Летописи** — Летописи русской литературы и древностей, издаваемые Николаем Тихонравовым. М., 1859—1863. Т. 1—5.
Тихонравова
- ЛЗАК** — Летопись занятий Археологической комиссии. СПб.; Пгр.; Л., 1862—1929. Т. 1—35.
- ЛН** — Литературное наследство.
- МГАМИД** — Московский главный архив Министерства иностранных дел.
- МГПИ** — Московский государственный педагогический институт им. В. И. Ленина.
- МГПИ** — Московский городской педагогический институт им. В. И. Потемкина.
- МГУ** — Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова.
- Н а з а р е в с к и й.** — Н а з а р е в с к и й А. А. Библиография древнерусской повести. М.; Л., 1955.
Библиография

- Никольский.**
Повременной список — Никольский Н. К. Материалы для повременного списка русских писателей и их сочинений (X—XI вв.). СПб., 1906.
- Никольский.**
Рукописная книжность — Никольский Н. К. Рукописная книжность древнерусских библиотек (XI—XVII вв.): Материалы для словаря владельцев рукописей, списков, переводчиков, справщиков и книгохранителей. Вып. 1: А—Б. СПб., Б. г. (Изд. ОЛДП, № 132).
- ПБЭ** — Православная богословская энциклопедия. СПб., 1900—1911. Т. 1—12.
- ПДА** — Петербургская духовная академия.
ПИ — Проблемы источниковедения.
ПЛ — Памятники старинной русской литературы, издаваемые графом Григорием Кушелевым-Безбородко. СПб., 1860—1862. Вып. 1—4.
- ПО** — Православное обозрение.
- Порфирьев.**
Апокрифы ветхозаветные — Порфирьев И. Апокрифические сказания о ветхозаветных лицах и событиях. СПб., 1877.
- Порфирьев.**
Апокрифы новозаветные — Порфирьев И. Апокрифические сказания о новозаветных лицах и событиях. СПб., 1890.
ПС — Православный собеседник, издаваемый при Казанской духовной академии.
- РА** — Русский архив.
РБС — Русский биографический словарь. СПб., 1896—1913. Т. 1—25.
- РО** — Рукописный отдел.
РС — Русская старина: Исторический журнал.
РФВ — Русский филологический вестник (Варшава).
СГГД — Собрание государственных грамот и договоров. М., 1813—1894. Ч. 1—5.
- Серебрянский.**
Княжеские жития — Серебрянский Н. Древнерусские княжеские жития. М., 1915.
- Соболевский.**
Переводная литература — Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков. СПб., 1903.
- Срезневский.**
Памятники — Срезневский И. И. Древние памятники русского письма и языка. 2-е изд. СПб., 1882.
- Срезневский.**
Сведения и заметки — Срезневский И. Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках // Зап. АН. 1866. Т. 9, кн. 1, прилож. 3 (№ 1—20); кн. 2, прилож. 6 (№ 21—30); 1867. Т. 11, кн. 1, прилож. 2 (№ 31—40); 1871. Т. 20, кн. 1, прилож. 3 (№ 41—44); 1873. Т. 22, кн. 1, прилож. 3 (№ 45—54); 1874. Т. 24, кн. 2, прилож. 4 (№ 55—65); 1875. Т. 28, кн. 1, прилож. 1 (№ 66—80); 1879. Т. 34, кн. 2, прилож. 4 (№ 81—90); 1881. Т. 39, кн. 2, прилож. 7 (№ 91). Перепечатка: СОРЯС. 1867. Т. 1. № 6—9 (№ 1—40); 1874. Т. 12. № 1 (№ 41—65); 1876. Т. 15. № 1 (№ 66—80); 1879. Т. 20. № 4 (№ 81—90); 1881. Т. 22. № 5 (№ 91). Отд. изд.: СПб., 1867. [Т. 1] (№ 1—40); 1876. [Т. 2] (№ 41—80); 1881. [Т. 3] (№ 81—91).
- Строев.** Словарь — Строев П. М. Библиологический словарь и черновые к нему материалы / Приведен в порядок и изд. под ред. А. Ф. Бычкова. СПб., 1882.
- Тихонравов.**
Памятники — Памятники отреченной русской литературы / Собр. и изд. Н. Тихонравовым. М., 1863. Т. 1—2; Т. 3 // СОРЯС. СПб., 1894. Т. 58, № 4.
- Українські письменники** — Українські письменники: Біо-бібліографічний словник. Т. 1. Давня українська література (XI—XVIII ст.) / Уклад Л. Е. Махновець. Київ, 1960.
- Филарет.** Обзор — Филарет (Гумилевский). Обзор русской духовной литературы. 3-е изд. СПб., 1884.

- Ф р а н к о. Апокрифы — Апокрифи і легенди з українських рукописів, збирав, упорядкував и пояснив Ів. Франко. Львів, 1896—1910. Т. 1—5.
- Христ. чт. — Христианское чтение.
- ЦГИА — Центральный государственный исторический архив (Ленинград).
- ЧИОНЛ — Чтения в историческом обществе Нестора летописца.
- Шахматов. Обзорение — Шахматов А. А. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.; Л., 1938.
- Шахматов. Разыскания — Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908.
- Яцимирский. Библиографический обзор — Яцимирский А. И. Библиографический обзор апокрифов в южнославянской и русской письменности: (Списки памятников). Пг., 1921. Вып. 1: Апокрифы ветхозаветные.

ИССЛЕДОВАНИЯ

Д. М. БУЛАНИН

Неизвестный источник Изборника 1076 г.

Успехи, достигнутые в изучении Изборника 1076 г. за последнюю четверть столетия, демонстрируют, сколь важным и своевременным оказалось полное академическое издание этой рукописи, вышедшее в свет в 1965 г.¹ Получив в руки полный текст кодекса в образцовом издании, отечественные и зарубежные слависты сосредоточили свое внимание на поисках источников для тех разделов сборника, к которым его издатели не смогли подобрать греческих параллелей.² В ходе этих поисков выяснилось, что сравнение с греческим не всегда помогает правильной интерпретации текста, так как не учитывает ближайшие источники сборника, которыми были не греческие сочинения, а их славянские переводы, порой подвергавшиеся компилятором довольно бесцеремонной адаптации. «Как выяснилось в ходе подробного изучения Изборника 1076 г., — пишет Н. А. Мещерский, — источниками для отдельных его компонентов послужили не только греческие оригиналы произведений, но и их южнославянские переводы».³

Но достижения последних лет не исчерпываются выявлением новых источников книги. Для адекватной ее оценки как одного из звеньев в истории ранних славянских компиляций решающим стало открытие рукописей, структура которых напоминает композицию Изборника;⁴ особенно много общих статей нашлось в двух рукописях — Погодинском сборнике XV в. (ГПБ, собр. Погодина, № 1032) и Мелецком сборнике XVI в. (ЦНБ АН УССР, Мел. м./п. 119).⁵ Поскольку в текстологически родственных Изборнику рукописях встречаются первичные чтения,⁶ не могло быть сомнений, что у них и у кодекса 1076 г. существовал общий архетип, который В. Федер предложил называть «Княжьим изборником» и который, как

¹ Изборник 1076 года / Изд. подгот. В. С. Голышенко, В. Ф. Дубровина, В. Г. Демьянов, Г. Ф. Нефедов. М., 1965.

² Основная библиография работ об Изборнике приведена в кн.: Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР (XI—XIII вв.). М., 1984. № 5. С. 41—43; Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1 (XI—первая половина XIV в.). Л., 1987. С. 196—198.

³ Мещерский Н. А. Взаимоотношения Изборника 1073 г. с Изборником 1076 г. // Изборник Святослава 1073 г. М., 1977. С. 95.

⁴ Сопоставительное описание этих рукописей дано в ст.: V e d e r W. The «Izbornik of John the Sinner»: A Compilation from Compilations // Полата књигописњая. 1983. № 8. P. 15—37.

⁵ Описание этих сборников см.: К о п р е е в а Т. Н. Новые данные для изучения текста Изборника 1076 г. // Проблемы источниковедческого изучения рукописных и старопечатных фондов. Л., 1979. С. 92—112; Ф е д е р У. Мелецкий сборник и история древнеболгарской литературы // Palaeobulgaria / Старобългаристика. 1982. Год. 6, № 3. С. 154—165.

⁶ В особенности см.: К о п р е е в а Т. Н. Из истории болгаро-русских книжных связей: (К истории взаимосвязи текстов Изборников 1073 и 1076 гг.) // Palaeobulgaria / Старобългаристика. 1980. Год. 4, № 1. С. 39—47.

он считает, является южнославянской по происхождению компиляцией.⁷ Среди книг, послуживших источником «Княжьего изборника», В. Федер называет сборник царя Симеона (копия которого известна как Изборник 1073 г.), сборник «Златоструй» и некоторые другие — все южнославянские переводы.⁸ В процессе подготовки к изданию древнеболгарского перевода «Энхиридиона» Эпиктета мне посчастливилось найти еще один источник «Княжьего изборника», который проливает дополнительный свет на работу компилятора и вместе с тем расширяет наши представления о репертуаре болгарской письменности X в. Этот новонайденный источник через ряд промежуточных этапов отразился и в Изборнике 1076 г. — в статье, озаглавленной «Наказание богатым» и занимающей в кодексе л. 24 об.—28 об.

Оригинал большей части фрагментов, составляющих «Наказание богатым», известен: американский византист и славист И. Шевченко установил, что статья Изборника 1076 г. представляет собой экскерпты из памятника византийской политической мысли «Наставления» диакона Агапита.⁹ Составленное между 527 и 548 гг. и обращенное к императору Юстиниану сочинение константинопольского диакона относится к популярному в Византии жанру «зерцал» — наставлений правителю.¹⁰ Чеканные формулы, выставляющие величие императорской власти, ее божественное происхождение, но вместе с тем и обязанности царя по отношению к подданным, насыщенность общественно-политической топикой (сравнения императора с солнцем, кормчим и т. д.) и изысканный язык — все это сделало «Наставление» Агапита наиболее популярным в средневековой Европе учебником по *ars gubernandi*.¹¹ Достаточно сказать, что к трактату обращался порфириносный писатель Мануил II Палеолог, что его переводил с латинского на французский король Людовик XIII, что он находился в поле зрения Эразма Роттердамского и Гуго Гроция. Благодаря своему правоучительному пафосу «Наставление» прочно вошло также в круг монашеского чтения. Если добавить, что сочинение Агапита использовалось как пособие обучающимися греческому языку, сфера распространения этой книги будет более или менее очерчена.

Нет ничего удивительного, что и в средневековых литературах южных и восточных славян «Наставление» нашло благосклонный прием. Переводы Агапита, появлявшиеся вплоть до XVIII в., история освоения его политических рецептов, наконец, реминисценции из его «зерцала» в оригинальных сочинениях славянских писателей — все это подробно рассмотрено в серии работ И. Шевченко.¹² Для темы нашей статьи наиболее важны выводы, касающиеся первоначального перевода «Наставления». Указав на отклонения от греческого оригинала, общие для полного перевода «Наставления» и выборки Изборника, И. Шевченко пришел к заключению, что экскерпты, составляющие «Наказание богатым», не являются прямым переводом с греческого, но восходят к существовавшему уже славянскому

⁷ V e d e r W. The «Izbornik of John the Sinner». P. 30.

⁸ Ibid. P. 29.

⁹ Š e v č e n k o I. On Some Sources of Prince Svjatoslav's Izbornik of the Year 1076 // *Orbis scriptus: D. Tschizewskij zum 70. Geburtstag*. München, 1966. P. 723—732.

¹⁰ Наиболее доступное изд.: M i g n e J. P. *Patrologiae cursus completus. Series graeca*. Parisiis, 1865. T. 86, pars 1. Col. 1153—1186.

¹¹ Подробный анализ содержания трактата см.: Henry III P. A Mirror for Justinian: The «Ekthesis» of Agapetus Diaconus // *Greek, Roman and Byzantine Studies*. 1967. Vol. 8. P. 281—308.

¹² Š e v č e n k o I. 1) A Neglected Byzantine Source of Muscovite Political Ideology // *Harvard Slavic Studies*. Cambridge (Mass.). 1954. Vol. 2. P. 141—179 (перепечатано в кн.: *The Structure of Russian History*. New York, 1970. P. 80—107); 2) *Ljubomudrjšij Kyr'' Agapit Diakon: On a Kiev Edition of a Byzantine «Mirror of Princes». With a Facsimile Reproduction // Recenzija: Review of Soviet Ukrainian Publications*. 1974. Vol. 5, N 1. Supplement; 3) *Agapetus East and West: The Fate of a Byzantine «Mirror of Princes» // Revue des études sud-est européennes*. 1978. T. 16, N 1. P. 3—44.

переводу.¹³ Следует добавить, что в основе «Наказания богатым» и полного славянского текста «Наставления», дошедшего в списках не ранее XIV в.,¹⁴ безусловно лежит один и тот же перевод. Правда, попавшие в Изборник фрагменты «Наставления» подверглись более или менее значительной правке, что является характерной приметой кодекса XI в. и родственных ему компиляций; получившиеся в ряде случаев чтения не находят поддержки в оригинале: например, во фрагменте 3 автор выборки пишет: «небесънааго владыку», в то время как в полном переводе в соответствии с греческим просто: «владыку» (δеспότην);¹⁵ если в полном переводе в согласии с оригиналом читается: «другы истинны» (φίλους ἀληθεστέτους), то в выборке (фр. 7) переделано: «другы и съветъники» и т. д. Если бы переводчик «Наставления» работал после составителя «Наказания богатым» и задумал воспользоваться переведенными в этой статье фрагментами, ему пришлось бы очистить их от такого рода добавок. Разумнее предположить обратное взаимоотношение текстов: выборка делалась из имевшегося уже перевода «Наставления».

Разумно также предположить, что полный перевод Агапита подобно другим источникам Изборника появился на Балканах. По мнению И. Шевченко, он был выполнен в Болгарии при царе Симеоне или — менее вероятно — его наследнике Петре.¹⁶ Свою мысль И. Шевченко подкрепляет указанием на то, что сочинение Агапита давало опору политическим устремлениям болгарских правителей (в особенности Симеона), которые «находились в идеологической конфронтации с Византией и, должно быть, хотели иметь в своем распоряжении памятник византийской имперской идеологии».¹⁷ Ссылается ученый и на своеобразную лексику перевода, также относящую его к «золотому веку» болгарской литературы.¹⁸ Южнославянское происхождение перевода подтверждается, наконец, наличием сходной с Изборником 1076 г. выборки из «Наставления» в независимом от него сборнике — сербском кодексе XIV в. из Народной библиотеки «Кирил и Методий» в Софии (№ 1037).¹⁹

К сожалению, И. Шевченко не развил в своих работах последнего аргумента, не сопоставив три списка выборки — в Изборнике, рукописи XIV в. и Мелецком сборнике XVI в. (последний список не был известен исследователю). Между тем сравнение их позволяет со всей решительностью настаивать на том, что к симеоновской Болгарии должен быть отнесен не только первоначальный перевод трактата Агапита, но и специально подобранный монтаж экспертов, к которому восходит статья Изборника. При текстологических сопоставлениях необходимо учитывать и статью «К судьям», помещенную в первой части «Мерила праведного», а потом включенную в Слово псевдо-Василия Великого «о судиях и властелех». Как установил И. Шевченко, статья «К судьям» представляет собой монтаж выдержек из того же «Наставления», но монтаж уже второго

¹³ См.: Ševčenko I. On Some Sources. . . P. 725.

¹⁴ Самый ранний список — в составе сборника XIV в. (ГИМ, собр. Уварова, № 589), где сочинение приписано Иоанну Златоусту («Поученье Иоана Златоустаго благаго царствия, льпо есть»), — ускользнул от внимания И. Шевченко.

¹⁵ Номера фрагментов здесь и далее даются по помещаемой ниже публикации выборки.

¹⁶ См.: Ševčenko I. 1) On Some Sources. . . P. 729—730; 2) Agapetus East and West. P. 28—29. — Предлагавшаяся ранее датировка перевода 1460-ми гг. в свете новых данных должна быть отвергнута (ср.: Лурье Я. С. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV—начала XVI века. М.; Л., 1960. С. 476).

¹⁷ Ševčenko I. Agapetus East and West. P. 28.

¹⁸ Ševčenko I. 1) On Some Sources. . . P. 729; 2) Agapetus East and West. P. 29.

¹⁹ Ševčenko I. Agapetus East and West. P. 28, note 86.

порядка — основанный на занимающей нас древней выборке из этого произведения.²⁰

Анализируя состав трех списков, убеждаемся, что текст читающейейся в них выборки из «Наставления» не был устойчивым: каждый список включает несколько отличный от других набор фрагментов; немного варьируются и заголовки выборки, причем в Мелецком сборнике она разделена на две части с самостоятельными названиями. Поскольку каждый список содержит отрывки, отсутствующие в двух других, ясно, что все три независимо друг от друга восходят к общему архетипу, в котором «банк» фрагментов был больше, чем в дошедших до нас вариантах выборки. Замечу в скобках, что свойственное автору компиляции смелое вторжение в верный оригиналу полный перевод Агапита исключает возможность позднейших интерполяций по тому же источнику.

Наиболее полно архетип выборки отразился в сербском списке. Это выражается не только в том, что список XIV в. сохранил наибольшее количество эксерптов из «Наставления», но и в том, что здесь вопреки двум другим вариантам находим больше общих чтений с полным переводом трактата: ²¹ во фр. А «покорнымъ умомъ» (в полном переводе «покорном умом») против «смиреным умом» в М; во фр. 9 «тычно» (так и в полном переводе, ср. *σποδαίως*) против «не тышта ся» в ИМ; во фр. 11 «сана ради власти» (в полном переводе «сана ради и власти»),²² ср. *διὰ τὴν ὑπεροχὴν*

²⁰ См.: Ševčenko I. 1) Ljubomudrějšij Kyr' . . . P. 10, n. 27; 2) Agapetus East and West. P. 30, n. 94. — Выдержки из Агапита, точнее, из имевшейся уже древней выборки, в Слове псевдо-Василия Великого также опознал И. Шевченко, однако он не обратил внимания, что в совокушности выдержки составляют статью «К судьям» (Ševčenko I. On Some Sources. . . P. 730—732). Различия между текстами незначительны, статью «К судьям» объединяют с интерполяцией в Слове псевдо-Василия даже общие ошибки: во фр. 17 здесь и там читается «брат» вместо «враг». Издание статьи «К судьям» см.: Мерило праведное: По рукописи XIV века. М., 1961. С. 38—39. Статья входит в первоначальный состав «Мерила праведного», который М. Н. Тихомиров предлагал датировать началом XII в. (Тихомиров М. Н. Исследование о Русской Правде. М.; Л., 1941. С. 94—95). Издание Слова псевдо-Василия см.: Русские достопамятности, издаваемые имп. Обществом истории и древностей Российских. М., 1843. Ч. 2. С. III, примеч. 1 (отрывки); Апокрифическое слово Василия Великого о судьях и властелях // Православный собеседник. 1864. Ч. 1. Март. С. 368—374 (перепечатано в кн.: Памятники древнерусской церковно-учительной литературы / Под ред. А. И. Пономарева. СПб., 1897. Вып. 3. С. 116—119 — этим изданием я и пользуюсь в дальнейшем, выдержки из «Наставления» находятся на с. 118—119); ВМЧ, декабрь, день 31. М., 1914. Стб. 2471—2476. Без всяких на то оснований Слово приписывалось митрополиту Кириллу II: Попечение отечественной церкви о внутреннем благоустройстве русского гражданского общества в XIII, XIV и XV веках // Православный собеседник. 1861. Ч. 1. Январь. С. 87 (на с. 87—90 пространная выписка из Слова в переводе на русский язык).

Кроме Слова «о судях и властелех» существует другое Слово псевдо-Василия Великого — «о судьях и о клеветах» (издано дважды: К а л а ч о в Н. Предварительные юридические сведения для полного объяснения Русской Правды. 2-е изд. СПб., 1880. Вып. 1. С. 238—242; Мерило праведное. С. 39—42), которое с легкой руки Филарета Гумилевского, также приписывают Кириллу II: Филарет (Гумилевский и др.). Обзор русской духовной литературы. 3-е изд. СПб., 1884. Кн. 1. С. 61. Поэтому, может быть, получила распространение ошибочная трактовка Слова «о судьях и о клеветах» как иной редакции Слова «о судях и властелех»: В а л д е н б е р г В. Древнерусские учения о пределах царской власти. Пг., 1916. С. 127, примеч. 1; Ševčenko I. On Some Sources. . . P. 730, n. 16. В действительности между ними нет ничего общего, совпадает лишь небольшой отрывок. Слово «о судьях и о клеветах» восходит к Хронике Амартола: Schneider R. Die moralisch-belehrenden Artikel im altrussischen Sammelband «Merilo Pravednoe». Freiburg im Breisgau, 1986. S. 50—54. Что речь идет о двух различных произведениях, указывал М. Н. Тихомиров: Исследование. . . С. 112 (здесь же отмечено, что середина Слова «о судьях и властелех» находит аналогично еще в одной статье «Мерила праведного» — «Наказании князем»: Мерило праведное. С. 126—128).

²¹ В дальнейшем вводятся условные обозначения: Изборник — И, сербский список — С, Мелецкий сборник — М, статья «К судьям», включенная в Слово псевдо-Василия Великого, — В.

²² Ошибочное чтение ВМЧ исправляю по списку ГИМ, Синодальное собр., № 489 (Ševčenko I. On Some Sources. . . P. 727).

τῆς ἐξουσίας) против «сана ради» в ИМ; во фр. 13 «на клеветехъ» (в полном переводе «клеветет») против «на рабехъ» в ИМ; во фр. 19 «прилежне разумевай» (так и в полном переводе, ср. ἐπιμελῶς κατανόει) против «разумевай» в ИМ. Помимо этих одинаково отклоняющихся от первоначального перевода случаев, где проявляется близость ИМ, интересно и следующее чтение: стоящий в переводе глагол «ископовают» (фр. 4) заменен во всех трех списках выборки, но в С — на «исключают», а в ИМ — на «искаляют». Наибольшее число индивидуальных чтений содержит М, который, следовательно, дальше всего отстоит от архетипа. Иногда филиацию текста можно проследить поэтапно, как, например, во фр. 18, где И пропускает читающиеся в С слова «и припреженую плъти свръну (так!)», а М — еще и предыдущую синтагму.

Протографом М, по-видимому, пользовался автор статьи «К судьям»,²³ так как дважды МВ содержат явно позднейшие чтения (во втором случае — в отрывке, не имеющем отношения к Агапиту, но, как увидим дальше, входившем в архетип выборки): это во фр. 10 «человека» вместо «людина» (так и в полном переводе), во фр. 21 «клеветника» вместо «клеветаря» ИС (так и в Минейном изборнике, речь о котором пойдем ниже). Протограф М восходил к общему источнику ИМ, как показывают следующие варианты: во фр. 8 В «не удобно» (так и в полном переводе; в ИМ и в Слове псевдо-Василия «не подобно») против «не подобно» С; во фр. 9 ВИМ «не тща ся» против «тъщно» С (так и в полном переводе); во фр. 21 ВИМ «ти глаголюща» против «глаголюща» С (так и в Минейном изборнике); в том же фр. ВИМ «не отпадеши» (так и в Минейном изборнике) против «не отступиши» М. Зависимость протографа М, использованного в статье «К судьям», от общего источника ИМ подтверждается и тем, что в В не отразились индивидуальные чтения И и пропуски М.

Возвращаясь к сербскому списку, подчеркнем, что его нельзя считать простым слепком с архетипа, так как, во-первых, в нем, как и в И, отсутствует фр. 1, сохранный М; во-вторых, здесь есть целая серия ошибок и индивидуальных чтений, не разделяемых ИМ: во фр. 8 читается «не подобно» вместо стоящего в полном переводе «не удобно», в то время как в ИМ «не удобъ»; во фр. 9 читается «премудрѣно» вместо находящегося в полном переводе «пъря мудро» (τὰ πρακτέα βραδέως), в то время как в И «пъря мѣдльно», а в М «прю с тихостию»; во фр. 11 находится бессмысленное чтение «подающимъ милостыню» вместо находящегося в полном переводе, как и в ИМ, «подаанием милостыня» (διὰ τὴν παροχήν τῆς εὐποιίας).

Зная, что три списка выборки восходят к общему архетипу, мы можем настаивать на южнославянском его происхождении. Для локализации архетипа особенно существенно, что СМ непосредственно не зависят от «Наказания богатым» в Изборнике 1076 г., а восходят к его источнику; при этом не следует забывать, что кодекс № 1037 копировался на Балканах, а для соотвествующего раздела Мелецкого сборника В. Федер предполагает среднеболгарский антиграф.²⁴ Тем самым окончательно устанавливается принадлежность полного текста «Наставления», с которым работал автор выборки, к числу переводов Симеоновой эпохи. Располагая теперь наиболее весомым, текстологическим, доказательством болгарского

²³ При сопоставлениях со статьей «К судьям» оперирую только теми чтениями, которые разделяются интерполяцией в Слове псевдо-Василия (по изданию А. И. Пономарева). Хотя обычно статья «К судьям» лучше передает текст древней выборки из «Наставления», есть несколько случаев, когда интерполяция в Слове псевдо-Василия содержит предпочтительные чтения: во фр. 9 «разсуждение» (так и в С; в ИМ и в полном переводе «расуждения») против «расуженно» в статье «К судьям»; во фр. 17 «неправаго» (в ИСМ и в полном переводе «неправдынаго») против «неправо»; во фр. 21 «ближняго» (так и в ИСМ, и в Минейном изборнике — о нем ниже) против «блаженнаго».

²⁴ Федер У. Мелецкий сборник. . . С. 158.

происхождения славянского Агапита, я позволю себе не останавливаться на статье М. Т. Дьячка, где пересматриваются выводы И. Шевченко и на основании лексики перевода делается вывод, что он был осуществлен в Киевской Руси.²⁵

Наличный материал не позволяет решить, делалась ли выборка из «Наставления» специально для «Княжьего изборника» — основного источника компиляции, дошедшей в Изборнике 1076 г., или, как думает В. Федер, предшествовала «Князьему изборнику».²⁶ Зато у нас есть возможность достаточно отчетливо представить себе, как выглядел сборник, в котором автор выборки читал трактат Агапита и откуда он делал свои эксперты. Суть дела заключается в следующем. Подобрал в полном тексте «Наставления» параллели к составляющим «Наказание богатым» выдержкам, И. Шевченко не смог определить источник лишь трех фрагментов: одного — в середине статьи (фр. 15), двух других — в ее окончании (фр. 21, 22). Источник двух последних будет указан ниже, относительно же фр. 15 мне удалось установить, что это выдержка из «Энхиридиона» Эпиктета, точнее, из так называемой христианской парафразы учебника Эпиктета, где предписания древнего философа-стоика были применены к монашеской жизни.²⁷ Как и фрагменты «Наставления», отрывок «парафразы» проник в «Наказание богатым» не из греческого оригинала памятника, а из существовавшего уже славянского перевода; хотя все списки этого перевода русские (старший из них читается в сборнике XIII в. — ГИМ, собр. Хлудова, № 10^а, фрагмент сборника — БАН, собр. Никольского, № 323),²⁸ нет сомнений, что сам перевод — болгарский, он носит на себе все приметы преславской книжной школы X в.²⁹ Коль скоро СМ отражают общий с «Наказанием богатым» архетип, есть возможность проверить, читалась ли в нем выдержка из «парафразы». Если Мелецкий сборник опускает интересующий нас фр. 15, то в рукописи XIV в., лучше всего отражающей архетип, сохранился не только фр. 15, но и примыкающее к первому второе извлечение из «Энхиридиона» (фр. С). Более того, здесь находим третье заимствование из славянского «Энхиридиона»; оно помещено после выборки из «Наставления» и получило специальный заголовок «Слово подвижное къ богу» (фр. J).

Как же могло совершиться взаимное проникновение фрагментов из двух столь различных по духу произведений, как «Наставление» Агапита и «Энхиридион»? Оказалось, что древнерусские сборники донесли до нас не только преславский перевод «парафразы», но и его первоначальное окружение. Сборник, в составе которого «парафраза» появилась в болгарской письменности, с наибольшей полнотой отразился в наборе статей, рекомендуемых для чтения в високосном году (на 29 февраля) Великими Минеями Четвыми митрополита Макария. Из этих статей к древнеболгарскому сборнику на разных основаниях могут быть возведены следующие (перечисляю их по Софийскому списку февральского тома ВМЧ, хранящемуся в ГПБ, Софийское собр., № 1320):³⁰ Житие Павла Фивейского, «Книга кормчий душам и спас», «Наставление» Агапита, «Энхиридион» Эпиктета, подборка выдержек из сочинений Максима Исповедника, мелкие выписки из святоотеческих творений, которые, учитывая их типо-

²⁵ Дьячок М. Т. О месте и времени первого славянского перевода «Наставления» Агапита // Памятники литературы и общественной мысли эпохи феодализма. Новосибирск, 1985. С. 5—13. — Раритетная лексика перевода, выделенная И. Шевченко в статье 1966 г., в работе М. Т. Дьячка вовсе игнорируется.

²⁶ Feder W. The «Izbornik of John the Sinner». P. 29.

²⁷ «Парафраза» издана в кн.: Epicteteae philosophiae monumenta. Rec. I. Schweighauser. Lipsiae, 1800. T. 5. P. 1—94.

²⁸ Об этом кодексе см.: Булалин Д. М. Реконструкция древнерусского сборника XIII в. // Исследования по древней и новой литературе. Л., 1987. С. 342—345.

²⁹ Датировка перевода будет обоснована в моей статье, сопровождающей издание славянского «Энхиридиона». Там же дается перечень известных мне списков памятника.

³⁰ Доказательства моей датировки каждой из перечисленных статей будут представлены в работе о славянском «Энхиридионе».

логическое сходство с Изборником 1076 г., я предлагаю называть Минейным изборником, Молитва Богородице Петра Черноризца, «Написание о вере» Михаила Синкелла, наконец, выписки из толковых пророков.³¹ Существование перечисленных статей в виде отдельного сборника частично удостоверяется другими рукописями: в начальной части рукописи ГИМ, Синодальное собр., № 489 находим тот же комплекс статей, начиная с «Книги кормчий» и кончая Минейным изборником; в знаменитом сборнике ГБЛ, ф. 304, собр. Троице-Сергиевой лавры, № 12 находим одну выдержку из Максима Исповедника, начальную часть Минейного изборника, «Написание о вере» Михаила Синкелла (есть основания думать, что в источнике Троицкого сборника читалась и Молитва Петра Черноризца); в пергаменном фрагменте ГИМ, собр. Уварова, № 249 сохранились «Книга кормчий», «Наставление» Агапита и первая выдержка из Максима Исповедника (остальная часть рукописи утрачена); в кодексе ИРЛИ, Р. IV, оп. 24, № 26 среди других глав читаются «Энхиридион» Эпиктета, подборка выдержек из Максима Исповедника, «Наставление» Агапита, «Книга кормчий». Обломки древнеболгарского сборника встречаются и в иных рукописях, как, например: БАН, Архангельское собр., С. 17; 21.9.14; ГБЛ, ф. 113, собр. Иосифо-Волоколамского мон., № 489; ГПБ, Q.I.1015 (в последних двух читается новый перевод «Наставления» Агапита, получивший распространение с XVI в.).³²

Итак, в реконструированном на основании русских списков преславском сборнике «Наставление» и «парафраза» стояли рядом. Этим и объясняется диффузия двух текстов, происшедшая под пером автора выборки, которую Изборник 1076 г. именует «Наказанием богатым». Восстановив таким образом ее источник, мы без большого труда определим, откуда взяты и два последних фрагмента «Наказания богатым» (фр. 21, 22), происхождение которых осталось не разгаданным И. Шевченко. Автор выборки заимствовал их из новонайденного Минейного изборника — одной из составных частей все того же древнеболгарского сборника; они входят в число выписок, объединенных подзаголовком «От премудраго словесе святого Максима». Выписки эти в свою очередь являются эксерцптами из Слова постнического Максима Исповедника и дополняющих его четырех сотниц глав о любви; ³³ фр. 21 и 22 восходят соответственно к главам 58 и 60 первой сотницы. В том, что эти фрагменты входили в архетип выборки, сомнений быть не может: они присутствуют во всех трех ее списках и включены в статью «К судьям».³⁴ В общем источнике этих списков извлечений из Минейного изборника было больше, потому что в С фр. 21 и 22 предшествуют еще два отрывка из изборника (отрывки, восходящие также к первой сотнице глав о любви, взяты из того же раздела «От премудраго словесе святого Максима») — фр. G и H. Не исключено, что таково же происхождение читающегося только в М фр. I; правда, в Минейном изборнике по списку ВМЧ найти его мне не удалось.³⁵

Прежде чем подводить итоги, необходимо решить еще один вопрос: что же вычитывали в политическом манифесте Агапита средневековые книжники, поместившие его рядом с адресованной инокам «парафразой»

³¹ Наиболее точно состав чтений на 29 февраля по Царскому списку ВМЧ описан А. В. Горским и К. И. Невоструевым: Описание Великих Четых-Миней Макария митрополита всероссийского // ЧОИДР. 1886. Кн. 1. С. 16—17.

³² О втором переводе Агапита см.: Ševčenko I. Agapetus East and West. P. 27, n. 84; Дьячок М. Т. О месте и времени. . . С. 6, примеч. 6.

³³ Наиболее доступное изд.: Migne J. P. Patrologiae. . . Series graeca. 1860. T. 90. Col. 911—1080.

³⁴ Не имея возможности сравнить «Наказание богатым» Изборника с другими списками выборки, И. Шевченко не был уверен, что фр. 21 и 22 являются органическими частями статьи (см.: Ševčenko I. On Some Sources. . . P. 724, n. 3).

³⁵ Помимо статьи «Наказание богатым» Минейный изборник, затерявшийся в поздних рукописях, отразился в других разделах кодекса 1076 г. и родственных ему компиляций. Всестороннее исследование этого неизвестного до сих пор памятника компиляторской деятельности болгарских книжников я оставляю на будущее.

и другими душеполезными текстами восстановленного нами сборника, а затем создавшие монтаж из этих двух произведений? Здесь необходимо вспомнить о полифункциональности «Наставления» в истории европейской цивилизации. И. Шевченко подчеркивает, что вплоть до восемнадцатого столетия труд Агапита воспринимался «на Западе, равно как на Востоке, в качестве политического трактата, руководства по греческому языку и сборника моральных наставлений».³⁶ Дело доходило до откровенного обмана, когда неизвестный итальянский переводчик «Наставления» (1545 г.) обещал читателю, что тот узнает из книги об «обязанностях отца перед сыном, хозяина перед слугами, и как человек должен вести себя богоугодным образом».³⁷ В двух ипостасях — как политическая декларация и как душеполезное чтение — выступало сочинение Агапита и в славянской письменности. Различные возможности прочтения книги как нельзя лучше выражают варианты ее заглавия: если список ИРЛИ, Р. IV, оп. 24, № 26 обращает «Наставление» «к царем и князем», то списки ГИМ, собр. Барсова, № 1395 и ГПБ, Софийское собр., № 1320 адресуют его, кроме того, «боляром, и к епископом, и ко игуменом»; в рукописи ГИМ, Синодальное собр., № 489 добавлено, что читать Агапита «лепо есть и черньцем», а в рукописи БАН, Архангельское собр., С. 17 его книга рекомендуется «шопом».

Мы лишены возможности узнать, отражает ли соседство «Наставления» и «парафразы» в реконструированном преславском сборнике композицию греческой рукописи, с которой переводились то и другое сочинения.³⁸ Однако уже само по себе присутствие «Наставления» среди правоучительных и вероучительных произведений нашего сборника наводит на мысль, что политический трактат Агапита рассматривался в эту эпоху как душеспасительная книга. Политические ноты были решительно устранены из «Наставления» и безымянным автором выборки, трудившимся, как мы теперь знаем, все в той же симеоновской Болгарии (ср. особенно яркий пример во фр. 11, где автор выборки удалил из перевода обращение «благочестивому царю»); эту тенденцию компилятора подметил и И. Шевченко.³⁹ Факты свидетельствуют против предположения того же исследователя, будто «Наставление» Агапита необходимо было болгарским правителям, потому что поддерживало их политические претензии. Скорее, можно думать, что «зерцало» константинопольского диакона привлекло новообращенных славян как собрание моралистических гном общечеловеческого значения.

Как было сказано, новые источники кодекса 1076 г. не единственное, что может извлечь славист из реконструированного нами сборника X в. Позволю себе обратить внимание на следующее. Опознав два неизвестных ранее источника статьи «Наказание богатым», мы получили в руки новое подтверждение того, что составитель архетипа Изборника 1076 г. обращался не к греческим оригиналам, а к существовавшим уже славянским переводам произведений. Похоже, что таков был принцип работы компилятора. Но это означает, что находя в Изборнике 1076 г. и родственных ему рукописях какой-то отрывок, который может быть возведен к архетипу, мы с большой долей вероятности можем говорить о наличии в славянской письменности полного перевода книги, откуда взят этот отрывок. Этот вывод может быть экстраполирован на другие компиляции X в., которые В. Федер предложил называть «низовой литературой» (не в эстетическом,

³⁶ Ševčenko I. *Agapetus East and West*. P. 20.

³⁷ *Ibid.* P. 13, n. 40.

³⁸ Во всяком случае мне неизвестны греческие рукописи, где бы эти тексты стояли рядом.

³⁹ Ševčenko I. *On Some Sources...* P. 728—729. — Имперская идеология, отраженная в «Наставлении», тем более чужда древнерусской письменности раннего периода, куда проникла болгарская выборка. См.: Franklin S. *The Empire of the «rhomaioi» as viewed from Kievan Russia: Aspects of Byzantino-Russian Cultural Relations // Byzantion*. 1983. T. 53, fasc. 2. P. 507—537, especially 532.

а социологическом смысле) и к числу которых относится также наш Минейный изборник.⁴⁰ В том, что составитель последнего манипулировал готовыми славянскими переводами, нетрудно убедиться на примере того самого раздела, из которого черпал фрагменты составитель «Наказания богатым» (архетипа ИСМВ), — «От премудраго словесе святого Максима». Как мы помним, этот раздел составляют эксерпты из Слова постнического и глав о любви Максима Исповедника. Старший список полного перевода глав о любви датируется XIII в. — он находится в упоминавшемся уже сборнике ГИМ, собр. Хлудова, № 10^А. Хотя перевод подвергся серьезной редактуре, не может быть сомнений, что в основе фрагментов Минейного изборника лежит тот же текст, который дошел в русском списке XIII в.⁴¹ В некоторых случаях сходство двух редакций особенно разительно, как, например, в главе 66 второй сотницы:

«Яко несть съгрешившему убежати
будущаго суда без волных сде трудов
или неволных напастех».

«Несть съгрешившему избежати буду-
щаго суда без волных съде трудов ли
неволных нанесений».

ГПБ, Софийское собр., № 1320, л. 501 об.

ГИМ, собр. Хлудова, № 10^А, л. 20 об.

Ясно, следовательно, что старшая редакция перевода глав о любви, из которой черпал составитель Минейного изборника, появилась не позднее X в. Видимо, тогда же было переведено и Слово постническое, отсутствующее в старших полных списках глав о любви; если древнейший перевод последних (хотя и в отредактированном виде) дошел до нас полностью, первый перевод Слова постнического был, надо полагать, совершенно вытеснен переводом 1425 г. «доброписца» Иакова.⁴² Единственным указанием на его существование остаются выдержки в нашем изборнике.

Таким образом, зная, что принципом работы составителей Изборника 1076 г., Минейного изборника и других компиляций был выбор фрагментов из имевшихся уже славянских переводов, и продолжая поиски источников этих компиляций, мы имеем шанс представить себе грандиозные масштабы переводческой деятельности старших поколений славянских книжников.

Компиляция из «Наставления», «Энхиридиона» и Минейного изборника издается параллельно по трем известным спискам — Изборнику 1076 г. (перепечатывается текст издания 1965 г.), сербскому сборнику XIV в. и Мелецкому сборнику XVI в. Во второй колонке печатаются соответствующие фрагменты из «Наставления», «Энхиридиона» и Минейного изборника по Софийскому списку ВМЧ, где отразился тот сборник, с которым работал компилятор X в.; сравнение с исходным текстом дает возможность оценить, насколько свободно обходился древний книжник с имевшимися в его распоряжении источниками, приноровляя их к своим целям. В первой колонке указаны порядковый номер каждого фрагмента и его источник. Номера с 1 по 22 получили все фрагменты Изборника 1076 г. (в том числе фр. 3 и 20, без каких-либо лакун продолжающие текст предыдущих фрагментов, но выделенные в рукописи киноварью), причем они соответствуют фр. 83—104 по нумерации В. Федера, охватывающей весь состав Изборника;⁴³ в квадратные скобки заключаются те из 22 фраг-

⁴⁰ Перечень памятников этой «низовой литературы» см.: V e d e r W. La basse littérature du Premier empire bulgare // Atti dell' 8 Congresso Internazionale di studi sull' alto Medioevo. In Spoleto, 1983. P. 359—367.

⁴¹ При решении вопроса, когда и кем редактировался перевод, приходится учитывать, что составитель Минейного изборника мог столь же вольно обращаться со своими источниками, как составитель Изборника 1076 г.

⁴² О переводе Иакова см.: С о б о л е в с к и й А. И. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков: Библиографические материалы // СОРЯС. СПб., 1903. Т. 74, № 1. С. 32.

⁴³ V e d e r W. The «Izbornik of John the Sinner». P. 19.

ментов, которые в списках XIV и XVI вв. находятся на другом месте сравнительно с кодексом 1076 г. Избыточные по сравнению с последним фрагменты, читающиеся в двух других списках, обозначены буквами латинского алфавита; разбивка компиляции на фрагменты в двух более поздних рукописях принадлежит автору данной статьи (в сербском сборнике вся выборка дана в виде двух глав: «Слово къ владущимъ на земли» и «Слово подвижное къ богу», какая-либо иная сегментация текста отсутствует). При указании источника фрагментов «Наставление» Агапита сокращенно обозначается Ag., далее указывается номер главы по изданию Ж. Миня (в скобках — по славянскому переводу, находящемуся в ВМЧ); «Энхиридион» Эпиктета (его христианская «парафраза») сокращенно обозначается Ep., далее указывается номер главы по изданию И. Швайгхойзера (в скобках — по славянскому переводу, находящемуся в ВМЧ); главы о любви Максима Исповедника сокращенно обозначаются Мах., далее указываются номера сотницы и главы по изданию Ж. Миня; вопрос, поставленный рядом с фр. I, означает, что мне неизвестен ни греческий источник этого текста, ни славянский перевод, к которому обращался компилятор. Текст печатается буква в букву; единственные допущенные упрощения — передача щ через щ; ĭ, ı через і; ъ через ъ; надстрочные знаки опускаются.

Пользуясь случаем, выражаю свою искреннюю признательность за помощь в археографических разысканиях А. Ю. Федорову и Б. В. Христовой.⁴⁴

⁴⁴ Пока статья находилась в печати, удалось найти еще один список выборки из «Наставления» Агапита — в сербской рукописи третьей четверти XIV в., хранящейся в Сербской Народной библиотеке, № 27 (Рс 26), л. 354—356 об. и описанной в кн.: Штавланин-Ђорђевић Љ., Гроздановић-Пајић М., Чернић Л. Опис ћирилских рукописа Народне библиотеке Србије. Београд, 1986. Књ. 1. С. 45—52 (Опис јужнословенских ћирилских рукописа, т. 2). — Насколько можно судить по описанию, текст близок публикуемому здесь списку из Народной библиотеки в Софии (как и в последнем, выборка дана в виде двух глав: «Слово къ владущимъ на земли» и «Слово подвижное къ Богу»).

№ фрагмента и его источник	ГПБ, Софийское собр., № 1320 (ВМЧ, 29 февраля)	ГПБ, Эрмитажное собр., № 20 (Изборник 1076 г.), л. 24 об.—28 об.	Народная библиотека «Кирил и Методий» в Софии, № 1037, л. 230 об.—233	ЦНБ АН УССР, Мел. м.п 119 (Мелецкий сборник), л. 111 об.—113
1	2	3	4	5
1 Ag. 5 (5)	<p>Ико великимъ до спобилъ сѧ еси Ѡ ба блгымъ, толми и болшаа должень еси въздати емъ (л. 479).</p>	<p>Наказаниѣ богатымъ. Ико яко великимъ сьподобилъ сѧ яси отъ ба благимъ, тольма и большаа длѣжьнь яси въздати.</p>	<p>Слово къ владоущимъ на земли. Яко великимъ спобил се яси Ѡ ба блгымъ, толма и большаа длѣжьнь яси въздати емъ.</p>	<p>ЛА. Слово къ богатымъ. Ико елико великимъ сподобилъ сѧ еси Ѡ ба блгымъ, тльма болшаа должень еси въздати емъ.</p>
2—3 Ag. 8 (8)	<p>Ѡверзан оуши в ницетѣ страждущимъ, да вбращеши бжии слѣхъ Ѡврзень. Ици бо бывае нашимъ клевето, такога и ѡ на вбращемъ влкѣ (л. 479 об.).</p>	<p>Отъверзан оуши свои въ ницетѣ страждущимъ, да обрѣщеша и ты бжии слоухъ Ѡврзень. Ици же оубо бываемъ нашимъ повинникомъ, тако и ѡ насъ обрѣщемъ (п)бсьнааго влдоу.</p>	<p>Ѡверзан оуши свои въ ницетѣ страждущимъ, да вбращеши и ты бжии слоухъ Ѡврзень. Ици же оубо бываемъ нашимъ повинникомъ, тако и ѡ насъ вбращемъ пбснаго влдоу.</p>	<p>Ѡверзан оуши свои въ ницетѣ страждущимъ, да и ты вбращеши бжии слѣхъ Ѡвезе. Аци же оубо бываемъ нашимъ повинникомъ, тако и ѡ на вбращемъ небена влдоу.</p>
4 Ag. 12 (12)	<p>Ѡвращаи сѧ ласкавецъ лестныхъ словесъ, яко и врано хыщныа нравы; ѡви бо телеснаа ископоваю чреса, дрѣвни же дшевныа вслѣпляютъ мысли (л. 479 об.).</p>	<p>Отъвращаи сѧ ласкавецъ лстныхъ словесъ, яко и врановъ; искалажт бо очи оумьѣи.</p>	<p>Ѡвращаи се ласкавецъ лстныхъ словесъ, яко и врановъ; исклюают бо очи змѣѣи.</p>	<p>ЛВ. Ѡ дрѣвѣхъ неправныхъ. Ѡвращаи сѧ ласкавецъ лстныхъ словесъ, яко и врановъ; искалажт бо очи оумьѣи. лестныхъ (так!).</p>
5 Ag. 19 (19) [9]	<p>Аще яке Ѡ всѣхъ хощеши имѣти чьсть, бѣди всѣмъ блгодѣтель вбщъ (л. 480). Разумѣвай прѣмдо, твори же рассуженіа тычно (л. 480).</p>	<p>Аште отъ всѣхъ хощеши чьсть имѣти, боуди всѣмъ блгодѣтель обшт(и).</p>	<p>Аще Ѡ всѣхъ хощеши имѣти чьсть, боуди всѣмъ блгодѣтель вбщъ. Разумѣвай прѣмоудрно, твори же рассууженіа тычно.</p>	

№ фрагмента и его источник	ГПБ, Софийское собр., № 1320 (ВМЧ, 29 февраля)	ГПБ, Эрмитажное собр., № 20 (Изборник 1076 г.), л. 24 об.—28 об.	Народная библиотека «Кирил и Методий» в Софии, № 1037, л. 230 об.—233	ЦНБ АН УССР, Мел. м./п 119 (Мелецкий сборник), л. 111 об.—113
1	2	3	4	5
6 Ag. 28 (26)	Аще ли хоцещи добръ вбоа исксѣти, и добро тво-раца чѣти, и зло творѣщи запрѣщай (л. 480).	Аште хоштени вса соу-щамъ подь собою исправити, добро творѣштамъ чѣсти и зѣло творѣштимъ запрѣщай.	Аще хоцещи все по тобою соуще исправити, добро творѣще чѣти и зло творѣщимъ запрѣщай.	
7 Ag. 32 (29)	Размѣвай ты сѣща другы истинны, не хвалаща вса тобою глемаа, но сѣдо правы вса творити тѣща са (л. 480).	Тако оубо себѣ друугы и свѣтѣнны имѣи, иже не вса глемаа тобою хвалеть, нѣ соудѣмъ правѣдныимъ тѣштатъ са ѡвѣштати ти.	Тако оубо себѣ имѣи друугы свѣтѣнны, иже не все глемаа тобою хвалеть, нѣ соудомъ правѣднымъ тѣштатъ се ѡвѣштати ти.	Тако оубо себѣ други свѣтѣнны имѣи, иже не вса глемаа тобою хвалеть, но сѣдомъ правѣднымъ тѣштатъ са ѡвѣштати ти.
A Ag. 39 (35)	Снѣши свѣтлѣишими по-чести дари покорено оумо твораца твоа повелѣнѣа (л. 480 об.).		Поспѣвай свѣтлѣишими почѣ-стѣми дари покорнымъ оумомъ творѣще твоа повелѣнѣа.	Поспѣвай свѣтлѣишими по-честити дари смиренымъ оумомъ творацаа волю твою.
8 Ag. 42 (38)	Оумно послѣшати побаетъ прю сѣдамъ; не оудобно бо е правды извѣбръсти, оудобъ ѡбѣгающе ѡ зѣло не вни-мающе (л. 480 об.).	Разоумно послушати по-добаетъ прѣа соудимъ; не оудобъ бо естъ правды избѣбръсти, скоро отѣбѣгающе или отѣгонаште.	Разоумно послѣшати побаетъ прѣ соудимъ; не побно бо е правды извѣбръсти, скоро ѡбѣ-гающе или ѡганяюще.	
[6]	Аще ли хоцещи добръ вбоа исксѣти, и добро тво-раца чѣти, и зло творѣщи запрѣщай (л. 480).			Аще хоцещи все по сѣбою исправити сѣщаа, добро творацаа чѣти и зло творащимъ запрѣщай.
9 Ag. 25 (24)	Размѣвай прѣа мѣдно, твори же рассѣженѣа тѣщюно (л. 480).	Разоумѣвай прѣа мѣдль-но, твори же расоуждениа не тѣшта са.		Размѣвай прю съ тихо-стѣю, твори же рассѣженѣа не тѣща са.

№ фрагмента и его источник	ГПБ, Софийское собр., № 1320 (ВМЧ, 29 февраля)	ГПБ, Эрмитажное собр., № 20 (Изборник 1076 г.), л. 24 об.—28 об.	Народная библиотека «Кирил и Методий» в Софии, № 1037, л. 230 об.—233	ЦНБ АН УССР, Мел. м./п 119 (Мелецкий сборник), л. 111 об.—113
1	2	3	4	5
[8]	Не оудобно бо е правдѣ изъобрѣсти, оудобъ ѿбѣга- юще ѿ зѣло, не внимающи ^х (л. 480 об.).			Не оудобъ бо есть правды изъобрѣсти, скоро ѿгоняще ли ѿбѣгающе.
10 Ag. 47 (43)	Твердо мни спсєніа твоего хранилище, е николи же лю- дина ѿбидѣти (л. 481).	Твердо разоумѣи спсєніа своего хранилище, ѿже николи же людина ѿбидѣти.	Твердо разоумѣи спсєніа своего хранилище ѿже николи же людина ѿбидѣти.	Твердо разсмѣваи спсєніа своего хранилище, е же ни- коли же ѿбидѣти члѣка вса- каго.
11 Ag. 48 (44)	Бѣди свои люде, блговѣрнѣ црю, и страшнѣ на рати и власти и любезно (так!) по- дааніем млына (л. 481).	Боуди своимъ повинни- комъ страшнѣ сана ради, а любезнѣ подааніемъ мило- стына.	Боуди своимъ повинникомъ страшнѣ сана ради власти, а любезнѣ подающимъ млыню.	Буди своимъ повинникомъ страшенѣ сана ради, а любо- подааніемъ млыни.
12 Ag. 53 (48)	Елико силою всѣ превышнѣ еси, толма и дѣлы свѣтити подвизай сѧ (л. 481).	Юлико силою прѣвышнѣ еси всѣхъ, толма и дѣлы добрыми свѣтѣти ти подвизай сѧ паче всѣхъ.	Елико силою прѣвышнѣ еси всѣхъ, толма и дѣлы добрыми свѣтѣти подвизай се паче всѣхъ.	Елико силою превышнѣ еси всѣхъ, толма и дѣлы доб- рыми свѣтѣти подобае под- визати сѧ паче сихъ.
13 Ag. 64 (59)	Прощєніа требѧ грѣховъ, працаи и самъ к тебѣ сѣгрѣ- шающаа; . . . и еже клеветѣ наши прощєніе влчнѧго гнѣ- ва бываеъ свобода (л. 481 об.).	Прощєніа трѣбоуи грѣ- ховъ, працаи и самъ къ тебѣ сѣгрѣшающаи; ѿже бо на рабѣхъ нашихъ прощє- ни(ю), бжїи гнѣва бываеъ свобода.	Прощєніа трѣбоуе грѣховъ, працаи самъ къ тебѣ сѣгрѣ- шающе; еже на клеветѣхъ нашихъ прощєніе, бжїи гнѣва бываеъ свобода.	Прощєніа трѣбы (так!) грѣховъ, працаи к тебѣ сѣгрѣшающаа; еже бо на ра- бѣхъ нашихъ прощєніе, бжїа гнѣва бываеъ свобода.
В Ag. 67 (62)	Сано свѣтлостію не оумо- лена бываеъ смръть, на всѣхъ бо вънзаеъ многодны свои зѣбы (л. 481 об.).		Саномъ свѣтлостію не оумо- лена бываеъ смръть, на всѣхъ бо вънзаеъ многодныи свои зоубы.	

№ фрагмента и его источник	ГПБ, Софийское собр., № 1320 (ВМЧ, 29 февраля)	ГПБ, Эрмитажное собр., № 20 (Изборник 1076 г.), л. 24 об.—28 об.	Народная библиотека «Кирил и Методий» в Софии, № 1037, л. 230 об.—233	ЦНБ АН УССР, Мел. м./п 119 (Мелецкий сборник), л. 111 об.—113
1	2	3	4	5
14 Ag. 68 (63)	Тогда ^ж въистиннѣ наречет сѧ властелинѣ, егда самъ со- бою ^а обладаетъ и нелѣпы похо- те ^м не работаетъ (л. 481 об.).	(Т)ъгда наречеть сѧ кто оубо истиннѣи властелинѣ, егда самъ собою обладаетъ и нелѣпыи похотѣмъ не ра- ботаетъ.	Тога ^д наретъ се оубо кто истин- нѣи властелинѣ, ^д егда самъ собою ^д обладаетъ и нелѣпыи похотѣмъ не работаетъ.	Тогда наречетъ сѧ кто оубо истиннѣи властелинѣ, егда самъ собою ^т обладаетъ и нелѣ- пыи похотѣмъ не работаетъ.
15 Ep. 28 (28)	Смѣртъ, и гоненіе, и всѧ видимаа зла прѣ ^д очима ти да бѣдѣтъ по всѧ дни (л. 483).	Смѣртъ, и гоненіе, и на- пастъ, и всѧ видимаа зѣла прѣ ^д очима ти да боудоуть по всѧ дни и часы.	Смѣртъ, и гоненіе, и напастъ, и всѧ ^д вимаа зѣла прѣ ^д очима ти да боуть по все дни.	
С Ep. 40 (43)	Смѣхъ не многъ ти боу, ни ^м мнозѣ, ни продолженъ (л. 484).		Смѣхъ не многъ ти боуди ^м мнозѣ ни продльженъ.	
16 Ag. 23 (22)	Такъ бѣди ^м у свой рабѣ, ико же молиши сѧ тебѣ ^д влцѣ быти (л. 480).	Такъ боуди о своихъ ра- бѣхъ, ико же молиши сѧ тебѣ боу быти.		Тако бѣди ^м у своихъ ра- бѣхъ, ико же млиши сѧ тебѣ бѣ быти.
17 Ag. 41 (37)	Тъчни къ дрѣго и къ враго сѣды творити, ни блгора- змны ^м попѣцаа блгоразмѣ ради, ни пакы злы противлаа сѧ ^ж врады ради, поне ^ж тогоже безаконіа. И не ^д вправдаи неправеднаго, аще и дрѣгъ есть ти, ^д обидитъ праведнаго, аще и врагъ ^с ѣ (л. 480 об.).	Не оправдаи неправедна- аго, аште и друугъ ти ^с есть, ти обидитъ праведнаго, аште и врагъ ти ^с есть.	Тъчныи ни (так!) къ дрѣгомъ, ни (так!) къ врагомъ сѣтвараи, ни ^д блгоразоумнымъ ^м попущае блгоразоуми ради, ни пакы и злы противлае се враже ради, поне ^ж тогоже ^д е безаконіа. Не ^д вправаи неправеднаго, аще и друугъ ти ^с е, ни ^с обиди пра- веднаго, аще и врагъ ти ^с е.	Не ^д вправдаи неправедна- го, аще и дрѣгъ ти ^с есть, ти не ^ж обидите неправеднаго, аще и врагъ ти ^с есть.

№ фрагмента и его источник	ГПБ, Софийское собр., № 1320 (ВМЧ, 29 февраля)	ГПБ, Эрмитажное собр., № 20 (Изборник 1076 г.), л. 24 об.—28 об.	Народная библиотека «Кирил и Методий» в Софии, № 1037, л. 230 об.—233	ЦНБ АН УССР, Мел. м./п 119 (Мелецкий сборник), л. 111 об.—113
1	2	3	4	5
<p>[16]</p> <p>18 Ag. 14 (14)</p> <p>D Ag. 24 (23)</p>	<p>Такъ бѣди w свои рабѣ, ико же молиши са тебѣ влцѣ быти. Ико бо оуслыши, оуслышани боудемъ, и ико види, тако видѣни [будемъ бжтвены и бавидаци окомъ. Принесемъ оубо милованиемъ млть, да побнымъ побно въсприиме (л. 480).</p> <p>Аще кто wчищенъ имать дшю ѿ члчьскыа прѣлсти и види хѣдость своего ества, оумаление же и напраснѣю смрть сего житиа, и припра- женю плоти сквернѣ, въ презорства не въпадетъ брегъ, аще и в санъ есть висоцѣ (л. 479 об.).</p> <p>Ико же истии тикъри тако- ваа являю лицемъ видѣниа, ико сѣть образомъ — свѣтлаа оубо свѣтлымъ, темна же тем- ны, тако и правдивы бжци сѣдъ нашими дѣлы оуподоби са; икова сѣть нами ство- ренаа, тако намъ побно въздаеть (л. 480).</p>	<p>Аште кѣто имать очиште- ноу дшю отъ члвчьскыа прѣль- сти и видить хоудость своего кѣства, оумаления же и напрасноую смьрть сего жи- тия, въ брѣгъ гърдостыни не въпадетъ са, аште и въ сан- оу кѣсть висоцѣ.</p>	<p>Такъ боуди своимъ рабомъ, ико же млиши се ты тебѣ боу быти. Ико же оуслышимъ, оуслы- шани боудемъ, и ико вимъ, тако видѣни боудемъ бжтвнымъ и всевиднымъ окомъ. Принесѣмъ оубо милованиемъ млть, да поб- нымъ подобножъ въсприиме.</p> <p>Аще кто wчищеноу имать дшю ѿ члвчьскыа прѣлсти и видить хоудость своего кѣства, оумаление же и напрасноую смьрть сего жития, и припреже- ноую плоти свръноу (так!), въ брѣгъ гърдостны не падетъ се, аще и въ саноу кѣ висоцѣ.</p> <p>Ико же и зръчала тако являю лицемъ видимаа, ико же соуть wобразомъ — свѣтлаа оубо свѣтлы, темнаа же темнымъ, та- ко и правдивы соудъ бжци на- шимъ дѣломъ оупоби се; ико же соуть нами створенаа, такоже намъ подобно въздаеть.</p>	<p>Аще кто имать wчищенъ дшю ѿ члчьскыа прѣлсти и видить хѣдость своего жи- тия, въ санъ гърдосты не въпа- детъ са, аще и въ санъ есть высоцѣ.</p>

№ фрагмента и его источник	ГПБ, Софийское собр., № 1320 (ВМЧ, 29 февраля)	ГПБ, Эрмитажное собр., № 20 (Изборник 1076 г.), л. 24 об.—28 об.	Народная библиотека «Кирил и Методий» в Софии, № 1037, л. 230 об.—233	ЦНБ АН УССР, Мел. м./п 119 (Мелецкий сборник), л. 111 об.—113
1	2	3	4	5
Е Ag. 38 (34)	<p>Паче злата и каменіа драгаго млтына (так!) богатство себѣ съберемъ (л. 480 об.).</p>		<p>Паче зла и каменіа драгааго млтынею богатство себѣ съберѣмъ.</p>	
19—20 Ag. 56 (51)	<p>Въ извѣстнѣмъ срца твоего свѣтѣ прилѣжнѣ размѣваи сѣщи с тобою нравы, да познаеши вѣстиннѣ с любовію слѣжащи и лестію ласкающи. Мнози бо приазнію лицемѣрною велми извѣстнымъ пакость творѣ (л. 481).</p>	<p>Въ извѣстнѣмъ срца твоего свѣтѣ разоумѣваи соуштинхъ с тобою норovy, да познаеши вѣстиною съ любовьѣмъ слоужащтинхъ ти или съ лѣстью ласкающтинхъ. Мнози бо приазнію лицемѣрною велми извѣстнымимъ пакость творѣти.</p>	<p>Въ извѣстнѣмъ срца твоего свѣтѣ прилежнѣ размѣваи соуштинхъ с тобою нравы, да познаеши вѣстиною любовію слоужещинхъ ти или лѣстію ласкающинхъ. Мнози бо приазнію лицемѣрною велми извѣстно пакость твореть.</p>	<p>Въ извѣстнѣмъ срца твоего свѣтѣхъ размѣваи сѣщихъ с тобою нравы, да познаеши вѣстиннѣ съ любовію слѣжащтинхъ ти или лѣстію ласкающтинхъ. Мнози бо приазнію лицемѣрною велми извѣстнымъ пакость творитъ.</p>
F Ag. 71 (66)	<p>Грѣды и величавы члѣкъ яко юнецъ высокорогіи да не възносит сѣ, да помыслитъ плское сѣщество и да престане срчѣна възвышеніа. Аще бо и бы князь на земли, да не неразмѣе сы ѿ земли, ѿ прѣсти на прѣтль възхода (л. 481 об.).</p>		<p>Грѣды и величавы члѣкъ яко юнѣць высокорогими да не възносит се, да помыслитъ плское соушество и да прѣстанеть срчѣнаго възношеніа. Аще бо и князь бы на земли, да поразоумѣет се, яко ѿ земли сы, ѿ прѣсти на прѣстолю възходе.</p>	

№ фрагмента и его источник	ГПБ, Софийское собр., № 1320 (ВМЧ, 29 февраля)	ГПБ, Эрмитажное собр., № 20 (Изборник 1076 г.), л. 24 об.—28 об.	Народная библиотека «Кирил и Методий» в Софии, № 1037, л. 230 об.—233	ЦНБ АН УССР, Мел. м./п 119 (Мелецкий сборник), л. 111 об.—113
1	2	3	4	5
G Max. I, 24	<p>Ико иже по ^{до} побію б^жію м^лтыню твор^аи не в^ѣсть разньства зл^а ни добр^а, или праведник^а и неправ^а въ те- лесны^х потреба^х, но в^сѣмъ точ- но ^и на потреб^а раздавае (л. 501 об.).</p>		<p>Ико по побію б^жію м^лтыню хотєи с^творити не в^ѣсть разнь- ства ни злоу ни доброу, или пра- ведникоу или неправедникоу въ телесныхъ потр^ѣбахъ, н^ѣ в^сѣмъ точно иже на поб^оу раздавае^т.</p>	
H Max. I, 49	<p>Ико не вскверниши свои оумъ, помышленіа им^ѣа по- хоти и гн^ѣву, да не ѿ чистыа м^лтвы испад^ѣ, въ оуныль в^ъпадєши б^ѣсъ (л. 501 об.).</p>		<p>Да не вскверниши своєго оума, помышленіа им^ѣє похот- и гн^ѣвоу, да не ѿ чистыє м^лтвы испад^ѣ, въ оуныль в^ъпадє- ши б^ѣсъ.</p>	
21 Max. I, 58	<p>Ико не побаеть посл^ѣшати клеветар^а, сла^дко г^люща, или слышати на ближ^наго, да не ѿпадєши б^жіа любви (л. 501 об.).</p>	<p>Ико не достоить послушати клеветар^а, слад^ко ти г^люща, или слышати на ближ^н- нааго, да не от^ъпадєши б^жіа л^жб^ѣве и ц^рства.</p>	<p>Ико не побаеть ти послуша- ти клеветаре, слад^ко г^люща, или слышати на ближ^наго, да не ѿстоупиши ѿ б^жіє любви.</p>	<p>Ико не достой^т посл^ѣшити клеветника, сла^дко ти г^лю- ща, или слышати на ближ- наго, да не ѿпадєши б^жіа любве.</p>
22 Max. I, 60	<p>Ико въздр^ѣжай клевет^ѣщаго ѿ оуш^ню твоєю, да не к^ѣпно с нимъ погыбнєши (л. 501 об.).</p>	<p>Въ (так!) въздр^ѣжи клевет^ѣ- т^ѣщааго в^ъ оуш^ню твоєю, да не коушно с^ѣ нимъ погы- нєши.</p>	<p>Н^ѣ възр^ѣжай клевет^ѣщаго на дру^га въ оуш^ню твоєю, да не коушно с^ѣ нимъ погыбнєши.</p>	<p>Но въздр^ѣжи клевет^ѣщаго въ оуш^ню твоє, да не к^ѣпно с нимъ погыбнєши.</p>
I (?)				<p>Подобаеть бо против^ѣ г^лю- щом^ѣ в^лѣпот^ѣ ѿв^ѣщавати, а не безъ с^ѣмотреніа творити ѿв^ѣтъ.</p>

№ фрагмента и его источник	ГПБ, Софийское собр., № 1320 (ВМЧ, 29 февраля)	ГПБ, Эрмитажное собр., № 20 (Изборник 1076 г.), л. 24 об.—28 об.	Народная библиотека «Кирил и Методий» в Софии, № 1037, л. 230 об.—233	ЦНБ АН УССР, Мел. м./п 119 (Мелецкий сборник), л. 111 об.—113
1	2	3	4	5
J Ep. 69 (71)	<p>До коего време́не ѿмещеши сѧ згодити бѣ? Коего възраста чаеши? Оуже нѣси дѣтищѣ, но мѣжъ съвершенѣ. Аще и нѣ ѡ лѣниши сѧ, и присно зарокъ ѿ зарока даеши себѣ и днѣ ѿ дне ѡбѣщавашеши сѧ, в них же хочещи въгодити боу, напинаеши себѣ не спѣха имѣа, но паче ѡкрадаемъ, донде же и кончина приспѣеть. Споби оубо себе оуже ико съвершена сътворити въ трѣдѣ и мѣтвѣ, ико да здѣ е подвигъ, и нѣсть ѡлога. Смотри оубо, ико не ослабѣнѣ, единою добрыа дѣтели продолженѣе вѣнчавае сѧ тризньникъ или невѣнчанъ пребывае. Сице же и блженны Павелъ, подвизаа сѧ, глаше: «Добры подвигомъ подвигох сѧ. Тѣм же щади ми с праведныи вѣнецъ». Ты же, аще не ико и Павелъ, но тако подвизаи сѧ, акы подобенъ емъ хотѣ бы.</p>		<p>Слово подвижное къ боу.</p> <p>Коего врѣмене ѡжидашеши се оугодити боу? Коего възраста чаеши? Оуже нѣси дѣтищѣ, нь моужъ съвршенѣ. Аще нѣ ѡ лѣниши се, и прѣо притче даеши себѣ и днѣ ѿ дне ѡбѣщавашеши се, въ них же хочещи оугодити боу, зачинаеши себѣ не спѣха имѣе, нь паче ѡкраемъ, дондѣ же и кончина приспѣеть. Споби оубо себе оуже ико съвршенна сътворити въ троудѣ и въ мѣтвѣ, ико до zde е подвигъ, и нѣ ѡлога. Смотри оубо, ико не ѡслабѣнѣ, идиною добрые дѣтели продлженѣе вѣнчавае се тризньникъ или невѣнчанъ прѣбывае. Сице же и блженны Павелъ, подвизае се, глаше: «Добрыи подвигомъ подвигах се. Тѣм же щедит ми се праведныи вѣнецъ». Ты же не аще ико Павелъ, нь тако повизаи се, ико побѣнь ѡмоу быти.</p>	

Д. С. ЛИХАЧЕВ

Назначение Изборника 1076 г.

В Древней Руси сборник был одной из основных форм книги.

Впрочем, «сборник» — это не совсем точное определение для того «жанра книги», который в Древней Руси был излюбленным. Гораздо точнее определяет этот жанр древнерусское слово «изборник» или «сборник». Ибо статьи для этих книг «избирались». Это были выбранные, избранные, сознательно подобранные статьи, объединявшиеся в отдельную книгу. В заключении к Изборнику 1076 г. писец Иоанн пишет: «Коньяшя ся книги сия. . . избрано из мъногъ книгъ княжихъ» (л. 275 об.—276).¹

По какому же признаку избирались статьи для «изборников»? Часто говорят о многих из этих древнерусских книг как о своеобразных «энциклопедиях». Так говорил о них, в частности, акад. А. С. Орлов в своей специальной статье.²

Такое определение древнерусских «изборников» скорее неверно, чем верно. Во всяком случае сравнение с современными энциклопедиями неточно по следующей причине. Энциклопедии — это справочные издания, в которых соединяются сведения. Древнерусские издания имеют совсем особое назначение: это попытки «упорядочить» представления о мире древнерусского читателя, упорядочить его поведение в мире.

В Древней Руси пугала и была враждебна человеку всякая неизвестность, отсутствие ориентиров в окружающем большом мире.

Враждебная сторона — это прежде всего «незнаемая страна». Враги — это народы, пришедшие из неизвестности, которых «никто же не вестъ». Татары, нападавшие на Русь, нападали «из невести» и т. д. Чужие народы — это «немцы»: не потому, что они не могли говорить, а потому, что их не понимали.

Человек в средние века чувствовал себя окруженным неизвестностью³ — враждебной неизвестностью.

Книги были для него прежде всего важны тем, что они упорядочивали его представления о мире, давали ему путеводную нить по этому миру, учили его поведению — «мудрости». «Мудрость» же заключалась не только в знаниях, но и в осведомленном поведении. Суетность и⁴ торопливость были порождены, с древнерусской точки зрения, незнанием или неверными представлениями об окружающем; тем, что мелочи заслоняли⁵ главное, «низким горизонтом зрения». Мудрость же, напротив, была связана со спокойствием и неторопливостью, умением подниматься мыслью над мелочами, «летать умом под облаками», вносить порядок в беспорядочный и хаотический мир.

И основным содержанием «изборников» были поэтому книжные статьи, упорядочивавшие мир, вскрывавшие в мире «божественный замысел», и

¹ Здесь и далее цит по: Изборник 1076 г. / Изд. подгот. В. С. Голышенко, В. Ф. Дубровина, В. Г. Демьянов, Г. Ф. Нефедов. М., 1965.

² Книга русского средневековья и ее энциклопедические виды // Докл. Академии наук СССР. 1931. № 3. С. 37—51.

статьи, учившие человека поведению. Упорядочение наших знаний о мире, наших о нем представлений было вместе с тем и упорядочением нашего в нем поведения. Мудрость была и тем и другим: не только менталитетом, но и соответствующим разумным поведением. Поэтому и существовало определенное представление о «мудром человеке» — не только знающем мир, но и готовом ко всяким неожиданностям, спокойно себя в мире ведущем.

Замечательна и далеко не объяснена еще в своем средневековом значении первая статья Изборника 1076 г., трактующая вопрос о «почитании книжном».

Она не случайно помещена первой, и изложенной в ней «философии книги» подчинено затем все содержание Изборника.

Прежде всего замечательна и поразительна та роль, которая отводится книге в человеческой жизни, в представлениях о «праведности» человека. «Праведность» человека немыслима без книги, без чтения книг: «Не съставить бо ся корабль без гвоздии, ни правдникъ бес почитания книжьнааго» (л. 2). «Красота воину оружие и кораблю вѣтрила — тако и правднику почитание книжьное» (л. 2 об.).

Следовательно, книги — это и то, что делает человека праведником («гвозди», которыми скрепляются все составные его части), и та сила, то «оружие», тот «парус», которые позволяют праведнику воздействовать на мир, правильно в нем вести себя, вести свой корабль в «житейском море».

Это необычайно высокое представление о книге — представление, которое вряд ли было «превзойдено» в последующие века в Древней Руси.

Изборник 1076 г. изучался и изучается лингвистами, палеографами, литературоведами, историками и т. д. Сколько крупнейших ученых его внимательно читали. . . И не трижды, как рекомендует первая статья «О почитании книжном», а «многажды»: Щербатов, Калайдович, Востоков, Ермолаев, Оленин, Шлецер, Каченовский, Сахаров, Шевырев, Щепкин, Майков, Буслаев, Срезневский, А. Ф. Бычков и И. А. Бычков, Бодянский, Ламанский, Фортунатов, Соболевский, Ягич, Симони, Сперанский, и мн. др. Хочется сказать о них словами того же Изборника: «Да тѣми братия и сими подвигѣмься на путь жития ихъ и на дѣла ихъ и поучаимься вѣину книжьнымъ словесьмъ. . .» (л. 4 об.).

Все эти ученые в той или иной мере стремились «поразуметь силу и поучение с(вя)тых книг». Воздействие Изборника 1076 г. на русскую литературу было огромным. Для всех гуманитарных наук он представляет выдающийся интерес. Однако есть одна наука, которая еще в недостаточной мере выделилась как самостоятельная, — это история книжности. Для нее Изборник представляет исключительный интерес. В частности, он дает представление о древнерусских библиотеках того периода, о котором не сохранилось прямых данных. По его статьям в большей или меньшей степени можно судить об основном составе княжеской киевской библиотеки XI в. Такая работа досконально еще не проведена, но она могла бы послужить темой многих диссертаций. Вместе с тем Изборник в известной мере и сам представляет собой как бы маленькую библиотеку, библиотеку специального назначения, собранную под одним переплетом.

Поразительно это назначение Изборника 1076 г. И сейчас при крупных библиотеках существуют небольшие библиотеки специального назначения: для школьников, для студентов и прочих со специально выделенными фондами книг. Изборник 1076 г., как я уже указал, тоже своеобразная микробiblioteca — не энциклопедия, не справочник, а именно небольшая специальная флимотечка.

Небольшой формат книги, отсутствие в ней богатых украшений позволяют предполагать, что перед нами походная книга, книга, которая должна была заменить князю большую библиотеку, остававшуюся в Киеве. Князья проводили свою жизнь в постоянных переездах, походах. Изборник 1076 г.

был изборником любимого и нужнейшего для князя чтения. Против этого говорит, однако, такой факт, что в Изборнике 1076 г. в отличие от Изборника 1073 г. нет специального посвящения князю. Но можно предполагать, что Изборник 1076 г. с его воспитательно-образовательным содержанием предназначался для молодого князя, что подтверждает и сама первая статья «О почитании книжном», и особенно вторая статья «Слово некоего отца к сыну своему». Она определенно обращена не просто ко всякому сыну, а к сыну княжескому и, очевидно, русскому. За это говорит все содержание статьи. За это же говорит и все содержание книги. Изборник предназначен для воспитания княжеских детей, как впоследствии княжеским детям предназначалось «Поучение Владимира Мономаха». И не случайно «Поучение Владимира Мономаха» имеет многочисленные точки соприкосновения с Изборником 1076 г.

Обращают на себя внимание небольшой формат Изборника и скромное оформление, особенно если сравнить его с роскошным оформлением Изборника 1073 г., во многом сходного по содержанию.

Возникает предположение: не был ли Изборник 1076 г. особого рода походной книгой, которую Константин Багрянородный советовал брать с собой в походы?

Константин Багрянородный в книге «О церемониях» описывает и церемонию при выступлении в поход. Здесь Константин подробно описывает библиотеку, которая должна сопровождать императора, причем наряду с книгами богослужебными³ и стратегическими упоминается и снотолкователь Артемидора. Перечислены также разные принадлежности туалета (например, духи), а также, что особенно интересно, упомянуты походные малые часы.⁴

Предположение это подтверждается тем, что в написанном Владимиром Мономахом в походе «Поучении» наблюдаются многочисленные реминисценции из Изборника 1076 г.

Сравним тексты из «Поучения» и Изборника.⁵

Поучение Владимира
Мономаха

Изборник 1076 г.

(Из Василия:) Яди и питью бесъ
пища велика быти, при старых молчати,
премудрыхъ слушати, старъйшимъ пока-
ряться, с точными и меншиими любовь
имѣти; без лука бесѣдующе, а много
разумѣти; не сверѣповати словомъ, ни
хулити бесѣдоу, не обило смѣяться,
срамлятися старъйших, к женам нелѣ-
пымъ не бесѣдовати, долу очи имѣти,
а душу горѣ, пребѣгати (с. 155).

Кроткъ боуди къ всѣломоу члвкоу,
къ старъишжоумоу тебе и къ мьньшюу-
моу (с. 214).

Сго Василии «Како подобаеть члвкоу
быти»: . . . ѣдение и питие без говора
съ оудържаниемъ. Прѣдъ старъци мълча-
ние, прѣдъ моудрыми послушание, съ
тѣхныими любовь имѣти, съ мьньшими
лжбвнне съвѣщание. Отъ плѣтскихъ
и любосластныхъ вешти бѣгати, мало
глѣти, а множѣе разоумѣвати, не дързоу
быти словъмъ, ни прѣрѣковати въ
людьхъ. Не скоро въ смѣхъ въпадати,
соромаживоу быти, долоу очи имѣти,
а горѣ, не противоу отгвѣщавати (с. 460—
462).

³ В Ватикане хранится пергаментный пролог, с изящной живописью по золотому полю, принадлежащий Константину Багрянородному (Муравьев А. Н. Римские письма. СПб. Т. 1. С. 270). Вероятно, эта книга сопровождала Константина в походах, возможно даже, что она разрисована им собственноручно.

⁴ Сочинения Константина Багрянородного «О Фемах» (De Thematibus) и «О народах» (De Administrando Imperio) / С предисл. Г. Ласкина. М., 1899. С. 8.

⁵ «Поучение Владимира Мономаха» цит. по: Повесть временных лет / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. Л., 1950 (Литературные памятники).

(Добавлено к Василию и тексту 1076 г.): Не стрѣкати учить легких власти, ни в кую же имѣти, еже от всѣх честь. Аще ли кто васъ можетъ инѣмъ услѣти, от бога мѣзды да чаеть и вѣчныхъ благъ насладитя (с. 155).

... долу очи имѣти, а душу горѣ. . . (с. 155).

Куда же поидете, иде же станете, напоите, накормите унеина; и боле же чтите гость, откуда же к вамъ придетъ, или простъ, или добръ, или солъ, аще не можете даромъ, брашномъ и питьемъ: ти бо мимоходячи прославятъ челоуѣка по всѣмъ землямъ, любо добрымъ, любо злымъ (с. 158).

Всего же паче убогихъ не забывайте, но елико могуще по силѣ кормите, и придайте сиротѣ, и вдовицу оправдите сами, а не вдавайте сильнымъ погубити челоуѣка (с. 157).

(А перед тем из псалтири:) «Избавите обидима, судите сиротѣ, оправдайте вдовицу» (с. 155).

Тоже и худаго смерда и убогыѣ вдовицѣ не далъ есмь сильнымъ обидѣти (с. 163).

Епископы, и попы, и игумены... с любовью взимайте от нихъ благословленіе, и не устраняйтесь от нихъ, и по силѣ любите и набдите, да примете от нихъ молитву... от бога (с. 157).

Азъ худый (с. 153).

... иже мя грѣшнаго и худаго селико лѣтъ сблюд от тѣхъ часъ смертныхъ (с. 163).

Тѣмъ бо путемъ шли дѣди и отци наши: судъ от бога ему пришелъ, а не от тебе (с. 165).

Лѣньность бо всему мати: еже умѣть, то забудеть, а его же не умѣть, а тому ся не учить. Добрѣ же творяще, не можете ся лѣннати ни на что доброе, первое

... долу понича, оумъ же къ нбси простираи... (с. 271).

Боуди пониженъ главою, высокъ же оумъ, очи имѣ въ земли, оумьнѣи же въ нбси (с. 165).

... къ челоукомъ привѣтливъ, и печальнааго тѣшитель, трыпѣливъ въ напасти и ништегѣ: штедръ и милостивъ, ништиимъ кърмитель страшнопримьникъ (с. 271).

Члоудо алчянааго накърми, яко же ти самъ гѣ повелѣлъ, жаднааго напои, страшна въведи, больна присѣти, къ тьмьници доиди, виждь бѣдъ ихъ и въздѣхни (с. 171).

... велико бо то спсение естъ, еже обидимымъ избавляти... (с. 229).

Убогыихъ посѣпштаи, вдовицѣ заштиптаи, немощнымъ милоуита, и осужаемымъ бес правды изымѣти, миръ имѣти съ всѣми (с. 478).

... болаштыхъ посѣпштаи, старымъ оутѣпшаи, оубогымъ напитай, скърбаштамъ оутѣши: заблоужьшымъ накажи, вдовицамъ помощьникъ боуди, мрътвымъ пгрѣбаи (с. 484).

Попы вса единако чти (с. 281).

Епспомъ и пастухомъ хва стада словесныхъ овецъ, главою свою покланай, и припадаи къ ногама ихъ и моли да дасть ти са блгсловленіе ихъ (с. 266—267).

Паче всакого чърноризца не тѣшти са миноути бес поклонения (с. 270).

... хоудии же и оубовии... (с. 225).

Надъ мрътвымъ не плачи нъ надъ несмыслынымъ. Онъ бо обьпть поутъ (с. 303—304).

Мати зльмъ лѣньность (с. 287).

к церкви: да не застанеть васъ солнце на постели; тако бо отецъ мой дѣяшеть блаженный и вси добрии мужи свершении. Заутренюю отдаваше богови хвалу, и потомъ солнцю въсходящю, и узрѣвше солнце, и прославити бога с радостью и рече: «Просвѣти очи мои, Христе боже, иже далъ ми еси свѣтъ твой красный!» (с. 158).

В дому своемъ не лѣнитесь, но все видите; не зрите на тивуна, ни на отрока, да не посмѣются приходящии к вам ни дому вашему, ни объду вашему (с. 157).

. . . а оружья не снимайте с себе вборзѣ, не розглядаваше лѣнощами, внезапно бо человекъ погыбаеть (с. 157).

А бога дѣля не лѣнитесь, молю вы ся, не забывайте 3-х дѣлъ тѣхъ (покаяния, слез и милостыню. — *Д. Л.*): не бо суть тяжка; ни одиночество, ни чернечество, ни голодъ, яко инии добрии терпятъ, но малымъ дѣломъ уллучити милость божью (с. 155—156).

Аще и на кони ѣздяче не будетъ ни с кым орудья, аще инѣхъ молитвъ не умѣете молвити, а «Господи помилуй» зовѣте беспрестани, втайнѣ: та бо есть молитва всѣхъ лѣпши, нежели мыслити безлѣпницю ѣздя (с. 157).

Болнаго присѣтите; надъ мертвеца идѣте, яко вси мертвени есмы. И челоувѣка не минѣте, не привѣчавше, добро слово ему дадите. Жѣну свою любите, но не дайте имъ надъ собою власти. Се же вы конецъ всему: страхъ божий имѣйте выше всего (с. 158).

Страхъ бѣжи имѣи въ срьдци въиноу, и памать акы тоу соушта бѣ съ тобою на всѣкомъ мѣстѣ, иде же идеши или сядеші (с. 209).

Болѣштааго посѣти: неси юго же хочеть въкоусити. Самъ же послужити о немъ (с. 254).

Зѣло оупспѣшно къ покаянню и слезамъ посѣштение оумирающтиихъ. . . (с. 256).

Коньць же всѣмъ прѣже реченымъ. . . страхъ юго да пребываетъ въ срдци твоємъ (с. 270—271).

. . . (буди) къ челокомъ привѣтливъ и печальнааго тѣшитель (с. 271).

Вѣнць прѣмоудрости боати сѣ га. Страхъ гнѣ процвѣтаи миръ и сдравие и ицѣление (с. 312—313).

(В научение князьямъ:) И сему ся подивуемы, како птица небесныя изъ ирья (рая. — *Д. Л.*) идутъ, и первѣе, въ наши руцѣ, и не ставятся на одной земли, но и сильныя и худыя идутъ по всѣмъ землямъ, божинимъ повелѣнемъ, да наполняются лѣси и поля (с. 156).

. . . вси равни соутъ. И оубозни и богати (с. 235).

Итак, «избранный из многих книг княжих» Изборник 1076 г. служил для княжеского чтения — походного, очевидно, так как книга отличается чрезвычайно скромным оформлением и компактным расположением текста. Из этого следует важный вывод: изучение содержания Изборника 1076 г. может восстановить тот идеал княжеской морали, который церковь считала необходимым для князя. И идеал этот, в какой-то мере принимавшийся князьями (если не в их повседневной деятельности, то во всяком случае в принципе), так или иначе должен был воздействовать на их поступки. Дальнейшая разработка этой темы — задача, весьма перспективная для будущих исследователей. Обращенность Изборника к «князьям» исключает его составление в Болгарии. Другое дело, что он мог составляться в основном на материале болгарских книг или по крайней мере переводов, сделанных в Болгарии. Во всяком случае составление его принципиально отлично от происхождения Изборника 1073 года и объединять их якобы общим происхождением нет оснований.

Я. С. ЛУРЬЕ

Схема истории летописания А. А. Шахматова и М. Д. Приселкова и задачи дальнейшего исследования летописей

Исследование летописания — одна из научных тем, в разработке которых русская наука перед революцией достигла наиболее значительных успехов; проблема восприятия и развития этого наследия имеет важнейшее значение.

В 1917 г. в выпуске 29 «Летописи занятий Археографической комиссии» была опубликована первая часть капитального исследования А. А. Шахматова «Повесть временных лет»; отдельный оттиск этой работы (как нередко бывало с ЛЗАК) появился даже ранее — в 1916 г. Но вторая часть книги так и не была опубликована до смерти ученого в 1920 г. Не вышла в свет при жизни А. А. Шахматова и другая работа, бывшая как бы основой всех его исследований летописания, «Обозрение русских летописных сводов XIV—XVI вв.». Обе они были изданы (М. Д. Приселковым) значительно позже — в 1938—1940 гг.¹

Через два года после смерти А. А. Шахматова, в 1922 г., А. Е. Пресняков и М. Д. Приселков опубликовали в Известиях ОРЯС статьи-доклады, посвященные трудам ученого по истории летописания. В этих статьях был охарактеризован путь, которым следовал А. А. Шахматов при исследовании летописей: «. . . начав с этюдов над древним русским летописанием, киевским и новгородским, А. А. Шахматов углубился затем в изучение летописных сводов XV и XVI-го столетий, чтобы вернуться позднее к более широкой и углубленной разработке истории древнего летописания. . . Непрерывность крайне сложной летописной традиции ведет его от свода к своду, так как составители дошедших до нас летописных книг имели в своем распоряжении не сырой материал, а прежние своды. Такие свойства летописного дела дают особое направление анализу состава наших летописных сводов. Их сравнительное изучение позволяет выделить в их составе тождественные и глубоко сходные элементы текста, причем обычно результат получается такой, что близких или тождественных текстов двух сравниваемых сводов нельзя, однако, признать заимствованием одного из другого, а приходится возводить к одному общему оригиналу. . . Можно сказать, что среди дошедших до нас списков летописей такие, которые непосредственно связаны между собой как оригинал и копия или как непосредственный источник, из которого выписки делались, и свод, их воспринявший на свои страницы, — большая редкость. Обычно родство воспринимаемых летописей, хотя бы самое близкое, более сложно, и зависит именно от пользования общим источником, до нас не дошедшим. . .

¹ Шахматов А. А. 1) Повесть временных лет: Вводная часть; Текст; Примечания. Пг., 1916; 2) «Повесть временных лет» и ее источники // ТОДРЛ. М.; Л., 1940. Т. 4. С. 9—150; 3) Обозрение летописных сводов XIV—XVI вв. М.; Л., 1938 (далее: Шахматов. Обозрение).

А. А. Шахматов усилием творческой мысли переносит центр внимания исследователя с „наших летописных сводов“ на другие „основные своды“, лишь отражение которых мы обозреваем в доступном прямому изучению рукописном материале». М. Д. Приселков упомянул в своей статье и шахматовское «Обозрение», тогда еще не изданное, — «фундамент будущей постройки состава и текста Повести временных лет, старательно укрепляемой и складываемой из года в год заботливою авторскою рукою». Отмечали оба исследователя и значение «основных моментов в истории летописного дела, установленных А. А. Шахматовым, для изучения русской истории IX—XVI вв.», и те обязательства, которые отныне налагали на историков исследования ученого: «. . . А. А. Шахматов безвозвратно похоронил возможность изучать и рассказывать о тех эпохах русско́й истории, о которых говорит летопись, с прежней легкостью в отношении к этому источнику. Всякий исследователь должен теперь приступать к эпохе чрез изучение сводов, зародившихся в эту пору, как бы ни была тяжела и трудна эта задача, потому что иначе он во многом не поймет, не сумеет прочесть то, о чем и как говорит летописец».² Впоследствии М. Д. Приселков сформулировал этот вывод еще решительнее, указав на то, что если историк, «не углубляясь в исследование летописных текстов», будет выбирать «из сводов разных эпох нужные ему записи, как бы из нарочно заготовленного для него фонда», то этим он обеднит «запас возможных наблюдений над данным источником, так как определение первоначального вида записи и изучение ее последующих изменений в летописной традиции могли бы дать исследователю новые точки зрения на факт», а кроме того, он нередко «воспримет факт неверно».³

Последний вывод был высказан уже не в статье о Шахматове, а в «Истории русского летописания» — книге, опубликованной более чем через полтора десятка лет после тома Известий ОРЯС, посвященного Шахматову. Судьба этой книги, как и вся история исследования летописания после Шахматова, была весьма нелегкой и могла бы стать темой для целого рассказа, не менее драматичного, чем появившиеся за последние годы повести о судьбе ряда деятелей биологической науки. Из еще не опубликованного, но очень интересного отзыва М. Д. Приселкова на работу молодого тогда М. Н. Тихомирова о «Летописце первой четверти XVI в., принадлежащем Российскому Историческому музею» (Уваровском списке Московского свода конца XV в.), мы узнаем, что уже к 1927 г. М. Д. Приселковым была написана «История русского летописания XI—XV вв.», «которая ждет своего опубликования».⁴ Ждать этого опубликования ей пришлось, однако, очень долго и по причинам, которые к научной деятельности М. Д. Приселкова никакого отношения не имели (арест и ссылка ученого).

Еще в 1922 г. Приселков писал, что в результате трудов Шахматова «пред изумленным читателем лежала теперь полная схема истории русско́го летописания».⁵ Однако схема эта не была приведена А. А. Шахматовым в определенную систему, создать последовательную историю летописания XI—XV вв. пришлось самому М. Д. Приселкову — в «Истории русского летописания», вышедшей в свет в 1940 г. В какой степени эта схема может служить основой для историка, занимающегося летописями сейчас, почти полвека спустя? Вопрос этот имеет насущную важность и для филолога, исследующего летописи и летописные повести как литературные памятники, и для историка, использующего их как исторические источники.

Для того чтобы ответить на этот вопрос, надо учесть одно обстоятельство, которое достаточно определенно отметили А. Е. Пресняков и

² ИОРЯС. Пг., 1922. Т. 25. С. 133—134, 165, 167—169.

³ Приселков М. Д. История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940. С. 6. (далее: Приселков. История).

⁴ ЛО Архива АН, ф. 133, оп. 1^а, ед. хр. 54, л. 1—8 об.

⁵ ИОРЯС. Т. 25. С. 130.

М. Д. Приселков. «Родство» «близких или тождественных летописей» зависит от «пользования общим источником, до нас не дошедшим», но «родство» это может быть обнаружено не только у «двух сравниваемых сводов», но и при сравнении их протографов — «основных сводов», и тогда, естественно, возникает предположение об источниках второй степени — протографах гипотетических протографов. «Вовлекая в изучение все сохранившиеся летописные тексты, определяя в них сплетение в большинстве случаев прямо до нас не сохранившихся летописных сводов, А. А. Шахматову приходилось прибегать, так сказать, к методу больших скобок, какими пользуются при решении сложного алгебраического выражения, чтобы потом, позднее, приступить к раскрытию этих скобок, т. е. к уточнению анализа текста. Этот прием вносил некоторую видимую неустойчивость в выводы, сменявшиеся на новые, более взвешенные, что вызвало неодобрение тех исследователей, которые привыкли и умели оперировать только над простым и легко читаемым текстом», — писал М. Д. Приселков.⁶

Но проблема «больших скобок» — не единственная, с которой необходимо считаться автору, рассматривающему генеалогическую схему Шахматова—Приселкова. Обосновывая свой научный метод, Шахматов (еще в 1899 г.) противопоставлял его методу своих предшественников, понимавших, что большинство летописей представляют собой своды, но определивших источники этих сводов весьма простым методом — путем разделения летописного текста на части по его содержанию и отнесения известий, связанных с одним княжеством и местностью, к летописанию данного княжества, а известий, связанных с другим княжеством, соответственно к другому летописанию.⁷ Автору этих строк уже приходилось указывать на принципиальное различие между этими двумя методами. Там, где вывод основывается на сравнении текстов и сравнение это дает ясные (иногда «необратимые») результаты, перед нами — полноценная научная гипотеза, наилучшим образом объясняющая объективно существующие соотношения фактического материала. Но предположение, что известие из Нижнего Новгорода или Рязани восходит к нижегородскому или рязанскому источнику, есть лишь догадка, основанная на простой возможности.⁸ Возражая против предложенного нами противопоставления, В. И. Буганов писал, что сравнивать параллельные тексты летописных сводов можно лишь в том «идеальном случае», когда они имеются, но если таких текстов нет, указывал он, то и «Шахматов прибегал . . . к разложению текста. . .», и, следовательно, этот метод нельзя называть «дошахматовским».⁹

Однако указанные «идеальные случаи» в исследованиях Шахматова и Приселкова составляют не исключение, а правило: сравнительно-текстологический материал огромен, и основные выводы обоих исследователей построены именно на таком материале. Отсутствие параллельных текстов — главное препятствие к построению летописной генеалогии, и только в случае такого отсутствия Шахматов и Приселков прибегали к «дошахматовским» приемам предположительного определения текста летописных источников на основе их тематики или места действия опи-

⁶ Приселков. История. С. 13.

⁷ Ср.: Шахматов А. А. Разбор сочинения И. А. Тихомирова «Обзрение летописных сводов Северо-Восточной Руси». СПб., 1899 (отд. оттиск из кн.: «Отчет о 40-м присуждении награды гр. Уварова: Записки АН по историко-филологическому отделению. Т. 4, № 2).

⁸ Лурье Я. С. Изучение русского летописания // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1968. Вып. 1. С. 20—21. Ср.: Лурье Я. С.: 1) О шахматовской методике исследования летописных сводов // Источниковедение отечественной истории: Сб. 1975. М., 1976. С. 89—90, 95—99; 2) О гипотезах и догадках в источниковедении // Источниковедение отечественной истории: Сб. 1976. М., 1977. С. 29.

⁹ Буганов В. И. Отечественная историография русского летописания. М., 1975. С. 46—47.

сываемых событий. Иными словами, как своеобразное дополнение к гипотезам в их текстологических построениях предлагались и догадки. Такими же догадками были в ряде случаев и атрибуции отдельных рассказов и источников — отнесение их к тому или иному автору-летописцу.

Нет сомнения, что и сам А. А. Шахматов, и А. Е. Пресняков, и М. Д. Приселков хорошо понимали различную степень убедительности (модальность) отдельных элементов принятой ими схемы истории летописания. Об этом свидетельствует уже композиция шахматовского «Обозрения». Отдельные его главы посвящены не древним сводам, а конкретным, дошедшим до нас летописям и начинаются со сравнения этих летописей с другими совпадающими с ними летописными текстами, и лишь после такого сравнения и первичного определения «основных сводов» следует сравнение установленных ученым «основных сводов» с другими подобными сводами и вытекающие из этого сравнения предположения о протографах второй степени, общих источниках этих «основных сводов» («большие скобки»).

Того же принципа придерживался и М. Д. Приселков, хотя самая тема его труда предполагала иное расположение материала — от более древних сводов к более поздним. Однако даже располагая основные главы своего труда в обычном хронологическом порядке — от XI до конца XV в., Приселков внутри этих глав шел все-таки от более поздних, но реальных текстов к гипотетическим протографам: глава «Начало русского летописания» открывалась исследованием «Повести временных лет», а затем уже следовали предшествующие ей своды; глава «Начало летописания в Ростово-Суздальском крае» начиналась Радзивилловской и Лаврентьевской летописями, а не сводами XII—XIII вв.; глава «Московский великокняжеский свод XIV в.» — Троицкой (Симеоновской) летописью, а не «Летописцем великим русским».

Предположительность выводов, основанных не на непосредственном сравнении двух источников, а на определении источников целых групп сводов, подтверждается и теми модификациями, которые внес в труды А. А. Шахматова М. Д. Приселков. Одну весьма важную поправку Приселков к построениям Шахматова необходимо отметить в первую очередь. Сравнивая между собой Лаврентьевскую, Новгородскую I и Ипатьевскую летописи, Шахматов пришел к выводу, что общим протографом их был общерусский митрополичий свод начала XIV в. — «Владимирский полихрон».¹⁰ Но Лаврентьевская летопись совпадает с Ипатьевской целыми комплексами северных и южных известий, и совпадения эти уже А. А. Шахматов (а вслед за ним и другие исследователи) склонен был объяснять взаимным влиянием владими́ро-суздальского и южного (южно-перемыславского, черниговского и киевского) летописаний XII—XIII вв. друг на друга.¹¹ К Полихрону начала XIV в., таким образом, фактически возводились только два известия 6700—6702 гг., которые читались в Ипатьевской и Лаврентьевской летописях, но отсутствовали в Радзивилловской, и два сходных известия Лаврентьевской и Новгородской I. Вдобавок конечная часть Лаврентьевской летописи (за начало XIV в.), которую Шахматов возводил к Полихрону, обнаруживала черты не митрополичьего, а владими́ро-тверского великокняжеского летописания. Исходя из этого, М. Д. Приселков отказался от «больших скобок» Полихрона начала XIV в.; с ним согласились и другие авторы.¹²

¹⁰ Шахматов А. А. Общерусские летописные своды XIV и XV вв. // ЖМНП. 1900. № 11. С. 149—151.

¹¹ Шахматов. Обозрение. С. 16—18, 72—75; ср. Приселков. История. С. 95.

¹² Приселков. История. С. 60—61; ср.: Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947. С. 432 (примеч. 1), 470 (далее: Лихачев. Русские летописи); Насонов А. Н. История русского летописания XI—начала XVIII в. М., 1969. С. 150 (примеч. 56), 179, 260.

Осознавал М. Д. Приселков и условность и недостаточную доказанность атрибуций летописных сводов. Яркий пример этого сознания дает его отношение к собственной ранней работе, посвященной такой атрибуции. В 1911 г. в статье «Митрополит Иларион — в схеме Никон — как борец за независимую русскую церковь» Приселков обратил внимание на то, что конец деятельности и жизни Илариона, первого митрополита, поставленного в 1051 г. на русскую митрополию не константинопольским патриархом, а самими русскими, остается загадочным и неизвестным: в 1054 г. он уже, очевидно, не был митрополитом; в то же время мы ничего не знаем о начале деятельности Никона, виднейшего печерского монаха, а впоследствии и игумена, которого А. А. Шахматов считал составителем летописного свода 1079 г., предшествовавшего ПВЛ. Приселков высказал догадку, что Никон — это бывший игумен Иларион, постригшийся в монахи под именем Никона.¹³ Догадка эта была включена им и в научно-популярную книгу «Нестор-летописец».¹⁴ Однако в «Истории русского летописания» он об этой догадке даже не упомянул, хотя о летописной деятельности Никона там говорится достаточно подробно. Умолчание это, очевидно, объяснялось тем, что ученый ясно различал догадку, даже вполне вероятную, и гипотезу, вытекающую из необходимости объяснить соотношения между эмпирическими данными.

Оставляя в стороне те предположения (А. А. Шахматова и свои собственные), которые представлялись недостаточно обоснованными, М. Д. Приселков все же принимал в целом построения Шахматова по истории летописания, и его генеалогическая схема отражает не только собственные выводы, но и общие представления об истории летописания, сложившиеся в русской науке полвека назад. Следует, однако, отметить, что обобщенного графического воплощения этой схемы читатель не сможет найти в книге Приселкова: в каждой из глав этой книги содержится лишь схема взаимоотношений (стемма) летописей данного периода, и шесть схем, помещенных в этой книге,¹⁵ не были объединены в одну общую. В настоящей статье автор прежде всего предлагает читателю такую схему, сведя воедино схемы из книги Приселкова. Эта обобщенная схема дает представление о концепции русского летописания XI—XV вв., сложившейся у А. А. Шахматова и М. Д. Приселкова. Для того чтобы читателю было ясно, какие именно соотношения и определения сводов, данные в этой схеме, вызвали обоснованные возражения и были отвергнуты А. Н. Насоновым и другими учеными за последние десятилетия,¹⁶ мы отмечаем такие спорные соотношения (т. е. соответствующие им линии стеммы) п у н к т и р о м, а спорные определения даем в п р я м ы х с к о б к а х.

Больше всего возражений вызвали начальные звенья схемы. Именно здесь у дошедшего до нас текста ПВЛ (как и у близкой к нему НЛ) нет соответствия (или есть лишь частичное и неполное соответствие — во внелетописной «Памяти и похвале» мниха Иакова) с другими параллельными текстами. Сомнение вызывала гипотеза о Древнейшем своде 1037 г. (предлагались другие определения древнейшего летописания: «Сказание о первоначальном распространении христианства на Руси» 40-х гг. XI в., свод конца X в.).¹⁷ Вызывало сомнение и существование

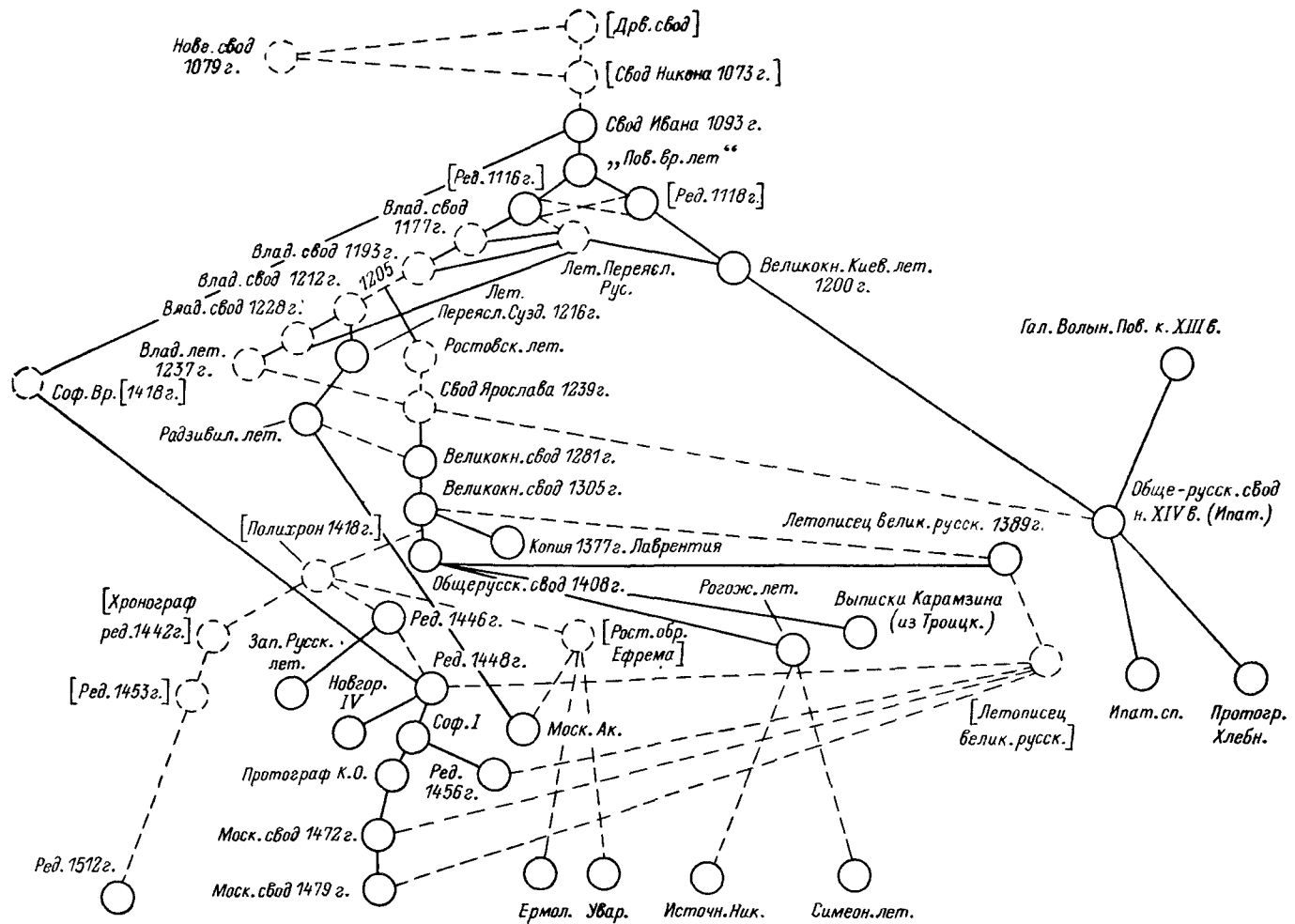
¹³ В сб.: Сергею Федоровичу Платонову ученики, друзья и почитатели. СПб., 1911. С. 188—201.

¹⁴ Приселков М. Д. Нестор-летописец: Опыт историко-литературной характеристики. Пб., 1923. С. 19—23.

¹⁵ Приселков М. Д. История. С. 45, 56, 111, 141, 163, 185.

¹⁶ Ср. также: Лурье Я. С. Генеалогическая схема летописей XI—XVI вв., включенных в «Словарь книжников и книжности Древней Руси» // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 40. С. 190—205.

¹⁷ Лихачев В. Русские летописи. С. 62—76; Черепнин Л. В. Повесть временных лет, ее редакции и предшествующие ей летописные своды // ИЗ. 1948. Т. 25. С. 332—333.

свода Никона 1073 г.,¹⁸ и соотношение первых киевских сводов и следующего за ними свода Ивана 1093 г. (Начального свода) с гипотетическим Новгородским сводом 1050—1079 г. В книге М. Д. Приселкова вопрос о Новгородском своде остался до конца не рассмотренным: соответствующая глава о новгородском летописании, по-видимому, предполагалась, но была опущена.¹⁹ Сомнения в существовании этого свода были высказаны в краткой форме М. Н. Тихомировым, а в развернутой — Д. С. Лихачевым.²⁰

Спорными представляются и некоторые построения, относящиеся к самой ПВЛ. Первоначальный текст ее до нас, очевидно, не дошел, но определение версий, дошедших в Лаврентьевской, Радзивилловской и сходных летописях, как 2-й редакции (1116 г.), а версии Ипатьевской летописи как 3-й редакции (1118 г.) вызывало сомнения: высказывалось мнение, что более первоначальный текст сохранился именно в Ипатьевской летописи, а его сокращение — в Лаврентьевской и сходных летописях.²¹

Вызывала сомнение датировка новгородского источника («Софийского временника»), сохранившего текст Начального свода 1093 г. и в свою очередь повлиявшего на Новгородскую I летопись (младшего, а возможно, и старшего извода) и на Новгородско-Софийский свод 1448 г., началом XV в. (1418 г.). Последующие авторы склонны датировать «Софийский временник» XII или XIII в.²² Спорны и конкретные определения и датировки владимирских сводов конца XII—начала XIII в., хотя основное соотношение между более ранним сводом, дошедшим в Лаврентьевской летописи, и более поздним, содержащимся в Радзивилловской, представляется несомненным.²³

Предположение о существовании у летописей XV в. CI и NIV двух последовательно сменявших друг друга источников — Полихрона 1418—1422 гг. и свода 1448 г. — едва ли необходимо: памятники, в которых А. А. Шахматов и М. Д. Приселков видели отражение Полихрона 1418 г., не зависимое от свода 1448 г. (CI и NIV) и предшествующее ему, — Ермолинская летопись и Хронограф — оказываются основанными на более позднем летописании (конца XV в.). Близость Ермолинской летописи до 1425 г. к Московскому своду 1479 г., доказанная А. Н. Насоновым, дает основание предполагать, что в основе ее лежит не Ростовский свод Ефрема, а летопись, составленная в Москве не ранее 60-х гг. XV в.²⁴

Наконец, существование уже с XIV в. постоянно ведшегося великокняжеского свода «Летописца великого русского», отразившегося и на летописании начала XV в. (Троицкая летопись), и на великокняжеских сводах 70-х гг. XV в., не подкрепляется материалом источников: происхождение реально дошедших до нас летописных памятников может быть

¹⁸ Алешковский М. Х. Повесть временных лет: Судьба литературного произведения в Древней Руси. М., 1971. С. 121 (примеч. 9).

¹⁹ Приселков М. Д. История. С. 34; ср. с. 21.

²⁰ Тихомиров М. Н. Источниковедение истории СССР. М., 1940. Т. 1. С. 55; Лихачев Д. С. Русские летописи. С. 89 (примеч. 1), 93 (примеч. 1).

²¹ См.: Алешковский М. Х. Повесть временных лет та її редакції // Укр. ст. журн. 1967. № 3. С. 37—47; Müller L. Die «Dritte Redaktion» der sogenannten Nestorchronik // Festschrift für M. Woltner zum 70. Geburtstag. Heidelberg, 1967. S. 171—186.

²² См.: Лихачев Д. С. 1) «Софийский временник» и новгородский политический переворот 1136 г. // ИЗ. 1948. № 25. С. 240—265; 2) Русские летописи. С. 197—215; Кloss Б. М. Летопись Новгородская первая // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1987. Вып. 1. С. 286—287.

²³ Ср.: Лурье Я. С. О происхождении Радзивилловской летописи // ВИД. Л., 1987. Вып. 18. С. 64—83.

²⁴ Насонов А. Н. История. С. 268; Кloss Б. М. О времени создания русского Хронографа // ТОДРЛ. Л., 1971. Т. 26. С. 246—255; Творогов О. В. Древнерусские хронографы. Л., 1975. С. 200; Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV—XV вв. Л., 1976. С. 68—71, 107 (далее: Лурье. Летописи).

вполне удовлетворительно объяснено без предположения о «Летописце великом русском».²⁵

Легко заметить, что все эти сомнения и возражения относятся прежде всего к «большим скобкам» схемы Шахматова—Приселкова: не столько к непосредственным протографам дошедших летописей, сколько к источникам второй или более высоких степеней. Выводы обоих ученых, относящиеся к прямым источникам конкретных летописей — «основным сводам», остаются в общем непоколебленными. Можно сомневаться в существовании Древнейшего свода 1037 г., каким представлял его А. А. Шахматов, но для того чтобы объяснить соотношения между ПВЛ и НЛ младшего извода (текст старшего извода до 1016 г. не сохранился), необходимо предположить существование у них общего протографа, лучше отразившегося в НЛ, чем в ПВЛ, — памятника конца XI в., который Шахматов назвал Начальным сводом. Все иные объяснения этих соотношений (первичность НЛ, независимость и параллельность обоих текстов) оказываются неубедительными.²⁶ Совпадение Лаврентьевской летописи вплоть до ее окончания под 1305 г. с Троицкой (текст которой, утраченный в 1812 г., сохранился в выписках Карамзина и почти полностью — в Симеоновской летописи начиная с 1177 г.) не может быть объяснено происхождением Троицкой от Лаврентьевского списка 1377 г., ибо Троицкая летопись на всем своем протяжении содержит независимые и лучшие чтения текста. Единственным объяснением этого совпадения может служить наличие у них общего протографа — свода 1305 г.²⁷ Если наличие двух протографов у СИЛ и НИВЛ не представляется необходимым, то существование «основного свода», к которому восходят обе эти летописи, почти идентичные по крайней мере до 1418 г., очевидно.²⁸

Общая схема истории летописания, предложенная А. А. Шахматовым и М. Д. Приселковым, в основном выдержала испытание временем. Но еще более важно другое обстоятельство: судьба этой схемы подтвердила правильность ее методических принципов. Сравнительно-текстологический метод, дающий возможность восстанавливать «основные своды» — прямые протографы сохранившихся летописей, оказался несравненно плодотворнее «разложения текстов» и догадок о возможно существовавших, но не подтвержденных реальными данными сводах и столь же предположительных атрибуций.

В какой же степени методические принципы Шахматова и задачи, уже намеченные Пресняковым и Приселковым в их статьях 1922 г., оказались реализованными? Темой настоящей статьи не служит разбор работ по летописанию, появившихся после 1940 г.; нас интересует лишь судьба генеалогической схемы Шахматова—Приселкова и их метода в науке. Ни Шахматов, ни Приселков не подвергались такому резкому осуждению, как, например, А. Н. Веселовский и филологи-компаративисты, литературоведы ОПОЯЗа, противники Марра — Е. Д. Поливанов и ряд других. Мы уже упоминали, однако, резкий перерыв в исследовании летописей, наступивший с конца 20-х и продолжавшийся до конца 30-х гг. Пере-

²⁵ Л у р ь е Я. С. 1) Летописи. С. 61—65, 124 (примеч. 7); 2) О московском летописании конца XIV в. // ВИД. Л., 1979. Вып. 11. С. 17—18.

²⁶ Ср.: Л у р ь е Я. С. О возможности и необходимости при исследовании летописей // ТОДРЛ. Л., 1981. Т. 36. С. 18—21.

²⁷ Ср.: Л у р ь е Я. С. 1) Летописи. С. 22—23, 30—32; 2) Летопись Лаврентьевская // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1. С. 241—244. — Г. М. Прохоров, высказавший предположение о зависимости Троицкой летописи от Лаврентьевского списка (Кодикологический анализ Лаврентьевской летописи // ВИД. Л., 1972. Вып. 4. С. 103—104), не объяснил наличия множества явно первичных чтений в Троицкой летописи по сравнению с Лаврентьевской.

²⁸ Ср.: П р о х о р о в Г. М. Летописные подборки рукописи ГПБ, Г. IV. 603 и проблема сводного общерусского летописания // ТОДРЛ. Л., 1977. Т. 33. С. 193—194; Л у р ь е Я. С. Еще раз о своде 1448 г. и Новгородской Карамзинской летописи // Там же. С. 199—200, 206—207.

рыв этот сказался не только на судьбе М. Д. Приселкова, но и его ученика А. Н. Насонова. В 1933 г. директор Историко-археографического института заявил, что институт «порвал с тематикой старой Археографической комиссии», издававшей летописи.²⁹ Издание Полного собрания русских летописей было прервано в 1928 г., и предложение М. Д. Приселкова в конце 30-х гг. возобновить его на новых принципах (мнимо хронологический порядок, положенный в основу ПСРЛ до начала XX в., был разрушен после открытий Шахматова) так и не было осуществлено (издание ПСРЛ возобновилось в 1949 г., но без какой-либо единой системы).³⁰ В 1950—1952 гг. в научных изданиях появились статьи о А. А. Шахматове и М. Д. Приселкове как «буржуазных источниковедах», создававших «антимарксистские схемы» и обеднявших «русскую культуру», сводя «на нет ее самостоятельность, оригинальность и прогрессивные черты».³¹

Однако с середины 50-х гг. научный метод А. А. Шахматова и М. Д. Приселкова можно было считать реабилитированным в нашей науке. Основные принципы современной текстологии в значительной степени основываются на трудах этих ученых.³²

Иначе обстоит дело с применением этого метода при исследовании конкретного летописного материала. Против сравнительно-текстологического метода как основы изучения летописей прямо высказывался лишь один автор, А. Г. Кузьмин, предложивший вернуться к методике предшественников А. А. Шахматова — к разложению сводов на отдельные элементы, к изучению их как сочинений, составленных «из разных источников».³³

Критика шахматовского метода, высказанная А. Г. Кузьминым, вызвала развернутые возражения ряда авторов.³⁴ Но на практике метод «расшивки», выделения «разных источников» на основе их содержания оказался достаточно стойким. Хорошим примером этого может служить недавно опубликованная монография Л. Л. Муравьевой «Летописание Северо-Восточной Руси конца XIII—начала XV века». Тема книги — летописание XIV в. в различных княжествах: начало тверского и московского летописания, нижегородско-суздальское, ростовское, рязанское и смоленское летописание. Однако конкретной темой книги является обзор известий о перечисленных княжествах, встречающийся в отдельных летописях. Метод работы Л. Л. Муравьевой во многом совпадает с методом тех предшественников А. А. Шахматова, с критикой которых ученый выступил еще в конце XIX в.:³⁵ известия о данном княжестве она без колебаний рассматривает как памятники летописания этого княжества. В этом отношении особенно характерны главы, посвященные тем областям, летописание которых в сколько-нибудь развернутой форме не сохранилось, — княжеству Суздальско-Нижегородскому, Ростовскому и Рязанскому.

²⁹ Томсинский С. Г. Проблемы источниковедения // Проблемы источниковедения. М.; Л., 1933. Сб. 1. С. 9, 211—212.

³⁰ План нового издания ПСРЛ, предложенный М. Д. Приселковым, см.: Валк С. Н. Советская археология. М.; Л., 1948. С. 139—141, примеч. Ср.: Лурье Я. С. Изучение русского летописания // ВИД. Л., 1968. Вып. 1. С. 16—17.

³¹ Ср.: Будовиц И. У. Об исторических построениях М. Д. Приселкова // Изв. М., 1950. Т. 35. С. 199—231; Пашуто В. Т. А. А. Шахматов — буржуазный источниковед // ВИ. 1952. № 2. С. 47—73.

³² Ср.: Лихачев Д. С. Текстология: На материале русской литературы X—XVII вв. М.; Л., 1962. С. 340—386; 2-е изд.: Л., 1983. С. 356—403.

³³ Кузьмин А. Г. 1) Спорные вопросы методологии изучения русских летописей // ВЛ. 1973. № 2. С. 42, 46, 51; 2) Начальные этапы древнерусского летописания. М., 1977. С. 45.

³⁴ См.: Черепнин Л. В. Спорные вопросы изучения начальной летописи в 50—70-х годах // История СССР. 1972. № 4. С. 46—64; Лихачев Д. С., Янин В. Л., Лурье Я. С. Подлинные и мнимые вопросы методологии изучения русских летописей // ВИ. 1973. № 8. С. 194—203; Зимин А. А. О методике изучения древнерусского летописания // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. 1974. Т. 33, № 5. С. 454—464; Лурье Я. С. О возможности и необходимости при исследовании летописей. С. 21—25.

³⁵ См. выше, примеч. 7.

Точно так же, как и А. Г. Кузьмин, Л. Л. Муравьева склонна отождествлять «Сведения летописей о Рязани» с «рязанским летописанием»; недаром и перечисленные ею «рязанские известия» заимствованы, как указывает она сама, из монографии А. Г. Кузьмина.³⁶ Но даже на примерах из книги Л. Л. Муравьевой легко показать, что известие о данном княжестве — вовсе не обязательно известие из летописания этого княжества. Так, в обзоре «нижегородско-суздальских известий», содержащемся в ее книге, под 1392 г. мы находим известие о свержении Василием I нижегородского князя Бориса Константиновича и измене его боярина Василия Румянца. Но известие это читается в общерусском своде, составленном в 1412 г. в Твери (Рогожский летописец и Симеоновская летопись), и в Тверском сборнике (Тверская летопись) — совершенно очевидно поэтому его тверское происхождение.³⁷

Сам по себе обзор известий конца XIII—начала XV в. о различных княжествах мог бы рассматриваться как полезная предварительная сводка материалов для дальнейших исследований. Но Л. Л. Муравьева видит в своем труде не такую предварительную сводку, а текстологическое исследование: в каждой из глав намечаются гипотетические «своды» — тверские, московские, нижегородско-суздальские и т. д. На чем основываются выводы об этих «сводах»?

Существование тверского свода 1327 г. аргументируется тем, что до 1327 г. (начиная с 1285 г.) Рогожский летописец (Рог.) сходен только с Тверским сборником (Тв. сб.), а с 1327 г. по 1375 г. тверские известия перемежаются в нем с известиями, совпадающими с Симеоновской (близкой к Троицкой) летописью. Но тверские известия в Рог. вовсе не прекращаются на 1327 г.; следовательно, предполагать какой-либо его тверской источник, кончающийся на этом годе, мы не имеем оснований: просто с 1327 г. Рог. начинает пользоваться еще одним источником. Между тем Л. Л. Муравьевой известен другой тверской памятник, очевидно, основанный на более раннем материале, чем Рог. и Тв. сб., — фрагмент тверского летописания за 1314—1344 гг., но как раз в этом фрагменте под 1327 г. никакого рубежа не обнаруживается.³⁸

Еще более сомнительным представляется существование нижегородско-суздальского свода 1383 г., прокламированное Л. Л. Муравьевой в соответствующем разделе ее работы. При перечислении известий о Нижнем Новгороде и Суздале никакого рубежа под 1383 г. автор не указывает: известия, которые Л. Л. Муравьева считает нижегородско-суздальскими, содержатся и под этим годом, и до, и после него. Объяснение существования «нижегородско-суздальского памятника 1383 г.», которое мы находим в книге, — сугубо умозрительное и общ историческое: «Этот памятник посвящен прежде всего великому княжению Дмитрия Константиновича. Он умер в 1383 г. Последующее десятилетие заполнено междоусобной борьбой сыновей кн. Дмитрия».

Так же обосновывается и существование «Ростовской летописи 1365 г.». При перечислении известий, которые она возводит к этой летописи, Л. Л. Муравьева опирается на «единый массив» «ростовских известий»,

³⁶ Муравьева Л. Л. Летописание Северо-Восточной Руси конца XIII—начала XV в. М., 1983. С. 237—244. Ср.: Кузьмин А. Г. Рязанское летописание: Сведения летописей о Рязани и Муроме до середины XVI в. М., 1965.

³⁷ Муравьева Л. Л. Летописание Северо-Восточной Руси. С. 180—181. Ср. Лурье Я. С. Из наблюдений над летописями первой половины XV в. // ТОДРЛ. Л., 1985. С. 297. — Отметим, кстати, крайне неточное и противоречивое изложение Л. Л. Муравьевой мнения автора этих строк, не отвергающего, а принимающего взгляды А. А. Шахматова и М. Д. Приселкова на общий источник Рогожского летописца и Симеоновской летописи как на тверскую обработку общерусского свода, проведенную в 1412 г. (Ср.: Лурье Я. С. Летописи. С. 36—37, 54).

³⁸ Муравьева Л. Л. Летописание Северо-Восточной Руси. . . С. 84—104. Ср.: Насонов А. Н. О тверском летописном материале в рукописях XVII в. // АЕ за 1957 г. М., 1958. С. 30—40.

содержащийся в Московско-Академической (МАк), Уваровской (Ув.), Ермолинской (Ерм.) и других летописях. Но такого «массива» не существует. А. А. Шахматов и М. Д. Приселков действительно предполагали, что МАк, Ув. и Ерм. восходили к ростовской обработке Полихрона архиепископа Ефрема. Но А. Н. Насонов неопровержимо доказал, что вплоть до 1418—1425 гг. Ерм. содержит сокращенное изложение общего протографа, более полно переданного Московским сводом 1479 г. («свода Феодосия-Филиппа» 1464—1472 гг., по Насонову, или «особой обработки свода 1448 г.»); никаких специфически ростовских известий за период до 1425 г., сближающих Ерм. с МАк, неизвестно; Ув. в этой части точно следует Ерм. Следовательно, сводить эти летописи в «единый массив» нельзя. Однако и пределах этого «массива» 1365 г. не знаменует какого-либо рубежа. Л. Л. Муравьева не находит никаких летописных известий о Ростове между 1356 (!) и 1371 гг., но утверждение, что «после 1365 г. летописи дают обрыв ростовских текстов до 1371/1393 гг.», не подтверждается ее же собственными наблюдениями.³⁹

Мы специально остановились на работе Л. Л. Муравьевой потому, что она отражает далеко не исключительное в нынешнем «летописеведении» явление. Вместо весьма трудоемкой работы, требующей знания всей установленной предшественниками летописной генеалогии, некоторые авторы избирают иной метод. В «Театральном романе» М. А. Булгакова один из литераторов советует своему собрату по перу «настричь десяток рассказов» из предлагаемого ему литературного материала. Совершенно таким же образом можно без особых затруднений «настричь» из имеющихся летописей десятки и даже сотни древних сводов.

К счастью, такая методика не может считаться преобладающей. После книги М. Д. Приселкова вышел в свет ряд работ, основанных на тщательном сравнительно-историческом исследовании всей массы летописных памятников. В первую очередь здесь должна быть названа «История русского летописания XI—XVIII вв.» А. Н. Насонова, давшая основание для пересмотра ряда выводов А. А. Шахматова и М. Д. Приселкова. Но книга эта вышла два десятка лет назад, и пока еще мы едва ли готовы к созданию нового труда аналогичного масштаба и охвата. А между тем материал летописей, находящихся в наших архивах, далеко не полностью введен в науку и опубликован; сравнительно-исторические исследования, которые уточнили и дополнили бы схему Шахматова—Приселкова, могут и должны быть продолжены.

Наряду с этим перед исследователями летописей стоит и другая важнейшая задача. Мы уже упоминали слова М. Д. Приселкова о том, что если историк, не углубляясь в историю изучаемых летописей, будет выбирать «из сводов разных эпох нужные ему записи», то он «воспримет факт неверно», в соответствии с тенденциями летописца. В качестве конкретного примера Приселков приводил легенду о перенесении центра русских княжеств из Киева во Владимир, заимствованную историками у владимирских летописцев XII—XIII вв.; еще большее значение имела «московская политическая трактовка, чрез которую прошло огромное большинство дошедших до нас летописных текстов».⁴⁰ Сопоставление основной летописной традиции (преимущественно великокняжеских и царских летописей XVI в. типа Никоновской), на которую чаще всего опираются историки, с иными видами летописания дает возможность пересмотреть идеологическую и политическую историю древней Руси. Возможность эта, вытекающая из сравнительно-исторического изучения сводов в трудах А. А. Шахматова, М. Д. Приселкова и их последователей, далеко еще не реализована нашими историками и литературоведами.

³⁹ Муравьева Л. Л. Летописание Северо-Восточной Руси. . . С. 167, 179, 185—186, 207, 210, 212, 226. Ср.: Насонов. История. С. 260—274; Лурье. Летопись. С. 150—161, 174—175, 206 (примеч. 107).

⁴⁰ Приселков. История. С. 6, 72—73.

О. В. ТВОРОГОВ

Древнерусские четьи сборники XII—XIV вв.

(Статья вторая: Памятники агиографии)

В первой из серии статей, посвященных характеристике репертуара древнерусских четьих сборников XII—XIV вв., уже была дана характеристика привлеченных к исследованию рукописей,¹ поэтому в данной статье, предметом рассмотрения которой явятся древнерусские оригинальные и переводные жития, ограничимся лишь перечислением сборников, их содержащих.

Это Выголексинский (ГБЛ, Музейное собр., № 1832; далее: *Выг*), Успенский (ГИМ, Синодальное собр., № 1063/4; далее: *Усп*), сборники ГПБ: Ф. п. 1.46 (далее — *Пб 46*), 0.1.59 (далее: *Пб 59*), Погодинского собр., № 61, 64, 66 и 71 б (далее: *Пог 61*, *Пог 64*, *Пог 66* и *Пог 71 б*), Софийского собр., № 1365 и 1261 (далее: *Соф 1365*, *Соф 1261*); сборники ГБЛ: собр. Троице-Сергиевской лавры, № 9, 34, 119, 744 и 758 (далее: *Тр 9*, *Тр 34* и т. д.), собр. Беяева, № 54/М (далее: *Бел*), собр. МДА, № 45 (далее: *МДА*); сборники ГИМ: Чудовского собр., № 20, 22 и 23 (далее: *Чуд 20* и т. д.), собр. Уварова, № 559 и 758 (*Ув 559* и *Ув 758*), Епархиального собр., № 369 (далее: *Епарх*) и Сильвестровский сборник — ЦГАДА, собр. Типографской библиотеки, № 53 (далее: *Сильв*).

Несколько слов о сборниках, содержащих наибольшее количество житийных текстов. Это сборники *Чуд 20* (14 житий), *Усп* (9 житий), *Пог 71 б*, *Сильв* (по 8 житий), *Бел* (5 житий), *Пб 46* и *Чуд 23* (по 4 жития).

Сборник *Чуд 20*, как показал В. Н. Щепкин, представляет собой «соединение Торжественника со Златоустом»,² что справедливо, если иметь в виду не одноименные сборники устойчивого состава, появившиеся в XV в., а типы календарных сборников. В каждой из трех составных частей данного сборника жития располагаются на своих календарных местах, перемежаясь с гомилиями и другими памятниками. В *Чуд* читаются жития Симеона Столпника, Димитрия Солунского (с чудесами), Козмы и Дамиана (с чудесами), Мучение Варвары, чудеса Николая Мирликийского, Житие Марии Египетской, Сказание о Борисе и Глебе, Житие Евстафия Плакиды, Чудо Василия Великого о прельщенном отроке, Житие Алексея человека божьего, Мучение Георгия Победоносца, жития Иоанна Кущника, Симеона Юродивого и Евфимия Великого. Сбор-

¹ Творогов О. В. Древнерусские четьи сборники XII—XIV вв. (Статья первая) // ТОДРЛ. Л., 1988. Т. 41. С. 197—214. Постановка задачи исследования содержится в статье: Творогов О. В. Древнерусская книжность XI—XIII веков: (О каталоге памятников) // Духовная культура славянских народов: Литература; Фольклор; История. Л., 1983. С. 5—18.

² Библиографические материалы, собранные А. Н. Поповым. № 20 / Изд. В. Щепкин // ЧОИДР. 1889. Кн. 3. С. V. — Далее: Попов. Библиографические материалы.

ник *Чуд*, написанный несколькими почерками, возможно, был собран из нескольких тетрадей.³

В *Усп* читаются 9 житий. Они следуют подряд в первой половине сборника вслед за апокрифическим текстом («Паралипоменом Иеремии»), который по календарю может быть приурочен к 1 мая. Далее следуют Житие Афанасия Александрийского (день памяти — 2 мая), Сказание о Борисе и Глебе с чудесами (также 2 мая), Житие Феодосия Печерского (3 мая), Мучение Ирины (5 мая), Память Иова (6 мая), затем статья о явлении честного креста, приуроченная к 7 мая, и «Видение Исая» (9 мая), затем снова идут жития: Христофора (9 мая), Мефодия Моравского (10 мая), Пахомия Великого (15 мая). Далее календарь несколько сбивается: следуют жития Еразма (4 мая или 2 июля), Вита, Модеста и Крискентия (4 мая), Февронии (25 июня), Феодосии (29 мая) и Епифания Кипрского (12 мая), однако и здесь сохраняется стремление подобрать жития на май месяц. Все это дало основание предполагать, что *Усп* в основе своей — майская четья минья.⁴

Восемь житий содержит малоизученный до настоящего времени сборник *Пог 71 б*. Рукопись написана несколькими почерками, которые сменяют друг друга порой в середине текста; меняется также характер разлиновки листов. Видимо, работа над сборником велась коллективом писцов, среди которых имелись и малоквалифицированные, не были на высоте и руководитель работы, о чем говорит хотя бы резкая смена конфигураций столбцов, то традиционных, то непомерно широких. Тот факт, что некоторые из житий (Саввы Освященного, Евфимия Великого, Иоанна Милостивого) не имеют либо конца, либо начала, побуждает предположить: когда-то отдельные части рукописи существовали самостоятельно — в этот период и были утрачены недостающие листы. И все же, несмотря на эту неясную кодикологическую судьбу сборника (она требует специального исследования), нельзя не заметить несомненного тематического единства рукописи, составленной, как свидетельствует переплет, уже в XIV в. В ней собраны по преимуществу жития основателей монастырей или церковных деятелей: Саввы Освященного, Илариона Великого, Сильвестра, папы римского, Антония Великого, Спиридона Тримифунтского, Евфимия Великого, Иоанна Милостивого и Епифания Кипрского.

Восемь житий содержит знаменитый Сильвестровский сборник: это жития Симеона Столпника, Филарета Милостивого, Евстафия (Плакиды), Зосимы, Чудо Самона, Гурия и Авивы, Чтение и Сказание о Борисе и Глебе, Сказание о Киприане и Устине. При этом, по наблюдениям И. И. Срезневского, два первых жития принадлежали прежде одной рукописи, Мучение Евстафия — другой, отдельной рукописи, а Чудо Самона, Гурия и Авивы, Житие Зосимы, два жития Бориса и Глеба и Сказание о Киприане и Устине — третьей. Сборник подобно *Чуд 20* и *Пог 71 б* состоит из четырех компонентов: «. . . тетради сборника могли быть сплетены в один переплет случайно», — писал Срезневский, — причем «три из них сошлись в одно целое в XVI веке».⁵

³ В. Н. Щепкин указывает: «Издаваемый сборник состоит из частей, писанных независимо друг от друга и по написанию соединенных в одно целое». В то же время он допускает, что «главный оригинал был один» (Там же. С. VI, VII).

⁴ См.: Успенский сборник XII—XIII вв. / Изд. подгот. О. А. Князевская, В. Г. Демьянов, М. В. Ляпон. М., 1974. С. 8—10. — Описание состава сборника с публикацией ряда статей из него было осуществлено еще А. Н. Поповым (Библиографические материалы, собранные А. Н. Поповым. № 1. Описание сборника русского письма конца XII в. // ЧОИДР. 1879. Кн. 1). См. также: Щепкина М. В. О происхождении Успенского сборника // Древнерусское искусство: Рукописная книга. М., 1972. С. 60—80. Библиографию Успенского сборника см.: Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI—XIII вв. М., 1984. С. 182—185.

⁵ Срезневский И. И. Сказание о святых Борисе и Глебе: Сильвестровский список XIV века. СПб., 1860. С. IV, V.

В сборнике *Бел* жития перемежаются гомилиями и выписками из патериков.⁶ Сюда входят Житие Дмитрия Солунского с Чудом, фрагменты из житий Иоанна Милостивого и Нифонта Констанцкого, жития Феодора, Пелагеи Блудницы и Андроника Сребропродавца.

Чисто житийными являются сборники *Выг*, *Чуд 23* и *Тр 34*. Сборник *Выг*, недавно изданный,⁷ содержит жития Нифонта Констанцкого и Феодора Студита. Оставался до последнего времени не исследованным сборник *Чуд 23*. Его описание сделал для меня А. А. Турилов, за что приношу ему глубокую благодарность. Впоследствии я узнал, что существует также описание сборника, сделанное И. Помяловским в его книге «Житие св. Савы Освященного, составленное св. Кириллом Скифопольским в древнерусском переводе» (СПб., 1890. С. LXXXIX—LXXX). При этом Помяловский пропустил читающееся в сборнике на л. 137—144 Житие Галактиона и Епистимии. В сборник входят жития Иоанна Богослова, Саввы Освященного, Стефана Нового, Антония Великого, Галактиона и Епистимии, Иакова Перского, Григория Акраганского, Мучение апостола Филиппа.

Наконец, чисто житийным является сборник *Тр 34*; в составе его жития Евфимия Великого, Епифания Кипрского, Иоанна Кущника и Марии Египетской.

В остальных сборниках жития перемежаются с памятниками других жанров. Так, в «торжественнике» XII в. — *Пб 46* — читаются Житие Стефана Первомученика, Мучение Феодора Тирона, Мучение сорока мучеников, фрагмент Жития Алексея человека божьего, два чуда Василия Великого, восемь чудес Николая Мирликийского; в сборнике *Тр 744* — Житие Пахомия Великого; в сборнике *Тр 119* — Житие Иоанна Богослова; в сборнике *МДА 45* — Житие Феодора Эдесского и «Повесть Аммония мниха об убиенных святых отцах в Синае и Раифе»; в сборнике *Тр 758* — Мучение Уара, Мучение Анастасии, «Повесть Аммония мниха» и Житие Мартиниана; в сборнике *Епарх 369* — Житие Артемия с чудесами и «Повесть Аммония мниха»; в сборнике *Соф 1365* — Повесть о Варлааме и Иосафе, Житие Мартиниана и «Повесть Аммония мниха»; в сборнике *Соф 1261* — три сказания о посмертных чудесах Николая Мирликийского.

Всего в рассматриваемых сборниках около 60 агиографических памятников — житий, мартириев («мучений») и отдельных статей о чудесах. Перечислим их в алфавитном порядке имен святых: Алексей человек божий, Анастасия, Андроник Сребропродавец, Антоний Великий, Антоний Новый, Артемий Великомученик, Афанасий Александрийский, Борис и Глеб, Варвара, Василий Великий, Вит, Модест и Крискентия, Галактион и Епистимия, Георгий Победоносец, Григорий Акраганский, Дмитрий Солунский, Евстафий Плакида, Евфимий Великий, Епифаний Кипрский, Еразм, Зосима, Иаков Перский, Иларий Великий, Иоанн Богослов, Иоанн Златоуст, Иоанн Кущник, Иоанн Милостивый, Ирина, Киприан и Устина, Козма и Дамиан, Мария Египетская, Марк Афинский, Мартиниан, Мефодий Моравский, Николай Мирликийский, Нифонт Констанцкий, Пахомий, Пелагея, Савва Освященный, Сильвестр, папа римский, Симеон Столпник, Симеон Юродивый, Спиридон Тримифунтский, Стефан Новый, Стефан Первомученик, Уар, Феврония, Феолор Студит, Феодор Тирон, Феодор Эдесский, Феодосий Печерский, Феодосия, Феофания, Филарет Милостивый, апостол Филипп, Христофор. Примыкают к этим житиям сказания о ветхозаветных персонажах (пророке Данииле и Иове), «Повесть Аммония мниха о убиенных отцах в Синае и Раифе», Повесть о Варлааме и Иосафе, Чудо Самона, Гурия и Авивы.

⁶ Описание см.: Викторов А. К. Собрание рукописей И. Д. Беляева. М., 1881. С. 37—42.

⁷ Выголексинский сборник / Изд. подгот. В. Ф. Дубровина, Р. В. Бахтурина, В. С. Голыщенко. М., 1977.

Если ставить шире вопрос об агиографическом репертуаре XI—XIV вв. (опять-таки оговорив, что мы имеем в виду лишь памятники, дошедшие до нас в списках не моложе конца XIV в.), то к вышеприведенному перечню нужно добавить еще встретившееся только в отдельном списке Житие Василия Нового (ГПБ, собр. Погодина, № 61), фрагменты из житий (отдельных списков или входивших в сборники) Евфросинии (БАН, 24.4.19), Кондрата (ГПБ, собр. Погодина, № 64), Никиты Исповедника (БАН, собр. Никольского, № 324), Феклы (ГПБ, собр. Погодина, № 63), фрагменты из житий Ксенофонта и Феодоры Александрийской, Нифонта Константинопольского; Синклитикии входят в Изборник 1076 г.

Таким образом, в распоряжении древнерусских книжников уже к началу XV в. находился обширный репертуар памятников переводной (по преимуществу) агиографической литературы. Уже само по себе это наблюдение имеет значение: до сих пор в обзорах переводной агиографии старшей поры называлось не более десятка произведений — обычно тех, которым были посвящены монографические исследования.⁸

Нашу задачу — описание репертуара житий, сохранившихся в списках до конца XIV в., после их выявления можно было бы считать выполненной. Но возникает естественное желание сообщить о каждом житии хотя бы минимальные сведения: в каких именно сборниках и на каких листах оно читается, как соотносятся между собой разные списки XII—XIV вв., как древние списки относятся к позднейшей традиции, в частности к текстам, зафиксированным в ВМЧ или в сборниках XV в. Приводимые далее сведения носят пока самый предварительный характер, но надеемся, что они окажутся небесполезными для археографов и исследователей агиографии.

К сожалению, для нас оказались недоступными сборники рукописного собрания ГИМ, и поэтому о читающихся в них житиях можно судить лишь по приводимым в описаниях сведениям.

Житие Алексея человека божьего (память 17 марта). Читается в сборнике *Пб 46* (на л. 98 фрагмент, начинающийся со слов: «Яко достоинъ есть царства небеснаго. . .»), в списке *Чуд 20* (л. 152 об.), *Тр 9* (л. 148) и *Ув 589* (л. 217 об.). Как установила В. П. Адрианова-Перетц, в древнейших списках представлены две редакции перевода: так называемая редакция Златоструя в *Пб 46* и в *Чуд 20* (нач.: «Бѣ челоуѣкъ благоуѣренъ въ Римѣстѣм градѣ. . .») и «Троицкая редакция» в списке *Тр 9* (нач.: «Бѣ челоуѣкъ в Римѣ мужъ благочестивъ. . .»)⁹ Отношение к ним списка *Ув 589* проверить не удалось.

Древнейшие списки Жития — текст *Тр 9* и фрагмент из рукописи *Пб 46* с дополнением недостающей части по списку БАН 21.7.15 — изданы в монографии В. П. Адриановой-Перетц.¹⁰ И. И. Срезневский осуществил издание Жития «по пергаменному сборнику гр. Мусгна-Пушкина» с разночтениями «по Троицкому списку» и по *Пб 46*. Уваровский список он упоминает, но не анализирует.¹¹ «Троицкая рукопись» — это,

⁸ Так, В. М. Истрин называет среди переведенных в XI—XIII вв. житий по преимуществу те, на которые ссылались древнерусские авторы (жития Антония Великого, Саввы Освященного и Вячеслава Чешского), а также жития Василия Нового и Андрея Юродивого (см.: И с т р и н В. М. Очерк истории древнерусской литературы домосковского периода (XI—XIII вв.). Пгр., 1922. С. 109—112). В «Истории русской литературы» (М.; Л., 1941. Т. 1. С. 87—104) М. О. Скрипиль называет жития Нифонта Константинопольского, Антония Великого, Алексея человека божьего, Саввы Освященного, Феодора Студита, Василия Нового, Андрея Юродивого, Георгия Победоносца, Феодора Тирона, Феодора Стратилата и Вячеслава Чешского. Впрочем, надо учесть, что оба автора говорят о литературе XI—XIII вв., а значительный «прирост» в репертуаре агиографическом дает именно XIV в.

⁹ Адрианова В. П. Житие Алексея человека божия в древней русской литературе и народной словесности. Пгр., 1917. С. 82—99.

¹⁰ Там же. С. 457—483.

¹¹ Срезневский И. И. Древнее житие Алексея человека божия сравнительно с духовным стихом об Алексее божием человеке // Срезневский И. И.

как установила В. П. Адрианова-Перетц, рукопись ГБЛ, собр. МДА, № 48;¹² что же касается «сборника Мусина-Пушкина», то отождествить его с какой-либо рукописью, нам известной, пока не удастся. Отметим, что в своей книге «Древние памятники русского письма и языка (X—XIV веков)» (2-е изд. СПб., 1882) И. И. Срезневский не упоминает никакого сборника, принадлежащего А. И. Мусину-Пушкину (хотя сборник этот находится в пределах избранных им хронологических рамок). В ВМЧ читается особая, третья редакция Жития. По выводу В. П. Адриановой-Перетц все эти редакции суть «переводы с близких, однако не совпадающих между собой греческих оригиналов», при этом «Троицкая редакция частью повторила старый перевод Златоструя, частью исправила и главным образом дополнила его по более распространенному греческому оригиналу».¹³

Мучение Анастасии (память 29 октября). Текст читается в списке *Тр 758* (л. 197 об.). Нач.: «В дни Диоклитиана царѣ и сънастолика его Валериа игемона пръвое прогнание хрстианомъ в Римѣ бысть. . .». Текст издан лишь по списку ВМЧ с разночтениями по списку ГПБ, Кирилло-Белозерское собр., № 19/1258 (XV—XVI вв.).¹⁴ Список *Тр 758* ближе именно к тексту Кирилло-Белозерского списка, но имеет отличия от него. Сравним начало жития.

Тр 758

В дни Диоклитиана царѣ и сънастолика его Валериа игемона пръвое прогнание хрстианомъ в Римѣ бысть. И абие приидоша къ игемону от посланикъ нѣщии, иже бѣ послани мучити хрстианы, и рекоша ему: «Молим ти ся, господи, монастырь есть противу граду, рекомью Софинъ, и въ нем прѣбываютъ постницъ 5: Софиа игумении, и Афанасиа, и Феоктисти, и Феодоти, и Анастасиа чистаа. . .»¹⁵

Л. 197 об.

ВМЧ

В время Диоклитиана царя и того състолика Валериана, старѣйшии стующу Прову, бѣ гонение велико хрѣстианомъ в Римѣ. И се нѣщии отъ прелогатай пришедше рѣша Прову старѣйшине: «Молим ти ся, господи нашъ, есть монастырь, иже прямо граду, хрстианыхъ женъ, еже нарицаются прелодобныя — Софиа первое, Анастасиа, и есть в немъ дѣвицъ 5, второе Софиа и Анастасиа, Феоктисти, Феодоти и Анастасиа.

Стб. 1987.

Житие Андроника Сребропродавца (память 9 октября). Читается в списке *Бел* (л. 278 об.). Нач.: «Бяше нѣкто сребропродавецъ в Антиохии великой именемъ Андроникъ. . .». Изданный в ВМЧ текст жития¹⁶ имеет ряд отличий, свидетельствующих либо об ином переводе, или же о существенной редактуре. Сравним.

Бел

Позна горлица друга своего, и тѣй же не позна ее, како убо можаше познати такую доброту увидшо и яко ефиопъ видима.

Л. 283 об.—284.

И паки възвратившо(ся) старцю иже преити до свягаго Мины, постиже его братъ, глаголя: «Авва Андроникъ отходитъ по авве Афанасию». Он же, слышавъ: посла въ скытъ глаголя, яко авва

ВМЧ

Познавши убо голубица супруга своего, той бо не позна сию. Како бо хотяше познати ею, увидъшую сущую въздержанием, и яко м(у)рина сущи ей.

Стб. 891.

И оставль его старецъ и отъиде, и даже не дойти ему до свягаго Мины, постиже его другой инокъ, глаголя, яко отецъ Андроникъ отходитъ къ господу. И паки посла старецъ въ скитъ, глаголя: «При-

Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках. СПб., 1867. Т. 1 № 32.

¹² Адрианова-Перетц В. П. Житие Алексея человека божия. С. 99—107.

¹³ Там же. С. 98.

¹⁴ ВМЧ. Октябрь, дни 19—31. СПб., 1880. Стб. 1987—1996.

¹⁵ Отличия списка № 19/1258 от *Тр 758* незначительны: так, в приводимом фрагменте есть единственное разночтение: «бѣше» вместо «бѣ».

¹⁶ ВМЧ. Октябрь, дни 4—18. СПб., 1874. Стб. 887—893.

Андроникъ послѣдуетъ Афанасию. Они же, слышавше, въздоша и постигше его жива и благословившимъ имъ от него, успе о господи. Брани же створися между отци осмодесятаго съ скыти. . .

Л. 285 об.—286.

идѣте, послѣдуйте ми до отца Андроника». Они же пришедше и обрѣтоша его жива, и еще и благословишася отъ него, и с миромъ к господу отиде. Крамолѣ же велици бывши посреде отца скита осмьнадесятаго. . .

Стб. 892—893.

Житие Антония Великого (память 17 января). Читается в списках *Пог 71 б* (л. 68 об.) и *Чуд 23* (л. 106 об.). Нач.: «Благу реть състависте къ егупетъскимъ черньцемъ. . .».

Это житие известно в двух переводах. Один из них, как следует из письма, осуществлен по инициативе некоего Иоанна, «строителя церковного», «архиепископа» или «патриарха» Болгарской земли. По мнению большинства ученых, речь идет об Иоанне, экзархе Болгарском.

Б. Ст. Ангелов рассматривает оба перевода, один из которых представлен списком сербского извода ГИМ, собр. Хлудова, № 195, XIV в., а другой — списком XIV в., хранящимся в Софийской народной библиотеке Кирилла и Мефодия под № 1045. Среди перечисленных исследователей нет указанных нами списков ГПБ и ГИМ.¹⁷

Оба перевода существуют в русской письменной традиции. В *Пог 71 б* и *Чуд 23* тот же текст, что и в Хлудовском списке (*Хлуд*). Сравним.

Х л у д

П о г 7 1 б

Благу реть съставите егупетскимъ чръцемъ, съравнятеся или прѣйти сихъ паче изволившемъ, въздржаниемъ вашимъ добротнымъ, и въ вас бо убо пастырие и чръньчское име намѣнитсе.¹⁸

Благу реть състависте къ егупетскимъ черньцемъ, рекше сравнятся (или ни рети сихъ паче) изволивше въздержаниемъ вашимъ добротнымъ и въ вас бо убо манастырье и чернецьское имя намѣнитсе.¹⁹

Л. 68 об.

Тот же текст читается и в ВМЧ. Другой перевод представлен списком Софийской библиотеки № 1045. Сопоставим его с подобным же русским списком ГПБ, собр. Погодина, № 669.

С о ф

П о г № 6 6 9

Добру реть въздвигнусте къ иже въ Егуптѣ мнхомъ въ еже спастися или и прѣвъзводсте сихъ произволѣюще по добродѣтели вашимъ постничьствомъ, ибо и у васъ прочее монастыре суть и иночьское имя имать.²⁰

Добру реть въздвигнусте къ иже въ Егуптѣ мнхомъ въ еже спастися или и превзйти сихъ произволѣюще по добродѣтели вашимъ постничьствомъ, ибо и у васъ прочее монастыре суть и иночьское имя имать.

Л. 177.

Особый интерес исследователей привлекла приписка, читающаяся в ряде списков первого из указанных переводов жития. Первоначально она стала известна по публикации И. Сахарова,²¹ вызвавшей догадку П. Шафарика об Иоанне Экзархе как переводчике.²² Но если не считать мелких разночтений, приписка эта также существует по крайней мере

¹⁷ Ангелов Б. Ст. Превзвтер Иоан // Ангелов Б. Ст. Из старата българска, руска и сръбска литература. София, 1967. Кн. 2.

¹⁸ Здесь и далее цит. по публ. в ст.: Ангелов Б. Ст. Превзвтер Иоан. С. 116.

¹⁹ В скобки заключены слова, написанные на поле в рукописи.

²⁰ Ангелов Б. Ст. Превзвтер Иоан. С. 126.

²¹ Письмо И. Сахарова к М. П. Погодину см.: Из ученой переписки редактора // Москвитянин. 1845. Ч. 6, № 12. С. 156—157.

²² См.: Шафарик П. Расцвет славянской письменности в Булгарии / Пер. О. Боянского // ЧОИДР. 1848. № 7. С. 52—53.

в двух редакциях. Приписка в списке *Пог 71 б* весьма близка к приписке в Хлудовском списке (*Хлуд*). Сравним.

П о г 7 1 б

Х л у д

Се же азъ грѣшнѣйшій Афанасія великаго състроение о житии святаго отца наго (!) Антонія кончавъ, мало что побесѣдую к послушающимъ всѣмъ сердцемъ купно же и простыня прося, аще рѣчь зазорну и ухыщрену будемъ положили прелагающе, не бо есмь толма смотрѣли елинескыя рѣчи | образа тѣхъ образъ не имущу словѣнску языку.

Нъ на разумъ нудяще полагахомъ елико же мѣгохомъ не толма же разумѣмъ своимъ уповающе окусихомся на дѣло селико (*надписано* на елико) нъ понеже принуужени быхомъ от строителя церковнаго Иоана, господина нашего, архиепископа болгарскыя земля. Не се точю житие Антонія Великаго, нъ и пречюднаго Петрова ученика Панккратяя.

Якоже не сущимъ преложенымъ никыми же пред нами, да того ради приудипа нашу грубость помысливше, якоже да не лихъ будетъ ни тѣхъ чудотворецъ божественаго ихъ жития, словѣнскыи языкъ. Дозря же и сам велики не лиху быти мѣзды послушающихъ ради на успѣхъ душевныи от господина нашего Исуса Христа, егда же ему будетъ за людьми своими ставшу, душа ихъ чисты постави господу Исусу Христу, тому бо есть слава съ отцемъ, купно и свѣтымъ духомъ ныня.

Л. 98 об.—99.

Иоан(а) недостойнаго прѣзвитера, прѣложышаго сие.

Се грѣшнѣйшій азъ прочеть створение Григорія о житии великаго отца нашего Анфонія, прѣложениемъ кончавъ, мало что побесѣдовати къ послушающимъ всѣмъ чръцемъ, купно же и простынемъ. И простыне прошу от вас, аще рѣчь зазорну и неухыщрену будемъ положили прѣлагае чудеси его, не бо нѣсми тольмы смотрѣливи елинескыи рѣчи, изобразити тѣхъ образъ, не имущу тогда языку словѣнску, нъ на разумъ нудяще положихомъ. Не толма же разумомъ своимъ, уповающе пустиникителѣ Иоана, егоже Анфоние житию поревнова.

Мы же молеще церковнаго Иоана, господина нашего архиепископа, иже бысть патриархъ Бугарьскѣи земли, не се токмо житие Великаго Анфонія, но и прѣчюднаго чудотворца непотаенаго жития, якоже не сущемъ прѣложеномъ никыми же прѣд нами. Того дѣля приудипе нашу грубость помыслив, якоже да не лихъ будетъ, ни техъ чудотворецъ божественаго ихъ жития словѣнскыи языкъ (!). И добръ же и самъ велики не лиху мѣзды послушающихъ ради на успѣхъ душевныи от господина бога спаса нашего Исуса Христа, егда же ему (. . .) за люди ставшу душа ихъ чиста прѣдставити Христу богу. Тому убо есть слава с отцемъ и сыномъ и свѣтымъ духомъ, ныня и присно и въ вѣки вѣкомъ.²³

Л. 238—239.

Для сравнения приведем другой вариант приписки по списку Соловецкого собрания: «Се же азъ грѣшнѣйшій Афанасія Великаго творение о житии святаго отца нашего Антонія кончавъ, мало что побесѣдую к послушающимъ и чтущымъ житие се, прощения прося о сих, аще будетъ рѣчь зазорну и нестройну положили, прелагающе словеса сия. Не бо есмь извѣстно разумѣли еллинскыи рѣчи неудобство, еже словеса их на словенскаго языка словеса прелагати, яко неключимо есть се. Нъ на разумъ сматряюще полагахом. Не на свой же разумъ надѣющеса, ни собою дерзнухом на дѣло се, толь велико суще, но принуужени быхомъ от строителя церковнаго Иоана, господина нашего, архиепископа²⁴ болгарскыи земля.

Не точю же Антонія великаго житие повелѣни быхомъ преложити, нъ и пречюднаго Петрова ученика Панкратяя. . .» (ГПБ, Соловецкое собр., № 814/924).

Итак, список *Пог* представляет текст старшего перевода и старшего варианта приписки, в отдельных чтениях лучший, чем древнейшего из известных ранее — сербского списка Хлудовского собрания.

Однако список *Пог 71 б* дефектен: после л. 72 утрачены листы, и текст прерывается на словах «на земли единѣи лѣгаше ма», а возобновляется на л. 73 со слов: «Глубину же акы помость пророкомъ же рече врагъ

²³ Цит. по: Ангелов Б. Ст. Превитер Иоан. С. 112—113.

²⁴ Слов «господина нашего архиепископа» нет в приписке, опубликованной И. Сахаровым и повторенной А. Н. Поповым в его описании рукописей А. И. Хлудова.

гнавъ постигнути». В сборнике ГПБ, Соловецкое собр., № 814/924 утраченный текст занимает л. 449—461 об. Перевод в этом списке тот же, а немногочисленные разночтения отражают, как можно думать, эволюцию того же перевода.

В сборнике XIV в. ГПБ, 0.1.59 читается текст, озаглавленный «От жит(ь)я святаго Анто(ь)я», который лишь отдельными фразами переключается с текстом жития.

Приведем начало статьи: «При велицѣм же цесари Костянтинѣ бысть великий Антоний и въ мнѡзѣх же добродѣтелех сияя, пребываше въ пустыни. Услышав же боголюбивый царь и мнихлюбивый великаго Антонья, написа молебное писание к нему, призвати его хотя въ Цесарьград и благословитися от него. И слышавъ, старецъ бысть в мнѡзѣ печали и уныньи от помышлений своих и, призвав ученика своего Павла, рече ему: „Чадо, что глаголеши? Иду ли къ цесарю по умолению его или ни?“ Он же отвѣщав, рече ему: „Аще убо поидеши, Аньтонье будеши, аще ли же не идеши (. . .) Антонье будеши“. Глагола же старецъ: „Тѣм же убо аще славы ради сия и к тому не буду авва. Воистину, чадо, не иду“.

И се увѣдѣвъ, рассудливый цесарь и паче ползовася от смиренья и неславохотья Антоньева. О нем же убо и великий Афанасий изрече, яко убо хотя ясти великий и богоносный Антоний, въставъ на молитву. . .».²⁵

Примечательно, что именно этот начальный эпизод статьи находит свою параллель в «Хронике» Георгия Амартола; тексты чрезвычайно близки, хотя и не тождественны. Но при этом любопытно, что последняя фраза об Афанасии имеет в «Хронике» и в сборнике совершенно отличные продолжения. Можно допустить: «Хроникой» воспользовался составитель статьи, но вероятнее (судя по характеру отличий), что автор «Хроники» и автор статьи воспользовались общим источником. Итак, в «Хронике» Амартола мы читаем: «Въ лѣта (та) святой Антоний многими и великими добродѣтелями украшаемъ. И услыша о немъ цесарь и написа к нему молебную епистолю, да потрудитися ему даже и до Костянтина града, да молитвы его насытитися. Божественый же, бывъ въ мнѡзѣ печали, глагола къ ученику своему Павлу: „Что глаголеши, чадо? Иду ли къ цесареву по мольбѣ его?“ Отвѣщавъ же, онъ рече: „Аще доидеши, то Антоний сы, аще ли не идеши, то мнихъ еси Аньтоний“. Святой рече: „Убо славы тоя ради, аще (не) нарекуся мнихъ, въистину бо не иду“. И се услышавъ, смѣрѣны цесарь паче на пользу собѣ створи о кротости нелюбославья святаго старца. О немъ же великий Афанасий рече: „До(и)де бо доже и до цесаря добродѣтельное житие Антоньево. . .“».²⁶

Житие Антония Нового (дни памяти различны: 27 октября, 1 декабря). Читается в *Пог 66* (л. 40). Нач.: «Сий преподобный отецъ нашъ Антоний от славных и богатыхъ сыи. . .». Этот святой не входил в круг традиционно почитаемых на Руси, и другие списки этого жития мне пока неизвестны. Приведем фрагмент текста для характеристики его перевода.

«Въ едину же от ноци убо зрѣть во снѣ мужа нѣкоего преславна, мѣрило держаща, и зрѣть на лѣвой странѣ мѣрила вложена вся, иже от уности его, согрѣшения; десная же вся — добродѣтели его и подвиги. Стоящема же обѣма частѡма мѣрила, начать претязати | иже от лѣвья страны положения согрѣшения. Преславный же онъ мужъ вземъ мотыку, еуже копаше Аньтоний, и взложи на десную страну, яже притягши, расточи согрѣшениемъ тяготу. Варѣвъ же на Онтония преславный онъ мужъ и рече: „Се показа тебѣ господь труды твоя и прости вся согрѣшения твоя“. Посем же видѣ игумень в толико лѣт терпѣние его и яко доволно искусия страсотерпѣьская послушания тризну и положи помысль свой претерпѣти всяко искушение и злострадание. Призвавъ его

²⁵ ГПБ, 0.1.59, л. 71 об.—72.

²⁶ Истрин В. М. Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе: Текст, исследование и словарь. Пгр., 1920. Т. 1. С. 351—352.

особь и глагола ему: „Богъ да въздасть ти мзду, отче, ползовавшихся души пришествия ради твоего, иже к намъ, и еже по бозѣ жития твоего, яко никогда ползовашеся сице братья со мною якоже твоимъ богъ подражаниемъ и послушаниемъ“. И въземъ дать ему одежда и сапоги и прочия потреби» (л. 45—45 об.).²⁷

Житие Артемия Великомученика (память 20 октября). Текст читается в *Епарх* (л. 3). Нач.: «Иже великого и славнаго мученика Артемия повествовати хотя. . .». В том же списке (л. 61 об.) читаются чудеса Артемия (нач.: «Мужъ нѣкый имѣя обѣ лонѣ. . .»). Тот же перевод читается в сборнике ГПБ, Кирилло-Белозерское собр., № 44/1121 первой половины XV в. (л. 13) и в ВМЧ; при этом в ВМЧ подведены варианты по списку ГПБ, Кирилло-Белозерское собр., № 19/1258, XV—XVI вв.^{27а} Именно с этим списком совпадает текст *Епарх*. Текст Чуда опубликован в ВМЧ.²⁸

Житие Афанасия Александрийского (память 2 мая). Упоминаемая под таким наименованием статья в составе *Усп* житием не является. Житие Афанасия, написанное Симеоном Метафрастом, читается под 18 января (нач.: «Инии убо инаа блаженных мужъ възпоминаниа къ добродѣтельному указанию и рвеню да сказуютъ. . .»). Это житие встречается в сборниках с XV в., входит и в состав ВМЧ. В *Усп* же читается статья (также входящая в ВМЧ²⁹), начинающаяся словами: «Рофин же иже церковное писание писав. . .».³⁰ Большая часть этой статьи дословно совпадает с рассказом о первом Вселенском соборе в «Хронике» Георгия Амартола,³¹ причем совпадает настолько (лишь в конце текста несколько незначительных разночтений), что зависимость данной статьи от «Хроники» (именно того ее перевода, который отражен в известных нам списках памятника) представляется несомненной.

Жития Бориса и Глеба (память 2 мая). Анонимное «Сказание о Борисе и Глебе» читается в списках *Усп* (л. 8), *Пб 46* (л. 198, отрывок), *Чуд 20* (л. 81) и *Сильв* (л. 118). Нач.: «Род правыхъ благословитъся, рече пророк. . .» (*Усп*) или «Род правдѣныхъ в вѣки в благословении будеть. . .» (*Сильв*). «Чтение о Борисе и Глебе» читается в *Сильв* (л. 89). Нач.: «Владыко господи вседержителю, створивши небо и землю. . .». Оба памятника хорошо изучены и неоднократно издавались, особенно по *Усп* и *Сильв*.³²

Мучение Варвары (память 4 декабря). Читается в списке *Чуд 20* (л. 50 об.). Нач.: «При Максимьянѣ цесари бѣ Диоскоръ богат зѣло на восток солнца живыи. . .». Текст издан по ВМЧ.³³

Чудеса Василия Великого (память 1 января). «Чудо об Анастасе превзутере» читается в *Пб 46* (л. 89). Нач.: «Повѣда ми и се прежереченый приснопоминаемый мужъ Ельладий. . .». При сопоставлении с текстом, читаемым в составе ВМЧ,³⁴ отмечается большое число текстуальных отличий, но, вероятнее всего, это результат последующего редактирования (или сверки с оригиналом того же перевода). Например:

²⁷ Известен греческий текст жития. См.: H a l k i n F. Bibliotheca hagiographica graeca. Bruxelles, 1957. Т. 1. Р. 50.

^{27а} ВМЧ. Октябрь, дни 19—31. Стб. 1573—1633.

²⁸ Там же. Стб. 1676.

²⁹ См. майский том ВМЧ: ГПБ, Софийское собр., № 1321, л. 83а—84б.

³⁰ Текст издан по *Усп*: Успенский сборник XII—XIII вв. С. 38—42. — Далее: Успенский сборник.

³¹ И с т р и н В. М. Хроника Георгия Амартола. Т. 1. С. 344, 6—345, 10 и 348, 8—350, 3. Параллельный этим двум фрагментам текст в *Усп* соответствует (по изданию): л. 6б, 2—7а, 8 и 7а, 9—8б, 17.

³² Сведения об изданиях см. в статьях Л. А. Дмитриева «Сказание о Борисе и Глебе» и О. В. Творогова «Нестор» (Словарь книжников и книжности Древней Руси: XI—первая половина XIV в. Л., 1987. Вып. 1. С. 274—278, 398—408).

³³ ВМЧ. Декабрь, дни 1—5. М., 1901. Стб. 101—104.

³⁴ ВМЧ. Январь, дни 1—6. М., 1910. Стб. 34—37.

П б 46

В М Ч

Сърѣтъши же ны съ подобною чстыю и достойно поклонение сътвориши, първѣе убо благословлена бысть преподобнымъ отцемъ нашимъ. Потомъ же глагола ей: «Како съдрава ли еси кюро Феогнине?» Она же, ужасьшися о званні именьмъ, глагола ему: «Съдрава добръ святѣче божий».

Л. 89 об.

Сърѣтъши же нас с подобающею честию и кълочимое поклонение отдавши, първѣе убо благословляется от отца. Потом же глагола ей: «Како еси кура Феогниа?» Она же, удивльшися о позвании имени, глаголя ему: «Добръ, святыи божий».

С. 35.

С отличиями от ВМЧ и тексты двух других чудес: «О жене, прощенной от грѣха» (Пб 46, л. 90а—91), нач.: «Жена же етера богатствѣмъ и благодарениемъ словуци. . .»³⁵ и «О прелщенномъ отроке». Это последнее читается в Пб 46 (л. 85 об.—87 об.), нач.: «Бѣ етер суньклитикъ вѣрен, именьмъ Протерий. . .», а в Чуд 20 (л. 135) с иным началом: «Еладий, иже в преподобѣи памяти самовидецъ . . . повѣде ми, яко етер суньклитикъ вѣрен, именьмъ Протерий. . .». Текст издан в составе ВМЧ, при этом начало сходно с текстом в Чуд 20.³⁶

Мучение Вита, Модеста и Крискентии (память 15 июня). Текст читается в Усп (л. 124). Нач.: «В врѣмена Диоклитияна и Антония, зловѣрнымиа цесарема. . .». Текст издан по Усп³⁷ и в статье А. И. Соболевского.³⁸ Этому житию посвящена статья М. Ф. Мурьянова, в которой, в частности, опубликован по Минее XII в. (ГИМ, Синодальное собр., № 167) текст службы этому святому.³⁹

Характерно, что тексты нескольких житий, входящих в Усп (данного жития, а также мучения Ирины, Еразма, жития Февронии и Феодосии), полностью или почти полностью тождественны текстам, входящим в состав ВМЧ. Видимо, Усп и источник майского тома ВМЧ относились к одной рукописной традиции.

Мучение Галактиона и Епистимии (память 5 ноября). Текст в Чуд 23 (л. 137). Нач.: «Исповѣданье чудно и преславно слышите от мене». Текст издан лишь по списку ВМЧ.⁴⁰

Мучение Георгия Победоносца (память 23 апреля). Читается в Чуд 20 (л. 237 об.). Нач.: «Прѣвѣчное убо царство господа нашего Исуса Христа ни начала им днемъ имать. . .». А. Н. Попов привел несколько фраз из этого текста, указывающих, по его мнению, на древность перевода.⁴¹ Сопоставление этих чтений с параллельными местами в тексте, входящем в состав ВМЧ и по ним изданным,⁴² позволяет установить, что в ВМЧ этот древний перевод сохранился без изменений.

Житие Григория Акраганского (память 23 ноября). Читается в Чуд 23 (л. 148 об.). Нач.: «Страшно и невнятно и вселенѣи успѣшно. . .». Текст издан только в составе ВМЧ.⁴³

Мучение Дмитрия Солунского (память 26 октября). Текст в Бел (л. 36) и Чуд 20 (л. 35 об.). Это две разные редакции, что видно уже с первых строк жития. В Чуд оно начинается словами: «Максемьян Еркулий примучи готѣфы савроматъ от Рима. . .». Этот же текст входит и в состав ВМЧ. В Бел текст иной. Сравним.

³⁵ Там же. Стб. 46—49.³⁶ Там же. Стб. 28—34.³⁷ Успенский сборник. С. 220—229.³⁸ Соболевский А. И. Мучение св. Вита в древнем церковнославянском переводе // ИОРЯС. 1903. Т. 8, кн. 1. С. 278—296.³⁹ Мурьянов М. Ф. Старославянские метаморфозы западного агиологического сюжета // Духовная культура славянских народов. С. 74—87.⁴⁰ ВМЧ. Ноябрь, дни 1—12. СПб., 1897. Стб. 149—160.⁴¹ Попов. Библиографические материалы. С. 120.⁴² ВМЧ. Апрель, дни 22—30. М., 1916. Стб. 908—924.⁴³ ВМЧ. Ноябрь, дни 23—25. М., 1916. Стб. 3123—3224.

Бел

Чуд

Максимиянь Еркултань, умирившо и данники створи гоффы и савромати и римомь, шедь въ Селуньскый град, живяше зловѣрникъ и богохулникъ челоувѣкъ и въ глубину лести впадъся. И веселяше же ся тогда лестъ идолеская и кумирская и повсюду чтома, гоняю богослужителя божия и без вины побиваху истинныя премудрости служителя. В них же бѣ блаженный Дмитрие являся самъ и ни единого же страха, ни бѣды сѣмьяся.

Максемьянь Еркулий примучя готфы савроматъ, от Рима низшедъ в Селуньскый градъ, живяше дѣмоночтець и богохуленъ челоувѣкъ, в глубину лести впадая, прославляше же ся идолеская лестъ, тѣгда всюду чтома и даромъ (в ркп. дамиромъ) великимъ достойно творима. Гоняю бо богъ тѣхъ слугы исповѣдающе Христа, сына божия суца, и бе-страха убиваху истинныя премудрости слугы. В них же бѣ преблжнный Дмитрей, являя себе и ни единого же страха ли муки обинуся.⁴⁴

л. 36.

Текст, входящий в ВМЧ, имеет свои отличия, но в целом ближе к тексту, читающемуся в *Чуд*: «Максимиянь, иже и Еркулие, покоривъ готфы и савроматы римляномъ, шедь в Селуньскый град пребываше, лукавъ сый и богоборивъ челоувѣкъ, и въ глубину прелести попользнувся. Сияше же тогда идолеская прелестъ всюду, почитаема и даромъ великимъ по-добляема, гоними же бяху иже Христу служащии и Христа исповѣдающе божия сына, и невозбранно закалаху истиннѣй премудрости служащихъ. В них же бѣ и блаженный Димитрий, явлена творя себе и житие убо чисто и непорочно отъ юности показавъ».⁴⁵

Издатели ВМЧ сопоставили входящий в них текст жития с греческим оригиналом⁴⁶ и отметили ошибки и пропуски сравнительно с греческим текстом. Характерно, что в большинстве случаев *Бел* оказывается ближе греческому тексту, чем *Чуд* и ВМЧ. Приведем несколько примеров.

Бел: «Сей убо блаженный Дмитрий славныхъ велможъ и свѣтникъ сый, санъ первѣе приимъ скипетровъ и анафипать бывъ въ Елладѣ и оратиона бѣ взялъ шатовасана от царя Максимья» (л. 36 об.).

Чуд: «Тако блаженный Дмитрий от рода славныхъ и честныхъ свѣтникъ за первое въ скипетръстѣмъ санѣ бывъ и всяку честь приемля от цесаря Максемьяна» (л. 26).⁴⁷

ВМЧ: «Сей убо блаженнѣйший Дмитрие отъ рода преславна и синь-клитскаго совѣта бяше, екѣскепторъ же первые воиньствова и анѣфипать еладскый бысть отъ царя Максимиана» (стб. 1884).

Ср. греческий текст *καὶ ὑπάτου ὀρατίωνα ἑλαβεῖν*, имеющий соответствие именно в *Бел* (эти слова выделены курсивом).

Однако можно привести другой пример, когда *Чуд* совпадает с *Бел*.

Бел: «И за дерзость твою тѣчию дам ти достойны и доволны дары и иди съ животомъ и имѣя злато» (л. 40).

Чуд: «. . . дамы за дерзновенья токмо достодоволна дарования, иди с животомъ, имѣя богатство» (л. 37—37 об.).

ВМЧ: «. . . и о единомъ дерзнути и достойная и довлѣющая дарования имѣя имѣния» (стб. 1887).

Ср. греческий текст: *καὶ ἄτιδι μετὰ τοῦ ζῆν ἔχων καὶ τὰ χρῆματα*.

Аналогичное явление встречается и в тексте двух чудес Дмитрия. Это Чудо о «видении Иллистиове» (*Бел*, л. 44), которое начинается со слов: «Свитающую убо третьему дни тоя вины. . .». В *Чуд* же это чудо имеет название «Чудо святаго Дмитрия, еже видѣ слуга его пришедша к нему ангела» и начинается со слов: «Пришедшимъ поганымъ на Селуньскый градъ и брань створиша съ гражданы. И витающе третьему дни в он же дерзновенья бысть от бога. . .». В ВМЧ это чудо опубликовано на стб. 1891—1897.

⁴⁴ Цит. по: Попов. Библиографические материалы. С. 25.

⁴⁵ ВМЧ. Октябрь, дни 19—31. Стб. 1883—1884.

⁴⁶ По изд.: *Patrologiae cursus completus. Series graeca* / Ed. J.-P. Migne. Parisiis, 1860. Т. 116. Р. 1173—1184.

⁴⁷ Здесь и далее цит. по: Попов. Библиографические материалы.

В тексте чуда мы встречаемся с тем же явлением, когда *Бел* оказывается ближе к греческому оригиналу, нежели *Чуд* и *ВМЧ*. Например:

Бел: «Азь же ужасенъ быхъ и въслѣдъ ихъ идохъ отъ тръзѣннаго и стахъ у *единого столпа святого киворѣ*, хотѣхъ увѣдѣти. . .» (л. 45).

Чуд: «Азь же ужасенъ бывъ, по нею идохъ отъ притвора и, пришедъ стахъ посреди увидѣти хотя. . .» (л. 39 об.).

ВМЧ: «Азь же ужасенъ бывъ, по нею идохъ отъ притвора и, пришедъ, стахъ повсредѣ, увидѣти хотя» (стб. 1892).

Именно *Бел* совпадаетъ с греческим текстом, где читаем: *πρὸ ἐνὸς μεσοστάλου τοῦ ἁγίου κιβωρίου*.

И последний пример.

Бел: «Тогда велми печаленъ бысть святой и долго кивавъ главою, якоже се съвѣщевая съ многою печалью отвѣтъ створи. . .» (л. 46—46 об.).

Чуд: «Тогда паче умился святой Дмитрий, помышляя с печалию великою съ отвѣтъ дасть» (л. 40).

ВМЧ: «Тогда паче умился святой Димитрие, помышляя съ печалию великою сей отвѣтъ дасть» (стб. 1893).

Точный перевод греческого текста в этом фрагменте гласит: «Тогда святой, еще более омраченный унынием и долгое время качая головой, как бы обдумывая, с великою скорбью дал такой ответ». ⁴⁸

Таким образом, мы видим, что до XIV в. в рукописной традиции сосуществовали по крайней мере два перевода жития и в *ВМЧ* была закреплена версия, отразившаяся ранее в списке *Чуд*.

Житие Евстафия (Плакиды), Феопистии, Агапия и Феописта (память 20 сентября). Текст в *Чуд* 20 (л. 100) и *Сильв* (л. 56). Нач.: «В дни царства Траяна кумирьстѣй жертвѣ одержащи бѣ нѣкто стратилат. . .». Текст издан по списку *ВМЧ*, ⁴⁹ а фрагмент из списка *Сильв* издан И. И. Срезневским. ⁵⁰ При сравнении текста *Сильв* (по выпискам И. И. Срезневского) с текстом *ВМЧ* и текстом, входящим в сборник первой половины XV в. — ГБЛ, собр. Троице-Сергиевой лавры, № 745, обнаруживаются индивидуальные (к тому же вторичные и худшие) чтения.

С и л в

Т р 7 4 5

В М Ч

. . . и ловець по вся дни все лова. . .
. . . олень болий всѣхъ въ стадѣ. . .

. . . богъ же щедрый устройвъ всячьская ти на спасение чловѣкомъ. . .
. . . посла назадъ рога оленема. . .

. . . ловець хитръ по вся дни лова. . .
. . . елень (единъ) ⁵¹ болий во всемъ стадѣ и краснѣе. . .

. . . богъ же щедрый устройвъ всякъ путь на спасение чловѣкомъ. . .
. . . показа над рогама еленема. . .

. . . ловець худоч по вся дни весело лова. . .
. . . елень болий въ всѣмъ стадѣ и краснѣй. . .

. . . богъ же содерака и устройи всячьскыя пути на спасение чловѣкомъ. . .
. . . показа над рогама же еленема. . .

Л. 155—155 об.

Стб. 1286.

Житие Евфимия Великого (память 20 января). Текст читается в *Пог* 71 б (л. 112), *Чуд* 20 (л. 314) и *Тр* 34 (л. 1). Нач.: «Единочадный сынъ и слово божие безначаленъ (*Пог* 71 б, в *Чуд*: «безначальный») и сприсно сын отцю (*Чуд*: «сы отцю») и съестественъ. . .». Тексты в *Пог* 71 б, с одной стороны, и *Чуд* 20 и *Тр* 34 — с другой, отличаются в некоторых чтениях. В тексте *Пог* 71 б пропуск, образовавшийся вследствие утраты текста в протографе. На листе 125 б читаем: «. . . и мало сиа вкушаше за нужду телесную. И слово великаго Арсенья глаголюще. . .». После

⁴⁸ Перевод цит. по: *ВМЧ*. Октябрь, дни 19—31. С. 1893—1994. Ср. греческий текст: *Καὶ ἐν πολλῇ ὀργῇ κινῶν τὴν κεφαλὴν*.

⁴⁹ *ВМЧ*. Сентябрь, дни 14—24. СПб., 1869. Стб. 1286—1298.

⁵⁰ Срезневский И. И. Сказание о святых Борисе и Глебе. С. XVII.

⁵¹ Это слово написано над строкой.

слова «телесную» пропуск (ср. в списке ГПБ, Соловецкое собр., № 814/924 XVII в.: «. . . телесною тело свое постом удручаа, излише молитву творя. . .» (л. 323 а) и далее обширный фрагмент текста до слов «сподобися от бога / честный старец и повсегда глаголаше слово великаго Арсения. . .» (Там же, л. 324). Таким образом, пропуск в *Пог 71 б* равен примерно четырем страницам рукописи в лист). Текст обрывается на словах «приде къ Сте/. . .» (в *Пог*: «приде къ Стефану епискупу въ Трипольстѣ граде» (л. 353). Отсутствующая часть текста занимает в этой рукописи 20 листов или 40 страниц).

Житие Епифанія Кипрскогo (память 12 мая) читается в трех сборниках: *Усп* (л. 146), *Тр 34* (л. 69 об.) и *Пог 71 б* (л. 144). Нач.: «Любимици, Епифаній рода бо бѣ фуникійска, живущихъ окрестъ Ельферополѣ. . .». Кроме того, необходимо привлечь к анализу отдельный список жития XIII в. — ГПБ, Софійское собр. № 1326.

Полный текст жития читается только в *Соф*. В *Пог* и *Усп* текст с лакунами. Так, в *Пог* после слов «Единъ же от нихъ имы ножъ иземъ на дверную ключницю» следуют слова: «Се же рече Епифанъ, въстави вся на ноги ихъ и рече паки к волхвомъ: „Не приемлете мене яко волхва, рабъ бо есмь распятаго“» (л. 148 в). В *Соф* после слов «Единъ же етеръ отъ нихъ ножъ имыи и на замъкъ посягъ, бысть рука его оцѣпнѣвъши не дви/жима» (л. 19 г—20 а) следует текст, опущенный в *Пог*. Соответствие возобновляется в тексте, находящемся в *Соф* на л. 24 г: Епифаній «простеръ руку къ царю, глаголаше ему с тихостию: „Въстани буди въ устрои и буди съдравъ въ дому своемъ, неже мене зри, яко вълхва, рабъ бо есмь распятаго“». Второй пропуск в *Пог* — после слов «безуспѣшенъ имъ прекословемъ противлешеса», которыми заканчивается л. 153. Ему соответствует текст в *Соф*: «. . . прекословиемъ покушаашеса, глаголемымъ Епифанъмъ» (л. 47 в). В *Пог* текст возобновляется на л. 154 со слов «увидѣния ради виннаго хотящи ихъ просвѣщати», что соответствует тексту в *Соф*: «. . . увѣдѣния ради виннаго хотящихъ просвѣщатися» (л. 63 в—г). После этого текст в *Пог* продолжается до конца жития. Но, как можно видеть, значительная часть текста в *Пог* утрачена.

Столь же дефектен текст жития Епифанія в *Усп*, где он занимает л. 146 а—157 а. Издатели отметили утрату листов (8 листов, по их мнению) после л. 147. Сравним *Соф* и *Усп*.

С о ф

. . . въ мнозѣ устроении житийстѣмъ по научению Тро|фоноу.

Съшьдъ же Епифанъ въ всь. . .

Л. 76—в.

Иногда же поселникомъ въшьдѣшемъ въ монастырь бѣса нечиста имъяше единъ от трии дѣвѣма же молящема Епифана. . .

Л. 32 г.

В *Усп* есть еще один пропуск.

С о ф

. . . се по изволенію единого къ|ждо есть. Еще же философъ къ Епифану. . .

Л. 36в—г.

Многомъ же приходяще|мъ въ монастырь не дадаху почити Епифанови и умысливъ.

Л. 41в—г.

У с п

. . . въ мнозѣ устроении житийстѣмъ по научению Труфоноу.

Л. 147 г.

бѣсъ нечистъ имъяше от трии дѣвѣма же молящема Епифана

Л. 148 а.

У с п

. . . се по изволенію единого кождо есть. Рече же философъ къ Епифану. Нъ идущемъ въ монастырь не дадаху почити Епифанови и въмысливъ.

Л. 149а, 27—149б, 1.

Текст, читающийся в *Соф* между л. 36 г и 41 в в *Усп* пропущен: это либо дефект протографа, либо пропуск, сделанный самим писцом.

Далее текст жития продолжается в *Усп* до конца, а затем, как и в *Тр 34* и *Соф*, читается статья «Повѣсть Полувия, епископа ринокурьскаго, о коньчании жития святого отця нашего и архиепископа купрьскаго» (нач.: «Слава дающему нам жити богу всѣхъ. . .»), занимающая л. 157 а—173 а. Статьи «Полувия, епископа града Ринокурьска, къ Савину, епископу града Костянтія Купрьска» (нач.: «Господину богочьстѣну, достойну священства. . .») и «Посълание Савина, епископа града Костянтія Купрьска митрополия, къ Полувию, епископу ринокурьску» (нач.: «Хвалу имамъ богу и вашему спѣху. . .») читаются лишь в *Усп* (л. 173 в) и *Тр 34* (л. 140 об.).

Оригинал перевода, отразившийся в списках *Соф*, *Пог 71 б* и *Усп*, несомненно один и тот же. Тот же перевод представлен и в сборнике первой половины XV в. собр. Троице-Сергиевой лавры, № 745. Сложнее обстоит делом с текстом, входящим в состав *Тр 34*. В большей своей части этот текст близок к тексту в названных сборниках, и отличия могут быть объяснены либо последующей редактурой перевода, либо новой сверкой с греческим оригиналом. Сравним, например, начало жития.

Соф 1326

Любимици, Елифаній рода убо бѣ фуникійска, живущихъ окрестъ Елеутерополѣ отъ трии поприць того же града, сый от села.

Отець же его земледѣлатель бѣаше, а ремество матере его лѣнууфарѣа бѣа||ше.

Л. 1—1 об.

Усп

Любимици, Елифаній рода убо бѣ финикійскаго, живущихъ окрестъ Елеуѣрополя отъ трии поприць того же града сы от села.

Отець же его земледѣля бѣаше, а ремество матере его линифарѣя бѣаше.

Л. 146 а.

Пог 71 б

Любимици, Елифаній рода бо бѣ фуникійска, живущихъ окрестъ Елеуѣрополѣ с трии поприць того же града от арела.

Отець же его земледѣлатель бѣаше, а ремество матери его игуфарьса бѣаше.

Л. 144 б.

Тр 34

Любимици, сий убо Елифани родомъ бѣ преже жидовинъ, живущихъ окрестъ Елеуѣрополя отъ трии поприць того града, сый от села.

Отець же его земледѣлець бѣ ремествомъ, а мати его линифарѣя бѣаша.

Л. 39 об.

Сравним еще текст в сборнике Троице-Сергиевой лавры, № 745. «Любимици, сий убо Елифаній родомъ бѣ преже жидовинъ, живущихъ окрестъ Елеуѣрополя отъ трии поприць того града, сый от села въ Финикии. (Отець его) земледѣлець бѣаше ремество(мъ), матере его (имя) линифарѣя бѣаше» (л. 233). Слова в скобках надписаны в рукописи над строкой.

Наиболее существенным отличием списков в рассматриваемом фрагменте является упоминание, что Елифаній «жидовинъ». Это не случайная описка, поскольку то же утверждение мы найдем и в другом месте текста: «Блаженный же Лукианъ рече къ Елифану: „Повѣжь ты мнѣ, коя вѣры еси. . .“ Отвѣща Елифанъ и рече: „Жидовинъ есмь“» (*Соф 1324*, л. 8 об.). Аналогичный текст в *Тр 745* и в *Пог 71 б*. В *Усп* это место отсутствует, а в *Тр 34* текст изменен.

Рассмотрим еще один фрагмент.

Соф 1326

Събраваше же ся вси, имущей обычай ходити путьемъ тѣмъ, придоша къ Елифану въ монастырь, глаголюще ему о звѣри и о бешини|и его лютость-

Тр 34

Събраша же ся вси, имущии ходити путемъ тѣмъ, и придоша в монастырь къ Елифану, глаголюще ему о звѣри и о лютоствѣмъ его неистовствѣ, и за

нѣмь и яко усилено и непроходно мѣсто бысть. «Отче, отъ страха — рекуще — львѣскааго, зане мнози чловѣкы погуби, да мнози убоавшеся къ тому же не смѣють мѣста сего миновати».

Л. 33 б—в.

то пусто бысть мѣсто и непроходимо отъ страха, рекуще, львова, да мнози чловѣкы погуби, да мнози убоавшеся уже къ тому не смѣють мимо ходити мѣсто то.

Л. 77 об.

Мы видим, что разночтения между списками незначительны (текст в *Пог 71 б* за редкими исключениями сходен с текстом в списке *Соф 1324*). Но список *Тр 34* имеет индивидуальное отличие от других списков. Оно проявляется начиная с эпизода встречи Епифания с Лукианом. В *Соф 1324* читаем: «И възбояся Епифанъ страхомъ велиемъ и съскочи съ осляте | и паде ниць и рече къ Лукиану: „Молю ти ся, чловѣче, повежь ми: Кѣто ты еси?“ Блаженный же Лукианъ рече къ Епифану: „Повежь ты мнѣ, коея вѣры еси, и азъ повѣмъ тебѣ яже о мнѣ“. Отвѣща Епифанъ и рече: „Жидовинъ есмь“. Разумѣвъ же | Лукианъ, яко благодать божия паде на Епифанъ» (л. 8 б—г).

Далее следует рассказ о беседе Епифания с Лукианом, об обращении последнего к епископу с просьбой крестить Епифания, о крещении Епифания и его сестры, затем — эпизод с монахом Иларионом, которому Лукиан поручает Епифания, после этого — чудо Епифания, превратившего вино в воду, и т. д. Тот же текст читается в *Пог 71* (л. 145 г) и в уже упоминавшемся сборнике *Тр 745*. В *Усп* этот текст отсутствует из-за утраченных листов.

В *Тр 34* именно с диалога Епифания с Лукианом начинается иной, отличный текст. «Епифанъ же ужасъся страхомъ велиемъ и скочи со осляте, поклонься, паде ниць и рече къ Лукьяну: „Молю ти ся, чловѣче! Скажи ми, кто ты еси?“ Онъ же рече: „Чадо, христианъ есмь“. Епифанъ же исповѣда все ему, крещения просяще. И абье вѣровавъ и въскорѣ крестися». И далее следует совершенно иной краткий текст-пересказ. Иначе рассказывается о беседе Епифания с философом. Сравним.

Соф: «Рече же Епифанъ къ философу: „Се по изволению единого къ|ждо естъ“. Еще же философъ къ Епифану: „Нѣ и книги своя принесу сѣмо. . .“» (л. 36 в—г). Далее следует пространный рассказ о прении Епифания с философом, закончившийся на л. 40 г—41 а сообщением о крещении философа.

Тр 34: «. . . се по изволению естъ кождо? Рече же философъ: „Хощю христианинъ быти и вѣрую въ господа Исуса Христа распятого и проповѣдаемаго тобою, хощю же мнихъ быти». Тогда же Епифанъ философа крести. . .» (л. 80). Здесь опущено все прение Епифания и философа. После краткого пересказа последующих событий читается фраза: «Ныне же на предъреченая вратимся» и далее текст: «Но идущимъ многимъ в монастырь не дадяху почити блаженному Епифану и помысли оставити мѣсто, совпадающий с аналогичным текстом во всех остальных списках.

Другое существенное отличие *Тр 34* состоит в том, что после общей с *Усп* фразы «. . . и леже на одрѣ и по трьхъ днѣхъ остави житие» (*Усп*, л. 165 в) следует большая вставка: «Бысть же во дни блаженаго Епифана случися вещь сичева въ странахъ Егюпетскихъ. . .». Фрагмент занимает л. 117—123, после чего читается: «Иногда же случися Епифану ити въ Константинь градъ. . .». В *Усп* и *Соф 1326* параллельный текст примыкает непосредственно к приведенной выше фразе.

Текст в ВМЧ близок тексту *Соф 1326*, хотя и с некоторыми частными отличиями.⁵² В частности, в начале жития (см. выше, с. 209) читаем: «. . . сей убо Епифаний рода убо бѣ фуникийска, иудѣи живущия окрестъ Елеферополя» (л. 379 а), что напоминает чтение в *Тр 34*; однако в тех случаях, когда *Тр 34* отличен от Софийского списка по составу, текст ВМЧ совпадает с этим последним.

⁵² ГПБ, Софийское собр., № 1321, л. 379 а—386 в.

Мучение Еразма (память 10 мая). Читается в *Усп* (л. 118 об.). Нач.: «Въ Антиохийстѣ градѣ бысть съмущение крѣстьяномъ отъ Диоклитияна пясаря. . .». Текст издан по *Усп*,⁵³ он почти тождествен тексту, читающемуся в ВМЧ.⁵⁴

Житие Зосимы (память 19 июня). Текст читается в *Сильв* (л. 78). Нач.: «Во дни оны бѣ человекъ в пустыни именовъ Изосима и человекъ праведенъ». Этот текст под наименованием «Хождение Зосимы к рахманом» опубликован по *Сильв* Н. С. Тихонравовым (Памятники отреченной русской литературы. М., 1863. Т. 2. С. 78—81).

Житие Иакова Церского (память 10 апреля). Текст в *Чуд 23* (л. 144). Нач.: «Бѣаше нѣкто именовъ Иаковъ. . .».

Житие Илариона Великого (память 21 октября). Текст в списке *Пог 71 б* (л. 32). Нач.: «Блаженѣйшаго друга божия Илариона житие се писати хотя, того милостыми господѣ молюся. . .».

Это житие не часто встречается в древнерусской письменной традиции. В ВМЧ оно было переписано с неисправного списка, в котором были перепутаны листы и имелись отдельные пропуски. Поэтому издатели ВМЧ корректировали текст по списку ГПБ, Кирилло-Белозерское собр., № 1285.⁵⁵ Шифр указан ошибочно. Речь идет о сборнике из данного собрания № 19/1258, где житие Илариона читается на л. 234—297. Этот Кирилло-Белозерский список текстурально близок к *Пог 71 б* и настолько отличен от текста жития, входящего в состав ВМЧ, что можно говорить о двух разных переводах, восходящих, видимо, к разным греческим редакциям. Достаточно привести сравнение фрагмента из жития по сборнику *Пог 71 б* и ВМЧ.

Пог 71 б

Пречюдѣй же сей господни силѣ, якоже до Саломия и паче того проповѣдаемъ, святой же вставъ ночью отиде отсудѣ, и приде в весь нарицаемую Арвиниалинѣ Далматская страны, и обрѣте корабль стоящъ, плути хотящъ в Кипръ, влѣзъ во нь. Пловущю же ему и у берега Малейскаго приставшем, злу и узку корабльному приставищу сущю, не могуще веслы грести, нуждахуся жердыми гребуще съ многымъ друдомъ (так!) мѣсто прешлуги и окупаеть же ся инде.

Обаче проповѣдавшю ю идущех на ня наидоша, и бысть молва многа в корабли, и плачущеса корабленици уготоватися на противленье, боявша же ся Узанина чадъ, повѣдаша о собѣ блаженому. Видѣв же я святой ослабися и обратився рече къ ученикомъ си: «Что молвите маловѣренни? Егда множайши суть сии фараоновю же господнею силою потопишася». Глаголюще ему си: «Они лютомъ и бойническомъ устремлениемъ грядяху на ня». Воземъ же святой камык и посредѣ искусникъ и корабля его повергъ въ море попрѣти имъ, глаголя: «Довольги вы к тому дотолѣ шедшимъ стати». Нудящимъ же ся имъ приблизитися къ кораблю вспяты паче мнозѣмъ кораблемъ вступаше. Чюжаху же ся искуснии, яко сколзымъ друдомъ (так!)

В М Ч

Преславѣй же силѣ господнѣй до конца вселивсья проповѣдаемѣй, святой отшедъ отгуду ноцию, приде во Вервилимасъ, мѣсто тако нарицаемо, на нем же сходящеса, торгъ творяху далматѣне близъ моря, и обрѣтъ ту корабль, идящеть въ Кипръ, въсѣде в онь. Бдущемъ же имъ, на край Малееви страны дошедъше, мѣлку и узку проходу корабльску сущю, не могуще веслы грести, нужда бысть, рылемъ потыкающеса, корабль влачити со многымъ страхомъ. Разбойници же, сущу ту и видѣвше я издалече, наидоша на ня. Бысть же молва в корабли и, плачуще корабленици, начаша по обычаю своему готовитися имъ. Пристрашна же бывша Завануна чадъ глаголаше блаженому о них. Видѣвъ же я, ослабися и, обращься, глагола своима ученикома: «Что молвите, маловѣри, еда ватыши суть вои фараосовъ, иже господнею силою утопоша?» Глаголюще же ему се, они сверфильмъ и убийственнымъ устремлениемъ на сие идяху. Воземъ же святой камыкъ и между кораблемъ своимъ и онѣхъ в море свергъ, попрѣти имъ, глаголя: «Доблено вам буди, дотудѣ пришедше стати». Нудящимъ же ся имъ приступити к кораблю, восиятъ корабль ихъ паче отступаше. Чюждаху же ся разбойници, яко в толицѣхъ часѣхъ, с толикимъ трудомъ

⁵³ Успенский сборник. С 213—220.

⁵⁴ ГПБ, Софийское собр., № 1321, л. 368 а—370 а.

⁵⁵ ВМЧ. Октябрь, дни 19—31. Стб. 1682—1732.

пришедше едва сквозѣ вьны до ка-
рабля, коль скоро паки привержени
быхом къ берегу.

есть, едва к нимъ дошедше, внезапу
во единъ часъ на край моря извержени
быша.

Л. 47 об.

Стб. 1727—1728.

В рукописной традиции мы встречаем и еще один вариант текста, пред-
ставленный, например, списком XVII в. в сборнике ГПБ, Соловецкое
собр., № 814/924: «. . . воставъ ноцію, отиде отгуду и прииде в вьсь
нѣкую страны Далматския, нарицаемую Аривиниялинъ, близ моря
суцу, в ней же корабли приставающе куплю дѣяху. И обрѣте корабль
хотящъ плыти в Кипръ, вниде в онь. Пловуще же хотѣша корабленицы
пристати у берега страны Малейския, не добру же пристанищу суцу,
нужахуса дрекольми опирающихся со многым трудомъ на ино мѣсто пре-
ити. Видѣвше же ихъ разбойницы | тако в неустроении, в то время
наидоша на ня. Бысть же молва многа в корабли, и корабленицы пла-
чущесе уготовашесе на противление, убояша же ся изинонова чадъ,
и глаголаша о них святому. Он же, видѣвъ ихъ всѣхъ смущеных, обратив-
ся ко ученикомъ своим, рече: „Что молвите и устрашаетея и вы, мало-
вѣрнии, еда силѣйши си суть фараона или множайши вой его, им же
господь не попусти озлобити люди израильтеския. Дерзайте убо, понеже
той и нынѣ с нами рабы своими есть“.

Сия же тому глаголющу они лютым и убивственнымъ стремлениемъ
грядаху на нь. Вземъ же святой Иларионъ камень и верже и в море по-
средѣ разбойникъ и корабля своего и запрети имъ, глаголя: „Доволно
есть вамъ, дотолѣ дошедшим, отселе возвратитися“. Нудящим же ся имъ
приблизитися къ ко|раблю и оттоле никакоже приблизитися возмогоша,
наипаче же въспятъ далече от корабля отвержени быша. И дивляхуса
разбойницы они, како с трудомъ велиимъ тѣхася приити к кораблю
и не могоша, въспятъ же скоро, якоже нѣкою силою, отвержени быша»
(л. 154 об.—155 об.).

Житие Иоанна Богослова (память 26 сентября). Текст читается
в *Чуд 23* (л. 2) и *Тр 119* (л. 86). Нач.: «Бысть по възшествии господа на-
шего Иисуса Христа на небеса собрашася вси апостоли в Гепсиманию. . .». Текст,
опубликованный в ВМЧ,⁵⁶ имеет много текстуальных отличий от
текста, читающегося в *Тр 119*. Например:

Тр 119

ВМЧ

И похващши Иоана и повергши на
землю, и бияше лютѣ, глаголющи ему
сице: «Бѣство живчод, изгнание непо-
требне, животу. Ни емуже поручися
дѣлу? Азъ твоя козни разрушу. К Ро-
манѣ пришелъ еси работати. Слыша ново
истину: в Римѣ рабъ мой еси | и не мо-
жеша уйти, ибо аще отбежиши отсюдѣ,
азъ, възискавъ, злѣ погублю тя. Зло-
нравие измѣни си разумъ, Романѣ бо
служиши».

Л. 90 об.—91.

И влѣзши она, разбивши Иоанъ
о землю, и би его велми, сѣча, словеса
глаголющи к нему: «Уйди отгудене не-
потребне, жиги! Чему приалъ еси дѣло,
на не же не можеша потребенъ бити?
Почто усрѣдно не прилежа к дѣлу?
Азъ ти немощъ разорю. К Романѣ
влѣзлъ еси работати, слышу азъ, яко
родителемъ моимъ холопъ былъ еси,
не можеша уйти, или аще уйдеши от-
сюду, то азъ, изыскавъ, злѣ ты погублю.
Брашчу и питию радъ еси, а дѣла не
брежеша. Злоумне, измѣни си умъ, Ро-
мани бо служиши».

Стб. 1589.

Перед нами скорее всего два различных перевода одного текста.
Житие Иоанна Златоуста (память 13 ноября). Текст в *Чуд 22* (л. 1 об.).
Нач.: «Вси древнии повѣсти пишюще ово от преже ихъ писаньна. . .». Этот
список не был известен Э. Ханзаку, в издании которого русский
перевод представлен текстом ВМЧ.⁵⁷

⁵⁶ ВМЧ. Сентябрь, дни 25—30. СПб., 1883. Стб. 1584—1660.

⁵⁷ H a n s a k E. Die Vita des Johannes Chrysostomos des Georgius von Alexandrien in kirchenslavischer Übersetzung. Würzburg; Freiburg im Breisgau. 1975—1980. Bd 1—2.

Житие Иоанна Кущника (память 15 января). Списки — *Чуд* 20 (л. 260), *Тр* 34 (л. 145). Нач.: «Житѣ добро изрядно и бесѣскверньо мужа праведна. . .».

Житие Иоанна Милостивого (память 12 ноября) известно только во фрагментах. Один в списке *Пог* 71 б (л. 136—144) от слов «яти высоче еже и честнее, еже и не просяще» и до конца текста. В ВМЧ (ноябрь, дни 1—12) этот текст занимает столбцы 858—880. Другой фрагмент этого жития читается на л. 234—259 об. списка *Бел*. Он озаглавлен «От жития Иоанна Милостивого» и начинается словами: «Повѣда намъ отецъ Софроние съ отцемъ Ивановъ. Идохомъ, рече, нѣкогда въ градъ Александрию. . .». Соотнести этот текст с текстом в составе ВМЧ из-за существенных текстуальных отличий оказалось затруднительным. Но если сопоставить *Пог* 71 б, *Бел* и ВМЧ в пределах относительно близкого текста, то окажется, что все они отражают один и тот же перевод, но в то же время *Бел* отличается от сходных между собой текстов в *Пог* 71 б и ВМЧ. Сравним.

Бел

И старецъ же нѣкий от великихъ отецъ, ему же имя Виталий, лѣтомъ сы 90-тимъ. Съ отецъ слыша о патриарсѣ и въсхотѣ искусити его, аще скоро съблагняется или ако прилучися осуждаеть кого. Живяше преже старецъ въ обители отца Спиридона, отнуду же изъшедь, прииде въ Александрию и начать житие сицево, еже неразумнымъ челоувѣкомъ съблазнѣ и претыкание мчиться (!), угодно же богу зѣло приятно естъ дающему, якоже рече Давыдъ комуждо по дѣломъ его.

Вшедь бо въ градъ и начать творити наемъ и взимати по единому сребрънику на день. По заходѣ же солнечнемъ снѣдаше мало хлѣба, яко единого пѣнеза, прочее сребръника взявша, въхожаше къ единой от блудницъ и даеше ей пѣнязь, глаголя: «Да рци ми, ноцъ сию не блудити ни с кимъ же», и пребываше близъ ея въ ноцъ ту, храня, еда не съблудитъ, стояше же от вечера въ единомъ углѣ дому ея, идеже спяше блудница, поя и моляся о ней и творя поклонны.

Л. 254—254 об.

Пог 71 б

Старець етеръ великъ, яко 60 лѣтъ, слышавъ таковыя вещи блаженаго, всхотѣ искусити и, аще естъ словослущецъ и съблазнливъ, или аще просты осужаеть кого, живый первие в манастыри отца Спиридона. Изиде и приде въ Александрию, всприять житие челоувѣкомъ убо негодно и съблазнно, богови же благоприятно, дающему, яко же рече Давидъ, комуждо противу дѣломъ его.

Вшедь бо в град, написа вся цятимца на извѣсть, начать дѣлати дѣланья и взимати на день керать единъ от нихъ. Егда заидяше солнце, ядыше мѣдницю едину сочива, а прочия взимаше и хоужаше къ единой цятимци, и даеше ей и глаголаше: «Даруй ми сию ноцъ, не бляди». И пребываше у нея вечерьотъ, храня ю, да не творитъ любодѣянья. И стояше от вечера въ единомъ углѣ клѣтигмъ преди, идеже спаше жена, поя и моля за ню и кланяяся до зорь.

Л. 136 а.

Из разночтений между *Пог* 71 б и текстом в составе ВМЧ отметим лишь наиболее существенные.

Пог 71 б

старецъ етеръ
таковыя вещи
блаженаго
аще просты
цятимца на извѣсть
углѣ клѣтигмъ

ВМЧ

старецъ нѣкто
таковаа дѣла
блаженнаго патриарха
аще воскорѣ
блудница на видѣние
углѣ хранины

Стб. 853.

Мучение Ирины (память 5 мая). Текст читается в *Усп* (л. 67 об.). Нач.: «Въ она врѣмена бѣ цесарь именъмъ Ликини. . .». Текст издан по этому списку.⁵⁸ Близкий текст читается в сборнике ГПБ, Кирилло-Бело-

⁵⁸ Успенский сборник. С. 135—160.

зерское собр., № 47/1124 (л. 406—439); в ВМЧ⁵⁹ текст также сходный, но имеет отдельные отличающиеся чтения, видимо, восходящие к греческому оригиналу. Так, если в *Усп* мы читаем: «. . . именьмъ Ликини. Бѣаше же дѣщи ему лѣпа и прѣлѣпа видѣниемъ. . .» (л. 67 г), то в ВМЧ: «. . . бѣ царь именьмъ Ликиний въ граде Мегидьѣ. Бѣаше же дщи его Пелони прилѣпа видѣниемъ. . .» (л. 219 а). Кроме того, в сборнике ЦГАДА, собр. Саровской пустыни, № 273 на л. 83 об.—87 об. читается текст Жития (памяти?) Ирины. Нач.: «Та бѣаше дщи единородна Ликинья василиска и Ликин(ъ)я матере от града Магедоньскаго. . .».

Сказание о Киприане и Устине (память 2 октября). Читается в *Сильв* (л. 208). Нач.: «Бѣ едина дѣва именьмъ Устина, Едесиа отца, матери Клидония въ градѣ Антиохийѣ. . .». Текст опубликован лишь в составе ВМЧ.⁶⁰

Житие Козмы и Дамиана (память 1 ноябля). Текст читается в *Чуд 20* (л. 41 об.). Нач.: «Царствующему господу нашему Иисусу Христу всяка власть раздрушится. . .». Там же читаются два чуда Козмы и Дамиана. Одно начинается словами: «Мужь нѣкий от тѣх мѣст изыде в времена жатвы. . .» (л. 43), другое — «Бѣ етер мужь на том мѣстѣ Мелх. . .» (л. 43 об.). Текст жития и чудес опубликован в составе ВМЧ.⁶¹

При этом оказывается, что перед нами, видимо, два различных перевода одного греческого оригинала. Достаточно сравнить начало жития.

Чуд 20

В М Ч

Царствующю господу нашему Иисусу Христу всяка власть раздрушися и дѣмоньская служба упразнися. Бысть въ времена она жена нѣкая благовѣрна, боящися бога, именьмъ Феодотья.⁶²

Богу нашему Иисусу Христу родившуся и явльшюся на земли, и всяка лествь разорися, и бѣсовьская служба упразнися. Бысть же въ времена та жена крестьяна и говѣина и боящися бога, именьмъ Феодотии.

С. 6.

Житие Марии Египетской (память 1 апреля). Читается в *Чуд 20* (л. 58) и *Тр 34* (л. 157). Нач.: «Тайну цареву добро есть тайти, а дѣла божья проповѣдати. . .». Текст жития издан в составе ВМЧ.⁶³ При этом издатели провели систематическое сопоставление минейного текста с *Чуд 20*, отметив в подстрочном аппарате различия и греческие соответствия. Они пришли к выводу, что «этот текст и текст у Макария имели один и тот же греческий оригинал, но разных переводчиков». ⁶⁴ Едва ли речь может идти о разных переводах: близость текстов позволяет предположить, что перевод был впоследствии отредактирован (а может быть, и откорректирован по греческому тексту) либо составителем ВМЧ, либо его предшественником.

Житие Марка Афинского (память 5 апреля, но в ВМЧ — в разных списках — оно читается либо под 1 мая, либо под 31 декабря).⁶⁵ Текст входит в сборник *Пог 66* (л. 30). Нач.: «Повѣда нам авва Серапион: сущю ми в нутрени пустыни Егупта. . .». Перевод в *Пог 66* и в ВМЧ представлен один и тот же, немногочисленные отличия носят характер случайных описок или лексических поправок:

Пог 66

В М Ч

рече единъ къ етеру
во всѣхъ бо постницѣхъ пустыньныхъ

рече единъ къ другому
во всѣхъ бо постницѣхъ

⁵⁹ См.: ГПБ, Софийское собр., № 1321, л. 219 а—225 а.

⁶⁰ ВМЧ. Октябрь, дни 1—3. СПб., 1870. Стб. 46—52.

⁶¹ ВМЧ. Ноябрь, дни 1—12. Стб. 6—35.

⁶² П о п о в. Библиографические материалы. С. 39.

⁶³ ВМЧ. Апрель, дни 1—8. М., 1901. Стб. 6—33.

⁶⁴ Там же. Стб. 7—8.

⁶⁵ ВМЧ. Декабрь, дни 25—31. М., 1912. Стб. 2484—2496.

никтоже есть у отца Ивана
варомъ солнцемъ
истязавъ
видѣхъ толпы бѣсовьскыя
от солнечнаго вара
с преподобнымъ отцемъ нашимъ
Маркомъ, иже от Афинѣъ сказаемый

никтоже бысть у отца Иоана
зномъ солнечнымъ
испытавъ
видѣхъ четы бесовьскыя
от зноя солнечнаго
съ отцемъ нашимъ великимъ аввою
Маркомъ

Житие Мартиниана (память 13 февраля). Текст читается в *Соф* 1365 (л. 244) и *Тр* 758 (л. 232 об.). Нач.: «Близъ града Кесарию палестинскыя пустыниъ есть, глаголемаа Ковчежное мѣсто, въ немъ же прѣбываетъ множество инокъ. . .». Этот текст существенно отличается от текста жития, входящего в состав ВМЧ. Приведем пример.

С о ф 1365

В М Ч

И сѣя рекъ, отверзъ двери, введе ю и възгнѣшь огонь, глагола ей: «Жено, сяди и грѣйся и не сомнися, понеже нѣсть никогоже зде сматраща тя, и къ келии моей никакоже прикасайся». И принесь финикъ, от нихъ же имѣяше утѣшение. Стояста бо два финикова в келии его.

Л. 246.

И се рекъ, отверзъ двери, введе ю и възгнѣшь огонь, глагола ей: «Жено, грѣйся и внемли сама себѣ, зане нѣсть набдящаго тебе сдѣ». И принесь финикы, от нихъ же имяше утѣшение, дасть ей. Стояста бо два финика внѣ клѣти его.⁶⁶

Житие Мефодия Моравского (память 11 мая). Читается в *Усп* (л. 102). Нач.: «Богъ благъ и всемогаи иже есть сотворилъ отъ небытия въ бытие...». Текст издавался неоднократно по *Усп*,⁶⁷ существует также критическое издание, в основе которого лежит тот же список.⁶⁸

Житие Николая Мирликийского (память 6 декабря). Читается в списке *Тр* 9 (л. 155 об.). Нач.: «Во дни прежняя благоволи богъ възискати писанья яже отъ пророк. . .». Текст по этому списку изданъ Леонидом.⁶⁹ Это так называемое иное житие. В состав его входят 27 чудес Николая. Кроме того, к житию присоединено 13 посмертных чудес. Эти последние часто встречаются в различных комбинациях в сборниках. В *Тр* 9 они читаются в следующем порядке: 1) «яко избави корабль отъ потопа», в иных списках — Чудо о Симеоне (л. 180), 2) об Агрике (л. 181), 3) «яко испѣлъ человекъ безъ ногъ суца» (л. 185 об.), 4) о Христофоре (л. 187), 5) о Петре (л. 188), 6) о ковре (л. 191 об.), 7) о «человѣцѣ, егоже избави изъ желѣзъ и ис темници» (л. 195), 8) о трехъ друзьяхъ (л. 199), 9) о Дмитрии (л. 201), 10) о «монастыре его, егоже святой Никола обогати» (л. 202 об.), 11) о трехъ девицахъ (л. 204 об.), 12) о «сарацинине» (л. 206),⁷⁰ 13) о «нѣкоемъ дѣтици» (л. 207 об.).

В сборникахъ читаются отдельные чудеса Николая изъ числа посмертных чудес. Отсутствующее в *Тр* 9 Чудо «О трехъ мужахъ» читается в *Пб* 46 и *Чуд* 20 (л. 55). Нач.: «Бысть во времена Костянтина великааго цесаря мятежъ в Фругии. . .». Это чудо изъ другой редакци жития Николая (Си-

⁶⁶ ГПБ, Софийское собр., № 1320, л. 298 в.

⁶⁷ Успенский сборник. С. 188—198. — См. также фотовоспроизведение и критическое издание текста: К л и м е н т О х р и д с к и. Собрани съчинения. София, 1973. Т. 3. С. 160—195.

⁶⁸ Л а в р о в П. А. Житие св. Мефодия и Похвальное слово Кириллу и Мефодию по списку XII в. М., 1899.

⁶⁹ Л е о н и д. Житие и чудеса св. Николая Мирликийского и Похвала ему: Исследование двухъ памятниковъ древней русской письменности XI в. СПб., 1881 (на обложке 1882) (ПДПИ, № 34).

⁷⁰ Издание чудес (по списку *Тр* 9) см.: Л е о н и д. Посмертные чудеса святителя Николая, архиепископа Мир-Ликийского чудотворца. . .: Памятникъ древней русской письменности XI в. (Трудъ Ефрема, еп. Переяславского) по пергаменной рукописи исхода XIV в. 6-ки Троице-Сергиевой лавры, № 9. СПб., 1888 (ПДПИ, № 72).

меона Мегафраста) иногда присоединяется к традиционным посмертным чудесам в «иной редакции». Текст этого чуда читается также в ВМЧ.⁷¹ Чудо о Дмитриии читается в списках: *Пб 46* (л. 68), *Чуд 20* (л. 57 об.) и сборнике ГПБ, Софийское собр., № 1261 (л. 43). Нач.: «Добро есть нам божие писание к вам проповедати». Текст издан А. Н. Поповым по спискам ГИМ, собр. Хлудова, № 215 (первая половина XV в.),⁷² а также в ВМЧ (с. 625—627). Чудо о Симеоне читается в списках *Пб 46* (л. 69) и *Соф 1261* (л. 45). Нач.: «Сумеон именемъ нѣкто божий человекъ исповѣдникъ чист. . .». Чудо читается также в сборнике собр. Хлудова, № 215 (ср.: ВМЧ. С. 627—628). Чудо об Агрике читается в списках *Пб 46* (л. 69 об.) и *Чуд 20* (л. 52). Нач.: «Агрикъ нѣкто именемъ живый в странѣ Антиохстѣй. . .». Текст читается, кроме того, в двух прологах ГИМ, Синодальное собр., № 247 (л. 153 об.) и № 248 (л. 114 об.), а также в *Хлуд 215*; он издан в составе ВМЧ (с. 682—689). Чудо о юноше Николе читается в списке *Пб 46* (л. 71 об.). Нач.: «Другое да вы скажу чюдо: уноша бѣ нѣкто именемъ Никола. . .». То же чудо читается в рукописях XV в. — *Хлуд 215* и рукописи Хлудова, № 162. Текст издан в составе ВМЧ (с. 629—630). Чудо о Христофоре читается в списках *Пб 46* (л. 72) и *Соф 1261* (л. 46). Нач.: «Аз же вам другое чюдо да повѣдѣ. . .». Чудо читается также в сборнике *Хлуд 215*, л. 14 об. (ср.: ВМЧ. С. 631—632). Чудо о «сарацинине» читается в *Пб 46* (л. 73). Нач.: «Ту бяху яли срацинина мужа нарочита. . .». Чудо о Петре читается там же (л. 74 об.). Нач.: «Петр рекомый благыхъ памятенъ чернычъ от войскаго быв участия. . .». Текст издан в составе ВМЧ (с. 665—670).

Особо следует остановиться на Чуде о сарацине. Оно известно в двух вариантах, представленных списками *Тр 9* и *Пб 46*. Сравним.

П б 4 6

Ту бяху яли срацинина мужа нарочита и славна въ вѣсемь островѣ Критѣстѣмъ, и държали и въ тѣмници. Еда же бяху стрѣгли велику бѣду биеми и мучими къде его не обрѣтше въ тѣмници.

л. 73.

Т р 9

Въ Кипрѣстѣмъ островѣ яли бѣяху срацинина, пришедь от Крита воеваху, и обложивше желѣзы держажуть и въ тѣмницѣ, и многыми стражыми стрегома. Но по мнозѣ же времени отверзши тѣмницу и не обрѣтоша его, идѣже блюли его бяхуть, и много муку и томление подѣяша. . .

л. 206.

В Прологе ГПБ. Софийское собр., № 1324 (л. 247) читается то же чудо в варианте, близком к *Тр 9*. В ВМЧ это чудо не вошло.

Сведения о списках разных редакций жития и чудес содержатся в работе Н. К. Никольского,⁷³ однако в его перечне отсутствуют сведения о списках *Чуд 20* и *Соф 1261*.

История соотношения текстов жития и чудес Николая Мирликийского не изучена. Однако можно отметить, что тексты в целом отражают одну редакцию, отличия в них (пропуски, замены слов) отражают лишь разные этапы движения текста.

Житие Нифонта Константинопольского (память 23 декабря). Текст Полной редакции сохранился в отдельном списке ГБЛ, собр. Троице-Сергиевой лавры, № 35 (1219 г.), изданном А. В. Рустенко.⁷⁴ Список Краткой редакции входит в состав сборника *Выг* (л. 1—33). Нач.: «Тайну убо цареву

⁷¹ ВМЧ. Декабрь, дни 6—17. М., 1904. Стб. 60—65.

⁷² П о п о в А. Н. Описание рукописей и каталог книг церковной печати библиотеки А. И. Хлудова. М., 1872. С. 448—450.

⁷³ Н и к о л ь с к и й Н. К. Материалы для повременного списка русских писателей и их сочинений (X—XI вв.). СПб., 1906. С. 302—395.

⁷⁴ Матеріали з історії візантійсько-слов'янської літератури та мови / Підг. А. В. Рустенко. Одеса, 1928.

достоить хранити, а дѣла божьствыная проповѣд(а)ти. . .». Этот текст также издан.⁷⁵

Житие Пахомия Великого (память 15 мая). В списке *Усп* (л. 115 об.) под заголовком «Житие преподобнаго отца нашего Пахомия, иже бысть начальникъ мѣнишьскому образу» (так в *Усп*) читается текст, начинающийся со слов: «Гавенисий есть мѣсто въ Фиваидѣ. . .». Тот же текст входит и в ВМЧ.⁷⁶ В действительности же это не житие, а главы 34—38 «Лавсаика», в которых речь идет не только о Пахомии и его монастыре, но и о женских монастырях и совершающихся там событиях, а также о подвижнике Питириме. Соответствующий греческий текст опубликован Минем.⁷⁷

При этом в ВМЧ статья, начинающаяся словами «Гавенисий есть мѣсто. . .», короче, чем в *Усп*, и имеет ряд текстуальных отличий.

У с п

В М Ч

. . . тѣ зѣло бысть любивѣ нищимъ и любивѣ чловѣкомъ. . .

Л. 115 г.

. . . и по силѣ ѣдущемъ имъ и дѣла имъ задежи. . .

П. 116 а.

да ходять

Л. 116 а.

козѣлину мѣнену бѣду

Л. 116 а.

. . . и съ кукльми тѣчию да вѣлазять, куколье же имъ образи бес космъ акы дѣтъмъ, вѣнѣ же крестьцьмъ багряны. . .

Л. 116 б.

Съказа вѣсе ангель и съкончавѣ службу вѣзде от великаго Пахомия.

Л. 116 в.

Еста убо сия монастыря вѣще дѣржавѣща сего образа, доидуща до пяти тысячь мужъ. . .

Л. 116 в.

. . . тѣ зѣло любимѣ нищимъ и всѣмъ чловѣкомъ. . .

. . . и по силѣ и дѣла имъ задежи. . .

да живутъ

козелину бѣлу наменену

. . . и с кукольми да вѣлазять, на них же хрестьць багряны. . .

И се сказавѣ аггелъ вѣзде от Пахомия, имѣющи мужи до пяти тысяць и комуждо свое дѣло: ови землю орють, друзии пекуть хлѣбы, инии древо дѣлають, инии порты шиють, друзии обувь, инии кошница плегутъ, друзии пишуть и книгамъ учать ся изъ устѣ. Пахомий же от аггела приимъ сице уставъ монастырескъ и добрѣ поживѣ преставися къ богу.

Л. 408 б.

В *Усп* после приведенных в левом столбике слов читается сравнительно большой фрагмент (еще два столбца) текста, в ВМЧ — краткий пересказ того же сюжета. Характерно, что перечислением ремесел, которыми занималась братия, завершается и текст в *Усп*, при этом текстуально близко к ВМЧ: «. . . другой пишеть, инъ плететь кошница великыя, другой — малыя кошница ручныя, изусть же книгамъ учать» (л. 117 а). Но в сборниках (например, в сборнике ГПБ, Софийское собр., № 1449, л. 336—340 об.) текст сходен именно с *Усп*.

Текст «Жития Пахомия» читается в *Тр* 744 (л. 1). Нач.: «Господь нашъ Иисусъ Христосъ, источникъ премудрости, свѣтъ познания истиннаго. . .». Тот же текст входит в состав ВМЧ.⁷⁸

⁷⁵ Выголексинский сборник / Изд. подгот. В. Ф. Дубровина, Р. В. Бахтурина, В. С. Голышенко. М., 1977. С. 69—133.

⁷⁶ ГПБ, Софийское собр., № 1321, л. 408 а—б.

⁷⁷ Patrologiae cursus completus. Series graeca / Ed. J.-P. Migne. Parisiis, 1860. Т. 34. Р. 1099—1107.

⁷⁸ ГПБ, Софийское собр., № 1321, л. 409 в—427 а.

Житие Пелагеи Блудницы (память 8 октября). Читается в *Бел* (л. 259). Нач.: «Отець Ияков повѣда нам: „Суццю ми, рече, еще диакону. . .“». Текст, опубликованный в ВМЧ, отражает совершенно иную редакцию, о чем можно судить, сравнив начало жития в обоих вариантах.

Бел

Отець Ияков повѣда нам: «Суццю ми, рече, еще диакону, идохом с блаженным епископом Ноном в град Антиохию по повелѣнню патриархову, нѣкоего ради исправления церковнаго».

В М Ч

Бывшую вещь во дни наша, изволися богу многогрѣшнымъ Ияковомъ писати вамъ, духовнѣй брати, да слышавше успѣхъ получите, и человекѡлюбца бога прославите.⁷⁹

Житие Саввы Освященного (память 5 декабря). Житие читается в отдельном списке XIII в. — в рукописи, полученной князем П. А. Вяземским в дар в монастыре Святого Саввы в Палестине и в 1884 г. подаренной Обществу любителей древней письменности его сыном П. П. Вяземским. В настоящее время рукопись находится в ГПБ, собр. ОЛДП, Q.106. По этому списку житие издано И. И. Помяловским параллельно с греческим текстом.⁸⁰ Житие читается также в сборниках *Пб 71 б* (л. 1) и *Чуд 23* (л. 36). Нач.: «Благословен бог отець господа нашего Иисус Христа възвустивый ваше о благонравии».⁸¹

Перевод в списке ОЛДП и *Пог 71 б* один и тот же. При этом деление на главы, принятое в издании Помяловского для списка ОЛДП в соответствии с греческим текстом, совпадает с делением в списке *Пог* до 17-й главы, но далее начинается расхождение в нумерации. Текст в *Пог* имеет лакуны. Пропущен текст, параллельный которому в издании помещается между 3-й строкой на странице 377 («шедше убо во. . .») и 11-й строкой на странице 389 («. . . и от врачевъ отчаявшийся»). Другой пропуск между словами «благославивъ святой» (435, 8) и «еже во плоти и жизнь ему» (449, 4). Текст в списке обрывается на словах «благовѣрный же нашъ цесарь Евѣстохиу повелѣ патриарху быти» (в издании — 523, 18), отсутствующий текст занимает в издании страницы 525—533.

Хотя список *Пог 71 б* отражает, как уже сказано, тот же перевод, что и список ОЛДП, в нем встречаются сокращения с элементами пересказа. Например:

О Л Д П

И лежащю ему на пѣсцѣ въ полунощи, прѣобразивъся въ змию и скорпия покушашеся устрашити и. Он же малы убоявъся разумѣ дияволе проказство и прекр(е)стивъся и страхъ прогнавъ, въскочи дерзая и глаголя: «Егда и можеши мя пострашити, тогда одолѣю ти, якоже со мною есть господь, давый намъ на тя силу, рекый: „Се дахъ вамъ власть наступати на змя и на скорпия и на всю силу вражю“». И се ему рекъшу, ту абие ищезнуша ядовитая она.

С. 55, 18—57, 12.

Пог 71 б

И лежащю ему на пѣсцѣ въ полунощи, преобразися въ змию

и въставъ, помянувъ евангельское слово, еже рече господь: «Се дахъ вамъ власть наступати на змя и на скорпия и на всю силу вражю». И се ему рекъшу, ту абие ищезнуша ядовитая она.

Л. 4 а.

Ср. в списке ГПБ, Софійское собр., № 1210: «И лежащу ему въ песцѣ, въ полунощи преобразивъся въ змию и скорпию. Тогда рече: „Наступлю на змию и скорпию и на всю силу вражю“». И се ему рекъшу, ту абие низъчезнуша ядовитая она» (л. 206).

⁷⁹ ВМЧ. Октябрь, дни 4—18, Стб. 868.

⁸⁰ Помяловский И. Житие св. Саввы Освященного, составленное Кириллом Скифопольским, в древнерусском переводе. СПб., 1890.

⁸¹ Кроме упомянутых древнейших списков отрывок жития обнаружен в рукописи Матенадарана № 1351 XII в. (см.: Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР (XI—XIII вв.). М., 1984. № 61).

В другом случае мы находим полное тождество Софийского списка со списком ОЛДП при индивидуальных отличиях *Пог 71 б*.

О Л Д П

П о г 7 1 б

...вздающе благодѣти, а мы что створимъ, окаянии, несмыслении, при емлюще толико благодѣтии и даровъ по вся дни от бога.

С. 61, 7—11.

...вздающе благодѣти

ни даровъ по вся дни от бога. . .

Л. 4 б.

Иногда пропуск обнаруживается в списке ОЛДП.

О Л Д П

П о г 7 1 б

...въ нихъ же бяшета святыи Иоанъ, иже бѣ потомъ игумень Ияковъ, составивый лавру, нарицаемую Пургиню.

С. 73, 8—12.

...въ нихъ же бяшетъ святыи Иоанъ, иже бѣ потомъ игумень новыи лавры, блаженный Ияковъ, съставивый лавру, нарицаемую Пургиню.

Л. 5 а.

В Софийском списке то же место читается, как в *Пог 71 б*: «Въ нихъ же бяшета святыи Иоанъ, иже бѣ потомъ игумень новыи лавры, и блаженный Ияковъ, съставивый лавру, нарицаемую Пургиню» (л. 207 г).

Итак, в основе русских списков лежит один и тот же перевод. История текста памятника по существу не изучена: в перечнях разночтений, приводимых в монографии Помяловского, не отмечены порою даже самые важнейшие отличия; предложенная им стемма носит весьма предварительный характер и не может быть принята.

Чудо Самона, Гурия и Авивы (память 15 ноября). Читается в *Сильв* (л. 65). Нач.: «И пьне время подобно съ духоносцемъ Давидомъ поюще рещи. . .». И. И. Срезневский отметил наличие того же текста («но с отличиями в чтении») в рукописи ГИМ, собр. Уварова, № 334/386.⁸²

Житие Сильвестра папы римского (память 2 января). Текст читается только в *Пог 71 б* (л. 49 в—68 г). Нач.: «Нашъ убо образопиесець Евсевий, якоже бѣ церковныи пиша иконы, остави же си. . .».

При сопоставлении с текстом, входящим в состав ВМЧ,⁸³ выясняется, что перед нами две редакции одного и того же перевода, и именно текст в *Пог* оказывается более полным, тогда как совпадающие фрагменты совершенно тождественны. Приведем пример.

П о г

В М Ч

По сихъ же Даркулианъ, енархъ градный, примъ иѣкое имѣнье, повелѣ Тимофей положить святому Селевестру, повеже ему всѣ имѣние скверныаго Тимофеа предасть, да пожретъ различными муками его погубити. К нему же святителный Селивестръ рече еуангелскый глас: «В сию ноць душа твоя отъемлется, да не разумѣши, яко Тимофей не бѣ скверникъ. . .»

Л. 50 б—в.

По сихъ же Таркулинь, енархъ градный, примъ же иѣкую власть,

рече къ святому: «Пожри богомъ, а не противляйся имъ, якоже скверный Тимофей, да не тебе различными муками погублю. К нему же святителный Селивестръ рече евангелскый глас: «В сию ноць душа твоя отъемлется, да разумѣши, яко Тимофей не бѣ скверникъ. . .»

Стб. 79—80.

Житие Симеона Столпника (память 1 сентября). Читается в *Чуд 20* (л. 2 об.) и *Сильв* (л. 24). Нач.: «Страньна и дивна бывша во дни наша. . .». Текст, изданный в ВМЧ,⁸⁴ текстуально близок к тексту этих списков.

⁸² Срезневский И. И. Сказание о св. Борисе и Глебе. С. XVIII.—Этот же текст читается в ВМЧ под 19 ноября.

⁸³ ВМЧ. Январь, дни 1—6. Стб. 76—132.

⁸⁴ ВМЧ. Сентябрь, дни 1—13. СПб., 1868. Стб. 8—19.

Житие Симеона Юродивого (память 21 июля). Читается в *Чуд 20* (л. 264 об.). Нач.: «Хотящеи учительский санъ к собѣ привлещи должни суть своимъ житьемъ. . .». А. Н. Попов отмечает, что в списке *Чуд 20* — пропуск: после слов «образъ же входа его» следуют «ко днесь иду къ брату своему». Пропуск равен, по мнению Попова, 12 листам текста.⁸⁵

Чудеса Спиридона Тримифунского (память 12 декабря). Текст их читается в списке *Пог 71 б*. Первые пять чудес приводятся без заголовков, но с нумерацией. Тот же текст опубликован в ВМЧ — с ним и производилось сравнение.⁸⁶ Первое чудо (ВМЧ, стб. 888—890: «О граде») нач.: «Гладу бывшу иногда въ островѣ житну бѣды человекъскыя вещьствоваху. . .» (*Пог*, л. 99—100 об.). Второе чудо (ВМЧ, стб. 890—893: «О змее, преобразившейся в золотую тварь») нач.: «Иному убо етеру убогу знанию же и другу святаго отца нашего Спиридона. . .» (*Пог*, л. 100 в—102 г). Третье чудо (ВМЧ, стб. 893—894: «О оклеветанном муже и хотящем без правды умерети») нач.: «Бѣ етеръ инъ другъ святому, иже от оклеветания княземъ областнымъ. . .» (*Пог*, л. 102 г—103 в). Четвертое чудо (в ВМЧ это чудо 7-е: «О Константине благоверном царе» — стб. 901—906) нач.: «По умертвии же Костянтини, доброчестнѣ царствовавшу, Костянтій, сынъ его. . .» (*Пог*, л. 103 в—107 а). Пятое чудо в *Пог* никак не отделено от предыдущего. Нач.: «Пришедъ же чюдоносивы съ мужъ от цареви полаты, видѣ жену етеру вируфанью. . .» (л. 107 а—108 в). В ВМЧ ему соответствует Чудо о Врутиде (стб. 906—909). Шестое чудо в *Пог* озаглавлено: «О макелари, куплешаго у святаго козы». Нач.: «По антиохийстѣмъ възвращении святаго отца наго (!) Спиридона. . .» (л. 108 в—109 б). В ВМЧ ему соответствует Чудо о купившем козу (стб. 909—910). Следующее чудо в *Пог* выделено лишь числовым обозначением («Чудо 7-е»). Нач.: «Иногда же паки татѣ полунощи пришедши в кошаря овчая. . .» (л. 110, стб. б, в). В ВМЧ соответствующий текст читается в стб. 923 в составе статьи «О Спиридоне кипрьсте епископе». Девятое чудо в *Пог* также не озаглавлено, но обозначено как «Чудо 8-е». «Другое не хужьше сего съповѣмъ. Бѣ бо ему дщи дѣвою. . .» (л. 110 в—111 а). В ВМЧ это фрагмент той же статьи «О Спиридоне» (стб. 923). Однако конец фрагмента в ВМЧ и *Пог* существенно различается. Десятое чудо «О селе» нач.: «Се великий божий человекъ апостольскими украсьвася даровани. . .» (л. 111 а—112 б). Ему соответствует в ВМЧ чудо «О жатве» (стб. 920—922).

Мы видим, что полнота текста и последовательность его в *Пог* существенно отличаются от ВМЧ. Не менее разительны и лексические отличия, свидетельствующие о том, что перед нами либо разные переводы, либо текст в ВМЧ отражает существенную редакторскую переработку.

Приведем лишь один пример.

П о г

В М Ч

Господь же абие послуша своего служебника и паки претвори золоте то истиннѣ красенство гадъ поистинѣ смокомъ. Се бо бѣаше святыи волею божию, смокаимъ и молитвою на утварь преложи.

Господь же абие услыша своего слугу и паки преложи золотую ону утварь во истинную ползающую ону змию, сию бо баше святыи змию повелѣнимъ божимъ и молитвою на утварь золотую преложивъ.

Л. 101 г—102 а.

Стб. 892.

Житие Стефана Нового (память 28 ноября). Текст читается в списке *Чуд 23* (л. 84 об.). Нач.: «Благо и праведно и всѣмъ честно хотящимъ благоприятно. . .».

Житие Стефана Первомученика (память 27 декабря). Текст в *Пб 46* (л. 80). Нач.: «Памяти добры прѣдълежаща, възлюблени, понудихъся

⁸⁵ П о п о в. Библиографические материалы. С. 123.

⁸⁶ ВМЧ. Декабрь, дни 6—17. М., 1904.

Житие Феодора Студита (память 10 или 11 ноября). Читается в списке *Въз* (л. 33 об.). Нач.: «И всѣмъ убо сладкъ и всему достоинъ великий отецъ нашъ. . .». Текст опубликован по этому списку⁹¹ и в составе ВМЧ.⁹²

Житие Феодора Тирона (память 17 февраля). Читается в *Пб 46* (л. 93). Нач.: «Максимианъ и Максиминъ цесаря посъласта по въсему своему царству. . .». Тот же текст читается в сборнике первой половины XV в.: ГПБ, Кирилло-Белозерское собр., № 47/1124.

Житие Феодора Эдесского (память 9 июля). Читается в *Ув 589* (л. 143) и *МДА*, № 45 (л. 1). В *МДА* текст озаглавлен: «Житие св. Феодора, восиявшаго в пощенъи в велицѣй лаврѣ св. Савы, посемъ бывша епископомъ въ граде Едесе и достопоклита исправивша дѣла. Списан от Василья, епископа Емесийскаго». Нач.: «Благословенъ богъ отецъ вседержитель, творецъ небу и земли. . .». Кроме того, житие встречается в отдельном списке: ГБЛ, собр. Троице-Сергиевой лавры, № 36, рубежа XIV—XV вв.

Житие Феодосия Печерского (память 3 мая). Читается в *Усп* (л. 26). Нач.: «Благодарю тя, владыко мой, господи Иисусе Христе, яко съподобилъ мя еси. . .». Текст издан по *Усп*.⁹³

Житие Феодосии (память 3 мая). Читается в *Усп* (л. 143). Нач.: «Еже приобъщитися святыхъ памяти въсьде лѣпо. . .». Сходный текст читается в ВМЧ.⁹⁴

Память Феофании (память 16 декабря). Текст читается в *Чуд 21* (л. 106 г.). Нач.: «Близъ господа цесарица Феофании. . .». Это статья из стипшиного пролога.

Житие Филарета Милостивого (память 1 декабря). Текст читается в *Сильв* (л. 33). Нач.: «Житие благоугодно и пребывание непорочно мужа правѣдна. . .». Сопоставление фрагмента, опубликованного И. И. Срезневским,⁹⁵ с текстом, читающимся в составе ВМЧ,⁹⁶ показывает, что текст в обеих рукописях один и тот же.

Житие апостола Филиппа (память 14 ноября). Читается в *Чуд 23* (л. 189 об.). Нач.: «Апостоли же учаще по вселенѣ и внидоша въ домъ Стахия. . .». Текст опубликован в составе ВМЧ, но в иной редакции.⁹⁷

Мучение Христофора (память 3 мая). Читается в *Усп* (л. 95). Нач.: «Лѣто вѣторое царствующю Декию, бѣ възвѣщение велико. . .». В ВМЧ текст с небольшими отличиями (замена отдельных слов) от *Усп*.⁹⁸

Помимо перечисленных памятников тематически к ним могут быть присоединены «Повесть о Варлааме и Иоасафе», «Повесть Аммония мниха о убиенных отцах в Синае и Раифе», «Мучение сорока мучеников в Севастии» и «Мучение святых 3 отрок Анания, Азария, Мисаила и пророка Даниила».

«Повесть о Варлааме и Иоасафе», недавно монографически исследованная И. Н. Лебедевой,⁹⁹ известна лишь в одном сборнике ранее конца XIV в. — в сборнике *Соф 1365* (л. 1 об.), но это текст не русского, а сербского перевода памятника. Русский же перевод дошел до нас лишь в составе проложных статей начиная с древнейшего из известных нам прологов — Пролога Софийского собр., № 1324.¹⁰⁰

«Повесть Аммония мниха. . .» читается в списках *Соф 1365* (л. 79 об.),

⁹¹ Выголексинский сборник / Изд. подгот. В. Ф. Дубровина, Р. В. Бахтурина, В. С. Голыщенко. М., 1977. С. 134—409.

⁹² ВМЧ. Ноябрь, дни 1—12. Стб. 355—440.

⁹³ Успенский сборник. С. 71—135.

⁹⁴ См.: ГПБ, Софийское собр., № 1324, л. 548 а—549 а.

⁹⁵ Срезневский И. И. Сказание о св. Борисе и Глебе. С. XV—XVI.

⁹⁶ ВМЧ. Декабрь, дни 1—5. Стб. 10—43.

⁹⁷ ВМЧ. Ноябрь, дни 13—15. СПб., 1899. Стб. 1996—2002.

⁹⁸ ГПБ, Софийское собр., № 1324, л. 313 а—315 г.

⁹⁹ Повесть о Варлааме и Иоасафе: Памятник древнерусской переводной литературы XI—XII вв. / Подгот. текста, исслед. и коммент. И. Н. Лебедевой. Л., 1985.

¹⁰⁰ См.: Там же. С. 70—89.

Епарх (л. 198 об.), *Тр* 758 (л. 213) и *МДА*, № 45 (л. 79 об.). Нач.: «Сѣдацю ми нѣкогда въ смиреннѣй моей келии въ странахъ Александря. . .». Текст по *МДА* издан И. Помяловским.¹⁰¹

Мучение сорока мучеников в Севастии (память 9 марта). Полный текст содержится в *Чуд* 20 (л. 147). Нач.: «Въ дни Ликиана цесаря бысть гонение на крестны веле. . .». Фрагмент этого же текста читается в *Пб* 46 на л. 95—97 об. (нач.: «В дни Ликиниа цесаря бѣ гонение великое на хрьсть(а)ны. . .»; конец: «. . .възърѣ на небо видѣти хотя, откуда есть свѣтъ. Видѣ же вѣннца съходяща на главы святыхъ числомъ 30 и 9, помышляше же, глаголя 40 . . . суть, да како единого нѣсть вѣннца и, разумѣвъ, яко прибѣгыи въ баню(. . .) причьтенъ бысть къ нимъ, и съвѣргъ ризы съ се (. . .).»).

Мучение святых 3 отрок Авания, Азария, Мисаила и пророка Даниила (память 17 декабря). Читается в *Пб* 46 (л. 76). Нач.: «Хощу нынѣ повѣсть благу повѣствовати Христовамъ церквамъ отрокъ Христовъ и мученикъ мужьствия. . .». Тот же текст читается в *ВМЧ*.¹⁰²

Предложенные выше краткие заметки о житиях ни в коей мере не претендуют на попытку изложить историю текста этих памятников и обозреть историю их изучения.¹⁰³ Наши задачи иные: во-первых, дать общий обзор агиографического репертуара русской книжности в той его части, которая представлена списками до рубежа XIV—XV вв.,¹⁰⁴ а во-вторых, указать некоторые текстовые приметы, которые позволили бы сопоставлять с этими древнейшими списками списки более позднего времени. Это задачи чисто археографические, и именно они были для нас основными.

Но возникает и методологический вопрос. Правомерен ли вообще такой путь исследования, когда мы ограничиваемся лишь неполными сведениями о памятнике? Этот путь отличается от традиционного и авторитетнейшего исследовательского приема, когда каждый памятник древней письменности рассматривается во всей совокупности своих списков в широком хронологическом диапазоне, нередко перешагивающем даже за границы древнерусской письменности (когда к исследованию привлекаются списки, созданные в XVIII, XIX и даже XX вв.).

Думается, что оба метода могут и должны сосуществовать, дополняя друг друга: историко-литературное и текстологическое исследования отдельных памятников могут соседствовать с обстоятельными, сплошными, а не выборочными обзорами репертуара книжности определенного локального или тематического временного среза. Это направление, начатое ра-

¹⁰¹ Помяловский И. Аммония мниха повесть о убиенных св. отцах в Синае и Раифе по рукописи XIV в. Библиотеки Московской духовной академии. СПб., 1891. (Приложение к Отчетам о деятельности ОЛДП 1888—1891 гг. ПДПИ, № 93).

¹⁰² *ВМЧ*. Декабрь, дни 6—17. Стб. 1093—1100.

¹⁰³ Основные сведения о переводных и оригинальных житиях, составленных, переведенных или переписывавшихся на Руси до первой половины XIV в., можно получать из «Словаря книжников и книжности Древней Руси», где имеются статьи, посвященные житиям Алексея человека божьего, Андрея Юродивого, Антония Великого, Антония Печерского, Аркадия, епископа Новгородского, Богородицы, Варлаама Хутынского, Василия Нового, Галактиона и Епистими, Георгия Победоносца, Евстафия Плакиды, Евфросинии Полоцкой, Ефрема Новоторжского, Игнатия Ростовского, Иоанна Златоуста, Константина Философа, Леонтия Ростовского, Марии Египетской, Мефодия, Михаила Ярославича Тверского, Николая Мирликийского, Нифонта Константинопольского, митрополита Петра, Феодора Эдесского, Феодора Студита, Феодора Ярославского, Феодосия Печерского (в статье «Нестор»), статьи о житиях-маририях Дмитрия Солунского, Ирины, Никиты, Феодора Стратилата, Феодора Тирона, о повести и житии Александра Невского, повести о Варлааме и Исафе, сказании о Борисе и Глебе. См.: Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1. XI—первая половина XIV в. Л., 1987.

¹⁰⁴ Именно этим объясняется тот факт, что многие из житий, поименованных в предшествующей сноске, не отражены в данной статье: они сохранились лишь в поздних списках.

ботами академика Н. К. Никольского,¹⁰⁵ было вновь возрождено в исследованиях Р. П. Дмитриевой и отчасти Г. М. Прохорова,¹⁰⁶ но затем, к сожалению, угасло и лишь сейчас, возможно, возродится в исследованиях древнерусских книжных центров.

Почему это направление — анализ одновременно происходящих литературных явлений — на мой взгляд, так важно? Главным образом потому, что наблюдается определенный разрыв между проблемным обзором развития древнерусской литературы и книжности, представленным прежде всего трудами Д. С. Лихачева,¹⁰⁷ и глубиной изученности (или хотя бы простого описания) конкретного материала, который должен подкрепить и конкретизировать те культурные тенденции, литературные явления, те направления развития письменной и — шире — духовной культуры, которые так рельефно намечены в названных выше исследованиях.

Памятники переводной агиографии представляют исключительно интересный материал для рассуждений на нашу тему. В сборниках и отдельных списках до рубежа XIV—XV вв. представлено около 60 агиографических памятников. Просмотр еще двух десятков сборников XV в. увеличил этот репертуар вдвое. В то же время монографических исследований переводных житий — единицы, даже если учитывать совершенно устаревшие работы прошлого века. Трудно рассчитывать на появление хотя бы десятка исследований памятников этого жанра (напомним, одного из многочисленных жанров древнерусской литературы) в ближайшие десятилетия. А это значит, что мы не сможем прийти к обоснованным заключениям по целому ряду важных историко-литературных проблем: во-первых, реконструировать репертуар памятников данного жанра — его состав на определенный период, характер его пополнения; во-вторых, конкретизировать вопрос о соотношении русских переводов с греческого и южнославянских переводов, лишь переписанных на Руси и постепенно русифицировавшихся; в-третьих, нельзя будет решать вопрос о степени распространенности отдельных произведений и, следовательно, о читательских пристрастиях и интересах. А анализ конкретного житийного материала представит нам весьма ценные сведения об уровне литературного и эстетического кругозора древнерусских читателей, о степени их исторической и географической осведомленности. Именно для выяснения этого последнего вопроса жития вместе с памятниками исторического повествования представляют особый интерес.

Будучи памятниками литературы, жития сочетали в себе как бы два пласта сюжетных элементов. Одни идут от жизни, от конкретных бытовых зарисовок — это изображения исторических лиц и действительно существовавших или существующих городов или селений. Но в то же время все эти исторические и географические ориентиры, все эти описания быта и социальных отношений не более чем декорация, фон для изображения вымышленных коллизий, генетически восходящих к сюжетным схемам античных романов, а порой и к фабулам языческих мифов. Но если от-

¹⁰⁵ Я имею в виду его попытки создать свой свод репертуара древнерусской книжности, разбив его на первых порах на временные срезы. См., например: Никольский Н. К. Материалы для повременного списка русских писателей X—XI вв. СПб., 1906.

¹⁰⁶ См.: Дмитриева Р. П. 1) Волоколамские четьи сборники XVI в. // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 28; 2) Четьи сборники как жанр // ТОДРЛ. Л., 1972. Т. 27; 3) Светская литература в составе монастырских библиотек XV и XVI вв. (Кирилло-Белозерского, Волоколамского монастырей и Троице-Сергиевой лавры) // ТОДРЛ. Л., 1986. Т. 23; Прохоров Г. М. Келейная исихастская литература (Иоанн Лествичник, Авва Дорофей, Исаак Сирин, Симеон Новый Богослов, Григорий Синаит) в библиотеке Троице-Сергиевой лавры с XIV по XVII в. // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 28.

¹⁰⁷ Лихачев Д. С. 1) Человек в литературе Древней Руси. М.; Л., 1958 (2-е изд. М., 1970); 2) Развитие русской литературы X—XVII веков: (Эпохи и стили). Л., 1973. См. также его работы «Некоторые задачи изучения второго южнославянского влияния в России», «Система литературных жанров Древней Руси», переизданные недавно в кн.: Лихачев Д. С. Исследования по древнерусской литературе. Л., 1986.

бросить вопрос о «достоверности» житий, о том, насколько они могли быть надежным источником для познания истории и культуры античности и средневековья, то перед нами предстает своеобразный, литературой созданный «реальный мир». Этот мир блестяще охарактеризован известной исследовательницей византийской агиографии С. В. Поляковой: «Тематически агиография гораздо разнообразнее, чем это можно было бы ожидать, и при ее трансцендентной установке не покидает земли. В самом деле, в ней находят отражение политические события, детали хозяйственной жизни, придворные интриги. . . Мы бываем в императорском дворце, в лавке ремесленника, на пиратском корабле, в зловещем убежище мага, поместье богача, в темнице, деревенской лачуге и харчевне. Страницы агиографических текстов набиты разноликой толпой, в которой можно различить не только святых или благочестивых христиан, но арабов, турков, иудеев, не только паломников с котомкой и посохом, священнослужителей и монахов, но уличных мальчишек, процентчиков, палачей, продажных женщин, осквернителей могил, увидеть наряду со власяницами, рублицами нищих и нимбами над головами праведников латы, красные сапоги императоров, шелковые одеяния щеголей».¹⁰⁸

Продолжая мысль С. В. Поляковой, напомним, что действие житий развертывается на обширнейших пространствах от Италии до Кавказа, от Греции до Сирии, Египта и неведомых земель на краю ойкумены, населенных «псоглавцами и человекоядцами». Святые постоянно переезжают из города в город, перешлывают моря, бредут по каменистым пустыням, достигают таинственных обиталищ блаженных и даже самого рая. Среди героев житий — исторические персонажи: римские императоры и византийские наместники, церковные иерархи и полководцы. Все эти сведения (с теми оговорками, о которых шла речь выше) способствовали созданию в умах читателей картины обширного мира с глубокой исторической перспективой. Не говорим уже о разнообразии «типов» святых: это и церковные иерархи, и основатели монастырей, и благочестивые монахи, и раскаявшиеся грешники, и мученики, претерпевшие жесточайшие муки и отдавшие жизнь за веру, и аскеты, и юродивые. . .

Словом, изучение переводных житий чрезвычайно важно для реконструкции исторического, эстетического и литературного кругозора древнерусских читателей определенной эпохи. И в этом случае любопытные факты могут быть почерпнуты и обобщены только на материале м н о г и х п а м я т н и к о в, с о с у щ е с т в о в а в ш и х в о п р е д е л е н н ы й и с т о р и ч е с к и й п е р и о д. Именно этими рассуждениями оправдано, как мне кажется, стремление к исследованию синхронных срезов в истории древнерусской культуры, когда каждое произведение приобретает особый смысл именно в окружении сопутствующих текстов в конкретных сборниках, сборники — в своей совокупности, а порой — в определенном скриптории, жанры — в своей типичной для данного периода системе.

Эти соображения побудили меня предпринять рассмотрение репертуара сборников XII—XIV вв. Часть этой работы и представлена в данной статье.

¹⁰⁸ Полякова С. В. Византийские легенды как литературное явление // Византийские легенды / Изд. подгот. С. В. Полякова. Л., 1972. С. 245—246 (Литературные памятники). См. также не потерявшую своего научного и познавательного значения кн.: Рудаков А. П. Очерки византийской культуры по данным греческой агиографии. М., 1917.

Г. М. ПРОХОРОВ

Иоанн Кантакузин. Диалог с иудеем.

Слово четвертое*

(Славянский XIV в. и современный переводы)

НА ИУДЕЕ СЛОВО ЧЕТВРТО

л. 226

Ц а р ь: Вѣси явѣ еже о диаволу мало прѣжде сих реченное нами, яко святъ сѣ, и аггелъ, и умь прѣнебесны, не съблюде чинь, на нем' же създанъ бысть, нѣ, помысливъ положити прѣстоль свой на облацѣх и быти подоб'нѣ Вышнему, низвержень бысть вьмалѣ и бысть, якоже речесе, вьмѣсто убо свята грѣшнѣ, вьмѣсто же свѣта тма, вьмѣсто же небесна и высока умь небрѣгомь. Подобнѣ и Адамь, рукою Божию създанъ и надъ всѣми иже под небесемь вѣрученъ власть имѣти от Бога, еже послѣжде и Иисусомь Навиннѣмь и Илиемь Фесвитѣниномь бысть извѣстно: овь убо удръжа солнце, другѣи же, Илия, небо заключи, — нетлѣнием же почтень бывъ вещьшее къ инѣмь и бесъмртьтием, не прѣбысть въ чѣсти, нѣ пожелавъ быти богъ. Ово убо не бысть, изгнанъ же бысть паче и от краснаго оногo райскаго жител'ства, и тлѣние и осуждение нетлѣнна измѣни.

л. 226 об.

Видиши ли како никтоже намнозѣ ругатисе можетъ истинѣ и поруганъ бысть когда Богъ. Слыши же нѣчто и дру||го. Иродь, рызу нѣкогда много — цѣнну облѣченъ, на висоцѣ сѣде сѣдалищу, яко да высокъ будетъ в' сѣмь, иже от Тура и Сидона къ нему приходещимь. Прѣдстоюя убо весь съборь, Ироду дарующе, «Гласъ божий сѣ, — възупише, — а не чловѣчъ», оногo рекше сиде нарычуще. Подобаше убо запрѣтити хулившим и коснутисе. Он же таково убо ничесоже показа, яко убо кротко хулное вьмѣсти, въ ребра от аггела божеств'ною стрѣлою уранень бысть, не болѣнна исте-занъ бысть томления, чрвьом окаянно бывъ брашно.

Что же убо кто глаголетъ о Озии? Не сам ли убо за еже покадити дрзьость проказу по всему процвѣте тѣлеси, пророчество же вьсма отступи от езыкь? А еже вещьше убо, яко не в мало нѣкое врѣме, нѣ дондеже убо бѣ онъ, по скончанъи же пакы възвратисе и дасться езыку от Бога, о нем' же и Исаяя, вьзнаменуе врѣме, рече: «Въ лѣто, въ не же умрѣ Озия царь, видѣхъ Господа, сѣдеща на прѣстолѣ висоцѣ и прѣвъзнесенѣ». И оставлю Дафана и Авирона и дрзьость и томление и Илино осуждение дѣтѣи радѣ своихъ бесчинна и свѣрѣп'ства, яко убо мяса прѣжде врѣмене жрѣтвь ядѣбаху.

л. 227

Видиши ли, како не чловѣком' же || единѣмь съгрѣшив'шимъ Богъ, нѣ ни же аггелъ пощедѣ.

Како прочее, аще прѣльстникъ бѣ Иисусъ и богопротив'нѣ и елика ина прѣродителіе убо твои и тѣ ниня на моего Христа и Бога похулилъ еси, не по прѣдреченныхъ томленийъ едва убо их' же прѣльсти истеза и имже Сына Божия себе ясно проповѣдаше и равна Богу и Отцу и равну имуща власть на небеси же и земли, и видѣвъ его видѣти Отца, и иже въ нѣ вѣро-

* Предыдущие «слова» см.: ТОДРЛ. Т. 41—43.

вав'ших не узрѣти сьмрть, душев'ную явѣ яко? Како аще не по сьвѣсти сиа глаголаше своему (тцу и Богу, не иже от него на в'сакъ день дѣйствиемымъ чудесемъ възбранение нѣкое от Бога наиде, или убо по сьмрты оного не противисе что им'же оного проповѣдающимъ имѣ, и убо многымъ отвьсуду сътекущимсе страховомъ же и бѣдамъ, нь в'се супротивное — худѣмъ чловѣкомъ дванадесет и неявлениемъ прикръвленнымъ, рыбарие бо бѣху и мытарие и усмошьв'ци, вьселенна приступи в'са и иго еуаггел'ское под'емше — за еже от онѣхъ дѣйствиемыхъ знаменій и чудесь о имени распетаго по плъти Христа. И убо самъ Христос, послалае ихъ на проповѣдь, «Се послалаю ви, — рече, — яко овце — яко овце посрѣдѣ влькѣ». Како убо иже посрѣдѣ таковыхъ же || и толицѣхъ не яко убо влькомъ, нь л. 227 об. и львомъ и змыевомъ дивинимъ, кнеземъ реку и съ мучители и царии живуще, не тъкмо не удръжани быше, ни же спѣдени от онѣхъ, супротивное же паче: кроткихъ иже на толицѣхъ неукротимыхъ показаше и от всѣхъ овьць кротчайшихъ. Да не убо помыслиши сего ради добрѣ теци проповѣдь, яко никтоже бѣ иже от онѣхъ глаголемымъ противляесе, толици бо бѣху отвьсуду об'стойещей и възбраняющей сипе горцѣхъ изьгнаше проповѣдающихъ, яко трепеть быти и тъкмо помыслити. Коньц' же и мьча дѣло в'сѣхъ сьтворише развѣ малыхъ. Нь ни сице удръжати възможе всѣхъ сущое силѣ чуднаго и паче ума оного апостол'скаго учения. О семъ убо паче съложитисе иматъ кто, яко не чловѣчьскы бѣ крѣпости еже в'сѣмъ убо мнимаго онѣхъ умаленна побѣждатисе, в'сѣхъ же онѣмъ велми прѣтешимъ и чловѣчьскими начел'ствию веле хвалещимсе выш'шимъ показоватисе, нь Богу единому и едиnorodнаго его Сына и Бога. Кто бо убо изьчтет, колицѣмъ на къждо день звѣремъ о проповѣдаемыхъ тии же апостоли съплетахусе и иже тѣхъ ради вѣровавшей въ Христа и колицѣми и каковѣми виды сьмртнои и от колицѣхъ ни||злагаеми бѣху! Нь ни сице можаше что от любви отлучити л. 228 проповѣдаемаго иже въ нь единою вѣровавшихъ, — не суровство мучитель, не неизреченныхъ и странныхъ мукъ пѣстрое, ни ино ничтоже наводимыхъ, нь сладцѣхъ пице в'сакые и живота яже о ономъ мучения сьмрты вьмѣняху. И елико паче страдаху, толико всѣхъ къ себе привлачаху. Тмами бо иматъ кто показати не многихъ тъкмо и не назнаменаныхъ, нь и зѣло свѣтлѣхъ, и самыхъ царь показовати, елици проповѣди прилагахусе и вье волею суща подкланяху игу Христову. Ни бо ниня прѣжде ста теки проповѣдь, прѣжде даже в'са подсолнчнаа испльнитсе разума. И ниня узриши вьселеную удобна в'сѣхъ и бѣдѣ, и сьмрты с Еуаггелиу дръзающую. Не убо ни же оно кто рещи иматъ, яко силу убо вѣровавшей и крѣпость одѣяни бѣху мир'скую, лишаеми же прѣмудрость и еже словомъ повинования. Яко убо разаряти, аще хотѣли би, и борити простоту проповѣди, ни же пакы супротивное прѣмудрость убо истачаху, рукою же лишаеми бѣху. Нь по коемуждо сихъ сматрати кто възсохчет, тмами убо обрѣщетъ иже на Еуаггелие противещихсе и неудръжана ислѣвшихъ, овѣхъ убо и по коему || ждо, овѣхъ же и по обоихъ възмогшихъ. Нь ни же сице лъжа на истинѣ л. 228 об. похвалисе. Даже убо безгодно ниня съ от иныхъ и инако не оставлю, яко неудобно, кая от иже в'сегда бѣсѣщихсе на Христа Максимианову нѣкоторому бѣшениу и Диоклитианову изравнитсе, Рыма сущихъ многословущаго, паче же в'су мала дръжещихъ вьселен'ную? Колике тме чловѣкъ мученици тѣхъ ради показашесе! Убо възмогше ли и колико-любо твьрдое и бестрастное поколѣбати истинѣ? Никакоже. И бо прьвѣе ти и царство, отвьрг'ше, отложише, получение приемше невѣждьствьныхъ, и же къ сьмрты удръжаше вѣрующимъ прѣклоненое.

Что убо речеша, идеже вѣщ'шаа от их'же на земли, прѣмудрость реку и сила, и растегаеще отчести и съпрѣбывающа усмошьвцемъ чловѣкомъ и рыбаремъ и толикихъ числомъ крѣпко побѣдише, и закони убо попрани быше положившимъ е умрѣшимъ царемъ, нѣкымъ же и самѣмъ еше сущимъ, рыбаарскыи же и усмошьвѣцѣ законъ цвѣти и процвѣте и в'сегда, якоже рещи, растетъ толицѣмъ и сиа прѣшьдѣшимъ лѣтомъ, отнелиже проповѣдающе скончашесе? Прочее убо не велику ли чудесе || испльнь есть, како л. 229

проповѣди малаа искра не угасе толицѣми напастными бурами и умноженъмы и толицѣми противными вѣтры и бурами сатанинскими?

Тѣ же убо имаши ли противу рещи что реченным, или добрѣ непщуети сими указану Божию Сыну быти Христу и Богу, якоже и тѣ добрѣ указа имиже съдѣла и всѣм прѣдпроповѣдано бысть пророкы и иже прѣжде ихъ святыми мужъмы, или трѣбовати намъ еще къ чистому непщуети указаний глаголеши убо?

К с е н ь: Яко убо не чловѣчскыя силы, нь божествъныя суть съдѣланаа, благоявленно. Бога же азъ Иисуса рещи не имамъ. Вамъ же езыкомъ буди Богъ и Господь, иже и от оного нарычатисе христиане прѣбесте, мѣ же иже того сътворшому Богу служителе есмы, не трѣбуемъ развѣ оного иного Бога исповѣдовати или служение кое-любо мѣсто его и поклоняние въздавати. Обаче убо, кыхъ пророкъ и святыхъ рекль еси проповѣдати Бога распетѣго чловѣка?

Ц а р ь: Реченънаа убо мною, Ксеню, о распетомъ Христу и Богу благоразумъствуующу убо кому выистину доволна убо непщевашесе и довлеяема къ увѣрениу Бога купно тогожде быти и чловѣка нас ради. || Елма же сице непщуети подобати къ истинѣ противитисе, самыя явѣ вещи проходящимъ мнѣ повинути имут и зѣло неразумнаго и жестокаго.

Обаче оно убо вѣждь, яко ни иного кого Бога мѣ почитаемъ паче иже в'са сътворшаго, ни же иного убо вѣмѣняемъ вашего, иного же нашего, нь самого оного непщуетъ, иже от Егугита отце ваше изведшаго рукою крѣпкою и мышцею высокою, и на нь есмы уповающе, иже Авраамовъ и Исааковъ и Иаковъль Богъ. Уповахомъ же не Моусеомъ, ни же Закономъ: въ истину бо убо и мѣ не много отстояли быхомъ вас, — нь Иисусомъ Христомъ и Еуаγγελиемъ. Вашъ убо Законъ Ведьхъ убо есть и въ Хоривѣ данъ бысть, еуаггел'скаа же благодать от Сиона, по пророческому изыде слову, «От Сиона бо, — рече, — изыдетъ Законъ, и Слово Господне из Иерусалима», Новѣ реку Завѣтъ, протекши въселеную. Законъ же на законъ положень бывъ, сущаго прѣжде его устави, и Завѣтъ потомъ бываемъ пръвѣго подобнѣ раздруши. Вѣчны же законъ и коньчны дано бысть Еуаггелие и Завѣтъ вѣр'нь, иже есть самъ Христосъ, по немъ не законъ, *л. 230* не повелѣние, не заповѣдь. Исая бо рече: «Услышите мѣне, услышите, людие мои, и царие къ мнѣ внимайте, яко Законъ от мене изыдетъ, и судъ мой въ свѣтъ езыкомъ. Приближается скоро правда моя, и изыдетъ спасение мое, и на мышцу мою езыци уповаютъ». О семъ убо толка.

Елма же навикнути хоцещи, кыи суть прѣдпроповѣдавшей святии и пророци Бога быти Христа, егоже распета рекль еси чловѣка, пръвѣ убо вѣдѣти ти подобаетъ, яко самъ тѣ себѣ падаещи и истинное неволею исповѣдалъ еси, распетого нарыче, распетъ же бысть не поемуже Богъ, елма божество бестрастно и в'са Богу повинуются, нь поемуже чловѣкъ, волею же убо о всѣхъ спасену и да от срѣды клетву сътворитъ.

К с е н: И аще не понужди, нь самъ волею, якоже глаголеши, умрѣтъ, убийца убо себѣ непщеватисе влѣпоту и душевному томлену достоенъ.

Ц а р ь: Много нѣчто, Ксеню, въ словесехъ обоихъ посрѣдѣ различное, нь чюдо убо ниедино купно съ инѣми невѣдѣти ти и сѣ.

Убийца бо себѣ глаголетсе въправду иже себе убивы, а не о любимыхъ любве не пощедѣвъ себе и смърть подѣмъ. Таковѣ бо не самоубийца, нь другъ достоинъ истинън' нарычетсе убо, яко себе о любимыхъ издасть, *л. 230 об.* да онѣхъ, аще си||це случитсе, належущихъ смъртий измет. Сиа выистину чловѣколюбиа и Христосъ принесетъ паче благодатиу, нежели таковѣмы съгрѣшенъмы подлежитъ. Ни бо яковъ же сѣ еже съ аггели тоговѣхъ съдѣтел'ствии луч'ше, глаголю ниячя чловѣка, мучима зрѣти отъ нечестиваго, Богъ сѣи, бысть плоть, и ни же сѣ тъкмо, нь и силу самую въ смърть прѣдасть лютѣйшу, ничесоже въсма достойно съдѣлавъ смърти, нь да тѣчу упразнить дръжаву имущаго смърти, сирѣчь диавола, и тому любъзное чловѣчское естество отъ сатанинскыя изметъ нужде, пръвѣ убо отъ него почтенно,

себе же за еже къ идоломъ пристрастна отуждившу еже и почт'шому и възлюбльшому Богу.

Позна ли убо, колико что другъ другу разнь'ствова еже на себе глаголю неистов'ствовати еже о любви кому умрѣти и любимых? Аще убо навыкнувъ имаша, аще ли нѣ, от наших глаголемых, егда тебѣ о Христѣ пророческые скажем глаголы, якоже просилъ еси, будут ти и сиа явлен'ѣйша. Внимати убо длъжно есть, на она бо греду.

Чюдный Соломонъ въ «Иовѣ» яко от лица рече Божиа: «Прѣпояши яко мужъ чрѣсла своа, выпрошу же те, ты же ми отвѣщай: Где бѣ, егда основах Землю? Възвѣсти ми, аще вѣси разумъ. Егда быше звѣзды, л. 231 възхвалише ме гласомъ велиемъ вси аггели мои и възспѣше. Загради же мору врата, положи же тому прѣдѣлы и рѣхъ ему: Даже до сего приидени и не прѣидени, нъ въ себѣ съкрушетсе влны твое. Възвѣсти ми, аще тѣ, възьмь брение, създаде еси животно и глаголиво тѣ положи еси на Земли? По стопахъ же безднѣ ходилъ ли еси? Отвѣзаятъ же ли ти се съ страхомъ врата съмыртнаа? Вратници же адови, видѣвше те, ужасоше ли се? Отвѣщавъ же, Иовъ Господеви глаголетъ: «Вѣмъ, яко в'са можеша, не невъзможно же тебѣ ничто же. Слухомъ убо уха услышахъ те пръвѣе, ниня же око мое видѣ те». Виждь убо внимае, якоже бо Давидъ злоратнаго и неудобьпобѣдимаго оного варвара, Голиафа реку, главу единѣмъ врыжениемъ працею съкруши, сице и ваше тврдые в'се единѣмъ симъ глаголомъ сънизвержена быше. Инаа бо в'са, сирѣчь еже «Где бѣ, егда основахъ землю», и еже «Егда быше звѣзды, възхвалише ме гласомъ велиемъ в'си аггели мои и възспѣше», и еже «Загради мору врата», и еже «Аще тѣ, възьмь брение, създаде еси животно и глаголиво тѣ положи на Земли?» — Бога несумненно иже сиа съдѣлаваша прѣдставляеть. л. 231 об. А еже «Отвѣзаятъ ли ти се страхомъ врата съмыртна; вратници же адови, видѣвше те, ужасоше ли се?» где кто убо възнести имат, аще не въ иже по плъти распетаго Бога, егоже адови стражие, бѣсове явѣ яко, видѣвше, ужасошеса, якоже воску, по Давиду, растаявшусе от лица огню и, яко дымъ, тмѣ прѣдани быше? Якоже бо еще сѣ непостоянна въ онѣхъ имѣаша дръжа, и овъ убо повелѣваше, овѣ же невидими бываху, а иже от онѣхъ дѣйствиемы от узъ свобаждяхусе. Сице убо и въ адѣ тежку тѣмъ наведе рану, крѣпко удръжавъ же и запнь и узами обложивъ нерѣшимими. Съ сими бо убо и божеств'наа съисповѣдуютъ Давыдова, егда поет: «Пльть моя вселитсе на упование, яко не оставиши душу мою въ адѣ, ни даси же прѣподобному своему видѣти истлѣнша, яко иже въ адѣ съмыртну съхождение Христово и съ властиу пакы възкресение и сиа проповѣдающа. Кто бо от в'сего вѣка, умрѣ, не растливсе тѣломъ развѣ Христа? Сего бо тлѣние убо приеть, распрежение реку еже въ немъ умные душе, растлѣние же, сирѣчь раздрусение, никакоже. Триднев'нь бо воста, якоже бо от мор'скаго звѣра утробы Иона, тогово и сѣ образу погребение и тридневное възкресение. л. 232

Еще рече Моуси въ книзѣ Бытиа: «Вплъ Сodom'скы и Гомор'скы умножисе къ мнѣ; съшьде узру. Авраамъ же бѣ стое прѣдъ Господемъ. И приближив'се, Авраамъ рече: Не погубиши праведнаго съ нечестивымъ, и будетъ праведникъ яко нечестивы. Аще будутъ петдесеть праведникъ въ градѣ, не оставиши ли его петдесете ради праведникъ? Никакоже сътвориши сѣ Судей в'сей земли. Рече же Господь: Аще обрѣщу въ Содомѣхъ петдесеть праведникъ, оставлю в'се мѣсто тѣхъ ради. И отвѣщавъ Авраамъ рече: Ниня начехъ глаголати къ Господу моему, азъ же есмь земля и пепел. Аще обрѣщутсе четыридесет и петъ? И рече Господь: Аще обрѣщутсе четыридесет и петъ, да оставлю градъ». Сице убо от'емле Авраамъ присно от количества, доиде и до десете. Таже рече: «Отиде же Господь, яко прѣста глаголе Аврааму».

Видиши ли, како от нихъ же о Адамѣ рѣхомъ, и о нихъ же Богъ бесѣдова Иову, и от Авраамовѣхъ и Мелхиседека божеств'ное таин'ство Христова възплъщения показовашеса? Аще бо и въ рабѣ образъ Аврааму показасе

Сынъ Божий, яко чловѣкъ бо явися, нъ чистаа праведнаго душа, яко
 а. 232 об. Бога || сего еже бѣ позна.

Кого убо быти рече въльшагосе Аврааму? Богъ убо и Отець не бѣ, елма явивѣсе яко чловѣкъ явися, въ немъ же образѣ никогда же Богъ пророкомъ явися. Аггелъ не бѣ: когда бо или Моуси, или инъ кто от пророкъ, въ память пришѣдъ аггела, Господа того и судиу именована? Что убо изостаеъ ино? Нужда в'сака Сыну быти Божиу и Слову, иже Богъ естъ тѣжде и чловѣкъ. Заеже убо яко чловѣку явитисе Аврааму будущее прознаменовашесе въплочение, якоже и самъ Богъ рече: «Съшѣд, узру». Заеже Господа того нареци Авраамъ же и Моуси и сущаа в'сей Земли, и милующа и наказующа егоже помиловати хоцет и показати, божество явѣ показовашесе, еже бо судити и миловати и гнѣватисе не иному кому, развѣ Богу. А заеже рещи паки, яко, «Аще обрѣщу толицѣхъ или толицѣхъ, оставлю градъ» начелное и величье бесѣдующаго познавашесе.

Не тъкмо же, нъ и Авраамовъ отрокъ Исаакъ — образъ аще кто Христовъ и тѣ бѣше сѣ. Якоже бо Авраамъ Исаака на гору пожрѣти въведе, сице и Богъ своего Сына въ миръ посла жрѣтву себе о всѣхъ спасениу приносеца Богу и Отцу. И якоже Исаакъ убо не умрѣт, закланъ же бысть вмѣсто же его явлейсе овнь, сице и Сынъ убо и Слово, божество реку, не пострада, Адамова же плѣть под'ет сѣмрѣть, якоже нѣкый овнь, на жрѣтву непорочну и святу възложена бывши.

Еще же убо и иже съ Иаковомъ борив'се и обнощевавъ, вънегда боритисе, кто убо когда бѣ и что выпросившому Иакову отвѣща, егда того выпроси: «Что ти естъ име?» — «Почто, — рече, — выпрашаеши име мое, и сѣ естъ чюдно». Аще убо аггелъ былъ, како неизреченно быти рече свое име? Не якоже убо от послѣдняго чина аггелъ, нъ и от прѣваго сихъ священноначел' ствиа не мала от аггел'скихъ именъ познана быше. Аще ли же сѣ, како неизреченно рече быти и чюдно, аще аггелъ бѣ, свое име? Нѣсть рещи. Извостаеъ же убо Богу быти таковое имущу име. Се бо послѣди запрѣти и Моусеу Богъ, аще нѣдци выпрашаютъ его, от кого посланъ бысть и что пославшому име, иже «Сѣ» тъкмо глаголати и множае ничтоже. Съматрай же, како якоже при Авраамѣ яко чловѣкъ явися Сынъ Божий, сице и zde: яко чловѣкъ съ Иаковомъ борисе — прѣжде толику лѣту и сиа тогова въплыщения.

Еще Моуси божеств'ны пророкъ, въплыщение его проповѣдуе, глаголаше: «Възвеселитесе, небеса, купно съ нимъ, и да поклонетесе ему ||
 а. 233 об. в'си аггели Божии; възвеселитесе, езыци, съ люд'мы его, и да укрѣпетесе ему вси сынове Божии, яко кровь сыновъ ихъ отмъщает и отмъститъ, и възда мсть врагом, и ненавидещимъ его въздасть, и очиститъ Господь землю людей своихъ». Прочее, еже рещи «да поклонетесе ему вси аггели Божии» двѣма лицама являемо: Божиу реку и иже от аггелъ Божиихъ поклоняемому. Явлено, яко не убо кто инъ поклоняемый будет, развѣ Божий Сынъ, емуже толико благоговѣние и почѣсть аггели даяху Богу. Не сѣ же тъкмо пророкъ въ сихъ, нъ и иудейское разорение и езыкомъ показа възвание: «Възвеселите бе се, — рече, — езыци съ люд'мы его, и да укрѣпетесе ему в'си сынове Божии, яко кровь сыновъ своихъ отмъщает, и отмъститъ, и въздасть мсть врагом, и ненавидещимъ его въздасть, и очиститъ Господь землю людей своихъ» — езыкомъ явѣ яко.

Еще тѣжде рече Моуси Сына и Слова Божиа проповѣдае въплыщение: «Въскрѣситъ Господь Богъ отъ братий нашихъ пророка, яко мене, и в'сака душа, яже не послушаеъ пророка оного, потрѣбитесе». Еже убо «яко мене» ничтоже ино показуеъ, развѣ яко чловѣкъ естъ пророчествуемы и от
 а. 234 Бога будет, || а не прѣльстникъ нѣкто или лжепророкъ. А же «отъ братий нашихъ» — яко отъ Еврейъ будет, а не отъ языка иного. Да аще кто мнитъ мнози лжепророци и прѣльстници въ Иудеу приидоше, послѣди глаголетъ, яко пророкъ естъ и отъ Бога, ни да вѣруетсе, ни да приемлетсе, нъ да отрынетсе отвѣсуду яко льстивъ же и прѣльстникъ. В'са же мысль реченному такова нѣкаа естъ: вѣистину, якоже язъ отъ горькыя работы

Егуптѣиъ вас раздрѣших и Ззконь къ спасениу дах, сице и иже мноу проповѣдаемы пророкъ ниня свободитъ весь мирь от погубныи власти и мучител'ства дияволя и незаконныи идол'скыи и скврннѣйшее службы и Законъ свободжениа в'сѣмъ даруетъ. И пророкъ же Давидъ: «Рече, — глаголетъ, — Господь Господеви моѣму: сѣди одесную мене, дондеже положу врагы твое подножии ногама твоима».

К с е н: Зде, цару, ни же удръжати прочее себе имам: аще бо и в'са инаа нудещесе къ нашему прѣлагати хотѣниу, се не никтоже възможи прѣложити инде нѣгде, от в'сѣх вѣдомо въ Езекиу речено быти.

Ц а р ь: Аще убо была би нѣкаа закрываема объетаа псалму, якова многа множицею речена быше пророкы гадагелнѣ и неудобнѣ, имѣал' би убо нѣкое мѣсто хотей како-любо злодѣйствовати. Елма же мнѣ сѣ ниня прѣжде иныхъ тыщател'но бысть еже в'са убо яже о Христѣ пророчества многа и неудобь исповѣдима суща изьоставити, нужднѣйшаа же избрати и рассмотреть и им'же не убо кто ни же иже зѣло неразумнѣ супротивъ рещи имат, по коемуждо тебѣ в'са яже псалма сего сказати покушусе. л. 234 об.

Пръвѣ бо убо разумѣи, кто есть сиа глаголей, яко царь выистину. Аще убо сице есть, а не инако, како въ начетцѣхъ глаголе: «Рече Господь Господеви моему»? Кого глаголетъ Господа себѣ? Еда убо Езекиу? И како не бесловесно и тъкмо въ умѣ носити еже Господа себѣ Езекиу иже от единого Бога царствуема и обладаема Давиду рещи? Нѣ аще не и Езекиу, есть ли иногo нѣкоего Давиду обрѣсти господина? В'сако никогоже. Прочее, Господа глаголетъ, сирѣчь Бога. Къ егову Господу, сирѣчь Христу, рещи одесную сѣдѣти Бога и Отца. Будут' же ти паче явлена, еже таковою мыслию сиа Давиду рещи, от их'же по сихъ наводимыхъ.

Что бо рече: «Жъзль силѣ послет тебѣ Господь от Сиона, и удолѣвай посрѣдѣ врагъ твоихъ. С тобою начел'ство въ день силы твоее въ свѣтлотахъ святыхъ твоихъ. Ис чрѣва прѣжде дѣнице родих те. Клется Господь и не раскатесе: тѣ еси священникъ въ вѣкы по чишчу Мелхиседекову»? л. 235

Еже убо «сѣди одесную мене» къ чловѣку рече Богъ, егоже Сынъ восприет и Слово его, врѣменно възьмъ начел'ство по плъти, и освяти его от самого зачетна и прослави. Хоте убо пророчьское слово овому убо Бога и Отца безначелна указати, овому же чловѣка, егоже Сынъ и Слово его восприет, врѣменно начел'ство имущу, еже «сѣди» рече — еже тѣлесемъ есть и тврѣдое же, паки и прѣбывателное и почѣсти величие сѣдалищемъ являе. Плеть убо, юже от нас Господь приетъ, еже къ божеству съединениа и освятисе, и еже одесную Отца сѣдалищемъ почтена бысть. Божество же никакоже убо тѣлеснымъ причестисе страстемъ.

Якоже бо желѣзо, огню съединив'се, свою чръность и студень не подасть огню, оногo же зари и свѣтлости, якоже и топлотѣ, причестисе, сице и Божий единороднѣи Сынъ и Слово: тѣ убо подасть плъти иже своего божества похвалы, сам' же оное не причастисе страстемъ. Съедини же се той, никоеже смѣшение или измѣнение никаково убо под'етъ по божеству. Прѣбыв' бо Богъ, иже и прѣжде съединениа бѣ, в'се освяти восприетие, и прослави, и еже одесную Отца сѣдалищемъ почтете.

Десна же Божиа рече не яко тако||вѣ или лѣва имущу Богу, не убо, ни якоже основану сѣдущу или стоящу, или елика суть тѣлесе творещу или страждущу, елма сихъ вьнѣ есть в'сѣхъ, яко вещьественнымъ сущимъ, тѣ же въздѣ сѣи и в'са испильнае, нѣ сѣдалищемъ и десными чѣсти паче-естьественное прѣдставляе. л. 235 об.

Врагы же рече положити подъ нозѣ его — дияволя, съмръть и идолы почитающихъ и упование на не имущихъ несмыслнѣ. Ибо аще и жити въ нѣкыхъ дияволь ниня мнитсе, нѣ истинною умрѣт и погыбе, раздрюшену бывшу купно мучител'ству и силѣ его, спышну его и свезавшу Христу, и всѣхъ, ихже прѣжде възможе поести, от утробы его крѣпко извлѣче.

Се бо и Давидъ прозрѣвъ, «Възьшьдѣ, — пояше, — на высоту», сирѣчь на крестъ, «плѣнилъ еси плѣнъ и даль еси даянна въ чловѣцѣхъ», сирѣчь

сущимъ убо под областиу диаволею, паче же от оного нуждею дръжимых, раздрѣшивъ, отпустилъ еси, супротивные же все его силы даяниа чловѣком даль еси, сирѣчь попираемомъ быти и поругаемом от нихъ же прѣжде порабощенымъ тѣмъ сѣтворилъ еси, иже яко вѣистину имену чловѣка не лъжущих. Овѣ убо от Еллинъ прѣ||мудри животно быти чловѣка уставляют словесна, мрътвно, ума и художества приемител'но, еже истинно убо есть.

Нь нѣсть сѣ иже истому и сущому чловѣку съврѣшенъ прѣдѣль. Сѣ бо убо будетъ истиною чловѣкъ, иже нескврѣнно и цѣло еже по образу и по подобію съхранивъ. Еже убо глаголахом, силу Господь адову и царства раздрушивъ, дасть того въ поругание и уничижение святимъ. Аще ли же и жити еще мнитсе, заеже не въ коньць прѣдану быти ждущому его огню, ново ничтоже. Аще бо убо приступит къ нѣкоторымъ, приет будетъ въ начелѣ, своя дѣеть, в'сакомъ образомъ съподѣлники тѣхъ своему осуждениу и погыбѣли хытрѣствуе показати. Аще ли же таковѣмъ, ихъ же рѣх, прилучитсе не иже къ истинѣ лъжеющимъ чловѣка, далече нѣгде отгонимъ есть, от рабъ Божиихъ попираемъ. Подобнѣ же и смръть и тлѣние, яже прѣслушаниа ради Адамъ и его ради иже от него осуждени быше, раздрушивъ, бесмрътие и нетлѣние дарова чловѣкомъ. Не убо же, нь и идол'ское служение же и поклоняние съврѣшеннѣ потрѣби.

Се бо есть еже «дондеже положу врагы твое подножие ногами твоима», — врагы убо тому же и Отцу, ибо единому сих врагъ и обоим врагъ есть. 4. 236 об. От срѣды сѣ||твори свой разумъ же и служение, едино истинно и праведно, в'сѣмъ дасть.

Тѣ же не яко съпособствующу Сыну Отцу не могущу еже «дондеже убо положу врагы твое» рещи възнепщуети, нь яко едину свою же и сыновню хоте показати силу. Якоже бо въ Еуаггелиихъ Сынъ рече: «Никтоже приходит къ Отцу, тѣчи мною», — сице ниня рече Отець: «Мною врази твои падут под ногама твоима, жъзль силѣ послет тебѣ Господь от Сиона, и удалѣвай посрѣдѣ врагъ твоих». Кый убо есть иже от Бога жъзль от Сиона посланъ, и къ кому посласе? Къ Езекии ли убо? Никакоже. Нь къ чловѣку, егоже Сынъ и Слово Божие въсприет. Послати рече жъзль силѣ от Сиона, — крестъ сице нарыче, иже въдрузисе въ Сионе. «От Сиона бо, — рече Исая, — изыдетъ Законъ, и Слово Господне от Иерусалима». Якоже бо жъзль имат убо пастѣвную нѣкую силу еже от пастира, имат же и отразителню тѣжде звѣрий, сице убо и крестъ и Еуаггелие иже убо божеств'ное сѣтворяющимъ крычение и прѣбывающимъ въ немъ и апостолскимъ внимаютъ учениемъ же и прѣданиемъ упасительнѣ нѣкый бѣ жъзль, на божеств'ные пажити и на нетлѣнные наставляющу рае, невѣрующимъ же 4. 237 и противещимсе — жъзль силѣ, овѣх убо || възвращающу заблуждаемых же и отскачущих, овѣх же и въсма отгонещу: крестомъ бо побѣжденъ бысть диаволь. Крестомъ и именем, иже на немъ притвожденному, множайшаа и многа испльнь чюдеса быше. Что юже о множае глаголати? Креста ради и Еуаггелиа в'са въселенаа къ божеств'ной проповѣди приступи, и быше рабы убо Христу, сынове же по обѣтованиу Авраамли Христомъ, яко от Авраамля сѣмене сущу и самому Христу. Тогда убо посрѣдѣ врагъ своих удалѣ.

Внимати же подобаетъ пророчьскимъ словесемъ опаснѣству: како не рече «побѣждай» врагы свое, нь «одолѣвай»? Есть бо побѣждати не одолѣвати же врагом: егда кто честь силы врагом низложить, тѣх не въсма поработи. А еже удалѣвати — еже въсма повиновати себѣ кому врагы есть. «Одолѣвай» убо рече, являе аде прѣзлную же свою силу и еже въ коньць низврѣжение врагом его. Подобнѣ и еже «посрѣдѣ» силное покажутъ крѣпости одолѣвающаго. Толицѣми бо проповѣдъ и велицѣми врази об'ступлена же и посрѣдѣ оставлена, прѣвыше явисе от всѣх, овѣхъ убо посрамль и яко звѣри отгнавъ, овѣх же и присвоивъ себѣ. 4. 237 об. Ра||зумѣй убо, колицѣмъ и великимъ посрѣдѣ странамъ и градомъ, от истов'ства идол'скаго бѣсецихсе, жрътвѣници и храми сами же апостоли

и по онѣхъ иже проповѣдь прѣмшеи назидоваху же и устраяху, и сна, еже рѣхъ, многими ранами и томленны нестрѣпимыми отражаеми.

«С тобою начел'ство въ день силы твоее», сирѣчь естествен'но, а не от-вѣнѣ приходещу, якоже многимъ. Се бо есть еже «с тобою», еже единому есть Богу, а не иному. Еже бо тѣжде Давидь въ иномъ рече псалмѣ: «Царство твое царство въ сѣхъ вѣкъ, и владычество твое въ в'сакомъ родѣ и родѣ». Сѣ тожде и ниня рече, «С тобою, — глаголе, — начел'ство въ день силы твое». Кѣи день? Въ иже крестъ дрѣзновение имѣти имать, въ иже езыци в'си твою непобѣдимую разумѣютъ силу и безмѣрное съхождение, еже и бысть. Обращение бо сѣ езыкомъ тѣжде и паки Давидь, прѣдзре, глаголаше: «Веселитесь езыци съ людмы его», и паки: «Хвалите Господа въ сѣ езыци, похвалите его въ сѣ людше», и Исайа: «Будеть корень Иесеевъ, и вьстаей обладаты езыки, на нѣ езыци уповаот въ свѣтлотахъ святыхъ твоихъ». Коимъ сим? Пророкомъ, апостоломъ, || мученикомъ, преподобнымъ, *л. 238* иже въ очю безумныхъ нещевани бывше умрѣти, овѣ же суть въ руцѣ Божии и въ смирени, якоже рече Соломонь, иже и паче солнца, якоже еуаггел'ское рече слово, просияють въ второе Христово пришествіе.

«Ис чрѣва прѣжде дѣниче родих те». Кого кто убо иже от в'сего вѣка прѣжде солнца речеть родитисе? Вьистину иединому. Аще убо не Езекию сами, лъжуще, речете. А еже натолицѣ испытанное есть, яко ни о самѣхъ аггелъ сѣ нещевати есть, яко да не кто убо о нѣкоторымъ от сихъ речено быти сѣ възнепщуетъ. Еже «ис чрѣва» прилежитъ, да прѣдставитъ еже къ рожденному единосушное рождѣшаго.

Зрѣ же, како пророкъ имже рече Бога тогожде истинна и чловѣка извѣстно прѣдставляетъ и тожде имуща сущѣство рождѣшаго Отца. Вьнегда бо рещи «рече Господь» Бога яви и Отца, а еже навести «Господеви моему» и еже «сѣди одесную мене дондеже, убо положу врагы твое подножие ногама твоима», и еже «жъзль силѣ послеть тебѣ Господь от Сиона», и паки же «одолѣвай посрѣдѣ врагъ твоихъ» — симъ в'сѣмъ чловѣка показа, егоже Сынъ и Слово Божие вьсприет, а въ еже рещи || «ис чрѣва прѣжде дѣниче родих те» искрънное сынов'ства и сущѣство тождѣства. Аще бо многа нужда, якоже нѣгде речено бысть, подобно себѣ раждати комуждо и животнымъ, и садовомъ, далече же, якоже подобаетъ, вещьше иже паче в'сѣхъ Богъ единосушна Сына себѣ раждаеть. Еже бо «ис чрѣва» подобиа явител'но, инако же чрѣво разумѣти при Бозѣ бесловесно. *л. 238 об.*

«Клетсе Господь и не раскается: ты еси священ'никъ въ вѣкы по чину Мелхиседекову», — якоже бо рече, Мелхиседекъ священникъ бѣ вышняго Бога, и царь тѣжде сѣ Салиму, сирѣчь смирениу, иже обѣтованиа имущому патриарха Авраама срѣтъ, от царей сѣча възвращающасе, благослови его и десетины от него възеть, сиче и Христосъ священ'никъ убо есть, яко себе о в'сѣхъ спасениу заклавъ, толико Мелхиседекъ развн'ствовавъ, елико овъ убо, чловѣкъ сѣ, якоже подобаше, умрѣтъ, Христосъ же въ вѣкы есть священникъ, единѣмъ приношениемъ закланъ бысть и прѣбывае въ вѣкы. И якоже онъ еже по плъти убо отца Авраама иудеомъ, по обѣтованиу же езыкомъ в'сѣмъ, иже въ обрѣзани и иже въ необрѣзани, благослови, а еже мнѣшее от большаго благословляется, и десетины от него при||ет, сиче *л. 239* и еже по чину Мелхиседекову бывъ священникъ Христосъ в'сѣмъ езыкомъ бысть Господь, и иже въ необрѣзани и въ обрѣзани. Ни бо мали и от сихъ вѣроваше въ име его, нѣ и много от невѣровавшихъ множае.

А еже «Клетсе Господь и не раскается» сѣ хощетъ явити, яко елма в'сакъ кльнѣсе или недостоина себе еже вѣровану быти нещущесе заклинается, да клетвы ради удостыитъ глаголемаа, или слышешаго малодушна вѣды и никако же вѣруема, аще не и клетву приложитъ глаголемыи. «Клетсе» рече Богъ не себе ради, каа бо бѣ потрѣба? вашѣхъ же ради отецъ непокор'ства и злонавіа же и жесточѣства, яко Христосъ будетъ въ вѣкы священникъ по чину Мелхиседекову, а не по чину Ааронию. Нѣ ничтоже паче, ни таа клетва доволна бысть вамъ въ увѣреніе, ни же неразумное сръдце ваше

въ разумъ приведе, нь яже о Христѣ божеств'нымъ симь пророцѣм речена на Езекиу бесловеснѣ прѣложити не облѣнистесе.

А еже «ис потока на пути пиет, сего ради възнесет главу» еже уставу пице и житиа его простое же и неукрашеное показует, абие же глаголе, яко иже толико себе смѣривъ и толико убожество прошьдь, яко ни || же главу имѣти подклонити где, нь и жежду от каковѣх-любо потокъ и от прилучившихсе водѣ исцѣляе. Сѣ възнесет главу, явѣ яко юже приети благоизволи чловѣч'ское естество и на небеса възведет сѣ, одесных Отца посадивъ. Еда убо не въ Христа, нь въ Езекиу изыдоше сиа? И кто сиче вьнѣ вьсма еже мудрѣствовати паде, якоже и тѣкмо въ умѣ положити? Яже убо въ настоящимъ псалмѣ такова суть и сиче явѣ в'са Христа проповѣдают.

Да сьматраемъ же и яже въ сед'мьдесетомъ и прьвомъ псалмѣ томужде пророку о Христѣ речена: «Бог, — рече, — судъ твой цареви даждь, и правду твою сыну цареву».

К с е н ь: Прочее убо, ни же сиа нам кромѣ злодѣйства оставляютсе, нь съ властию и сих наскакающе на Иисуса ли приемлете? И убо всѣмъ явѣ суть, яко къ своему сыну Соломону Давидомъ суть речена сиа, иже и царь, и царевъ есть сынъ.

Ц а р ь: Видиши ли, о Ксеню, како еже въ горнихъ словесехъ въ многихъ рѣчехъ, яко многа прѣльсти ваше виновна быше, сѣ истинно ниня събывшеее видит ли се. Или убо единоимен'ства въ сихъ, яко царь Соломонъ и царевъ есть сынъ, или права удобное, оставляю бо реци стрѣпотно, и и//нако еже къ Христу мрьско прилежати прѣльсти виновно намъ сѣ бысть, и инаа по удивльшихсе вьмѣсто сущихъ зрѣти нещуете, и сѣни яко истину приемлюще присно от прѣродителъ своихъ кыйждо по чаянию лъжу якоже нѣкое наслѣдие приемлюще и имъ же по тѣхъ сее учителяе устраеями. Яко убо еже рѣхъ, многа же нужда писпастнати вамъ и съкрушитесе, самѣмъ же слѣпотующимъ, и таковѣмъ инѣмъ, послѣдующимъ руководителемъ. Ваши бо прѣродителне много от истины погрѣшише, и вѣ от онѣхъ ничтоже мьне, аще не и паче онѣхъ отгнани бысте. Нь сиа убо да оставимъ. И лъжнаа и изобрѣтеннаа сиа прѣдприетиа пиан'ства навькнеши нещуете еже ниня быти.

Сьматрай же, аще не от всѣхъ непрѣкословна тебѣ яветсе яже мною реченаа. В'са бо прочее настоящего псалма велико имут видѣние и дивно, изредна же есть от всѣхъ прьваго стиха мысль. Аще убо и свѣрѣпишисе и противитесе истинѣ хощещи, нь азъ, поелику мощно мнѣ есть, покушусе тебѣ в'са угладити къ глад'чайшому и явленнѣйшому, якоже и въ прѣждныхъ мнѣ сътворено бысть.

«Боже, — рече, — судъ твой цареви даждь». Коему царю? Оному, емуже в четыридесе||томъ и четвертомъ псалмѣ тѣжде рече Давид, яко: «Прѣстоль твой, Боже, въ вѣкы вѣка, жьзль правости — жьзль царствия твоего. Възлюбиль еси правду и възненавидѣ безаконие, сего ради помаза те, Боже, Богъ твой елеемъ радости паче причестникъ твоихъ». Сматрай убо в'са по коемуждо. Вьнегда бо реци «Прѣстоль твой, Боже, въ вѣкы вѣка» показа божеству Сына величие и царствия вѣчнующее же и безконьчное и присносущное. А въ еже реци, яко «жьзль правости — жьзль царствия твоего. Възлюбиль еси правду и възненавидѣль еси безаконие» чловѣка, егоже Сынъ въсприетъ, в'са яже суть плоть къ истинѣ въсприемшу, развѣ грѣха. Сѣ бо и заеже «възлюбиль еси правду» назнаменоваше и «възненавидѣль безаконие». А въ еже пакы приложити «сего ради помаза те, Боже, Богъ твой елеемъ радости паче причестникъ твоихъ» обое рече, Бога купно тогожде и чловѣка въ съставѣ единомъ показавъ. Еже бо «помаза» плоть являет, тѣ бо помазана бысть, а еже «Боже» — Сына, вьмѣсто еже «о, Боже» помазана, «Богъ твой» же пакы — Отца, къ въсприетию възношение имѣе, сему бо есть Богъ, а не Сынъ. Вьмѣсто звател'ные же zde правѣ, еже «Боже» явѣ яко, сказавшимъ вѣдомо бысть богодѣхновен'ное

Писание сед'мь||десетымъ, яко паче от иныхъ еллин'скихъ бесѣдъ афинскихъ

дръжещимв. Въ онѣхъ бо множайшѣ кто убо обрѣщеть по сему износима образу, якоже «другъ» вмѣсто «о, друже». Сиде убо и зде еже «Боже» разумѣно бысть вмѣсто «о, Боже». А еже «Богъ твой» Отца являет къ въсприетиу, якоже рѣхом, възводимо, въсприетиу бо есть Богъ Отець, а не Сыну.

Ты же да не, двѣ естество слыше, чловѣку же и Богу, и два сына такожде, Сына реку Божиа и сына чловѣку, двѣ сѣстава възьмниши быти или два раздѣлена сына, нъ оно, еже прѣжде мала тебѣ указателнѣ от нас речено бысть, въ умѣ положи: еже огня и желѣза реку. Якоже бо желѣзо и огонь, другъ другу съединившесе, единъ сѣставъ бывають, иному въсма сущу коемуждо естество, сиде и мой Христос, Богъ сѣ по естеству единосущнѣ Отцу, единъ сѣ плтиу сѣставъ, съединив'се ему, бысть несказанно и в'сакого слова прѣвыше. Кое бо убо слово такового чудесе постигнет, како двѣ естество иноплеменнѣ и въсма несмѣснѣ, еликоже по уму чловѣчскому, единъ бысть сѣставъ, съединившесе крайнѣ сѣвршениымъ и сѣа соб'ствѣа коемуждо съблюдаемо и сѣлтиу или смѣшениу въсма не послѣдовавшу, развѣ елико при || желѣзу убо и огню: желѣзо бысть сѣставъ огню, при Христу же супротивное — Сына Божиа сѣставъ и сѣставъ бысть плти.

В'сако понеже, якоже речено бысть, еже «Богъ твой» къ въсприетиу простирается и къ сему възведение имат, по еже рещи, яко «жъль правости — жъль царствѣа твоѣго. Възлюбиль еси правду и възненавидѣль еси безаконие» наводит якоже нѣкотораго таковыя добродѣтели тому данно въздание, еже «сего ради помаза те Богъ твой елеемъ радости паче причестникъ твоихъ». Кыхъ убо сихъ? Священники же и царие обычай бѣ, и бо сущимъ под судомъ царемъ и священникомъ главамъ масло помазаниа сѣ рогомъ сѣ изливати, якоже нѣгде и божеств'ны пророкъ помазанъ бысть Давидъ, на нъ паче истекшу и въскочив'шу елеу, нъ убо и Сауль от иже и Давида помазавша Самуилу и прѣжде сихъ Аарона въ священника от Моусеа брата и пророка.

Зри же и како не рече, яко «помаза те Богъ елеемъ» просто, нъ «елеемъ радости». Иже убо прѣжде Христа помазани в'си священники же и царие масломъ мазахусе растворениымъ, чловѣкъ же, егоже Сынъ Божий въсприет, радости елеемъ божественнымъ и прѣсвятымъ помазасе Духомъ. Сѣ бо || Христову прѣсвятую плть и помаза, и освяти възнесшусе. И въ онѣхъ убо отчести духовнаа благодать даашесе, а въ еже по чину Мелхиседекову и цару и священнику Христу в'са дарованиа, в'са даниа, самое испльнение божества въселесе тѣлеснѣ, еже ни на кымъ никогда от всѣхъ мощно есть рещи, развѣ иже паче естества и паче постижения в'сакого аггел' же и чловѣкъ бывшему чловѣку от прѣсвятые и приснодѣвы Марие.

Конецъ еже «На Иудеохъ» четвертому слову.

Vindobonensis Palatinum, Slav. 34.

* ЧЕТВЕРТОЕ СЛОВО ПРОТИВЪ ИУДЕЕВЪ *

И м п е р а т о р: Ты, конечно, знаешь то, что немного раньше я сказал тебе о дьяволе: будучи святым, ангелом и умом, превосходящим небо, он не удержался в том чине, в каком был создан, но, помыслив утвердить свой престол на облаках и уподобиться Всевышнему, он следом за тем был низвержен и стал, как известно, вместо святого грешным, вместо светлого темным и вместо ума небесного и высокого умом заблудившимся. Подобным образом и Адам, созданный Божьей рукой и получивший от Бога власть над всем под небесами, — это Иисусом Навином и Илией

* За проверку этого перевода благодарю доцента кафедры классической филологии ЛГУ А. И. Зайцева.

Фесвитянином было впоследствии обнаружено: один удержал солнце, а другой, Илия, заключил небо, — и, главное, наделенный сверх всего прочего нетлением и бессмертием, он не удовлетворился этой честью, но пожелал быть богом. Этого не произошло, он же оказался изгнан из того прекрасного райского обиталища и таким образом променял нетление на тление и осуждение.

Как видишь, никто не может долго глумиться над истиной, Бог же никогда не бывает поруган. Послушай и еще кое-что. Некогда Ирод, облекшись в драгоценную одежду, сел на высоком сиделище, видимый всем, давая суд всем приходящим к нему из Тира и Сидона. И вот однажды стоявший вокруг него народ, приветствуя его, закричал: «Это божий, а не человеческий голос», — его голос, стало быть, так называя. Подобало бы схватить кощунствующих и наказать. Он же ничего такого не предпринял. И за то, что он так спокойно воспринял кощунство, ангел ранил его в бок божественной стрелой, и он поплатился за свое безумие и стал жалким кормом червей (см.: Деяния апостолов, 12, 20—23).

А что сказать об Озии? Не у него ли все тело покрылось проказой за то, что он дерзнул сам покарать (см.: 2 Паралипоменон, 26, 16—23), а дар пророчества не отступил ли сразу от народа? Еще более замечательно то, что — не на какое-то малое время, но на все время его жизни, по кончине же его вернулся и вновь был дан народу от Бога, о чем и Исайя, отмечая это время, говорит: «В тот год, когда умер царь Озия, я видел Господа, сидящего на престоле высоком и превознесенном» (Исайя, 6, 1). Не стану говорить о Дафане и Аврионе, об их дерзости и наказании (см.: Числа, 16) и об осуждении Илия за нечестие и наглость его детей, евпих мясо прежде времени жертвы (см.: I Царств, 2—4).

Как видишь, не только людей, но и ангелов согрешивших Бог не пощадил. И если Иисус был богопротивным обманщиком и всем прочим, что твой предки и ты сейчас сказали хульного о моем Христе, как же тогда Бог в соответствии с вышесказанным не покарал вскоре тех, кого тот обманул и кому он ясно провозгласил, что он — Сын Божий, равный Отцу и равную с ним имеющий власть на небе и на земле, и что видевший его видел Отца, и что уверовавшие в него не увидят смерти, имеется в виду смерти душевной? И если он говорил это не сообразно с мнением своего Бога и Отца, как же тогда Бог не воспрепятствовал творимым им каждый день чудесам или по смерти его никак не воспротивился проповедникам его имени, хотя к ним отовсюду стекались опасности и беды, но получилось совершенно противоположное: к двенадцати простым людям, ибо они были рыбаками, сборщиками податей и шпивальщиками палаток, вся вселенная приступила и взяла на себя евангельское ярмо — по причине совершаемых ими знамений и чудес именем распятого по плоти Христа. И сам ведь Христос, посылая их на проповедь, сказал им: «Вот, я посылаю вас, как овец среди волков» (Матф., 10, 16). Как же, пребывая среди таких и такого количества не то что волков, но более, чем те, свирепых львов и драконов, — я имею ввиду вельмож, тиранов и царей, — они не были ни побеждены, ни съедены ими, скорее напротив: они таких неукротимых победили и сделали их более кроткими, чем овцы. Не делай из этого вывод, что проповедь шла гладко и никто не сопротивлялся тому, что они говорили, потому что вокруг них было столько людей, препятствовавших им и жестоко изгонявших проповедников, что страшно и подумать. В конце концов все они скончались от меча, за исключением немногих. Но даже это не смогло противостоять силе чудесного того и превосходящего ум апостольского учения. Всякий согласится, что не человеческой силой совершилось то, что все были побеждены их мнимой простотой, сами же они оказались выше всех, кто вопил на них и человеческими властями похвалялся, — но единственно силою Бога и его едиnorodного Бога-Сына. Ибо разве возможно сосчитать, сколько раз каждый день и сами апостолы, и от них воспринявшие веру во Христа схватывались со зверями за то,

что они проповедовали, и скольким видам разных смертей со стороны какого количества гонителей они подвергались! Но и это не смогло заставить отступить от любви к проповедуемому единыжды в него уверовавших — ни жестокость тиранов, ни изощренность бесчисленных и чудовищных наказаний, ни какие бы то ни было другие средства, но слаще всякого наслаждения и жизни для них были наказания и смерть за него. И чем больше они страдали, тем больше всех к себе привлекали. Можно ведь насчитать десятки тысяч не только простых и незаметных людей, но и очень известных, можно даже и царей указать, воспринявших проповедь и добровольно подставивших свои шеи ярму Христову. Движение проповеди прекратилось ведь не прежде, чем вся вселенная наполнилась божественным знанием. И теперь ты можешь видеть, что вся вселенная охотнейшим образом подвергает себя всем опасностям и смерти ради Евангелия. Никто ведь не скажет, что людей заставили поверить сила и мощь, значит — премудрость и сила убеждения, заключенная в слове. Так что отвергнуть и низвергнуть простоту проповеди они могли бы, если бы захотели, — они-то напротив премудростью не изобиливали, — одной рукой. Если браться рассматривать все это в деталях, то можно найти десятки тысяч противников Евангелия, с неудержимой силой на него бросавшихся и поодиночке, и разом. Но и таким путем ложь над истиной не восторжествовала. Пропуская других, поскольку говорить о них сейчас не время и некстати, скажу вот что: кто из когда-либо безумствовавших против Христа может сравниться по бешенству с Максимианом и Диоклетианом, правившими многократно воспетым Римом и, пожалуй, почти всей вселенной? Сколько десятков тысяч мужчин и женщин мучениками из-за них оказались! А смогли ли они хоть сколько-нибудь поколебать крепость и неприступность истины? Нисколько. И вот, сначала отречьшись, они сложили с себя царскую власть, решив принять судьбу частных людей либо усвоив откошение к смерти, разделяемое верующими людьми.

Можешь ли ты указать другой случай, где самое большое, что есть у земных существ, — я имею в виду мудрость и силу, — ежедневно отличало бы и сопровождало шивальщиков палаток и рыбаков, числом разительно уступавших своим противникам, и законы, установленные царями, по уходе их нарушались бы, а иногда еще и при них; закон же рыбаков и шивальщиков палаток распространялся бы и процветал и продолжал бы расти, несмотря на то что прошло столько и таких лет с тех пор, как проповедники скончались? Так не великое ли чудо, что малая искра проповеди не погасла в испытаниях такими вихрями и потрясениями, такими встречными ветрами и бурями сатанинскими?

Есть у тебя что возразить на мои слова, или ты считаешь, что я ими хорошо показал, что Христос есть Сын Божий и Бог, — то, что и сам он хорошо показал своими делами и что прежде него было провозвещено всеми пророками и раньше них жившими святыми мужами, или ты считаешь, что для чистоты доказательства надо еще что-то сказать?

К с е н: Ясно, что это делалось божественной, а не человеческой силой. Но Богом Иисуса я назвать не могу. Пусть для вас, язычников, назвавших себя по его имени христианами, он будет Богом и Господом, но мы, служители Бога, сотворившего и его, не имеем нужды исповедовать какого-то другого бога и тому вместо него воздавать какое бы то ни было служение и поклонение. О каких, однако же, пророках и святых ты сказал, что они провозвестили о Боге как о распятом человеке?

И м п е р а т о р: То, что я уже сказал, Ксен, о распятом Христе-Богe, для благожелательного человека было бы совершенно достаточно, чтобы убедить его считать того Богом и в то же время ради нас человеком. Но ты полагаешь, что истине надо сопротивляться; я же все-таки думаю, что сами факты, по мере того как мы их будем рассматривать; способны будут убедить и очень неразумного и непреклонного человека.

Так вот что знай: мы считаем Богом не иного кого, как творца всего,

и не считаем нашего Бога иным, нежели ваш, но имеем в виду именно того Бога, который крепкой рукой и мышцей высокой вывел ваших отцов из Египта, и надеемся мы именно на Бога Авраама, Исаака и Иакова. Но возымели мы надежду на него не благодаря Моисею и не благодаря Закону: в таком случае мы ведь не многим бы отличались от вас, — но благодаря Иисусу Христу и Евангелию. Ваш Закон Ветхий и он был дан в Хориве, евангельская же Благодать вышла с Сиона, по слову пророка: «Ибо от Сиона, — сказал он, — выйдет Закон, и Слово Господне из Иерусалима» (Исайя, 2, 3), — имеется в виду Новый Завет, обошедший вселенную. Закон занял место предшествовавшего ему закона, и Завет, появившись потом, подобным же образом упразднил его. Евангелие же было дано как вечный и совершенный закон, истинный Завет, каковой есть сам Христос, за которым уже не последуют ни закон, ни повеление, ни заповедь. Исайя сказал ведь: «Послушайте меня, послушайте, люди мои, и цари мне внимайте: от меня изойдет Закон и суд мой во свет для народов. Приближается скоро правда моя, и изойдет спасение мое, и на мышцу мою будут надеяться народы» (Исайя, 51, 4—5). Но хватит об этом.

А раз тебе хочется узнать, какие святые и пророки провозвестили, что Христос, которого ты назвал распятым человеком, есть Бог, то прежде всего пойми, что, назвав его распятым, ты сам в себя попал и невольно исповедал истину, ибо он был распят не как Бог, — божество ведь не подвержено страданию, и Богу все повинуется, — но как человек: ради спасения всех и дабы освободить людей от проклятия.

К с е н: Если добровольно, как ты говоришь, а не будучи принужден, он умер, то, стало быть, его надо считать самоубийцей, чья душа заслуживает за это кары.

И м п е р а т о р: Между одним и другим, Ксен, громадная разница, но ничуть не удивительно, что ты среди прочего не знаешь и этого.

Самоубийцей по справедливости называется тот, кто себя убил, а не тот, кто из-за любви к любимым им людям не пощадил себя и пошел на смерть. Не самоубийцей такого человека, а истинным другом подобает называть как жертвующего собой ради любимых, чтобы, если возможно, избавить их от угрожающей им смерти. И Христос как раз за такое человеколюбие заслуживает скорее благодарности, нежели подобных обвинений. Ибо будучи Богом и видя, что губитель мучит того, кто был наилучшим, превосходящим ангелов творением его, — я имею в виду человека, — он стал плотью и, более того, предал ее на смерть, притом на смерть наихудшую, не сделав совершенно ничего, достойного смерти, для того только, чтобы одолеть того, кто имеет силу смерти, то есть дьявола, а возлюбленную им человеческую природу, изначально им почтенную, но затем по причине пристрастия к идолам отчуждившуюся от почтившего и возлюбившего ее Бога, освободить от сатанинского ига.

Понял теперь, чем одно отличается от другого, то есть бешенство, направленное на самого себя, от смерти ради любви к любимым? Если понял, хорошо, если нет, то из дальнейших моих слов, когда я стану приводить тебе, как ты и просил, пророческие изречения о Христе, тебе это сделается яснее. Итак, слушай теперь, я как раз к этому перехожу.

Удивительный Соломон в книге «Иов» говорит как бы от лица Божия: «Препояшь как муж чресла твои, я буду спрашивать тебя, а ты отвечай мне: Где ты был, когда я основал Землю? Ответь мне, если знаешь, что такое разум. Когда появились звезды, восхвалили меня громким голосом все ангелы мои и воспели. Я заградил море воротами, положил ему пределы и сказал ему: До сих пор дойдешь и не перейдешь, но в тебе сокрушатся волны твои. Ответь мне: ты ли, взяв прах с земли, создал животное и говорящим поставил его на Земле? По следам бездны ходил ли ты? Отверзаются ли тебе со страхом ворота смерти, привратники же адские, увидев тебя, ужасаются ли? В ответ Господу Иов говорит: Знаю, что ты все можешь, нет для тебя невозможного ничего. Слухом уха слышал я

о тебе прежде, ныне же око мое видело тебя» (ср.: Иов, 38, 3—17; 42, 1—5). Обрати внимание на следующее: как Давид одним броском из пращи сокрушил голову неодолимого и непобедимого варвара того, Голиафа, так и всю вашу твердыню одно это изречение разрушило. Все прочие слова, то есть: «Где ты был, когда я основал Землю», и «Когда появились звезды, восхвалили меня громким голосом все ангелы мои и воспели», и «Я заградил море воротами», и «Ты ли, взяв прах с земли, создал животное и говорящим поставил его на Земле?», — несомненно представляют все сотворившего Бога. А вот слова «Отверзаются ли тебе со страхом врата смерти, привратники же адские, увидев тебя, ужасаются ли?» к кому можно отнести, если не к распятому по плоти Богу, увидев которого, адские стражи, демоны, ужаснулись и как воск при виде огня, по словам Давида, растаяли и, как дым, исчезли (ср.: Псалом 67, 3)? Ведь он имел как будто неодолимую для них власть, и он повелевал, а они исчезали, а те, кем они владели, от уз освобождались. Также и хозяевам ада он нанес тяжелую рану, властно схватив их, связав и сковав неразрешимыми оковами. С этими изречениями согласуются слова Давида, поющего: «Плоть моя найдет пристанище в надежде, что ты не оставишь душу мою в аду и не дашь преподобному твоему видеть истление» (Псалом 15, 9—10), — слова, предсказывающие посмертное схождение Христа в ад и последовавшее затем воскресение его со властью. Ибо у кого, кроме Христа, из тех, кто умер за все века, не растлилось тело? Его же тело, претерпев гибель, то есть отделение от обитавшей в нем умной души, нисколько не подверглось разрушению или распаду. Ибо он восстал на третий день, как из утробы морского зверя Иона, тоже прообразующий его погребение и тридневное воскресение.

Еще Моисей говорит в книге «Бытие»: «Вопль Содомский и Гоморрский умножился ко мне; сойду и посмотрю. Авраам же был, стоя пред Господом. И, приблизившись, Авраам сказал: Не погубил бы ты праведника с нечестивым, и будет праведник как нечестивый. Если окажется пятьдесят праведников в городе, не пощадишь ли его ради пятидесяти праведников? Ни в коем случае ты не сделаешь этого, Судия всей земли. Господь же сказал: Если найду в Содоме пятьдесят праведников, пощажу все место ради них. И в ответ Авраам сказал: Я начал ныне говорить к Господу моему, а я есть земля и пепел. А если найдутся сорок пять? И сказал Господь: Если найдутся сорок пять, пощажу город». И так, убавляя понемногу число, Авраам дошел до десяти. Дальше сказано: «И пошел Господь, перестав говорить с Авраамом» (ср.: Бытие, 18, 20—33).

Ты видишь, как в том, что мы сказали об Адаме, и в том, что Бог говорил Иову, и через Авраама и Мелхиседека обнаруживалось божественное таинство Христова воплощения? Хоть и в виде раба предстал Сын Божий перед Авраамом, ибо он явился как человек, но чистая душа праведника опознала в нем Бога, каковым он и был.

Кем же мы можем назвать того, кто явился Аврааму? Богом-Отцом он не был, ибо явился в виде человека, в каком Бог никогда не являлся пророкам. Не был он и ангелом, ибо когда, имея в виду ангела, Моисей или кто-либо из пророков назвал бы его Господом и Судией? Что же остается? Выходит, что это был Сын и Слово Божие, являющийся разом Богом и человеком. Явление его в виде человека перед Авраамом предзнаменовало его будущее воплощение, о чем сам Бог и сказал: «Сойду и посмотрю». А то, что Авраам и Моисей называли его Господом, судящим всю Землю, милующим и воспитывающим, явно свидетельствует о его божественности, ибо судить ее, милуя и воспитывая, никто не может, кроме Бога. А слова «Если найдется столько-то и столько-то, пощажу город» дают понять власть и величие собеседника.

И ведь не только он, но и сын Авраама Исаак был неким прообразом Христа. Ибо как Авраам возвел Исаака на гору, чтобы принести его в жертву, так и Бог своего Сына послал в мир, чтобы принести его в жертву Богу-Отцу ради всеобщего спасения. И как Исаак не умер, вместо же него

был заклан обнаружившийся баран, так и Сын и Слово, то есть божественность, не пострадала, подверглась же смерти Адамова плоть, будучи, как некий баран, принесена в непорочную и святую жертву.

Также и тот, кто повстречался Исааку и боролся с ним всю ночь, кем он был и что он ответил Исааку, когда тот спросил его: «Как тебя звать?» — «Для чего, — сказал он, — ты спрашиваешь об имени моем? Оно чудесно» (Бытие, 32, 29). Если бы он был ангелом, почему бы он сказал, что имя его неизреченно? Ведь имена немалого числа ангелов, и не последнего чина, но и из первого порядка их иерархии, известны. А коли так, почему же, если бы он был ангелом, он сказал бы, что его имя невыразимо и чудесно? На это нет ответа. Только Бог может иметь такое имя. Бог же не открыл его и позже — Моисею, хотя того спрашивали, кто его послал и каково имя посланного; только «Сущий», сказал он, и больше ничего. Обрати внимание: как во времена Авраама Сын Божий являлся в человеческом виде, так и тут: как человек боролся он с Иаковом — настолько задолго до времени своего воплощения.

Еще божественнейший пророк Моисей, предвещая его воплощение, говорил: «Возвеселитесь, небеса, вместе с ним, и да поклоняются ему все ангелы Божии; возвеселитесь, народы, с людьми его, и да укрепятся им все сыновья Божии, ибо за кровь сыновей своих он мстит и отомстит, и воздаст месть врагам, и ненавидящим его воздаст, и очистит Господь землю людей своих» (Второзаконие, 32, 43). Ведь слова «да поклонятся ему все ангелы Божии» обнаруживают два лица: имеются в виду Божии лица, а также факт поклонения ему ангелов Божиих. Ясно, что не кому-либо иному они будут поклоняться, как Сыну Божию, которому воздают такое благоговение и почесть ангелы Божии. Но не только это предсказал пророк такими словами, но также низвержение иудеев и призвание народов, ибо: «Возвеселитесь, — сказал он, — народы, с людьми его, и да укрепятся им все сыновья Божии, ибо за кровь сыновей своих он мстит, и отомстит, и воздаст врагам и ненавидящим его воздаст, и очистит Господь землю людей своих», то есть народов.

Еще сам Моисей, предвозвещая воплощение Сына и Слова Божия, сказал: «Восставит Господь Бог из братьев наших пророка, как меня, и всякая душа, которая не послушает его, истребится» (Второзаконие, 18, 15—19). Слова «как меня» показывают не что иное, как то, что тот, о ком он предвозвещает, — человек, и придет от Бога, а не будет неким обманщиком или лжепророком. А слова «из братьев наших» — что он будет из евреев, а не из какого-либо иного народа. А если кто-нибудь впоследствии скажет, что он такой же пророк, посланный от Бога, как многие лжепророки и обманщики, появлявшиеся в Иудее, пусть ему не верят и не принимают его и пусть он будет изгнан отовсюду как обманщик и лжец. Смысл же изречения таков: как я вас избавил от горького рабства египтянам и дал Закон для вашего спасения, так и предвозвещенный мною пророк освободит весь мир от пагубнейшей власти и тирании дьявола и от беззаконного наисквернейшего культа идолов и дарует всем Закон освобождения. И пророк Давид говорит: «Сказал Господь Господу моему: сиди по правую руку от меня, пока я положу врагов твоих в подножие ног твоих» (Псалом 109, 1).

К с е н: Здесь, царь, я больше сдержать себя не могу: пусть все остальное вы стараетесь насильственно истолковать по-своему, но это никто не дерзнул бы связать с кем-то иным, кроме Езекии, о котором, как всем известно, это и сказано.

И м п е р а т о р: Если бы в псалмах были какие-то темные места вроде многократно высказанных пророками иносказаний и загадок, то была бы и возможность у желающего как-то злоупотребить ими. Поскольку же мне хочется теперь, оставив в стороне множество трудно истолковываемых пророчеств о Христе, взять прежде всего и рассмотреть самые важные, против которых даже весьма невежественный человек не смог бы ничего

возразить, я постараюсь по порядку разъяснить тебе все содержание псалма.

Прежде всего осознай, что говорит эти слова не кто иной, как царь. А раз это так, а не иначе, почему же он говорит в начале: «Сказал Господь Господу моему»? Кого он называет своим Господом? Неужели Езекию? Возможно ли допустить, что, одному лишь Богу подвластный в своем царствовании и господстве, Давид называет своим господом Езекию? А если не Езекию, значит ли это, что можно найти какого-то другого господина для Давида? Некого совершенно. Остается считать, что он имеет в виду Господа, то есть Бога. О своем Господе, значит, Христе, он говорит, что тот сядет по правую руку от Бога и Отца. Какой мыслью Давид руководствовался, говоря это, тебе станет яснее из дальнейшего.

Почему он сказал: «Жезл силы пошлет тебе Господь с Сиона, и ты господствуй среди врагов твоих. С тобою власть в день силы твоей в сияниях святых твоих. Из чрева прежде денницы родил тебя. Поклялся Господь и не раскается: ты священник во век по чину Мелхиседекову»? (Псалом 109, 2—4).

Слова «сиди по правую руку от меня» Бог говорит воспринятому его Сыном и Словом человеку, которого, начав существовать во времени во плоти, тот освятил от самого зачатия и прославил. Желая показать, что Бог-Отец безначален, человек же, которого его Сын-Слово воспринял, имеет начало во времени, пророческое слово говорит: «сиди», — являя таким образом свойственную плоти способность сидеть и пребывать, а с помощью образа седалища — величие чести. Воспринятая ведь Господом от нас плоть благодаря соединению с божеством и освятилась, и сидения по правую руку от Бога-Отца удостоилась. Божество же ни в коей мере не подверглось телесным страданиям.

Ведь как железо, соединившись с огнем, не передает ему свою черноту и холодность, а, скорее, само воспринимает его блеск и сияние, равно как и жар, так и едиnorodный Божий Сын-Слово передал плоти величие своей божественности, не сделавшись сам причастником ее страданий. Он соединился с ней, никаким беспорядку или изменяемости не подвергнув свою божественность. Пребыв каким он был и прежде соединения Богом, он и освятил воспринятое, и прославил, и места по правую руку Отца удостоил.

О правой руке Бога говорится не в том смысле, что он имеет ее или левую, нет, конечно, или что он опирается, сидя или стоя, или вообще что-либо из того, что свойственно телам, делает или претерпевает, поскольку он вне всего, что существует телесно, — он ведь везде присутствует и все наполняет, — но чтобы с помощью образа седалища и правой стороны показать сверхъестественность чести.

Враги же, о которых он говорит, что положит их под ноги его, это — дьявол, смерть и почитающие идолов люди, неразумно на них уповающие. Хотя и теперь кажется иногда, что дьявол жив, но поистине он умер и погиб, поскольку были единожды ниспровергнуты его тирания и власть, когда Христос связал его и заковал и всех, кого тому прежде удалось поглотить, решительным образом освободил из его утробы.

Это ведь предвидя, пел Давид: «Взойдя на высоту», — имеется в виду на крест, — «ты пленил плен и раздал дары людям» (Псалом 67, 19), то есть находящимся под властью дьявола, а скорее, насильно им удерживаемым; ты отпустил их, развязав, и дал людям все противостоящие им силы его как дары, то есть возможность почитать и поругать то, чем они были прежде поработаны, чтобы не оказывалось благодаря тому оболганным истинное имя человека. Ведь эллинские мудрецы определяют человека как животное разумное, смертное, восприимчивое к уму и наукам, как оно есть и на самом деле.

Но это не последний предел для настоящего в собственном смысле слова человека. Ибо человек в собственном смысле слова тот, кто сохраняет неоскверненным и целым то, что в нем по образу и по подобию Божию.

Как мы говорили, Господь, разрушив владычество и царство ада, отдал его на поругание и уничтожение святым. Но кажется, что ад еще мечется, потому что он не полностью предан еще ждущему его огню, и в этом нет ничего странного. Когда, приступя к кому-нибудь, он осиливает и оказывается принят, он делает свое дело, всякими способами стараясь, чтобы такой человек оказался соучастником его осуждения и гибели. А если упомянутым мной людям случится быть поистине не зря носящими имя человека, то он оказывается далеко отогнанным и попираемым рабами Божиими. Разрушив подобным образом и смерть и тление, каковым был осужден за ослушание Адам, а из-за него и его потомки, он даровал людям бессмертие и нетление. Да и не только это: он совершенно уничтожил также служение и поклонение идолам.

Вот это и значит слова «доколе положу врагов твоих в подножие ног твоих», — имеется в виду — врагов его и Отца, ибо враг одного из них есть враг обоих. Произведя из своего нутра единственно истинные и справедливые разум и культ, он дал их всем.

Ты не подумай только, что слова «доколе положу врагов твоих» предполагают, что Отец споборствует Сыну как неспособному осилить: он хотел ими показать единство своей и сыновней силы. Как в Евангелиях Сын говорит: «Никто не приходит к Отцу, кроме как через меня» (Иоанн, 14, 6), так и здесь говорит Отец: «От меня враги твои падут под ноги твои. Жезл силы пошлет тебе Бог Господь с Сиона, и господствует среди врагов твоих». Что за жезл Богом с Сиона и кому послан? Езекии? Ни в коем случае. Человеку, которого воспринял Сын и Слово Божие. Говоря, что он пошлет жезл силы с Сиона, он имел в виду крест, водруженный на Сионе. «Ибо с Сиона, — сказал Исая, — выйдет Закон, и Слово Господне из Иерусалима» (Исайя, 2, 1). И как жезлу, находящемуся в руках пастыря, сообщается способность пасти стадо и отгонять от него зверей, так и крест и Евангелие для принимающих божественное крещение, пребывающих в нем и внимающих апостольским учениям и преданиям, являются своего рода жезлом, направляющим их на божественные нетленные райские пажити, а для слушающих и противящихся — жезлом силы, одних возвращающим — заблуждающихся и отбегавших в сторону, а других и совсем отгоняющим, ведь крестом был побежден дьявол. Силою креста и имени к нему пригвожденного были совершены очень многие удивительные чудеса. Надо ли много говорить? Силою креста и Евангелия целая вселенная божественной проповеди вяла и люди стали рабами Христа, а по обетованию, через Христа, сыновьями Авраама, так как сам Христос происходил от семени Авраама. Тогда-то он и стал господствовать среди врагов своих.

Обрати внимание на точность пророческих слов: почему он не сказал «побеждай» врагов своих, но «господствуй» среди них? Побеждать ведь не значит господствовать среди врагов: когда кто-либо одолевает часть вражеской силы, полностью своих врагов он еще не поработит. Господствовать же значит раз и навсегда подчинить себе своих врагов. Он и сказал «господствуй», показывая тем самым свою превосходящую силу и окончательное низвержение его врагов. Так же точно и «среди» указывает на мощь его владычества. Ведь проповедь, совершавшаяся в среде столь сильных врагов, превозмогла их всех, одних посрамив и, как зверей, отгнав, а других присоединив к себе. Подумай, среди какого количества и сколь великих стран и городов, бесновавшихся от вакханалий идолопоклонников, и сами апостолы, и те, кто воспринял от них их проповедь, учреждали жертвенники и создавали храмы, и делали это, как я уже сказал, подвергаясь многим мукам и невыносимым карам.

Слова «с тобою власть в день силы твоей» имеют в виду власть, свойственную по природе, а не извне пришедшую, как у многих. На это указывают слова «с тобою», приличествующие одному только Богу и никому другому. Об этом же сам Давид сказал в другом псалме: «Царство твое —

царство всех веков, и владычество твое во всяком роде и роде» (Псалом 144, 13). То же самое и здесь он говорит словами «с тобою власть в день силы твоей». А в какой день? В тот день, когда крест будет иметь дерзновение, когда все народы уразумеют твою непобедимую силу и твое безмерное снисхождение, что и произошло. Предвидя это обращение народов, тот же Давид сказал: «Веселитесь, народы, с людьми его» (ср.: Псалом 66, 4—5) и «Хвалите Господа, все народы, хвалите его, все люди» (Псалом 146, 4). И Исайя сказал: «Будет корень Иессеев, и восстающий обладать народами, на него будут уповать народы в сиянии святых твоих» (ср.: Исайя, 11, 10). Каких же святых? Пророков, апостолов, мучеников, преподобных, которые на глазах безумных умерли со славой, каковые мирно пребывают в руке Божией, как сказал Соломон (ср.: Экклесиаст, 9, 4), и каковые, по словам Евангелия, ярче солнца воссияют во второе Христово пришествие (ср.: Матфей, 13, 43).

«Из чрева прежде денницы родил тебя» (Псалом 109, 3). О ком из когда бы то ни было родившихся можно сказать, как о родившемся прежде солнца? Воистину ни о ком. Уж не об Езекии, о котором вы лживо говорите. Это сказано настолько точно, что не может быть применено даже к ангелам, так что никто пусть не думает, что это сказано о ком-то из них. Слова «из чрева» указывают на единосущие рожденного с родившим.

Видишь, как ясно и точно показывает его Давид Богом и человеком, имеющим ту же сущность, что и родивший его Отец. Ведь словами «сказал Господь» он явил Отца, а дальнейшими словами: «Господу моему», «сиди по правую руку от меня, пока не положу врагов твоих в подножие ногам твоим», «жезл силы пошлет тебе Господь с Сиона» и «господствуй среди врагов твоих» — он указал на человека, которого воспринял Сын и Слово Божие; словами же «из чрева прежде денницы родил тебя» засвидетельствовал истинность сыновства и тождество по существу. Если, как где-то сказано, каждое животное и растение по необходимости рождает себе подобное, то тем более так обстоит дело, думаю, и с превосходящим все Богом, рождающим единосущего себе Сына. Выражение же «из чрева» — разъясняющее уподобление; во всяком случае думать о чреве в прямом смысле применительно к Богу не подобает.

«Поклялся Господь и не раскается: ты священник вовек по чину Мелхиседека». Ведь как Мелхиседек был священником Бога всевышнего, а при этом царем Салима, то есть мирной жизни, встретившим возвращавшегося после битвы с царями патриарха Авраама, имевшего обетования, благословившим его и взявшим от него десятину, так и Христос ведь священник, поскольку принес себя в жертву ради всеобщего спасения, отличаясь от Мелхиседека лишь тем, что тот, будучи человеком, как человеку и подобает, умер, а Христос есть священник вовек, так как будучи единыжды принесен в жертву и заклан, он пребывает вовеки. И как тот благословил Авраама, по плоти — отца иудеев, а по обетованию — отца всех народов, и обрезанных и необрезанных, и меньшее благословляется большим, и десятину от него принял, так и сделавшийся священником по чину Мелхиседека Христос стал Господом всех народов, и необрезанных и обрезанных. Ведь немалое число и обрезанных поверило в имя его, хотя гораздо больше осталось неверовавших.

Слова же «Поклялся Господь и не раскается» должны явить то, что поскольку всякий, кто клянется, клянется, либо себя считая недостойным того, чтобы ему поверили, полагая, что благодаря клятве его словам поверят, либо зная, что слушающий малодушен и неспособен ему поверить, если он к своим словам не присовокупит клятву. «Поклялся» Бог говорит не из-за себя самого — какая в этом нужда? — но из-за непослушания, упрямства и жестокости ваших отцов по отношению к тому обетованию, что Христос будет священником вовек по чину Мелхиседека, а не по чину Аарона. Но ничего не помогло, даже клятвы оказалось недостаточно, чтобы вас убедить и неразумное ваше сердце привести к разумению, и то, что

божественный пророк сказал о Христе, вы не побоялись в высшей степени неразумно отнести к Езекии.

А слова «из потока на пути выпьет, и потому вознесет главу» (Псалом 109, 7) указывают на простоту и незатейливость образа и мест жизни его, почти буквально предсказывая, что он настолько смирит себя и так скромно будет жить, что негде ему будет голову преклонить и даже жажду придется утолять из каких попало случайных потоков и вод. А то, что он вознесет главу, означает, что он вознесет воспринятую им человеческую природу на небеса и посадит по правую руку от Отца. Разве это имеет в виду Езекию, а не Христа? Кто столь далеко ушел от ума, чтобы такое хотя бы только и помыслить? Вот каково содержание этого псалма, и все в нем ясно проповедует Христа.

Давай посмотрим теперь сказанное тем же пророком о Христе в семьдесят первом псалме: «Боже, — говорит он, — суд твой царю дай, и правду твою сыну цареву» (Псалом 71, 1).

К с е н: Неужели же и здесь вам без извращения не обойтись, и вы, и на эти слова нападая, на Иисуса их перетолковываете? Но всем ведь ясно, что они сказаны Давидом о его сыне Соломоне, который был и царем, и сыном царевым.

И м п е р а т о р: Вот, Ксен, справедливость того, о чем я много раз раньше говорил, — что во многой лжи вы повинны, — становится теперь явной. Я опускаю вопрос о том, в омонимии ли дело, то есть в том ли, что Соломон — и царь, и сын царев, причина этого вашего заблуждения, или же в бездеятельности, если не сказать лживости ума и общем враждебном отношении ко Христу, заставляющих вас полагать, что другие воспринимают заблуждения вместо сущего. Сами вы при этом считаете истиной призрак, постоянно из поколения в поколение принимая от своих предков как некое наследие ложь и делаясь ее учителями для следующих поколений. Совершенно неизбежно, как я уже сказал, где-нибудь, вы, слепотствующие, следующие за такими же, как вы, предшественниками, упадете и разобьетесь. Ибо предки ваши сильно против истины погрешили, а вы ничем их не лучше, разве только еще больше от нее уклонились. Но оставим эту тему. И ты эти ваши надуманные искусственные предположения оставь, если хочешь вернуться к нашему разговору.

Подумай, согласен ли ты с бесспорностью того, что я тебе говорю. Все в этом псалме имеет великий и чудесный скрытый смысл, значение же первого стиха совершенно исключительно. Хоть ты и раздражаешься и готов сопротивляться истине, я все-таки попробую, насколько это в моих силах, сделать для тебя все более доступным и ясным, как и раньше старался.

«Боже, — говорит Давид, — суд твой», — значит, решение свое — «даруй царю». Какому царю? Да тому, о котором сам же Давид говорит в сорок четвертом псалме: «Престол твой, Боже, во век века, жезл правоты — жезл царства твоего, ты возлюбил правду и возненавидел беззаконие, посему помазал тебя, Бог, Бог твой елеем радости более участников твоих» (Псалом 44, 7—8). Рассмотрим все по порядку. Словами «Престол твой, Боже, во век века» он указал на величие божественности Сына своего и непреходящий характер, вечность и бесконечность его царства, а словами «жезл правоты — жезл царства твоего, ты возлюбил правду и возненавидел беззаконие» — на человека, которого воспринял Сын, имеющего все, что свойственно плоти, кроме греха. Именно на это он указал словами «возлюбил правду и возненавидел беззаконие». Добавив же «посему помазал тебя, Бог, Бог твой елеем радости более участников твоих», он сказал и то и другое, одновременно указал и на Бога и на человека в одной и той же ипостаси. Ведь слово «помазал» обнаруживает плоть — она ведь была помазана, слово же «Бог» — вместо слов «о, Боже» — что помазан Сын, а слова «Бог твой», обращенные к воспринятому, — Отца, ибо для него он Бог, а не для Сына. Именительный падеж слова

«Бог» предпочтен здесь звательному потому, что переводчики — семьдесят толковников божественного Писания — больше, чем с другими эллинскими диалектами, были знакомы с говором афинян. Ведь у тех по большей части можно найти такие выражения, как «друг» вместо «о, друже». Подобным образом и здесь сказано «Бог» вместо «о, Боже». Слова же «Бог твой» имеют в виду Отца, будучи, как мы сказали, обращены к воспринятому, ибо для воспринятого Отец есть Бог, а не для Сына.

Слыша о двух природах, человеческой и божественной, и о двух сыновьях, о Сыне Божиим и Сыне человеческом, ты не подумай только, что речь идет о двух ипостасях или о двух разных сыновьях, но припомни тот образ, который я тебе привел немного раньше, — образ железа и огня. Ведь как железо и огонь, соединившись друг с другом, становятся единой ипостасью, каждый имея при этом совершенно отличную от другого природу, так и мой Христос, будучи по природе единουσущным Отцу Богом, соединившись невыразимым и выходящим за пределы всякого объяснения образом с плотью, стал единой с ней ипостасью. Словами невозможно объяснить происшедшее чудо — как две чуждых друг другу и на человеческий взгляд совершенно несоединимых природы стали единой ипостасью, полностью соединившись и при этом сохранив свои собственные свойства, так что слияния и смешения их совершенно никакого не последовало, даже такого, как у железа и огня: железо делается ипостасью огня, а у Христа наоборот — ипостась Сына Божия сделалась ипостасью и плоти.

Итак, поскольку, как сказано, слова «Бог твой» обращены к восприятию и относятся к нему, сказав «жест царства твоего, ты возлюбил правду и возненавидел беззаконие», Давид добавляет, как если бы тому за такую добродетель было дано воздаяние: «... посему помазал тебя Бог твой елеем радости больше причастников твоих». Каких причастников? Был обычай, когда священников и царей избирали царями и священниками, изливать им на головы из рога масло помазания; таким образом некогда был помазан и сам божественный пророк Давид, — когда извергся на него забивший ключом елей, а также Саул — руками Самуила, помазавшего и Давида, а прежде них Аарона помазал в священники его брат пророк Моисей.

Обрати внимание, что Давид сказал не просто «помазал тебя Бог елеем», но — «елеем радости». Всех прежде Христа помазанных священников и царей помазывали ведь приготовленным маслом, а человека, которого воспринял Сын Божий, помазал Дух божественным и всесвятым елеем радости. Он ведь всесвятую Христову плоть и помазал, и освятил ее, вознесшуюся. Тем отчасти давалась благодать Духа, а по чину Мелхиседекову царю и священнику Христу все дарования, все дары были даны, сама полнота божества вселилась в его тело. Этого ни о ком из всех когда бы то ни было живших людей невозможно сказать, за исключением человека, сверхъестественным, недоступным для всех ангелов и людей образом появившегося от пресвятой приснодевы Марии.

Конец четвертого слова «Против иудеев».

В. В. МОРОЗОВ

От Никоновской летописи к Лицевому летописному своду (Развитие жанра и эволюция концепции)

Роль сложившегося в середине XVI в. многонационального Российского государства («царства» с 1547 г.) безусловно осознавалась в умах и книжников, и тех, кто руководил внутренней жизнью страны и ее внешней политикой, порождая требование о создании официальной истории и предлагая способности непосредственных составителей. В этих условиях отечественная культура получила непревзойденный по своему размаху историко-литературный и художественный памятник — Лицевой летописный свод (далее: ЛС).¹ Он насчитывал по меньшей мере 12 тыс. листов, украшенных более чем 20 тыс. миниатюр, общая площадь которых сопоставима, пожалуй, с росписью такого собора, как Архангельский Московского Кремля (отсюда название свода: Лицевой, т. е. иллюстрированный в лицах, с человеческими фигурами, а не украшенный лишь орнаментом).

В ЛС соединялось в единое целое изложение всемирной истории с библейских времен, истории Византии и истории Российского государства. Для осуществления такой задачи необходимо было осмысление прошлого многих народов в свете представления о богоизбранности рода «российских самодержцев», уже получившего обоснование в Степенной книге и нашедшего отражение в реальной практике — в посланиях Ивана Грозного; и сделать это нужно было исторически достоверно, опираясь на документы, а таковыми для человека XVI в. являлись прежде всего летописи. На них ссылались, обосновывая политические притязания как в объединительной политике русских земель, так и в международных отношениях. Но исторически достоверной воспринималась и «четья» литература — жития, повести, сказания, зачастую органически входившая в те же летописи как их составная часть.

Понятно, что те, кто трудился над составлением ЛС, располагали обширными материалами, но пользовались они ими и традиционно, и своеобразно: с максимально возможной тщательностью. Фрагменты протографов переписывались с большой точностью, слово в слово. Лишь изредка в местах «сшивки» текстов двух различных источников вставлялись соединительные слова, еще реже встречаются небольшие фразы свободного пересказа.²

¹ Наиболее полно историография ЛС изложена: Подобедова О. И. Миниатюры русских исторических рукописей: К истории русского лицевого летописания. М., 1965. С. 102—113; Шмидт С. О. Когда и почему редактировались лицевые летописи времени Ивана Грозного // Сов. архивы. 1966. № 1. С. 31—36; № 2. С. 46—51; Клосс Б. М. Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII веков. М., 1980. С. 206—210; Амосов А. А. Лицевой летописный свод и библиотека Ивана Грозного // Библиотека Ивана Грозного. Л., 1982. С. 98—117.

² О методах работы составителя ЛС см.: Морозов В. В. Практическая археология книжника средневековья: (Из опыта изучения Лицевого летописного свода XVI века) // Археографический ежегодник за 1986 год. М., 1987.

Такая тщательность характерна для всех составных частей ЛС, всех десяти его томов: Музейского сборника (содержит изложение так называемой «священной истории» от «сотворения мира» до XII в. до н. э. и Троянскую историю), Хронографического сборника (с историей древнего Востока и Древнего Рима до 70-х г. н. э.), Лицевого хронографа (с продолжением истории Рима и изложением истории Византии до X в.), Голицынского и Лаптевского томов (их листы перепутаны, содержат изложение истории «лет старых» Руси за 1114—1252 гг. с небольшими утратами, 1425—1472 гг.), двух Остермановских томов (с известиями «лет старых» за 1254—1378 гг. — в первом, 1378—1424 гг. — во втором), Шумилова тома (с историей «лет старых» за 1425, 1472—1533 гг.), Синодального тома (далее: С) и Царственной книги (далее: Ц) (с изложением истории царствования Ивана Грозного за 1533—1567 гг.).³ Разделение единого текста на ныне существующие кодексы происходило случайно в XVII в., и названия их условны.⁴ Некоторые исследователи связывают с ЛС еще два кодекса: Егоровский сборник и Житие Николы.⁵

Тщательность работы составителей ЛС позволила выявить практически все его источники. Таковыми, по мнению исследователей, являются: для хронографической части ЛС — Еллинский летописец второй редакции, Хронограф редакции 1512 г., Толковая папая второй редакции, Троянская история Гвидо де Колумна древнейшей редакции, «История иудейской войны» Иосифа Флавия; для русской части — Никоновская (далее: НЛ) и Воскресенская третьей редакции (далее: ВЛ) летописи, Свод 1518 г., Свод 1560 г., Новгородский свод 1538 г., Степенная книга первой редакции, Летописец начала царства поздней редакции, Постниковский летописец, а также хранившиеся в Царском архиве и предназначенные для включения в продолжение официальной летописи летописные заготовки за 1560—1567 гг. в «тетрадах»,⁶ памятные записи, подобные записям И. М. Висковатого, положенные в основу второй редакции Повести о болезни Ивана Грозного в марте 1553 г.⁷ В основе некоторых приписок Ц и С предполагаются устные воспоминания редактора ЛС (порой искаженные).⁸ Для некоторых источников удалось выявить даже конкретные списки, бывшие непосредственными протографами текста: для «Истории иудейской

³ Подробное описание составных частей ЛС см.: Подобедова О. И. Миниатюры. . . С. 106—111; Амосов А. А. Лицевой летописный свод. . . С. 99—102.

⁴ Об этом см.: Протасьева Т. Н. К вопросу о миниатюрах Никоновской летописи (Син. № 962) // Летописи и хроники: Сб. статей 1973 г. М., 1974. С. 271—286; Пентковский А. М., Богданов А. П. Сведения о бытовании Книги Царственной («Лицевого свода») в XVII в. Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1983. С. 61—89.

⁵ Амосов А. А. Лицевой летописный свод. . . С. 102; Богданов А. П., Пентковский А. М. Житие Николы в Лицевом летописном своде // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1985. С. 92—107.

⁶ Кратко источники ЛС описаны: Амосов А. А. Лицевой летописный свод. . . С. 113—117. Уже позднее источникам ЛС был посвящен ряд работ автора настоящей статьи: Морозов В. В. 1) О составе так называемой Царственной книги (Син. 149) // Вопросы источниковедения и историографии истории досоветского периода. М., 1979. С. 74—87; 2) Об одной забытой летописи: (Свод 1560 года) // Проблемы изучения нарративных источников по истории русского средневековья. М., 1982. С. 25—33; 3) Об источниках Царственной книги: (Летописец начала царства) // Летописи и хроники: Сб. статей 1984 г. М., 1984. С. 75—87; 4) Лицевой летописный свод XVI в. и его источники: (Об одной историографической легенде) // Источниковедение отечественной истории. М., 1986. С. 128—142; 5) Об источниках Лицевого летописного свода XVI в. // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1987.

⁷ См.: Морозов С. А. Летописные повести по истории России 30—70-х гг. XVI века: Автореф. дис. . . канд. ист. наук. М., 1979. С. 14—19.

⁸ См.: Веселовский С. Б. Интерполяции так называемой Царственной книги о болезни царя Ивана 1553 г.: Исследования по истории опричнины. М. 1963. С. 278—279; Шмидт С. О. Российское государство в середине XVI столетия: Царский архив и лицевые летописи Ивана Грозного. М., 1984. С. 205.

войны» — Соловецкий,⁹ НЛ — Оболенского,¹⁰ Степенной книги — Чудовский,¹¹ для Еллинского летописца — список ГПБ.¹²

Известия русской части ЛС за 1114—1560 гг. (за исключением приписок редактора) можно буквально расписать в соответствии с различными источниками, опубликованными в ПСРЛ. Однако следует отметить, что даже абсолютное тождество текстов не всегда свидетельствует о прямом копировании. Порой заимствованные фрагменты источников столь причудливо переплетаются в рамках одного известия (жития, повести, сказания) ЛС, что невольно вызывают предположение о возможном составлении предварительных черновиков.¹³ Это, пожалуй, единственная разумная альтернатива заманчивой, но не всегда оправданной перспективе поисков следов разбивки текста протографа на полистные, предназначенные для перебеливания части.

ЛС, таким образом, дает исследователю уникальную возможность для изучения летописания, процесса выработки и составления летописи — ведь нам известны источники, из которых черпались сведения. Вывод, к которому мы пришли в результате изучения ЛС, этого исторического произведения 70-х—начала 80-х гг. XVI в., сводится к следующему. ЛС — это не список¹⁴ или редакция¹⁵ НЛ, как считается до сих пор, ЛС отнюдь не является лишь продолжением НЛ.¹⁶ Кроме того, помимо НЛ при подготовке ЛС использовалось еще по меньшей мере семь произведений, ныне опубликованных в ПСРЛ. ЛС — это совершенно новая летопись, возникшая в результате синтеза известий более чем десяти (только для русской части) источников. Компильтивное по форме произведение вместе с тем предстает перед читателем как новое явление своего жанра, представляющее «соединение и переработку нескольких предшествующих летописных произведений» (так Д. С. Лихачев определяет условия выработки нового памятника средневековой литературы).¹⁷

А ведь такая работа по сведению в одной летописи известий восьми предшествующих не могла быть механической (а значит, и бесцельной). Она делала ЛС «памятником, полным своеобразия и в трактовке летописного материала исторических источников, и самих исторических событий»,¹⁸ с одной стороны, и давала наиболее полный свод о прошлом Рос-

⁹ См.: Покровская В. Ф. Из истории создания Лицевого летописного свода второй половины XVI в. // Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописей и редкой книги Библиотеки Академии наук СССР. М.; Л., 1966. С. 5—19.

¹⁰ См.: К л о с с Б. М. Никоновский свод. . . С. 43—51.

¹¹ См.: М о р о з о в В. В. Царственная книга и Книга степенная царского родословия // Конференция по истории средневековой письменности и книги: Тез. докл. Ереван, 1977. С. 58—59.

¹² См.: К л о с с Б. М. Никоновский свод . . . С. 212—213.

¹³ М о р о з о в В. В. 1) Царственная книга и Постниковский летописец // Теория и практика источниковедения и археографии отечественной истории. М., 1978. С. 61—77; 2) Об источниках Лицевого летописного свода XVI в.

¹⁴ См.: Л и х а ч е в Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947. С. 352 (Голицынский том ЛС назван списком НЛ). Укажем на публикацию в ПСРЛ (СПб., 1901. Т. 12), где различения ЛС с НЛ приведены в подстрочных примечаниях, параллельных столбцах, приложениях и так называемом Приложении НЛ за 1558—1567 гг., опубликованном по тексту ЛС, Лебедевской и Александроневской летописей.

¹⁵ См.: Ш а х м а т о в А. А. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.; Л., 1938. С. 371; Л и х а ч е в Д. С. Русские летописи. . . С. 478; К л о с с Б. М. Никоновский свод. . . С. 209.

¹⁶ Еще А. Е. Пресняков в своей работе «Московская историческая энциклопедия XVI века» (ИОРЯС. СПб., 1900. Т. 5, кн. 3. С. 862) отмечал, что ЛС «по многим варьянтам может быть им (спискам НЛ. — В. М.) противопоставлен и, кроме того, не знает тех отдельных известий, которыми они заканчиваются». Это же обстоятельство подчеркивает Д. Н. Альшиц в статье «Иван Грозный и приписки к лицевым сводам его времени» (ИЗ. 1947. Т. 23. С. 255): С «отмечен особой официозностью еще до того, как к нему прикоснулась рука редактора, сделавшего приписки».

¹⁷ Л и х а ч е в Д. С. Текстология. С. 352.

¹⁸ См.: П о д о б е д о в а О. И. Миниатюры. . . С. 114.

сийского государства в тесной связи с мировой историей — с другой, что и позволило А. Е. Преснякову назвать ЛС «московской исторической энциклопедией XVI века».¹⁹

Рассмотрим теперь, чем же отличается ЛС от летописей предшествующего времени и прежде всего от разделенной половиной столетия НЛ.

Летопись, как всякий другой жанр русской литературы,²⁰ развивалась вместе с изменениями той среды, где ее создавали, ею пользовались. Развивалась она и как основной носитель политической и общественной мысли. К началу XVI в. летопись из документа, дневника, «погодника» исторических фактов, систематизированного собрания исторических материалов, своеобразного архива²¹ превращается в распространенное историческое (и риторическое)²² повествование на основе активной переработки летописей предшествующего времени. Так, «Никоновская летопись решительно переделывает старые известия на новый лад, передает их не только перефразируя старый текст, но порой и снабжает их своеобразными комментариями»,²³ теряя при этом традиционную структуру. Под влиянием хронографа, ставшего одним из источников НЛ,²⁴ она размывается вставками, несущими самостоятельное внутреннее развитие и являющимися отдельными законченными произведениями — летописными повестями (житиями, сказаниями), порой откровенно баснословными, наполненными чудесами.²⁵ Чисто литературная сторона с акцентом на дидактику начинает брать верх над исторической точностью, достоверностью, фактом.

Как известно, любое произведение — публицистическое, историческое, литературное (а летопись была ими одновременно) — отражает взгляды автора. Сказались они и в НЛ, исследователь которой Б. М. Клосс даже счел необходимым подчеркнуть: «необычайно вышукло».²⁶ Составленная при митрополичьей кафедре под непосредственным руководством и при прямом участии митрополита Даниила²⁷ НЛ отразила и его взгляды: защиту имущественных интересов кафедры, проповедь гармонии «священства» и «царства», борьбу с «ересью» Максима Грека (что не мешало, однако, исползовать в НЛ его переводы),²⁸ поддержку активной позиции великого князя в борьбе с Литвой за западные земли, доказательства «изначальности» власти русских князей над волжскими и камскими болгарами («иже ныне глаголются Казанцы»), представление истории Рязани в неразрывном единстве с Москвой. Все это, как отмечает Б. М. Клосс, важнейшие вопросы внутренней и внешней политики Русского государства 20-х гг. XVI в.²⁹

Но ведь НЛ по списку Оболенского доведена до 1558 г. Что же, собственно, произошло с летописью и как ее классифицировать? Пожалуй, однозначно: создание НЛ по сути дела не является единовременным актом. Ее вторая (л. 940—1166) и третья (л. 1167—1209) части с изложением событий 1520—1558 гг. приплетены и являются ничем иным как

¹⁹ Пресняков А. Е. *Московская историческая энциклопедия*. . . С. 824.

²⁰ См.: Лихачев Д. С. *Русские летописи*. . . С. 4.

²¹ Там же. С. 336.

²² Термин «риторическое распространение», по мнению Д. С. Лихачева, не совсем точен, так как «создание пространных редакций первоначально кратких литературных произведений преследовало не столько задачу риторического украшения стиля, сколько придание повествованию внутренней логики: мотивировок поступков, психологических объяснений» (*Русские летописи*. . . С. 361).

²³ Тихомиров М. Н. *Русское летописание*. М., 1979. С. 335.

²⁴ См.: Клосс Б. М. *Никоновский свод*. . . С. 157—177.

²⁵ См.: Лихачев Д. С. *Русские летописи*. . . С. 335—350.

²⁶ Клосс Б. М. *Никоновский свод*. . . С. 96.

²⁷ Там же. См. также: Клосс Б. М. *Деятельность митрополичьей книгописной мастерской в 20-х—30-х годах XVI века и происхождение Никоновской летописи // Древнерусское искусство: Рукописная книга*. М., 1972. С. 318—336.

²⁸ Клосс Б. М. Максим Грек — переводчик повести Энея Сильвия «Взятие Константинополя турками» // *Памятники культуры. Новые открытия: Ежегодник*. М., 1975. С. 55—61.

²⁹ К л о с с Б. М. *Никоновский свод*. . . С. 96—102.

дополнением, продолжением, и, строго говоря, сама рукопись — конволютом, т. е. механическим соединением двух произведений: летописи митрополита Даниила 1520-х гг. и летописи, доведенной до 1558 г. (сходной с ВЛ до 1542 г. и с Летописцем начала царства — до 1556 г.). Это вторая часть — копия источника «Летописца начала царства» (в редакции, доведенной до 1556 г.),³⁰ общего для списков Оболенского и Патриаршего за 1542—1556 гг. К такой интерпретации НЛ приводят и результаты тщательно проведенного Б. М. Клоссом изучения палеографических особенностей НЛ по списку Оболенского: на л. 940 еще продолжается ранее утраченный текст (он восстановлен по Патриаршему списку(?)). Но водяные знаки бумаги л. 1—939 указывают на 20-е гг. XVI в., л. 940—1209 — на 50-е.³¹ Особенно любопытным представляется то обстоятельство, что те, кто соединял обе части списка Оболенского, не внесли каких-либо изменений в первую часть, приняв ее полностью. А ведь если бы такие изменения были, появилась бы и возможность выделить первую (Даниловскую) и вторую (Адашевскую)³² редакции НЛ.³³ Итак, в 1550-х г. переработка первой части НЛ не состоялась. Это было сделано еще двумя десятками лет позднее.

А что же привнесли в летописание дополнения НЛ? Если рассматривать изложение событий 1520—1542 гг., то, пожалуй, ничего. НЛ и ВЛ — летописи однотипные, да и разделяет их весьма небольшая временной отрезок (напомним: первая редакция ВЛ датируется, по А. А. Шахматову, 1533 г.).³⁴ В части же 1542—1558 гг. изменения весьма значительны.

И связывать их следует с теми изменениями, которые произошли в самой структуре государственного аппарата, развитии делопроизводства, в активности внешней политики и значении внутривосточных событий. В этих условиях и возникает «летописное произведение, совместившее обе стихии — документально-приказную и хронографическую, — Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича»,³⁵ отразивший, с одной стороны, сложные перипетии русско-казанских отношений, завершившихся триумфальным въездом Ивана Грозного в Москву, с другой — напряженную социально-политическую обстановку в стране периода борьбы боярских группировок при малолетнем великом князе, вызвавшую массовые народные выступления и последовавшие затем реформы. В этих условиях изменились и масштабы деятельности приказов, и прежде всего Посольского и Разрядного, а значит — и отражение ее в летописи.

Но вместе с тем изложение некоторых событий в Летописце начала царства коренным образом меняется от традиционно принятого в летописях. Так, поход на Казань в 1552 г. описан не только подробно (указано движение полков, названы воеводы и конкретные их действия в различных условиях осады и штурма), но и мотивированно³⁶ (действия Москвы обосновываются ссылками на прошлое), документально: рассказано о совете царя с митрополитом и боярами, о прощальном напутствии царицы Анастасии, приведены послания Макария и Ивана IV. Тем самым создана крупнейшая в русской литературе повесть — Повесть о Казанском взятии.

Та же тенденция продолжена известиями 1560—1567 гг., которые, как считал А. А. Шахматов, были подготовлены для включения в ЛС: «Вряд ли

³⁰ Там же. С. 195.

³¹ К л о с с Б. М. 1) Деятельность митрополичьей книгописной мастерской. . . С. 328; 2) Никоновский свод. . . С. 193—194.

³² По мнению А. А. Зимина (Пересветов и его современники. М., 1958. С. 29—41), автором Летописца начала царства был А. Ф. Адашев.

³³ Предположение Н. П. Лихачева о возможной причастности А. Ф. Адашева к редактированию второй части НЛ по списку Оболенского (Палеографическое значение бумажных водяных знаков. СПб., 1899. Ч. 1. С. 333) поддержано Б. М. Клоссом (Никоновский свод. . . С. 197—198).

³⁴ Ш а х м а т о в А. А. Обзорение русских летописных сводов. . . С. 370.

³⁵ Л и х а ч е в Д. С. Русские летописи. . . С. 362.

³⁶ Подробно об этом см.: Там же. С. 367—370.

кто согласится допустить, что Лицевой свод был официальной летописью, которая велась изо дня в день, не задаваясь литературными целями». ³⁷ Особенно выделяются здесь Повесть о Полоцком взятии, композиционно сходная с повестью, посвященной взятию Казани, а также Повесть о приходе Девлет-Гирея к Рязани в 1565 г., Повесть о начале опричнины и такие документы, как благословенное послание (завещание) митрополита Макария и Утвержденная грамота о белом клобуке.

Выявляется устойчивая тенденция, определяющая основные особенности летописания XVI в. Все более обстоятельно рассказывается о деятельности великого князя (царя — с 1547 г.): поездки по монастырям, на охоту, «походы» (называются все станы на его пути), приемы послов с изложением содержания бесед (их число резко возросло с превращением Русского государства в Российское многонациональное), различные распоряжения внутривластного характера. Подробнее становится фиксация эпизодов военных действий: летопись отмечает посылку воевод (обязательно названы имена), взятие ими или потерю городов (с объяснением причин успеха или поражения), движение войска, применение артиллерии или инженерных сооружений, захват «полона» и т. д. (указано и имя гонца, прибывшего с вестями от воевод). ³⁸

При этом активно происходит двуединый процесс: документ входит в состав повести, играя порой важную роль в ее композиции, а известие, которое прежде занимало в летописи лишь одну строку, становилось поводом для рассказа. Так, в состав Повести о Полоцком взятии вводится «память» Ивана Грозного Михаилу Темрюковичу Черкасскому: «. . . а говорити велель государь и великий князь детемь своимь, царевичу Ивану и царевичу Феодору» (XIII, 360). ³⁹ Попадает сюда же и пропускная грамота на проезд до Москвы полоцкого воеводы Станислава Довойны и новоназначенного полоцкого епископа Арсения. Одновременно обретают подробности события малозначащие, рядовые, обыденные. Одним из них был набег Михаила Вишневецкого на «волости Черниговские и Стародубские и Ноугороцкие и Почаевские» («заставы же. . . украинам не было», по «ссылке» с королем Сигизмундом-Августом «на обе стороны войне не быти») в 1563 г. Сообщение об этом дополнено в летописи сведениями о посылке воевод вдогонку, пеших и «въ судехъ», о бое («и сошли его»), о захвате струга самого инициатора набега «со всемь его воинскимь нарядомь», о присылке «языков» к царю (XIII, 367). И такие известия, как уже отмечалось, обретают порой фантастический характер. Так, в мае 1558 г. загорелся осажденный русскими войсками Ругодив, воеводы воспользовались этим обстоятельством и взяли его штурмом. «А загорелся, сказывают, город: вариль немчинь пиво да искололь Николы чудотворца образ, да тем огонь подгнечаль, и шпель пламень и пожегь у всехь дома». Вошедшие в Ругодив воеводы, конечно же, икону нашли (XIII, 295). Документальность и повествовательность, вымысел и достоверность тесно переплетаются в летописи XVI в., как бы дополняя друг друга и все более взаимопроникая.

Конечно, рассмотренная нами тенденция взаимопроникновения документального и повествовательного (хронографического) начал должна была отразиться и в ЛС. Но происходило это несколько иначе, ведь его создатели, копируя летописи предшественников, оставили за собой лишь свободу комбинирования, соединения их фрагментов.

³⁷ Шахматов А. А. Критический отзыв на работу Н. П. Лихачева «Палеографическое значение бумажных водяных знаков» // ИОРЯС. СПб., 1899. Т. 4, кн. 4. С. 1481.

³⁸ Вероятно, здесь необходимо учитывать социальные факторы, сказывающиеся на увеличении объема информации, росте документообразования и стремлении к сохранению и целенаправленному использованию мнемонических, или регулятивных, функций документа. Об этом см.: И л и з а р о в Б. С. Актуальные теоретические и методологические проблемы советского архивоведения. М., 1984. С. 53, 79—80.

³⁹ Здесь и далее ссылки на ПСРЛ даны в тексте с указанием в скобках номера тома римской цифрой и страницы — арабской.

Обратимся к описанию княжения Александра Невского в Лаптевском томе ЛС. Текст НЛ совершенно не удовлетворил составителей ЛС, и они обратились к другим источникам — Степенной книге и ВЛ, что позволило им композиционно перестроить повествование, придав ему стройность, характерную для жития святого (к середине XVI в. Житие Александра Невского уже имело длительную литературную судьбу).⁴⁰ Открывается оно Похвалой, заимствованной из Степенной книги (ср.: X, 118—119 и XXI, 279), затем следует рассказ «О брани и о победе на Неве явлением святых мученик Бориса и Глеба и аггельским помощениемъ и о шти мужехъ храбрыхъ», скомпонованный из последовательно чередующихся фрагментов НЛ и Степенной книги (ср.: X, 119—123 и XXI, 285), с включенной в него вставкой из НЛ «О Пелгуси ижерянине» — «спдоби его богъ видети . . . Бориса и Глеба во одеждахъ червленыхъ» (X, 124). Далее начинается рассказ о Ледовом побоище, тоже скомбинированный из фрагментов НЛ и ВЛ (ср.: X, 128 и VII, 149—151). Ему предшествует своеобразный пролог, повествующий об отъезде Александра Ярославича в Переславль и «честном» его возвращении в Новгород в связи с приходом на Псков «от западныхъ страны» немцев и чуди, заимствованный из ВЛ (ср.: X, 123—125 и VII, 149). После краткого извещения о приезде Александра Невского в связи со смертью его отца из Новгорода во Владимир, аналогичного в НЛ и ЛС (X, 133—134), в Лаптевский том включен заимствованный из Степенной книги рассказ «Хождение Александрово въ Орду» (ср.: X, 134—135 и XXI, 297). Затем следуют летописные статьи, связанные с именем Александра Невского, в общем ряду погодного изложения, заимствованные из НЛ, вплоть до его смерти в ноябре 1263 г. (X, 135—143). В целом эта часть жития в ЛС композиционно сходна с так называемой Владимирской редакцией,⁴¹ однако она значительно шире и представляет собой самостоятельную редакцию ЛС, куда вошел также рассказ о пожаре во Владимире с описанием явления Александра Невского и исцеления протопопа московского Благовещенского собора Андрея, будущего митрополита Афанасия (в Шумиловском томе под 1491 г.), заимствованный из Степенной книги (ср.: XII, 229—230 и XXI, 169—170).⁴²

Комбинирование новых редакций житий, легенд, повестей, сказаний, т. е. произведений, имевших и самостоятельную литературную традицию, — характерная особенность ЛС. Так, появились на основе синтеза НЛ и ВЛ легенда о Мономашьих дарах под 1114 г. (ср.: IX, 143—144 и VII, 23), повести о походе Игоря Святославича в 1185 г. (ср.: X, 12—17 и VII, 98—99),⁴³ о взятии Константинополя крестоносцами в 1204 г. (ср.: X, 37—41 и VII, 109—111), о Липецкой битве в 1216 г. (ср.: X, 74—77 и VII, 123—134), о битве на р. Калка в 1225 г. (ср.: X, 89—90 и VII, 129—130),⁴⁴ о Батыевой рати (ср.: X, 105—109 и VII, 139—140), о убиении Василька Константиновича 4 марта 1237 г. (ср.: X, 110—112 и VII, 141—143), о Куликовской битве (ср.: XI, 61—67 и VIII, 39—41),⁴⁵ о Московском взятии от царя Тохтамыша в 1382 г. (ср.: XI, 71—81 и VIII, 42—47), о явлении иконы Тихвинской Богоматери (ср.: XI, 83 и VIII, 48), о взятии Царьграда тур-

⁴⁰ См.: Мансикка В. Житие Александра Невского: Разбор редакций и текста // Памятники древней письменности и искусства. [СПб.], 1913. Т. 180.

⁴¹ Там же. С. 107—126.

⁴² Там же. С. 163—165. См. также: Васенко П. Г. «Книга степенная царского родословия» и ее значение в древнерусской исторической письменности. СПб., 1904. Ч. 1. С. 217.

⁴³ См.: Морозов В. В. Лицевой летописный свод о походе Игоря Святославича // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 38: Взаимодействие древнерусской литературы и изобразительного искусства. С. 520—536.

⁴⁴ См.: Романов В. К. Битва при р. Калке и ее отражение в русском летописании. (Историко-текстологическое исследование): Автореф. дис. . . канд. ист. наук. М., 1983. С. 18—19.

⁴⁵ Опубликована факсимиле полностью (Повесть о Куликовской битве: Текст и миниатюры Лицевого свода XVI века. Л., 1984) и с сокращениями (Повесть о Куликовской битве: Из Лицевого летописного свода XVI века. Л., 1980).

ками в 1453 г. (ср.: XI, 78 и VIII, 125), о пришествии Ахмата на Угру в 1480 г. (ср.: XII, 200—203, 212 и VIII, 205—207, 213), уже названное Житие Александра Невского, а также жития Стефана Пермского (ср.: XI, 164—166 и VIII, 69—70), Михаила Александровича Тверского (ср.: XI, 179—181 и VIII, 73—64), Слово о житии и преставлении Дмитрия Донского (ср.: XI, 108—121 и VIII, 53—60), Сказание о захоронениях великих и удельных князей в Архангельском соборе (ср.: XIII, 6—7 и VIII, 248).⁴⁶

Обращение к Степенной книге позволило составителям ЛС создать заново, дополнить или заимствовать для замены редакции НЛ уже готовые повести о Михаиле Черниговском и боярине его Федоре (ср.: X, 237—244 и XXI, 267—277), о походе Андрея Боголюбского на Новгород в 1171 г. (ср.: 241—244 и I, 237—239), известном по иконе «Битва новгородцев с суздальцами» («Чудо от иконы „Знамение“ в Новгороде»), походе Ивана III «ратию» на Новгород (ср.: XII, 125—142 и XXI, 530—542), о пришествии Ахмата на Угру в 1480 г. (ср.: XII, 203—212 и XXI, 557—565), о нашествии на Москву Мухаммед-Гирея в 1521 г. (ср.: XIII, 37—43 и XXI, 598—603), о чудесном рождении Ивана IV (ср.: XIII, 48—53 и XXI, 605—609), о болезни и смерти Василия III (ср.: XIII, 409—419 и XXI, 612—615),⁴⁷ а также сказания о великой княгине Евдокии, жене Дмитрия Донского (ср.: XI, 198—201 и XXI, 408—411) и об иконе Владимирской Богоматери (ср.: XI, 243—254 и XXI, 424—440).⁴⁸ Фрагменты Степенной книги вошли, как уже было отмечено, и в Житие Александра Невского. Они использовались и при создании Повести о поставлении Свяжска (ср.: XIII, 483 и XXI, 640—641), Повести о Казанском взятии (ср.: XIII, 496, 502—503 и XXI, 642—648).⁴⁹

Свод 1518 г. был использован при переработке Повести о «поезде» Ивана III в Новгород 1475—1476 гг. в составе НЛ для включения ее в ЛС (ср.: XII, 159—167; VI, 200—205 и XX, 319).⁵⁰

Столь активное обращение к повествовательной форме изложения событий прошлого составителями ЛС превратило его в самое полное из когда-либо существовавших до того собраний летописных повестей, своего рода их антологию. Вместе с тем следует подчеркнуть, что и погодные летописные статьи НЛ были в значительной мере дополнены или заменены известиями ВЛ (всего почти 200 заимствований, считая по одному на событие, хотя таких включений в одно известие, рассказ, повесть может быть несколько), Степенной книги (более 30), Свода 1518 г. и Новгородского свода 1539 г. (почти 30), Летописца начала царства (около 20 вставок в первый вариант истории царствования Ивана Грозного). Тем самым ЛС становится одновременно и «исторической энциклопедией XVI века».⁵¹ Однако решающим и по объему и в плане изменения характера создаваемой летописи является обращение к повестям.

Типичной для ЛС была переработка Повести о Куликовской битве в составе НЛ (так называемая Киприановская редакция «Сказания о Мамаевом побоище») ⁵² на основе привлечения, как полагает Л. А. Дмитриев,

⁴⁶ См.: Сизов Е. С. К вопросу о датировке Шумиловского тома Лицевого летописного свода XVI в. Проблемы палеографии и кодикологии в СССР. М., 1974. С. 126—140.

⁴⁷ См.: Морозов С. А. Повесть о смерти Василия III и русские летописи // Теория и практика источниковедения и археографии отечественной истории. М., 1978. С. 61—77.

⁴⁸ См.: Гребенюк В. П. Лицевое «Сказание об иконе Владимирской богоматери» // Древнерусское искусство: Рукописная книга. М., 1972. С. 338—363.

⁴⁹ Исследователь Повести о Казанском взятии Г. З. Кунцевич полагал, что наиболее полная ее редакция представлена в составе ЛС (Кунцевич Г. З. История о Казанском царстве, или Казанский летописец. СПб., 1905. С. 455—457, 545—546).

⁵⁰ См.: Морозов В. В. Об источниках Лицевого летописного свода XVI в.

⁵¹ Пресняков А. Е. Московская историческая энциклопедия. . . С. 924.

⁵² См.: Дмитриев Л. А. Литературная история памятников Куликовского цикла // Сказания и повести о Куликовской битве. Л., 1982. С. 335—336.

пространной летописной повести,⁵³ входившей в состав ВЛ. Для включения в ЛС из ВЛ были заимствованы: Видение ангельское воинства во главе с архангелом Михаилом, святыми Георгием, Дмитрием и князьями Борисом и Глебом, «помогаючи христианом» (ср.: XI, 64 и XIII, 39), продолженное обращением Мамая «ко Орде» и описанием бегства «измаиловичей» с поля боя (ср.: XI, 64 и XIII, 39); рассказы о бегстве Ягайлы («никимже гоним») (ср.: XI, 66 и VIII, 40), предательстве рязанского князя Олега («кто поехалъ з Донского побоища . . . техъ велель имати и грабити и нагихъ пущати») и приходе рязанских бояр с челобитием к великому князю Дмитрию Ивановичу (ср.: XI, 66—67 и VIII, 40—41). При этом рассказ о видении ангельского воинства вошел в ЛС дважды: на л. 95 об.—96 и 105 об. (повторный текст не иллюстрирован) второго Остермановского тома («Повесть полезна, бывшего чудеси, егда . . . князь велики Дмитрий Ивановичъ . . . посрами и прогна . . . Мамая» занимает л. 19—121). Еще одно включение в ЛС — слова Дмитрия Донского об Арефе — прямого текстовального сходства с какой-либо редакцией «Сказания о Мамаевом побоище» не находит.⁵⁴ Другое включение — видение «венцов», сходящих на погибших русских (XI, 64), — вовсе не встречается ни в какой иной редакции. Вероятно, если слова об Арефе в тексте «Сказания о Мамаевом побоище» подверглись редактированию создателями ЛС, то видение «венцов» сочинено ими как интерпретация фразы Повести о победе за Доном из Степенной книги: «Мнози же тогда . . . не токмо . . . бесмертный живот получища . . . но и венцы мученическими почтеньми быша» (XXI, 398).

Таким образом, вклад составителей ЛС в повесть о Куликовской битве — «Сказание о Мамаевом побоище» Киприановской редакции — сводится к уснащению ее чудесами и мотивированию победы над Мамаем («плотный дьявол») и его «присяжениками» — литовским князем Ягайлой и Олегом рязанским.

Пристрастие составителей ЛС к дидактике повествования, отличным от кратких летописных записей распространенным сюжетам, всякого рода изображению участия небесных сил в земных делах или истового служения им «героев» летописи сказывается во многих включениях из ВЛ.

Так, в ЛС появились легендарные рассказы о Мономахских дарах, якобы обретенных Владимиром Всеволодовичем (IX, 144) и об основании Византия-Константинополя (XII, 78), об иконах Одитирии в Царьграде (X, 41—52) и Тихвинской Богоматери (XI, 83), панегирики Васильку Константиновичу (X, 165—166), Михаилу Александровичу Тверскому (XI, 177—180), Дмитрию Донскому (XI, 108—121), Стефану Пермскому (XI, 165—166), рассказы о перенесении мощей митрополитов Петра, Киприана, Фотия, Ионы в Успенский собор (XII, 192—196), о соборе на новгородских еретиков (ср.: XII, 225—227 и VIII, 220—221).

Еще в большей степени это пристрастие сказывалось на заимствованиях из Степенной книги. Отсюда в ЛС вошли легенды о спасении Новгорода от войск суздальцев заступничеством иконы (IX, 241—244) и Москвы от нашествия Темир-Аксака (Тамерлан) (XI, 249—250) с помощью Богородицы, от крымского хана Мухаммед-Гирея (XIII, 37—43) вмешательством «святытельского собора», а также явно вымышленные рассказы о видении Сергия Радонежского, предзнаменовавшего рождение Василия III (XII, 190—191) и о «подвиге къ богу въ молитве» Василия III и ниспослании ему сына, будущего царя Ивана Грозного (XIII, 48—53). Пожалуй, сказанного здесь достаточно для уяснения тенденции, появившейся еще в НЛ, развитой в ВЛ и укрепившейся в ЛС (прежде всего вследствие рождения нового

⁵³ Дмитриев Л. А. Куликовская битва в древнерусских литературных памятниках // Повесть о Куликовской битве: Текст и миниатюры. . . С. 336. — Текст пространной летописной повести опубликован: Сказания и повести о Куликовской битве. . . С. 16—24.

⁵⁴ Ср.: Там же. С. 42, 97, 120 и ПСРЛ. Т. 41. С. 63.

для XVI в. жанра «исторической» литературы — Степенной книги — с его биографизмом, пронизанным аллегоричностью и художественной фантазией⁵⁵).

Составители ЛС довольно прочно усвоили биографизм нового жанра и попытались подчинить его нормам свой труд. Хотя для ЛС свойственна чрезвычайная дробность (едва ли не каждое, даже в несколько строк известие, не говоря уже о рассказе с самостоятельным сюжетом, повести или «чудесном» явлении, выделено киноварным заголовком, заимствованным в одном из источников либо данным самими составителями),⁵⁶ структурно он членится на части, которые условно можно характеризовать как своеобразные жития.⁵⁷ Во всяком случае именно такими предстают перед читателями ЛС княжения «блаженного» Андрея Боголюбского, «благоверного» Александра Невского, «благоверного, христолюбивого, благородного» Дмитрия Донского, «благородного и христолюбивого» Михаила Александровича Тверского. Вместе с тем композиционные особенности жития свойственны изложению княжения Юрия Всеволодовича, Василия Дмитриевича, Василия Васильевича, Ивана III. Облечены в форму житейного повествования истории княжения Василия III (от «чудесного» рождения до освященного монашеским клобуком представления) и царствования Ивана IV Васильевича (также начинавшегося «чудесным» рождением). При этом характерно усиление аллегоризма, откровенности вымысла по мере приближения описываемых событий к времени составления ЛС.

Одним из образцов идеализации героев повествования описанием явно вымышленных событий может стать Повесть о чудесном рождении Василия III. В ней рассказывается о путешествии «помолитися» у Троицы «по благому совещанию» Ивана III и «великой княгини царевны Софии», «дабы даровал (бог. — В. М.) имъ сынове родити въ наследие царству своему», во время которого великая княгиня «близъ самыя обители . . . очиветь въ сретение грядуща священнолепна инока, его позна по образу быти прендобного чудотворца Сергия». Святой «имуща въ руке отрочо младо», что София восприняла как знак о ниспослании «наследника Русскому царствию». Вымысел явствен, поэтому автор ссылается на авторитет митрополита, а позднее — монаха Троице-Сергиева монастыря Иоасафа, от которого «сия же повесть явлена быше». Иосиф же историю эту «слыша отъ усть у самого великого князя Василия Ивановича» (XII, 190—191).

Такого рода заимствования, привносимые в ЛС, меняли его жанровый характер, окончательно закрепляли превращение летописи-«погодника» в четью (предназначенную для чтения) книгу, собрание историй царств и княжений древних и современных, в иных странах и на Руси. Обращение к прошлому (далекому и недавнему), а порой и к современным составителям ЛС событиям, пронизанное стремлением показать их predetermined небесными силами, споспешествующими «истинному правосла-

⁵⁵ Лихачев Д. С. Человек в литературе Древней Руси. М., 1970. С. 98—103.

⁵⁶ Дробность ЛС обусловлена и жанровыми свойствами лицевой летописи, так как содержание миниатюр ограничено самим языком искусства графики, средствам которого практически недоступно развитие событий на сколько-нибудь длительном временном отрезке. Это можно было сделать лишь серией рисунков, последовательно отражавших различные стадии развернутого во времени события, «чтобы превратить пространство изображения во время рассказа» (Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. 3-е изд. М., 1979. С. 37).

⁵⁷ Так, О. И. Подобедова, подчеркивая, что «произвольное деление Лицевой летописи на пять дошедших до настоящего времени томов (с известиями 1114—1533 г. — В. М.) при изучении рукописи приниматься не может», предполагает возможное деление всего комплекта листов с историей «лет старых» на отдельные тома по тем листам, где повествование о начале княжения открывается строкой, выполненной вязью (см.: Подобедова О. И. Миниатюры. . . С. 113). Такими заголовками начинаются повествования о княжениях Владимира Мономаха и Всеволода Юрьевича в Киеве, Василия Васильевича — в Москве.

вию», приводит их к своеобразному «нанизыванию» чудес. Так, в преддверии взятия Казани в стане русских «видения» следуют одно за другим: апостольское воинство «благословиша градъ Казань»; «чудотворивый» Никола прорицает падение и передачу города «въ руке» Ивану Грозному; «свет необыченъ, яко великъ пожарь, видится во граде», предвещая христианское его очищение, и наконец, слышится «голъ града Казани яко Симановьскаго монастыря большаго колокола гласъ». Описание чудес следует одно за другим, и достоверность их подтверждается именами свидетелей: «Тихон, иже бысть слуга Ивана Петрова сына Головина», «некто воин нижеградец», «некто же, пресвитерьскій чинъ имея, . . . православнымъ царемъ, иже некогда имея духовный советъ», «и тѣй бе единъ отъ совета царева, и приведи его ко оконцю», «и самъ благочестивый царю своими царскимъ ушима» (XIII, 502—503). Этот «документализированный», якобы достоверный вымысел автора Степенной книги и духовника Ивана Грозного Андрея (митрополита Афанасия) активно используется составителями ЛС в описаниях двух последних его княжений. Рожденный благословением Сергия Радонежского, Василий III умирает с мыслью о пострижении («давно бо того желаю», «и тоя же ноци облекоша его во всю чернеческую одежду»). Как у святого «просвети же ся лице его, яко светъ», и уже источала благоухание смердевшая до того «тяжелымъ духомъ» рана великого князя (13, 417—418).⁵⁸

В НЛ, пожалуй, была бы невозможна похвала житию Ивана III. В 20-х гг. XVI в. она допускалась лишь в отношении святого (пусть даже местночтимого). Через 40 лет в Степенной книге «похвала» («похвала вкратце») завершает жития многих князей, отнюдь не святых.⁵⁹ Отсюда похвала переходит в жизнеописание князей ЛС.⁶⁰ В действительности далеко не блиставший качествами, приписываемыми ему летописцем, Василий III, как пытались доказать составители ЛС, всю свою жизнь «душею предъстати богу, к нему же всегда умъ свои неотлученъ имея» (XXIX, 217).

И уж совсем недопустимой для НЛ была бы легенда о рождении Ивана IV. «Преславнымъ» становится даже само появление его на свет. «Богодарованное», оно показано по воле составителей ЛС пострадавшим Василием III и Еленой Глинской шествьями «по далечайшимъ пустынямъ». Рождение Ивана Васильевича — ответ «на молитву . . . да не погибнуть бес пастыря не точию едины Руския страны, но и вси православнии» (XIII, 49).

«Политическая легенда», как определяет такие сюжеты Д. С. Лихачев,⁶¹ к тому времени уже прочно вошла в летописание. Она была и очевидным вымыслом, и подтверждалась именами свидетелей (от рядового воина до царя). Она рассказывала о людях и небесных силах, но могла подчинить им и природу, что особенно свойственно Степенной книге.⁶² Природа и ранее порой выполняла в летописи определенную роль как аллегория судьбы или итога человеческих столкновений, жизненных коллизий, как предзнаменование вскоре случающихся событий, но активной она стала, пожалуй, лишь в ЛС. Здесь природа сама способствует «богоугодному» предпринятию Ивана Грозного — походу на Казань: «. . . и таковое многое воинство всюду яко богомъ уготованну пищу обретаху: . . . благовоннымъ овощиемъ довляхуся . . . лоси яко самозванни на заколение прихождаху . . . множество рыбъ ловяху . . . множество бесчисле-

⁵⁸ См.: Морозов С. А. Опыт литературоведческого анализа «Повести о болезни и смерти Василия III» // Вопросы источниковедения и историографии истории досоветского периода. М., 1979. С. 88—98.

⁵⁹ См.: Лихачев Д. С. Человек в литературе Древней Руси. С. 99.

⁶⁰ См.: Морозов С. А. Летописные повести. . . С. 12.

⁶¹ Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X—XVII веков. Л., 1973. С. 131.

⁶² См.: Лихачев Д. С. Человек в литературе Древней Руси. С. 101.

ное птицъ . . . сами дающися въ руце человекомъ на пищу». Но в постные дни «не видаху никакоже ни птицъ, ни лосей» (XIII, 496).

Итак, за половину столетия, минувшую со времени создания НЛ при кафедре митрополита Даниила в конце 1520-х гг., русское летописание, ставшее по преимуществу общерусским,⁶³ претерпело серьезные изменения жанровых особенностей. Сделан был важный шаг в преодолении летописного способа изложения и переходе к связному повествованию.⁶⁴ Представляется, что такой сдвиг был вызван некоторыми концептуальными изменениями в восприятии прошлого России. В какой-то степени эта связь могла быть и обратной: новые приемы организации материала, способы его подачи, система доказательств, аргументация опосредованно влияли на концепцию или по крайней мере на ее оформление.

Но, как уже отмечалось в настоящей статье, в сознании специалистов текст ЛС представляется идентичным или весьма сходным с текстом НЛ (ЛС считается ее списком или редакцией). Поэтому для выявления концепции отечественной истории в НЛ и ЛС не остается места даже в общих курсах. Сложилась ситуация, при которой одна летопись как бы подменяет, заслоняет другую: если речь идет о НЛ, то на ЛС ссылаются как на иллюстрированную ее копию,⁶⁵ в тех же случаях, когда НЛ лишь упоминается, подробно характеризуется ее копия — ЛС.⁶⁶ Обратимся поэтому к НЛ. Общерусская летопись, одна из крупнейших и по временному охвату, и по событийной полноте, созданная при митрополичьей кафедре, она тем не менее отнюдь не настаивает на превосходстве «священства» перед «царством», но утверждает «любовь и совет великих князей с митрополитами и епископами».⁶⁷ Мало того, она настойчиво подчеркивала преемственность, а значит, и законность, «богоутвержденность» власти великих князей киевских, владимирских, московских. Имя великого князя цепочкой его предков тянется к Владимиру Святославичу: «Преставися князь велики Иван Данилович Калита, внук Александровъ, правнукъ Ярославль, праправнукъ Всеволожь, препраправнукъ Юрья Долгорукаго, пращуръ Владимира Мономаха, пращуръ Ярославль, препращуръ великого Владимера» (X, 211). Порой, однако, НЛ приписывает (или сохраняет содержание источника) великому князю такие поступки, какие мог позволить себе только человек, от которого зависит судьба митрополита: «Несмь послалъ Пимина въ митрополиты. . . Пимина не приемлю» (XI, 40), «. . . князь велики посла въ Киевъ отца своего духовнаго Федора, игумена Симановского, по Киприана митрополита, зовя его къ себе на Москву» (XI, 41). И уж, безусловно, великий князь выступал ответственным перед «небесными силами» за целостность и единство России: «. . . отечество свое, дръжаву свою мужествомъ своимъ крепко дръжаще» (XI, 109), «. . . и тако поиде на нихъ (Иван III на новгородцев. — В. М.) князь великий, не яко на христианъ, но яко на иноязычниковъ и на отступниковъ» (XII, 132).

Отношение НЛ к Новгороду нельзя однозначно характеризовать как отрицательное, ведь это — «отчина» великого князя. Пренебрежительно отзывается летопись о новгородских посадниках и тысяцких: «. . . спроста рещи, плотницы и гончары» (XII, 135), но благополучие города все-таки зависит от милости великого князя, которому бьют челом горожане «съ жалобами на свою же братию на новгородцевъ» (XII, 159), чтобы «обидимых отъ силных жалавалъ и оборонилъ» (XII, 156). Новгородцы злокозненны, «мыслили отъ великого князя Новугороду датися за короля» (XII, 164), но князь великий милостив, «всехъ посадниковъ и бояръ и тысяцкихъ

⁶³ См.: История русской литературы X—XVII веков. М., 1980. С. 300.

⁶⁴ См.: Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. С. 269—270.

⁶⁵ Источниковедение истории СССР. М., 1973. С. 71—72.

⁶⁶ История русской литературы X—XVII веков. С. 302—304.

⁶⁷ К л о с с Б. М. Никоновский свод. . . С. 97.

. . . отъ себя всемъ жалование свое отъ дорогихъ портъ . . . давалъ, и кони коемуждо по достоинству» (XII, 167).

Особый интерес создателей НЛ вызвала и Рязань, Рязанское княжество. Как полагает Б. М. Кюсс, он продиктован стремлением «обосновать права России на земли, являвшиеся предметом спора с Литовским государством». ⁶⁸ Но следует отметить, что земли-то землями, а вот рязанские князья показаны в НЛ постоянными противниками Москвы, союзниками Орды. Так, в 1382 г. «князь Олегъ Рязаньский срете царя Тахтамыша . . . и броды ему указа» (XI, 72). Поэтому и направлен гнев великого князя на Рязань: «. . . и огнемъ пожгоша и плениша вся», а летописец назидательно замечает: «. . . злее ему (Олегу. — В. М.) стало и татарския рати» (XI, 84).

Традиционно считается устойчивым и интерес НЛ к борьбе с Казанью. ⁶⁹ Действительно, взаимоотношения Москвы и Казани занимают в ней значительное место, обусловленное еще и тем, что Волжская Болгария и Казань воспринимались тогда как нечто общее, преемственное, а ссылки на «плен» Волжских Болгар еще во времена Владимира Святославича (IX, 66) должны были обосновать правомерность вхождения (или по крайней мере подчинения) в состав Российского государства, НЛ последовательно отмечает все походы русских воевод на Казань, завершившиеся возведением на ханский трон русского ставленника: «И князь великий Иванъ Васильевичъ всеа Русии царя Махметъ-Аминя изъ своей руки посадилъ на царство въ Казани» (XII, 219), «И нарекъ имъ на царство въ Казань Абдыль-Летифа царевича» (XII, 243). ⁷⁰ Отмечаются и совместные походы московских воевод, выходы московских войск в поддержку Казани при набегах на нее крымцев (XII, 228). Последнее известие НЛ (в рамках летописи митрополита Даниила), относящееся к Казани, связано с кончиной Мухаммед-Амина, о которой сообщала грамота «отъ всехъ казанскихъ людей» в 1519 г.: «. . . а мы холопи божии да и твои государевы; ты бы, государь, пожаловалъ, о насъ омыслилъ и о всей земле Казанской, и о господаре бы еси пожаловалъ намъ омыслилъ, как намъ впередъ быти». В ответ на эту просьбу Василий III «даетъ имъ на Казань царя Шигалея Шихъ-Авлеарова, царевичева сына» (XII, 34), «а послалъ въ Казань царя сажати на царство князя Дмитрия Федоровича Бельского да дворецково своего Тверскаго Михаила Юрьевича да съ ними диака своего Ивана Телешева» (XII, 32). Таким образом, в НЛ русско-казанские отношения показаны стабильными на протяжении всей второй половины XV—первой четверти XVI в. Осложнения наступили лишь однажды в связи с «проступкой» Мухаммед-Амина в 1506 г. ⁷¹ Василий III вскоре «простил» его, получив «исповедь» об учиненном «лихом деле» и клятву («шертъ») «въ вечномъ миру, въ дружбе» (XII, 14, 15).

Как свидетельствует НЛ, более беспокойной была южная граница (Алексинские, Белевские, Воротынские, Козельские и Одоевские «украины», а также Рязань и Тула), постоянно обеспокоенная необходимостью отражения набегов различных крымских «царевичей» (XIII, 6, 15, 26). Но отношения на дипломатическом уровне (между великим князем и крымским ханом) оставались спокойными: стороны регулярно обменивались посольствами, «шертными» грамотами «въ крепкой дружбе и въ братстве»

⁶⁸ Там же. С. 402.

⁶⁹ Там же. С. 100—101.

⁷⁰ Вассальные отношения Казани к Москве сохранила карта А. Дженкинсона 1562 г., оразившая чертеж московских земель 1497 г. См.: Рыбаков Б. А. Русские карты Московии XV—начала XVI века. М., 1974. С. 34.

⁷¹ О русско-казанских осложнениях 1505 г. см.: Зимин А. А. Россия на пороге нового времени: (Очерки политической истории России первой трети XVI в.). М., 1972. С. 68—69.

(XIII, 6, 11, 13, 24, 33, 35). Составители НЛ как бы ощущают громадные просторы застывшего «Поля», разделявшего Москву и Крым.⁷²

Их внимание было прочно приковано к западным рубежам, где положение менялось едва ли не ежегодно. Русско-литовская граница была словно живая. Походы русских воевод на литовские города чередовались с приходами «литовских людей» на земли великого князя московского. Силой оружия города одного государя переходят к другому, и НЛ тщательно фиксирует эти изменения (XII, 234, 237—238, 252, 254, 257—258; XIII, 9, 10, 16—23, 26—27). Но вместе с тем есть обстоятельства, позволяющие понять неприятие в Москве и Литовского государства, и его великих князей (королей). Первое из них — «единачество» с Ордой в надежде на получение западных и юго-западных земель восточного соседа: «Ягайло, князь литовский . . . совокупилсѣ съ Мамаемъ на насъ» (XI, 51), «чтобы войной царь пожаловаль, пошелъ на Московского великого князя со всею Ордою своею, а язъ отселе со всею землею своею, понеже бо многа истома земли моей отъ него» (XII, 124), «а на царя на Ахмата прииде страхъ от бога, и побеже никимже гонимъ отъ Угры по Литовской земле, по королеве державе, воюа его землю за его измену» (XII, 203). Второе — отступничество от православия, «великая нужда» держащимся «греческого закона» (XII, 252). Поэтому НЛ одобрительно отмечает переход «въ службу и съ вотчинами» удельных князей Перемышльских, Белевских, Воротыньских, Можайских, Шемякиных, Глинских (XII, 221, 234, 252; XIII, 8). Обратное же действие — уход от великого князя — трактуется как «побег» (Ф. Бельского), «преступление», «измена» (М. Глинского) (XII, 235; XIII, 24).

Непризнание составителями НЛ права княжат на съезд из Москвы для службы иному государю очевидно. Слуга московского великого князя должен оставаться таковым вечно, НЛ не принимает здесь какого-либо изменения. Так, Иван III и Василий III «жалуют» кроме приехавших удельных князей также и служилых татарских «царевичей» (XIII, 1—2, 11, 13, 28), казанских «царей» (XIII, 25), посылают войска «Литовские земли воевати за королево неисправление» (XII, 215, 240; XIII, с. 9, 15) и Ливонские «на князя местеря (магистра. — В. М.) за ихъ неисправление» (XII, 213, 240), как будто это какой-то можайский князь Иван Андреевич (XII, 109) или меньшая «братия» великого князя (XII, 212). «О миру и о любви» в Москве разговаривали с литовскими послами лишь однажды, в 1494 г., в связи со сватовством великого князя Литовского Александра к дочери Ивана III Елене (XII, 217—218). Послов же Кафинского султана в Москве чтили «велми» (XII, 250, 254), ссылались «о дружбе и любви», «о дружбе и братстве» с турецким (Царьградским) султаном (XII, 245; XIII, 17), с крымским (это уже отмечалось) и ордынским (XII, 255) «царями», «римским цесарем» (XII, 220, 222; 16, 21), датским королем (XII, 238). С Ливонией же и Швецией московский великий князь непосредственно переговоры не вел, по его «пожалованию» договоры с ними заключались архиепископом новгородским и «отчиной» великого князя — Новгородом (XII, 166; XIII, 11—12).

⁷² В июне—августе 1521 г. к Москве приходил хан Мухаммед-Гирей, опустошивший южную часть страны и уведший большой «полоц» (об этом см.: З и м и н А. А. Очерки. . . С. 240—266), однако оригинальная часть НЛ заканчивается событиями весны 1520 г., и дальнейшее изложение в НЛ соответствует тексту 59-й главы ВЛ (ср.: XIII, 37—44 и VIII, 265—270), как раз и содержащей известия «о измене казанских князей» и «о приходе крымского царя Магмет Кирея». Подстрекателем набегов крымцев на Москву НЛ называет Литву: «Того же лета (1517. — В. М.) король польский Жыхдимонтъ послалъ въ Крымъ . . . къ бесермянскимъ господаремъ . . . а велелъ ихъ на водити на христианство, на великого князя Василия украинны» (XII, 26). Но и сам Василий III «приказывалъ Мухаммед-Гирею послать «братью свою и детей своихъ, и многихъ своихъ людей съ многуо ратью» «на вопчего своего недруга на литовскаго въ лятцкую землю» (XIII, 33).

Таким образом, в НЛ отражена довольно стройная и целостная картина представлений об историческом прошлом Руси и ее взаимоотношениях с различными государствами Европы.

Главным героем истории, по НЛ, является род великих князей московских и их предков — Владимирских и Киевских, — находящийся под особым покровительством небесных сил. И пожалуй, не следует искать антимосковскую направленность (тенденцию) в тех фрагментах, где тот или иной представитель рода московских великих князей терпит неудачу. Это обстоятельство НЛ прокомментировала вполне однозначно: «...егоже бо господь любить, наказуеть» (XII, 257). Именно великие князья совершают успешные походы на «сопротивных», они выступают посредниками, пресекая оружием или улаживая переговорами, в княжеских междоусобицах, организуют сопротивление внешнему врагу («немцам» — с запада, Орде — с востока), «обновляют» русскую землю после Батыева нашествия, а позднее и собирают ее под московскими знаменами, карая «крамольников» новгородских, псковских (XIII, 12), рязанских, тверских (XII, 217) и вместе с тем оберегая «гражан» «отъ своеа силы», «чтобы ихъ не грабили» (XII, 218).

Благочестие и мудрость, твердость и смирение московских великих князей снискали, как стремится доказать НЛ, им в глазах мирян авторитет, позволяющий решать и церковные споры. Так, «великообразумный князь великий Василей Васильевичь никакоже не посла възврати его (ударившегося в бега митрополита Исидора. — В. М.), ни възхоте удръжати его, яко несмыслена и безумна и богомръзка» (XII, 43). «Повелением» великого князя проводятся и соборы на еретиков (XII, 224), и казни их (XII, 258).

Это обусловлено и преемственностью власти московских великих князей от Византии, которую составители НЛ пытались обосновать включением в нее чина венчания Дмитрия Ивановича так называемыми регалиями Владимира Мономаха — шапкой и бармами (XII, 246—248). Москва становилась центром православного мира, заняв место погибшей от «беззаконных» турок Византии. «Руси же родъ съ прежде создателными всего Измаилта победять» (XII, 97). Судьба Русского государства тесно связывалась с судьбами южных славян (в НЛ включены статьи Хронографа 1512 г. с повествованием об историческом прошлом сербов и болгар).⁷³ В соответствии с новой ролью великий князь уравнивал свой титул с царским, императорским, а потому «сносился» он с их обладателями «о братстве», «жалуя» меньших по сравнению с ним королей польского и шведского, великого князя литовского и магистра Ливонского ордена. Теперь уже Иван III не отвечает на когда-то грозное приглашение-вызов в Орду (XII, 168), он встречает ее войско «своею силою».

За половину столетия, минушую со времени создания летописи митрополита Даниила (л. 1—940 списка Оболенского НЛ), в соответствии с реальными территориальными изменениями переосмыслен был статус великого князя. Теперь он (как фиксируют документы, включенные в ЛС) именуется «царем» и великим князем «всея Руси», Владимирским и Московским, Новгородским, царем Казанским, Астраханским, государем и великим князем многих других земель, а также «Себирские земли и северные страны» повелителем (XIII, с. 310, 363). Отказ от упоминания царского титула со стороны иных государей в Москве воспринимается уже как «бесчестье» (XIII, 340).

Инициативу венчания «на царство» ЛС (вслед за Постниковским летописцем) приписывает Ивану Грозному: ⁷⁴ «...хочю язъ . . . поискати

⁷³ См.: Творогов О. В. О составе и источниках хронографических статей Лицевого свода // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 28; Исследования по истории русской литературы XI—XVII вв. С. 353—364; К л о с с Б. М. Никоновский свод. . . С. 169.

⁷⁴ См.: М о р о з о в В. В. Царственная книга и Постниковский летописец. С. 78—86.

прежних своих прародителей чиновъ» (XIII, 450); «и велель въ церкви чинъ устроить» (XIII, 451). Венчается Иван IV теми же регалиями, что и Дмитрий-внук, но греческое их происхождение подкрепляется еще и легендой о добровольности дара: «...прислалъ царь Константинъ Маномахъ на поставление великимъ княземъ русскимъ» (XIII, 451). В ЛС акцентируется передача регалий самим императором Византии, тогда как даже в Летописце начала царства речь шла о получении их «по благословению патриарха Цареградского и по молению греческого царя Константина Маномаха» (XIII, 150). «Посылает . . . къ великому князю (Владимиру Всеволодовичу. — В. М.) венець царский» и другие дары Константин Мономах также в особом изложении Легенды о Мономахских дарах в ЛС под 1114 г. (IX, 144). ЛС прочно связывает «царские» регалии с Византией, чего НЛ еще не знала,⁷⁵ открывая тему преемственности Константинополя и Москвы как мирового центра, средоточия «истинного православия»: «...да нарицаешися отселе боговенчаннй царь» (IX, 144). Тем самым уже с первых листов русской части ЛС изложение истории Руси рассматривалось как повествование о пути «божественного промысла» к своим наиболее верным и последовательным приверженцам, а в исторических аналогиях, в обращении к прошлому делалась попытка обоснования сложившейся в третьей четверти XVI в. реальности и высокого предназначения Российского государства. Последнее обстоятельство почти столетие назад уже было отмечено А. Е. Пресняковым: «Он (ЛС. — В. М.) возник в эпоху, когда Московская Русь, упоенная высоким положением, какого достигла — по крайней мере в сознании своих государственных людей и своих книжников — под властью Грозного царя, подводила итоги своим историческим воспоминаниям, ища в них оправдания притязаниям, шедшим так далеко. . .».⁷⁶

Составители ЛС, по-своему интерпретируя прошлое «государства Российского царствия», немало потрудились, чтобы доказать предопределенность его исторического восхождения, обусловленную споспешествованием небесных сил, и вечность, неизбежность его побед на предначертанном свыше пути. Главным же аргументом должна была стать идея «богоизбранности» «царства», персонафицированного в роде его государей.

Сформулирована она была в 60-х гг. XVI в. создателями Степенной книги, задача которой состояла в том, чтобы «представить историю как государственный парад, внушающий читателю благочестивый страх и веру в неизбежность и мудрость государства».⁷⁷ Эта же идея лежала в основе фресок «портретного» цикла Архангельского собора Московского Кремля.⁷⁸ Ей подчинена внутренняя структура ЛС: членение на жития-княжения, особенно в части, относящейся к московской ветви от Александра Невского до Ивана Грозного.

Руководствуясь идеей об особой роли Российского государства, составители ЛС перекраивали исходный материал НЛ. Так, повествование о периоде феодальной раздробленности дополнено было рассказами о междоусобных «бранях», «крамолах» удельных князей (IX, 191—194, 238—239, 254; X, 14, 24—36, 52—55, 59—60, 63—64, 74—77), но особое место здесь занимают рязанские князья, в стремлении «братъ брата убити»

⁷⁵ Рассказ о походе воевод Владимира Мономаха во Фракию и о присылке ему царских регалий из Византии в НЛ отсутствует. В ЛС он заимствован из ВЛ (ср.: IX, 144 и VII, 22). Созданное в 1510—1520-х гг. сочинение Спиридона-Саввы, содержащее Легенду о Мономахских дарах, позднее было включено в состав ВЛ (см.: Д м и т р и е в а Р. П. Сказание о князьях Владимирских. М.; Л., 1955). Крестом, который был «присланъ изъ Царяграда отъ царя Константина Мономаха», благословляя, по Ц, умиравший Василий III своего сына — будущего царя Ивана Грозного (XIII, 415).

⁷⁶ Пресняков А. Е. Московская историческая энциклопедия. С. 824.

⁷⁷ Л и х а ч е в Д. С. Развитие русской литературы X—XVII веков. С. 136.

⁷⁸ См.: С и з о в Е. С. Русские исторические деятели в росписях Архангельского собора и памятники письменности XVI века // ТОДРЛ. М.; Л., 1966. Т. 22. С. 271.

сеявшие «крамолу» в своей земле (X, 14). Привлекает их внимание Москва, окрестности которой они начали «воевати» еще в 1216 г. (X, 61).

Этим же целям подчинена Повесть о походе Игоря Святославича в 1185 г. в редакции ЛС, нарочито преувеличивающей бедствия, принесенные необдуманном «величанием своим» младших князей, затеявших поход без ведома и вопреки намерениям великого князя. Осуждение действий северских князей составителями ЛС недвусмысленно: Ольговичи мечтают, разбив половцев, дойти «и до лукомориа», но «сиа же глаголюще, а строения божиа не ведуще» (X, 13).

Другим препятствием утверждению «строения» являются, по мнению составителей ЛС, новгородцы, которые «зыша великую милость прежнихъ великихъ князей . . . въ самочиние уклонишася» (IX, 244). В ЛС даже поражение великого князя, такое как разгром войска Андрея Боголюбского у стен Новгорода в 1171 г., становится поводом для морализаторских сентенций: «. . .наведе на нихъ богъ казнь сию, и смири ихъ до зела рукоу великаго князя Андрея» (IX, 244). При выборе (из НЛ и ВЛ) версий для включения известия в ЛС его составители останавливаются на той, где новгородцы проявляют себя как подданные великого князя, а не граждане свободной в своих действиях республики. Так, под 1200 г. в ЛС рассказывается о приходе «лучшихъ людей» Новгорода «съ челобитиемъ и съ молбою и з дары» к Всеволоду Юрьевичу, «глаголюще: отчина твоя и дедина Новгородъ Великий просятъ у тебя сына княжить». Эта версия заимствована из ВЛ (ср.: X, 32 и VII, 107) взамен отвергнутого рассказа НЛ, по которому новгородцы «послаша . . . лучшихъ людей къ великому князю Всеволоду Юрьевичу, сыну Долгорукого, просяще у него сына княжити» (X, 32).

На изменение старых обычаев, «прежнихъ князей уставов» подстрекают новгородцев удельные князья, в частности Мстислав Мстиславич (под 1210 г.). И лишь полки великого князя, как пытаются доказать составители ЛС, заставляют Новгород «убояться». Между тем в НЛ утверждалось, что новгородцы смирились по увещанию великого князя (ср.: X, 61 и VII, 116). От другого преступления новгородцев — «къ латынству чрезъ крестное целование» переход — пытаются спасти митрополит Филипп, который «не единою посылая отъ себя къ нимъ въ Великий Новгородъ поучение отъ святыхъ писаний» (XII, 127). И дабы Новгород «не отступил», великий князь идет на него «ратию», призывая на помощь всех святых покровителей от архистратига небесных сил Михаила до «своихъ сродниковъ» (XII, 130—131). «Лжуще и неправду деюще» пытаются избежать кары, однако «окаяннии изменницы» не в силах устоять против «правды государя своего» и, по проречению Зосимы Соловецкого (его нет в НЛ), новгородские посадники казнены «главною казнию» (XII, 134—138; см. также: XXI, 540). Для Повести о походе Ивана III «ратию» на Новгород в редакции ЛС характерно активное участие небесных сил в земных делах на стороне московского великого князя. В свою очередь описание торжественного приема Ивана III во время «поезда» в 1475—1476 гг., богатых «поминок», даров должно было показать смирение Новгорода (только описание встреч и обедов, привнесенных в ЛС сверх текста НЛ, занимает л. 119—131, 144—153 Шумиловского тома).

Таким образом, род московских государей показан в ЛС ревнителем единства Российского государства, собирателем «богомъ дарованного ему отечества» (XII, 140), преодолевающим порой и «отступление» младших его ветвей (ср.: XII, 197 и VIII, 204). Последним по времени подвигом на этом пути было возвращение Ивана IV в «искони-извечную его вотчину . . . Вифляндскую землю» (XIII, 346).

Что касается взаимоотношений с иными государями, то и здесь концепция НЛ претерпела существенные изменения при подготовке текста ЛС. Обоснованием ее в отношении ближайших соседей служили все те же ссылки на прошлое или принадлежность к другой, нежели православие,

форме вероисповедания. Борьба за восстановление «начальнейшаго отечества» и погашение «огня безбожия» почитаются высшей благодатью. Российское государство, род его «самодержцев» в лице Василия III уподобляются в ЛС саламандре — животному, «иже своим естеством огонь погашаетъ, оно же невредимо пребываетъ. Также и сий самодержавный государь Василий огонь безбожия погашаетъ» (XXIX, 217).

Изменения, принесенные составителями ЛС в НЛ, продиктованы двумя важнейшими событиями царствования Ивана Грозного — взятием Казани и Ливонской войной. Первое из них является темой Повести о Казанском взятии в составе Летописца начала царства, второе — текста ЛС за 1558—1567 гг. с вошедшей в него Повестью о Полоцком взятии.

Тема Казани уже в первом (поход Всеволода Юрьевича на болгар под 1184 г.) дошедшем до нас заимствовании в ЛС из ВЛ связана с спешествованием небесных сил русскому воинству: «. . . болгары, божию помощию и пречистыа богородицы устрашени быша, побегоша, и никому же гонящу ихъ, точию гневомъ Божиимъ гоними» (ср.: X, 10 и VII, 87). «Безбожнии болгары», конечно же, не могут одолеть полки русских князей (ср.: X, 83—86 и VII, 126—128). В ЛС даже принята версия ВЛ о неизвестном происхождении («бысть же сый инога языка не русскаго») мученика Авраамия, казненного болгарами («усечень бысть») за приверженность православию («неуклонномъ разумомъ исповедающе Христа . . . а Бахмита проклинаяще и веру ихъ болгарскую»), тогда как в НЛ утверждается, что «убиень бысть некий боголюбець христианинъ болгаринъ Авраамий» (ср.: X, 97 и VII, 185). С приходом Батыев болгары исчезают из текста ЛС (как, впрочем, НЛ и ВЛ). «Безбожными» болгарами овладели «бесермены» — татары. И «просвещение» земле христианством могло прийти лишь из Москвы. Казань появляется в ЛС впервые под 1391 г. как объект набега новгородцев и устюжан в известии, заимствованном из НЛ (XI, 126). Затем, после известий 1396 и 1399 г. о взаимных походах русских и казанцев (XII, 163—164, 171), сообщается о посылке «царемъ» казанским Мамутием «всехъ князей своихъ со многуо силою» на «отчину» Василия Васильевича в 1448 г. В ответ великий князь «посла противу нихъ воиство свое». Этим известием, заимствованным из ВЛ (ср.: XII, 73, 121), начинается повествование о противоборстве Москвы и Казани. Далее ЛС в изложении московско-казанских отношений полностью следует за НЛ вплоть до 1499 г., когда из Москвы были посланы пешие полки и судовая рать в поддержку казанскому «царю» Абдул-Латифу. Составители ЛС решили здесь дополнить краткое сообщение НЛ подробным перечнем воевод, заимствованным из ВЛ (ср.: XII, 250 и VIII, 237). Роспись войскового разряда из ВЛ дополнен в ЛС и рассказ о походе Дмитрия Ивановича (брата Василия III) на Казань в 1506 г. (ср.: XII, 2—3 и VIII, 246). Поход не был успешным, и в ЛС появляются заимствованные из ВЛ строки: «И князь Дмитрий Ивановичъ и съ воеводами великаго князя вскоре побегоша отъ Казани къ Новугороду, никимже гоними . . . и людей многихъ истеряше», тогда как, по НЛ, «Дмитрей Ивановичъ и съ воеводами великаго князя поиде отъ Казани къ Новугороду». Как мы видим, в изложении фактической стороны событий 1114—1520 гг. ЛС немногим отличается от НЛ. Разнятся, пусть незначительно, оценки происшедшего, его трактовка. За пределами же НЛ лежат события, связанные с окончательным присоединением Казани к Российскому государству в 1552 г. Однако и в ЛС не сразу был определен окончательный текст этого фрагмента. Во всяком случае, в первом варианте ЛС переворот в Казани «царевны» Ковгоршад и последовавшее затем снятие опалы с Ших-Али (Шигалей) в 1535 г. описаны без каких-либо подробностей на л. 9 об. и 10 об. С. Во втором же варианте (л. 116 об., 117 об.—130 об. Ц⁷⁹) рассказано о получении в Москве известий о перевороте, о прибытии гонцов от «князей и мирзъ съ пят-

⁷⁹ См.: Морозов В. В. Об источниках Царственной книги. . . С. 76—77.

соть», которые обещали и впредь «государю служити великому князю прямо», если «будеть Шигалей (находившийся в опале на Белоозере. — В. М.) . . . на Москве» с тем, чтобы «царю крымскому въ Казани не быти». Прибывший в Москву Ших-Али был торжественно встречен младенцем — великим князем — и его матерью Еленой Глинской.⁸⁰ Незадачливый бывший казанский «царь» бил челом великому князю «за свою проступку» (XIII, 424—427) и позднее вновь дважды сажался «на Казань» (XIII, 447, 470).

Вместе с тем Казань после 1499 г. показана в ЛС объектом противоборства Москвы и Крыма, ставленники которых, сменяя один другого, сидели на ее престоле. Но победить в этом споре окончательно суждено было тем, на кого всевышний «милость свою излиять» (XIII, 514). Последняя попытка крымского хана Девлет-Гирея, предпринятая летом 1552 г., воспрепятствовать «новопросвещению» Казани провалилась (XIII, 519).

Не смогли в Крыму противодействовать и присоединению Астрахани. В ЛС буднично отмечена посылка воевод (XIII, 236) и само взятие города: «Князь Юрь Иванович Проньской съ товарищи Астраханское царство и городъ взяли» (XIII, 242). И нет в ЛС ни малейшего намека на то, что Казанское и Астраханское «царства» были порождением и своеобразными приемниками страшного когда-то врага — Золотой Орды.

А ведь еще в 1446 г. Улу-Махмед и его сын Мамутяк великого князя пожаловали, «утвердивъ его крестным целованиемъ, что дати ему за себя окупъ» (XII, 66). Горестным рефреном заканчивались известия о приходе ордынцев на Русь: «. . .полоу же толико выведено бысть во Орду многое множество, яко и счести невозможно есть» (XI, 81). Из года в год и через много лет после Мамаева побоища повторяются фразы о русских князьях, возвратившихся из Орды: «. . .пожаловани отъ царя . . . своєю ихъ отчиною» (XI, 219). Однако к концу XV в. в восприятии Орды произошел коренной перелом. Рассказывая о событиях 1480 г. в Повести о пришествии Ахмата на Угру, НЛ называет сторонников отхода русских войск (советуют великому князю Ивану III: «. . .поиде прочь, не можешы съ ними стати на бой») «сребролюбцами», «предателями христианства» (XII, 202). Сходна их оценка и в ЛС: «Своего живота падяще, земли же Русстей предатели», «безсерменомъ поноровники» (XII, 203). Но в ЛС извлекается исторический опыт из прошлого Руси: лишь сопротивление врагу является залогом сохранения независимости страны. Примерами для многих государств, «еже глаголются Болгари, и Сербы, и Грецы, и Трапезонъ, и Аморея, и Арбонасы, и Хорваты, и Босиа, и Манкукъ, и Кафа», должна стать Русская земля, сбросившая иго («избави богъ Русскую землю отъ поганыхъ татаръ»). «Сынове русстии» поднялись сохранить «свое отечество», те же, кто «не стаха мужьствене и погибоша и отечество изгубиша, и землю, и государство», достойны презрения (XII, 202).

Позднее ЛС еще отмечает столкновения крымского и ордынского «парей», заимствуя эти известия из ВЛ (ср.: XII, 217 и VIII, 216) или НЛ (XII, 228), пока под 1502 г. «крымский царь Менли-Гирей побилъ Шиахмета, царя Болшия орды, и Орду взялъ» (XII, 256). Еще позднее в ЛС встречаются лишь «ордынские казаки».

Главным противником на Востоке для Российского государства становится Крымское «царство». Приходу крымцев к Москве посвящены две повести, вошедшие в состав ЛС. Первая — о нашествии на Москву Мухаммед-Гирея в 1521 г. — заменила краткое сообщение ВЛ (ср.: XIII, 37—43; VIII, 269 и XXI, 598—599, 603). Заимствованная из Степенной книги, она объясняет внезапный отход крымского войска чудесным виде-

⁸⁰ Рассказ Ц о приеме Шигалея в Москве, подробно и с большим знанием придворного церемониала иллюстрированный, позволил С. П. Баргенову с достаточной достоверностью реконструировать один из важнейших этикетных обычаев великокняжеского двора. См.: Баргенов С. П. Московский Кремль в старину и теперь. М., 1916. Кн. 2: Государев двор. Дом Юриковичей. С. 173, 175, 213—219.

нием «бесчисленного множества рускаго воинства». Вторая — о приходе Саип-Гирея на Оку в 1541 г. — вошла в ЛС дважды: в первом варианте (л. 46—84 об. С; XIII, 99—114) и во втором (л. 176—215 об. Ц; XIII, 433—438). Не вдаваясь в подробности анализа обоих вариантов, отметим лишь, что заслугу победы автор повести отдает «русских сыновъ храбрости», умелому руководству воевод и их инициативности (XIII, 110 и 437). Можно, пожалуй, выделить из состава ЛС и Повесть о приходе Девлет-Гирея к Рязани в 1565 г. (л. 563—581 об. С).

«Дикое поле», «Поле» — необжитые пространства, разделявшие Крымское «царство» и «украины» Российского государства, делали их границы достаточно устойчивыми. Но в ЛС намеренно (иначе нельзя сказать) создается впечатление о напряженности южной границы. Она как бы таит в себе зародыш взрыва. Действительно, почти ежегодно в Москву приходили гонцы из Крыма, осуществлялся обмен посольствами, грамотами, и одновременно столь же регулярно русские «украины» подвергались набегам крымцев (XIII, 142, 143, 233, 234, 256—258, 305, 314, 315, 318, 321, 341, 342, 387—389, 399). В Москве также не упускали случая отправить воевод на Дон или Днепр, а то и к Перекопу (XIII, 256, 271, 272, 281, 288, 296, 315, 316, 318—320, 339, 341). Но если набеги крымцев трактовались в ЛС как преступление «правды» (XIII, 387), то посылка воевод на юг объяснялась «бережением» государева «дела» (XIII, 316). К тому же составители ЛС отмечают определенную несамостоятельность поступков крымского «царя», действующего «по салтанову велению турьского» (XIII, 384). Южная граница чревата опасностью, Иван Грозный совершает по ней в апреле—мае 1566 г. своеобразную инспекционную поездку: «. . . ездилъ государь въ украинные города отъ крымские стороны» (XIII, 402), но не она определяет интересы государства. Даже отражая набеги крымцев, обязаны были воеводы «людей не изволочити для литовского дела» (XIII, 342). Так определяли приоритеты внешнеполитических интересов составители ЛС.

Подобное осмысление прошлого, несомненно, должно было отразиться и на изложении материала, посвященного далекому прошлому. Впервые литва (как народ) появляется в ЛС под 1131 г. (IX, 157), однако до конца первой четверти XIII в. какие-либо изменения в текст НЛ не привносились. Начало им положило известие о приходе литвы к Новгороду в 1225 г., где рассказ НЛ заменен версией ВЛ (ср.: X, 93 и VII, 133). Суть изменений сводится к следующему: большими показаны успехи князя Ярослава Всеволодовича, который выступил в защиту Новгорода, «сжалился вельми о християнехъ»; литва названа «поганой».⁸¹ Следующая вставка из ВЛ относится уже к 1380 г. В ней рассказывается о бегстве Ягайлы «съ великою скоростью» от предполагаемого места встречи с Мамаем сразу же по получении вестей об исходе Куликовской битвы (ср.: XI, 66 и VIII, 40). Спустя шесть лет, как повествует текст ЛС следом за ВЛ, Ягайло совершает новое преступление: чтобы «досталось ему королевство», «еде женитися въ Лятцкую землю . . . и тамо крестися въ римскую веру». Изменив православие, Ягайло «повеле крестити литву въ немецкую веру», предавая «многимъ мукамъ и смерти» противников «римской веры» (XI, 90 и VIII, 51).

Далее, вплоть до 1520 г. (до конца летописи митрополита Даниила), текст ЛС аналогичен тексту НЛ за исключением трех вставок, вносящих дополнительные сведения, которые были заимствованы из ВЛ (ср.: XI, 91—92 и VIII, 51—52; XIII, 21—22, 34 и VIII, 257—258, 268). С 1520 г. (с л. 940 списка Оболенского) НЛ сходна до 1542 г. с текстом ВЛ (и вторична по отношению к нему). В этой части ЛС нет каких-либо ярких проявлений антилитовской направленности, однако посылка воевод

⁸¹ «Поганой» названа литва и в Слове о житии и представлении Дмитрия Донского, заимствованном в ЛС из ВЛ (ср.: XI, 120 и VIII, 59).

в 1535 г. «литовские земли воевати за королеву неправду» обосновывается и необходимостью «христианство отъ насилия боронити» (XIII, 424).

Позднее, в изложении событий Ливонской войны, вновь воеводы посылаются «на отступниковъ крестиянския веры на безбожную Литву» (XIII, 347). Отсюда — непримиримость ревнителей «истинной» веры с бывшими «погаными», ставшими «безбожниками». Да к тому же «писал король ко царю и великому князю въ своей грамоте, вскладывая неправду на царя и великого князя, да и о ливонской земле писалъ, что за ней стоять хочеть, а называлъ ливонскую землю своею землею» (XIII, 340) (курсив мой. — В. М.).

Здесь камень преткновения русско-литовских отношений и основная причина сложившейся интерпретации в изложении их на страницах ЛС. Ведь российские «самодержцы» (по крайней мере Иван Грозный) считали Ливонию своей «вотчиной» (XIII, 346).⁸² И учреждая печать «Вифляндской земли», Иван Грозный помещает в лапы двуглавого орла (герб Российского государства) «герб печать маистра ливоньского» и «герб печать юриевского бискупа». Этой печатью юрьевский воевода был обязан «грамоты перемирные съ свейскимъ королемъ печатати» (XIII, 396).

Тем самым шведский король по-прежнему мог «ссылаться» лишь с наместниками «царя и великого князя». Годом ранее, в 1535 г., шведские послы просили «миръ бы и доброе соседство со царемъ и великимъ княземъ держати, а не съ ноугороцкими наместники». Однако Иван Грозный ответил «браннымъ» и «подсмешательнымъ» отказом, мотивируя тем, что он, «царь», от шведского короля Ирика (Эрих XIV) «отстоять, якоже небо отъ земли» (XIII, 396). Здесь находят развитие те представления о месте «царя и великого князя» в ряду иноземных государей, которые были сформулированы еще в НЛ.

В 1563 г. Иван Грозный подписал пропускную грамоту до Москвы плененному полоцкому воеводе Станиславу Довойне, содержавшую «царские заповеди слово», обращенное к «нашие вотчины» подданным (она сохранилась в Александро-Невской летописи), в числе которых названы казанские, астраханские, черкесские, ногайские и крымские князья, мордва, черемиса, чуваша, татары, башкиры, немцы, литва, латыши, чухна (XIII, 364; XXIX, 318).

Государи, собравшие «под свою руку» столь значительное число разных народов, почитают себя на самой высокой ступени светских (и церковных) иерархов. Поэтому и «жалует» Иван Грозный «маистра и всю землю ливонскую» в 1554 г. (XIII, 240), а десятью годами позднее «за ихъ неправду пленити велель» (XIII, 346). Поэтому и посылает Иван Грозный «полотцкие поминки, жеребцы литовские въ седлехъ литовскихъ . . . да полотцкого же полону послалъ королевскихъ дворянь» (XIII, 366) крымскому «царю» как свидетельство и подтверждение своего величия.

Обращаясь к ретроспективе, выявить изменения в оценке составителями ЛС (в сравнении с НЛ) места российских «самодержцев» по отношению к другим государям сложно, так как подобного рода включений непосредственно в текст НЛ нет. Поэтому рассмотрим более поздние известия. За 50—60-е гг. XVI в. в ЛС отмечена служба у Ивана Грозного «на государьском жаловании» уже нескольких «царей»: Шигалея, Дербыш-Алея, Утемиш-Гирея (Александр), Едигер-Магмета (Симеон Касаевич) и др. Да и сам Иван IV писал крымскому «царю», «что дружбы у царя

⁸² Корни представления о Лифляндии как «вотчине» великого князя основываются на том, что «чюдь повоева и победи . . . и постави градъ Юрьевъ» Ярослав Мудрый в 1030 г. (I, 79). Лишь через два века Юрьев был захвачен «немцами» и вошел в состав земель духовно-рыцарского Ливонского ордена. По ЛС, в 1560 г. А. Адашев и И. Висковатый говорили послам литовского короля, что «ливонская земля изначяла государей нашихъ данщики, отъ великого князя Ярослава Володимировича и по се время» (III, 324). Еще позднее, в 1566 г., отмечая поставление новых городов под Полоцком, составители ЛС в каждом случае подчеркивают: «на вотчине его» (XIII, 405, 406, 408). т. е. Ивана Грозного.

не выкупаль» (XIII, 240). Здесь очевидна прямая связь престижа «царя и великого князя» с государственным престижем, их отождествление. «Покупать дружбу» «самодержец» у вассала турецкого султана не мог. Напомним, что Кафа была названа в ЛС в ряду стран, потерявших свою независимость: «Того же лета (1475 г. — *В. М.*) туркове взяша Кафу . . . и посадиша . . . Менли-Гиреа» (XII, 158), хотя составители ЛС подчеркивают существовавшие прежде мирные отношения, «дружбу и братство», заимствуя подобные характеристики для оценки взаимоотношений крымского «царя» и московских великих князей на рубеже XV—XVI вв. (XIII, 6). Иван Грозный не раз выступал на страницах ЛС покровителем иноземных государей: сибирского, просившего, «чтобы государь ихъ князя и всю землю Сибирскую взялъ» (XIII, 248); ливонского, «а хочеть онъ доставити прусские земли» (XIII, 346); датского, которого он «пожаловаль, отъ любви его отъ своея не отставиль» (XIII, 318); шемахинского «царя», обещавшего служить, как «ему царь и великий князь себе велить служити» (XIII, 371).

Возрастание престижа «царя и великого князя» не могло не привести к пересмотру отражения взаимоотношений государя и его подданных. Как уже отмечалось, под 1514 г. в НЛ рассказано о попытке князя Михаила Глинского «бежати» от великого князя Василия III в Литву, расцененной как «измена» (XIII, 24). Составители ЛС дополнили рассказ НЛ: «Глиньскаго оковавъ, послалъ (великий князь. — *В. М.*) на Москву и велелъ его заточити» (ср.: XIII, 24 и VIII, 257). Более поздние попытки — князей Семена Бельского в 1534 г. (VIII, 79, 420), Семена Лобанова-Ростовского в 1554 г. (XIII, 237), Д. Вишневецкого в 1563 г. (XIII, 343), Андрея Курбского в 1564 г. (XIII, 383) — характеризуются идентично. И всегда известия о них сопровождаются сообщениями о следствии по «изменным делам».⁸³

Тема «измены» в ЛС тесно связана с обличением «недоброхотства». Обращаясь к периоду малолетства Ивана Грозного, составители ЛС приложили немало усилий, чтобы показать, как бояре в корыстных интересах то «въ литовскую землю не пошли вопреки велению великого князя» (XIII, 424), то ссорили государя с его ближайшими родственниками, «навадиша на князя Ондreja великому князю, а князю Ондрею (дяде Ивана Грозного. — *В. М.*) сказаша на великого князя» (XIII, 428), то организовывали «без государьскаго веления» (XIII, 432, 444) междоусобицы, кончавшиеся ссылками противников, грабежами и убийствами, то приводили на русскую землю войска ее злейших врагов: крымского «царя», как Бельский (XIII, 433), или литовского короля, как Андрей Курбский (XIII, 388, 390). Составители ЛС сетовали: «И многие промежь ихъ бяше вражды о корыстехъ и о племянехъ ихъ, всякъ своимъ печется, а не государьскимъ, не земскимъ» (XIII, 432). Вот и приходится «царю и великому князю» едва ли не ежегодно пресекать крамолу княжат и бояр. «Спротивство» бояр простиралось, как утверждают составители ЛС, до попыток «дръжати великое государьство Российскаго царствия», т. е. до претензий на престол (XIII, 420), «безчиния», прямых угроз и насилия великому князю (XIII, 440, 444), «бесчестия» митрополиту (XIII, 439). Бояре же совершают злостнейшее преступление: они становятся между царем и народом, поднимая простой люд, «чернь» («а безъ науку сему быти не мощно») на «царя и великого князя» и близких ему людей (XIII, 448—449, 455—457). «Въ боярехъ смута и мятежь», резюмирует редактор ЛС, стали причиной бедственного состояния страны времени правления Ивана IV: «. . . а царству почала быти во всемъ скудость» (XIII, 526).

⁸³ О нравственной стороне взаимоотношений феодала и сюзерена см.: К о б р и н В. Б. Власть и собственность в средневековой России (XV—XVI вв.). М., 1985. С. 45—47

Здесь составители ЛС явно противопоставляют род российских «самодержцев» и корыстолюбивое боярство. Если рассмотреть вставки ВЛ в текст НЛ, то обращает внимание большая группа известий о строительстве, обновлении и освящении соборов, принесении в них «мощей» и «святынь», создании пантеонов великих князей и митрополитов. Род российских «самодержцев» показан тем самым заступником за свое «стадо паствы» (XIII, 226), за «русьской дръжавы цветущее благочестие» (XII, 43).

Итак, мы рассмотрели некоторые основные аспекты концепции исторического прошлого Российского государства в НЛ и ЛС. Конечно, содержание летописи далеко не исчерпано. Вероятно, можно внести какие-то уточнения, дополнить конкретными наблюдениями лишь слегка намеченные положения, что послужит более полному изучению одного из интереснейших памятников отечественной средневековой культуры — Лицевого летописного свода XVI в. В перспективе же остается исследование русского летописания XVI в. в его историческом развитии: Никоновская летопись — Воскресенская летопись — Летописец начала царства — Лицевой летописный свод.

И. Ю. СЕРОВА

История текста «Летописной книги»

«Летописная книга» — одно из исторических сочинений о Смутном времени, написанных в первой половине XVII в. (нельзя ничего сказать о точной дате написания памятника. По-видимому, он возник между 1613 и 1626 гг.¹). Одной из наиболее важных проблем изучения «Летописной книги» является проблема истории ее текста.

Напомним, что первые исследователи, предпринявшие текстологическое изучение «Летописной книги», С. Ф. Платонов и П. Г. Васенко² на материале анализа шести списков памятника выделяли две основные его редакции — Краткую и Пространную (мы используем более удачную, на наш взгляд, терминологию П. Г. Васенко).³ Текстологическая концепция Платонова—Васенко сводилась к следующему: формирование текста «Летописной книги» шло от Краткой редакции к Пространной. В результате редактирования текст памятника лишился некоторых фактических данных, был разделен на главы,⁴ в него были введены новые риторические отступления, усложнен язык повествования. Изучение 18 списков «Летописной книги» позволило нам выделить еще одну редакцию произведения, названную нами Особой,⁵ характеристика ее текста сводится к тому, что он соединяет в себе ряд черт Краткой и Пространной редакций при наличии индивидуальных, что позволяет считать его либо промежуточным, либо компилятивным.

Настоящая работа посвящена вопросам истории текста «Летописной книги», выявлению принципов и стиля его редактирования.

¹ 1613 г. — год воцарения Михаила Романова, рассказом о котором заканчивается повествовательная часть «Летописной книги». 1626 г. указан как год написания «Летописной книги» в заглавии варианта Катырева Краткой редакции памятника. Вероятно, произведение было создано ранее 1626 г., но когда именно — неизвестно. Списки «Летописной книги», которыми мы располагаем, все достаточно поздние — не ранее начала 1630-х гг.

² П л а т о н о в С. Ф. Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века как исторический источник. СПб., 1888. С. 203—232; В а с е н к о П. Г. О редакциях повести И. М. Катырева-Ростовского // Записки русского Археологического общества. СПб., 1900. С. 378—384.

³ П. Г. Васенко отмечал еще Посредствующую редакцию «Летописной книги», мы не считаем целесообразным ее выделять; данный текст является вариантом Пространной редакции, по имени владельца единственного списка мы называем его Уваровским вариантом Пространной редакции. При издании «Летописной книги» в XIII т. РИБ С. Ф. Платонов привел текст Уваровского варианта в разночтении к тексту Пространной (по Платонову — Второй) редакции.

⁴ Деление текста «Летописной книги» на главы с самостоятельными заглавиями в Пространной редакции является одним из существенных отличий между редакциями: в Пространной редакции имеется 101 заглавие (в Хронографическом варианте Пространной редакции), а в Краткой 3 (эти заглавия имеются и в Пространной редакции; в Уваровском варианте Пространной редакции также всего 3 заглавия). Отметим, что и в Особой редакции, о которой речь пойдет позже, также 3 заглавия.

⁵ См.: Серова И. Ю. «Летописная книга» И. М. Катырева-Ростовского: Проблема изучения редакций // Древнерусская и древнегрузинская литературы. В печати.

Напомним, что в верности взглядов на историю текста «Летописной книги» С. Ф. Платонова и П. Г. Васенко усомнился А. С. Орлов.⁶ Исследователь установил, что при написании «Летописной книги» в качестве литературного источника была широко использована «Троянская история» Гвидо де Колумна. А. С. Орлов обратил внимание на тот факт, что в Пространной редакции «Летописной книги», которая считалась вторичной, содержится риторическое отступление, посвященное троянской тематике, видимо, навеянное обращением к «Троянской истории», в то время как в Краткой, считавшейся первоначальной, редакции, этого отступления нет. А. С. Орлов полагал, что на основании этого наблюдения возможен пересмотр вопроса о соотношении двух редакций «Летописной книги». Нами была проделана дальнейшая работа по сопоставлению «Летописной книги» и «Троянской истории», в результате которой удалось установить, что, действительно, в Пространной редакции «Летописной книги» содержится больше материала, соотнесенного с «Троянской историей», чем в Краткой: во-первых, это отмеченное А. С. Орловым риторическое отступление с упоминанием Трои, источником которого, как оказалось, послужил соответствующий материал Титовской редакции «Троянской истории»; во-вторых, это разделение Пространной редакции на главы с самостоятельными заглавиями по образцу «Троянской истории», причем часть заглавий совпадает с соответствующими заглавиями источника⁷ (отметим, что в основном наблюдается соответствие заглавий «Летописной книги» заглавиям Титовской редакции «Троянской истории»⁸).

На основании лучшей сохранности следов обращения к источнику в Пространной редакции, чем в Краткой, мы вслед за А. С. Орловым предположили, что текст Пространной редакции наиболее близок к первоначальному тексту «Летописной книги», а Краткая редакция вторична по отношению к Пространной.⁹ Рассматривая разные редакции «Летописной книги», мы пришли к выводу, что от редакции к редакции формирование ее текста сопровождалось процессом «утрат» связи с источником. Процесс «утрат» проходил в русле общего процесса стилистической правки всего материала произведения с целью адаптации его текста для понимания более широкой читательской аудиторией. Пространная и Краткая редакции являются двумя базовыми этапами истории текста памятника,

⁶ Орлов А. С. Повесть кн. И. М. Катырева-Ростовского и Троянская история Гвидо де Колумна // Сб. статей в честь М. К. Любавского. Пг., 1917. С. 73—98.

⁷ См.: Серова И. Ю. «Летописная книга» И. М. Катырева-Ростовского и «Троянская история» Гвидо де Колумна // ТОДРЛ. Л., 1989. Т. 42. С. 107—114.

⁸ Из 3 заглавий, имеющих в Краткой редакции, 2 соответствуют заглавиям «Троянской истории»; причем заглавию «Летописной книги» (которое имеется и в Пространной редакции) «Укоры и поносы сему богомерзкому ростриге» соответствие находится лишь в Титовской редакции «Троянской истории». Результаты сопоставления «Летописной книги» и «Троянской истории» позволили нам предполагать, что при написании «Летописной книги» был использован текст «Троянской истории», близкий к тексту Титовской редакции. Напомним, что в настоящее время известен лишь один список Титовской редакции. Видимо, это была очень редкая разновидность текста «Троянской истории».

⁹ Если придерживаться текстологических взглядов Платонова—Васенко и продолжать считать Краткую редакцию «Летописной книги» первоначальной, а Пространную — Вторичной, то приходится предположить многократное обращение к «Троянской истории» в истории текста «Летописной книги»: первым обращением было обращение при написании Краткой редакции; оно выразилось в наличии прямых заимствований и нестилизационных подражаний в тексте «Летописной книги», а также частичном делении его на главы по образцу текста Титовской редакции «Троянской истории»; вторым — при создании Уваровского варианта Пространной редакции, выразилось во введении в текст «Летописной книги» упоминания о Трое, в котором использовался материал, почерпнутый из текста Титовской редакции «Троянской истории»; третьим — при создании основного текста Пространной редакции, выразилось в повторном разделении «Летописной книги» на главы по образцу «Троянской истории». Вероятность такого трехкратного обращения к тексту источника, да еще одной и той же редкой его разновидности (Титовской редакции), на наш взгляд, ничтожно мала, хотя и следует ее учитывать на теоретическом уровне.

отразившими соответственно максимальную и минимальную близость к источнику — «Троянской истории».

Первым этапом литературной истории «Летописной книги» является Пространная редакция. Первоначальный текст редакции не сохранился, известны списки двух ее вариантов — Хронографического¹⁰ и Уваровского.¹¹

Первоначальный текст «Летописной книги» (насколько можно о нем судить на основании изучения текстов двух известных вариантов Пространной редакции) характеризовался ярко выраженным авторским началом: он был насыщен подробными авторскими комментариями описываемых событий, имевшими вид риторических отступлений, обобщений. Сочинитель-провиденциалист при описании различных событий в своем произведении постоянно ссылаясь на божий промысел и дьявольские козни, использовал цитацию св. писания для подтверждения своеобразных назиданий, обращаемых им к читателю. Видимо, при написании «Летописной книги» некоторые исторические данные автор воспроизводил по памяти: в первоначальном тексте отсутствуют ряд имен (исторические герои, чьи имена автор не называет, имеют эпитет «некий»: «посланник некий», «убийцы некие»), некоторые точные даты.¹² Одной из особенностей первоначального текста было то, что на протяжении всего произведения оставалась неизменной авторская оценка деятельности тех или иных исторических лиц (например, в Пространной редакции в обеих прозаических частях¹³ памятника одинакова авторская оценка Василия Шуйского, что нарушено в Краткой редакции; об этом см. ниже).

В последующих редакциях происходило постепенное стирание в тексте авторского начала: постепенно была исключена из произведения часть авторских риторических отступлений, разрушался провиденциалистский пласт памятника; составители различных вторичных редакций ввели в текст пропущенные автором фактические данные, вероятно, прибегнув к помощи каких-либо источников.

Из двух известных вариантов Пространной редакции наибольшей близостью к источнику — «Троянской истории» — характеризуется Хронографический вариант: в нем имеются отступление с троянской тематикой и максимальное количество частных заглавий, соотнесенных с заглавиями «Троянской истории» (11). Близость к «Троянской истории» возводит текст Хронографического варианта к первоначальному тексту «Летописной книги». Однако существует ряд данных, мешающих отождествлять эти тексты.¹⁴

¹⁰ Известны 4 списка: 1) Пискаревский (П): ГБЛ, ф. 228, № 169. Хронограф Кубасова, F, 194 л. + II, полуустав. перепл. 1660-е гг. Текст «Летописной книги» — л. 648—694; 2) «Едомский летописец» (Е): БАН, 16.13.2. Хронограф Кубасова (ч. 2, 3), F, 164 л. + III, скоропись, перепл. Вторая треть XVII в. Текст «Летописной книги» — л. 122—164; 3) Сулакадзиевский (С): ЛОИИ, ф. 11, № 147, F, 578 л. + IV, полуустав, перепл. поздний, картонный. Конец XVII в. Текст «Летописной книги» — л. 535 об.—577 об.); 4) Список Вяземского (В): ГПБ, собр. Вяземского, F 6. Хронограф Кубасова, F, 397 л. + IV, скоропись, перепл. Начало XVIII в. Текст «Летописной книги» — л. 669—707.

¹¹ Известен один список: ГИМ, собр. Уварова, № 609. Рукопись-конволют из 5 рkp. первой пол. XVII в., 4°, 237 л. + V, перепл. Текст «Летописной книги» — л. 181—237 (рукопись датируется 30-ми гг. XVII в.).

¹² Возможно, автор «Летописной книги» не знал или забыл эти факты. Однако возможно, что отказ от фактической точности в отдельных случаях был продиктован какими-то политическими соображениями, своеобразной авторской позицией.

¹³ Напомним, что текст «Летописной книги» четырехчастен: первая часть — собственно историческое повествование, вторая — вирши, разделяющие первую и третью части, служащие завершением первой, третья — собрание характеристик семи московских правителей эпохи Смуты — «Написание вкратце о царях московских», четвертая — вирши, заключающие произведение в целом.

¹⁴ В Хронографическом варианте имеются порчи текста на уровне писцовых ошибок. При включении в состав Хронографа Кубасова (в Хронографе читаются все списки варианта) текст «Летописной книги», видимо, претерпел некоторые изменения. Напри-

Текст Уваровского варианта Пространной редакции лучше передает отдельные чтения, нежели текст Хронографического варианта, и в этом смысле Уваровский вариант в некоторых случаях ближе к первоначальному тексту «Летописной книги», чем Хронографический. Приведем пример лучшей сохранности текста в Уваровском варианте по сравнению с Хронографическим.¹⁵

Х р о н о г р а ф и ч е с к и й
в а р и а н т

У в а р о в с к и й в а р и а н т

(поляки) . . . скоро оружия своя *восхитят* и на великий царствующий град нападают. . .

. . . скоро оружия своя *препоясуют* и на кони своя *восходят* и на великий царствующий град нападают. . . (стб. 692).

В списках Хронографического варианта пропущен текст «и на кони своя», а слово «восходят» превращается в «восхитят». Это превращение объясняется тем, что в тексте поблизости имеются слова «возхищение» и «возхищаемое (пламя)».¹⁶

Наличие отдельных более правильных, чем в Хронографическом варианте, чтений возводит Уваровский вариант к первоначальному тексту «Летописной книги». Однако Уваровский вариант отстоит дальше, чем Хронографический, от первоначального текста в плане отражения обращения к источнику. Как и в Хронографическом варианте, в Уваровском есть отступление с троянской тематикой, но в отличие от Хронографического в нем мало заглавий в тексте (их всего 3). Возникновение Уваровского варианта связано с процессом «утрат» связи с источником в ходе редактирования текста произведения: при создании Уваровского варианта была предпринята стилистическая правка, исключившая из текста «Летописной книги» все заглавия, не имевшие информативной значимости. В тексте Уваровского варианта оставляются лишь те заглавия, без которых могут возникнуть затруднения в понимании текста.

Приведем пример исключения заглавий из текста «Летописной книги» при создании Уваровского варианта. В данном фрагменте текста рассказывается о московском посольстве под Смоленск, предпринятом с целью просить польского королевича Владислава на престол.

«. . . (послы) дошед Смоленска-града к королю Жигимонту. Приятым же им бывшим от короля честно, и потом испытует вину пришествия их. Речь послов московских. Болярин же князь Василей сими словеса нача посолство глаголати: „Послани есмя к тебе, великому осударю! Сия словеса патриарх московский и боляре и весь дом царский по совету всеа Росийския державы нами, послами, приказывает. . . (далее в тексте речь идет о возведении на престол Владислава. — И. С.) . . . Зане убо многово разсужения ты еси, о королю, молим тя и воспоминаем, да посем престанет бранная лютость и будущия соблазны да проидут, яко же мерска имеют быти. Да подаси руку помощи и возведеш сына своего на царство мирно, а сам, великий королю, отступиши от Смо-

мер, в тексте варианта имеется следующее заглавие: «О взятии града Тулы и онога мятежника Петрушки, и же назвавшийся царевичем Дмитрием». Очевидна бессмысленность этого заглавия: его автор отождествил Лжепетра и Лжедмитрия II. Однако вторично ли все заглавие или только его часть — неясно.

¹⁵ Тексты Пространной и Краткой редакций цит. по: РИБ. Л., 1925. Т. 13: Памятники русской письменности, относящиеся к Смутному времени.

¹⁶ Мы считаем первоначальным чтение Уваровского варианта на том основании, что в «Летописной книге» при описании начала или подготовки боевых действий нередко употребляются фразы, подобные выражениям этого варианта (ср., например: «. . . царь же Василей . . . повеле воеводам и воинству . . . препоясаться оружием бранным. . . Воеводы же и начальницы . . . на кони своя *восходят*» — стб. 661), в то время как выражение Хронографического варианта «восхищать» (оружие) не употребляется ни разу.

ленска-града и не твориши ополчения к тому!¹⁴. О ярости королевской и о заточении послов на многие лета. Сия словеса король слышав, яко повелевают ему послы от Смоленскаграда отступить, скоро разжегся яростию и устремление гневу его не воздержану. . .» (стб. 687—688).

Уваровский вариант опускает оба заглавия в тексте, и текст обходится без них — тем самым не затрудняется его понимание. На первый взгляд эти заглавия можно принять за вторичное образование, однако они действительно были в первоначальном тексте «Летописной книги». На это указывает следующее обстоятельство: весь рассказ о посольстве под Смоленск в «Летописной книге» является нестилизационным подражанием рассказу о дипломатической поездке Антенора к тесалоникийскому царю Пелею в «Троянской истории» (посольство о возвращении сестры Приама Ексионы в Троию). В Титовской редакции «Троянской истории» этот фрагмент текста имеет деление, выражающееся в наличии в тексте двух заглавий. Заглавия в тексте «Летописной книги» занимают то же место, что и в соответствующем фрагменте «Троянской истории».

«. . .пришедшу же Антенору в Тесалоникийский град . . . ко тесалоникийскому царю Пелею. Прияту же бывшу ему от царя честно, и потом испытует царь вину пришествия его. Посолство Антенорово. Антенор же сими словесы нача посолство глаголати: „От царя Приама послан есмь к тебе, сия бо царь Приям мною, послом, приказывает. . . (далее следует речь Антенора о возвращении Ексионы. — И. С.) . . . Зане убо многого разсужения царь еси, тебе он царь Приям, молит и воспоминает, да посем престанет бранная лютость и будущие соблазны да проидут, яко мерска имеют быти . . . Ему угодно изволи подати, дабы ноне сестра его отдатися повеле; вся иная шкоты и обиды имения оставлена от него“. Гнев царя Пелея. Сия вся слышав, царь Пелей скоро разжегся яростию, и устремления гневу его не воздержану. . .»¹⁷.

Несмотря на то что в приведенных фрагментах «Летописной книги» и «Троянской истории» заглавия не совпадают дословно, совпадают их смысл, расположение, контекст, в котором они находятся. Поэтому можно говорить, что на начальном этапе своего существования текст «Летописной книги» имел деление на главы в этом фрагменте по образцу «Троянской истории».

Остановимся на характеристике соотношения отдельных текстов Пространной редакции. До сих пор все 4 списка Хронографического варианта в науке считались идентичными; однако после их детального сопоставления выяснилось, что они делятся на два вида: Сулакадзиевский (представлен списком С) и Компилятивный (списки П, Е, В).

Говоря о различиях между Хронографическим и Уваровским вариантами Пространной редакции, мы имеем в виду главным образом отличия чтений Сулакадзиевского вида Хронографического и Уваровского вариантов; в Компилятивном виде чтения Сулакадзиевского вида нередко правились по Уваровскому варианту. На этом основании мы приходим к выводу, что текст Сулакадзиевского вида как наиболее далекий от Уваровского варианта ближе к протографу Хронографического варианта, чем текст Компилятивного вида.

На генетическую близость Компилятивного вида с Сулакадзиевским указывают одинаковые ошибки, встречающиеся в текстах обоих типов; правильные чтения дает Уваровский вариант Пространной редакции, его и будем использовать при сопоставлении. Приведем примеры чтений.

¹⁷ Цит. по: ГПБ, собр. Титова, № 2953, л. 77—78.

Уваровский вариант

Хронографический
вариант
(Сулакадзиевский и Компилятивный
виды)

(Заглавие) . . . о пострижении его
(Шуйского. — *И. С.*) и о пришествии ля-
хов. . .

(Царица Мария Годунова) . . . молит,
дабы не *отступили* сына их, дали бы
ему царствовать. . .

. . . о пострижении его о о пришествии
ляхов. . . (стб. 625).

. . . молит, дабы не *отпустили* сына их,
дали бы ему царствовать. . . (стб. 647).

Компилятивность вида, имеющего аналогичное название, можно проследить на отдельных чтениях. Например, в ряде случаев, встречая разные варианты чтений в Уваровском варианте и тексте типа Сулакадзиевского вида, автор Компилятивного вида не останавливается на каком-либо из них, но вводит в составляемый им текст сразу оба варианта чтения.

Уваровский
вариантСулакадзи-
евский видКомпилятивный
вид

(Грозный) . . . мно-
гия . . . государства. . .
под свою державную вы-
сокую руку *поручил*. . .
. . . егда последние дни
февраля месяца преход-
ят и *наставаху* месяц
он март. . .

. . . многия . . . государь-
ства под свою державную
и высокую руку *приведе*. . .
. . . егда последние дни
февраля месяца преходит,
и *наставаляху* месяц он
март. . .

. . . многия . . . государь-
ства . . . под свою держав-
ную *поручи*¹⁸ и высокую
руку *приведе*. . . (стб. 627).
. . . егда последние дни
февраля месяца преходят,
и *наставаху* и *наставаляху*
месяц он март. . .¹⁹
(стб. 673).

У Компилятивного вида Хронографического варианта имеется ряд общих чтений с Уваровским вариантом, отличных от чтений Сулакадзиевского вида.

Несмотря на общую близость списков Компилятивного вида, список Е отличается от списков В и П: в нем имеется больше следов обращения к тексту Уваровского варианта (например, в списке Е отсутствуют первые 8 заглавий в тексте «Летописной книги». Напомним, что в Уваровском варианте вообще упразднено «лишнее» деление на главы). Это может быть объяснено либо тем, что текст по списку Е наиболее близок к протографу Компилятивного вида, либо тем, что он испытал добавочное влияние текста Уваровского варианта (последняя точка зрения кажется нам более убедительной).

Тексты по спискам В и П имеют ряд общих чтений, отличных от чтений Е, что позволяет возводить их к одному гипотетическому протографу (см. стемму).

Вторым этапом литературной истории «Летописной книги» явилась ее Особая редакция, представленная семью списками середины XVII—XVIII в.²⁰ Детальное сопоставление текстов трех редакций «Летописной книги» привело нас к выводу, что текст Особой редакции является не компилятивным, а промежуточным между текстами Пространной и Краткой редакций. Это будет показано несколько ниже на материале сопоставле-

¹⁸ В: *приведе*, Е: *учини*.

¹⁹ В, П: и *наставаху* месяц он март.

²⁰ Выделяются два варианта Особой редакции: Первоначальный и Риторический. Первоначальный имеет два вида — Архивный, наиболее близкий к протографу вариант (представлен списком Арх.: ЦГАДА, ф. 181, № 76, (101)), и Разрядный (представлен четырьмя списками: Барсовский (Барс.): ГБЛ, ф. 218, № 234; Академический (Ак.): БАН, 32.12.18; Лихачевский (Лих.): ЛОИИ, ф. 238, оп. 1, № 518; Библиотечный (Библ.): ГПБ, F IV, № 866). Риторический I (Рит. I): БАН 17.9.9 и Риторический II (Рит. II): БАН, 33.15.9. Все списки Особой редакции дефектны. Подробно об Особой редакции, ее вариантах, видах, а также археографический обзор списков см.: Серова И. Ю. «Летописная книга И. М. Катырева-Ростовского. . .

ния текстов Особой и Краткой редакций. Пока же остановимся кратко на характерных чертах текста Особой редакции.

Обработка текста при составлении Особой редакции велась в русле процесса «утрат» связи с источником — «Троянской историей» (Особая редакция непосредственно связана с Уваровским вариантом Пространной редакции; в ее тексте, как и в тексте Уваровского варианта, сохраняются риторическое отступление с упоминанием троянских событий и три частных заглавия. Но из упоминания о Трое в Особой редакции исключен фрагмент, текстуально связанный с соответствующим фрагментом текста Титовской редакции «Троянской истории», что и составляет «утрату» связи с источником²¹).

Переделывая текст «Летописной книги», близкий к тексту Уваровского варианта Пространной редакции, редактор-составитель Особой редакции разрушает первоначальный авторский текст: сокращает (порой довольно бездумно) авторские отступления, комментарии к описываемым событиям, ссылаясь на желание избежать многословия, в результате чего эти отступления теряют связь с контекстом, обращаются в чистую риторику (это дает повод следующему редактору вовсе исключить потерявшие связь с контекстом отступления, которые, на его взгляд, становятся лишними в повествовании, мешают его целостному восприятию).²² В частности, автором Особой редакции из текста «Летописной книги» исключаются ссылки на божий промысел — тем самым разрушается стройная провиденциалистская система, лежащая в основе изложения первоначального текста. Приведем примеры.

Пространная ред.

Особая ред.

(об убийстве Дмитрия в Угличе) ...
уже сему сотворену бывшу по пущени
и нем бо жии м, доиде слух той до
царствующаго града ... (стб. 632).

(о сражении войск царя Василия
с войсками Лжепетра) ... людие же
царевы помалу оскудеша и побеждени
быша гневом бо жии м. ... (стб. 668).

...уже сему сотворену бяше, доиде
же слух той до царствующаго града...
(л. 95 об.)²³

...людие же царевы помалу оску-
деша и побеждены быша... (л. 126—
126 об.).

При создании Особой редакции нарушается целостность авторских характеристик, свойственная первоначальному тексту «Летописной книги». Связано это, по-видимому, с тенденцией замалчивания части грехов русских верховных правителей (следует заметить и то, что автор произведения, рассказывая об этих преступлениях, руководствуется не столько документальными фактами, сколько слухами, домыслами. Возможно, редактор исключает из текста эти сведения из-за их недоказанности, не будучи уверен в правоте «молвы»). Так, в тексте Особой редакции (а также в тексте последовавшей за ней Краткой редакции) отсутствуют сведения о том, что Скопина отравил Василий Шуйский (имя которого исключается из сообщения о предполагаемом отравлении Скопина), что Борис Годунов участвовал в отправке царевича Дмитрия в Углич, а затем (после его смерти) удерживал царя Федора от мести за брата.

На фрагменте о смерти Скопина можно проследить разрушение текста «Летописной книги»: в тексте произведения остается описание наказания за грехи (в «Летописной книге» рассказывается, что, свергая Шуйского, народ называл его «мужем крови»), остается риторическое обличение грешника, а упоминание о самом преступлении отсутствует (приведем для сравнения и данный фрагмент Краткой редакции, в которой текст подвергся дальнейшей трансформации).

²¹ См.: Там же.

²² Пример подобного сокращения авторского отступления см.: Там же.

²³ Текст Особой редакции цит. по Архивному списку.

Пространная
ред.

Особая ред.

Краткая ред.

Царь же Василей наполнился зависти и гнева и не возлюбил его за сию бывшую победу, яко и древле Саул завиде незлобивому Давиду, егда поби Голияяда. Оле зависти и рвению! В колико нечестие и погибель поревает душа благочестивых и во ад низводит и безконечному мучению предает! Малу же времени минувшу, разболеся сей храбрый разсмотрительный воевода князь Михайло и умре. Глаголют убо нещцы, яко отравлен бысть от царя Василия зависти ради и сего ради живота гонзуща. . . (стб. 682—683).

Царь жа Василей наполнился зависти и гнева и не возлюбил его за сию бывшую победу, яко и древле Саул завиде незлобивому Давиду, егда поби Голеада. Оле зависти и рвению! В колике честне и погибель поревает душа благочестивых и во ад нисходит и безконечному мучению предает. Малу же времени минувшу, разболеся сей храбрый и разсмотрительный воевода князь Михайло и умре. Глаголют убо нещцы, яко отравлен бысть и сего ради живота гонзю. . . (л. 149—149 об.).

Царь же Василей наполнился зависти и не возлюбил его за сию бывшую победу. Малу же времени минувшу, разболема сей храбрый и разсмотрительный воевода князь Михайло и умре. . . (стб. 600).

В Особой редакции опущено сведение, что Скопин был отравлен именно Василием Шуйским, поэтому все высказывание в целом приобретает двусмысленность: с одной стороны, о Василии говорится, что он «наполнился зависти и гнева», и возникшая вследствие этого ситуация сравнивается с эпизодом библейской истории, а с другой стороны, когда дело доходит до прямого обвинения Василия в убийстве, автор Особой редакции предпочитает не указывать на лицо, причастное к отравлению героя. Отказ от указания на Василия как на убийцу ведет к тому, что весь предшествующий период текста (ссылка на историю Давида и Саула и связанное с ней авторское отступление) превращается в риторическую фигуру. Автор последовавшей за Особой Краткой редакции, который воспринимает эту риторику в тексте как излишний нефункциональный элемент, избавляется и от риторики, и заодно от неважного для него указания на насильственность смерти Скопина. Однако в тексте Краткой редакции ее автор сознательно или бессознательно оставляет фразу о том, что Шуйский «наполнился зависти и не взлюбил» Скопина. Наличие этой фразы в тексте и следующее за ней сообщение о смерти Скопина содержит косвенный намек на причастность царя Василия к этому событию. Однако нам кажется более вероятным, что данный фрагмент текста Краткой редакции имеет такой вид из-за небрежности редактора, который убрал из текста упоминание об отравлении Скопина, но оставил сведение о «зависти» Василия.

С. Ф. Платонов, анализировавший текст «Летописной книги», отмечал некоторое несоответствие в характеристике Шуйского в двух прозаических частях произведения — историческом повествовании, к которому относится проанализированный только что фрагмент, и разделе «Написание вкратце о царях московских». «. . . о Василии Шуйском находим безусловно неодобренный отзыв в кратком „Написании вкратце о царях московских“, — отмечает исследователь. — В самом же тексте повести автор, хоть и не щадит Шуйского, представляя его избрание незаконным, однако воздерживается от прямого осуждения и удачно сохраняет по отношению к нему тон беспристрастности».²⁴ В. К. Зиборов, развивший это наблюдение С. Ф. Платонова, пришел к выводу, что «Написание вкратце о царях московских», отличающееся от первой прозаической части «Летописной книги» в оценке Шуйского, является вторичным элементом в тек-

²⁴ Платонов С. Ф. Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века как исторический источник. . . С. 216.

сте произведения.²⁵ Однако при создании своего труда С. Ф. Платонов был знаком лишь с текстом Краткой редакции памятника, в котором отсутствует, как мы видели, обвинение Шуйского в смерти Скопина и риторическое отступление, сравнивающее Шуйского с Саулом.²⁶ В тексте Пространной же редакции, в котором и обвинение и отступление налицо, никакого противоречия в оценке царя Василия в разных частях «Летописной книги» нет: ни о какой «беспристрастности» автора к Шуйскому говорить не приходится; данный фрагмент, повествующий о смерти Скопина, показывает негативное отношение к Василию. К сожалению, и В. К. Зиборову, вероятно, знаком лишь текст Краткой редакции «Летописной книги», в которой возникшее противоречие является показателем вторичности самой редакции, но не показателем вторичности заключительного раздела произведения.

Автор Особой редакции проявляет стремление к точности изложения: в его рамках он уточняет ряд исторических деталей (имен, дат), пытается атрибутировать цитаты из Священного писания. Характеризуя в целом принципы редактирования, которому подвергся текст «Летописной книги» при создании Особой редакции, можно назвать это редактирование «робким». Редактор не предпринимает целостной правки текста, предпочитая фрагментарную. Так, желая сократить текст, он исключает из него не целые периоды, а буквально по несколько слов; внося новые элементы, оставляет рядом с ними старые, из-за чего в соответствующих фрагментах произведения образуются своеобразные словесные «наслоения». Например:

Пространная ред.

Особая ред.

(Годунов) . . . посла советники своя и убицы некия . . . на Угльч к царевичю Дмитрию. . . (стб. 634).

. . . посла таибники своя и убицы некия по реклу Микиту Качалова да Михаила Битяговского на Угльч к царевичю Дмитрию. . . (л. 94 об.).

Автор Особой редакции, как видно из текста, не удовлетворен неопределенным упоминанием о «советниках» Годунова как об «убийцах неких»; он вводит в рассказ об этом событии имена действующих лиц и в то же время, осторожно обращаясь с редактируемым текстом, оставляет и старое их неопределенное наименование.²⁷ В попытках автора Особой редакции изменить попавший к нему текст чувствуются явная неуверенность в своих силах или праве производить изменения, боязнь испортить существующее произведение.²⁸

Третьим этапом в истории текста «Летописной книги» является Краткая редакция, представленная шестью списками II—III четв. XVII в. (характеристику вариантов редакции и отдельных списков см. ниже).

²⁵ Зиборов В. К. Об авторе так называемой Повести Катырева-Ростовского // Источниковедение литературы Древней Руси. Л., 1980. С. 241—242.

²⁶ Ко времени работы С. Ф. Платонова над магистерской диссертацией, послужившей основой для его книги (1888 г.), был опубликован целиком лишь один список «Летописной книги» — вариант Катырева Краткой редакции в «Изборнике» А. Н. Попова; он и был известен С. Ф. Платонову.

²⁷ Отметим еще одно изменение, внесенное автором Особой редакции в текст «Летописной книги», — перестановку фрагментов текста. В отрывке из Пространной редакции, посвященном борьбе Василия Шуйского с самозванцами, сначала повествуется о приходе на Русь Лжедмитрия II, затем — о приходе Лжепетра. Представляющий собой единое целое в Пространной редакции рассказ о Лжепетре в Особой редакции делится на два фрагмента, причем образовавшиеся части оказываются разделенными рассказом о Лжедмитрии II (описание походов самозванцев на Русь строится здесь в таком порядке: сначала — упоминание о первых деяниях Лжепетра, затем — рассказ о Лжедмитрии, далее — повествование о дальнейшей деятельности Лжепетра). В Краткой редакции наблюдается та же последовательность, что и в Особой. Объяснить причину перестановки фрагментов текста в Особой редакции мы не можем.

²⁸ Возможно, редактором был не опытный литератор, а один из переписчиков памятника, взявший на себя смелость «поправить» попавший в его руки текст.

Сразу покажем, что Краткая редакция действительно следовала за Особой, вторична по отношению к ней. Нами выделены два фрагмента текста, материал которых безусловно доказывает эту взаимозависимость. Обратимся к ним.

Пространная
ред.

Благочестивый же царь Феодор юнейшаго своего брата, царевича Дмитрея, посла на уделное княжение на Углич . . . *повелением и советом* боярина некоего, ему же имя Борис Годунов, к нему же царь по совокуплению брака близочество име . . . (стб. 630).

Особая ред.

Благочестивый же царь Феодор юнейшаго своего брата, царевича Дмитрея, посла на уделное княжение на Углич . . . И по мале времени в о ста от бояря некто, ему же имя Борис Годунов, единокровен союзу царю близочен . . . (л. 93—93 об.).

Краткая ред.

Благочестивый же царь Феодор юнейшаго своего брата, царевича Дмитрея, посла на уделное княжение на Углич. И по мале времени от бояря некто, ему же имя Борис Годунов, и единокровным союзом царю близочен . . . (стб. 563).

В этом примере связь Особой и Краткой редакций, как кажется, весьма наглядна: обе они в отличие от Пространной не указывают на причастность Бориса Годунова к отправке Дмитрия в Углич. При описании Бориса в Краткой редакции пропущено сказуемое «воста», имеющееся в Особой редакции, в результате чего высказывание о Борисе в Краткой редакции утрачивает логическую завершенность. Сказуемое «воста» отсутствует во всех вариантах Краткой редакции, поэтому можно предположить, что оно было пропущено уже в протографе редакции, к которому восходят ее варианты.

Пространная
ред.

. . . аще не бы был той случай, яко болшая часть поляков вбегоша во град и в нем не бы затворилися, воистинну бы все воинство великого обозу побежденно было от москвичь, не ложно живота своего гонз о ша бы и последнего невзгодия плакалися бы поляцы, аще не бы затворилися в граде том (стб. 677—678).

Особая ред.

. . . аще не бы был той случай, яко болшая часть поляков во град вбегоша и в нем не затворилися, воистинну бы все воинство побеждено было от москвич, неложно живота своего гонзнули бы и последнего невзгодия плакалися бы поляцы, аще не бы затворилися во граде том . . . (л. 143 об.).

Краткая ред.

. . . аще не бы был той случай, яко болшая часть поляков во град вбегоша и в нем затворипаша, воистинну бы все воинство побежденно было от москвичь, неложно живота своего последнего невзгодия плакалися быша поляцы, аще не бы затворилися во граде . . . (стб. 596).

И в данном отрывке, как и в предыдущем, ясно прослеживается взаимосвязь текстов Краткой и Особой редакций. В первом случае она проявляется в порядке слов: Краткая, Особая — «во град вбегоша», Пространная — «вбегоша во град»; во втором — в отсутствии уточнения о принадлежности польского войска: Краткая, Особая — «все воинство», Пространная — «все воинство великого обозу».

В Пространной и Особой редакциях в данном фрагменте имеется сказуемое «гонзнути», в Краткой оно опущено, за счет чего высказывание здесь теряет смысловую завершенность. Так как текстуально Краткая редакция соотнесена с Особой, то и ее текст с опущенным сказуемым вторичен по отношению к тексту Особой.

Вторичность текста Краткой редакции по отношению к тексту Особой свидетельствует в пользу промежуточности последнего между текстами Пространной и Краткой редакций, отводит предположение о его компилятивности.

Возникновение Краткой редакции, как и возникновение Особой, связано с процессом «утрат» связи с источником. В тексте Краткой редак-

ции отсутствует упоминание о Трое; исключение его из произведения проводится в рамках общей тенденции редактирования — упрощения и сокращения текста. Автор Краткой редакции стремится сделать изложение максимально четким и логичным, изъять из него все «лишнее». Отступление, посвященное Трое, кажется ему неуместным в тексте перерабатываемого сочинения, редактор не знает о причинах, побудивших автора «Летописной книги» вставить этот пассаж в произведение, и опускает его;²⁹ таким же образом он поступает и с отступлениями по поводу избавления от Отрепьева и смерти Скопина. Так в Краткой редакции происходит дальнейшее разрушение авторского начала, авторской линии в произведении. Отметим, что исключение из текста в Краткой редакции всех отступлений происходит уже после того, как они были «отредактированы» автором Особой редакции и потеряли связь с контекстом.

В Краткой редакции происходит и дальнейшее разрушение провиденциализма, начатое в Особой: из текста «Летописной книги» убираются теперь крупные фрагменты, излагающие рассуждения о божьей воле, возмездии и т. д. Например:

Пространная и Особая ред.

Царь же Борис о сем (о приходе на Русь Лжедмитрия I. — *И. С.*) втайне немало болезнует, помышляя, еже держновенное им богомерское убиение случися быти царевичю Димитрию и тягости, наносимья им подручными его. И сего ради от бога мсть ему прииде. И паки в скором часе мысль свою прменяет. . . (стб. 637—638).

Краткая ред.

Царь же Борис о сем немало втайне болезнует и в скором часе мысль свою прменяет. . . (стб. 569).

Как мы указывали, поясняя характер правки текста в Особой редакции, в результате этого редактирования в тексте памятника произошли специфические «наслоения»; новый редактор избавляется от некоторых из них. Проследим, как он это делает, обратившись к тому же фрагменту текста, который мы разбирали в качестве иллюстрации процесса образования «наслоений».

Особая ред.

(Борис Годунов) . . . посла таибники своя и убийцы некия по реклу Микиту Качалова и Михаила Битяговского на Угльч к царевичю Дмитрею (л. 94 об.).

Краткая ред.

. . . послал таибников своих, Микиту Качалова да Михаила Битяговского, на Угльч к царевичу . . . (стб. 564).

В данном случае автор Краткой редакции, видя рядом с неопределенным упоминанием «убийц неких» указание на определенных лиц, решает оставить лишь последнее (отметим, что автор «Летописной книги» постоянно называет своих персонажей «некими»: в одних случаях это указание на невозможность или нежелание автора назвать точнее имена («убийцы некия»), в других — указание с семантикой «один» («боярин некий=один боярин»). В Краткой редакции происходит исключение определения «некий» в основном при его употреблении в первом значении).

Если мы говорили о «робком» редактировании в Особой редакции, то в Краткой редактирование можно назвать «решительным». Ее составитель не боится перекраивать, изменять текст; он исключает из памятника все «лишнее», упрощает его язык: синтаксис, лексику. Целью такого редактирования является адаптация текста для широкого читателя.

²⁹ Отметим, что С. Ф. Платонов и П. Г. Васенко, исследовавшие «Летописную книгу», но не знавшие о ее ориентированности на «Троянскую историю» и о текстуральной близости этих произведений, также считали упоминание о Трое в «Летописной книге» неуместным и признавали его позднейшей вставкой в текст памятника.

Сам автор Краткой редакции, видимо, обладает предметно-конкретным мышлением; он старается изъять из текста все обобщения, отвлеченные рассуждения, предельно конкретизировать повествование. В этом плане интересен один пример авторского осмысления редактируемого текста (в отрывке речь идет о периоде польского засилья в Москве в конце 1610 г.).

Пространная и Особая
ред.

Краткая ред.

...Изменицы суть Московского царства, яко ехидна некая дыхая на царствующий град и велий пламень возжигая, сим проклятым богомерским римляном непрестанно московский народ облыгая изменою и на царствующий град всячески их подвизая... (стб. 690).

...Изменицы суть московского царства, яко змия-ехидна огнем дыхая на царствующий град и великий пламень возжигая, сим же проклятым богомерским римляном непрестанно московский народ облыгая изменою и на царствующий град их подвизая... (стб. 606).³⁰

В данном фрагменте автор Краткой редакции буквально воспринял слова «велий пламень возжигать» (в тексте значение этого выражения приближается к значению современного фразеологизма «подливать масла в огонь»). На основании такого буквального восприятия у него «ехидна некая» трансформируется в «змию-ехидну», которая производит конкретное действие — «дыхает огнем» и тем достигает конкретного результата — «возжигает» «велий пламень» (обратим внимание, что в данном примере, как и в предыдущем, автор Краткой редакции исключает из текста слово «некий» с неопределенным значением, указывающее на абстрактность данного персонажа).

Перейдем к характеристике разновидностей текста Краткой редакции. Краткая редакция представлена большим количеством вариантов, нежели две другие. Ни один из известных ее вариантов не является первоначальным.

Вариант Катывева характеризуются оригинальным заглавием, наличием в тексте первой прозаической части (собственно исторического повествования) похвалы М. П. Катывеву-Ростовскому и указания (в заключительных виршах) на его сына И. М. Катывева-Ростовского как на автора произведения.³¹ Вариант Катывева представлен двумя списками, текст которых идентичен.³²

Отличительной особенностью списков Соловецкого варианта является то, что после окончания текста памятника в них следует приписка, атрибутирующая его Семену Шаховскому.³³ В тексте Соловецкого варианта

³⁰ Различные случаи сравнения врагов со змеей и ехидной в древнерусской литературе рассмотрены Е. К. Ромодановской (см.: Ромодановская Е. К. Русская литература в Сибири первой половины XVII в. Новосибирск, 1973. С. 110—112).

³¹ С. Ф. Платонов, изучавший, а затем издавший Краткую редакцию в варианте Катывева, считал автором «Летописной книги» И. М. Катывева-Ростовского и признавал фрагменты произведения, посвященные Катывеву, принадлежностью первоначального текста памятника (см.: П л а т о н о в С. Ф. Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века. . . С. 205—206). Однако детально проанализировав текст памятника, исследователь пришел к выводу о вторичности в его составе данных фрагментов, признал их позднейшими вставками и усомнился в авторстве Катывева (см.: П л а т о н о в С. Ф. Старые сомнения // Сб. статей в честь М. К. Любавского. Пг., 1917. С. 172—180).

³² ГПБ, Q IV, № 154 (отд. ркп. 4°, 30 л., перепл. поздний, скоропись, нач. 1630-х гг.) и ныне утерянный Поповский список (текст «Летописной книги» входил в состав Хронографа Кубасова; публикацию текста списка см.: Изборник славянских и русских статей, внесенных в хронографы русской редакции / Собр. и изд. А. Попов. М., 1868. С. 289—345).

³³ В настоящее время ряд ученых на основании этой приписки считают Шаховского автором «Летописной книги» (см.: К у к у ш к и н а М. В. Семен Шаховской — автор Повести о Смуте // Памятники культуры. Новые открытия: Ежегодник 1974. М., 1975. М. 75—78). Думаем, что аргументация в пользу авторства Шаховского недо-

имеется ряд новых фактических данных.³⁴ Отметим такую его особенность, как подчеркнутое внимание к Смоленску и деятельности смолян в период Смуты (в тексте Соловецкого варианта Краткой редакции «Летописной книги» появляются два отступления: первое — при описании взятия поляками Смоленска, оправдывающее сдачу города неприятелю: «Когда тот град поляцы взяша, в то же время в том граде людей немного бысть. Бысть же людие в то время в царствующем граде Москве; второе — в рассказе о целовании русскими креста польскому королевичу Владиславу: «. . .смоляне же о том не мало втайне поскорбеша о крестьянском падении, а пособие учинити не возмогоша, понеже на него сетуча быша»; в рассказе о взятии русскими войсками г. Дмитрова появляется упоминание об участии смолян в штурме укреплений). Внимание к Смоленску в тексте Соловецкого варианта возникло, возможно, в результате связи его автора со Смоленском.³⁵ Известны два списка Соловецкого варианта, они идентичны.³⁶ Отметим, что в них наблюдаются одинаковые порчи текста. Так, например, в виршах, разделяющих две прозаические части «Летописной книги», в обоих списках пропущена одна и та же строка (она взята в скобки):

Сему писанию конец предлагаем,
А дела толикия вещи во веки не забываем,]
А настоящего изыскуем
(И во пространную сию историю напишем)

Сол. I, л. 219; Сол. II, л. 229 об.

Список Сол. II дефектен: в нем отсутствуют первые 3/4 текста памятника. На основании идентичности списков Сол. I и Сол. II можно предполагать, что они списаны с одного протографа или что Сол. I, датирующийся более ранним временем, чем Сол. II, послужил протографом последнему.

Текст Уточненного варианта обладает оригинальным заглавием, имеет ряд дополнительных по сравнению с другими текстами фактических данных,³⁷ кончается он виршами, разделяющими две прозаические части «Летописной книги» (вторая прозаическая часть и заключительные вирши в нем отсутствуют). Правка текста, предпринятая автором варианта, весьма характерна: он вводит в повествование пояснения, уточнения (эта

статочна, так как приписка о нем имеется лишь в списках позднейшей редакции. Ни в одном из списков первоначальной (Пространной) редакции такой приписки нет. Полагаем, что при составлении Краткой редакции текст произведения мог быть подвергнут «решительному» редактированию только достаточно опытным литератором; возможно, это и был Семен Шаховской.

³⁴ Их перечислила в своей статье нашедшая списки М. В. Кукушкина (см. сноску 33).

³⁵ Насколько известно, Семен Шаховской не был связан со Смоленском; в таком случае вряд ли он мог быть создателем Соловецкого варианта, характеризующегося смоленской направленностью. Значит, приписка о его авторстве была из каких-то соображений присоединена автором варианта к тексту памятника (напомним, что она повторяет своеобразное предисловие Шаховского к его авторскому сборнику (известны 2 списка: ГБЛ, собр. МДА, № 213, 214)). Имея под рукой подобный сборник, автор варианта мог скопировать это предисловие, а ознакомившись с его содержанием и обнаружив текстуальную близость повестей Шаховского о Смуте, включенных в сборник, и «Летописной книги», — решить, что они написаны одним лицом. Шаховской действительно использовал текст «Летописной книги» при составлении своих сочинений (см.: Платонов С. Ф. Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века. . . С. 240; Семенова Е. П. Русская историческая мысль первой половины XVII в.: (Творчество С. И. Шаховского и И. А. Хворостинина): Дис. . . канд. ист. наук. Л., 1982. С. 80—112; Серова И. Ю. «Летописная книга» и повести о Смуте С. И. Шаховского // ТОДРЛ. Л., 1989. Т. 43). Возможно также, что эта приписка перешла в текст варианта из его протографа (другие списки, содержащие эту цитату, неизвестны).

³⁶ Оба списка — в одной рукописи (ГПБ, Соловецкое собр., № 880 (990). Рукопись-конволют из 10 ркп., 4°, 529 л. + IV, переплет кожаный, «в сумку»). Сол. I — на л. 162—222 об., середина 1630-х гг., скоропись двух видов. Сол. II — на л. 223—233, конец 1630-х гг., скоропись. Описание Соловецкого сборника см. в статье М. В. Кукушкиной.

³⁷ См.: Зборов В. К. Об авторе так называемой Повести. . . С. 249—250.

особенность текста и отражена в данном нами ему названии), приводит титулы правителей там, где они отсутствуют, старается называть их полными именами (в тексте указаны ранее отсутствовавшие отчество царицы Анастасии Романовны, фамилия Марфы Нагой, отчество Бориса Федоровича Годунова), дает полные названия храмов.

Приведем примеры таких дополнений в разных фрагментах текста (авторские уточнения взяты в квадратные скобки): «. . . и расширилась держава его (Ивана Грозного. — *И. С.*) пространством великим [и всяких вещей изобилием]»; Грозный «заповеда (опричникам. — *И. С.*) . . . воевод . . . без вины убивати [и кровь их проливати, яко воду, в смерть давати]»; «. . . православное христианство начаша . . . жити, хваля всещедраго бога [и благочестиваго царя на земли Федора Ивановича всеа Русии самодержца] за благодеяние» и т. д. Уточненный вариант представлен одним списком.³⁸

Лихачевский вариант характеризуется беспорядочными купюрами в тексте «Летописной книги». В нем отсутствуют вирши, разделяющие две прозаические части произведения; вторая прозаическая часть «Написание вкратце о царях московских» дополнена характеристикой, данной автором варианта Михаилу Романову: «Царь и великий князь Михаил Федорович всеа великия и малыя и белыя Российския державы образом своим и дела велми прекрасен, яко же солнце. Силе же и храбрости его не бы числа; во юности своей велми преукрашен» (текст описания Михаила сильно затерт; видимо, намеренно стирался). Текст Лихачевского варианта представлен единственным списком,³⁹ по характеру которого можно предположить, что данный список изначально единственный и не восходит к какому-то другому списку этого варианта.

При сравнении текстов разных вариантов Краткой редакции обнаружилось, что в ряде случаев чтения варианта Катыврева отличны от чтений других вариантов и ближе к тексту Особой редакции, первоначальной по отношению к Краткой (а значит, и к протографу последней), например:

Особая ред.
и вариант Катыврева

Лихачевский, Уточненный
и Соловецкий варианты

(Грозный) . . . отъиде от единых
малых градов . . . (л. 91, стб. 561).
(Годунов) . . . заповеда им (убийцам. —
И. С.), да обобьят царевича и преда-
дут смерти . . . (л. 94 об., стб. 564).

. . . отъиде от единых худых градов . . .
(л. 5, 2, 172).
. . . заповеда им, да предадут царевича
смерти . . . (л. 3 об., 173 об., 7 об.).⁴⁰

Из этого наблюдения мы сделали вывод, что текст варианта Катыврева Краткой редакции восходит к ее протографу, а тексты других вариантов имеют общий протограф, отличный от протографа Краткой редакции.

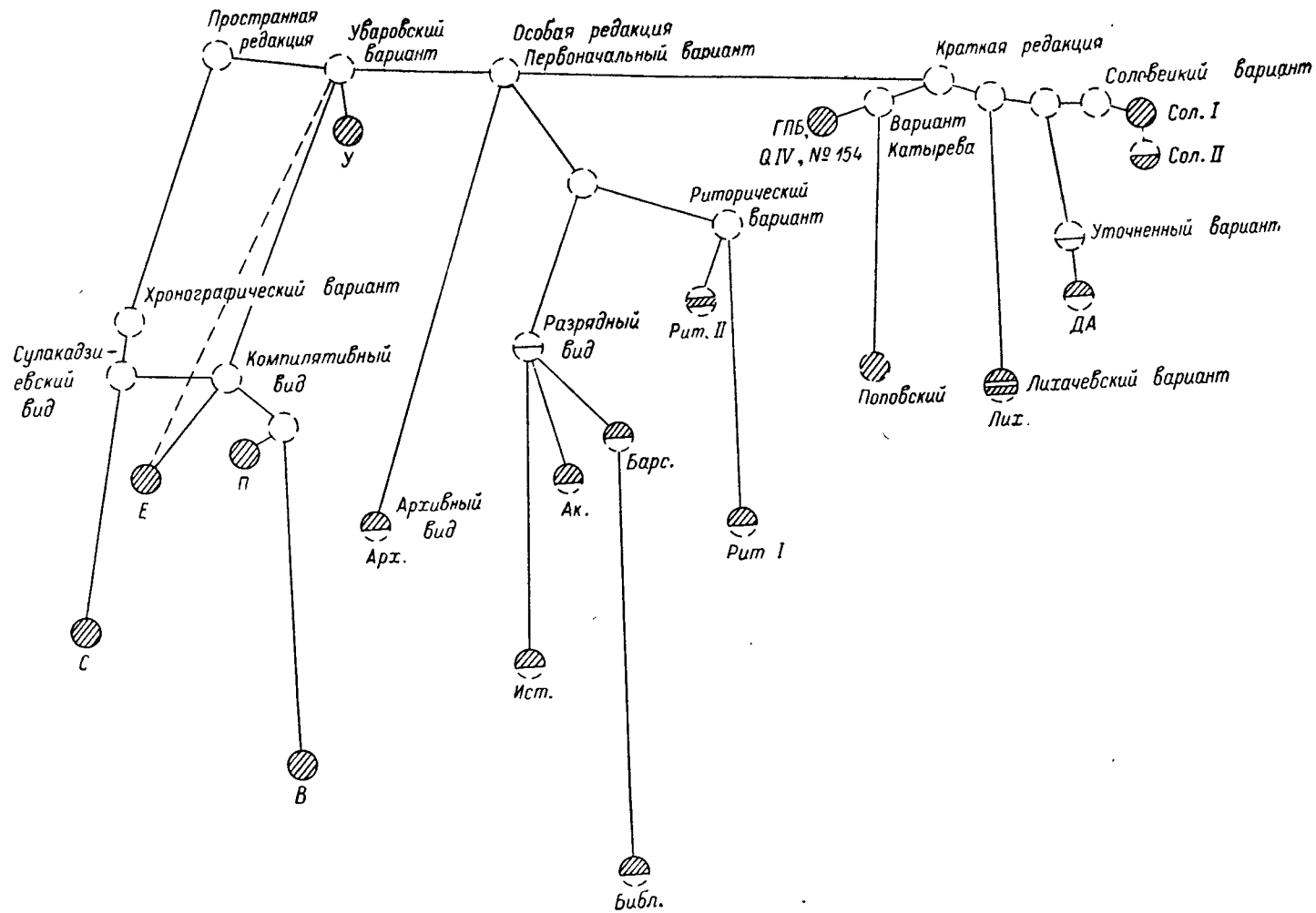
Тексты Соловецкого и Уточненного вариантов имеют ряд общих особенностей, не встречающихся в тексте Лихачевского варианта: например, в них обоих отсутствует риторическое отступление по поводу убийства Дмитрия в Угличе, указана дата убийства. На этом основании мы предполагаем общий протограф у Соловецкого и Уточненного вариантов.

В заключение разбора истории текста «Летописной книги» предлагаем стемму, отражающую все наши наблюдения, изложенные в статье.

³⁸ Список Петербургской Духовной академии (ДА): ГПБ, собр. СПб. ДА, № 305 (2). Рукопись-конволют из 4 ркп., 4°, 321 л. + IV. Текст «Летописной книги» — л. 4—66 об., третья четв. XVII в., скоропись. Подробнее см.: З и б о р о в В. К. Об авторе так называемой Повести . . . С. 248—249.

³⁹ Лихачевский список см.: ЛОИИ, ф. 115 (Лихачева), № 236. Рукопись-конволют из 4 ркп., 251 л. + III, переплет кожаный, «в сумку». Текст «Летописной книги» — л. 1—5, 129 об.—146, середины XVII в., скоропись.

⁴⁰ Тексты цитируются в порядке, указанном в шапке таблицы.

А. Ю. ФЕДОРОВ

«Повесть о Горе и Злочастии» в ее отношении к волшебной сказке*

Отношение «Повести о Горе и Злочастии» (далее в тексте — Повесть) к устному словесному творчеству изучалось в науке много и плодотворно. В первую очередь здесь следует обратиться к работам А. Н. Афанасьева, Ф. И. Буслаева, А. Н. Веселовского, В. Ф. Ржиги и др. При этом внимание исследователей привлекали главным образом фольклорные корни образа Гора-Злочастия и вопрос о соотношении Повести и народных песен о Горе.

О связях нашего произведения с русской волшебной сказкой писали гораздо меньше. Причем почти всегда в этом случае Повесть сравнивали с сюжетом «Горе»: «Бедняк запирает его и богатеет; богатый брат из зависти выпускает Горе, но оно привязывается теперь к нему»,¹ хотя, как видно, единственная возможная здесь параллель — тот же образ Гора в его применении к разным фольклорным жанрам и сюжетам. А значит, поиск в этом направлении может быть интересен по большей части фольклористам. Нас же занимают в данном случае не корни Повести, а она сама как уникальное во многих отношениях явление русской культуры на рубеже Петровских реформ. Поэтому мы решили подойти к проблеме связей Повести с волшебной сказкой с другой стороны. Объектом исследования избрали ее сюжет, а предметом — принципы его формовки, логику развертывания и смысловую нагрузку, которую он (сюжет Повести) несет на себе.

Анализ, таким образом, необходимо было начать с характеристики повествования в целом и, следовательно, с выяснения специфики двух основных его категорий — художественного времени и пространства,²

* Редакция печатает статью А. Ю. Федорова в порядке обсуждения. Развиваемая в ней мысль о том, что Повесть о Горе-Злочастии построена по модели волшебной сказки, позволила автору вполне оригинально интерпретировать отдельные моменты в развитии сюжета, которые ранее оставались в тени (см. о мотиве похвалы, о погоне Гора за молодцем). Вместе с тем хорошо известно, что всякое сравнение имеет свою слабую сторону: сопоставление Повести со сказкой не может объяснить все особенности поэтики этого произведения, находящегося на стыке письменной литературы и фольклора. В частности, предлагаемые в статье параллели отодвигают на второй план религиозный элемент, очень сильный в Повести. Ключевые для понимания текста понятия, такие, как благословение или покаяние, ведут к древнерусской духовной письменности, а не к волшебной сказке. Постриг — это не только сюжетный ход, но и повседневная реальность Древней Руси — об этом забывать не следует. И все же статья А. Ю. Федорова несомненно вносит свой вклад в обсуждение важной проблемы о взаимодействии литературы и устного народного творчества в XVII в.

¹ Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка. Л., 1979, № 735 А=АА 7351=К735 (условные обозначения заимствованы из «Морфологии сказки» В. Я. Проппа). Об этом сюжете см.: С о н н и А. И. Горе и Доля в народной сказке. Киев, 1906.

² Характеризуя время и пространство как две основные категории повествования, мы исходим из определения, данного ему А. А. Потебней: «Все виды словесного поэтического и прозаического изложения сводятся к одному — повествованию, ибо оно пре-

т. е. пользуясь термином М. М. Бахтина, с исследования хронотопа Повести.³

Рассказ о молодце и Горе-Злочастии, как известно, обрамлен. Ему предшествует вступление, повествующее о грехопадении первых людей от пьянства. Оно аналогично зачину духовного стиха «Голубиная книга» из Сборника Кирии Данилова, который восходит, по-видимому, к богومیльской еретической традиции.⁴ Повесть завершает благочестивое «Избави, господи, вечныя муки, а дай нам, господи, светлы рай. Во веки веков. Аминь».⁵ Собственно история о том, «как Горе-Злочастие довело молодца во иноческий чин», начинается со слов «будет молодец уже в разуме. . .» (с. 6).

Вступление вводит события Повести во всемирную историю; перед нами точка на ее отрезке от грехопадения до второго пришествия, миг в движении «исторического» времени, ценный постольку, поскольку в нем, как в капле воды (по мнению Повести, разумеется), отразилась греховная сущность рода человеческого и указан путь спасения. Без этой нравоучительной закваски — судьба молодца как частный случай общего положения человека в этом мире — идейное содержание Повести представить себе нельзя, хотя оно, безусловно, этим не исчерпывается.

Повествование в основной (сюжетной) части Повести сконцентрировано вокруг жизни героя и исчерпывается в ней. Хотя молодец и обладает биографическим временем (Повесть описывает всю «мирскую» жизнь «чада милого»⁶), он лишен времени субъективного. Герой не меняется с событиями, он даже не старится. Единственный данный нам ориентир — тот факт, что из дому он уходит, будучи «в разуме», т. е., очевидно, достигнув совершеннолетия. В каком же возрасте молодец постригся в монахи, сколько лет наживал богатство, сколько «штался меж двор», — читатель должен догадываться сам. Проходит внешнее время, накапливается биография, изменяется окружающая среда, но герой неизменен. Он — «молодец», лишенный имени, прозвища, отчества, ни с кем и ни с чем кровно не связанный, живущий в умозрительно для него сконструированном условно-притчевом пространстве.⁷

В Повести крайне мало бытовых деталей, вещей. Пространство абстрактно. Текст упоминает лишь сюжетно значимое.⁸ Читатель вынужден глядеть на мирок, в котором живет герой, глазами самого героя, а тот в свою очередь почти ничего не видит вокруг. В Повести и время и пространство не только замкнуты в сюжете, но и воспринимаются нами исключительно через его элементы. Если бытовая среда не участвует как-либо в развитии повествования, она просто не фиксируется.

Немаловажная черта художественного пространства Повести состоит в его упорядоченности. Сначала действие разворачивается на «своей сто-

вращает ряд одновременных признаков в ряд последовательных восприятий, в изображение движения взора и мысли от предмета к предмету. . .» (Потебня А. А. Из записок по теории словесности // Потебня А. А. Эстетика и поэтика. М., 1976. С. 289).

³ За основу мы берем терминологию и принципы, изложенные в кн.: Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. 3-е изд., доп. М., 1979. С. 209—351.

⁴ См.: Веселовский А. Н. Разыскания в области русского духовного стиха. Гл. 9. Дуалистические поверья о мироздании // СОРЯС. СПб., 1889. Т. 46, № 6. С. 1—116.

⁵ Цит. по: Повесть о Горе-Злочастии / Изд. подгот. Д. С. Лихачев и Е. И. Ванеева. Л., 1984. С. 16. — Далее при ссылках на это издание страница указывается в тексте в круглых скобках.

⁶ Д. С. Лихачев пишет: «Жизнь — это проявление себя в пространстве < . . . > Когда человек уходит в монастырь, то этот „отход от мира“ представляется главным образом как переход к неподвижности, к прекращению всяких переходов, как отказ от событийного течения жизни» (Поэтика древнерусской литературы. С. 344—345).

⁷ См.: Лихачев Д. С. Жизнь человека в представлении неизвестного автора XVII века // Повесть о Горе-Злочастии. С. 101—102.

⁸ См.: Лихачев Д. С. Человек в литературе Древней Руси. 2-е изд. М., 1970. С. 119.

роне). Родители дают молодцу наставления, но он, позабыв их, гуляет «на кабаке» и, будучи ограблен до нитки, с позором уходит на чужбину. Перед нами первое «действие» и две его сцены: в родительском доме и «на кабаке». Связаны они не только в пространстве (очевидно, что кабак не «за тридевять земель» от родительского дома), но и явным смеховым контрастом: родительский дом — аллегория рая,⁹ кабак — ада.¹⁰

Затем молодец оказывается на пиру, снова получает советы, аналогичные родительским, и наконец-таки перемещается на «чужую сторону».

Далее Повесть описывает попытку героя применить мудрость добрых людей на практике. Но навязавшееся из-за похвальбы героя Горе-Злочастие доводит молодца до очередного падения, и он, наг и бос, снова отправляется куда глаза глядят. Мы видим, что третье «действие» скомпоновано по принципу первого. Герой как бы строит свой новый «родительский дом»: наживает богатство, заводит умных друзей, по обычаю находит себе невесту, чтобы уже окончательно оградиться от волн моря житейского, но по глупости накликает Горе, и все кончается кабаком.

Четвертое «действие» разворачивается на перевозе через реку. В одной

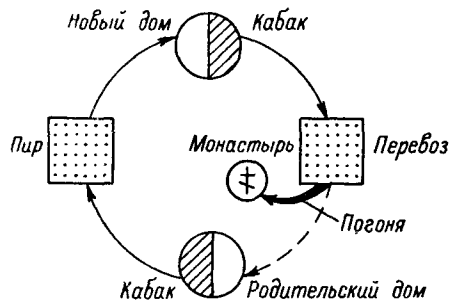
черте оно тождественно второму: напутствие герою от перевозчиков (испросить родительского благословения) по идее никак не отличается от советов родителей и добрых людей на пиру. Главное в наставлениях молодцу — указать путь к благополучию, к тому, что диаметрально противоположно нищете, бродяжничеству, кабаку — в общем, горю.

Важно отметить, что все четыре «действия» отделены друг от друга значительными пространственными перемещениями, обозначенными единой словесной формулой: «Пошел он на чужую страну, далну, незнаему» (с. 9); «И оттуду пошел молодец на чужую сторону» (с. 11); «Пошел молодец на чужую страну, далну, незнаему» (с. 13); «И оттуду пошел молодец на свою сторону» (с. 15). Эта формула дублируется в зависимости от характера эпизодов. После первого и третьего «действий» она воспроизводится дословно. После второго и четвертого — с отличием по направлению движения героя (чужая сторона—своя сторона). Похоже, что автор намеренным повторением формулы перемещения желал однотипно отделить одни эпизоды от других, подчеркнуть симметричность в идейном и композиционном планах первого и третьего, второго и четвертого «действий».

Если бы Повесть имела happy end, как притча о блудном сыне, то в основании ее хронотопа лежал бы круг. Но молодец не возвращается к родителям; происходит сбой сюжетного стереотипа. Неожиданно изображается погоня, не подготовленная развитием повествования, которая кончается затворением героя в монастыре. И несмотря на то что, подходя к топам в Повести как к символам-знакам, мы не найдем принципиальной разницы между родительским домом и монастырем, именно такой конец жизни молодца имеет смысловую подкладку. Уход в монастырь — вот тот «спасенный путь», на который согласно вступлению к Повести постоянно приводит «человеков» бог. Кольцо композиции сюжета таким образом остается незамкнутым. А совершенно особое положение сцены погони в сюжете подчеркивается специфическим ритмом действия в Повести, через который только и выражается биографическое время ее героя. Художественное время равномерно, эпически «дышит». И лишь когда судьба молодца

⁹ См.: Панченко А. М. Повесть о Горе-Злочастии // История русской литературы: В 4 т. Л., 1980. Т. 1. С. 387—388.

¹⁰ См.: Лихачев Д. С., Панченко А. М., Понырко Н. В. Смех в Древней Руси. Л., 1984. С. 17—21.

решается окончательно, когда герою надлежит принять решение, от которого зависит не недостаток, не социальная роль, а самая жизнь, время начинает «задыхаться». Оно замедляет свой бег на перевозе, сосредоточивая читательское внимание на разговоре молодца с Горем-Злочастием, оно убыстряется при почти схематическом изображении перевоза через реку. Следует погоня. События тормозятся. И вместе с тем именно в эпизоде погони мы ощущаем стремительность полета времени. Наконец, с уходом героя в монастырь художественное время обрывается, как только кончается событийное повествование.

Проведя анализ хронотопа Повести, мы попытались выяснить, характерен ли он для поэтики волшебной сказки.

Если рассмотреть Повесть в том виде, в каком она имеет параллель с песнями о **Горе, т. е. без вступления и заключения**, можно констатировать, что **цикличность развития действия, наличие между блоками функций персонажей значительных пространственных перемещений**,¹¹ отсутствие субъективного времени в сюжете, однолинейность его¹² — все эти черты присущи волшебной сказке. Но они свойственны и фольклорным балладам о Горе и молодце. Чего в них, однако, нет, так это цикличности сюжета и такой, как в Повести, четкой упорядоченности перемещений молодца. Кроме того, те же черты в принципе присущи разным жанрам фольклора. Поэтому нельзя с полной уверенностью заключить, что хронотоп Повести сформировался под влиянием волшебной сказки. Будем говорить о его фольклорно-эпической направленности.

Можно возразить, что те же черты присущи и литературным памятникам, не имеющим отношения к устной народной традиции. Но в отличие от них Повесть имеет к ней отношение, причем самое непосредственное. Текст, несмотря на явное присутствие в нем элементов книжности,¹³ все-таки ориентирован на устно-поэтическую стихию.¹⁴

До этого мы смотрели на Повесть как бы сверху. Нас интересовало повествование в целом. Теперь же углубимся в него и приступим к анализу его фундамента — «морфологии» сюжета, как говорил А. Н. Веселовский.¹⁵

Анализ хронотопа Повести не дал отрицательных результатов относительно возможности рассмотрения ее сюжета *sub specie* волшебной сказки. Таким образом, обращаясь к исследованию его «морфологии», мы выдвигаем рабочую гипотезу: сюжет Повести построен по тем же «грамматическим» законам, что и русская волшебная сказка.

Результаты этого анализа будут изложены ниже. Предварительно надо раскрыть те принципы, которыми мы руководствовались, проводя его.

Основная причина, почему мы обращаемся в нашем исследовании к «Морфологии сказки», а не к работам в этой области, вышедшим вслед за ней, хотя и их мы имеем в виду, заключается в том, что концепция В. Я. Проппа в отличие от прочих оптимальна для проведения историко-литературного сопоставления в интересующем нас аспекте. В современную науку прочно вошли выводы ученого:¹⁶ функции персонажей (ФП)

¹¹ Таких перемещений в сказке три: отправка, собственно пространственное перемещение между царствами (путеводительство) и возвращение. См.: Пропп В. Я. Морфология сказки. 2-е изд. М., 1969. С. 40, 48—49, 53.

¹² Ср.: Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. С. 226—227.

¹³ См.: Ржигла В. Ф. Повесть о Горе и Злочастии и песни о Горе // *Slavia*. 1931. Рос. 10, Seš 1, S. 64—66; Лихачев Д. С. Жизнь человека в представлении неизвестного автора XVII века. С. 92.

¹⁴ См.: Русская литература и фольклор (XI—XVIII вв.). Л., 1970. С. 76—79.

¹⁵ Веселовский А. Н. Историческая поэтика. С. 459.

¹⁶ Совершенно неубедительной представляется критика «Морфологии сказки» В. Аникиным в его книге «Русская народная сказка» (М., 1984. С. 86—130). Предпринятая им попытка противопоставить «морфологию» художественному творчеству по форме напоминает «Письмо к ученому соседу» А. П. Чехова.

волшебной сказки суть постоянные величины в сюжете, атрибуции, номинации; мотивы — переменные; количество ФП в сказке ограничено 31; ФП располагаются в строгом порядке.¹⁷ Степень абстракции системы В. Я. Проппа такова, что позволяет отличить сказочный сюжет от всех прочих, т. е., с одной стороны, дает возможность видеть специфику сказочного нарратива, а с другой — выводит анализ на чисто формальный уровень, на котором уже не рассматриваются элементы содержания. При этом для нас очень важно, что В. Я. Пропп опирался на в о с т о ч н о с л а в я н с к и й сказочный материал.

Критика идей В. Я. Проппа со стороны современных структуралистов¹⁸ разворачивается по преимуществу в одном направлении: ученого обвиняют в том, что в 1928 г. он не был структуралистом, что он дал «морфологическое» описание р у с с к о й в о л ш е б н о й с к а з к и, а не сказки вообще, не мифа, не «повествовательных возможностей» по примеру К. Бремона.¹⁹

Всякая «морфология сюжета» теряет для историка свой смысл, если он с самого начала не предполагает в ней закономерность художественного мышления конкретного индивида определенной исторической эпохи. Но в таком случае необходимо четко отличать о с о з н а н н ы е принципы-приемы, отработанные в художественной практике, употребляемые сознательно (ср. явление этикетности в средневековых литературах, принцип остранения, *loci communes* и проч.), от художественных «инстинктов» — принципов художественного мышления, которые н е о с о з н а ю т с я в художественной практике и, будучи осознанными, теряют всякий творческий смысл. Сюда относится и «морфология» волшебной сказки. Джанни Родари заметил, прочитав книгу В. Я. Проппа, что теперь можно будет выдумывать настоящие народные сказки по соответствующей реальности модели. Но есть ли в этом какой-либо смысл?

В. Я. Пропп заявлял (и с ним надо согласиться), что выводы его относятся только к русской волшебной сказке. Но, начиная рассказывать, сказочник не задумывается о порядке ФП, о количестве ходов, о необходимости предварительного испытания героя дарителем, хотя очевидно, что, сказывая затем «старинку», он так же бессознательно не построит былинный сюжет, как сказочный. Это очевидно, ведь перед нами разные жанры и по поэтике, и по генезису. Но человек-то тот же самый! Следовательно, если в сюжете фольклорного текста — «не-волшебной-сказки» или литературного произведения обнаруживается вариант порождающей модели, описанной В. Я. Проппом, следует утверждать, что писатель (фольклорный исполнитель) по определенным причинам, в силу особенностей своего художественного мышления выстроил сюжет по законам, генетически присущим волшебной сказке.

Но здесь встает вопрос методики такого исследования: под каким углом зрения рассматривать цепочку ФП, выделенную при анализе, и что позволит определить ее как сказочную?

Первое, что необходимо, — это отказаться от попыток семантического толкования ФП и цепочки, состоящей из них. ФП как инвариант конкретного поступка действующего лица в определенной сюжетной ситуации²⁰ адекватно соотносится только с другой ФП. Именно эта структурная связь между ФП как «пустыми» формами, лишенными всякого конкретного, значимого для данного сказочного текста содержания, нас и интересует. Отвлекаясь от живого бытования сказки, от мотивов, атрибутов и других

¹⁷ Пропп В. Я. Морфология сказки. С. 25—26.

¹⁸ См., например: Леви-Строс К. Структура и форма: (Размышления над одной работой Владимира Проппа) // Зарубежные исследования по семиотике фольклора. М., 1985. С. 9—34.

¹⁹ См.: Бремон К. Логика повествовательных возможностей // Семиотика и искусствоведение / Сост. и ред. Ю. М. Лотман и В. М. Петров. М., 1972. С. 108—135.

²⁰ См. определение ФП: Пропп В. Я. Морфология сказки. С. 25.

элементов ее внутренней формы, мы представляем ФП не как элемент плана содержания, а как смысловозначительный элемент в плане выражения. В. В. Иванов и В. Н. Топоров пишут, что «в ситуативном синтаксисе функции могут играть роль, сходную с ролью валентности у слов, входящих в синтаксическое сочетание. Под функцией здесь мы имеем в виду отношение, в котором могут находиться друг к другу некоторые предметы. Если указано не только это отношение (функция), но и сами предметы, то в этом случае возникает мотив».²¹ Методически верным будет рассматривать цепочку ФП, которую мы выделим в сюжете Повести, как структуру и затем сличать ее (структуру) с порождающей моделью волшебной сказки²² как ее «морфологическим» инвариантом.

Второе, что необходимо, — это найти критерии отождествления цепочки ФП сюжета Повести с вариантом порождающей модели волшебной сказки. Вообще говоря, таких критериев три. 1) Существование качеств ФП литературного (или иножанрового фольклорного) произведения, которые дают возможность отождествить ФП со сказочными. 2) Так как ФП имеют в сказке устойчивую тенденцию к упорядоченности следования друг за другом, хотя и там есть возможности перестановок, порядок ФП исследуемого несказочного сюжета должен примерно соответствовать сказочному. 3) Наконец, вследствие того что в сказке обязательны два блока ФП — дарение и борьба-победа,²³ они должны присутствовать и в анализируемом тексте.²⁴

Три указанные закономерности стоят в положении дополнительности и могут быть критериями отождествления всякой цепочки ФП со сказочной только в комплексе. Первый критерий не может служить в отдельности от двух других хотя бы потому, что он не чисто «морфологический». Он подразумевает не только выделение ФП в ее абстрактном виде, но и возможность сблизить конкретный поступок действующего лица несказочного произведения с конкретным же воплощением сказочной ФП (см. разновидности к каждой функции, указанные В. Я. Проппом). Но если окажется, что эти поступки не только сопоставимы со сказочными, но и следуют в каноническом для сказки порядке, что в произведении присутствует «вещь» в роли волшебного помощника (средства) и что конфликт разрешается борьбой героя с антагонистом, связь сюжета произведения с порождающей моделью волшебной сказки будет очевидной.

В ходе «морфологического» анализа сюжета Повести мы-таки пришли к заключению, что цепочка ФП, лежащая в его основе, аналогична сказочной.

Разумеется, для последовательности изложения было бы лучше сперва описать цепочку ФП Повести такой, как она есть, в собственной терминологии, а затем уже сопоставить ее со сказочным инвариантом. Однако ради компактности изложения мы у с л о в н о, подчеркиваем это, представляем цепочку ФП сюжета Повести как сказочную с самого начала. Если в нашу функциональную схему уложится весь сюжет Повести, первоначальная рабочая гипотеза будет подтверждена.

Результаты анализа будут, таким образом, излагаться в терминах «Морфологии сказки». Сначала будет предложена схема (по ходам). За-

²¹ Иванов В. В., Топоров В. Н. К реконструкции праславянского текста // Славянское языкознание. V Междунар. съезд славистов (София, сент. 1963): Докл. сов. дел. М., 1963. С. 112.

²² Термин для обозначения системы ФП заимствуем у В. Н. Топорова и В. В. Иванова (см.: Там же. С. 115—116).

²³ См.: Мелетинский Е. М., Неклюдов С. Ю., Новик Е. С., Сегал Д. М. Проблемы структурного описания волшебной сказки // Труды по знаковым системам. Тарту, 1969. Вып. 4. С. 91—92.

²⁴ О закономерностях «морфологического» строения сказки см.: Пропп В. Я. Морфология сказки. С. 25—28.

тем она будет объясняться. Предварительно оговорим, что в сюжете Повести нами выделено три хода.

Функциональная схема *Первого сюжетного хода: исходная ситуация* — *отлучка* «по делам» — *запрет* и *предварительное снабжение* волшебным средством — *подвох* путем обманного договора — *пособничество* — *вредительство* в форме кражи и *недостача* в волшебном средстве — *отправка* — *первая функция дарителя* — *реакция героя* — *снабжение* волшебным средством — *пространственное перемещение* — *ликвидация недостачи* путем применения волшебного средства.

Итак, в одной семье живет молодец (исходная ситуация, характерная и для сказки). Молодец-сын желает жить своим умом. Чтобы предохранить его от опасностей самостоятельной жизни, родители дают ряд полезных наставлений.²⁵ Не слушая их, молодец уходит. Этот отрезок сюжета может быть представлен как *отлучка* «по делам», наложение *запрета* в прямой форме «учения». Кроме того, произнесение наставлений надо трактовать как *предварительное снабжение* волшебным средством (об этом ниже).

Отлучившись из дому и не помышляя идти куда-то на чужую сторону, молодец вне опеки родителей живет широко, заводит «пятьдесят друзей», один из которых, «названной брат», и соблазняет его:

Еще у молотца был мил н[а]дежен друг,
назвался молотцу названной брат,
прелстил его речми прелесными,
завал его на кабацкой двор,
завел его в ызбу кабацкую,
поднес ему чару зелена вина
и крушку поднес пива пьянова. . .

(С. 7).

Молодец нарушает запрет:

Не ходи, чадо, х костарем и корчемником,
не знайся, чадо, з головами кабацкими. . .

(С. 7).

Закономерно, что далее следует ряд ФП: *подвох* — *пособничество* — *вредительство*. «Надежен друг» уговаривает молодца напиться, пообещав, что будет оберегать его сон и отведет его домой (*подвох* путем обманного договора), на что молодец соглашается (*пособничество*). Пока молодец спал, его начисто ограбили (*вредительство* в бытовой форме) и, что еще важнее, молодец *утратил волшебное средство*. Это и не позволило ему, с точки зрения «морфологии» сюжета,²⁶ вернуться к родителям, завело его «на чужу страну». Кража для движения повествования — явление второстепенное, и доказывается это тем, что молодец уходит из кабака не на поиски вора. В третьем «действии» в аналогичной ситуации молодец сам пропивает свое имущество, мотив кражи отсутствует, хотя параллелизм обеих сцен очевиден. Вредитель должен был появиться по законам сказочной сюжетности как реакция на нарушение запрета. Но в основе завязки лежит не стремление возвратить украденное, а недостача волшебного средства. При этом одновременное наличие в завязке и *вредительства* и *недостачи*, прямо не связанной с ним, не должно нас смущать. Подобное встречается в сказках: «. . . нужно учесть и случаи, когда *недостаче* предшествует *нарушение запрета*. . . Тем не менее во включении

²⁵ См.: Лихачев Д. С. Жизнь человека в представлении неизвестного автора XVII века. С. 92—93.

²⁶ Здесь словесную мотивировку ухода: «Стало срамно молотцу появиться» и т. д. (с. 9) — надо понимать в том смысле, что нарушив запрет, «потеряв» родительскую мудрость, герой не может вернуться домой.

этой группы функций нет достаточной четкости. Она очень характерна для сказок о чудесных предметах (АТ 400, 425, 460 и т. п.), но и здесь в отдельных вариантах нарушение запрета заменяется вредительством или сощмещается с ним.²⁷ Что же собой представляет волшебное средство? Для этого проанализируем второе «действие» Повести.

Молодец уходит куда глаза глядят (*отправка*), далее следует сцена на пиру, подчиненная былинному этикету. Добрые люди дают герою наставления, сходные с родительскими, после чего он снова уходит на чужую сторону и там наживает «живота болшы старова».

Оказавшись на пиру, молодец поступает как положено: крестит «лице свое белое», кланяется «чюдным образом» (чудотворным иконам) и т. д. Перед нами былинное «общее место» «Вход в гридню».²⁸ Добрым людям поведение молодца нравится, его садят в подобающее место за столом, расспрашивают, дают наставления и отпускают. В этом отрезке сюжета заключен ряд ФП: *первая функция дарителя — реакция героя — снабжение волшебным средством*.

Приветствуя хозяев, молодец отвечает на их немой вопрос, делает так, как надо делать по этикету. Этот отрезок интерпретируется как пассивная *первая функция дарителя* при активной *реакции героя*. Продолжением *первой функции дарителя* надо считать и выспрашивание героя: «Что еси ты, добрый молодец, зачем ты на пиру невесел сидишь» и т. д. (с. 9—10), также генетически восходящее к былинному общему месту «Причина печали».²⁹

А далее следует логически подготовленное предыдущими действиями *снабжение волшебным средством*. Снабжение в достаточной мере условное.

Герой волшебной сказки не может существовать без такого подспорья, как волшебный помощник (волшебное средство), иначе к моменту генерального сражения с силами зла он окажется безоружным. Иван-дурак должен обрести «волшебную палочку», благодаря которой он всегда выйдет сухим из воды. А значит, должен существовать и персонаж, который бы ему ее передал. Блок дарения в сказке обычно ограничен значительными пространственными перемещениями (если сказка, конечно, не начинается сразу же с испытания героя дарителем). Ему предшествует завязка (*вредительство — беда* или *недостача*), затем следует блок «*борьба—победа*» над антагонистом, если это сказка одноходовая, либо *ликвидация беды* или *недостачи* (в ряде случаев путем применения волшебного средства). Всем этим «морфологическим» закономерностям в Повести отвечает сцена на пиру. Какое же «волшебное средство» получил молодец от добрых людей?

В тексте много раз встречается слово «разум». Повествование начинается, когда «будет молодец уже в разуме». Молодец не послушал советов родителей, потому что был «мал и глуп, не в полном разуме и несовершенно разумом». О герое, покаявшемся на пиру и испросившем совета, добрые люди говорят: «. . . добро[й] еси ты и разумной молодец». «От великаго разума» наживается богатство на чужой стороне. Молодецкая «напевочка», исключительно важная для содержания Повести в целом, поется «от великаго крепкаго разума». В то же семантическое поле входят «пословицы добрыя, и хитрыя, и мудрыя», и заменяющее их в других контекстах «благословение» родителей, а также слова «счастье» и «добро учение» родительское. За всем этим стоит понятие житейской мудрости, нераз-

²⁷ Мелетинский Е. М. и др. Проблемы структурного описания волшебной сказки. С. 97.

²⁸ См.: Ухов П. Д. Атрибуции русских былин. М., 1970. С. 11 и след. Названия «общих мест» заимствованы из этого издания. Здесь же см. обзор былинных «общих мест».

²⁹ См.: Там же. С. 155—156. — Этому «общему месту» текстуально предшествуют другие: «Хвостовство гостей на пиру», «Указание на время пира». (Там же. С. 42—65).

рывно связанное с понятием благосостояния, богатства.³⁰ Связь этих понятий, неизбежную для обыденного сознания человека, живущего в строгих рамках социально-имущественной иерархии, метко выразил Даниил Заточник в Чудовском списке «Послания» (XVII в.): «Нищъ бо, а мудръ, яко злато в калне сосуде; а богатыи человекъ несмысленъ, яко поволочито изголовие, соломы наткано; а убогъ несмысленъ, аки солома во грязи втоптана».³¹ Мудрый должен быть богатым, а богатый мудрым. Глупый и бедный — это еще куда ни шло, это как солома (грехи?) в грязи, туда ему и дорога. Вспомним также мудрость Акира: «Сыну, уне есть человекъку добра смѣръть, негли золь живот».³² Конечно, хорошо быть нищим Лазарем, но бедняка клонит к «татбѣ». И Акир жалуется Анадану: «Золчи и горести *вкышах*, а не бысть пуще убожства».³³ Вот еще несколько примеров из сборников пословиц и поговорок XVII в.: «За скудость разума полат лишаются»;³⁴ «За скудость ума таска будетъ сума»;³⁵ «Умом наживают, а безумием старое теряют»;³⁶ «С разумом жить лише тѣшится».³⁷ Или у В. И. Даля: «Богат мужик, так и умен»;³⁸ «Богатство ум рождает (или: ум дает)»; «Рубль есть — и ум есть; нет рубля — нет и ума».³⁹

Для чего герою Повести даются наставления? Если послушаешься их, «не будет тебе нужды великия, ты не будешь в бедности великой» (с. 6). И затем излагаются аксиомы житейской мудрости, результат использования которой — наживание тех же пятидесяти рублей или «живота болшы старова». Их мы условно будем называть «умом-разумом», который и выступает в Повести в качестве волшебного средства.

«Уму-разуму» молодца учат трижды: родители, добрые люди на пиру и перевозчики. Очевидна связь наставлений отца и матери героя и добрых людей. Менее очевидна их связь с советом перевозчиков испросить молодцу родительского благословения, но в действительности она существует, и именно в интересующем нас плане. Молодец говорит:

Яз как принялся за питье за пьяное,
ослушался яз отца своего и матери, —
благословение мне от них миновалось. . .

(с. 16)

Житейские советы родителей понимаются как их благословение. Перевозчики же отсылают героя к родным с напутствием: «. . .возми от них *благословение* родительское» (с. 15).

Характерная черта «ума-разума» — это его активность, причем активность однонаправленная: он служит исключительно для достижения благосостояния. Здесь нелишне будет вспомнить такие произведения демократической литературы XVII в., как «Повесть о Фроле Скобееве», «Повесть о Карпе Сутулове» и др., где человеческая смекалка, изворотливость, хитрость (ср. в Повести: «пословицы добрыя, и хитрыя, и мудрыя» (с. 6)), находчивость — все, что заключено в понятии «житейской мудрости», направлено на то же — на достижение благосостояния, соответствующего положения в обществе, предотвращения разорения и нищеты. И молодец

³⁰ Ср.: Де мин А. С. Писатель и общество в России XVI—XVII веков: (Общественные настроения). М., 1985. С. 145—146.

³¹ Цит. по: Слово Даниила Заточника [по всем известным спискам] с предисловием и примечаниями И. А. Шляпкина. СПб., 1889. С. 39 (второй пагинации).

³² Цит. по: ПЛДР: XII век. М., 1980. С. 254. Ср. в «Молении Даниила Заточника». (Там же. С. 392).

³³ Там же. С. 252.

³⁴ С и м о н и П. К. Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII—XIX столетий. I—II // СОРЯС. СПб., 1899. Т. 66, № 7. С. 105 (№ 1043).

³⁵ Там же. С. 106 (№ 1067).

³⁶ Там же. С. 146 (№ 2336).

³⁷ Там же. С. 195 (№ 628).

³⁸ Д а л ь В. И. Пословицы русского народа. М., 1957. С. 83.

³⁹ Там же.

тоже: «От великаго разума наживал . . . живота болшы старова. . .» (с. 11); от «великаго крепкаго разума» поется «молодецкая напечочка», спасающая его от голодной смерти.

Очевидна, наконец, и определенная «ненужность» второго (в меньшей мере четвертого) «действия» для биографического времени героя. Сцена на пиру изображается исключительно для того, чтобы повторить ряд поставлений. *Необходимость их совершенно не вытекает из предшествующих событий и не влияет на последующие, если не учитывать, что структура сюжета волшебной сказки не может обойтись без блока дарения.* Только в этой связи обряд повторения прописных истин становится необходимым элементом всего повествования. Сначала «ум-разум» («волшебное средство») герою передали родители. Нарушив запрет, он его лишился. Тогда молодец ушел на чужую сторону, чтобы вновь обрести «ум-разум», без чего он просто «голь кабацкая», от которой «род и племя отчитаются, все дружи прочь отпираются» (с. 9). И вновь заполучив «ум-разум» на пиру, молодец отправляется «на чюжу сторону», где использует советы добрых людей (применяя «волшебное средство»), богатеет. На этом кончается Первый сюжетный ход, так как *беда* (бедность) и *недостача* (в волшебном средстве), двигавшие сюжет вперед, ликвидируются.

Отметим, что мы ни в коем случае не говорим об «уме-разуме» как о сказочном волшебном средстве. Это определение в достаточной мере условно, но свойства «ума-разума», его положение в сюжете Повести, «морфологическая» упорядоченность в применении говорят о том, что есть возможность сблизить его с волшебным средством в сказке.

Функциональная схема *Второго сюжетного хода*: нарушение запрета похвальбы волшебным средством — *подвох* — *пособничество* — *вредительство* в бытовой форме и *недостача* в волшебном средстве — *отправка* — *первая функция дарителя* — *негативная реакция героя* — . . . — *пассивная первая функция дарителя* — *активная реакция героя* — *снабжение волшебным средством* — *возвращение героя домой*.

Второй сюжетный ход во многих отношениях аналогичен первому. Ряды ФП обоих ходов различаются в частности. Действие движется параллельно в духе общего стремления композиции Повести к симметричной компановке элементов.

Нажив «живота», подыскав себе невесту, молодец собирает гостей, хвастает перед ними богатством, нажитым «от великаго крепкаго разума». Возмездие приходит немедленно:

Подслухало Горе-Злочастье
хвастанье молодецкое,
само говорить таково слово:
«Не хвалися ты, молодец, своим счастьем,
не хвастай своим богатством!»

(С. 11).

Герой похвастался «умом-разумом», богатством и «счастьем», как говорит Горе-Злочастье, т. е. «волшебным средством». Антагонист появляется неслучайно. «Злочастье» противопоставит «счастью», которого достиг молодец, как нагота противопоставит богатству, а «мудрость» Горя — «уму-разуму» родителей и добрых людей. Совращение Горем человека понимается как его «перемудривание»:

Бывали люди у меня, Горя,
и мудряя тебя и досужае,
и я их, Горе, перемудрило,
и учинися им злочастье великое. . .

(С. 11).

Таким образом, хвастаясь богатством, нажитым «от великаго разума», молодец в то же время хвастает и самим «умом-разумом», в свою очередь нарушая запрет, так как «всегда гнило слово похвальное».⁴⁰

То обстоятельство, что в наставлениях добрых людей запрет хвалиться «умом-разумом» никак не обозначен, хотя в этом смысле можно понимать такой их совет:

Не буди ты спесив на чюжей стороне,

 а чюжих ты дел не объявляй,
 а что слышишь или видишь, не сказывай. . .
 (С. 10.)

и даже напротив, люди добрые, за столом «седя все похваляюща», требует объяснения. Во-первых, упоминание похвалы гостей на пиру входит в состав былинного «общего места» (см. примеч. 29), т. е. могло оказаться в тексте Повести и без «злого умысла». Во-вторых, сам по себе запрет похвалы стоит в том же ряду обиходных житейских мудростей, из которых складывается «ум-разум» добрых людей и родителей молодца,⁴¹ и поэтому должен был казаться читателю да и самому автору чем-то само собой разумеющимся хотя бы в силу стилистической инерции.

Выделение следующих ФП в пределах третьего «действия» не требует детального рассмотрения. Явление Горя-Злочastia в сновидениях, науськивание героя против невесты интерпретируются как *подвох* путем уговоров. *Пособничество* героя *подвоху* очевидно. Было бы странно, если б человек XVII в. не поверил тому, что вещает ему архангел Гавриил.

Здесь мы позволим себе сделать небольшое отступление, чтобы проследить, случайно или нет Горе избрало облик именно Гавриила.

А. М. Панченко предпринял интересную попытку объяснить это перевоплощение связью архангела с благовещеньем Богородицы.⁴² Нам представляется возможным более простое объяснение. Дело в том, что Гавриил в христианской «мифологии», судя по источникам, исполнял обязанности Гермеса — посланца богов. Приносить «благовесты», сообщать волю Иеговы и т. п. — первая обязанность Гавриила. Известный книжник XV в. Ефросин писал о нем: «С(вя)тыи архистратиг Гавриль силы г(оспод)на един есть от великих кн(язь) н(е)б(е)сных воинствъ иж(е) искони б(о)г(о)мъ посылаем на землю все бл(а)го сътворяше ч(е)л(ове)чьскому роду» (ГПБ, Кирилло-Белозерское собр., № 22/1099, л. 2).⁴³ Он являлся пророку Даниилу во сне, а затем и наяву, чтобы научить «разумению» (Кн. пророка Даниила, 8, 16; 9, 21). Особый интерес для нас представляет рассказ из Скитского патерика о схимнике, к которому ночью пришел дьявол в облике Гавриила.⁴⁴ Довольно примечательно также «Слово обличительно на агарянскую прелесть и умыслившего ея сквернаго пса Моамефа» Максима Грека. В нем приводится рассказ, находящийся аналогично в «Хронике Георгия Амартола»,⁴⁵ об «иноке», уверившем жену Моамефа (Магомета) в том, что к ее мужу во время приступов падучей психо-

⁴⁰ О наличии в волшебной сказке мотива запрета похвалы волшебным помощником писал В. Я. Пропп. См.: Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. 2-е изд. Л., 1986. С. 139—140.

⁴¹ Ср. поговорку XVII в.: «Похвала мужу погуба» (Симони П. К. Старинныя сборники русских пословиц. . . С. 132 (№ 1893). Ср. в Повести: «А всегда гнило слово похвальное, похвала живет человеку погуба» (с. 11)).

⁴² См.: Панченко А. М. Повесть о Горь-Злочастии. С. 390.

⁴³ Цит. по: Каган М. Д., Понырко Н. В., Рождественская М. В. Описание сборников XV в. книгописца Ефросина // ТОДРЛ. Л., 1980. Т. 35. С. 10.

⁴⁴ См.: Преображенский В. С. Славяно-русский скитский патерик. Киев. 1909. С. 237—238; см. также изд. этого текста: Древний патерик, изложенный по главам. 2-е изд. М., 1881. С. 300.

⁴⁵ См.: Буланин М. М. Переводы и послания Максима Грека: Невзданные тексты. Л., 1984. С. 74.

дит Гавриил, «открывая ему Божия веления и советы». ⁴⁶ Наконец, в «Жалобной комедии об Адаме и Еве» в качестве посредника между богом-отцом и первыми людьми тоже предстает архангел Гавриил. ⁴⁷ Поэтому проще предположить, что и в Повести он исполняет привычную для него роль посланца, некоего «третьего лица», почему молодец и поверил сну и мнимому Гавриилу. Объяснение же А. М. Панченко, что отвращение от брака имеет следствием потерю детей, а значит, является обратной параллелью рождения Христа, на наш взгляд, слишком сложно. Намек всегда должен быть более или менее прозрачным, чтобы его поняли и оценили.

Пойдя на поводу у Горя-Злочастия, молодец вторично спускает все деньги в кабаке и уходит из так и не достроенного «нового дома» на чужую сторону (*вредительство* в бытовой форме — *недостача* в волшебном средстве — *отправка*).

Теперь обратимся к четвертому «действию» Повести (перевоз). В его границах исчерпывается Второй сюжетный ход и начинается Третий.

Блок дарения во Втором ходе расширен по сравнению с Первым. Состоявшемуся *снабжению* волшебным средством (совет перевозчиков вернуться к родительскому благословию) предшествует негативная *реакция героя на первую функцию дарителя*: перевозчики требуют платы за переправу через реку, а у молодца ничего нет. На получении волшебного средства, представляющего теперь «материальную ценность», Второй сюжетный ход логически завершается, так как получив его, герой должен вернуться домой. С этим функциональным нюансом, превращением волшебного средства в «материальную ценность», ⁴⁸ возможно, связано изменение формы передачи «ума-разума» герою на перевозе. Если раньше молодец должен был сам применять его, чтобы достичь благосостояния, теперь ему надо только возвратиться домой на все готовое.

Но помимо того, что герой общается с перевозчиками, он еще встречается лицом к лицу с Горем-Злочастием, поет «хорошую напевочку». Это заставляет нас выделить *Третий сюжетный ход*.

Схема *Третьего сюжетного хода: пособничество — посредничество* («напевочка») — . . . — {*преследование — спасение*} = {*борьба — победа*}.

Развитие в четвертом «действии» сразу двух линий повествования в сущности является нарушением важного сюжетного принципа волшебной сказки — «хронологической несовместимости двух разных сюжетных линий». Но это нарушение в силу ряда причин (например, литературного влияния) встречается и в оригинальной сказке ⁴⁹ и нас смущать не должно. Тем более что включение Третьего сюжетного хода, даже и в таком усеченном виде, как мы видим в Повести, «морфологически» необходимо.

Хотя анализ еще не завершен, уже видно, что сюжет Повести на уровне ФП ориентирован на порождающую модель волшебной сказки. Причем, судя по всему, ее автор не ориентировался сознательно на сказочный жанр. Влияние его «морфологии», принципов построения сюжета, произошло неосознанно, в силу необходимости упорядочить тот материал, который представляли автору Повести баллады о Горе и молодце. Наиболее компактным, стандартизированным, беллетристичным был сюжет именно волшебной сказки. Законы его «морфологии» и стали теми бессознательными «конструктивными принципами», которыми руководствовался автор, обрабатывая устную балладу.

Если это так, то сюжет Повести не мог обойтись без включения блока «*борьба—победа*» над антагонистом. Но в рамках Второго хода воспроизведение его невозможно. Горе здесь только вредитель, аналогичный

⁴⁶ См.: Сочинения преподобного Максима Грека. Казань, 1859. Ч. 1. С. 88—89.

⁴⁷ См.: Русская драматургия последней четверти XVII и начала XVIII в. / Изд. подгот. О. А. Державина и др. М., 1972. С. 115—137.

⁴⁸ См.: Пропп В. Я. Морфология сказки. С. 44.

⁴⁹ См.: Мелетинский Е. М. и др. Еще раз о проблеме структурного описания волшебной сказки // Труды по знаковым системам. Тарту, 1971. Вып. 5. С. 89.

другу-обманщику из кабака. Сюжет движется по намеченной схеме. Но в сцене перевоза возникает заминка. В наиболее просторном варианте баллады о Горе и молодце, записанном от Кузьмы Романова, сцена перевоза интерпретирована по-иному. Упав-молодец, видя, что его не хотят переправлять бесплатно, решает утопиться. Не желая брать греха на душу, перевозчики перевозят его на тот берег.⁵⁰ В Повести эта сцена развивается в другом направлении. Герой причитает:

«Ино кинусь я, молодец, в быстру реку,
полощь мое тело, быстра река,
ино еште, рыбы, мое тело белое!
Ино лутчи мне жития сего позорного,
уйду ли я, я у горя злочастного».
И в тот час у быстри реки
соча Горе из-за камени. . .⁵¹

(С. 13).

Горе-Злочастие заставляет молодца покориться ему в безвыходном положении (*подвох* путем уговоров — *пособничество*). ФП *вредительства* не включается. В ней нет надобности. Горе уже разорило молодца, да и жизнь по законам, которые формулирует оно в своих монологах, как раз доведет до петли. Оно ведь «научает молотца богато жить, убить и ограбить, чтобы молотца за то повесили или с камнем в воду посадили» (с. 16). И вот тогда-то молодец и «запел . . . хорошую напевочку от великаго крепкаго разума» (с. 14). «Услышали перевозчики молодецкую напевочку, перевезли молотца за быстру реку. . .» (с. 15). Налицо ФП *посредничества*, причем в своей специфической разновидности — пении жалобной песни (*посредничество* № 7.);⁵² таким образом беда сообщалась. ФП амплифицировалась с ФП активной *реакции* героя на *первую функцию дарителя*, включенную во Втором ходе. Две линии сюжета соединились. Далее он развивается в рамках Второго хода: перевозчики советуют идти за родительским благословением, герой отправляется домой (*снабжение волшебным средством — возвращение*). Второй сюжетный ход на этом заканчивается.

Снова появляется Горе. Начинается погоня, «морфологическим» субстратом которой является пара ФП «*преследование—спасение*», заменяющая в данном случае блок ФП «*борьба—победа*» над антагонистом.

Отождествление погони с блоком «*борьба—победа*» не противоречит сказочной сюжетности. Оно характерно для сказок на указанный выше сюжет «Мальчик и ведьма». То же мы встречаем и в сказке «Ведьма и солнцева сестра»,⁵³ где блок «*борьба—победа*» вытекает из погони и в принципе может рассматриваться как последняя фаза преследования, так как в результате взвешивания на весах (см. у В. Я. Проппа: ФП *борьбы* № 4 — *победы* № 4⁵⁴) брат запрыгивает в терем к солнцевой сестре, а такая концовка больше соответствует ФП *спасения*, чем *победы*.

Погоня кончается тем, что молодец вспоминает «спасенный путь» и укрывается в монастыре (по классификации В. Я. Проппа — *спасение*: герой во время бегства прячется⁵⁵). На этом заканчивается Третий сюжетный ход.

⁵⁰ Песни, собранные П. Н. Рыбниковым / Под ред. А. Е. Грузинского. 2-е изд. М., 1909. Т. 1. № 48. С. 307—314.

⁵¹ Возможно, перед нами важнейший атрибут сказочного мотива запродажки — появление антагониста после произнесения его имени (ср. сюжет «Хитрая наука»). См.: Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. С. 85—88, 103—106.

⁵² Пропп В. Я. Морфология сказки. С. 39. — Примером могут служить сказки на сюжет «Мальчик (Ивась, Жихарко, Лутонюшка) и ведьма» (Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка. Л., 1979. № 327. С. F.).

⁵³ Афанасьев А. Н. Народные русские сказки: В 3 т. М., 1958. Т. 1. № 98.

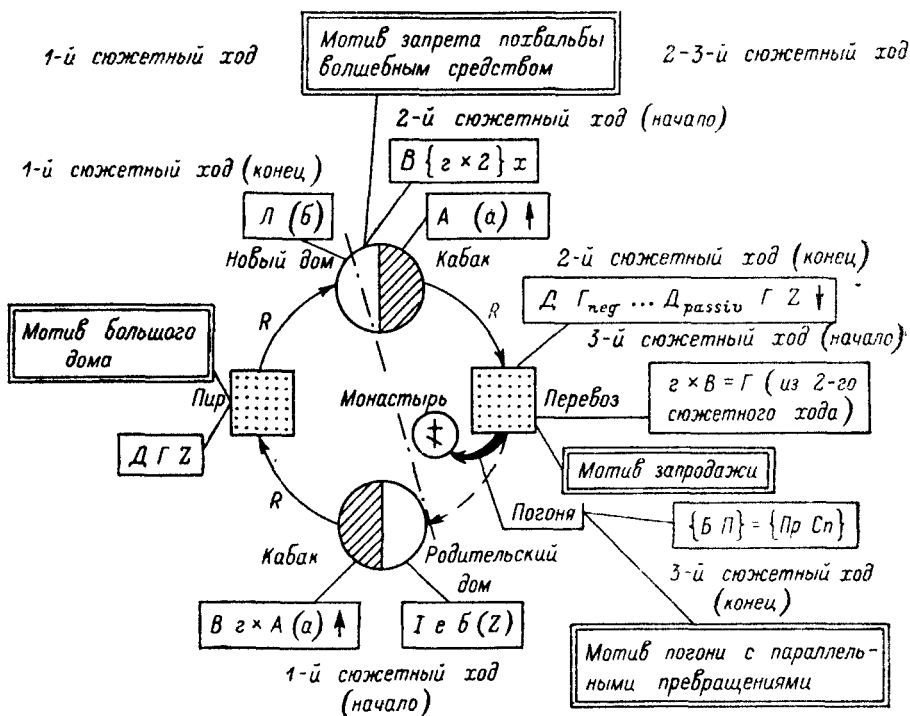
⁵⁴ Пропп В. Я. Морфология сказки. С. 50.

⁵⁵ Там же. С. 54. — В Повести в сцене погони функциональное наслоние: ФП Сп4/6.

Итак, общая функциональная схема Повести будет такой.

Первый сюжетный ход: исходная ситуация — отлучка героя «по делам» — наложение запрета и передача волшебного средства — нарушение запрета — подвох — пособничество — вредительство и недостача в волшебном средстве — отправка — первая функция дарителя — реакция героя — снабжение волшебным средством — перемещение — ликвидация недостачи.

Второй сюжетный ход: нарушение запрета — подвох — пособничество — вредительство и недостача в волшебном средстве — отправка — первая функция дарителя — реакция героя (негативная). . .

Третий сюжетный ход: подвох — пособничество — посредничество — активная реакция героя на первую пассивную функцию дарителя во втором сюжетном ходе. . .

Второй сюжетный ход: . . . пассивная первая функция дарителя — снабжение волшебным средством — возвращение.

Третий сюжетный ход: . . . {преследование — спасение} {борьба — победа} (см. схему).

Итак, мы приходим к выводу о том, что все обязательные закономерности уровня ФП сюжета волшебной сказки действуют в Повести: функции персонажей могут трактоваться как сказочные, важно, что они принципиально могут отождествляться со сказочными: порядок ФП нигде не перепутан: в сюжете Повести присутствуют блоки *дарения* и *«борьбы—победы»*.

Отметим также, что в Повести обнаруживаются следы нескольких сказочных мотивов. Об одном из них (запрет похвалябы волшебным средством) мы выше писали. Укажем теперь и на следы другого мотива. Обратим внимание на атрибуты дома, где идет пир:

Пошел он на чужу страну, далну, незнаему,
нашел двор, что град стоит,
изба на дворе, что высок терем,
а в избе идет велик пир почестен. . .

Проще говоря, молодец набрел на большой дом, стоящий на широком дворе, обнесенном частоколом (так следует толковать выражение «двор, что град стоит»). Эти атрибуты характерны для сказочного мотива «большого дома».⁵⁶ В этом доме, где живет даритель, героя первым делом кормят (т. е. возможна аллюзия пира в Повести) и далее учат всевозможным хитростям (этот мотив присущ ряду сказок сюжета «Хитрая наука»). Как видим, между «почетным пиром» и мотивом «большого дома» намечается не только функциональная, но и повествовательная связь.

Описание погони в Повести генетически связано с тождественными эпизодами песен о Горе. Между тем в том, как мотив этот реализуется в нашем произведении, обнаруживается одна важная особенность, придающая погоне сказочную направленность. Только в одной нам известной песне о Горе и молодце мы нашли фрагментарное указание на то, что бегство вызвано страхом перед неминуемой гибелью, которую несет Горе.⁵⁷ В большинстве же фольклорных вариантов Горе скорее навязчиво преследует героя или героиню, не угрожая смертью. Во всяком случае оно не выступает как орудие смерти.⁵⁸

Иное мы наблюдаем в Повести. Установка на неминуемую смерть молодца, смерть физическую, достаточно отчетлива. Горе ерничает, каждый раз настигая героя:

Быть тебе, травонка, посеченой,
лежать тебе, травонка, посеченой
и буйны ветры быть тебе развееной.⁵⁹

(С. 16).

Быть тебе, рыбонке, у бережку уловленной,
быть тебе да и съеденой,
умереть будет напрасною смертью.

(С. 16).

И наконец, более всего смертельная опасность выступает, когда та же погоня продолжается в антропоморфном облике:

Молодец пошел пеш дорогою,
а Горе под руку под правую,
научает молотца богато жить,
убити и ограбить,
чтобы молотца за то повесили
или с камнем в воду посадили.⁶⁰

(С. 16).

Та же установка на смерть преследуемого характерна для погони в сюжете «Хитрая наука».⁶¹ Кроме того, по вариантам русских сказок на этот

⁵⁶ См.: П р о п ц В. Я. Исторические корни волшебной сказки. С. 112—165.

⁵⁷ См.: Б е р е ж к о в М. Еще несколько образцов народных исторических песен, записанных во Владимирской губернии. Нежин, 1885. С. 22—23.

⁵⁸ Именно такой, в определенной мере «игровой», характер погони, видимо, присущ народным песням, причем не только русским. См.: В е с е л о в с к и й А. Н. Разыскания. . . Гл. 6. Духовные сюжеты в литературе и народной поэзии румын // СОРЯС. СПб., 1883. Т. 32, № 4. С. 67—78, 430—432.

⁵⁹ Для поэтического стиля Древней Руси характерна связь образа ковыль-травы со смертью. См.: А д р и а н о в а - П е р е т ц В. П. Очерки поэтического стиля древней Руси. М.; Л., 1947. С. 54—55.

⁶⁰ Эта авторская ремарка кроме прочих соображений побудила А. В. Маркова сопоставить Повесть с «Прением живота со смертью». См.: М а р к о в А. В. Повесть о Горе-Злочастии. Образ Горя // Живая старина. СПб., 1913. Вып. 1—2. С. 17—24.

⁶¹ На параллель между погонями в Повести и в сюжете «Хитрая наука» обратил внимание еще Н. И. Петров. См.: П е т р о в Н. И. Южно-русские легенды // Труды Киевской духовной академии. Киев, 1877. № 3. С. 556—557. Эта параллель подкрепляется наличием в Повести и основного атрибута мотива запродажки (см. примеч. 45). Сказочный мотив погони с параллельными превращениями архаичен. И хотя в русском фольклоре он присущ, по всей видимости, только сюжету «Хитрая наука», интересная параллель к нему находится в византийской легенде о св. Сисинии и Сисинодоре: М а н с в е т о в И. Д. Византийский материал для сказания о двенадцати трысовцах. М., 1881. С. 9—11; В е с е л о в с к и й А. Н. Разыскания. . . Гл. 6. С. 43.

сюжет встречаются подобные Повести и песням о Горе нары превращений: собака (молодец)—волк (Ох), белый лебедь—ясный сокол,⁶² ворона—коршун,⁶³ сокол—«воронья»,⁶⁴ белый лебедь—коршун⁶⁵ и др.

Мы не утверждаем, что имеем дело с заимствованными Повестью мотивами волшебной сказки. Как видно из анализа, аналогичны не мотивы, а их атрибуты, их важнейшие свойства.

В Повести нет ни сказочной топики, ни сказочных формул, ни привычных ей имен персонажей. Единственное, что здесь от сказки, — это «морфология» сюжета. Атрибуты же мотивов, характерных для волшебной сказки, «всплыли» в сюжете (а значит, и в художественном сознании автора Повести) благодаря тесной связи «морфологии» сюжета и его «лексики». Нам представляется возможной аналогия с языком. Если снабдить бессмысленные звуковые комплексы аффиксами естественного языка и построить синтаксически правильное высказывание (ср. знаменитую фразу Л. В. Щербы: «Глокая куздра. . .» и т. д.), возникает текст, отличающийся от обычной абракадабры. Грамматическая семантика будет подсказывать лексическую. На наш взгляд, явление того же порядка можно наблюдать и в текстах—«не-волшебных-сказках», в которых сюжет ориентируется на порождающую их модель.

Очевидно, что наличие сказочных элементов в Повести подтверждает ее литературный характер, но литературность эта, если можно так выразиться, не вполне полноценная. Творческой личности автора чужда идея стилизации «под фольклор», но создать действительно литературное произведение, осознать его причастность к традиции именно литературной эта личность не может. Повесть говорит на «диалекте» фольклора, но так, словно это уже «литературный язык». Поэтому не столь уж неправ был А. Н. Пышин, видевший в ней народную песню, внесенную в сборник, снабженную здесь книжным заголовком, нравоучительным введением и молитвенной концовкой.⁶⁶

Автор Повести «не умеет» писать как книжник, поэтому творение его в большей мере стилизация «под литературу», чем действительно «литература».

Ориентация на сказочную сюжеттику значительной части произведений древнерусской беллетристики давно уже признана.⁶⁷ «Повесть о Петре и Февронии», «Повесть о Еруслане», «Повесть о царице и львице», «Повесть об Иуде Предателе» и другие памятники — подтверждение тому.

Но Повесть — это случай особый. Перед нами произведение, тесно связанное с фольклорной поэзией (былиной, балладой, духовным стихом, лирической песней). Элементы сказки не могли появиться в ней по аналогии с каким-то произведением. Выявленные нами особенности сюжета Повести, безусловно, являются знаком литературности, отразившейся не столько в тексте, в его материале (здесь явное первенство народнопоэтического творчества, если рассматривать в отдельности все его проявления), сколько в том, как эти проявления соединились в стройную художественную систему, в формировании которой и сыграли важную роль принципы построения сюжета волшебной сказки.

⁶² Афанасьев А. Н. Народные русские сказки. Т. 2. № 251.

⁶³ Верхнеленские сказки: Сб. М. К. Азадовского. Иркутск, 1938. № 25.

⁶⁴ Волжский фольклор / Сост. В. М. Сидельников и В. Ю. Крупицкая. М., 1937. № 4.

⁶⁵ Сказки и песни Вологодской области / Сост. С. И. Минц и Н. И. Савушкина. Рогогда, 1955. № 10.

⁶⁶ Пышин А. Н. 1) История русской литературы. 2-е изд. СПб., 1898. Т. 2 С. 547—549; 2) То же. 1902. Т. 3. С. 44.

⁶⁷ См., например: Веселовский А. Н. Новые отношения Муромской легенды и саги о Рагнаре Лодбroke // ЖМНП. СПб., 1871. № 4. С. 95—142; Скрипиль М. О. Повесть о Петре и Февронии Муромских в ее отношении к русской сказке // ТОДРЛ. М.; Л., 1949. Т. 7. С. 131—167 и др.

Л. И. САЗОНОВА

Евфимий Чудовский — новое имя в русской поэзии XVII в.

Становление и развитие русской силлабической поэзии в XVII в. связано прежде всего с именами Симеона Полоцкого, его ученика Сильвестра Медведева, Кариона Истомина, с наследием новоиерусалимских стихотворцев, самым заметным из которых был мастер акrostиха Герман. От той поры сохранилось огромное богатство текстов силлабического стихотворства, свидетельствующее о повальном увлечении новым вошедшим в моду видом творчества. В силлабике упражнялись и царь Федор Алексеевич, переложивший стихами по примеру своего учителя Симеона Полоцкого псалмы (132-й и 145-й), и его сестра царевна Софья, сочинившая вирши к портрету князя В. В. Голицына. Но далеко не всех поэтов того времени мы знаем по именам. А иногда кроме имен, сохраненных акrostихами, ничего неизвестно. Тем больший интерес представляет для истории русской культуры поэтическое творчество такого незаурядного деятеля, каким был Евфимий Чудовский.¹ Причастность к силлабическому стихотворству характеризует его с новой и, казалось бы, неожиданной стороны.²

Евфимий (ум. в 1705 г.) — инок московского Чудова монастыря, ученик, друг и душеприказчик бывшего профессора Киево-Могилянской коллегии Епифания Славинецкого, служил начиная с 1652 г. справщиком на Печатном дворе. Под руководством своего учителя митрополита Сарского и Подонского Павла принимал участие в комиссии по пересмотру и исправлению церковнославянского перевода Библии, перевел с греческого языка большой корпус сочинений византийской и восточно-христианской патристики, среди них творения Василия Великого, Иоанна Златоуста, Григория Неокесарийского, Григория Назианзина, Григория Нисского, Афанасия Александрийского, Дионисия Ареопагита, Исаака Сирина, Феодора Студийского, Ефрема Сирина и др. Евфимию принадлежит перевод «Кормчей» (особой редакции) — памятника средневекового правового сознания. Он занимался также редактированием старых и новых переводов с греческого языка. Правку книг Евфимий проводил с позиций реформированной Никоном церкви. Начиная с конца 70-х гг. и до последнего дня своей жизни он был всецело поглощен ожесточенной полемикой по конфессиональным вопросам с представителями западноевропейской ориентации в русской культуре. Евфимий спорил с Симеоном Полоцким и Сильвестром Медведевым, Андреем Белобоцким и Гавриилом Домецким, с русскими католиками Петром Артемьевым и Григорием Скибин-

¹ Сведения о жизни и творчестве Евфимия, извлеченные из опубликованных материалов, наиболее полно собраны и систематизированы в следующей работе: Ф л о р о в с к и й А. Чудовский инок Евфимий: Один из последних поборников греческого учения в Москве в конце XVII в. // *Slavia*. 1949. R. 19, seš. 1—2. S. 100—152.

² Первые упоминания о том, что Евфимий не чууждался стихотворства, появились еще в середине прошлого века (см.: Г о р с к и й А. В., Н е в о с т р у е в К. И. Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. М., 1859. Отд. 2, ч. 2. С. 493—495, 498, 596), но эта сторона его деятельности оставалась вне поле зрения исследователей.

ским. Он принадлежал к тому направлению в московской книжности, для которого была характерна приверженность традициям греческой православной культуры. Его мировоззрение формировалось в русле эллино-славянской учености, сторонниками которой были в Москве Епифаний Славинецкий, патриархи Никон и Иоаким, приехавшие сюда в 1685 г. из Италии греки братья Лихуды, а также их ученики и помощники Евфимия Федор Поликарпов и Николай Семенов.

Идеологическое размежевание, на котором настаивал Евфимий в спорах с так называемыми латинствующими, не помешало ему, однако, разделить их литературные пристрастия. Вместе с ними он принял участие в общем литературном деле — создании национальной книжной поэзии. А. Флоровский, знакомый с наследием Евфимия-поэта фрагментарно (по двум-трем стихотворениям, упоминавшимся в печати), пронизательно заметил: «Инок Евфимий не конкурировал с ними (т. е. с Симеоном Полоцким и его последователями. — Л. С.) в писании „красоогласных“ творений<...> Но все же он оставил некоторое количество стихотворных текстов в духе, так характерном для эпохи перехода московской литературной традиции под западным влиянием на новые колеи культурного развития».³ Предпосылкой известной литературной общности служила единая культурная среда, в которой происходило творческое общение писателей. Хорошо известно, что с переселением в Москву с Украины и из Белоруссии ученых монахов-книжников Епифания Славинецкого и Симеона Полоцкого здесь сложилась в последней трети XVII в. «литературная община со всеми признаками корпоративности. Это поистине нечто вроде писательского кружка, члены которого были тесно связаны друг с другом приятельскими и служебными отношениями, враждой или дружбой, материально и профессионально».⁴ Евфимия ввел в эту литературную среду Епифаний. Способный, трудолюбивый и преданный воззрениям учителя, Евфимий не только унаследовал от него приверженность так называемому грекофильству, но и получил некоторые представления о нарождавшейся в России силлабической поэтической культуре. «Стихи по мере» Епифания Славинецкого могли быть восприняты им как первые опыты в этом виде творчества.

Евфимий имел знакомство с Симеоном Полоцким, основоположником регулярной книжной поэзии, активно внедрявшим стихи в московский быт. Их литературные отношения, характеризующиеся глубокими идейно-эстетическими разногласиями, представляют интересный историко-культурный факт.⁵ В свое время, очевидно, имея в виду нападки Евфимия на еще не вышедшую в свет «Псалтирь рифмотворную», Симеон ответил ему стихотворением «К гаждателю», которым завершается издание книги 1680 г.: нарицательное имя Зоила метило в Евфимия. Может быть, и поэтому в дальнейшем полемический темперамент Евфимия нашел выход именно в стихотворной форме. На сборник проповедей Симеона «Обед душевный» (издан в 1681 г.) он откликнулся едкой эпиграммой:

Новосоставленная книга сия Обед
подвлагает снедь, полну душегубительных бед.⁶

Впервые двустихие напечатал И. А. Шляпкин, но без указания имени автора.⁷ Существует еще один вариант этой эпigramмы, ранее не публиковавшийся:

³ Флоровский А. Чудовский инок Евфимий. . . С. 91.

⁴ Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII века. Л., 1973. С. 116.

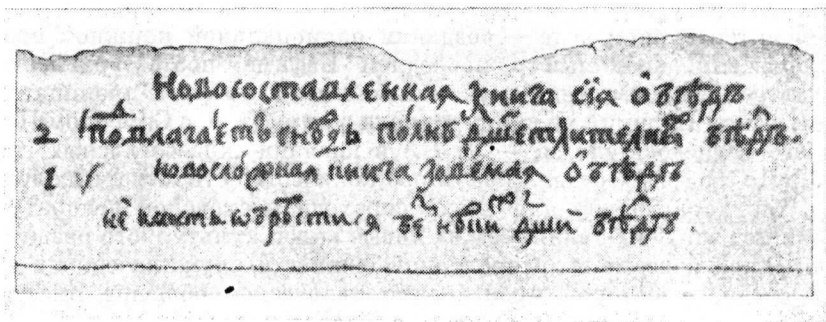
⁵ Подробно см.: Браиловский С. Отношения чудовского инока Евфимия к Симеоноу Полоцкому и Сильвестру Медведеву: (Страничка из истории просвещения в XVII столетии) // Рус. филол. вестн. Варшава, 1889. Т. 22. С. 262—290.

⁶ ГИМ, Синодальное (далее — Син.) собр., № 369, л. 8.

⁷ См.: Шляпки И. А. Св. Дмитрий Ростовский и его время (1651—1709). СПб., 1891. С. 139.

Новосложная книга, зовемая Обед,
не имат обрестися без неких души бед.

Примечательно, что в обоих вариантах автор сохранил пародийную рифму «Обед—бед».⁸ Вообще Евфимий любил «пострелять стрелами сущими от чернила».⁹ Эпиграмматические обличения Симеона Полоцкого и Евфимия представляют собой исключительной важности литературный факт. Они знаменуют начало возникновения собственно литературной

Эпиграммы Евфимия на «Обед душевный» Симеона Полоцкого. ГИМ, Синадальное собр., № 369, л. 8.

стихотворной полемики, сопутствовавшей в дальнейшем всей истории новой русской литературы.

Евфимий-поэт принадлежал поколению силлабиков, шедшему вслед за Епифанием Славинецким и Симеоном Полоцким. Он слагал стихи в конце 70-х¹⁰—80-х гг., когда в поэзии о себе заявили Сильвестр Медведев, Карион Истомин, Мардарий Хоньков (известен как автор стихов к гравюрам Библии Николая Пискатора). Личные и творческие отношения Евфимия с Сильвестром сложились драматично. Соединявшее их поначалу дружеское расположение (об этом можно судить по письмам Сильвестра Евфимию от 1672 г.¹¹) погибло в пламени «сицилийского огня», разгоревшегося в середине 80-х гг. XVII в. вокруг догматического вопроса о времени пресуществления святых даров. В борьбе против Сильвестра Евфимий объединился с братьями Лихудами. Теологический спор сопровождался острой литературной полемикой. Интересно, что в «Манну хлеба животного» — сочинение, направленное против Евфимия, — Сильвестр включил стихотворные вставки. Сотрудничество Евфимия с Карионом Истоминным началось в 1676 г., когда им пришлось вместе заниматься делами по духовным завещаниям митрополита Павла и Епифания Славинецкого. Евфимий был деятельным исполнителем поручений Иоакима,

⁸ Критика некоторых положений «Обеда душевного» содержится в сочинении Евфимия «На силлогизмы латинския» (см.: БАН, 16.14.24, л. 729).

⁹ Выражение Евфимия из вступления к книге «Остен»: «... Остном прободай и Мечом поседай: овья же издадеча постреляя стрелами сущими от чернила» (ГИМ, Синад. собр., № 545, л. 4). Источником метафоры является, по-видимому, цитируемое Евфимием рассуждение Григория Назианзина о Василии Великом: «... многу еретиков отражает дерзость: издадеча стреляя стрелами от чернила... вооружився Великий Василий на еретикы... далече же сущия стрелявши, посылая к ним, яко стрелы, писания, и сими тыя узвляше» (ГИМ, Синад. собр., № 396, л. 71 об.).

¹⁰ Из стихов Евфимия, поддающихся точной датировке, ранее относятся к 1678 г., когда было написано трехстишие по случаю назначения чудовского архимандрита Павла митрополитом Сибирским и Тобольским (хиротонисан 24 июля 1678 г.; см.: Строев П. Списки иерархов и настоятелей монастырей российской церкви. СПб., 1877. Стб. 317).

¹¹ См.: Письма Сильвестра Медведева / Сообщ. С. Н. Браиловского. СПб., 1901. С. 4, 9—10.

у которого Карион Истомина состоял личным секретарем. Конец 70-х — 80-е гг. — период, когда Евфимий, Сильвестр, Карион и Мардарий были сослуживцами по Печатному двору.

В среде московской писательской интеллигенции постоянный характер приобрел широкий обмен еще не опубликованными сочинениями.¹² Особенно интересно то, что писатели переписывали произведения друг друга. Сильвестр Медведев, как известно, находился в тесном контакте с Симеоном Полоцким, редактировал его, а также заимствовал у него целые куски для своих сочинений: например, в «Манне хлеба животного» он поместил стихотворение («Древле сицев обычай в христианах бяше»), из 32 строк которого 26 принадлежат Симеону.¹³ Евфимия Чудовского, сочинившего несколько стихов в популярном у русских силлабиков жанре надписи, заинтересовало стихотворение Симеона «Подписание на колокол» Симона монастыря (входит в состав «Вертограда многоцветного»), и он переписал его,¹⁴ так же как и стихотворение Кариона Истомина о мудрости.¹⁵ В автографе Евфимия известно также Слово на смерть митрополита Сарского и Подонского Павла, автором которого является Симеон Полоцкий (Слово вошло в сборник проповедей «Вечеря душевная»). Этот список сохранился в бумагах Кариона Истомина.¹⁶ На том же листе рукописи, где заканчивается текст Слова, находится стихотворная эпитафия Павлу (написана неуставленным почерком),¹⁷ авторство которой приписывается то Евфимию, то Епифанию Славинецкому.¹⁸ Разрешить вопрос помогает, как кажется, следующий факт. Из 14 строк эпитафии четыре (1, 2-я и 5-я, 6-я: «Отец сирот, вдовиц же и нищих питатель / мудролюбцев церковных и странных приятель / . . . Павел митрополит zde своя вложи кости / душу же преотложи в вечныя радости») близки к одному из пяти вариантов эпитафии Павлу, принадлежащих перу Симеона Полоцкого: «Зде лежит сирих отец и нищих питатель / странных книжных церковных в дом свой призыватель. / Зде Павел митрополит положил си кости / ты, Христе, всели душу в вечныя радости».¹⁹ Сопоставление текстов делает факт литературного заимствования очевидным. Эпитафии были сложены Симеоном, по всей вероятности, тогда же, когда и Слово на смерть Павла, датированное автором 10 ноября 1675 г. («scripsi 1675 novemb. 10»)²⁰ Епифаний Славинецкий умер 19 ноября того же года. Это обстоятельство, а также отмеченный ранее интерес Евфимия к надгробному слову Павлу и прямое соседство этого сочинения с эпитафией, носящей следы заимствования у Симеона, позволяют считать, что автором четырнадцатистрочной эпитафии является именно Евфимий, а не Епифаний Славинецкий. Перед нами, таким образом, еще один факт литературных контактов Евфимия с Симеоном Полоцким. Отталкиваясь от симеоновских стихов, Евфимий

¹² См.: Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII века. С. 129.

¹³ Ср. текст стихотворения Симеона Полоцкого в составе «Вертограда многоцветного» (ГИМ, Син. собр., № 288, л. 593 об.) с публикацией «Манны» в кн.: П р о з о р о в с к и й А. Сильвестр Медведев: (Его жизнь и деятельность). М., 1896. С. 525.

¹⁴ Ср. текст в записи Евфимия (ГИМ, Син. собр., № 369, л. 7) со списками стихотворения в «Вертограде» (ГИМ, Син. собр., № 288, л. 593; Бан П I А 54, л. 614).

¹⁵ ГИМ, Чудовское (далее — Чуд.) собр., № 302, л. 178.

¹⁶ ГИМ, Чуд. собр., № 301, л. 80—91. — Существующее в ряде работ мнение, что текст надгробного Слова Павлу переписан Карионом Истоминым, ошибочно. В этой же рукописи в автографе Евфимия имеется сочинение «О дни святых пасхи» (л. 106 об.—116 об.).

¹⁷ ГИМ, Чуд. собр., № 301, л. 91; см. также другие списки конца XVII в. с параллельным текстом эпитафии на славянском и греческом языках: ГИМ, Син. собр., № 716, л. 86 об.—87; № 483, л. 853.

¹⁸ См.: Описание рукописей Синодального собрания (не вошедших в описание А. В. Горского и К. И. Невоструева) / Сост. Т. Н. Протасьева. М., 1973. Ч. 2. С. 84. — Здесь эпитафия представлена как сочинение Епифания Славинецкого. В рукописи первой четверти XVIII в. (БАН, собр. Археограф. комис., № 100) эпитафия приводится с пометой «творение отпа Евфимия».

¹⁹ ГИМ, Син. собр., № 659, л. 280 об.

²⁰ ГИМ, Син. собр., № 657, л. 632.

написал эпитафию Павлу, а затем перевел ее на греческий язык. Параллельно на греческом и славянском языках сложены его стихи на смерть Епифания Славинецкого.

Среда любителей поэзии, составлявшая окружение Евфимия, в определенной мере обусловила его увлечение стихотворством. В отличие от Симеона Полоцкого, Сильвестра Медведева, Кариона Истомина, последовательно сменявших друг друга в роли придворных поэтов, Евфимий такого положения не занимал.²¹ И может быть, поэтому не ставил перед собой музой тех высоких государственно-политических, панегирических и просветительских задач, какие отличают творчество названных его современников. Поэзия его носит более частный характер. Импульсами для нее служили как традиционные темы средневековой христианской литературы, одновременно присущие и барокко (*Memento mori*, *Vanitas*), так и непосредственные впечатления от событий, свидетелем которых был Евфимий. Но даже в таких пределах поэзия его сопоставима с поэтическим творчеством Симеона, Сильвестра и Кариона. У всех этих писателей наблюдается ряд сходных мировоззренческих, тематических, жанровых и стилистических признаков.

Лирику Евфимия окрашивают по преимуществу яркие медитативные и дидактические тенденции. В стихах его разрабатываются характерные для поэзии современников и западноевропейских лириков барокко темы: жизнь человека отдана во власть скоротечности и непостоянства, в изменчивом мире шатко, неустойчиво его положение. Вместе с сетованиями на эфемерность земного существования в стихи входит мотив *Memento mori* и сопутствующий ему символ «орологий» (часы), неумолимо отсчитывающий время человеческой жизни. В образе крылатого времени Симеон Полоцкий передавал трагическое ощущение его безвозвратного ухода. О неустанном, безостановочном ходе часов писал Карион Истомин: «Во дни, в нощи часы ходят, / свое время в коло водят» («Полис», 1694).²² Истечение времени поэты изображают, показывая его разрушительную силу, под воздействием которой юность сменяется старостью, жизнь — смертью, богатство истлевает, а слава превращается в прах. О живом интересе Евфимия к теме призрачности бытия человека свидетельствует переведенное им стихотворение Григория Назианзина «О житии человечестем».²³ Жизнь уподобляется в нем вращающемуся колесу, символизирующему переменчивость судьбы и мимолетность дней, — «малое сие и многовращное житие». Этот художественный образ как нельзя более точно соответствовал мирозерцанию русских людей «бунташного века». Карион Истомин записывает сентенцию: «Житие мира сего, аки колесо».²⁴ Составитель литературного сборника конца XVII в. включает в него цитату из «Гласа последнего» Симеона Полоцкого: «Ничто не вращно в мире пребывает, / непостоянства коло вся вращает».²⁵ В анонимной поэме, написанной под впечатлением дворцового переворота 1689 г., падение од-

²¹ В отличие от своего учителя Епифания Славинецкого и Симеона Полоцкого, получавших от царя щедрые гонорары за литературные труды, Евфимий имел только «государское жалование от выходов» и не составил себе состояния. В духовном завещании он писал, что у него нет «какова великаго имения и богатства от злата и сребра или иных вещей, кроме книг греколатинских, их же болшая часть и то от стяжания игумена Сергия Печатнаго двора прешедшим ко мне. . . И что у меня было по се время всяких книг, и купленных и денег и иных вещей, и то все роздано, куда что пристойно дати, сам своими руками пзнувир. А посуду серебряну у меня пет ничево, токмо осталоя самое малейшее число денег на погребение и на сорокоуст и на помяновение» (ГПБ, собр. Погодина, № 1963, л. 175—176, писцовый список).

²² ГИМ, Чуд. собр., № 302, л. 18 об.

²³ Евфимий высоко ценил лирику Григория Назианзина. В рукописи ГИМ, Син. собр., № 48 находится выполненный им подстрочный перевод еще одного стихотворения («песни») византийского поэта. Текст (автограф) написан на листе, подклеенном к л. 236; ему предшествует указание на источник: «Наззианзини Carmin. 205: С.».

²⁴ ГИМ, Чуд. собр., № 302, л. 40 об.

²⁵ ГИМ, собр. Щукина, № 1173, л. 47 об.; ср.: Син. собр., № 287, л. 528.

них и возвышение других обобщено в том же образе: «К тому присмотрися / Всяк и вразумися, / Что и в наша лета / Коло сего света / Показа. . .».²⁶ Медитация Григория Назианзина завершается литературным образом, изобретенным еще античными поэтами и подхваченным лириками барокко: жизнь — «токмо дым или сон, или цвет травы».

Бесконечно варьируя мотивы призрачности бытия и неизбежности смерти, русские поэты барокко вовсе не имели в виду внушить человеку страх перед смертью, и в этом отношении их творчество отличается от произведений западноевропейского барокко с присущей ему концентрацией ужасов и жестокости. Напротив, они стремились избавить человека от метафизического страха перед смертью, побуждая его обратить помыслы к высоким духовным ценностям, открывающим путь в «рай светловечный». Будущее, обретаемое человеком, зависит от его земного бытия. И Евфимий классифицирует в стихах жизненные ценности именно с точки зрения открываемых ими перспектив. Преходящим, «яко сень», «сладостям» жизни противопоставляются традиционные христианские идеалы. Читателю даются наставления, которые при всей их простоте организуют мир человека в том же направлении, что и дидактическая поэзия Симеона Полоцкого и Кариона Истомина. Обличаются честолюбие, тщеславие, стяжательство. Размышляя о бессельности богатства, ненужного человеку после смерти, о тщете погони за золотым тельцом, поэт продолжает развивать тему *Vanitas*. В стихотворные поучения исподволь влетают социальные мотивы. В одном из двустиший подчеркнута социальная несправедливость: «Егда кии властеле начнут богатети, / тогда тех подвластныя вся будут скудети». Текст этот близок к польскому двустишию, записанному Евфимием в той же рукописи: «Kedy obfituia panowe / tedy ubozuia chłorowe». Выдвигая в стихах традиционно-христианские требования «нищелюбия» и «милостыни», Евфимий вспоминает ветхозаветного Товита, евангельскую притчу о богатом и Лазаре, Христа, а также Иоанна Милостивого, александрийского архиепископа VII в., прославившегося подвигами человеколюбия. Дидактическо-правоучительный парафраз Евфимий написал также на евангельский текст «Взалках бо, и дасте мне ясти. . .» (Матфей, 25, 35—36).

В поэзии Евфимия запечатлелось его живое прикосновение к жизни. В стихотворении «На расколники. . .» поэт яростно обличает движение «раскола», в идеологии которого он видел лишь отступление от «правдописания» (православного учения), «лживые басни», а к самим старообрядцам Евфимий применил развернутый метафорический образ волков, раздирающих «единство тела церкви». Таким образом, позиция Евфимия в этом вопросе полностью совпадала со взглядами Симеона Полоцкого, Сильвестра Медведева, Кариона Истомина. Событиям, связанным с восстанием 1682 г., Сильвестр и Карион посвятили специальные стихотворения, в которых они «обращались с воззваниями к „российскому народу“ следовать своим пастырям», «совместили понятия „раскола“ и „мятежа“. . .».²⁷ По всей видимости, под свежим впечатлением от тех же событий и было написано стихотворение Евфимия.

Поводом для стихотворения «На звезду великую. . .» послужило поразившее воображение поэта явление кометы 15 декабря 1680 г. Внимание к небесным знамениям, типичное для средневековья, приобрело в России в XVII в. характер моды, распространившейся в высшем феодальном обществе, как светском, так и церковном. Аввакум резко осуждал приверженность «зодийщиков» «внешней мудрости». Евфимий, несомненно, имел представление о предмете астрологии. Учитель его Елифангий Славинец-

²⁶ Цит по: Панченко А. М. Стихотворный отклик на свержение царевны Софьи // Памятники культуры. Новые открытия: Ежегодник 1974. М., 1975. С. 88.

²⁷ Робинсон А. Н. Борьба идей в русской литературе XVII века. М., 1974. С. 245.

кий в соавторстве с Симеоном Полоцким, по версии П. Н. Крекшина, написал стихи с астрологическим содержанием на рождение Петра I.²⁸ Евфимий признает влияние кометы на жизнь людей как проявление божественной воли, и стихотворение его входит в круг астрономо-астрологических сочинений, столь характерных для его эпохи.

Стихотворение «На десять заповедей. . .» предназначалось, по-видимому, для предполагавшегося издания «Скрижали»; инициаторами его Евфимий называет царя Федора Алексеевича и патриарха Иоакима. Однако кроме «Скрижали», выпущенной Печатным двором в 1656 г. (при царе Алексее Михайловиче и патриархе Никоне), другого издания книги в XVII в. не последовало.

К панегирическому жанру относится стихотворение Евфимия «Велик воегонитель Стратилат Феодор», написанное в честь царя Федора Алексеевича. Автор использовал, так же как поэт Герман («Федор славный воевода») и Симеон Полоцкий («Песня о святом Феодоре Стратилате»), форму тезоименитого приветствия: прославление патрона царя — великомученика Феодора Стратилата, почитавшегося как змеборца и идолоборца, — переходит в славословие прямому адресату.

В творчестве Евфимия представлен также жанр стихотворной надписи, который настойчиво культивировали Симеон Полоцкий и поэты его круга, стремясь внедрить поэзию в обиход. Разного объема стихи Евфимия (преимущественно двустипий) предназначались в качестве подписей к изображениям в храме и на иконах.

Евфимий владел техникой акростиха, получившего распространение в русской поэзии XVII в. Наличие акростиха поэт раскрывает сам, последовательно выписывая рядом с текстом стихотворения первые буквы каждого стиха, из которых образуется вертикальная колонка акростишной фразы. Она содержит имя автора или обращение к адресату. Введение в акростих имени Евфимия, состоящего из нечетного числа букв, создавало затруднения в пользовании парной рифмой. И поэтому, чтобы выдержать принцип «двострочного согласия», поэт придал акростишной подписи гречизированную форму «Евфимиос» (восемь букв). В другом случае он включил подпись «Евфимий» (семь букв) в акростих шестистрочного стихотворения, введя для передачи второго слога своего имени сразу две буквы из стихотворной строки.

Некоторые стихи сопровождаются стихотворными подписями Евфимия, в которых он представляет себя как поэта-гимнографа и прилагает к себе определения «поюща», «писавша», «счленивша». Интересно, что обращенную к высоким адресатам просьбу избавить его от «вечных мук» и «вписать в книгу жизни» он мотивирует ссылками на свое поэтическое творчество. Такая же форма самовыражения встречается и у Кириона Истомина: «Призри, госпоже, Кириона хуждша / Истомина се писати по-нуждша».²⁹ Так в русской литературе зарождалась тема поэта и поэзии.

Евфимию, как и его поэтам-современникам, свойственно снова и снова возвращаться к одной и той же мысли и обыгрывать ее с помощью разнообразных вариаций. Вариативная парафраза, распространяющаяся на несколько стихотворений, посвященных одной теме, и выявляющая в них смысловые нюансы, служит у Евфимия дидактическим целям.

Поэт охотно оперирует традиционными антитестическими построениями, в которых сопрягаются понятия греха и добродетели, скорби и радости, света и тьмы, ада и рая. Но он не довольствуется составлением простых антитез, а в изобилии вводит в стихи противопоставляемые понятия и часто подчеркивает антонимы тем, что помещает их в конце строк как рифмующиеся слова: «преславен—безславен», «низводит—взводит», «без-

²⁸ Робинсон А. Н. Симеон Полоцкий — астролог // Проблемы изучения культурного наследия. М., 1985. С. 180.

²⁹ ГИМ, Чуд. собр., № 302, л. 134 об.

плотный—вплотный», «блапокорныя—непокорныя», «богатаго—убогаго», «богатети—скудети». Прием контрастного соединения слов настолько органичен для Евфимия, что он использует его даже в обиходно-деловом стиле.

На заваду великую гонимыхъ рѣчь до деиствъ противъ еи^и гонимъ.

Комити, егда видѣтъ бурна вылазетъ
иное благо выти на земли гониметъ,
моими гнѣвомъ Божіи и казнь людемъ обавишася.

Мѣсто Пророкѣ естъ покаяніе,
зобоваша грѣшники на покаяніе
да обратитъ Богъ своея гониметъ.

Не презорно зидаша сеи да внимаша,
неправдо осужиху и обидѣ себе доидаша,
благодѣлами Бгга щедра сотвордеша.

Егда шаша Гдѣ Бгге со наша умолишася,
наша и невинныхъ зидѣ сый вѣсудитася,
обидиху и обидиху на ны выти рашишася.

И покаянный навъ знаид на многое злое:
препарити всеяши сый на всемо благое,
моими покаяшемъ дѣли покорство драгое.

Евфимій монахъ сіа въ каидѣ себѣ пишеша.

дондеже въ тѣлѣ смертннѣмъ презываи дѣшеша.

Комити страшишася не тѣмъ сидѣти,
казнь и гнѣвомъ Божіи людемъ всеи обидѣшася,
и на покаяніе ивъ Бгга призывашася.

иное скардномъ имени.

1 Иисусе^е щное ти въ срци моимъ вниши
и има, еже да бодѣтъ скарднѣ мои, души.

2 Скарднѣ то неспрѣстаниа вываши Бгге
3 Единственоу тѣ всеца Иисусе Бгге.

4 Спсе шго поддѣша мѣт тшою гонимннѣ,
5 еще, молю тѣ ХРИСТЕ, и грѣшнѣмъ простыши.

Почина Евфимія Христѣи^и монаха,
изъясни со автѣннѣмъ Гесеннѣмъ страха.

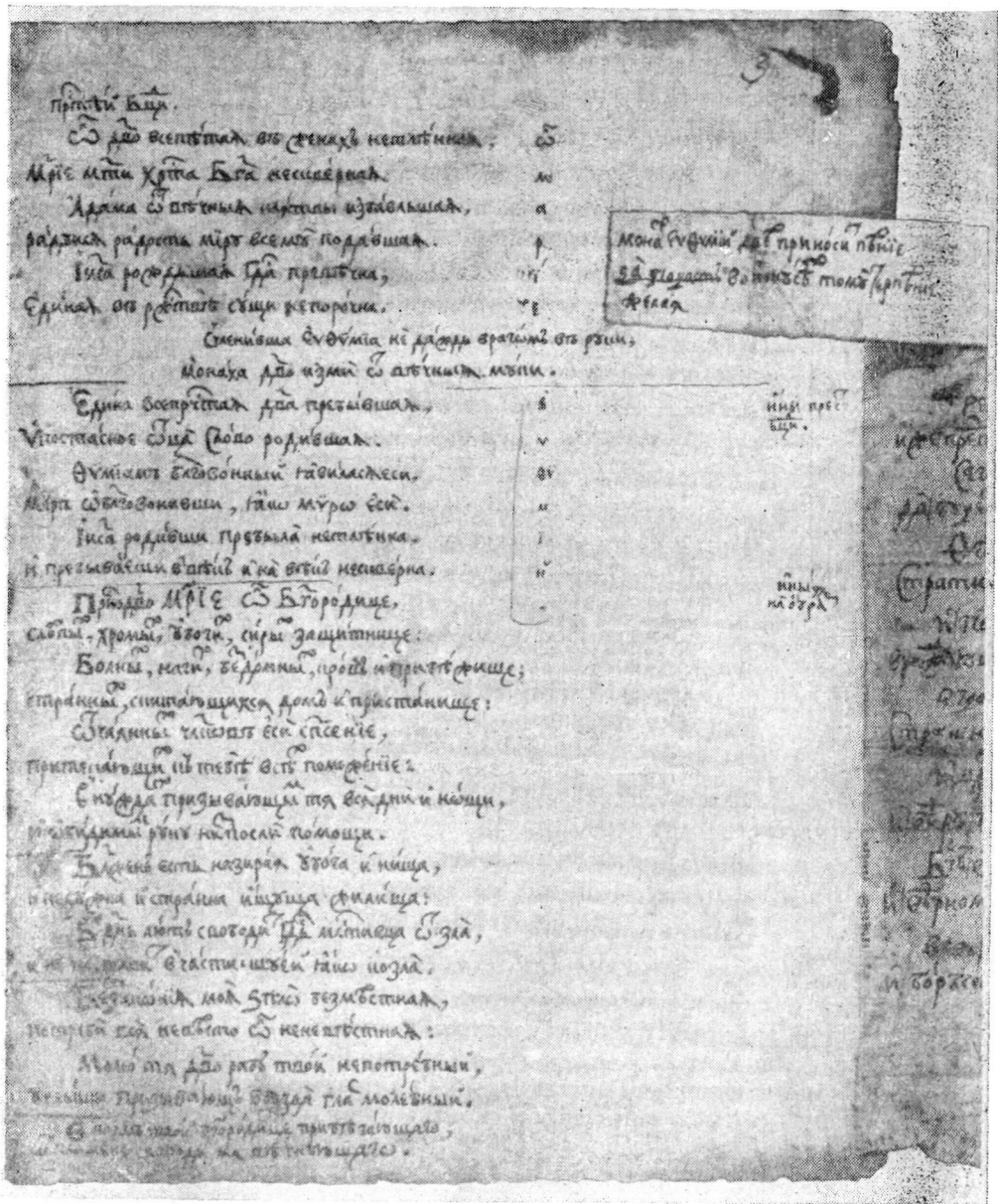
Стихи Евфимия (автограф). ГИМ, Синодальное собр., № 369, л. 2 об.

Сетую в письме Афанасию Холмогорскому на чинимые ему препятствия в переводческой работе, Евфимий пишет: «. . лиоткуду бо призираем, но отвсюду презираем».³⁰ Поэт любит сталкивать слова, близкие по зву-

³⁰ БАН, 16.14.24, л. 725 (автограф Евфимия).

чанию, но разные по значению: «мир—мирро», «суд—уд», «зла—козла», «Обед—бед», «Манна—обмана».³¹

Элемент литературной игры характеризует Евфимия как мастера остроумия. Но остроумие его имеет ограниченные пределы и отличается

Стихи евфимия (автограф). ГИМ, Синодальное собр., № 369, л. 3.

от барочного остроумия Симеона Полоцкого, широко оперировавшего фигурами мысли, иносказанием, эмблемами, аллегорико-символическими построениями, неожиданным сопряжением далеких образов и понятий, многомыслием и параллелизмом значений. Остроумие Евфимия более традиционно и затрагивает только уровень словесных фигур. В целом

³¹ Евфимий пронически обыгрывает название сочинения Сильвестра Медведева «Манна хлеба животного»: «В той же книге, зовемой Обмана. . .» (ГИМ, Син. собр., № 369, л. 35).

вольностях», которое излагалось в риториках и облегчало работу поэтов над стихотворным размером. Евфимий воспользовался фонематическими вариантами слов: «Мосий» вместо Моисей («Пасомым яко Мосий евреем вручает»), «умляя» вместо «умалая» («И невежд божьего закона умляя»); наряду с формой «человек» применял полонизированный вариант «чловек» («Злый чловек из памяти скоро погибает»). Главной формой строфы является рифмованное двустипие — вирша. Она же выступает у Евфимия и как самостоятельное стихотворение-афоризм. Встречаются также трехстишия с тройным созвучием и более редкая неравнострочная строфа, состоящая из стихов в 13, 6, 13 и 6 слогов. Рифма Евфимия удовлетворяет норме силлабического стиха, в котором «существеннейшим ощущался не тонический, а силлабический признак рифмы — ее односложность или двусложность». Но если «рифмы зрелого Симеона Полоцкого — все двусложные»,³² то Евфимий как поэт менее искусный сбивается часто на односложные рифмы: «вкусну—красногласну», «мало—всецело», «свобожден—утружден», «трудность—радость», «никогда—всегда», «превечна—непорочна» и т. д.

Здесь публикуется составленная Евфимием и сохранившаяся в его автографе подборка стихов. Она находится в составе рукописного сборника № 369 из Синодального собрания ГИМ (Москва),³³ стихотворный текст (546 строк) занимает листы 1—8 об. Тетрадь со стихами датируется по филигране (знак шута) 1678—1680 гг.³⁴ Рукопись носит следы составительской работы автора: набело переписанные листы 1—5, 8, где заглавия стихов и инициалы выделены киноварью, были дополнены стихами на листках разного формата, извлеченными, по-видимому, Евфимием из собственного архива. Внутри тетради вставлены листы пестрой (на лицевой стороне его находится стихотворение «Монаше, не почивай на постланом ложѣ», написанное другим, невыясненным почерком) и седьмой, состоящий из двух склеенных полосок бумаги (на лицевой правой его половине находится стихотворение Симеона Полоцкого «Подписание на колокол» в автографе Евфимия, на обороте листа — черновые записи и процитированное выше двустипие на польском языке).

Тексты печатаются по правилам, принятым в ТОДРЛ.

Текст, написанный в рукописи киноварью, выделен полужирным шрифтом. Титла раскрываются. Надстрочные значки, обозначающие акцент (оксия, вария, иссо), воспроизводятся как «острое» ударение ('). Следует отметить, что текст акцентуирован не полностью. Иногда Евфимий опускает ударения на рифмующихся словах или одном из них. Ударения отсутствуют, когда в слове под титлом ударный гласный в графике выпадает, а также в последнем закрытом слоге с выносным согласным.

Взалках бо, и да́сте мнѣ я́сти.

Да́ждь ХРИСТУ́ оста́нок тво́й а́лчущему хлѣба
да́ вѣчна тѣ сотвори́т наслѣдника неба.

Иже хлѣба улѡмка ску́дному не́ вручи́т,
прося́ ма́лыя ка́пли води́ не́ полу́чит.

³² Гаспаров М. Л. Очерк истории русского стиха: Метрика; Ритмика. Рифма; Строфика. М., 1984. С. 48.

³³ Краткое описание рукописи см.: Описание рукописей Синодального собрания (не вошедших в описание А. В. Горского и К. И. Невоструева). С. 95. — В данной рукописи имеется также в автографе Евфимия его сочинение «О поворастриге Силвестре Медведеве» (л. 33—40).

³⁴ Знак между № 474 — 1678 г. и № 373 — 1680 г. см. в альбоме: Дянова Т. В., Костюхина Л. М. Водяные знаки рукописей России XVII в. М., 1980.

Вжаждáх, и попойсте мѧ.

Чáша студенѧ воды плáмень угашáет
 Данá СПАСУ жáждушу. дáвша орошáет.
 Аще кто нé охладѧт убóгу гортáни,
 никакo же избежит áдскія отхлáни.

Стрáнен бѣх, и совведóсте мѧ.

От стрáнна двѣри дóму дá нé заключѧши,
 в небесное бо царство вхóд тѣм получѧши.
 Презрѧши ли пришéлца смѣрзша нá яснѧне,
 рѧнен в тáртар бóдѣши пó твоѧй кончѧне.

Нáг, и одѣясте мѧ.

Одевáя рѧзоу и грѣя здѣ нáга,
 мнóга в бóдущей жѧзни воспрѧимет блага.
 Щѣдра дáтеля рукá от бѣд избавлáет,
 согбѣнна же скупáго в погѧбель вергáет.

Немоцествовáх, и посетѧйте мѧ.

К немоцнóму доидѧ нá одрѣ лежáщу,
 и милостыню подáждь презѣлно болáщу.
 Нé дáя бо избѧтков я́деи бóлну нѧщу,
 отда́ется негáсну огню в вѣчну пѧщу.

В храни́ле бѣх, и приидóсте ко мнѣ.

Ктó в храни́ло к юзникам состраждá приходѧт,
 тóй в вѣчное блаженство безпрѣпóнно вхóдит.
 Презирáя же брáты ввѣржены в храни́ло,
 в геѣнское удобно вѣржется горнѧло.

^аРазорю житницы мой и большыя созижду.

Богачь ему же нѧва угобзися творит
 вящшая влагáлища, Христá глáдом морит.
 Егó же нѧ пѣцяи вся ковчег вмещáет,
 нѧ жѧта гóмна, нó вся тáя смѣрть хищáет.

**Ии богачь житницы разоряет и большыя создав,
 всякаго заключает.**

Вящшая лагáлища богачь созидáет,
 в я́же угобзенная жѧта собира́ет.
 Нá лета мнóга живот себе обеща́ет,
 от всех тех смѣрть óнаго в сию пóщь хищáет.

Приемля в дом твоѧй стрáнна, бóлна и убога,
 самаго приемлѧши стрáнствовавша бога.

Тѧ възлежѧши в крóве нá стлáнии мягцем,
 Христос же измерзáет на мразе жестоцем.

Или сице:

Христос безкровен^б зѧбнет нá мрáзе жестоцем всяцем.^а || ^бЕпифан(ий) л. 1 о с
 устó: в слове, елмá божественное писáние, pag: 3^а

^{а-а} Текст расположен на правом поле вертикально. ^б Под словом написано
 бездожен. ^{в-в} Текст написан на верхнем поле страницы.

Товіа святый трупы мертвых погребаше,
творя сие, всегда смерть свою поминаше.

Делом того людие сами подражайте,
также творити свои дети научайте.

Иоанн Милостивый нищим расточает
пенязи заимствуя БОГУ вся вручает.

Ему же вѣщшыя БОГ свѣше низсылает,
да многшу милостыню нищим подавает.

Лазар гнѣбный повержен пред домом богача
просит малы крупѣцы, оставша колача.

За немилость же богачъ горитъ вѣчно огнемъ,
будемъ щедри по силе, да не свидемъ по немъ.

Образ Страшнаго Судя отвѣтъ изьявляющъ,
милость нищимъ творящихъ дела представляющъ.

Немилостивцомъ лютейшъ будетъ последний судъ
всемъ не одевающимъ братьевъ нагихъ удъ.

Милостивыя ХРИСТОС в царство призываетъ
и наследіе того ѡнымъ подаваетъ.

Немилостивыя же яко непотрѣбны
и скудныхъ презорливы слѣт в пламень геенны.

Христолюбци сей образъ часто насмотряютъ
и судъ поминаютъ.

Милостыни даниемъ грехы очищайте,
богу угождайте.^Г

Милостивый златицы убогимъ раздаетъ,
Христосъ тому иныя невидно подаетъ.

Кто слепымъ, хромымъ скуднымъ хлѣбъ и ризу даетъ,
самому Христу вѣзаймъ оная подаетъ.

Иже готово в вѣце будущемъ вся отдастъ
и ино многократно и жизнь вѣчну придастъ.

Иоани Милостивый сребреницы нищимъ
преобилно раздаетъ своя требующимъ.^А

Не подай останковъ от трапезы нищу,
предадѣся неугасну огню в вѣчну пищу.

Богачъ Лазара в славе зрит по смерти,
ему же не сотвори милости до смерти.^Б

Товіа убогыя питаетъ и мертвыя погребаетъ.
Богачъ немилостивый сам своя сняетъ и Лазара презираетъ.^В

1. 2

На десять заповеди божия и церковныя

Невѣжество закона — злоба преглубока,
того же знаніе есть доброта высока.

Еже не отинуду кому прибываетъ,
токмо иже в законѣ себѣ поучаетъ.

По советованію благу Богодара
царя и великаго князя ФЕОДОРА

Россійска самодѣржца АЛЕКСИЕВИЧА,
государства славнаго издревле отчича,

^{Г-Г} Весь текст написан прописными буквами. ^{Д-Д} Текст написан на полоске бумаги, подклеенной к нижнему полю страницы. ^{Е-Е} Текст расположен вертикально на левом поле, на уровне стихотворения о Лазаре. ^{Ж-Ж} Текст расположен вертикально на правом поле, на уровне стихотворения о Товите.

Патриарх ИОАКИМ, российский правитель
 святѣйший ввѣренных душ томѹ попечитель,
 Дѣлжность архипастырства своего полняя
 и невежды божьего законѹ умляя,
 Потщѣся скрижаль сию типственнѹ издѣти,
 божия заповеди ясно показѣти.
 Пасѹмым яко Мосий евреем вручѣет,
 знѣнию яко отец дѣти научѣет.
 И покорный пасѹмец томѹ да последствит,
 заповеди хранѣя небо да послѣдствит.

На раскоблники о кресте и молитве Иисусове и о иных

Рачителю сих стихѹ по мере сложенѹ
 чтѹщим и слѹшающим в поблзу здѣ вложенѹ.
 Ты, церкве востѹчныя сыне правобѣрный,
 бѹди матери твоѣй удобнопокорный.
 Правдописанием сим крѣпце подтверждайся,
 лживовещанными же бѣсньми нѣ прелщѣйся.
 Отбегѣи непокорных церкви святѣй полков,
 яко сверѣных неких душегѹбных волков.
 Иже едѣнство тѣла церкве раздирают
 и удеса христова нещѣдно терзают.
 Их же у господѣ сѹд весмѣ нѣ коснит,
 аще ныне им благий бог и долготерпит.

*Сокрѹвище сребрѣ здѣ нѣ естъ сокровѣнно,
 но икобн списѣние и книг положѣнно.

Увы мне, яко прежих днѹ мой в слабости³
 от юнаго возраста даже до старости.

Пенязи заключая богѣтый с печѣтми
 превсегдѣ о тѣх тѣет бѣдѣми с печалми,
 Довлится насѹщими богѣтствы никогдѣ,
 множайшая желѣет прилагѣти всегдѣ.
 Нищий же от сих плѣщев весмѣ естъ свободен,
 никогдѣ таковыми⁴ бѣвѣет утружден,
 Вся бо надѣжда того нѣ щѣдраго бога,
 питаѹща всякаго нища и убѣга.³ //

На звездѹ великую, явльшуюся 189 году декабря против 15-го числѣ³⁵

4. 2 об.

Комѣта егдѣ в небе видѣна бывает,
 никѣе благо быти нѣ землѣ являѣет,
 токмо гнѣв божий и кѣзнь людем возвещѣет.

Место пророка сие естъ показѣние,
 зовѹщаго грѣшники нѣ покаяние,
 дѣ отвратѣт бог своеѣ негодѣвание.

Нѣ презѣрно укѣзу семѹ дѣ внимѣем,
 нещѣрѣвдѣ всяких и обѣд себе дѣ ошѣем,
 благодѣяними бога щѣдра сотворѣем.

³⁻³ Текст расположен вертикально на правом поле. ⁴ Над первым слогом написано лено. ^к Над строчкой написано тѣтими сими.

³⁵ Текст стихотворения в автографе Евфимия имеется также в рукописи ГИМ, Син. собр., № 473, л. 1 об. Первая строфа была опубликована (см.: Горский А. В., Невоструев К. И. Описание славянских рукописей. . . С. 596).

Едѣ ка́ко господь бог от нас умóлится,
я́ко о ниневитех благ сѣй ущѣдрится,
о злых имущих на ны́ быти раскѣется.

И показанный нам зна́к на мно́гое злобе,
превратѣт всеблагий сѣй на вся́ко благобе,
то́кмо пока́жем дѣлы покорство драгобе.

Евфѣмий мона́х сѣй в па́мь себя́ пи́шет,
до́ндеже в теле́ смѣртнем пребыва́я ды́шет.^л

Комѣта страшнѣйшая не́ ту́не сияет,
ка́знь и гнѣв божий лю́дем всем предвозвѣщает
и на́ покая́ние к богу призы́вает.

Иисову сладкому имени

И ИИСУС сладкое ти в сердци моём впиши
И имя, еже да́ будет сла́дость моёй ду́шѣ.
С Сла́дость бо непреста́нна быва́еши, боже,
У ѹмнствующу́ю ты всегда́, ИИСУ́СЕ, блаже.
С Спасе, царю, подѣждь мнѣ твоѣмъ благосты́ню,
Е ещё, молю́ тя, ХРИСТѢ, и грехо́в просты́ню.
Пою́ща Евфимѣя, Христѣ мой, мона́ха
изба́ви от вѣчнаго ге́енскаго стра́ха.^м //

л. 3

Пресвятей богородици

О О дево всепѣтая, в женах нетлѣнная,
М Марѣе, мати Христа бога, несквѣрная,
А Ада́ма от вѣчныя кля́твы изба́вляющая,
Р ра́дуйся, ра́дость миру́ все́му пода́вша.
И Иисуса рожда́ющая господа́ превѣчна,
Е еди́ная в рождествѣ́ сущи́ непоро́чна.
Счлени́вша Евфѣмѣя не́ да́ждь враго́м в ру́ки,
мона́ха, дево, изми́ от вѣчныя му́ки.
^лМонах Евфѣмий девѣ прино́сит пенѣе,
желая́ во иску́сех то́му терпение.^п

Ины пресвятей богородици^п

Е Еди́на всепречистая дева́ пребыв́ша,
У Упостасное́^л Отца́ Сло́во роди́вша.
Ф Фимѣямъ благово́нный явилася еси́,
М Мир облаговонивши, я́ко миро еси́.
И Иисуса роди́вши пребы́ла нетлѣнна,
И И пребыва́еши в вѣк и на́ вѣк несквѣрна.

Иныя на́ образ^п

Приснодево МАРИЕ о Богородице,
слепых, хромых, убогих, сырыхъ зашѣтнице:
Больных, нагихъ бездо́мныхъ кро́в и прибе́жище,
стра́нных, скита́ющихся дом и приста́нище:
Отча́янныхъ человековъ еси́ спасение,
притека́ющихъ к тебѣ́ всехъ помо́жение:
В ну́ждахъ призы́вающимъ те́бя всѣ́ дни и но́щи
и оби́димымъ ру́ку низпослѣ́ помо́щи.

^л Напротивъ подписи написано Иаков некто. ^м На правомъ полѣ вертикально
расположена строка Не твоѣ, но умныхъ мужей разсудъ есть о златѣ. ^{н-н} Текст
написанъ на вклеенной полоскѣ бумаги. ^о Написано подъ зачеркнутымъ да подастъ.
^{п-п} Названіе написано на правомъ полѣ.

Блаженъ есть пазирая убѣга и нища,
и недужна и странна ищуща жилища:
В день лиотъ свободитъ господь милостивца отъ зла,
и не поставитъ в части шуйей, яко козла.

Беззаконія моя зело безместная,
потребѣи вся. невесто о невестная:
Молю тя, дево, рабъ твой непотребный,
услыши призывающъ всегда гласъ молебный.

В кровъ твой, богородице, прибегающаго,
отъ пламене свободы мя вѣчнующаго. //

Надписъ на образъ во гнѣвѣ пребывающихъ

4 3 об.

Внемлите, како вражда душа съ теломъ губитъ,
не мирныхъ ко другъ другомъ во дно ада глубитъ:
Гдѣ между челоуѣки светъ любви сияетъ,
тамо злопамятства тма весьма исчезаетъ:
Кто въ гнѣвѣ прѣжде смерти, яко тмѣ, не ходитъ,
той и по смѣрти во тму адскую не входитъ:
Титъ за побѣду гнѣва причтенъ благодати,
отъ аггела под'ятъ бѣсть аггелски сийти.

На Илию пророка

Илиа на язъце дождьъ удержавая,
обиленъ просящымъ той паки подавая.

На Георгия

Георгий земледѣлецъ богу подобнозванъ,^с
состраждущъ земледѣлцемъ въ поможь отъ техъ призванъ.

На царская враты

Сия врата господня, святии ходятъ ими,
скверный кто да не дерзнетъ проходитьъ тьми.

На Спасов образъ

Не погрешитъ надежды всякъ, иже взираетъ
на образъ твой, владыко, и ты призываетъ.

Ина

Образъ не богъ, но бога показуетъ знати,
убо достоинъ бога образъ чествовати:
Предъ образомъ въ молитвѣ колѣна клонити,
умъ же къ самому сущу богу возносити.

На образъ богородици

Радуйся, мати дево и отроковице,
бога всѣхъ несказанно рождающая девице.

На вознесение

Низшедши изъ небесъ въ чрево девы богъ безплотный
восходитъ на небеса къ богу отцу воплощенный.

^РР Текстъ написанъ на левомъ полѣ. ^с На правомъ полѣ написано поименно названъ.
^Г Написано надъ строкой, въ строкѣ состраждя. ^У На правомъ полѣ написано на небо сынъ.

РДваР

Под'ёмлет Христá бога небо с весéлием,
трубы́ со клича́нием и аггел пеннем.

РНа седмый синодР

Селёнский сино́д отцев соверши́ся седмы́й,
к томú не дерзаетсѣ^Ф быти ещё осмы́й.

РНá трі святителиР

Архиере́е три́е Троици служи́теле,
ко спасени́ю вожди́ всѣх и учи́теле.

РНá трі преподобныяР

Три́е преподобни́и и начало́ отци́
предсто́ят несредственно́ богу́ святей Троици.
Призыва́ющих тѣя в молбах помина́ют
и о спасени́и тех бога умо́ляют. //

1. За

*Велик воегонитель Стратилат Феодор,
иже предтолкуется праведно Богода́р.

Сего купноименен Феодо́р царь верный
да́ будет на варвары одолетель зельный,
Феодора усердно в по́мощь призыва́я
Стратилата, в молитве не́ оскудевая,
И по́ имени́ су́що дар божий пристя́жет,
враждующы́я царству сопостаты свя́жет.

Егда храбро на́ тѣя себѣ вооружит,
страшным бога именем всѣ́ в ко́нѣц низложит,
И царство своё́ стра́хом отвсюду оградит,
и веру праву в ми́ре недви́жну утверди́т.

Бог же всего вершитель сия да соверши́т
и верному своему́ слуге да поспешит,

Вся же кúпно приведет во всеблагий ко́нѣц
и борствующим по нем воздаст вечный венец. //

за об.

В славу в Троици бога единосúщнаго,
поемаго от всего здания́ сущаго,

Во имя́ же Андреа Христом первозва́нна
апосто́ла обитель сия бысть созданна.

Благодарнаго мужа обилнода́нием
и тицателей мона́хов трудосниска́нием

Первая сим званием в Росси́и назвася,
в прибежище́ странных и нищих основáся.

В ю́же, не́ имея где главы́ приклонити,
ничтоже усумня́ся изво́лит входити

И любя́й трудитися семо прибегает,
не́ хотяи же страдати́ зде не́ пребывает,

Не ту́не хлеб жителе́ ясти стяжевают,
но́ в поте лица́ трудно́ то́й приобрета́ют,

Празднолюбезни́и зде не́ водворя́ются,
люботрудни́и токмо препитава́ются.

Сим молитвы святого Андреа патрона
врачество бывают душ и от враг обрѡна.³⁶

Враты сѣми всякъ хотяй свободно дѣ вхѡдит,
вшед же внутрь нѣ по своей воли тѣмо ходит.^х

^чЕгда кѡ яко смертен смерть предсозирает,
тогда тому смерть нѣ смерть, но сѡн тѣ бывает.

Идеже непрестанно плачь водворяется,
тамо всегда удобно смерть поминается.^л

^кВ стаде пасутся овцы благопокорныя,
мешаются кбзлица тѣм непокорныя.^ч //

^мВступи монастыра внутрь^м и нѣ на прага край
и узриши жителми насажден^м, яко рай. //

л. 36

Въидѣ во обитель сию благоверно
и буди в тей житие живя благоговенно,

л. 36 об.

Да получиши вечных благ восприятие
аще нѣ мира тѣ,^з кое преткнет препятие^о

Хотяй кто-либо с нами обще зде пожити
да тцится самоволство всяко блажити

И любезно в скудный дом сей терпети внити
молчаливопослушно с монахы пребыти.

Произволения же не имат ли стяжати^а
той и не хотя имат за враты остати. //

Аще хоцещи с нами обще зде пожити
потщися самовластво твое отложить

л. 36

И любезно^л, ^а в скудный дом сей терпети внѣти,
молчаливопослушно с монахы пребыти.

Самоволства же ли кто не хоцет отстати,
^н^б понужди^в имаши^г вне врат сих остати.

Аще кто хоцет с нами ббще зде пожити
и самоволство свое всяко отложить,

Вступит монастыра внутрь и не на прага край
и узрит той жителми наполнен, яко рай,

Да терпеливно в скудном дому сем пребудет,
молчалив и послушен егда монах будет.

Самоволства же ли кто не хоцет отстати,
той и понужди имат вне врат сих остати. //

Аще кто не богат сый, нѣ имат что дѣти,
нѣ хотя и понужди имат вне врат стѣти.

л. 36 об.

Аще же усердия нѣ имаши дати
и понужди имаши за враты остѣти.

^{х-х} Слова каждой строки отделены друг от друга вертикальными кривыми чертами. ^{ц-ц} Текст расположен вертикально на правом поле. ^{ч-ч} Текст написан на нижнем поле параллельно срезу. ^{ш-ш} Первый вариант написан строкой выше. ^{ш-ш} Под строкой написано полно. ^з Над строкой написано само тѣ. ^з Над строкой написано зашчет. ^а Над строкой написано дати. ^л, ^а Над строкой написано желанно. ^б Перед и зачеркнуто той. ^в Написано над строкой вместо зачеркнутого не хотя. ^г Слог ши написан над строкой вместо зачеркнутого тѣ.

³⁶ Принадлежность стихов об Андреевском монастыре Евфимию точно не установлена. А. В. Горский и К. И. Невоструев называют автором их Епифания Славинецкого (см.: ГБЛ, ф. 193, ед. хр. 8). И. П. Козловский и К. Харлампович приписывают эти стихи Евфимию (см.: Козловский И. П., Ртищев Ф. М., Киев, 1906. С. 20, 122—123; Харлампович К. Малороссийское влияние на великорусскую переконную жизнь. Казань, 1913. Т. 1. С. 134). К ним осторожно присоединяется А. Флоровский (см.: Флоровский А. Чудовский инок Евфимий. С. 104, 145). И. А. Шляпкип опубликовал стихотворение фрагментарно (строки 3—8) без указания имени автора (см.: Шляпкип И. А. Св. Димитрий Ростовский и его время. С. 231).

«Над образом богородицы надпись»^д

Образ девы исперва стоиць зде в купине,
принесён от Давида, живша в сей пустыне.

Да чествуется от всех верно приходящих,
у первообразных милости просящих.

«Молитва Иисусу стихам»^д

Е Еди́не ще́дре бла́же милости твоёя́
У Усо́пом очы́сти мя́ от зло́бы моёя́:
Ф Фимиам я́ко во́нный при́ими мо́ление,
У Упоса́сная мудрость, и да́ждь прощэ́ние.
М Милостив у́бо еси́ и благоутро́бен,
И Иисусе, твоёму́ отцу́ всё́м подóбен.
О Очесём моим слёзы да́ждь со стена́нием,
С Сердца сокруше́ние и со смире́нием.³⁷

Не преда́ждь нас, господи, врагов наших в руки
и избави, боже, вся от вечных муки.

Желателен есть человек чести и богатства,
купно привременныя славы и начальства.

Но яко от зельных высоты низпасти,
бедно изринутися из сана и власти,

Никогда́ же восхо́щи первописа́ннаго,
да не злопостра́ждеша от последовнаго.

Аще и славы венцем кто облагается,
но жизни время́ тому́ не прилагается.

День бо дни и час часу́ следующе теку́т,
и человеки к пределу́ сме́рти присно влеку́т.

^еДень по дни, час по часу́ непрестанно текут,
и человеки из жизни к смерти присно влекут.^е

«Тоже инако»^д

Аще и венцем славы увенчаешься,
веждь яко сме́рти отнюдь не избавишься.

День бо дни и час часу́ следующе теку́т,
и человеки от жизни к концу́ присно влеку́т.

На сла́бей осно́ве вся́ дела́ человек стои́т,
па́дут, аще ны́не ся паде́жа не бои́т.^ж

^зВо благоде́нстве мно́гы любими́цы имаши,
обнищав сам на вся́ком ме́сте останеша:

Аще блага глаголем, убо богатаго,
аще же злаго речем, вся́ко убогаго.^з //

У́тро от у́тра жи́ти человек жела́ет,
что́ вели́ко; я́ко день еди́н получа́ет.

4 1 об.

^д«Название написано на правом поле. ^{е-е} Текст написан на правом поле на уровне двух предыдущих строк. ^ж Рядом с дуэстишием фигурная скобка и указание на источник: О вечности, лист 266. ^{з-з} Текст расположен вертикально на правом поле.

³⁷ В других рукописях стихотворение помещено в конце выполненного Евфимием перевода сочинений Симеона Фессалоникийского и поэтому носит заглавие «Молитва, или Закончение трудившагося в деле сем» (см.: ГИМ, Син. собр., № 654, л. 531 об. — автограф Евфимия; № 283, л. 554; № 284, л. 575). Впервые стихотворение-акростих опубликовано: Горский А. В., Невоструев К. И. Описание славянских рукописей. . . С. 493; затем неоднократно перепечатывалось, перечень публикаций см. в указанной работе А. Флоровского. В публикациях имеются разночтения.

Тако преидет и вторый, и третій преминёт,
обещание же где твоё; ах, преплынет.

И тако преходит день день, и лета плынут
не осмотришися ли; вся купно преминут.

Муки суть грешных вечны, сласти же временны,
яже прейдут, яко сень, вся исчезновенны.

Егда убо властелин яковий будеши,
милость и суд творити да не забудеши:

Имениа же твоя давай требующим,
паче же в нуждах сущим и недугующим:

Да тебе воздадутся не токмо zde сугубо,
но и в будущем веке паче многогубо.

Зде сладость и утехи суть маловременны,
тамо терпети за ня муки несконченны.

Зде мала скорбь бываает и не долга трудность,
последди же в вечную вращаются радость.

Поминай смерть, взирая ко гробу моему,
тем же путем^к дойдеши^н и ты ко твоему.

Страх не мал есть взирати во гроб отверженный,
боязнь явша помнати Суд божий последний.

Званых много множество, избранных же мало,
но кийждо тех свою мзду понесет всецело.

Имех ум и разум егда ми бысть сила,
но вея тая купно смерть страшная скосила.

Познавай чия быше сий прежде глава,
помни^а же, яко будет и твоя такова.³⁸

Многаци веселию скорбь приплетаются,
конец же радости в плач всегда вращается.

Егда кии властеле начнут богатети,
тогда тех подвластныя вся будут скудети.

Мало есть веселие и скорбь, утечет,
но вечно мучение за собою влечет.* //

Удобнее презрети многим имение,
нежели мира сего чести любление.

Яко привлачит в любовь серебро же и злато,
паче грузит в погибель тщеславия блато.

Ни един же человек сие забывает,
яко всякаго земля в недра сокрывает.

Яко кратка есть сладость и скорбь утечет,
оба же в вечну муку человека низвлечет.

Иже хощет нетленным венцем венчаться,
долженствует от всяких злых дел соблюдаться.

Иже по богу в жизни сей подвизается,
нетленным венцем в веке оном венчается.

^к и ^н На правом поле написано будет время поидеш. ^к На левом поле написано правом. ^л На левом поле написано поминай. ^к ^м ^м Текст написан на левом поле.

³⁸ Ср. со стихами Сильвестра Медведева: «Спроси, человек, чия се глава / воскорее будет и твоя такова» (БАН, 16.14.24, л. 731 — черновой автограф Сильвестра). Возможно, стихи Евфимия и Сильвестра являлись переводами и имели общий источник; они предвазначались, по-видимому, в качестве подписей к одинаковым изображениям.

Рачѣтелен ёсть человек чёсти и богáтства
купно привременныя слáвы и начáлства.

У́тро от у́тра жѣти надóлзе желáет
и чтó велико́ яко́ день дне получа́ет.

Жѣзнь вскóре прехóдит, дни и лета плыну́т,
и та́ко не́ на мно́зе купно́ вся́ премину́т.

Злѣ́й человек из пáмяти скóро погибает,^н
благáго же во вѣки и́мя пребывáет.

Смерть послéднегo часа́ всегда́ ожида́ет,
яко́ траву́, челове́ка вскóре посека́ет.

Царя́ и князя́ о́строу ко́сою,
богáта и нѣща, яко́ зла́к с росóю.

Лишает славы, богáтства хищáет,
вся́ сокровища́ в блáто превращáет.

Блажен о́ный человек, и́же не́ прелстися,
но́ всех здé сýщих тлѣнных во́лею лишѣся.

И́же свою́ мы́сль к бо́гу превсегда́ вперя́ет
и на вся́к час о смёрти своѣ́й помышля́ет.

Тои́ превѣчныя́ слáвы не́ убо́ лишѣтся,
но́ в небесное́ царство́ от здé преселѣтся.

^оПетр то́чит учѣние, яко́ воду́ вку́сну,
Пáвел, яко́ слáвий, пѣснь поѣ́т красногласну́.

Из Петра́ Пáвел назва́н пáстырь ёсть благ овѣ́ц,
духорожденных́ ему́ чяд́ и́скренний отѣ́ц:

И́же чреду́ на́ зла́це пасѣ́т благово́нне
и не́ оставя́ет ю́ ходити́ свовóлне:

Водрузив на́ камени́, бо́же, не́ непло́дном
церковь твою́ утверди́, но на словотóчном.

Писáвша Евфимиа́ в кни́зе жѣзни́ впиши́,
прощение́ подáв всех грехóв то́го душѣ́.

Ра́ди щедрóт ти, бо́же, в кни́зе жѣзни́ впиши́,
и вечных твоих́ благ, молю́ тя, не лишѣ́. ^о //

4. 5 об.

Вся́ ра́вно восприѣ́млет земна́я до́лѣна
честна́го властели́на, яко́ селя́нина.

Смерть́ яко́ убóгата из хѣ́жи хищáет,
такo и богáтата в до́му посещáет.

Ра́вно вся́ пожина́ет, яко́ селя́нина,
не́ щадѣ́т царя́, отню́д ниже́ властели́на^н.

Нѣкто́ от то́й может в тайне^р сокрь́тися
и в тверды́ни яковóй гдѣ́ утайтися^с.

Смерть́ на́ вся́к час́ челове́кы зрит и наблюда́ет,
самá нѣ́ от кого́ ся́ отню́д соблюда́ет.

Смерть́ никогó́ же щадѣ́т, вся́ сечѣ́т ко́сою,
и́же пада́ют, яко́ ли́ствие с росóю.

Писáние свято́е и́стину вещáет,
яко́ земля́ в зѣ́млю ся́ пáки возвращáет.

Присно́, челове́че, сему́ поти́хся учѣ́ти,
яко́ вся́каго́ има́ть смерть́ в гроб́ заключѣ́ти.

И не́ помышля́й тцѣ́тно писма́ сегó стѣ́рти,
ибо́ не́ избудеши́ и тѣ́ отню́д смёрти.

^н На правом поле написано с памятию изникает. ^{о-о} Текст расположен вертикально на правом поле. ^п На левом поле написано благородна. ^р На левом поле написано во тме. ^с На левом поле написано храниле.

Понѣже земля еси в землю отидеши,
но мзду дел взяти паки из тоя приидеши.

За благая небесных благ получение,
за злая в неугасном огни мучение.

Смерть вся равно хищает, ничто имущия,
яко многая в мире сем преимущия.

Или бо царя пощадит или убойтся,
ниже от беспомощна и нища толится.[†]

Не туе бо нишеся смерть косу носити,
защ она обыче человеки косити.

У Или сице У

Не туе глаголется смерть острый серп стяжати,
весть бо она человеки, яко траву, жати.

Чий сии гроб, аще хощет кто zde прочитати.
нагробка сего, имат лежаща познати.

^хОрологий наш уже к концу добегаёт,
имже смерть повсегда жизнь нашу измеряет.

И суд божий уже пред дверми,
а мы не тщимся быти потребни.^х ||

л. 6

^чХотящему много знати
подобает мало спати.^ч ||

В стаде насутся овцы благопокорныя,
мешаются козлици тым непокорныя.

л. 6 об.

Егда кто всегда яко смертен смерть предсозирает,
тогда тому смерть не смерть, но сон та бываёт.

Идеже непрестанно плачь водворяется,
тамо всегда удобно смерть поминается,

Идеже учащенно пиршество бываёт,
тамо и забвение смерти обитаёт.

Смерти никогда всякий человек забывает,
завет никто же когда той избывает.

Аще ныне кто-либо еси и преславлен,
но егда ты примет гроб, будещи безславен.

Избави ны, господи, от вечныя муки
и zde не предаждь грешных в варварския^з руки.

Смерть во ад темен душу грешника низводит,
смерть в небо светло душу праведника взводит.

Смерть праведники не в тму внешнюю вметаёт,
но ко истинну свету Христу пресылаёт.

Грех делающыя в скорбь адскую востремляет.
добродетель же в радость райскую вселяет.

[†] На левом поле написано крот, т. е. первый слог предлагаемого варианта кро-
дится. УУ Текст написан на левом поле. Ф На правом поле написано держати.
Х-Х Текст расположен вертикально на правом поле, параллельно корешковому свибу.
Между двустичиями в фигурных скобках содержится указание на источник: Вечност,
лист 250. ЦЦ Двустичие-афоризм следует после стихотворения, написанного дру-
гим, невыясненным почерком, «Монаше, не почивай на постланом ложи». Ч На пра-
вом поле написано в тартарския.

Бремя ныне нестерпно всем налагается,
еже от положников не сохраняется.

Помнители треба, еже Христос бог прорече,
не хранящим велию самым беду рече.

Чядо любезнейшее, всегда сия читай
и ничтоже писанных сущих^ш zde отметай.^ш

⁹В гробе сем не будещи лежа долго спати,
возбудит бо ты труба на Суд ответ дати.⁹

⁹⁰Всяк человек тлению подлечит и смерти,
потщися грехи свои слезами оттерти.⁹⁰ ||

л. 7

Зри, человеце, на сей орологий,
умудришися паче геологий,
Како часами жизнь определяет,
месяцы днями время скончивает.
Дни и лета скоро мимо текут
юна строка ко старости влекут.
В старости дряхлость и расслабление,
всей крепости и сил лишение.
Посем лютая зла смерть восхищает
и, яко траву, косою секает,
Богатство, славу прах быти вменияет,
злато и сребро калу предавает.
Аще хочещи муж быти блаженный,
помни всегда день^а и час совершенный,
Смерть, ад, геенну во уме содержи
и вся суеты от себе отвержи,
Горня Сиона буди подражатель^ш,^а
и всех прелестей умный презиратель,
Да возможещи премирно пожити,
в горних жилищах^б на веки почити.
Во славу и похвалу бога всемогуща,
во едином существе в трех лицах суща,
И во честь родившия воплощенно Слово
сей колокол состроен ест на Симоново
В обитель Успения матери божия,
да гласом созывает в храм его верныя,
Хвалу ему о благих всех воздати
и о нуждах молитвы теплы пролити.³⁹ ||

л. 8

Имех разум и мудрость, егда ми бысть сила,
но вся тая купно смерть страшная скосила.

Взят мою весьма младость и жизни надежду,
яже паки по Суде общем вечную жду.

Имаши поскорбити солнца днесть старого,
но утро насладишися света нового.

Единочи изгубив живот возлюбленный,
твердо будещи спати вечным сном умеренный.

^ш Слово написано над строкой вместо зачеркнуто тебе. ^ш На нижнем поле запись: Еретик, аще и от писания употребит речения. 1 Афан(асий) 913 : d. ⁹⁰ Текст написан на левом поле. ⁹⁰⁻⁹⁰ Текст написан на правом поле с указанием источника: Бес: fol : 1100. ^а Слово написано над строкой вместо зачеркнутого смерть. ^ш Над вторым слогом написано жела, т. е. предлагается вариант пожелатель. ^б Над последним слогом написана буква е.

³⁹ Переписанное Евфимием стихотворение — надпись на колокол Симонова монастыря — принадлежит Симеону Полоцкому (см. примеч. 14).

Бог святым свѣтъ дѣрует присно безконечный
и введѣтъ в веселие и рай светловѣчный.

Матери прелѣстницы дѣтищи прелѣщают,
егда младым пенязи обильны давают.

Тѣ сѹтъ токи падѣний и грехѡвъ начало,
отгѹду невоздѣржность и зло ся почало.^в

Стеня себѣ на всяк день и нѡщь прослезися,
паче же на всякий час велми умилися.

О человѣче, грехми люте отягченныи
и многими сладостми в мире сем прелѣченныи.

Непостоянство сегѡ прелѣстнаго вѣка
нестойнство являет смѣртна человека.

Чловече, не пребывай в пищи многосладцей,
ни преупокойся на постѣли мягцей,

Отими от налогу понѣ и малая,
к сему лишй от тебѣ ястия сладкая,

Дѣ не сими плоть твою, како разслабиши,
и душу твою страстѣм злым порабѡтиши.

Плюбеш ли на искру удобъ погасает,
аще же дмѣши, горит и все пожигает.

Сибирский и Тоболский митрополит Павел
на архирейство ся в днешний день произвел,
архирей в июле месяце ся возвел.⁴⁰

^вВся смерть ко сою люте посещает,
в темныя грѡбы всяк сан похищает,

Нѣ вѣсть прощати нища ни богата,
равне вси посещают смѣрти врата.

Новосоставленная книга сия Обед
подвлагает снѣдь полну душетлильных бед.^г

Новослѡжная книга, зовѣмая Обед,
нѣ имать обрестися без неких душй бед.^е

Имении елико кто многше прилагает,
наипаче толико множайших желает.^ж ||

Святаго Григория Теолога о житии человечестем: fol : 155

л. 8 об.

Колесѡ некое есть нестойтельно узнѣнное^ж
малое снѣ и многовращное житиѣ,

Горѣ двйжится и привлчается доле,
нѣ стойт бо, аще и мнится утвердйтися.

Бѣгающе держйтся и пребывающе отбегает,
скѣчет же много и еже бежати нѣ имать,

Влечет и низвлчит движѣнием стояниѣ,
яко ничтѡже быти житиѣ прописующе

Токмо дым или сон или цвет травй.

^в Справа от стихотворения содержится указание на источник: Вечност 269.
^{г-г} Текст расположен вертикально на правом поле. ^д Слева от двуступиши поставлена цифра 2. ^е Слева от двуступиши поставлена цифра 1. ^ж Слева написано Житиѣ снѣ колесу подобно.

⁴⁰ См. примеч. 10.

Того́ же на́ получѣние и мудрость: fol : 156

Рече́ некто негде златолюбѣц сий:

хощу́ получѣния ка́плю, неже мудрований делву.³

Къ ему́ же некто противорече́ любомудрых:

ка́пля мудрований мне па́че, неже бездна^и получѣния.

На́ руку сию́ ча́сто должен всякъ взирати
и тако кийждо себѣ крестознаменати.

Святини отцѣи о сем доволно писаша

и от древле преданно тако^к показаша.

Невежда, противящся чертанию сему́,
противится закѣну и богу самому́.

⁴Тако исполняемый весь закон бывает,
идеже истинная любовь обитает.

Любовь^м добродетели яко открывает,
тако грехов множество весма́ покрывает.⁴

³ На левом поле написано кадь. ^и На левом поле написано глубина. ^к На левом поле написано сне. ^{л-л} Текст написан на полоске бумаги, подклеенной к листу.
^м Слово написано рядом с зачеркнутым тая.

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

Л. В. СОКОЛОВА

Троян в «Слове о полку Игореве»

(Обзор существующих точек зрения)

По словам одного из исследователей «Слова о полку Игореве», оно до тех пор останется непонятым в своих литературных и исторических основах, «доколе нам не удастся рассеять густой туман, окутывающий деятельность двух великих личностей — Бояна и Трояна».¹

Если личность Бояна можно считать теперь более или менее проясненной, то по поводу Трояна² единомыслия среди ученых «не было ни сто лет тому назад, ни в наши дни».³ За два столетия по этому поводу высказано такое множество точек зрения, рассеянных по разным изданиям, что даже не каждый пишущий на эту тему в силах ознакомиться со всеми предположениями. Не случайно в последнее время появились статьи, авторы которых повторяют уже существующую в науке гипотезу, не зная об исследованиях своих предшественников. Уже одно это делает необходимыми периодические обзоры литературы по данной проблеме. Основное же назначение подобных обзоров — критический анализ выдвинутых гипотез, их состоятельности, обоснованности, т. е. поэтапное подведение итогов и по сей день не прекращающейся дискуссии.

О работах XIX века, посвященных Трояну «Слова», дают хорошее представление обзоры М. А. Максимовича, Н. П. Дашкевича, Н. С. Державина, А. Болдура.⁴ Исследования XX в. по этой теме до сих пор не обобщены. В трех последних обзорах учтено в общей сложности около десяти работ, появившихся после 1900 г. Не решают проблемы и те по необходимости краткие обзоры литературы о Трояне «Слова», которые мы находим во вводной части статей на эту тему, поэтому возникает практическая необходимость в критическом обзоре исследований о Трояне, опубликованных в XX в. Эту задачу и ставит перед собой данная статья. Работы рассматриваются не в хронологическом порядке, а по принадлежности к тому или иному направлению в понимании прилагательного «Троянь» (с учетом точек зрения, высказанных в прошлом веке). Это по-

¹ Л о н г и н о в А. В. Историческое исследование сказания о походе северского князя Игоря Святославича на половцев в 1185 г. Одесса, 1892. С. 9.

² Прилагательные «Трояню», «Трояни» (далее будем употреблять начальную форму — «Троянь») исследователи связывают с разными существительными: Троян, трояны, Троянь, Троя и др. Учитывая это, по традиции будем в дальнейшем употреблять существительное в форме «Троян».

³ Р ы б а к о в Б. А. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972. С. 422.

⁴ М а к с и м о в и ч М. А. [Письмо А. С. Уварову. . .] // Труды 1-го Археологического съезда. М., 1869. Т. 1. С. СХХVIII—СХХХII. (перизд. под загл. «О значении имени „Траян“, упоминаемом в „Слове о полку Игореве“»: М а к с и м о в и ч М. А. Собр. соч. Киев, 1877. Т. 2. С. 426—432); Д а ш к е в и ч Н. П. Славяно-русский Троян и римский император Траян: Опыт пересмотра этого вопроса и проверки ответов на него // Serta Borysthenica: Сб. в честь заслуж. проф. имп. ун-та св. Владимира Ю. А. Кулаковского. Киев, 1911. С. 217—248; Д е р ж а в и н Н. С. «Троян» в «Слове о полку Игореве» // Сб. статей и исслед. в обл. слав. филол. М.; Л., 1941. С. 7—60; Б о л д у р А. Троян «Слова о полку Игореве». ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 15. С. 7—35.

зволит составить более ясное представление о каждом из этих направлений. Для удобства изложения необходимо вначале дать классификацию многочисленных точек зрения по рассматриваемой проблеме. Такую классификацию впервые предложил Н. С. Державин.⁵ Он выделил мифологическое, символическое, историко-литературное и историческое направления. А. Болдур⁶ счел ее неудобной, ввиду того что она не основана на строгом *fundamentum divisionis*. К символическому направлению, например, отнесена точка зрения ученых, которые на основании этимологии имени Троян (от числительного «три») видят в Трояне либо одного русского князя — отца трех сыновей, либо трех князей-братьев. Это в сущности «чисто исторический подход к делу», и такую точку зрения следовало бы, пишет Болдур, отнести к историческому направлению. С другой стороны, так называемое историческое направление не лишено мифологических элементов. Сторонники этого направления (уточним — некоторые из них) говорят об «обожествлении» правителя. Термин «историко-литературное» направление также представляется А. Болдуру неудачным, так как не характеризует сущности взглядов авторов этого направления. Наконец, точки зрения некоторых авторов, по классификации Н. С. Державина, принадлежат сразу двум, а то и трем направлениям (О. Огоновского, А. В. Лонгинова, Е. В. Барсова и др.).

Классификация, предложенная А. Болдуrom, такова.

I. Негативное направление; II. Позитивное направление, распадающееся на три течения: 1) римское (Троян — римский император Траян); 2) раннеславянское (Троян — славянское божество); 3) русское (Троян — русский князь XI—XII вв.).⁷ Вопреки мнению самого А. Болдура, будто его классификация «значительно отличается от классификации, предлагаемой Н. С. Державиным», она по сути дела повторяет то, что было предложено последним; разница заключается только в терминологии: историко-литературное направление названо «негативным», мифологическое, историческое и символическое направления названы А. Болдуrom соответственно раннеславянским, римским и русским течениями «позитивного» направления. Пытаясь каждое из названных течений позитивного направления приурочить к определенному историческому отрезку времени (римское — ко II—III вв., раннеславянское — к VI—IX вв., русское — к XI—XII вв.), А. Болдур не замечает, что из его классификации выпадает целое течение, видящее в Трояне либо легендарных основателей Киева (V—VI вв.), либо братьев-варягов Рюрика, Синеуса и Трувора (IX в.).

Нельзя признать удачным и термин «негативное» направление, если относить к нему тех исследователей, которые не считают Трояна «продуктом русской истории», а понимают под этим именем, которое они читают как «Троянь», гомеровскую Трою. Во-первых, и римского императора нельзя признать «продуктом русской истории», а во-вторых, связывая «Троянь» с преданиями о Трое, Троянской войне, исследователи высказывают такую же «историческую» точку зрения, как и те, кто видит в Трояне римского императора.

Г. Карпунин⁸ предложил свою классификацию мнений писавших о Трояне: он выделяет мифологическое, историческое, палеографическое, этимологическое направления. Данная классификация, во-первых, не охватывает всех точек зрения, а во-вторых, в ней не выдержан единый принцип систематизации. Одно направление выделяется на основании того, кем признается Троян (мифологическое, историческое), а другое — на основании того, что является основой для точки зрения сторонников данного направления (этимологическое).

⁵ Державин Н. С. «Троян» в «Слове о полку Игореве». С. 31.

⁶ Болдур А. Троян «Слова о полку Игореве». С. 8—9.

⁷ Там же. С. 9—10.

⁸ Карпунин Г. Жемчуг «Слова», или Возвращение Игоря. Новосибирск, 1983. С. 78—81.

Основываясь на предыдущих классификациях и используя частично их термины (смысл которых, правда, не всегда остается тем же), предлагаем выделить 5 направлений в объяснении прилагательного «Троянь» в «Слове о полку Игореве»: историческое, мифологическое, абстрактное, компилятивное и негативное. Каждое из этих направлений представлено различными течениями, а они в свою очередь — несколькими точками зрения. В связи с этим предлагаем наряду с краткой подробную их классификацию, которая поможет в наведении справок по данному вопросу, так как в ней учтены точки зрения, высказанные как в нашем, так и в прошлом столетии. Библиография работ на эту тему приведена в приложении к статье.

I. Историческое направление.

Одни сторонники данного направления считают, что прилагательное «Троянь» образовано от имени собственного Троян. В последнем видят:

— римского императора I—II вв. н. э. Траяна (Н. М. Карамзин, Н. Ф. Грамматин, П. Лукашевич, М. А. Максимович, Е. Е. Голубинский, Н. С. Державин, М. Н. Тихомиров, Б. А. Рыбаков, Н. А. Баскаков и др.);

— римского полководца IV в. Траяна (А. Кухарский);

— одного из русских князей, носившего другое имя, но в «Слове» символически именуемого Трояном. При этом называются: Рюрик как старший из трех братьев-князей (А. С. Петрушевич, Г. Штурм в работе 1934 г.); Владимир I Святославич, по словам Н. Полевого, названный Трояном в одном древнем русском памятнике, в каком — не сказано (Н. Полевой, а также Д. Дубенский в работе 1844 г., О. Бодянский и др.); Олег Святославич (Н. В. Шляков); Святослав Игоревич как отец трех сыновей (Г. Ильинский);

— русского князя Трояна — предполагаемого основателя русской княжеской династии (А. Г. Кузьмин);

— трех русских князей-братьев — княжеский триумvirат, в состав которого входят: Кий, Щек и Хорив — «трояны», как называются в украинских сказках три брата (Н. Костомаров); три сына Святослава I: Ярослав, Олег, Владимир (Д. Дубенский в работе 1855 г.); три сына Ярослава Мудрого: Изяслав, Святослав, Всеволод (А. В. Лонгинов, Б. Греков, М. Приселков, С. Пушкин);

— весь русский княжеский «трехбратный» род (И. Е. Забелин);

— творца, строителя «Славянского мира», в том числе русской земли (Д. Прозоровский);

— антского князя Атиллу (Г. Штурм в работе 1926 г.);

— воеводу Труана, упомянутого в договоре Олега с греками 912 г. (Н. В. Шарлемань);

— предполагаемого певца князя Мстислава, предшественника Бояна (А. Абихт).

Другие сторонники исторического направления считают, что прилагательное «Троянь» образовано от названий «Троя» или «Троянь», обозначающих:

— гомеровскую Троию (П. П. Вяземский, А. Н. Веселовский, И. Новиков, Р. Пиккио);

— город «Труя» («Троя») в земле тюрок, упоминаемый арабским географом XII в. Идриси; ныне местечко Трояны близ Бердянска (Р. Якобсон, М. Шефтель, С. Н. Плаутин);

— город Тмуторокань (О. Прицак);

— предполагаемую державу V в. — тройственный союз трех племен: полян, древлян, руси (Б. И. Яценко).

К историческому направлению следует отнести также точку зрения В. Шевчука, в разных фрагментах по-разному толкующего прилагательное «Троянь»: 1) город Киев, который якобы в древности назывался Троей; 2) всю Киевскую землю; 3) Кия или всех трех братьев, основателей Киева.

II. Мифологическое направление.

Сторонники этого направления видят в Трояне:

— языческое божество: бога солнца (М. Пачовский, В. Щурат, Я. Е. Боровский и др.), бога тьмы, подземного царства (А. Н. Майков), бога луны (Ю. М. Золотов), бога зимы (А. Болдур), бога зла в зооморфном облике змея (С. Н. Плаутин, Р. Манн), бога войны (Г. Карпунин в работе 1978, А. А. Косоруков), мифическое существо наподобие северогерманских эльфов-ковачей (Ф. И. Буслаев);

— мифического трехглавого царя Герiona из греческого сказания, символизировавшего якобы княжеский триумvirат (Е. В. Барсов в работе 1904 г.)

— несторианскую Троицу (Л. Н. Гумилев).

III. Абстрактное направление.

Сторонники его считают, что Троян в «Слове»:

— метафора древности или божественности (А. А. Потебня, В. А. Яковлев, И. П. Еремин);

— эпитет, относящийся к особо известному певцу (Д. Прайс).

М. Данилевский полагал, что прилагательное «Троянь» образовано в «Слове» не от имени собственного, а от числительного «три» и является о п р е д е л е н и е м (тройной, тройкий), обозначающим три душевные особенности: ум, чувство, воображение.

IV. Компилятивное направление.

Сторонники данного направления пытаются совместить две или даже три точки зрения на Трояна, видя в Трояне «Слова»:

— обожествленного римского императора Траяна, с именем которого связаны некоторые мифические сказания (А. Н. Майков, А. А. Потебня, Н. П. Дашкевич, В. Н. Перетц, Н. Дылевский, О. Чебаев и др.). Эта точка зрения восходит к работам Л. Леже, В. Ягича и других ученых, рассматривавших Трояна южнославянских сказаний (безотносительно к «Слову») как обожествленного, мифологизированного императора Траяна;

— обожествленного русского (славянского) князя или князей (Е. В. Барсов, О. Огоновский, А. В. Лонгинов, Л. А. Булаховский);

— одновременно римского императора и языческого бога (Б. Гаспаров);

— одновременно языческого бога и христианскую Троицу (Г. Карпунин, А. П. Комлев и К. К. Белокуров).

V. Негативное направление.

Представители указанного направления отрицают наличие в «Слове» прилагательного «Троянь», читая вместо него другие слова: «Бояни» (К. Я. Эрбен, Н. С. Тихонравов, Н. И. Маньковский, Я. Малашов, Е. Кагаров в работе 1918 г., С. К. Шамбинаго, А. Югов); «Краяни» (А. Ф. Вельтман); «Тројани», т. е. «Тмурокани» (О. Сулейменов). К этому же направлению следует отнести тех исследователей, которые отрицают не самое имя Троян в «Слове», а его смысловое содержание (Вс. Миллер, В. Мансика).

Особо можно выделить точки зрения тех исследователей, которые в разных фрагментах по-разному трактуют прилагательное «Троянь» (О. Огоновский, Н. М. Павлов, А. Н. Майков, О. Партыцкий и др.).

Рассмотрим теперь подробнее те из перечисленных точек зрения, которые были высказаны в XX веке.

Историческое направление

«Римская» точка зрения применительно к четырем упоминаниям Трояна в «Слове», впервые высказанная Н. М. Карамзиным и Н. Ф. Грамматиным, наиболее обстоятельно была изложена в XIX в. М. А. Максимовичем.⁹ Вслед за Н. Ф. Грамматиним он полагал, что «земля Трояня» — это древ-

⁹ Максимович М. А. О значении имени «Троян» . . . С. 426—433.

няя Дакия, покоренная Траяном в 102 г. н. э. и обращенная в область Троянову — provincia Traiani. «Тропа Трояня», по толкованию М. А. Максимовича, это древняя дорога, пролегающая через Малую Валахию от Дуная до Карпатских гор и известная под названием дороги Трояновой — по-румынски cale Trajan, в древности via Traiani. «Въчи Трояни» — века, протекшие от покорения Дакии Трояном. «На седьмомъ вѣдѣ Трояни» — значит, на седьмом веке от покорения Дакии. Поскольку 60-е гг. XI в. нельзя признать седьмым веком от 102 г., М. А. Максимович предложил считать век протяженностью не в десять десятилетий, а в «четыре сорока» лет, т. е. в 160 лет. В XX в. эта точка зрения была развита в трудах двух академиков — Н. С. Державина и Б. А. Рыбакова.

Не высказывая никаких критических замечаний в адрес приведенных им толкований М. А. Максимовича, Н. С. Державин предлагает свое понимание данных чтений «Слова». Троян в «Слове», с его точки зрения, «представляет собой не какой-либо мифологический или символический образ, и не отложение в „Слове“ какой-либо старой литературной традиции, а определенное историческое лицо, именно — римского Траяна, которого высокообразованный и просвещенный для своего времени автор „Слова“, несомненно, знал как из устной традиции, так и из письменных источников».¹⁰ «Земля Трояня» — это, по его мнению, «не какой-либо символ или образ, а политическая характеристика Киевской Руси, имевшая в виду < . . . > поднять престиж своей Родины < . . . > на высоту мировой державы и тем самым еще резче осудить мелочные княжеские раздоры». «На седьмомъ вѣдѣ Трояни» значит, по Державину, на седьмом веке после падения римского владычества (которое произошло приблизительно в IV в. н. э.) в Киевско-Дунайской области. «Въчи Трояни» характеризуют, по словам Н. С. Державина, определенный отрезок исторического прошлого территории Киевско-Дунайской области, предшествовавший образованию в VII в. на его юго-восточной периферии, на Дунае, славянской державы болгар, а на Днепре в IX в. — Киевского княжества. Судя по толкованию предыдущего выражения, «въчи Трояни» начались после падения римского владычества в Киевско-Дунайской области. «Тропа Трояня», по утверждению Державина, это искаженное славянами (дружинниками Святослава Игоревича, совершавшего военные походы по Дунаю) Тораеум Траіани (т. е. трофеи Траяна) — памятник в Добрудже в честь победы Траяна над Даками.¹¹

Б. А. Рыбаков¹² присоединяется к «римской» точке зрения на Трояна, внося в нее изменения. Император Траян, рассматриваемый как историческое лицо в точных хронологических рамках, не может, по мнению Б. А. Рыбакова, отождествляться с Трояном «Слова» по двум причинам. Во-первых, в этом случае не удастся без натяжек назвать XI в., время Всеслава, седьмым веком после Траяна (умер в 117 г.). Во-вторых, время Трояна измеряется в «Слове» «веками» (мн. число), тогда как время Ярослав — годами. Следовательно, речь идет не о жизни одного Траяна, заключает ученый, а о нескольких поколениях или нескольких столетиях, окрашенных его именем, об эпохе, начало которой связано с Трояном. Эту эпоху можно связать, по мнению Б. А. Рыбакова, с длительным пе-

¹⁰ Д е р ж а в и н Н. С. «Троян в «Слове о полку Игореве». С. 45. — В противоречие с данным категоричным высказыванием и с подобным ему утверждением на с. 32 («Троян „Слова о полку Игореве“ не имеет ничего общего с образом < . . . > Трояна наших фольклористов-мифологов», хотя «как один из богов общеславянского пантеона в древности, он мог быть известен автору „Слова“, как ему были известны и Дажь-бог, и Хорс, и Велес, и Стрибог, и другие божества»), в другом месте Н. С. Державин пишет: «Мифическое существо, перерождающееся впоследствии в полубога, в эпического героя, с позднейшим отождествлением его с римским императором Траяном, — вот тот процесс, который вскрывает нам образ Трояна в „Слове о полку Игореве“» (с. 33).

¹¹ Там же. С. 45—50.

¹² Р ы б а к о в Б. А. Русские летописцы. . . С. 421—437.

риодом мирного и плодотворного соприкосновения приднепровских и вольтинских славян с римскими центрами Подунавья и Причерноморья. Под воздействием торговли с Римом славянская культура пережила резкий взлет, начались времена благоденствия, длившиеся три века — от завоевания Траяном Дакии и установления господства Рима над всем северо-западным Причерноморьем (II в.) вплоть до 70-х гг. IV в., когда римское владычество в Причерноморье пало под натиском гуннов и готов. Доказательством этой гипотезы Б. А. Рыбаков считает открытые археологами многочисленные клады римских монет на всей территории славянской лесостепи, в том числе на Киевщине и Волини, массовый приток которых начался, по предположению археологов, во время правления императора Траяна. Последние же значительные находки относятся к IV в., в частности ко времени Феодосия Великого (379—395). Эти три века (II—IV вв.) связи с Римом, бывшие для славянских племен Киевщины и Волини веками расцвета и благоденствия, и получили у славян, по мнению ученого, свое эпическое наименование «веков Трояних», поскольку начало их связано с именем божественного Траяна.

Исходя из этой гипотезы, Б. А. Рыбаков так объясняет упоминание Трояна в «Слове».

1. «Земля Трояня». Исходя из контекста «Слова», ученый понимает под ней «место проявления злой сущности Девы-Обиды, плещущей своими лебедиными крыльями на синем море у Дона», где происходили «последние трагические эпизоды битвы с половцами», где остатки русских полков «в море истопоша», т. е. район северного берега Азовского моря близ Мариуполя и Бердянска. Но затем Б. А. Рыбаков неправомерно и необоснованно расширяет это понятие, включая в «землю Трояню» греко-римские города Причерноморья и даже всю Римскую империю, с которой, якобы, славяне впервые сблизились при Траяне.

2. «Века Трояни» — три столетия жизни греко-римских областей Причерноморья, от походов Траяна 101—106 гг. до нашествия гуннов в 350—370-х гг. Для приднепровских славян это были века резкого подъема культуры, обогащения, мирной жизни (до 370-х гг.).

3. «Седьмой век Трояний» — седьмое столетие после падения «Трояней земли» под натиском гуннов, т. е. 1050—1070-е гг., что вполне соответствует воцелению Всеслава в Киеве (1068).

4. «Тропа Трояня» — проложенная или использованная императором Траяном горная тропа через Балканский хребет, использовавшаяся в VI—VII вв. и, вероятно, служившая одним из главных путей вторжения славян в пределы Византийской империи.

«Римской» точки зрения в расшифровке образа Трояня «Слова о полку Игореве» придерживались также Н. П. Дашкевич,¹³ А. И. Белецкий,¹⁴ Н. А. Баскаков,¹⁵ М. С. Дринов¹⁶ и др.

Необходимо отметить, что эта точка зрения считается одной из наиболее авторитетных. Но она вызвала и немало критических замечаний. Еще А. С. Пушкин пронизировал по поводу отождествления Трояня «Слова» с римским императором.¹⁷ А. С. Орлов, не видевший ничего удивительного «в сближении ономастики русского произведения XII в. с именем римского императора Траяна», привел толкование представителями «римской» точки зрения тропы и земли Трояня, а также пояснения поэтического смысла этих выражений, заметил, что они «скорее остроумны, чем веро-

¹³ Д а ш к е в и ч Н. П. Славяно-русский Троян и римский император Траян. С. 231.

¹⁴ Б е л е ц к и й О. Слово о полку Игоревім // Зібрання праць: У 5 т. Київ, 1965. Т. 4. С. 206.

¹⁵ Б а с к а к о в Н. А. Тюркская лексика в «Слове о полку Игореве». М., 1985. С. 139—140.

¹⁶ См.: ЧОИДР. 1872. Кн. 4. С. 76—81.

¹⁷ П у ш к и н А. С. Собр. соч.: В 6 т. М., 1969. Т. 6. С. 330.

подобны». Еще слабее считал он толкования «веков Трояних», «не говоря уже о „сѣдѣмомъ вѣцѣ Трояни“». ¹⁸

В связи с этим проверим еще раз, насколько убедительны доводы сторонников «римской» точки зрения.

Само по себе отождествление Трояна «Слова о полку Игоре» с известной исторической личностью, владевшей частью славянских земель, на первый взгляд весьма правдоподобно. Однако римский император не вписывается в контекст «Слова о полку Игоре» ни с точки зрения смысла тех фрагментов, в которых упоминается имя Трояна, ни с точки зрения «математической» — подсчета «седьмого века Трояна».

Как видно из обзора, «века Трояни» сторонники «римской» точки зрения понимают по-разному. М. А. Максимович указывал только начальную точку отсчета (II в., покорение Дакии Траяном), полагая, видимо, что пределы им не положены. XI в. с большой натяжкой (считая произвольно век = 160 годам) он называл седьмым веком Трояна. У Н. С. Державина толкование «седьмого века Трояна» противоречит толкованию «веков Трояних». «Века Трояни», по его мнению, это ограниченный (но неопределенный) отрезок времени, начинающийся в IV в. н. э. (падение римского владычества в Киевско-Дунайской области) и кончающийся либо в VII в. (образование державы Болгар), либо в IX в. (образование Киевского княжества). Но поскольку XI в. назван в «Слове» «седьмым веком Трояна», то в «века Трояни» Н. С. Державин включает и его. По Н. С. Державину, таким образом, выходит, что, с одной стороны, «века Трояни» закончились либо в VII, либо в IX в., а с другой — XI в. тоже входит в «века Трояни», седьмым по счету. Б. А. Рыбаков определяет «века Трояни» как II—IV вв., но при этом тоже вынужден считать XI в. седьмым веком Трояна, за точку отсчета принимая окончание «веков Трояних». Таким образом, по Б. А. Рыбакову, получается две эпохи Трояна: первая — II—IV вв., а вторая — все последующие века, следующие за этим периодом. Вряд ли одним и тем же термином — «века Трояни» — могли обозначаться два разных периода, второй из которых охватывает по сути дела неограниченное число веков нашей эры, начавшись после окончания «веков Трояних». Как резонно заметил в связи с этим Г. Карпунин, «отправной точкой всякого летоисчисления является начало чего-либо, а не конец, ибо исчисляется время существования какой-либо величины (мира, страны, церкви и т. п.)». ¹⁹

Нельзя не отметить и то, что имя римского императора в высшей степени искусственно присваивается Н. С. Державиным периоду времени, никакого отношения к Траяну не имевшему, начавшемуся с падения римского владычества в Причерноморье и окончившемуся то ли в VII, то ли в IX в. Неубедительно и предположение Б. А. Рыбакова, что именем Траяна могли называться века римского господства в Северном Причерноморье, бывшие, по его мнению, для приднепровских и вольнских славян «временами благоденствия». Почему длительный (многовековой!) период носил имя императора, умершего в самом его начале?

Нет единства среди представителей «римской» точки зрения и по вопросу о расположении «земли Трояней», М. А. Максимович считал ее древней Дакией, покоренной Траяном; М. Н. Тихомиров ²⁰ (его точка зрения будет рассмотрена далее) — Болгарией; Н. С. Державин — Русской землей, будто бы названной землей Траяна с тем, чтобы подчеркнуть значение Руси как мировой державы. Б. А. Рыбаков, учитывая, что фрагмент «Слова» с упоминанием «земли Трояней», безусловно, имеет в виду русскую или половецкую территорию (поскольку повествует о русско-половецких

¹⁸ Орлов А. С. Слово о полку Игоре. 2-е изд., доп. М.; Л., 1946. С. 92—94.

¹⁹ Карпунин Г. По мыслену древу // Сибирские огни. 1978. № 12. С. 153.

²⁰ Тихомиров М. Н. Боян и Троянова земля // Слово о полку Игоре: Сб. исслед. и ст. М.; Л., 1950. С. 175—187.

взаимоотношениях), пытается «примирить» то значение «земли Трояней», которое вытекает из контекста (по его мнению, это место гибели полков Игоря), с тем, которого требует «римская» концепция Трояна (по Рыбакову, греко-римские города Причерноморья и даже вся Римская империя). Но и это не спасает положения, так как исследователь предлагает по сути дела две взаимоисключающие трактовки.

Что касается толкования «земли Трояней» Н. С. Державиным, то если даже допустить возможность именованная автором «Слова» Русской земли «землей Траяна», т. е. Римской империей, трудно объяснить, почему Римская империя названа землей одного из императоров и как в таком случае могли слушатели догадаться, что под «землей Траяна» надо понимать не Римскую империю, а Русскую землю. Противоречивые толкования «веков Трояних» и «земли Трояней» свидетельствуют о несостоятельности «римской» точки зрения на Трояна «Слова».

Наряду с «римской» точкой зрения к историческому направлению следует отнести также точку зрения тех исследователей, которые видят в Трояне русского князя.

Напомним, что в XIX в. в качестве «претендентов» на «роль» Трояна были названы следующие князья: Рюрик,²¹ Владимир I Святославич,²² Владимир Мономах.²³ В XX в. этот список был продолжен. В 1905 г. Н. В. Шляков²⁴ предложил видеть в Трояне «Слова» Олега Святославича, который родился в 7-м поколении после Рюрика. По его мнению, «Троян для Олега то же, что Гориславич, — прозвание от того корня, от которого происходит и охотничье тройня, тропа, перетроенный заячий след . . . и старославянское трая, серб. трајати, трајем, dauern, durare . . . Троян — настойчивый, доходчивый, дойда, кошта, dospora». В соответствии с этим толкованием Шляков, по выражению Н. С. Державина, «перестроил весьма неудачно и с большими несуразностями . . . объяснение четырех мест в «Слове», где упоминается имя Трояна. «Тропа Трояня» — это тропа Олега, «века Трояни» — это века Олеговы, «седьмой век Троянов» — седьмой род, седьмое колено от Рюрика, время жизни Олега и Всеслава, так как слово «век» в то время еще не имело значения 'saeculum', а означало 'vita', 'время жизни чего-либо'. Таким образом, «трояни» толкуется Шляковым как уточнение к числительному «седьмой»: на седьмом, т. е. «троянем», Олеговом княжеском поколении действовал Всеслав.

Г. Ильинский в 1930 г.²⁵ указав на то, что в современном живом украинском языке слово «троян» употребляется в значении «отец, имеющий трех сыновей-близнецов», и предполагая, что первоначально оно могло обозначать и отца, имеющего вообще трех сыновей, пришел к заключению: под именем Троян в «Слове о полку Игореве» подразумевается отец трех сыновей (Ярослава, Олега, Владимира), знаменитый Святослав Игоревич, князь X в. Исходя из этого Г. Ильинский интерпретировал четыре места в «Слове» с упоминанием Трояна следующим образом: «Рица в тропу трояню через поля на горы» — значит, устремляясь мыслью вслед за Свя-

²¹ Петрушевич А. С. 1) «Слово о полку Игореве»: Древнерусское эпическое стихотворение из конца XII столетия. Львов, 1886. С. 19—20; 2) Мое издание «Слова о полку Игореве», плагиат и моя оборона // Слово. (Львов), 1886. № 99—100. — По мнению автора, Рюрик как старший из трех братьев («трибратичей») был назван автором «Слова» Трояном; с него Русь считала века или поколения (колена) княжеские, тем самым положив начало так называемой Степенной книге. Позднее имя Троян было запрещено как совпадающее с именем языческого бога.

²² Впервые эта точка зрения была высказана Н. Полевым в рецензии на издание «Слова. . .» А. Вельтманом. См.: Московский телеграф. 1833. № 5. С. 438.

²³ Лонгинов А. В. Историческое исследование сказания о походе Северского князя Игоря Святославича на половцев в 1185 г. Одесса, 1892. С. 91—125;

²⁴ Шляков Н. В. Троян в «Слове о полку Игореве» // Новый сборник статей по славяноведению, сост. и изд. учениками В. И. Ламанского. СПб., 1905. С. 289—296.

²⁵ Ильинский Г. Хто Троян у «Слові о полку Ігоревім»? // Україна. 1930. Кн. 41. № 5—6. С. 13—18.

тославом через Черноморские степи и Балканские горы во время его знаменитого похода в Болгарию; «земля Трояня» — это земля Святослава; «вѣчи Трояни» — это времена Святослава и его трех сыновей; «на седьмомъ вѣцѣ Трояни» — на седьмом после Святослава великом княжении Всеволода (1078—1093), когда Всеслав «врѣже жребии о дѣвицю себе любу».

Однако поэтический смысл мест с упоминанием Трояня будет непонятным, если под Трояном подразумевать Святослава Игоревича. Почему именно он выделяется среди других русских князей, а время его правления сопоставляется, с одной стороны, с временем Ярослава, а с другой — с временем Олега Святославича? Почему его именем названа земля, на которую вступила Дева-Обида? (Г. Ильинский не уточняет, какая именно это земля). Почему княжение Святослава служит начальной точкой отсчета какого-то периода времени и какой смысл в сопоставлении времени Всеслава Полоцкого с временем Святослава? На все эти вопросы работа Г. Ильинского ответа не дает.

Г. Шторм в примечаниях к своему переводу, опубликованному в 1934 г.,²⁶ повторяет мысль А. С. Петрушевича (см. примеч. 21), что Троян — это Рюрик, старший из трех братьев (у различных славянских племен, по его словам, трояном называли старшего из трех братьев). С этой точки зрения, земля Троянова — Русская земля. Седьмой век — это седьмое поколение, считая от Рюрика: 1) Рюрик, 2) Игорь, 3) Святослав, 4) Владимир, 5) Ярослав, 6) Святослав, 7) Олег. Троянова тропа, по мнению Г. Шторма, — это древнерусское название Млечного пути, который у разных народов назывался по имени того или иного героя.

К толкованию Троян—Рюрик склоняется и Л. Магнус.²⁷ Однако он думает, что Рюрик назван Трояном не как старший из трех братьев, а в память о римском императоре Траяне.

В 1969 г. приведенную точку зрения А. С. Петрушевича и Г. Шторма изложил (и тоже без ссылок!) А. Г. Кузьмин.²⁸ Отличие его гипотезы от гипотезы предшественников состоит лишь в том, что Рюрика он (как антинорманист) изгоняет из русской истории, заменяя славянским Трояном, который и был, по его мнению, родоначальником русской княжеской династии.

Первое сведение о Трояне А. Г. Кузьмин вычитывает из фразы: «О Бояне! . . . Абы ты сиа плѣки ущекоталь . . . рища въ тропу Трояню чресь поля на горы, — пѣти было пѣснь Игореву, того внуку: „Не буря. . .“» Исходя из убеждения, что слово «того» в данном контексте («по смыслу всей строфы») относится к Трояну, а слово «внуку» в поэме постоянно употребляется в значении «потомок», исследователь приходит к заключению, что автор «Слова» считал северского князя потомком Трояна. Это в свою очередь служит основанием для утверждения, что «первое же упоминание Трояна в „Слове“ представляет его как легендарного основателя династии русских князей». Сходный смысл содержит, по мнению А. Г. Кузьмина, и второе упоминание Трояна: «Были вѣчи Трояни. . .». Ученый совершенно справедливо указывает, что «этой фразой автор дает как бы три эпохи русской истории, причем само сопоставление Трояна с Ярославом и Олегом Святославичем предполагает, что речь идет о правителе, а не о божестве». Причем А. Г. Кузьмин, отметив, что эпоха Трояна предшествует «летам» Ярослава, далее отступает от этого положения, указав: по тексту «Слова» «вѣчи Трояни» захватывают и период после Ярослава. Исследователь обещает прокомментировать эту мысль далее, но она так и остается не-

²⁶ Слово о полку Игореве / Вступ. ст., пер. и примеч. Г. Шторма. М., 1934. С. 69. Примеч. к стихам 67—70.

²⁷ Magnus L. A. The Tale of the armament of Igor. London, 1915. P. XLIX—LII.

²⁸ Кузьмин А. Г. «Слово о полку Игореве» о начале Русской земли // ВИ. 1969. № 5. С. 53—66.

объясненной. Вероятно, эта оговорка вызвана тем, что XI в. необходимо считать вслед за автором «Слова» седьмым веком Трояна.

Видимо, не считая возможным отнести ко времени правления Трояна несколько веков, А. Г. Кузьмин принимает прочтение Н. М. Карамзина («сѣчи» вместо «вѣчи») и полагает, что автор «Слова» сопоставляет здесь войны, сражения Трояна — с «полками» (походами) Олега. Но при таком толковании приведенной фразы теряется весь внутренний смысл временного ряда, наметившего, как справедливо указал сам А. Г. Кузьмин, т р и этапа русской истории. И при чем тогда здесь «лета Ярослава»?

Толкуя выражение «на седьмомъ вѣцѣ Трояни», автор статьи прежде всего определяет значение в данном контексте слова «век». Он напоминает, что отождествление «века» со столетием произошло сравнительно недавно (точнее — при Петре I. — Л. С.). Буквальное значение слова «век» в древности — это срок жизни человека, предмета, явления. Наиболее употребительным в прошлом это слово было, по словам А. Г. Кузьмина, в значении «жизнь одного поколения», «век человеческий». Заметив далее, что в русской языческой мифологии не обнаруживается следов мистификации числа «семь», а потому не видно никаких препятствий для буквального понимания слов «на седьмомъ вѣцѣ», А. Г. Кузьмин делает вывод: это выражение означает «на седьмом поколении». «Автор, видимо, сообщает, — пишет исследователь, — что вокняжение Всеслава в Киеве произошло „на седьмомъ вѣцѣ“, считая от Трояна. Это выражение, очевидно, относится либо к генеалогии Всеслава, либо к сменам князей на киевском столе. Считая Всеслава в седьмом поколении, мы получим следующий генеалогический ряд: 7. Всеслав; 6. Брячислав; 5. Изяслав; 4. Владимир; 3. Святослав; 2. Игорь; 1. Троян. Как можно видеть, Троян по такому расчету оказывается основателем династии русских князей, непосредственным предшественником (отцом?) Игоря. «Весьма любопытно, — продолжает А. Г. Кузьмин, — что аналогичная последовательность получается и в том случае, если учитывать князей, выделенных в летописи заголовками: 7) Изяслав; 6) Ярослав; 5) Владимир; 4) Ярополк; 3) Святослав; 2) Игорь; 1) Троян».

В гипотезе Кузьмина, по мнению А. Б. Рыбакова, есть два уязвимых места (указанных, собственно, самим исследователем): «Во-первых, в перечисленных им семи династических звеньях отсутствуют княгиня Ольга, правившая Русью после 945 г., и (в первом генеалогическом ряду. — Л. С.) князь Ярополк Святославич, княживший после Святослава (А. Г. Кузьмин отмечает еще правление Святополка Окаянного. — Л. С.). Во-вторых, автор сам признает, что „одним из главных доводов, которые можно выдвинуть против признания Трояна легендарным родоначальником династии русских князей, является упорное молчание о нем в Начальной летописи“». ²⁹ А. Г. Кузьмин пытается, правда, дать объяснения и тому, и другому факту, но они неубедительны. В частности, молчание летописи о Трояне он объясняет тем, что редактор летописи — норманнист — особенно последовательно искоренял это имя как противоречащее его собственной идее. ³⁰

Есть и еще одна неопределенность в гипотезе А. Г. Кузьмина. Неясно, какой век (столетие) следует связывать с именем Трояна в русской истории. Исследователь то считает его непосредственным предшественником, возможно, даже отцом Игоря (в этом случае Троян жил во второй половине

²⁹ Рыбаков Б. А. Русские летописцы. . . С. 424.

³⁰ Вопреки мнению А. Г. Кузьмина, высказанному в данной статье, «Повесть временных лет» ясно излагает, «кто в Киеве нача перве княжити». Дело в том, что летопись повествует только о киевском княжении Рюриковичей, начиная его с Олега и Игоря. Княжение варягов Аскольда и Дира считается летописцем незаконным по той причине, что они не относились к княжескому роду Рюриковичей. Из славянских киевских князей упомянуты только первые — основатели Киева: Кий, Щек и Хорив.

IX в.), то связывает Трояна как родоначальника династии русских князей с периодом оформления русского государства, отождествляя этот период, как и Е. В. Барсов, с периодом первых массивированных походов на Византию (в таком случае Троян жил в конце V—начале VI в.?).

Видимо, чувствуя невозможность более или менее определенно указать на время жизни Трояна, А. Г. Кузьмин пишет: «Едва ли Боян, воспевая славное доигорево прошлое Руси, пользовался чем-то помимо народных преданий, и едва ли он представлял себе ясные хронологические рамки „века“ или „вечей Трояна“». Это еще раз указывает на то, что исследователь сам сомневается в хронологической отнесенности Трояна к IX в., в том, что он «непосредственный предшественник Игоря», год вокняжения которого указан в летописи уже со всей определенностью, как, впрочем, датированы и походы Олега.

Еще в XIX в. возникла мысль о том, что прилагательное «Трояний» (века), «Трояня» (земля, тропа) могут быть образованы от слова «трояны» — прозвания трех братьев-князей. Эту точку зрения высказал первым в 1855 г. Д. Дубенский,³¹ полагавший, что русская земля названа «Трояновою», поскольку после смерти Святослава I досталась трем братьям. Н. И. Костомаров³² подразумевал под «троянами» Кия, Щека и Хорива, основателей Киева. Обычно сюда же относят точку зрения И. Е. Забелина,³³ который считал, что в имени Трояна разумеется как бы вообще княжеский род, а не конкретные его представители. Предположение же это основывается на том, что существуют «легенды», как называет их Забелин, о трех братьях — основателях Киева и о трех братьях — основателях русской государственности, в связи с этим весь княжеский род и называется «трояном», т. е. трехбратним. Данная точка зрения неприменима ни к одному из четырех контекстов, в которых употреблено имя «Троян». Вспомним хотя бы: «... были вѣчи Трояни, минула лета Ярославля, были плъцы Олега. . .». Как понимать это выражение? Были века княжеского рода, прошли времена Ярослава. . . Явная бессмыслица!

В XX в. к «трехбратней» точке зрения примкнули А. В. Лонгинов, два видных историка Б. Греков и М. Приселков, почти одновременно опубликовавших свои работы о «Слове» в одном и том же издании, а также — уже в наши дни — украинский писатель С. Пушик и отчасти В. Шевчук.

Б. Греков и М. Приселков,³⁴ говоря о тройственном союзе Ярославичей, трех сыновей Ярослава Мудрого — Изяславе, Святославе и Всеволоде, — единодушно предполагают, что в «Слове» этот союз назван Трояном³⁵ потому, что в Лаврентьевской летописи под 1067 г. говорится: «Ярославичей трие. . .». Основываясь на том, что 1066 г. (вместо обычно принимаемого 1068 г. как года, когда Всеслав Полоцкий бросил жребий «о дѣвицю себе любу. . .») — это седьмой век Трояна, и принимая век за год (подобно А. В. Лонгинову, чьим исследованием, вероятно, и навеяна мысль о троянах-Ярославичах), М. Приселков вычисляет даже дату образования триумвирата Ярославичей — 1059 г.

Ту же гипотезу (Троян — триумвират Ярославичей), не упоминая работ А. В. Лонгинова, Б. Грекова и М. Приселкова, предлагает С. Пу-

³¹ Дубенский Д. Отметки на некоторых местах «Слова о полку Игореве» // Отечественные записки. 1855. Т. 101. Июнь. Отд. критики. С. 1—12.

³² Костомаров Н. И. Слово о полку Игореве: Реферат лекции, прочтенной автором 27 апреля 1870 г. // Голос. 1870, 29 апреля (14 мая). № 117. С. 2, стб. 2 и след.

³³ Забелин И. Е. История русской жизни с древнейших времен. 2-е изд. М., 1908. Ч. 1. С. 521 и след.

³⁴ Греков Б. Автор «Слова о полку Игореве» и его время // Историк-марксист. 1938. Кн. 4. С. 10—19; Приселков М. Слово о полку Игореве как исторический источник // Там же. 1938. Кн. 6. С. 112—113.

³⁵ Ранее эту мысль высказывал А. В. Лонгинов в работе 1911 г. См.: Лонгинов А. В. Слово о полку Игореве. Одесса, 1911. С. 34—37. Его точка зрения, осложненная обожествлением Ярославичей, будет рассмотрена далее.

шик.³⁶ Исследователь, однако, идет дальше своих предшественников, пытаясь истолковать согласно предложенной гипотезе четыре упоминания Трояна в «Слове». Но это лишь убеждает в несостоятельности данной точки зрения. «Вѣчи» С. Пушкик читает вслед за Н. М. Карамзиным как «сѣчи»; «на седьмомъ вѣцѣ Трояни» как «на семомъ сѣчѣ Трояни» (т. е. «по сей сечи Трояни»), не замечая, что при таком прочтении нарушается согласование в роде между существительным и прилагательным, а смысл фразы получается нелепым и исторически не объяснимым. При толковании выражения «рища в тропу Трояню чресь поля на горы» предлагается еще более фантастическое допущение. Указывая на сообщение летописи о том, что по приказанию киевского князя Изяслава (о д н о г о из трех братьев) торг был переведен с Подола на гору, С. Пушкик предлагает считать путь, который проделал торг (с низины на гору), той самой тропой Трояна, в которую рыскал Боян, воспевая военные походы князей. «Земля Трояня», по мнению С. Пушкика, это княжества, которыми владели Ярославичи: Киевское, Черниговское и Переяславское, куда, добавляет автор, двинулись половцы после разгрома Игоревых полков.

К исследователям, видящим в Трояне трех русских князей, присоединяется и Г. Шторм.³⁷ Трояном мог быть назван, считает он, славянский князь Атилла (который в свою очередь мог быть киевским князем) на том основании, что у него опять-таки м о г л и быть два брата, образ которых в народном сознании заслонил образ Атиллы.

Взяв за основу гипотезу И. Е. Забелина о Трояне как «выразителе идеи трехбратного рода» и гипотезу А. В. Лонгинова, выводящего солнечную генеалогию Игоря и других князей от Трояна (сына Дажь-бога — солнца), Г. Шторм производит «валожение одной гипотезы на другую». Но это заявление так и остается заявлением. В действительности автор рассуждает следующим образом (назвав свои рассуждения «прокладкой» между «солнечной» и «трехбратней» гипотезами). 1) Киев — древнейший город. О его существовании, по словам Шторма, было известно еще в 511 г. до н. э., при Дарии; 2) Киев в древности назывался Троей (ссылка на М. Литвина, автора XVI в.); 3) Атилла мог быть киевским князем и называться Трояном, так как: а) он был разбит при городе Труя (Troyes); б) возможно что у Атиллы были два брата, но в народном сознании образ Атиллы заслонил прочих, и ему досталось «тройное» имя — Троян.

«Гипотетический вывод»: нерусское имя Трояна — Атилла. Русское имя Атиллы — Троян. Думаю, что комментарии излишни, тем более что в 1934 г. в примечаниях к своему переводу Г. Шторм изложил другую точку зрения, рассмотренную ранее.

Говоря об историческом направлении, сторонники которого видят в Трояне «Слова» определенную историческую личность, следует упомянуть еще о двух точках зрения — Н. В. Шарлеманя и Р. Абихта.

Н. В. Шарлемань в статье «По Днепру со „Словом о полку Игореве“»³⁸ пишет: «Несомненно . . . что Троян — имя местное. Об этом свидетельствует и название старого русла (Троян. — Л. С.) под Сваромлем (название села. — Л. С.), и названия многих населенных пунктов и урочищ, и довольно частые среди местного населения прозвища. В древности Троян упоминался среди языческих божеств. По-видимому, ближе всего к истине следующее предположение. Троян был полководцем в войсках Олега первого: Труан, или Троян, упомянут в знаменитом договоре Олега с греками, с Царьградом — Византией в 912 г. Троян, возможно, укреплял Киев, так как древние валы вокруг города местами получили в народе название Трояновых валов. Весьма возможно, что и рукав Днепра, теперь

³⁶ Пушкик С. Криваве весілля на Каялі // Жовтень. 1986. № 7. С. 90—106.

³⁷ Шторм Г. Догадка об имени Троян // Красная новь. 1926. № 3. С. 123—124.

³⁸ Шарлемань Н. В. По Днепру со «Словом о полку Игореве» // Советская Украина. 1958. № 1. С. 137—142.

засохшее озеро-старица — Троян, когда-то входил в систему защиты Киева».

Р. Абихт³⁹ полагал, что Троян — придворный дружинный поэт, предшественник Бояна, странствующего певца, жившего в начале XI в. Троян, по мнению исследователя, был поэтом времени Ярослава и Мстислава и прославился на вечевых собраниях. Это предположение основано на том, что фраза «рища в тропу Трояню» означает, по словам Абихта, намерение Бояна следовать в своих песнях своему предшественнику-певцу.

Обе эти точки зрения не выдерживают проверки контекстом «Слова».

Наконец, к историческому направлению следует отнести и точки зрения тех исследователей, которые полагают, что прилагательное «Троянь» образовано от имени «Троя», или «Троянь», понимая под ним: а) гомеровскую Троию; б) державу V в., союз трех племен: полян, древлян, руси; в) город Киев, который якобы в древности назывался Троей.

Е. Осетров, характеризуя гипотезу П. П. Вяземского и А. Н. Веселовского,⁴⁰ написал: «Была и полуфантастическая попытка вспомнить гомеровскую Троию и троянцев. Астральный этот шаг поддержки не нашел».⁴¹ Однако, как выяснилось, он ошибся.

В 1938 г. эту точку зрения поддержал в комментариях к своему переводу И. Новиков,⁴² в 1985 г. — Р. Пиккио, а в 1987 г. — В. Щербаков. Статья Р. Пиккио «Мотив Трои в „Слове о полку Игоре“»⁴³ основывается на предыдущем исследовании автора — о двух начальных фразах «Слова».⁴⁴ Ученый считает, что начальные фразы «Слова» — характерное для средневековой литературы «общее место», риторическое клише; автор определяет свой метод повествования как исторический, основанный на прямых (не поздних) источниках, а не как поэтический (т. е. не фантастический). Этот топос Р. Пиккио считает типичным для средневековой традиции, связанной с легендой о Трое, как отталкивание от фантастического повествования Гомера. Отсюда исследователь делает вывод: «Если действительно присутствует „троянский мотив“ в изначальном „утверждении риторических принципов“ автора, то его последующие ссылки на Троию должны быть интерпретированы в соответствии с этим семантическим кодом».

Сразу возражу. Интересная интерпретация Р. Пиккио начальных фраз не дает основания считать, что выраженный ими средневековый исторический топос восходит непосредственно к литературе о Трое. Как показали исследования, подобного рода зачин встречается и в переводных, и в русских сочинениях вне всякой связи с Троей.⁴⁵

Кроме того, на основании зачина «Слова», возможно, и восходящего в конечном итоге к произведению о Троянской войне, нельзя делать вывод о том, что и прилагательное «Троянь» здесь должно быть интерпретировано «согласно манере троянской литературы».

Четыре фрагмента с прилагательным «Троянь» Р. Пиккио трактует следующим образом.

³⁹ A b i c h t R. Das südrussische Igorlied und sein Zusammenhang mit der Nordgermanischen Dichtung. Breslau, 1906. S. 15—16.

⁴⁰ Вяземский П. П. Замечания на «Слово о полку Игоре». СПб., 1875. С. 96—121 и др. (см. указатель на слово «Троянь»); Веселовский А. Н. Новый взгляд на «Слово о полку Игоре»: (По поводу статьи В. Миллера) // ЖМНП. 1877, август. С. 267—306.

⁴¹ Осетров Е. Мир Игорева песни. М., 1981. С. 208—211.

⁴² Слово о полку Игоре / Пер., предисл. и поясн. И. Новикова. М., 1938. С. 91—95.

⁴³ Пиккио Р. Мотив Трои в «Слове о полку Игоре» // Проблемы изучения культурного наследия. М., 1985. С. 86—99.

⁴⁴ P i c c h i o R. Notes on the Text of the Igor' Tale // Harvard Ukrainian Studies. 1978. II. 4. December. P. 393—422.

⁴⁵ Об этом см.: Смолыцкий В. Г. Вступление в «Слово о полку Игоре». ТОДРЛ. М., 1956. Т. 12. С. 14.

1. «Рица в тропу трояню чресь поля на горы». «Это выражение предполагает пылкий, эмоциональный, импрессионистический подход. Вместо того чтобы следовать по пути правды, Боян перескакивает с предмета на предмет, уносясь на „тропу Трояню“, столь дорогую тем, кто, следуя по стопам Гомера, писал стихи», т. е. подходя к исторической правде по-гомеровски. «Почему бы прилагательное „Троянь“ не могло быть интерпретировано как „согласно манере троянской литературы“?»

2. «Были вѣчи трояни, минула лѣта Ярославя, были плѣци Олгови». Р. Пиккио считает, что здесь походы Олега сопоставляются с Троянской войной. «Существовали ли стародавние времена, когда была война (можно сказать, «протовойна») более памятная, чем век Трои, особенно если учесть, что именно подобная война вдохновила старого поэта Бояна, который любил „рыскать въ тропу трояню“?».

3. «Вѣступила дѣвою на землю трояню; всплѣскала лебедиными крылы на синѣмъ море». Эти действия Девы-Обиды могут быть, по мнению Р. Пиккио, интерпретированы как «риторический символический предшественник». «Обида-Елена» («Елена» — классический символ раздора) достигла старой Трои, переплыв «синее море» на ахейских кораблях с «лебедиными крылами».

4. «На седьмомъ вѣцѣ трояни. . .». Это выражение явно самое трудное для толкования с позиций «троянской войны». Как ни считай, седьмым веком от нее XI в. быть не может. Поэтому Р. Пиккио предполагает следующее: «Не относится ли „на седьмомъ вѣцѣ“, которое явно указывает на последний век (спасения и искупления) до Страшного суда, к „насилию отъ земли Половецкой“? Тогда определение (во множественном числе) „трояни“ будет явно относиться к „жребий“. Всеслав бросает „троянский жребий“, т. е. именно он пошел на риск „до-троянски“. Он сделал это из-за молодой женщины, которую нежно любил. Риск состоял в мошенническом („ключками“) использовании коня, чтобы проникнуть в город.

Война, которая произошла из-за молодой женщины, коня, мужчины, проникшего в город, который он хочет жестоко покорить («стружиемъ»), — разве этого не достаточно, чтобы заподозрить, что и здесь должна быть какая-то связь с „мотивом Трои“?»

Как видим, в интерпретации всех четырех фрагментов исследователю не удалось избежать явных натяжек, а в одном случае и вмешательства в текст «Слова», что, разумеется, говорит не в пользу выдвинутой им гипотезы.

Прежде всего нельзя согласиться с тем, что под словами «рица в тропу Трояню» мы должны понимать «воспевать по-гомеровски», т. е. пылко, эмоционально. Слишком уж «закодированным» оказывается в таком случае текст «Слова». Новое деление текста в четвертом фрагменте тоже явно неудачно. Если даже принять предложенную Р. Пиккио фразу «Трояни врьже Всеславъ жребий о дѣвицю себѣ люблю» и его объяснение, что выражение «троянский жребий» могло значить «пойти на риск из-за молодой женщины», то какой грамматической формой следует считать слово «Трояни»? Если внести еще одно изменение в текст «Слова» и читать вместо «Трояни жребий» «Троянь жребий» (?), то и это не спасет фразу: из-за инверсии она выглядит более чем странной. И еще одно немаловажное «но». Что в таком случае должен сказать слушателям (читателям) фрагмент о Всеславе, идущий после страстного призыва автора к князьям: «. . . понизите стязи свои, вонзите свои мечи вережени»? То, что Всеслав «хитростью добивался молодой женщины, которую нежно любил»?

С Р. Пиккио полностью согласен болгарский ученый Константин Мечев, написавший рецензию на рассмотренную статью.⁴⁶ Мечев, в частно-

⁴⁶ Мечев К. От древната Троя до Киевска Рус // АБВ (София), 1985, 17 сеп-тября.

сти, указал переводы с болгарского на русский сказания о Троянской войне. Один из них — в составе стихотворной хроники Константина Манассии.

Владимир Щербаков посвятил свой очерк «Тропой Трояновой»⁴⁷ «седой древности русов», доказывая родство их с этрусскими, но попутно решает здесь и некоторые вопросы «Слова». Исследователь насмехается над «досужими умами», которым не под силу было решить «шараду» фрагмента с Девой-Обидой и «землей Трояней». Они «проскочили мимо» этого места, «отметив лишь, что Троян — это либо римский император Троян, либо древний бог Троян» (прекрасное знание истории вопроса!). Далее В. Щербаков дарит нам решение этой «шарады», выдвигая «новую» гипотезу, еще в 1875 г. предложенную П. П. Вяземским.

Указав, что древняя Троя на берегу «синего моря» — это и есть Троян «Слова», В. Щербаков продолжает: «. . .земля Трояна — это земли Трои и одновременно (? — Л. С.) это синоним русской земли». «Тропа Трояня», по его мнению, в XII в. уже потеряла конкретное значение и воспринималась как «тропа богов, легенд», но Боян еще «рыскал в тропу Троянову», которая вела троянцев далеко на север, к новому морю — Балтийскому (после поражения Трои).

В заключение В. Щербаков с изяществом отказывается прокомментировать два других выражения: «Не станем, однако перечислять и объяснять все эпизоды и темные места „Слова“, относящиеся к тропе Трояновой и векам Трояновым. Внимательный историк или читатель сможет выделить их и понять».

В 1986 г. украинский писатель В. Шевчук опубликовал роман-эссе,⁴⁸ в котором высказал предположение, что Киев в древности назывался Троей и что это нашло отражение в «Слове о полку Игореве».

Шевчук начинает с указания на то, что в XVI и XVII вв., когда на Украине стали живо интересоваться историей родного края, была письменно зафиксирована легенда, согласно которой Киев стоит на месте древней Трои — Илиона. Размышляя о причинах возникновения этой легенды, В. Шевчук предполагает, что существовало две Трои: одна в Малой Азии — Илион, другая в Киевской земле — Киев. Когда причина именования Киева Троей забылась, возникла легенда, отождествившая Троию-Киев с Троей-Илионом.

Почему Киев мог называться Троей? Пытаясь ответить на этот вопрос, В. Шевчук обращается к значению древнегреческого слова «троя» («три»): «троя Соломона» — три книги Соломона (пример из словаря И. И. Срезневского). Исходя из этого В. Шевчук предполагает, что Троей могло называться также поселение, состоящее из трех частей. А Киев действительно был городом, состоящим из 3 частей, он основан тремя братьями на трех холмах (что не совсем верно: Киев первоначально возник на одном холме). Представление о Киеве как о городе «на трех холмах» (вероятно, правильнее говорить не о городе, а о «трехбратнем», трехродовом племени, поселившемся на трех горах) отразилось, как полагает В. Шевчук, в княжеском знаке, который печатался на киевских монетах, — символическом изображении трех холмов (гор). Так В. Шевчук понимает княжеский родовой знак, называемый обычно «трезубец».⁴⁹ На монетах Святополка левый холм заменяли крестом, что, как полагает исследователь, может отражать легенду о водружении креста апостолом Андреем на той горе, где позднее был основан Киев. А на одной из монет Владимира, п о с л о в а м Ш е в ч у к а, можно прочесть «Троя».

⁴⁷ Щербаков В. Тропой Трояновой // Дорогами тысячелетий: Сб. ист. очерков и ст. М., 1987. Кн. 1. С. 162—202.

⁴⁸ Шевчук В. Мисленне дерево: Роман-есе про Київ // Жовтень. 1986. № 10. С. 10—30.

⁴⁹ Сотникова М. П., Спасский И. Г. Тысячелетие древнейших монет России. Сводный каталог русских монет X—XI веков. Л., 1983.

В связи с именованьем Киева Троей В. Шевчук вспоминает прилагательное «Троянь» («Слова о полку Игореве») и высказывает предположение, что в трех случаях оно образовано от существительного «Троя», обозначающего Киев, а также Киевскую землю в целом. Три этих выражения он интерпретирует следующим образом.

1. «На седьмомъ вѣдѣч Трояни» — т. е. на седьмом веке существования Киева, Киевской земли.

2. «Въступила дѣвою на землю Трояню. . .» — т. е. на русскую, на Киевскую землю.

3. Для выражения «были вѣчи Трояни» В. Шевчук предлагает два толкования, но оба они неубедительны. Понимая «вѣчи» как «века», он интерпретирует «вѣчи Трояни» как время от начала до наивысшего расцвета Киевской Руси, распад которой последовал во времена Олега. Однако время существования чего-либо измеряется от начала, основания, до завершения, конца, а не до времени наивысшего расцвета, поэтому «вѣчи Трояни» могут быть только временем существования Трои (единой Киевской Руси), т. е. временем от ее возникновения до распада, а не до наивысшего расцвета. Второе толкование данного выражения основано на понимании слова «вѣчи» как множественного числа от слова «вече». По мнению В. Шевчука, речь в этом случае идет о тех временах Киевской Руси, когда князь не был единовластным вождем, а союз племен, хоть и выбирал князя для военных походов, управлялся вече.

В выражении «рица въ тропу Трояню» прилагательное образовано, по мнению В. Шевчука, уже не от существительного «Троя», а от имени Троян. Исследователь склоняется к мысли, что Троян «Слова» выражает идею триединого правления основателей Киева, напоминая мысль И. Е. Забелина об особом значении, придаваемом идее «трехбратнего» рода. Однако имя Троян плохо увязывается с тремя братьями одновременно, в связи с чем, вероятно, Шевчук и предполагает, что Трояном мог называться Кий как старший из братьев. К сожалению, автору данной гипотезы осталось неизвестным свидетельство Н. Костомарова о том, что три брата в украинских сказках называются троянами, а слово «троян» означает в украинском языке «три лица, тесно связанных» (см. примеч. 124). По мнению Н. Костомарова, «„земля Трояня“ — земля русская, земля Троянов, трех братьев; „вѣчи Трояни“ — древняя священная старина народных преданий, воспетая Бояном, „тропа Трояня“ — исторический путь русской жизни, начиная с трех братьев».⁵⁰

Гипотеза Костомарова-Шевчука, к которой нам еще придется вернуться, интересна по мысли, но толкования с этой точки зрения четырех фрагментов «Слова» как у Н. И. Костомарова, так и у В. Шевчука не могут быть приняты полностью. Вызывает возражение толкование Костомаровым «тропы Трояней» (почему «исторический путь русской жизни» шел «через поля на горы?») и «веков Трояних», в его интерпретации расплывчатых, неопределенных.

В. Шевчук неубедительно толкует «вѣчи Трояни», не до конца продумано им и объяснение «тропы Трояней». Ошибочен и счет веков Трояня. Чтобы XI в. был седьмым, нет необходимости «переносить» основание Киева из V в IV в. Достаточно принять за точку отсчета первую половину V в.

Б. И. Яценко⁵¹ выдвигает новую гипотезу по вопросу о Трояне «Слова о полку Игореве». По его мнению, автор имеет в виду «могучую державу» Троянь — тройственный союз полян, древлян и руси (роксоланов, сарматов). «У нас нет никаких сведений о Трояне, — пишет Б. И. Яценко, — но некоторые исторические источники говорят о могучей державе в районе Среднего Днепра».

⁵⁰ Костомаров Н. И. Слово о полку Игореве С. 2.

⁵¹ Яценко Б. И. Про Троянь.

Б. И. Яценко предполагает, что такой союз трех племен мог образоваться на Днепре в районе Киева в связи с приходом сюда в IV в. полян, которые вынуждены были покинуть Причерноморье после разгрома их вначале гуннами, а затем готами. Следствием такого союза явилось, как полагает Яценко, то, что племя русь (роксоланы) было полностью славянизировано, а поляне при этом потеряли свое самоназвание и стали называться русью. Время образования тройственного союза племен («Трояни») Яценко склонен относить к середине V в. Тогда же, по его мнению, был основан и Киев (ссылается на Синописис 1674 г., по сообщению которого Киев основан в 430 г.). Не исключено, думает Б. И. Яценко, что в его основании приняли участие не только поляне, но и древляне, и русь. Киев стал символом их единства. Исследователь предполагает, что со времени образования державы Троянь и основания Киева поляне-анты вели свое летоисчисление.

Не берусь судить о том, насколько соответствует историческим данным выдвинутая Б. И. Яценко гипотеза, согласно которой славяне с Дуная пришли сначала на побережье Черного моря, а в IV в. поляне под натиском гуннов и готов перебрались в район Киева, где обитали древляне. Напомню только, что согласно ПВЛ поляне и древляне, покинув Дунай, расселились по Днепру. Но что касается образования союза трех племен — полян, древлян и руси, — то тут сразу возникают возражения. Согласно точке зрения Б. И. Яценко союз трех племен, могучая держава, сложившаяся в середине V в., прекратила свое существование в связи с тем, что по свидетельству ПВЛ «по смерти братья сея» (Кня, Щека, Хорива. — Л. С.) поляне были «обидими древляны и инѣми околными». Из этого следует, во-первых, что «могучая держава» после смерти киевских братьев (т. е. в том же V в., когда и возникла) прекратила свое существование, а во-вторых, что «древляны», нарушившие, по мнению Яценко, единство тройственного союза, на самом деле были для полян «околными», как и другие соседние племена, а следовательно, не входили в одну державу с полянами.

Не является эта гипотеза безупречной и с точки зрения применения ее к известным местам в «Слове» с упоминанием Трояна. К сожалению, сам исследователь не поясняет, как в этом случае понимать «вѣчи Трояни», седьмой век, землю и тропу Трояна. Но исходя из его рассуждений можно сделать вывод, что «земля Трояня» — это земля тройственного союза племен со столицей Киевом, «вѣчи Трояни» — это, вероятно, века или точнее век (V) существования тройственного союза. Что касается даты, от которой ведется счет векам Трояна, то тут Б. И. Яценко путается. Вначале он указывает на IV в. («Если заглянуть от времени Всеслава (XI в.) на 7 веков назад, то найдем там . . . „время Бусово“, — т. е. конец IV в.»), а затем называет V в., считая, что поляне вели свое летоисчисление с момента образования союза Троянь и основания Киева. Но если держава Троянь распалась еще в V в., то почему XI в. — это седьмой век ее существования? «Тропа Трояня» связывается им (в противоречие с предложенной концепцией) не с союзом 3 племен, а с племенем полян, совершивших переход из причерноморских равнин на Киевские горы.

Мифологическое направление

Большинство сторонников мифологического направления отождествляют Трояна «Слова» с языческим богом Трояном, о культе которого у славян свидетельствуют следующие факты:

1) сообщение двух древнерусских памятников о языческом божестве Трояне («Хождение Богородицы по мукам» — список XII в. и «Слово и откровение святых апостол» — список XIV в.);

2) южнославянские предания о мифическом «царе Трояне», который по одному сказанию имел ослиные уши, а по другому — каждую

ночь ездил на гору к своей возлюбленной, боясь лучей солнца, в которых в конце концов погиб, и т. д.;

3) «Троянова» топонимика на Руси, в Болгарии, в Сербии, в Румынии: например, древние валы повсюду носят двойное название — Трояновы или Змиевы; развалины города у южных славян называются «Трояноградом» и т. д.⁵²

В XIX в. представителем мифологического направления был Ф. И. Буслаев, отождествлявший Трояна «Слова о полку Игореве» с Трояном южнославянских преданий.

В XX в. мифологическое направление получило большую популярность у многих последователей после появления исследования Д. С. Лихачева,⁵³ в котором с мифологической точки зрения истолковывались все четыре фрагмента с именем Трояна.

Д. С. Лихачев указывает на то, что «века Трояна» упоминаются в «Слове» в контексте своеобразной периодизации русской истории, даваемой его автором. «В этой периодизации, — пишет ученый, — нет четких логических и хронологических рубежей», но она «отражает непосредственные и живые впечатления автора от русской истории». Из этой периодизации следует, в частности, что «вѣчи Трояни» — это «какие-то века русской истории, предшествующие векам Ярослава Мудрого». А «во всех значениях слово Троян, — продолжает Лихачев, — может быть удовлетворительно объяснено только в том случае, если мы допустим, что под Трояном следует разуметь какое-то русское языческое божество».

С этой позиции и интерпретируются Д. С. Лихачевым тропа, века и земля Трояна. Приведем некоторые рассуждения ученого.

«Поэтическая манера Бояна описана в „Слове“ абстрактными, отвлеченными чертами. . . Он рыщет, следовательно, не по каким-то конкретным путям, а по путям божественным; ведь Боян — внук бога Велеса, и не потому только, очевидно, что Велес — „покровитель поэзии“, а потому, что сам Боян — „вещий“, то есть кудесник, имеет отношение к богам».

Земля Трояна — Русская земля. «Именно в этом же смысле русский народ называется в „Слове“ Дажьдбожим внуком». Века Трояна — века языческой Руси, а годы Всеслава Полоцкого — последнего «вещего» князя, князя-оборотня, — «седьмой» (т. е. последний) век Трояна. «Князь-кудесник, неудачник действует „напоследок языческих времен“, когда сила язычества иссякла. . . Значение «седьмого» как последнего определяется средневековыми представлениями о числе семь: семь дней творения, семь тысяч лет существования мира, семь дней недели, семь человеческих возрастов и т. д.».

Возвращаясь к поэтической периодизации русской истории, данной автором «Слова», Д. С. Лихачев предлагает понимать ее следующим образом: «. . . были языческие времена, времена бога Трояна; затем наступило Ярославово время (годы княжения Ярослава Мудрого и, возможно, его наследников, Ярославичей); наконец настали междоусобия Олега Ярославича». «Таким образом, — делает вывод Д. С. Лихачев, — перед нами не четко отграниченные хронологические пределы, а поэтические образы целых периодов; времена Трояна вторгаются в годы Ярославовы; Всеслав Полоцкий действует напоследок языческих времен, следовательно, это даже не периоды, это обобщение крупных исторических явлений — древнерусского язычества, единства Руси в христианской державе Ярослава и княжеских усобиц, — но мыслимых в приблизительной хронологической

⁵² Впрочем, все эти данные могут трактоваться как имеющие отношение к обо- жествленному римскому императору Траяну.

⁵³ Лихачев Д. С. Исторический и политический кругозор автора «Слова о полку Игореве» // Слово о полку Игореве: Сб. исслед. и статей. М.: Л., 1950. С. 22—24. Цит. по: Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени. Л., 1978. С. 102—105.

последовательности. Вот почему не нашлось в этой поэтической периодизации места и для княжения Владимира „старого“, принадлежащего двум периодам — дохристианскому и христианскому.

Возражения по поводу гипотезы Д. С. Лихачева сводятся к следующим моментам.

Б. А. Рыбаков и Г. Карпунин⁵⁴ не согласны с тем, что автор «Слова» мог говорить о 60-х гг. XI в. как о последнем периоде (веке) языческих времен. «Трудно говорить о княжении Ярослава Мудрого как о рубеже языческого и христианского периодов, — пишет Б. А. Рыбаков. — Все современники Ярослава . . . определяют конец языческой поры крещением Руси при Владимире Святом в 988 г.»⁵⁵ Возражает Б. А. Рыбаков и против того, чтобы «на основании отдельных языческих черт Всеслава (и то почерпнутых едва ли не из эпоса о Волохе Всеславиче) создавать целую эпоху». «Чародейство Всеслава, — считает он, — показано в поэме не как отрицание христианства, а как обладание чудесной силой, позволяющей ему то летать на туче, то слушать церковный благовест, за 500 километров».⁵⁶ Г. Карпунин указывает на то, что вопрос о веровании летописных волхвов спорный; активизация язычества в XI в. сомнительна.⁵⁷

Но главное, как представляется, в том, что если считать «века Трояна» длящимися вплоть до начала XI в. (до Ярослава Мудрого), то возникает противоречие между хронологией этих веков и «седьмого века Трояна», отмеченное самим Д. С. Лихачевым и сформулированное А. П. Комлевым и К. К. Белокуровым так: «Если в первом случае „лета Ярославля“, кажется, следуют за „веками Трояна“, то . . . „седьмой век“ отвечает именно времени Ярослава и его сыновей».⁵⁸ Попытка Д. С. Лихачева объяснить это противоречие тем, что автор «Слова» дает поэтическую, т. е. неточную, периодизацию русской истории, не убеждает: у автора «Слова» все поэтично и вместе с тем — все точно.

Не совсем органично вписывается Троян—бог в этот ряд и потому, что следующие за ним имена — имена реальных князей, к тому же символизирующие определенный период в истории Киевской Руси: один — ее расцвет, другой — начало распада ее единства. Первый же член этого временного ряда — Троян (если понимать под ним языческого бога) — разрушает изнутри смысл трехчленного сопоставления. К тому же, как отметил А. А. Косоруков, «Троян никем не считается главным богом дохристианской Руси, а потому он и не может символизировать ее „языческий век“ в целом».⁵⁹

Вызывало возражение и толкование Д. С. Лихачевым иносказательного смысла числительного «седьмой»,⁶⁰ хотя символическое значение этого числа хорошо известно не только в христианской, но и в языческой символике.⁶¹

⁵⁴ Рыбаков Б. А. Русские летописцы. . . С. 427; Карпунин Г. По мысли о древу. С. 153—154.

⁵⁵ Рыбаков Б. А. Русские летописцы. . . С. 427.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Карпунин Г. По мысли о древу. С. 153—154. — Указания на работы по этому вопросу см.: Советская историография Киевской Руси. Л., 1978. С. 125, примеч. 35; С. 168—169.

⁵⁸ Комлев А. П., Белокуров К. К. «Слово о полку Игореве»: Заметки об исторических временах и лирических пространствах // Слово о полку Игореве. Свердловск, 1985. С. 193.

⁵⁹ Косоруков А. А. Гений без имени. М., 1986. С. 126 (Б-ка «любителям российской словесности»).

⁶⁰ Там же.

⁶¹ О языческой символике числа 7 см., например: Иванов В. В., Топоров В. Н. Славянские языковые моделирующие семиотические системы: (Древний период). М., 1965. (Указатель на с. 245); Топоров В. Н. О числовых моделях в архаичных текстах // Структура текста. М., 1980. С. 3—59; Фролов Б. А. 1) «Магическая семерка» // Природа. 1972. № 5. С. 52—54; 2) Числа в графике палеолита. Новосибирск, 1974. С. 109 и след.; 3) Представление о числе 7 у народов Сибири и Дальнего Востока // Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск, 1974. С. 294—303; Карпунин Г. По мысли о древу. С. 155.

В XX столетии исследователями было предпринято много попыток определить функциональную сущность бога Трояна в славянском языческом пантеоне и с позиций высказанного предположения истолковать фрагменты «Слова о полку Игореве», в которых упоминается Троян.

Не раз высказывалось предположение, что Троян — бог солнечного света, славянский Аполлон. В XIX в. эта мысль содержалась в контаминированных построениях О. Огоновского⁶² и А. В. Лонгинова.⁶³

В начале XX в. ее повторил М. Пачовский,⁶⁴ во многом следовавший при издании и комментировании текста за О. Огоновским, и В. Щурат.⁶⁵ Последний считает, что Троян как и Дажь-бог, — это имя верховного бога, бога солнца, образованное от числительного «три». Исходя из этого, В. Щурат толкует «тропу Трояню» как солнечный путь, «вѣчи Трояни» — как века солныца, счастливые времена, «землю Трояню» — как русскую землю Дажь-бога, солнца. «Седьмой век Трояна» — это, по его мнению, поэтическое обозначение времени Всеслава, подобное поэтическому обозначению места в сказках: за седьмой горой, за седьмой рекой. То, что в южнославянских преданиях Троян выступает как противоположное божество — бог тьмы, не смущает исследователя. Это, по его мнению, позднейшая метаморфоза Трояна. Совсем недавно та же точка зрения отразилась в сложной теории Г. Карпунина,⁶⁶ о которой будет сказано далее, а в 1985 г. без ссылок на своих предшественников ее пытался обосновать Я. Е. Боровский.⁶⁷

В небольшой статье Боровского, помещенной в журнале «Українська мова і література в школі» излагается точка зрения, согласно которой Троян — это тресветлое, триединое солнце, солнце-триада.

Подтверждение своей точки зрения Я. Е. Боровский видит, как и его предшественники, в этимологии имени Троян, указывающем на триединство. Однако Я. Е. Боровский видит в этом слове не один корень, а два: тро-ян, т. е. три Яна; Ян, по его словам, — это имя летнего солнца, а Троян — это три Яна, три солнца.

В качестве аналогии Трояну-солнцу Я. Е. Боровский приводит Триглава балтийских славян и индийскую Тримурти, которые тоже были, по словам исследователя, божествами солнца. Это заявление — явное недоразумение. Тримурти — это триада древнеиндийских богов: Брахмы, Вишны и Шивы, имевших различные функции. А Триглава балтийских славян современные исследователи убедительно связывают не с солнцем-Белбогом, а с его противоположностью — Чернобогом,⁶⁸ не случайно и конь Триглава — черный.

В толковании четырех мест в «Слове» с упоминанием Трояна Я. Е. Боровский полностью повторяет Д. С. Лихачева.

Точка зрения на Трояна как на божество солнца несостоятельна в связи со следующим обстоятельством, наверняка известным всем ее сторонникам. Считается установленным, что южные и восточные славяне имели общий языческий пантеон. Следовательно, бог Троян восточных и южных славян — один и тот же бог. А многочисленные сказания и топонимические

⁶² Огоновський О. Слово о полку Игоревѣ: Поетичний пам'ятник руської письменності XII віку. Львів, 1876. С. 38—40, 60—61, 73, 105—107.

⁶³ Лонгинов А. В. Слово о полку Игореве: Источники и мифология «Слова». Одесса, 1911. С. 34—37.

⁶⁴ Пачовський М. Віймки з українсько-руського письменства XI—XVIII століття для вищих клас середніх шкіл. Львів, 1911.

⁶⁵ Щурат В. Слово про похід Ігоря Святославича: Поема XII в. Львів; Київ. Б/г. С. 9, примеч. 10.

⁶⁶ Карпунин Г. В тропу Троянову. С. 78—101.

⁶⁷ Боровський Я. Е. Троян у «Слові о полку Ігоревім» // Українська мова і література в школі. 1985. № 7. С. 68—70.

⁶⁸ О числе 3 как связанном не с верхним миром (небом), а с нижним, подземным, см.: Топоров В. Н. К семантике троичности (слав. *trizna и др.) // Этимология. 1977. М., 1979. С. 3—20.

легенды, связанные с именем Трояна у южных славян, свидетельствуют о том, что он никак не может быть богом солнечным, светлым, потому, в частности, что от солнечных лучей он, по южнославянскому сказанию, гибнет, тает, а в болгарской песне Троян назван «проклятым царем». Говорить же о метаморфозе славянского Трояна из божества солнца в божество тьмы — наивно.

Исходя из сербских легенд о Трояне А. Н. Майков⁶⁹ и предложил как раз обратное: Троян — бог тьмы, владыка подземного царства, убегающий от солнца великан-мрак. По мнению А. Н. Майкова, он противопоставлен в «Слове» Дажь-богу, светлому началу. Бог тьмы носит имя римского императора Траяна: имя враждебного славянам лица присвоено темному божеству.

С этой точки зрения, «земля Трояня» — земля неизвестная, половецкая, исполненная враждебных темных сил: «вѣчи Трояни» — либо темные времена, предшествующие приходу славян в Приднепровье, либо языческая, дохристианская эпоха; «тропа Трояни» — неизвестные дороги в степи. Что означает выражение «на седьмомъ вѣцѣ Трояни», по мнению А. Н. Майкова, определить невозможно.

А. Болдур⁷⁰ утверждает, что Троян — божество зимы. При этом румынский ученый исходит из предположения, что славянский языческий бог Троян был заимствован румынами и, следовательно, функция у славянского и румынского Трояна одна и та же. О функции же румынского Трояна, по мнению А. Болдура, можно судить на основании значений многозначного существительного «troian» и глаголов «a troieni» и «a introieni».

Выделив среди значений слова «troian» два: 1) 'дорога', 'путь' и 2) 'снежная масса', а среди значений указанных глаголов — 'белить', А. Болдур делает следующее заключение: «Семантика слова „Троян“ станет совершенно понятной, только если мы предположим, что существует сила, от которой зависит снегопад, метели, снежные бури и заносы, от которой зависит замести все следы человеческого передвижения, все пути, дороги и тропинки». И далее: «В примитивном представлении должен был существовать бог снегопада и дорог . . . Таким богом . . . был у славян . . . и у румын Троян».

Вывод о связи бога Трояна с зимой и снегопадами делается на основании произвольно выбранного значения многозначного слова «troian» — снежная масса, т. е. сугроб (это одно из частных проявлений основного значения: любая громада, груды, куча) и на основании неоправданно приписываемого значения 'белить' глаголу «a troieni».

Вывод о функции румынского Трояна (для которого даже произвольно отобранные значения слова «troian» не дают основания) произвольно переносится на славянского бога. Рассуждения А. Болдура о появлении в славянском языческом пантеоне бога Трояна и его метаморфоза из мифического существа, подобного фракийско-фригийскому Мидасу, в бога зимы — совершенно фантастичны.

Обидно, что построив свои выводы на значении нарицательного имени существительного и глагола, А. Болдур оставил в стороне тот материал, который действительно может иметь отношение к мифологическому Трояну. Это — упомянутая им мимоходом со ссылкой на работу Vas. Alexandri колыбка под названием «Plugul», в которой действует Bădica Troian (bădica — народное обращение к старшему); древние валы, которые, как и у славян, называются трояновыми; не учел А. Болдур и приведенное им свидетельство Ubicini (1858), в котором есть указание на то, что гром связывается румынами с именем Трояна: «Румыны не могут ни на небо

⁶⁹ Слово о полку Игоре. С предварительными замечаниями об этом памятнике и примечаниями А. Н. Майкова // Заря. 1870, январь. С. 129—131.

⁷⁰ Болдур А. Троян «Слова о полку Игоре».

смотреть, ни грома слышать, ни на землю взглянуть без того, чтобы не представить себе при этом Трояна. Между тем связь грома с именем Трояна, как и упоминание в колядке Трояна-пахаря, засевающего землю, противоречат выдвигаемому А. Болдуrom тезису, что Троян — бог зимы.

Обидно также, что А. Болдур при написании статьи о Трояне на основании румынского материала не смог ознакомиться со статьей А. И. Яцимирского «Тропа Трояна»,⁷¹ в которой обширно представлен именно румынский материал. В частности, указано, что завывание бури называется Трояном, курганы и высокие холмы — «могилами Трояна» (Troian de ramant). Старший брат и сейчас в Молдавии Vadea Trajan, а брат особенно дорогой — Vadica Trajan.

Толкования А. Болдуrom четырех фрагментов в «Слове» не представляют интереса, так как он лишь повторяет сказанное Д. С. Лихачевым.

Ю. М. Золотов⁷² утверждает, что Троян был у древних славян богом луны, а свое имя получил от трех (?? — Л. С.) фаз, проходимых этим светилом. Сходная точка зрения была высказана еще В. Ф. Миллером,⁷³ который считал Трояна южнославянских сказаний лунным божеством на основании отдельных общих его черт с Мидасом — фригийским лунным богом. Доводы Вс. Миллера Золотов не приводит, видимо, не зная его работы.

Исходя из высказанного априори утверждения (Троян — бог луны) Ю. М. Золотов пытается далее истолковать южнославянские сказания и тот комплекс значений, который связывает с Трояном А. Болдур.⁷⁴ Все эти толкования крайне искусственны, как и предложенная далее интерпретация четырех фрагментов «Слова».

С. Н. Плаутин⁷⁵ в 1953 г. высказал мысль о Трояне как о злом божестве на том основании, что он сопоставлялся или отождествлялся славянами со змеем (вал, ограждавший Киев, назывался Трояновым, или Змиевым, а Змий символизирует зло). Напомню, что Трояна южнославянских преданий А. А. Потехня⁷⁶ тоже считал мифическим героем, родственным змею сербских сказок. В связи с этим «Трояновы века» — это, по Плаутину, эпоха зла, время княжеских усобиц. «Троянова земля» определяется вне связи с предложенной трактовкой образа Трояна как побережье Азовского моря. Заключение это основано на том, что арабский географ XII в. Ид-риси упоминает о половецком городе Труя, где теперь находится местечко Трояны близ г. Бердянска. Возможно, считает С. Н. Плаутин, что Труя — один из городов «Трояновой земли». «Тропа Трояня» — путь из «Трояновой земли» в Киев.

Р. Манн⁷⁷ также полагает, что Троян в «Слове о полку Игореве» — это языческий бог, олицетворенный в образе змея — символа зла. Данное представление о Трояне довольно искусственно выводится Р. Манном из

⁷¹ Яцимирский А. И. Тропа Трояна в «Слове о полку Игореве» и попытка румынского ученого объяснить это выражение // Древности: Труды славянской комиссии Московского археологического общества. М., 1902. Т. 3. С. 119—125 и отдельно.

⁷² Золотов Ю. М. О Трояне «Слова о полку Игореве» // СА. 1970. № 1. С. 261—263.

⁷³ Миллер В. Ф. По поводу Трояна и Бояна «Слова о полку Игореве» // ЖМНП. 1878, декабрь. С. 239—267.

⁷⁴ Болдур А. Троян «Слова о полку Игореве».

⁷⁵ Плаутин С. Н. Слово о полку Игореве. Исправленный и не исправленный тексты: Перевод и примечания. Париж, 1953. С. 33—34.

⁷⁶ Потехня А. А. 1) О мифическом значении некоторых обрядов и поверий. М., 1865; 2) Слово о полку Игореве. Воронеж, 1878. С. 119—121. — Видя в южнославянском Трояне мифического змея, черты которого могли быть приурочены к имени исторического Трояна (подобно тому, как имя Диоклетиана носят у южных славян тот же змей, убиваемый Юрием, похититель солнца, скованный враг), А. А. Потехня при этом полагал, что для автора «Слова» Троян был «представителем отдаленной древности, имевшей какое-то сходство с „былинами сего времени“».

⁷⁷ Mann R. Oral Composition in the «Slovo o polku Igoreve»: Doctoral dissertation. University of Kansas, 1984 (изложено по статье, присланной в редакцию «ТОДРЛ»).

текста «Слова», и прежде всего из следующего отрывка: «На седьмомъ вѣдѣ Трояни (т. е. на седьмом тысячелетии языческого бога Трояна, по Р. Манну. — Л. С.) врьже Всеславъ жребий о дѣвицу себѣ любу. Тѣи клюками подирься, о конци (так читает Р. Манн. — Л. С.)⁷⁸ скочи къ граду Киеву. . .». Исследователь поясняет, что речь здесь идет о Всеславе, скачущем подобно Илье Муромцу или Добрыне Никитичу на волшебных «клюках» в Киев для борьбы со злом.

Далее Р. Манн предполагает, что Всеслав торопится в Киев для того, чтобы убить Трояна, обреченного на смерть, поскольку истекает седьмой (последний) век его существования. Отсюда и делается вывод, что Троян в данном контексте — олицетворение язычества, против которого сражается христианин Всеслав.

Затем ученый приводит данные славянской топонимики, русского, южнославянского и румынского фольклора, данные русского и румынского языков, которые, по его мнению, также свидетельствуют о том, что мифический славянский Троян — языческий змей.

У сибирского писателя Г. Ф. Карпунина есть две совершенно разные гипотезы по поводу Трояна (впрочем, не только у него). Одна изложена в журнальном варианте его исследования «Слова»,⁷⁹ другая — в книжном.⁸⁰

В журнальном эссе «По мыслену древу» Г. Карпунин предполагает в Трояне бога войны, рассуждая следующим образом. Во фразе «пѣти было пѣснь Игореву, того внуку» местоимение «того» может указывать только на ближайшее из ранее упомянутых имен, а таковым является «Троян». Итак, Игорь — внук Трояна.⁸¹ Какой вывод делает отсюда Г. Карпунин? Если Боян (певец) назван внуком Велеса (покровителя поэзии), то Игорь (выступающий в «Слове» как полководец) мог быть назван внуком только бога войны. Следовательно, Троян — бог войны, или просто — война, усобица. В таком случае «тропа Трояня» — это путь войны, усобицы, полк, поход; «вѣчи Трояни» — времена усобиц или просто: войны, усобицы; внук Трояна — полководец, воин; земля Трояна — поле битвы; и совсем уже неожиданное: седьмой век Трояна — поражение (седьмой — последний; Троян — усобица, война; отсюда седьмой век Трояна — последняя война — поражение).

Гипотеза Г. Карпунина полностью строится на очень ненадежном фундаменте (отнесении словосочетания «того внуку» к Трояну) и пестрит допущениями. Вряд ли стоит анализировать ее в частностях, так как через несколько лет сам автор отказался от нее, предложив новую точку зрения на Трояна, которая будет изложена далее.

А. А. Косоруков⁸² присоединяется к тем исследователям, которые считают, что Троян был в языческом пантеоне богов Руси покровителем военных сил.

С этой точки зрения «вѣчи Трояни» — незапамятные времена бога Трояна (? — Л. С.), под эгидой которого предпринимались предками ру-

⁷⁸ Замена «о кони» на «о конци», предлагаемая Робертом Манном, здесь не требуется, если рассматривать «о кони» как форму винительного падежа, множественного числа от слова «конь» — конец, предел. То, что здесь говорится не о конях, подтверждается, в частности, следующим: для обозначения этого животного автор, по справедливому замечанию Г. Карпунина, использует только термин «комонь» (см.: Карпунин Г. По мыслену древу. С. 157).

⁷⁹ Карпунин Г. По мыслену древу. С. 151—157.

⁸⁰ Карпунин Г. В тропу Троянову. С. 78—101.

⁸¹ Эту мысль высказывал еще Вс. Миллер, писавший: «Игорь называется внуком Трояна; как это ни странно, но грамматически другого смысла быть не может» (Миллер Вс. Взгляд на Слово о полку Игоре. С. 108); так же думают А. Г. Кузьмин и А. Ю. Чернов. Эта точка зрения нашла отражение в некоторых переводах «Слова», два из которых указаны Г. Ф. Карпуниным.

⁸² Косоруков А. А. Геній без имени. С. 44—49, 125—126. Ранее исследование вышло в журнальных публикациях: Дружба народов. 1985. № 2. С. 228—247; Октябрь. 1985. № 8. С. 145—172; № 9. С. 138—191; Москва. 1985. № 12. С. 146—160.

сичей военные походы; «земля Трояня» — территория или страна, находящаяся во владении Трояна, под его властью, т. е. охваченная войной; «на седьмомъ вѣцѣ Трояни» — последний период языческих войн.

Ни одно из этих толкований принять невозможно, так как они не выдерживают проверки контекстом четырех известных фрагментов «Слова». Допустим, например, что «земля Трояня» определяется как территория, на которой идет война. В таком случае Обида вступает девою на землю, уже охваченную войной, тогда как из контекста ясно, что именно Обида несет войны «земле Трояней», является их причиной. «Вѣчи Трояни» характеризуются настолько расплывчато, что совершенно непонятно, каковы границы этого периода. Если принять, что века языческого бога Трояна ограничиваются временем Ярослава, то тогда почему территория, охваченная войной, и в XI—XII вв. — «земля Трояня»?

К мифологическому направлению (имея в виду в данном случае христианскую мифологию) можно отнести толкование Трояна Л. Н. Гумилевым,⁸³ которое вызвало резкие возражения со стороны исследователей. Б. А. Рыбаков назвал его определение Трояна наряду с гипотезой Вяземского и Веселовского «экзотическим».⁸⁴ И действительно, оно слишком фантастично, чтобы быть похожим на истину.

Л. Н. Гумилев считает, что Троян — это перевод тюркского «Уч-Ыдук», т. е. Троица. При этом ученый полагает, что переводчик специально перевел не «Троица», а «Троян» с тем, чтобы подчеркнуть отличие Троицы несторианской от Троицы христианской.

Какие основания у Л. Н. Гумилева для такого толкования? Исследователь полагает, что середина V в. (точка отсчета «веков Трояних») может иметь значение как дата только для несториан: на церковных соборах 431, 449 и 451 гг. звучала анафема учению Нестория.

С точки зрения Л. Н. Гумилева, «земля Трояня» — это Черниговская земля. Трояновой она названа потому, что Олег Гориславич, князь Черниговский, князь-изгой, по совету Бояна впал в несторианскую ересь (Л. Н. Гумилев оговаривается, что никакими источниками это не подтверждается, но это не уменьшает его веры в высказанное предположение). А раз он стал исповедовать несторианство, то и земля его черниговская стала землей не Троицы, а Трояна. Объясняя фразу «рица в тропу Трояню чресь поля на горы», Л. Н. Гумилев пишет: «Поля в данном случае — половецкая степь, а горы — или Кавказ, или восточная окраина кипчакской степи Тянь-Шань. Что же, место для обожествленного беса подходящее». Заключительная фраза приводит в недоумение, поскольку автор много говорил перед этим о том, что Троян в «Слове» — Троица христианской (несторианской) ереси, что он не может быть бесом, враждебным существом, так как с ним связана эра, т. е. «линейный счет времени».

Абстрактное направление

Из исследователей XX в. к этому направлению (сторонники которого видят в Трояне поэтический троп) можно отнести Д. Принса и И. П. Еремина. Д. Принс считал, что Троян — это комбинация римского императора Траяна и греческого поэта Гомера, выступающая в «Слове о полку Игореве» как эпитет, прилагаемый наряду с эпитетом Боян к особо известному певцу.⁸⁵ И. П. Еремин не решает вопроса о том, кто такой Троян народных

⁸³ Гумилев Л. Н. Поиски вымышленного царства. М., 1970. С. 320—326.

⁸⁴ Рыбаков Б. А. Русские летописцы... С. 422. См. также: Рыбаков Б. А. О преодолении самообмана: (По поводу книги Л. Н. Гумилева «Поиски вымышленного царства»). М., 1970 // В. И. 1971. № 3. С. 156—157.

⁸⁵ Prince Duneley J. The Names Troyan and Boyan in Old Russian // Proceedings of the American Philosophical Society Held at Philadelphia for promoting useful knowledge. 1917. Vol. 56. N 2. P. 152—160.

преданий — римский император или языческий бог (хотя из изложения ясно, что он склоняется к мифологической точке зрения). Исследователю это представляется неважным по той причине, что в «Слове» Троян является не как персонаж, а как разного рода метафоры. По мнению И. П. Еремина, выражение «рища в тропу Трояню» — это характеристика Бояна как «вещего», нерядового человека, который летает умом под облаками, волку уподобляется в быстроте бега, скачет туда, куда рядовой человек попасть не может. «Век Трояна» в обоих случаях «несомненно означает далекую давность, противопоставляемую автором современности. Метафорическое значение „земли Трояни“ — земля Русская, вековое достойные князей русских».⁸⁶

Компилятивное направление

Приверженцы этого направления пытаются совместить две или даже три точки зрения на Трояна «Слова». Здесь можно выделить следующие основные течения: 1) Троян — обожествленный император Траян; 2) Троян — обожествленный мифический князь, славянский или русский; 3) Под Трояном одновременно имеется в виду и римский император, и языческий бог; 4) Троян — одновременно языческий бог и христианская Троица. Гипотеза о том, что Троян в «Слове» (а также в южнославянских преданиях и даже, по мнению А. Вайана,⁸⁷ в двух древнерусских памятниках, сохранивших имя славянского языческого бога Трояна) — это обожествленный император Траян, весьма популярна. В XX в. к этой точке зрения присоединились Н. П. Дашкевич, В. Н. Перетц, Н. Дылевский, А. Болдур, С. Чебаев и др.⁸⁸ При этом одни ученые на первое место выдвигают историческую личность — императора Траяна, обожествленного покоренными им славянами (Н. П. Дашкевич, В. А. Яковлев, В. Н. Перетц, Н. Дылевский и др.), а другие — мифический персонаж, носящий имя римского императора (О. Чебаев, А. Болдур).

Точку зрения первых вполне можно относить к «римской» (историческое направление), точку зрения вторых — к мифологическому направлению.

В XIX в. Е. В. Барсовым⁸⁹ было высказано предположение, что Троян — представитель славянского рода в патриархальную эпоху, позднее ставший национальным покровителем, поборником славянства, божеством его героической славы. По крайней мере для дружинной киевской среды он, добавляет Е. В. Барсов, был богом ратей и браней. Барсов считал Трояна «таким же средоточным лицом в песнетворчестве Бояна, каким является Владимир в былинах. К его имени прикреплялись целые века — „века Трояни“».

Сходной точки зрения придерживается Л. А. Булаховский,⁹⁰ который, толкуя выражение «на седьмомъ вѣцѣ Трояни», пишет, что наиболее вероятно видеть в Трояне древнего князя великой, хотя и не названной, части славянских земель, о котором сохранилась ко времени написания «Слова» лишь туманная, соединенная с фантазией память.

⁸⁶ Еремин И. П. «Слово о полку Игореве» как памятник политического красноречия // Слово о полку Игореве. М.; Л., 1950. С. 118—119.

⁸⁷ V a i l l a n t A. La dien slave Trajan // Прилози за книжевност i език, istoriju i фольклор. Београд, 1956. Књ. 22, св. 3—4. С. 183—189.

⁸⁸ Дашкевич Н. П. Славяно-русский Троян и римский император Траян. С. 217—248; Перетц В. Н. Слово о полку Игоревім: Памятка феодальной Украйны—Руси XII віку / Вступ. текст комент. Київ, 1926. С. 147—149; Дылевский Н. Песен за похода на Игор. София, 1954. С. 114—115; Чебаев О. К вопросу о Трояне в «Слове о полку Игореве» // Сборник студенческих научных работ: Материалы республ. науч. студ. конф. Алма-Ата, 1972. Вып. 1. С. 137—142.

⁸⁹ Барсов Е. В. Слово о полку Игореве как художественный памятник Киевской дружинной Руси. М., 1887. Т. 1. С. 376—384.

⁹⁰ Булаховский Л. А. Лінгвістичні уваги про мифологічні назви «Слова о полку Игоревѣ» // Наукові нап. ін-ту мовознавства АН УРСР. 1959. Т. 15: Мовознавство. С. 26—28.

Позиция А. В. Лонгинова⁹¹ сводится к тому, что Троян — это три брата Ярославичи (Изяслав, Святослав, Всеволод), слившиеся в триединое солнечное божество — Трояна. Останавливаться на ней нет смысла, тем более что она подробно изложена и проанализирована в указанном обзоре А. Болдура (с. 16—18). Укажем только, что Лонгинов принимает век за один год (!), веками Трояна считает годы княжения трех братьев. Таким образом, время сыновей Ярослава предшествует летам самого Ярослава.

Б. Гаспаров⁹² пытается «примирить» две основные точки зрения на Трояна (1) римский император, 2) языческий бог), но иначе, чем те, кто говорил об обожествленном императоре. Он считает, что между двумя этими интерпретациями нет неразрешимого противоречия. В южнославянском фольклоре имя «Троян» как имя мифологического героя или божества восходит, по его мнению, к историческому лицу в такой же мере, как и к чисто мифологическому концепту, образованному на соотношении с числом «три» и осмысленному как «триглавое» божество.

Выражение «вѣчи Трояни» употреблено, по словам Б. Гаспарова, в нескольких значениях: 1) доисторические, эпические времена, предшествовавшие временам первых русских князей начиная с Рюрика; 2) языческие, дохристианские времена; 3) времена доисторического вселенского государства и вселенского монарха.

Но в этом случае возникают трудности с хронологией «веков Трояних». Исходя из первого значения «вѣчи Трояни» кончаются в IX в., из второго — по крайней мере в X в., а из третьего — в IV в. Поэтому Б. Гаспаров вынужден констатировать, что «вѣчи Трояни» носят в «Слове» неопределенный, стихийно-расплывчатый характер, с хронологической точки зрения.

Не менее противоречива и интерпретация тем же исследователем седьмого века. Присутствие символического значения в выражении «на седьмомъ вѣцѣ Трояни» исследователь считает бесспорным. Но в данном выражении присутствует, по его мнению, кроме символического и вполне конкретное значение: чтобы седьмым веком можно было считать XI в., надо принять за точку отсчета конец IV—начало V в. — время падения римской власти в Причерноморье. В таком случае «на седьмомъ вѣцѣ Трояни» — это на седьмом поколении от «века Трояна», обобщенной эпохи поздней Римской империи. Но, рассуждает далее Б. Гаспаров, у слова «век» помимо значения «человеческое поколение» (100 лет) есть и другое значение — тысячелетие («век господский»). И это второе значение якобы дает возможность осмыслять седьмой век Трояна как «седьмое тысячелетие», т. е. «последние времена».

Выражения «в тропу Трояню» и «на землю Трояню» ученый не объясняет. Видимо, здесь все-таки возникает «неразрешимое противоречие» между двумя точками зрения на Трояна, которое исследователь отрицает.

Когда пытаешься осмыслить рассуждения о Трояне писателя Г. Карпунина в его книге «Жемчуг „Слова“»,⁹³ невольно вспоминаются слова Евгения Осетрова: «Я совершенно не против того, чтобы вдумчиво, пылливо, с карандашом в руках перечитывать и перечитывать „трудную повесть“. Но я решительно против отвлеченных умствований, когда в каждом предлоге видят головоломку, невероятную загадку, которую надо решить, став с ног на голову».⁹⁴

Чтобы стало ясно, почему я вспомнила слова Осетрова, приведу начало рассуждений Г. Карпунина о Трояне: «Уже в самом тексте поэмы Троян выступает как нечто единое, проявляющее себя тремя ипостасями: пути,

⁹¹ Лонгинов А. В. Слово о полку Игореве. С. 34—37.

⁹² Гаспаров Б. Поэтика «Слова о полку Игореве». Вена, 1984. С. 168—173.

⁹³ Карпунин Г. Жемчуг «Слова», или Возвращение Игоря. Новосибирск, 1983. С. 78—101.

⁹⁴ Осетров Е. Мир Игоревой песни. М., 1977. С. 211.

времени и пространства. Если воспринимать эти ипостаси не порознь, а как целое (скажем, аналогично сказанному о христианской Троице: «Не три бози, единъ богъ, понеже едино божество въ трехъ лицах»), то выйдет развивающееся пространство—время—вселенная, обладающая движением. Эта вселенная насчитывает семь веков — „На седьмомъ вѣцѣ Трояни врьже Всеслав жребий о дѣвицу себѣ любу“ и — развивается по восходящей линии, ибо тропа Трояна предполагает движение „чресь поля на горы“. Рассуждение, по признанию самого автора, «в достаточной мере умозрительное».

Далее Г. Карпунин приходит к выводу, что тропа Трояна «чресь поля на горы» — это «солнечная траектория, и не просто орбита солнечного божества, но ее восходящий, славный участок». Но и это не все. «Коли „земля Троянова“, „века Трояновы“ и „пути (? — Л. С.) Трояновы“, то этого бога надлежит признать творцом мира и вседержительным господом. В образе Трояна выражались, во-первых, идея творящего бога, бога-отца, подателя жизни, во-вторых, идея бога-сына, то есть отца „возобновленного“, „спасенного“ в сыне, и, в-третьих, идея переходящего из отца в сына духа жизни. В принципе Троян был Троицей, но с тою разницей, что он отождествлялся с солнцем».

Итак, Троян: 1) Вселенная, 2) языческое божество тресветлого солнца, 3) христианская Троица.

Как же все это применить к «Слову о полку Игореве»? Очень просто: забыть о первом и третьем толкованиях Трояна, а с позиций второго объяснить два (!) из четырех фрагментов «Слова».

«Рыскать в тропу Трояню» (т. е., по Карпунину, в солнечную траекторию до зенита) — это «следовать путем истины, восходить с полей на горы, подниматься над обыденным, уметь взглянуть шире и дальше сиюминутной ситуации».

«На седьмомъ вѣцѣ Трояни» — т. е. на седьмом, последнем для Трояна, тысячелетии. Данное значение не выдерживает проверки контекстом «Слова», хотя оно разделяется рядом ученых.⁹⁵ Ведь если автор «Слова» ограничивает века Трояна X в. (XI в. уже время Ярослава), то как XI в. может быть седьмым веком Трояна?

Что такое «земля Трояня» и «вѣчи Трояни», Г. Карпунин не объясняет.

К компилятивному направлению следует отнести также точку зрения А. П. Комлева и К. К. Белокурова,⁹⁶ пытающихся совместить в Трояне «Слова» языческого бога Трояна и христианскую Троицу.

Эти исследователи, не соглашаясь полностью с трактовкой Трояна Г. Карпуниным (в первом, журнальном, варианте статьи о Трояне), отталкиваются от его определения Трояна как бога-воителя и покровителя земных владык, князей. Именно в этом качестве, по их мнению, и мог быть воспринят славянами римский культ памяти императора Траяна.

⁹⁵ В этом значении слово «век» предложил понимать еще Д. Прозоровский в 1881 г. Его разделяли А. Мазон, Р. Якобсон, М. Шефтель, а в наши дни Б. Гаспаров, Р. Манин, А. П. Комлев и К. К. Белокуров, А. Чернов.

Однако Г. Карпунин не только принимает для слова «век» значение «тысячелетие», но и связывает его с понятием «господский (т. е. божеский. — Л. С.) век». Но представление о тысячелетии как о «господском веке» явное недоразумение. Г. Карпунин взял его из «Словаря русского языка XI—XVII вв.» (М., 1975. Вып. 2. С. 53), где «господский век» дается как устойчивое выражение на основании примера из ВМЧ: «Тысяща лѣтъ время вѣкъ же господьскій глаголется». (ВМЧ. Январь, 6—11. Стб. 497. XVI в.). В «Словаре» же это значение дано ошибочно на основании неверно прочитанной (разделенной на синтагмы) фразы из ВМЧ. Там читаем: «Глаголется бо ся вѣкъ и коеждо человека жизнь; вѣкъ же и весь настоящий глаголется мир; глаголется наки вѣкъ и тысяща лѣтъ время; вѣкъ же господьскій глаголется и по възкресении будущий вѣкъ» (пунктуация моя — Л. С.). Как видим, «господским веком» назван будущий, бесконечный век («вѣци вѣчнии»), который наступит за воскресением.

⁹⁶ Комлев А. П., Белокуров К. К. «Слово о полку Игореве»: Заметки об исторических временах и лирических пространствах // Слово о полку Игореве. Свердловск, 1985. С. 193—194.

«В таком случае Боян „рыщет в тропу Трояню“, воспевая походы князей, Обида вступает „на землю Трояню“ — в пределы русских княжеств, „были вѣчи Трояни“ — времена господства князей-предков; „седьмой“ действительно ассоциировался в античном и средневековом сознании с „последним“ (седмица — совершенное число).»

К сказанному авторы добавляют замечание о возможном сознательном смещении в «Слове» язычества и христианства, «перетекании» друг в друга языческих и христианских понятий, которые они видят в следующем.

1. В «Слове» возможно обыгрывание языческого понятия «Троян» и христианского «Троица».

2. Языческое понятие «век» (какое?) автор «Слова» подменяет христианским в выражении «на седьмомъ вѣцѣ». Если вести счет времени по церковному летоисчислению «от Адама», а век принять за 1000 лет, то 1068 г. — это действительно седьмое тысячелетие, седьмой век. Это жестокое время разобщения и кровавых усабиц.

Объяснение авторами рассматриваемой статьи четырех мест в «Слове», где упоминается Троян, отличается беглостью, туманностью, противоречивостью, не учитывает контекста.

Что такое тропа Трояня, остается неясным, указано лишь: Боян «рыщет» в нее, воспевая князей. Да и может ли эта тропа быть определена, если бог Троян — княжеский покровитель? Каким образом, исходя из признания Трояня богом-воителем, покровителем князей, можно объяснить «века Трояни» как «времена господства князей-предков»? К тому же это определение «веков» не согласуется с определением «седьмого века» как текущего тысячелетия: о каких русских князьях-предках шести предшествующих «веков Трояня» (т. е. шести тысячелетий) в таком случае можно говорить? Кроме того, получается, что весь «седьмой век» — все седьмое тысячелетие от сотворения мира — это «жестокое время разобщений и кровавых усабиц русских князей».

Авторы статьи не поясняют также, в чем заключается обыгрывание созвучия слов «Троян» и «Троица». В чем смысл такого обыгрывания?

Неясно и еще одно: зачем обогащать и без того труднообозримую литературу о Трояне столь непродуманным, противоречивым предложением?

Негативное направление

Это направление представлено двумя течениями. Представители одного из них (палеографического) отрицают наличие в «Слове» имени Троян, читая вместо него другие слова. Н. С. Тихонравов,⁹⁷ обосновывая это палеографически, читал в трех случаях вместо «Трояни» «Бояни»: «вѣчи Бояни», «на седьмомъ вѣцѣ Бояни», «в тропу Бояню». Его точку зрения разделил в XIX в. Я. Малашев,⁹⁸ в XX в. С. К. Шамбинаго,⁹⁹ Н. И. Маньковский¹⁰⁰ и, наконец, А. Югов,¹⁰¹ предложивший следующее

⁹⁷ Слово о полку Игореве / Изд. для учащихся Н. Тихонравовым. М., 1866. С. 2, 4, 5, 10, 51; То же. 2-е изд., испр. М., 1868. С. 2, 4, 5, 10, 27—29.

⁹⁸ Слово о полку Игореве: Поэтический памятник русской письменности XII века / Пер. и примеч. Я. Малашева. М., 1871. С. 104—113. — По мнению исследователя, «доказательства <Тихонравовым> верности этого чтения так ясны, что с ними нельзя не согласиться». Я. Малашев идет дальше Н. С. Тихонравова, заменяя «Трояня» на «Бояня» и в четвертом фрагменте: «земля Трояня».

⁹⁹ Слово о полку Игореве. 5-е изд. Ред., пер. и объясн. С. К. Шамбинаго. М., 1917. С. 3—10, 46—74.

¹⁰⁰ Слово о полку Игореве: Лирическая поэма внука Боянова / Пер. и примеч. Н. И. Маньковского. Житомир, 1915. С. 62. — Н. И. Маньковский считал Бояна четвертым сыном Ярослава Мудрого, указывая даже годы его жизни (1040—1120), а годами жизни «внука Бояна» считал 1110—1190 гг. (см. Родословную таблицу в книге). Вместо «седьмом» (веке) в рукописи, предполагает Маньковский, стоял какой-то эпитет, вероятнее всего — «сѣдой».

¹⁰¹ Слово о полку Игореве / Пер. и коммент. А. Югова Л., 1945. С. 185—193; То же. М., 1970. С. 217—225; То же. 1975. С. 217—225.

прочтение с этой точки зрения четырех фрагментов «Слова». «Рица в тропу Бояню» — т. е. в свою собственную тропу («тропа» понимается как обычай, правило, способ): «Бояновыми путями, Бояновыми приемами, Бояновым обычаем поэтическим понесся бы Боян». «Земля Бояня» — Русская земля (почему Русская земля названа землей Бояна, А. Югов не объясняет). «На седьмомъ вѣщѣ Бояни» звучит нелепо (хотя Тихомиров и Маньковский читали именно так), поэтому А. Югов предлагает читать вместо «седьмомъ» «семомъ» (полагая, что «седьмомъ» появилось в тексте ошибочно из слова «самый») и переводит: «На том ли веке Бояна». «Вѣчи Трояни», которые надо было принять согласно точке зрения Тихомирова—Югова за «вѣчи Бояни», исследователь, видимо, не знал, как объяснить, и оставил без толкования. И действительно, получается явная несуразность: «Были вѣчи Бояни, минула лета Ярославли, были плъци Олега. . .». Почему Боян упомянут среди князей, что это за «вѣчи Бояни», предшествующие «летам» Ярослава и «плъкам» Олега, если реально Боян жил, как полагают исследователи, во времена Олега и его отца Святослава?

Менее популярно другое прочтение, предложенное в 1866 г. А. Ф. Вельтманом:¹⁰² «Краяни» вместо «Трояни» (от «крайна» — окраина, по преимуществу приморские земли и страны).

Иную замену предложил О. Сулейменов.¹⁰³ Он предполагает, что слово «Троянь» появилось в тексте в результате ошибки переписчика XVI в., который слово «Троѣнь», т. е. Тмуторокань, передал как «Трѣнь», заменив непонятное «къ» на «я». А. И. Мусин-Пушкин (точнее было бы сказать «первые издатели» «Слова»), по предположению О. Сулейменова, убрал надстрочный знак, так как слово «Троян» ему показалось вполне благозвучным, легко вызывающим исторические ассоциации. Слова «тропа» тоже не было, считает Сулейменов, в тексте, поскольку, по Мазону, оно появилось в русском языке не ранее XVI в. В оригинале «Слова о полку Игореве», по мнению Сулейменова, было не «тропа», а «торпа» — по-тюркски «земля».

Уже с точки зрения палеографии предложение О. Сулейменова кажется весьма и весьма сомнительным.¹⁰⁴ Если же мы попытаемся заменить в тексте «Слова» «Трояни» на «Тмуторокани», то смысловое и поэтическое значение всех четырех фрагментов мы вряд ли сможем объяснить удовлетворительно. Почему, говоря об этапах русской истории, автор «Слова» предшествующие времени Ярослава и Олега века называет «вѣчи Тмуторокани»? Какое и чем объясняемое летоисчисление лежит в основе выражения «на седьмомъ вѣщѣ Тмуторокани»? В чем смысл сопоставления веков Тмуторокани с временем Всеслава Полоцкого? Почему Боян, воспевавший русских князей, «рыщет» в «тропу Тмутороканию»?

Другие представители негативного направления отрицают не самое имя Троян в «Слове о полку Игореве», а его смысловое содержание. Вс. Миллер¹⁰⁵ полагал, например, что оно явилось результатом бессознательного заимствования из южнославянских преданий о Трояне. В 1922 г. в работе, посвященной религии восточных славян, ту же мысль высказал

¹⁰² Слово об ополчении Игоря Святославича, князя Новгород-Северского, на половцев в 1185 г. 2-е изд. / Пер. и примеч. А. Ф. Вельмана. М., 1866. С. 35—38, 47, 68—69.

¹⁰³ Сулейменов О. Аз и Я: Книга благонамеренного читателя. Алма-Ата, 1975. С. 118—122.

¹⁰⁴ Возражение О. Сулейменову по этому поводу см.: Дмитриев Л. А., Творогов О. В. «Слово о полку Игореве» в интерпретации О. Сулейменова // РЛ. 1976. № 1. С. 256—257.

¹⁰⁵ Миллер Вс. По поводу Трояна и Бояна «Слова о полку Игореве» // ЖМНП. 1878, декабрь. С. 239—267.

В. Мансикка,¹⁰⁶ убежденный в том, что автор «Слова» не понимал истинного смысла имени Троян, которое он знал из преданий.¹⁰⁷

В заключение укажем работы, не претендующие на прочтение всех четырех фрагментов с именем Троян, а предлагающие толкования отдельных чтений или касающиеся других частных вопросов, связанных с Трояном.

Задача статьи М. Н. Тихомирова¹⁰⁸ сводится к тому, чтобы объяснить, почему, кем и в связи с чем вспоминается в «Слове» земля Трояна, под которой, по мнению ученого, следует понимать Болгарию. Интерпретацию тропы и веков Трояна исследователь, по собственному признанию, дать затрудняется.

По мнению М. Н. Тихомирова, три первых упоминания Трояна в «Слове» заимствованы автором из песен Бояна.¹⁰⁹ Боян же знал о Трояне потому, что был певцом черниговских князей, связанных с Тмутороканью, которая находилась на границе с Придунайскими землями римского императора Траяна. Непосредственной причиной, заставившей Бояна вспомнить о Трояне, является, по словам М. Н. Тихомирова, предполагавшийся поход в Болгарию Святослава Ярославича: «Отголоском подготовки Святослава к такому походу можно считать своеобразное отражение летописного рассказа о походах Святослава X в. в рассказе о победе над половцами при реке Снови в 1068 году. Святослав Ярославич в XI в. в битве при Снови буквально повторяет слова Святослава Игоревича, сказанные последним во время сражения в Болгарии: „посягнем, уже нам не лзе камо ся дети“».¹¹⁰

Упоминание земли Трояна М. Н. Тихомиров считает принадлежащим непосредственно автору «Слова», который, по его мнению, вспомнил о ней потому, что в 1186 г. половцы воевали на территории Болгарии, поддерживав болгарское восстание.¹¹¹

Характеризуя гипотезу М. Н. Тихомирова, Б. А. Рыбаков написал: «Причины, заставившие вспомнить о Трояне, указаны Тихомировым без достаточных оснований: ему кажется, что Боян вспомнил о Троянской земле в связи с тем, что князь Святослав Ярославич будто бы предполагал „совершить поход в Болгарию“. Никаких данных о подобных замыслах у нас нет». «Не менее искусственно, — продолжает Б. А. Рыбаков, — и другое построение М. Н. Тихомирова. Он считает, что автор „Слова о полку Игореве“ потому взял из „замышления Боянова“ образ Трояна, что в 1186 г. половцы воевали на территории Болгарии, т. е. в „Троянской земле“, по Тихомирову. Не обосновав невозможности создания поэмы

¹⁰⁶ Mansikka V. J. Die Religion der Ostslaven. 1. Quellen. Helsinki, 1922. Vol. 10. N 43. S. 281—292, 386—397.

¹⁰⁷ Это, к сожалению, далеко не единственный случай, когда исследователи свое незнание приписывают незнанию автора «Слова».

¹⁰⁸ Тихомиров М. Н. Боян и Троянова земля. С. 175—187.

¹⁰⁹ Первое из них — «тропа Бояна» — действительно связано в тексте «Слова» с Бояном, который «рыскал в тропу Трояню». Но что касается веков и седьмого века Трояна, то они связываются с Бояном неоправданно, только на основании того, что о них упоминается в контексте рассказов о князьях XI в. — Олеге и Всеславе Полоцком.

¹¹⁰ Эту трафаретную, этикетную фразу, вложенную летописцами, с одной стороны, в уста Святослава Игоревича при описании сражения в Болгарии, а с другой — в уста Святослава Ярославича при описании битвы при реке Снови в 1068 г., вряд ли можно считать достаточным основанием для утверждения о намерениях Святослава Ярославича совершить поход в Болгарию.

¹¹¹ Чтобы доказать, что «земля Трояня» не связана с «синим морем у Дона», М. Н. Тихомиров делит фрагмент с упоминанием «земли Трояней» на три параллельных предложения, относящихся к Деве-Обиде, которая: 1) подымается в «силах Дажь-божа внука», т. е. среди русских князей; 2) вступает «дѣвою на землю Трояню»; 3) плещет лебедьними крыльями «на синѣмъ море у Дону». В этом случае, пишет М. Н. Тихомиров, Дон не будет иметь отношения к Троянской земле, и там и здесь выступает Обида.

в 1185 г., немыслимо говорить о влиянии на ее поэтические образы болгарских событий 1186 г.»¹¹² Добавим, что вряд ли мог автор «Слова» называть в XII в. Болгарию землей Траяна, умершего во II в.

Некоторые ученые толкуют «землю Трояню», исходя из упоминания арабским географом Идриси города Троя (Троя).¹¹³

Р. Якобсон¹¹⁴ реконструирует фрагмент с «седьмым веком Трояна» следующим образом: «Которою бо бѣше насилие отъ земли Половецкыи на седьмомъ вѣцѣ (земли) Трояни. Връже Всеславъ жребий. . .».

На основании реконструкции Р. Якобсона и принимая вслед за ним век за 1000 лет, М. Шефтель в комментарии к тексту в том же издании¹¹⁵ поясняет, что «земля Трояня» — это указание на место (г. Труа, находящийся, по его мнению, в земле тюрков), где во время «которы» (сражения) в 1068 г. была одержана победа (совершенно насилие) половцами-куманами над русскими войсками.

А. Вайан,¹¹⁶ также принимая реконструкцию этой фразы Р. Якобсоном, возражает против того, что здесь «Трояни» — обозначение места, местный падеж. Подобные беспредложные конструкции местного падежа появились, по его мнению, в русском языке не ранее XIV в. Исследователь предполагает, что «Трояни» не местный, а дательный падеж и что данную фразу следует понимать так: «Которою бо бѣше насилие отъ земли Половецкыи на седьмомъ вѣцѣ (для земли) Трояни». «Земля Трояня» здесь, по Вайану, — Русская земля, поскольку Троян (неважно, бог или римский император) — мифический предок русских.

О. Прицак,¹¹⁷ исходя из историографических мифов норманнов, согласно которым старая Троя находилась в донских землях, отождествляет ее с Тмутороканью, важным экономическим центром той эпохи.

Болгарский ученый Бою Ст. Ангелов в своих очерках по «Слову о полку Игореве»¹¹⁸ касается, в частности, вопроса о том, откуда пришло на Русь имя Троян. Он подвергает сомнению утверждение Н. Дылевского¹¹⁹ и Ст. Романски,¹²⁰ что это имя пришло из Болгарии. Ангелов указывает, что оно распространено на Балканах и встречается не только в Болгарии. При этом ученый вводит в «Троянову» топонимику новые данные: монастыри (один около г. Ловеч, другой в Румынии) и город во Фракии.

Е. И. Чепур¹²¹ обращается к выражениям «были вѣчи Трояни» и «на седьмомъ вѣцѣ Трояни». Исследовательница считает, что за этими выражениями кроются указания на реальные и вполне конкретные исторические времена. Толкование этих выражений она предпринимает, не задаваясь вопросом о том, кто такой Троян.

Расчет веков Трояна, производимый Е. И. Чепур, поражает отсут-

¹¹² Рыбаков Б. А. Русские летописцы. . . С. 423—424, примеч. 36.

¹¹³ Местонахождение этого города определяется по-разному. П. П. Вяземский полагал, что Троя на карте Идриси (Едризид) занимает место г. Троица в Оренбургской губернии. См.: Вяземский П. П. Замечания на «Слово о полку Игоревѣ». С. 120. Другие считают, что г. Троя (Труа) находилась в земле тюрков, на месте теперешнего села Трояны близ Бердянска.

¹¹⁴ La geste du prince Igor époque russe du douzieme siècle / Texte, établi, traduit et commenté sous la direction de H. Gregoire, de R. Jakobson et de M. Szeftel, assistés de I. A. Ioffe. New York, 1948. P. 68—69, 298—300.

¹¹⁵ Ibid. P. 99, 137—138.

¹¹⁶ Vaillant A. La terre de Trayan // Revue des études Slaven. 1948. T. 24. P. 179—180.

¹¹⁷ Pritsak O. The Origin of Rus'. Vol. I. Old scandinavian Sources Other Than Sagas. Cambridge (Mass.), 1981. P. 245—249.

¹¹⁸ Ангелов Б. С. Бележки върху «Слово о полку Игореве»: 3. Троян // Изв. на ин-та за бълг. лит. София, 1957. Кн. 5. С. 455—474.

¹¹⁹ Дилевски Н. Песен за похода на Игор. София, 1954. С. 114—115.

¹²⁰ Романски Ст. Славяни на Дунава // Сп. Български прегляд. 1. 1929. Кн. 1. С. 98.

¹²¹ Чепур Е. И. О веках Трояна в «Слове о полку Игореве» // Питання історії та культури слов'ян. Київ, 1963. Ч. 2. С. 155—164.

ствием логики в рассуждениях и произвольными допущениями. Прежде всего исследовательница утверждает, что для автора «Слова» век равен 60 годам. Основание для этого она видит в следующем: события XI в., о которых говорит автор, «ограничиваются примерно 1020—1080 гг., как бы укладываются в шестидесятилетие».

Чтобы вычислить, «какое время могли считать первым веком, называя XI век седьмым», Чепур 60 лет умножает на шесть веков, получает 360 лет и отсчитывает эти 360 лет от . . . 1020 г., видимо, перепутав его с 1068 г. (годом вокняжения Всеслава в Киеве). Отняв от 1020 г. 360 лет, она получает 660 лет.

«Имеем 660 лет, — рассуждает далее Е. И. Чепур. — Где же в Европе происходит событие, повлиявшее на декретирование такого стиля? По проверке мы находим, что 660 г. был обозначен как первый год н. э. в Болгарии по освобождении от Византийского ига».

Обращаясь затем к тексту «Слова», исследовательница вносит изменение в принятую пунктуацию; по ее мнению, после выражения «были вѣчи Трояни» «надо поставить двоеточие, тем самым указав, что упоминания о годах Ярослава и походах Олега Святославича являются раскрытием понятия „вѣчи Трояни“ и происходили примерно в века Трояна, точнее, на седьмом веке Трояна».

Из приведенной фразы совершенно невозможно понять, какое содержание вложено в выражения «вѣчи Трояни» и «на седьмомъ вѣцѣ Трояни», что не мешает Е. И. Чепур утверждать: данные выражения были «не только художественным образом (?!), но имели вполне реальную почву». Это, по ее мнению, является подтверждением факта, что «связи с западными славянами (вероятно, Чепур хотела сказать с южными славянами — речь идет о болгарях) имеют глубокие корни».

Подводя итоги данного обзора, следует признать, что в огромной литературе о Трояне много легковесных, ненаучных работ, в которых аргументацию заменяют предположения и безудержные фантазии авторов, где используются непроверенные или сознательно искаженные факты, псевдонаучные доказательства, где, наконец, встречаются грубые ошибки.

Существование множества точек зрения объясняется тем, что многие исследователи, фантазируя по поводу Трояна, не учитывают контекста «Слова» и почти все — поэтический смысл тех четырех фрагментов, в которых упоминается Троян.

На мой взгляд, поэтический смысл этих фрагментов становится понятным только в том случае, если принять «киевскую» гипотезу Костомарова—Шевчука.

Как уже говорилось, с толкованиями Н. Костомарова и В. Шевчука нельзя согласиться полностью. Но сама их идея о связи Трояна «Слова» с Киевом, с начальными временами Киевской Руси и тремя ее основателями представляется мне интересной и плодотворной. Попробуем с этой точки зрения объяснить поэтический смысл четырех рассматриваемых фрагментов «Слова».

Всеми признано, например, что во фрагменте

Были вѣчи Трояни,
Минула лѣта Ярославля,
Были плъци Олега. . .

автор «дает своеобразную периодизацию истории Русской земли».¹²² При этом «лѣта Ярославля» символизируют время расцвета Киевской

¹²² Лихачев Д. С. Исторический и политический кругозор автора «Слова о полку Игореве». С. 22—24.

земли, а войны Олега — время распада единой Киевской Руси, начало нового периода — феодальной раздробленности. Не логично ли допустить, что «вѣчи Трояни» — это начальные времена Киевской земли, время основания Киева? (Слово «вѣчи» употреблено здесь, вероятно, в значении «времена»¹²³). Поэтический смысл данной периодизации в таком случае — в указании на войны Олега (положившие начало междоусобицам) как на причину распада Киевской земли. Эта мысль очень важна в «Слове»; она постоянно варьируется автором, именно она обусловила экскурсы в прошлое, в XI в., к временам Олега и Всеслава.

Поскольку времена расцвета и распада единой Киевской Руси связываются с именами князей, логично думать, что и прилагательное «Трояни» в сходной конструкции имеет в виду князя, а точнее трех князей, «т р о я н о в»,¹²⁴ — Кня, Щека, Хорива, представляющих начальный период Киевской Руси, связанный с расселением полян на Киевских горах и основанием Киева.

Тот же поэтический смысл — сопоставление начала и конца единой Киевской Руси — вложен автором «Слова» и в другой фрагмент, тоже начинающий собой экскурс в XI в.: «На седьмомъ вѣцѣ Трояни връже Всеславъ жребий о дѣвицу себѣ любу. . .».

Данное выражение многие исследователи склонны понимать так: на седьмом веке п о с л е (кого? чего?) Трояна. Однако предлог «после» («по») здесь отсутствует, поэтому мы имеем право только на следующее толкование: на седьмом веке существования (кого? чего?) Трояни. Следовательно, здесь уже не притяжательное прилагательное, как в первом случае, а имя собственное Троянь (не Троян!) в родительном падеже.

Что такое Троянь? Вероятно, это символически названная автором «Слова» Киевская Русь, земля т р е х р о д о в о г о племени (возглавляемого т р е м я братьями, троянами), которое расселилось на т р е х Киевских горах и основало столицу, одно из имен которой — Т р о я.¹²⁵

¹²³ Впрочем, интересно свидетельство Н. М. Карамзина о том, что в рукописи читалось не «вѣчи», а «сѣчи». Это косвенно подтверждается тем, что правильная форма множественного числа от «вѣк» — «вѣци» (ср. «вѣци человѣкомъ скратишась»). Если же первоначально здесь было «сѣчи» (ми. ч. от слова «сѣча», означющего место, где вырублен лес под пашню или для поселения в этих местах, — ср.: Запорожская Сечь), то выражение «были сѣчи Трояни» следует, видимо, понимать так: при троянах обжигались места на Киевских горах, положившие начало Русской земле. В таком случае «сѣчи Трояни» (символ основания Киевской земли) противопоставлены автором «Слова» межкняжеским войнам Олега — причине и символу распада единой Киевской Руси на отдельные княжества, ее гибели как единого государственного образования.

¹²⁴ Три брата могли называться не только собирательным «трояны», но и «трояни», которое в украинском языке имеет следующие значения: 1) отец трех сыновей-близнецов; 2) тройка коней; 3) вообще три лица или предмета, тесно связанных. См.: Грінченко Б. Д. Словарь української мови: У 4 т. Киев, 1959. Т. 4. С. 288.

¹²⁵ Легенда, говорящая о том, что Киев назывался также Троей (подобно тому, как древний Илион, названный так в честь старшего из трех братьев, имел и второе имя — Троя), не лишена, вероятно, оснований. К убедительным доказательствам В. Шевчука (см. с. 339) можно добавить следующее.

Символика имени Троя, как и других топонимических названий от слова «три» (их очень много, в том числе и у славян), опирается на представления древних о священности, волшебности этого числа. Священная троица (триада, троада) означала неделимое единство — один в троих и трое в одном. У язычников неделимая триада воплощалась в триедином божестве, изображавшемся с тремя головами или тремя лицами, у христиан — в представлении о Троице.

Троичность выступает у древних основным принципом моделирования вселенной, что, например, нашло отражение в трехчастности вселенной по вертикали (верхний, средний и нижний миры) и по горизонтали (по представлению древних, Земля состояла из трех частей, омываемых рекой Океаном), поэтому не случайны сказания о разделении Ноём Земли между тремя сыновьями, сказания об основании города (княжества) тремя братьями, трехчастные поселения, окруженные общим валом и т. д. Вероятно, этим объясняется и то особое значение, которое придавалось на Руси идее трехбратного княжеского рода, княжеского триумвирата (см. об этом у И. Е. Збелкина и В. Шевчука). Интересен и образ трехглавого царя Герiona (см. работу Барсова 1904 г.).

Каков в таком случае смысл рассматриваемого выражения? Вероятно, его надо понимать так: на седьмом, т. е. последнем веке¹²⁶ существования Трояни Всеслав (один из зачинателей княжеских междоусобиц), предъявлял свои права то на один, то на другой город, метался в поисках своего княжеского «жребия», лучшей «доли». Указав, что Всеслав действует «на седьмомъ вѣцѣ Трояни», автор охарактеризовал его как виновника, наряду с Олегом, в разжигании междоусобных распрей, княжеских «обид», приведших к гибели Трояни.

Выражение «земля Трояня» употреблено, как и два первых, в лирическом отступлении автора, вновь (в третий раз!) обращающегося к событиям XI в. Поэтический смысл фрагмента с упоминанием «земли Трояней» — в анализе автором «Слова» тех причин, которые привели к поражению Игоревых полков. Вслед за рассказом о поражении Игоря, о гибели русских воинов, заканчивающимся словами: «Уже бо, братие, невеселая година въстала, / Уже пустыни силу прикрыла», — автор «Слова» напоминает:

Въстала обида въ силахъ Дажь-божа внука,
Вступила дѣвою на землю Трояню,
Всплескала лебедиными крылы на синѣмъ море у Дону,
Плещучи, убуди жирня времена.

Попытаемся понять смысл этого загадочного фрагмента.

Под «Дажь-божим внуком» чаще всего разумеют русский народ. Но поскольку Дажь-бог, по общему признанию, бог солнца, солнечного света, то его внуками (потомками) скорее назвали князя, так как общеизвестно уподобление княжеского рода, князей солнцу (князь — посланник бога, податель благ, защитник племени), что отражалось, в частности, в символике княжеских атрибутов, связанных с золотом, а через него — с солнцем. На метафоре «князь—солнце» построено само «Слово о полку Игореве»: затмение солнца предвещает плен князей, о пленных князьях Игоре и Всеволоде автор говорит: «. . . два солнца померкоста. . .». Возвращение Игоря из плена сопоставляется с сиянием на небе солнца — все встало на свои места, вернулось на круги своя.

Учитывая, что «Дажь-божь внук» — это княжеский род, князя, первую строку («Въстала обида въ силахъ Дажь-божа внука») следует понимать так: возникла обида среди князей (вражда, взаимные нарушения князьями прав друг друга).

Вторая строка, упоминающая загадочную «деву», может быть истолкована следующим образом: вступила Девой (т. е. неся с собой подобно греческой Елене¹²⁷ войну и в конечном итоге гибель) на «землю

Если иметь в виду символику имени Троянь как единого, неделимого целого, хотя и состоящего из трех частей, то станет понятным обращение к нему автора «Слова», призывающего князей к объединению, миру, сплоченности.

¹²⁶ Символическому значению выражения «седьмой век» сопутствует в «Слове» и конкретное, если исходить из современного значения слова «век» (100 лет) и верить преданию, отразившемуся в Хронике М. Стрыйковского и в Синописе 1674 г., которое относит основание Киева к 430 г. (впрочем, к V в. относят возникновение Киева и некоторые современные историки, не случайно в 1980 г. Киев праздновал свое 1500-летие. Разные точки зрения на этот счет см.: Т о л о ч к о П. П. Древний Киев. Киев, 1983. С. 12—29). Если считать 430 г. годом основания Киева, то 60-е годы XI в. входят в седьмой век существования Киевской Руси.

¹²⁷ В отличие от П. П. Вяземского и Р. Пиккио, считавших, что речь здесь идет о Елене, я предполагаю с р а в н е н и е: уподобление межкняжеской обиды Деве (Елене), вступившей на Троянскую землю и погубившей ее (традиционное именование Елены Девой идет, по словам П. П. Вяземского, еще от Еврипида). Это сравнение станет еще более обоснованным, если учесть, что Елена в языческих сказаниях олицетворяла, по словам того же П. П. Вяземского (с. 192), распри, ссоры, насилие, обиду. Обидой она названа и в «Андромахе» Еврипида (ст. 103—104):

Илиону возвыщенному Парис не свадьбу, а некую обиду
Привел, наложницу, в хоромы, Елену.

Трояню»¹²⁸ (т. е. Русскую землю).

В третьей строке речь идет тоже об обиде, которая на сей раз «въсплескала лебедиными крылы на синѣмъ море у Дону». Вероятно, метафорическим языком здесь говорится о том, что княжеские взаимные обиды, ослабившие «землю Трояню» междоусобными войнами, дали повод для радости и военного оживления племени куманов (в переводе — лебедей!), живущих на синем море у Дона.

Четвертая строка сообщает о последствиях для Руси этого «оживления», т. е. половецких набегов. Обида, ослабив Русь и тем самым «открыв полю ворота», «убуди» (пробудила) «жирня времена» (т. е. богатые, обильные времена). Эта фраза, вызывающая некоторое недоумение у исследователей и переводчиков (предлагающих читать вместо «убуди» — «упуди» или «жирня» переводить как «тяжкие»), станет совершенно понятной и ясной, если учесть, что в результате военных действий половцев-куманов наступили обильные времена не для Руси, а именно для половцев, обогащавшихся за счет грабительских набегов на Русь.

Подтверждение такой трактовки данного фрагмента мы находим в тексте, непосредственно следующем за ним. Дело в том, что в «Слове» есть одна особенность, кажется, еще не отмечавшаяся исследователями: вслед за метафорическим фрагментом обязательно идет его расшифровка. Автор раскрывает свои метафоры, чтобы до конца быть понятным слушателями.

Вот как поясняется рассматриваемый фрагмент, который «блещет, словно звездами, переносными и замененными выражениями».¹²⁹

Усобица княземъ на поганья погыбе
 <т. е. прекратились войны князей против «поганых»>,
 Рекоста бо брать брату: «Се мое, а то мое же».
 И начяша князи про малое — «се великое» — мльвити,
 А сами на себѣ крамолу ковати,
 А поганин съ всѣхъ странъ
 Прихождаху съ побѣдами на землю Рускую.

Итак, фрагмент с «землей Трояней», следующий за сообщением о поражении Игоря, называет причиной этого поражения междоусобные войны, которые разобили князей, переставших выступать «единым фронтом» против «поганых». Здесь «земля Трояня» — синоним Киевской Руси.

Р. Пиккио характеризует Елену как «классический символ раздора», отсылая за информацией о символических функциях образа Елены в средневековой литературе к работе: V e l l a u Ch. Les légendes du cycle troyen. Monaco, 1957. Vol. 1. P. 90—112.

Елена как бы слилась с образом мифической Ерис, Еринис (греч. Эрида) — сестры и спутницы Марса, богини вражды, распрей, которой она уподоблена в прорицании Сивиллы Ерифрейской:

Илион, жалею тебя! Над Спартой убо Еринис
 Взойдет, прекрасная, вечно словутая, отрасль гораздая!
 Тебе же преимущественно вопли, труды, стенанья влекущая,
 Нанесет. . .

(об этом см.: Вяземский П. П. Замечания на «Слово о полку Игоревѣ». С. 188—192).

Таким образом, автор «Слова», говоря о межкняжеской обиде, принесшей столько бед на «землю Трояню», заставляет вспомнить Деву-Обиду, погубившую древнюю Троя, а через нее — мифическую Деву-Обиду, Деву-Вражду, несущую с собой несчастья, гибель, скорбь. Эти аналогии придают рассматриваемому фрагменту большую глубину и трагизм.

¹²⁸ В данном случае слово «Трояню» — притяжательное прилагательное от «трояны». «Земля Трояня» — земля, основанная троянами, тремя братьями. Возможен, впрочем, и авторский символический этноним «Трояне» наряду с «поляне» (эту мысль высказал при чтении данной статьи О. В. Творогов). Тогда «земля Трояня» — земля племени полян.

¹²⁹ Так Цицерон в трактате «Оратор» охарактеризовал стиль речи Деметрия Фалерского, указав на него как на образец «среднего», «умеренного» стиля (см.: Цицерон М. Т. Три трактата об ораторском искусстве. М., 1972. С. 344—355). Этими словами можно охарактеризовать стиль «Слова о полку Игореве» в целом.

Упомянутое «тропы Трояней» связано с рассказом о Бояне, который, как и сам автор «Слова», обращался в своих песнях к прошлому, к истории своей родины.

«Рыскать в тропу Трояню (ср. «Народная тропа» у Пушкина) через поля на горы» (т. е. вспоминать переселение трехродового племени полян (троян?) во главе с тремя братьями — троянами) — значит, обращаться мысленно к истокам, к начальному периоду Киевской земли. Это толкование очень хорошо вписывается в пассаж о Бояне:

О Бояне, соловию стараго времени!
Абы ты сиа плъкы ущекоталъ,
Скача, славию, по мыслену древу,
Летая умоумъ подь облакы,
Свивая славы оба полы сего времени,
Рища въ тропу Трояню чресь поля на горы, —
Пѣти было пѣсьнь Игореву, того (Олга) внуку. . .

Автор «Слова» говорит здесь о Бояне, славившемся своим талантом барда (сравнение с соловьем, скачущим по поэтическому «мыслену» древу), мудростью, высотой полета мысли (ср.: «летая умоумъ подь облакы»), знанием истории своего народа, его истоков (именно об этом говорит фраза «Свивая славы оба полы сего времени, рища въ тропу Трояню чресь поля на горы»).

Итак, в «Слове» упоминаются: «века Трояни», т. е. времена троянов, основателей Киева; «седьмой век Трояни», т. е. седьмой, последний век единой Киевской Руси; «земля Трояня», т. е. земля, основанная троянами, — Киевская Русь и, наконец, «тропа Трояня», т. е. исторический путь трехродового племени полян-троян, во главе с братьями-троянами, с полей (равнин) на Киевские горы — место новой Родины.

В чем «сверхзадача» приведенных символических наименований?

Для автора, как и для его слушателей, братья-трояны были символом истоков, основания Киевской земли, а «Троянь» — символическим названием единой Киевской Руси — предмета политической ностальгии автора «Слова».

Таким образом, символика имен «Троянь» и «трояны» (или «троян») служит выражению главной идеи «Слова» — призыву русских князей к единению, к совместной обороне рубежей Русской земли.

Литература

К а р а м з и н Н. М. История государства Российского. М., 1816. Т. 2—3. Примечания. С. 262—272; Слово о плъку Игореве, Игоря, сына Святъслава, внука Ольгова / Пер. и примеч. А. С. Шишкова // Соч. и переводы, изданные Российской Академией. СПб., 1805. Ч. 1, кн. 8 (см. примеч. Б. П. Иноходцева к «Трояновой земле»); Переизд.: Собр. соч. и переводов адмирала А. С. Шишкова. СПб., 1826. Ч. 7. С. 123—124; Песнь воинству Игореву. . . / Пер. и примеч. Н. Ф. Грамматина. СПб., 1821. С. 102—104; 2-е изд. Слово о полку Игоревом. . . М., 1823. С. 102—104; примеч. 29; Песнь ополчению Игоря Святославича, князя Новгород-Северского / Пер. и примеч. А. Ф. Вельтмана. М., 1833. С. 35—38; Полевой Н. Рец. на кн.: Песнь ополчению Игоря Святославича, князя Новгород-Северского / Пер. и примеч. А. Вельтмана. М., 1833 // Моск. телеграф. 1833. № 5. С. 438; Буслеев Ф. И. 1) Сербская сказка о царе Трояне // Москвитянин. 1842. № 11. С. 203—205; 2) Исторические очерки русской народной словесности и искусства. СПб., 1861. Т. 1. С. 384—390; Дубенский Д. 1) Слово о плъку Игоревѣ, Святъслава пѣтворца старого времени: Объясненное по древним письменным памятникам Д. Дубенским. М., 1844. С. 25, 69—70, 94, 186—187; 2) Отметки на некоторых местах «Слова о полку Игореве» // Отеч. зап. 1855. Т. 101. Июль. Отд. 3. С. 7; Киянин Д. Рассуждения о том, что в древней России поросско-украинские и дунайские Трояновы валы построены были не римским, а русским Трояном. Киев, 1845. С. 1—43; Данилевский М. Д. Догадка о значении слова «Троян» в «Слове о полку Игореве» // Изв. АИ по ОРЯС. 1858. Т. 7, вып. 4. С. 330—333; Котляревский А. А. Троян. Славянское божество: Материалы для археологического словаря // Древности: Труды Моск. Археолог. о-ва. 1865. Т. 1, вып. 1. С. 13—14; Слово о полку Игореве / Изд. для учащихся Н. Тихонравовым. М., 1866. С. 2, 4, 5, 10, 51; 2-е изд., испр. М., 1868. С. 2, 4, 5, 10,

- 27—29; Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. М., 1868. Т. 2. С. 641—644, 723; Лукашевич П. Объяснение ассирийских имен. М., 1868. С. 59—61; Максимович М. А. 1) [Письмо А. С. Уварову с объяснением выражений «земля Трояня» и «тропа Трояня»] // Труды I Археолог. съезда. М., 1869. Т. 1. С. СХХVIII—СХХХII; 2) О значении имени «Траян», упоминаемом в «Слове о полку Игореве»: (Письмо к графу Уварову) // Максимович М. А. Собр. соч. Киев, 1877. Т. 2. С. 426—433; Костомаров Н. И. Слово о полку Игореве: Реферат лекции, прочитанной 27 апреля 1870 г. // Голос. 1870, 29 апреля (11 мая). № 117; Лавровский Н. А. О новом чешском переводе «Слова о полку Игореве» // ЖМНП. 1870, октябрь. С. 281—289; Слово о полку Игореве: С предварительными замечаниями об этом памятнике и примечаниями А. Н. Майкова // Заря, 1870, январь. С. 129—131: Dvě Zprávě staroruských, totiž: O výpravě Igorově a Zádostina / S kritickými, historickými i jinými vysvětlujícími poznámkami a doklady vydal K. J. Erb en. Praha, 1870. S. 25; Слово о полку Игореве: Поэтический памятник русской письменности XII века. Пер. и примеч. Я. М а л а ш о в а. М., 1871. Примеч. к стихам 67, 209, 283—284, 569; Ягич В. История сербско-хорватской литературы. Казань, 1871. С. 120—121; Дринов М. Заселение Балканского полуострова славянами // ЧОИДР. 1872. Кн. 4. С. 76—81; Квашин-Самарин Н. Д. Очерк славянской мифологии // Беседа. 1872. Кн. 4. С. 242—243; Слово о полку Игореве / Пер. и вступ. ст. Н. М. Павлова. М., 1874. С. 11; Вяземский П. П. Замечания на «Слово о полку Игореве». СПб., 1875. С. 96—121 и др.; Забелин И. Е. История русской жизни с древнейших времен. М., 1876. Ч. 1. С. 334, 519—528; Слово о полку Игореве: Поэтический памятник русской письменности XII вѣку / Пер. на укр. яз. и примеч. О. Огоновского. Львів, 1876. С. 38—40, 60—61, 73, 105—107; Веселовский А. Н. Новый взгляд на «Слово о полку Игореве» — Рец. на кн.: Миллер В. С. Взгляд на «Слово о полку Игореве». М., 1877 // ЖМНП. 1877, август. С. 282—303; Миллер В. Ф. 1) Взгляд на «Слово о полку Игореве». М., 1877. С. 99—110; 2) Заметки по поводу сборника Верковича: 1. К вопросу о национальности Бояна «Слова о полку Игореве» // ЖМНП. 1877, октябрь. С. 110—115; 3) По поводу Трояня и Бояна «Слова о полку Игореве» // ЖМНП. 1878, декабрь. С. 239—267; Барсов Е. В. 1) Критические заметки об историческом и художественном значении «Слова о полку Игореве» // Вестн. Европы. 1878. Т. 6. С. 351—357; 2) «Слово о полку Игореве» как художественный памятник Киевской дружинной Руси. М., 1887. Т. 1. С. 376—384; 3) «Слово о полку Игореве» как историческая повесть и героическая песня: Лекции, читанные московским рабочим. М., 1904. С. 18. М а р к о в Е. [Без заглавия в рубрике «Литературная летопись»] // Голос. 1878. № 347; Слово о полку Игореве / Примеч. к тексту А. А. Потебни // Филол. зап. 1877. Вып. 5—6. С. 51; Отд. изд.: Воронеж, 1878. С. 70, 119—121; Харьков, 1914. С. 51, примеч. 42—49; Миллер О. Ф. Новые домыслы учения о заимствованиях — Рец. на ст.: Миллер В. С. По поводу Трояня и Бояна. // РФВ. 1879. № 4. С. 232—241; Прозоровский Д. Новый опыт объяснительного изложения «Слова о полку Игореве». СПб., 1881. С. 17—19; Партыцкий О. 1) Слово о полку Игореве / Пер. и примеч. О. Партыцкого // Діло (Львів), 1886. № 100—101; 2) Ответ А. Петрушевичу // Діло (Львів), 1886. № 113—116, 118—122, 124—125; Петрушевич А. С. 1) Слово о полку Игореве: Древнерусское эпическое стихотворение из конца XII столетия / Пер. и примеч. А. С. Петрушевича. Львов, 1886. С. 19—20; 2) Мос издание «Слова о полку Игореве», плагиат и моя оборона // Слово (Львов), 1886. № 99—100; Шеплинг Д. О. Напи письменные источники о языческих богах русской мифологии. Воронеж, 1889. С. 8, 24—28; Лонгинов А. В. 1) Историческое исследование сказания о походе северского князя Игоря Святославича на половцев в 1185 г. Одесса, 1892. С. 91—125; 2) Слово о полку Игореве: Источники и мифология «Слова» // Зап. Одесского о-ва истории и древностей. Одесса, 1911. Т. 29. С. 72—79; Отд. изд.: Одесса, 1911. С. 34—42; Голубинский Е. История русской церкви. М., 1901. Т. 1, пол. 1. С. 4, примеч. 1; Яцимирский А. И. Тропа Трояня в «Слове о полку Игореве» и попытка румынского ученого объяснить это выражение // Яцимирский А. И. Шесть статей по славянской и русской письменности. М., 1901. С. 1—7; То же // Древности: Труды славянской комиссии Моск. Археолог. о-ва. М., 1902. Т. 3. С. 119—125; Шляков Н. В. Троян в «Слове о полку Игореве» // Новый сборник статей по славноведению, составленный и изданный учениками В. И. Ламанского. СПб., 1905. С. 289—296; A b i c h t R. Das südrussische Igorlied und sein Zusammenhang mit der nordgermanischen Dichtung. Bresslau, 1906. S. 15—16; Леже Л. Славянская мифология / Пер. с фр. Воронеж, 1908. С. 108—115; Дашкевич Н. П. Славяно-русский Троян и римский император Траян // Serta Borysthenica: Сб. в честь заслуж. проф. имп. ун-та св. Владимира Ю. А. Кулаковского. Киев, 1911. С. 217—248; Слово о полку Игореве / Ред., пер. и объясн. С. К. Шамбинаго. М., 1912. С. 50—51; 5-е изд. М., 1917. С. 3—10, 46—74; Святецкий Д. Под сводом хрустального неба. СПб., 1913. С. 56—57; Гальковский И. М. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси // Вера и Разум. 1915. № 6. С. 811—812; Отд. изд.: Харьков, 1916. С. 8—15; Magnus L. A. The Tale of the Armament of Igor. London, 1915. P. XLIX—LII; Слово о полку Игореве: Лирическая поэма влуга Боянова / Пер. и примеч. Н. И. Маньковского. Изтомир, 1915. С. 62; Кагаров Е. 1) Рец. на кн. Гальковский И. М. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси // БВ. 1916, май. С. 192—

- 193; 2) Религия древних славян. М., 1918. С. 23, 29—31; Prince J. Duneleu. The Names Trajan and Boyan in Old Russian // Proceedings of the American Philosophical Society. Held at Philadelphia for Promoting Useful Knowledge. 1917. Vol. 56, n. 2. P. 152—160; Mansikkа V. J. Die Religion der Ostslaven. Quellen. FF Com. edited for the Folklore Fellows. Helsinki, 1922. Vol. 10, n. 43. S. 281—292, 386—397; Орлов А. С. Слово о полку Игореве. М., 1923. С. 20—21; 2-е изд., доп. М.; Л., 1946. С. 92—94; Перетц В. Н. Слово о полку Игоревім: Пам'ятка феодальної України—Руси XII в. Київ, 1926. С. 147—149, 200, 221, 290; Шторм Г. 1) Иронический сказ о походе на половцев князя Новгорода-Северского Игоря Святославича // Красная новь. 1926. № 3. С. 123—124; 2) Слово о полку Игореве / Вступ. ст., пер. и примеч. Г. Шторма. М., 1934 (Шк. 6-ка классиков); Ильинский Г. А. Хто Троян у «Слові о полку Игоревім»? // Україна. 1930. Кн. 41, № 5—6. С. 13—19; Греков В. Б. Автор «Слова о полку Игореве» и его время // Историк-марксист. 1938. Кн. 4. С. 10—19; Приселков М. Д. Слово о полку Игореве как исторический источник // Там же. М., 1938. Кн. 6. С. 112—133; Слово о полку Игореве / Пер., предисл. и поясн. И. Новикова. М., 1938. С. 91—95; Державин Н. С. «Троян» в «Слове о полку Игореве» // Сб. статей и исслед. в области славянской филологии. М.; Л., 1941. С. 7—60; Слово о полку Игореве / Пер. и коммент. А. Югова. Л., 1945. С. 185—193; М., 1970. С. 217—225; 1975. С. 217—225; La Geste du prince Igor: Épopée russe du douzième siècle / Texte établi traduit et commenté sous la direction d'H. Grégoire, de R. Jakobson et de M. Szeftel, assistés de J. A. Joffe. New York, 1948. P. 68, 91, 137—138; Vaillant A. 1) La terre de Trajan // Revue des études slaves. 1948. T. 24. S. 179—180; 2) Le dieu slave Trajan // Прилози за књижевност и језик, историју и фолклор. Београд, 1956. Књ. 22, св. 3—4. С. 183—189; Еремин И. П. «Слово о полку Игореве» как памятник политического красноречия // Слово о полку Игореве: Сб. исслед. и статей. М.; Л., 1950. С. 119; Лихачев Д. С. Исторический и политический кругозор автора «Слова о полку Игореве» // Там же. С. 18, 22—25; Тихомиров М. Н. Боян и Троянова земля // Там же. С. 175—187; Платин С. Н. Слово о полку Игореве. Исправленный и не исправленный тексты: Перевод и примечания. Париж, 1953. С. 33—34 (Изд. русского научного ин-та при русской академической группе в Париже; Вып. 1) Дилевски Н. Песен за похода на Игор. София, 1954. С. 114—115; Нидерле Л. Славянские древности / Пер. с чешск. М., 1956. С. 54, 56, 98, 117, 177, 281, 346; Ангелов Б. С. Бележки върху «Слово о полку Игореве»: З. Троян // Изв. на ин-та за бълг. лит. София, 1957. Кн. 5. С. 461—465; Болдур А. Троян «Слова о полку Игореве» // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 15. С. 7—35; Шарлемань Н. В. По Днепру со «Словом о полку Игореве» // Сов. Украина. 1958. № 1. С. 140; Булаховский Л. А. Лингвистичні уваги про міфологічні назви «Слова о полку Игоревѣ» // Наук. зап. ін-ту мовознавства АН УССР. 1959. Т. 15: Мовознавство. С. 26—28; Головенченко Ф. М. Слово о полку Игореве. М., 1963. С. 272—273; Чепур Е. И. О веках Трояна в «Слове о полку Игореве» // Питання історії та культури слов'ян. Київ, 1963. Ч. 2. С. 156—164; Білецький О. І. Слово о полку Игоревім // Зібрання праць у 5 т. Київ, 1965. Т. 1. С. 206; Кузьмин А. Г. «Слово о полку Игореве» о начале Русской земли // ВИ. 1969. № 5. С. 53—66; Яценко Б. Про Троян // Архіви України. 1970. № 6. С. 34—43; Золотов Ю. М. О Трояне «Слова о полку Игореве» // СА. 1970. № 1. С. 261—263; Баскаков Н. А. 1) К этимологии собственных имен в «Слове о полку Игореве» // Проблемы истории и диалектологии славянских языков. М., 1970. С. 38—45; 2) Тюркская лексика в «Слове о полку Игореве». М., 1985. С. 139—140; Гумилев Л. Н. Поиски вымышленного царства. М., 1970. С. 320—326; Рыбаков Б. А. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972. С. 421—437; Чебаев О. К вопросу о Трояне в «Слове о полку Игореве» // Сб. студ. науч. работ. Материалы республик. науч. конф. Алма-Ата, 1972. Вып. 1. С. 137—142; Сулейменов О. Ази Я: Книга благонамеренного читателя. Алма-Ата, 1975. С. 118—122; Осетров Евг. Мир Игоревой песни. М., 1977. С. 209—212; 2-е изд. 1981. С. 208—211; Карпунин Г. 1) По мыслену древу // Сибирские огни. 1978. № 12. С. 153—154; 2) Жемчуг «Слова», или Возвращение Игоря. Новосибирск, 1983. С. 78—101; Pritsak O. The Origin of Rus'. Vol. 1. Old scandinavian Sources Other Than Sagas. Cambridge (Mass.), 1981. P. 245—249; Гаспаров Б. Поэтика «Слова о полку Игореве». Wien, 1984. С. 168—173; Mann R. Oral Composition in the «Slovo o polku Igorëve»: Doctoral Dissertation University of Kansas. 1984; Пиккио Р. Мотив Трои в «Слове о полку Игореве» // Проблемы изучения культурного наследия. М., 1985. С. 86—99; Боровский Я. Е. Троян у «Слові о полку Игоревім» // Українська мова і література в школі. 1985. № 7. С. 68—70; Комлев А. П. Белокуров К. К. Слово о полку Игореве: Заметки об исторических временах и лирических пространствах // Слово о полку Игореве. Свердловск, 1985. С. 193—194; Косороков А. А. Гений без имени. М., 1986. С. 44—50 (Б-ка «Любителям российской словесности»); Пушик С. Криваве весілля на Каялі // Жовтень. 1986. № 7. С. 90—106; Шевчук В. Мисленне дерево: Роман-есе про Київ // Жовтень. 1986. № 10. С. 10—30; Щербаков В. Тройой Троянкой // Дорогами тысячелетий: Сб. ист. очерков и статей. М., 1987. Кн. 1. С. 161—202.

С. Н. БРОЙТМАН

К вопросу о субъектно-образной структуре «Слова о полку Игореве»

При всем обилии работ, посвященных «Слову о полку Игореве», его образная и субъектная структуры обойдены вниманием исследователей. В данной статье нас будет интересовать структура лишь одного (но важнейшего) образа — затмение солнца — князя, — а из сферы субъектных отношений мы рассмотрим лишь взаимосвязь «автора» и «Бояна» в художественном целом. Данный аспект исследования поэтики «Слова» избран потому, что он затрагивает некоторые ключевые проблемы произведения и может дать объективный материал для исторического понимания его смысла.

Знаменитая картина затмения солнца перед походом Игоря многократно истолковывалась в научной литературе, но все эти толкования так или иначе склонялись к рационалистическому: затмение солнца — предсказание неудачи похода. Наличие этого смысла в «Слове» бесспорно, но он открывает лишь самый верхний содержательный пласт произведения. Под этим пластом — бездна значения, уходящего своими корнями в самые архаические образно-смысловые структуры поэзии. В последнее время предпринят ряд попыток поднять эти глубинные структуры, именно в этом ряду стоит работа А. Н. Робинсона, посвященная солнечной символике в «Слове». Анализируя имманентный язык образа, ученый подошел к выявлению мифологических корней «солнца» в тексте поэмы. «Солнце самостоятельно», «оно выступает как активный субъект, для воспроизведения действий которого употребляется падеж образа действия, то есть творительный орудийный» (речь идет об оборотах «виде от него тьмою вся своя воя прикрыты» и «солнце ему тьмою путь заступаше»).¹

Заметим, что творительный орудийный определенно родствен «обстоятельству в творительном падеже», которое А. А. Потебня (наряду с символом-приложением) считал наиболее архаической и даже исходной формой художественного образа, ибо «символ как приложение сливается с обозначаемым в одно целое, а творительный падеж напоминает превращения». ² Оба этих типа образа А. А. Потебня истолковывал как отражение той стадии художественно-мифологического мышления, когда «человек не отделял себя от внешней природы». ³ Подчеркнем также качественное образно-смысловое отличие такого творительного падежа от позднейшего сравнения, которое А. Н. Веселовский называл уже «прозаическим актом сознания, расчленяющего природу», ⁴ и считал порождением второй боль-

¹ Робинсон А. Н. Солнечная символика в «Слове о полку Игореве» // «Слово о полку Игореве» и памятники литературы и искусства XI—XVII веков. М., 1978. С. 41.

² Потебня А. А. О некоторых символах в славянской народной поэзии. Харьков, 1914. С. 3.

³ Там же.

⁴ Веселовский А. Н. Историческая поэтика. Л., 1940. С. 189.

шой исторической эпохи поэтики, преодолевающей исходный образный синкретизм. В свете этих данных исторической поэтики глубокий интерес представляет наблюдение А. Н. Робинсона: «Никаких сравнений солнца с чем-либо . . . здесь нет, потому что, во-первых, солнце представляется действующим произвольно, а во-вторых, в архаических анимистических представлениях господствующее над миром солнце, как равная себе сущность, так же несравнима, как несравним с кем-либо бог в христианских представлениях».⁵

По существу исследователь вскрывает здесь исконную мифологическую субстанциальность образа солнца и его затмения. Но он хорошо видит и «разнотипность функционирования» этого мифологического образа, и разворачивание его в целый ряд образов, в том числе уже собственно поэтических. По А. Н. Робинсону, солнце сначала выступает в виде произвольно действующего субъекта, затем — в виде аллегии («четыре солнца») и через посредство своих общепризнанных божественных атрибутов (Дажь-бог, Хорс); кроме того, солнце, оставаясь символом, становится также и реалией, губительно влияющей на воинство Игоря; наконец, оно превращается в «произвольный символ» («светится на небесе»). Общий вывод исследователя о соотношении мифологического и собственно поэтического пластов образности «Слова» таков: «Для стиля „Слова“ характерно предложение слушателям ряда символов, замкнутых в своей сущности (традиционной языческой мифологии), с последующим постепенным и, очевидно, интересующим слушателей их раскрытием (но только частичным) при помощи метафорической конкретизации».⁶

С точки зрения исторической поэтики, важнейшим моментом проведенного анализа является открытие наличия и взаимодействия в «Слове» двух качественно различных и разнотипных образных структур — мифологической, претендующей на субстанциальность, и собственно поэтической или условно-поэтической, не требующей признания своих образов за действительность.⁷ Вне этого взаимодействия недостаточно понятны (и поддаются лишь рационалистическому истолкованию) ключевые моменты произведения, в том числе интересующее нас солнечное затмение. Но предложенным анализом нельзя полностью удовлетвориться потому, что в центре внимания исследователя оказалась сама по себе солнечная символика, тогда как в образной системе «Слова» с о л н ц е — только один из членов исходной параллели, вторым членом которой является по всем законам древнейшего искусства ч е л о в е к (к н я з ь И г о р ь). Нельзя сказать, что А. Н. Робинсон совсем этого не видит, один раз он даже прямо говорит о «созданной символической параллели (солнце — Игорь)», но говорится об этом применительно к концу произведения.⁸ Между тем данная параллель мерцает уже в самом начале поэмы и обуславливает глубинную образную композицию ее.

Впервые Игорь в связи с солнцем появляется так: «Тогда Игорь взре на светлое солнце и виде от него тьмою вся своя воя прикрыты». Здесь солнце и Игорь поставлены рядом, но это их сближение еще не оформлено как параллелизм или символ. Перед нами еще вполне «простые» слова. Но возможность глубинной параллели просматривается уже здесь. Солнце, как уже замечено, выступает тут не как объект, а как субъект, притом действующий импульсивно, произвольно. Обратим внимание, что не о н о

⁵ Робинсон А. Н. Солнечная символика. . . С. 41. — Нужно заметить, однако, что аналогия с христианскими представлениями здесь явно неудачна, ибо в мифологии отсутствие сравнения объясняется не «несравнимостью», а просто отсутствием того исходного различия явлений, которое только и может стать основой сравнения.

⁶ Там же. С. 58.

⁷ Их качественное различие было описано уже А. Н. Веселовским, А. А. Потебней, а позднее О. М. Фрейденберг. В последнее время на этом же настаивает А. Ф. Лосев. См.: Лосев А. Ф. Знак. Символ. Миф. М., 1982. С. 408—452.

⁸ Робинсон А. Н. Солнечная символика. . . С. 50.

прикрыло, а «о т н е г о» «воя прикрыты» тьмою. Вместо равного себе субъекта в именительном падеже здесь стоит родительный падеж с предлогом, самой своей формой горячий, что солнце порождает тьму как бы независимо от себя, что действие не только активно им совершается, но и безлично, пассивно из него исходит. Эта лично-безличная «пассивная активность» — характернейшая форма проявления субъекта в «Слове» (о чем мы подробнее скажем позднее), и именно через ее действие сближается с солнцем Игорь, тоже «свободно предопределенный» на произносимое в этой ситуации «хощу».

В следующей сцене эта скрытая пока (и лишь мерцающая через д е й с т в и е) параллель начинает проговариваться: «Один братъ, одинъ светъ светлый ты, Игорю», — обращается к князю его брат. Еще одна сцена — и опять Игорь и солнце рядом: «Тогда въступи Игорь князь въ златъ стремянь и поеха по чистому полю. Солнце ему тьмою путь заступаше. . .». Вновь солнце действует тьмою — та же архаическая структура, делающая солнце и реальным явлением, и активно-пассивным «демоном». Но новое сближение князя и солнца — после того, как Игорь был назван «светлым» (да еще «одним» — явная отсылка к светилу) — заставляет уже настоятельнее увидеть здесь нечто большее, чем просто пространственное сближение. Особенно ясно это становится, когда мы присмотримся к картине затмения.

После рассказа о том, как «солнце тьмою ему путь заступаше», следует: «Ночь стонуци ему грозою птичь убуди; свистъ звериньъ вста. Дивь кличет. . .», «половци . . . побегоша», «крычатъ телегы», «Игорь к Дону вои ведеть», «дълго ночь мръкнетъ», «заря светъ запала» . . . Иначе говоря, затмение солнца переходит незаметно в настоящую ночь. Вернее даже, перехода, как такового здесь нет, ибо «ночь» появляется сразу: по мифологической логике, затмение и есть ночь, поэтому она и наступает в действительности. На образ играет и многозначность слова «ночь», обозначающего здесь, как недавно было замечено, не только «время суток», но и «темноту, мрак».⁹

Эта образная метаморфоза — превращение затмения в ночь — говорит о том, что в данной сцене по существу нет описания последовательно развертывающихся событий, нет синтагматического принципа связи, а есть принцип парадигматический: к основному образу подбираются параллельные места. «Ночь . . . птичь убуди», «див кличет», «половци побегоша», «влъци грозу въсрожат, орли зовут, лисици брещут» — все это одновременные действия, совершающиеся в тот момент, когда к н я з ь п о е х а л и с о л н ц е з а т м и л о с ь. Так наметившаяся параллель Игорь—солнце начинает оборачиваться другой параллелью: з а т м е н и е с о л н ц а - к н я з я.

С этого момента интересующая нас параллель становится ведущей. После небольшого просвета — первой битвы, состоявшейся утром, — следует картина второй битвы, сопровождающейся кровавыми зорями и черными тучами, которые «хотятъ прикрыти д̄ солнца». Здесь затаенный прежде двучленный параллелизм переходит в откровенно символическую картину затмения солнца-князя. И далее становится ясно, что затмение солнца параллельно и тождественно героической одержимости (п о м р а ч е н и ю) Игоря, его уходу в «землю незнаемую» (по мифологической логике — на тот свет), к морю (на дно которого погружается русское злато), к судьбоносной реке Каляле (переход через реку — известный символ переправы на тот свет), наконец, к поражению и пленению (з а к а т у) князя. Эта основная символическая парадигма имеет многочисленные микрообразные параллели. Так, в ответе бояр Святославу: «. . . два солнца по-

⁹ См.: Г р е б н е в а Э. Я. К прочтению темных мест «Слова о полку Игореве» // Исследования «Слова о полку Игореве». Л., 1936. С. 118—119.

меркоста», «тьма свет покрыла». В отрывке о Всеславе герой-оборотень затмевает солнце («Хрьсови влькомь путь прерыскаше»). Еще до этого своеобразно затмевается русская земля («уже за шеломянемь еси»), а дружину князя «птиц крылья приоде» и т. д.

Завершающий этап развития интересующего нас образа таков: плач-закливание Ярославны осуществляет «перемену роковой солнечной судьбы Игоря»;¹⁰ в полночь (т. е. когда солнце перестает западать и должно начать подниматься) «Игореву князю богъ путь кажетъ изъ земли Половецкой на землю Рускую»; наконец, возникает впервые открыто и без утайки названная двучленная параллель: «Солнце светится на небесе, Игорь князь въ Руской земли».

Обнаружение и анализ исходной параллели князь—солнце, затмение солнца—помрачение князя позволяют кое в чем по-новому прочесть «Слово». Во-первых, солнечное затмение перестает казаться только предсказанием неудачи похода, а оказывается наряду с тем и на большей смысловой глубине параллельно и тождественно этой неудаче. Во-вторых, затмение солнца становится средством не просто подчеркнуть героическую одержимость князя, который вышел в поход несмотря на затмение. Параллель говорит о большем: героическая одержимость Игоря есть одновременно и «помрачение» его, напоминающее трагическое ослепление, гибель античных героев или (если быть ближе к современной «Слову» почве) Роланда с его «demesure» — сумасбродством, необузданной, безрассудной смелостью, буквально безмерностью.¹¹ В-третьих, сам факт наличия в «Слове» двух образных языков (субстанциально мифологического и условно-поэтического) и первичность языка параллелизма не позволяют подходить к определению авторской позиции с точки зрения современных нам представлений. Прежде всего должны быть оставлены как модернизаторская версия безусловного воспеания героя, так и версия его безусловного порицания. Вторая не может быть верна потому, что параллелизм не создает нужной для нее абсолютной границы между автором и героем. Первая — потому, что второй образный («различающий») язык все-таки разрушает тождество между автором и героем.¹² Чтобы увидеть это, присмотримся к субъектной структуре «Слова», к отношению а в т о р — Б о я н, которое, как мы увидим, образно изоморфно отношению а в т о р — И г о р ь.

Начиная с Пушкина в «Слове» принято видеть первый в русской литературе диалог с традицией, воплощенной в образе Бояна. В своей незавершенной статье «Песнь о полку Игореве», предлагая прочтение первых фраз текста, Пушкин утверждал: «Неизвестный творец „Слова о полку Игореве“ не преминул объявить в начале своей поэмы, что он будет петь по-своему, а не тащиться по следам старого Бояна».¹³ Но поэт прекрасно видит неоднозначное отношение между позициями автора и Бояна, вплоть до невозможности проведения четкой грани между иронической или восторженной интонацией и своеобразных стиливых перевоплощений. «Не рещу, — пишет Пушкин в одном месте, — упрекает ли здесь Бояна или хвалит, но во всяком случае, поэт приводит сие место в пример того, каким образом слагали песни в старину» (284). Наконец, Пушкин прямо сопоставляет иносказательный язык Бояна с качественно иным языком автора «Слова». Приведа строки «пети было песь Игореву того Олга внуку»,

¹⁰ Робинсон А. Н. Солнечная символика. . . С. 49.

¹¹ См.: Смирнов А. А. Старофранцузский героический эпос и «Песнь о Роланде» // Песнь о Роланде. М., 1964. С. 149.

¹² Ср. «Песнь о Роланде». Здесь тоже при, казалось бы, абсолютном воспеании героя возможно и такое место. Оливье -- друг и второй «я» Роланда, обращаясь к нему, говорит: «Вы всему виною. Быть смелым мало — быть разумным должно, / И лучше меру знать, чем сумасбродить. Французов погубила ваша гордость. . . / Нам ваша дерзость жизни будет стоить» (с. 54--55).

¹³ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 8 т. М., 1954. Т. 5. С. 283 (далее ссылки на это издание даются в тексте).

Пушкин замечает: «Поэт повторяет опять соображения Бояновы и, обращаясь к Бояну, вопрошает: „Или, не так ли петь было, вещей Боян, Велесов внуче? Комони ржут за Сулою; звенит слава в Кыеве; трубы трубят в Новеграде; стоят стязи в Путивле; Игорь ждет мила брата Всеволода“. Теперь поэт говорит сам от себя не по вымыслу Бояню, по былинам сего времени. Должно признаться, что это ж и в о е и б ы с т р о е о п и с а н и е с т о и т и н о с к а з а н и й соловья старого времени» (286; подчеркнуто нами. — С. Б.). Подчеркнем, что Пушкин видит в этом месте не просто диалог автора с Бояном, но диалог, ведущийся на уровне образно-языковых структур — «живого и быстрого описания» и «иносказания».¹⁴

Сущствует и иная точка зрения на это место. «Обычно считается, — пишет О. В. Творогов, — что во вступлении автор противопоставляет свою художественную систему традиционной, воплощенной, например, в песнях Бояна. Но едва ли на Руси XII в., в эпоху благоговейного отношения к литературному этикету и жанровым канонам, автор, решивший нарушить традицию, стал бы открыто заявлять о своем новаторстве. Вероятней другое: вступление имеет риторический характер».¹⁵ Не считая наш аргумент решающим, заметим, однако, что в византийской литературе, где литературный «этикет» был по крайней мере не менее императивен, чем на Руси, существовала возможность прямо выраженной критической личной позиции. Современник автора «Слова» Евстафий Солунский, приступая к рассказу о п о р а ж е н и и родного города, писал: «Те, кто описывают завоевания городов и в далеком прошлом, и в настоящем, в большинстве случаев используют одни и те же приемы. . . При повествовании историческом и беспристрастном писатель пространно богословствует: он и о причинах бытия говорит, и обильными риторическими прикрасами свою речь изощряет, и экфразами, и описаниями различных мест свое повествование украшает. Но тот, кто и з о б р а ж а е т с о б ы т и я с о в р е м е н н ы е и н а к о г о н е с ч а с т ь е н а л о ж и л о с в о й о т п е ч а т о к (подчеркнуто нами. — С. Б.), тот, конечно, воспользуется всеми указанными средствами, но не перейдет границы. Ему следует только преисполниться сострадания обязательно в соответствии со своими личными склонностями».¹⁶ Замечательна еще одна перекличка автора «Слова» и Евстафия Солунского: «Один раз оно (повествование. — С. Б.) начнется без прикрас, как бы по-деловому, в другой — более искусно и от времен, которые уместно вспомнить» (240; ср. два вступления к «Слову»).

Речь идет, конечно, не о тривиальном подражании, а о самой возможности заявленной личной позиции, может быть, даже о наличии определенной традиции нарушения «этикета» в особых ситуациях поражения, гибели, личной уязвленности общенародным бедствием, причем необходимо учитывать, что эта личная позиция будет существенно отличаться от ново-европейской. Действительно, диалог, который ведет автор «Слова» с Бояном, — диалог именно средневековый, не просто отрицающий позицию «другого», но и приемлющий ее, исходящий из общих с ней оснований и создающий в конечном счете «нераздельность и неслиянность» традиционной и личной точек зрения.

Уже первая фраза «Слова» задает именно такую образно-субъектную позицию: «Не лепо ли ны бяшеть, братие, начати. . . Начати же ся тѣй песни. . .». Об этом месте исследователь пишет, что обычно в нем видят свободу выбора, «в то время как сам автор самой конструкцией фразы эту свободу у себя отрицает. Необходимо обратить внимание на безлично-

¹⁴ Это аспект сопоставления стилей автора и Бояна обещает очень много, но на его пути стоят серьезные трудности, прежде всего сложность надежной реконструкции образной системы Бояна.

¹⁵ Творогов О. В. Литература периода феодальной раздробленности XII-первой четверти XIII веков // История русской литературы: В 4 т. Л., 1980. Т. 1. С. 82.

¹⁶ Евстафий Солунский. О пленении латинянами города Фесалоники // Памятники византийской литературы IX—XIV веков. М., 1969. С. 239—240.

страдательный оборот в этой фразе. Не автор начнет, а самой песне начаться по былинам сего времени». Замечательно еще одно точное наблюдение исследователя: «Этот же самый оборот и в том же значении неизбежности мы встречаем в „Слове“ в приведенной автором заповке Бояна: „Ни хытру, ни горазду . . . суда божия не минути“». ¹⁷ Такая безличнострадательная активность, едва ли не обреченность на активность, возникает в «Слове» всегда, когда речь заходит о воспевании: например, во втором вступлении (и опять в связи с Бояном): «Пети было песнь Игореву . . . Чи ли вспети было», а также в финале (уже только о себе, но с тайной оглядкой на Бояна): «Певше песнь старымъ княземъ, а потомъ молодымъ пети».

Подобная образно-субъектная позиция определенно напоминает описанную А. Ф. Лосевым «эргативную», героически-демоническую позицию, при которой активность индивида есть его одновременная страдательность, «одновременная с выполняемым им действием детерминация со стороны некоего высшего субъекта, вполне неопределенного и потому неминуемого». И далее: «Этот активнейший и сознательнейший герой, свободно действующий по своему свободному решению, в то же самое время и без всякого нарушения своей свободы оказывается предопределенным во всех своих мельчайших поступках, о н к а к б ы п р е д о п р е д е л е н н а с в о б о д у». ¹⁸

Но ведь такова позиция не только автора и Бояна, когда они приступают к воспеванию, но вообще всех субъектов «Слова» — прежде всего Игоря, явно предопределенного на свое свободное «хочу», и Ярославны, чье заклинание «однотипно . . . с импульсивно-произвольной основой действий всех субъектов-персонажей (природы и людей)», ¹⁹ подчеркнем особо, что и природы, которая в поэме предстает тоже как произвольно действующий, ²⁰ но одновременно предопределенный на эту произвольность с у б ъ е к т. Автор «Слова» и сам находится в такой позиции-ситуации, но качественное своеобразие этой авторской позиции, отличающее его и от героя, и от героического песнопевца Бояна, состоит в следующем: автор не только укоренен в данной ситуации, но уже имеет на нее художнический взгляд извне, проявляющийся хотя бы в том, что он изображает, разыгрывает ее.

Так разыгрывается стиль Бояна в двух вступлениях к «Слову», и это создает как нераздельность, так и неслиянность разных голосов и стилей. Автор «Слова», как мы уже отмечали, сам находится в ситуации героической одержимости, в силу которой неразделим и со своим героем, и с героическим песнопевцем, поэтому величайшим упрощением было бы думать, что он со стороны судит Игоря или оспаривает Бояна. Но совершенно очевидно, что автор «Слова» неслиянен со своими героями, и эта неслиянность сотворяется в лиро-эпической постановке образа Игоря и в разыгрывании Боянова стиля.

Конечно, невозможно согласиться, что вступление к «Слову» носит чисто риторический характер. Но нельзя не увидеть, что автор «Слова» нуждается в риторическом «приступе» к повествованию. Он не может начать повествование прямо, с беспрецедентной легкостью Пушкина («Мой дядя самых честных правил») минуя традицию, ибо между ним и конкретной действительностью еще стоит плотный слой «общего», предписанного смысла. Впрочем, автор «Слова» уже может разыграть этот слой и преподнести его как «другой» — Боянов. А после этого разыгрывания он может начать уже с различной и конкретной ситуации, за которой, однако, с самого начала мерцает субстанциально-мифологический смысл, посте-

¹⁷ Смоллицкий В. Г. Вступление в «Слове о полку Игореве», ТОДРЛ. М.; Л., 1956. Т. 12. С. 13.

¹⁸ Лосев А. Ф. Знак. Символ. Миф. С. 320.

¹⁹ Робинсон А. Н. Солнечная символика. . . С. 50.

²⁰ Там же. С. 41.

ленно раскрывающийся и выговариваемый к концу произведения. Благодаря такой структуре конкретное и субстанциально-мифологическое тоже оказываются нераздельными и неслиянными.

Анализ субъектно-образной структуры «Слова» помогает приблизиться к пониманию одного из глубинных смыслов великой поэмы: освобождение от одержимости и обретение новой человеческой и авторской позиции, не только глубоко укорененной в традиции и ее образной семантике, но и артистически свободной — не от самой традиции, а от слепой обреченности на нее, от одержимости ею. Это и есть поэтика рефлексивного традиционализма — второй большой эпохи в истории поэтики.²¹ И в то же время это первый в русской литературе диалог с одержимостью и героически-демоническим ослеплением, во многом определивший поэтику русской классической и неклассической литературы. По «Бесам» Пушкина и Достоевского, а затем Блока и Булгакова это видно достаточно хорошо.

²¹ См.: А в е р и н ц е в С. С. Древнегреческая поэтика и мировая литература / Поэтика древнегреческой литературы. М., 1981. С. 3—14.

И. А. ЕВСЕЕВА-ЛОБАКОВА

«Стрелецкая» (Псковская) редакция «Повести о разорении Рязани Батыем»

(К вопросу о времени и принципах переработки текста источника)

Первый исследователь «Повести о разорении Рязани Батыем» В. Л. Комарович, упоминая о трех редакциях произведения, «пока еще не рассматривавшихся», в качестве «Особой» редакции выделил текст, зафиксированный списком конца XVII в. (БАН, 38.4.40).¹ Отметив, что «переписчик был и довольно самостоятельным редактором Повести, он не только соединил заново распространенную (основную А. — И. Е.) редакцию с компилятивной (редакцией Б₁ основной. — И. Е.), но и дополнил такой их свод целым рядом своих собственных отступлений»,² В. Л. Комарович, основываясь на «послесловии», пришел к выводу, что «переписчик работал над попавшим ему в руки списком рязанца Анненкова в 1633 году».³ Иными словами, исследователь полагал, что редактором был безымянный переписчик, и относил создание его редакции к 1633 г.

Д. С. Лихачев подошел к решению этих вопросов иначе: «Редакция стрелецкая, известная в единственном списке, представляющем копию со списка 1633 года стрелецкого головы Н. Л. Анненкова, является переработкой второго вида редакции основной Б. В ней особенно интересны постоянные соотношения с современностью и рассуждения автора по поводу „неустройства сущих властей“ и оборонительных сооружений Русского государства. . . Для датировки редакции имеет значение упоминание „нового града Смоленска“».⁴ Таким образом, для Д. С. Лихачева 1633 г. — время появления списка стрелецкого головы (т. е. автором редакции является Никита Анненков), почему редакция и получает название «Стрелецкой». Однако Д. С. Лихачев не исключил возможности, что список Анненкова — не редакция, а лишь список редакции, поэтому точной датировки не предложил, подчеркнув, что для нее важно упоминание «нового града Смоленска».

Таким образом, вопрос о времени и месте создания новой редакции остается открытым.

Действительно, несмотря на то что Плюшкинский список имеет дату — 1633 г., решить вопрос о том, относится ли эта дата к появлению списка редакции или к возникновению самой новой редакции, затруднительно. Сообщение, содержащее датировку, идет в следующем контексте: «О еже написах повесть о принесении чудотворнаго образа святаго Николы Корсунского (а ныне нарицаем бе Зараский, от Москвы 120 верст, а от Коломны — 30. Списано у стрелецкого головы у Никиты Леонтиева сына Анненкова, у резанца, восьмая тысяща 141 году марта 2 день), о таковых же

¹ Новый шифр: БАН, собр. Плюшкина, № 165.

² Комарович В. Л. К литературной истории Повести о Николе Зарайском // ТОДРЛ. М.; Л., 1947. Т. 5. С. 72.

³ Там же.

⁴ Лихачев Д. С. Повести о Николе Зараском // ТОДРЛ. М.; Л., 1949. Т. 7. С. 273—274.

преславных чудесах и знамении, и прехождении от места на место, от страны во страну и от града во град в божественном писании, в различных повестех много о святых иконах повествуют» (с. 369).

Нам представляется, что Плюшкинский список является точной копией своего источника — списка, сделанного в 1633 г. с принадлежавшего Никите Анненкову произведения (скопировано даже сообщение о переписке). Вероятно, в протографе Плюшкинского списка информация о времени появления копии-источника читалась на полях, а создатель Плюшкинского списка ввел ее в текст, в результате чего и возникло в рассуждении о «странствующих святынях» второе отступление («географическое» и «датирующее»).

Обратим внимание на наличие в тексте Плюшкинского списка некоторых исторических реалий, которые могли бы иметь датирующее значение. Например, в тексте содержится такая фраза: «Якоже во всей Росии пресловущий град великий — Псков каменный четырьмя стени огражден, да новый град Смоленск. Инии же мали быша гради — теми немцы обладаша» (с. 368).

Из исторических источников известно, что город Псков во время Ливонской войны (1558—1583) был значительно укреплен: утолщены и перестроены стены, а также завершена замена деревянных укреплений каменными вокруг четвертого — Окольного — города. Вокруг Пскова появились 4 кольца каменных укреплений: Детенец, Довмонтов город, Средний город и Окольный.⁵ «Пресловущим» же город стал традиционно именоваться после блистательной обороны против войск Стефана Батория (26 08 1581—4 02 1582). Благодаря тому что Псков выстоял, Россия вышла из Ливонской войны без территориальных потерь.

В «Повести о приходе Стефана Батория на Псков», созданной псковским изографом Василием в 90-х гг. XVI в.,⁶ также подчеркивается тот факт, что град Псков «четвероограден всекаменными стенами, многославен же в земли той и многолюден». Таким образом, упоминание Пскова, славного «во всей Росии» и огражденного четырьмя каменными стенами, возможно только после 1582 г.

Упоминание в списке «нового града Смоленска», видимо, следует связывать с рассуждением автора о строительстве каменных городов (т. е. и город Смоленск огражден каменной стеной). Известно, что каменный Смоленский кремль строился при Борисе Годунове мастером Федором Конем с 1595 по 1602 г.⁷ Таким образом, упоминание о «новом» каменном городе Смоленске могло бы относиться ко времени после 1602 г.

Нам кажется, что новая редакция «Повести о разорении Рязани Батыем», представителем которой является Плюшкинский список, была создана в начале XVII в., во времена Смуты. В тексте повести встречаются рассуждения автора о «неустроении сущих властей», о вельможах, которые «чести ради поганския, а бога и душу свою отвергшаго яко же и ныне таковых много есть», «все то дьяволу гордость влагаючи в них, яко же и доньше», о причинах бедствий («... советом и любовью тверд бывает всяк град, а безсовестия ради, и нелюбве разоряютца . . . тако и ныне то же творится»; «Тако и ныне последнему роду — Новому Израилю беды наводит, или глад, или мор, или рать, или огонь за неустроение сущих властей»; «. . . злая творяще и неподобная, предани бываем злым и нем-

⁵ См.: Псков: Очерки истории. Л., 1971. С. 86.

⁶ См.: Вступ. ст. В. И. Малышева в кн.: Повесть о приходе Стефана Батория на Псков. М.; Л., 1952. С. 22—24.

⁷ О Смоленском кремле писали многие историки архитектуры, историки и искусствоведы. См.: Г р а б р ь И. (Э). История русского искусства. История архитектуры. До-Петровская эпоха. М., 1910. Т. 1. С. 493—508; М., 1910. Т. 2. С. 305—337; Раппопорт П. А. Древнерусская архитектура. М., 1970. С. 122—137; Красильники и Н. И. Русская и украинская архитектура XIV—XVII столетий. Киев, 1980. Все сведения о строительстве Смоленского кремля и его зодчем Федоре Конне сведены воедино в кн.: К о с т о ч к и н В. В. Государев мастер Федор Конь. М., 1964.

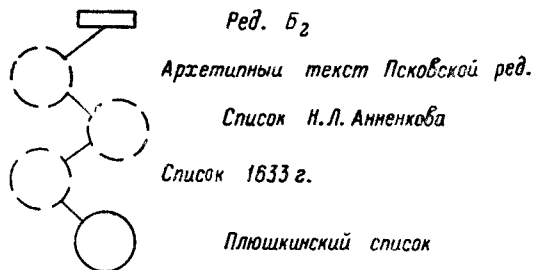
лостивым властям грех ради») и т. п. В этих публицистических «отступлениях» особенно хочется подчеркнуть рассуждения о предании за грехи «злым и немилостивым властям»⁸ и упоминание о «новом Израиле».⁹

Думается, что местом создания новой редакции Повести был, вероятнее всего, «во всей России пресловущий град великий Псков».

Такая гипотеза имеет право на существование не только потому, что в новой редакции Повести впервые появляется упоминание об этом северном городе (он упомянут дважды: как не покоренный Батыем и как славный во всей России), но и потому, что во Пскове во времена Смуты происходили события, которые придают конкретный исторический смысл рассуждениям автора о «злых и немилостивых властях». С июля 1606 г. воеводой во Пскове был Петр Никитич Шереметев. IIIJ сохранила описание многих фактов его «насильств», «претеснений» и жестокости. Так, он заставлял ремесленников «даром делати на него всякое рукоделье», послал в Москву обвинение в измене 70 человек «меньших», которые выразили недовольство новыми притеснениями, требуя их «казнить смертию», и т. п. Жестокость Шереметева особенно усилилась, когда он получил возможность лавировать между приверженностью Василию Шуйскому и признанием Лжедмитрия II: обвиняя псковичей и жителей припсковских сел то в нарушении верности Шуйскому, то в неповиновении «законному государю Дмитрию Ивановичу», он отнимал имущество «непокорных», а с недовольными его решением расправлялся. «Воеводские неправды, и грабления, и обиды» стали причиной восстания в Пскове, которое началось 1 сентября 1608 г.: «меньшие» люди отказались повиноваться приказу Шереметева — оборонять город против «Тушинского вора» (победы М. В. Скопина-Шуйского над тушинцами были причиной «патриотизма» воеводы). Посаженный в темницу восставшими псковичами, он был убит в июне 1609 г. Псков признал Лжедмитрия II государем, а с декабря 1612 г. стал прибежищем очередного авантюриста, выдававшего себя за чудесно спасенного царевича (его, кстати, и называли «Псковским вором»), после чего даже мужественная оборона Пскова в 1615 г. против шведского короля Густава-Адольфа не вернула городу былой великой славы.

Таким образом, нам кажется, что время создания новой редакции следует относить к 1606—1608 гг. (т. е. до заката былой славы Пскова и до восстания против «немилостивой власти»), а саму редакцию, созданную во Пскове, называть Псковской.¹⁰

Плюшкинский список в этом случае представляет собою уже четвертый этап существования редакции:

⁸ См.: Салмина М. А. «О причинах гибели царств» — сочинение начала XVII века // ТОДРЛ, М.; Л., 1954. Т. 10. С. 332—353. Ср., например, рассуждение о вине за разорение земли: «... и те виноваты, которые властетельны или начальниками бывают, егда за их злобою, и за их хотением, и гордостью, и за их неправдою всякие царства пременяются и погибают» (с. 342).

⁹ См., например, «Сказания» Авраамия Палицына и «Временник» Ивана Тимофеева.

¹⁰ Есть сведения, что Никита Анненков был стрелецким начальником в Псковской земле; в 1635 г. под его предводительством под Печорами были разбиты литовцы. См.: Румель В. В., Голубцов В. В. Родословный сборник русских дворянских фамилий. СПб., 1886. Т. 1. С. 73.

Не анализируя специально художественные особенности этой редакции, исследователи отметили влияние редакции А на текст источника Псковской редакции — редакции Б₂.¹¹ Это и «постоянные соотношения с современностью и рассуждения автора по поводу „неустройства сущих властей“ и оборонительных сооружений Русского государства», и обращение Евпраксии с речами к сыну перед самоубийством, и упоминание, что княгиня бросается с палатой церковных, и сообщение об окружении Евпатия «сенными возами».¹²

В. Л. Комарович не отмечал, в чем выразилось влияние редакции А на текст редакции Б₂. Единственным фактом такого влияния могла бы быть замена имени шурина Батыя, выехавшего на битву с Евпатием: Хоставрул вместо Таврул. Однако нельзя исключить возможности, что замена эта произошла в том списке редакции Б₂, который был положен в основу протографа Псковской редакции.

Псковская редакция практически перерабатывает текст своего источника в одном направлении: она вводит многочисленные добавления.

Добавления эти носят различный характер.

Часть из них развивает уже существовавшие в Повести темы. Так, оказалась распространенной тема мученичества рязанских князей. Как и в Хронографической редакции,¹³ в Псковской смерть князя Федора осмыслиется как смелость за веру: Батый «многих князей нарочитых и людей повеле побити. И так вси скончашася — о Христе пострадаша, и прияша венцы нетленные. И первый бысть мученик в Руси от князей». Однако мучеником оказывается не только Федор, но и все рязанское посольство — мотив, которого прежде не было.

В этом же ряду добровольного мученичества оказывается и самоубийство Евпраксии: «. . . и зарази сама себя до смерти. И так душа своя предаша господеву, мученически скончашася». Если в редакции Б₂ о гибели Олега Красного сообщается кратко: «И князь Олег Ингоревич укори царя, и нарек его безбожна и врага христианска. Окаянный же Батый дъхну огнем от мерзкаго сердца своего, и огорчися, и вскоре повеле Олга ножи на части раздробити. Сий бо есть мученик Христов. . .», то в Псковской редакции «объясняется» причина отказа Олега: «И князь Олг Ингоревич не пожелала славы сея временныя, но небесныя славы возжелел, укори царя нечестиваго, и парек его безбожна и врага христианского. Окаянный же Батый, рыкнув, и дохнув от мерскаго сердца своего, и огорчися, яко лев, вскоре повеле Ольга блаженнаго ножи раздробити, якоже древле великаго мученика Иакова Перскаго Хоздрой-царь. Сей бо. . .».

В Псковской редакции даже Евпатием движет не столько месть, не столько желание разделить судьбу рязанских князей, сколько желание принять мученический венец: Евпатий «погна напрасно вслед царя Батыя, хотя и желая пити смертную чашу — с своими государи равно пострадади, яко же и древнии мученицы противу нечестивых царей».

Тема мученичества в Псковской редакции усилена также благодаря распространению характеристик царя Батыя, образ которого уже более последовательно выдержан в традициях образа царя-мучителя. Подчеркивается и коварство Батыя («И начат рязанских князей кормити, и поити, и на ловех с ними ездити, и тешити. И прежде сладок им показася, последи же горчае желчи явися»), и неведение им божественных законов. Причем автором Псковской редакции подчеркивается, что Батыем движет не только незнание божественной истины, но и нрав: «Безбожный же царь в неверии своем, не разумея божественного писания, ни страха божия не имея, но своим поганским обычаем и нравом немилостив сый к человеко-

¹¹ См.: Комарович В. Л. К литературной истории. . . С. 72.

¹² Лихачев Д. С. Повести. . . С. 273.

¹³ См.: Евсева И. А. «Повесть о разорении Рязани Батыем» в Хронографической редакции XVI века // Древнерусская литература: Источниковедение. Л., 1984. С. 156—172.

любю и на скверное смешение пореваем похотию плоти своея, якоже конь ревнив, и рече. . .».

Это усиленное противопоставление мучеников царю-мучителю привело также к тому, что оказывается совершенно переосмысленным диалог Федора и Батыя. Если в древнейших редакциях в нем отразились представления о праве победителя (отказ Федора признать за невоевавшим с рязанскими князьями Батыем этого права — и свидетельство величия Рязанского княжества, и причина ярости Батыя, в могуществе которого усомнились), то в Псковской редакции Федор главным образом рассуждает о богословской стороне вопроса: «Царю! Писано бо есть в законе нашем христианском: не завидети, не похотети чюждему, не желати. И недостойно есть нам, христианом, не токмо тебе, нечестивому царю, ниже своим верным давати жен своих. . . кроме своего мужа — той да обладает ею по закону. И не буди мне сего сотворите никакоже, еже приступити закон божий. Разве той един создатель и творец наш грех ради предаст нас тебе». Иначе говоря, только потому, что Федор — христианин, он не может выполнить требования Батыя, а не потому, что это требование оскорбительно.

Как и в других редакциях XVII в., в Псковской редакции произошла замена многих повествовательных описаний монологами (происходит вторичная «драматизация» текста, которая, как отмечает Н. С. Демкова на другом материале, является общим принципом повествовательной литературы XVII в.).¹⁴ Но и в монологах этих главной оказывается все та же тема мученичества или рассуждения о христианских добродетелях. Так, в Псковскую редакцию был введен плач Апоницы (он назван Опаницей): «О драгий мой господине княже! Как вскоре отшел еси света сего, и оставил княжение, и власть, и княгиню, и дети своя! Не повинуся безбожному царю, ни воли его влася. Но вождедел еси пострадати за отчество свое, и за вся люди своя, якоже ин никто же». Плач этот своим источником имеет «Житие Михаила Тверского», но если в Житии слова, обращенные к Михаилу, логически точны (он поехал в Орду, стремясь предотвратить появление татар в Твери и гибель людей, догадываясь о смерти, своей головой «выкупая» княжество), то в плаче Апоницы объяснение смерти Федора желанием «пострадати за отчество свое, и за вся люди своя» ничем не мотивировано.

Появление монолога Евпраксии привело не только к оживлению повествования, но и к новому объяснению самоубийства княгини. В редакции Б₂ (как в редакциях А и Б₁) Евпраксия слышит весть о смерти мужа и — не в силах пережить «смертоносныя глаголы» — гибнет. В Псковской редакции мотивировка другая: «О милое мое и драгое чадо, княже Иванне! Прииде на ны от бога наказание грех ради наших: посла на нас поганых сих измаильтян. И хотят нас до конца разорити и пленити. И мужа моего государя, а твоего отца, убиша. Еще же и мене хочет безбожный царь осквернити, а тебе поработити и в безсерменскую веру научити. И лутче нам смерть прияти с тобою, нежели нам в руках поганых сих поруганым быти». Самоубийство Евпраксии в Псковской редакции — не порыв отчаяния, а логически взвешенный поступок: разорение и пленение Рязанской земли за грехи, возможный позор и страх за сына, боязнь отступить от христианства — вот те причины, которые толкнули княгиню на самоубийство.

Часть внесенных создателем Псковской редакции в текст своего источника добавлений является свидетельством непонимания уже в начале XVII в. старых поэтических средств. Так, в словах пяти взятых в плен дружинников Евпатия оказывается разрушенным старый образ смерти-

¹⁴ См.: Демкова Н. С. Принципы сюжетной организации текста в повествовательной литературе XVII века // Вопросы сюжета и композиции. Горький, 1984. С. 34—35.

хмеля на пиру. В редакции Б₂ читаем: «Присланы есмь от князя Ингоря Ингоревича тебя, силнаго царя, почтити, и честно попроводити, хотя тебе честь воздати. Да не подиви, царю, не успевати наливати чашю на толику силу и великую рать тотарскую». Старшие редакции сохранили образ, использованный в свое время автором «Слова о полку Игореве»: «Сватов попоиша, и сами полегоша за землю Рускую», который был связан с другим (ключевым) образом Повести — образом «смертной чаши». В Псковской редакции данный фрагмент принял вид: «Присланы есме от князя Ингоря Ингоревича Резанского, брата князя Юрьева, тебе сильнаго царя почтити, и честно проводити. Сице тебе повеле честь воздати. И ты о сем не дивися, царю, что нас наш государь-князь упоил питием хмельным на толику силу и великую рать татарскую. И мы елико осмыслили — так и сотворихом». Собственно говоря, последняя фраза вполне может быть отнесена к создателям редакций XVII в.

Привнесенные в Псковскую редакцию добавления к словам сановников Батыя: «Сии бо люди крилати и бесмертни суть» — превратили яркую метафору в объясненное сравнение: «Сии бо люди, аки львы сердцем, и легцы, яко птицы крилати, пролетающе и пресецающе полки наша. Не убояшеся смерти, не устрашишася такового нашего великаго воинства».

Целый ряд сравнений Евпатия с Самсоном, Александром Македонским, коdesом был включен в слова Батыя, обращенные к мертвому Евпатию. Причем в последнем сравнении (с колесом) делается попытка объяснить прозвище рязанского воеводы — Коловрат — в традициях народной этимологии.

Однако наиболее яркими и характерными именно для Псковской редакции стали добавления, имеющие вид исторического и публицистического комментария.

В качестве примера такого исторического комментария можно рассматривать следующее добавление. Рязанские князья посылают за помощью «к великому князю Юрию Всеволодовичу Владимирскому (брату же его Ярославу тогда сущу в Великом Новеграде княжащу)»: «Батыевой бо силе велице и тяжце сущи, аще бы и вся земля Руская, собравшия, стала с своими князи, едва толико собралися быша. Рязанская же земля — малая часть сущи Руския земли, како может стати противу оных множества?».

Необходимо отметить, что часто исторический комментарий приобретает дидактическую функцию: это происходит тогда, когда исторические параллели вводятся в текст Псковской редакции для подтверждения рассуждений автора о раздорах в Русской земле и причинах этих раздоров. Так, отказ Юрия Владимирского помочь рязанским князьям поясняется следующим образом: «Князь же великий Юрьи Владимерский по дьяволу действу — яко же от века той вражду творя во всех человецех, и нелюбовь и зависть вложи (бяху бо во вражде меж собою о власти с Киевским и с Рязанским), и не послуша. . .». Причем в данном случае приведенное историческое пояснение является ошибочным: с 1212 г. — после того как Юрий Всеволодович вернул свободу Юрию Рязанскому, захваченному в 1207 г. Всеволодом Юрьевичем, — Рязань поддерживала хорошие отношения со своими соседями; с Киевом интересы Юрия Всеволодовича также не пересекались. Как и всякое «вторичное историческое» уточнение, это уточнение неточно. Последовательно проводится в Псковской редакции мысль о вине русских князей перед Русью: «Все то дьяволу гордость влагающи в них, яко же и донныне. Не пред многими бо леты преж сего пришествия поганых бишася братия — великие князи — между собою о власти, и много крови пролияша. Мню — того ради богу попустившу того ради на них поганых. Брани же тогда от бога и гневу посланому на православныя христиане, на всю Рускую землю» — т. е. в редакции в качестве причины Батыева нашествия указывается битва на реке Липице в 1216 г. (что, возможно, является отражением представлений, выраженных в Про-

странном цикле о нашествии Батые на Русскую землю, который читается в составе Хронографа 1599 г. и Русском временнике).¹⁵

Публицистический комментарий пронизывает все повествование о разорении Рязанской земли: все грехи прошлого повторяются во времена создания Псковской редакции «Повести о разорении Рязани Батыем». В рассказе о гибели Рязани это выражено словами: «яко же и доныне», «яко же последи и бысть»; о воеводе, который поведал Батыю о красоте Евпраксии, например, говорится: «. . . прелестник и отвержник веры христианския, и басурманскую веру возлюбив чести ради поганския, а бога и душу свою отвергшаго (яко же и доныне такиховых много есть) обольсти, и сказа. . .».

Однако с наибольшей отчетливостью публицистические идеи выражены в завершающих текст редакциях отступлений о городах Русской земли и о «злых властех мздоимных и неправду творящих» (с привлечением рассказа о Прохоре-лебеднике из Киево-Печерского патерика) и о странствующих святых. Заменявшие собой похвалу роду рязанских князей эти отступления существенны для понимания главной идеи, которой руководствовался создатель Псковской редакции. Для него «Повесть о разорении Рязани Батыем» — лишь дополнительный эпизод в рассказе о странствии образа Николы из Корсуна в Рязань: «О еже написах сию повесть о принесении чудотворнаго образа святаго Николы Корсупскаго . . . о такиховых преславных чудесах и знамении, и приходе от места на место . . . много . . . повествуют». Таким образом, Повесть стала сюжетным элементом в Сказании об иконе, которое в свою очередь ставится в один ряд с чудесами во Влахерне, с явлением иконы Тихвинской Божьей матери (но о главном ее чуде — спасении от шведов в 1613 г. Новгородской земли — ничего не говорится, что, как представляется, может служить еще одним доказательством в пользу предложенной датировки — до 1613 г.). Состав сборника, содержащего Плюшкинский список Псковской редакции «Повести о разорении Рязани Батыем», подтверждает такое понимание произведения. В сборник «цветникового типа» включены произведения, повествующие о чудесах от икон: «О знамении от иконы Богородицы во Пскове», «Повесть о Печерском монастыре», «Повесть о Святогорском монастыре, еже во области Псковской», «Повесть о явлении иконы на Камене-озере во области Псковской», сказания о Смоленской, Казанской, Тобольской иконах Богородицы, выписки из патерика, «Сказание о избавлении града Пскова от пленения Литовскаго краля Батура», «Об избавлении Богородицей Руси от Ахмата» (рассказ о стоянии на реке Угре Ивана III, изложенный в соответствии с заглавием), «Сказание о перенесении Николина образа» (которое идет в начале сборника как самостоятельное повествование), «Повесть о посаднике Щиле», Жития Дионисия-архимандрита, Никодима Кожеезерского и др. Вполне возможно, что в некоторых частях Плюшкинский сборник повторял текст своего протографа (т. е. переписанной оказалась не только Повесть, но и ряд других произведений), что могло бы усилить высказанное предположение о Пскове как о месте создания новой редакции. Однако пока нет фактов, которые могли бы либо подтвердить, либо опровергнуть мысль о том, что состав сборника, в котором был архетипный текст Псковской редакции, в каких-то своих частях совпадал с Плюшкинским.

Итак, Псковская редакция «Повести о разорении Рязани Батыем», созданная, по нашим представлениям, в 1606—1608 гг., является интересным образцом посадской культуры: она свидетельствует о большой начитанности ее создателя и в четвей литературе («История Иудейской

¹⁵ См.: Евсева И. А. «Повесть о разорении Рязани Батыем» в составе тематического цикла о татарском нашествии в Русском временнике и Хронографе 1599 года // Вестник ЛГУ. 1983. Вып. 4, № 20. С. 50—55.

войны» Иосифа Флавия, «Сказание о Мамаевом побоище», «Повесть о Темир-Аксаке», «Повесть о приходе Стефана Батория на Псков», Киево-Печерский патерик, Хронограф, «Повесть о взятии Царьграда турками», «Александрия» — два последних произведения входили в состав Хронографа), и в церковной (наряду с текстами Священного писания, на которые ссылается создатель Псковской редакции, есть заимствования из «Жития Михаила Тверского» и «Жития Иакова Перского»). Кроме того, она, бесспорно, связана с традицией публицистической литературы конца XVI—начала XVII в.: в ней присутствует ярко декларированная авторская позиция, что позволяет говорить об использовании старого исторического сюжета в публицистических целях.

Д. О. ЦЫПКИН

Сказание «О Молукитцких островах» и Повесть о Лоретской Богоматери

(Из сборника БАН, Архангельское собр., Д. 193, XVI в.)

Сборник Д. 193 из Архангельского собрания БАН СССР давно интересовал исследователей. Впервые на него обратил внимание П. М. Строев, включивший статью оттуда в материалы к Библиологическому словарю.¹ С тех пор сборник не раз использовался в исследованиях и при издании текстов памятников. В его составе находятся такие памятники, как Повесть о псковском взятии, Повесть о Цареграде Нестора-Искандера, один из списков Судебника 1550 г., Устав Владимира и другие.² М. В. Кукушкина охарактеризовала его как «сборник XVI в. . . в котором собран весь круг историко-публицистических памятников, настойчиво проводивших идею политического объединения страны при главенствующей роли Москвы, идеи возвеличивания и обоснования (легендарного и документального) авторитета московских князей, а также преемственность Москвой — третьим Римом религиозного центра».³ Особое историко-культурное значение данного сборника вызвало необходимость сделать его аннотированное описание. В ходе этого описания появились некоторые наблюдения над памятниками, находящимися в сборнике, которые мы попытаемся изложить.

Для начала — краткая характеристика сборника. Долгое время (с XVII в.²) местом хранения его была библиотека Антоново-Сийского монастыря, из которой после 1887 г. он попал в Древлехранилище Архангельского епархиального церковно-археологического комитета. В декабре 1927 г. сборник вместе с другими рукописями Древлехранилища был передан в Архив Историко-археологической комиссии, а оттуда в 1931 г. перешел в рукописный отдел БАН СССР (где ныне и хранится).⁴ Сборник Арханг. Д. 193 — конволют в 4°, на 667 л. На основании анализа филиграней, разлиновки и почерка в нем можно выделить 8 рукописей (в описании БАН отмечено только 5⁵). Под рукописью мы подразумеваем комплекс тетрадей, связанных общей направленностью содержащихся в них текстов, примерно одним временем и местом создания и вошедших в сборник уже объединенными в данный комплекс. При этом выделение рукописей ве-

¹ Строев П. М. Библиологический словарь и черновые к нему материалы. СПб., 1882. С. 134.

² Описание Рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР. М.; Л., 1965. Т. 3, вып. 2. С. 131—133.

³ Кукушкина М. В. Монастырские библиотеки Русского Севера в XVI—XVII вв.: (Очерки по истории книжной культуры): Автореф. дис. . . . докт. филол. наук. Л., 1975. С. 27.

⁴ Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии наук. М.; Л., 1958. Вып. 2. С. 153—157; Описание Рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР. Л., 1989. Т. 8, вып. I. С. 3—6.

⁵ Описание Рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР. Том 3, вып. 2. С. 126—133.

лось на основании данных анализа филигранных, почерка и ряда специфических кодикологических признаков: сокращенных киноварных названий текстов на углах листов (в 1, 4, 7 и 8-й рукописях), пагинации, оглавления 1-й рукописи («Глав настоящих в книзе сей») и нумерации, текстов на полях (в 1, 5 и 6-й рукописях). В ряде случаев выделению рукописей способствовал анализ разлиновки и формата листов.

Так как полная кодикологическая характеристика сборника представляет собой самостоятельную работу, а объем данной статьи не позволяет ее здесь изложить, перечислим лишь рукописи (подробный анализ кодикологии сборника Арханг. Д. 193 мы надеемся опубликовать в ближайшее время). Рукописи расположены в сборнике и датируются следующим образом: 1) Л. 1—382 об. (1554—1560 гг.); 2) Л. 383—388 об. (1506—1530-е гг.); 3) Л. 389—477 об. (первая четверть XVI в.—1528 г. — время создания текстов этой рукописи установлено А. А. Амосовым);⁶ 4) Л. 478—481 об. (1560-е гг.); 5) Л. 482—518 об. (1560-е гг.); 6) Л. 519—565 (1560-е гг.); 7) Л. 566—600 (1560-е гг.); 8) Л. 601—667 (1560-е гг. — скорее всего, середина 60-х гг.).

В первой рукописи сохранилось оглавление: «Главы настоящие в книзе сей», номерам текстов в котором соответствуют киноварные номера на полях (напротив текстов). На основании этого оглавления можно говорить, что первоначально эта рукопись существовала как отдельный сборник. Ряд почерков в ней совпадает с почерками 4, 6, 7 и 8-й рукописей этого сборника, а почерк на л. 1—1 об. 1-й рукописи и л. 566—599 об. 6-й рукописи совпадает с почерком на л. 33—62 Жития Григория Арменского (Сборник служб и сказаний — БАН, Арханг. Д. 156) из библиотеки Антониево-Сийского монастыря.⁷ Кроме почерков у сборников Арханг. Д. 193 (1-я рукопись) и Арханг. Д. 156 имеются и близкие разлиновки.

Во всем сборнике сохранились вкладные и владельческие записи с упоминанием только Антониево-Сийского монастыря, причем ранняя относится к XVI в. (по почерку).⁸ Переплет сборника (реставрированный) сильно испорчен временем. Учитывая украшения и их планировку, его можно отнести к группам А и Б, по классификации С. А. Клепикова, и соответственно датировать серединой или концом XVI в. — первой половиной XVII в.⁹ Все эти и некоторые другие факты, казалось бы, позволяют предположить, что 1, 4, 6, 7 и 8-я рукописи были созданы в Антониево-Сийском монастыре. Так мы и считали во время написания данной работы в 1987 г. (текст этой статьи был прочитан в качестве доклада 28 сентября 1987 г. на научной конференции молодых специалистов «Вопросы славяно-русского рукописного наследия», проходившей в ИРЛИ АН СССР). Однако за время, пока работа находилась в печати, появились убедительные доказательства того, что упомянутые рукописи были созданы в Кирилло-Белозерском монастыре (к сожалению, по техническим причинам привести эти доказательства здесь не представляется возможным). Остатки средника позволяют предположить, что он совпадал со средником рукописи ГПБ, Соловецкое собр. № 463/640 (Патерик иерусалимский), который М. В. Кукушкина определила как «басма-средник на переплетах Соловецкого и Сийского монастырей» и предположила, что он был создан в Антониево-Сийском монастыре.¹⁰

⁶ Амосов А. А. Из истории кодекса сборника Д. 193 Архангельского собрания РО БАН СССР // Рукописные и редкие книги в фондах Библиотеки Академии наук СССР. Л., 1976. С. 34—40.

⁷ См.: Белова Л. Б., Кукушкина М. В. К истории и реконструкции Антониево-Сийской библиотеки // Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописной и редкой книги БАН СССР. Л., 1978. С. 167.

⁸ См.: Кукушкина М. В. Монастырские библиотеки Русского Севера: (Очерки по истории книжной культуры XVI—XVII веков). Л., 1977. С. 140.

⁹ Альбом орнаментальных украшений переплетов рукописей собрания Троице-Сергиевой лавры // Записки отдела рукописей ГЕЛ. М., 1960. Вып. 22. С. 365—447.

¹⁰ Кукушкина М. В. Монастырские библиотеки Русского Севера. Рис. 36 (между с. 96 и 97). С. 123.

Можно говорить, что сборник в современном его виде сформировался на базе 1-й рукописи путем простого пришивания к ней остальных.

К сожалению, сборник дошел до нас не в полном своем составе. Некоторые тексты из него пропали. Так, в оглавлении 1-й рукописи (л. 1 об.) указаны «царские послания на 3-х тетратех» (№ 24), которых сейчас нет. На отсутствие большого количества листов в тетрадах 3-й рукописи указывал А. А. Амосов, проводивший ее специальное кодикологическое исследование.¹¹ Поэтому при подготовке описания сборника была предпринята попытка отыскать некоторые из утраченных текстов.

В Отделе рукописей ГПБ под шифром Q.IV. № 412 находится сборник-копюлют в 4°, собранный в XIX в. (из собрания П. И. Савваитова, № 128), в котором находится текст «Книга паломник с Богом починаем. Сказание святых мест во Цареграде». На принадлежность этого текста сборника библиотеке Антониево-Сийского монастыря указывал в Каталоге рукописей собрания П. И. Савваитова И. А. Бычков.¹² Л. Б. Белова и М. В. Кукушкина отметили, что ранее этот текст находился в составе сборника БАН, Арханг. Д. 242 из библиотеки Сийского монастыря.¹³

В сборнике Савваитова на л. 18—29 об. находится текст «О Молукитцких островах и иных многих дивных, их же новейшее плавание кастеланов, рекпе испанских, подшанием самодержьца Карола Пятого събрано, еже новообрете, Максимилиана Транъсилвана к чеснеишему кардыналю салтызурьенскому епистолиа краснеиша чтением». Текст этот известен в науке. Он опубликован по данному (единственному) списку в томе 23 ТОДРЛ Н. А. Казаковой и Л. Г. Катускиной,¹⁴ ему посвящен отдельный раздел в монографии Н. А. Казаковой «Западная Европа в русской письменности XV—XVI веков».¹⁵ Этот текст представляет собой перевод сочинения Максимилиана Трансильвана и кратко, но весьма точно описывает путешествие Магеллана вокруг света. Впервые сочинение издано в Кельне в 1523 г., написано же в 1522 г. Данный текст из рукописи Савваитова, как определила Н. В. Синицына, написан почерком Михаила Медоварцева (это наблюдение она сообщила Н. А. Казаковой при подготовке указанной монографии).¹⁶

Кодикологический анализ показывает, что Савваитовский список текста «О Молукитцких островах» первоначально являлся частью 3-й рукописи сборника Арханг. Д. 193. Как доказала Н. В. Синицына, 3-я рукопись возникла в мастерской Михаила Медоварцева в монастыре Николы Старого (в Москве). На это указывает то, что рукопись, по мнению исследовательницы, почти полностью написана рукой Михаила Медоварцева, а также первым и четвертым писцом Минеи 1505 г., которые относились к школе Михаила Медоварцева.¹⁷ Исследуя кодикологию 3-й рукописи из сборника Арханг. Д. 193, А. А. Амосов установил, что она делится на 8 своеобразных «пластов» — частей, которые можно датировать от 10-х гг. XVI в. до конца 20-х гг. XVI в. Эти пласты, как отмечает исследователь, представляют собой фрагменты «равновременные, написанные по разным

¹¹ Амосов А. А. Из истории кодекса. . . С. 36 (кодикологическая схема рукописи).

¹² Бычков И. А. Каталог собрания рукописей П. И. Савваитова, ныне принадлежащих Императорской Публичной библиотеке. СПб., 1900. Вып. 1. С. 152.

¹³ Белова Л. Б., Кукушкина М. В. К истории и реконструкции рукописного собрания Антониево-Сийской библиотеки. С. 170.

¹⁴ Казакова Н. А., Катускина Л. Г. Русский перевод XVI в. первого известия о путешествии Магеллана: (Перевод письма Максимилиана Трансильвана) // ТОДРЛ. Л., 1969. Т. 23. С. 227—252.

¹⁵ Казакова Н. А. Западная Европа в русской письменности XV—XVI веков. Л., 1980. С. 131—146.

¹⁶ Там же. С. 131—145.

¹⁷ Синицына Н. В. Книжный мастер Михаил Медоварцев // Древнерусское искусство: (Рукописная книга). М., 1972. С. 313.

поводам» и объединенные в одно целое не ранее 1527 г. А. А. Амосов также составил кодикологическую схему расположения филиграней в рукописи и точно определил эти филигранные.¹⁸

Необходимо отметить, что 3-я рукопись имеет своеобразную разлиновку, сделанную по оборотам листов (на ряде листов эта разлиновка перелинована по лицевой стороне листов, а в некоторых случаях долинована). Листы этой рукописи, как и все остальные листы сборника, были обрезаны по полям при монтаже сборника, а ряд листов был еще и подклеен по полям (бумага подклейки — это зачастую бумага самого сборника; есть также подклейки более поздней бумагой, предположительно XVI в.). О характере письма можно сказать, что писец в основном не соблюдал количество строк в разлиновке (разлиновка подготовлена на 29 строк, а текст выполнен в подавляющем большинстве случаев на 31 или 32 строках). Для дальнейшего изложения важно, что на л. 389—395 (1-й «пласт» 3-й рукописи, по определению А. А. Амосова) количество строк колеблется от 30 до 32, на л. 401—436 (3-й пласт) количество строк фактически на всех листах равно 31; то же количество старался соблюдать и писец л. 474—477 (Повесть о Лоретской Богородице и отрывок из «Иудейской войны» Иосифа Флавия), хотя на л. 475 об. и 30 строк; наконец, на л. 447—473, на которых находится Медоварцевский летописец (5-й «пласт»), количество строк равно 30.

Рассмотрим теперь текст «О Молукитцких островах» из рукописи Савваитова. По своим кодикологическим признакам он, как уже говорилось выше, совпадает с 3-й рукописью сборника Арханг. Д. 193. Филигрань этого текста тождественна филиграням л. 402—436, 431—432 и 476—477 3-й рукописи. Эту филигрань А. А. Амосов (со ссылкой на «Описание» РО БАН) определяет так: «...перчатка в „Описании“, отождествлена с № 11165 у Брике (1505 г.) . . . по альбомам эта разновидность указывает на XV—нач. XVI вв.».¹⁹ Можно также сказать, что этот знак имеет некоторую общность со знаком на л. 389—395 и 474—475 3-й рукописи, но во втором случае, как определил А. А. Амосов, на ладони перчатки комбинация из трех букв.²⁰

Необходимо отметить, что анализ филиграней позволяет говорить, что Савваитовский список — 12-листовая тетрадь, все листы которой сохранились. Разлиновка этого списка совпадает по типу с разлиновкой 3-й рукописи и также делалась на оборотах листов. На листах Савваитовского списка тоже существует сделанная по лицевой стороне листов перелиновка. Количество строк в этом списке также не соответствует разлиновке и равно 31. Формат листов Савваитовского списка тоже совпадает с форматом листов 3-й рукописи (в Савваитовском списке в среднем 14.6×20 см, а в 3-й рукописи в среднем 14.7×20.2 см). Кроме того, на листах Савваитовского списка сохранилась подклейка, аналогичная подклейке сборника Арханг. Д. 193, а на л. 18 (у нижнего обреза) сохранилась часть срезанной сигнатуры (либо литера 6, либо литера 7), которая напоминает сигнатуру 3-й рукописи.

В оформлении текста «О Молукитцких островах» можно также отметить ряд особенностей, сближающих его с 3-й рукописью. На поле напротив начала текста есть характерный рисунок в виде креста из точек и крестиков, подобный имеется и в 3-й рукописи. Показательна и манера использования двоеточий, крестов и киноварных букв для выделения отдельных частей в тексте. Писец Савваитовского списка, так же как и большинство

¹⁸ Амосов А. А. Из истории кодекса. . . С. 35—40. — Нужно сказать, что определению «пластов» соответствуют и выделенные нами в сборнике 6, 7, 8-я рукописи, а также 4-я и 5-я. Но если указанные А. А. Амосовым «пласты» вошли в сборник уже в составе 3-й рукописи, то выделенные рукописи попали в сборник по отдельности.

¹⁹ Амосов А. А. Из истории кодекса. . . С. 35.

²⁰ Там же.

писцов 3-й рукописи, ставит «жирные» точки в тексте не внизу строки, а на уровне центра букв.

Все сказанное позволяет утверждать, что текст «О Молукитцких островах» первоначально находился в составе 3-й рукописи сборника Арханг. Д. 193. Можно попытаться определить и точное место, откуда был изъят этот текст. Есть основания предполагать, что ранее он находился между л. 436 об. и л. 437 сборника, т. е. между последним листом Повести о взятии Царьграда турками Нестора-Искандера и первым листом Повести о псковском взятии. На пропуск одной тетради в этом месте рукописи указывает и Н. В. Сеницына. Она отмечает, что на л. 437 стоит номер 8-й тетради, а предшествуют ей только 6 тетрадей. Исследовательница сделала вывод, что «одна из предыдущих семи тетрадей (неважно, какая именно) утеряна». ²¹ Остаток сигнатуры на 1-м листе Савваитовского списка очень похож на остаток литеры 7. Данные разлиновки и филигранные подтверждают этот вывод.

Кроме указанных в 3-й рукописи сборника Арханг. Д. 193 существует еще группа листов, очень близкая по своим кодикологическим признакам к Савваитовскому списку, — л. 474—477 об. На этих листах помещены текст «О храме святыя Богородица, в нем же родилась от Иоакима и Анны», и отрывок из «Иудейской войны» Иосифа Флавия. Тожественность (л. 476—477) и некоторая общность (л. 474—475) филиграней сборника Арханг. Д. 193 и Савваитовского списка, тождественность разлиновки, а также ряд других наблюдений указывает на близость Савваитовского отрывка и данных листов.

Надо отметить, что А. А. Амосов на основании изучения филиграней указал, что данные листы «являются фрагментами 1-й и 3-й частей рукописи», т. е. фрагментами л. 389—395 и л. 402—436 ²² (это наблюдение относится только к сортам бумаги). Думается, что на основании других (уже указанных) кодикологических особенностей данной части сборника, а также кодикологической схемы 3-й рукописи наблюдения А. А. Амосова можно уточнить. Повесть «О храме святыя Богородица. . .» и отрывок из «Иудейской войны» могли находиться вплотную к тексту «О Молукитцких островах» (между л. 436 об. и 437) либо после л. 415 об., т. е. в конце или в начале 3-го пласта 3-й рукописи.

Однако здесь есть некоторая тонкость. Н. В. Сеницына отмечала, что л. 474—477 написаны «другой рукой». ²³ Ей возражал Б. М. Клосс, писавший, что эти листы написаны тем же почерком, что и находящийся рядом Медоварцевский летописец. ²⁴ Ни Н. В. Сеницыной, ни Б. М. Клоссом не были приведены аргументы. К сожалению, из работы Н. В. Сеницыной не совсем ясно, кто подразумевается под «другой рукой». Другой писец школы Михаила Медоварцева или совершенно посторонний книгописец? Более определенно высказался А. А. Амосов, писавший, что почерк данных листов «действительно, несколько расходится с почерками основной части рукописи; тексты, нанесенные на эти листы и не совпадающие по направленности с подобранными в рукописи, возможно, были приписаны уже после завершения работы Медоварцева». ²⁵

Начертания л. 474—477 очень близки к начертаниям Михаила Медоварцева и его школы. Близка и манера оформления — чередование внутри текста киноварных и чернильных точек, выделение даты киноварью. С «медоварцевскими» текстами совпадают также разлиновка, перелиновка и не соответствующее разлиновке количество строк, в основном равное 31 (лишь на л. 475 об. — 30 строк). Однако на л. 475 происходит смена чернил

²¹ Сеницына Н. В. Книжный мастер. . . С. 313.

²² Амосов А. А. Из истории кодекса. . . С. 37.

²³ Сеницына Н. В. Книжный мастер. . . С. 313.

²⁴ Клосс Б. М. Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII вв. М., 1980. С. 178.

²⁵ Амосов А. А. Из истории кодекса. . . С. 39.

и, видимо, пера. Мы считаем, что текст на л. 474—477 об. написан либо почерком самого Медоварцева, либо (что вернее всего) почерком, очень близким к нему, т. е. почерком одной манеры, школы и мастерской. Возможно, между завершением работы над основной частью 3-й рукописи и написанием л. 474—477 об. был промежуток во времени.

Рассматривая литературное окружение текста «О Молукитцких островах» в сборнике, мы видим, что это в основном памятники, часто привлекавшие к себе внимание ученых и хорошо изученные. Однако существует один текст, который изучен относительно слабо. Это текст «О храме святых Богородица. . .» (или Повесть о Лоретской Богоматери).

В Повести рассказывается о том, что в «граде галлилейском, емуже имя Назарет», существовал дом, в котором родилась и жила дева Мария и в котором ей благовестил архангел Гавриил; в этом доме хранилась чудотворная икона Богоматери, которую написал евангелист Лука. Во время взятия Иерусалима турками дом Марии невидимо переместился в г. Тарсию (произошло это в 1291 (6799) г.), где правил князь Николай из Франгопан. Здесь, как и на прежнем месте, церковь совершала всяческие чудеса. По научению высшей силы князь послал осмотреть место в Назарете, где находилась церковь; осмотр подтвердил, что в его владения попал именно храм Богоматери. В 1295 (6803) г. церковь, как повествуется далее, опять переместилась — на этот раз в селение Лорето близ города Роконата. Здесь она опять совершила несколько передвижений по округе. Видя чудотворную силу церкви, местные жители в целях ее сохранения (так как она была весьма ветхой) решили обнести храм стеной («новым муром»), но стена сама собой отодвинулась от церкви на расстояние ладони. Местные жители еще раз послали в Назарет, чтобы убедиться в том, что у них именно та церковь. Завершается Повесть следующим текстом: «В лете 7036 (1528. — Д. Ц.). Приидоша на Москву июня посланици великаго государя Василя Ивановича от папы римскаго Климента четвертаго: Еремьи Трусов с товарици, иже видиша сию святую церковь, от Рима триста верст, и к нам сие писание донесоша. А стоит та церковь по сторону Рима в римской державе папине, и прибыша в том месте послы великаго князя четыре недели» (л. 476).

В научный оборот Повесть была введена А. И. Кирпичниковым, который в 1896 г. издал ее по другому списку 1-й половины XVI в.²⁶ (как удалось установить в результате предварительного текстологического сличения, вторичному по отношению к нашему). Во вступительной статье к изданию А. И. Кирпичников отмечал, что Повесть часто встречается в сборниках XVII в., которые имеют разнообразное содержание, «но в большей части их находятся сказания о других церковно-археологических святых, например об иконе Одигитрии».²⁷ Исследователь указал, что Повесть является переводной, и считал, что ее основой послужило сочинение Иеронима Ангелиты, вышедшее в свет в 1525 г. Самого сочинения Ангелиты А. И. Кирпичников не видел, а при сопоставлении содержания пользовался трудами Горация Турселина (1597 г.) и Фарлати (XVIII в.), которые в основном совпадали с Повестью, но излагали события гораздо более подробно и с большим количеством чудес.²⁸ А. И. Кирпичников уделил боль-

²⁶ Кирпичников А. И. Русское сказание о Лоретской Богоматери // ЧОИДР за 1896 г. М., 1896. Кн. 3, раздел 2: Материалы исторические. С. 1—18. По списку (ГИМ, Синадальное собр., № 562), близкому по времени к нашему, повесть была издана А. И. Плигузовым (см.: Русский феодальный архив XIV — первой трети XVI века. М., 1987. Ч. III. С. 537—540; 1986. Ч. I. С. 34—35 — датировка списка).

²⁷ Там же. С. 3.

²⁸ Там же. С. 6—14. — Обращаем внимание на то, что в Отделе редкой книги БАН под шифром: Инкунабулы № 437 хранится сборник-конволют, в состав которого входит текст *La dichiarazione della chiesa di Sancta Maria di Loreto* (Инкунабулы № 189 (4 л.)), который по содержанию, времени издания (Венеция, после 20 мая 1483 г.) и объему (он может быть отнесен к летучим листкам) близок к Повести. За указание на этот текст и перевод его благодарим П. А. Конакова и С. Я. Сомову.

шое внимание описанию миссии Еремея Трусова в Италию (1527—1528 гг.) и указал на ошибку Повести (она есть во всех известных списках): вместо Климента VII здесь назван Климент IV. Климент VII «очень заботился о поднятии значения Лоретской святыни»²⁹ (что не удивительно, так как одним из основных вопросов, занимавших верховных святителей Рима в этот период, был вопрос об антитурецкой лиге под эгидой папы,³⁰ а повесть как раз сообщала о том, что дом Богоматери нашел убежище от турок в папской области).

Об атрибуции русского периода А. И. Кирпичников фактически ничего не говорит. Лишь предполагает, что сочинение Ангелиты, видимо, было пересказано устно послам Василия III, которые и «донесоша» до нас этот пересказ.³¹

Другой ученый, чье внимание привлекала Повесть, А. И. Соболевский, также ничего не говорит об авторе перевода, а лишь указывает на то, что перевод, вероятно, был сделан с латинского оригинала, печатного или рукописного, и отмечает слова: «мур»-стена, «мурованный алтарь».³²

А. Ф. Бычков атрибутировал Повесть Еремею Трусову.³³ Эту же атрибуцию повторил (со ссылкой на А. И. Кирпичникова) И. У. Будовниц. Он писал: «Трусов Ер., гонец к папе римскому Клименту VII в 1527 г., автор повести „О храме святой Богородицы“ (1528 г.). . .».³⁴ Видимо, данные атрибуции основаны только на приписке в конце Повести. Однако нам неизвестны никакие данные о литературной или переводческой деятельности Трусова. Возможно, он и не знал латыни и итальянского.

Чтобы попытаться атрибутировать перевод Повести, обратимся к тексту «О Молукитцких островах». Текст и Повесть, как говорилось, находились в одном пласте одной рукописи, возможно, вплотную друг к другу; переписаны представителями одной мастерской и, возможно, одной рукой, судя по бумаге, фактически в одно время. Н. А. Казакова предполагала, что человеком, переведшим текст «О Молукитцких островах», мог быть либо толмач Влас из посольства к Карлу V (но веских доказательств его причастности к этому, на наш взгляд, не привела), либо Дмитрий Герасимов, доказательства авторства которого представляются нам более убедительными.³⁵

Как отмечала Н. А. Казакова, Дмитрий Герасимов и Михаил Медоварцев принадлежали к одной культурной среде и вместе с Максимом Греком работали над перепиской и переводом богослужебных книг.³⁶ Эти факты и побуждают предположить, что автором перевода Повести о Лоретской Богоматери был тоже Дмитрий Герасимов. Подобное предположение подкрепляется также и тем, что Дмитрий Герасимов находился в Италии с ответом Василия III папе (как раз по вопросу об антитурецкой лиге) почти в то же время, что и Еремей Трусов.³⁷ На близкое знакомство Дмитрия Герасимова с итальянскими гуманистами и его известность в Риме указывала Н. А. Казакова. Исследовательница пишет со ссылкой на Павла Иовия, что «папа оказал Герасимову почетный прием: он велел поместить Герасимова „в самой великолепной части ватиканского дворца“ и приставил

²⁹ Кирпичников А. И. Русское сказание. . . С. 5—6.

³⁰ См.: Казакова Н. А. Западная Европа в русской письменности. . . С. 69, 142.

³¹ Кирпичников А. И. Русское сказание. . . С. 12—14.

³² Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков. СПб., 1903. С. 218—219.

³³ Бычков А. Ф. Описание церковно-славянских и русских рукописных сборников Императорской Публичной библиотеки. СПб., 1882. Ч. 1. С. 169.

³⁴ Будовниц И. У. Словарь русской, украинской, белорусской письменности и литературы до XVIII в. М., 1962. С. 346.

³⁵ Казакова Н. А. Западная Европа в русской письменности. . . С. 140—145.

³⁶ Там же. С. 145.

³⁷ См.: Кирпичников И. А. Русское сказание. . . С. 6.

к нему для ознакомления с достопримечательностями Рима (разрядка моя. — Д. Ц.) Кьерикатти, епископа Абрудцского». ³⁸

Необходимо также отметить, что переводчик Дмитрий Герасимов не раз проявлял интерес к латинским религиозным сочинениям (так, он переводил антииудейские трактаты де Лиры и Самуила Евреина, работал над переводом толкований на Псалтирь Бруно Вюрцбургского), а также участвовал в работе над Геннадиевской библией, для создания которой использовались латинские тексты. Дмитрий Герасимов входил в кружок архиепископа Геннадия, проявлявший большой интерес к католической церковной жизни, и являлся братом архидиакона Герасима Поповки — официального главы «сослужебников» книгописной мастерской Геннадия. ³⁹

Все эти факты позволяют считать обоснованным предположение, что человеком, заинтересовавшимся историей Лоретского храма и переведшим Повесть на русский язык, мог быть Дмитрий Герасимов.

Существует, однако, обстоятельство, которое, казалось бы, противоречит данному предположению. В заключении Повести сказано, что послы пришли «на Москву» в 1528 г., а Дмитрий Герасимов вернулся в Россию в 1526 г. ⁴⁰ Но о посольстве Трусова у нас очень немного сведений. Возможно, они действительно были в Лорето и привезли само «писание», но переводиться оно могло другим человеком. Так как и Еремей Трусов, и Дмитрий Герасимов принадлежали к одной посольской среде и, скорее всего, были связаны деловыми связями, Дмитрий Герасимов мог заинтересоваться историей Лоретской церкви в Италии, а на родине перевести писание, которое «донесоша» сюда Еремей Трусов «с товарищи».

Надо отметить, что в сборнике Арханг. Д. 193 Повесть о Лоретской Богоматери первоначально находилась в одном пласте с памятниками, связанными с антиitureцкой темой. Это Повесть о взятии Царьграда турками Нестора-Искандера и отрывок из «Иудейской войны» Иосифа Флавия. ⁴¹ Учитывая содержание Повести о Лоретской Богоматери, среду, в которой создавался перевод, и его окружение в сборнике, можно предполагать, что при объединении текстов в 3-й пласт 3-й рукописи Повесть рассматривалась как памятник, связанный с антиitureцкой темой. Однако на основании анализа состава известных нам сборников XVI—XVII вв., содержащих Повесть, можно говорить, что фактически с того же времени, когда появляется наш список, Повесть начинает входить в круг памятников, посвященных святыням, связанным с именем Богородицы. ⁴²

³⁸ Казакова Н. А. Западная Европа в русской письменности. . . С. 142—144.

³⁹ См.: Там же. С. 141; Копреева Т. Н. Западные источники в работе новгородских книжников конца XV—начала XVI в. // Федоровские чтения за 1979 г. М., 1982. С. 144.

⁴⁰ Казакова Н. А. Западная Европа. . . С. 143.

⁴¹ Связи этого памятника с Повестью о взятии Царьграда и примыканию его к антиitureцкой теме посвящен доклад М. В. Мелихова «История Иудейской войны Иосифа Флавия как литературный источник Повести о взятии Царьграда турками», прочитанный 28 сентября 1987 г. на научной конференции молодых специалистов «Вопросы славяно-русского рукописного наследия» (Ленинград).

⁴² О составе сборников см.: Русский феодальный архив. . . М., 1986—1987. Ч. I—III. Обстоятельное описание славяно-русских рукописей, хранящихся в Москве, в библиотеке . . . графа Федора Андреевича Толстова / Изд. К. Клайдович, П. Строев. М., 1825. С. 256—262 (№ 68: ГПБ, Q. XVII. 64 (XVI в.)); Иосиф. Опись рукописей, перенесенных из библиотеки Иосифова монастыря в библиотеку Московской духовной академии. М., 1882. С. 47—48 (№ 100 (414)) (XVI в.), 231—234 (№ 189 (577)) (XVI в.); С. 310—313 (№ 233 (659)) (XVI в.); Бычков в А. Ф. Описание славянских и русских рукописных сборников Императорской Публичной библиотеки. СПб., 1878. Вып. 1; 1880. Вып. 2. С. 161—180 (собр. Погодина, № 1558) (XVII в.); ГПБ, собр. Погодина, № 643 (л. I—II об.) (XVI в.); Лопарев Х. Н. Описание хлудовской рукописи № 147 // ЧОИДР. М., 1887. Кн. 3, отд. 2. С. 1—18 (XVI в.); Рукописи славянские и российские, принадлежащие. . . Ивану Никитичу Царскому, разобраны и описаны Павлом Строем: М., 1848. С. 471 (№ 397) (XVII в.).

В заключение нужно сказать несколько слов о том, когда 3-я рукопись попала в сборник Арханг. Д. 193 библиотеки Антониево-Сийского монастыря. Как уже говорилось, у 1-й рукописи сборника существует оглавление, в котором пронумерованы (в соответствии с номерами на полях) статьи этой рукописи. В 5, 6 и 8-й рукописях эта нумерация на полях продолжена; но если в 1-й рукописи последним стоит № 32, то на л. 482 5-й рукописи стоит № 43. Подсчитав количество статей, находящихся между ними в сборнике, можно сказать, что к моменту, когда проставлялись номера, сборник сформировался в современном или почти современном виде. О том, когда это произошло, писала М. В. Кукушкина. В 1960 г. исследовательница отмечала, что это было во второй половине XVI в.,⁴³ а в 1977 г. она предположила также, что полностью сборник был переплетен в первой половине XVII в.⁴⁴ К сожалению, ни в одном случае аргументация не была приведена. Приведем свои соображения о времени окончательного складывания сборника.

Почерк, которым написаны номера на полях указанных рукописей, можно отождествить с почерком 4-й и 8-й рукописей, а также ряда листов 1-й рукописи и сокращенных киноварных названий текстов в верхних углах листов сборника. Это значит, что нумерование происходило примерно в то же время, когда была создана 8-я рукопись, т. е. в середине—конце 60-х гг. XVI в. Значит, к этому времени 3-я рукопись (с текстом «О Молукитцких островах» и Повестью о Лоретской Богоматери) уже была включена в сборник Д. 193 Архангельского собр. БАН.

⁴³ Кукушкина М. В. Новый список повести о исковском взятии // ТОДРЛ. Л., 1960. Т. 16. С. 140.

⁴⁴ Кукушкина М. В. Монастырские библиотеки Русского Севера . . . Л., 1977. С. 141.

Я. Г. СОЛОДКИН

По поводу атрибуций Пискаревского летописца

Пискаревский летописец начала XVII в. является одним из крупнейших памятников позднего русского летописания. Его начальная часть (с древнейших времен до 1533 г.) и ряд последующих статей основаны на тексте Воскресенской или близкой к ней летописи, а дальнейшее повествование, кончая известиями за 1614 г. (с приписками — за 1645 г.), представляет собой компиляцию, восходящую к разнообразным, в том числе устным, источникам.¹ Из Пискаревского летописца исследователи широко черпают сведения о событиях середины XVI—начала XVII в. Но при очевидной ценности этого памятника как исторического источника многие проблемы его возникновения еще ждут решения. В их числе вопрос об авторе (или составителе) произведения, затронутый М. Н. Тихомировым и специально рассмотренный в статье И. Б. Грекова.

Пискаревский летописец дважды сообщает о книгопечатании, почему М. Н. Тихомиров говорит о связи его составителя с Печатным двором. Ученый сопоставляет этот летописец со «Сказанием о воображении книг печатного дела», согласно которому московские печатники, в том числе Н. Ф. Фофанов, бежали из оккупированной польско-литовскими войсками столицы в Нижний Новгород. По мысли М. Н. Тихомирова, из их числа, вероятно, и вышел составитель Пискаревского летописца, рассказ которого о событиях 1612—1615 гг. якобы заставляет предполагать, что его автор жил тогда вне Москвы. М. Н. Тихомиров ссылается и на заключение М. В. Щепкиной, по которому рукопись летописца подобрана из листов казенной бумаги (ее насчитывается более 20 сортов). Исследователь находит, что автор летописной записи о К. Минине видел его (вероятно, в Нижнем Новгороде). Отсюда М. Н. Тихомиров делает вывод о возникновении памятника в среде печатников, а его автором предположительно называет Никиту Фофанова.²

Аргументация М. Н. Тихомирова представляется далеко не бесспорной. Как установила Т. В. Дианова, список Пискаревского летописца относится к 40-м гг. XVII в.³ Следовательно, вопрос о бумаге рукописи произведения

¹ См.: (Яковлева О. А.). Пискаревский летописец // Материалы по истории СССР. М., 1955. Т. 2. С. 7—16; Тихомиров М. Н. Русское летописание. М., 1979. С. 232—247; Буганов В. И. Предисловие // ПСРЛ. М., 1978. Т. 34. С. 3—5. Статья М. Н. Тихомирова о Пискаревском летописце впервые была опубликована в 1957 г.

² Тихомиров М. Н. Русское летописание. С. 246—247. — Описанные в летописце под 7123 г. события относятся к 1614, а не к 1615 г.

³ Дианова Т. В. К вопросу о времени создания рукописи Пискаревского летописца // Летописи и хроники. 1976 г. М. Н. Тихомиров и летописцеведение. М., 1976. С. 143—147. — Предположение М. Н. Тихомирова, будто автор летописца вышел из среды печатников, кажется исследовательнице тем более вероятным, что в рукописи памятника есть заставки, употребившиеся на Московском Печатном дворе в 1616—1651 гг. (Там же. С. 147, примеч. 16). Однако, во-первых, эти заставки широко использовались на протяжении трех с половиной десятилетий, а, во-вторых, список Пискаревского летописца был сделан значительно позже создания произведения.

не имеет прямого отношения к определению той среды, где сложился летописец. Его составитель хотя и знал о книгопечатании, куда большую осведомленность обнаружил в строительстве и металлургии.⁴ Сообщение Пискаревского летописца о Минине не дает оснований полагать, что оно принадлежит человеку, видевшему руководителя ополчения. Согласно летописцу, живший в Нижнем Новгороде смышленный и речистый торговец Минин призвал к очищению страны от интервентов и начал организовывать освободительную рать.⁵ Создание ополчения освещено в летописце далеко не так, как следует ожидать от очевидца событий. К тому же Фофанов уже в мае 1614 г. находился в Москве.⁶ Он был псковичем по происхождению. Между тем в Пискаревском летописце не обнаруживается интереса к Пскову, за исключением разве указаний на пребывание там Грозного с опричным воинством и перевод оттуда в Москву в 1599—1600 гг. трех стариц для устройства богоделен «по псковскому благочинию» (191, 202). М. Н. Тихомирову остались неизвестны сочинения Фофанова: предисловия и послесловия к изданным книгам, а также небольшое произведение о Смуте — единственный известный памятник, вышедший из нижегородской типографии в конце 1613 или начала 1614 г.⁷ Сравнение этих сочинений с Пискаревским летописцем показывает, что они едва ли составлены одним лицом. Если, как заметил М. Н. Тихомиров, в летописце остро чувствуется московский говор XVII в. с сильно выраженным «аканьем», «живая, почти простонародная речь»,⁸ то Фофанов писал витиеватым языком, и порой его сочинения напоминают псалмы и церковные песнопения. По наблюдениям А. С. Зерновой, Фофанов нередко «черпает образы, сравнения и целые фразы из священного писания, преимущественно из псалтыри», причем постоянно допускает грамматические ошибки.⁹ В небольшом по объему нижегородском памятнике дважды встречаем противопоставление плевел и пшеницы. Этот литературный образ (к нему, кстати, прибегает патриарх Гермоген¹⁰) в Пискаревском летописце отсутствует. Иерархов церкви Фофанов именует «духоносными отцами»;¹¹ в летописце такого выражения не находим. Главным содержанием Смуты предстает под пером Фофанова иноземная интервенция, в то время как в летописце основное внимание уделено внутренним «нестроениям». Оплакивая разорение страны в начале XVII в., Фофанов преимущественно касается «погибели» веры; летописца же не в меньшей мере волнуют светские сюжеты. Далее, Фофанов не является вполне самостоятельным автором. Он широко использует прибавления к Острожской библии, заимствования из которых в нижегородском памятнике, например, превышают десятую часть его объема.¹² Наконец, Фофанову свойственна склонность к философско-историческим обобщениям¹³ (разумеется, провиденциалистического характера), чего нельзя сказать о составителе Пискаревского летописца.

Итак, мнение М. Н. Тихомирова, что Пискаревский летописец создан в кругу печатников, возможно Н. Ф. Фофановым, нельзя признать обоснованным.*

⁴ См.: Яковлева О. А. 1) Материалы по истории русской техники в Пискаревском летописце // Изв. АН СССР. Отд-ние техн. наук. 1951. № 4. С. 618—626; 2) Материалы по истории русской техники в неопубликованной летописи первой четверти XVII века // Труды по истории техники. М., 1953. Вып. 3. С. 115—128.

⁵ ПСРЛ. Т. 34. С. 217 (далее при ссылках на это издание памятника страницы указываются в тексте).

⁶ См.: Зернова А. С. Памятник нижегородской печати 1613 года // Сборник Публичной библиотеки СССР им. В. И. Ленина. М., 1928. Т. 1. С. 67.

⁷ См.: Там же. С. 57, 62—64, 71, 75—77, 84—98.

⁸ Тихомиров М. Н. Русское летописание. С. 232, 246.

⁹ Зернова А. С. Памятник. . . С. 63, 75, 77, 78.

¹⁰ См.: ААЭ. СПб., 1836. Т. 2. № 58.

¹¹ Зернова А. С. Памятник. . . Строки 19—33, 177—212 (факсимильное издание нижегородского памятника не имеет постраничной пагинации).

¹² См.: Зернова А. С. Памятник. . . С. 78—83.

¹³ Там же. С. 75—77.

И. Б. Греков в поисках автора (или заказчика, редактора) Пискаревского летописца исходит из идейной направленности произведения, его историко-политической концепции. По утверждениям исследователя, составитель памятника являлся апологетом сильного Московского государства в форме наследственной монархии, тесно связанного с Константинополем как мировым центром православия. Историю России автор якобы освещает в проконстантинопольском духе, чего требовала политическая конъюнктура начала XVII в. Он стремится доказать извечность союза Руси и «Царьграда». Сторонник тесных церковно-политических контактов Москвы и Константинополя, составитель Пискаревского летописца с этой точки зрения оценивает русскую историю и судит правителей России. Критериями похвал в адрес исторических деятелей оказываются служение «сильному православному царству» и забота о сохранении трона за правящей династией, осуждению же подлежат гонения на проконстантинопольски настроенных лиц.¹⁴ Подобное представление об историко-политических идеях Пискаревского летописца вызывает сильные сомнения. Не знаем, как И. Б. Грекову, но нам неизвестен ни один литературный памятник этого времени, ратующий за порывающее с православием слабое Московское государство с иной формой правления, нежели наследственная монархия. Составитель Пискаревского летописца ни разу не призывает, даже намеком, к церковно-политическому сотрудничеству с Константинополем. Непонятно, на чем основано утверждение И. Б. Грекова, будто в сознании летописца «Царьград» всегда выступал за сохранение в России наследственной монархии. Константинополь лишь дважды упоминается в оригинальной части Пискаревского летописца. В первый раз автор говорит о посылке туда Грозным гонцов Адашевых, но при этом речь идет о приеме их «царем» (т. е. султаном), а вовсе не православным патриархом. Сам этот факт служит для автора поводом к тому, чтобы рассказать о возвышении и падении А. Ф. Адашева (181—182), но не для апологетики московско-константинопольских связей.¹⁵ Вторично «Царьград» фигурирует в сообщении об учреждении патриаршества в России, причем ошибочно говорится об убийстве константинопольского патриарха «за то, что он на Москве потриарха поставил» (196).¹⁶ Безосновательно отнесение И. Б. Грековым к проконстантинопольски настроенным лицам Адашева, Сильвестра, митрополитов Иоасафа и Филиппа, Владимира Андреевича Старицкого, Марии Темрюковны, репрессированных при Грозном бояр.¹⁷ Неясно и то, почему ориентация на Константинополь была злободневной в начале XVII в.

Согласно И. Б. Грекову, в истории Руси автор Пискаревского летописца выделяет два этапа: с древнейших времен до 1431 г. (с пропуском Куликовской битвы) и 1533—1613 гг., игнорируя целое столетие. Исследователь признает, что такая периодизация может быть случайной из-за отсутствия у составителя соответствующих материалов. Но все же он склоняется к мысли о том, что пропущенные в летописце разделы не были созданы или оказались исключенными, так как эпоха Василия Темного и двух его пре-

¹⁴ См.: Греков И. Б. Об идейно-политических тенденциях некоторых литературных памятников начала XVII в. (Об авторе Пискаревского летописца) // Культурные связи народов Восточной Европы в XVI в. // Под ред. Б. А. Рыбакова. М., 1976. С. 332—336, 338, 339, 352, 353.

¹⁵ Следовательно, нет оснований вслед за И. Б. Грековым говорить об интересе летописца к русско-константинопольским отношениям 30—50-х гг. XVI в.

¹⁶ Очевидно, это известие основано на слухах. Отметим, что «Царь-градом» в летописце называется и сооруженный при Федоре Ивановиче «град Каменной на Москве» (195).

¹⁷ Со ссылкой на Пискаревский летописец И. Б. Греков пишет об отравлении Марии Темрюковны (Греков И. Б. Об идейно-политических тенденциях... С. 336). Но в летописце передана и версия о естественной смерти второй жены Грозного (191).

емников заполнена русско-константинопольскими столкновениями.¹⁸ Однако составитель прямо пишет об утрате тетрадей «о Мамаевом побоище». Видимо, он не располагал и многими материалами за 30-е гг. XV—первую треть XVI в. (123, 166).¹⁹ К тому же о русско-византийских конфликтах неоднократно повествуется в начальной части летописца (27, 39—40, 44—45, 53—54, 64, 72—73). Вопреки утверждению И. Б. Грекова Василий III не воевал с Константинополем, а стремился поддерживать дружественные отношения с первым православным патриархом и Турцией.²⁰ Столкновение Василия III с Максимом Греком было вызвано не столько тем, что знаменитый публицист ратовал за подчинение Москвы «Царьграду» (в церковном отношении) и осуждал второй брак великого князя,²¹ сколько призывами к борьбе с Турцией,²² хотя, быть может, он не советовал воевать с турками именно Василию III.²³ Ошибочность тезиса И. Б. Грекова о враждебности русско-константинопольских отношений в XVI в. хорошо видна уже из обильно используемых им мемуаров грека Арсения Елассонского, бывшего накануне и в период Смуты архиепископом Архангельского собора московского Кремля.²⁴

Трудно судить, почему в свете намеченной И. Б. Грековым историко-политической концепции Пискаревского летописца объясним интерес его составителя к географии России и топографии Кремля, а также к строительному делу, книгопечатанию и металлургии. Не случайными кажутся исследователю якобы свойственные летописцу «повышенный интерес к исторической судьбе Архангельского собора» и многочисленные «эллинские» вкрапления, например частое употребление перед именем иерарха слова «кир».²⁵ Но проявляемый в Пискаревском летописце интерес к Архангельскому собору выражается только в регистрации фактов погребения Грозного, его братьев и сыновей, а также Бориса Годунова (подчас отмечено, где именно они были «положены»); кроме того, здесь читаем, что в день коронации Ивана IV осыпали «против Архангела . . . златыми деньгами», в 1582—1583 гг. «птица велика, галосиста» садилась «на церквах», в том числе «на Архангеле», а по распоряжению Федора Ивановича у собора «на площади начали делати избы дячьи каменные». В Пискаревском летописце пересказано и так называемое «Иное видение», случившееся «во Архангиле» (171, 178, 181, 194, 196, 197, 205, 214). Примечательно, однако, что о погребении князей в Архангельском соборе говорится и в начальной части памятника, а в приписке к нему читаем о похоронах там Михаила Федоровича в 1645 г. (107, 109, 112, 113, 139, 151, 158, 161, 164, 165, 167, 220, ср. 122). «Иное видение» передается и в других произведениях этого времени, а также известно в соединении со знаменитой «Повестью о видении некоему мужу духовну».²⁶ Так что едва ли вслед за И. Б. Грековым можно

¹⁸ См.: Греков И. Б. Об идейно-политических тенденциях. . . С. 333—334, примеч. — Далее, однако, читаем об отсутствии в Пискаревском летописце периодизации русско-константинопольских отношений (Там же. С. 353). — Исследователь, кстати, порой неточно пишет о русско-византийских связях применительно ко второй половине XV—XVI в.

¹⁹ Подробнее см.: Яковлева О. А.). Пискаревский летописец. С. 8.

²⁰ См.: Зими́н А. А. Россия на пороге нового времени: (Очерки полигической истории России первой трети XVI в.). М., 1972. С. 151, 181, 197, 206, 267, 268, 270, 281—282 и др.; Синицына Н. В. Максим Грек в России. М., 1977. С. 61.

²¹ См.: Греков И. Б. Об идейно-политических тенденциях. . . С. 333, примеч.

²² См.: Зими́н А. А. Россия на пороге нового времени. . . С. 279—280, 293.

²³ См.: Синицына Н. В. Максим Грек в России. С. 142.

²⁴ См.: Дмитриевский А. А. Архиепископ Елассонский Арсений и мемуары его из русской истории. Киев, 1899. С. 75—86, 94, 227—228.

²⁵ Греков И. Б. Об идейно-политических тенденциях. . . С. 332, ср. с. 351.

²⁶ См.: Назаревский А. А. Очерки из области русской исторической повести начала XVII века. Киев, 1958. С. 143—145. — Автор не учел, что «Иное видение» отразилось и в псковском летописании (Псковские летописи. М., 1955. Вып. 2. С. 267). По предположению О. А. Яковлевой, описание этого «видения» попало в другие произведения из Пискаревского летописца (Пискаревский летописец. С. 17, примеч. 1).

говорить об интересе Пискаревского летописца к Архангельскому собору. Учтем также, что о погребении царей в «Архангеле» и церемонии, предусмотренной чином коронации возле этого собора, говорится также в Сказании о смерти Федора Ивановича и воцарении Бориса Годунова, читаемом в некоторых списках разрядных книг, и Московском летописце²⁷ (230, 232, 235, 236, ср. с. 222). Что касается слова «кир» при наименовании иерархов церкви, то в Пискаревском летописце оно употребляется всего четыре раза — два в начальной части и два в заключительной, причем однажды — в приписке за 1625 г. (34, 73, 180, 220). Данный термин нередко встречается в памятниках XVI—XVII вв.²⁸ Судя по древнерусским «формулярникам», это слово являлось обычным обращением к патриарху.²⁹

С точки зрения И. Б. Грекова, воцарение Симеона Бекбулатовича в глазах летописца было, видимо, вариантом политической ориентации на Стамбул—Константинополь. Но вступление на московский престол татарского хана летописец объясняет лишь боязнью смерти «в том году», которую испытывал Грозный, либо его желанием узнать «про то» народную молву (192, ср. 194). Опричнину и смерть царевича Ивана Ивановича считал пагубными для Русской земли не только автор Пискаревского летописца,³⁰ но и дьяк Тимофеев.³¹ Многие публицисты начала XVII в. подобно составителю Пискаревского летописца обвиняют Бориса Годунова в гибели царевича Дмитрия и опале Ф. Н. Романова. И. Б. Греков допускает неточность, утверждая, будто царь Борис восхваляется в летописце за намерение выдать дочь за датского принца и посылку войск в Грузию.³² В Пискаревском летописце довольно равнодушно повествуется «о королевиче дацком», но в заключение автор сетует, что «по счету многие, безчисленные тысячи изошли в дары и в кормы, и на всякия обиходы его». Рассказав же о злосчастной «посылке в Грузинскую землю», он заявляет с осуждением, что до Годунова московские государи не отправляли войск в такие дальние страны и «казны своей на подмогу не даывали» (203, 204).

В представлении И. Б. Грекова Пискаревский летописец был адресован правящим кругам русского общества, светской и церковной верхушке, в частности окружению Михаила Федоровича, что доказывается фактом дополнения памятника в 30—40-х гг. XVII в. и его идейной близостью с Новым, Московским, Мазуринским летописцами и Сокращенным временником. И. Б. Греков отмечает, например, подчеркивание в Пискаревском и Московском летописцах родственных связей Михаила Романова с Иваном Грозным (через царицу Анастасию).³³ Но это свойственно также

В последнем, однако, как выяснил А. А. Назаревский, «Иное видение» представлено не в первоначальном виде. В публицистике Смутного времени не обнаруживается и знакомства с Пискаревским летописцем.

²⁷ См.: Б у г а н о в В. И. Сказание о смерти царя Федора Ивановича и воцарении Бориса Годунова: (Записи в разрядной книге) // Записки Отдела рукописей ГБЛ. 1957. Вып. 49. С. 174, 183, ср. с. 170.

²⁸ См.: Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции / Собрал и издал А. Попов. М., 1869. С. 92, 130, 206, 250, 315; Надписи Троицкой Сергиевой лавры, собранные архимандритом Леонидом. СПб., 1881. С. 12, 22; РИБ. 2 изд. СПб., 1909. Т. 13. Стб. 187; Правда Русская. М.; Л., 1940. Т. 1. С. 146; Разрядная книга 1550—1636 гг. М., 1976. Т. 2, вып. 1. С. 5, 44, 134, 163 и др.

²⁹ См.: Старинные «формулярники» // ЛЗАК. 1861 год. СПб., 1862. Вып. 1, отд. 2. С. 34.

³⁰ См.: Греков И. Б. Об идейно-политических тенденциях. . . С. 336.

³¹ См.: Временник Ивана Тимофеева. М.; Л., 1951. С. 11, 19, 22, 173, 182, 185 (Литературные памятники).

³² Греков И. Б. Об идейно-политических тенденциях. . . С. 337. — Кстати, как тогда быть с проконстантинопольской настроенностью автора? Ведь желание Бориса Годунова выдать Ксению за датского королевича — явное уклонение в «латинство»!

³³ Греков И. Б. Об идейно-политических тенденциях. . . С. 339, 343—344, 349, 352—353, 355—356, примеч. 26.

«государеву разряду» 1636 г.³⁴ В других нарративных и документальных источниках подчеркнута родство Михаила Федоровича с Федором Ивановичем.³⁵ Поскольку (согласно И. Б. Грекову) Пискаревский летописец проповедует идею сильного «православного царства», его близость к другим названным летописным памятникам вполне естественна. Зато в фактографическом отношении он значительно расходится с ним. К тому же Мазуринский летописец не является вполне самостоятельным, он восходит к Новому летописцу ранней редакции,³⁶ а Сокращенный временник возник много позже Пискаревского летописца (не ранее середины XVII в.). Тезис И. Б. Грекова о целевом назначении Пискаревского летописца не подтверждается и фактом дополнения памятника, типичным для летописания. Далее, Пискаревский летописец подчас сообщает неблагоприятные для Романовых подробности. Здесь читаем, что Лжедмитрий I женил И. Н. Романова, присутствуя на свадьбе «в отцово место», и «поставил» Филарета ростовским митрополитом. При Михаиле Федоровиче об этом старались не вспоминать. Равнодушие к Филарету сквозит в рассказе о взятии тушинцами Ростова. Инициатором опричнины выставлен в летописце «злой человек» В. М. Юрьев (190, 207, 208, 215). Летописные известия об опале Бориса Годунова на «Никитичей» и воцарении Михаила Федоровича (202, 219—220) не позволяют, однако, повторить вслед за М. Н. Тихомировым, что Пискаревский летописец вышел из враждебной Романовым среды. Трудно согласиться и с утверждением исследователя, будто памятник возник в близких к Шуйским кругах.³⁷ В Пискаревском летописце налицо двойственное отношение к царю Василию,³⁸ отрицательные отзывы о И. В. и А. М. Шуйских (173, 179, 180, ср. 195, 216).

По мнению И. Б. Грекова, «наиболее вероятным . . . создателем, во всяком случае редактором или заказчиком Пискаревского летописца, был иерарх греческого происхождения и константинопольской выучки» Арсений Елассонский. Об этом якобы свидетельствует сопоставление летописца с мемуарами Арсения, выявляющее значительную концепционную общность и сходство фактического «багажа».³⁹ Ссылка И. Б. Грекова на совпадение хронологических рамок обоих произведений звучит не вполне убедительно, ибо заключительная часть мемуаров Арсения (начиная с описания «московского разрения» 19 марта 1611 г.) либо ему не принадлежит, либо кем-то редактировалась.⁴⁰ Пискаревский летописец подчас, действительно, близок к мемуарам Арсения по фактическому содержанию. В обоих произведениях отмечена уникальность царь-пушки,⁴¹ сказано про отливку

³⁴ Разрядная книга 1550—1636 гг. Т. 2, вып. 2. С. 265. — В Повести о победах Московского государства сказано, что Иван IV приходился Михаилу Федоровичу дедом. См.: Повесть о победах Московского государства. Л., 1982. С. 35, 40, 73, 78, ср. с. 36, 74 (Литературные памятники).

³⁵ См.: Дворцовые разряды. СПб., 1850. Т. 1. Стб. 14, 15, 35—36, 41—42, 49; Утвержденная грамота об избрании на Московское государство Михаила Федоровича Романова. М., 1906. С. 45, ср. с. 93; Б е л о к у р о в С. А. Разрядные записки за Смутное время (7113—7121 гг.). М., 1907. С. 23, 63—64; РИБ. Т. 13. Стб. 618—619, 706, 1319; З е р н о в а А. С. Памятник. . . Строки 114—177; Сказание Авраамия Палицына. М.; Л., 1955. С. 232 и след.; З и м и н А. А. Акты Земского собора 1612—1613 гг. // Записки Отдела рукописей ГБЛ. 1957. Вып. 19. С. 190—192 и др.

³⁶ С о л о д к и н Я. Г. По поводу «Истории о разорении Русском» Иова-Иосифа: (Заметки о летописании) // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 33. С. 439.

³⁷ Т и х о м и р о в М. Н. Русское летописание. С. 246.

³⁸ См.: Греков И. Б. Об идейно-политических тенденциях. . . С. 337, 339.

³⁹ См.: Там же. С. 340, 344, 351. — И. Б. Греков датирует кончину Арсения апрелем 1626 г. Но, как уточнил А. А. Дмитриевский, он умер в 1625 г. См.: Д м и т р и е в с к и й А. А. Архиепископ Елассонский Арсений. . . С. 214—215.

⁴⁰ См. Д м и т р и е в с к и й А. А. Архиепископ Елассонский Арсений. . . С. 180—181, 183, 186, 192.

⁴¹ Правда, сравнение соответствующих рассказов летописца и Арсения едва ли позволяет подобно И. Б. Грекову говорить о почти текстуральном сходстве. Кстати, он вначале пишет об этом единственном примере текстуральной близости двух памятников, а затем уже о текстологических совпадениях. См.: Г р е к о в И. Б. Об идейно-политических тенденциях. . . С. 346, 351.

при царе Борисе двух больших колоколов для Москвы и Троице-Сергиева монастыря, поддержку «расстриги» Вишневецким, посылку Лжедмитрием I в Москву князей В. Голицына и В. Мосальского, проживание Марины Мнишек накануне свадьбы с Самозванцем у Марфы Нагой, взятие с царя Василия ограничительной записи, убийство Лжедмитрия II ногайским князем Петром Урусовым, согласно говорится о том, что польский король не дал войск «расстриге» (202, 206—207, 212, 213, 216).⁴² Но многие известия, встречаемые, по наблюдениям И. Б. Грекова, в Пискаревском летописце и мемуарах Арсения, находим и в других сочинениях начала XVII в. Так, о рождении царевны Феодосии читаем также в Повести о Федоре Ивановиче, «Ином сказании», во Временнике Ивана Тимофеева;⁴³ о перезахоронении праха Бориса Годунова в Варсонофьевском монастыре — в «Повести, како отомсти» и ее переработках, а также в Сказании о Гришке Отрепьеве и так называемой Повести 1626 г.⁴⁴ Расправу Самозванца с семьей царя Бориса осуждают все писавшие об этом авторы.

При известном сходстве в фактическом содержании между Пискаревским летописцем и мемуарами Арсения наблюдаются существенные расхождения. Вопреки мнению И. Б. Грекова⁴⁵ летописец в отличие от Арсения не считает, что Русская земля поначалу принадлежала грекам, и не включает Польшу в состав Руси времен Владимира Святославича. Он только замечает, что Владимир взял ранее бывшие за «ляхами» «Перемышль, Червень и иные грады» (об этом говорится не в оригинальной части памятника). Арсений ошибочно пишет о покорении князем Владимиром Москвы, считает княгиню Ольгу его матерью (по летописцу, Владимир был внуком Ольги). Если верить Арсению, Владимир жил при византийском императоре Василии Македоняnine, согласно же летописцу — при Василии II и Константине VIII. Арсений утверждает, что первым русским митрополитом был Михаил, по летописцу им оказывается Леон (43, 47, 53, 56, ср. 63, 275, 281).⁴⁶ Арсений приводит явно легендарное известие о том, что Грозный еще при жизни оставил престол Федору Ивановичу и постригся в монахи. По его свидетельству, царевича Дмитрия отравили в Углич «синклит» и народ без государевой воли, согласно же летописцу туда «отпустил» брата Федор Иванович. Смерть последнего датирована авторами неодинаково (в летописце — 6 января 1598 г. «на ночь», у Арсения — 7 января). Они сообщают о создании серебряных рак для мощей святых Алексея, Василия, Макария и Пафнутия, но летописец относит это ко времени Федора Ивановича, а Арсений — к царствованию Бориса Годунова. Согласно Арсению, гонец М. И. Татищев был послан в Грузию для хлопот о браке царевича Федора, по летописцу — чтобы договориться об «обороне» тамошнего государя (195, 198, 199, 204).⁴⁷

Пожалуй, самое убедительное опровержение атрибуции И. Б. Грекова — это различие сведений двух памятников об учреждении патриаршества в России. Как очевидец Арсений подробно рассказал об этом в пу-

⁴² См.: Дмитриевский А. А. Архиепископ Елассонский Арсений. . . С. 97, 99, 108, 137, 145, 231. — Эти случаи сходства двух произведений, кроме первого, И. Б. Грековым не отмечены.

⁴³ См.: ПСРЛ. М., 1965. Т. 14. С. 16; РИБ. Т. 13. Стб. 98; Временник. . . С. 152, 329—330. Ср.: ПСРЛ. Т. 14. С. 45; Т. 34. С. 238. — В Пискаревском летописце сперва говорится, что Федор Иванович «бездетен был», а затем читаем о его дочери Феодосии (194, 198). Это лишний раз свидетельствует о компилятивности памятника.

⁴⁴ См.: Буганов В. И., Корецкий В. И., Станиславский А. Л. «Повесть, како отомсти» — памятник ранней публицистики Смутного времени // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 28. С. 247; РИБ. Т. 13. Стб. 53, 160, 578, 651, 731, ср. стб. 535. См. также: ПСРЛ. Т. 34. С. 241; Корецкий В. И. «История Иосифа о разорении русском» — летописный источник В. Н. Татищева // ВИД. Л., 1973. № 5. С. 264.

⁴⁵ Греков И. Б. Об идейно-политических тенденциях. . . С. 344.

⁴⁶ См.: Дмитриевский А. А. Архиепископ Елассонский Арсений. . . С. 73, 74.

⁴⁷ См.: Там же. С. 76, 77, 95, 96, 228.

тевых записках и мемуарах.⁴⁸ В Пискаревском летописце о поставлении Иова на патриаршество говорится предельно кратко и, как мы помним, допущена грубая фактическая ошибка. Поддерживавший тесные сношения с православным Востоком, Арсений, конечно, не мог не знать, что на церковном соборе в Константинополе действия Иеремии в русской столице были одобрены.⁴⁹

Арсений контрастно изображает Лжедмитрия I и Лжедмитрия II,⁵⁰ тогда как составитель Пискаревского летописца единоклещен с русскими современниками в ненависти к самозванцам. По сообщению Арсения, при вступлении в Москву Лжедмитрий I посетил Архангельский собор, летописец же в данной связи говорит об Успенском и Благовещенском. Елассонский архиепископ уверяет, что «расстрига» вернул из ссылки четырех Романовых, согласно летописцу «ублюл бог» только трех из шести сосланных. Инициативу женитьбы Самозванца на Марине Мнишек Арсений приписывает всем боярам, летописец — самому «расстриге». Очевидец свадебной церемонии, Арсений отрицает факт причащения «царя Димитрия» и Марины. Из летописца же следует, что Лжедмитрий I причастился, а Марина — нет. По данным Арсения, после убийства «расстриги» его труп лежал три дня, по летописцу — четыре (202, 207).⁵¹ И. Б. Греков сам указал на серьезную разницу свидетельств двух авторов о коронации Самозванца. На его взгляд, они тершимо относятся к патриарху Игнатию.⁵² Едва ли это можно сказать о летописце. Хотя он прямо не выражает своего отношения к Игнатию, неприязнь проступает довольно заметно. По словам летописца, Лжедмитрий I «потриарха Иева согнал, а поставил Игнатия». Факт поставления этого «гречина» Самозванцем подчеркнут и в сообщении о патриархе Гермогене (207, 214).

Если в Пискаревском летописце избрание Шуйского на царство считается всенародным, то Арсений выдает его за дело рук москвичей. Оба автора расходятся и в датировке коронации Шуйского. Арсений упрекает царя Василия в том, что он не захотел жениться на Марине Мнишек, отчего якобы и потерял престол. Из летописца известно, что отпущенная из Москвы Марина была захвачена тушинцами и «назвала» Лжедмитрия II «прямым мужем». И. Б. Греков находит, что судя по Пискаревскому летописцу, Шуйский фактически содействовал передаче Марины «вору», т. е. «летописец инкриминирует царю Василию по существу ту же вину (что и Арсений. — Я. С.), но делает это не столь прямолинейно».⁵³ Исследователь допускает явную натяжку. У летописца нет и мысли о женитьбе Шуйского на «Маринке, которая была за Ростригою», он говорит о принятых царем Василием мерах предосторожности (Марину отпустили «около Москвы, потому что вор стоял в Тушине») и о том, что бывшую «царицу» «переняли» уже «на Белой».⁵⁴ Летописцу чужды и сомнения Арсения насчет того, добровольно ли Марина очутилась в «таборах» или была доставлена туда

⁴⁸ Там же. С. 78—86. См. также: (О г л о б л и н Н.). Арсений, архиепископ Элассонский и его «Описание путешествия в Московию» // Ист. библиотека. 1879. № 9. С. 48—74.

⁴⁹ См.: Д м и т р и е в с к и й А. А. Архиепископ Елассонский Арсений. . . С. 29, 197.

⁵⁰ См.: Там же. С. 105—106, 136, 141—142.

⁵¹ См.: Там же. С. 100—101, 106, 111, 113, 115, 125, 132.

⁵² Г р е к о в И. Б. Об идейно-политических тенденциях. . . С. 348—349. — Благожелательное отношение к Игнатию налицо в послесловии к церковному уставу, переписанному поном Константином в царствование Лжедмитрия I. (См.: С о б о л е в с к и й А. Москва и первый Самозванец. СПб., 1906. С. 6). Можно думать, что это послесловие появилось уже после гибели «расстриги». (См.: Т и т о в А. А. Рукописи славянские и русские, принадлежащие И. А. Вахромееву. М., 1907. Вып. 6. С. XII).

⁵³ Г р е к о в И. Б. Об идейно-политических тенденциях. . . С. 350.

⁵⁴ В сходных чертах этот эпизод освещен в других источниках. См.: Т и х о м и р о в М. Н. Классовая борьба в России XVII в. М., 1969. С. 229; ПСРЛ. Т. 34. С. 248—249. Ср.: Псковские летописи. М.; Л., 1941. Вып. 1. С. 134.

силой. Не говорим о том, что захват ее тушинцами явился для Шуйского ощутимым ударом.

В мемуарах Арсения выступает сторонником избрания королевича Владислава на русский престол, объясняет бедствия «междоцарствия» медлительностью и непостоянством Сигизмунда III, не желавшего отпустить сына «на Московское государство». Осуждает Арсений и смолян за стойкую оборону, чем якобы они погубили себя и всю Россию. В Пискаревском летописце не найдем и намеков на это.⁵⁵

Как мы видели, в Пискаревском летописце слово «кир» при упоминании иерархов встречается всего несколько раз. Арсений же употребляет его на каждом шагу и не только в литературных сочинениях, но и в маргиналиях.⁵⁶ Его язык содержит налет «церковности»,⁵⁷ что не присуще летописцу.

Таким образом, сопоставление Пискаревского летописца и мемуаров Арсения никак не позволяет присоединиться к выводу И. Б. Грекова об общности их происхождения.

«Гипотеза имеет ценность в связи с тем, захватывает ли она своим объяснением все подлежащие ей материалы или же только часть материалов», — писал выдающийся советский летописец М. Д. Приселков.⁵⁸ К сожалению, существующие атрибуции Пискаревского летописца не учитывают всего комплекса имеющихся данных и отличаются весьма вольной трактовкой источника. Их критический разбор показывает, что ни Н. Ф. Фофанова, ни тем более Арсения Елассонского нельзя считать создателями крупнейшего летописного произведения начала XVII в.

Вслед за О. А. Яковлевой создателем основного источника заключительной части Пискаревского летописца можно считать московского приказного человека. Впрочем, вывод исследовательницы о близости анонимного публициста к металлургии представляется маловероятным. Ведь в летописце находим всего три лаконичных упоминания об отливке царь-пушки и колокола (196, 202). Зато мнение О. А. Яковлевой о причастности публициста к строительному делу, думается, справедливо. Летописные известия о строительных работах в Москве и Подмосковье, Казани, Астрахани, Смоленске, Новгороде и Пскове охватывают 1584—1613 гг. и зачастую уникальны. Эти известия особенно многочисленны за период царствований Федора Ивановича и Бориса Годунова. Например, в качестве дополнений к рассказу о времени царя Федора в летописце приведены подряд 10 записей о строительных работах (195—198, 200—203, 207, 215, 220). Вероятно, автор данного летописного источника рассматриваемого памятника служил в приказе каменных дел. По-видимому, он был связан и с Разрядным приказом. Недаром в летописце весьма подробно говорится о военных действиях, смерти при царе Борисе последних представителей трех боярских фамилий, пожаловании М. Г. Салтыкову боярства «для посольства» в Речь Посполитую, основании Царева-Борисова. Можно думать, что публицист участвовал в отражении крымского вторжения 1591 г., походе 1592 г. к Выборгу, встрече в Москве датского королевича Иоганна, т. е. в событиях, о которых он живо рассказал в своем произведении.⁵⁹

⁵⁵ См.: Дмитриевский А. А. Архиепископ Елассонский Арсений. . . С. 145—146. Ср.: ПСРЛ. Т. 34. С. 212, 215.

⁵⁶ См.: Дмитриевский А. А. Архиепископ Елассонский Арсений. . . С. 65, а также примеч. на с. 78, 79, 81—83, 86, 94, 102—104, 137, 144 и др.

⁵⁷ См.: Там же. С. 155. — Учтем также, что в мемуарах Арсения даются греческие названия Днепра и Черного моря. (Там же. С. 72, 73).

⁵⁸ Приселков М. Д. История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940. С. 13.

⁵⁹ Существует предположение, что он принимал участие в битве на Восме в 1607 г. (см.: Восстание И. И. Болотникова: Документы и материалы. М., 1959. С. 368, примеч. 133). Однако об этом сражении в летописце говорится лаконично. По-видимому, автор знал о нем по разрядным записям и слухам. Не случайно он замечает, что такой «бой и в древние лета мало, сказывают, бывал».

Не исключено, что к созданию сочинения, легшего в основу оригинальной части Пискаревского летописца, был причастен дьяк Нечай Перфирьев, упомянутый в одной статье памятника в числе строителей смоленской крепости (198) (из документов известно также об участии в сооружении «города» в Смоленске дьяков П. Шипилова и Н. Сорочнева,⁶⁰ но в летописце они не упомянуты). В 1580—1581 гг. Перфирьев служил в Юрьеве Ливонском.⁶¹ В летописце же находим уникальные сведения о назначении А. Ф. Адашева воеводой в Юрьев и его смерти там (181). Перфирьев был участником земского собора, избравшего Бориса Годунова на трон;⁶² в летописце отразились впечатления очевидца первого царского «обиранья».⁶³

Осенью 1603 г. Перфирьев был дьяком в Чернигове, где передавались вести про Лжедмитрия I, а в начале 1605 г. — в Новгороде Северском, где получил от царя Бориса «золотой» за участие в борьбе с войсками Самозванца.⁶⁴ В авторе же летописного повествования о движении «расстриги» допустимо видеть очевидца этих событий, как и иноземной оккупации Москвы (судя по боярскому списку 1610—1611 гг., Перфирьев находился в столице).⁶⁵

⁶⁰ См.: ААЭ. СПб., 1836. Т. 1. С. 450—452; Платонов С. Ф. Подлинное дело о строении города Смоленска // Смоленская старина. Смоленск, 1911. Вып. 1, ч. 2. С. 23—28; Разрядная книга 1550—1636 гг. Т. 2, вып. 1. С. 132; ГПБ, собр. Эрмитажное, № 390, л. 907, 917. — Об участии Перфирьева в возведении «города» в Смоленске см.: Косточкин В. В. Государев мастер Федор Конь. М., 1964. С. 41, 73, 74, 76—77, 84.

⁶¹ См.: Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV—XVII вв. М., 1975. С. 406; ПСРЛ. Т. 34. С. 229 и др.

⁶² ААЭ. СПб., 1836. Т. 2. С. 45, 53.

⁶³ См.: Тихомиров М. Н. Российское государство XV—XVII веков. М., 1973. С. 65.

⁶⁴ См.: Акты времени Лжедмитрия 1-го (1603—1606 гг.) / Под ред. Н. В. Рождественского // ЧОИДР. 1918. Кн. 1. С. 5, 7; Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV—XVII веков. С. 406. — С. Б. Веселовский хотел выяснить, «не одно ли лицо» Нечай Перфирьев с дьяком Нечаем Федоровым. Но еще Н. П. Лихачев показал, что отождествлять их нельзя (Лихачев Н. П. Разрядные дьяки XVI века. СПб., 1888. С. 514—515, примеч. 1). Кроме того, оба они значатся в боярском списке 1610—1611 гг. См.: Сторожев В. Н. Материалы для истории русского дворянства. М., 1908. Вып. 2. С. 86.

⁶⁵ Нечай Перфирьев упоминается в источниках до 1613 г., когда он служил в Пушкарском приказе. Его сын Петр, упоминаемый в 1614 г., принимал участие в сражениях с войсками И. И. Болотникова и Лжедмитрия II, Клушинской битве. См.: Акты Московского государства. СПб., 1890. Т. 1. Стб. 127.

Н. В. ПОНЫРКО

Новые материалы о протопопе Аввакуме

(Два «дела» мезенской воеводской канцелярии
о сыне Аввакума Афанасии)

В ЦГАДА среди бумаг Новгородского приказа хранится доселе никому неизвестное дело 1692 г.,¹ возникшее по извету тюремного целовальника города Мезени на сына протопопа Аввакума Афанасия. Того самого Афанасия, который остался младенцем на Мезени, когда отца его забрали в Москву на соборный суд, о ком Аввакум из Николо-Угрешской темницы перед отправкой в Пустозерск писал в «грамотке» к Настасье Марковне: «Аще жив, мизинцу моему целование, аще же умер — блажен есть».² В 1692 г. Афанасию было 28 лет,³ и 20 сентября того же года он оказался посажен за пьянство в «караульню» Окладниковой слободки г. Мезени.

«И того ж де числа пришел х караульне брат ево, Афонкин, Пронка Аввакумов и говорил ему, Афонке: для чего де ты у меня пицаль унес ис клетки? И он де, Афонка, учал ево, Пронку, бранить. И Пронка де пошел от караульни прочь. И после де того он, Афонка, говорит, что отец де ево, Афонкин, бывшей протопоп Аввакум, научал детей своих, Ивашка да Пронку Аввакумовых, блаженныя памяти великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича. . . гробницу . . . дехтем марать; да есть де письма Окладниковы слоботки у крестьянина у Петрушки Шолоха». Слышавший перебранку тюремный целовальник моментально донес о ней воеводе Мине Петровичу Хомутову, и 21 сентября Афанасия Аввакумова уже допрашивали в мезенской приказной избе. На допросе он убеждал воеводу, что бранился с Прокопием «спьяна» и напраслину на братьев возвел тоже исключительно «пьяным делом». «А слышел де он, Афонка, от пустозерского стрелца от Лодьмы . . . как де он . . . ехал с Москвы и был на Мезени, и сказывал де он, Лодьма, ему . . . что де отец Афонкин Аввакум велел великого государя гробницу дехтем марать, за то де отец ево, Афонкин, и сожжен. А больши де того он, Афонка, про такое дело ни от кого не слышал и не знает».

Со времени издания В. И. Малышевым Объявления Синода от 1724 г. об Аввакуме⁴ нам известно о заочном участии протопопа Аввакума в знаменитых выступлениях московских старообрядцев во время крещенского водосвятия 1681 г., когда они разбрасывали в народ, по словам Объявления, «свитки богохульныя и царскому достоинству безчестныя и . . .

¹ За указание на этот документ, как и на «дело» 1688 г., сердечно благодарю Н. П. Воскобойникову и И. Л. Жучкову.

² Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. М., 1960. С. 218.

³ Афанасий родился около 1664 г. См.: Памятники истории старообрядчества XVII в. Л., 1927. Кн. 1, вып. 1 (РИБ. Т. 39). Стб. 40; Малышев В. И. Неизвестные и малоизвестные материалы о протопопе Аввакуме // ТОДРЛ. М.: Л., 1953. Т. 9. С. 391.

⁴ Малышев В. И. Новые материалы о протопопе Аввакуме // ТОДРЛ. М.: Л., 1965. Т. 21. С. 334—345.

в соборная церкви как церковная ризы, так и гробы царские дехтем мариали». ⁵ В Объявлении 1724 г. утверждалось, что все это московские бунтари совершили по наущению сидевшего в Пустозерске Аввакума. ⁶ Публикуя Объявление, В. И. Малышев задавался вопросом, не это ли выступление старообрядцев послужило причиной казни пустозерских узников. ⁷

Располагая новыми материалами, гораздо более ранними, чем Объявление 1724 г., и, что самое главное, исходящими на этот раз не из официальной среды, а, напротив, из самого дома Аввакума, мы уже без всяких сомнений должны ставить казнь Аввакума и его соузников в прямую зависимость от московского бунта 1681 г.

Стрелец Лодьма, как удастся выяснить, это тот самый брат Алексей, в доме которого до «казни» 1670 г. встречались по ночам пустозерские узники. Из еще одного документа Новгородского приказа мы узнаем, что имя пустозерского стрельца Лодьмы было Алексей. Благодаря этому проясняется контекст письма дьякона Федора к семье Аввакума, письма, по которому и известно давно о пустозерце Алексее и его доме. Федор благодарит Марковну за «запасец» («крупки овсяные и яшные»), который она прислала с неким Лодьмой ему и протопопу Аввакуму, и продолжает: «Мы з батюшком ис темницы ношью . . . вышли к брату Алексею в дом и тут побеседовали . . . и запасу мне отец половину отделил — крупы и муки». ⁸ Становится ясно, что Лодьма и брат Алексей — одно лицо и что привезенную крупу с мукой делили в его доме. Несколькими строками ниже дьякон просит Марковну «всякую посылку» для них присылать к Лодьме. ⁹

В 1678 г., как видно из документов ЦГАДА, стрелецкий десятник Алексей Лодьма по-прежнему жил в Пустозерском остроге, и воевода использовал его для посылок в Новгород и Москву. ¹⁰ Из показаний Афанасия ясно, что он оставался в Пустозерске и после 1682 г., года казни Аввакума.

От Лодьмы или кого другого знал Афанасий про гробницу царя Алексея, в любом случае он сослался при допросе на него вполне умно: ничем не обмолвился о близости стрельца к казненным. О причине же казни тот должен был знать неизбежно как пустозерский служивый человек, и такая ссылка никак его не компрометировала.

Афанасию, кажется, поверили в том, что братьев своих он оговорил напрасно; во всяком случае, ясно было, что, сидя в мезенской тюрьме (до 1683 г., как известно), ¹¹ мазать дегтем царскую гробницу в Москве они не могли. Протрезвев, Афанасий твердил на допросе в съезжей избе: «А он де, Афонька, и братья ево Ивашко да Пронька . . . в то время были на Мезени, и Ивашко и Пронька сидели в тюрьме. А он де, Афонька, был на свободе, потому что родился на Мезени. А отец де их Аввакум — в Пустозерском остроге, и меж де им в дальнем расстоянии». Но нам сейчас ясно и то, что какой-то действительный факт за пьяными речами Афанасия стоял. Как можно догадаться, раздраженный попреками старшего брата, Афанасий в хмельной ярости грозился выдать участие братьев в организации связи между Аввакумом и Москвой. Очевидно, к событиям 1681 г. Иван с Прокопием были причастны через какую-то переписку, почему и упоминались письма, находившиеся у некоего Петрушки Шолоха. О том, что Иван и Прокопий занимались пересылкой и перепиской — размножением писаний пустозерцев, — известно по письмам протопопа Аввакума и дьякона Федора. Аввакум обращался к старшему сыну: «Грамотки, Иван, бояроне

⁵ Там же. С. 343.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 338.

⁸ Барсков Я. Л. Памятники первых лет русского старообрядчества. СПб., 1912. С. 68.

⁹ Там же.

¹⁰ ЦГАДА, ф. 159 (Приказные дела новой разборки), оп. 3, ед. хр. 909, л. 3, 101.

¹¹ См.: Румянцев В. С. Неизвестные материалы о семье протопопа Аввакума // РЛ. 1970. № 2. С. 156—160.

в столпчик запечатай да пошли». Или: «Посланы грамотки к Москве, и ты их, прочетше, запечатай и сошли».¹² Дьякон Федор просил Ивана о ссылке на Соловки и в Москву «Книги — ответ православных»: «И ты, братец Иван . . . в Соловки пошли и к Москве верным. И тут давай списывать верным человеком, иже довольны будут и иных научити. А списовали бы добрым письмом».¹³ Все эти просьбы относятся ко времени до первой пустозерской казни 1670 г. В 1670 г. пустозерцев засадили в крепкие земляные тюрьмы, откуда уже нельзя было выйти в дом «брата Алексея»; а Ивана с Прокопием посадили в земляную тюрьму на Мезени. И все же, стало быть, сыновья Аввакума до самого его конца продолжали оставаться опорой и помощниками своему отцу.

Новонайденное дело проливает свет и еще на один важный вопрос. По Объявлению 1724 г. взбунтовавшиеся старообрядцы надругались в кремле над гробами (множественное число!) московских царей. Это вызывает определенное недоумение. Дело в том, что хорошо известно почтительное — и принципиально почтительное — отношение старообрядчества к дониконовской истории Русского государства. И в писаниях Аввакума, и в сочинениях других старообрядческих деятелей мы найдем только апологетические высказывания по адресу русских царей дониконовского времени (что про царя Михаила Федоровича, что про царя Ивана Васильевича Грозного).

Из дела Афанасия Аввакумова видно, что протопоп Аввакум имел в виду одного лишь царя Алексея Михайловича. А это как раз очень понятно. Мы знаем, какие счеты были у пустозерских узников с царем Алексеем. Именно на него возложили они, а вслед за ними и вся старообрядческая Россия ответственность за раскол, его называли «рогом антихристовым».¹⁴ В их глазах именно царь Алексей Михайлович был первым неблагодарным русским царем, что доказывалось, кроме прочего, и образом его кончины, носившей, по их мнению, характер кары господней за расправу над старообрядцами (конкретно, за расправу над Соловецким монастырем).¹⁵

Авторы синодального Объявления, предназначавшегося для публичного чтения в народе, поостереглись, как мне представляется, упоминать в кощунственном контексте имя отца царствующего императора; оттого и возникли в их тексте безличные «гробы царские».

К сожалению, дошедшее до нас следственное дело об Афанасии Аввакумове на приведенных показаниях обрывается. Воевода Хомутов распорядился послать извет вместе с расспросными речами Афанасия в Москву, а самого «Афоньку Аввакумова . . . держать в тюрьме» до получения ответного указа из Москвы. Каков был этот указ, нам неизвестно.

Во всяком случае, для Ивана и Прокопия пьяные речи Афанасия серьезных последствий не возымели. Потому что, как известно, в январе 1693 г. был дан царский указ об освобождении на поруки из мезенской ссылки Ивана и Прокопия (воевода Хомутов получил грамоту об указе 17 января),¹⁶ чего, конечно же, не случилось бы, прими дело Афанасия опасный оборот.

Что было с Афанасием, мы не знаем. Почему он не упоминается в указе об освобождении из ссылки? Потому ли, что как мезенский уроженец он, быть может, не считался ссыльным, или потому, что за него не хотели хло-

¹² Памятники истории старообрядчества XVII в. Стб. 914, 915.

¹³ Барсков Я. Л. Памятники. . . С. 68—69.

¹⁴ См. Пятую челобитную Аввакума царю Алексею Михайловичу (Памятники истории старообрядчества XVII в. Стб. 757—761) и письмо дьякона Феодора сыну Максиму (Материалы для истории раскола за первое время его существования, издаваемые Н. И. Субботиным. М., 1881. Т. 6. С. 219—220).

¹⁵ Бубнов Н. Ю., Демкова Н. С. Вновь найденное послание из Москвы в Пустозерск «Возвещение от сына духовного ко отцу духовному» и ответ протопопа Аввакума (1676 г.) // ТОДРЛ. Л., 1981. Т. 36. С. 131—142.

¹⁶ См.: Малышев В. И. Неизвестные и малоизвестные материалы. . . С. 400—402.

потать (известно, что ходатаем за Ивана и Прокопия выступал Василий Васильевич Голицын¹⁷)?

Ссылным он был таким же, как его братья. А вот буйным своим нравом, действительно, был известен на Мезени с давних пор. За четыре года до случая в мезенской караульне Афанасий совершил побег с Мезени; об этом имеется еще одно дело в фонде Приказных дел новой разборки, относящееся к 1688 г. Тогдашний воевода Михаил Воейков сообщал в Москву: «С Мезени ссылкой, бывшего протопопа Аввакума Петрова сына Афонька, бежал безвестно». О беглеце допрашивали старших братьев, с которыми, как написал воевода Воейков, он «жил в одном доме». И Иван с Прокопием показали, что перед побегом «брат их Афонька на кабаке пил и бражничал, и с Мезени бежал безвестно». Куда бежал Афанасий, братья не сказали, утверждая, что про побег они ничего не ведали и «ево, Афоньки, никуда не отпущали». Зная про случай в мезенской караульне, можно понять, что о питии и бражничаньи «на кабаке» сказано не для отвода глаз. Видно, нелады между братьями начались задолго до 1692 г. На допросе 1688 г. Иван и Прокопий сказали, что хоть они и жили с младшим братом в одном доме, но «хлеб . . . ели порознь, потому что де он, Афонка, с ними, Ивашкою да Пронкою, розделился. С Ывашкою розделился в прошлом во 187-м году, а с Пронкою розделился годы с три. И жил собою».

А ведь мы помним Афанасия 9-летним ребенком. Старшие братья вместе с матерью сидели тогда в земляной тюрьме, «повинившись» от страха стрельцкому полуголове Ивану Елагину, прибывшему к ним из Москвы для расправы («неповинившиеся» юродивый Федор и Лука Лаврентьевич были повешены). В письме к своей семье протопоп Аввакум писал в то время: «Спаси бог, Афанасьюшко Аввакумович, голубчик мой! — утешил ты меня! Сказывал воевода здешний, похваляя тебя: были де у него вы, и он де спросил тебя: „Как де ты, Афанасий, персты слагаешь?“ И ты де показал ему, воеводе: „Вот де я слагаю!“ А он де тебе молвил: „Уж де, где отец и мати, там же будешь!“ И ты де супротив рек: „Силен де бог, не боюся!“».¹⁸ Малый ребенок, который и лица отцовского не помнил, по-отцовскому складывал пальчики. И отец наказывал младшему сыну: «А девок-те, свет, учи, Марью (дочку Ивана. — Н. П.) да Окулину (сестру. — Н. П.), а сам у братей учися. Не гнушайся их, что оне некогда смалодушничали, на висилицу Христа ради не пошли: уш то моего ради согрешения поупущено . . . Что же делать! И Петр апостол некогда так зделал, слез ради прощен бысть . . . Разговаривай братий: „Не сетуйте де о падении своем выше меры — простит вас. Да и батюшко де по воле божию вас прощает“».¹⁹

Каким образом вернули 24-летнего Афанасия в 1688 г. на Мезень и где он тогда ходил, мы не знаем (на показаниях Ивана и Прокопия и царском повелении «сыскивать» беглеца дело 1688 г. обрывается). В указ 1693 г. об освобождении он не попал. Неужели спился «на кабаке»? Или, может быть, снова бежал, как в 1688 г.? Или наоборот, как иногда бывало с заключенными, не захотел менять привычной ссылки на непривычную свободу — ведь он родился, вырос и всю свою жизнь прожил, можно сказать, в тюрьме.

На эти вопросы нет пока ответа. Но понемногу накапливаются сведения о близких Аввакума. И может быть, нам когда-нибудь удастся более или менее равномерно заполнить фактическим материалом тот пока еще довольно пустой временной промежуток до ноября 1720 г., в конце которого мы благодаря давно найденным документам²⁰ видим щемящую душу фигуру 76-летнего Ивана Аввакумовича, уморенного под стражей в Петропавловской крепости за разделенную через всю жизнь до смерти судьбу своего отца.

¹⁷ Там же. С. 391.

¹⁸ Памятники истории старообрядчества XVII в. Стб. 922—923.

¹⁹ Там же. Стб. 923—924.

²⁰ См.: Е с и п о в Г. Раскольничьи дела XVIII столетия. СПб., 1861. Т. 1. С. 108—

ДЕЛО О ПОБЕГЕ ИЗ ССЫЛКИ С МЕЗЕНИ СЫНА ПРОТОПОПА
АВВАКУМА АФАНАСИЯ

(л. 3) Великим государем царем и великим князем Иоанну Алексеевичю и Петру Алексеевичю и великой государыне благоверной царевне и великой княжне Софии Алексеевне, всея великия и малыя и белыя Росии самодержцем, холоп ваш Мишка Воейков челом бьет. В нынешнем, государи, во 196-м году по вашему, великих государей, указу ездил я, холоп ваш, с Мезени в Кевролу для отпуску к Москве вашии великих государей казны, стрелецких и оброчных денег. И февраля в 7 день на Мезени в съезжей избе мне, холопу вашему, извещали словесно мезенцы Денис Язжин, Дмитрий Кыркалов: с Мезени де ссылкой бывшего протопопа Аввакума Петрова сын Афонка бежал безвестно. А жил де он, Афонка, на Мезени в ссылке з братьями своими, с Ывашкою да с Пронкою, в одном доме. И по вашему, великих государей, указу велел я, холоп ваш, на Мезени в съезжей избе их, Ивашку да Пронку Авваку (л. 5) мовых, про побег брата их Афонки спросить.

А в роспросе они, Ивашка да Пронка, сказали: брат де их, Ивашкин да Пронкин, Афонка Аввакумов жил с ними, Ивашкою да Пронкою, в одном доме, а хлеб де ели поровнь, потому что де он, Афонка, с ними, Ивашкою да Пронкою, разделился. С Ывашкою разделился в прошлом во 187-м году, а с Пронкою разделился годы с три. И жил собою. И в нынешнем во 196-м году он, брат их Афонка, на кабаке пил и бражничал, и с Мезени бежал безвестно. А куда он, Афонка, бежал, того де они, Ивашка да Пронка, не ведают (л. 6) А они де, Ивашка да Пронка, ево, Афонки, никуды не отпущали и про побег ево, Афонкин, они, Ивашка да Пронка, не ведали.

И о том ево, Афонкине, побеге что вы, великие государи цари и великие князи Иоанн Алексеевич, Петр Алексеевич и великая государыня благоверная царевна и великая княжна София Алексеевна, всеа великия и малыя и белыя Росии самодержцы, укажете?

(л. 3 об.) 196-го марта в 15 день, государевы грамоты: велеть того Афоньку сыскивать.

(ЦГАДА, ф. 159 (Приказные дела новой разборки),
оп. 3, ед. хр. 3214).

ДЕЛО ПО ИЗВЕТУ ТЮРЕМНОГО ЦЕЛОВАЛЬНИКА Г. МЕЗЕНИ НА СЫНА
ПРОТОПОПА АВВАКУМА АФАНАСИЯ ЗА СЛОВА ОБ ОСКОРБЛЕНИИ
ГРОВНИЦЫ ЦАРЯ АЛЕКСЕЯ МИХАЙЛОВИЧА

(л. 3) 201 (оду) сентября в 20 день бил челом великим государем царем и великим князем Иоанну Алексеевичю, Петру Алексеевичю, всеа великия и малыя и белыя Росии самодержцем, а на Мезени в приказной избе столнику и воеводе Мине Петровичю Хомутову извещал словесно тюремной целовалник Афонка Анисимов. А сказал: сего де сентября в 20 день посажен в караулку бывшего протопопа Аввакума сын ево Афонка Аввакумов. И того ж де числа пришел х караулке брат ево, Афонкин, Пронка Аввакумов. И говорил ему, Афонке: для чего де ты у меня пищаль унес ис клетки? И он де, Афонка, учал ево, Пронку, бранить. И Пронка де пошел от караулки прочь. И после де того он, Афонка, говорит, что отец де ево, Афонкин, бывшей протопоп Аввакум, научал детей своих, Ивашка да Пронку Аввакумовых, блаженныя памяти великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича, всеа великия и малыя и белыя Росии самодержца, гробницу ево, великого государя, дехтем марать; да есть де письма Окладниковы слоботки у крестьянина у Петрушки Шолоха. А какие письма, того он, целовалник Афонка, не ведает, а ведает де про те письма он, Афонька Аввакумов. И бил челом великим государем он, целовалник Афонка, чтоб ево словесное челобитье и извет записан жыл.

(л. 3 об) [На обороте столбца:] К сему словесному извету по веленью тюремного целовалника Афонки Анисимова в его место Гришка Дружинин руку прило[жил].

(л. 1) [Начало утрачено из-за обрыва левого верхнего края столбца]. . . царем и великим . . . Алексеевичю Петру . . . вся великия и малыя и белыя Росии самодержцем холоп ваш Мина Хомутов челом бьет. В нынешнем, государи, в 201-м году сентября в 20 день на Мезени в Окладникове слободки посажен был за пьянство в караулю бывшего протопопа Аввакума сын Афонка. И того же числа бил челом вам, великим государем царем и великим князем Иоанну Алексеевичу, Петру Алексеевичу вся великия и малыя и белыя Росии самодержцем, а на Мезени в приказной избе мне, холопу вашему, извещал словесно тюремной целовалник Афонка Анисимов. А сказал: того ж де сентября 20-го числа пришел к караулю брат иво, Афонкин, Пронка Аввакумов и говорил ему, Афонке: для чего де ты у меня пищаль унес ис клетки. И он де, Афонка, учал ево, Пронку, бранить. И Пронка де от караули пошел прочь. И после того он, Афонка, на братьей своих, на Иваша и на него, Проньку, говорил ваше государственное дело.

И я, холоп ваш, ево, Афонку, в приказной избе перед собою велел распросить. А в роспросе, что он Афонка сказал, и те роспросные речи за ево, Афонкиною, (л. 2) рукою и целовалника Афонки Анисимова словесное челобитье и извет, запечатав в лист, послать к вам, великим государем, к Москве в нынешнем в 201-м году, ноября в 1 день кеврольские и мезенские приказные избы с подьячим с Михайлом Поповым. А отписку и роспросные речи и извет велеть подать и ему, подьячему, явитца в Новгородском приказе думному дьяку Емельяну Игнатьевичу Украинцову с товарищы. А Афонку Аввакумова до вашего, великих государей, указу велеть держать в тюрьме. И о том, что вы, великие государи цари и великие князи Иоани Алексеевич, Петр Алексеевич всеа великия и малыя и белыя Росии самодержцы, мне, холопу своему, укажете.

(л. 4) И сентября в 21 день на Мезени в приказной избе перед столником и воеводою, перед Миноем Петровичем Хомутовым, против словесного извету тюремного целовалника Афонки Анисимова Афонка Аввакумов роспрашиван.

А в роспросе он, Афонка, сказал: в нынешнем де в 201-м году сентября в 20 день посажен он, Афонка, по приказу столника и воеводы Мины Петровича Хомутова в караулю за пьянство. И в то же время пришел к караулю брат ево, Афонкин, Пронка Аввакумов и говорил ему, Афонке, он, Пронка: для чего де ты у меня пищаль взял. И он де, Афонка, с пьяна учал ево, Пронку, бранить. И он де, Пронка, от караули пошел прочь. И он де, Афонка, говорил, что отец де ево, Афонкин, бывшей протопоп Аввакум, велел блаженныя памяти великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа великия и малыя и белыя Росии самодержца гробницу ево, великого государя, детям своим, а ево, Афонкиным, братьям, Ивашке да Пронке Аввакумовым, дехтем марать. И то де он, Афонка, на братьей своих, на Ивашка да на Пронку, затеял напрасно, великим делом. А он де, Афонка, и братья ево, Ивашко да Пронька, по указу великих (л. 5) государей в то время были на Мезене, и Ивашко и Пронька сидели в тюрьме. А он де, Афонка, был на свободе, потому что родился на Мезене. А отец де их Аввакум в Пустозерском остроге, и меж де им в дальнем расстоянии. И в той де ево, Афонкине, вине волны великие государи.

А слышел де он, Афонка, от пустозерского стрелца от Лодьмы, а как ево зовут, того сказать не упомнит, как де он, Лодьма, ехал с Москвы и был на Мезени, и сказывал де он, Лодьма, ему Афонке, что де отец Афонкин Аввакум велел великого государя гробницу дехтем марать, за то де отец ево, Афонкин, и сожжен. А болши де того он, Афонка, про такое дело ни от кого не слышал и не знает. А что де он, Афонка, говорил про писма Окладниковы слободки у Петрушки Шолоха, и то де он сказывал, что была у него, Петрушки, книга Библия в закладе брата ево, Афонкина, Ивашка в семи рублех. А иных де писем он, Афонка, никаких не знает жил (так!).

Н. В. ШУХТИНА

Переработки «Вопроса и ответа» и «Послания к некоему боголюбцу» инока Авраамия в рукописях XVIII—XIX вв.

«Вопрос и ответ» и «Послание к некоему боголюбцу» инока Авраамия — известного публициста второй половины XVII в., духовного сына и последователя протопопа Аввакума — были опубликованы в конце XIX в. Е. Е. Замысловским и Н. И. Субботиным.¹ С тех пор они традиционно рассматривались исследователями как два самостоятельных произведения, не имеющих между собой никакой связи. В настоящее время на основании текстологического анализа 27 списков «Вопроса и ответа» и 38 списков «Послания к боголюбцу» удалось установить их тесную генетическую связь. Не имея возможности подробно рассмотреть в этой статье взаимоотношение списков и редакций названных сочинений, предложим лишь краткие выводы. История их написания представляется нам следующей.

Оба этих сочинения написаны иноком Авраамием в Москве на Мстиславском дворе (он был взят под стражу 8 февраля 1670 г.). Вероятно, сначала Авраамий пишет одному из своих адресатов послание, в котором отвечает на ранее полученные вопросы и сообщает о заключении его под стражу и об увещаниях его представителями официального духовенства. Этот текст (мы называем его текстом полной редакции «Послания к боголюбцу») не был известен Н. И. Субботину, до нашего времени он дошел только в 3 списках.² Возможно, адресатом Авраамия был сын протопопа Аввакума Иван Аввакумович, и через него текст попал к пустозерским узникам. О том, что именно эта редакция «Послания к боголюбцу» была известна протопопу Аввакуму, свидетельствует упоминание им в «Житии. . .» об аресте только одного Авраамия,³ что является основным отличием этого текста от текста «Вопроса и ответа», где Авраамий пишет об аресте вместе с ним и других старообрядцев.

Отправив своему адресату это послание, инок Авраамий по черновым записям к нему создает в публицистических целях два сочинения. Одно из них — «Вопрос и ответ», в котором автор рисует картину ареста его и других защитников старой веры из московской общины и в форме прения изображает допросы его «властями». Сочинение имеет цельную композицию, законченный самостоятельный характер. По тем же черновым записям инок Авраамий пишет текст краткой редакции «Послания к боголюбцу», который содержит только наставления единомышленникам.⁴

¹ См.: З а м ы с л о в с к и й Е. Е. Послание инока Авраамия страдальца к некоему боголюбцу // ЛЗАК. СПб., 1884. Т. 7, вып. 2. С. 11; С у б б о т и н Н. И. Материалы для истории раскола за первое время его существования. М., 1885. Т. 8. С. 386, 417.

² ГБЛ, ф. 310, № 518 (конец XVII в.); ГБЛ, ф. 218, № 1173 (конец XVIII в.); ЦГАДА, ф. 196, оп. 1, № 532 (конец XVIII в.).

³ См.: Памятники истории старообрядчества. XVII в. // РИБ. Л., 1927. Кн. 1, вып. 1. Стб. 204—205.

⁴ На наш взгляд, краткая редакция «Послания к боголюбцу» была составлена самим Авраамием, так как, во-первых, ни один из списков этой редакции в рукописной

Произведения инока Авраамия были очень популярны в старообрядческих кругах. Как свидетельствуют рукописи, они не только переписывались на протяжении трех веков, но и перерабатывались старообрядческими книжниками. Нам удалось выявить 7 списков поздних переработок всех трех текстов. Изучение типов и принципов переработок старообрядческих сочинений дает ценный материал для понимания процесса осмысления старообрядческими книжниками XVIII—XIX вв. наследия своих духовных наставников. Хотя тексты начальных старообрядцев чаще всего переписывались без изменений (они либо составляли отдельные сборники, либо включались в состав рукописей, где были подобраны выписки из различных книг, приводимые в защиту старой традиции), отдельные сочинения встречаются в различных по типу неавторских переработках.

7 известных нам списков переработок сочинений инока Авраамия можно разделить на 4 группы. Одна из них (БАН, Дружининское собр. (Др.) 197 (237) и ГБЛ, собр. Барсова (Бр.) 862) представляет собой переработку текста полной редакции «Послания к боголюбцу». Три другие группы (ГПБ, Q1—1229; ГБЛ, Бр. 983.1 и ИРЛИ, колл. Смирнова (См.) 6; БАН, Др. 978 (227) и ИРЛИ, Северодв. собр. 385) — тексты различных переработок «Вопроса и ответа». В сборниках Бр. 983.1. и См. 6 находится также переработка краткой редакции «Послания к боголюбцу».

Текст переработки полной редакции «Послания к боголюбцу» представлен двумя списками.

1. Рукопись Др. 197 (237) — сборник 90-х гг. XVIII в., очевидно, керженского происхождения; текст переработки находится на л. 111—133 об.⁵

2. Рукопись Бр. 862 — сборник середины XIX в.; текст переработки — на л. 86—126.

Оба этих списка передают идентичный текст, входящий в состав единого цикла произведений. Этот цикл содержит старообрядческую (керженскую) компиляцию из сочинений протопопа Аввакума, дьякона Федора, попа Лазаря, состоящую из 20 глав, под общим названием «Список 1 с писем страдальческих священнопротопопа Аввакума о исповедании православныя веры вкратце», а также «Сказание об Аввакуме, Лазаре и Епифании» дьякона Федора в переработке, полную редакцию «Послания к боголюбцу» инока Авраамия в переработке, послание дьякона Федора к Ивану Аввакумовичу и челобитную попа Лазаря патриарху Иоасафу. В Др. 197 (237) этот цикл входит в состав сборника, содержащего кроме него выписки из книги «Меч духовный», из Кормчей о крещении и др. Сопоставление текстов этих двух списков позволяет возвести их к общему источнику: возможно, Др. 197 (237) — протограф Бр. 862.

Особенности текста сочинения и всего цикла, в который оно входит, указывают на то, что это не авторская, а более поздняя переработка послания Авраамия. Она входит в цикл переработок сочинений начальных старообрядцев. Обращает на себя внимание общий для почти всех текстов цикла подзаголовок, помещенный либо в заглавии, либо в самом произведении: «О исповедании православной веры и о страдании». На полях обеих рукописей, а иногда и в самих текстах постоянно встречается помета «ниже», написанная в тех местах, где изменен авторский текст. Это тоже свидетельствует о вторичности текстов сборника.

традиции не обнаруживает связи со списками полной редакции «Послания к боголюбцу»; во-вторых, иноку Авраамии принадлежат еще два сочинения, текстуально близких краткой редакции, — «Послание к боярыне Морозовой» и «Послание к дочери Христовой». Кроме того, текстологические и стилистические различия в текстах этих двух редакций носят тот же характер, что и различия в текстах полной редакции «Послания к боголюбцу» и «Вопроса и ответа».

⁵ Описание рукописи см.: Бу б н о в Н. Ю. Сочинения писателей-старообрядцев XVII века // Описание Рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР. Л., 1984. Т. 7, вып. 1. С. 170.

Любопытно заметить, что в списках переработки встречаются искажения и ошибки, не отмеченные ни в одном из списков полной редакции «Послания к боголюбцу». Являются ли они ошибками протографа или внесены автором (или переписчиком) переработки, сказать трудно. Отметим, однако, что в цикле сочинений этих двух сборников находится послание дьякона Федора Ивану Аввакумовичу, которое сопровождает все списки полной редакции «Послания к боголюбцу».

То, что текст переработки создан, очевидно, на Керженце, еще раз, на наш взгляд, подтверждает предположение о знакомстве протопопа Аввакума именно с этой редакцией послания Авраамия. Известно, что у керженских старообрядцев сохранялись и переписывались материалы из архива пустозерских узников. О том, что эта редакция послания, попавшая в Пустозерск, не имела широкого распространения, свидетельствует и малое (по сравнению с двумя другими текстами) количество сохранившихся списков. Вероятно, из Пустозерска послание Авраамия попало на Керженец, где и было переработано.

Основное направление переработки — распространение цитат из священного писания и усиление таким способом аргументации инока Авраамия в прении с противниками. В то же время значительно сокращается событийная часть повествования. Этот принцип переработки характерен для всех сочинений цикла. Переработка текста таким образом существенно изменяет стиль Авраамия. Он становится исключительно книжным, из текста устраняются все элементы разговорного языка, сближающего оригинал с произведениями устных жанров. Сцена избиения Авраамия митрополитом Павлом значительно сокращена в переработке за счет снижения художественных образов, придающих этому эпизоду яркую ироническую окраску. Ср. например:

Субботин Н. И. Материалы ... С. 391.

БАН, Др., 197 (237),
л. 121.

Егда исповедал браду мою, начал десницею своею
по ланитом моим довольно мя благословляти, да и по носу
довольно мя благословил. . .

И бил по лицу и по
носу довольно. . .

В тексте переработки усиливается обличение патриарха Никона и сравнение его с антихристом: за счет вставки из Апокалипсиса значительно распространяется эпизод о стремлении антихриста уподобиться Христу (в том месте, где говорится о нововведениях Никона). В тех случаях, когда Авраамий заменяет имя «Никон» местоимениями, автор переработки вставляет на их место имя патриарха.

Таким образом, керженская переработка послания Авраамия направлена на усиление полемической стороны произведения.

Тексты переработок «Вопроса и ответа» можно разделить на три типа. Один из них находится в рукописи ГПБ, Q1—1229. Это сборная рукопись первой четверти XIX в. В ее состав входят различные выписки из книг священного писания, сочинения протопопа Аввакума, инока Авраамия, дьякона Федора, попа Лазаря, инока Епифания. Кроме того, здесь помещена компиляция из сочинений начальных старообрядцев и выписок из книг священного писания, в состав которой и входит фрагмент из «Вопроса и ответа», переданный несколько иначе, чем в авторском тексте.

Этот отрывок очень схематично, «протокольно» изображает ход первого допроса. Реплики Авраамия и его противников сжаты, лаконичны, вводятся словами: «вопрос», «ответ». Заканчивается фрагмент цитатой из поучения Василия Великого о крещении.

Компиляция, в состав которой входит отрывок, вероятно, позднего происхождения и представляет собой механическое соединение отдельных выписок из различных сочинений, объединенных только общей темой. Подобные компиляции довольно часто встречаются в старообрядческих сборниках, особенно поздних. Иногда фрагменты сочинений, включенные

в них, дословно передают авторский текст, иногда, как в нашем случае, имеют незначительные изменения. С литературной точки зрения подобные циклы, как и отдельные переработки их составных частей, особого интереса не представляют. Однако исследование таких подборок в целом может дать ценные сведения для определения круга чтения старообрядческих книжников. С другой стороны, для старообрядцев они являются своего рода справочниками, в которых можно найти ответ на определенные вопросы по тем или иным догматам и обрядам. Как правило, составитель компиляции, а затем и переписчики указывают на полях источники отдельных выписок.

Второй тип переработки «Вопроса и ответа» известен нам в двух списках.

1. Рукопись ГБЛ, Бр. 983. 1 — сборник середины XVIII в., текст переработки находится на л. 33—39.

2. Рукопись ИРЛИ, См. 6 — сборник начала XIX в., текст переработки — на л. 85 об.—94.

Подробный анализ текстов, находящихся в этих сборниках, и принципов переработки «Жития протопопа Аввакума», которые оказались общими для всех произведений в сборниках, сделан Н. С. Демковой.⁶ Сопоставление двух списков переработки «Вопроса и ответа» подтверждает вывод Н. С. Демковой о наличии для текстов сочинений этих сборников общего протографа. Списки «Вопроса и ответа» идентичны.

Текст «Вопроса и ответа», находящийся в этих сборниках, несомненно, является вторичным по отношению к своему источнику — тексту одной из групп списков «Вопроса и ответа». На это имеются указания автора переработки в самом тексте, а также в переработке краткой редакции «Послания к боголюбцу», вставленной в середину «Вопроса и ответа». Ее наличие не вызывает удивления. Общий источник сборников, содержащий список «Вопроса и ответа» данной группы, имел в своем составе и текст краткой редакции «Послания к боголюбцу».

Автор переработки опускает отдельные фрагменты «Вопроса и ответа», заменяя их указанием на содержание. Например: «Тут Авраамий от писания о кресте приводит. . .»,⁷ «Тут и Лаврентия Кореского со игуменом Илиею Богоявленским спор о исправлении книг приведен. . .».⁸ В отдельных местах текста реплики Авраамия прерываются словами «и прочее»; прямая речь часто передается косвенной. Иногда автор переработки вставляет свою фразу в реплику Авраамия. Например, текст Авраамия: «Аз же рек: не бранитца аз к вам зде приидох и довольно ми есть твоего благословения. . .» — дополнен автором переработки: «. . . и привел на убиение его правило. . .».⁹

Основные особенности текста переработки «Жития протопопа Аввакума», отмеченные Н. С. Демковой, характерны и для нашего текста. Это прежде всего отрывочность повествования, фрагментарное изложение именно событийной части сочинения Авраамия. Текст создает впечатление пересказа. По предположению Н. С. Демковой, целью создания переработок текстов в протографе этих сборников была попытка «восстановить текст книги, которая находилась когда-то в его (компилятора. — Н. Ш.) распоряжении и которую он неоднократно читал. . .».¹⁰ Возможно, тексты были записаны составителем такого сборника с устного пересказа сочинений. Во всяком случае, более вероятным кажется, что переработки были сделаны без непосредственного использования письменного текста.

Последний из известных нам типов переработки «Вопроса и ответа» также представлен двумя списками.

⁶ Демкова Н. С. Житие протопопа Аввакума: (Творческая история произведения). Л., 1974. С. 58—66.

⁷ ИРЛИ, колл. Смирнова, № 6, л. 87.

⁸ Там же, л. 92.

⁹ Там же, л. 89 об.

¹⁰ Демкова Н. С. Житие. . . С. 63.

1. Рукопись БАН, Др. 978 (227) — поморский сборник второй половины XIX в., текст переработки находится на л. 103—132.

2. Рукопись ИРЛИ, Северодв. 385 — сборник конца XIX в., текст переработки — на л. 271—291.

Оба этих списка передают подобный текст, входящий в единый цикл произведений: «Прение Арсения Суханова с греками о вере» в переработке, переработка «Истории о вере и челобитной о стрельцах» Саввы Романова и переработка «Вопроса и ответа» Авраамия. Др. 978 (227) содержит только эти три сочинения, в состав Северодв. 385 кроме них входят произведения выговских авторов, полемические послания филипповцев и федосеевцев.

Этот тип переработки представляет интерес как пример изменения жанра текста оригинала в поздней рукописной традиции. Если «Вопрос и ответ» — послание Авраамия единомышленникам, то это произведение — похвала иноку Авраамии, в которую включается описанное им прение.

Сочинение начинается с обширного, многословного вступления, по стилю напоминающего «Виноград Российский» Семена Денисова. Во вступлении говорится о необходимости знать и собирать сочинения начальных старообрядцев, чтобы их подвиг не был предан забвению: «Сего ради должны есмы словеса мудрых собирати, предварших страдальцев прения стяжати, мужества и подвигов о благоверии тех писаниями воспоминати. . .».¹¹ Далее развивается тема памяти об учителях и следует общая похвала наставникам и похвала иноку Авраамии. «Вопрос и ответ» Авраамия вводится следующими словами: «Его же вся сия дела и словеса усердно послушаем, яко же сам о себе к некоем пишет. . .».¹²

Это вступление уже само по себе является неопровержимым доказательством того, что перед нами не авторская редакция, а более поздняя переработка. Кроме того, доказательства вторичного происхождения имеются и в самом тексте: прямая речь часто заменяется косвенной, во многих случаях первое лицо заменено третьим («ки повелеша ему власти говорить. . .»¹³) и др.

Цели создать похвалу иноку Авраамии подчинены все элементы переработки. Полемическая часть — ответы Авраамия на вопросы противников — оставлена почти без изменений. Распространяются и детализируются событийные моменты повествования, особенно те, где речь идет о мучениях, которым подвергся инок Авраамий. Сцена избения его митрополитом Павлом совершенно лишена иронии, этот эпизод дополнен новыми художественными деталями с целью изобразить страдания автора: «И сие убо мое слов предложение не возмог Павел митрополит стерпети, но воста зело яро и приступив ко мне, ем мя левою рукою за брану толико крепко, яко и власам оныя от тела моего отторгати. . . Прочии же власти, зряше зверство сие . . . аки бы постыдитися. . .».¹⁴

Выше было сказано, что стиль этой переработки напоминает стиль выговских авторов. Возможно, она была сделана на Выге. За это говорит и состав Северодв. 385, отразивший, может быть, весь цикл сочинений, сопровождавших текст переработки, часть которого была утрачена Др. 978 (227).

Рассмотренные нами тексты показывают, что сочинения старообрядческих авторов второй половины XVII в. активно перерабатывались книжниками XVIII—XIX вв. Причем тип переработки зависел от цели ее создания. С одной стороны, публицистическая, полемическая задача — собрать аргументы для доказательства своих обрядово-догматических норм. С этой целью — увеличение аргументации автора, распространение цитат из священного писания, поучений отцов церкви, использованных им в пре-

¹¹ Др. 978 (227), л. 103 об.—104.

¹² Там же, л. 106 об.

¹³ Там же, л. 113.

¹⁴ Там же, л. 109—110.

нии, даже вставка цитат, на которые автор только указывает. С этой же целью — создание сборников-«справочников» по обрядово-догматическим нормам, в состав которых входят необходимые для доказательства фрагменты из книг священного писания и текстов начальных старообрядцев. С другой стороны, задача литературная. Создание произведения другого жанра требует внесения определенных изменений в имеющийся текст, который используется как источник для нового сочинения. Кроме того, один из рассмотренных случаев — тип своего рода «бессознательной» переработки, когда текст передается таким, каким он зафиксирован в памяти.

Таким образом, изучение поздних переработок необходимо для установления определенных этапов в творческом освоении книжниками XVIII—XIX вв. наследия писателей второй половины XVII в. В отдельных случаях поздние неавторские переработки даже дают материал для восстановления творческой истории авторского текста.

Е. М. ЮХИМЕНКО

Вновь найденные письма Семена Денисова

Разносторонность литературного дарования Семена Денисова проявилась прежде всего в том, что его перу оказались подвластны все жанры, культивировавшиеся в выговской литературной школе первой половины XVIII в., — слова, проповеди, послания, исторические и полемические сочинения, силлабические вирши.¹ Произведения этого выдающегося старообрядческого писателя послужили образцом для позднейших выговских книжников. Среди более чем 100 сочинений Семена Денисова послания составляют примерно треть (почти столько же им было написано и различных слов — торжественных, проповеднических, надгробных): 17 посланий было указано В. Г. Дружининым² и еще 15 выявлено в настоящее время. Расцвет эпистолярного жанра в творчестве Семена приходится на годы его заключения в новгородской тюрьме в 1713—1717 гг., где им было написано 15 посланий: 8 — к братии на Выг,³ 1 — еkkлeсиарху Петру Прокопьеву,⁴ 1 — сестре Соломонии Денисовой,⁵ 2 — «матке Марии с прочими инокинями»,⁶ 3 — новгородскому митрополиту Иову.⁷

¹ Краткие сведения о жизни и творчестве Семена Денисова и библиографию см.: Понырко Н. В. Семен Денисов Вторушин: (Исследовательские материалы для «Словаря книжников и книжности Древней Руси») // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 40. С. 155—156.

² Дружинин В. Г. Писания русских старообрядцев: Перечень списков, составленный по печатным описаниям рукописных собраний. СПб., 1912. С. 152—158, № 87—103. Под последним номером приводится послание, известное только по каталогу Павла Любопытного.

³ См.: Там же. С. 152—153, № 88—91. — 4 послания обнаружены нами в старообрядческих сборниках: 1) Превозжеланного боголюбезнаго собрания христианскаго благоревностнаго сословия . . . преподобным добродвижным отцем . . . о Христе Иусе радоватися (нач.: Жалость памяти дому божия снѣдает. . .) — ГБЛ, ф. 98 (собр. Е. Е. Егорова), № 1992, л. 121—121 об.; ф. 579 (собр. Братства св. Петра), № 17, л. 34—35; ф. 17 (собр. Е. В. Барсова), № 734, л. 323—324. 2) Честныя святыя и богоспасаемая киновия преподобнейшим благоговейным отцем . . . о Христе бозе радоватися (нач.: Великий славных тайн зритель и дивный желанья, целомудрия и правосудия образ. . .) — ГБЛ, ф. 98, № 1992, л. 275—277; ф. 579, № 17, л. 35—36; ф. 17, № 734, л. 328—330 об. 3) Всепреподобнейшаго и блажайшаго святособрания честнейшаго и краснейшаго общежительства блаженнейшим и преподобнейшим отцем и братии . . . о самом госпoде бозе всех радоватися (нач.: Егда любезнии и единоклещни друзов в далекий путь . . . отходят. . .) — ГБЛ, ф. 98, № 1992, л. 277 об.—279; ф. 579, № 17, л. 36—36 об., 30; ф. 17, № 734, л. 331—332 об. 4) Нач.: Егда убо восхоте премудрый нашего спасения строитель бог показати дивному оному юроду мируи. . . — ГБЛ, ф. 98, № 1992, л. 281—281 об.; ф. 579, № 17, л. 31—31 об.; ф. 17, № 734, л. 334 об.—335 об.

⁴ Пресладчайшему в молитвопредстояниих духовному брeцалу и частых слезотечении всекраснейшему источнику . . . честнейшему госпoдину П[етру] П[рокопьевичю], о госпoде бозе радоватися (нач.: Верховное предстояние апостолов горкаго плача рыданием трикратное отвержение исправи. . .) — ГБЛ, ф. 579, № 17, л. 33—33 об., 37.

⁵ Вселюбезней и прeжеланней единоклещней моей сестрице С[оломонии] Д[ионисьевне], о госпoде бозе радоватися (нач.: Печальное и многоскорбное твоея души и многоболезненное твоего сердца. . .) — ГБЛ, ф. 98, № 1992, л. 158 об.—160 об.; ф. 579, № 17, л. 26 об.—27 об.; ф. 17, № 734, л. 316 об.—318 об.

⁶ Дружинин В. Г. Писания. . . С. 157, № 95—96.

⁷ Там же. С. 153—157, № 92—94.

Среди эпистолярного наследия Семена выделяются 3 послания по уставным вопросам,⁸ имеющих скорее характер соборного определения и вошедших в состав Выговских чиновников, 4 — к высокопоставленным «благодетелям» Выга⁹ и 10 посланий — преимущественно к частным лицам.¹⁰

В рукописной старообрядческой традиции эпистолярное наследие Семена Денисова не было столь популярно, как его же «История о отцах и страдальцах соловецких» и «Виноград Российский», ставшие излюбленным чтением старообрядцев. Чаще других переписывались полемические послания повгородскому митрополиту Иову, излагавшие основы старообрядческого вероучения. Послания Семена на Выг из заточения воспринимались составителями сборников как единый комплекс, причем подобная рукописная традиция восходит к авторским выговским сборникам 10—20-х гг. XVIII в.¹¹ Каждое из остальных посланий известно в одном списке.

В эпистолярном жанре Семеном Денисовым воплощались принципы выговской литературной школы: стремление к витиеватости, стилистической изысканности, избытию риторических средств, своеобразное «плетение словес».¹² Исключение составляют 3 вновь открытых письма к Даниилу Матвееву — единственные, дошедшие до нас в своих автографах. В отличие от других посланий не предназначенные для широкого круга читателей, они поражают столь нехарактерной для этого выговского писателя простотой, лапидарностью и открыто выраженным человеческим чувством. Они ценны для нас также тем, что уточняют наши представления о Выговской пустыни и выговской литературе. Более того, послания Семена Денисова содержат уникальные сведения о работе древнерусского книжника (каковым по своей сути является старообрядческий автор) над лите-

⁸ Там же. С. 157, № 98—100.

⁹ 1) Пречестнейший и благороднейший господин Г., наш премилостивый государь (нач.: Велие есть благо, велие есть и изрядная славы лепота. . .) — ГБЛ, ф. 579, № 17, л. 39—40 об.; 2) Превосходительный господин Г., наш государь, да даст тебе господь бог, государю нашему, благополучну, всерадостну и всездравственну быти и быти (нач.: Аще убо всепрекрасный и многоцветный вертоград. . .) — там же, л. 40 об.—42; 3) Превосходительному и в премудрости цветущий господин, господин наш премудрейший государь (нач.: Многомилосерднейшее ваше всепремудрейшее господское благородие. . .) — там же, л. 42—43; 4) Пречестнейшему и многомилостивому нашему государю господину, в благополучном господствовании да даст господь бог всездравствену и радостну на премножайшая лета быти и быти (нач.: Како возможно не благодарити человеколюбныя добротворцы. . .) — там же, л. 44—44 об. О письмах Семена Денисова к Петру II и «великим господским лицам» упоминает выговский историк Иван Филиппов. (См.: Ф и л и п п о в И. История Выговской пустыни. СПб., 1862. С. 220).

¹⁰ Д р у ж и н и н В. Г. Писания. . . С. 152, № 87; С. 157, № 97; С. 158, № 101—102. Еще 6 посланий обнаружены нами: 1) Послание «церковному и всепустынному труднику С. И-чу» от 21 апреля 1729 г. (нач.: Жалостных случаев коль жалостна суть поведания. . .) — ГБЛ, ф. 98, № 1992, л. 137—140 об.; 2) Послание «благородным и боголюбивым и благотворительным господам И-м» (нач.: Елико убо чесно и похвально родителей чествование. . .) — ГБЛ, ф. 579, № 17, л. 44 об.—46; 3—5) Послания Даниилу Матвееву — ГБЛ, ф. 17, № 415.5; 6) Послание к Трифону Петрову перед смертью (нач.: Молим вседражайшую и сладчайшую твою отеческую любовь. . .) — БАН, собр. В. Г. Дружинина, № 340 (старый № 389), л. 70 об.—71 об. Об этом письме также упоминает Иван Филиппов. (См.: Ф и л и п п о в И. История Выговской пустыни. . . С. 471).

¹¹ ГБЛ, ф. 98, № 1992, л. 121—121 об., 152 об.—160 об., 267—271, 275—281 об. (переписаны Даниилом Видуловым); ГИМ, собр. Хлудова, 100 Д (старый № 273), л. 344—353. В XIX в. эта традиция представлена сборниками: ГБЛ, ф. 17, № 734; ф. 236 (собр. А. Н. Попова), № 213.

¹² Например, в послании С. И-чу, утешая адресата, перенесшего смерть отца, Семен пишет: «Жалостно и прежалостно есть твое многожалостное писание, многожалостным пером от прежалостна сердца всежалостне начертанное, на жалость и сожаление вся воздвигнути могущее» (ГБЛ, ф. 98, № 1992, л. 137).

ратурным текстом.¹³ Все эти обстоятельства позволили выбрать три коротких «грамотки» Семена в качестве предмета настоящей статьи.

Автографы писем Семена Денисова обнаружены в собрании Е. В. Барсова (ГБЛ, ф. 17, № 415.5). Как известно, Е. В. Барсов приступил к собирательской деятельности в 60-х гг. XIX в. во время преподавания в Олонецкой духовной семинарии,¹⁴ поэтому в его коллекцию попали не только рукописи выговского скриптория, но и часть материалов выговского архива.¹⁵ К ним относятся, очевидно, и объединенные под № 415 рукописи подобного происхождения: черновик поздравительного письма «благодетелю» Афанасию Ивановичу второй половины 40-х гг. XVIII в., написанный Алексеем Иродионовым (№ 415.2); письмо Анны Семеновны Мануилу Петрову в Петербург от 7 декабря 1752 г. по поводу завещания и наследства ее брата Федора Семенова,¹⁶ написанное березовским иконописцем Алексеем Гавриловым (№ 415.4); поздравительное послание выговскому настоятелю Андрею Борисову середины 80-х гг. XVIII в. (№ 415.3); помяник «за благочестие огнем скончавшихся» в Дорах, на Малинове ручье, «на часовенном», списанный Иваном Лукиным на Порме 12 июня 1811 г. (№ 415.6). Возможно, эти рукописи вместе с письмами Семена Денисова были вложены в рисованный настенный лист со «Стихом умиления» середины XIX в. (№ 415.1), имеющий следы сгибов четверо.

Послания Семена Денисова написаны на отдельных листах (1-е и 2-е — на двойных, 3-е — на одипарном) размером в 8°. Все они были сложены конвертом и имеют загибы по сгибам. Принадлежность их руке Семена не вызывает сомнения.¹⁷ Анализ бумаги, почерка и содержания писем свидетельствует о том, что друг от друга их отделяют незначительные временные промежутки.

В связи с отсутствием указания автора на время написания посланий вопрос их косвенной датировки приобретает особое значение. На л. 1—4 просматриваются фрагменты филигранный «Герб города Амстердама», на л. 5 — верхняя часть литер ИВ. Бумага л. 1—2 и 5 одинакова по фактуре (бумага л. 3—4 более плотная и желтоватого оттенка), линии вержеров и понтюзо совпадают, следовательно, можно предположить, что бумага 2-го и 3-го писем имеет филигрань «Герб города Амстердама», литеры ИВ.¹⁸ Однако датировка по бумаге (с учетом средних сроков ее залежности) в данном случае нам представляется не совсем точной. При том что в выговском скриптории бумага в основном действительно использовалась в пределах этих сроков — в течение 3—5 лет со времени ее изготовления, встречаются случаи гораздо большей ее залежности. Так, в авторском

¹³ Из-за отсутствия материалов для современных исследователей остается практически неизвестной творческая лаборатория древнерусских авторов. Об этом см.: Буланкин Д. М. О некоторых принципах работы древнерусских писателей // ТОДРЛ. Л., 1983. Т. 37. С. 3.

¹⁴ Рукописные собрания Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина: Указатель. М., 1986. Т. 1, вып. 2. С. 323—325.

¹⁵ ГБЛ, ф. 17, № 5: Ревизская сказка 1744—1745 гг. старообрядцев Выговского общезнательства с дополнениями 1747—1748 гг. Черновик (почерка Василия Данилова, Мануила Петрова, Дмитрия Ерофеева и др.); № 25: Ведомость старообрядцев Выгорецкого общезнательства в канцелярию Петровских заводов 1729 г. (сборопись Дмитрия Ерофеева); № 422.1: Копии доношений иеромонаха Неофита в канцелярию Петровских заводов 1726 г. (сборопись Ивана Филиппова); № 524: Сборник копий и выписок из различных указов и инструкций относительно старообрядцев (сборопись Дмитрия Ерофеева).

¹⁶ Григорий Яковлев называл Федора Семенова «первостатейным богачем». См.: Яковлев Г. Извещение праведное о расколе беспоповщины // Братское слово. 1888. № 9. С. 735.

¹⁷ Ср.: Дружинин В. Г. Несколько автографов писателей старообрядцев // ОЛДП. СПб., 1915. Т. 134. Табл. IX.

¹⁸ См.: Клепиков С. А. Бумага с филигранью «Герб города Амстердама» // Зап. Отдела рукописей ГБЛ. М., 1956. Вып. 20. С. 337, № 113 (1720 г.). Если допустить прочтение IR, то это существенно не изменит датировку бумаги. См.: Там же. С. 338, № 146 (1719, 1720 г.).

выговском сборнике 10—30-х гг. XVIII в. на листах бумаги с филигранью, датированной 1706 г., Даниилом Викуловым переписано «Послание на Ряпину мызу» Андрея Денисова 1716 г.¹⁹ В сборнике Заволоко наставление «постникам» на Чаженге (л. 210—220 об., скоропись Семена Денисова) написано на бумаге с водяными знаками 1719—1720 и 1730 гг.²⁰ В этой же рукописи на л. 228—230, имеющих филигрань, по рисунку и литерному сопровождению идентичную водяному знаку бумаги рассматриваемых писем, помещено написанное Семеном «Общесоветное установление в Каргополь на Чаженскую службу старице Фотинии с сестрами», которое предписывает: «Вся же да соблюдают, яже прежде писанием от блаженный памяти А[ндрея] Д[ионисьеви]ча и ныне от Данила Викулича написана»,²¹ что позволяет датировать «установление» 1730—1733 гг.²² и относить к этому времени использование Семеном Денисовым бумаги с филигранью «Герб города Амстердама», литеры ИВ.

Существует ряд других соображений, подтверждающих предположение о датировке новонайденных писем Семена Денисова Даниилу Матвееву первой половиной 30-х гг. XVIII в.

1-е письмо, содержащее наставления должностным лицам Выговской пустыни, подчинявшимся лишь выговскому собору и настоятелю — уставщику, городничему, казначею и единственному в то время в Выговском Богоявленском общежительстве монаху, отправлявшему богослужение, — могло быть написано Семеном скорее всего после 1730 г., когда он после смерти Андрея сменил брата на посту настоятеля. В начале 30-х гг. XVIII в. особенно остро стоял вопрос о сохранении основ пустынного жития, заложенных Петром Прокопьевым, Даниилом Викуловым, Андреем Денисовым. Автор «Жития Симеона Дионисьевича» в главе «О правительстве богомудраго Симеона, о тщании и о подвигах его» замечает, что Семен в это время, «усердствовал же о церковном благочинии, о пении и чтении и молчании», написал многочисленные послания «по всем службам» о соблюдении уставов.²³ В этот период возросший объем хозяйства и начавшийся процесс отступления от строгих норм первых десятилетий существования пустыни требовали создания более развернутой правовой системы, регламентирующей жизнь Выга. Семеном Денисовым в начале 30-х гг. XVIII в. был создан целый комплекс уставов (в том числе установления келарю, казначею, наряднику и городничему), дошедший до нас в автографе в составе сборника Заволоко.²⁴ Особое внимание новый настоятель обращал на благочиние церковной службы, на соблюдение выговцами порядка как в общественных местах, так и у себя в келье. 1-е письмо также целиком посвящено именно этой проблеме: чтобы «говори, шепотов, кощунств и смеху» отнюдь не было.

Трудно предположить, чтобы такая исключительная забота о соблюдении устава проявлялась в 20-х гг. XVIII в. (не говоря уже о более раннем времени) — периоде расцвета настоятельской деятельности Андрея. С другой стороны, в 20-х гг., как удалось установить, в мужском общежительстве отсутствовали многие из упоминаемых в посланиях выговцев.

¹⁹ ГБЛ, ф. 98, № 1992, л. 283—292. Филигрань: «Герб города Амстердама», литеры VD. См.: Там же. С. 345, № 271 (1706 г.).

²⁰ См.: П о н ы р к о Н. В., Б у д а р а г и н В. П. Автографы выговских писателей // Древнерусская книжность: По материалам Пушкинского Дома. Л., 1985. С. 198—199.

²¹ ИРЛИ, Древлехранилище, собр. И. Н. Заволоко, № 3, л. 228 об.

²² Андрей Денисов умер 1 марта 1730 г., Даниил Викулов — 12 октября 1733 г.

²³ ГБЛ, ф. 17, № 64, л. 42—47 об. См. также: Я к о в л е в Г. Извещение праведное. . . № 6. С. 404.

²⁴ ИРЛИ, Древлехранилище, собр. И. Н. Заволоко, № 3, л. 135—189, 194—220 об., 228—240. Постатейное описание сборника см.: П о н ы р к о Н. В., Б у д а р а г и н В. П. Автографы выговских писателей. . . С. 193—200. См. также: К у а н д ы к о в Л. К. Рукопись № 3 из собрания И. Н. Заволоко в Древлехранилище Пушкинского Дома // Сибирское источниковедение и археография. Новосибирск, 1980. С. 121—135.

Так, по ревизской сказке 1720 г. числились живущими на реке Чаженге в Каргопольском уезде Михаил Федоров, Даниил Матвеев²⁵ и Никифор Семенов,²⁶ по доношению 1721 г. в Шелтопорожском скиту жил Конон Семенов,²⁷ в 1724 г. к Петровским заводам был приписан Андрей Федоров.²⁸ Бывший в начале 20-х гг. настоятелем на Чаженге,²⁹ Никифор Семенов через некоторое время уехал в Сибирь к брату Гавриилу, служившему у Акифия Демидова. 16 июня 1729 г. Никифору был выдан в Тобольской губернской канцелярии прочетный указ, обеспечивавший демидовскому приказчику безопасный проезд до Кольванских медных заводов.³⁰ Не было Никифора Семенова в Выговской пустыни и в начале 1730 г., поскольку сохранился черновик письма к нему Даниила Матвеева от 8 марта 1730 г. с сообщением о смерти Андрея Денисова.³¹ Однако Никифор Семенов недолго пробыл в Сибири; как утверждает Григорий Яковлев, ему «не повезло там у господина Демидова».³² Выговский историк Иван Филиппов говорит об этом эпизоде несколько подробнее и относит возвращение Никифора на Выг до смерти Даниила Викулова, т. е. до 1733 г.³³ Более того, 6 колоколов, отлитых на демидовских заводах «оных дву братьев Гавриила и Никифора тцанием», привез на Выг в марте 1733 г. один только Гаврил.³⁴

Новонайденные послания Семена Денисова не могли быть написаны во второй половине 30-х гг. XVIII в.: во время работы комиссии Квашнина-Самарина по доносу Ивана Круглого 1738 г. в Выговской пустыни отсутствовали Конон Семенов,³⁵ старец Феодосий,³⁶ Ипат Ефремов,³⁷ Трифон Петров;³⁸ упоминаемый в 1-м письме Иван Июдин (по прозвищу Ухан) умер в 1737 г.;³⁹ на допросах в комиссии в 1739 г. выговцы показывали о Трифоне Петрове, что он «вышел из монастыря тому годов з пять»,⁴⁰ т. е. около 1734 г. Иван Круглый на допросе 10 июля 1738 г. также утверждал, что Трифон Петров выселился из мужского общежития «лет пять тому назад в Корельской бор».⁴¹

Таким образом, содержание писем позволяет их датировать 1730—1734 гг. Однако трудно сказать, написаны были они до или после смерти не упоминаемого Семеном выговского киновиарха Даниила Викулова. Известно, что тот в последние годы жить предпочитал на Лексе⁴² (откуда и писались Семеном письма). Вероятно, этим обстоятельством вызвано то, что уставные статьи 1732 г., строго ограничивавшие

²⁵ ГБЛ, ф. 17, № 5: Ревизская сказка 1744—1745 гг. с дополнениями 1747—1748 гг., л. 3 об.

²⁶ Там же, л. 41.

²⁷ Там же, л. 7 об.

²⁸ Там же, л. 11 об.

²⁹ См.: Яковлев Г. Извещение праведное. . . № 6. С. 409.

³⁰ ГБЛ, ф. 17, № 432: Прочетный указ приказчику А. Демидова Никифору Семенову от 16 июня 1729 г., л. 1—1 об.

³¹ ГПБ, Q. XVII. 200, л. 186—186 об.

³² Яковлев Г. Извещение праведное. . . № 6. С. 410.

³³ Филиппов И. История Выговской пустыни. . . С. 248—249.

³⁴ Там же. С. 249. Этот факт подтверждается и другими источниками. См.: Яковлев Г. Извещение праведное. . . № 6. С. 408; Выгорецкий летописец // Братское слово. 1888. № 10. С. 797; Дополнение Выгорецкой истории — ГБЛ, ф. 17, № 171, л. 71.

³⁵ Филиппов И. История Выговской пустыни. . . С. 396, 397.

³⁶ ГПБ, O. XVII. 48, л. 323 об. (Краткие летописные заметки о первых расколотых учителях и отцах Выговской пустыни).

³⁷ Яковлев Г. Извещение праведное. . . № 7. С. 469.

³⁸ Там же. № 6. С. 406; ГБЛ, ф. 17, № 171, л. 62 об. (Дополнение Выгорецкой истории).

³⁹ ГБЛ, ф. 17, № 5, л. 5; ф. 98, № 900, л. 9 об. (Выговский синодик).

⁴⁰ Филиппов И. История Выговской пустыни. . . С. 393—394.

⁴¹ Описание документов и дел, хранящихся в архиве Синода. Пг., 1915. Т. 18 (1738 г.). Стб. 495.

⁴² См.: Яковлев Г. Извещение праведное. . . № 6. С. 399.

общение даже духовных отцов с «постниками», делали исключение лишь для Даниила Викулова «за крайнее старости и немощи дряхлое».⁴³

Все три письма были адресованы Даниилу Матвееву в мужской Бого-явленский монастырь из женской Крестовоздвиженской обители. Особо следует оговорить последовательность писем, поскольку, как представляется, она не совпадает с проставленной карандашом нумерацией листов. Очевидно, что 1-е послание было написано вскоре по выезде с Выга («Понеже на поезде Ивана Июдина не видех. . .»⁴⁴) и многочисленные наставления должностным лицам вызваны заботой о сохранении порядка в отсутствие настоятеля. Это письмо по бумаге и чернилам (бледно-коричневого цвета) отличается от двух других. 2-е и 3-е послания перекликаются между собой («Понеже приходит ныне вещь наших трудов до каргополских пределов. . .» — л. 1; «Аще о каргополских страдалцах совершил еси. . .» — л. 5), заканчиваются передачей приветов одним и тем же лицам. Написаны оба последних письма на одинаковой бумаге, чернила 2-го письма черные, 3-го — несколько бледнее, коричневого оттенка.

Рукою Семена Денисова написан адрес на 2-м послании: «Во обществстве Д[аниилу] М[атфеевичю]» (л. 2 об.); когда письмо было сложено конвертом, по стыку отправитель написал: «Заклеено» (л. 2 об.). На двух других письмах имя адресата («Даниилу Матфеевичю» — л. 4 об., 5 об.) написано почерком П (анонимным) из сборника Заволоко.⁴⁵

Новонайденные послания Семена Денисова представляют значительный интерес как живое свидетельство о жизни Выговской пустыни 30-х гг. XVIII в., о ее проблемах, о людях, ее населявших. К Даниилу Матвееву (ок. 1689—26 марта 1776) — «другу и брату», ученику Андрея и Семена, иконошисцу, книжнику, писателю, члену выговского собора — обращены просьбы Семена Денисова надсматривать за соблюдением устава и порядка в мужском общежитии. В своих посланиях выговский настоятель упоминает как хорошо известных в истории Выга людей — Трифона Петрова, занявшего после смерти Петра Прокошьева пост экклезиарха,⁴⁶ Никифора Семенова,⁴⁷ Ипата Ефремова,⁴⁸ старца Феодосия,⁴⁹ — так и тех, о ком наши сведения достаточно скудны. Уставщик, «читающий в часовне по книгам»,⁵⁰ Иван Июдин (1693—1737) лишь однажды упоминается Иваном Филиппо-

⁴³ ИРЛИ, Древлекранилище, собр. И. Н. Заволоко, № 3, л. 123—126 об.

⁴⁴ ГБЛ, ф. 17, № 415.5, л. 3. — Далее указания на листы писем Семена Денисова даются в тексте.

⁴⁵ Воспроизведение этого почерка см.: П о н ы р к о Н. В., Б у д а р а г и н В. П. Автографы выговских писателей. . . С. 181. — Весьма характерное написание Д (с перекрестной вертикальной линией и завитками в нижней части — л. 5 об.) в почерке П встречается чрезвычайно редко; нам удалось обнаружить лишь еще один такой же начерк, совпадающий, однако, с имеющимся на обороте письма Семена Денисова в мельчайших подробностях (см.: Владимиро-Суздальский музей-заповедник, В 5636/357: Виноград Российский, л. 110 об.).

⁴⁶ См.: П о н ы р к о Н. В. Трифон Петров: (Исследовательские материалы для «Словаря книжников и книжности Древней Руси») // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 40. С. 165—167.

⁴⁷ О Никифоре Семенове см.: Ф и л и п п о в И. История Выговской пустыни. . . С. 94, 153, 168, 216, 248—249, 461, 471—472; Я к о в л е в Г. Извещение праведное. . . № 5. С. 325; № 6. С. 409—410; № 8. С. 655; № 9. С. 732—733; Летописные заметки — ГПБ, Q. XVII. 201, л. 24; Надгробное слово Никифору Семенову — ГБЛ, ф. 17, № 473, л. 6 об.—10 об.

⁴⁸ Ипат Ефремов, неоднократно бывавший старостой на Выгу, жил в Сергиевом скиту, который находился по дороге из Данилова на Лексу. О нем см.: Ф и л и п п о в И. История Выговской пустыни. . . С. 383, 448, 451, 462; Я к о в л е в Г. Извещение праведное. . . № 5. С. 326; № 6. С. 399; № 7. С. 469, 473, 484; № 9. С. 735.

⁴⁹ Старец Феодосий (в миру Филарет) пришел на Выг из Москвы в конце XVII в. Будучи одним из немногих в пустыни монахов, перекрещивал, исповедовал и причащал. Вследствие чего во время работы комиссии по доносу Круглого вынужден был скрываться. Умер на Чаженге 16 мая 1743 г. О нем см.: Ф и л и п п о в И. История Выговской пустыни. . . С. 258, 335—337, 383, 394, 419, 427, 434; Я к о в л е в Г. Извещение праведное. . . № 4. С. 248—249; № 5. С. 324.

⁵⁰ Описание документов и дел, хранящихся в архиве Синода. Пг., 1915. Т. 18 (1738 г.). Стб. 495.

вым.⁵¹ Об Андрее Федорове (1692—1783) мы знаем главным образом со слов Григория Яковлева: «Келейник и ключник Мануила Петрова и всей книжной казны ведатель, с ним и живет в келии».⁵² Сначала крылошанин, потом уставщик,⁵³ Андрей Федоров является представителем второго поколения выговцев. Его ровесник Михаил Федоров, по свидетельству того же Григория Яковлева, был казначеем также в 1748 г.⁵⁴ Конон Семенов, «пономарь и ключарь часовенной»,⁵⁵ пребывал в этой должности около 30 лет.⁵⁶ Инициалы «А. Л.» встречаются также в большинстве посланий Семена Денисова из новгородского заключения 1713—1717 гг. Вероятно, Семен имеет в виду того же человека, что и Леонтий Федосеев в своем письме на Выг от 25 августа 1714 г., которое среди других адресовано «А. Л., доброгласну певцу и изуграфу честному»,⁵⁷ т. е. иконописцу Афанасию Леонтьеву, архангелогородцу, пришедшему на Выг в начале XVIII в. после скитаний в нижегородских пустынях.⁵⁸ В 1748 г. его уже не было в живых.⁵⁹

Наиболее интересный материал по вопросу организации внутренней жизни пустыни дает 1-е письмо, подтверждающее, что выполнение строгих уставных требований являлось предметом особой и постоянной заботы выговского настоятеля. Любопытен тот факт, что, по-видимому, Даниил Матвеев пользовался особым доверием Семена Денисова, который в свое отсутствие оставлял его исполняющим настоятельские обязанности. Это подтверждает сообщение Г. Яковлева о существовании между Семеном и экклезиархом Трифоном Петровым «междоусобной распри и вражды над некими уставленными житейскими и церковными».⁶⁰

2-е послание Семена Денисова затрагивает больной для Выговского общежития 20—30-х гг. XVIII в. вопрос о новоженстве. Известный приговор 3 января 1725 г. о новоженах был направлен как на ограничение этого прискорбного для Выга с его идеалом девственного жития явления, так и на изоляцию новоженов от прочих выговцев.⁶¹ Как показывал в 1737 г. в Петербургском духовном правлении Мануил Петров, «те женившиеся живут хотя и под их (выговцев. — Е. Ю.) ведомством, но или в волостях между прочими крестьяны, или одаль того их выгорецкого жилища».⁶² Можно предположить, что Иван Кириллов, упоминаемый во 2-м письме в этой связи, — это сын Кирилла Емельянова, пришедшего на Выг с семьей около 1696 г.⁶³ и с 1706 г. (до смерти в 1740 г.) бывшего нарядником и казначеем на Лексе.⁶⁴ Вероятно, Иван именно тот его сын, который, как говорит Иван Филиппов, жил «на Суземки».⁶⁵ Возможно,

⁵¹ Филиппов И. История Выговской пустыни. . . С. 112.

⁵² Яковлев Г. Извещение праведное. . . № 9. С. 732.

⁵³ В 1779 г. к нему обращался за разъяснениями по ряду догматических вопросов некто Иван Н., которого поразила «в толикой глубокой и древней старости крепость разума его» («Епистолия» Ивана Н. Андрею Борисову от 20 декабря 1779 г. — ГБЛ, ф. 98, № 1360, л. 141).

⁵⁴ Яковлев Г. Извещение праведное. . . № 9. С. 734.

⁵⁵ Там же. С. 734.

⁵⁶ Он упоминается еще в завещании Петра Прокопьева 1719 г.: «Конону пономарю малой мой обиходничек» (БАН, собр. Дружинина, № 8 (старый № 20), л. 197).

⁵⁷ ГБЛ, ф. 98, № 1992, л. 271 об.

⁵⁸ См.: Филиппов И. История Выговской пустыни. . . С. 322—323.

⁵⁹ См.: Яковлев Г. Извещение праведное. . . № 7. С. 478.

⁶⁰ Там же. № 6. С. 406.

⁶¹ Изд.: Смирнов П. С. Споры и разделения в русском расколе в первой четверти XVIII в. СПб., 1909. С. 0118—0119.

⁶² Показания Мануила Петрова, данные им в Петербургском духовном правлении 1737 г. марта 7 после его задержания по распоряжению Синода (ГБЛ, ф. 17, № 430, л. 3 об.).

⁶³ См. показания его брата Ивана: В е р ю ж с к и й В. Выговская пустынь в первые годы существования: (Грамота холмогорского архиепископа Афанасия на имя царя) // Христ. чт. 1904. Т. 207, ч. 2. С. 748.

⁶⁴ См.: Филиппов И. История Выговской пустыни. . . С. 318.

⁶⁵ Там же. С. 318.

через отца он «молил» отслужить по его прошению молебн.⁶⁶ Так как статьи 1725 г. запрещали приобщать новоженев на моление, Ивану Кириллову не разрешено «в черной стояти» (л. 1 об.). Данное место в послании Семена представляется не вполне ясным. Возможно лишь предположение, что, по всей вероятности, имеется в виду внутреннее помещение часовни. По-видимому, в 30-х гг. XVIII в. новоженам еще не разрешалось молиться в часовне вместе со всеми, стоя «особливо в своем притворе или за завесою»,⁶⁷ как это было введено позже.

Особая ценность новонайденных посланий Семена Денисова заключается в том, что они проливают свет на творческую историю одного из центральных произведений этого выговского автора — «Виноград Российский». До сих пор нельзя было считать окончательно решенной одну из ключевых проблем, возникающих при изучении этого произведения, — проблему его источников. Впервые на нее обратил внимание Макарий (Булгаков), считавший, что рассказы соловецких выходцев, «страшно искаженные и преувеличенные, с течением времени еще более исказившиеся в устах народа», составили основу сборника.⁶⁸ Д. В. Островский, напротив, указывал на двоякий характер источников «Винограда Российского»: «устные предания о первых расколоучителях и мучениках раскола» и письменные памятники.⁶⁹

Действительно, основой ряда глав «Винограда» послужили произведения ранней старообрядческой традиции: Житие протопopa Аввакума, (редакция А), «Прение с Афанасием, митрополитом Иконийским», «Сказание об Аввакуме, Лазаре и Епифании» и «Послание из Пустозерска к сыну Максиму и прочим сродникам и братьям по вере» дьякона Федора, «Сказка попа Лазаря», «Вопрос и ответ старца Авраамия», «Повесть о боярыне Морозовой» и др. Особый интерес в «Винограде» представляют главы, посвященные распространению раскола во Владимире, Вязниках, в новгородско-псковских пределах и в Поморье; для этих глав характерно преобладание устных источников.⁷⁰ Видимо, Семеном была использована часть того материала, который он по просьбе Петра Прокопьева собирал вместе с Андреем в своих поездках по разным городам России для создания старообрядческих Четких Миней.⁷¹

2-е и 3-е письма, посвященные созданию старообрядческого мариолога, дают основания полагать, что в основе «Винограда Российского» лежал старообрядческий синодик («у Ипата о псковских по синодику выспросив. . .» — л. 5), дополненный устными преданиями и, возможно, воспоминаниями очевидцев. Исследователь данного памятника А. Н. Пыпин указывал на существование подробных местных синодиков, основные сведения из которых заносились в общий старообрядческий синодик в едином центре — Выговской пустыни.⁷² Структура «Винограда» повторяет после-

⁶⁶ Молебен «за всяко прошение» служили в Выговской пустыни по субботам. См.: Устав: Круг вселетнаго богослужения Поморского Выгорецкого монастыря. Саратов, 1913. Л. 19.

⁶⁷ См.: «О новоженевшихся соборное приказание» от 12 января 1777 г. — ГБЛ, ф. 17, № 383, л. 224; ГИМ, собр. Хлудова, № 311: Сборник сочинений Павла Любопытного, л. 9 об.

⁶⁸ Макарий (Булгаков). История русского раскола, известного под именем старообрядства. СПб., 1855. С. 251.

⁶⁹ Островский Д. (В.) Выговская пустынь и ее значение в истории старообрядческого раскола. Петрозаводск, 1914. С. 84.

⁷⁰ Работа по выявлению источников «Винограда Российского» проделана нами, но пока не опубликована.

⁷¹ См.: Филиппов И. История Выговской пустыни. . . С. 157.

⁷² Пыпин А. Н. Сводный старообрядческий синодик // ОЛДП. СПб., 1883. Т. 44. С. 42—44. — Вероятно, к одному из таких подробных местных синодиков восходит Федосеевский синодик конца XVIII—начала XIX в. (ГИМ, Шукшинское собр., № 150), включающий более подробные сведения о старообрядцах, сообщающий о месте и времени их «страдания за веру». Помеченные здесь сведения о новгородско-псковских старообрядцах совпадают со сведениями «Винограда».

довательность статей синодика, тем не менее полного совпадения в именах «скончавшихся благочестия ради» нет, хотя большинство героев произведения Семена Денисова в синодике упомянуты. Возможно, в мартиролог попали те старообрядцы, сведения о которых, почерпнутые из синодика, могли быть дополнены на основании устных источников — воспоминаний или местных преданий, сообщенных уроженцами тех же мест. Не случайно с просьбой напомнить «страсти действия . . . и знаменитая случаи» каргопольских страдальцев Семен Денисов обращается к каргопольцу Даниилу Матвееву,⁷³ дополнить сведения синодика о псковских старообрядцах просит псковитянина Ипата Ефремова.⁷⁴

Полученные подобным образом материалы для включения их в единое по замыслу и стилю произведение должны были подвергнуться обработке. О тщательной работе Семена Денисова над текстом сборника свидетельствует самый ранний список «Винограда Российского», датируемый серединой 30-х гг. XVIII в.,⁷⁵ т. е. современный рассматриваемым посланиям Семена. Этот список, выполненный тем же неизвестным выговским писцом, рукою которого надписан адрес на 1-м и 3-м письмах, зафиксировал авторскую работу над текстом: вставку и распространение ряда эпизодов, стилистическую правку, сознательную графическую архаизацию, лексические замены. Однако эта правка касается только начальных глав; остальные, в том числе и о псковских страдальцах, вероятно, подвергшиеся правке ранее, в этом списке уже переписаны набело.

Послания Семена Денисова Даниилу Матвееву подтверждают предложенную нами датировку архетипа 1-й редакции «Винограда Российского» 1730—1733 гг.⁷⁶ Алексей Иродионов, ученик и келейник Семена, утверждал, что оба исторических сочинения его учителя — «История о отцах и страдальцах соловецких» и «Виноград Российский» — были написаны почти одновременно в период 1717—1722 гг., когда Семен после побега из новгородской тюрьмы «несколько лет сидел в келии на затворе» в Выговской пустыни,⁷⁷ т. е. до Поморских ответов. Видимо, в данном случае Алексеем Иродионовым была допущена неточность, объясняющаяся тем, что келейником Семена он стал лишь в 1737 г. и свидетелем написания этих сочинений не был.⁷⁸ Не касаясь вопроса о времени написания «Истории о отцах и страдальцах соловецких», относительно «Винограда» следует заметить, что, во-первых, в самом тексте произведения есть ссылка на Поморские ответы 1722 г.,⁷⁹ во-вторых, дважды упоминаемый в «Истории Выговской пустыни», созданной в 30-х гг. XVIII в.,⁸⁰ «Виноград» по отношению к «Истории о отцах и страдальцах соловецких» и Поморским ответам назван «новой историей».⁸¹

Рассматриваемые послания открывают еще одну любопытную страницу в творческой истории старообрядческого мартиролога: «Виноград» писался

⁷³ См.: Яковлев Г. Извещенье праведное. . . № 6. С. 411; Краткие летописные заметки — ГПБ, Q. XVII. 201, л. 24; Выписки из допросов выгорецких пустынножителей комиссией Квашнина-Самарина // Есипов Г. Раскольничьи дела XVIII столетия. СПб., 1861. Т. 1. С. 551.

⁷⁴ Описание документов и дел, хранящихся в архиве Синода. СПб., 1883. Т. 6. Стб. 390; 1902. Т. 12. Стб. 639.

⁷⁵ ГБЛ, ф. 17, № 351, л. 87—353. Список содержит первую половину глав «Винограда» до главы о Калининке Вышневолоцком включительно. Анализ этого списка см.: Юхименко Е. М. «Виноград Российский» Семена Денисова: (Текстологический анализ) // Древнерусская литература: Источниковедение. Л., 1985. С. 252—254.

⁷⁶ См.: Юхименко Е. М. «Виноград Российский» Семена Денисова. С. 251—252.

⁷⁷ Иродионов А. Сочинения о расколе // Братское слово. 1884. № 7. С. 353; 1890. № 6. С. 431.

⁷⁸ Там же. № 7. С. 347—349.

⁷⁹ ГБЛ, ф. 17, № 351, л. 110 об.

⁸⁰ См.: Александр Б(ровкович). Описание некоторых сочинений, написанных русскими раскольниками в пользу раскола. СПб., 1861. Ч. 1. С. 204.

⁸¹ Филиппов И. История Выговской пустыни. . . С. 18, 26.

на Лексе; возможно, лексинские «грамотницы» принимали участие в создании первых его списков, лежащих в основе обширной рукописной традиции этого произведения. Лексинские «грамотницы» были высококвалифицированными «писицами». Петр Прокопьев доверял им участие в составлении старообрядческих Четвйх Миней.⁸² Особую заботу о них проявляли выговские настоятели: после пожара 15 мая 1727 г. уже через два года на Лексе трудами Андрея Денисова была отстроена «грамотная келья»;⁸³ в 1733 г. тицанием Семена поставили новую большую келью для «грамотниц» на коровьем дворе.⁸⁴

Новонайденные письма Семена Денисова дают ключ и к пониманию дальнейшей истории текста «Винограда». Поскольку автор привлекал к подготовительному этапу создания произведения определенный круг людей, то итог его работы, видимо, воспринимался в какой-то мере как результат коллективного творчества. Это обстоятельство, а также открытая структура произведения способствовали, с одной стороны, внесению в авторский текст ряда добавлений, а с другой — присоединению к «Винограду» в качестве дополнительных глав близких по жанру произведений.

Внесение дополнений в сам текст зафиксировал список «Винограда» из собрания Владимирско-Суздальского музея-заповедника (В 5636/357).⁸⁵ Эта рукопись середины 30-х гг. XVIII в. выполнена несколькими выговскими почерками, в том числе уже упоминавшимся почерком II (анонимным) (им переписана первая половина глав) и скорописью Алексея Иродионова (заключительные главы). Правка, содержащаяся в рукописи из собрания Барсова (ГБЛ, ф. 17, № 351), внесена полностью. Позднее, в 1746 г., к авторскому тексту был сделан ряд дополнений, и что самое примечательное, не кем иным, как адресатом рассматриваемых писем Семена Денисова — Даниилом Матвеевым. Его рукою на л. 274 об. дописано свидетельство «прошедшаго 1745 месяца маяя» очевидцев нетления тела Иоанна Иулианина Каргопольского. Им же вписаны вирши, завершающие главы об иноке Трифилии, Козме Прокушеве, Мартине и Мавре, Евдокиме и Григории Чарандских. Козмой Ивановым были дописаны вирши к главе о Симеоне, воине Саратовском (л. 117 об.).⁸⁶ Таким образом, данный список вносит ясность в проблему происхождения и авторства виршевых вставок к «Винограду», поднятую Дж. Салливаном и Ч. Дрейджером в 1968 г. при публикации вирш.⁸⁷

Еще одно дополнение, внесенное Даниилом Матвеевым, касается фактической стороны повествования: при сообщении о месте казни Киприана юродивого указывается не Пустозерск, как у Семена Денисова, а село Ижма на Печоре.⁸⁸ Даниил Матвеев записывает также устное предание о проречении Киприана Елагину, своему будущему мучителю: «Глаголют о Елагине и сие. Яко прежде сего случая за много лет блаженный Киприян в Москве сущь, прият от некоего боголюбива купчины однорятку с богатым убором, с нашивками златыми и пугвицы, ю же влацащ в торгу за ру-

⁸² Там же. С. 157.

⁸³ Там же. С. 207. — В этой связи представляется не совсем точным отнесение Павлом Любопытным времени создания «Винограда» к 1727 г. в его «Хронологическом ядре староверческой церкви», написанном в Петербурге в 1822 г. (ГБЛ, ф. 98, № 1765, л. 188).

⁸⁴ См.: Филиппов И. История Выговской пустыни. . . С. 247—248.

⁸⁵ Пользуюсь случаем принести искреннюю благодарность Н. В. Шухтиной за указание на данную рукопись.

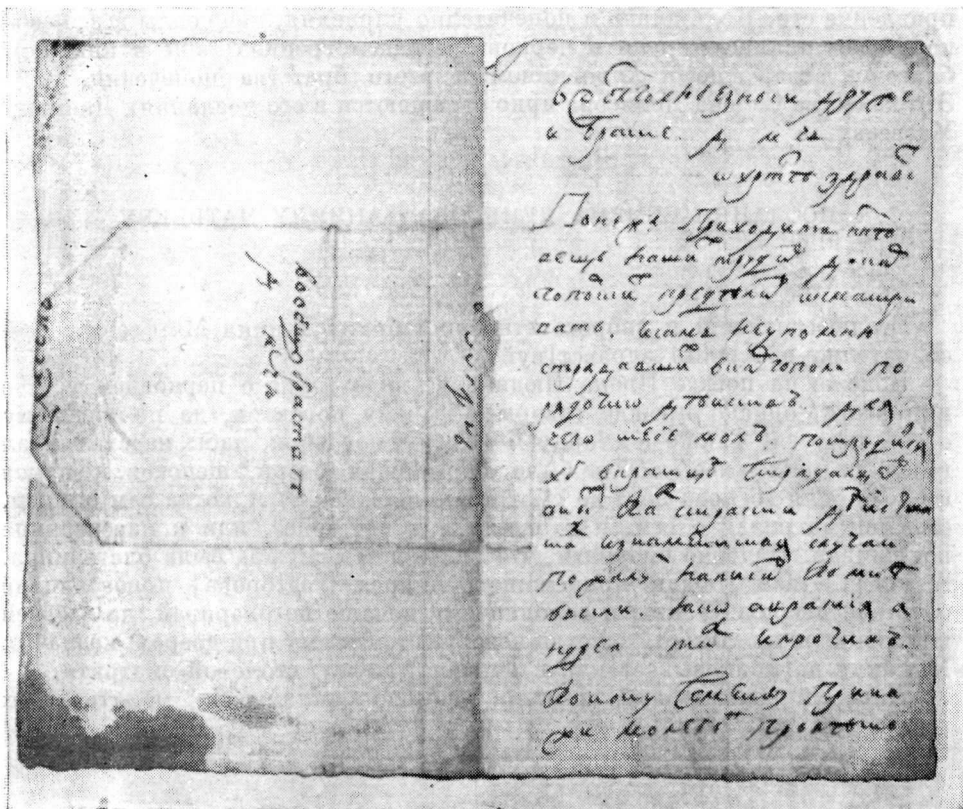
⁸⁶ Почерк иконописца Козмы Иванова, манерой письма и начерками многих букв очень напоминающий скоропись Семена Денисова, устанавливается по автографу его письма Василию Данилову Шапошникову от 26 декабря 1757 г. (ГБЛ, ф. 17, № 597, л. 50 об.).

⁸⁷ Sullivan J., Drage C. L., Poems in an Unpublished Manuscript of the Vinograd rossiiskii // Oxford Slavonic Papers: New Series. Oxford, 1968. Vol. 1. P. 32.

⁸⁸ Эта версия подтверждается и местными преданиями, которые слышал С. В. Максимов в середине XIX в. См.: Максимов С. В. Собр. соч. СПб., 1896. Т. 10: Год на Севере. С. 60.

кавы, аки юродствуя, вручи дворянину сему Ялагину, глаголя: „Возми однорятку сию, за ню же заплатиши мне в Пустозере и на Ижме, когда будем тамо“.⁸⁹

Видимо, именно выговская традиция лежала в основе тенденции к привнесению новых глав в состав «Винограда». В качестве литературного «конвоя» этого произведения в рукописных сборниках XVIII—XIX вв. наиболее часто переписывались «История о отцах и страдальцах соловецких», «Повесть о житии и подвизех и страдании раба божия Мемнона»,

Послание (2-е) Семена Денисова Даниилу Матвееву. ГБЛ, ф. 17, № 415.5, л. 1, 2 об. (20.8×16.6 см).

«Ино преславно поведание о отце Трифилии»,⁹⁰ «О страдальцах Мезенских», Житие Корнилия Выговского. Однако встречаются и нетрадиционные дополнения. Так, в сборнике середины XVIII в. (ГБЛ, ф. 138, № 65) «Виноград» завершают небольшие повествования о некоем Василии, пострадавшем в Петербурге при Екатерине I; о Симеоне, дважды подвергавшемся допросам в Синоде; о соловецком крестьянине Пафнутии. В основе этих дополнений лежит рассказ Якова Матвеева Кокина («О Си-

⁸⁹ Владимиро-Суздальский музей-заповедник. В 5636/357, л. 115а—115а об.

⁹⁰ Обнаружение чернового автографа данного произведения, принадлежащего перу Даниила Матвеева (ГБЛ, ф. 17, № 388, л. 53—53 об.), дает основания говорить о создании «Поведания» непосредственно как дополнения к «Винограду». Поскольку Даниил Матвеев был хорошо знаком с историей написания «Винограда» и сам помогал Семену в сборании материала, то одно место из «Поведания» представляет особый интерес: призыв прочесть «самый оный плач отеческий (имеется в виду глава об иноке Трифилии из «Винограда»). — Е. Ю.), в самое оно страдания его время ревнительно братиею описанный» (Там же, л. 53).

меоне поведатой же Ияков Кокин. . .»⁹¹) — жителя Шелтопорожского скита, неоднократно упоминаемого Иваном Филипповым в «Истории Выговской пустыни» в связи с событиями конца 30-х—начала 40-х гг. XVIII в.⁹²

В трех коротких письмах Семена Денисова предстает перед нами незаурядная личность руководителя крупнейшего в России старообрядческого центра, неутомимого труженика, широко образованного человека, писателя. Позднейший выговский книжник так вспоминал о Семене: «Не без удивления вспомнито десятилетное и седми месяц настоятелское правление его. Коль дивно и попечително управляя, паче силы везде себе понуждая являшеса: аще в церковных надсмотрениих, аще в книжном благоискустве, аще в киновином и всего братства попечении. . .»⁹³ Эти качества Семена Денисова ярко отражаются в его посланиях Даниилу Матвееву.

ПОСЛАНИЯ СЕМЕНА ДЕНИСОВА ДАНИИЛУ МАТВЕЕВУ

[1]

а. 3 Вселюбезнейший и добросоветнейший брате Даниил Матфеевич, все-спасително о Христе здравст[вуй].

Понеже на поезде Ивана Июдина не видех, еже о церковнем уставе приказати, однако прежде говорих. Ты ему поговори, да по-прежнему о нем печется. Также и старцу Феодосию поговори, дабы надсматривал в церкви прилежнее, чтоб не было у крылошан говори,^а шепотов, кошунов
а. 3 об. и смеху, для господа бога да смотрит прилежнее. // А когда сам стоиши, сам надсматривай о сем, и к часам, и к веч[ерне], или к павечернице похаживай. Надобно смотрити, чтоб церковная служба была благочинна. А когда Иван Июдин принеможет, Андрея Фед[орова] приставливай о уставе пецися. Также и городничему почаще поговаривай, да о своем печется деле прилежно. А когда недосуг стоити ему при дверех, казначию
а. 4 Михаилу да приказывает как в церкви, так и // столовой смотрити.

Писавый непотребный грешник любезно покланяюся,^б молитв твоих прося.

[2]

а. 1 Всеблаглюбезный друже и брате Д[аниил] М[атфееви]ч, о Христе здравст[вуй].

Понеже приходит ныне вещь наших трудов до каргополских пределов осматривать и сам не упомню страдавших в Каргополи порядочно действ, для чего тебе молю потрудится хоть вкратце страдалцев оных как страсти действия, так и знаменитая случаи пожалуй, написав, ко мне высли, яко Аврамия, Андреа, так и прочих.

а. 1 об. Конону Семенову прикажи молебен пропеть, // Иван Кирилов молил. Токмо самому в черной стояти не можно для новоженства. Разве после в часовню помолитися пустите. О сем Т[рифону] П[етрови]чю донесите и как лучши устройте.

Писавый многогрешник, вселюб[езный] поклон Т[рифону] П[етрови]чю, прелюб[езный] пок[лон] и Н[икифору] С[емени]чю, всежелательно здрав[ствовати] желая, многолюб[езно] клан[яюся].

^а Испр.; в ркп. гошори. ^б Испр.; в ркп. покласяюся.

⁹¹ ГБЛ, ф. 138 (Костромское собр.), № 65, л. 295.

⁹² Ф и л и п о в И. История Выговской пустыни. . . С. 383, 405, 415, 458. См. также: Выписки из допросов выгорецких пустынножителей. . . С. 551.

⁹³ Слово надгробное Симеону Дионисьевичу. 1740, ноября 5 (Д р у ж и н и н В. Г. Писания. . . С. 160, № 115) — ГБЛ, ф. 236 (собр. А. Н. Попова), № 207, л. 70 об.—71.

[3]

Прелюбезный и всеблагосоветный брате Данил Матфеевич, о Христе .л. 5
здравствуй.

Аще о каргополских страдал[цех] совершил еси, благоволи к нам нэ
Лексу побывать. Завтро бы приехал и, едущи, у Ипата о псковских по
сиеодику выспросив, сколко знает, написал бы, дабы хотя нечто о стра-
давш[их] во Пскове написати.

При сем непотребный грешник любезно покланяюся.

Триф[ону] П[етрови]чю и Н[икифору] С[еменови]чю люб[езный]
пок[лон], А[фанасию] Л[еонтьеви]чю пок[лон] люб[езный].

(ГБЛ, ф. 17, № 415.5, л. 1—5)

А. В. ЧЕРНЕЦОВ

Древнейшие события русской истории на миниатюрах XVI в.

Изображения древнейших событий русской истории на миниатюрах Радзивилловской летописи¹ представляют собой уникальную серию композиций. Рядом с ними в древнерусском искусстве можно поставить лишь гораздо менее представительные материалы — миниатюры к житию Бориса и Глеба и клейма житийных икон этих святых.² В посвященных русской истории томах грандиозной энциклопедии исторических знаний XVI в. — Лицевого летописного свода,³ с его исключительным обилием миниатюр — древнейшая история Руси, как известно, не отражена. «Русские» тома свода открываются событиями 1114 г. (вояжением Владимира Мономаха в Киеве);⁴ том, посвященный более раннему времени, до нас не дошел.

Характеризуя содержание миниатюр Свода, исследователи обычно ограничиваются констатацией этого факта и упускают из вида то, что отдельные события древнейшей истории Руси IX—начала X в. все же отразились на миниатюрах Свода, но в томах, посвященных не русской, а всемирной истории, где они иллюстрируют русские дополнения к переводным хронографическим текстам. Эти миниатюры находятся в хранящемся в ГПБ Хронографическом томе Лицевого летописного свода (F IV, 151).⁵ Они посвящены легендарным походам на Царьград Аскольда, Дира и Олега.

Два эпизода, связываемые с походами Аскольда и Дира, находятся в рукописи на л. 967—969 и 1046 об.—1049 об.; эпизод с походом Олега — на л. 1085—1091. Всего древнейшим событиям русской истории в Хронографическом томе посвящено 25 миниатюр.

¹ Радзивилловская, или Кенигсбергская, летопись: Фотомеханическое воспроизведение рукописи. СПб., 1902. Т. 1. Л. 3—74. См. также: Арциховский А. В. Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944. С. 4—40; Подобедова О. И. Миниатюры русских исторических рукописей: К истории русского лицевого летописания. М., 1965. С. 49—101.

² См.: Арциховский А. В. Древнерусские миниатюры. . . С. 157—176; Лихачев Н. П. Лицевое житие святых благоверных князей Бориса и Глеба по рукописи XV в. СПб., 1907; Смирнова Э. С. Отражение литературных произведений о Борисе и Глебе в древнерусской станковой живописи // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 15.

³ См.: Пресняков А. Е. Московская историческая энциклопедия XVI в. // ИОРЯС. Т. 5, кн. 3, 1900; Арциховский А. В. Древнерусские миниатюры. . . С. 41—154; Подобедова О. И. Миниатюры русских исторических рукописей. С. 102—314.

⁴ См.: Подобедова О. И. Миниатюры русских исторических рукописей. С. 108.

⁵ О миниатюрах этого тома см.: Буслеев Ф. И. Соч. СПб., 1910. Т. 2. С. 307—309, рис. 53—56; Чернецов А. В. 1) Об одном русском изображении Юстиниана I (XVI в.) // Сов. славяноведение. 1984. № 6. С. 79—93; 2) Иллюстрация к Шестокрылу и вопрос об отреченных изображениях в Древней Руси // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 38. С. 237—239, рис. 3—6.

Эти уникальные серии миниатюр представляют исторический интерес в двух аспектах. Прежде всего, поскольку Лицевой летописный свод — это произведение придворных книжников и миниатюристов, а его миниатюры являются одним из наиболее ярких отражений монархической идеологии в древнерусском искусстве, интересны особенности отражения на миниатюрах представлений о власти древнейших языческих правителей Руси. Кроме того, значительный исторический (и психологический) интерес, который представляет сложное, двойственное отношение к конфликтам языческой Руси и христианской Византии, бытовавшее в средние века на Руси и засвидетельствованное целым рядом письменных памятников, заставляет внимательно отнестись к одному из немногих случаев отражения этих событий в изобразительном искусстве. Особую ценность рассматриваемым материалам придает та исключительная (можно даже сказать, предельная) насыщенность рукописи, в том числе ее рассматриваемых разделов, миниатюрами, которая характерна для всех томов Лицевого летописного свода.

Переходим к конкретному рассмотрению миниатюр Хронографического тома Лицевого летописного свода, посвященных древнейшим событиям русской истории.

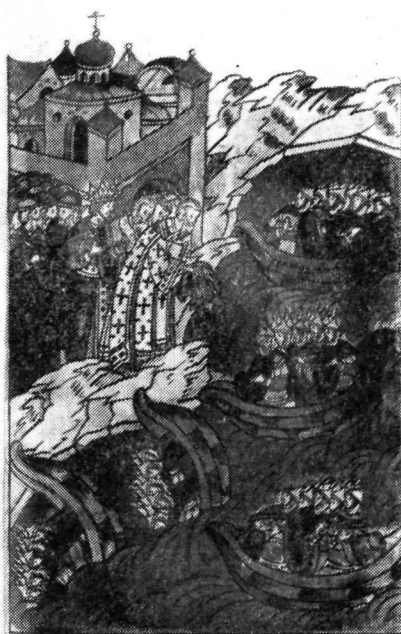
Первый эпизод.⁶

Миниатюра 1 (л. 967). Патриарх дает знать императору о том, что на Царьград пришли русы под предводительством Аскольда и Дира. Город представлен в виде крепости у моря; у его стен три ладьи с воинами. Среди них выделяются два персонажа в полусферических шапках с отворотами (князья). От города удаляется небольшая группа конных вестников; ниже уже спешившиеся вестники предостоят у реки императору, едущему во главе конного войска. В городе виден собор (св. Софии), фигура патриарха, воины.

Миниатюра 2 (л. 967 об.). Русы под стенами Царьграда. Ладьи с воинами изображены как в открытом море, так и в заливе под стенами города. На суше у стен Царьграда группа пеших воинов избивает мирных жителей. В городе представлен патриарх, окруженный клиром и воинами.

Миниатюра 3 (л. 968). Возвращение императора с войском в Царьград. Моление царя с вельможами и патриарха с клиром перед иконой Богородицы во Влахернском храме. Сбоку море, в котором видны ладьи русов.

Миниатюра 4 (л. 968 об.). Объяснение названия Влахернского храма. Повторена сцена моления в храме перед иконой. Справа внизу на фоне гор лежащая фигура с отрубленной головой — убитый здесь скифский князь Влахерн. Он одет в плащ, на голове полусферическая шапка с отворотами.

Тамъ же въ новгородѣ зветъ де сестрѣ
 Леонидъ зветъ де иерархъ да море
 шло чинише . тиншии бо шаш . и мо
 рюу кроутии шибел . а се бо у раи
 три ладвѣта . и поидиши до зои
 гшии де заетъ . съ божны роукиаодл
 аозидати си съ роукиаодл и зетъ .

Миниатюра 5 (л. 969). Чудесное потопление флота русов.

⁶ ПСРЛ. СПб., 1911. Т. 22. С. 348; 1862. Т. 9. С. 9.

Миниатюра 5 (л. 969). Патриарх Фотий на фоне города погружает ризу Богородицы в море. За ним клир, император, вельможи. В море представлены ладьи русов. Две из пяти тонут — изображены вверх кормой. В двух

«Возбранной воеводе». Прорись клейма иконы Симона Ушакова «Благовещение с акафистом в клеймах».

других воины представлены оглядывающимися и испуганно жестикулирующими. В третьей ладье воины наблюдают за действиями патриарха.

Чудо с потоплением флота русов в 860 г. относится к числу наиболее прославленных и почитаемых церковью. По-видимому, именно с ним связано установление праздника Похвалы Богородицы, его же нередко считают тем событием, в память которого был составлен Акафист Божией

матери, в частности кондак «Возбранной воеводе». ⁷ Именно композиция с потоплением флота «варваров» и омочением в море рызы, близкая рассматриваемой миниатюре, использовалась в XVII в. для иллюстрирования кондака «Возбранной воеводе». Так, в частности, представлен этот кондак на иконе Симона Ушакова «Благовещение» с акафистом в клеймах. ⁸

Второй эпизод («О князи рустем»). ⁹

Миниатюра 6 (л. 1046 об.). Войско русов выступает в поход. Во главе конного войска изображены два князя в полусферических шапках с отворотами. Один из них с бородкой, второй безбородый (на миниатюрах к первому эпизоду оба князя с бородами). «Страна римлянка» представлена в виде трех условных городков на фоне гор и деревьев. У стен одного города жестикулирующие жители.

Миниатюра 7 (л. 1047). Чудесное заступничество, останавливающее русское войско. Конное войско изображено дважды. Вверху приближающиеся к Царьграду князья и воины смотрят на небесное знамение. «Вышний промысл», который «возбрани» русам идти на Царьград, представлен в виде условного сегмента неба с лучами, устремленными в сторону войска. Внизу войско возвращается. Едущие впереди князья оглядываются на воцнов.

Миниатюра 8 (л. 1047 об.). Византийское конное войско, «воинствующее» против агарян и манихеев (павликиан). Неприятели представлены невооруженными, жестикулирующими на фоне двух городов. Во главе войска император.

Миниатюра 9 (л. 1048). Мир между Византией и русами. Перед сидящим на престоле императором группа русов в полусферических шапках. Позади императора изображены византийские вельможи в таких же шапках. Византийский император и его приближенные представлены на фоне палат.

Миниатюра 10 (л. 1048 об.). Русы испрашивают у императора архиерея. Вверху между императором и русами представлен архиерей. Внизу он же изображен повторно на фоне палат с евангелием в руках. Перед ним русы, на этот раз с непокрытыми головами.

Миниатюра 11 (л. 1049). Беседа архиерея с русами. Русы с обнаженными головами изображены на фоне гор, архиерей с евангелием в руках стоит на фоне палат, на подножии.

Любопытно, что у епископа на данной миниатюре старинными чернилами подрисован высунутый язык. Эта деталь едва ли связана с позднейшим временем, когда рукопись представляла для ее владельцев и хранителей огромную антикварную ценность. Высунутый язык, по-видимому, пририсован ребенком. Отметим, что детские рисунки и пририсовки в древнерусских лицевых рукописях известны. Это ряд рисунков и пририсовок в рукописи тверского Амэртола. ¹⁰ Рядом с некоторыми из них читается начало азбуки, очевидно, книга использовалась в процессе обучения. Уродливая фигура, по-видимому, также пририсованная ребенком, встречена и на одной из миниатюр Радзивилловской летописи. ¹¹ Очевидно, в высших слоях древнерусского общества лицевые исторические рукописи

⁷ См.: Пападопуло-Керамевс А. Акафист Божией матери. Русь и патриарх Фотий // ВВ. СПб., 1903. Т. 10, отд. 1. С. 357—401.

⁸ См.: Алпатов М. В. Русское искусство с древнейших времен до начала XVIII в. М., 1955. Ил. 170 (Всеобщая история искусств; Т. 3).

⁹ ПСРЛ. Т. 22. С. 352, 353; Т. 9. С. 13. О. В. Творогов любезно сообщил автору данные о происхождении этой хронографической статьи. Она восходит через посредство «Паралипомена» к хронике Зонары, где рассказывается о событиях времени императора Михаила III (поход русов) и Василия Македонянина (крещение). Имена Аскольда и Дира привнесены в этот текст русскими книжниками.

¹⁰ Отдел рукописей ГБЛ, ф. 173, № 100, л. 158 об., 160 об., 187, 247, 255 об., 257, 264, 268, 269, 270 об., 271 об., 272.

¹¹ Радзивилловская, или Кенигсбергская, летопись. . . Л. 43 об.

использовались при обучении детей. Кто-то из них и выразил свое легкомысленное отношение к одной из первых попыток насаждения на Руси христианства.

Миниатюра 12 (л. 1049 об.). Крещение русов. В верхней части представлено известное чудо с евангелием, вверженным в огонь. На фоне палаты изображен молящийся епископ с воздетыми руками, перед ним огонь,

Миниатюра 11 (л. 1049). Архидиакон проповедует русам.

Миниатюра 12 (л. 1049 об.). Чудесное обращение и крещение русов.

в котором лежит евангелие. Справа группа жестикулирующих русов с непокрытыми головами, смотрящих на чудо. Вверху условный сегмент неба (которое на миниатюрах свода не изображалось, если текст не содержал специальных упоминаний о нем или указаний на божественное вмешательство). Внизу обнаженные до пояса русы в набедренных повязках стоят по пояс в озере, окаймленном горками. Слева благословляющий русов епископ с собором (виден дьякон с орарем на плече).

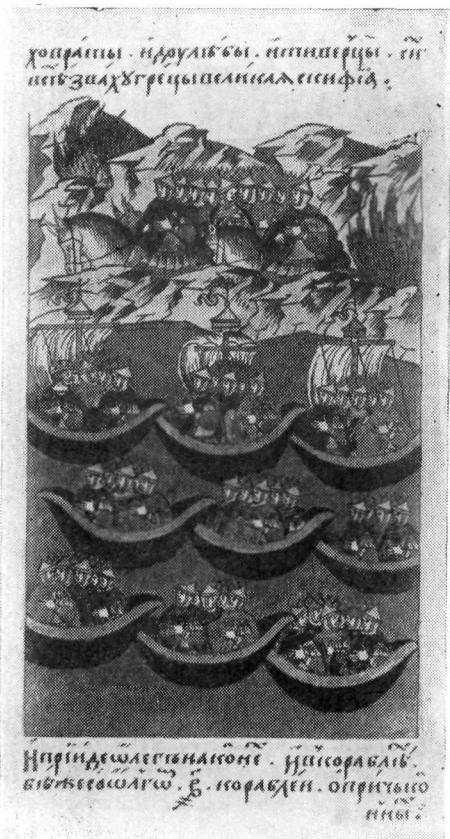
Чудо с вверженным в огонь евангелием можно видеть также на миниатюре рубежа XVII—XVIII вв. «Истории Сибирской» С. У. Ремизова, где оно является частью символической композиции. В качестве свидетеля чуда вопреки традиционной хронологии изображен Владимир Святославич.¹²

Третий эпизод («О войне Олгове на Царьград»)¹³

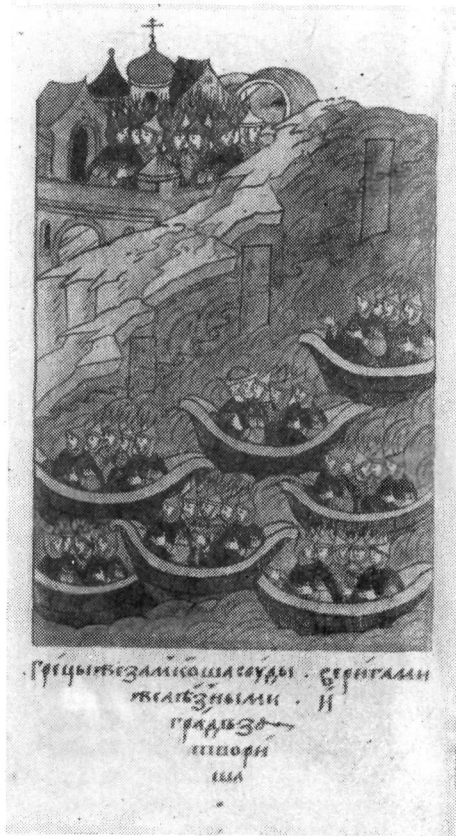
¹² См.: Алексеев В. Н. Рисунки «Истории Сибирской» С. У. Ремизова: (Проблемы атрибуции) // Древнерусское искусство: Рукописная книга. М., 1974. Сб. 2. С. 182.

¹³ ПСРЛ. Т. 22. С. 354; Т. 9. С. 18, 19.

Миниатюра 13 (л. 1085). Выступление войска в поход. Возглавляющий конное войско Олег представлен в полусферической шапке без опушки, с дуговым орнаментом. Войнство Олега состоит из групп всадников, что, по-видимому, отражает упоминание о различных племенах, из которых оно состояло. Над войском отделинный от него горками Киев. В Киеве представлен Игорь, окруженный боярами. На нем такой же головной

Миниатюра 14 (л. 1085 об.). Войско Олега.

Миниатюра 15 (л. 1086). Флот Олега под стенами Царьграда.

убор, как и на Олеге. Оба князя изображены с небольшими бородами. В левом верхнем углу представлен византийский император Лев на фоне города. Он безбородый, в городчатом венце с заостренными зубцами.

Миниатюра 14 (л. 1085 об.). Войско Олега. В верхней части изображено конное войско, движущееся между горами, средняя и нижняя части миниатюры заняты изображением моря и девяти ладей с воинами (три ряда по три ладьи). В верхнем ряду ладьи представлены под парусами, в нижних — без них. В верхней передней ладье изображен Олег.

Миниатюра 15 (л. 1086). Ладьи Олега под стенами Царьграда. В верхнем левом углу представлены воины в городе. Вдоль берега моря установлены столбы с цепями из S-образных звеньев. В море 7 ладей с русскими воинами. Олег изображен в полусферической шапке с отворотами.

Миниатюра 16 (л. 1086 об.). Поставление кораблей на колеса. В нижней части миниатюры виден берег моря. Вверху на фоне горок Олег перед группой воинов, перед ним ладьи, установленные на колеса. Ниже воины с топорами делают колеса.

Миниатюра 17 (л. 1087). Русы в ладьях под парусами подъезжают к городу. В верхней ладье изображен Олег в полусферической шапке

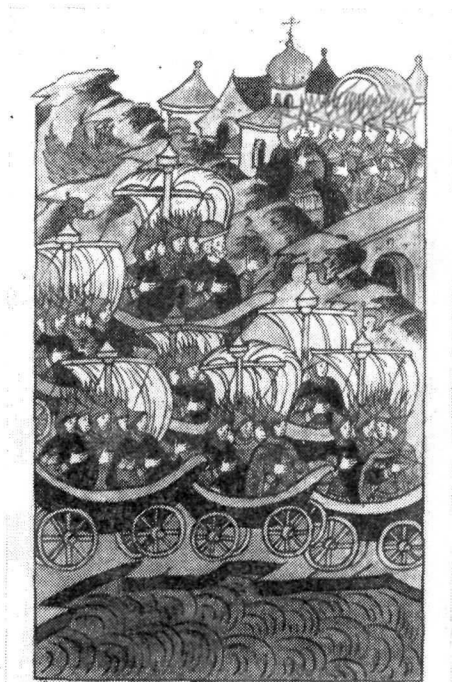
с отворотами. В верхнем правом углу представлен город и в нем испуганно жестикулирующие воины.

Миниатюра 18 (л. 1087 об.). Греческие послы ведут переговоры с Олегом. Композиция близка миниатюре 17, но перед ладьей с Олегом представлены жестикулирующие послы, а в городе вместо воинов изображены невооруженные люди.

Олегъ же въиждена берегъ . и поведе
иосмь рѣкъ ии колеса . и на ии погд
и и корасла .

Миниатюра 16 (л. 1086 об.). Поставленые корабли на колеса.

и пошеваръ и рѣкъ ии корасла . и на ии погд
и и корасла . и пошеваръ и рѣкъ ии корасла .
и пошеваръ и рѣкъ ии корасла . и пошеваръ и рѣкъ ии корасла .

Миниатюра 17 (л. 1087). Русы приступают в ладьях ко граду.

Миниатюра 19 (л. 1088). Мирные переговоры Олега с греками. Олег сидит на престоле в шатре. Позади воины. Перед шатром группа греческих послов. Справа вверху Царьград, в котором виден император, окруженный вельможами. В нижней части миниатюры пять условных изображений городов на фоне гор. Это русские города, для которых Олегом бралась дань с греков. Число пять соответствует названным в тексте городам (Киев, Чернигов, Полоцк, Ростов, Любеч).

Миниатюра 20 (л. 1088 об.). Попытка греков отравить Олега. Композиция подобна предыдущей (без изображения городов в нижней части). Греческие послы несут Олегу вино в фигурном кубке с крышкой и «брашно» в мисах.

Миниатюра 21 (л. 1089). Олег берет дань из расчета на число воинов в 2000 ладей. Композиция подобна предыдущей. В нижней части представлено море с семью ладьями, в которых находятся воины. Олег рукой указывает грекам на свой флот.

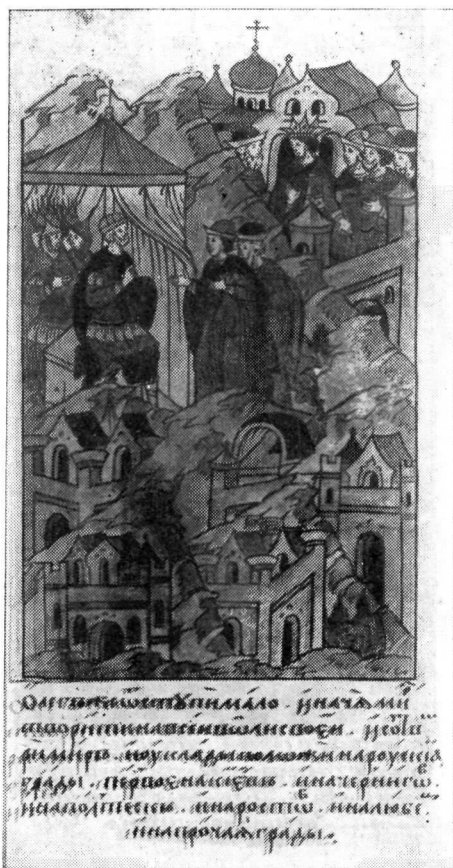
Миниатюра 22 (л. 1089 об.). Олег договаривается об условиях содержания в Константинополе русских купцов. Композиция подобна преды-

дущим. Олег указывает рукой на изображенный в правом верхнем углу Царьград.

Миниатюра 23 (л. 1090). Олег повелевает приготовить паруса для своих кораблей. Композиция подобна предыдущим. Греческие послы подносят Олегу ткани. Внизу справа группа греков без головных уборов шивает полотнища для парусов. В тексте паруса, изготовленные для славян, названы «кропивными» (в Повести временных лет — «кропильные»).¹⁴

Миниатюра 18 (л. 1087 об.). Переговоры Олега с греческими послами.

Миниатюра 19 (л. 1088). Мирные переговоры Олега с греками.

Миниатюра 24 (л. 1090 об.). Отплытие войска Олега. Внизу изображены четыре ладьи под парусами. В передней верхней ладье изображен Олег. Две задние ладьи представлены с разорванными парусами. В верхней части миниатюры изображено конное войско с Олегом во главе, подъезжающее к воротам Царьграда. Несколько воинов подвешивают щит на веревке в проеме ворот. В городе представлен сидящий на престоле император в окружении вельмож.

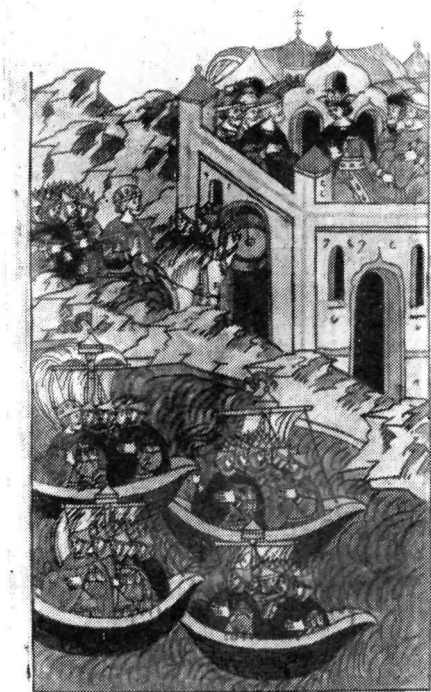
Эпизод со щитом Олега, возможно, отзвук древних династических легенд. Известно, что одно из летописных преданий об Олеге (эпизод с конем и смерть князя) находит соответствие в скандинавской традиции («Сага об Одде Стреле»).¹⁵ Необычайно важное для ранних летописных текстов символическое значение отдельного предмета вооружения, может

¹⁴ Ср.: ПСРЛ. М., 1962. Т. 1. Стб. 32.

¹⁵ Ловмянский Х. Русь и норманны. М., 1985. С. 136, 137, 270.

быть, объясняется в данном случае связью скандинавского названия щита (skjold) с родовым именем династии Скъельдунгов.¹⁶

Миниатюра 25 (л. 1091). Прибытие войска Олега в Киев. В нижней части представлено конное войско Олега, приближающееся к городу. За Олегом едет вельможа в полусферической шапке с отворотами. Один из всадников держит в руке ткани, другой — кубок с крышкой (военная добыча). Вверху слева за горками представлен город, жители которого жестикулируют, указывая на Олега. Это греки, называющие русского князя «Вещим».

Подобныи мѣстѣи свои попрашѣ
Играда показати по сѣдѣхъ рѣкѣ. И
по сѣдѣхъ мѣстѣи играда. и на сѣдѣхъ
шапкѣхъ рѣдѣи пологитѣхъ. А сѣдѣ

Миниатюра 24 (л. 1090 об.). Отплытие флота Олега. Щит на воротах Царьграда.

князей второстепенных, в тех случаях, когда они представлены вместе с более влиятельными.¹⁸ Все же подобные шапки на головах Аскольда и Диры выделяют их как предводителей войска среди других русских воинов, которые изображены в шлемах. Присвоение таких головных уборов Аскольду и Диру, по-видимому, связано с тем, что миниатюристы видели в этих князьях одиозных персонажей, заурядных предводителей варваров. В качестве исключения (дважды) аналогичные головные уборы представлены на голове русского князя и в серии миниатюр, посвященной походу Олега. Кроме того, такой же головной убор изображен на голове «скифского князя Влахерна».

За двумя исключениями, о которых уже говорилось, головной убор Олега (а также Игоря) представлен на рассматриваемых миниатюрах

¹⁶ См.: Младшая Эдда / Пер. О. А. Смирницкой. Л., 1970. С. 14, 142, 171, 234.

¹⁷ См.: А р ц и х о в с к и й А. В. Древнерусские миниатюры. . . С. 29, 30, 111—115.

¹⁸ См.: Там же. С. 114.

по-другому. Это полусферическая шапка без опушки, с дуговым орнаментом. Такой головной убор, отличающийся от обычных русских княжеских шапок, иконографически восходит к поздневизантийским митрообразным императорским венцам.¹⁹ Однако в Лицевом летописном своде византийские императоры никогда не изображаются в подобных головных уборах.²⁰ Такие шапки изображались на головах русских князей (и являются преобладающей формой княжеских шапок в отдельных частях Лаптевского и Голицынского томов).²¹ Иногда этими шапками выделены сильнейшие князья. На серии миниатюр, посвященной легенде о регалии Мономаха, знаменитая шапка Мономаха представлена именно подобным образом²² (хотя в сценах венчания на царство внука Ивана III Дмитрия та же шапка Мономаха имеет иной вид и более похожа на русскую княжескую шапку и свой реальный прототип).²³

То, что Аскольд и Дир представлены на миниатюрах в простых шапках, тогда как головной убор Олега, несомненно, носит характер регалии, по-видимому, отражает большую популярность Олега, находится в связи с общей героизированной трактовкой образа этого князя. Не исключено и воздействие на миниатюриста известных слов летописи о не княжеском происхождении Аскольда и Дира: «...вы неста князя, ни рода княжа, но аз (Олег. — А. Ч.) есмь роду княжа».²⁴

Утрата русского колорита изображениями княжеского головного убора на миниатюрах, представляющих Аскольда, Дира и Олега, отчасти объясняется общим характером миниатюр хронографического тома, для которых русские персонажи и черты русского быта нехарактерны.

Рассмотренные серии миниатюр Лицевого летописного свода интересны тем, что, как и соответствующие тексты, они отражают двойственное отношение к походам языческой Руси на Царьград. Конфессиональная точка зрения вела к византинофильской (и следовательно, антирусской) трактовке событий, однако наряду с ней в течение столетий сохранялась и иная тенденция, для которой характерно откровенное сочувствие славянам-язычникам в ущерб православным грекам.

Эта двойственность присутствует уже в «Повести временных лет». Так, поход Аскольда и Дира 866 г.²⁵ трактуется в ней в провизантийском духе. Особенно отчетливо антирусская тенденция прослеживается в описании похода 941 г. (подчеркивается жестокость русских воинов).²⁶ Вместе с тем красочные описания легендарных походов Олега и Святослава явно отмечены патриотической, антивизантийской тенденцией (ср. такое выражение летописца, как «суть же греци льстивы и до сего дни»).²⁷ Эта тенденция в «Повести временных лет» могла бы быть объяснена неполным усвоением конфессиональной трактовки всемирной истории в период становления русского летописания, а также актуальной для молодого Киевского государства проблемой борьбы с политическим влиянием Византии.

Однако парадоксальная со строго церковной точки зрения симпатия к врагам православных греков славянам-язычникам сохраняется и в бо-

¹⁹ См.: Назарев В. Н. История византийской живописи. М., 1948. Т. 2. Табл. 328; Ђурић В. Византијске фреске у Југославији. Београд, 1974. С. 127, рис. 41; С. 134, рис. 52; С. 136, рис. 57; С. 137, рис. 58; С. 147, рис. 73.

²⁰ См.: Арциховский А. В. Древнерусские миниатюры. . . С. 116.

²¹ Там же. С. 111—112.

²² См.: Голицынский том Лицевого летописного свода. — ГПБ, F IV 225, л. 1—5.

²³ См.: Шумиловский том Лицевого летописного свода. — ГПБ, F IV 232, л. 561—565. См. также: Чернецов А. В. Три резных посоха XV в. // СА. 1980. № 2. С. 110, рис. 96.

²⁴ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 23; Т. 2. М., 1962. Стб. 16. Ср.: ПСРЛ. Т. 9. С. 15 («аз есмь Олег князь»).

²⁵ См.: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 21—22.

²⁶ Там же. Стб. 44.

²⁷ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 70; Т. 9. С. 36. Ср.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 57 («мудри» вместо «льстивы»).

лее поздних памятниках, созданных в условиях, когда византийское политическое влияние уже не представляло для Руси никакой опасности. Эта симпатия прослеживается и в летописных²⁸ и хронографических²⁹ сводах, прошедших серьезную и тенденциозную редакторскую переработку в духе религиозно-политических концепций воинствующих церковников.

Характерно, что язычник Святослав выступает в качестве положительного примера в знаменитом послании ростовского епископа Вассиана Ивану III на Угру³⁰ (факт тем более парадоксальный, что основная идея послания — проповедь священной войны с неверными). В аналогичном контексте образ Святослава фигурирует в сказаниях «О князях владимирских»³¹ и «О казанском царстве».³² Особенно показательно наличие этого мотива в «Сказании о князях владимирских».

Отмеченная двойственность довольно определенно отражена и в тексте, и на миниатюрах Лицевого летописного свода. Гибель кораблей «безбожных руси» в результате божественного вмешательства, всенародного моления и обращения к прославленной реликвии трактована в провизантийском духе. В целом та же тенденция отразилась и в рассказе о другом походе Аскольда и Дира, завершившемся крещением русов.

Однако повествование о походе Олега, украшенное легендарными подробностями и сопровождающееся перечислением военной добычи, получением торговых привилегий и символическими акциями, призванными возвысить победителя и унижить греков, несомненно, отражают иную тенденцию. Она тем более многозначительна, что соответствующий рассказ — всего лишь русская вставка в переводной текст хронографа, общий характер которого выдержан в духе византийского патриотизма.

На миниатюрах свода старинная легенда приобрела яркое красочное воплощение, отмеченное эпическими фольклоризирующими чертами.³³ Противоречие между христианским характером русского летописания и наличием в его составе панегириков языческим князьям в известной мере издавна ощущалось древнерусскими книжниками. Неожиданное сопоставление язычника Олега со святым Дмитрием Солунским, включенное в текст «Повести временных лет» от лица греков³⁴ (очевидно, как орудие божьего гнева?), вероятно, было призвано сгладить впечатление именно от этого противоречия. В хронографическом тексте это сопоставление сохранено; ему как бы вторит утверждение, что прозвище «Вещий» было дано Олегу греками (новая трактовка, отсутствующая в древнейшем летописании).

²⁸ См.: ПСРЛ. Т. 9. С. 18, 19, 36, 37. Ср.: Псковские летописи. М., 1955. Вып. 2. («... яко же рече князь Святослав Игоревич, иды в 10 000 на греки: не ведомо ны есть, или град взем или главы свое положим...»); З а р у б и н Н. Н. Слово Даниила Заточника по редакциям XII и XIII вв. и их переделкам. Л., 1932. С. 17, 18, 57, 82, 117 («... рече Святослав князь, сын Ольжин, ида на Царьград с малою дружиною, и рече, брата, нам ли от града погинути, или граду от нас пленену быти»).

²⁹ См.: ПСРЛ. Т. 22. С. 354.

³⁰ ПСРЛ. М., 1965. Т. 12. С. 207 («... поревнуй прежебывшим прародителем твоим... еже глаголю, Игоря и Святослава и Владимира, иже и на греческих царех дань имали...»).

³¹ Памятники литературы Древней Руси: Конец XV—первая половина XVI в. М., 1984. С. 426, 428 («... князь великий Олег ходил и взял с Цариграда великую дань и на вся воа своа и здрав всвоюс возвратис; и потом Всеслав (вместо «Святослав») Игоревич, князь великий, ходил и взял на Коньстянтине граде тяжчайшую дань»).

³² ПСРЛ. СПб., 1903. Т. 19. С. 99, 380 («... ревуна прадедом своим, великому князю Светославу Игоревичу, како той многажды греческую землю плени, столь далече ему сущи от Руския земля расстоянием, и дани великия со Царяграда имал со благородных грек, победивших Трою предивную и прегордаго царя Перского Скераска. Той же великий князь Святослав по Дунаю стоящих 80 градов болгарских взя»).

³³ Об эпических чертах миниатюр Лицевого свода см.: Щ е п к и н В. Н. Два лицевых сборника Исторического музея // Археологические известия и заметки. М., 1897. Разд. 5, № 4. С. 111—128.

³⁴ См.: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 30.

М. С. СЕРЕБРЯКОВА

Традиции исполнения Акафиста Богородице и стенопись Ферапонтова монастыря

Размещение Дионисием композиций на тему Акафиста Богородице в соборе Рождества Богородицы Ферапонтова монастыря кажется на первый взгляд нетрадиционным: они образуют четыре круга. Иллюстрация к первому кондаку «Взбранной Воеводе» находится в северном нефе собора, а не трансепте, четырем же композициям «Благовещения» отведено место не на южной стене, как обычно, а над алтарем. Это почти не имеет аналогий в сохранившихся стенописях на ту же тему и заставляет обратиться к самому тексту Акафиста Богородице, к истории его возникновения, литургического исполнения и к традициям осмысления.

Согласно традиции, отраженной в «Повести о Неседалнем», Акафист «Ἰμνος ἀκαθίστος» («Неседален») впервые был торжественно исполнен 7 августа 626 г. по случаю избавления Константинополя от осады персов и аваров при императоре Ираклии. Думают, что специально к этому дню был написан *χορροῦλιον* (зачин) «Взбранной Воеводе», остальные же 24 строфы, связанные алфавитным акростихом (от Α до Ω), были созданы раньше. Их возможный автор — Роман Сладкопевец. Исполняется Акафист Богородице ежегодно на утрени субботы на пятой неделе Великого поста, в праздник «Похвалы Богородицы».¹

Что представляет собой Акафист как литературный памятник? Это произведение ранневизантийской гимнографии,² поэтическая форма которого образовалась под влиянием ветхозаветных псалмов, со строфами, связанными алфавитным акростихом.³ Акафист написан в форме так называемого кондака, состоящего обычно из *χορροῦλιον* или *προοίμιον*, т. е. первой, вводной, строфы и 24 строф-икосов, расположенных в алфавитном акростихе от Α до Ω.⁴ Икосы делятся на 12 больших и 12 малых чередующихся строф. Кукулий обычно в рукописных и печатных переводных славянских редакциях Акафиста называется 1-м кондаком; 1-я большая строфа, начинающаяся с «Α», — 1-м икосом; 2-я малая строфа, начинающаяся с «Β»; — 2-м кондаком и т. д., кончая 24-й строфой, начинающейся с «Ω» и называющейся 13-м кондаком. Малые строфы-кондаки

¹ Михельсон Т. Н. Живописный цикл Ферапонтова монастыря на тему Акафиста // ТОДРЛ. М.; Л., 1966. Т. 22. С. 145; Аверинцев С. С. Традиция греческой «диалектики» и возникновение рифмы // Контекст 1976. М., 1977. С. 81—99; Смирнова Э. С., Лаурин В. К., Гордиенко Э. А. Живопись Великого Новгорода. XV век. М., 1982. С. 349—350; Момина М. А. Греческие разночтения в славянских гимнографических текстах // ВВ. М., 1983. Т. 44. С. 127—128.

² См.: Кабаинов И. Постная триодь: Исторический обзор ее плана, состава, редакций и славянских переводов. СПб., 1910. С. 39; Аверинцев С. С. Традиции греческой «диалектики». . . С. 94—95.

³ См.: Попов А. Православные русские акафисты, изданные с благословения Святейшего Синода: История их происхождения и цензуры, особенности сержания и построения. Казань, 1903. С. 25.

⁴ См.: Момина М. А. Греческие разночтения. . . С. 127, 129.

заканчиваются словами ἀλληλοῦια («Аллилуйя»), кукулий и большие строфы-икосы — χαίρε Νύμφε ἀνύμφευτε («Радуйся, Невесто Невенестная»).⁵

Акафист, как и большинство произведений византийской гимнографии, написан силлабо-тоническим стихом. Короткий икос (кондак) состоит из 8 стихотворных строк, а длинный — из 20. Повествовательная часть в длинном икосе состоит из 8 строк, которые по размеру совпадают с коротким икосом. Остальные 12 строк содержат 12 похвал-уподоблений Богородицы и начинаются возгласом χαίρε (радуйся) — это так называемые хайретизмы. Короткий икос-кондак и соответствующая часть длинного икоса, содержащие по 8 строк, имеют в первых двух строках по 7 слогов, в 3-й — по 10, в 4-й и 5-й — по 9, в 6-й — по 3, в 7-й — по 8, в 8-й — по 9 слогов, не обязательно одинаковых по ударению. В каждом длинном икосе помещено 6 пар хайретизмов, каждый из которых занимает одну строку, завершающихся 13-м «Радуйся, Невесто Невенестная». Первая пара имеет по 10 слогов, 2-я — по 13, 3-я — по 16, 4-я — по 12, 5-я — по 10, 6-я — по 11 слогов. Причем каждая пара хайретизмов соединена изосиллабией и параллелизмом тонического рисунка, а также гомиотелевтами — рифмами. Каждое слово в одной строке противопоставлено слову с тем же порядковым номером во второй, сопряжено и зарифмовано с ним.⁶

Автор Акафиста и время его создания неизвестны, но можно определенно сказать, что 24 строфы-икоса, связанные алфавитным акростихом, существовали еще до 626 г., когда к ним был добавлен кукулий «Взбранной Воеводе» (Ἡ ὑπερμάχῳ Στρατηγῷ) с тем, чтобы приспособить уже имевшийся гимн для торжественного ночного богослужения во Влахернском храме Константинополя 7 августа 626 г., когда необходимо было воспеть благодарность Богородице за чудесное избавление города от аваров и персов.⁷

⁵ «Кондак», по-видимому, означает палочку, вокруг которой наматывался пергамент. Употребление его для обозначения произведений определенного поэтического жанра, ранее носивших название ὕμνος, ἔπος, ποίημα, ψῆδῆ, φαλμός, αἶνος, ἄσμα, ἀκάθιστος, προσευχή, δέησις, не встречается до IX в. (См.: Wellesz E. The Akathistos Hymn. Copenhagen, 1957. P. XVIII). Кондак — основной жанр ранневизантийской церковной гимнографии, род поэмы на библейский сюжет. Форма кондака сложилась к VI в., высшего расцвета достигла в творчестве Романа Сладкопевца, а затем была вытеснена из литературы и богослужебного обихода жанром канона, получившим широкое распространение в VIII—IX вв. Обычно кондак имеет от 18 до 24 строф, объединенных одинаковым, часто сложным метрическим рисунком, однотипным синтаксическим членением, рефреном, первые буквы строк слагаются в акростих. Этим строфам, икосам, предпослана вводная строфа — кукулий, «капошон», имеющая другой ритмический рисунок и объем, но тот же рефрен. Метрика кондака основана на изосиллабизме и тяготеет к регулярности тоники. В позднейшем обиходе кондаком стали называть короткое песнопение (часто это первая строфа первоначального кондака, оторванная от остального текста), в котором изложено догматическое понимание или историческое значение празднуемого события или лица; во многих последованиях за кондаком следует икос, который раскрывает содержание кондака. Икос поется на один глас с кондаком и оканчивается одними и теми же словами.

Икос (οἶκος — 'дом'), вторая часть строфы Акафиста, в первой своей трети заключает более пространное развитие темы, содержащейся в кондаке. Во взаимно соответствующих стихах икосы единообразны по числу слогов. Сам термин возник, по-видимому, вследствие буквального перевода сирийского beth, что значит 'дом' и 'строфа' (См.: А в е р и н ц е в С. С. Традиции греческой «диалектики». . . С. 94).

От большинства кондаков сохранились лишь по 2 строфы, 1-й кондак и 1-й икос; только два кондака избежали сокращения — Акафист Богородице и заупокойный кондак Анастасия «Сам един еси бессмертный», входящий в чин священнического погребения, содержащий 26 строф (См.: К а р а б и н о в И. Постная триодь. . . С. 39).

⁶ См.: М о м и н а М. А. Греческие разночтения. . . С. 129; А в е р и н ц е в С. С. Традиции греческой «диалектики». . . С. 94—95. Например:

Радуйся, чрез тебя радость сияет!
Радуйся, чрез тебя горесть истает!

⁷ См.: А в е р и н ц е в С. С. Традиции греческой «диалектики». . . С. 93.

На славянский язык Акафист был переведен, по-видимому, впервые в составе Постной триоди Климентом Охридским до 916 г.⁸ Обычно он входит в состав Триоди постной, Следованной псалтири, Общей минеи, Каноника, Часослова, Октоиха, сборников акафистов.⁹

Первые печатные славянские издания Акафиста Богородице появляются в конце XV в.: в 1491 г. — в книге Триодь постная (Краков), в 1495 г. в Псалтири с возследованием (Щетино), около 1525 г. в Вильне его напечатал Франциск Скорина в «Малой Подорожной книжице». Затем Акафист многократно издается в Триоди постной, Псалтыри с возследованием, в канониках и акафистниках.¹⁰ Текст Акафиста как в рукописях, так и в старопечатных книгах помещается с незначительными лексическими разночтениями в тексте, связанными с различными редакциями его греческих оригиналов или редакциями славянских переводов, почти не меняющими смысл самого текста.¹¹

В современной литургической практике русской православной церкви Акафист Богородице во время исполнения в праздник Похвалы Богоматери делится на четыре части, а его 1-й кондак и 1-й икос входят в службу Благовещения 25 марта.

Необходимо отметить, что само название текста — Акафист — не первоначально и имеет свою историю возникновения, которую можно проследить по сохранившимся иным его наименованиям и по сказанию о нем. Все это раскрывает и особенности литургического употребления Акафиста.

Сказание об Акафисте возникло, вероятно, в IX в.; оно вошло в состав таких сборников, как триоди и синаксари.¹² Заглавие сказания часто зависело от воли переписчика, поэтому оно бывает разным — от краткого, как например, «Λόγος ἀναγινωσκόμενος εἰς τὴν Ἀκάθιστον» («Слово, читаемое к Акафисту») (IX в.),¹³ до пространного, как в греческом торжественнике X—XI вв. (ГИМ, собр. Синод. б-ки, № 184, л. 195 об.): «Повесть полезна от древняго списания сложена, воспоминание являющи преславно бывшего чудесе, егда персы и авары царствующий град облегоша бранию, аки и погибоша божием судом и искушени бывше, град же неврежен бысть молитвами пречистыя госпожи нашея Богородицы, и от толе молебное благодарение поется, неседальное день тои именуя» (славянский перевод по печатной Триоди постной).¹⁴ В греческой Триоди постной 1460 г. и в современной ей славянской Триоди постной название Акафиста объясняется так: «. . .сих ради всех преемственных чудес пресвятыя Богоматере, неседальный праздник сии празднуем акафисто наречеса сиречь неседально. Понеже просто (прямо) тогда в ноци оной вси люди

⁸ См.: М о м и н а М. А. Греческие разночтения. . . С. 127.

⁹ См.: П о п о в А. Православные русские акафисты. . . С. 34: «В Кирилло-Белозерской библиотеке Акафист встречается в 30 рукописях XV—XVII вв.; Псалтири с возследованием, Канонике, Святцах».

¹⁰ См.: Там же. С. 36—39.

¹¹ Там же. С. 37; см. также: М о м и н а М. А. Греческие разночтения. . . С. 127—134.

¹² См.: П о п о в А. Православные русские акафисты. . . С. 24; П о п а д о п у л о - К е р а м е в с А. Акафист Божьей Матери. Русь и патриарх Фотий // ВВ. СПб., 1903. Т. 10, вып. 1—3. С. 359; А м ф л о х и й, архимандрит. Кондакарий в греческом подлиннике XII—XIII вв. по рукописи Московской Синодальной библиотеки № 437 с древнейшим славянским переводом кондаков и икосов, какие есть в переводе, и с приложением выписок кондаков и икосов из служебных греческих рукописных Миней с славянским древнейшим переводом и из славянских служебных миней рукописных с греческим текстом и без него и с разночтениями на обоих языках. М., 1879. С. 15.

¹³ См.: П о п а д о п у л о - К е р а м е в с А. Акафист. . . С. 366.

¹⁴ А м ф л о х и й. Кондакарий. . . С. 15. — А. Попадопуло-Керамевс приводит греческий текст подобного же заглавия, но имеющего следующее добавление: «. . .с тех пор народ, сохранившийся неповрежденным молитвами Богородицы, ежегодно воспевае благодарственное песнопение и этот праздник называет Акафистом» (П о п а д о п у л о - К е р а м е в с А. Акафист. . . С. 366).

стояше песнь матери слова веселяшися пели. Понеже бо и в прочих других икосах сидети обычай имеем, в сех же икосех присвятыя Богоматери просто вси стояше послушаем». ¹⁵

Чудо это происходило неоднократно. В первый раз в 626 г. при императоре Ираклии и патриархе Сергии во время осады Константинополя, начавшейся 29 июля и закончившейся 8 августа. Об этом говорится в Пасхальной хронике, написанной современником события, и в стихотворном повествовании Георгия Писиды, но они не упоминают о всеобщем бдении или о пении Акафиста. У обоих написано только, что снятие осады было следствием чудотворного действия Богородицы: она явилась как бы пробегающей по крепостным стенам, откуда избивала и поражала врагов. Более поздние хроники уверяют, что Сергием были вознесены благодарственные молитвы, но в какой форме — неизвестно. ¹⁶ Патриархом Сергием был установлен праздник в память освобождения Константинополя 7 и 8 августа, о чем известно из многочисленных синаксарных списков. Устав Константинопольской архиепископии IX в. определяет на 7 августа: «. . . и лития бывает во Влахернах против варваров. И память о нашествии варваров, когда они молитвами пресвятой Богородицы потоплены были в Рогатом Заливе» (но здесь нет никаких упоминаний о гимне). ¹⁷ Впоследствии к этой памяти были присоединены еще две: в 672—678 гг. при Константине Погонате (память — 25 июня) и в 716 г. при Льве Исавре (память — 16 августа). Память избавления Константинополя от русских 18 июня 860 г. отмечали 25 июня. ¹⁸ «Повесть о Неседальнем» лишь упоминает о событиях, связанных со «спасениями» Константинополя, заступничеством Богоматери, ¹⁹ установленных днях памяти о них и исполнении в эти дни (стоя) икосов (откуда произошло ставшее наиболее употребительным их название — Акафист), ²⁰ но никак не объясняет возникновение праздника Похвалы Божьей матери на 5-й неделе Великого поста, по числам (март—апрель) не связанного с памятями снятия осад Константинополя, когда эти икосы (Акафист) полностью исполняются. ²¹

В то же время синаксарь Великой Церкви, составленный после 878 г. указывает: «В субботу пятой недели Апостол к Евреям . . . и на какую неделю поста повелевает патриарх или в среднюю (в 4-ю) или в следующую за ней (в 5-ю), мы правим всеобщее бдение в Влахернах». ²² Но уже в X в. в синаксаре Великой Церкви 950—956 гг. приводится следующее установление с объяснением причины праздника Похвалы богоматери: «В субботу средней (4-й) недели синаксис пресвятой, пречистой Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии, в ея досточтимом храме, в Влахернах, когда с вечера совершается всеобщая служба, в которую мы воздаем ей благодарение от всего сердца за то, что она сверх всякого чаяния избавляла город в разные времена от опасностей со стороны персов и варваров» (греческий кодекс № 40 фонда св. Креста Иерусалимской патриархии, л. 223). ²³

¹⁵ Амфилохий. Кондакарий. . . С. 15.

¹⁶ См.: Дмитриевский А. Описание литургических книг. Киев, 1895. Т. 1. С. 101; Попадопуло - Керамевс А. Акафист. . . С. 369.

¹⁷ Попадопуло - Керамевс А. С. 369.

¹⁸ См.: Карабинов И. Постная триодь. . . С. 35—37.

¹⁹ «Повесть о Неседальнем» послужила литературной основой для иконографии 1-го кондака (кукулия) Акафиста в некоторых стенописях на Балканах и на Руси XIV—XVII вв.

²⁰ Сначала слово *ἀκαφιστος* прилагалось к слову *ἡμέρα* (день), со временем Акафистом стало называться само песнопение (см.: Попов А. Православные русские акафисты. . . С. 24).

²¹ См.: Карабинов И. Постная триодь. . . С. 35—37.

²² Дмитриевский А. Описание литургических книг. . . С. 124; Wellesz E. The Akathistos Hymn. . . P. XVII; Карабинов И. Постная триодь. . . С. 44.

²³ Попадопуло - Керамевс А. Акафист. . . С. 388.

С другой стороны, сохранились рукописи (греческий типикон св. Луки из Мессины, XII в.), предписывающие исполнять по 6 строф Акафиста с 20 по 23 марта и полностью в канун Благовещения, 25 марта.²⁴ В Гроттаферратской триоди над службой субботы пятой недели помещено заглавие «Канон Пресвятой Богородицы, поемый с Акафистом за 5 дней до Благовещения», устанавливающее память субботы (Похвалы Богоматери) как предпразднество к Благовещению.²⁵

Есть рукописи, где помещенный текст Акафиста не носит своего общеупотребительного названия, например служебная мартовская минея XIV в. (Синод. типограф. б-ка, № 68), где на 25 марта, Благовещение, даны все кондаки и икосы Акафиста, но таковым не названы.²⁶ Не названы они Акафистом и в греческом кондакарии XII—XIII вв. (Моск. Синод. б-ка № 437), в славянском кондакарии XI в. (Синод. типограф. б-ка, № 1),²⁷ в кондакарии № 925 Горы Синай X в.; в Cod. Vindob. suppl. gr. 96 XI—XII вв.,²⁸ где над ними помещается заглавие: «Месяца марта (того же) 25 кондаки на Благовещение пресвятой Богородицы, глас 8, самогласен,²⁹ акростих алфавитный».

Следовательно, до появления «Повести о Неседалнем» (IX в.), давшей рассматриваемому тексту ставшее общеупотребительным, но никак не определяющим его смысл название Акафист, существовало другое название, наравне с ним употреблявшееся в многочисленных рукописях и отражавшее его назначение, — «кондаки на Благовещение»³⁰ (традиция эта была еще настолько распространенной в XIV в., что позволила Филофее Кюккину ввести 25 интересующих нас строф-икосов в состав своей гимнографической композиции-мистерии на Благовещение — ГИМ, Син. греч., № 429³¹). Но и это название не первоначально, так как слово «кондак» не встречается до IX в.³² Так, в Синайском кодексе X в. только кукулий имеет заглавие *κοντάκιον* (кондак), а перед самим гимном заглавие *κατ' ἄλφαβήτων*.³³ Исследователи³⁴ обращали внимание на то, что Акафист производит двойственное впечатление: по хайретизмам он обращен только к Богородице, тогда как многие его строфы обращены к Христу. Хайретизмы нередко по своему содержанию не подходят к тем персонажам, которым они влагаются в уста, или расходятся с последовательностью событий, упоминаемых в Акафисте. Вследствие этого возникает предположение о более позднем создании хайретизмов.³⁵ Если их убрать из длинных строф, то оставшиеся 24 короткие строфы, равнострочные и однородные по ритмическому построению,³⁶ образуют связное песнопение,

²⁴ Wellesz E. The Akathistos. Hymn. . . P. XV—XVI. Или Акафист исполняли в четыре раза на утренних службах 1-й, 2-й, 3-й и 4-й суббот поста и целиком в канун 5-й субботы (см.: Там же. P. XV; Попов А. Православные русские акафисты. . . С. 35).

²⁵ См.: Карабинов И. Постная триодь. . . С. 44.

²⁶ См.: Амфилохий. Кондакарий. . . С. 16.

²⁷ Там же. С. 16.

²⁸ Wellesz E. The Akathistos Hymn. . . P. XIV.

²⁹ Слово «самогласен» обозначает текст, сочиненный без подражания какому-либо образцу (см.: Амфилохий. Кондакарий. . . С. 16).

³⁰ Карабинов И. Постная триодь. . . С. 42—44.

³¹ См.: Прохоров Г. М. Иллюминированный греческий Акафист Богородице // Древнерусское искусство: Проблемы и атрибуции. М., 1977. С. 153—174.

³² Wellesz E. The Akathistos Hymn. . . P. XVIII.

³³ Там же. P. XVIII. Интересно отметить, что Роман Сладкопевец, судя по акростихам в его кондаках, никогда не использовал термин «кондак», а называл свои поэмы *ῥυθμός*, *αἶνος*, *ποίημα* или *ψαλμός* (см.: Там же. P. XIII).

³⁴ Maas P. Don Placido de Meester. O. S. B., L'inno acatisto 'Ακαθίστος ῥυθμός // Byzantinische Zeitschrift. Leipzig, 1905. № 14. S. 644; Карабинов И. Постная триодь. . . С. 42—44; Попов А. Православные русские акафисты. . . С. 451.

³⁵ См.: Maas P. Don Placido de Meester. S. 644; Карабинов И. Постная триодь. . . С. 42—44.

³⁶ См. выше, сн. 4. Например, у Романа Сладкопевца в произведениях подобного жанра все строфы имеют равный объем (см.: Попов А. Православные русские акафисты. . . С. 26).

скорее, не на Благовещение, а на Рождество Христово, воспевая и прославляя факт Боговоплощения,³⁷ являющийся основной идеей Акафиста. Первые 12 строф (1—4 — Благовещение, где вспоминается момент вочеловечения второго лица Троицы; 5 — Встреча Марии и Елизаветы; 6 — Укорение Иосифа; 7 — Поклонение пастырей; 8, 9, 10 — Шествие, Поклонение и Отъезд волхвов; 11 — Бегство в Египет; 12 — Сретение) последовательно по Евангелию излагают события от Благовещения до рождения Христа и сретения. В последующих 12 строфах воспевается чудо Боговоплощения, 7 из них обращены к Христу, остальные — к Богородице, причем одни последовательно сменяются другими. Богородица в этом тексте прославляется прежде всего как «одушевленный храм», послуживший таинству Боговоплощения.³⁸ Возможно, что когда-то сочинение это было создано для установленного до VI в. праздника, прославлявшего Благовещение и Рождество Христово и отмечавшегося 26 декабря (ныне «Собор Богородицы»), когда Богородице молились как Новой Еве за ту роль, какую она играла в истории человечества, и в то же время воспевали рождение Христа.³⁹ Несомненно, что автор текста вкладывал в него особый сакральный смысл, так как 24 его строфы связаны алфавитным акростихом от А до Ω, в символическом смысле обозначающих начало и конец, всеобщность, вечность.⁴⁰ Вероятно, с этим содержанием Акафиста связано его употребление в правиле перед причащением святых тайн⁴¹ и размещение иллюстраций к нему, особенно к первым строфам-икосам (А, В, Υ, Δ и т. д.), в стенописях XIV—XVI вв. в алтаре⁴² или над алтарем.⁴³

С подобным текстом (назовем его условно «гимн Боговоплощению») трудно увязать вводный кондак «Взбранной Воеводе победительная, яко избавльшеся от злых, благодарственная восписует ти раби твои (город твой),⁴⁴ Богородице; но яко имущая державу непобедимую, от всяких нас бед свободи, да зовем ти: радуйся, Невесто Неневестная».⁴⁵ Эта бла-

³⁷ Карабинов И. Постная триодь. . . С. 42—44; T r u r a n i s С. А. Fourteen Early Byzantine Cantica // Wiener Byzantinische Studien. Vienna, 1968. N 5. P. 18.

³⁸ См.: Карабинов И. Постная триодь. . . С. 42—44.

³⁹ С. А. T r u r a n i s (Fourteen Early. . . P. 17—19) отмечает, что подтверждением сочинения Акафиста для такого общего праздника служит тот факт, что рассказ о Благовещении включен в прозаические проповеди о Рождестве, написанные до 530 г., тогда как после VI в. этот рассказ в них не включался, что связано с установлением Юстинианом отдельного праздника Благовещения между 530 и 550 гг. Празднование Рождества Христова отдельно от Богоявления (6 января) было установлено в 354 г.

⁴⁰ «Я есмь Алфа и Омега, начало и конец, говорит Господь, Который есть и был и грядет, Вседержитель» (Апок. 1, 8); «Я есмь Алфа и Омега, начало и конец, первый и последний» (Апок. 22, 13).

⁴¹ См.: Попов А. Православные русские акафисты. . . С. 34.

⁴² Матейч, 1356—1357 гг.: начинаются на северной стене алтаря, затем переходят на южную его стену и заканчиваются на южной стене церкви (см.: О к у н е в Н. Л. Графа за историу српске уметности. Црква свете Богородице Матейч // Гласник скопскогo Научногo Дружтва. Скопле, 1930. <Т.> 7—8. С. 89—118).

Марков монастырь, 1370—1372 гг.: начинаются на южной стене алтаря, справа от окна (А — 1-я строфа «Ангел предстатель»), переходят на стены церкви, заканчиваются на северной стене алтаря (Ω — 24-я строфа «О, Всепетая Мати») слева от окна (см.: Г р о з д а н о в Ц. Из иконографии Маркова монастыря // Зограф. Београд, 1980. № 11. С. 88).

⁴³ Феррапонтов монастырь, 1502 г.: 1-я и 2-я строфы — на северо-восточном столбе; 3-я, 4-я — на юго-восточном (см.: М и х е л ь с о н Т. Н. Живописный цикл Феррапонтова монастыря на тему Акафиста // ТОДРЛ. М.; Л., 1966. Т. 22. С. 144—164).

Трапезная лавры св. Афанасия, Афон, 1512 г.: 1—5-я строфы размещены на восточной стене трапезной над углублением алтаря (см.: К о н д а к о в Н. П. Памятники христианского искусства на Афоне. СПб., 1902. Табл. 6).

В этой связи (Благовещение—Боговоплощение) не случайной выглядит древнейшая традиция изображать Благовещение на западных гранях восточных столбов — над пространством алтаря.

⁴⁴ См.: М о м и н а М. А. Греческие разночтения. . . С. 128; А в е р и н ц е в С. С. Традиции греческой «диалектики». . . С. 92.

⁴⁵ Православный молитвослов и псалтирь. М., 1980. С. 56.

годарственная песнь, которую обращает к Богородице «избавленный от ужасов» город (Константинополь), не имеющая достаточной смысловой и метрической связи с последующими строфами, видимо, была сочинена в 626 г., к 7 августа, когда Акафист впервые слушали стоя. Она и заменила собой первоначальную вводную строфу гимна «Το προσταυδὲν μωστικῶς» («Повеленное тайно»),⁴⁶ присутствующую и поныне в службе Акафиста как тропарь.⁴⁷ Рассказывающий о «повеленном тайно» появлении ангела в жилище Иосифа перед не знающей супружества Марией, вместившей спешшего с небес Бога, он стилистически и ритмически близок манере гимна, содержит те же определяющие смысл Боговоплощения слова, тот же рефрен «Радуйся, Невесто Невенестная».⁴⁸

Таким образом, история литургического употребления первоначальных 24 строф, связанных алфавитным акростихом, имевших по 8 строк и завершавшихся поочередно возгласами «Радуйся, Невесто Невенестная» и «Аллилуйя», и вводной строфы-кукулия «Повеленное тайно» представляется следующей. Это произведение (названное нами условно «гимном Боговоплощению») исполнялось 26 декабря в праздник, прославлявший вслед за 25 декабря Рождество Христово и Благовещение совместно. В VI в. оно послужило образцом для создания Романом Сладкопевцем его кондака на Благовещение.⁴⁹ После установления между 530 и 550 гг. празднования Благовещения отдельно от Рождества Христова «гимн Боговоплощению», кукулий которого и первые четыре строфы посвящены Благовещению, стал исполняться в праздник Благовещения и называться в поздней традиции (с IX в.) «кондак на Благовещение». Причем до конца VII в. день праздника не был определенным, так как по постановлению Лаодикийского собора 364 г. литургию во время Великого поста можно было совершать только в субботу и в воскресный день,⁵⁰ поэтому празднование Благовещения могло совершаться в субботу или 4-й, или 5-й недели Великого поста в зависимости от их близости к 25 марта. В 692 г. Трульский собор сделал исключение для одного лишь Благовещения, постановив совершать полную литургию 25 марта, на какой бы день недели ни пришелся праздник.⁵¹ Но двухвековая традиция исполнения популярного гимна в субботу 4-й или 5-й недели Великого поста осталась в виде праздника Похвалы Богоматери (Суббота Акафистного гимна). Отсюда понятны указания синаксарей IX—X вв. о праздновании Похвалы Богоматери в 4-ю или 5-ю неделю поста. Окончательное прикрепление праздника исключительно к субботе 5-й недели последовало лишь после XI в., когда появилось название $\Sigma\beta\beta\alpha\tau\omega\nu\ \tau\omicron\upsilon\beta\ \prime\acute{\alpha}\kappa\alpha\theta\iota\sigma\tau\omicron\upsilon\ \beta\omicron\mu\omicron\upsilon$.⁵² На Благовещение воспевали также кондак этого праздника, но со временем (по крайней мере с VIII в.) вследствие общей традиции замены кондака как жанра церковной гимнографии на канон в последовании сохранился лишь вводный кондак «Взбранной Воеводе» и 1-й икос «Ангел предста-

⁴⁶ Wellesz E. The Akathistos Hymn. . . P. XXV; Аверинцев С. С. Традиции греческой «диалектики». . . С. 93. — Относя составление Акафиста к избавлению Константинополя в 678 г., хронист Георгий Амартол в IX в. сообщает: «Тогда установлен был Акафист и кондак пресвятой Богородице — Взбранной воеводе, равно как Предстательство христиан и Моление теплое» (см.: Карабинов И. Постная триодь. . . С. 35—39; Дмитриевский А. Описание литургических книг. . . С. 612).

⁴⁷ «Глас 8. Повеленное тайно прием в разуме, в крове Иосифове тцанием предста безплотный, глагола неускубренной: приклонивый схождением небеса, вмещает неизменно весь в тя. Егоже и видя в ложеснах твоих приемша рабий зрак, оужасаюся звати тебе: радуйся, Невесто Невенестная» (Триодь постная. М., 1975. С. 323).

⁴⁸ См.: Круглякiewicz P. F. De hymni Akathisty auctore // Byzantinische Zeitschrift. Leipzig, 1909. N 18. S. 357—382; Wellesz E. The Akathistos Hymn. . . P. XXVI; Аверинцев С. С. Традиции греческой «диалектики». . . С. 93.

⁴⁹ См.: Карабинов И. Постная триодь. . . С. 40, 44.

⁵⁰ Там же. С. 31—327.

⁵¹ Там же.

⁵² Там же. С. 8; Wellesz E. The Akathistos Hymn. . . P. XV—XVIII.

тель», хотя параллельно продолжала существовать старая традиция исполнения кондака на Благовещение полностью на 25 марта.⁵³

В каком виде прозвучал гимн 7 августа 626 г., после чего он получил свое последнее, ставшее наиболее употребительным название «Акафист»? Мы знаем, что его первоначальный кукулий-зачин к этому дню был заменен на более «злободневный», но были ли в это же время сочинены знаменитые хайретизмы? «Во время осады Константинополя, когда патриарх Сергий с иконами Нерукотворенного образа, частью древа животворящего креста, с честною ризою Богоматери по стенам града с клиром и народом обходили и пели благодарственные песни Божией Матери Влахернской всю ночь, то в это время некогда сочинять такие превосходные по глубине мысли песнопения».⁵⁴ Скорее всего, они появились в промежуток от середины VI в. до рубежа VII—VIII вв.,⁵⁵ когда текст «гимна Боговоплощению» приспособлялся для исполнения только в праздник Благовещения и все его 12 строф, оканчивавшихся возгласом «Радуйся, Невесто Неневестная», получили по 12 дополнительных хайретизмов, прославлявших Богоматерь на основе ветхозаветных прообразов⁵⁶ и пророчеств о ней.⁵⁷

О том, что создание гимна не имеет отношения к упоминаемым осадам Константинополя, свидетельствует сам текст Акафиста: в нем нет упоминаний о них и только один раз в 23-й строфе говорится о войне вообще: «Радуйся, Еюже воздвижутся победы, радуйся, Еюже низпадают врази».⁵⁸ Но в эти же столетия (VIII—IX вв.), когда оформлялся праздник «Субботы Акафиста», гимн неоднократно воспевался по случаю очередного освобождения столицы как наиболее торжественный из прославлявших Богоматерь, покровительницу Константинополя (об этом написал Георгий Амартол в IX в.).⁵⁹ Вероятно, в этот период на обязательное ежегодное исполнение гимна на 4—5-й неделях поста и наложилась память об осадах, а не наоборот,⁶⁰ что нашло отражение в заглавиях синаксарей начала IX в. и в появлении на рубеже IX—X вв. нового названия праздника, существовавшего совместно с прежним: «Суббота Акафиста» — «Похвала Богоматери» (отсюда становятся понятны разночтения в заглавиях синаксарей IX—XI вв.).⁶¹ Однако представление об установлении праздника в связи с осадами Константинополя вошло в историческую традицию наравне с пониманием его как праздника, имеющего отношение к Благовещению и более того — к Боговоплощению.

Размещение Дионисием композиции «Поклонение иконе Богоматери-Одигитрии» на слова вводного кондака «Взбранной Воеводе» на южной грани северо-западного столба в пространстве северного нефа, а не на видном месте (например, в восточном люнете, где расположен «Покров») говорит о желании художника (как и у автора иконы XIV в. «Похвала Богоматери с Акафистом» из Московского Успенского собора⁶²) обратить

⁵³ См.: Амфилохий. Кондакарий. . . С. 16.

⁵⁴ Там же (см. также: Карабинов И. Постная триодь. . . С. 39—40; Wellesz E. The Akathistos Hymn. . . P. XIV; Аверинцев С. С. Традиции греческой «диалектики». . . С. 93).

⁵⁵ В конце VIII—начале IX в. уже существовал полный латинский перевод Акафиста (см.: Аверинцев С. С. Традиции греческой «диалектики». . . С. 92).

⁵⁶ См.: Попов А. Православные русские акафисты. . . С. 454.

⁵⁷ Не случайно А. Попадопуло-Керамевс на основании анализа текстов синаксарей относит создание Акафиста и праздника Похвалы Божьей Матери к VIII—IX вв.: «Икосы Акафиста Божьей Матери решительно ничего не говорят относительно времени его происхождения; это скорее можно найти в кондаке: он в качестве вступления вместе с эпилогом находится в полной гармонии с оригинальным синаксарем Акафиста» (Попадопуло-Керамевс А. Акафист. . . С. 372).

⁵⁸ Попов В. Православные русские акафисты. . . С. 454.

⁵⁹ См. выше, примеч. 46.

⁶⁰ См., например: Карабинов И. Постная триодь. . . С. 45.

⁶¹ См. выше.

⁶² См.: Толстая Т. В. Успенский собор Московского Кремля. М., 1979. Рис. 80.

внимание зрителей и раскрыть перед ними прежде всего основную тему гимна — прославление Боговоплощения, создать ей в соборе зримый эквивалент.⁶³ Об этом же говорит и порядок распределения композиций Акафиста в соборе: начиная с пространства алтаря над ним размещены четыре «Благовещения» (строфы 1—4-я), соотносимые с четырьмя сценами «Рождества Богоматери» портала, которые предваряют чудо Воплощения Христа, зримо совершающееся в пространстве храма.⁶⁴ Подтверждение этому «Воплощение Сына Божия»⁶⁵ — «Знамение» в тимпане над порталом и во лбу подружной восточной арки над алтарем.

Если связывать происхождение праздника «Похвала Богоматери» с Благовещением и еще ранее с Рождеством Христа и Богоявлением, то можно попытаться объяснить кажущуюся непоследовательной литургическую практику исполнения Акафиста в четыре приема на утренней службе 1-й, 2-й, 3-й и 4-й суббот Великого поста и целиком в канун 5-й, или последовательно по 6 строф в четыре приема от 20 до 24 марта и полностью в канун 25 марта,⁶⁶ или (как в XVI в. и современной литургии праздника Похвалы) в четыре приема по 6 строф, но целиком, на утрени субботы пятой недели поста.⁶⁷ В православной церкви только два праздника из двенадцатых имеют не один день предпразднества, а пять и четыре. Это Рождество Христово — пять дней и Богоявление — четыре дня (до IV в. они отмечались в один день — 6 января). Возможно, что упомянуемое четырехкратное или разделенное на четыре части исполнение Акафиста является отголоском этой древней традиции. В связи с этим представляется не случайным не имеющее сохранившихся аналогий размещение Дионисием композиций Акафиста в соборе Рождества Богородицы Ферапонтова монастыря четырьмя кругами,⁶⁸ а также «Собора Богоматери» и «О тебе радуется» соответственно в южном и северном люнетах непосредственно над композициями Акафиста, иллюстрирующими 9-й кондак и 9-й икос (южная стена), 12-й икос и 13-й кондак (северная стена). Дело в том, что обе композиции написаны на тексты, употребляемые только в рождественской службе. «Собор Богоматери» — на слова четвертой стихиры праздника Рождества Христова «Что тебе принесем, Христе, яко явился еси на земли, яко человек, нас ради? Каяждо бо от тебе бывших тварей благодарение тебе приносит: ангели — пение, небеса — звезду, волсви — дары, пастырие — чудо, земля — вертеп, пустыня — ясли, мы же — Матерь-Деву. Иже прежде век, Боже, помилуй нас».⁶⁹ «О тебе радуется» — богородичен 8-го гласа, поется вместо «До-

⁶³ В росписи церкви св. Петра в Преспии (XIV в.) перед композициями строф-икосов помещена превышающая их по размерам «Осада Константинополя» на текст «Взбранной Воеводе» как отражение «Повести о Неседальнем» (см.: Кѣнѣ же в и ѣ Б. Црквасветог Петра у Преспии // Сборник за ликовне уметности. Нови Сад, 1966. № 2. С. 240—262).

⁶⁴ Ср. со словами тропаря на Рождество Богородицы: «Рождество твое, Богородице Дево, радость возвести всей вселенной: из Тебе бо возсия солнце правды, Христос Бог наш, и разрушив клятву, даде благословение, и оупразднил смерть, дарова нам живот вечный» (Православный молитвослов... С. 90).

⁶⁵ Наименование композиции «Знамение» как «Воплощение Сына Божия» встречается в описях Ферапонтова монастыря вплоть до XVIII в. (см. описную книгу Ферапонтова монастыря 1747 г. — Гос. архив Вологодской обл., ф. 496, оп. 1, ед. хр. 1663).

⁶⁶ См.: Wellesz E. The Akathistos Hymn... P. XVI.

⁶⁷ См.: Дмитриевский А. Богослужение в русской церкви в XVI веке. Казань, 1884. Ч. 1. С. 201—204. — Интересно в этом отношении рукопись Соловецкой библиотеки XVI в., в которой Акафист написан четыре раза: в неделю вечера, понедельник вечера, вторник вечера и среду вечера (см.: Дмитриевский А. Богослужение... С. 35).

⁶⁸ Подробнее об этом см.: Серебрякова М. С. О размещении акафистных композиций в северо-западном углу собора Ферапонтова монастыря // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 38. С. 80.

⁶⁹ Ср. с текстом 9-го кондака: «Всякое естество ангельское удивися великому твоего воочеловечения делу: неприступнаго бо яко Бога, зряше всем преступнаго Человека, нам убо спребывающа, слышаша же от всех: Аллилуиа» (Православный молитвослов... С. 60).

стойно есть» на литургии Василия Великого, совершаемой только 10 раз в году: в праздники Рождества Христова и Богоявления, 1 января, в 1-е, 2-е, 3-е, 4-е и 5-е воскресенья Великого поста, в великие «четверок» и субботу. Его текст («О тебе радуется, Благодатная, всякая тварь, ангельский собор и человеческий род! Освященный Храме и Раю словесный, девственная похвало, из неяже Бог воплотился и младенец бысть, прежде век сый, Бог наш: ложесна бо твоя престол сотвори и чрево твое пространнее небес содела. О тебе радуется, Благодатная, всякая тварь, слава тебе»⁷⁰) вторит тексту 12-го икоса, над иллюстрацией к которому написана композиция «О тебе радуется»: «Поюще твое Рождество, хвалим тя вси, яко одушевленный храм, Богородице: во твоей бо вселився утробе содержи вся рукою Господь, освяти, прослави и научи вопите тебе всех: Радуйся . . . Невесто Невестная».⁷¹ Необходимо отметить, что на свитке у Романа Сладкопевца в «Покрове» (восточный люнет собора) написаны первые слова его знаменитого гимна на Рождество Христово: «Дева днесь Пресущественнаго раждает, и земля вертеп Неприступному приносит; ангели с пастырьми славословят, волсви же со звездой путешествуют; нам бо ради родися Отроча младо, пречечный Бог».⁷²

То, что тема Боговоплощения в стенописи собора была для Дионисия особо значимой, подтверждает также характер размещения сцен Акафиста в северо-западном углу собора, где художник нарушает их движение по кругу именно на иконе 7-м, кондаке и иконе 8-м (строфы 13—15),⁷³ когда в Акафисте появляется тема воплощения.⁷⁴ Та же тема как выражение главной идеи собора передается художником в алтарных образах Богородицы с Младенцем и «Воплощение—Знамение», размещенных во лбу восточной арки над алтарем и тимпане западного портала. Здесь «Воплощение Сына Божия» представлено в окружении прославляющих это событие создателей гимнов «О тебе радуется» и «Что ти принесем» — Иоанна Дамаскина и Козьмы Маюмского — со свитками, где начертаны их первые слова.

Все вышеизложенное заставляет предположить, что до рубежа XV—XVI вв. дошла традиция понимания текста Акафиста как гимна, прославляющего Боговоплощение, примером чему является стенопись Дионисия в соборе Рождества Богородицы Ферапонтова монастыря.

⁷⁰ Д у в а к и н а Е. В. Проблемы иконографии «О тебе радуется» в связи с росписью собора Ферапонтова монастыря // Ферапонтовский сборник. М., 1985. Вып. 1. С. 187—199.

⁷¹ Православный молитвослов. . . С. 62.

⁷² Там же. С. 95. Надпись прочитана Н. В. Гусевым.

⁷³ См. выше.

⁷⁴ См.: С е р е б р я к о в а М. С. О размещении акафистных композиций. . . С. 85.

О. А. БЕЛОБРОВА

Древнерусские вирши к гравюрам Маттиаса Мериана

В русских библиотеках второй половины XVII—начала XVIII в. определенное место принадлежало иностранным изданиям, среди которых нередкими были географические атласы и увражи — альбомы гравюр с краткими подписями на латинском, немецком, голландском или каком-либо другом европейском языке. В русском обиходе особый спрос находили иллюстрированные библии XVI—XVII вв. («библии в лицах»)¹. Некоторые из них издавались в виде увражей, без канонического текста, но с обязательной отсылкой к книге, главе и стихам при каждом библейском сюжете, представленном на гравюре. Это позволяло русским читателям без особого труда узнавать сюжеты и сопоставлять иностранные гравюры с соответствующими текстами по Острожской библии 1581 г. или по Московской библии 1663 г.: обширные цитаты из них вписывались иногда на полях гравюр. Примеры такого рода приписок XVII—начала XVIII вв. встречаются в экземплярах Библии Пискаatora (Амстердам, 1650 и 1674),² в Библии Петера ван дер Борхта (Антверпен, 1580—1590-е гг.; переизд.: Амстердам, 1639; 1673 и др.)³ и в Библии Маттиаса Мериана, гравюры в которой сопровождаются наборным текстом (Франкфурт-на-Майне, 1625—1627; переизд.: Амстердам, сер. XVII в.; 1682; ок. 1700)⁴ и др.

Иногда русские приписки к гравюрам носили более свободный характер. Это могли быть краткие наименования библейских сюжетов, словенный перевод латинских подписей под гравюрами или более самостоятельный прозаический пересказ эпизодов из священного писания.⁵ Все это указывает на активный читательский интерес к цельногравированным изданиям, распространявшимся на Руси в XVII—XVIII вв.

¹ Упоминания подобных книг в описях монастырских библиотек и в других источниках приведены в работе: Белоброва О. А. Библия Пискаatora в собрании Библиотеки Академии наук СССР // Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописной и редкой книги БАН СССР. 1985. Л., 1987. С. 187—188. Сюда следует добавить Библию с гравюрами В. Солиса (Нюрнберг, 1562): экз. БАН 371 q | 5381—82, с владельческой записью «Книга боярина Бориса Ивановича Морозова».

² Ср. экземпляр Библии Пискаatora 1650 г.: БАН, Тек. пост. 732 и аналогичное издание 1674 г. в собрании Гос. Эрмитажа: ЭРГ 10241 и 10242.

³ Ср. экземпляр Библии с гравюрами Петера ван дер Борхта в переизд. Пискаatora 1639 г. из собрания ГБЛ, Муз. 3274 (Отчет Московского Публичного и Румянцевского музеев за 1898 год. М., 1899. С. 18). Лист гравюры из этого альбома с рукописными добавлениями на верхнем поле воспроизведен в кн.: Артаксерсово действо: Первая пьеса русского театра XVII в. / Подгот. текста, ст. и коммент. И. М. Кудрявцева М.; Л. 1957. Вкл. к с. 144—145.

⁴ Ср. экземпляры Библии с гравюрами М. Мериана—П. Х. Схюта в переизд. Пискаatora середины XVII в. из Гос. Публ. ист. б-ки (ГПИБ). ОИК, XVII в., 8° — 2688 (Издания Нидерландов XVII в.: Каталог коллекции (ГПИБ). М., 1980. Ч. 3. С. 175. № 583) и из БАН, Архангельское собр. С. 206.

⁵ Примером может служить текст к гравюрам Библии Пискаatora, опубликованный нами в статье, упомянутой выше, в примеч. 1.

Наиболее полноценными в литературном отношении представляются русские стихотворные дополнения к гравюрам. Благодаря трудам В. Г. Варенцова, М. И. Соколова, И. М. Тарабрина, А. И. Успенского⁶ в научный оборот давно введен пространный цикл стихов Мардария Хонькова (Хоникова) к 476 гравюрам Библии Пискатора, составленный в Москве в 1679 г.⁷ Отмечались исследователями и некоторые анонимные вирши как к гравюрам Библии Пискатора, так и к другим увражам с библейской тематикой. Среди последних наше внимание привлёк стихотворный цикл, авторство которого остается невыясненным до сих пор. Он содержит 261 строфу силлабических стихов. М. И. Соколов обнаружил этот текст в конце XIX в. в одном сборнике со стихами Мардария Хонькова (ГИМ, Музейское собр. № 3192, конец XVII—начало XVIII в.), но не смог определить, к какой подборке гравюр они были предназначены.⁸ Тогда же М. И. Соколов приписал авторство второго цикла стихов Мардарию Хонькову, исходя, по-видимому, из факта их переписки в один сборник. С этой атрибуцией не согласились сначала И. М. Тарабрин,⁹ а позднее И. Ф. Мартынов и Е. Д. Кукушкина,¹⁰ которые склонны считать автором стихов Симеона Полоцкого. И в этом случае одним из аргументов авторства оказался факт переписки в один сборник «Вертограда многоцветного» и анонимных приложений, в числе которых находятся вирши в 261 строфу (БАН, Петровское собр. А 54, л. 590—608).¹¹

Что касается определения альбома гравюр, подписями к которым должны были служить эти вирши, нам удалось обнаружить его в Библии Маттиаса Мериана, а не в более поздней миниатюрной двухтомной Библии с гравюрами сестер Х. и М. Кюслин, как предположили И. Ф. Мартынов и Е. Д. Кукушкина.¹²

Издания и переиздания альбомов и книг с гравюрами М. Мериана были распространены по всей Европе на протяжении XVII в., доходили они и до Москвы. Свидетельство тому — книги из библиотеки Петра I,

⁶ О них см.: Белоброва О. А. О древнерусских подписях к некоторым нидерландским целногравированным изданиям XVII века // ТОДРЛ. Л., 1989. Т. 43.

⁷ Текст опубликован в приложениях к кн.: Успенский А. И. Царские иконописцы и живописцы XVII века. М., 1913. Т. 1. С. 4—51 2-й пагин. Отрывки цикла приведены в кн.: Русская силлабическая поэзия XVII—XVIII вв. / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. А. М. Панченко. 2-е изд. Л., 1970. С. 180—183. (Б-ка поэта. Б. сер.).

⁸ Соколов М. И. Славянские стихи монаха Мардария Хоникова к лицевой Библии Пискатора // Археологические известия и заметки. М., 1895. № 9—10. С. 300—321. — Этот сборник долгое время считался утраченным. Пользуясь случаем выразить благодарность Л. М. Гостюхиной за помощь в его атрибуции.

⁹ Тарабрин И. М. О составителях вирш к лицевой Библии Пискатора: Протокол 89-го заседания Славянской комиссии имп. Моск. Археологического о-ва 24 октября 1906 г. // Древности: Труды Славянской комиссии имп. МАО. М., 1907. Т. 4: Протоколы. С. 61—62.

¹⁰ Мартынов И. Ф., Кукушкина Е. Д. Забытые тексты русской силлабической поэзии XVII в. // Памятники культуры; Новые открытия: Ежегодник 1975. М., 1976. С. 44—47.

¹¹ Описание сборника см.: Стихотворения, романсы, поэмы и драматические сочинения. XVII—первая четверть XIX в. / Сост. И. Ф. Мартынов // Описание РО БАН СССР. Л., 1980. Т. 4, вып. 2. С. 17—29, № 13; ср. также описание под № 15 (С. 30—31).

¹² Мартынов И. Ф., Кукушкина Е. Д. Забытые тексты русской силлабической поэзии XVII в. С. 45 — При сопоставлении гравюр этой Библии с гравюрами Библии Мериана очевидна их вторичность; сестры Кюслин выполнили свои миниатюрные иллюстрации, опираясь на Библию Мериана — т. е. отталкиваясь от нее как от образца. Они отказались от трехчастного состава Библии своего предшественника, заменили или опустили ряд сюжетов, упростили многие композиции. Русские же подписи, вписанные на обороте гравюр, восходят сразу к двум источникам: и к анонимному тексту для гравюр М. Мериана, и к стихам Мардария Хонькова для Библии Пискатора. Комплекс гравюр работы сестер Кюслин к миниатюрной Библии представляет большую редкость. Они отмечены в собраниях Штутгарта и Кобурга (Hollstein's German engravings, etchings and woodcuts. Amsterdam, 1977. Vol. 20. P. 6).

Арескина¹³ и др. Среди книг с гравюрами М. Мериана отметим Атлас, «Всемирную хронику» с текстом И. Л. Готтфрида (некоторые иллюстрации здесь сделаны с тех же досок, что и для Библии), «Топографии», «Всемирную архантологию» и др.

Библия М. Мериана, изданная впервые во Франкфурте-на-Майне в 1625—1627 гг., неоднократно переиздавалась в Амстердаме в течение

Титульный лист к амстердамскому изданию Библии М. Мериана. БАН, Арх. С. 206, л. 1.

XVII в. предприимчивыми Виссхерами-Пискаторами. Составители биографических и библиографических справочников¹⁴ называют некоторые переиздания Библии Мериана, не подозревая, что они существовали и в России (к этому мы еще вернемся); отмечают устойчивое количество гравюр (258+3 титульных листа перед каждой из трех частей Библии). Однако нигде не получил характеристики наборный текст, сопровождающий гравюры на развороте листов. Заметим, что гравюры М. Мериана невелики (9×6 см) и что формат альбома выгодно отличается от громоздких фолиантов Библии Пискатора.

В библиотеках Ленинграда и Москвы нам известны восемь экземпляров Библии Мериана¹⁵ разной полноты и сохранности, различных изданий

¹³ Библиотека Петра I: Указатель-справочник / Сост. Е. И. Боброва. Л., 1978. С. 126, № 1156—1158 и др. Перечень изданий с гравюрами М. Мериана см.: Луккина Т. А. Мария Сибилла Мериан. Л., 1980. С. 13—33 (гл. «Династия франкфуртских гравюров»).

¹⁴ Nagler G. K. Neues allgemeines Künstler-Lexicon oder Nachrichten von dem Leben und Werken. München, 1840. В. 9. S. 137—143; Graesse J. G. Th. Trésor de livres rares et précieux ou nouveau dictionnaire bibliographique. Dresde, 1863. Т. 4. P. 496; Thieme U., Becker F. Allgemeines Lexicon der Bildenden Künstler: Mander-Möhl. Leipzig, 1930. S. 413.

¹⁵ 1) ГШБ Э $\frac{4м 522/1-12}{Г Ис 547}$ — 12 листов (без титульных листов, без даты с вписанными русскими виршами). Франкфурт-на-Майне, 1625—1627 (?). М. Мериан (далее Э).

2) ГБЛ, РК IV — лат. 8°. Франкфурт-на-Майне. 1638—1643. 381 л. Без русских подписей. М. Мериан (далее Ф).

и даже разного формата. Четыре из них имеют русские подписи XVII—XVIII вв. (Э, X, А, Б), в том числе в трех вписаны интересные нас вирши. Только в двух экземплярах сохранились титульные листы с указанием места и года издания: Франкфурт-на-Майне, 1638—1643 (Ф) и Амстердам, 1682 (Ш). Три экземпляра, относящиеся к концу XVII в., отличаются увеличенным форматом: вместо альбомов в 4-ку это обычные

Купающаяся Вирсавия. Гравюра из Библии М. Мериана (2 Кн. Царств, 11.4). БАН, Арх. С. 206, л. 105.

книги в лист (Ш, Л, Ц). Один экземпляр (Б) представляет собой увраж — он не имеет наборного текста. В Э и Ф гравюры принадлежат М. Мериану; в X, А, Б, Ш иллюстрации выполнены с участием гравера П. X. Схюта; в Л и Ц — Г. Лересса.

Первое издание Библии М. Мериана (1625—1627 гг.) осталось нам недоступным в его полном виде.¹⁶ В России XVII в. распространялись,

3) Науч. б-ка Академии художеств. В—139. Без первого титульного листа. Амстердам, Б. г. 225 л. М. Мериан—П. X. Схют. С вписанными русскими вирши (далее X).

4) БАН, Архангельское собр. С. 206. Титульный лист без даты. Амстердам. 245 л. М. Мериан—П. X. Схют. С вписанными русскими вирши (далее А).

5) ГИИБ. XVII в. 8°—2688. Титульный лист без даты. 246 л. М. Мериан—П. X. Схют. Без латинского текста. С отдельными русскими прозаическими подписями (далее Б).

6) Науч. б-ка Гос. Эрмитажа. ГЭ. РК. 2.1.13 (Шт. 793). Амстердам, 1682. 258 л. М. Мериан—П. X. Схют. Без русских подписей (далее Ш).

7) ГПБ, 15.19.2.38. Титульный лист без даты. Амстердам. 276 л. М. Мериан—Г. Лересс. Без русских подписей (далее Л).

8) ЦГАДА. БМ ст. ин. № 351. Амстердам, Б. г. 258 л. М. Мериан—Г. Лересс. Без русских подписей (далее Ц). — Кроме того, в альбоме гравюр Г. Лересса, принадлежавшем П. В. Кукольнику (БАН $\frac{517f \text{ max}}{14880}$), расклеены две гравюры и первый титульный лист (без даты) из Библии Мериана конца XVII в. Поля их сильно срезаны, так что неясно, были ли при гравюрах русские приписки.

¹⁶ Разрозненные 12 листов экземпляра Э имеют рукописную валовую нумерацию от № 23 по № 243, что указывает на их принадлежность полной подборке гравюр. Остается неясным, был ли при этих гравюрах наборный текст (обороты гравюр пустые).

скорее всего, нидерландские переиздания (примером чего служат X, A, B). Экземпляр A, например, происходит из библиотеки Антониево-Сийского монастыря, в которой находилась еще Библия с гравюрами Петера ван дер Борхта, также переизданная в Амстердаме в 1673 г.¹⁷

В нидерландских переизданиях Библии Мериана наборный текст дан в стихах на пяти языках: латинском, французском, немецком, английском и голландском; имеется еще и голландский прозаический текст. Стихи при подборках гравюр на библейские темы восходят к известной европейской традиции, судить о которой позволяют, например, «*Quadrins historiques de la Bible*» (Lion, 1560) Жана де Турна с гравюрами Бернара Соломона.¹⁸

Разноязычные стихи к гравюрам в Библии Мериана видоизменялись и заменялись при переизданиях. Достаточно сопоставить экземпляры X середины XVII в. и более поздний L, чтобы заметить, что четверостишия в них не совпадают. Тексты этих стихов специально не изучались; не установлены их источники, не определена сфера их распространения, в том числе в русской переводческой практике.

В отличие от наборных текстов на западноевропейских языках русские силлабические стихи, переписанные под гравюрами Библии Мериана (или в рукописные сборники), представляют собой вполне устойчивый цикл.¹⁹ Его распространение не исчерпывалось приписками на полях гравюр. Мы уже упоминали рукописные сборники ГИМ, Музейное собр., № 3192, конец XVII—начало XVIII в., л. 99—127 и БАН, Петровское собр., А 54, л. 590—608 (конец XVII в.). Добавим еще неполные списки XVIII в. из ГБЛ — собр. Тихонравова (ф. 299), № 251, л. 1—12²⁰ и Музейное собр., № 705, л. 86 об.—92.²¹ Один из них, тихонравовский, принадлежал иконописцу, судя по приписке на л. 12 об.: «Превод библеи латинския личныя малыя в полдествь Семена Фалеева иконописца». Остается неясным, только ли владельцем данного списка был Семен Фалеев или же он сам выполнил перевод в стихах. Никаких сведений о нем обнаружить не удалось. Но немаловажен факт причастности иконописца к бытованию в русской среде иллюстрированной Библии с иностранными подписями. Тем самым подтверждаются наблюдения И. Л. Давыдовой и Е. Я. Осташенко о значении гравюр Библии Мериана для русской станковой живописи XVII—начала XVIII в.²² На самом деле воздействие Библии Мериана на русскую культуру еще шире, если учесть, что эта книга была в России перегравирована не позднее начала XVIII в

¹⁷ Науч. б-ка Музея истории религии и атеизма. Ин. 760; на ее листах подпись-скрепа XVII в.: «Антониева Сийского монастыря казенная книга библиа личная». Из Антониево-Сийского монастыря происходит также сборник БАН, Архангельское собр. Д 409 с прозаическими текстами к гравюрам Библии Пискатора и П. Борхта.

¹⁸ См.: Д о б р о к л о н с к и й М. В. Рисунки, гравюры и миниатюры в Эрмитаже. Л., 1937. С. 33. Нами привлекался экземпляр ГЭ. У 253/1—168, любезно указанный Ч. А. Мезенцевой. Ср. женевоское издание 1681 г.: *Icones historicae Veteris et Novi Testamenti carminibus Latinis et Gallicis illustratae, in quibus exponitur Historia in singulis exhibita Figuris* (ГЭ. РК 3.4.14).

¹⁹ Исключение составляют стихи, вписанные на оборотных листах гравюр Библии сестер Кюслин (БАН, Петровское собр. Б 102). Они даны в сокращении и в перифразах из-за ограниченности места на листах двух миниатюрных книжек форматом 32°. Кроме того, часть подписей почеркнута из стихов Мардария Хонькова к Библии Пискатора.

²⁰ См.: Г е о р г и е в с к и й Г. П. Собрание Н. С. Тихонравова: 1. Рукописи. М., 1913. С. 42. В этом же сборнике содержатся вирши Мардария Хонькова, без начала (л. 15—90 об.).

²¹ См.: Музейное собрание рукописей: Описание (ГБЛ СССР им. В. И. Ленина. Отдел рукописей). М., 1961. Т. 1. С. 20—21.

²² Д а в ы д о в а И. Л. 1) Основные проблемы генезиса нарышкинского стиля. М., 1978. С. 40—41. Деп. в ИНИОН АН СССР. 7.06.1978, № 2222; 2) Проблема «нарышкинского стиля» в русском искусстве второй половины XVII века: Автореф. дис. . . . канд. искусствовед. М., 1978; О с т а ш е н к о Е. Я. Иконостас Похвальского придела Успенского собора Московского Кремля // Произведения русского и зарубежного искусства XVI—начала XVIII века: Материалы и исследования (Гос. музей Московского Кремля). М., 1984. С. 156—158.

двумя мастерами-монахами Дмитрием Пастуховым (его инициалы ИД ПА — «иерей Дмитрий Пастухов») и Григорием Тепчегорским (его инициалы ГИГ — «грыдыровал иерей Григорий»). В первой половине XVIII в. новую перегравировку осуществил М. Нехорошевский (1746 г.). Каждая гравюра сопровождалась при этом русскими силлабическими стихами — теми самыми, которые прежде вписывались в иностранную Библию. Напомним, что названные цельногравированные русские издания давно известны науке: это так называемая «Лицевая Библия мастера ИД» и «Лицевая библия Нехорошевского». ²³ Описавший их Д. А. Ровинский отчетливо осознавал вторичность и ремесленный уровень гравюр в этих изданиях. Он писал: «Картинки этой Библии скопированы с немецкого образца, а вирши сочинены под польским влиянием». ²⁴ В самом деле, гравюры из этих скромных тетрадей сильно уступают своим оригиналам, в свою очередь прошедшим длительный путь перегравировок. Но только в этих тонких книжках, сохранивших едва ли 60 гравюр из 258 сюжетных композиций, стали нераздельными изображение и русский стихотворный текст, силлабическую метрику которого Ровинский объяснил «польским влиянием»: стихи, наконец, были резаны на медных досках вместе с сюжетами, а не вписаны чернилами на полях гравюр. К чести исследователя «Русских народных картинок» следует отнести предпринятую им публикацию всех 60 строф силлабических стихов под гравюрами. ²⁵ При гравировке текста произошли неизбежные ошибки, пропуски, замены, подобные обычным порчам при его переписке. Распространение перегравировок с виршами в тонких тетрадях было довольно широким в XVIII и даже XIX вв. Эти издания оказались доступными гораздо более демократичным слоям общества, чем иностранные библии. ²⁶

Таким образом, не вызывает сомнения время создания русских перегравировок с виршами — первая половина XVIII в. Труднее определить время и место первоначального появления русского рукописного текста в стихах к гравюрам Библии Мериана; нелегко найти и стихотворца. При этом совсем необязательно приписывать вирши известным поэтам.

Составитель русских силлабических стихов учитывал скромный формат Библии Мериана: его подписи отличаются краткостью. Так, почти третья их часть (81 строфа) передана двустипиями. Встречаются, впрочем, и строфы в шесть строк, но преобладают все же четверостишия. Не исключено, что составитель данных стихов был осведомлен о практике стихотворных русских переводов к гравюрам других иностранных библий. Однако мы не располагаем сведениями о времени и месте перевода, об именах стихотворцев. Заметим только, что в заглавии списка *С* указан формат оригинала: «Превод Библии личныя, которая печатается в польдесть, сиречь в польлиста». Сходную примету находим и в концовке списка *Т*: «Превод Библии латинския личныя малыя в полдесть. . .». Это значит, что составитель стихов имел дело с изданием Библии Мериана (или с ее переизданием?), еще не претерпевшим увеличения формата до размера в лист. Если это был перевод с латыни, следовало бы привлечь все варианты латинских стихов под гравюрами, пока что нам не вполне доступных (нет первого издания; в экземплярах середины XVII в. не-

²³ См.: Р о в и н с к и й Д. А. Русские народные картинки. Кн. 3: Притчи и листы духовные. СПб., 1881. С. 259—269, № 811—813.

²⁴ Там же. Кн. 4: Примечания и дополнения. С. 600, № 811.

²⁵ Р о в и н с к и й Д. А. Русские народные картинки. Кн. 3. С. 259—268. — За 20 лет до того И. М. Снегирев (Лубочные картинки русского народа в московском мире. М., 1861. С. 34) опубликовал из этого цикла четверостишие к сюжету жертвоприношения Самуила (1 Цар. 7, 9).

²⁶ Нами привлекались экземпляры лицевой Библии Нехорошевского из ГПБ (VII.2. 43^a и VII. 2.43^b) и из Научной библиотеки Эрмитажа (РГ 1.3.25). На последней владельческие и учебные записи XIX в. (с 1861 по 1896 г.), например: «сия книга ученика. . .», «государственный крестьянин Гаврило Юрьев», «в 1896 года я начал ходить в училище к Николаю к салдату» и др.

достаёт некоторых листов и т. д.). Но чтобы судить о русском тексте, нам представилось полезным подготовить его к печати с разночтениями по дошедшим спискам, включая и русские перегаировки.

В качестве лучшего списка — по полноте, по времени переписки (конец XVII в.) — избран список из сборника с «Вертоградом многоцветным» Симеона Полоцкого (БАН, Петровское собр., А 54, л. 590—608;

Начало списка П. БАН, Петровское собр., А 54, л. 590.

далее П). Разночтения подведены по более поздним спискам — по полному (ГИМ, Музейское собр., № 3192, л. 99—127; далее С) и по двум неполным (ГБЛ, ф. 299, № 251, л. 1—12; далее Т; ГБЛ, Музейное собр., № 705, л. 86 об.—92; далее В). Привлечен также и гравированный текст из Библии мастера ИД (далее Р).²⁷ Поскольку русский текст, впи-

²⁷ По экземплярам БАН (205-луб. и 217-луб.) и ГПБ (Отдел эстампов).

санный на оборотах гравюр сестер Кюслин в их миниатюрной Библии, представляет собой особую редакцию — своего рода контаминацию с текстом Мардария Хонькова, — он к подведению разночтений не мог быть привлечен.

Подготовка древнерусского текста выполнена по правилам публикации, принятым в ТОДРЛ: «ѣ» заменяется на «е», «і» на «и», «оу» — на «у», «омега» — на «о», «фита» — на «ф», «кси» на «кс», «пси» — на «пс»; «ъ» в середине слова сохранен. Надстрочные буквы внесены в текст, титла раскрыты, буквы-цифры переданы арабскими цифрами. Пунктуация современная.

Основной текст:

БАН, Петровское собр., А 54, л. 590—608 об. — П

Разночтения:

ГИМ, Музейское собр., № 1392, л. 99—127 — С

ГБЛ, собр. Тихонравова, № 251, л. 1—12 об. — Т

БАН, Лицевая библия мастера ИД — Р

ГБЛ, Музейное собр., № 705, л. 86 об.—92 — В

1.^а ВИВЛИЯ

4. 590

на листе 1^а

священнаго писания Ветхаго и Новаго завета
изображений исторических подписания равномерно
и красогласно устроена.

2

Быт. 1

Бог небо, землю, воды словом созидает
и по тме первобытной свет в мире являет.³

3⁴

Быт. I, а 1

Солнце, луна на небе богом утвердися,
земля травюю, древы⁵ дивне украсися.
Звери, екоти и гади словом сотворенны,
рыбы в водах, птицы же⁶ из вод изведенны.

4⁶

Быт. 6¹,
21

В день шестый бог изволил Адама создати
и мир во область ему аки царю дати.

5

Быт. 2, 21

⁷Господь сон на Адама сладкий напустил есть,
из ребра его Евву в помощь сотворил есть.⁸

6⁹

Быт. 3.

Змий ветхий вшед во змию Евву искушает,
злым советом лукавый к греху увещает.
Будете, яко бози, — враг ей глаголаше.
Взяла Евва яблоко и Адаму даше.

7¹⁰

Быт. 3,
24

Гонит аггел из рая¹¹ Евву и Адама,¹²
толикаия же казни вина быста сама, ||

1.^а Доп., в ркп. нет. ⁶ Доп., в ркп. нет.

1а. 1—11. 63а Нет В. 1—3 Нет Р. 1—2 Превод библии личныя, которая печатается в польдесть, сиречь в польлиста С; нет Т. ⁴ 1 Р; здесь и далее подписи в Т и В не нумерованы. ⁵ дресвы Р. ⁶ 2Р. ^{7—8} Нет ТР. ⁹ 3 Р. ¹⁰ 4 Р. ^{11—12} Адама и Евву Р.

- яко змиеви веру лукавому яста
и быти, яко бози, прегордо желаста. А. 590 об.
- 8¹³
- Плачется Адам рая, а землю делает.
Ева же во болезни чада си раждает. Быт. 3, 17
- 9¹⁴
- ¹⁵Богу Авель жертвою благоугождает,
Каин, тому завидя, брата убивает.¹⁶ Быт. 4, 8
- 10
- ¹⁷Адам живет во трудех, Сиф малый играет.
Ева с иными чады пищу устрояет. Быт. 5, 3
- 11
- Енох в страхе божии выну пребываше,
благочестию дом свой всегда обучаше.
Жертвами господеву благоугодил есть,
тем его живаго в рай Господь преселил есть.¹⁸ Быт.^В 5,
21
- 12¹⁹
- Велением господним корабль созда Ное,
им же спасесе ²⁰от вод²¹ животно всякое. Быт.^Г 7
- 13²²
- Не вшедши во корабль в водах потопают,
они вотще на горы, на древа ²³гонзают. Быт.^Д 7,
17
- 14²⁴
- Бог с Ноем по потопе страшном примирился,
во знамение мира дуга положися. Быт. 9, 13
- 15
- ²⁵Ную обнажившуся сын ся Хам ругает.
Сим же со Иафетом нагость покрывает.²⁶ Быт. 9, 6
21
- 16²⁷
- Умножшесе людие столп велий²⁸ твориша,
разделеннем язык дело оставиша. || Быт. 11, 4
- 17²⁹
- Аврам с Саррою, с Лотом, со всеми рабами
идет в чуждую страну с многими скотами. Быт. 12, 4
- 18
- ³⁰Пастырей брань Аврама с Лотом разделяет,
ов оста сей в Содоме дом си назидает. Быт. 13

^В Доб., в ркп. нет. ^Г Доб., в ркп. нет. ^Д Доб., в ркп. нет. ^Е Испр., в ркп. 15.

¹³ 5 Р. ¹⁴ 6 Р. ¹⁵⁻¹⁶ Каин убивает Авеля. Грыдоровал ИД Р. ¹⁷⁻¹⁸ Нет Р.
¹⁹ 7 Р. ²⁰⁻²¹ Нет. СТР. ²² 8 Р. ²³ древах Р. ²⁴ 9 Р. ²⁵⁻²⁶ Нет Р.
²⁷ 10 Р. ²⁸ Нет Р. ²⁹ 11 Р. ³⁰⁻³¹ Нет Р.

19

Быт. 14,
18 ж

Мелхиседек Авраму хлеб, вино вручает,
богу, помогшу ему, хвалу возсылает.
Благословит Аврама, сей же отделил есть
десятину ему всех яже запленил есть.³¹

20 ³²

Быт. 18,8

Ко Авраму под мамврийск³³ дуб мужи придоша
три, ядше ту, о сыне ему предрекоша.

21

Быт. 19,
8_a

³⁴Двойца во град Содомск аггел прихощает,
Лот же благочестивый любезно сретает.³⁵

22 ³⁶Быт. 19,
12_a

Огнь сожже Содомский³⁷ град. Лот избег, уписа,
со дшерема своима яко муж смесися.

23

Быт. 20,
14

³⁸Авимелех царь Сарру мужеви отдает
не познав ея плотски и обогащает:
Дает бо овец, волов, дажня многа
и тысящу сребреник, наказан от бога.

24

Быт. 21,
14

С Иманилом Агару Авраам пуцает
из дому на свободу, Сарру утешает.
Та бо изжени рабу ему глаголаше,
Исааку наследства сыну си желаше. ||

Л. 391 об.

25

Быт. 21,
15

За скудость воды чадо Агарь повергает
далече седши, смерти его ожидает.
Но аггел ю утеши, веле сына взяти
и уаре воду, еже жажду утоляти.³⁹

26 ⁴⁰

Быт. 22,9

Авраам Исаака в жертву хочет дати,
но аггел велит руку с ножем удержати.
Увидев же Авраам овна закла его,
ублажен и утешен от бога своего.

27

Быт. 24,
15

⁴¹Посла Авраам раба девицы искати,
юже бы Исааку сыну в жену дати.
При кладяви Ревеку раб той обретает,
яже его водою жажду утоляет.

28

Быт. 25,8

Сто седмьдесят и пять лет прежив преставися
Авраам и от чад си в гробе положися.⁴²

ж Испр., в ркп. 12. 3 Испр., в ркп. 1.

³² 12 Р. ³³ мамврийский С. ³⁴⁻³⁵ Нет Р. ³⁶ 13 Р. ³⁷ Содомск СТР.
³⁸⁻³⁹ Нет Р. ⁴⁰ 14 Р. ⁴¹⁻⁴² Нет Р.

29 ⁴³

Брат Иаков Исаву гладну брашно дает,
от него же первенство за оно взимает.

Быт. 25,
28

30 ⁴⁴

Иаков Исав быти отцу притворися
и благословения его сподобися.
Мати юношу того дела научает,
егда диваго Исав зверя устреляет.

Быт. 27,
18

31 ⁴⁵

Иаков на камени в пути положися,
на лестнице бог ему утвержен явися
Во видении сонном. Ангели схождаху
с небесе на землю, и ини восхождаху. ||

Быт. ^н28,
12^к

32

⁴⁶Иаков при кладези стада обретает,
пастырей о Лаване тощю вопрошает.
Видев дщерь его Рахиль, камень отвалил есть,
от кладезя и овцы ея напоил есть.

Л. 59^в

Быт. 29,7

33

Иаков со аггелом борбу совершает
егда с жены и чады в дом ся возвращает.
Зде жила от аггела⁴⁷ ему ушися,
имя ново Израиль тем же наложися.

Быт. 32,
24

34

Исав с многими вои брата срет лобзает,
господь ярость на любовь в сердце изменяет.

Быт. 33, 1

35

Дщерь Иаковлю Дину Сихим восхитил есть
и страстию палимый деу ту растлил есть.
Симмон и Леви злобу толику отмстиша,
Сихима и пол мужеск во граде избиха.⁴⁸

Быт. 34,
25

36 ⁴⁹

Иосифа братия в ров сухой впускают,⁵⁰
потом за двадесят ѝ сребренник продают⁵¹
Купцем мадианитским, иже ѝ купиша,
в Египте Пентефрию² за цену пустиша.

Быт. 37,
24

37

⁵²Иуда грядущ в стадо жену усмотряет,
та невестка бе его, он того не знает.

Быт. 38,
14

^{н-к} Испр., в ркп. 27, 18. ^л Испр., в ркп. Пентафрию.

⁴³ 15 Р. ⁴⁴ 16 Р. ⁴⁵ 17 Р. ⁴⁶⁻⁴⁸ Нет Р. ⁴⁷ бога СТ. ⁴⁹ 18 Р.

⁵⁰ впустиша Т. ⁵¹ продаша Т. ^{52-11, 8} Нет Т.

Даде Фамаре заклад и совокупися
с нею; и с того Фарес и Зара родися.⁵³

38⁵⁴Быт 31,
12

Жена Пентефриева Иосифа нудит,
красолична юношу, да он с нею блудит.
Вземлет за ризу⁵⁵ его, он ту оставляет,
яко змия, блудныя жены отбегают. ||

Л. 592 об

39⁵⁶Быт 41,
14

Иосиф фараону сны благо⁵⁷ толкует,
зато фараон его велико чествует:
На своей колеснице его посаждает,
вси ся кланяют, Египт весь ему вручает.

40

Быт. 42,
2

⁵⁸Наков во Египет посылает чада
пшеницы ради во дни превелика глада.^м

41

Быт. 42,
6

В Египте Иосифа братия не знают,
да продаст им пшеницы, к ногам припадают.

42

Быт. 43,
32

Иосиф братию си обильно питает,
Вениамину в пять крат части болшы дает

43

Исход 1

Мужеск пол во Египте егда рожден бяше,
убивати и бабам царь повелеваше.
Потом людем завета младенцы топяти
иудейския, дабы тым⁵⁹ ся не множити.

44

Исход 2,5

Дщерь фараоня сниде, да ся окушает,
Моисия из вод взяти девам заветает.

45

Исход 2,
11

Иудей в Египте тяжко работают,
лютые приставницы язвы налагают.
Видя то, Моисий зело жалостен бывает,
убив египтянина, в песце сокривает.

46

Исход 2,
17

Иофоровы дщери овцы напают,
пастырие чуждии оны отрезают.
Моисий обидящия сильно отражает,
тем единой от девиц супружник бываст. ||

^м Испр о ркп. града.⁵²⁻⁵³ Нем Р. ⁵⁴ 19 Р. ⁵⁵ руку Р. ⁵⁶ 20 Р. ⁵⁷ Нем Р. ⁵⁸⁻⁶¹ Нем Р.⁵⁹ тем С.

47

л. 593

Купину горящую Моисий созерцает,
яже огнем палима нимало стгоряет.
Елма же восхоте он близу приступить,⁶⁰
бог из купины веле сапоги лишити.

Исход 3

48

Моисий со Аароном царя увещает,
да люди бога жива жрети отпускает
Утружденныя и жезл койждо свой вергает,
абие змий из жезла престащен бывает.⁶¹

Исход 5,
749⁶²

Жестоку фараону казнь си сотворися,
все царство жабами лише исполнися,
Даже в полаты его тым гадом скакати,
вся сосуды и пищы мерзко оскверняти.

Исход 8

50⁶³

Израилтяне пасху тощно совершают,
агнца с опрсноками стояще сьнедают.

Исход 12

51⁶⁴

Израилю путь морской проходен явися,
фараон же со вои в понте погрузися.
Жезл Моисиев глубину в суху преложил есть
и паки разделены воды сьединил есть.

Исход 14,
27

52

⁶⁵В пустыни оскуде сьнедь, людие роптаху,
но от бога всецедра манну восприяху,
Яже пада из облак, всяк вкус содержаше
выше нужды собравшым, в черви ся вращаше.

Исход 16,
4

53

Во безводней пустыни Моисий ударяет
камень жезлом, абие вода изтекает.⁶⁶ ||

Исход 17,
654⁶⁷ 0

л. 598 об.

Амалик на еврей ратно наступает,
Моисий руде на горе горе воздвизает.
Тому руде воздвигшу враг побежден бяше,
се образ токмо креста силу подаяше.

Исход 17,
855⁶⁸

Во пустыни Синаистей Моисия глашает
бог на гору високу и заветы дает.

Исход 19,
3⁰ Испр., в ркл. 30.⁶⁰ пристати С. ⁶² 22 P. ⁶³ 23 P. ⁶⁴ 24 P. ⁶⁵⁻⁶⁶ Нет P. ⁶⁷ 27 P.⁶⁸ 26 P.

56

Исход 25 ⁶⁹Велит кнот завета, жертвенник создати
и на вся нужды сени от людей взимати.
Образ же их красота, се zde написася
и архиереи в ризах своих показася.⁷⁰

57 71

Исход 32 Елма Моисий на горе с богом глаголаше,
тогда Аарон телца злата содеяше.
Людие же играху, что егда внушил есть
Моисий, и богом данну скрижалъ сокрушил есть.

58

Числа 13, 2P ⁷²Ааронова чада завет преступиша,
огнь простый в кадилницы своя положиша
Зато огнь спед от бога она сожигает,
Моисий со Аароном страха полн бывает.

59

Числа 13, 23 ⁶¹Ходницы в обещанней земли грозд взимают
да полком израилским плодность изъвляють.⁷³

60 74

Числа 21, 6 За роптание господь люди наказал ⁷⁵ есть,
смертоносныя змии на оны послал есть.
Но и врачество даде медянаго змия
иже от смерти цели на ся возревшыя. ||

Л. 594

61

Числа 22, 23 ⁷⁶Валаам Израиля идет проклинати,
ослица зрит аггела, тем же ся восияти.
Валаам биет ону, она слово дает:
«За что мене биеш?» Волхв ся умудряет.

62

Второзак. 34 На верх горы Моавли боговидец взиде
и оттуду всю землю обещанну виде.
Но не видде в ню за грех тамо умирает,
а бог аггелом тело его сохраниет.⁷⁷

63

Второзак. 34,5 О теле Моисиеве велия прѣя бѣше
враг явити, аггел же таити хотяше.
Враг желя телу чтиму божественно быти,
аггел да не будет блазнь тѣся то сокрыти.

и-Р Испр., в ркп. Лев. 5.

⁶⁹⁻⁷⁰ Нет Р. ⁷¹ 29 Р. ⁷²⁻⁷³ Нет Р. ⁷⁴ 30 Р. ⁷⁵ казнил Р. ⁷⁶⁻⁷⁹ Нет Р.
⁷⁷ сокрывает С.

64

Икон вивлвйных часть вторая

65

Исус Наввин киоту завета предходит,
ко Иордану люди божия приводит.

Ис. Нав,
гл. 1

66

Преносиму киоту Иордан путь дает,
разделився надвое, як горы бывает.
Дванадесят каменей людие взимают,
да в стане полков в память вечну полагают

Иисус 4,1

67

Иерихон с кавчегом божим обходят,
нерей трубный гласы производят.
Егда же седмый обход в день седмый свершися,
тогда Иерихон град в конец разорися. ||

Иисус 6 8

68

Иисус Наввин к граду Гаю приступает,
простер руку с копием пресилен бывает.
Тогда бо вои его град он запалиша,
царя Гайска и люди его изтребиша.

л. 594 об.

Иисус 7
и 8

69

Пять царей Амореиских на гаваониты
востаха, умысливше град их разорити.
Иисус граду в помощь солнцу веле стати,
бог каменный дождь дал есть на алы сопоцаты ¹⁸

Иисус 10,
9

70

Ини на Иисуса царие приидоша,
но пред воинством его от мечей падоша

Иисус 11,
5

71

Се царь Адоивезек, что иным творяше
обсечение перстов, и сам пострадаше.
Седмидесяти царем он то сотворил есть,
Иуда, вождь израилск, ту казнь нань судил есть

Суд. 1, 4

72

Сисара^с от Варака побежден бегает.
Ианль его в куще своей покривает,
Воды просивша, млеко жажду утолила,
но спяща колом к земли в главу пригвождает.

Суд. 4, 17

73

Гедеон мяса и хлеб пресный полагает
под дубом на камени юху возливает.
Аггел жеалом коснуся, жертва воспалися,
тем знамением муж сей на брань утвердися.

Суд. 6, 41

^с Испр., в ркп. Сисарра.¹⁸ супостаты С.

74

Суд. 6, 36
 л. 595
 Гедеон от господа знаменія просит,
 да во знамя свободы руно ся оросит. ||
 Во другу ночь да тожде сухо проявится
 всей земли сущей мокрой, и тако творится.

75

Суд. 7, 2
 Хотя Гедеон полки своя умалити
 веле от источника ратным воду пити,
 Иже убо яко пси языком лобаху
 триста числом, сии с ним на враги идяху.

76

Суд. 7, 19
 Вои Гедеоновы трубный глас пуцают,
 скуделы сокрушивше свещы проявляют.
 А вои Мадиамли зело ся смутиша,
 давшеся в бегство мечы сами ся избыша.

77

Суд. 9, 52
 Авимелех к фивийску столпу приступает,
 изломком ѝ жерновным жена убивает.
 Он оружиеносцу велел ся пробити,
 еже бы не от жены убиенну слыти.

78

Суд. 11,
 34
 Иеффай в жертву богу рече того дати,
 кто бы первый вращшася изшел целовати.
 Возврат бысть с победою, дщи его сретае
 единая с девами, он в печаль впадает.⁷⁹

79⁸⁰

Суд. 14, 5
 Лев младый⁸¹ на Сампсона жестоко рыкает,
 он ѝ, яко козлища малаго, терзает.

80

Суд. 15,
 15
⁸²Челюсть ослию на земли Сампсон похитил есть,
 тысящу филистинов оною избил есть.

81

Суд. 16, 3
 Врата града Газкаго Сампсон восхищает
 и на гору високу вознес полагает. ||

л. 595 об.

82

Суд. 16,
 19
 Далида стрижет власы, а врази хищают
 Сампсона и очию абие лишают
 К жерновом приставиша; часто ся ругаху,
 отмщениа от него никогда чаяху.
 Он же власом отрастшым многи убивает,
 развалением дому, и сам умирает.⁸³

83 ⁸⁴

В колене Вениамли мерзость сотворися,
жена Левиты блудом даже умертвися.
Зато на Вениамль род идут вся колена
с оружием. да будет та злоба отмщена.

Суд. 20,
26

84

⁸⁵Пред враты Силомскими девицы скакаху,
Вениамли сынове на ты подседаху.
И кто кую возможно, в жену похитил есть,
то сделати Израиль оным попустил есть.

Суд. 21,
16

85

На селе Воозове класы собирает
Руфь вдовица, а Вооз милость ей являет.
Велит ей класов ради выну приходити
и аще ся возжаждет, воду ту не пьти.

Руфь 2, 5

86

Вооз во гумне своем сном упокоися,
Руфь же при ногу его тихо положися.

Руфь 3, 6

87

Израиль от филистин люте поразися
и кнот божий во плен теми восхитися.
(О сем прием весть Илий с престола падает,
хребет сокрушь, абие духа испущает.⁸⁶

1 Царст.
4, 12.88 ⁸⁷

Кнот божий в Азоте в храме поставленный
с Дагоном, и бысть идол в нощи низваленный. ||
Наки на место его люди вознесоша,
но в день утрий обсечен идол обретоша.

1 Царст.
5, 1.

л. 596

89

⁸⁸Филистинове кнот божий отпущают,
под колесницу кравы юныя впрягают.
Забыша телят кравы на прям путь идоша,
яже потом левити господу пожроша.⁸⁹

1 Царст.
6, 1.90 ⁹⁰

Иноплеменных полци мечы изострина
на израилск род, с ними силу обратиша.
Тогда Самуил жертву богу сотвори ест
с молитвою. Израиль враги победил есть.

1 Цар. 7,
9

91

⁹¹Саул ослиц погибших отца си искаше,
бог же царство людей си ему готоваше.
Самуил духом святым онаго познал есть
взем сосуд со елеем, на главу валиял есть.

1 Цар-
10, 1

92

¹ Цар.
14, 1

Ионафан Самовтор враги поражает,
отцу Саулу и всем радость содевает.

93

¹ Цар.
15, 33

Агаг, царь Амаликов, с вой побежденный,
от Саула в животе быше соблюденный.
Самуил о сем царя грозно обличает,
Агага ⁹²нечестива мечем заклает.⁹³

94

¹ Цар.
17, 49

Голиаф гордый хулы усты отригаше,
борца от Исраиля на борьбу прошаше.
Изыде малый Давид на Щуда велика
и обезглави мечем горда человека.

95

¹ Цар.
18, 8
л. 596 об.

Победоносне Давид во град возвратися,
Саулом и всем ⁹⁴родом излише⁹⁵ любися
Жены паче Саула его ублажиша
песньми ѿ ко зависти царя возбудиша.

96

¹ Цар.
19, 9 и 12

Саула дух лукавый царя нападаше.
Давид гуслей си гласом того прогоняше.
Саул же возмездие кое ему дает,
убити его хотя, копие вергает.

97

² Цар.
20, 35

Ионафан зело Давида любяше,
от ярости отца си его соблюдаше.
По согласию стрелы из лука пуцает,
к⁹⁶ отроку глас дав, тому бегство советает.

98

¹ Цар.
25, 14

Наван отрекл Давида воем хлеба дати.
Давид гневный грядет нань смертию отмцати.
Авигея мудрая онаго сретает,
словом и дары ярость в милость претворяет.⁹⁷

99 ⁹⁸¹ Цар. 23

Саул иска Давида гробови предати
и посреде полк своих положися спати.
Давид вшед взя копие и чашу, а⁹⁹ его
не уби, почитая Христа божиего.

100 ¹⁰⁰¹ Цар. 30.

Вой Амаликовы Сикелаг спалиша,
египтянина в пути болна оставиша.
Того гладна чредити Давид завещает,
его вождеством II, ¹ враги постиг побеждает.

⁹²⁻⁹³ на части мечем разсекает С. ⁹⁴⁻⁹⁵ народом излиха С.
⁹⁸ 35 Р. ⁹⁹ си Р. ¹⁰⁰ 41 Р. II, ¹ веством Р.

⁹⁶ по С.

101 ²

На горе Гелвунии Саул побежденный
от филистинов и сам бяше уязвленный,
Да от враг не сечется, на мечь свой падает
и оружиеносец тожде содевает. ||

1 Цар. 31

102 ³

Кивот божий преславно Давид провождает
с тимпаны, трубы, лики, сам в гусли играет.
Случаем кивот к земли пасти поклонися,⁴
Озия подутвержей богом умертвися.

Л. 597

2 Царст.
6103 ⁵

Аион, царь Амонитский, послы безчестил есть
Давидовы, тем на брань того возбудил есть.
Иоав воевода ту службу совершает,
со Авесом братом си враги побеждает.

2 Царст.
10, 7104 ⁶

Вирсавия в ограде своем егда мыся,
Давид зря красотою ея уловися.
Посла рабы жену ту во чертог си взяти,
палим страстми дерзнул есть плотски ю познати.

2 Царст.
11, 4

105

⁷Нафан пророк прииде царя обличити,
яко к блюду приложи Урию убити.
Нафан гаданием и овцы обличает,
он со смиреннем грех свой исповедает.

2 Царст.
13

106

Аммон лицом Фамары сестры прелцен бяше,
смыслив недуг служивше ту плотски познаше.
Но абие в ненависть любовь изменяет,
растленную из ложа сестру забивает.⁸

2 Царст.
13107 ⁹

Авесолом Аммону пакость злу отищает,
за растление сестры того убивает.
Сотворив пир братии, Аммона просил есть,
на подпивша брата си рабы напустил есть.

1 Царст.
13, 23

108

¹⁰Авесолом отца си вражеско гоняше,
но власами на дубе повис исчезаше. ||
Иоав воевода его достизает,
смертными оружии злаго убивает.¹¹

1 Царст.
18, 9

Л. 597 об.

² 37 P. ³ 38 P. ⁴ преклонися CP. ⁵ 39 P. ⁶ 40 P. ⁷⁻⁸ Нем P. ⁹ 28 P.
10-11 Нем P.

109¹³2 Царст.
20, 16

Савей ковник Давидов во Евель гонзает,
Иоав разорити град той промышляет.
Жена с высоты мудро вожду глаголаше,
главу Савея врага за¹³ мир ему даше.

110¹⁴3 Царст.
3, 16

Соломон прю о сыне дву жен разеуждает,
притворно полма чадо сенци завещает.
Лжемати соизводи, правая слезися,
царь ту матерь познал есть, ей сын присудися.

111¹⁵3 Царст.
6 и 7

Храм богу Соломоном предивно созданный,
всякими красотами улепотствованный.
Иный близу того дом красный царь совдал есть,
идеже во славе си с жены обитал есть.

112

3 Царст.
8, 22

¹⁶Повнегда Соломоном храм божий свершися,
тогда посвяти его и долго молися.¹⁷

113¹⁸3 Царст.
10, 1

Соломон на престоле, а савска царица
прииде доброкрасность зрети его лица
И слышати премудрость. Безцены приносит
дары, да благоволит прияти ѿ просит.
Дивится премудрости, ужасна бывает,
видение си паче слуха извещает.

114

3 Царст.
11, 1

¹⁹Соломон состаревся, от жен ся прелщает
идолы проклятыя чести сподобляет,
Постави столп Астарту, кумиру сидонску,
и всескверну Молоху, лжебогу аммонску ||

л. 398

115

3 Царст.
13, 25У

Лженророк праведнаго лжею си прелстил есть,
аки словом божим ясти возвратил есть.
Казнит бог прелщеннаго, егда ся вращает
лев ѿ на пути уби, осел здрав остане.²⁰

116²¹3 Царст.
16, 18

Ила царя еврейска убивает Замврий,
сам гонзает во Ферсу, обступи и Амврий.
Там в полате царстей сам ся зажигает.
понеже немощь свою к сопротивству знает.

Т-у Доб., в ркп. нет.

¹³ 42 P.
19-20 Нет. P.

¹³ да P.
21 45 P.

¹⁴ 46 P.

¹⁵ 44 P.

¹⁶⁻¹⁷ Нет P.

¹⁸ 43 P.

117 ²³

Илиа при потоце в Хорафе²³ вятает,
двоица вран ѓ хлебом и мясом питает.

3 Царст.
17, 6

118 ²⁴

Лжепророци Валлу жертву приноеша,
но восприятой быти теѣ не умолиша.
Илиа же и²⁵ воду на жертву вливает,
а огонь, с небесе сошед, все то сожигает.
Тем веле вся лживыя пророк похитити
и сам потщася ножем тыя истребити.

3 Царст.
18, 36

119 ^{25а}

Илиа спит под дровом, аггел возбуждает,
опреснок ясти, воду пити увещает.
Он же яд и пив дважды в силах укрепися,
в пути чотыредесять дни о том трудися.^{26б}

3 Царст.
19, 5

120 ²⁶

Ахав на царя сирска ратно запустися,
Михея не послушав, лживыми прелстися.
Егда же на противных силно наступаше,
седя на колесице, смертну язву взяше.

3 Царст.
22, 29

121

²⁷Илиа яко в небо восхищен бывает,
Иелисею милоть свою низвергает. ||
Тою от него воды быша разделены,
егда возвращашеся Илиа лишены.

4 Царст.
2, 11

122

Вефилстии отроци Елисеа знаху.
«Гряди, плешиве, гряди» — ругателно знаху.
Чотыредесять и два отрочища быша,
две медведице оны вся насмерть побыша.

4 Царст.
2, 23

123

Иелисею вдова некая стужаше,
яко долгов воздати чим не имяше.
Он елей умножил есть, яко наполнити
множество ей сосудов и нужду избыти.

4 Царст.
4, 1

124

Нееман прокаженный к пророку прииде
и во Иорданския воды велен вниде.
Егда седмерицею в онех погрузися,
плотию, яко отрок младый, чист явися.

4 Царст.
5, 14

125

Иелисеа царь сирск яти посылает,
но полк воинств небесных его защищает
И молитвою враги своя ослепил есть,
в град вовед очи отверз, здравы отпустил есть.

4 Царст.
6, 18

²³ 47 P.

²³ Хорифе СТ. ²⁴ 48 P. ²⁵ Нет P. ^{25а-25б} Нет P. ²⁶ 49 P.

126

4 Царст.
7, 17

В Самария, юже царь сирийск обстояше,
 глад бе, а Иелисей хлеб мног прорицаше
 Во утрии день будущий; некто отрицает,
 пророк за неверствие²⁸ смерть ему вещает.
 Врагом утекшым утро хлеб мног, в град вношаху,
 а не веривша у врат насмерть затоптаху.²⁹

127³⁰4 Царст.
9, 30

Иуе во Езел град повнегда вхождаше,
 Езавель намазавши лице нань смотряше.
 Он ю низвержи окном скопцем завещает
 ли пробости, а слово делом ся свершает. ||

л. 599]

128³¹4 Царст.
13, 24

Неции мертвеца си земли предаяху,
 где Иелисеовы кости почиваху.
 Уарепа враги мертвец ими ся вергает
 на кости, тым коснувся, мертвец жив бывает.

129³²4 Царст.
18, 4

Иезекия царь благ повеле ломити³³
 капище и кумиры, лес искоренити³⁴
 И змия Моисиева, яко ту кадаху,
 аки богови, иже нечестиви бяху.

130

4 Царст.
19, 35

³⁵ На Иезекия царь ассирийск восташе,
 на бога жива хулы яве глаголаше.
 Сто осмьдесят пять тмьц аггел убивает
 в одну ночь врагов, царь же со срамом гонзает.³⁶

131³⁷4 Царст.
20, 11

Иезекия боля слезно помолися,
 пятнадесять лет ему жити приложися.
 То Исаия пророк ему возвещает
 стень часов вспять на десять степеней враждает.

132³⁸4 Царст.
28, 1

В дни Манассии книги бяху погублены,
 во дни же Иосии паки обретены.
 Велит я царь читати, сердцем умилися.
 Жгут кости мертвых, а храм божий очистися:
 Ог всяких скверн идолских, лесы истребил есть,
 жертвенники, кумиры добре разорил есть.

133

4 Царст.
25

³⁹ Навходоносор⁴⁰ гордый сильно приступает
 ко Иерусалиму. Огнем запалает
 Весь град и в нем храм божий люте разорил есть,
 ят царя Седекию, очию лишил есть. ||

²⁸ неверство Т. ³⁰ 51 Р. ³¹ 25 Р. ³² 53 Р. ³³ ломати Р. ³⁴ искореняти Р.
³⁵⁻³⁶ Нет Р. ³⁷ 36 Р. ³⁸ 55 Р. ³⁹⁻⁴¹ Нет Р. ⁴⁰ Навхоносор. Т.

134

л. 599 об.

Филистини по брани трупы разбираху,
 триех сынов Саулих и его труп знаху.
 Отсекше главу Саулу, в капище послаша
 и броню снемше, в жертву идолу отдаша.⁴¹

1 Пар.
19, 10135 ⁴²

Давид согреши яко люди си считал есть.
 Бог аггела со мечем на люди послал есть,
 Седмдесят паде тысяць мужей. Царь молися,
 да его казнит господь, язва утолися.

1 Пар. 23

136 ⁴³

Аммони и Моавли сынове востаха,
 Иосафата царя оружно искаша.
 Он всем пост и молитву людем возвестил есть,
 бег враги сотре, люди си укорштил есть.

2 Пар.
20, 1Ф

137

⁴⁴Азарий пророк люди к богу увещаше.
 Иоас царь каменни убити веляше,
 Но прият отмщение, иже бо служина
 ему, тии на ложи онаго убиша.

2 Пар.
24, 20^х

138

Из плена вавилонска иже ся вратиша,
 создавше олтарь богу жертвы приносиша
 И храм господень⁴⁵ тощю с трудом возставляху,
 елико силы бяше того украшаху.

1 Ездра 3

139

Есфир у Артаксеркса милость обретае,
 скипетр преклонив ясти с нею обещает.
 Аман бе притрапезник, но зле учредися,
 на высоте висети древе осудися,
 Еще Мардохееви уготовал бяше,
 на том враг израилский сам смерть пострадаше. ¶

Есфир 3
и 7

140

л. 600

Артаксеркс истории во ноци читает,
 верность Мардохееву в оних обретае.
 Веле украсивше ѿ на конь свой вездити,
 Аману под ним коня по стогнам водити.⁴⁶

Есфир 6

141 ⁴⁷

Иов егда погуби различных скот стада
 и домом прибиенна бяху его чада.
 Демон плоти коснувся зело ту вредил есть
 и жену глаголати хулы наустил есть.
 Он же ниц и болезнен вся кротко теряше
 и благодарение богу возсылаше.

Иов 1

Ф Доб., в ркп. нет. X Доб., в ркп. нет.

⁴² 50 Р. ⁴³ 57 Р. ⁴⁴⁻⁴⁶ Нет Р. ⁴⁵ божий СТ. ⁴⁷ 53 Р.

142

Псалт.

⁴⁸Царь Давид гусли держит, не все играет,
славу богу и теми ѿ усты воздает.

143

Пес.
Песней

Ся невеста с книгою церковь знаменает,
яже жениха Христа песни ублажает,
Иже чрез сего царя, нам есть изъявленны,
дай титлы невесте мудре умышленны.
Друг друга любезными словесы чувствует,
якоже писание песней сих явствует.

144

Исайя 6,
7

Егда ся Исайа с слѣвом посылает,
углем чрез серафима прежде очищает.
Его же от олтаря дух взял есть клещами
и прикоснуса онем пророка устнами.

145

Иерем.
1, 11

Иеремия пророк с богом глаголаше,
казнь на Иерусалим грядущу предаряше,
Жезл бдяц и горнец кипяцъ ту знаменоваху,
такъ слова божия ему толковаху. ||

Л. 600 об.

146

Иерем.
38, 6

Иеремия града плен предвозвещаше,
за то от князей людских ненавидим бяше
И емше его, в тинный ров ужь спустиша,
гладом ѿ уморити тамо умыслиша.

147

Иезек. 1

Иезекииль пленен в Халдеи живяше,
сицево видение от бога прияше:
Колеса вселенную прообразоваху,
звери евангелистов четырех являху,
⁴⁹Их же ⁵⁰вещанием мир в конец исполнися,
яко прежде век сый бог во плоти явися.

148

Иезек. 37

Иезекииль кости виде сухи зело,
яже облекопаша во живое тело.
Образ то человека бе ⁵¹воскресения
и людей израилских в дом свобождения.

149

Дан. 2

Навходоносор во сне име видение —
образ дивен будущих во изъявление.
Даниил сон забвенный ему поминает
и толк его подробну право изъявляет. ⁵²

Ц Доб., в ркп. нет.

48-52 Нет Р. 49-50 иже Т. 51 Нет Т.

150 ⁵³

Трие отроци во пещь горящу въвержени,
но аггелом божиим быша сохранени.
Иже паки оныя во пещь вовергаху
раби, от всеядуща огня жгоми бяху.

Дан. 3, 22

151 ⁵⁴

Валтасар царь сосуды святы осквернил есть,
на пир употребив их, бог ѿ ⁵⁵ осудил есть.
Мани, фекель, фарес, что конец знаменаше
царю и царству, яко Даниил сказаше. ||

Дан. 5, 1

152 ⁵⁶

Даниила Дарию князи клеветаша,
яко молися богу, вину ему даша.
В снєдь лвом вовержен бысть в ров, но бог сохранил есть
клеветники на ту смерть, утро царь судил есть.

л. 601

Дан. 6

153

⁵⁷Даниил виде звери четыри страшныя
во видении сонном и зело лютыя.
Тии четыри царства прознаменоваху,
яже во мире силна и прєстрашна бяху.

Дан. 7, 2

154

Иосиа блудницу в жену себе взял есть, —
⁵⁸два сына с нею и дщєрь мирови издал есть.
Израиль имя бе первому реченно,
а непомилованна дщєри возложено.
Не люди мои меншу имя сыну бяше,
теми гадателно бог людем извещаше,⁵⁹
Яко блудит Израиль с идолы от бога,
зато без милости месть крове будет многа.

Иосии 1

155

Иоилям пророком бог миру явил есть,
что в день Пєнтикостии делом совершил есть.
Иаию, рече, на плоть до духа моего,
услышат пророчества от рода своего.⁶⁰

Иоилям 2,
28156 ⁶¹

Во Ниневию^ч Иону господь посылаше,
он в Фарсис тек кораблем, китом снєден бяше,
Но в день третий зверь морской того изблевал есть,
тридневно востание Христа знаменал есть.

Иона 2,
10

157

⁶²Иона под тыквою печалєн седяше,
яко по слову его град не исчезаше.
Тыква скоро исчезе, пророк удрыхлися,
притчею за^ч нежалость^ч богом^ч обличися. ||

Иона 4

^ч Испр., в ркл. Ниневии.

⁵³ 56 P. ⁵⁴ 59 P. ⁵⁵ Нет СТ. ⁵⁶ 60 P. ⁵⁷⁻⁶⁰ Нет P. ⁵⁸⁻⁵⁹ двоицу чад от нея жророк восприял есть. / Ездраил одному непомилованна, / имя другому тайна знаменанна СТ. ⁶¹ 54 P. ⁶²⁻⁷⁸ Нет P.

Л. 601 об.

158

Мих. 5

Черз Михея пророка⁶³ господь извещаше,
что в Вифлееме рожден бог быти хотяше.

159

Аввак. 1
и 2

Разорение града Аввакум сказаше,
о гонении добрых от злых сетоваше.
И пришествие Христа бога предвестил есть,
краткое злых щастие быти известил есть.^{63а}

160⁶⁴Захар. 1
и 2

Захариа Христово сказа пришествие
и на жребяти его во Сион вшествие.

161

Тов. 1 и
2

Товия оставль обед тече мертва взяти,
на раменах несл спрята, положися спати.
Птица калом ослепи, жена привождает
козлица, он да не чужд будет, увещает.

162

Тов. 5 и
6

Сын Товия с аггелом путь свой совершает,
иже рыбу извлеци его утверждает.
Тоя утробы дымом диавол прогнася,
желчию, отцу стару свет очес отдася.

163

Тсв. 11

Желчию отцу очы⁶⁵ мажет сын Товия,
а господь просвещает на зрени тья.
Аггел, сказав о себе, в небо отлетает,
Товия, пад на землю, бога величает.

164

Иудифь
13

⁶⁶Иудифь вдова честна мужественна бьяше,
Гордому Олоферну главу отрезаше.
В его сени и⁶⁷ полцех и в град возвратися
со главою: торжество верным сотворися.⁶⁸ ||

Л. 608

165

Дан. 13

Честнокрасна Сусанна во ограде мыся,
двоица израилских судей к ней прелстися.
Улучше время на грех ону увещаша,
отрекшу клеветцут, но сами пострадаша.
Даниил бо отрочищ вопрос обновил есть,
чисту свободив, старцы на смерть осудил есть.

166

Дан.

⁶⁹Даниил змию вилу смолу повергает
в челюсти ядовиты, а змий издыхает.
Народ восхиць пророка во снедь лвом относит.
Аввакум гладну ему ту пищу приносит.
В день седмый царь свободна его испустил есть,
а враги его брашно лвом быти судил есть.

⁶³ Нет Т.
⁶⁷ Доб. в Т.

⁶⁴ Отсюда следуют ⁵⁸ строф в списке В.
⁶⁹⁻⁷⁰ Нет В.

⁶⁵ Нет Т. ⁶⁶⁻⁶⁸ Нет В.

167

Евреин агнца в жертву кумирови дает,
Мафаций от жалости того прободает.⁷⁰ 1 Мак. 2

168

Маккавей благочестный враги побеждает,
бог ревность, пост, молитву торжеством воздает. 1 Мак. 3

169

Царь Антиох Евпатор^ш полки посылает,
на елѣфантах столпы с людьми утверждает.
А Иуда Маккавей своим дает слово,
да всяко сердце на брань ставится готово. 1 Мак. 6

170

Ионафан иудский с Александром стает,
царь Димитрий на брани побежден бывает. 1 Мак. 10

171

Илиодор, посланный злато в храме ваяти,
вшед в сокровище, нача дело промышляти.
Абие яздец страшный ему ся являет,
иже ногами его люте ударяет. || 2 Мак. 3
Та же аггели тако жезлы его биша,
даже ели живаго в показ оставиша. л. 602 об.

172

Во Иерусалиме се чюдо случися,
брань полков на воздухе премногих⁷¹ явися.
Чрез четиридесять дни страшно зрими бяху,
приходящия на град скорби знаменаху. 2 Мак. 5

173

Антиох нечестивый велит ясти мяса
свиная, а слушати не хотящих гласа
Седьмь братии мучит люте и смерти предает,
по них доблественная мати умирает. 2 Мак. 7

174

Зверосердый Антиох хоте разорити
град божий и вся люди его истребити.
⁷²Испад из⁷³ колесницы, тако повредися,
яко и внутрь плотию и извне растлися,
Тело падаше, черви всего расточаху,
от смрада люта вои носы затыкаху. 2 Мак. 9

175

⁷⁴Иопъпиане много еврей потопиша,
Иудино рвение на месть возбудиша,
Иже многи вражия грады разорил есть
и полки пособием бога победил есть. 2 Мак. 12

^ш Испр., в ркп. Евпатор.

⁷⁰ премнога В. ⁷²⁻⁷³ Спад с В. ⁷⁴⁻⁷⁵ Нет В.

176

Сокровище истории Нового Завета изряднейшими
иконы изображенное^{75ц} сице подписася^д

177

При Матфеи человек начертан бывает,
яко от плоти Христа книгу начинает. ||

л. 603

178

Марку лев знамение, яко он начал есть,
гласом в пустыни, иже яко лев кричал⁷⁶ есть.

179

Луки благовестие от жреца⁷⁷ начася,
того ради вол жремый при нем написася.

180

Иоани орла ямать, яко возлетает
к солнцу Христу и его божество являет.

181

Лук. 1,22

Гавриил зачатие деве возвещает,
Марии Христа бога дух свят устрояет.

182

Лук. 2, 8

⁷⁸Ангел пастырем стада в светлости явися,
сказуя, яко Христос в вертене родися.

1:3⁷⁹

Лук. 2,16

Христос во Вифлееме от девы рожденный,
от пастырей во яслех лежащ обретенный.

184

Лук. 2,21

⁸⁰ В день осмый по закону Христос обрезася.
Ту кровь его во первых за ны пролияся.

185

Мат. 2,1

Волсви от Вавилона к Христу приидоша,
миро, злато, кадило в дары принесоша.

186

Лук. 1,25

⁸¹В день четыредесятый в церковь принесенный,
от Симеона, Анны хвалами почтенный.⁸²

187

Мат. 2,13

В объятиих матери Христос бог гонзает,
во Египет Иосиф осла провождает. ||

л. 603 об.

188

Мат. 2,16

⁸³Младенцы в Вифлееме вси убивают,
от сосцу родительниц силно оттерзают.

Щ-ы Доб. в ркл.

⁷⁶ рычал В. ⁷⁷ жерца Т. ^{78-80а} Нет В. ⁷⁹ 21 Р. ^{80-111, 3} Нет Р.
⁸¹⁻⁸² Нет Т. ⁸²⁻⁸⁴ Нет Т.

189

Дванадцатолетен Христос вопрошает
учители премудро и сам отвещает.
В храме божием вси ся ему удивляют,
ту его родители славна обретают.⁸⁴

Лук. 2,45

190

Тридцать лет имея Христос бог крестися
на Иордане; троица святая явися:
Отец в гласе, сын в плоти, дух же божественный
в видении голуба, над Христом явленный.

Мат. 3,13

191

Христа алчна в пустыни демон искушает,
но пред солнцем истинны тмы князь исчезает.

Мат. 4

192

Христос чудо первое в Кане сотверил есть,
в скудости вина воду в вино претворил есть.

Иоан. 2,1

193

Князь жидовский Никодим в ночи посетил есть
Христа, он же истинне его научил есть.

Иоан. 3,1

194

При студенци по пути Христос почивает,
самаряныню правде святей поучает.

Иоан. 4,5

195

⁸⁵В Капернауме сотник к ногам припадает,
о рабе болном, Христос словом исцеляет.⁸⁶

Мат. 8. 5

196

Сед на горе, Христос бог слово простираше,
ученики и люди долго поучаше. ||
То слово Матфей в главах триех заключил есть,
в пятой, шестой и седмой; на сей окончил есть.

Мат. 5,
6, 7

л. 604

197

Бервно изми первые из ока твоего,
та же сучец измени из ока братнего.^{86a}

Мат. 7,
3ю

198

Спящу Христу кораблю люто бедство бяша,
возбнув, запрети морю, ветру и престаше.

Мат. 8,23

199

Разслабленный ко Христу чрез кров ся спускает,
за веру он принесших того исцеляет.

Лук. 5

⁸⁴⁻⁸⁵Доб. в ркп. нет.⁸⁵⁻⁸⁶Нет Т.

200

Лук. 6,11

У врат града Наина мертва воскресил есть,
вдовы едиnorodна матери вратил есть.

201

Лук. 7,36

Фарисей некий Христа хлебом учреждает,
блудница нозе слезми очес оmyвает.
Трет власы, миром мажет, о гресех ся кает.
Христос, зря любовь многу, грехи оставляет.

202

Мат. 13

Сеяй сеет семена ⁸⁷от камень ссыхают, ⁸⁸
в тернии гибнут, птицы на пути сьнедают.
Токмо яже на землю добрую падоша,
нескудны сеятелю плоды принесоша.

203

Мат. 14,1

Иоани Предитеча, ⁸⁹ пророк божественный,
обличавый Ирода, бысть обезглавленный.
Дщерь жены Иродовы, безстыдно скакаше,
просила его главы, Ирод ей отдаше.

204

Иоан. 6,1

л. 604 об.

Пять хлебов и две рыбе отрок продаеше,
тыя чрез апостолы Христос господь взяше.]
Пять тысяц насытил есть, выше того взяху
укрухов дванадесять кошниц, что остаху.

205

Мат. 14,
24

Христос по водам ходит, Петр ся погружает,
рек: «Спаси мя, господи». Тем спасен бывает.

206

Мат. 15,
22

Жена хананейская исом уподобися,
зато дщерь от демона Христом свободися.

207

Лук. 10,
30⁴

От разбойник язвенна жрец Левит лишае,
самарянин елей и вино возливает.

208

Лук. 10,
38

Марфа печется Христа брашны учредить,
Мариа ⁹⁰словом тицится душу ⁹¹ насытит:

209

Лук. 11,
14

Демон во человека немый водворися,
Христос того изгнал есть, бесный ^{11, *} исцелися.

* Испр., в ркп. 10, 1. 11, ^a Испр., в ркп. бедный.

⁸⁷⁻⁸⁸ различно падают СТВ. ⁸⁹ Предтеча С; Предотеча ТВ. душу словом В.

210

Христос бог на Фаворе в свет преобразися,
Моисий со Илиею ему представися.

Мат. 17,1

211

Людие дети своя ко Христу приносят,
да молится и руже ⁹²взложить на ня⁹³ просят.
Ученицы претиша з детми приходити,
господь же возбрани им впредь тако творити.

Мат. 19,
13

212

Домовит делатели наем посылает,
по пенязю за дело на день совещает.

Мат. 20,1

213

На блуде жену яту Христу представиха.
«Что сотворити должно?» — его вопросиха. ||
Он писаше на земли, вси вон избегают,
Христа токмо⁹⁴ и жену блудну оставляют.
Господь же, наказав ю, с миром отпустил есть,
от законом сужденны смерти свободил есть.

Иоан. 8,1

л. 605

214

Человеку богату нива угобзися.
Он гумно разорити ветхо намыслися
И болшее создати, сам ся ублажает,
душе, да яст и пиет, своей совещает.
А суд божий глаголет: безумне, что лстиши
сам себе, се в ночь сию вся та оставиши.

Лук. 12, 6
16

215

Блудный сын, вся расточив, к отцу возвратися,
отец напад на выю, о нем умилися.

Лук. 15,
11

216

Богатый пиршествует, а Лазарь желает,
да от крупиц трапезы его ся питает,
Язвы его пси лижут. Богатый забыл есть
Лазаря насытити, сам довольно пил есть.
Но по смерти в прохладе нищий Лазарь бяше,
Богатый капли воды в огни смй моляше.

Лук. 16,
19

217

Царь, сотвори брак сыну, многи на пир зваше,
убившим, рабы огнем и мечем отмщаше.
Зидев же не во брачну ризу облеченна
се пиршествующими быти посажденна.
Разгневанся, повеле онаго связати
и во тму кромешную абие предати.

Мат. 22,1

⁹² Испр. в ркп. 15.⁹³⁻⁹³ на ня взложить СВ. ⁹⁴ тамо В.

218

Лук. 17,
11

Десять муж прокаженных словом очищает,
егда ко священником оны посылает.

219

Лук. 18,9

Фарисей на молитве сам ся оправдает,
мытарь очес возвести на небо не дерзает.

Л. 605 об.

Блет перси, милости у господа просит,
ов отвержен, сей паки благодать относят.

220

Лук. 18,
35

⁹⁵Грядый к Иерихону слепца приглашает,
милости просящему словом очы дает.⁹⁶

221

Иоан. 11,
1

Лазарь недругом держим на одре лежаше,
Мариа же с Марфою ко Христу послаше,
Да придет. Лазарь же в мале преставися,
но Христос, воскресив и, славно прославися.

222

Лук. 19,1

Закхей Христа грядуща со древа смотряет,
Христос, пригласив его, у него витает.

223

Мат. 21,1

Во град Иерусалим на осли жребяти
идет господь волнуя страсть за ны прияти.
Народи ризы стелют, ветви подстилают,
«Осанна» Давидову сыну воспевают.

224

Марк 11,
15

Куплю деющих в церкви господь изгоняет
и трапезы торжником словом превращает.

225

Мат. 25,
14

Господни рабом своим таланты вручает,
куплю теми деяти оным завещает.

226

Мат. 26,
19
Лук. 22,
39

Пасху ветхозаконну Христос совершил есть,
потом хлеб в тело, вино в кровь си претворил есть.
Иоани на господних персех возлегает,
Господь о предателе евоем предвещает.

227

Лук. 22,
39

Во вертограде Христос отцу си молися,
егда волныя страсти время приближися. ||

228

Л. 606

Иоан. 18,
3

Иуда лобзанием Господа предал есть,
Петр апостол Малхови ухо урезал есть.
Нечестивии вси Христа похищают,
вяжут, бьют, торгают, люте озлобляют.

229

97 Христос бог Каиафе в первых представися,
праведный неправедным мужем зле судися
Петр при огни греется, но зле позябае,
егда ся Христа бога за страх отрицае.⁹⁸

Мат. 926,
56Г

230

У столпа каменнаго Христос привязанны
велением Пилата луте бичеванны.

Ио 19,1

231

99 Вои терновый¹⁰⁰ венец Христу возложиша,
уязвенна народу жидовску явиша.
«Се человек» — сам Пилат евреом вещает,
а злочестная спира «распи» возглашает

Ио. 19,5

232

Пилат нетвердоумный на смерть Христа дает
руце умы, Варавву от уз испущает.

Мат. 27,
24

233

Господь крест на Голгофу нося изнеможе.
Симон же киринейский нести ѿ поможе.
Жены благочестныя Господа плакаху,
во слезах на Голгофу вслед его идяху.

Лук. 23,
25

234

На древе крестном Христа бога пригвоздиша,
а с ним два разбойника близу повесиша.
Хотяще с разбойники онаго вменити,
но славы царя несть леть истребити. ||

Мат. 27,
34

235

Иосиф с Никодимом в гробе положиша
тело господне, миром довольно мастиша.
Бяше ту мати слезна и жены стояху,
яже Спаса нашего усердно любяху.

Иоан. 19,
38

236

Егда мирносицы к гробу приидоша
с миром, тела Христова в нем не обретоша,
Ибо воскресе смерти, ада победитель,
рода человека III, 1 всеблагий спаситель.

Мат 28,
1Д

237

Учеником в Еммаус грядущим явися,
но от них не бе познан, ибо утаися.
Даже в преломлении хлеба ѿ познаша
и шедше апостолом в Сионе сказаша.

Лук. 24,
13

В-Г Испр., в ркп. 29, 26. Д Испр., в ркп. 28, 4.

97-98 Нет В. 99-III, 2 Нет В. 100 терновое СТ. III, 1 человеческа С.

238

Лук. 24,
49

Христос пред ученики идет с Елеона,
 силою си носимый в град горня Сиона.
 Во Иерусалиме велев оным ждати,
 дондеже исполнятся дары благодати.³

239

Мат. 25,
31

Егда мирови сему конец приближится,
 тогда сын человеческ в славе си явятся
 И будет вся делеса всех людей судити
 и всеправедную маду комуждо творити.
 Праведным имать дати в небе живот вечный,
 грешники же вовержет во огнь безконечный.

240

Де. 2,1

Апостоли святии в собрании бяху,
 обещанныя силы свыше ожидаху.
 И се в день пятьдесятный шум велик бывает,
 дух святыи во языцех огненных схождает. ||

Л. 607

241

Де. 3,1

Петр со Иоанном хромца бедна устрабляют,^о
 во милостыни место нозе утверждают.^ж

242

Де. 5,1

Анания часть цены села утаил есть,
 пречее пред апостол ноги положил есть.
 Петр, духом лжю увидев, мужа обличает,
 он пад идше и жене тожде ся случает.

243

Де. 7,54

Стефан святыи каменни убиен бывает.
 Саул, риз страж, на дело то соизволяет.

244

Де. 8,26

Филипп овнуха вере правды научил есть
 и, сседши с колесницы, во пути крестил есть.

245

Де. 9,3

Саул иде в град Дамаск христиан искати,
 на различныя муки оны предаяти.
 Но бысть глас: «Савле, Савле, что мя ты гониши?»
 он же: «Госноди, что мя творити величи?»
 Лежит низу очию, зрениа лишися,
 силою бога в мужа блага преложися.

246

Де. 10,1

Петрови плащаница с небесе свесися,
 притчею не презрети еллин наставися.
 Корнилийев посланник его приглашает,
 он шед, самага и весь дом его крещает.

^о Испр., в ркп. устрабляет. ^ж Испр., в ркп. утверждает.

247

Петр всажден в темницу среде стражей спаше,
церковь о нем молитву прилежно творяше.
Аггел, его возбудив, от уз свободил есть,
провед мимо две страже, церкви возвратил есть.
Врата железна сама себе отверзоша,
сяе молитвы верных у бога могоша.³ ||

Де. 125

248⁴

Павел хроморожденна в Листрех исцеляет.
Народ Ермия бога быти и вменяет
Варнаву паки Дия. Жреци приидоша,
телцы има на жертву тучны приведоша.
Но Павел с Варнавою того возбраняет,
едина бога быти творца всех ведает.

4. 607 об.

Де. 14,7

249

⁵ На Милите острове при огни седоша,
иже ся сокрушившу кораблю спасоша.
Ехидна Павла в руку усекнула бяше
человекоубийцу всяк и непщеваше.
Егда же отряс ю в огонь, без вреда явися,
от несмысленных еллин за бога вменися.⁶

Де. 28,5

250

Иоанн в остров Пафмос елма заточися,
сын человек в восторзе оному явися,
Имей седьм звезд в руке и меч испущенный
из уст, между светилник седмию ставленный.

Апок. 1,9

251

Бог-отец на престоле сядиць проявленный,
двадесять и четырьми старцы окруженный,
Иже егда зверие четыри пояху
трисвятое пение, ницы припадаху.
Венцы своя под нозе господни кладуще,
Достоин еси боже взяти честь зовуще.

пок 41

252

Егда агнцем печати шесть решены бяху
с луком, с мечем, с мерилы язды исхождаху.
Смерть с косою вслед ея огнен ад идяше,
душы под престолом звезд спадение зряше.⁷

Апок. 6,1

253

Егда седмая печать агнцем разрешися,
от четырех аггелов пременно трубися ||
Всяк глас, горе новое миру возвещаше:
во первом кровь, град и огонь на землю падаше,
По втором огненная гора низавалися,
но третьем звезда Пельнь в воды низапустися,
По четвертом в светилех тма свет помрачаше.
Еще ин «горе, горе, горе» вопяише.

Апок. 8,1

4. 608

³ магоша Т. ⁴ 95 Р. ⁵⁻⁹ Нет Р. ⁶ Здесь обрывается список В. ⁷ бяше СТ.

254

Апок. 9,5

Возтруби аггел пятый, звезда низвалися,
из бездны с дымом пружей множество пустися,
Смертно язвящих люди. Та же возтрубил есть
шестый, и на Ефрате реце разрешил есть
Четверицу аггелов готовых изъити,
третью часть человек во мире избити.

255

Апок. 10,
1

Лицесолнечный аггел в облак облеченный,
на главе дуга, столпы низу утвержденный.
Богом кленется, яко время ся кончает,
Иоанну книжицу, еже снести дает.⁸

256

Апок. 11,
3

Енох со Илиею будут прорипати
в концы веков и люди к богу увещати.
Змий Антихрист имать я в Сионе убити,
но во день третий хочет Господь оживити.
Речет: «Видита семо и будета взята
на небо зрящим врагом, яко мужа свята.

257

Апок. 13,
1

Зверь лют грядет из моря, злых сонм знаменает,
первая Антихриста глава изъявляет.
Ии из земля изходит с агнчима рогама,
оба будета хулы ригати устнама.
Сей лжепророк огонь сведет, люди убоятся,
неписании в небе зверем поклонятся.

258

Апок. 16,
1

л. 608 об.

Аггели чаши гнева в мир сей заливают,
злочестивыя люди скорбми истребляют. ||
Змий три жабы из устен свой изпущает.
Три суть демони, яже злый враг посылает
Лстяти словом чудесы от троицы знания
и Христова божества исповедания.

259

Апок. 18,
2

Град великий Вавилон огнем согарает,
скоро, яко жерновный камень, упадет.
Плачут его царие, купцы, художницы,
рыбарие и девы и корабелницы,
Яко прибытков своих не могут стяжати,
ни к тому ясти, пити в нем и ликовати.
Вавилон же сонмь людей злочестных являет,
их же погибель в концы веков ожидает.

260

Апок. 20,
2⁸

Аггел змиа связанна в бездну вовергает,
егда Христос демоню силу укрощает.

⁸ Испр., в ркп. 22.⁸ дает Т.

Той по тысящи годищ паки разрешится,
 ибо во Антихристе зело укрепится.
 Соберет безчисленны на всю церковь рати,
 но судия воскоре казнь хочет воздати.

261

Иерусалим новый наконец явился
 Иоанну святому и зело светися
 Небесными красоты. Несть леть описати
 доброты его, ниже помыслом объяти.
 В том бог людем си верным жилище готует,
 сам в неприступней славе вовеки царствует.⁹

Апок. 21

⁹ *Доб.* Конец и богу слава *СТ*; Превод библии латинския личныя малыя в полдесть Семена Фалеева иконописца *Т*.

ПО РУКОПИСНЫМ СОБРАНИЯМ

(Печатается под наблюдением В. П. Бударagina)

Н. В. ШУХТИНА-САВЕЛЬЕВА

Пинежские находки 1987 г.

В августе 1987 г. состоялась очередная археографическая экспедиция Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР на Пинегу. Пинежский район Архангельской области неоднократно начиная с 1962 г. обследовался экспедициями Пушкинского Дома и Ленинградского государственного университета, которыми в разное время руководили А. Х. Горфункель, А. М. Панченко, Н. С. Демкова, Н. И. Николаев, А. Г. Бобров, М. В. Рождественская.¹ Последняя экспедиция состоялась в июле 1986 г.

В этом году работа началась и закончилась в г. Архангельске, по течению реки Пинеги были обследованы районный центр Карпогоры и деревни вокруг него (Веркола, Ёркино, Кушкопала, Айнова гора, Церкова гора, Ваймуши), а также предприняты однодневные контрольные поездки в Кевролу и пос. Пинегу. Во всех этих населенных пунктах не раз уже бывали ленинградские археографы, здесь же работали две последние экспедиции, поэтому рассчитывать на особый успех не пришлось. Однако вопреки ожиданиям находки этого года оказались значительными как по количеству, так и по содержанию.

В предыдущих отчетах об экспедициях на Пинегу уже была охарактеризована археографическая ситуация в этих местах. Здесь почти уже нет старообрядческого населения, нет и таких деревень, где в каждом доме можно увидеть «досюльные» книги, поэтому сейчас в экспедициях археографов по большей части радуют отдельные случайные находки.

Так, жительница Карпогор М. П. Томилова передала в дар Древлехранилищу им. В. И. Малышева сборник литературного содержания 60-х гг. прошлого века (№ 643),² в состав которого входят различные выписки из Скитского, Азбучного, Киево-Печерского патериков, Пролога, апокрифическое сказание о страстях Христовых, старообрядческое сочинение об антихристе, Повесть об Иоакиме, патриархе Александрийском из Хождения Трифона Коробейникова и другие тексты. Другой житель Карпогор, Г. И. Завернин, передал рукопись 1894 г. — Молитвенник и Помянник, написанный рукой местного книжника Антоша Михайловича Патракеева (№ 646). Свообразная писцовая датировка этой рукописи: А. М. Патракеев поставил охрой не только даты начала и окончания работы, но и даты написания отдельных текстов рукописи. Канон за единоумершего и сборник, в составе которого молитвы и Сон Богородицы, переписанные в начале XX в. (№ 650, 651), подарила А. Н. Климова из д. Ёркино.

В прошлом году совместной экспедиции Пушкинского Дома и Ленинградского государственного университета удалось получить часть руко-

¹ Отчеты о предыдущих экспедициях на Пинегу см. в следующих томах ТОДРЛ: 20, 23, 25—28, 36, 37, 39, 41, 42.

² Здесь и далее в скобках дается шифр рукописи Пинежского собрания Древлехранилища ИРЛИ.

писных книг из библиотеки жительницы д. Ёркино Анны Семеновны Порохиной, грамотной женщины, знавшей толк в «древлеписьменных» книгах.³ В этом году сестра А. С. Порохиной, проживающая ныне в Карпогорах, передала в Дрвелехранилище оставшиеся рукописи из библиотеки А. С. Порохиной. Ими оказались фрагмент службы Параскеве Пятнице последней четверти XVII в. (№ 636); сборник первой половины XVIII в., в состав которого входят «Зерцало мирозрительное» Виталия Дубенского и другие тексты (№ 639); полемический сборник 80-х гг. XVIII в. (№ 642) и служебный сборник начала XX в., содержащий Службу на Пасху и Чин погребения (№ 649). Таким образом, теперь мы имеем довольно полное представление о составе библиотеки А. С. Порохиной.

Библиотека еще одной крестьянской семьи пополнила Пинежское собрание Дрвелехранилища. Жительница пос. Кег-остров (близ Архангельска) М. Н. Голенищева подарила экспедиции 17 рукописей и одну старопечатную книгу своего отца Мельникова Никиты Ивановича. Он был старообрядческим наставником на Пинеге, в д. Айнова гора. Любопытно отметить, что, по воспоминаниям сестры А. С. Порохиной, Н. И. Мельников был своего рода учителем Анны Семеновны, ей он передал часть своих книг. Это подтверждает и владельческая запись самого Н. И. Мельникова на Триоди постной первой четверти XVI в. — самой древней рукописи из библиотеки А. С. Порохиной (№ 617).

Среди рукописей из библиотеки Н. И. Мельникова можно выделить сборники литературного и учительного содержания. Это сборная рукопись третьей четверти XVIII — середины XIX в., содержащая Житие Артемия Веркольского, поучения Ефрема Сирина и др. (№ 640); сборник выписок о крещении и перекрещивании еретиков последней четверти XVIII в. (№ 641); сборник духовных стихов с редко встречающейся редакцией Стиха о Голубиной книге (№ 648) и др. Самая ранняя из служебных рукописей — Часовник, конволют третьей четверти XVII — второй четверти XX в. (№ 635). Среди книг Н. И. Мельникова есть поздние рукописи, часть которых переписана, возможно, самим владельцем. В основном это служебные тексты, необходимые для выполнения определенных треб: Канон за единоумершего (№ 658, 659), Скитское покаяние (№ 661 — 663). Печатная книга, переданная М. Н. Голенищевой, «Почтения Ефрема Сирина» — издание февраля 1647 г. Книги библиотеки Н. И. Мельникова свидетельствуют о известном разнообразии читательских интересов ее владельца и дополняют наши представления о составе библиотек пинежских крестьян.

Большая часть рукописей, привезенных экспедицией этого года, была получена в Верколе. Здесь с благодарностью хотелось бы назвать имя архангелогородца Михаила Федоровича Белоусова. С ним мы познакомились еще летом 1985 г. В этом году Михаил Федорович в выходной день специально приехал из Архангельска в Верколу, чтобы отыскать и передать нам рукописи, хранящиеся в доме его матери И. И. Белоусовой. Здесь, в одном из самых древних в деревне домов, были найдены рукописи и деловые бумаги XVII — XIX вв. из архива веркольских крестьян Чеусовых и Белоусовых. Среди этих материалов фрагмент Требника конца XVII — начала XVIII в. (№ 637), фрагмент Чина исповедания начала XVIII в. (№ 638) и другие рукописи.

Документы крестьянского архива хронологически распределяются следующим образом: 19 документов XVII в., 36 — XVIII в. и 12 — XIX в. Большую их часть составляют хозяйственные документы крестьян Чеусовых и Белоусовых — купчие, договорные, дельные записи, расписки и т. д. Многие члены этих семей, как свидетельствуют материалы архива, занимали в разное время определенные выборные должности,

³ Об А. С. Порохиной см.: Н и к о л а е в Н. И. Пинежская экспедиция 1979 года // ТОДРЛ. Л., 1981. Т. 36. С. 392.

поэтому среди деловых бумаг находятся документы Кеврольской приказной избы. Среди них договорная и наемная запись между кеврольскими крестьянами и кеврольцем Алексеем Семеновым Лутковым о строительстве им храма в Верколе 1643 г. (№ 665); список с «наказной памяти» приставу Ивашке Дмитриеву о том, чтобы ехать ему в Кеврольский и Мезенский уезды для расследования дела о покраже казны из московского Знаменского монастыря 1668 г. (№ 673) и др. Таким образом, документы этого архива, охватывающие более чем двухсотлетний период, дают ценный материал по истории севернорусского крестьянства.

Всего в Пинежское собрание Древлехранилища поступило в этом году 97 рукописей XVII—XX вв.

Находки Пинежской экспедиции 1987 г. еще раз убеждают в непреложности принципа многократного сплошного археографического обследования населенных пунктов, выработанного В. И. Малышевым. Поиски рукописей на Пинеге, несомненно, должны продолжаться и дальше.

Ниже публикуется краткое описание рукописей, поступивших в Пинежское собрание Древлехранилища, составленное Г. В. Маркеловым и Н. В. Шухтиной.

1 (635). ⁴ Часовник — конволют XVII в. (3-я четв.) — XX в. (втор. четв.), в 8-ку, 237 л., полуустав, переплет — доски в тисненой коже с двумя ременными застежками, корешок реставрирован в XX в. Основная часть рукописи написана полууставом одной руки, в оформлении текста использована киноварь, на л. 59, 90 — заставки в красках. Рукопись реставрирована в XVIII и XX вв. Для второй части конволюта использован фрагмент печатного часовника XVIII в. (бумага 1785 г.). На л. 159 об. запись скорописью XVIII в.: «Авдеев Степан руку приложил». На л. 163 об. запись тем же почерком: «Сия святая книга Часовник Архангельской округи (Лисо)стровской волости (нрзб.) деревни крестьянина Степана (нрзб.) сына Авдеева (нрзб.)». На л. 213 владельческая запись Н. И. Мельникова.

2 (636). Служба Параскеве Пятнице (фрагмент), XVII в. (посл. четв.), в 8-ку, 4 л., полуустав. В оформлении текста использована киноварь.

3 (637). Требник (фрагмент), XVII в. (конец)—XVIII в. (нач.), в 8-ку, 17 л., скоропись.

4 (638). Чин исповедания (фрагмент), XVIII в. (нач.), в 8-ку, 13 л., полуустав. В оформлении текста использована охра. На л. 1 запись скорописью: «Сия книга Кеврольского уезда Веркольской волости Артемья Анисимова Ставрова».

5 (639). Сборник, XVIII в. (1-я пол.), в 4-ку, 399 л., полуустав, переплет — доски с остатками ткани. В оформлении текста использована киноварь. На л. 65, 151, 299 об. — заглавия вязью, здесь же оставлено место для заставок. На л. 398 об. запись скорописью: «Всего в сей книге писанных и неписанных числится 396 листов». На л. 349 об. поздняя запись карандашом — выписка из Требника. С о д е р ж и т: «Зерцало мирозрительное» Виталия Дубенского, выписки из Скитского, Азбучного, Киево-Печерского патериков, выписки из Книги о вере, Кирилловой книги, Апокалипсиса, Апостола, Златоуста и других книг об антихристе, Слово Ефрема Сирина об антихристе, выписки из Евангелия и Златоуста о конце света, выписки различных правил из Кормчей книги и др.

6 (640). Сборная рукопись, XVIII в. (3-я четв.) — XIX в. (серед.), в 4-ку, 217 л., полуустав трех почерков, переплет — доски в коже с остатками двух ременных застежек. В оформлении текста использована кино-

⁴ Цифра в скобках — шифр рукописи Пинежского собрания Древлехранилища им. В. И. Малышева.

варь. Отдельные листы рукописи реставрированы. На л. 1—7 по верху листов скрепа подражанием печатному: «Сию| кни|гу| о|ста|вля|ю| Ве|ры|Е|го|ро|вны». На л. 211 запись скорописью: «Господи Иисусе Христе. Книга сия Николая Барышника. . .». На л. 211 об. запись той же рукой: «Сия святая богоблаженного Артемия принадлежит Николаю Барышникову». С о д е р ж и т: Слово Иоанна Златоуста на Рождество Христово, Службу Артемию Веркольскому, Слово Ефрема Сирина о покаянии, о любви и о крещении, Слово Ефрема Сирина о втором пришествии Христове, Чудо святого Спиридона о житопродавце, Житие великомученика Димитрия, Житие Марии Египетской, Житие Алексея, человека божия (из ВМЧ), Мучение Параскевы Пятницы, Житие Артемия Веркольского (2-й редакции, по классификации Л. А. Дмитриева), Слово Иоанна Златоуста о лжепророках и ложных учителях, отрывок Службы Алексею, человеку божью и др.

7 (641). Сборник выписок о крещении и перекрещивании еретиков, XVIII в. (посл. четв.), в 4-ку, 49 л., поморская скоропись, переплет картонный с кожаным корешком. В оформлении текста использована охра. На полях рукописи и на л. 9 (лист обрезан) писцовые пометы к тексту. С о д е р ж и т: выписки из Кормчей, книг Нового завета о крещении, выписки из Кормчей о вселенских соборах и осуждении еретиков, Указ о белорусцах патриарха Филарета, выписки из Требника о чине перекрещивания еретиков.

8 (642). Сборник, XVIII в. (80-е гг.), в 8-ку, 104 л., полуустав, переплет — доски в ткани с остатками одной застёжки. В оформлении текста использована охра. Порядок листов в рукописи перепутан. С о д е р ж и т: выписки из различных сочинений о крещении и о ересь, иногда в вопросно-ответной форме, поучения, духовные стихи, Плач Иосафа царевича и др.

9 (643). Сборник, XIX в. (60-е гг.), в 8-ку, 378 л., полуустав, переходящий в скоропись, переплет — доски в замше с остатками одной ремешковой застёжки. Для форзаца и л. 1 использован фрагмент письма 1831 г., написанного писцом сборника, о его службе в солдатах. На л. 1 запись почерком писца рукописи: «Григорей Ефимович». В рукописи имеются писцовые и читательские пометы к тексту. С о д е р ж а т: выписки из патериков, из Пролога, апокрифическое сказание о страстях Христовых, старообрядческое сочинение об антихристе, Повесть об Иоакиме, патриархе Александрийском, из Хождения Трифона Коробейникова и др.

10 (644). Молитва Иисусу Христу, XIX в. (серед.), в 8-ку, 2 л., скоропись. На л. 2 об. запись почерком писца: «(нрзб.) (те)трать Кеврольска(го) (уез)да Веркольской (воло)сти крестьянина (В)асилия Чеусова (нрзб.) своя (нрзб.) и не за(клад)ена».

11 (645). Свидетельство на право расчистки леса под сенокосные земли, данное леснику Пинежского лесничества Андрею Филиппову Яковлеву, 1876 г., 1 л., писарская скоропись, подлинник. На л. 1 об. резолюции: 1) 1886 г. об отнятии в казну у Андрея Филиппова Яковлева неразработанных земель (800 кв. сажен); 2) 1894 г. о предоставлении этого участка Матвеем Андреевым Яковлеву.

12 (646). Молитвенник и Помянник, 1894 г., в 8-ку, 44 л., подражание печатному, переплет картонный с матерчатый корешком. В оформлении рукописи использована охра. Даты начала и окончания рукописи, а также даты написания отдельных текстов проставлены писцом Антоном Михайловичем Патракеевым. На л. 1 запись скорописью: «Молитвенник сей Антона Михайловича Патракеева». На л. 1 об., 43 об.—44 бытовые, поминальные записи и фрагмент молитвы кресту, сделанные писцом в различное время. С о д е р ж и т: молитвы утренние, молитву от осквернения, молитвы на сон грядущий, молитвы молебные на весь день, помянник общий.

13 (647). Скитское покаяние, XIX в. (конец), в 8-ку, 19 л., подражание печатному, переплет картонный (сохранилась только нижняя крышка переплета). В оформлении текста использована охра.

14 (648). Сборник духовных стихов, XIX в. (конец), в 8-ку, 20 л., подражание печатному, без переплета. В оформлении текста использованы красные чернила. На л. 17 запись: «Нормачев во веки веком аминь глагола». С о д е р ж и т: Стих о Голубиной книге, Стих о гробе, Стихи о смерти.

15 (649). Сборник служебный, XX в. (нач.), в 4-ку, 57 л., подражание печатному, переплет бумажный. В оформлении рукописи использованы красные чернила. Вместо крюковой строки писцом используются особые обозначения. На л. 2 владельческая запись Н. Мельникова. С о д е р ж и т: Службу на Пасху, Чин погребения.

16 (650). Канон за единоумершего и фрагмент Канона за умерших, XX в. (нач.), в 8-ку, 28 л., подражание печатному, без переплета.

17 (651). Молитвы и Сон богородицы, XX в. (нач.), в 8-ку, 11 л., подражание печатному и скоропись, без переплета.

18 (652). Сборник служебный, XX в. (нач.), в 4-ку, 59 л., полуустав, переплет картонный. В оформлении текста использована охра. С о д е р ж и т: службы на Пасху, на Рождество Христово и др.

19 (653). Указ о поклонах и крестном знамени (фрагмент), XX в. (нач.), в 8-ку, 8 л., полуустав.

20 (654). Канон кресту (фрагмент) и тропари, XX в. (нач.), в 8-ку, 8 л., полуустав. С о д е р ж и т: Канон кресту (без нач.), тропари Троице, всем святым, Илье пророку, Иоанну Богослову и др.

21 (655). Служба на Рождество Христово, XX в. (нач.), в 4-ку, 20 л., подражание печатному, переплет картонный.

22 (656). Сборник служебный, XX в. (нач.), в больш. 4-ку, 27 л., подражание печатному, переплет картонный. В рукописи имеются заставки, выполненные цветным карандашом. С о д е р ж и т: выписки из Устава о христианском житии и др.

23 (657). Сборник, XX в. (нач.), в 8-ку, 20 л., подражание печатному, переплет картонный. На нижней крышке переплета владельческая запись Н. И. Мельникова. С о д е р ж и т: Плач Иосафа царевича, Стих об озлоблении кафоликов, застойники на Великий пост, на Пасху, на Благовещение, в Великую субботу.

24 (658). Сборник служебный, XX в. (нач.), в 8-ку, 36 л., подражание печатному, переплет картонный. В оформлении текста использованы красные чернила. С о д е р ж и т: Канон за единоумершего, молитвословия с поклонами, молитвы утренние, псалом 50, Символ веры (фрагмент).

25 (659). Канон за единоумершего, XX в. (2-я четв.), в 8-ку, 64 л., подражание печатному, переплет картонный. В оформлении текста использованы красные чернила.

26 (660). Служба, Житие и Похвала Николаю Мирликийскому, XX в. (серед.), в 4-ку, 108 л., подражание печатному, переплет картонный с матерчатым корешком. Рукопись написана простым карандашом, возможно, Н. И. Мельниковым. В оформлении текста использован красный карандаш.

27 (661). Скитское покаяние, XX в. (серед.), в 8-ку, 19 л., подражание печатному, возможно, руки Н. И. Мельникова. В оформлении рукописи использован красный карандаш.

28 (662). Скитское покаяние, XX в. (серед.), в 4-ку, 8 л., подражание печатному, возможно, руки Н. И. Мельникова. В оформлении текста использован красный карандаш.

29 (663). Скитское покаяние, XX в. (3-я четв.), в 4-ку, 16 л., подражание печатному, без переплета.

**Деловые бумаги из архива веркольских крестьян
Чеусовых—Белоусовых XVII—XIX вв.**

30 (664). **Запись о взятии в Новгородскую четь** из Кевролы по росписи Степана Чирикова денежных оброков и пошлин, 1640 г., 2 сст.

31 (665). **Запись договорная и наемная** между кеврольскими крестьянами и кеврольцем Алексеем Семеновым, сыном Лутковым, о строительстве им в Верколе храма, 1642 и 1643 гг., 3 сст.

32 (666). **Запись об обмене пустошами** между веркольскими крестьянами Максимом Мининым и Трофимом Савастьяновым, 1653 г., 1 сст.

33 (667). **Выборная запись** о выборе крестьянина Трофима Савастьянова в денежные сборщики, 1654 г., 11 окт., 1 сст.

34 (668). **Расписка веркольских выборщиков** в том, что денежный сборщик Трофим Савастьянов отчитался перед ними сполна, 1658 г. 1 сст.

35 (669). **Закладная запись** летопальского крестьянина Елисея Васильева, сына Исаковых на земельные угодья, 1665 г., 11 янв., 1 сст.

36 (670). **Купчая крепость** на продажу веркольцем Мироном Иевлевым своего имения веркольцу Аверкию Федорову, 1665 г., 17 марта, 1 сст.

37 (671). **Купчая крепость** веркольца Аверкия Федорова на продажу своего имения, купленного ранее у Мирона Иевлева, Трофиму Савельеву, сыну Гудину, 1666 г., 11 мая, 1 сст.

38 (672). **Меновая запись** вкладчиков Веркольского монастыря на санные покосы на монастырских поземах, 1666 г., 28 мая, 1 сст.

39 (673). **Список с наказной памяти приставу** Ивашке Дмитриеву о том, чтобы ехать ему в Кеврольский и Мезенский уезды для расследования дела о покраже казны из московского Знаменского монастыря, 1668 г., 27 февр., 1 сст.

40 (674). **Купчая крепость** о продаже веркольцем Селиверстом Ивановым своего имения и угодий кеврольцу Трофиму Савастьянову, 1677 г., 5 июня, 1 сст.

41 (675). **Дельная запись** о разделе отцовского имущества и угодий между сыновьями Трофима Савастьянова, 1677 г., 3 сент., 2 сст.

42 (676). **Челобитная** веркольца Трофима Савастьянова о возвращении ему пустошей для сенокоса, 1679 г., 1 сст.

43 (677). **Расписка веркольского денежного сборщика** Самсона Петрова крестьянину Трофиму Савастьянову о полученных с него деньгах «ратным людям на прокорм», 1680 г., 7 марта, 1 сст.

44 (678). **Купчая крепость** веркольца Иосифа Трофимова, сына Савастьянова, на продажу своего имения и угодий братьям Тимофею и Захару Трофимовым, 1684 г., 6 апреля, 1 сст.

45 (679). **Дельная запись** о разделе земли и имущества между веркольцами братьями Савастьяновыми, 1687 г., 20 сент., 1 сст.

46 (680). **Отписка** крестьянки Шардонемской волости Федоры Григорьевой бывшему зятю, веркольцу Тимофею Трофимову, в том, что она взяла сполна приданое покойной сестры своей Феклы Григорьевой, 1690 г., 23 марта, 1 сст.

47 (681). **Меновая запись** об обмене землями, угодьями, покосами и усадебным строением между веркольцами Захаром Трофимовым и Дмитрием Семеновым, 1693 г., 29 мая, 2 сст.

48 (682). **Купчая крепость** веркольца Дмитрия Семенова, сына Роголева, на продажу деревенского участка и угодий, 1697 г., 2 сст.

49 (683). **Расписка** веркольского денежного сборщика Осипа Панкратьева о принятии у Луки Чеусова списка с «памяти» о сборе конских пошлинных денег, 1701 г., 1 сент., 1 л.

50 (684). **Расписка** крестьян Веркольской волости о принятии у денежного сборщика Тимофея Трофимова 12 алтын денег, 1706 г., 22 февр., 1 л.

- 51 (685). **Запись** выборная веркольских крестьян о выборе ими в старосты крестьянина Луки Тимофеева, сына Чеусова, 1711 г., январь, 1 л.
- 52 (686). Столбец из четырех документов (составов):
- 1) **Расписка** кеврольца Василия Осетрова в получении прогонных денег для сопровождения работных людей из Кевролы в Архангельск на строительство Двинской крепости, 1711 г., 12 апреля, 1 сст.;
 - 2) **Расписка** дьякона Кеврольской Воскресенской церкви Павла Георгиева в получении денег с постояльцев, приезжавших в Кевролу «для государева дела», 1711 г., 13 апреля, 1 сст.;
 - 3) **Расписка** того же Павла Георгиева в том, что он получил у кеврольских земских старост деньги за салные свечи для земской избы, 1711 г., 24 марта, 1 сст.;
 - 4) **Расписка** пономаря Кеврольской Воскресенской церкви Федосея Логинова в получении у земских старост денег за постой у него государевых ходоков, 1711 г., 26 марта, 1 сст.
- 53 (687). Столбец из пяти документов (составов):
- 1) **Расписка** кеврольца Меркурия Шестакова в получении денег за сенокос на воеводской пожне, 1711 г., 1 сст.;
 - 2) **Расписка** Луки Чеусова в том, что он взял стопу писчей бумаги у жены киглохотского крестьянина Григория Кобылина, 1712 г., 8 янв., 1 сст.;
 - 3) **Расписка** малонемнужского старосты Ермилы Трифонова в том, что он взял у Луки Чеусова 1 рубль денег, 1715 г., июль, 1 сст.;
 - 4) **Расписка** кеврольца Ивана Савина в том, что он продал Луке Чеусову крюки дверные, 1715 г., 7 авг., 1 сст.;
 - 5) **Расписка** чакольца Никифора Просвирякова в том, что он взял у Луки Чеусова наемных помесячных денег для поездки в Вологду за рекрутными солдатами, 1716 г., февраль, 1 сст.
- 54 (688). **Расписка** веркольского счетчика Козмы Иванова в том, что он принял от Луки Чеусова «старостиных приемков» на сумму 11 р. 30 алтын, 1713 г., 19 мая, 1 сст.
- 55 (689). **Расписка** кеврольского старосты Луки Чеусова в принятии им коробки с приходными и расходными книгами и деньгами приказной избы, 1716 г., 6 июня, 1 л.
- 56 (690). **Расписка** мезенца Ивана Козмина, сына Воронцова, в том, что он по крепости покойного отца своего получил 6 р. долга у Луки Чеусова сполна, 1716 г., 18 дек., 1 л.
- 57 (691). **Расписка** веркольца Иева Иванова о принятии 7 р. денег от Луки Чеусова в уплату за то, что был вместо него в Петербурге на работах, 1717 г., 3 нояб. и 1718 г., 25 мая, 2 л.
- 58 (692). **Расписка** крестьянина Сурской волости Семена Попова в получении «по письму» у веркольца Луки Чеусова 16 алтын денег, 1718 г., 28 сент., 1 л.
- 59 (693). **Расписка** кеврольского бурмистра Никифора Парфенова старосте Луке Чеусову в том, что он, Никифор, издержал мирские деньги по мирской заручной челобитной в сумме 2 р. 10 алтын, 1719 г., 26 февр., 1 сст.
- 60 (694). **Роспись** расходов сотского Мелентия Клевакина, издержанных на пребывание в Кевроле капитана Семена Михайловича Голикова, 1721 г., январь, 1 сст.
- 61 (695). **Записка** веркольского сотского Якова Иванова, сына Капустина, о покраже у Луки Чеусова из амбара лисы и об осмотре места проишествия, 1723 г., 12 окт., 1 л.
- 62 (696). **Раздельная роспись** веркольцев Луки и Корнилы, детей Чеусова, разделивших наследное имущество своего отца и долги, 1724 г., 11 окт., 5 сст.
- 63 (697). **Та же роспись** в копии, 2 л.

64 (698). **Записка** «Припомнить Луке Чеусову» о должниках за 1724 и 1725 гг., 1 л.

65 (699). **Раздельная роспись** веркольцев Луки и Корнилы Чеусовых, поделивших между собой движимое и недвижимое имущество, «чем их отец благословил», 1725 г., 28 янв., 2 л.

66 (700). Та же раздельная роспись в копии, 1 сст.

67 (701). **Прошение** веркольца Луки Чеусова в архангелогородскую контору уволить его от выборной службы в Варзужском уезде бурмистром питейного сбора, 1725 г., 4 июля, 1 сст.

68 (702). **Расписка** веркольца Луки Чеусова брату своему Корниле в том, что если Корниле случится где безвестная смерть, то повинен в ней он, Лука, 1727 г., 31 мая, черновик, 1 сст. На обороте расписка Луки Чеусова в том, что он должен крестьянину Сурской волости Петру Артемьеву, сыну Коровину, 1 р. 16 алтын переводных с брата Корнилы, 1727 г., 9 июня.

69 (703). Та же расписка в белой копии, 1 л.

70 (704). **Расписка** Луки Чеусова в том, что он взял у своего брата Корнилы в долг 3 р. денег под залог сенных своих покосов, 1727 г., 6 авг., 2 сст. На обороте черновик делового письма.

71 (705). **Расписка** Корнилы Чеусова в том, что он принял от брата своего Луки Чеусова 1 р. в счет 4 р. долга, 1727 г., 20 авг., 1 л.

72 (706). «**Оставочное письмо**» веркольца Тимофея Лукина Чеусова, ушедшего «гулять по пашпорту», на свое имущество, оставленное брату Василию Чеусову, 1744 г., 30 дек., 1 л.

73 (707). **Квитанция** кеврольской канцелярии в приеме подушных денег от веркольского сотского Савина Белоусова «со взятых к лапландским заводам» шести человек, 1745 г., 6 марта, 1 л.

74 (708). **Купчая крепость** на земли веркольца Федора Архипова, проданные веркольцу Савину Белоусову, 1748 г., апрель, 2 л.

75 (709). «**Оставочное письмо**» веркольского крестьянина Стефана Лукина Чеусова, определенного мирским сходом в рекрутский набор, на владение своим хозяйством брату Василию Лукину Чеусову, 1749 г., 10 янв., 2 л.

76 (710). **Поступная запись** веркольца Корнилы Тимофеева Чеусова на свой деревенский родовой участок, переходящий во владение племяннику Василию Лукину Чеусову, 1752 г., 3 мая, 2 л.

77 (711). **Купчая крепость** на деревенский участок и земли веркольца Федора Архипова Данилова, проданные веркольцу Савину Козмину Белоусову, 1754 г., 1 л.

78 (712). **Расписка** Корнилы Чеусова племяннику Василию Чеусову в том, что он принял от Василия за его отца хлеб и жито, 1754 г., 12 апреля, 1 л.

79 (713). **Расписка** веркольского лесного надсмотрщика Василия Родионова в том, что он не станет давать веркольским крестьянам рубить заповедных лесов, 1761 г., январь, 1 л.

80 (714). **Записка** веркольца Василия Чеусова о пропаже ларца с ценностями и деньгами и об обыске по его просьбе в доме брата его Тимофея Чеусова, 1769 г., 22 июля, 1 л.

81 (715). **Инструкция** веркольской питейной продажи выборным целовальникам Ефрему Родионову и Якову Белоусову, 1770 г., декабрь, 2 л.

82 (716). **Расписка** веркольского целовальника Петра Посникова в том, что он взял у Якова Белоусова винную посуду и вино, 1771 г., 1 янв., 1 л.

83 (717). **Расписка** веркольского сотского Михаила Иняхина в принятии подушных денег у Василия Чеусова и его зятя Якова Белоусова, 1771 г., 18 марта, 1 л.

84 (718). **Расписка** Веркольского Николаевского прихода церковного приказчика Тихона Иосипова Аврамова в принятии церковного имуще-

ства и утвари в сохранности от бывшего приказчика Якова Белоусова, 1775 г., 1 янв., 2 л.

85 (719). **Выборная запись** веркольцев о выборе Филата Белоусова «чинить всякие требования» крестьянам той же волости беспрекословно, 1812 г., 1 янв., 1 л.

86 (720). **Запись** (черновая) о продаже имения веркольца Тимофея Тихонова Обратова веркольцу Филату Яковлеву Белоусову, 1812 г., 18 нояб., 2 л.

87 (721). **Расписка** веркольского пожарного старосты Лариона Заварзина в принятии от прежнего старосты Филата Белоусова письменных дел и пожарных инструментов, 1821 г., 6 янв., 1 л.

88 (722). **Объявление** Филата Яковлева Белоусова о наложении тягла на свои новые земли, покосы и пожни, 1822 г., 12 янв., 1 л.

89 (723). **Запись** (черновая) о продаже пожни веркольца Филата Белоусова веркольцу Петру Белоусову, 1822 г., 17 апр., 1 л.

90 (724). **Прошение** веркольца Филата Белоусова в Пинежский земской суд взыскать с кеврольца Федора Ставрова 25 р. за беспричинный оговор и оскорбления, 1827 г., 25 февр., 1 л.

91 (725). **Прошение** веркольца Филата Белоусова голове Лавельского волостного правления Егору Стахееву взыскать с крестьянина Александра Бурачкина деньги за неоплаченное сено, разоренную, расчищенную землю и сломанную изгородь, 1833 г., 29 дек., 2 л.

92 (726). **Расписка** крестьянина Степана Седачева в получении денег с Филата Белоусова за настилку мостов, 1836 г., 27 мая, 1 л.

93 (727). **Расписка** Нюхченского прихода священника Ермолая Иовлева священнику Иоанну Куприянову во взятии у того из церкви книг Евангелия и Апостола с обязательством вернуть обратно, 1843 г., март, 1 л.

94 (728). **Свидетельство** об избрании крестьянина Веркольского прихода Андрея Филатова Белоусова в церковные старосты, 1853 г., 12 дек., 1 л.

95 (729). **Расписка** Андрея Филатова Белоусова в получении по доверенности жалования для местного священника, 1854 г., 12 окт., 1 л. На обороте расписка попа Нестора Владимировича в получении денег от Белоусова.

96 (730). **Платежная книжка** за 1846—1858 гг. крестьянина Андрея Белоусова, в 4-ку, 34 л., подлинник, переплет картонный.

97 (731). **Фрагменты черновых деловых записей** хозяйственного содержания, XIX в., 4 л., разных форматов.

А. В. ВОЗНЕСЕНСКИЙ, А. А. САВЕЛЬЕВ

Археографическая экспедиция на Северную Двину 1987 г.

В июле 1987 г. состоялась очередная совместная экспедиция Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР и Ленинградского государственного университета, продолжившая археографическое обследование селений, расположенных на берегах Северной Двины. В состав экспедиции входили аспирантка ИРЛИ Н. В. Шухтина, сотрудники Отдела редких книг и рукописей Научной библиотеки ЛГУ А. В. Вознесенский и А. А. Савельев, студентки филологического факультета А. С. Бадлак, О. Я. Карманова, О. Ю. Клокова и выпускник ЛГУ С. В. Федоров. Работа экспедиции проходила в местах, ставших традиционными для полевой археографии.¹ В 1987 г. еще раз были обследованы кусты деревень, находящихся на территории Виноградовского и Верхнетоемского районов Архангельской области: Топса, Борок и Нижняя Тойма; предприняты контрольные выезды в Рочегду и Пучугу. Экспедиция 1987 г. продолжила многолетнюю работу с уже известными хранителями книжных собраний, в то же время проводился и сплошной обход отдельных деревень.

В первые дни работы участники экспедиции обследовали деревни Топецкого сельсовета. Здесь были сделаны и первые находки. Так, в д. Точиловщина Р. А. Заколупина передала рукописный Златоуст постный с добавлениями первой четверти XVII в. (№ 694). Книга, ранее принадлежавшая А. И. Заколупиной, хранилась в заколоченном доме на окраине деревни. При обследовании этого дома на повети, среди старых газет и мусора были найдены еще несколько рукописных тетрадей: сборник заговоров начала XIX в. с заговорами на бессонницу, от порчи, огорова, молитвой архангелу Михаилу; сборник духовных стихов 70—80-х гг. XIX в., содержащий плач и молитву Иоасафа царевича, плач Иосифа Прекрасного, стих о человеческом житии; сборник пастушеских заговоров и фрагмент Канона кресту начала XX в. (№ 696, 699, 707, 705). От жительницы д. Гуликовщина Н. С. Вилочевой была получена одна из книг ее матери Марии Аристовны — редкое старопечатное издание Псалтыри (Вильно, 1796).

Об интересном факте, который прекрасно характеризует особое отношение к книге, до настоящего времени сохраняющееся на берегах Северной Двины, рассказала А. Ф. Зыкова. Несколько лет назад Александра Федоровна отправилась в Архангельск только затем, чтобы вложить в местную церковь принадлежащее ей печатное Евангелие, так как, по ее словам, «книга не должна лежать без дела». Очевидно, руководствуясь сходными побуждениями, житель д. Терентьевская Л. С. Сысоев принес нам и подарил «для науки» «Катехизис» Лаврентия Зизания (Гродно, 1787) с интересной записью на первом листе: «Сия книга, называемая Катихизис, как напечатанная в типографии Гроденской к употреблению

¹ Отчеты об археографических экспедициях на Северную Двину см. в следующих томах ТОДРЛ: 27—29, 31—34, 36, 37, 39, 40.

допущена быть не может. Симбирской духовной консистории протоиерей Николай Воронцов. 4 февраля 1854 года».

В Борецком сельсовете, где продолжилась работа экспедиции, вопреки ожиданиям удалось найти только одну рукопись — старообрядческий полемический сборник конца XIX в. (№ 700). Ее передал Древлехранилищу местных краевед Н. И. Сенчуков. Книга была изъята им у езезжичу «любителей старины».

Немногом лучше обстояло дело и при обследовании деревень Нижнетомского сельсовета. В д. Березник Анастасия Григорьевна, сестра хорошо известной ленинградским археографам Анны Григорьевны Третьяковой, подарила рукописный Устав о христианском житии 30—40-х гг. XIX в. (№ 697); жительница той же деревни В. В. Пакулина передала участникам экспедиции две рукописные тетради конца XIX в.: Ирмосы и степенны на 8 гласов и фрагмент Последования утрени (№ 701, 702). От Н. А. Третьяковой (д. Глиники) и А. Ф. Бакиной (д. Наволоцкая) было получено в дар несколько старопечатных старообрядческих изданий XVIII—XIX вв.

Контрольные однодневные выезды в Пучугу и Красноборск, к сожалению, не дали ожидаемых результатов. В пос. Рочегда руководитель экспедиции Н. В. Шухтина побывала у А. Е. Олифиной, неоднократно помогавшей работе наших предшественников. На этот раз Агриппина Егоровна подарила Древлехранилищу три рукописи XIX—начала XX вв.: Слово Елифания Кипрского о человеческих добродетелях, Стихиры акафисту богородицы (глас 6) и рисунок Голгофского креста (№ 698, 706, 703).

Таким образом, самой древней находкой северодвинской экспедиции 1987 г. стал уже упомянутый выше Златоуст постный первой четверти XVII в., содержащий списки двух апокрифов: Жития Макария Римского (редакция, отличная от опубликованной Н. С. Тихонравовым²) и Никодимова евангелия.

Две другие книги из числа наших находок пополняют представление о местной рукописной традиции. Это Устав о христианском житии 30—40-х гг. XIX в. с владельческой записью В. И. Третьякова, частично реставрированный в начале XX в. этим известным северодвинским книжником, и старообрядческий полемический сборник, переписанный в конце XIX в. «иноком Козьмой» — Максимом Матвеевичем Останиным.³ Сборник содержит «Изъявление о крещении по новопечатным книгам» Семена Денисова, «Вопросо-ответы о ересь в православной церкви», выписки из Кормчей.

Среди найденных старопечатных книг старейшая — московское издание Ефрема Сирина и Аввы Дорофея 1652 г. Наш экземпляр содержит только часть этого издательского конволюта — поучения Ефрема Сирина — с рядом рукописных вставок в переплете работы северодвинского мастера Ивана Семеновича Точилова. Это еще один пример того, как фрагмент издания или часть издательского конволюта могли быть использованы как отдельные книги, функционировать вне полного издания.

С берегов Северной Двины в этом году были привезены и два редких старопечатных издания Псалтыри. Первое из них — старообрядческое издание (Вильно, 1796), два известных экземпляра которого хранятся в ГБЛ.⁴ Как известно, издания Псалтыри с виленским выходом 90-х гг. XVIII в. на самом деле были напечатаны в анонимной старообрядческой типографии начала XIX в. Привезенное в этом году издание, отсутство-

² Памятники отреченной русской литературы / Собр. и изд. Н. Тихонравовым. М., 1863. Т. 2. С. 55—77.

³ О В. И. Третьякове и М. М. Останине см.: Б у д а р а г и н В. П. Северодвинская рукописная традиция и ее представители // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 33. С. 403, 404.

⁴ Книга Белоруссии. 1517—1917: Сводный каталог / Сост. Г. Я. Голенченко и др. Минск, 1986. С. 184 (№ 370).

вавшее ранее в ленинградских библиотеках, судя по бумаге, также вышло после 1803 г. Интересно, что уже в 1813 г. книга принадлежала северодвинскому крестьянину-старообрядцу, записывавшему на полях Псалтыри даты начала «двиносплава».

Второе привезенное нами издание Псалтыри — синодальное (М., 1762, VII), экземпляры которого имеются только в ГИМ и БАН.⁵ Вновь найденный экземпляр в отличие от уже известных более полный, так как только в нем встречаем гравюру на меди с изображением царя Давида, с подписью «ученика Семена Назарова»; в подписи указан и год ее исполнения — 1762. Эта гравюра упомянута в числе других листов Семена Назарова в «Подробном словаре русских гравюров XVI—XIX века», составленном Д. А. Ровинским, с пометой составителя: «Чрезвычайная гадость».⁶ Для нас, однако, важна не эстетическая ее ценность, а то, что экземпляр, поступивший в Научную библиотеку ЛГУ, во-первых, предоставляет новые сведения о полноте данного издания в целом, во-вторых, позволяет атрибутировать эту гравюру, известную Д. А. Ровинскому в виде вырванного из книги листа, конкретному изданию Псалтыри. Вместе с тем приведенный пример еще раз подтверждает необходимость приобретения археографическими экспедициями не только старообрядческих, но и (ввиду их редкости) синодальных изданий XVIII в.

Скромные по сравнению с результатами предыдущих экспедиций находки этого года — 14 рукописей XVII—XX вв. и 10 книг кирилловской печати — не позволяют, однако, говорить об оскудении книжных богатств Северной Двины. Книги и рукописи здесь, безусловно, есть, и археографическое обследование этого района должно быть продолжено.

Ниже публикуется описание привезенных рукописей, выполненное В. П. Бударагиным.

1 (694). * **Златоуст с добавлениями**, XVII в. (1-я четв.), в 4-ку, 395 л., полуустав трех почерков, переплет не сохранился. На л. 4 скорописная помета XVII в. «Кондрата». В оформлении текста использована киноварь. Есть своя тетрадная пагинация. Начало не сохранилось. Добавлены апокрифические Житие Макария Римского и Никодимово евангелие.

2 (695). **Паренесис Ефрема Сирина** (конволют), 1652 г.—XIX в. (30—40-е гг.), в лист, 357 л., печатный шрифт и полуустав, переплет — доски в тисненой коже с двумя бронзовыми орнаментированными застежками. Переплет работы И. С. Точилова.

3 (696). **Сборник заговоров**, XIX в. (нач.), в 8-ку, 7 л., скоропись, без обложки. Начало и конец сборника не сохранились. Содержит заговоры от порчи, грыжи, оговора, на бессонницу, молитву архангелу Михаилу.

4 (697). **Устав о христианском житии**, XIX в. (30—40-е гг.), в 8-ку, 175 л., полуустав, переплет — доски в тисненой коже со следами одной застежки. Листы 2—3 об., 173—175 реставрированы В. И. Третьяковым в начале XX в. На л. 1 и 175 об. карандашные пометы и владельческая запись В. И. Третьякова (?).

5 (698). **Слово Епифания Кипрского о человеческих добродетелях** (выписки), XIX в. (40-е гг.), в малую 8-ку, 2 л.

6 (699). **Сборник духовных стихов**, XIX в. (70—80-е гг.), в 8-ку, 20 л., полуустав, без обложки. На л. 20 об. помета Григория Ивановича Заколушина. На л. 20 изображение Голгофского креста, выполненное писцом

⁵ Сводный каталог русской книги кирилловской печати XVIII века / Сост. А. С. Зёрнова, Т. Н. Каменева. М., 1968. С. 214 (№ 611).

⁶ Подробный словарь русских гравюров XVI—XIX веков / Сост. Д. А. Ровинский. СПб., 1895. Стлб. 464.

* Цифра в скобках — шифр рукописи Северодвинского собрания Древлехранилища им. В. И. Малышева.

рукописи, им же выполнены заставка на л. 1 и концовки на л. 5, 8, 15 об. Содержит стихи о человеческом житии, Плач Иоасафа царевича, Плач Иосифа Прекрасного, молитву Иоасафа царевича.

7 (700). **Сборник полемический**, XIX в. (конец), в 4-ку, 282 л., полуустав и скоропись, переплет — доски в тисненой коже с двумя медными застежками. Писец М. М. Останин. Содержит вопросы-ответы (числом 15) о ересях в православной церкви, вопросы-ответ о приходящих от великороссийской церкви (ответ состоит из 78 статей), «Изъявление» Семена Денисова о крещении по новопечатным книгам, выписку из Кормчей о шести вселенских соборах (с изложением на поле л. 273 об. данных о начале издания Кормчей патриархом Иосифом в 1650 г. и завершении патриархом Никоном в 1653 г.).

8 (701). **Ирмосы и степенны на 8 гласов**, XIX в. (конец), в 4-ку, 27 л., полуустав, в картонной обложке.

9 (702). **Последование утрени** (фрагмент), XIX в. (конец), в 8-ку, 8 л., полуустав, без обложки. На л. 8 об. молитва и набросок человеческой фигуры (карандашом).

10 (703). **Голгофский крест** (рисунок), XIX в. (конец), в лист, 1 л., полуустав. Скорописная «проба пера» некоего Колотки(на). На обороте листа расшифровка буквенной орнаментики креста.

11 (704). **Чин погребения мирян** (фрагмент), XIX в. (конец), в 8-ку, 1 л., полуустав. Заставка выполнена в красках.

12 (705). **Канон кресту** (фрагмент), XX в. (нач.), в 8-ку, 2 л., полуустав.

13 (706). **Стихиры акафисту Богородицы** (глас 6), XX в. (нач.), в 8-ку, 2 л., полуустав. Текст заключен в рамку.

14 (707). **Заговоры пастушеские**, XX в. (1-я четв.), в 4-ку, 4 л., карандашная скоропись, без обложки. Начало и конец рукописи не сохранились.

ЗАМЕТКИ

Д. Д. КУЛИНИЧ

Тайна русских мастеров XII в.

(О слове *харалугъ*)

Слово *харалугъ* (*харалужный*), употребленное автором «Слова о полку Игореве», пока еще не имеет общепринятого истолкования. Н. А. Баскаков, подведший итоги изучения этого термина,¹ сообщает о девяти толкованиях, из которых, на наш взгляд, наиболее приемлемо суждение П. М. Мелиоранского, согласно которому «нет ничего невозможного в том, что харалугом . . . называли какой-нибудь сорт „вороненой“ стали, а потом, может быть, и стали, булата вообще».²

Н. А. Баскаков кроме указанной гипотезы П. М. Мелиоранского допускает также образования со значениями 'гибельный', 'изогнутый', 'подвергнутый специальной обработке обжигом, закалкой'. Менее убедительными являются, на наш взгляд, мнения ученых, видящих в рассматриваемом термине указание на франкское (каролингское) происхождение мечей, либо возводящих его к польскому *charłzes* — 'воровать'.³

Между тем значение слова раскроется сразу, если мы предположим, что оно состоит из двух слов: тюркско-монгольского «кара» («хара») — 'черный' и славянского «луда» — 'плащ', 'накидка', 'покрытие'. Слово «луда» известно нам по «Повести временных лет», где упоминается воин-варяг Якун («и луда бѣ у него золотомъ истъкана», «ту отбѣже луды златоѣ»;⁴ ср. также: «. . . и видѣ обиходяща оѣса, въ образѣ ляха в лудѣ, и носяща в приполѣ цвѣтки»⁵).

Слово «луда», по М. Фасмеру, восходит к древнескандинавскому корню *lobi* — 'грубая верхняя одежда',⁶ но на наш взгляд, это слово имеет еще более древнее общеславянское или даже общиндоевропейское происхождение. Таким словом является «луд» (м. р.), «луда» (ж. р.) — 'слабоумный', 'глупый', отсюда «лудити» — 'обманывать', 'вводить в заблуждение',⁷ отсюда же «луда» — 'накидка' (согласно летописи отнюдь не грубая) и «лудити» — 'покрывать один металл другим, обманывать взор'. Некоторые исследователи считают, что слово «лужение» пришло в русский язык из средненижнемецкого, восходя к слову *luden* — «паять», значительно позже (1589) возникновения «Слова о полку Игореве». Но на наш взгляд, сам средненижнемецкий термин имеет своим источником и славянскую и древнескандинавскую терминологию. Это естественно при широчайших торговых, военных и династических связях

¹ Баскаков Н. А. Тюркская лексика в «Слове о полку Игореве». М., 1985. С. 163—167.

² Мелиоранский П. Турецкие элементы в языке «Слова о полку Игореве» // ИОРЯС. 1902. Т. 7, кн. 2. С. 295.

³ Баскаков Н. А. Тюркская лексика. С. 164.

⁴ Повесть временных лет. М.; Л., 1950. Ч. 1. С. 100.

⁵ Там же. С. 126.

⁶ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1967. Т. 2. С. 529.

⁷ Там же. С. 528.

Киевской Руси и «варяжских» стран — предположительно от Винланда (Северной Америки) до Китая, от Мурмана и островов Ледовитого океана до жарких пустынь Нубии. Следует учитывать также высокий уровень развития ремесел в домонгольской Руси. Слово «луд» («луда») с его производными кроме славянских и скандинавских языков может быть соотнесено с готским *liuta* — «лицемер», староанглийским *lot* — «ложь», латинским *ludbrium* — «насмешка» и т. п. Во всяком случае, закономерна цепочка: луд (луда)—лудити—лужение—луженый.

Итак, в нашем случае *харалужный* значит *чернолуженый*, или, по современной технической терминологии, «вороненый», «оксидированный», т. е. покрытый тонким (1—10 мкм) слоем окисла, что предохраняет изделие от ржавления, а оттенками цветов от черного до синего и коричневого придает ему эстетически красивый вид. Создание окисла на поверхности изделия производится путем помещения предмета в ванны с соответствующими растворами и порошками и выдерживания его там при высоких температурах. Окисел на поверхности изделия можно создать также выдерживанием нагретого предмета в среде перегретого водяного пара или в парах аммиака. Обыкновенно растворы, порошки и пары ядовиты и вредны, т. е. обрабатываемые предметы «в жестоком *харалужь* скованы». Можно отметить, что ни одна из предшествующих нашей гипотез не объясняет столь четко этого места в «Слове».

Другой способ создания цвета на поверхности стального изделия — закалка предмета в воде, или в масле, или в иных растворах («в моче рыжей девушка», — говорится в одном средневековом техническом руководстве) и отпуск его до требуемого «цвета побежалости» — от золотистого до серого. Однако такое покрытие нестойко и быстро пропадает, металл же получает требуемые прочность и гибкость. Для нас заманчиво возвести термин *лужный* к слову «луг», дошедшему до нашего времени в ряде славянских языков (украинском, польском, чешском) и происходящему от древне немецкого *louge* — «щелочь». В свою очередь этот термин возник под влиянием латинского *lavō* и древнегреческого *λόω* — «мыть».⁸ С технологической стороны это означало, что закалка изделия могла производиться в растворе «черной щелочи», говоря современным языком, в какой-то технической щелочи. Но автор «Слова о полку Игореве» хорошо знаком с производством оружия: он отличает процессковки («в *харалужь*», возможно, даже в аммиачных парах) от закалки («в буети»). Последнее не только метафора. Дело в том, что меч нагревался в горне, а затем всадник выхватывал его из огня и мчался с ним навстречу ветру, фехтуя мечом и тем самым закаляя его в струе холодного воздуха.⁹ Нет сомнения, что кузнецы XII в. знали и жидкостную закалку: так, в «Калевале» говорится, что кузнец Ильмаринен «чуть-чуть щелоку прибавил в жидкость для закалки стали». Но в «Слове о полку Игореве» автор понимает термин *харалужный* не как указывающий на закалку в какой-то среде, а как процесс, связанный с ковкой («в *харалужь*»), и не просто «в *харалужь*», а в «жестоком», т. е. в веществе, способном сделать в металле «черное покрытие», воронение.

С легкой руки первых переводчиков, *харалужный* часто переводят как «булатный». Тайна булата была утрачена, но затем вновь открыта известным русским металлургом П. П. Аносовым (в 1836 г.). Но для создания булатного меча необходимо не только изменение его поверхности, но и внутренней макроструктуры. Термин *харалужный* не может быть синонимом термина «булатный» еще и потому, что в «Слове» это определение приложено и к мечам, и к копьям, и к цепам. Хотя Аль-Бируни описывает один из способов изготовления русскими мечей, сход-

⁸ Там же. С. 527.

⁹ Ср. аналогичные сведения: Д ж а ф а р о в Г. Заметки по этимологии слова «харалуг» // Изв. ОЛЯ АН Аз.ССР. 1966. № 1. С. 87.

ный с приготовлением фаранда (узорчатого булата), известно, что булат применялся лишь для мечей и сабель, но никак не наконечников копий или цепов. Сам термин «булат» появился в русском языке только с начала XV в.¹⁰ В пользу того, что термин *харалужный* местного, скорее всего, киевского происхождения, говорит его ограниченное употребление: в «Слове» и под влиянием последнего — в «Задонщине». Заметим, что объяснение слов «въ жестоцемъ харалузѣ скована, а въ буести закалена» вытекает лишь из нашей гипотезы, ибо нельзя сказать «в жестоким булате скованы».

Наличие технического термина *харалужный* в русском языке XII в. говорит о высокой культуре обработки металла в Киевской Руси, о существовании в ней своих умельцев. После татаро-монгольского нашествия термин был забыт и предстал перед нами загадочным чтением в великой поэме.

¹⁰ Он встречается, например, в списках «Задонщины». См.: Виноградова В. Л. Лексическая вторичность «Задонщины» сравнительно со «Словом о полку Игореве» // ТОДРЛ. М.; Л., 1956. Т. 12. С. 21.

В. А. РОМАНОВ

О датировке рукописи ИРЛИ, собр. В. Н. Перетца, № 16

В Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР в собрании В. Н. Перетца, № 16 находится рукопись,¹ в лист, содержащая Хронограф Западнорусской редакции (л. 9—294 об.)² и «Сказание о Мамаевом побоище» (л. 295—309 об.)³ В XVIII в. к рукописи были добавлены листы (1—8 и 310—321) с украинскими виршами и другими статьями.

Основная часть рукописи (без дополнительных статей) написана одним или двумя почерками, мелким полууставом на одной и той же бумаге. Орнамент заставок (л. 9, 237, 295) — плетенка, с использованием киновари, желтой, зеленой и синей красок.

В литературе эта часть рукописи датируется XVI в.⁴ Изучение водяного знака бумаги, на которой написана основная часть рукописи, — лев, стоящий на задних лапах, в гербе с буквами VL, сходный с № 400 у Лабара,⁵ — показало, что эта бумага немецкого производства и относится к 1614 г.

Таким образом, и Хронограф Западнорусской редакции, и «Сказание о Мамаевом побоище» — рукописи ИРЛИ, собр. В. Н. Перетца, № 16 — следует датировать не XVI, а XVII в.

¹ Благодарю В. П. Бударягина за возможность ознакомиться с рукописью.

² См.: Т в о р о г о в О. В. Хронографы из собрания Пушкинского Дома // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 29. С. 322—323.

³ См.: Д м и т р и е в Л. А. Описание рукописных списков «Сказания о Мамаевом побоище» // Повести о Куликовской битве. М., 1959. С. 482. — Здесь рукопись значится под шифром: ИРЛИ АН СССР, 1.114.16 (Ф, 86—П).

⁴ См.: Там же; Т в о р о г о в О. В. Хронографы из собрания Пушкинского Дома. С. 322; Кто с мечем: Три произведения древнерусской литературы XIII—XV веков / Сост. А. Шмарин. М., 1975. С. 33.

⁵ Monumenta Chartae Papyraceae Historiam Illusstranta or Collection of Works and Documents Illustrating the History of Paper / E. J. Labarre. Hilversum (Holland), 1956. T. V: The Nostitz Papers Notes on Watermarks Found in the German Imperial Archives of the 17th and 18th Centuries. PL 73, N 400.

БИБЛИОГРАФИЯ*

Хронологический список трудов Олега Викторовича Творогова

1959

Лексика «Песни о вещем Олеге» А. С. Пушкина // Учен. зап. Ленингр. гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена. Л., 1959. Т. 169. С. 229—253.

1961

О типе словаря к литературному памятнику // Вестн. ЛГУ. № 14. Сер. ист., яз., лит. Вып. 3. С. 118—129.

1962

Традиционные устойчивые словосочетания в «Повести временных лет» // ТОДРЛ. М.; Л., 1962. Т. 18. С. 277—284.

Словарь-комментарий к «Повести временных лет»: Автореф. дис. . . . канд. филол. наук. Л., 1962. 20 с.

V Всесоюзное совещание по древнерусской литературе // ИОЛЯ. 1962. Т. 21, вып. 5. С. 460—462 (совм. с М. А. Салминой).

Совещание по древнерусской литературе // РЛ. 1962. № 3. С. 246—249.

1963

К вопросу об употреблении старославянизмов в «Повести временных лет» // ТОДРЛ. М.; Л., 1963. Т. 19. С. 208—214.

О воскрешении некоторых неоправданных предположений О. Сенковского // ИОЛЯ. 1963. Т. 22, вып. 5. С. 432—434.

Ответ на вопрос к V Международному съезду славистов // Славянска филология. Т. 2. Отговори на въпросите за научната анкета по литературознание, литературно-лингвистични проблеми, народно поетическо творчество, общославистични историко-филологически проблеми. София, 1963. С. 231—323.

Рец. на кн.: Р о р р е А. Materiały do słownika terminów budownictwa staroruskiego X—XV w. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1962 // Вопр. языкознания. № 4. С. 141.

1964

Задачи изучения устойчивых литературных формул Древней Руси // ТОДРЛ. М.; Л., 1964. Т. 20. С. 29—40.

Когда же написано «Слово о полку Игореве»? // Смена. 1964, 11 марта. № 60. С. 3. (совм. с Л. А. Дмитриевым).

Памятник древнерусской литературы // Смена. 1964, 21 марта. № 69. С. 4.

1965

Александрия: Роман об Александре Македонском по русской рукописи XV в. / Изд.-подгот. М. Н. Ботвинник, Я. С. Лурье, О. В. Творогов; Отв. ред. Д. С. Лихачев. М.; Л., 1965. 269 с. (Литературные памятники).

Подгот. текста — с. 7—71 (совм. с Я. С. Лурье). Перевод — с. 72—137. Статья «Стилистические особенности романа об Александре Македонском» — с. 169—184. Разночтения — с. 215—217.

Рец.: Две книги по лингвистическому источниковедению // ИОЛЯ. Т. 24, вып. 2. С. 167—170.

* В настоящем томе мы помещаем список работ ведущего научного сотрудника Отдела древнерусской литературы ИРЛИ (Пушкинский Дом) АН СССР д. ф. н. О. В. Творогова.

1966

- «Слово о полку Игореве» и «Задонщина» // «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла: К вопросу о времени написания «Слова о полку Игореве» / Ред. Д. С. Лихачев и Л. А. Дмитриев. М.; Л., 1966. С. 290—344.
- О композиции вступления к «Задонщине» // Там же. С. 526—532.
- О выносных буквах в русских рукописях XV—XVII веков // Исследования источников по истории русского языка и письменности. М., 1966. С. 162—175.
- Изучение языка и стиля Пушкина за последние годы // Временник Пушкинской комиссии. 1963. Л., 1966. С. 87—102.

1967

- По поводу статьи А. А. Зимина «Спорные вопросы текстологии „Задонщины“» // РЛ. 1967. № 1. С. 105—121 (совм. с Р. П. Дмитриевой и Л. А. Дмитриевым).
- Слово о полку Игореве / Вступ. ст. Д. С. Лихачева; Сост. и подгот. текстов Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачева; Примеч. О. В. Творогова и Л. А. Дмитриева. 2-е изд. Л., 1967. 540 с. (Б-ка поэта. Большая сер.).
- Переводы: «Слово о полку Игореве» — с. 57—66 (совм. с Л. А. Дмитриевым и Д. С. Лихачевым); «Слово о гибели Русской земли» — с. 360—362 (совм. с Л. А. Дмитриевым и Д. С. Лихачевым); «Слово о великом князе Дмитрие Ивановиче и о брате его, князе Владимире Андреевиче, как победил супостата своего царя Мамай» — с. 378—388 (совм. с Л. А. Дмитриевым и Д. С. Лихачевым). Примечания — с. 463—529.
- О применении частотных словарей в исторической лексикологии русского языка // Вопр. языкознания. 1967. № 2. С. 109—117.
- Тюркизмы в древнерусском языке (тезисы) // Филология и история тюркских народов: (Тез. докл.). Л., 1967. С. 37—38.
- Ред.: Словарь-справочник «Слова о полку Игореве». Вып. 2. Д—Копье / Сост. В. Л. Виноградова. М.; Л., 1967. 214 с. (совм. с Б. Л. Богородским и Д. С. Лихачевым).

1968

- Литературные стили Киевской Руси // Рус. речь. 1968. № 4. С. 13—19.
- Слово о «Слове» — Рец. на кн.: Адрианова-Перетц В. П. «Слово о полку Игореве» и памятники русской литературы XI—XIII вв. Л., 1968 // Кн. обозрение. № 46. С. 11.
- Ред.: Адрианова-Перетц В. П. «Слово о полку Игореве» и памятники русской литературы XI—XIII веков. Л., 1968. 202 с. (совм. с М. П. Алексеевым и Д. С. Лихачевым).

1969

- «Сокол трех мытей» в Повести об Акире Премудром // Вопросы теории и истории языка. Л., 1969. С. 111—114.
- Притчи Варлаама в собрании древнерусских рукописей Пушкинского дома // ТОДРЛ. Л., 1969. Т. 24. С. 380—383.
- «Изборник»: (Сборник произведений литературы Древней Руси) / Вступ. ст. Д. С. Лихачева. М., 1969. 800 с. (Б-ка всемир. лит. Сер. первая. Т. 15).
- Подготовка древнерусских текстов и переводы: «Житие Феодосия» — с. 92—145; «Девгениево деяние» — с. 172—196; «Александрия» — с. 236—279; «Повесть о взятии Царьграда крестоносцами в 1204 году» — с. 280—289. Перевод: «Повесть о Дракуле воеводе» — с. 433—445. Подготовка текста: «Повесть об Азовском осадном сидении донских казаков» — с. 550—566. Примечания: «Житие Феодосия» — с. 707—709; «Девгениево деяние» — с. 714—715; «Александрия» — с. 731—733; «Повесть о взятии Царьграда крестоносцами в 1204 году» — с. 734—735; «Повесть об Азовском осадном сидении донских казаков» — с. 772—774.
- Ред.: Словарь-справочник «Слова о полку Игореве». Вып. 3. Корабль—Н. / Сост. В. Л. Виноградова. Л., 1969. 182 с. (совм. с Б. Л. Богородским и Д. С. Лихачевым).
- Ред.: Литература и общественная мысль Древней Руси (ТОДРЛ. Т. 24). Л., 1969. 415 с. (в сост. редкол.).

1970

- Истоки русской беллетристики: Возникновение жанров сюжетного повествования в древнерусской литературе / Отв. ред. Я. С. Лурье. Л., 1970. 595 с.
- Гл. 1: Сюжетное повествование в летописях XI—XIII вв. — с. 31—66; Гл. 3: Беллетристические элементы в переводном историческом повествовании XI—XIII вв. — с. 108—141; Раздел гл. 4: «Переводная беллетристика XI—XIII вв.» — с. 154—194; Раздел гл. 7: «Беллетристические элементы в историческом повествовании XIV—XV вв.» — с. 277—284.

- К вопросу о ленинских цитатах из памятников древнерусской литературы // РЛ. 1970. № 2. С. 186—187.
- О Хронографе редакции 1617 года // ТОДРЛ. Л., 1970. Т. 25. С. 162—177.
- Русский хронограф и задачи его изучения // Пути изучения древнерусской литературы и письменности. Л., 1970. С. 48—55.
- Древнерусский перевод «Троянской истории» Гвидо де Колумна и ее издания XVIII века (тез. докл.) // Совещание «Древнерусская литература и проблемы истории русской культуры XVIII—XX вв.» Л., 1970. С. 3.

1971

- Древнерусский перевод «Троянской истории» Гвидо де Колумна и издание 1709 г. // ТОДРЛ. Л., 1971. Т. 26. С. 64—71.
- Редактор XVII века // Поэтика и стилистика русской литературы. Л., 1971. С. 44—52.
- [Хроника о сессии, посвященной памяти А. А. Шахматова] // Вопр. языкознания. № 2. С. 44—52.

1972

- Троянские сказания: Средневековые рыцарские романы о Троянской войне по русским рукописям XVI—XVII веков // Подгот. текста и ст. О. В. Творогова; Комментар. М. Н. Ботвинника и О. В. Творогова; Отв. ред. Д. С. Лихачев. Л., 1972. 232 с. (Литературные памятники).
- Подготовка текстов: «Повесть о создании и поплнении Тройском» и «Троянская история» — с. 7—69. Переводы — с. 70—136. Подготовка текста повести «О златом руне волшебного овна» — с. 139—147. Статьи: «Троянские сказания в древнерусской литературе» — с. 148—160; «Повести о Троянской войне в русской рукописной традиции» — с. 161—187; «К переводу „Троянской истории“ Гвидо де Колумна» — с. 188—190. Разночтения — с. 191—196. Комментарий — с. 197—224 (совм. с М. Н. Ботвинником).
- Троянская история в переработках Усть-цилемских книжников // Рукописное наследие Древней Руси: (По материалам Пушкинского Дома). Л., 1972. С. 228—241.
- К истории жанра хронографа // ТОДРЛ. Л., 1972. Т. 27. С. 203—226.
- К изучению древнерусских хронографических сводов // ТОДРЛ. Л., 1972. Т. 27. С. 380—404.
- Осторожно — «Слово о полку Игореве!» (Письмо в редакцию) // РЛ. 1972. № 1. С. 246—255 (совм. с Л. А. Дмитриевым).

1973

- Описание хроник, хронографов и хронографических компиляций // Методическое пособие по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. М., 1973. Вып. 1. С. 224—258.
- Текстология и лексикография // Текстология славянских литератур. Л., 1973. С. 175—183.
- Русские хронографические своды XI—XVI вв.: Автореф. дис. . . . докт. филол. наук. Л., 1973.
- Ред.: Словарь-справочник «Слова о полку Игореве». Вып. 4. О—П. / Сост. В. Л. Виноградова. Л., 1973. 234 с. (совм. с Б. Л. Богородским и Д. С. Лихачевым).

1974

- Повесть временных лет и Хронограф по великому изложению // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 28. С. 99—113.
- О составе и источниках хронографических статей Лицевого свода // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 28. С. 353—364.
- Хронографы из собрания Пушкинского Дома // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 29. С. 322—325.
- Ред.: ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 28. 431 с. (совм. с Д. С. Лихачевым и М. А. Салминой).
- Ред.: ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 29. 384 с. (совм. с Д. С. Лихачевым и М. А. Салминой).

1975

- Древнерусские хронографы / Отв. ред. Н. С. Лурье. Л., 1975. 320 с.
- О некоторых задачах изучения «Слова о полку Игореве» // ИОЛЯ. 1975. Т. 34, вып. 4. С. 299—303.
- Находки в области древнерусской хронографии // Памятники культуры. Новые открытия: Ежегодник. М., 1975. С. 25—27.
- Мова «Слова о полку Игореве» (підсумки і завдання вивчення) // Мовознавство. 1975. № 6. С. 6—31.
- Словари языка писателей // РЛ. 1975. № 2. С. 211—222.
- Новые исследования по древнерусской литературе // Сов. лит. (На иностр. яз.). 1975. № 10. С. 6—18 (совм. с Д. С. Лихачевым).

Хронограф русский // Краткая литературная энциклопедия. М., 1975. Т. 8. С. 334.
 К новым открытиям // Лит. газ. 1975. 22 октября. № 43. С. 6.
 Много шуму из ничего // Лит. газ. 1975, 5 февраля. № 6. С. 6.
 Ред.: Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1975. Вып. 2. 319 с. (в сост. редкол.).

1976

Повесть временных лет и Начальный свод: Текстологический комментарий // ТОДРЛ. Л., 1976. Т. 30. С. 3—26.
 Об исследовании стиля литературного произведения // Анализ литературного произведения. Л., 1976. С. 67—88.
 К вопросу о датировке Мусин-Пушкинского сборника со «Словом о полку Игореве» // ТОДРЛ. Л., 1976. Т. 31. С. 137—164.
 Задачи и перспективы издания хроник и хронографов // Летописи и хроники. М., 1976. С. 189—202.
 Из истории «словесного портрета» в русской литературе XVI в. // Культурное наследие Древней Руси. М., 1976. С. 123—127.
 «Слово о полку Игореве» в интерпретации О. Сулейменова // РЛ. 1976. № 1. С. 251—258 (совм. с Л. А. Дмитриевым).
 Материалы к классификации списков Русского хронографа // Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. М., 1976. Вып. 2, ч. 1. С. 140—156 (совм. с В. А. Рыбиным).
 Кажущаяся простота // Лит. газ. 1976, 17 ноября. № 46. С. 6.
 Ред.: Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1976. Вып. 3. 288 с. (в сост. редкол.).

1977

Материалы к истории русских хронографов: 1. Ефросиновский хронограф // ТОДРЛ. Л., 1977. Т. 32. С. 256—274.
 Необходимые уточнения к книге И. Б. Грекова «Восточная Европа и упадок Золотой Орды» // ТОДРЛ. Л., 1977. Т. 32. С. 403—404.
 Некоторые принципиальные вопросы изучения «Слова о полку Игореве» // РЛ. 1977. № 4. С. 88—102.
 Ред.: Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1977. Вып. 4. 403 с. (в сост. редкол.).

1978

«Слово о полку Игореве» в советской филологической науке // РЛ. 1978. № 4. С. 204—212.
 Памятники литературы Древней Руси. Начало русской литературы: XI—начало XII века / Вступ. ст. Д. С. Лихачева; Сост. и общ. ред. Л. А. Дмитриева, Д. С. Лихачева. М., 1978. 464 с.
 Подготовка текста и перевод: «Житие Феодосия Печерского» — с. 304—391. Подготовка текста: «Повесть временных лет» — с. 22—276; «Поучение Владимира Мономаха» — с. 392—412. Комментарий: «Повесть временных лет» — с. 417—451; «Житие Феодосия Печерского» — с. 456—459.
 Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским / Текст подгот. Я. С. Лурье и Ю. Д. Рыков; Отв. ред. Д. С. Лихачев. М., 1978. 431 с. (Литературные памятники).
 Перевод текста посланий Ивана Грозного Курбскому — с. 122—162 и 165—167 (совм. с Я. С. Лурье); перевод текста посланий Курбского Ивану Грозному — с. 119—121, 163—164, 168—180 (перевод. в 1981).
 [Статьи:] Л. А. Дмитриев, Я. С. Лурье, А. М. Панченко, Труды ОДРЛ // Краткая литературная энциклопедия. М., 1978. Т. 9. С. 277, 494—495, 596, 735—736.
 Ред.: Словарь-справочник «Слова о полку Игореве». Вып. 5. Р—С. / Сост. В. Л. Виноградова. Л., 1978. 264 с. (совм. с Б. Л. Богородским и Д. С. Лихачевым).
 Ред.: Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1978. Вып. 5. 392 с. (в сост. редкол.).

1979

Античные мифы в древнерусской литературе XI—XVI вв. // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 33. С. 3—31.
 Византийские хроники в Древней Руси // Русская и грузинская средневековые литературы. Л., 1979. С. 86—79.
 Тысячелетие русской литературы // РЛ. 1979. № 1. С. 3—13 (совм. с Л. А. Дмитриевым и Д. С. Лихачевым).
 [Статьи:] Летописи, Хронографы // Русский язык: Энциклопедия. М., 1979. С. 128—129, 387.
 Древнерусская литература в исследованиях / Отв. ред. О. В. Творогов. Минск, 1979. 10 с.

От редактора — с. 3—5. Фрагмент статьи «Сюжетное повествование в летописях XI—XIII вв.» (из кн. «Истоки русской беллетристики») — с. 70—87.

Ред.: Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1979. Вып. 6. 359 с. (в сост. редкол.).

1980

История русской литературы: В 4 т. Т. 1. Древнерусская литература; Литература XVIII века / Ред. Д. С. Лихачев и Г. П. Макогоненко. Л., 1980. 816 с.

Гл. 1: Литература Киевской Руси. X—начало XII века — с. 19—16;
Гл. 2: Литература периода феодальной раздробленности XII—первой четверти XIII века — с. 62—89.

История русской литературы X—XVII веков / Ред. Д. С. Лихачев. М., 1980. 462 с.

Гл. 1: Литература XI—начала XIII века — с. 34—180.

Переводная литература Киевской Руси // Чтения по древнерусской литературе. Ереван, 1980. С. 20—35.

Памятники литературы Древней Руси. XII век / Вступ. ст. Д. С. Лихачева; Сост. и общая ред. Л. А. Дмитриева, Д. С. Лихачева. М., 1980. 704 с.

Подготовка текста и перевод: «Повесть об Акире Премудром» — с. 247—281; «Летописные повести о походе князя Игоря» — с. 344—371; «Слово о полку Игореве» — с. 372—387. Примечания: «Повесть об Акире Премудром» — с. 656—658; «Летописные повести о походе князя Игоря» — с. 674—679; «Слово о полку Игореве» — с. 679—688.

Задонщина: Перевод и примечания // Задонщина. М., 1980. С. 40—124.

Ред.: Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1980. Вып. 7. 43 с. (в сост. редкол.).

1981

Литература Древней Руси: Пособие для учителя. М., 1981. 128 с.

О взаимодействии литературы и живописи в Древней Руси // РЛ. 1981. № 4. С. 95—106.

Об изучении читательского восприятия литературы // Классическое наследие и современность. Л., 1981. С. 55—59.

Памятники литературы Древней Руси. XIII век / Вступ. ст. Д. С. Лихачева. Сост. и общая ред. Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачева. М., 1981. 616 с.

Подготовка текста и перевод: «Девгениево деяние» — с. 28—65; «Повесть о взятии Царьграда крестоносцами в 1204 году» — с. 106—113. Примечания: «Девгениево деяние» — с. 531—533; «Повесть о взятии Царьграда крестоносцами в 1204 году» — с. 531—533.

В стила на летописеца Манасий (интервью) // Българистика и българисти: Статии и изследвания; Българистиката в чужбина; Портрети на българисти. София, 1981. С. 362—364 (совм. с М. А. Салминой).

Ред.: Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1981. Вып. 8. 351 с. (в сост. редкол.).

1982

Біля витоків східнослов'янських літератур // Радянське літературознавство. 1982. № 5. С. 57—63.

Хронограф // Книговедение: Энциклопедический словарь. М., 1982. С. 579.

Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XV века / Вступ. ст. Д. С. Лихачева; Сост. и общая ред. Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачева. М., 1982. 688 с.

Подготовка текста и перевод: «Повесть о взятии Царьграда турками в 1453 году» — с. 216—267. Перевод: «Сказание о Дракуле» — с. 355—363. Примечания: «Повесть о взятии Царьграда турками в 1453 году» — с. 602—607.

Тайна реки Каялы. — Рец. на кн.: Гетманец М. Ф. Тайна реки Каялы. Харьков, 1982 // Кн. обозрение. 1982, 3 декабря. № 48. С. 10.

Рец. на кн.: Проблемы научного описания рукописей и факсимильного издания памятников письменности: Материалы Всесоюз. конф. Л., 1981 // Сов. архивы. 1982. № 5. С. 83—85.

Ред.: Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1982. Вып. 9. 357 с. (в сост. редкол.).

1983

Материалы к истории русских хронографов: 2. Софийский хронограф и Хроника Иоанна Малалы // ТОДРЛ. Л., 1983. Т. 37. С. 188—221.

Литератор Иван Михайлов // РЛ. 1983. № 2. С. 164—168.

Древнерусская книжность XI—XIII вв. (О каталоге памятников) // Духовная культура славянских народов. Л., 1983. С. 5—18.

Материалы к частотному словарю среднеболгарского перевода Хроники Константина Манассии // Старобългаристика. София, 1983. № 1. С. 75—80.

Повести Древней Руси XI—XII вв. / Сост. Н. В. Поньрко. Л., 1983. 574 с.

Подготовка текста: «Повесть временных лет» — с. 24—123. Подготовка текста и перевод: «Житие Феодосия Печерского» — с. 230—325; «Летописная повесть о походе князя Игоря» — с. 354—375. Примечания: «Повесть временных лет» — с. 534—548; «Житие Феодосия Печерского» — с. 548—551; «Летописная повесть о походе князя Игоря» — с. 554—558; «Слово о полку Игореве» — с. 358—364.

Міжслов'янські літературні взаємини : здобутки і перспективи // Радянське літературознавство. 1983. № 8. С. 10—11.

О периодизации литературы Киевской Руси // РЛ. 1983. № 4. С. 118—127.

Ред.: Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1983. Вып. 10. 327 с. (в сост. редкол.). Ред.: Духовная культура славянских народов: Литература; Фольклор; История. Сб. статей к IX Междунар. съезду славистов. Л., 1983. 382 с. (совм. с М. П. Алексеевым и В. Н. Баскаковым).

Ред.: ТОДРЛ. Л., 1983. Т. 37. 424 с. (совм. с Д. С. Лихачевым и М. А. Салминой).

1984

Лексический состав «Повести временных лет»: (Словоуказатели и частотный словарь) // Отв. ред. В. М. Рusanовский. Киев, 1984. 218 с.

Памятники литературы Древней Руси. Конец XV—первая половина XVI века / Вступ. ст. Д. С. Лихачева; сост. и общая ред. Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачева. М., 1984. 768 с.

Подготовка текста и перевод: Из «Троянской истории» — с. 222—267; Из Хронографа 1512 года — с. 376—415. Перевод: Из «Хроники Константина Манассии» — с. 269—317. Комментарии: Фрагмент из «Троянской истории» — с. 689—692; Фрагмент из «Хроники Константина Манассии» — с. 692—699; Фрагмент из Хронографа 1512 года — с. 715—722.

Любители и дилетанты // Лит. газ. 1984, 21 ноября. № 47. С. 6.

Слово о полку Игореве: Перевод // Слово о походе Игоревом. Игоря, сына Святослава, внука Олега. Новосибирск, 1984. С. 3—127 (совм. с Л. А. Дмитриевым и Д. С. Лихачевым).

Ред.: Словарь-справочник «Слова о полку Игореве». Вып. 6. Т—Я; Дополнения / Сост. В. Л. Виноградова. Л., 1984. 478 с. (совм. с Б. Л. Богородским и Д. С. Лихачевым).

1985

Исследовательские материалы для «Словаря книжников и книжности Древней Руси» // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 39.

Статьи: «Василий» — с. 25—26; «Вышата» — с. 28; «Герман Воята» — с. 28; «Иоаким» — с. 43—45; «Нестор» — с. 83—86; «Никон Великий» — с. 86—87; «Сильвестр» — с. 88—89; «Янь Вышатич» — с. 99; «Летописец Еллинский и Римский» — с. 103—104; «Летописец Переяславля Суздальского» — с. 110; «Палея историческая» — с. 153; «Палея толковая» — с. 153—155; «Палея хронографическая» — с. 155—156; «Повесть временных лет» — с. 156—160; «Хроника Георгия Амартола» — с. 161—163; «Хроника Иоанна Зонары» — с. 163—165; «Хроника Иоанна Малалы» — с. 165—167; «Хроника Мартина Вельского» — с. 169—171; «Хронограф Академический» — с. 174—175; «Хронограф Архивский» — с. 175; «Хронограф Виленский» — с. 175—176; «Хронограф по великому изложению» — с. 176—177; «Хронограф Русский» — с. 177—181; «Хронограф Софийский» — с. 181; «Хронограф Тихонравовский» — с. 182; «Хронограф Троицкий» — с. 182—183; «Андрея Юродивого житие» — с. 186; «Антония Печерского житие» — с. 188—189; «Василия Нового житие» — с. 192—193; «Георгия Победоносца житие» — с. 193—194; «Иоанна Предтечи (Крестителя) житие» — с. 199—201; «Николая Мирликийского житие» — с. 222—224; «Нифонта Константинопольского житие» — с. 224—226; «Петра и Павла деяния» — с. 228—229; «Златоуст» — с. 246—249 (совм. с Т. В. Черторицкой); «Измарагд» — с. 249—253.

Описание и классификация списков сборника «Златоуст» // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 39. С. 278—284.

Трудам Отдела древнерусской литературы — пятьдесят лет // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 40. С. 3—30.

Исследовательские материалы для «Словаря книжников и книжности Древней Руси» // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 40.

Статьи: «Кирилл I, епископ Ростовский» — с. 118—119; «Кирилл II, епископ Ростовский» — с. 119—121; «Нестор Искандер» — с. 139—140; «Серапион» — с. 156—159.

Литература Киевской Руси (XI—начало XIII в.) // История русской литературы XI—XVII веков. 2-е изд., дораб. / Под ред. Д. С. Лихачева. М., 1985. С. 32—124.

Об истолковании «темных мест» в тексте «Слова о полку Игореве» // РЛ. 1985. № 4. С. 29—45.

Новые исследования стилей художественной литературы // РЛ. 1985. № 3. С. 195—206.

- З історії становлення давноруської літератури // Радянське літературознавство. 1985. № 4. С. 41—47.
- Первоочередные задачи // Вопр. лит. 1985. № 9. С. 144—146.
- Роль древнерусской литературы в патриотическом воспитании / Ред. Д. С. Лихачев. Л., 1985. 32 с.
- Измарagd особого состава из собрания Ундольского // Проблемы изучения культурного наследия. М., 1985. С. 151—154.
- «Слово о полку Игореве» в исследованиях последних лет // Лит. в шк. 1985. № 4. С. 17—19.
- Окно в Древнюю Русь . . . // Звезда. 1985. № 8. С. 183—188.
- Памятники литературы Древней Руси. Середина XVI века / Вступ. ст. Д. С. Лихачева; Сост. и общ. ред. Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачева. М., 1985. 683 с.
- Подготовка текста и перевод: Из «Измарagда» — с. 54—69. Комментарий к фрагменту из «Измарagда» — с. 578—580.
- Воинские повести Древней Руси / Сост. Н. В. Поньрю. Л., 1985. 495 с.
- Подготовка текста: «Походы Святослава» — с. 17—21. Подготовка текста и перевод (новая редакция) «Слова о полку Игореве» — с. 27—44. Примечания: Фрагмент «Походы Святослава» — с. 468; «Слово о полку Игореве» — с. 468—470.
- Слово о полку Игореве: Древнерусский текст и переложения / Сост. А. П. Комлев; Научн. ред. В. В. Колесов. Свердловск, 1985.
- Подготовка текста, перевод и примечания: «Слово о полку Игореве» (перезд.) — с. 23—68. Перевод летописных повестей о походе князя Игоря (перезд.) — с. 17—23.
- Летописная повесть о походе Игоря Святославича на половцев в 1185 году: Перевод, примечания (перезд.) // Слово о полку Игореве. 3-е изд. Д., 1985. (Б-ка поэта. Большая сер.). С. 415—422, 489—490.
- Ред.: Лебедева И. Н. Повесть о Варлааме и Иоасафе: (Памятник древнерусской переводной литературы XI—XII вв.). Л., 1985. 296 с.
- Сост.: Слово о полку Игореве. 3-е изд. Л., 1985 (Б-ка поэта. Большая сер.) (совм. с Л. А. Дмитриевым и Д. С. Лихачевым).

1986

- Летопись — хроника — папая: (Взаимоотношение памятников и методика их исследования) // Армянская и русская средневековые литературы. Ереван, 1986. С. 19—30.
- Дмитрий Сергеевич Лихачев — исследователь «Слова о полку Игореве» // Альм. библиофила. М., 1986. Вып. 24. С. 27—35 (совм. с Л. А. Дмитриевым).
- Слово о полку Игореве: (Краткая тематическая библиография) // Исследования «Слова о полку Игореве». Л., 1986. С. 248—265.
- [Круглый стол, посвященный XXVII съезду КПСС] Решения XXVII съезда КПСС — в действии // РЛ. 1986. № 2. С. 13—14.
- О сборнике А. И. Мусина-Пушкина (переработка статьи 1976 г.) // Слово о полку Игореве: 800 лет. М., 1986. С. 192—204.
- Примечания [к тексту «Слова о полку Игореве»] // Слово о полку Игореве: Древнерусский текст; Переводы и переложения; Поэтич. вариации / Ст., сост. и подгот. текста Л. А. Дмитриева. С. 317—354 (совм. с Л. А. Дмитриевым).
- Предисловие // Лихачев Д. С. Исследования по древнерусской литературе. Л., 1986. С. 3—6.
- Что стоит за «Влесовой книгой»? // Лит. газ. 1986. 16 июля. № 29. С. 5.
- Ученый, патриот // Труд. 1986. 28 ноября. № 276. С. 3.
- Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XVI века / Вступ. ст. Д. С. Лихачева; Сост. и общ. ред. Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачева. М., 1986. 640 с.
- Перевод: Первое послание Курбского Ивану Грозному (перезд.) — с. 17—21; Первое послание Ивана Грозного Курбскому (совм. с Я. С. Лурье; перезд.) — с. 23—73; Второе послание Курбского Ивану Грозному (перезд.) — с. 75—77; Второе послание Ивана Грозного Курбскому (совм. с Я. С. Лурье; перезд.) — с. 79—83; Третье послание Курбского Ивану Грозному (перезд.) — с. 85—107.
- Московское государство / Сост., предисл. и коммент. С. Елисева. М., 1986.
- Перевод: Послания Курбского Ивану Грозному (перезд.); соавтором ошибочно указан Я. С. Лурье) — с. 350—352, 396—397, 401—418; Послания Ивана Грозного Курбскому (перезд.; совм. с Я. С. Лурье) — с. 352—395, 397—400.
- Храбрые русичи: (Слово о полку Игореве; Воинские повести; Былины; Исторические песни Древней Руси) / Сост. Е. И. Осетрова и В. И. Калугина. М., 1986.
- Переводы: «Слово о полку Игореве» (перезд.; совм. с Л. А. Дмитриевым и Д. С. Лихачевым) — с. 23—27; «Летописная повесть о походе Игоря» (перезд.) — с. 85—93.
- Летописная повесть о походе князя Игоря (из Ипатьевской летописи): Перевод (перезд.) // Злато слово: Слово о походе Игоревом, Игоря, сына Святослава,

- внука Олегова: Переводы и поэтич. перелож.; Русь и степь в эпоху «Слова о полку Игореве». М., 1986. С. 257—268.
- Летописная повесть о походе князя Игоря на половцев (из Ипатьевской летописи): Подготовка текста и перевод (перевод.) // Повести ратной славы Древней Руси / Вступ. ст. и сост. Л. А. Дмитриева и В. И. Охотниковой; Комментар. В. И. Охотниковой. Воронеж, 1986. С. 21—37.
- Изборник. Повести Древней Руси / Сост. и коммент. Л. А. Дмитриева и Н. В. Понырко. М., 1986. 447 с.
- Перевод: «Повесть о взятии Царьграда крестоносцами в 1204 г.» (перевод.) — с. 130—134; «Сказание о Дракуле» (перевод.) — с. 234—241.
- Слово о полку Игореве: Перевод; Комментарий (перевод.) // Слово о полку Игореве: 800 лет. Сост. и автор. вступ. ст. Е. И. Осетров. М., 1986. С. 23—113.
- Слово о полку Игореве: Перевод (перевод.) // Слово о полку Игореве / Подгот. текста, вступ. ст., примеч. и послесл. В. А. Грихина. М., 1986. С. 26—34.
- Ред.: Л и х а ч е в Д. С. Исследования по древнерусской литературе. Л., 1986. 406 с.
- Ред.: Исследования «Слово о полку Игореве». Л., 1986. 295 с. (совм. с Л. А. Дмитриевым и Д. С. Лихачевым).
- Ред.: Слово о полку Игореве: 800 лет / Сост. Л. И. Сазонова. М., 1986. 576 с. (в сост. редкол.).
- Ред.: Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1986. Вып. 11. 456 с. (в сост. редкол.).

1987

- Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1: (XI—первая половина XIV в.) / Отв. ред. Д. С. Лихачев; ред. Д. М. Буланин, О. В. Творогов. Л., 1986. 493 с.
- Статьи: «Александр Хронографическая» — с. 35—37; «Апокриф о Енохе» — с. 40—41; «Апокрифические сказания о успении богородицы» — с. 43—44; «Апокрифы и сказания о Данииле» — с. 44—46; «Апокрифы о апостолах Петре и Павле» — с. 54—56; «Апокрифы о Мельхиседеке» — с. 62—63; «Василий» — с. 91—92; «Владимир Васильевич» — с. 98; «Вышата» — с. 103—104; «Георгий (XI в.)» — с. 104—105; «Георгий (XII в.)» — с. 105; «Герман Воята» — с. 105—106; «Григорий» — с. 108—109; «Даниил (ум. 9 IX 1122 г.)» — с. 109; «Даниил (вторая пол. XI—нач. XII в.)» — с. 109—112; «Девгениево деяние» — с. 115—116; «Евангелие Иакова» — с. 119—120; «Ефрем» — с. 125—126; «Житие Андрея Юродивого» — с. 131—132; «Житие Антония Печерского» — с. 135—136; «Житие Богородицы» — с. 137—138; «Житие Василия Нового» — с. 142—143; «Житие Георгия Победоносца» (совм. с А. А. Туриловым) — с. 144—146; «Житие Марии Египетской» — с. 161—162; «Житие Николая Мирликийского» — с. 168—172; «Житие Нифонта Константинопольского» — с. 172—173; «Житие Саввы Освященного» — с. 174—175; «Заветы двенадцати патриархов» — с. 183—184; «Иаков (XI в.)» — с. 191—192; «Изборник 1073 г.» — с. 194—196; «Изборник 1076 г.» — с. 196—198; «Иоаким» — с. 204—206; «Иоанн (XI в.)» — с. 206; «Иоанн (ум. 1089 г.)» — с. 206—208; «Иоанн (в миру Илья)» — с. 208—210; «Иоанн (XI в.)» — с. 210; «Иоанн (XI в.)» — с. 210—211; «История Иудейской войны» Иосифа Флавия — с. 214—215; «Кирилл (ум. до 1182 г.)» — с. 217—221; «Кирилл (ум. 1230 г.)» — с. 221—222; «Кирилл (ум. 1233 г.)» — с. 222—223; «Кирилл (ум. 1262 г.)» — с. 223—225; «Кирилл (ум. 1280 г.)» — с. 225—227; «Климент Смолятич» — с. 227—228; «Лазарь» — с. 229; «Леонтий» — с. 229—230; «Летописец Переяславля Суздальского» — с. 234—235; «Лука Жидята» — с. 251—253; «Максим» — с. 253; «Моисей» — с. 257—258; «Мудрость Менаандра» — с. 258—259; «Мучение Варвары» — с. 259—260; «Мучение Ирины» — с. 265—266; «Мучение Феодора Стратилата» — с. 268—271; «Нестор» — с. 274—278; «Никон (Великий)» — с. 279—281; «Нифонт» — с. 281—282; «Откровение Варуха» — с. 282—283; «Палея Толковая» — с. 285—288; «Паралипомен Иеремии» — с. 295—296; «Повесть временных лет» — с. 337—343; «Повесть об Акире Премудром» — с. 343—345; «Повесть о взятии Царьграда фригами» — с. 352—354; «Послание Пилата к Тиберию» — с. 373—374; «Пчела» — с. 382—387; «Серапион» — с. 387—390; «Сильвестр» — с. 390—391; «Сказания о Иоанне Предтече (Крестителе)» — с. 418—421; «Слово и Сказание святого Ипполита об антихристе» — с. 425—426; «Слово о полку Игореве» — с. 435—437; «„Столбец“ Геннадия» — с. 448—449; «Феодосий» — с. 457—459; «Хроника Георгия Амартола» — с. 467—470; «Хроника Георгия Синкелла» — с. 470—471; «Хроника Иоанна Малалы» — с. 471—474; «Хроника Симеона Логофета» — с. 474—475; «Хронограф Архивский» — с. 475—476; «Хронограф Виленский» — с. 476; «Хронограф по великому изложению» — с. 476—477; «Хронограф Троицкий» — с. 478; «Янь Вышатиц» — с. 483—484.
- Об издании «Энциклопедии „Слова о полку Игореве“» // Вестн. АН СССР. 1987. № 3. С. 63—67.

- Пролог как источник изучения древнерусской книжности XI—XIII вв. // Исторические традиции духовной культуры народов СССР и современность. Киев, 1987. С. 26—32.
- Новонайденный список Летописца Еллинского и Римского // Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописной и редкой книги. 1985. Л., 1987. С. 51—55.
- Принятие христианства на Руси и древнерусская литература // Введение христианства на Руси. М., 1987. С. 138—161.
- Хроника Георгия Синкелла в Древней Руси // Исследования по древней и новой литературе. Л., 1987. С. 215—219.
- Памятники литературы Древней Руси: Конец XVI—начало XVII веков / Вступ. ст. Д. С. Лихачева; Сост. и общая ред. Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачева. М., 1987. 616 с.
- Подготовка текста и перевод: Из Хронографа 1617 г. — с. 318.—357. Перевод: «О причинах гибели царств» — с. 465—491. Примечания к Хронографу 1617 г. — с. 584—588.
- Принятие христианства и возникновение литературы на Руси // Введение христианства у народов Центральной и Восточной Европы: Крещение Руси. (Сб. тезисов). М., 1987. С. 48—50.
- Ценный труд московских археографов — Рец. на кн.: Рукописные собрания Гос. библ. СССР им. В. И. Ленина: Указатель. М., 1986. Т. 1. Советская культура. 1987, 4 августа. С. 1.
- Ред.: Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1. XI—первая половина XIV в. Л., 1987. 493 с. (совм. с Д. М. Буланиным и Д. С. Лихачевым).
- Ред.: Исследования по древней и новой литературе. Л., 1987. 466 с. (в сост. редкол.).
- Ред.: Исторические традиции духовной культуры народов СССР и современность: Сб. науч. тр. Киев, 1987. 175 с. (в сост. редкол.).
- Ред.: Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1987. Вып. 12. 384 с. (в сост. редкол.).
- Ред.: Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1987. Вып. 13. 319 с. (в сост. редкол.).

1988

- Древнерусские четьи сборники XII—XIV вв. (Статья первая) // ТОДРЛ. Л., 1988. Т. 41. С. 197—214.
- Исследовательские материалы для «Словаря книжников и книжности Древней Руси» // Там же. .
- Статьи: «Повесть о взятии Константинополя турками в 1453 г.» — с. 33—35; «Повесть об Евстратии» — с. 67; «Повесть о золотом руне волшебного овна» — с. 68—69; «Повесть о создании и поплении Тройском» — с. 92; «Повесть о царе Казарине и о жене его» — с. 98; «Слово о ветхом Александре» — с. 147.
- Слово о полку Игореве: Перевод // «Слово о полку Игореве» в гравюрах В. А. Фаворского: (Рисунки; Эскизы; Гравюры). М., 1987. Вкладка — с. 7—19.
- Среднеболгарский перевод Хроники Константина Манассии в славянских литературах / Введ. Д. С. Лихачева; Исслед. И. С. Дуйчева и М. А. Салминой; Словоуказатели О. В. Творогова. София, 1988. 489 с.
- Вводные замечания — с. 255—258; Словоуказатель к среднеболгарскому переводу Хроники Константина Манассии по Синодальному списку — с. 258—443; Словоуказатель к «Троянской причте» по Ватиканскому списку — с. 443—472; Словоуказатель к припискам и глоссам по Синодальному списку — с. 473—481.
- Что же такое «Влесова книга»? // РЛ. 1988. № 2. С. 77—102.
- Свое и чужое: Переводные и оригинальные памятники в древнерусских сборниках XII—XIV веков // РЛ. 1988. № 3. С. 135—145.
- Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. Вторая половина XIV—XVI в. Ч. 1. Л., 1988.
- Статьи: Златоуст (совм. с Т. В. Черторицкой) — с. 358—363; Измарагд — с. 397—401.
- Повесть об Азовском осадном сидении донских казаков: Комментарии // Памятники литературы Древней Руси. XVII век. Книга первая / Вступ. ст. Д. С. Лихачева; Сост. и общая ред. Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачева. М., 1988. С. 623—624.
- Круглый стол: 1000-летие христианизации Руси // Советское славяноведение. 1988. № 6. С. 51—52, 68.
- Слово о полку Игореве: Текст и перевод (переизд.) // Русская литература XI—XVIII вв. / Сост., вступ. ст., примеч. Л. А. Дмитриева и Н. Д. Кочетковой. М., 1988. С. 62—77.
- Ред.: Словоуказатель к тексту «Повести о Варлааме и Иоасафе» — памятнику древнерусской переводной литературы XI—XII вв. / Сост. И. Н. Лебедева. Л., 1988. 224 с.
- Ред.: Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 14. М., 1988. 311 с. (в сост. редкол.).

1989

Материалы к истории русских хронографов. 3. Троицкий хронограф // ТОДРЛ. Л., 1989. Т. 42. С. 287—343.

Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. Вторая половина XIV—XVI в. Ч. 2. Л.—Я. Л., 1989.

Статьи: «Легенда о кровоточивой жене Веронике» — с. 6—7; «Летописец Еллинский и Римский» — с. 18—20; «Нестор Искандер» — с. 124—125; «Палея историческая» — с. 162—163; «Палея хронографическая» — с. 163—164; «Повести о взятии Константинополя турками в 1453 г.» — с. 197—199; «Повесть об Евстратии» — с. 245—246; «Повесть о создании и поплнении Тройском» — с. 281—282; «Повесть о царе Казарине и о жене его» — с. 291—292; «„Троянская история“ Гвидо де Колумна» — с. 447—449; «Хроника Иоанна Зонары» — с. 496—498; «Хроника Мартина Бельского» — с. 500—502; «Хронограф Академический» — с. 502—503; «Хронограф Русский» — с. 503—509; «Хронограф Софийский» — с. 509—510; «Хронограф Тихонравовский» — с. 510.

Древнерусская литература и книжность XI—XIV веков: Пути изучения // Православие в Древней Руси: Сб. науч. трудов. Л., 1989. С. 12—49.

Ред.: Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 15. М., 1989. 288 с. (в сост. редкол.).

1990

Хронографы Древней Руси // Вопросы истории. 1990. № 1. С. 36—49.

«Влесова книга» // ТОДРЛ. Л., 1990. Т. 43. С. 170—254.

Литература Древней Руси в современной школе // Литература в школе. 1990. № 2. С. 49—55.

Рюриковичи // РЛ. 1990. № 2. С. 155—167; № 3. С. 107—116.

В. И. Малышев — хранитель рукописей // Древнерусская книжность: (По материалам Пушкинского Дома). Л., 1990. С. 272—273.

Житие Феодосия Печерского [Подгот. текста и перевод. Отрывки] (перевод // Литература Древней Руси: Хрестоматия. М., 1990. С. 77—103.

Сказание о Дракуле [Перевод] (перевод.) // Там же. С. 241—246.

Древнерусские четьи сборники XII—XIV вв. (Статья вторая: Памятники агиографии) // ТОДРЛ. Л., 1990. Т. 44. С. 196—225.

Труды, находящиеся в печати

Первые страницы русского летописания // Повесть временных лет. Петрозаводск. Повесть временных лет. Примечания. Там же.

Принципы публикации текста «Слова о полку Игореве» в XIX в. // ТОДРЛ. Т. 45.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ААЭ — Акты, собранные... Археографической экспедицией.
 АЕ — Археографический ежегодник.
 АИ — Акты исторические.
 АН СССР — Академия наук СССР.
 БАН — Библиотека Академии наук СССР (Ленинград).
 Б р и к е — *Briguet C. M. Les filigranes. Paris, 1907.*
 ВВ — Византийский временник.
 ВИ — Вопросы истории.
 ВИД — Вспомогательные исторические дисциплины.
 ВЛ — Вопросы литературы.
 ВМЧ — Великие Минеи Чети, изд. Археографической комиссии.
 ВОИДР — Временник Общества истории и древностей российских при Московском университете. М., 1849—1857. Т. 1—25.
 ГБЛ — Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина (Москва).
 ГВЛ — Галицко-Волынская летопись.
 Г е р а к л и т о в — Г е р а к л и т о в А. А. Филиграния XVII века на бумаге рукописных и печатных документов русского происхождения. М., 1963.
 ГИМ — Государственный Исторический музей (Москва).
 ГЛМ — Государственный Литературный музей (Москва).
 ГПБ — Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград).
 ГРМ — Государственный Русский музей (Ленинград).
 ГТГ — Государственная Третьяковская галерея (Москва).
 ДАИ — Дополнения к Актам историческим.
 ЖМНО — Журнал Министерства народного образования.
 ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения.
 ИА — Исторический архив.
 ИЗ — Исторические записки.
 ИИМК — Институт истории материальной культуры Академии наук СССР.
 ИМЛИ — Институт мировой литературы им. А. М. Горького Академии наук СССР (Москва).
 ИОЛЯ — Известия Отделения литературы и языка Академии наук СССР.
 ИОРЯС — Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук.
 ИноРЯС — Известия по русскому языку и словесности имп. Академии наук.
 ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР (Ленинград).
 ИИФиФ — Институт истории, филологии и философии (Новосибирск).
 К л е п и к о в. — К л е п и к о в С. А. Филиграния и штампы на бумаге русского и иностранного производства XVII—XX вв. М., 1959.
 Филигр. и штамп. — Краткие сообщения и доклады Института истории материальной культуры Академии наук СССР.
 КСИИМК — Ленинградский государственный университет.
 ЛГУ — Летопись занятий Археографической комиссии.
 ЛЗАК — Л и х а ч е в Н. П. Палеографическое значение бумажных водяных знаков. СПб., 1899.
 Л и х а ч е в. — Л и х а ч е в Н. П. Палеографическое значение бумажных водяных знаков. СПб., 1899.
 Бум. мельн. — Ленинградское отделение Института истории Академии наук СССР.
 Л и х а ч е в. — Вод. зн.
 ЛОИИ — Московская духовная академия.
 МДА — Народная библиотека Кирилла и Мефодия (София).
 НБКМ — Новгородские первая, вторая, третья, четвертая и пятая ле-
 НИЛ, НИЛ, НИЛ,

- НВУЛ, НУЛ — тописи.
 ОГИБ — Одесская государственная библиотека им. А. М. Горького (Одесса).
 ОИДР — Общество истории и древностей российских при Московском университете.
 ОЛДП — Общество любителей древней письменности.
 ОЛЯ — Отделение литературы и языка Академии наук СССР.
 ПВЛ — Повесть временных лет.
 ПДП — Памятники древней письменности.
 ПДПИ — Памятники древней письменности и искусства.
 ПЛДР — Памятники литературы Древней Руси.
 ППС — Палестинский православный сборник.
 ПЛ, ППЛ, ППЛ — Псковские первая, вторая и третья летописи.
 ПСРЛ — Полное собрание русских летописей.
 РИБ — Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею.
 РЛ — Русская литература.
 СА — Советская археология.
 СГГД — Собрание государственных грамот и договоров.
 СОРЯС — Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук.
 СПб.ДА — Санкт-Петербургская духовная академия.
 СЛ, СПЛ — Софийские первая и вторая летописи.
 Срезневский. — Срезневский И. И. Материалы для словаря древне-русского языка по письменным памятникам. СПб., 1893—1912.
 Материалы. — Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР.
 ТОДРЛ — Тромонин К. Изъяснение знаков, видимых на писчей бумаге. . . М., 1844.
 Тромонин — Центральный государственный архив древних актов СССР (Москва).
 ЦГАДА — Центральный государственный архив литературы и искусства (Москва).
 ЦГАЛИ — Центральный исторический архив в Ленинграде.
 ЦГИАЛ — Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете.
 ЧОИДР — Чтения в Московском обществе любителей духовного просвещения.
 ЧОЛДП — Migne J. P. Patrologia graeca.

СОДЕРЖАНИЕ

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ «СЛОВАРЯ КНИЖНИКОВ И КНИЖНОСТИ ДРЕВНЕЙ РУСИ»

Писатели и поэты XVII в.	3
Список сокращений	157

ИССЛЕДОВАНИЯ

Буланин Д. М. (Ленинград). Неизвестный источник Изборника 1076 г.	161
Лигачев Д. С. (Ленинград). Назначение Изборника 1076 г.	179
Лурье Я. С. (Ленинград). Схема истории летописания А. А. Шахматова и М. Д. Приселкова и задачи дальнейшего исследования летописей	185
Творогов О. В. (Ленинград). Древнерусские четьи сборники XII—XIV вв. (Статья вторая: Памятники агиографии)	196
Прохоров Г. М. (Ленинград). Иоанн Кантакузин. Диалог с иудеем. Слово четвертое. (Славянский XIV в. и современный переводы)	226
Морозов В. В. (Москва). От Никоновской летописи к Лицевому летописному своду. (Развитие жанра и эволюция концепции)	246
Серова И. Ю. (Ленинград). История текста «Летописной книги»	269
Федоров А. Ю. (Киев). «Повесть о Горе и Злочастии» в ее отношении к волшебной сказке	284
Сазонова Л. И. (Москва). Евфимий Чудовский — новое имя в русской поэзии XVII в.	300

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

Соколова Л. В. (Ленинград). Троян в «Слове о полку Игореве». (Обзор существующих точек зрения)	325
Бройтман С. Н. (Махачкала). К вопросу о субъектно-образной структуре «Слова о полку Игореве»	363
Евсеева-Лобакова И. А. (Ленинград). «Стрелецкая» (Псковская) редакция «Повести о разорении Рязани Батыем». (К вопросу о времени и принципах переработки текста источника)	370
Цыпкин Д. О. (Ленинград). Сказание «О Молукитцких островах» и Повесть о Лоретской Богородице. (Из сборника БАН, Архангельское собр., Д. 193, XVI в.)	378
Солодкин Я. Г. (Кустанай). По поводу атрибуций Пискаревского летописца	387
Поньрко Н. В. (Ленинград). Новые материалы о протопопе Аввакуме. (Два «дела» мезенской воеводской канцелярии о сыне Аввакума Афанасии)	397
Шуткина Н. В. (Ленинград). Переработки «Вопроса и ответа» и «Послания к некоему боголюбцу» инок Авраамия в рукописях XVIII—XIX вв.	403
Юхименко Е. М. (Москва). Вновь найденные письма Семена Денисова	409
Чернецов А. В. (Москва). Древнейшие события русской истории на миниатюрах XVI в.	422
Серебрякова М. С. (Ферапонтово). Традиции исполнения Акафиста Богородице и стенопись Ферапонтова монастыря	433
Белоброва О. А. (Ленинград). Древнерусские вирши к гравюрам Маттиаса Мериана	443

ПО РУКОПИСНЫМ СОБРАНИЯМ

(Печатается под наблюдением В. П. Бударagina)

<i>Шухтина-Савельева Н. В.</i> (Ленинград). Пивежские находки 1987 г.	480
<i>Вознесенский А. В., Савельев А. А.</i> (Ленинград). Археографическая экспедиция на Северную Двину 1987 г.	489

ЗАМЕТКИ

<i>Кулинич Д. Д.</i> Тайна русских мастеров XII в. (О слове <i>харалугъ</i>)	493
<i>Романов В. А.</i> О датировке рукописи ИРЛИ, собр. В. Н. Перетца, № 16	496

БИБЛИОГРАФИЯ

Хронологический список трудов Олега Викторовича Творогова	497
Список сокращений	507